

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО МОРЕПЛАВАНИЯ

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО МОРЕПЛАВАНИЯ

Scan by Skorpion Professional

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО МОРЕПЛАВАНИЯ

М. А. Лялина

«Подвиги русских адмиралов»
«Арктические и кругосветные путешествия»

Г. И. Невельской

«Подвиги русских морских офицеров»

Е. В. Тарле

«Освобождение Ионических островов»

МОСКВА
ЭКСМО
2008

УДК 656.6-94
ББК 39.4
И 90

Шеф-редактор проекта *Наталья Соломадина*

Оформление переплета *Александра Степнова*

И 90 **История** российского мореплавания. — М.: Эксмо, 2008. — 672 с.: ил.

ISBN 978-5-699-29619-4

Российский флот — честь и слава нашего государства начиная с момента своего создания более трех столетий назад. Эта книга — отражение его блистательной истории, содержащая описания великих морских сражений и знаменитых экспедиций. Среди ее авторов — знаменитый адмирал Геннадий Невельской, прославившийся великими географическими открытиями и присоединением к России всего Приамурского края; выдающийся отечественный историк академик Евгений Тарле; знаменитый популяризатор родной истории Мария Лялина, чьи работы уже более столетия служат «образцами далекому потомству». В книге воспроизводятся панорамы Чесменского, Наваринского, Синопского сражений; отражен ход экспедиции Беринга, кругосветных плаваний Крузенштерна и Беллинсгаузена; представлена портретная галерея выдающихся адмиралов и мореплавателей, таких, как Спиридов, Ушаков, Сенявин, Лазарев, Нахимов, Корнилов, Сарычев, Головнин, Врангель, Пахтусов, Литке. Это издание будет прекрасным подарком для каждого любителя отечественной истории, а в первую очередь — для тех, кому небезразлична судьба и слава Российского флота.

УДК 656.6-94
ББК 39.4

ISBN 978-5-699-29619-4

© Современная версия. Иллюстрации.
Издательство «Око», 2008
© ООО «Издательство «Эксмо», 2008

М. А. Лялина

Подвиги
русских
адмиралов

Колыбель русского флота

Адмирал Петр Михайлов

Развитие силы и могущества России повело за собой ее естественное стремление к морю как средству для непосредственных и удобных сношений с Европой. Царь Петр, вступив в управление государством, скоро пришел к убеждению, что для экономического развития России и подобающего ей политического значения необходимы более удобные порты, чем порт Архангельский. Но при всей гениальности великого преобразователя создание мощного флота, может быть, не явилось бы так скоро, если б он от природы не был одарен страстной любовью к морю. Еще в детстве плавал он по Яузе и окрестным озерам, но скоро эти забавы перестали удовлетворять его пылкую душу: он стал стремиться к более широкой деятельности, его влекла борьба с опасностями. Встречающиеся на море беспрестанные неожиданности, приятные и грозные, представляли для страстной натуры царственного юноши много привлекательного.

При врожденной страсти Петра к морю достаточно было одной искры, чтоб вспыхнуло пламя, одного ничтожного обстоятельства, чтоб направить гений его по надлежащему пути.

В селе Измайлово, гуляя однажды по амбарам, где лежали остатки вещей Никиты Романова, Петр увидел судно иноземного образца и спросил учителя своего, Тиммермана, что это такое? Тиммерман отвечал, что это бот английский, ходит на парусах не только по ветру, но и против ветра. Петр сильно заинтересовался и, убедившись, что в науке мореплавания математика занимает первое место, стал усердно ею заниматься. Тиммерман был далеко не первоклассным математиком. Его державному ученику приходилось знакомиться с четырьмя правилами арифметики под такими мудреными названиями, как аддицио, субстракция, мультипликация, дивизио. Но талантливый отрок скоро сообразил, в чем дело; сам, своей рукой, безошибочно изложил он четыре правила, пояснил их примерами; затем быстро овладел именованными числами и перешел к высшей математике.

Одновременно с наукой шли и практические занятия на Переяславском озере, где скоро появилась порядочная гребная флотилия под управлением самого царя на английском боте, который впоследствии сделался знаменитым под названием «дедушки русского флота».

Побывав в Архангельске и увидав настоящее море, Петр еще более воодушевился. С этой минуты началось деятельное судостроение в Архангельске и покупка судов за границей. В это же время положено начало торговому мореплаванию.

Задумав приобрести для России морские порты, Петр обратил свои взоры на юг, на моря Азовское и Черное. Для исполнения этого плана нужно было, прежде всего, завладеть устьями Дона и Днепра.

В то время Османская империя, держава сильная и грозная, была опасной для России соседкой. Господствуя над Черным и Азовским морями, владея Румынией, Сербией, Болгарией, Османская Порта держала себя в отношении России кичливо и неприязненно. Петр пытался сломить эту кичливость, но за неимением достаточного количества боевых судов не достиг цели.

Первая осада Азова (1695), кончившаяся неудачей, ясно показала Петру, что без моря невозможно овладеть берегом. В Преображенском и Архангельске закипела работа. Суда в разобранном виде доставлялись в Воронеж, где их собирали. Кроме того, множество мелких судов было заготовлено на окрестных реках.

Душой всего дела был, разумеется, царь. Всегда первый труженик для пользы своего народа, Петр исполнял обязанности корабельного мастера и нередко сам принимался за топор, чтобы собственным трудом и личным надзором ускорить ход дела. Голландские и английские плотники с чужеземных судов волей или неволей должны были помогать державному кораблестроителю. «Min Herr Gubernor Archangel, — писал царь через неделю по прибытии в Москву (30 ноября 1695 года) двинскому воеводе Апраксину, — по возвращении от невзятия Азова, с консилии господ генералов, указано мною к будущей войне делать гален¹, для чего удобно, мне, быть шхиптиммерманам² всем от вас сюды: понеже они сие зимнее время туне будут препроводжать, а здесь тем временем великую пользу в войне учинят; а корм и за труды заплата будет довольная, и ко времени отшествия кораблей³ возвращены будут без задержания, и тем их обнадежь и подводы дай и на дорогу корм».

Адмиралом будущего флота назначен был любимец царя женевец Лефорт; командирами судов — преображенские и семеновские офицеры; экипажи набирались из людей разного зва-

ния и состояния. Назначено было действовать запорожским и донским казакам.

Невзирая на большие препятствия, Петр в течение одного месяца соорудил свою флотилию и с первых чисел апреля начал спускать суда на воду. Три из них, большего против других водоизмещения, были названы «Principium», «Св. Марк» и «Св. Матвей».

Из Воронежа 3 мая 1696 года выступил авангард из восьми галер; адмирал вверил начальство над ними капитану галеры «Principium» Петру Михайлову. «Сегодня, — пишет государь к Виниусу⁴, — с восьмью галерами в путь свой пошли, где я от господина адмирала учинен есмь командором».

Шествуя Доном, Петр 8 мая отдал по галерам приказ, определивший главные начала морской службы, первый наш морской регламент. Капитаны судов должны были внимательно смотреть, под опасением денежного штрафа, на сигналы командира флотилии и в точности исполнять его повеления. Строго воспрещено во время похода отставать друг от друга или идти не своим путем. «Понеже, — говорит царь, — и того требует общая польза, и военные суда, плотно друг с другом идущие, могут объехать всю вселенную, не страшась никакого шторма; если же разлучатся, и ста сажен проплыть не могут». Когда начальник флотилии увидит неприятеля и поднимет красный флаг, все капитаны должны немедленно приготовиться к бою, под страхом смертной казни. Смертная казнь угрожала и тому, кто товарища своего в бою покинет или пойдет в сражение не своим путем; также тому, кто не подаст помощи бедствующей галере.

Царь плыл не более одиннадцати дней; он далеко оставил за собой адмирала и прибыл в Черкасск с четырьмя галерами; остальные четыре галеры, оставшиеся позади, присоединились несколько позже. Поджидая войска, царь занялся погрузкой на струги оставленных в минувшем году батарейных орудий, мортир и боевых снарядов.

Между тем с моря получены были важные вести; 18 мая царю донесли, что со взморья видны два турецких больших корабля. Царь решил сам атаковать неприятельские суда своими галерами при содействии донских казаков; 20 мая, когда Петр решился на это отважное дело, дул крепкий ветер с севера; вода по всему Дону спала; гирлы и даже главные притоки обмелели. Легкие казацкие лодки, поднимавшие не

¹ Трехмачтовые галеры.

² Корабельные плотники.

³ То есть ко времени открытия навигации в Архангельске.

⁴ Андрей Виниус — сын голландского купца. Обладая многосторонними сведениями — горнозаводскими, корабельными, даже филологическими, — он приобрел благоволение царя. Петр поручал ему выпуск из-за границы инструментов и моделей, наем иностранных мастеров, переводы голландских книг, выделку пороха, отливку орудий, бомб, ядер, а впоследствии возложил на него учреждение первого в России морского училища — Навигационной школы.

А. Шхонебек.

Осада Азова в 1696 г. Фрагмент

более двадцати человек, успели выбраться в море, но галеры, нагруженные сотнями солдат и орудиями, не могли плыть далее. Петр пересел со своей галеры в казацкую лодку и вышел в море. Там стояли не два, а тринадцать больших турецких кораблей. Атаковать столь сильный флот утлыми челнами казацкими было бы безрассудной дерзостью, и царь, оставив атамана с казаками, грустным возвратился к своим галерам. Между тем удалые витязи Дона обратили турецкий флот в постыдное бегство.

По отъезде царя они стояли смирно до наступления вечера. С турецкого флота не заметили их или не обратили внимания на мелкие лодки. Утром 21 мая до 500 янычар сделали высадку и благополучно добрались до Азова с несколькими орудиями; перед вечером турки перегрузили с кораблей на тринадцать транспортных судов снаряды, казну, оружие, сукна, съестные припасы и под прикрытием янычар на одиннадцати ушколах (малые галеры) отправили их к Азову. Между тем стемнело.

Когда транспортные суда поравнялись с устьем, казаки стремительно ударили на них, перебили гребцов и овладели десятью тунбасами

(транспортные суда); бывший в них груз взяли, а суда, за исключением одного, сожгли. Пораженные ужасом янычары на своих ушколах бросились к кораблям, где произвели такое замешательство, что весь турецкий флот поспешил уйти в море. Два корабля, однако, не успели сняться с якоря; один из них турки затопили сами, другой сожгли казаки. С радостью услышал Петр об этом славном деле и сейчас же двинулся в лодках к взморью, к казакам.

С укреплений и галер в ознаменование победы открылась пушечная пальба. Между тем южный ветер поднял воду в самых мелких притоках Дона, и вся флотилия без труда могла выйти в море и преградила турецкому флоту путь к Азову. Для подкрепления галер при главном протоке Дона, на правом берегу его, недалеко от устья Петр приказал возвести земляную крепость, на противоположном берегу Дона был сооружен другой форт. Дней через десять оба форта были готовы, вооружены пушками, наполнены солдатами и стрельцами. «Теперь мы безопасны от турецкого флота», — писал государь в Москву и грозно подступил к Азову.

Неусыпно наблюдая за турецким флотом, царь постоянно жил на море и с галеры «Principium» распоряжался осадой Азова. В лагерь он приезжал изредка, для совещания с генералами и для осмотра осадных работ; с обычным бесстрашием ходил по траншеям, назначал места для орудий, сам бросал бомбы с батарей и к ночи возвращался на свою галеру, готовый напасть на неприятеля при малейшей попытке его прорваться в устье Дона. В Москве знали, каким опасностям подвергался государь на море и на суше, и трепетали за него. Более всех тосковала родная сестра его, царевна Наталия Алексеевна. В письмах, исполненных нежнейшей любви, она умоляла брата беречь свое здоровье и хранить себя от вражеских пуль. «Сестрица, здравствуй! — отвечал Петр. — А я, слава Богу, здоров! По письму твоему, я к ядрам и пулям близко не хожу, а они ко мне ходят. Прикажи им, чтобы не ходили. Однако ж, хотя и ходят, только до сия поры вежливо. Турки на помощь пришли, да к нам нейдут; а, чаю, что желают нас себе».

В июле запорожские казаки с донцами взяли у турок два бастиона штурмом. Встревоженные этой потерей, действием флота, а более всего удалью казаков, турки решились наконец сдать Азов. Сдача последовала 19 июля.

Но ненадолго овладел Петр Азовом. В 1711 году он вынужден был заключить мир с турками при реке Пруте, по которому обязался возвратить им Азов и срыть Таганрог.

Развитие морских сил России перешло с юга на север. Искключительные заботы царя направились на создание флота в Балтике, с развитием которого Азовский флот быстро терял свое значение, уничтожался и, наконец, прекратил свое существование.

Как ни скромна была деятельность Азовского флота, но он сослужил немалую службу тем, что дал возможность приобрести опыт в кораблестроении и подготовке людей. На Азовский флот следует смотреть как на зерно, которое хотя и уничтожилось, но пустило могучие ростки.

Политические обстоятельства при Петре Великом сложились таким образом для России, что ей представлялась возможность отнять у шведов древние свои владения на берегу Финского залива и открыть через Балтийское море свободное морское сообщение с Европой. Морские победы над шведами начались с занятия Шлиссельбурга, древнего Орешка. Затем гребная флотилия под командой самого царя сразилась со шведами в устье Невы и прогнала их. Таким образом, освободив исток и устье Невы, Петр возвратил России древний путь «из варяг в греки» и земли «отчич и дедич», захваченные шведами в Смутное время междоусобицы. Овла-

дев Котлином и построив кронштадтские укрепления, Петр создал надежный оплот против вторжения неприятеля в устье Невы.

В период времени с 1704 по 1711 год юный Балтийский флот наш собирался с силами, увеличивался в числе судов и совершенствовал различные части морского управления. Удачное отражение шведов у Котлина и появление наших фрегатов на Немецком море [Северное море] показали Европе, что Россия готовится занять видное место в ряду морских держав. Таким образом, время с 1704 по 1711 год хотя и не ознаменовалось особенно важными событиями, но уже показало на деле серьезное значение Балтийского флота и прочность его существования.

В 1714 году Балтийский флот был приведен уже в такое состояние, что мог дать отпор неприятелю опытному и искусному на море. Весной этого года в Кронштадте снаряжались два флота, корабельный и гребной. Царь Петр, начавший службу под именем Петра Михайлова с бомбардира и дослужившийся до штурмана (контр-адмирала), командовал корабельным флотом, генерал-адмирал граф Апраксин — гребным.

Шведский флот явился к нашим берегам тотчас после ледохода: 4 мая он показался у Або, 9-го — против залива Кирики-Поэ (между Гельсингфорсом и Або). Отдельные отряды появились близ Ревеля и Нарвы.

Государь прибыл 10 мая к Кронштадту и поднял свой флаг на 66-пушечном корабле «Св. Екатерина». Корабельный флот состоял из восемнадцати кораблей, фрегатов и шняк. Настроение офицеров и экипажей было прекрасное. Все горело желанием отличиться в глазах державного адмирала.

Оба флота вышли вместе, но 31 мая у Березовых островов галерный флот отделился и пошел к Гельсингфорсу, которого достиг 11 июня. Корабельный же флот отправился к Ревелю для соединения с находившимися там кораблями. Со своим гребным и парусным флотом царь чувствовал себя уже довольно сильным. «Теперь, — писал он Меншикову, — дай, Боже, милость Твою! Пытаться можно».

Апраксин, передвинувшись 29 июня с галерным флотом к деревне Твереминде, увидел у полуострова Гангут (Ханко) большую неприятельскую эскадру. Убедившись, что гребному флоту невозможно проскочить мимо этой эскадры, чтоб идти в Або, как было сначала предположено, он послал к Петру в Ревель, приглашая его прибыть на совещание.

Петр прибыл к гребному флоту в Твереминде 20 июля и осмотрел позицию. Положение нашего галерного флота было таково, что надо было немедленно решиться, идти ли вперед или повернуть назад. Долговременное пребывание

в этих местах было опасно, потому что неприятель легко мог запереть наш флот. Сделав тщательную рекогносцировку, Петр увидел, что перешеек в одном месте полуострова Гангута очень узок. У него тотчас же явилась мысль устроить через этот перешеек мост, перетащить несколько галер, неожиданно напасть на неприятеля, привести его в замешательство и в это время с остальным флотом проскочить мимо.

Когда собрались это сделать, то узнали, что шведская эскадра снялась с якоря и готовится атаковать галерный флот. Петр, осмотрев местность, заметил, что между неприятельским флотом и Гангутским мысом проход довольно широк. Благословясь, галерный флот двинулся по этому проходу и счастливо проскочил мимо. Адмирал и шаутбенахт отправились сухим путем на другую сторону полуострова, чтобы принять участие в предполагавшейся атаке шведского флота.

Наступило прекрасное летнее утро 27 июля, и на море стоял мертвый штиль. Шведские суда стояли вогнутой линией; в середине находился флагманский корабль. Наши галеры построились в три колонны; авангардом командовал сам царь. Отчаянная битва, начавшаяся примерно в два часа, продолжалась до пяти. Оба неприятеля дрались упорно: русские — одушевляемые присутствием государя; шведы — возбужденные отчаянием и чувством оскорбленной гордости. В самом деле, им, привыкшим пользоваться заслуженной боевой славой, тяжело было уступить первенство на море новичкам. Наконец после упорной обороны шведские суда, одно за другим, спустили флаги. Шведский контр-адмирал Эреншельд, весь израненный, бросился в море, но был поднят нашими людьми и доставлен на галеру царя. Петр, уважая храбрость в своем противнике, оказал Эреншельду всевозможное внимание, сам старался привести его в чувство и потом при каждом случае с похвалой отзывался о его храбрости и примерном исполнении долга.

Кроме военных и политических выгод, Гангутская победа радовала государя как моряка. Это была первая серьезная морская победа, одержанная нашим флотом.

Взятые нами шведские суда 9 сентября были торжественно введены в Неву, и Петр получил чин вице-адмирала. Он был в восторге. Уже давно он добивался этого чина, и всякий раз, когда открывалась вакансия, он писал в Адмиралтейств-коллегию челобитную, поименовывая свои заслуги перед отечеством. Но Адмиралтейств-коллегия отвечала, что хотя и признает его заслуги и надеется, что впредь он будет служить еще ревностнее, но, сравнивая его службу

морскую со службой другого шаутбенахта, находит, что тот служит долее, во многих случаях отличился, и потому Адмиралтейств-коллегия не может дать ему на сей раз перед другим преимущество. Шаутбенахт Петр Михайлов оставался вполне доволен таким решением и терпеливо дожидался своей очереди.

В числе целого ряда удачных дел против шведов следует отметить взятие Наумом Синявиним шведской эскадры у Эзеля в 1719 году и Гренгамское сражение в 1720-м. Дело у Эзеля было первым действительно морским сражением нашего корабельного флота, и государь благодарил Синявина собственноручным письмом.

В Гренгамском сражении шведы пострадали благодаря оплошности, необъяснимой для таких опытных воинов. Зная, что русские обладают значительным гребным флотом, шведы не позаботились обзавестись мелкими судами, для которых только и возможно движение в шхерах. Когда наши суда подошли к острову Гренгаму, шведский отряд очертя голову пустился за ними. Увлечшись преследованием, шведы незаметно забрались в такую тесноту между мелкими и камнями, что с парусными судами трудно было управиться, и галеры получили над ними преимущество. Взятые были нашими четыре шведских фрегата, и флагманскому кораблю удалось спастись только благодаря находчивости своего командира.

Вскоре после этого в Ништадте в 1721 году заключен был мир со Швецией, по которому мы приобретали Лифляндию, Эстляндию, Ингрию и часть Карелии. Таким образом, восточная оконечность Финского залива, весь южный берег и Рижский залив с прилегающими ко всем этим берегам островами отданы были или, вернее, возвращены, России, владевшей этим побережьем в древности. Кроме вновь созданного Петербурга, Ништадтский мир укреплял за Россией значительные приморские порты: Выборг, Нарву, Ревель и Ригу. Заветная мысль Петра осуществилась: владычество на Балтийском море переходило от Швеции к России, а с ним связывалось развитие торговли и усиление значения России в европейской политике.

В утверждении нашем на балтийском побережье флот, как мы видели, принимал большое участие. Прогнав шведов с Ладозского и Чудского озер, отстояв Котлин, флот развязал царю руки, дав ему возможность смело, не пропуская ни одного благоприятного случая, шаг за шагом занимать неприятельское побережье. Флот был большим подспорьем для армии, доставляя провиант и все необходимое, а также охраняя берега от разбойничества неприятельских каперов и от неожиданной высадки неприятельского де-

Император Петр I.

С гравюры Я. Хубракена по портрету К. Моора

А. Ф. Зубов.

Баталия близ Гангута.

1715 г.

санта. Услуги флота оправдали знаменательное изречение великого государя: «Потентат (владелец), который едино сухопутное войско имеет, одну руку имеет; а который и флот имеет, обе руки имеет».

Ништадтский мирный трактат Петр получил по дороге в Выборг. Он тотчас же вернулся в Петербург и был торжественно встречен народом. Сенат, именем всего народа, просил царя за его труды, заслуги и благодеяния, оказанные отечеству, принять титул «Отца отечества, Великого и Императора Всероссийского».

После целого ряда празднеств в Петербурге государь 10 декабря поехал в Москву поделиться радостью со своей первопрестольной столицей. Туда же были посланы гвардейские и некоторые армейские полки.

В московских торжествах морской элемент занимал весьма видное место. Уже заранее было известно, что в селе Всесвятском готовится что-

то необычайное. Москвичи изнывали от нетерпения. И вот в назначенный день утром из села Всесвятского потянулась оригинальная процессия. Двинулась целая эскадра, вопреки пословице, по суку, аки по морю. Она состояла из множества судов разных типов, начиная от небольших шлюпок до линейного корабля включительно. За шутовским князем-папой¹ и его штатом, открывавшими процессию, ехал Нептун в санях в виде раковины. Далее следовали князь Меншиков и генерал-адмирал; первый на шлюпке, а второй на галере, раззолоченных и великолепно убранных. На всех судах, имевших весла, гребцы гребли ими как будто по воде. За галерой следовала шлюпка с морскими офицерами, одетыми лоцманами, которые бросали лот. Но гвоздем процессии был корабль в настоящую величину, сделанный из дерева и папки. Он шел под парусами, и им командовал сам царь. Экипаж

¹ Император Петр I, любивший и повеселиться, в свои молодые годы учредил юмористическое общество под названием «всешутнейшего, всепьянейшего и сумасброднейшего собора», состоявшее из близких к царю лиц. Бывший учитель Петра, Никита Моисеевич Зотов, был назван «всешутнейшим патриархом, или князем-папой». После его смерти в 1717 году князем-папой был избран Петр Бутурлин.

состоял из корабельных юнг, а пассажирами были генералы, одетые барабанщиками. За кораблем шла великолепная баржа, на которой сидела императрица с придворными.

Потом тянулось несколько десятков судов, наполненных мужчинами и женщинами, наряженными в самые разнообразные костюмы. В некоторые суда были запряжены ради потехи свиньи, козлы, медведи. На всем этом флоте гремела музыка, раздавались пушечные выстрелы и крики «ура!». Полозья, на которых катились суда, были незаметны для зрителей, и флотилия, на удивление народу, как будто и на самом деле плыла по морю.

Этой процессией царь наглядно хотел показать москвичам, какое значение имеет в его глазах им же созданный флот.

Знаменитому ботику также была оказана особая честь. «Дедушка русского флота», оставшийся на покое в Москве, в первый раз явился перед народом в эти дни праздников мира. Ботик поставлен был среди Кремля на четырехугольном подножии, украшенном аллегорическими изображениями.

В 1723 году ботик был привезен в Петербург и торжественно встречен флагманами. Утром 11 августа, при ясной и тихой погоде, все флагманы стоявшей на рейде эскадры, в числе которых находился и Петр Михайлов, собрались на генерал-адмиральский корабль «Гангут», где государь пожаловал им всем шлюпочные шелковые флаги. С «Гангута» на шлюпках адмиралы, каждый под своим флагом, отправились для приема ботика, стоявшего на галиоте за военным углом. Здесь флагманы пустили ботик на воду, поставили на нем мачту и, подняв на ней штандарт, повели на буксире своих шлюпок на рейд. Предоставив первое место генерал-адмиралу Апраксину, адмирал Петр Михайлов взял на себя обязанность квартирмейстера и правил рулем. При проходе ботика по линии, состоявшей из 29 кораблей, на каждом судне приспускали флаг и вымпел и приветствовали «деда» барабанным боем, трубными звуками и пушечными выстрелами.

По окончании всех торжеств ботик был поставлен в присутствии самого Петра на вечное хранение.

Чесменский бой 1770 года

Адмирал Спиридов

Дай лиру. Брань воспеть Чесменскую хочу,
В бессмертие ее история включает.
Она бессмертием и песнь мою венчает.
Херасков

того времени как Петр, по Прутскому договору, возвратил Азов и срыл Таганрог, турки еще в продолжение полустолетия оставались полными хозяевами морей Черного и Азовского.

В 1735 году, в царствование императрицы Анны Иоанновны, Азов взят был вновь, но обладание им продолжалось очень недолго. В следующие три года войска наши доблестно боролись с турками; но разные невзгоды, бури и моровая язва так ослабили наши силы, что в 1738 году военные действия прекратились, а в 1740 году в Белграде

заключен был мир с Турцией, по которому Россия обязалась срыть укрепления Азова и не посылать больше судов в Черное и Азовское моря.

Таково было положение России на юге при вступлении на престол императрицы Екатерины Великой. Этой государыне суждено было изгладить следы невыгодного для России Белградского договора.

В 1768 году Турция, подстрекаемая Францией, которая с завистью и страхом смотрела на усиление нашего отечества, позволила себе вмешаться в дела России с Польшей и, придравшись к ничтожному поводу, объявила нам войну, ознаменованную истреблением турецкого флота в Чесменской бухте.

Приняв вызов, Екатерина задалась следующей целью: во-первых, освободить турецких христиан; во-вторых, утвердиться на берегах Черного и Азовского морей; в-третьих — добиться свободного торгового пути в Средиземное море.

Еще задолго до этого мудрая государыня со свойственной ей проницательностью разработала с помощью графа Алексея Григорьевича Орлова план, по которому вознамерилась, усилив влияние свое на юго-западных славян и в особенности на подвластных Турции греков, нанести туркам удар с той стороны, с которой они менее всего его ожидали. «Подпалить Турцию со всех четырех углов», — говорила она. Такое предприятие обещало наиболее успеха в Морее, где греческое население было несравненно многочисленнее турецкого.

С этой целью посланы были агенты в славянские и греческие области с предложением снаряжать отряды сухопутных войск или суда для крейсерства. Лица, сделавшие пожертвования, награждались военными чинами. На случай открытия военных действий государыня назначила графа Орлова главнокомандующим всей экспедицией с неограниченной властью действовать так, как он признает нужным.

Граф Орлов, всей душой преданный императрице, готов был для нее в огонь и в воду. Екатерина, умевшая хорошо распознавать людей, оценила эту преданность и сумела направить ее на пользу отечества.

Избрав Францию местом своего пребывания для тайных сношений с нашими единоверцами, граф Орлов не замедлил убедиться, что греки вполне готовы к восстанию. Их духовенство волновало народ, вспоминая о старинных пророчествах, предрекавших падение турецкого владычества и зарю свободы. Всеобщее воодушевление было так велико, что если б в эту минуту появился русский флот, то Морея была бы в короткое время очищена от турок и осталась бы в полной власти греков. Граф Орлов с нетерпением ждал нашей эскадры, чтобы тотчас же приступить к действиям.

Эта эскадра 18 июля 1769 года стояла в Кронштадтской гавани, вполне готовая к походу. Начальство над ней поручено было адмиралу Григорию Андреевичу Спиридову.

Спиридов родился в 1713 году, на службу поступил волонтером. В 1737 году он находился как адъютант Бредяля в Азовской экспедиции, потом служил в Балтийском флоте и в кампанию Семилетней войны отличился своей неустрашимостью и распорядительностью. В чине вице-адмирала командовал сперва в Ревеле, потом в Кронштадте и в 1769 году произведен в адмиралы. Умер в Москве в 1790 году.

Получив назначение, Спиридов, откланиваясь государыне во дворце, сказал ей, что он слаб и немощен. «Я дам тебе силы», — отвечала Екатерина и, сняв со стены образ Иоанна-воина, благословила им Спиридова.

Императрица прибыла 18 июля в Кронштадт на корабль «Евстафий», где Спиридов имел свой флаг, и, вручив адмиралу знаки ордена Александра Невского, пожелала эскадре счастливого пути.

Таким образом, нашему флоту, давно забытому и заброшенному, не ходившему дальше Балтийского моря, если не считать некоторых судов, посланных с припасами в Архангельск, выпала завидная доля показать силу русского оружия в таких местах, о которых раньше и не думалось. Ему предстояло в первый раз, с самого основания своего, совершить далекое плавание и на чужих

незнакомых морях быть участником замыслов, величию которых дивился весь мир. Проводив эскадру, императрица писала Орлову: «Ничто на свете нашему флоту столь добра не сделает, как этот поход. Все закоснелое и гнилое наружу выйдет, и он будет со временем кругленько оточен».

Эскадра Спиридова из семи кораблей, одного фрегата и шести судов меньших размеров покинула Кронштадт и перешла к «Красной горке», чтобы взять сухопутные войска и артиллерию. По выходе из Финского залива началось для эскадры трудное плавание. Корабли были плохо построены, команды мало обучены, командиры не имели того опыта, который дают частые и продолжительные плавания. Многие корабли не справились с ветром и заблудились; другие вынуждены были зайти в попутные гавани для ремонта, на всех судах было множество больных. Умерших насчитывалось свыше пятидесяти. Все эти обстоятельства задержали эскадру Спиридова, и она только в сентябре месяце вступила в Средиземное море, где до тех пор русский флаг никогда не развевался.

Эскадра прибыла 18 ноября на Минорку в порт Магон, где была встречена греками, наехавшими во множестве с предложением услуг.

Между тем главнокомандующий, находясь в Ливорно, с нетерпением ожидал прибытия Спиридова. Еще не зная о приходе его в порт Магон, он послал туда своего брата, графа Федора Григорьевича, который двадцати девяти лет от роду был уже генерал-майор, обер-прокурор сената и гвардии капитан. Главнокомандующий поручил ему по прибытии эскадры немедленно следовать в Грецию и там начать военные действия. Но не так-то легко было это сделать. У Спиридова тогда был только один корабль, тот, на котором он сам находился, остальные корабли подходили понемножку. Кроме того, надо было их отремонтировать, запастись водой и провизией. Дело подвигалось так туто, что только в январе 1770 года удалось приготовить небольшой отряд: корабль «Три иерарха» и два малых судна — для посылки за главнокомандующим. Но и этот отряд был рассеян бурей и собрался в Ливорно только в начале февраля. Одно судно выброшено было на берег и требовало долгого ремонта, так что граф Орлов только 1 апреля мог выйти в море. Семнадцатого февраля эскадра Спиридова пришла в Морею и встала на якорь в порте Витула полуострова Майна.

Надежды Орлова на первых порах оправдались. При совершенно неожиданном для Порты появлении в Средиземном море русских кораблей греки окончательно взволновались, гото-

вась свергнуть турецкое иго. Восстали жители Архипелага и особенно майноты, потомки древних спартанцев.

Живя грабежом и разбоем, майноты не признавали власти турок. Из неприступных своих ущелий они делали набеги на равнины, похищали скот и съестные припасы. Турки не на шутку боялись их. Такой народ казался Орлову самым подходящим для исполнения его плана, и он задумал появлением своим поднять майнотов против турок. Прибытие эскадры Спиридова привело майнотов в неописуемый восторг. Они салютовали русскому флагу из двух старых пушек, поставленных на стенах монастыря, и когда получили в ответ несколько выстрелов с адмиральского корабля, то на радостях целый день продолжали стрелять из ружей и пистолетов.

В день прихода эскадры 26-пушечный фрегат «Николай», принадлежавший греку Паликути, поднял русский флаг и вступил под команду нашего адмирала; командиру дан был чин лейтенанта. Затем, постепенно, флот начал пополняться другими греческими судами, обращаемыми в военные, и постоянно прибывающими отставшими кораблями. В первый же день и к сухопутным войскам присоединилось 2 500 майнотов, вступивших под команду графа Федора Орлова. С разных мест греки и славяне стали высылать своих воинов сражаться за веру и свободу Греции.

Из местных жителей образовано было два легиона: восточный — под командой капитана Баркова, и западный — под командой Долгорукова. Первый вначале действовал успешно, но незнакомые с дисциплиной майноты испортили все дело. Привыкшие нападать из-за угла, они в одном сражении труслили перед натиском турецкого войска, побросали ружья и бежали, оставив в горсть русских на произвол судьбы. Почти весь отряд был перебит, и капитан Барков тяжело ранен.

Западный отряд действовал успешнее. Майор Долгоруков занял Аркадию, но потом был отозван для осады одной из важнейших крепостей, Наварина.

Федор Орлов послал к Наварину два корабля и фрегат с частью сухопутных войск. Долгоруков со своим отрядом албанцев и греков подошел несколько раньше. Осада началась 29 марта, а 10 апреля крепость капитулировала. Нам досталось сорок две медные пушки и множество боевых снарядов. Стены были исправлены, и одну мечеть освятили церковью во имя святой великомученицы Екатерины.

Главнокомандующий, граф Алексей Григорьевич, прибыл 14 апреля на корабль «Три иерарха» и по его приказанию весь флот перешел в Наварин. «В наилучший порт Средиземного

моря, в порт вашего императорского величества», — доносил граф Орлов императрице.

Несмотря на взятие значительной крепости, главнокомандующий начинал уже разочаровываться в своем предприятии. Поведение майнотов достаточно уже обнаружило свойство этого народа; греки не оправдали возлагаемых на них надежд. «Великая государыня, — писал Орлов императрице, — хотя почти вся Морея очищена от турок, но силы мои так слабы, что я не только не надеюсь завладеть всей, но и удержать завоеванные места. Лучшее из всего, что мне можно будет сделать: укрепившись на море и на суше, пресечь подвоз провианта в Царьград и делать нападения морской силой. Трудно будет и сие привести в действо, если скоро не придет Эльфинстон». (Вторая эскадра, о которой мы сейчас будем говорить.)

Морея действительно была почти вся очищена от турок, но удержаться мы могли только в Мизетре и Наварине. Но и эти владения были не прочны; турки повсюду усиливались. Греки, и без того робкие, стали еще трусливее и при первом натиске неприятеля разбегались. Попытка наша овладеть крепостью Модон, лежащей на пути к Наварину, окончилась неудачей. Мы потеряли все орудия. Из отряда в 735 человек убито было 215, ранено — 300. Уцелевшие едва успели пробраться в Наварин.

Эта неудача имела важные последствия. На Наварин с сухого пути надвигалась туча: со стороны моря приближалась большая турецкая эскадра с явным намерением осадить Наварин и запереть наш флот. В это время, как нельзя более кстати, подошла из Кронштадта другая эскадра, отправленная в тот же год, что и первая, только поздней осенью.

Три корабля, два фрегата и три мелких судна с экипажем в 3 000 человек поручены были контр-адмиралу Эльфинстону, англичанину, только что вступившему в русскую службу. Из Ревеля следовал еще корабль «Святослав», отставший от эскадры Спиридова. Плавание второй эскадры было столь же бедственно, как и первой. Выйдя из Кронштадта в октябре, она приблизилась к берегам Мореи только 9 мая. По инструкции, Эльфинстону следовало ожидать распоряжения главнокомандующего, но он не нашел нужным дожидаться и предпочел действовать на свой страх и риск. Узнав от греков о движении турецкого флота, он высадил бывший с ним отряд сухопутных войск на первом попутном месте и пошел навстречу неприятелю.

Эльфинстону хорошо было известно, что турецкая эскадра много сильнее его эскадры. Отважившись из жажды отличий на битву сомнительную, он рисковал участью всей кампании. Если б он был разбит, что казалось весьма ве-

роятным, то остаткам нашего флота оставалось только убраться восвояси; и хорошо еще, если б удалось убраться. Выиграть битвы он никак не мог. Эльфинстон не был разбит, но ничего и не выиграл. Турки никак не предполагали, что одна эскадра решилась атаковать их. Они были уверены, что за ней целый флот, и... бежали.

Между тем отряд, высаженный Эльфинстоном, не получая никаких предписаний, оставался в бездействии. Один грек, пробравшись обходным путем через горы в Наварин, принес известие о прибытии сухопутного отряда и о приближении турецкого флота.

Граф Орлов, опасаясь за Эльфинстона, бросившегося очертя голову в рискованное предприятие, и за отряд, высаженный на враждебном берегу, приказал Спиридову идти немедленно к отряду, забрать его на свои корабли и следовать на помощь к Эльфинстону.

Спиридов удачно исполнил поручение, и обе эскадры соединились как раз в то время, когда турки, убедившись в малочисленности эскадры Эльфинстона, собрались атаковать ее.

На совете Федора Орлова и обоих адмиралов решено было идти на неприятеля. На третий день, около полудня, увидели неприятеля. Передовые корабли Эльфинстона открыли огонь, но расстояние было слишком велико, и ядра не долетали. Турки, заметив, что наших кораблей гораздо больше, чем они полагали, постарались скрыться. Ветер им благоприятствовал. Еще два дня флоты были в виду друг друга, но не на таком расстоянии, чтобы можно было вступить в сражение. Наконец туркам удалось совсем уйти из виду русских. Преследовать их не стали, потому что на обеих эскадрах не было воды, за которой нужно было идти в один из ближайших портов.

По уходе эскадры Спиридова в Наварине остался главнокомандующий с одним всего кораб-

**Граф А. Г. Орлов-Чесменский
в мундире Кавалергардского полка
Екатерининского времени**

лем, одним фрегатом и мелкими судами. Турки более и более теснили город; наконец отрезали воду. Убедившись в невозможности держаться долее, граф Орлов взорвал крепость и пошел на соединение с флотом.

Появление главнокомандующего было как нельзя более кстати. Он нашел, что командиры перессорились, а подчиненные в унынии. Не разбирая взаимных жалоб, граф Алексей Григорьевич сам принял команду над всем флотом, поднял кайзер-флаг и пошел искать турок.

Под кайзер-флагом в России никто еще до тех пор не командовал. Он присвоен был только высочайшим особам и дарован императрицей гра-

Граф А. Г. Орлов-Чесменский

фу Орлову для того, чтобы все от мала до велика знали о его необычайных полномочиях и повиновались ему, как самой императрице.

Приняв начальство, главнокомандующий повел флот к острову Парос, где узнал, что турки только три дня тому назад ушли оттуда. Поспешно пополнив запасы воды, он пустился за ними в погоню. Теперь все заботы были обращены на то, чтобы отыскать турецкий флот и сразиться с ним. Только совершенное поражение его могло поправить дела в Архипелаге.

«Если Богу угодно будет сокрушить флот неприятельский,— писал граф Орлов императрице,— тогда стараться станем действовать союзно с обитающими народами. Если флот победит, тогда и денег не надобно будет; станем господами в Архипелаге и постараемся оголодать Константинополь. В случае же несчастного сражения или пребывания турецкого флота в безопасности в тех морях не имею надежды остаться зимовать».

Отсюда ясно видно, как важно было для нас уловить турок.

По сведениям, полученным от греков, турецкий флот направился к северу. Бригадир Грейг, посланный на рекогносцировку, увидел, что турецкий флот стоит у острова Хиос. Поэтому решено было идти к Хиосу, и ежели не окажется

там неприятеля, то к Тенедосу, чтобы не допустить турок войти в Дарданелльский пролив, считавшийся неприступным.

Главкомандующий приехал на корабль «Евстафий», чтобы с адмиралом Спиридовым обсудить план действий. Положение представлялось в таком виде: наши корабли были тяжелы и валки, но хорошо снабжены и вооружены порядочно. Офицеры и команда, вначале неопытные, в течение долговременного и бедственного плавания приобрели большой навык. Начальники были в разладе, главнокомандующий не моряк, но все высшие и низшие одинаково воодушевлены желанием отличиться и приобрести державе своей владычество в Архипелаге. Турецкий же флот, о котором русские хорошо были осведомлены через греков, хотя и превосходил числом судов, но эти суда были тяжелые, старинного устройства. Турки были плохие мореплаватели. Все ответственные должности занимали у них греки; из греков же набиралась и команда. Теперь греки все разбежались, а если бы и явились, то турки не могли на них положиться. При этом турецкие чины, от высшего до низшего, были все продажные и думали не о славе отечества, а о наживе, грабеже и жестокостях. Взвесив все обстоятельства, решено было атаковать неприятеля, несмотря на превосходство сил его.

«Наступило время доказать туркам могущество русского флота и прославить имя ваше,— обратился граф Алексей Григорьевич к команде.— Бог, защитник отечества нашего, не попустит вас пасть перед надменным неприятелем. Он охранит вас, и вы восторжествуете во славу России, во славу Екатерины».

В эту минуту появился первый луч восходящего солнца, и главнокомандующий, простившись с командой, возвратился на свой корабль «Три иерарха».

Погода стояла ясная и тихая. Ветер беспрестанно менялся и по временам совсем стихал. Граф Орлов волновался и с нетерпением ожидал удобной минуты. Наконец 23 июня задул свежий юго-восточный ветер. Все обрадовались, в особенности, когда узнали, что накануне турецкий флот виден был по восточную сторону Хиоса, между островом и берегом. Поставив всевозможные паруса, флот стремительно понесся к западной стороне Хиоса, чтобы пресечь выход туркам из пролива.

Около полудня Грейг, на корабле «Ростислав» посланный вперед, чтобы высмотреть неприятеля, поднял в пять часов вечера сигнал: «Вижу неприятельские корабли». Орлов поспешил с флотом обогнуть остров, но стемнело прежде, чем успели подойти к входу в пролив. Нападение пришлось отложить до утра. Ветер был свежий, попутный в канал. Всю ночь флот держался под малыми парусами.

Тем временем сделаны были некоторые распоряжения относительно наступления. Решено было идти на неприятеля в одну линию, разделив флот на три части. Передняя, авангард, под начальством адмирала Спиридова состояла из кораблей: «Европа», «Св. Евстафий» под адмиральским флагом (на нем же присутствовал граф Федор Орлов) и «Три святителя».

Средняя, кордебаталия, под управлением самого графа Алексея Григорьевича, состояла из кораблей: «Ианнуарий», «Три иерарха» под флагом графа и под командой Грейга и «Ростислав».

Арьергард, под начальством Эльфинстона, составляли корабли: «Не тронь меня» — флагманский, «Святослав» и «Саратов».

Три фрегата и до тринадцати греческих судов должны были следовать позади кораблей.

Чуть рассвело — на корабле главнокомандующего подняли сигнал: «Гнать за неприятелем». Весь флот начал тотчас спускаться в Хиосский пролив. В начале седьмого часа рассмотрели турецкий флот, стоявший на якоре под анатолийским берегом. Он состоял из семнадцати линейных кораблей, четырех фрегат и пятидесяти разных судов.

Хиосский пролив между островом Хиос и анатолийским берегом имеет пятнадцать верст в длину и столько же в ширину. На анатолийском берегу находится знаменитая отныне Чесменская бухта, а в глубине ее крепость и город Чесма.

Турецкий флот образовал удлинненную двойную подкову на расстоянии версты от берега. На берегу был раскинут лагерь со значительным отрядом войск. После узнали от пленных, что из этого отряда предполагали пополнять убыль на кораблях. Как видно, турки ожидали продолжительного сражения.

Турецкий главнокомандующий, капитан-паша, имел флаг на передовом корабле, но сам находился на берегу. За него командовал известный своей отвагой Гассан-бей. Этот замечательный человек, сын грека, был еще в детстве похищен морскими разбойниками. После долгих странствований он попал на службу к султану, который полюбил его и называл «мой лев».

Намерения у турок были грозными. Они, видимо, приготовились дать сильный отпор. «Увидя такое сооружение, — доносил граф Орлов, — я ужаснулся и был в недоумении, что мне предпринять должно. Но храбрость войск вашего императорского величества принудила меня решиться и, несмотря на превосходные силы неприятеля, отважиться атаковать; пасть или истребить неприятеля».

Начать бой порешили с ближайших кораблей, с правого крыла, занимая каждый непри-

ятельский корабль одним нашим, а когда эти будут сбиты, напасть на остальные.

В одиннадцатом часу наша линия была выстроена, и корабли стали спускаться на неприятеля. Когда передовой корабль «Европа» подошел на пушечный выстрел, неприятель открыл огонь по нему и другим кораблям. Наши двигались молча, пока не подошли на pistolетный выстрел, и тогда, повернувшись бортом к неприятелю, начали из всех орудий разить врага.

Когда корабль «Европа» приблизился к передовому турецкому кораблю, греческий лоцман доложил командиру Клокачеву, что близко подводные камни, и требовал, чтобы немедленно повернули. Командир не соглашался, но, наконец, должен был уступить, и корабль «Европа» вышел из линии. Его место занял адмиральский корабль «Евстафий». Полагая, что Клокачев трусил, адмирал закричал ему: «Поздравляю вас матросом!» Но Клокачев, как увидим ниже, не был трусом и вполне заслужил Георгиевский крест. Пропустив другие корабли, он снова вошел в линию и вступил в самый жаркий бой.

«Евстафий» теперь был под обстрелом трех кораблей. Спиридов ходил по шканцам¹ с обнаженной саблей, имея на груди пожалованный императрицей образ. На юте² у него играли музыканты, которым приказано было «играть до последнего». За «Евстафием» следовал корабль «Три святителя», вступивший в бой почти в одно время с ним. Через полчаса на этом корабле перебиты были снасти и он, потеряв управление, упал за линию, почти в средину турецкого флота. «Ианнуарий» прошел выше его, но за теснотой линии должен был повернуть. Корабль «Три иерарха», с главнокомандующим, также прошел выше «Трех святителей» и, не распознав его в густоте дыма, палил по нему. Между тем корабль «Три святителя» выбрался на ветер, «Ианнуарий» снова вошел в линию и лег за кораблем главнокомандующего; за ним вошел корабль «Европа», за «Европой» — «Ростислав». Задние три корабля отряда Эльфинстона только перед концом битвы стали входить в линию, издавляя гремя своими орудиями.

Сражение сделалось общим. Все шесть кораблей действовали метко и проворно. Был в исходе второй час. Ветер от выстрелов совсем стих. Усиленный бой продолжался непрерывно. В самом жарком огне находился «Евстафий». Он бился против трех линейных кораблей, но главные выстрелы направлял на 90-пушечный «Реал-Мустафу», где находился Гассан-бей. Течением понесло «Евстафий» на турецкий корабль так, что бушприт его очутился между грот- и бизань-

¹ Средняя часть судна.

² Часть судна на корме.

мачтой. Наши перебежали на турецкий корабль, и начался отчаянный рукопашный бой.

Один матрос протянул руку, чтоб схватить с кормы турецкий флаг, рука его была отсечена. Он протянул другую — и ее постигла та же участь. Тогда он схватился за флаг зубами, но, проколол-тый насквозь, упал навзничь с флагом в зубах.

Обезумевшие турки начали бросаться за борт целыми сотнями. На шкафуте¹ был найден изра-неный Гассан-бей, защищавшийся до послед-ней минуты. Один из наших солдат кольнул его штыком в ногу. Гассан бросился в воду, был под-хвачен гребными судами и увезен в Чесму.

Граф Орлов, бывший сам в сражении с двумя кораблями, велел отрубить канат, чтоб идти на помощь к «Евстафию», но, увидав, что турки спа-саются на берегу, вообразил, что турецкий ко-рабль взят, и остался на месте.

Между тем командир «Евстафия» Круз с ужасом заметил, что турецкий корабль изнутри загорелся. Пламя быстро перебежало по снастям и мачтам, и несколько минут спустя весь корабль пылал.

Видя неминуемую опасность для своего кораб-ля, Круз всеми силами старался отбуксировать его гребными судами, но это ему не удалось. Тогда он бросился заливать крыйт-камеру; но прежде чем он успел это сделать, грот-мачта горевшего ко-рабля упала поперек нашего. Искры посыпались в крыйт-камеру², и «Евстафий» взлетел на воздух. Вслед за ним взлетел и турецкий корабль.

Еще до этой катастрофы многие турецкие ко-рабли поспешили укрыться под Чесмой; когда же увидали, что их флагман взлетел на воздух, то весь турецкий флот охватила такая паника, что он отрубил канаты и на всех парусах поле-тел спастись в Чесменскую бухту.

Так кончилось первое действие знаменитой Чесменской битвы. Все гребные суда были по-сланы к месту взрыва, и там еще происходила ожесточенная борьба между нашими и турецки-ми судами. С берега беспрестанно стреляли, и это варварство так ожесточило наших, в осо-бенности греков, что они уже не щадили попа-давшихся на обломках турок. Капитан взорван-ного турецкого корабля, раненный в руку и ногу, был взят на нашу шлюпку, но один раздражен-ный грек столкнул его в воду, а другой пустил в него пулю. Несчастный держался еще несколь-ко времени, поспешая к другой шлюпке, но по-следовал новый выстрел, и он погрузился в воду.

Командир «Евстафия», капитан Круз, спасся чу-десным образом. Когда горевшая мачта упала на крыйт-камеру, Круз, предвидя катастрофу, всего

за несколько секунд до взрыва, весь опаленный, бросился к корме, чтобы, спустившись по трапу, ухватиться за бакштов³, но, не успев этого сделать, взлетел в воздух и был сброшен в море. Выныр-нув, он увидел около себя большой обломок дере-ва, за который и ухватился. Оказалось, однако, что обломок не держит его и вместе с ним погру-жается в воду. Тогда Круз вспомнил, что его кар-маны набиты червонцами, которые он напихал туда в минуту опасности. Живо опорожнив кар-маны, он облегчил себя до того, что мог подплыть к мачте, на которой держались еще двое моряков с «Евстафия», мичман Слизов и артиллерийский прапорщик Миллер. Последний, увидав своего капитана, позабыл о катастрофе и тотчас же за-кричал: «Александр Иванович, а Александр Ива-нович, каково я палил?» Эти отношения вполне обрисовывают Круза как начальника. Несколько минут спустя все трое взяты были на гребное суд-но. Судьба спасла отважного моряка, впоследст-вии адмирала, ревностно послужившего отечест-ву и отличившегося в троекратном сражении со шведами в виду Кронштадта.

С «Евстафием» погибло 628 человек, в том числе 30 офицеров. Спаслось же 10 офицеров и 51 нижний чин. Прочие суда мало пострадали. Адмирал Спиридов и граф Федор Орлов съехали с корабля еще до взрыва.

В разгаре боя граф Алексей Григорьевич сильно тревожился за брата. Когда же «Евстафий» взлетел на воздух, он вскрикнул: «Ах, брат!» — и, всплеснув руками, уронил в море подаренный императри-цей перстень, с которым он никогда не расстава-лся. Он метался, как иступленный, и кричал: «Брат мой погиб!» Казалось, он лишился рассудка. Но по-том, придя в себя, крикнул: «Отомстим нечесты-вым за пролитие крови христианской!..» — и поле-тел на своем корабле за неприятелем. Весь флот последовал за ним, производя жестокую пальбу.

Сначала за дымом ничего не было видно, но когда воздух очистился, наши увидали, что турецкий флот в полнейшем беспорядке оста-новился в Чесменской бухте. Тотчас же главно-командующий отдал приказ нашему флоту стать на якорь и запереть турок в бухте.

Едва корабль «Три иерарха» встал на якорь, как подошла к нему шлюпка, и молодой Спири-дов, посланный Крузом, привез известие, что ад-мирал и граф Федор Григорьевич милостью Бо-жией спасены.

Главкомандующий заставил повторить это известие несколько раз. Потом со слезами на глазах обнял вестника радости и подарил

¹ Место между баком и шканцами.

² Пороховой погреб.

³ Веревка, которой привязывают за кормой гребные суда.

Адмирал Г. А. Спиридов

ему табакерку осыпанную бриллиантами, ценой в 10 000 рублей.

*Его веселье героев утешало,
Как будто бы у всех по брату воскресало.
Сокровища свои он вестнику вручил,
Вещая: от тебя я больше получил.*

Херасков

Вслед за вестником прибыли и сами спасенные, с восторгом встреченные всем экипажем. Братья бросились друг другу в объятия.

Отслужив молебен, граф Алексей Григорьевич созвал совет из адмиралов и капитанов. Решили атаковать и сжечь неприятельский флот, стоящий в бухте. С этой целью немедленно стали готовить брандеры¹ из бывших при флоте греческих судов.

Турецкий флот стоял беспорядочно в самой глубине бухты. Только четыре корабля были выстроены в линию. На северном мысе была батарея, еще одну стали строить на южном. Турки надеялись отразить русских, но опытный полководец Гассан-бей, предвидя пагубные последствия заключения флота в бухте, советовал, не теряя ни минуты, построившись в две колонны прорваться через русскую линию и выйти на простор. Но его умного совета не послушали.

Наш флот расположился перед устьем бухты полукружием. В центре был корабль «Три иерарха», на флангах — «Европа» и «Саратов». С обоих флотов время от времени производили пальбу, но по дальности расстояния — безвредную.

Двадцать пятого июня брандеры были готовы. Для наступления, назначенного в ту же ночь, были отделены корабли «Европа», «Ростислав», «Не тронь меня» и «Саратов», фрегаты «Надежда» и «Африка», бомбардирское судно «Гром»² и четыре брандера, на которые вызвались охотниками капитан-лейтенант Дугдаль, лейтенанты Мэкензи, Ильин и мичман князь Гагарин. Начальство над всем отрядом поручено было бригадиру Грейгу, который пересел на корабль «Ростислав».

В приказе главнокомандующего Грейгу говорилось между прочим: «...наше дело должно быть решительное, чтоб оный флот победить и разорить не продолжая времени, без чего здесь, в Архипелаге, не можем мы иметь к дальним победам свободные руки».

Наступила тихая, лунная ночь. В начале двенадцатого часа на «Ростиславе» подняли три фонаря, сигнал повторили на всех судах, назначенных к атаке, и все немедленно стали сниматься

с якоря. Первому следовало идти фрегату «Надежда», но он замешкался. Спиридов с корабля «Три иерарха» крикнул в рупор Клокачеву, командиру «Европы», чтобы он, не дожидаясь других, спешил идти. Тот самый Клокачев, которого адмирал Спиридов поздравлял матросом, быстро наполнил парус, лихо подлетел к неприятельским кораблям и встал на шпринг³ на расстоянии от них 200 сажен. В течение получаса он один выдерживал битву с целым флотом.

В половине первого подошли остальные суда и заняли линию. С лишком час продолжался ужасный огонь с обеих сторон. В начале второго часа от нашей бомбы загорелся парус на турецком корабле. Огонь живо перебежал на снасти и мачты и затем охватил весь корабль. Вслед за ним занялся и другой. У нас прокричали победное «ура!», с «Ростислава» взвились три ракеты, и по этому сигналу пустили брандеры. Чтобы не повредить их, с наших кораблей прекращена была пальба. Брандеры летели с попутным ветром, освещенные с одной стороны луною, с другой — заревом двух горевших кораблей.

Дугдаль на своем брандере врезался в самую середину неприятельского флота. Ему хотелось сжечь корабль, стоявший между двумя уже пылавшими кораблями. Но когда брандер подошел к ним, страшный огонь произвел в команде такую панику, что матросы побросались в шлюпки, оставив своего командира на произвол судьбы. Дугдаль, продолжая распоряжаться, не скоро заметил, что он один. Отчаяние удвоило его силы. Дав последнее напряжение своему брандеру, он взял фитиль и зажег его. Первая вспышка сильно обожгла ему лицо. Кинувшись в воду, он добрался до своей шлюпки и был доставлен на корабль «Три иерарха». Команда была строго наказана и понижена во вторую статью.

Лейтенант Мэкензи на своем брандере слишком близко подошел к левому берегу и попал на мель. Не имея возможности сняться, он зажег брандер, чем лишил возможности действовать береговую батарею турок. Фрегат «Надежда», воспользовавшись этим, подошел и открыл огонь по батарее без всякого вреда для себя. Между тем Мэкензи, стараясь вознаградить себя за неудачное предприятие, на шлюпке пробрался по левому берегу к турецким галерам, вывел некоторые из огня и привел к нашему флоту.

Лейтенант Ильин на своем брандере пошел прямо к 84-пушечному турецкому кораблю, стоявшему в группе других, и, несмотря на страшную

¹ Брандер — судно, наполненное горючими веществами, употреблялось для поджога неприятельских кораблей.

² На котором находился Иван Абрамович Ганнибал, дед Пушкина.

³ «Стать на шпринг» значит поставить корабль на якорь таким образом, чтобы с помощью канатов он мог вращаться во все стороны.

опасность, сцепился с ним. На глазах неприятельского экипажа он зажег свой брандер, своими руками воткнул горящий брандскутель в турецкий корабль и неторопливо спустился в шлюпку. Отъехав на некоторое расстояние, он крикнул матросам: «Суши весла!» — и, остановившись, стал любоваться результатом своего поступка. А результат был ужасен. Со страшным треском взлетел на воздух громадный турецкий корабль и засыпал горящими обломками ближайших своих соседей. Те в свою очередь загорались и гибли, заглушая раскатами взрывов даже гром нескольких сот орудий. Тогда, убедившись в удачном исходе своего дела, Ильин со всей командой возвратился на корабль «Три иерарха».

*Он бросил молнии в их плавающие дома,
Ударили со всех сторон от Россов громы.
Подъемлют якоря, от смерти убегают,
Но, хрюсья от огня, друг друга сожигают.*
Херасков

Мичман Гагарин на четвертом брандере, подойдя с подветренной стороны, зажег свой брандер и пустил его по ветру. Весьма вероятно, что этот брандер тоже немало причинил вреда неприятелю, но в дыму от множества загоревшихся турецких кораблей невозможно было удостовериться в этом. Впрочем, поступок Гагарина найден был неправильным и не соответствующим распоряжениям высшего начальства.

Когда дело брандеров было окончено, и команды их оказались в безопасности, с эскадры Грейга снова началась пальба, а прикрывавший эскадру флот открыл из всех орудий беглый огонь без снарядов. Турки пришли в сильное замешательство и считали гибель неизбежной. Пальба с их стороны прекратилась. Корабли взрывались один за другим. Словно фугасы небывалых размеров, начиненные тысячами пудов пороха, поднимались они из воды, истребляя все, и жизнь, и достояние. Вся бухта пылала. Раскаленные пушки сами стреляли и убивали своих же. Взрывы, потрясая воду и воздух, отдавались на большое расстояние. Пламя и дым заслонили свет луны; бухта наполнилась трупами и обломками; вода покрылась золой и кровью. Трупы до такой степени загрохотали порт, что в нем едва можно было двигаться в шлюпке. Обезумевшие турки уже не думали о кораблях своих; стараясь спастись, они топили друг друга. Большая часть гребных судов или затонула, или опрокинулась от множества людей, уцепившихся за них. Рассветало. Наши корабли поспешили вывести еще не загоревшиеся неприятель-

Медаль, выбитая в память Чесменской победы

ские суда, но успели взять только один корабль и шесть галер. Сгорело: 15 кораблей, 6 фрегатов и до 50 мелких судов. Потери турок достигали, по их собственным сведениям, до 10 тысяч человек. Наши потери были ничтожны. Грейг, видя, что дело кончено и что в бухте не осталось не только ни одного корабля, но даже ни одной шлюпки, снялся с якоря и вышел на соединение с графом Орловым. Приближаясь, он салютовал ему 21 выстрелом; с «Трех иерархов» ответили тем же числом. Затем Грейг отправился с донесением к главнокомандующему и был принят с живейшей радостью.

Победа была полная. Истреблен весь турецкий флот. Мы приобретали полное владычество на водах Архипелага; нам открывалась дорога в Константинополь. Весь мир изумился, услышав о беспримерном подвиге дотоле не известного никому флота. Султан впал в отчаяние и с часа на час ожидал появления грозных русских кораблей под окнами своего дворца. Турки, как оказалось потом, готовились уже оставить крепости в Дарданеллах. А мы ничем этим не воспользовались и прорваться в Дарданеллы не решились, считая их неприступными. Еще четыре года оставался наш флот в Архипелаге, производя более или менее удачные операции и заняв некоторые острова. Турки же тем временем успели оправиться, принялись строить новые суда, и вскоре морские силы их достигли значительных размеров.

Все участники Чесменского боя были щедро награждены Екатериной Великой. Главнокомандующий сверх прочих наград получил титул Орлова-Чесменского; Спиридов — орден Андрея Первозванного. По всей России торжествовали победу наших моряков на далеких морях. В Петербурге устраивались народные праздники; при дворе шли беспрестанные торжества. В память события выбита была медаль, изображавшая: с одной стороны — портрет императрицы Екатерины II, а с другой — горящий турецкий флот с надписью: «Был». День Чесменской победы установлено праздновать ежегодно. Кроме того, в память Чесменского боя устроена близ Петербурга богадельня, которая существует и поныне.

В Петербурге по совершении молебствия за одержанную победу в присутствии государыни отпета была панихида по основателю флота, Петру Великому. Митрополит Платон, говоря при этом речь, приблизился к гробнице государя и произнес: «Восстань, великий монарх, Отечества нашего отец! Восстань и воззри на любезное изобретение твое! Оно не истлело от времени, и слава его не помрачилась! Восстань и насладись трудами рук твоих!»

Четырехлетнее пребывание нашего флота в Архипелаге хотя и не ознаменовалось особыми событиями, но сослужило немалую службу тем, что беспрестанно тревожило турок. В 1774 году румянцевская армия успешно действовала против турок на Дунае; генерал Каменский ловко маневрировал, отрезав турок от Константинополя, и турецкий главнокомандующий должен был сдаться или просить мира. В лагере Румянцева, в Кючук-Кайнарджи, был заключен 10 июля выгодный для России мир, который, признав мнимую независимость татар, в сущности подчинил их России. Город Азов и крепости Еникале, Керчь и Кинбурн оставлены за нами. Черное море открыто для наших судов на одинаковых правах с другими державами. Туркам мы возвратили занятые нами Бесарабию, Молдавию и Валахию и острова греческого Архипелага с условием не мстить жителям, не стеснять вероисповедания, не взыскивать повинностей за время их пребывания под властью России и не препятствовать желающим переселяться в другие места.

Как только прибыло в столицу известие о мире, наш флот получил предписание вернуться в Кронштадт.

В поэме Хераскова о Чесменском бое мы читаем между прочим следующие строки:

*О если бы войну забыли человеки,
Давно бы на земле текли златые веки
Но близок может быть приход златых веков,
И греки из своих исторгнуты оков.
Из вечных книг сии пророчества читаю.
Увидим!.. Я молчу и лиру покидаю!*

Часть этого пророчества уже осуществилась; остальному положено основание на конференции в Гааге в 1899 году.¹ Помоги Бог!

¹ На конференции в Гааге в 1899 г была принята международная конвенция о законах и обычаях войны.

Наваринская битва

Адмиралы граф Гейден и Лазарев

События, вызвавшие в 1827 году Наваринский погром, начались еще при Екатерине Великой. Уже тогда Россия не могла выносить равнодушно свирепого, бесчеловечного обращения турок с подвластными им христианами и отозвалась Чесменским, Рымникским, Измаильским и другими погромами. Притихая на время, раненый зверь снова принимался за неистовства и, терзая свои жертвы, как только турки умеют терзать, вымещал на них свои поражения. Наконец мера терпения турецких христиан переполнилась, и греки первые в 1821 году подняли знамя восстания. Возбешенные такою смелостью, гурки довели свои зверства до такой степени, что и не в одной России многие содрогались. Союзник Турции, египетский паша, послал своего сына Ибрагима с войском для усмирения греков. Ибрагим был до того бесчеловечен, что не только лишал жизни людей, осквернял их храмы, сжигал жилища; он сжигал даже оливковые деревья, единственное богатство несчастных греков. Кровопролитная война, война горсти эллинов с турецкой ордой, продолжавшаяся шесть лет, обратила на себя внимание Европы. Но великие державы из корыстных расчетов не желали идти далее дипломатических переговоров с Турцией, и только одна Россия приняла искреннее участие в судьбе греков. Все сословия сходились в желании освободить своих единоверцев и в недоумении обращали взоры к своему царю. К сожалению, император Александр был слишком занят осуществлением своей любимой мечты о Священном союзе, и разговоры о судьбе греков так и остались одними разговорами. Когда же на российский престол вступил император Николай I, государь энергичный, горячий защитник восточных христиан, англичане встrepенулись. Они поняли, что молодой император не ограничится одними переговорами и, если нужно, пойдет войной против Турции, чтобы обеспечить эллинам спокойное существование. Опасаясь соперничества России на Востоке, Англия решила действовать с ней заодно и послала в Петербург герцога Веллингтона, который подписал в апреле 1826 года протокол, послуживший основанием для вмешательства Англии и России в распрю греков с турками. В июне следующего, 1827-го, года

был заключен в Лондоне формальный договор, к которому примкнула и Франция. В силу этого договора державы требовали от Турции предоставления грекам автономии под верховным покровительством султана, а для поддержки своих требований державы решили послать к берегам Греции свои флоты.

Когда турецкому министру Рейс-эфенди вручена была нота трех держав, он грубо ответил: «Не хочу слушать вашей бумаги, отказываюсь даже принять ее».

Делать было нечего. Непринятую бумагу оставили перед ним на кресле, в надежде, что он образумится. Прошел месяц. Турция молчит, а резня продолжается. Посланники снова обратились за ответом.

«Определенный, безусловный, окончательный, неизменный, вечный ответ султана состоит в том, что он не принимает никакого посредничества», — раздражительно ответил Рейс-эфенди.

Державам ничего более не оставалось, как прекратить переговоры и приступить к решительным действиям. Так они и поступили.

Эскадра адмирала Сеньявина 22 мая 1827 г. выстроилась на кронштадтском рейде. Три раза посетил ее император Николай Павлович. Осматривая арсенал корабля «Азов», его величество обратил внимание на искусно выложенные из ружейных замков названия морских побед при Гангуте, Ревеле и Чесме. За последним названием стояла буква «и». На вопрос государя, что это значит, Михаил Петрович Лазарев ответил, что эта буква означает продолжение подобных названий.

— А что же будет дальше? — спросил государь.

— Название первой победы флота вашего императорского величества, — ответил Лазарев.

Через четыре месяца к перечисленным названиям было прибавлено: «Наварин», а буква «и» переставлена дальше.

Эскадре приказано было готовиться к походу; но куда — оставалось загадкой.

Ровно в полночь на 10 июня государь в четвертый раз посетил эскадру. Его величество прибыл на корабль «Азов». Ночным сигналом приказано было сняться с якоря, и вскоре весь флот был уже под парусами. При восходе солнца вместе с флагом на корабле «Азов» поднят был штандарт, означавший личное предводительство государя императора. Начался салют с судов и укреплений, а эскадра, пользуясь легким попутным ветром, быстро подвигалась вперед.

«Куда идем, на маневры или в далекое море? — думали моряки. — Если в далекое море, то по какому направлению? Посылают ли нас в Америку, как толкуют в Кронштадте, помогать испанцам, или идем сразиться за нашу веру вместе с греками?»

После коротких маневров под «Красной горкой» на корабле «Азов» подняли сигнал общего богослужения. Государь присутствовал при напутственном молебне. Прощаясь с эскадрой, он произнес знаменательные для уходивших моряков слова: «Надеюсь, что в случае каких-либо военных действий поступлено будет с неприятелем по-русски».

Государь уехал, а эскадра направилась в море.

По приходе в Англию, в Портсмут, Сеньявин отделил четыре корабля: «Азов», «Гангут», «Александр Невский», «Иезекииль» и четыре фрегата: «Константин», «Елена», «Проворный» и «Кастор», сдав начальство над этой эскадрой контр-адмиралу графу Логину Петровичу Гейдену. Граф поднял свой флаг на «Азове» и пошел в Средиземное море. Командиром «Азова» был М. П. Лазарев.

Логин Петрович Гейден был голландец. Он родился в Гааге 25 апреля 1772 г., на другой день после рождения принца Вильгельма Оранского, бывшего впоследствии королем Нидерландским. Образование свое граф получил вместе с этим принцем под руководством одного и того же наставника. Морскую службу начал с ранних лет. На одиннадцатом году он уже бороздил океан, знакомясь с этой прихотливой стихией. Вследствие политических смут в Голландии жизнь графа много раз подвергалась опасности. Верный слуга дома Оранского, граф, после удаления своего законного государя, покинул отечество и, прибыв в Петербург, поступил на службу к Великой Екатерине капитан-лейтенантом Черноморского гребного флота. С высочайшего соизволения Гейден сохранил графское достоинство Римской империи, издавна принадлежавшее его роду. Выдающаяся деятельность графа в Архипелаге обеспечила ему бесспорное право на признательность России.

Граф Гейден пользовался всеобщим уважением и любовью во флоте как симпатичный и обходительный человек, обладавший светскими манерами. Если необходимо было распечь кого-нибудь, то его выговоры обыкновенно оканчивались приглашением откусить к нему хлеба-соли. Гостеприимный дом графа был своего рода светской школой для флотской молодежи. Вообще, по отзывам всех разноплеменных и разнохарактерных людей, с которыми приходилось графу сталкиваться, это была личность светлая, обладавшая глубоким, многосторонне образованным умом и прекрасными качествами сердца.

Последние шестнадцать лет жизни граф провел в Ревеле в должности военного губернатора и главного командира Ревельского порта. Весь Ревель 5 октября 1850 г. оплакивал кончину Логина

Петровича, а 8-го — в годовщину знаменитого Наваринского боя, совершилось его погребение¹.

Ближайшим сподвижником графа Гейдена в Наваринском сражении был начальник штаба русской эскадры и командир адмиральского корабля «Азов» Михаил Петрович Лазарев.

Лазарев родился во Владимирской губернии 3 ноября 1788 г. и по выходе из Морского корпуса был отправлен с другими воспитанниками в Англию волонтером для приобретения познаний по морской части. Он находился почти постоянно в море и, прослужив в Англии на различных судах пять лет, возвратился в Россию.

Находясь в эскадре адмирала Ханыкова во время войны 1808 г. с Англией и Швецией, Михаил Петрович вызвался идти на помощь к атакованному двумя английскими кораблями «Всеволоду». В виду превосходящих сил неприятеля «Всеволод» должен был спустить флаг, и Лазарев попал в плен, из которого возвратился снова в эскадру Ханыкова².

В 1829 г. Лазарев, командуя шлюпом «Мирный», участвовал в экспедиции к Южному полюсу адмирала Беллинсгаузена. Результаты этой экспедиции, замечательные по открытиям в Южном океане, известны всему ученому миру. Еще более знаменитым считается его кругосветное плавание на фрегате «Крейсер» в 1822—1825 гг. в звании начальника экспедиции. По отзывам моряков, порядки, введенные на «Крейсере» и впоследствии на «Азове», послужили образцами для всего Черноморского флота. Здесь под руководством Михаила Петровича выработалась та школа, которая развила в моряках страстную любовь к морскому делу и беззаветную ему преданность — качества, которыми отличались Нахимов, Корнилов и другие герои Черноморского флота.

Два года спустя Лазарев участвовал в Наваринском сражении как командир «Азова» и начальник штаба графа Гейдена. Первый лавр победного наваринского венка принадлежит, по свидетельству самого графа, Михаилу Петровичу за храбрость и находчивость, оказанные им в этой битве.

В 1833 г. Лазарев был назначен после адмирала Грейга главным командиром Черноморского флота и оставался в этой должности до самой смерти.

В 1843 г. в нем обнаружили первые признаки той болезни, которая свела его в могилу. Ставя выше всего долг службы, Михаил Петрович, несмотря на увещевания врачей, продолжал работать; и только монаршее участие, выраженное

Генерал-адъютант М. П. Лазарев

в чрезвычайно теплом письме, заставило его обратить внимание на свое здоровье. Он уехал в Вену лечиться и полгода спустя, 11 апреля 1851 г., скончался. Прах его перевезен в Россию и предан земле в севастопольском соборе Св. Владимира.

Помимо боевых заслуг Михаила Петровича, он стяжал себе неувядаемую славу как руководитель и учитель моряков. Трудно немногими словами высказать, чем он был для Черноморского флота. Он был всем: энергичным преобразователем флота на лучших современных образцах, мудрым его руководителем, защитником его интересов, его душой в лучшем значении этого слова. Покидая мир, Лазарев завещал флоту героев будущего; он оставил морякам традицию; и пока память о Лазареве дорога будет русским морякам, герои в нашем флоте не переведутся.

В водах Архипелага начали собираться союзные эскадры. Первой пришла английская эскадра под предводительством адмирала Кодрингтона, ученика знаменитого Нельсона и его сподвижника в Трафальгарском сражении.

Турецкий флот пытался 10 сентября прорваться сквозь линию английских кораблей,

¹ В числе наваринских героев находился сын графа, Логин Логинович, командовавший шхуной «Опыт». В 1899 г. граф отпраздновал 50-летний юбилей в генерал-адъютантском звании.

² Из некролога Лазарева. (Морской сборник 1851 г., июль).

но в это время показалась французская эскадра, и турецкий адмирал должен был возвратиться в Наварин. Союзные эскадры против входа в бухту стали на якорь.

Известно было, что Ибрагим-паша, главнокомандующий морскими и сухопутными силами султана, имеет в Греции 20 000 регулярного египетского войска и 5 000 турок. Он уже владел всеми крепостями и при помощи флота надеялся нанести решительный удар грекам. Союзные адмиралы, еще до прихода русской эскадры, потребовали от Ибрагима-паши, чтобы он оставался в Наваринской бухте и не предпринимал действий против греков до решения султана, к которому послан был курьер. Несмотря на то что паша, при личном свидании, дал честное слово исполнять это условие, он все время не переставал его нарушать. Поэтому решено было идти к Наварину и держать его в блокаде, оставаясь под парусами.

Русская эскадра, отплыв 8 августа из Портсмута, задержана была противными ветрами, выдержала шторм и только 1 октября соединилась с союзными эскадрами. В девятом часу утра 2 октября суда легли в дрейф у самого входа в бухту. Из-за острова Сфактория виден был лес мачт турецко-египетского флота. В трубу можно было рассмотреть адмиральские флаги на линейных кораблях и батареи на берегу.

Составив совет для обсуждения мер, вызываемых упорством турок и вероломными действиями Ибрагима-паши, союзные адмиралы Кодрингтон, де Риньи и Гейден порешили со всеми кораблями войти в гавань, стать на якорь подле турецко-египетского флота и тем принудить Ибрагима сосредоточить свои силы у Наварина и отказаться от набегов на Грецию. Главное же начальство в случае военных действий предоставлено было Кодрингтону как старшему в чине.

Командирам судов 5 октября объявлено было решение союзных адмиралов, а 7-го, с рассветом, соединенный флот подошел к самому входу в Наваринскую бухту.

Наваринский порт с севера и юго-востока огражден берегом Мореи в виде неправильного полукруга, а с запада — берегом острова Сфактория. Город Наварин построен при входе в гавань на высоком мысу. До 1825 г. он принадлежал грекам, а теперь перешел в руки турок. Оттоманский флот расположился между Наварином и Сфакторией в два и в три ряда, в форме подковы: большие корабли впереди, малые — позади. По краям стояли брандеры, готовые выплыть во всякое мгновение. Под берегом приютились транспорты. Крепость защищала вход в залив с одной стороны, а батареи Сфактории — с другой.

Наваринское сражение

По показаниям пленного турецкого офицера, турецкий флот состоял из 66 военных судов с командами свыше 22 000 человек, 6 брандеров и 126 мелких судов.

При юго-восточном приятном ветерке союзные эскадры крейсировали перед Наваринской бухтой. Иногда открывались перед ними белые дома, террасы, пальмовые рощи. Из-за скал Сфактории виднелись мачты турецко-египетского флота с красными флагами и значками всех цветов. Матросы, указывая на турецкий флот, говорили друг другу: «Даром, что их много; а лишь бы нам волю дали, мы и одни их отделаем!» Морякам было уже известно, что Кодрингтон ожидает только благоприятного ветра, чтобы войти в бухту. Всем было ясно, что за этим последует. В экипаже замечались сильный подъем духа и прилив физических сил. Там, где в обыкновенное время ворочали пушку восемь человек, теперь справлялось четверо.

Когда суда были приведены в боевую готовность, отслужили молебен. Священник ободрял матросов, уговаривая их бороться без страха за веру православную. Вечером все были особенно оживленны и веселы. В кают-компаниях пили, пели и даже танцевали. Но бывали минуты, когда оживление падало, и человек невольно задумывался, будет ли он жив завтра, что станет с его семьей... Говорили друг с другом о семейных делах, давали поручения на случай смерти, делали завещания. Эти минуты необыкновенно сблизили товарищей; что-то новое родилось между ними. Все были как родные, позабыв от души маленькие неприятности, если таковые и были у кого между собой.

В десять часов все на кораблях умолкло. Люди отдыхали. Крутом была совершенная тишина, только изредка слышались свистки на ближайших кораблях. На море был штиль, а в крепости и лежащем при ней лагере мелькали огни, перекликались часовые и лаяли собаки.

На другой день, 8 октября, в половине первого, сигналом с корабля «Азов» русской эскадре приказано было приготовиться атаковать неприятеля. На судах ударили тревогу, и в одну секунду все было готово. Команда и офицеры стояли по местам и ожидали только приказаний.

По диспозиции турецких судов было ясно, что линейные корабли союзного флота не могут встать между берегом и неприятельской линией из-за мелководья. Оставалось одно средство: атаковать неприятеля, войдя вовнутрь его линии. Атака эта требовала от главного начальника большой решительности, так как, на какую

бы часть неприятельского флота ни напал он, все прочие корабли этого флота тотчас могли поддержать атакованных, и, таким образом, нападающие корабли подверглись бы перекрестному огню всей неприятельской артиллерии, как с судов, так и с укреплений. Таким именно перекрестным огнем Ибрагим мечтал истребить союзный флот, но хладнокровие и искусство предводителя в соединении с храбростью и решительностью его союзников обратили в ничто дерзкие мечты надменного мусульманина.

В продолжение ночи и поутру этого достопамятного дня стояло маловетрие, отчего эскадры союзных держав находились в положении несколько разбросанном. Английские корабли были ближе к Наварину; подальше от залива находились корабли французские; а русская эскадра была самая отдаленная.

С одиннадцати часов ветер стал свежеть и союзные эскадры начали строиться в линию. Английские и французские суда составили правую колонну, русские — левую. Правой колонной предводительствовал Кодрингтон, левой — граф Гейден. Кодрингтон, имея свой флаг на корабле «Азия», воспользовавшись благоприятным ветром, занял первое место в первой линии и стал вводить в свой кильватер¹ другие корабли. Он рассчитывал, что турки не приступят к атаке, пока весь флот не станет на якорь, и его расчет оправдался.

«Азия», пройдя крепость и часть неприятельских кораблей, встала против двух адмиральских кораблей. Турки спокойно смотрели на ее шествие, предвкушая будущие свои триумфы. Примеру «Азии» последовали еще два английских корабля. Англичане действовали с большим мужеством, но нельзя не заметить и того преимущества, которым пользовались они, входя в гавань, когда она была свободна. Благодаря этому обстоятельству они избегли тех трудностей, с которыми последующим кораблям пришлось бороться. Не тревожимые турками, они могли спокойно встать на шпринг и приготовиться к сражению.

Французский корабль «Сципион» наткнулся на брандер и запутался бушпритом в его вантах. В это время командир фрегата «Дартмут», имевший поручение следить за брандерами, послал лейтенанта Фиц-Роя парламентарем к капитану брандера, чтобы убедить его отойти от союзных судов. Турок принял это предложение за насилие, и Фиц-Рой, встреченный ружейным залпом, пал первой жертвой начинавшегося боя. За первым залпом последовали другие, и в два часа бой загорелся.

¹ «Идти в кильватере» — значит идти по той черте, которую передовой корабль чертит в воде своим рулем.

Французским кораблям не удалось встать на назначенные им по диспозиции места, вследствие чего французская эскадра была сильно стеснена в своем движении. Русской эскадре пришлось еще хуже. Она вступила в сражение со всеми невыгодами, которых не имели ни английская, ни французская эскадры. Едва передовой наш корабль «Азов» успел миновать крепость, как началось сражение. Тесное пространство, по которому должна была пройти наша эскадра, обстреливалось перекрестно и по всем направлениям более чем 1 500 орудиями. Ветер, дувший во время сражения с юго-востока, относил весь дым от выстрелов прямо на ту часть залива, где русской эскадре надлежало встать на якорь. В непроницаемом мраке, окруженный всеми ужасами сражения, граф Гейден должен был вести свою эскадру в самую глубину залива почти ощупью. Его хладнокровие, распорядительность и неустранимость в соединении с мужеством и исполнительностью его подчиненных решили победу. Корабли наши, осыпаемые ядрами, картечью, всем, что только попадалось туркам под руку (на русских кораблях находили, кроме обыкновенных снарядов, ножи, вилки и иные вещи), в стройном порядке, один за другим, пробивались между горевшими брандерами и английскими бригами на назначенные им места. Не сделав ни одного выстрела, они встали против неприятельских кораблей, положили якоря и убрали паруса, удержав между собой самое близкое расстояние. Маневр этот, по свидетельству самого Кодрингтона, даже при самых благоприятных обстоятельствах, не мог быть лучше выполнен. Моряки называют его «*нес plus ultra*»¹ своего дела.

Первый пушечный выстрел воодушевил всю команду, и на всех кораблях наших раздалось дружное «ура». Даже новобранцы, бывшие первый раз в огне, на ободрительные слова адмирала весело отвечали: «Рады умереть, ваше сиятельство!» Когда же «Азов» встал на якорь и адмирал сам командовал: «Пали!» — то, казалось, не люди, а разъяренные звери бросились к пушкам. Они заряжали их с таким проворством, что офицерам оставалось только показывать им цель, и ни одного выстрела не пролетело мимо. В жару битвы палубы кораблей представляли странное зрелище. Без мундиров, с завязанными и заткнутыми ушами, чтобы не оглохнуть, те люди, которые за несколько минут перед тем казались кроткими и добрыми, теперь имели иступленный вид. С разинутым ртом и диким взглядом они, словно не замечая опасности, бросались вперед,

беспрекословно исполняя приказания. Только тяжело раненные и умирающие лежали тихо; кто имел силы, полз на перевязку, не издавая ни одного стога. Вскоре крики «ура» заменились молчанием; каждый работал за четверых, не чувствуя утомления. Жар и жажда томили сражающихся. Матросы окачивались морской водой, прикладывались к ядрам, держали пули во рту и тем освежали горящие губы и запекшийся язык...

Сражение, происходившее на таком тесном пространстве, не могло быть иначе как кровопролитным, губительным и решительным. Два флота, почти сцепившись реи с реями, походили на двух единоборцев, которые решились победить или умереть. Ни друзья, ни недруги не могли уже уклониться в сторону. Малейшая оплошность вела за собой смерть.

Сражение сделалось общим. Пока подходили задние корабли, ставшим на место приходилось уже бороться с несколькими противниками разом. Несмотря на это, корабли ни на секунду не уменьшали огня, соперничая друг с другом в храбрости. Между собой союзники действовали вполне единодушно.

К нашему кораблю «Азов», дравшемуся с пятью большими турецкими кораблями, подошел французский корабль «Бреславль» и значительно облегчил его положение. В свою очередь «Азов», увидав, что английский адмиральский корабль сильно терпит от своего противника, начал громить последний и сбил у него корму. У турок случился пожар, но страшный огонь с «Азова» помешал его потушить, и турецкий корабль взлетел на воздух.

На «Азове» капитану Бутеневу раздробило ядром руку. Несмотря на страшную боль, он оставался на своем месте у батареи и только после настойчивого приказания отошел от своих пушек. У него отняли руку. Но в ту же минуту, услышав, что турецкий корабль, сражавшийся с «Азовом», истреблен, раненый Бутенев, вырвавшись из рук докторов, побежал к своим.

Того же корабля капитан Баранов, когда картечью раздробило и вырвало у него из рук рупор, взял как ни в чем не бывало другой и преспокойно продолжал командовать, несмотря на жестокую боль, причиненную контузией.

Во все время сражения на юте корабля «Азов», на месте совершенно открытом, спокойно прохаживались в разных направлениях граф Гейден и капитан Лазарев со зрительными трубками в руках. Первый распоряжался действиями эскадры, второй — своего корабля. Граф был контужен в голову и скрыл это, хотя впослед-

¹ «Мастер» (лат.).

План сражения в Наваринской губе, 8 октября 1827 года

ствии всю свою жизнь страдал глухотой и головными болями.

Управляя движениями «Азова» с замечательным хладнокровием и искусством, капитан Лазарев потопил два огромных фрегата и корвет, сбил 80-пушечный корабль, который был брошен на мель и впоследствии взорван, и истребил двухдечный фрегат, турецкого адмирала Тагира-паши.

Капитаны Авинов, Хрущов, Богданович и Свинкин равно отличились. Последний был тяжело ранен картечью и, несмотря на это, продолжал до конца сражения командовать, стоя на коленях и держась за веревку.

Один из турецких фрегат, сражавшийся против корабля «Александр Невский», сдался и спустил флаг.

К четырем часам с корабля «Гангут» увидели шедший прямо на него горящий брандер. Быстро действуя шпрингом, корабль уклонился от страшного врага и меткими выстрелами пустил его ко дну. Едва погрузился он в воду, как над ним, словно знамение победы христиан над нечестивыми, всплыл образ Богородицы Одигитрии. За ним, в самый разгар боя, пустился вплавь один из мат-

росов «Гангута» и доставил его на корабль. Вслед за этим сражавшийся с «Гангутом» фрегат стал тонуть; за ним вскоре другой, 64-пушечный, взлетел на воздух. Громогласное «ура» по всей линии было знаком того, что победа начала клониться в сторону союзников. Сотрясение воздуха от взрывов кораблей было так сильно, что море колебалось, словно от землетрясения; корабли вздрагивали. Уничтожив ближайшего противника, союзные корабли начали громить суда, стоявшие во второй линии. Суда эти, обрубив канаты, буксировались к берегу, но, не достигнув его, тонули, а люди спасались вплавь. Тогда же взлетел на воздух 80-пушечный корабль, дравшийся с английским кораблем «Азия». Сражение можно было считать совершенно выигранным. Крутом все горело. Беспредельные взрывы турецких судов освещали торжествующий союзный флот. Зрелище было великолепное и в то же время поразительно грозное.

В шестом часу дня сражение кончилось, пальба умолкла; турецкий флот более не существовал².

В шесть часов пробили отбой, и каждый уцелевший мог возблагодарить Господа и навестить пострадавших товарищей. На кубрике² перевя-

¹ Достопамятный день Наваринской битвы за 2 306 лет перед этим был также ознаменован освобождением греков. В этот день Фемистокл при Саламине с 380 кораблями разбил и почти совершенно истребил флот Ксеркса из 2 000 судов.

² Особое отделение с каютами в подводной части, где обыкновенно перевязывают раненых.

Наваринское сражение

зывают раненых, священник читал отходную по умершим. Обрадованные вестью о победе, раненые, позабыв о своих страданиях, кричали «ура!» и крестились. Офицеры, собравшись на шканцах, обнимались, как братья. Описать эти чувства невозможно; их поймут только те, кто испытал подобное.

Адъютант графа Гейдена объезжал суда и от имени адмирала поздравлял офицеров и команды с победой и благодарил за славное действие орудиями.

Когда на судах немного убрались, отслужен был молебен. Весь экипаж с глубоким чувством пропел «Тебе Бога хвалим» и с коленопреклонением благодарил за великие милости Божии. После молебна людям позволено было отдохнуть и подкрепить себя пищей. Офицеров и команду разделили на две смены. Вторая смена легла у пушек, первая отправилась наверх, где имела возможность любоваться величественным и необыкновенным зрелищем. На всех судах соединенного флота осветили батареи; беспрестанные объезды бороздили бухту, вызывая оклики часовых на русском, французском и английском языках. Все это сливалось с ружейными выстрелами, а по временам заглушалось залпами пылающих турецких судов или громовым

раскатом внезапного их взрыва. Эти звуки отражались эхом в горах, освещенных ярким пламенем догорающих неприятельских кораблей, разбросанных по отмелям у берегов и отражавшихся в тихих водах залива. На волнах плавали обломки судов, трупы убитых и живые люди, искавшие спасения на обломках кораблей.

От семи до двенадцати часов ночи последовало семь взрывов. Турки сами зажигали свои суда. В этих случаях можно было видеть, как огонь постепенно охватывал судно, раскаленные от чрезмерного жара пушки стреляли сами собой, и вскоре затем следовал взрыв. Все, что было выше крыйт-камеры, взлетало на воздух, остальное оставалось догорать в воде.

Вскоре после полуночи на «Гангуте» ударили тревогу. Прямо на него шел неприятельский двухдечный корабль. На запросы не получали ответа. Предполагая, что это брандер, «Азов» встретил врага ружейными выстрелами и, обрубив канаты, отошел в сторону. «Гангут» сделал то же, но не успел отойти, и неприятельский фрегат бушпритом¹ сильно ударил грот-мачту и увяз в снастях. Желая избежать abordage, командир приказал предупредить неприятеля. Бравые матросы в одну минуту по бушприту и такелажу перебежали на неприятельский корабль и, увидав трех го-

¹ Древо, лежащее на носу.

лых турок, которые раздували костры, изрубили их. Когда огонь был залит, у брандера обрубили канаты, отвели его к берегу и потопили.

После этого случая усилена была ночная вахта. В течение всей ночи сильные отряды объезжали берега и следили за неприятельскими судами. Турецкие суда стояли в беспорядке близ берега. Они были совершенно пусты. Турки на шлюпках подъезжали, грабили их, потом зажигали. Встретив русские объезды, они быстро удалялись.

Взошло солнце и осветило картину разрушения. Какая разница с тем, что было накануне! Щеголеватые суда, вылощенные и выровненные по всем статьям, красовались в заливе, словно блестящие гвардейцы, собравшиеся на смотр. Теперь же все это было разбито и окровавлено. На немногих уцелевших судах висели на мачтах перепутанные снасти, дырявые паруса; свалившийся рангоут¹ завалил палубу. И все это было залито кровью.

В этом замечательном сражении взорвано было судами соединенных эскадр тринадцать турецких кораблей и восемнадцать судов разной величины; и ни один из союзных кораблей, бывших в страшной опасности, не погиб. Вообще потери неприятеля были громадны. Убитых насчитывают от восьми до десяти тысяч человек.

Победители также понесли значительные потери. Союзные корабли, и в особенности флагманские, были так повреждены, что без значительной починки не могли выйти в море. Турки стреляли больше по мачтам (опыт, которым воспользовались наваринские герои в Синопском сражении); союзники били их по корпусам.

С наступлением утра все ожило на союзных судах и началось исправление поврежденного рангоута. Команда корабля «Александр Невский» рубила мачты на сдавшемся ему турецком фрегате и заклепывала пушки. Экипаж этого фрегата был еще накануне размещен по нашим кораблям. Пленные турки совершенно спокойно курили в кают-компаниях, как будто бы ничего не случилось. Те, которые знали языки, разговаривали с нашими офицерами. Один из них, почтенного вида старик, рассказывал интересные подробности, предшествовавшие сражению. По его словам, турецкий адмирал советовал Ибрагиму покориться обстоятельствам, но тот и слушать ничего не хотел, утверждая, что позиция, занятая турецко-египетским флотом, неприступна, что союзные адмиралы никогда не посмеют войти в бухту, что они еще рань-

ше перессорятся между собой. Когда же союзные флоты показались у входа в бухту, Ибрагим сказал окружающим: «Вот наши призывы!» Он приказал всем капитанам позволить союзному флоту встать на якорь, рассчитывая в ту же ночь пойти на абордаж и истребить его.

Когда же, после поражения, турецкий адмирал стал упрекать Ибрагима в непредусмотрительности, он отвечал: «Кто же знал, что у них корабли железные и люди настоящие черти».

Возмутительное самомнение турецкого главнокомандующего было причиной ослепления, благодаря которому мечты заслонили действительность. Уверенный в победе, Ибрагим, вместо того чтобы встретить сильным огнем союзные корабли у самого входа в гавань, позволил им стать на якорь и почти сцепиться с его кораблями, чем упустил выгодный для себя случай. Таким образом, турецкий главнокомандующий, имея 66 кораблей против 27 и 2 224 орудия при 22 тысячах человек против 1 428 орудий и 13 тысяч человек, проиграл сражение.

Что же касается образа действий турецких воинов, то победители отдают должное их храбрости. Турки защищались до последней возможности и предпочитали смерть плену. Очевидцы рассказывали, что на горевших кораблях турки с отчаяния закалывали себя кинжалами; другие же, не умея плавать, взяв в руки ядро, стремглав бросались в воду и топили сами себя. На одном утопающем судне часть экипажа, сидя на борту, спокойно ожидала последней минуты. Когда же фрегат клюнул носом и быстро стал погружаться, храбрецы взмахнули флагом и с криком: «Аллах! Аллах!» — исчезли в бездне.

На другой день после сражения послано было к египетским и турецким начальникам от союзных адмиралов предупреждение о последствиях, какие навлечет всякое новое с их стороны неприязненное действие. Вслед за этим Тагир-паша, который уже поутру приезжал для переговоров на корабль Кодрингтона, поспешил опять явиться к нему с формальным обещанием, что ни он, ни товарищи его не будут более предпринимать никаких неприязненных действий.

Соединенные эскадры оставались в наваринской гавани до 14 октября и, никем не потревоженные, занимались исправлением повреждений. Все пленные, захваченные в бою, были отпущены.

Русская эскадра 27 октября пришла в Мальту и была восторженно встречена войском и населением. Стены крепости и террасы домов были

¹ Деревянные части оснастки судна.

усеяны народом, который громкими восклицаниями приветствовал победителей. Весь гарнизон стоял в ружье вдоль набережной, а по пристаням гремела военная музыка, сливавшаяся с колокольным звоном и приветственными криками.

Когда последний русский корабль бросил якорь, войско начало салютовать в честь победы. Весь гарнизон произвел три раза беглый огонь из ружей; все батареи и форты, по сигналу с главной крепости, сделали по двадцать одному выстрелу. Шлюпки с публикой разъезжали посреди кораблей, останавливались у открытых бортов кают-компаний, дамы бросали цветы и конфеты, приглашали моряков посетить их, прибавляя, что все двери для них будут открыты. Словом, начался ряд триумфов; победителей носили на руках.

Император Николай, не ожидая подробного донесения о ходе Наваринской битвы, отправил на эскадру высочайшие награды. Граф Гейден был произведен в вице-адмиралы. Командиры и офицеры награждены орденами. Многие из команд получили Георгиевские кресты и денежные награды. Кораблю «Азов» пожалован был Георгиевский флаг¹.

Наваринский погром был первым шагом к освобождению Греции, освобождению, которым она всецело обязана России. Союзные державы из корыстных видов уклонились от дальнейшего участия в делах Греции; одна Россия осталась верна своему девизу защитницы восточных христиан. Николай Павлович не хотел, чтобы кровь наваринских героев пролита была даром, и, не дождавшись от Турции исполнения его законных требований, в апреле 1828 г. объявил ей войну. Когда победоносные русские войска, под предводительством Дибича, взяли Адрианополь, турки смирились и согласились на все условия, предъявленные победителем. Война окончилась заключением в Адрианопле 2 сентября 1829 г. мирного трактата, по которому, в числе прочих условий, оговорено было освобождение Греции, автономия княжества в Молдавии и Валахии, возвращение Сербии шести отнятых у нее округов, свобода торговли по всей Османской империи и свободный проход в проливах для купеческих судов, как русских, так и других держав, состоящих в мире с Портой.

Бой брига «Меркурий»

Во время войны с Турцией в 1829 г., одновременно на европейской и азиатской территории, Черноморский флот чрезвычайно много содействовал успеху кампании. При взятии Анапы, Варны, под Браиловом русские моряки совершили много геройских подвигов. Капитан-лейтенант Козарский прославил себя во время боя вверенного ему 18-пушечного брига «Меркурий» с двумя турецкими линейными кораблями. По сознанию опытных моряков, другого подобного примера нет в летописях морских держав, и в силу этого подвиг Козарского заслуживает особого внимания.

Бриг «Меркурий» под начальством капитан-лейтенанта Козарского, крейсируя около Константинопольского пролива, неожиданно 14 мая увидел турецкий флот в восемнадцать судов, в числе которых было несколько линейных кораблей. «Меркурий» поспешил удалиться, но стихающий ветер задержал его ход. Два лучших турецких корабля, 110-пушечный под флагом капитан-паши и 74-пушечный, принялись охотиться за ним. Во втором часу дня «Меркурий» находился от них на расстоянии полуторапушечного выстрела. Чтобы увеличить расстояние, Козарский прибегнул к веслам, но и это средство вскоре оказалось безнадёжным. Ветер посвежел, корабли стали приближаться к бригу и открыли по нему огонь из погонных пушек. Убедившись в невозможности уйти от неприятеля, Козарский собрал военный совет из находившихся под его командой офицеров.

Военный совет на судах собирается только в крайних случаях, когда командир не решается взять на себя ответственность. А ответственность эта громадная. Перед Богом, царем и отечеством отвечает он за целостность вверенного ему судна, за честь флага и за жизнь своих подчиненных. Можно себе представить, какие чувства волновали Козарского, когда он собрал офицеров на совещание. В таких случаях первый голос принадлежит, обыкновенно, самому младшему, а решающий — командиру. Самый младший был поручик корпуса флотских штурманов Прокофьев. Он, как и следовало ожидать, высказал мнение, достой-

¹ Позже, когда корабль пришел в ветхость, этот флаг перенесен был на вновь выстроенный, названный в честь его предшественника «Память Азова».

Бой брига «Меркурий» 14 мая 1829 года с двумя турецкими линейными кораблями

ное русского моряка. «Надо биться до последней крайности, — сказал он, — и когда не останется никакой надежды, взорвать бриг». Все офицеры, как один человек, согласились с этим мнением. Биться до последней капли крови и в критическую минуту сцепиться с одним неприятельским кораблем или с обоими и вместе взлететь на воздух. Тот из офицеров, кто останется в живых, обязан взорвать крыйт-камеру, для чего был порожен на шпиль¹ заряженный пистолет.

Когда командир объявил это решение матросам, они с восторгом крикнули: «Ура!»

Ободренный сочувствием всего экипажа, капитан приказал открыть огонь с кормовых пушек.

Вскоре 110-пушечный корабль подошел с правой стороне брига и хотел дать залп, но бриг ловко увернулся. С полчаса бриг лавировал довольно удачно, пока не очутился между двумя неприятельскими кораблями, так сказать, между двух огней. «Сдайся и убирай паруса!» — кричали с корабля капитан-паши. С брига отвечали огнем всей артиллерии, ружейными выстрелами и криками «ура!». Турецкие корабли открыли убийственный огонь и чуть не зажгли

бриг, но пожар был скоро потушен. Большая часть снастей на бриге была повреждена и перебита, продольные выстрелы неприятеля нанесли ему жесточайший вред, но неустрашимые моряки продолжали отстреливаться и маневрировать с чрезвычайным хладнокровием. Искусной стрельбой с брига успели повредить снасти на 110-пушечном турецком корабле. Турки, наученные опытом, скоро поняли, что русский бриг ни за что не сдастся и скорей взлетит на воздух, увлекая за собой и неприятеля. Первым лег в дрейф корабль капитан-паши, а затем и другой корабль; а бриг «Меркурий», выдержав в продолжение трех часов неравный бой с силами, превышающими его в тридцать раз, в виду всего турецкого флота счастливо избегнул неминуемой гибели и, едва держась на воде от сильного повреждения, успел соединиться на другой день со своей эскадрой.

В воздаяние блистательного подвига брига «Меркурий» государь император щедро наградил капитана и его сподвижников. Все участники славного дела получили повышение, Георгиевские и Владимирские кресты и в пожизненный пенсион двойное жалованье. Козарский пожало-

¹ Стоячий ворот для подъема якоря из воды.

ван был во флигель-адъютанты, а бригу дарован Георгиевский флаг. Чтобы увековечить в потомстве офицеров их подвиг, велено было включить в их герб пистолет как оружие, избранное ими для спасения чести русского флота.

Приказ оканчивался следующими словами: «Мы желаем, чтобы память беспримерного дела сего сохранилась до позднейших времен. Вследствие чего повелеваем вам распорядиться, когда бриг сей будет приходить в неспособность продолжать служение в море, построить по одному с ним чертежу и в совершенном с ним сходстве во всем другое такое же судно, наименовав его тем же именем. Когда же и сие судно станет приходить в ветхость, заменить его другим, новым, таким же. Мы желаем, чтобы память знаменитых заслуг команды брига «Меркурий» и его имя во флоте никогда не исчезали и, переходя из рода в род, на вечные времена служили примером потомству».

Подвиг русских моряков на бриге «Меркурий» был оценен не только соотечественниками. Ему удивлялись и враги наши. Вот каким образом описывает этот подвиг один из турецких штурманов:

«Во вторник, 26 мая (н. ст.) 1829 г., с рассветом, приближаясь к Босфору, мы заметили три русских судна и два брига. Мы погнались за ними, но догнать могли только один бриг. Корабль капитан-паши и наш открыли тогда сильный огонь... Неслыханное дело! Мы не могли заставить его сдаться. Он дрался, отступая и маневрируя по всем правилам морской науки так искусно, что стыдно сказать: мы прекратили сражение, а он со славою продолжал свой путь. Во время сражения мы поняли, что капитан этого брига никогда не сдастся и скорей взорвет себя на воздух. Если чье-либо имя достойно быть начертанным золотыми литерами на храме славы, то это имя капитана этого брига. Он называется капитан-лейтенант Козарский, а бриг — «Меркурий». С двадцатью пушками, не более, он дрался против 220, в виду неприятельского флота, бывшего у него на ветре».

Александр Иванович Козарский поступил на службу в Черноморский флот волонтером в 1811 г. Он участвовал в войне против Турции в 1828 г. и при взятии крепостей Анапы и Варны получил знаки отличия. В 1829 г. он получил в командование бриг «Меркурий», на котором и обессмертил свое имя.

Недолгой была жизнь славного воина. Смерть постигла его в 1833 году, 36-ти лет от роду. Он скончался в Николаеве, где и погребен, а в Севастополе поставлен ему сослуживцами памятник

Синопский бой и оборона Севастополя

Адмиралы Нахимов и Корнилов

авел Степанович Нахимов, сын секунд-майора екатерининских времен, родился в 1802 году в Смоленской губернии Вяземского уезда, сельце Городок. В четырнадцать лет поступил он в Морской корпус и в 1813-м произведен в мичманы.

В продолжение 38-летней службы Нахимов сделал тридцать две морские кампании, побывал почти во всех морях земного шара, нес все роды службы от практического крейсерства до громадных битв, решавших судьбы народов.

Почти с самого начала службы он поступил под команду знаменитого Михаила Петровича Лазарева, участвовал с ним в Наваринской битве, прошел его славную школу и был одним из блестящих ее представителей.

«Эти оба представителя нашего сословия,— писал Шестаков,— были моряки-поэты. Энергическая природа сделала из них энтузиастов, презиравших собственные выгоды, считавших малодушием заботу о своих собственных нуждах, порицавших незнание дела наравне с другими пороками, смотревших на небрежное отношение к делу как на нарушение присяги, как на поступок бесчестный в высшей степени...»

Как Нахимов, так и Лазарев не чуждались никакой работы. Уже в чине адмирала Михаил Петрович, заметив однажды, что на вооруженном фрегате команда неправильно перевязала ванты¹, сбросил мундир, засучил рукава рубашки и перевязал ванты как следует.

В 1834 году, когда Лазарев принял управление над Черноморским флотом, он тотчас же перевел к себе Нахимова, служившего до тех пор во флоте Балтийском. «В Кронштадте я плакал от безделья,— писал Нахимов родственникам.— Теперь мне настоящий праздник». В Черноморском флоте можно было заплакать от избытка дела. Но не таков был Павел Степанович. Деятельный, преданный своему делу до самозабвения, он скоро заслужил репутацию образцового моряка и отца матросов. Он называл их своими детками и не только любил как детей, но и уважал как людей, вполне оценив их достоинства. Однажды

¹ Веревки от мачт к бортам корабля.

на «Силистрию», которой командовал Нахимов, приехал адмирал. Поздоровавшись с офицерами, адмирал пошел по фронту, одобряя образцовый порядок на судне, как вдруг внимание его было привлечено одним матросом, у которого баки были обриты не по форме.

— Павел Степанович! — обратился адмирал к командиру. — Это что такое? У этого матроса бакены не выбриты под подбородком. Этого нельзя допускать. Вам известно, как государь император строго относится к форме. Когда адмирал уехал, Павел Степанович подошел к виноватому:

— Ты слышал, что сказал адмирал?

— Слышал, ваше высококордие.

— Теперь скажи мне, почему же ты не выбрит как следует?

— Виноват, ваше высококордие. Я и сам хотел выбриться, да жене так нравится. Она и отговорила.

— Ну, нравится жене или нет, а ты изволь сейчас же выбриться.

В те времена, когда кулачная расправа командиров с матросами была явлением обыкновенным, Павел Степанович никогда не прибегал к этой мере. В настоящем случае виноватый не потерпел никакого наказания. Павел Степанович знал, что этот матрос один из лучших, и отнеся к нему снисходительно. Приказав, чтоб его пальцем не тронули, он сделал строгое внушение команде, а ротный командир получил выговор за недосмотр.

Закрытый враг бесполезной формалистики, Павел Степанович доводил приемы обучения матросов до возможной простоты. Будучи уже адмиралом, он часто сам вмешивался в объяснения и был неподражаем в этом отношении.

«Не учите их, как попугаев, — говорил он офицерам. — Пожалуйста, не мучьте и не пугайте их. Не слова, а мысль им преподавайте».

— Муха, — обратился он к одному матросу, глуповатому на вид. — Чем отличается бомба от ядра?

Матрос дико посмотрел на адмирала, потом заворочал глазами во все стороны.

— Ты видал бомбу?

— Видал.

— Ну, зачем говорят, что она бомба, а не ядро? Матрос молчит.

— Ты знаешь, что такое булка?

— Знаю.

— И пирог знаешь, что такое?

— Знаю.

— Ну вот тебе: булка — ядро, а пирог — бомба, только в него не сыр, а порох кладут. Теперь знаешь, что такое бомба?

— Ядро, начиненное порохом.

— Дельно; довольно с тебя на первый раз.

Не все понимали величайшее значение подобного вмешательства адмирала в военную педаго-

гику, и редко кто постигал всю утонченность ума, избирающего кратчайший путь к цели. Некоторые слушали подобные объяснения с двусмысленной улыбкой, приписывая ограниченности те приемы, которые внушены были недюжинным умом и многолетним опытом. Отличаясь наблюдательностью и способностью быстро подмечать в человеке слабую сторону, Нахимов в то же время владел всеми тонкостями народного юмора, имеющего на простолюдинов могущественное влияние. Вот почему матросы все без исключения любили его, несмотря на то, что на службе он был строг и требователен.

«Нахимов, — говорит один из его подчиненных, — был не из тех начальников, к которым подходят с приниженным чувством подчиненности и сознания полной зависимости от того, которой ногой он встал с постели. Нахимова боялись огорчить, а огорчить его можно было тому, кто в душе и на деле был плохой моряк, кто не любил плавать, кто был несправедлив или излишне строг к своим подчиненным. Пишущий эти строки четыре года плавал под флагом Нахимова и не запомнил ни одного наказания линьками или розгами провинившегося матроса. Несправимых списывали на береговые команды. Вот почему Нахимов был отцом и другом своих подчиненных. Вне службы ему не становились во фронт, не прикладывали руки к козырьку, а снимали фуражку и с глубоким уважением кланялись. Нахимов не любил, когда ему вне службы говорили «ваше превосходительство». «Я ваш адмирал на корабле-с, — говорил он, — а здесь у меня есть мое собственное имя. Меня зовут Павел Степанович», — и при этом он протягивал руку».

Павел Степанович придерживался особой системы, которая безусловно обеспечивала ему успех. Отбросив ложное самолюбие, он говорил о своих собственных ошибках и увлечениях и о том влиянии, какое они имели на его судьбу. От него никто никогда не слышал хвастовства, никому он не ставил себя в пример. Напротив того, он говорил: «Во мне вот что было дурно; желал бы я, чтоб у вас этого не было», — не показывая вида, что он знает своего собеседника вдоль и поперек со всеми его качествами и недостатками.

Деятельности он придавал большое значение. «Все можно отнять у человека: славу, богатство, значение в обществе. Одного невозможно отнять — благодетельных последствий деятельности, если она была направлена на что-нибудь полезное для общества и государства. Деятельность есть великое дело-с; у нее есть большие права», — говорил он.

Обладая проницательностью, Нахимов прекрасно умел пользоваться этим свойством для достижения главной цели — воспитания из своих подчиненных отличных моряков, никогда не

Адмирал П. С. Нахимов

задевая ничьего самолюбия и уважая в каждом его личность.

Несколько эпизодов, рассказанных одним из офицеров фрегата «Бальчик», прекрасно обрисовывают личность знаменитого адмирала и дают ключ к пониманию его педагогического влияния на подчиненных.

«Сменившись с вахты в четыре часа утра, — рассказывает В. З., — я разделся, лег в койку и в ту же минуту заснул. Через час вестовой будил меня и вразумлял, что свистали всех наверх паруса ставить. В эту минуту я был вполне убежден, что вестовой первый враг мой в мире. Все злое, несправедливое и ненавистное сосредоточилось в моем сонном воображении в лице бедного вестового. Я бранил его, страшил, умолял, чтобы он оставил меня в покое; старался ударить его кулаком. Но вестовой, специалист в таком занятии, действовал осторожно, но настойчиво. Это неизменное хладнокровие возбуждало во мне бездну ненависти, но не могло разбудить меня.

— Мухи! — раздался вдруг голос Павла Степановича. В одно мгновение я был на ногах и, одевшись, стремглав побежал наверх. На юте ставили бизань. Матросы побежали с бизань-шкотом, дернули его, и он лопнул. Павел Степанович, видя это, рассердился и накричал на меня. Мне сделалось досадно. Чем, думаю, виноват я, что бизань-шкот лопнул, не я же его делал. Павел Степанович ушел в каюту и потребовал меня к себе. На моем лице ясно выражалось, что я считаю себя обиженным.

— Господин З., у нас лопнул бизань-шкот.

— Как же-с, лопнул, сейчас. — «Как, — думаю себе, — забыть такое важное происшествие».

— Вы должны мне сказать, почему он лопнул.

— А бог его знает, — отвечал я равнодушно. Павел Степанович посмотрел на меня с удивлением.

— Ежели бы я имел право, то послал бы вас за это на покаяние на два года. Кому же знать причину такой простой вещи, как не нам с вами? Царям много дела-с; им есть о чем думать. Во Франции революция, в Германии — тоже. О бизань-шкоте ближе всего позаботиться мичманам. Хорошо-с, ступайте к своему делу...

В своем влиянии на молодых офицеров Нахимов избегал возбуждать в них соперничество, неразлучное с завистью. Он старался внушить им любовь к делу, дух единства, в силу которого все стремились действовать для одной общей цели, не останавливаясь на своем личном преимуществе и не завидуя преимуществу другого.

Живо помню теперь, как однажды я лег спать после обеда и не успел задремать, как приходит

вестовой и спрашивает от имени командира, не угодно ли мне кататься.

— Скажи, братец, что не угодно; решительно неужгодно, — отвечал я, поправляя подушку. Через несколько минут является та же несносно равнодушная фигура и говорит:

— Павел Степанович приказал спросить, не угодно ли вам кататься?

Я тотчас встал и вышел наверх.

Павел Степанович подошел ко мне и сказал:

— Ежели вы не хотите кататься, то и не нужно-с. Я только узнать хотел.

Я отвечал ему, что мне и самому не хотелось бы пропустить такой удобный день для катанья.

— Конечно-с, господин З. Знаете ли вы, какая важная вещь кататься на шлюпке под парусами, в свежий ветер? Это вот что такое-с: тут на деле вы можете убедиться, что трусость есть недостаток, который можно искоренить, и что находчивость есть такая способность, которую можно разбудить и развить. Все это мы называем одним словом: привычкой.

Несколько шлюпок отвалили от фрегата. Ветер был свежий, с небольшими порывами. Шлюпки упражнялись в различных эволюциях, проходя иногда под кормою фрегата. Я держался в стороне. Гляжу, спускается ко мне товарищ У. и, поравнявшись, говорит:

— Отчего ты не проходил ни разу под кормой фрегата? Там Павел Степанович наверху. Вот и теперь он на нас в трубу смотрит.

— Ну его совсем. Еще накричит за что-нибудь.

— Ступай; нехорошо. Все проходили, кроме тебя. Для него сегодня праздник, всем доволен; в самом деле управляют хорошо.

Я привел к ветру, сделал два галса и спустился под корму фрегата. Издали увидел я Павла Степановича, командира фрегата, и несколько офицеров, смотревших во все глаза. Я поправил паруса и думал: как заметят какую ошибку да распекут, — сраму не оберешься. Павлу Степановичу угодить трудно.

Быстро промелькнула шлюпка мимо фрегата, и Павел Степанович крикнул:

— Дельно-с, дельно-с, господин З. У вас все как следует.

Батюшки-светы, как я обрадовался! Воодушевившись, я сейчас же положил руль на борт, велел раздернуть шкоты и полетел полным ветром вдоль гористого побережья в ту часть рейда, где разноцветные полосы воды обозначали различную степень силы ветра, дувшего от берега порывами. Приходилось беспрестанно брать то один, то два рифа¹, потом отдавать; опять брать.

¹ «Брать рифы» — значит подвязывать парус веревочками, которые называются сезни, т. е. уменьшать площадь паруса.

Я щеголял нарочно, чтоб похвастаться перед другими. Цель моя была достигнута. Через несколько времени летит ко мне на капитанском катере мичман В. Еще издали махал он фуражкой и, подойдя поближе, крикнул:

— Ай да Черниговская губерния, недурно; знай наших! Давайте гоняться мимо фрегата, по направлению мыса Даб.

— Давайте.— И вот началось наше соперничество. Пока мы гонялись, набежал шквал. В. первый увидел его.

— Ну, батюшка, шквал идет, да какой! Нужно не зевать; не то прощайтесь с вашей Черниговской губернией.

Небольшой озноб пробежал по моему телу. Потом я вдруг воодушевился, и любопытство заступило место страха. Я взглянул в ту сторону, куда смотрел В., и увидел за темно-синим просторством моря широкую пенистую белую полосу, которая медленно приближалась к нам.

— Ого! — сказал В. — Этакую штуку мне в первый раз приходится встречать на шлюпке.

Я натянул фуражку покрепче на голову и судорожно сжал румпель рукой. Матросы сидели совершенно равнодушно. Даже любопытства не было заметно на их лицах.

— Куда вы правите,— сказал мне В.— На фрегат нечего и думать попасть. Нужно спускаться по ветру, куда Бог занесет. Тут шутить нечего; вы увидите, что это будет.

Мы спустились к вершине бухты, взяли рифы у парусов, а задние убрали совсем. Через несколько минут ветер стих, и мы слышали глухой шум, подобный тому, который бывает в лесу, когда вершины деревьев колеблются от сильного ветра. В одно мгновение темный цвет воды изменился в молочный, раздалось оглушительное шипение, шлюпка полетела, как птица. В несколько минут мы пролетели огромное пространство. В это время я ни о чем не думал и ничего не боялся. Опасность вызвала избыток энергии, которая не допустила ощущения робости. Шквал скоро прошел.

Возвратившись на фрегат, я старался показать высшую степень равнодушия к тому, что случилось. На вопросы товарищей о шквале я отвечал: "Пустое! Такие ли шквалы бывают". Злодеи товарищи тотчас же подметили хвастовство.

— Bravo, какой моряк! Для вас все нипочем.

Мичмана В. позвали к адмиралу. Через несколько минут он вошел в кают-компанию, бросил фуражку на стол сказал с живостью:

— Черт возьми! Как скверно быть начальником.

— А что?

— Кому бы, вы думали, хуже было во время шквала, нам или тем, кто нас послал кататься?

Нам было весело, мы были воодушевлены, а им каково? Ведь в самом деле ужасное положение! Подать помощь невозможно, руководить тоже нельзя. Приходится сидеть сложа руки и смотреть, как люди гибнут. Хорошо еще, что мы сумели распорядиться как следует.

— Что говорил вам Павел Степанович?

— Сказал, что мы дельно распорядились. По глазам его нельзя не видеть, что он в восторге и только старается показать равнодушие. Когда я выходил из каюты, он сказал: "Теперь я вижу, что вы brave офицеры-с!"

— Значит, и про меня то же самое сказал?

— И про вас то же самое.

Я быстро начал ходить по кают-компаниям, потирая руки. Эпитет brave офицера был для меня почетнее самого высшего сана в государстве. В эту минуту я обожаю Павла Степановича. "Какой он добрый,— думал я.— Это ничего, что он иногда накричит на меня".

Вечером в этот день я был необыкновенно весел. Минутная опасность освежила организм; прелесть жизни казалась в десять раз привлекательнее, а похвала уважаемого начальника воодушевила меня смелостью и безотчетной надеждой на будущее.

Вскоре с автором этих воспоминаний случилось происшествие, оставившее неизгладимый след на всю жизнь.

За какую-то несправность по части окраски на фрегате, в которой В. З. был неповинен, он получил строгий выговор от старшего офицера и послан был на бак¹, место ареста матросов.

Возмущившись несправедливостью начальника, он выразил протест в форме довольно резкой.

— Не за кусок ли стертой краски приказываете идти куда не следует? — спросил он.

На фрегате вдруг все стихло. Все слушали с напряженным вниманием, что будет дальше. Павел Степанович вмешался и тотчас же прекратил объяснение.

— Ступайте,— сказал он спокойно, но решительно.— За краску или за другое что, вы должны помнить, что на вас смотрят и слушают вас другие.

«И я пошел на бак,— рассказывает З.— Пошел туда, где держат под арестом и наказывают матросов. Не потому пошел, что сознавал в этом необходимое условие военной дисциплины; я просто покорялся влиянию человека с могучей волей и опытностью, чувствуя нравственное превосходство его над собой.

Не успел я дойти до бака, как меня нагнал командир фрегата с приказанием от адмирала снять с меня арест. Я ушел в свою каюту и заплакал от злости.

¹ Носовая часть судна.

Успокоившись несколько от первого порыва негодования, я пошел к адмиралу объясняться.

Павел Степанович был сильно взволнован и скорыми шагами ходил по каюте.

— А, это вы, господин З., очень рад вас видеть.

— Я пришел, ваше превосходительство, покорнейше просить вас списать меня на один из крейсеров вашей эскадры.

— Зачем-с?

— После сегодняшнего происшествия я не могу служить на фрегате с охотой и усердием.

— Вы читали историю Рима?

— Читал.

— Что было бы с Римом, если бы все патриции были так малодушны, как вы, и при неудачах, обыкновенных в тех столкновениях, о которых вы, вероятно, помните, бежали бы из отечества?

Я молчал, потому что не был приготовлен к экзамену в таком роде.

— Нам не мешало бы разобрать подробно обстоятельства неприятного происшествия, — продолжал Павел Степанович. — За ничтожную неисправность вам отдали приказание, несообразное с обычаями и честью; а вы поторопились сделать возражение, несогласное с законом. Внимание всей команды было возбуждено в присутствии адмирала. Неужели вы поступили бы иначе на моем месте? Нужно иметь более героизма и более обширный взгляд на жизнь, а в особенности на службу. Пора нам перестать считать себя помещиками, а матросов крепостными людьми. Матрос есть главный двигатель на военном корабле, а мы — только пружины, которые на него действуем. Матрос действует парусами; он же наводит орудия на неприятеля. Матрос бросится на бордаж, если понадобится. Все сделает матрос, если мы, начальники, не будем эгоистами, не будем смотреть на службу как на средство для удовлетворения своего честолюбия, а на подчиненных как на ступени для собственного возвышения. У многих командиров служба на судах не клеится оттого, что они неверно понимают значение дворянина и презирают матроса. Вы также не без греха. Помните, как шероховато ответили вы мне на замечание мое по случаю лопнувшего бизань-шкота? Я оставил это без внимания, хотя и не сомневался в том, что мне ничего не стоит заставить вас переменить способ выражений в разговоре с адмиралом. Познакомившись с вашим нравом, я предоставил времени исправить некоторые ваши недостатки, зная из опыта, как вредно безжалости ломать человека, когда он молод и горяч. А зачем же ломать вас, когда, даст Бог, вы со временем также будете служить как следует. Пригодятся еще вам силы, и на здоровье! Выбросьте из головы всякие неудовольствия и слу-

жите себе по-прежнему на фрегате. Этот случай для вас не без пользы. Опыт, как сталь, нуждается в закалке. Ежели вы не будете падать духом в подобных обстоятельствах, то со временем станете молодцом. Неужели вы думаете, что мне легко было отдать вам то приказание, о котором мы говорили; да и мало ли что не легко обходится нам в жизни.

Я вышел из адмиральской каюты совершенно вылеченным от припадка нравственной болезни, с которой вошел в нее. Как опытный доктор, Павел Степанович умел подать скорую и верную помощь, а это было ясным доказательством того, что он был великий моралист и педагог.

Вот еще один случай, в котором обнаруживается теплое отношение Нахимова к служащим.

Однажды, во время командования отрядом судов у кавказского берега, имея свой флаг на фрегате «Кагул», Павел Степанович проходил мимо укрепления Сумбаши. Приказав лечь в дрейф, он предложил офицерам съездить на берег, чем те тотчас же воспользовались. Офицеры в укреплении приняли гостей очень радушно и сообщили, что в крепостном лазарете лежит морской офицер Стройников, больной рожей. Моряки отправились навестить товарища по мундиру и нашли его в жалком положении. Стройников лежал в толстом солдатском белье, не имея при себе ничего — ни сахара, ни гроша денег. Это случилось будто бы потому, что с «Пилата», на котором находился Стройников, поторопились свезти его на берег из опасения, чтобы болезнь не осложнилась от сырости, и второпях забыли снабдить необходимым.

Вернувшись на фрегат, офицеры доложили обо всем Павлу Степановичу. Тотчас же был призван адъютант, заведовавший хозяйственной частью.

— Пошлите сейчас же Стройникову чаю, сахару, лимонов и провизии, какая у нас есть, — сказал Павел Степанович. Адъютант поморщился.

— Лимонов и провизии мало, а достать нелегко, — доложил он. Но адмирал не отменил приказа.

— Много ли у нас денег? — спросил он.

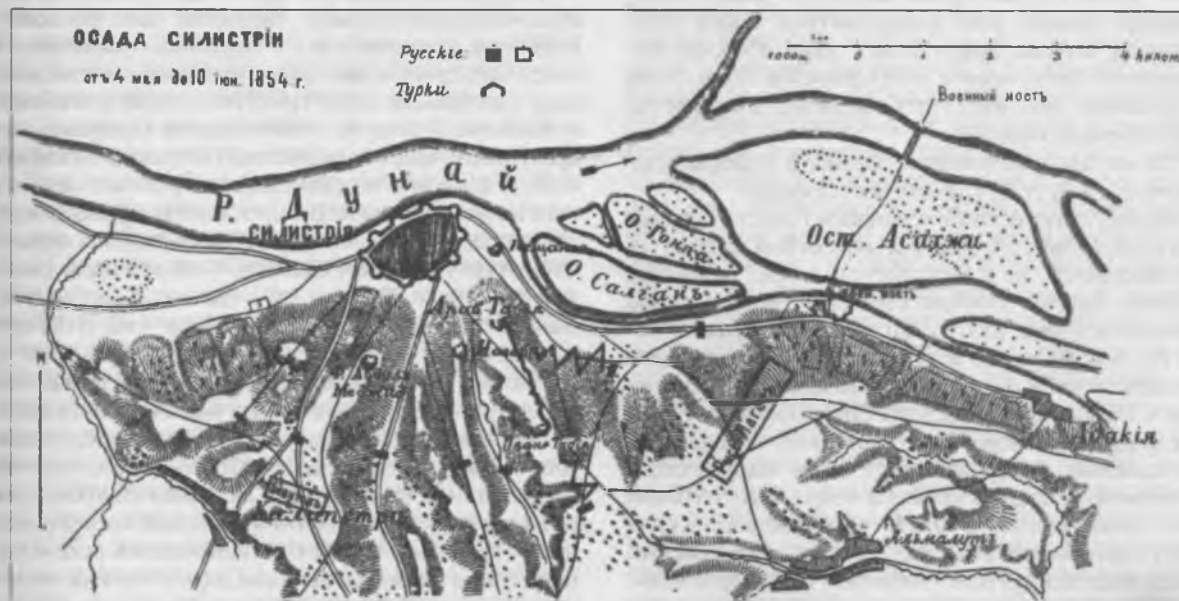
— Двести рублей.

— Ну и пошлите все двести.

Офицеры еще от себя прибавили белья, и все тотчас же было послано Стройникову. Затем Нахимов приказал направить «Кагул» на дистанцию крейсера «Пилат» и вытребовал к себе командира. Адмирал встретил его сухо и спросил:

— Скажите, как могли вы сбросить больного офицера на берег, не снабдив его ни бельем, ни провизией, ни всем необходимым?

Командир оправдывался тем, что разводило зыбь и он торопился отойти от берега.

Осада Силистрии

— Стыдно-с,— сказал ему Нахимов.— Простительно было бы поступать так мне, человеку одинокому, у которого сердце должно быть черствее. А вы человек семейный. У вас дети; есть сыновья. Что, если бы с одним из них так поступили? Прощайте-с, больше я ничего не имею сказать.

Затем адмирал приказал снарядить шкуну, идти в Сумбаши и перевезти больного Стройникова в Севастополь.

Все эти факты достаточно обрисовывают характер этого необыкновенного человека, который жил увлечением, действовал силой увлечения и погиб от увлечения. Отнимите у него способность увлекаться, и его типичная личность потеряет то обаяние, которое покоряло ему сердца.

Однажды корабль «Силистрия», под командой Павла Степановича (1836), находясь в практическом плавании, едва не потерпел крушение от столкновения с кораблем «Адрианополь», который при производстве эволюции сделал неудачный маневр и очутился весьма близко от «Силистрии». Павел Степанович, стоя наверху, видел, что столкновение неизбежно. «С крьюселя¹ долой!» — скомандовал он, после чего всех отослал на шкафут за грот-мачту, а сам остался на юте. Старший офицер упрашивал его сойти вниз, но он не обратил внимания.

«Адрианополь» всей массой своей готов был раздавить «Силистрию». Трудно представить себе момент более страшный.

С замиранием сердца, затаив дыхание, ожидала команда «Силистрии» этого момента, глядя на своего командира, бесстрашно стоявшего на юте. И вот «Адрианополь» врезался около готрусленей². Затрещал утлегарь; половина готрусленей порвана; еще минута — все бизань-ванты срезаны как ножом. С треском полетел с боканцев 12-весельный катер; закачалась бизань-мачта; и крьюс-стенга³ рухнула вниз, сломив марс и бегинь-рей и осыпав осколками Павла Степановича. По счастливой случайности его не ушибло. Провидение хранило его для будущих подвигов и славы России. Еще минута — и «Адрианополь» был уже за кормой. Люди вздохнули, перекрестились и бросились исправлять повреждения.

Дело было перед вечером. На другой день, в 10 часов утра, на «Силистрии» поднят был сигнал: «Повреждения исправлены». Только люди, знакомые с морской службой, могут оценить громадные труды, затраченные матросами для исправления повреждений.

Вечером, за чаем, старший офицер спросил Нахимова, почему он не хотел сойти с юта, подвергаясь опасности без всякой надобности. Павел Степанович отвечал:

¹ Марсель (парус) на задней (бизань) мачте.

² Площадки вне корабля, по обе стороны средней мачты, за которые крепятся ваны.

³ Продолжение бизань-мачты.

— Такие случаи представляются редко, и командир должен ими пользоваться. Надо, чтоб команда видела присутствие духа в своем начальнике. Быть может, мне придется идти с ней в сражение; вот тогда это отзовется и принесет несомненную пользу.

Слова знаменательные; слова, в которых заключались истоки Синопской победы.

Наряду с мужеством воинским Павел Степанович обладал и гражданским мужеством. В 1833 году находился он в Балтийском море, в эскадре Беллинсгаузена. Погода стояла бурная; эскадра находилась недалеко от Дагерорда. Открылся маяк, но вскоре исчез в тумане. На фрегате зорко следили за всем и определяли место по крюйс-пеленгу. Казалось, все обстоит благополучно. Но не так думал Нахимов. По его мнению, эскадра шла на камень. Ветер крепчал; ночь надвигалась. В полночь Нахимов позвал к себе в каюту только что сменившегося с вахты лейтенанта и, проверив с ним вместе по карте свое предположение, велел поднять сигнал: «Флот идет к опасности».

Тому, кто знаком со строгой дисциплиной военно-морской службы, понятно, чем рисковал Нахимов, решившись на подобное распоряжение. Эскадрой командовал один из достойнейших адмиралов, известный по своему плаванию к Южному полюсу, отмеченному многими открытиями; человек серьезный, строгий к самому себе и к своим подчиненным, требовавший от них неуклонного исполнения его приказаний.

Делать сигнал, который указывал адмиралу, что он не туда ведет эскадру, — на это надо было много отваги. Ведь и сам Нахимов легко мог ошибиться, и тогда его смелый шаг стоил бы ему карьеры. Но вычисления Павла Степановича оказались верными. Не заметив сигнала, корабль «Арсис» наскочил на камень и пушечными выстрелами заявлял о своем бедствии. Для облегчения ударов срубили все мачты и бросили в воду орудия верхней палубы. Два дня спустя ветер стих, облегченный корабль сошел с камней и был отбуксирован в Або. «Императрица Мария» и шкуна «Град» успели поворо-

П. С. Нахимов в Севастополе.
С картины И. Прянишникова

тить и благополучно перескочили через камни. Еще несколько минут прежнего пути — и они потерпели бы крушение. Когда император впервые после этого случая увидел Нахимова, он удостоил его следующими милостивыми словами:

«Я тебе обязан сохранением эскадры. Благодарю тебя; я никогда этого не забуду».

Еще на службе в Балтике Нахимов познакомился и подружился с Корниловым. Он очень желал, чтобы Корнилов был назначен командиром Севастопольского порта. Бескорыстно преданный делу, он забывал о своем старшинстве, желая только одного: преуспевания Черноморского флота. «Мое дело, — говорил он, — водить флоты в море, а административные занятия не имеют для меня ничего привлекательного». Такое же самоотвержение высказал он и при начале осады Севастополя, выражая желание повиноваться генералу, младшему по службе, но более его сведущему в деле сухопутной войны.

В 1852 году между Турцией и Россией возникли недоразумения по поводу прав и преимуществ, дарованных турками ее православным подданным по Кючук-Кайнарджийскому и Адрианопольскому трактатам.

В феврале 1853 года князь А. С. Меншиков отправлен был в Константинополь для пояснения Оттоманской Порте законных требований России. Длившиеся четыре месяца переговоры не привели к желаемому результату. Блистательная Порта, подстрекаемая двумя морскими державами, Англией и Францией, после бесконечных проволок отказала наотрез. Меншиков уехал, а в самый день его отъезда англо-французская эскадра появилась у входа в Дарданеллы.

Несмотря на явно враждебные действия Порты, в Петербурге все еще продолжали надеяться, что она образумится. Эскадре Нахимова, крейсировавшей между Крымом и азиатским берегом, предписано было держаться оборонительных, но не наступательных действий, без особого повеления не начинать боя, разве что сами турки начнут его.

Крейсерство на Черном море зимою и осенью очень опасно. В это время господствуют непогоды, порывистые ветры, туманы, шквалы и штормы. При таких условиях наблюдение за действиями неприятеля очень затруднительно.

В то время как Нахимов со своей эскадрой находился в этом трудном крейсерстве, в Севастополе получен был высочайший манифест о разрыве с Турцией. Пароход «Бессарабия» доставил это известие Нахимову 1 ноября вместе с разрешением располагать движением эскадры по своему усмотрению. Прочитав после молебствия высочайший манифест команде, Нахимов издал следующий приказ: «Неприятель иначе не может исполнить свое намерение атаковать Су-

хум, как пройдя мимо нас или дав нам сражение. В первом случае я полагаюсь на бдительный надзор команды и офицеров; во втором — с Божьей помощью, уверенный в своих офицерах и команде, надеюсь с честью принять сражение. Не распространяясь в наставлениях, я выскажу мысль, что в морском деле близкое расстояние от неприятеля и взаимная помощь друг другу есть лучшая тактика. Уведомляю гг. командиров, что в случае встречи с неприятелем, превосходящим нас в силах, я атакую его, будучи совершенно уверен, что каждый из нас исполнит свой долг».

Замечательно, что почти одновременно Корнилов издал приказ, оканчивавшийся теми же словами. Из такого сходства взглядов обоих адмиралов ясно видно, что они были ученики одного и того же великого учителя и одинаково понимали условия морского боя. Оба они с неусыпным вниманием следили за своими судами, оба умели предугадать и отвратить опасность. Как тот, так и другой зрело обдумывали всякое предприятие и, решившись, не колебались более и с быстротой пользовались обстоятельствами.

В промежутке времени от 1 до 11 ноября русские имели несколько удачных дел с турками. На Дунае тяжелая, малоподвижная русская флотилия победоносно прорвалась под огнем солидных батарей с орудиями огромного калибра. На Дунае же турецкая флотилия постыдно отказалась пройти под огнем четырех полевых орудий. На море пароход «Бессарабия» взял турецкий транспорт без выстрела. Три турецких парохода бежали от одного русского парусного фрегата, который, из-за безветрия, был лишен возможности двигаться с быстротой, необходимой для боя. Наконец подвиг нашей «Колхиды», попавшей на мель и успевшей сняться с нее под адским пушечным огнем неприятеля, фактически доказал несокрушимое геройство наших моряков.

Но перед Европой, благодаря ложной информации турок, все эти подвиги были выставлены в превратном виде. Рассказывалось, что турки победоносно отбивались от русских; что при одном столкновении русский командир переодел всю свою команду в турецкие костюмы. После Синопского разгрома писали, что офицер эскадры Нахимова, захватив турецкий фрегат, дорубил остаток команды, а у одного турка вырезал кусок мяса и съел его, за что получил Георгия.

Между тем Нахимов, получив известие о появлении неприятельских судов в стороне Синопа, последовал со своей эскадрой туда же.

Погода стояла бурная. Восьмого ноября свирепствовал сильный шторм. Эскадра, однако, не потеряла курса; но адмирал вынужден был отпустить в Севастополь два корабля для починки. В эскадре осталось только три 84-пушечных ко-

рабля: «Императрица Мария», «Чесма» и «Ростислав». С ними-то и подошел Нахимов 11 ноября на две мили к Синопской бухте.

В ней стояла на якоре турецкая эскадра в составе семи фрегатов, трех корветов и двух пароходов под прикрытием береговых батарей. Это была та самая эскадра, которой незадолго перед тем удалось ускользнуть от Корнилова, Новосильского и самого Нахимова. «Так вот же она наконец!» — в восторге крикнули моряки.

Атаковать эскадру, стоявшую под защитой береговых батарей, всего с тремя кораблями было бы безумием; а потому Нахимов решил подождать возвращения своих двух кораблей, за которыми послан был бриг «Эней», а тем временем блокировать турецкую эскадру. На случай выхода турецкой эскадры из бухты адмирал решился, несмотря на огромное превосходство сил неприятеля, преградить ему дорогу.

Турецкая эскадра не двигалась с места. Туркам легко было воспользоваться темными бурными ночами и ускользнуть из опасной гавани; но они этого не сделали. Им нравилась спокойная стоянка в бухте, защищенной дугообразным полуостровом от порывистых северных ветров. При этом турецкий адмирал имел полное основание рассчитывать на шесть береговых батарей, под прикрытием которых бой с русскими парусными судами мог казаться не только безопасным, но и выгодным. При искусном руководстве оно так бы и было. Кроме того, адмирал мог снять со своих бортов, обращенных к берегу, орудия и уставить ими городской берег. Тогда русские корабли, откуда бы они ни подошли, подверглись бы страшным продольным выстрелам, и сила турецкого огня удвоилась бы. Ничего, следовательно, опасного не было бы для турок в Синопской гавани, если бы они своевременно приняли меры, согласные со здравым смыслом и наукой. Опасно было их невежество и незнание дела, а при таких условиях море опасно всегда, даже и без неприятеля.

Нахимов полагал, вероятно, что неприятель поступит так, как он поступил бы на его месте, и под постоянным дождем и снегом продолжал блокаду, с нетерпением ожидая возвращения своих двух кораблей. Наконец 16 ноября на горизонте показались суда, но не два, а целая эскадра. Ура! Это была эскадра Новосильского, посланная на помощь Нахимову: три 120-пушечных корабля «Париж», «Великий князь Константин», «Три святителя» и два фрегата: «Кагул» и «Кулевчи». Теперь численное превосходство оказалось не на стороне турок. Осман-паша потерял голову. Пропустив удобное время для выхода в море, он теперь только и думал о том, как бы вытребовать помощь из Константинополя.

С восторгом приветствовала эскадра Нахимова прибытие товарищей. Все знали, что это прибытие — сигнал к давно ожидаемому бою. Сам адмирал едва сдерживал желание атаковать неприятеля. Он глубоко верил в святость русского дела, знал, что эскадра разделяет его геройскую отвагу, его преданность отечеству и долгу, и не сомневался в успехе.

На другой же день по приходе эскадры Новосильского, 17 ноября, на флагманский корабль были приглашены Новосильский и все командиры. Вскоре потом появился знаменитый нахимовский приказ. Все было предусмотрено, распределено, каждому кораблю назначено место. Приказ оканчивался следующими замечательными словами: «В заключение выскажу свою мысль, что все предварительные наставления при изменившихся обстоятельствах могут затруднить командиров, знающих свое дело; и потому я предоставляю каждому совершенно независимо действовать по усмотрению своему, но непременно исполнять свой долг. Государь император и Россия ожидают славных подвигов от Черноморского флота. От нас зависит оправдать ожидания».

В этих словах сказываются глубокая мудрость и обширный ум Павла Степановича. Без педантизма и начальственной напыщенности он предоставляет командирам свободу действий, полагаясь единственно на их преданность долгу и знание дела.

Успех морских битв подготавливается заблаговременно и зависит от начальников часто только до первого выстрела. С открытием же боя обстоятельства меняются. Зачастую дым мешает видеть сигналы. Иногда адмиральский корабль, вследствие повреждения, лишен возможности давать сигналы. Штормы или штили могут вдруг совершенно разрушить составленный заранее план. Понятно, с каким глубоким почтением и признательностью встретила команда распоряжения своего адмирала.

Атака была назначена на 18 ноября. Эскадра хорошо знала, что разве только шторм может побудить адмирала отложить давно желанную битву. Немедленно по получении приказа каждый радостно и с молитвой стал готовиться к бою.

Ночь была мрачная, бурная, дождливая. Уныло пробивалась 18 ноября утренняя заря сквозь обложившие небо свинцовые тучи. Над эскадрой ревел порывистый ветер с частым холодным дождем. В девять часов стало светло, и эскадра, по сигналу, спустила гребные суда. В половине десятого на адмиральском корабле подняли сигнал: готовиться к бою и идти на Синопский рейд. Отслужив молебен, эскадра с развевающимися национальными флагами быстро

Синопский бой

понеслась на неприятеля¹. На ходу, по сигналу, эскадра построилась в две колонны. Во главе первой колонны шел Нахимов на 34-пушечном корабле «Императрица Мария» (командир Барановский), во главе другой — Новосильский на 12-пушечном «Париже» (командир Истомин). За «Императрицей Марией» шли 120-пушечный «Великий князь Константин» (командир Ергомышев) и «Чесма» (командир Микрюков), за «Парижем» — «Три святителя» (командир Кутров) и «Ростислав» (командир Кузнецов).

Был двенадцатый час дня. Обе колонны, при порывистом ветре, неслись на всех парусах ко входу в Синопскую бухту. Вот поравнялись они с турецкой батареей №1. На салингах² стояли офицеры для наблюдений за действием артиллерийского огня. Впереди ясно обозначалась расположенная полукругом боевая линия турецкого флота. Левый фланг этой линии опирался на батарею №4, правый — на батарею №6. В центре боевой линии было оставлено значительное пространство для огня батареи №5, рас-

положенной перед городом на берегу, позади боевой линии эскадры. На фрегате «Ауни-Аллах», пятом с левого фланга, развевался вице-адмиральный флаг Османа-паши, а на фрегате «Низамиэ», девятом с левого фланга, — контр-адмиральный, Гуссейн-паши. Вследствие этой нелепой диспозиции из шести береговых батарей две должны были бездействовать. Турки уже заметили наступление русской эскадры и готовились к бою.

На русских судах прислуга стояла у орудий. Все взоры устремлены были на флагманский корабль в ожидании сигнала начать бой. Ровно в двенадцать часов взвился флаг, обозначающий полдень — адмиральный час. Этот обычай, практикуемый в мирное время, выполнен был и теперь с чисто морским шиком.

Еще полчаса томительного ожидания... Русская эскадра продолжала наступать.

С турецкого адмирального фрегата блеснул огонь, грянул выстрел, за ним другие... Синопская бухта задрожала, застонала под неумолка-

¹ Английские офицеры, собиравшие впоследствии на месте подробности битвы, не могли воздержаться от должной похвалы поражающей решимости, с которой русская эскадра неслась на кровавое пиршество безукоризненным строем.

² Перекладина на стене.

Генерал-адъютант, светлейший князь
А. С. Меншиков

мым перекатом грома турецких орудий. Русская эскадра шла почти без выстрела в самый центр турецкой боевой линии под убийственным перекрестным огнем. Флагманские корабли, особенно «Императрица Мария» под флагом Нахимова, были буквально осыпаны градом ядер, книпелей и картечи. По счастью, турецкая артиллерия, вместо того чтобы бить по палубам и в подводные части, метила выше, по мачтам и такелажу, в надежде, что команды побегут убирать паруса. Но наваринскому герою Нахимову хорошо были известны приемы турецких моряков, и матросам заранее был отдан приказ «взять паруса на гитовы»¹, т. е. уменьшить давление ветра на них.

Русская эскадра бойко неслась вперед, на ходу осыпая редкими снарядами мелькавшие мимо ее бортов неприятельские суда. Но вот корабль «Императрица Мария», бросив якорь против неприятельского флагманского фрегата и повернувшись на шпринге, стал громить своего противника всеми орудиями правого борта.

Прицелы были так верны, что турецкий флагман «Ауни-Аллах», несмотря на поддержку батареи №5 и бывшего русского фрегата «Рафаил»², переименованного турками в «Фазли-Аллах» («Богом данный»), не выдержав и получасового огня, отклепал якорную цепь и бросился наутек. Течением и ветром понесло его между боевыми линиями. Проходя мимо второго русского флагмана «Париж», беглец должен был выдержать его разрушительные продольные залпы, после чего, расстрелянный и усыпанный трупам, он был выброшен на мель под самой батареей №6.

Едва успел «Париж» проводить продольным залпом «Ауни-Аллаха», как завязалась у него борьба с фрегатами «Дамиад» и «Юлли-Сефиз», к которым на помощь подошел вскоре «Низамиэ». Метким выстрелом с «Парижа» «Юлли-Сефиз» был вскоре взорван. Во время этой жестокой борьбы корабль «Императрица Мария», оставаясь под перекрестным огнем батареи №5 и фрегата «Фазли-Аллах», сосредоточил весь свой огонь на этом фрегате. Вскоре на нем вспыхнул пожар, и, следуя примеру своего флагмана, он также отклепал якорную цепь и бросился к берегу у самого города, где и погиб, объятый пламенем.

Таким образом исполнился приговор русского царя, произнесенный над этим фрегатом двадцать пять лет тому назад: «Если когда-нибудь «Рафаил» снова попадет в наши руки, предать его огню как недостойного носить русский флаг».

Павел Степанович с подозрной трубой в руках следил за действиями эскадры и восхищался маневрами корабля «Париж». Зная, как высоко ценится его одобрение, адмирал приказал благодарить «Париж» сигналом. Но сделать сигнал оказалось невозможным: неприятельские снаряды перервали сигнальные фалы.

Отбросив к берегу «Дамиад», «Париж» стал бороться к «Низамиэ». Нахимов хотел было идти на помощь «Парижу», но тот управился и сам. «Низамиэ», с перебитыми мачтами, отклепал якорную цепь и выбросился на берег недалеко от города, где вскоре и загорелся.

Уничтожив таким образом четыре фрегата и один корвет, русские флагманские корабли поворотились параллельно батарее №5 и сосредоточили на ней все свои силы.

Следовавшие за флагманами русские суда, стоя на якоре, продолжали пальбу. Против корабля «Великий князь Константин» действовали кроме батареи №4 два турецких фрегата и один корвет. Заметив, что «Великий князь Константин» в опасно-

¹ Подобрать парус.

² Это был единственный морской трофей турок за все войны их с русскими. Он достался туркам без боя в 1829 г. по непостижимой оплошности командира. Когда командир и офицеры «Рафаила», после заключения Адрианопольского мира, вернулись из плена, все они были разжалованы в матросы без выслуги. Командир умер с горя.

сти, следующий за ним корабль «Чесма», не обращая внимания на направленный на него огонь батареи №3, сосредоточил свой огонь против угрожавшего «Константину» фрегата «Навек-Бахри». Спустя 20 минут меткими выстрелами с корабля «Великий князь Константин» «Навек-Бахри» был взорван. Груды обломков и тел, выкинутых этим взрывом на берег, завалили батарею №4 до такой степени, что она вынуждена была прекратить огонь.

Покончив с одним врагом, «Великий князь Константин» начал расстреливать действовавших против него фрегат и корвет. Русское ядро перебило якорную цепь фрегата «Насим-Зефер», и ветром понесло его на остаток мола против греческого предместья Синопа. Вскоре затем и корвет «Неджи-Фешан» выброшен был на берег к батарее №5.

В то же время «Чесма», поворотившись к батареям №4 и 5, учащенными выстрелами срыла их до основания.

В начале боя, во время борьбы «Парижа» с вражескими судами, у следовавшего за ним корабля «Три святителя» неприятельским выстрелом был перебит шпринг, и корабль, вращаясь вокруг своего якоря, был отнесен ветром к северо-западу, кормой прямо к батарее №6. Неприятель воспользовался этим случаем и стал поражать «Три святителя» продольными выстрелами, сильно повредившими такелаж и мачты. Положение корабля «Три святителя» становилось критическим. Мичману Варницкому приказано было с баркаса завести верп. Едва успел Варницкий отвалить от борта, как его судно было пробито ядром. Отлетевшей щепой Варницкий был ранен в руку, а баркас пошел ко дну. Несмотря на раненую руку, Варницкому с командой удалось перескочить на другой баркас и под сильнейшим неприятельским огнем исполнить поручение. Заняв снова надлежащее положение, корабль «Три святителя» скоро принудил фрегат «Каиди-Зефер» выброситься на берег.

Другой следовавший за «Парижем» корабль «Ростислав» находился под сильным огнем корвета «Фейзи-Меабуд» и батареи №6. Во время боя на «Ростиславе» случилось несчастье, стоившее этому кораблю немало жертв. Неприятельская граната, ударив в одно из средних орудий «Ростислава», разорвала его, разбила палубу и зажгла кокор (пороховой ящик), причем было ранено и обожжено до сорока человек. Горящие части тпали у входа в крюйт-камеру. «Ростиславу» грозила страшная опасность: от одной попавшей в крюйт-камеру искры корабль мог взлететь на воздух. В эту минуту необыкновенное хладнокровие обнаружил мичман Колокольников. Закрыв двери и все отверстия, он так усердно стал тушить

пожар, что вскоре миновала всякая опасность. Продолжая действовать против наделавшего ему столько зла «Фейзи-Меабуда», «Ростислав» принудил его выброситься на берег; а в четвертом часу дня срыл до основания батарею №6.

Во время боя турецкие пароходы «Таиф» и «Эрекли» не оказывали эскадре никакой помощи, тогда как при своем прекрасном вооружении и быстроходности они могли бы сильно вредить русским кораблям, встав за кормою или перед носом и поражая их продольными выстрелами. Но об этом не подумали ни командир «Таифа», англичанин След (Гобарт-паша), ни командир «Эрекли». Вместо того чтобы руководиться правилом, что взаимная помощь друг другу есть лучшая тактика в морском бою, они оставались все время в бездействии за боевой линией. Когда След убедился, что для эскадры пропала всякая надежда на спасение, он счел за лучшее ретироваться. За ним погнались было наши парусные фрегаты «Кагул» и «Кулевчи», но, разумеется, догнать не могли. «Таиф» беспрестанно менял направление и наконец исчез из виду.

Тем временем поспешал к Синопу на пароходе «Одесса» адмирал Корнилов в сопровождении еще двух пароходов. В полдень увидели с «Одессы» русский флаг на корабле «Императрица Мария». «Помоги Бог Павлу Степановичу», — промолвил Корнилов и перекрестился. Вскоре услышали пальбу и увидели, как русские ядра, перелетая через перешеек, вспенивали море. Пароходы понеслись полным ходом и тут-то повстречались с бежавшим «Таифом». На адмиральском пароходе был поднят сигнал: «Атаковать неприятеля, поставить его в два огня!» «Одесса» погналась за «Таифом», стараясь пересечь ему путь. Но тяжелой, давно построенной «Одессе» трудно было соперничать с быстроходным «Таифом», и «Таиф» ушел, разбив ядром на «Одессе» штурвал¹ и убив рулевого.

Убедившись в невозможности догнать «Таиф», отряд Корнилова присоединился к эскадре Нахимова и приветствовал ее восторженным «ура». Когда «Одесса» остановилась против флагманского корабля, Корнилов беспокойно спрашивал: «Здоров ли адмирал?» Выхавший на катере встретить Корнилова офицер первый порадовал ответом: «Слава Богу! Павел Степанович жив». Увидев Нахимова на шканцах, Корнилов бросился обнимать его: «Поздравляю вас, Павел Степанович, с победой. Вы оказали большую услугу России и прославили свое имя!»

В пятом часу вечера бой был кончен; турецкий флот уничтожен². Остатки его, прибитые

¹ Колесо, двигающее рычаг, который, в свою очередь, поворачивает руль.

² Истреблено: семь фрегатов, шлюп, два корвета, один пароход и несколько транспортов.

к берегу, горели и взлетали на воздух, осыпая пламенем Синоп, древнюю столицу царя Понтийского. Город горел, жители бежали в горы; уничтоженные батареи безмолвовали; транспортные и купеческие суда затонули от попавших в них ядер.

Лейтенант Кузьмин-Короваев, посланный на уцелевший турецкий фрегат, чтоб приготовить его к отбуксированию, наткнулся на поразительную картину: взойдя на фрегат всего с десятком матросами, Короваев нашел на судне около 200 турок, человек 20 раненых и столько же убитых. Труп капитана лежал у дверей его каюты. Беспорядок на судне невольно привлекал внимание. Порох был рассыпан по всей батарейной палубе, крыйт-камера открыта, а турки, покорные кismetу (предопределению), сидели и... курили.

Приказав прекратить курение, лейтенант немедленно распорядился, чтобы закрыли крыйт-камеру и эшелонами перевозили пленных на русские суда. Раненых же положили на баржу, посадили с ними двадцать человек здоровых, поместили их багаж, запас сухарей и отправили в Синоп. Вместе с ранеными был отправлен турецкий доктор из армян. Доктору и здоровым пленным лейтенант объявил через переводчика, что их отправляют для того, чтобы устроить своих раненых товарищей в городской госпитале. Турки с восторгом бросились целовать руки лейтенанту, а доктор-армянин встал на колени и закричал: «О, Ave Maria!»

А в иностранных газетах писали, что русский офицер, явившись на фрегат, дорубил всех турок, отрезал от убитого кусок мяса и съел!

Всю ночь пароходы были заняты отбуксированием пылавших турецких судов из опасения, чтобы с переменной ветра их не нанесло на русскую эскадру. Уцелевшие турецкие матросы бежали, оставив своих офицеров и раненых товарищей. На утопавшем фрегате «Ауни-Аллах» найден был командир турецкой эскадры, Осман-паша. Когда фрегат, на котором он сражался, стал тонуть, команда (как рассказывал сам паша) вышла из повиновения, ограбила своего адмирала, отняв у него часы, деньги, платье, и бежала на берег. Несчастный старик с перебитой ногой, по пояс в воде, держась руками за пушечный брюк (канат, прикрепляющий орудие к борту), непременно погиб бы, если б не был снят с погружавшегося фрегата русской шлюпкой. В числе пленных находилось еще два тяжело раненных командира, оставленных своими командами.

Разбирая критически действия русской эскадры, самый строгий судья должен отозваться о них с полным одобрением. Во всех чинах эскадры, от героев-адмиралов до матросов включительно, выказались удивительное присутствие

духа, беззаветная отвага, быстрое и отчетливое отправление всех мельчайших маневров, словом — все те качества, которые характеризуют идеальный тип моряка. Адмирал Нахимов предоставил своим командирам свободу действий, и они блистательно оправдали его доверие.

Здесь будет уместно привести со слов очевидца рассказ о штурманском офицере Родионове, смертельно раненном на «Париже». Мичман Ребиндер, командуя верхней батареей, получил от адмирала приказ сосредоточить орудия на береговой батарее, сильно бившей в корму. Не имея возможности из-за дыма видеть со шканцев направление батареи, Ребиндер просил Родионова, стоявшего на юте, указать направление. В ту самую минуту, когда Родионов протянул руку, чтоб указать направление, ядро оторвало эту руку и бросило на шканцы. Родионов зашатался и упал. После сражения Ребиндер, считая себя невольным виновником несчастья, пошел навестить раненого товарища. Родионов был спокоен и весел, несмотря на только что перенесенную мучительную операцию. Он все еще чувствовал оторванную руку, и ему казалось, что он шевелит пальцами.

В числе несчастных жертв при разрыве орудия на «Ростиславе» был матрос Майстренко. Ему выжгло оба глаза. Во время продолжительного пребывания в севастопольском госпитале его единственным утешением были воспоминания о блестящем Синопском деле и об адмирале Нахимове. «А Нахимов-то, вот смелый! — с восторгом восклицал Майстренко. — Ходит себе по юту, да как свистнет ядро, он только рукой махнет; туда, мол, тебе и дорога».

С истреблением неприятеля еще не была полностью решена задача русской эскадры. Нахимов предвидел, и вполне обоснованно, что известие о Синопском погроме вызовет со стороны союзников Порты враждебные действия, и на этот случай признал необходимым скорей привести эскадру в Севастополь.

Тотчас же по окончании сражения наиболее потерпевшие суда наши, «Императрица Мария», «Три святителя» и «Ростислав», начали исправлять повреждения. Все без исключения чины эскадры работали над этим. Передышка была сделана ненадолго, только чтоб отслужить благодарственный молебен и похоронить убитых. Несмотря на физическую и нравственную усталость, несмотря на порывистый восточный ветер, развопивший огромное волнение, работы шли так успешно, что через 36 часов суда были готовы к отплытию. Утром, 20 ноября, эскадра снялась с якоря и при помощи пароходов направилась в Севастополь, куда и прибыла 22-го числа.

Известие о победе было уже получено в Севастополе, восторженный прием ожидал победителей.

ный, он смотрел на себя как на орудие Провидения и благодарил Бога за дарование ему и его сподвижникам возможности исполнить святость присяги. Кто-то прислал ему образ Николая Чудотворца. Адмирал был искренно обрадован этим подарком.

По мнению специалистов, Синопская победа была событием замечательным. «Битва славная, — писал своей жене Владимир Алексеевич Корнилов, — выше Чесмы и Наварина. Ура, Нахимов! Михаил Петрович Лазарев радуется своему ученику».

Моряки сделались героями дня. В Севастополе был настоящий светлый праздник; встречаясь, целовались, поздравляли друг друга, кричали «ура»; имя Нахимова было у всех на устах. Матросов задаривали табаком и деньгами. Там и сям виднелись кучки народа, которые, собравшись вокруг синопского героя, матросика, громко слушали его бесхитростное повествование.

«А вот, братцы вы мои, Синопу эту самую мы взяли в четыре часа. Ей-богу! Четыре часа не прошло, как уж взяли. Пришли мы таперича на этих «Трех святителях», Павел Степанович и говорит: “Меня самого принимайте на штыки, коли отбой велю вдарить”. И сейчас начали палить. Ничего не слышно, только гул стоит. Почитай, ничего и не видно. Стреляли, стреляли; вот наша бомба зажгла турецкий корабль. Горит как свечка, а люди на ем; беготня, суета. Вот как пламя-то дошло до пороха... тррах!.. и разлетелся корабль со всеми своими людьми. Как взглянул я наверх, а там... и Боже мой! Бревна, бочки, пушки, люди — все летит вверх.

— А что, страшно было? — спрашивает кто-то из толпы.

— Ничего не страшно; разве только спервоначала. А как станет враг палить, да наши валиться, то словно остервенеешь; так бы на него и полез. А потом привыкнешь, и вовсе не страшно».

Пока Россия радовалась и ликовала, дипломаты находились в унынии. Они предвидели, что последствием Синопской победы будет объявление Англией и Францией войны России — и не ошиблись.

В настоящее время можно сказать наверное, что с ясно определенной целью предприняла войну 1853 года только одна из трех враждебных нам держав, Англия. Ее задачей было уничтожение нашего Черноморского флота. Этот флот был постоянной угрозой для Турции. При северном ветре в два дня он мог перенестись из Севастополя в Босфор¹. Не обращая внимания на турецкие батареи, под огнем которых ему

предстояло проплыть всего несколько минут, этот флот легко мог высадить десант на европейский берег. Опираясь на свои корабли, русская армия могла бы занять незащищенные высоты, господствующие над Константинополем, пока флот, обстреливая Босфор, прорывался бы к Золотому Рогу и осыпал своими гранатами Стамбул.

Англия, заручившись союзом с Францией, долгое время, как мы видели, маскировала свои действия. Ей не было расчета рисковать пока своим флотом.

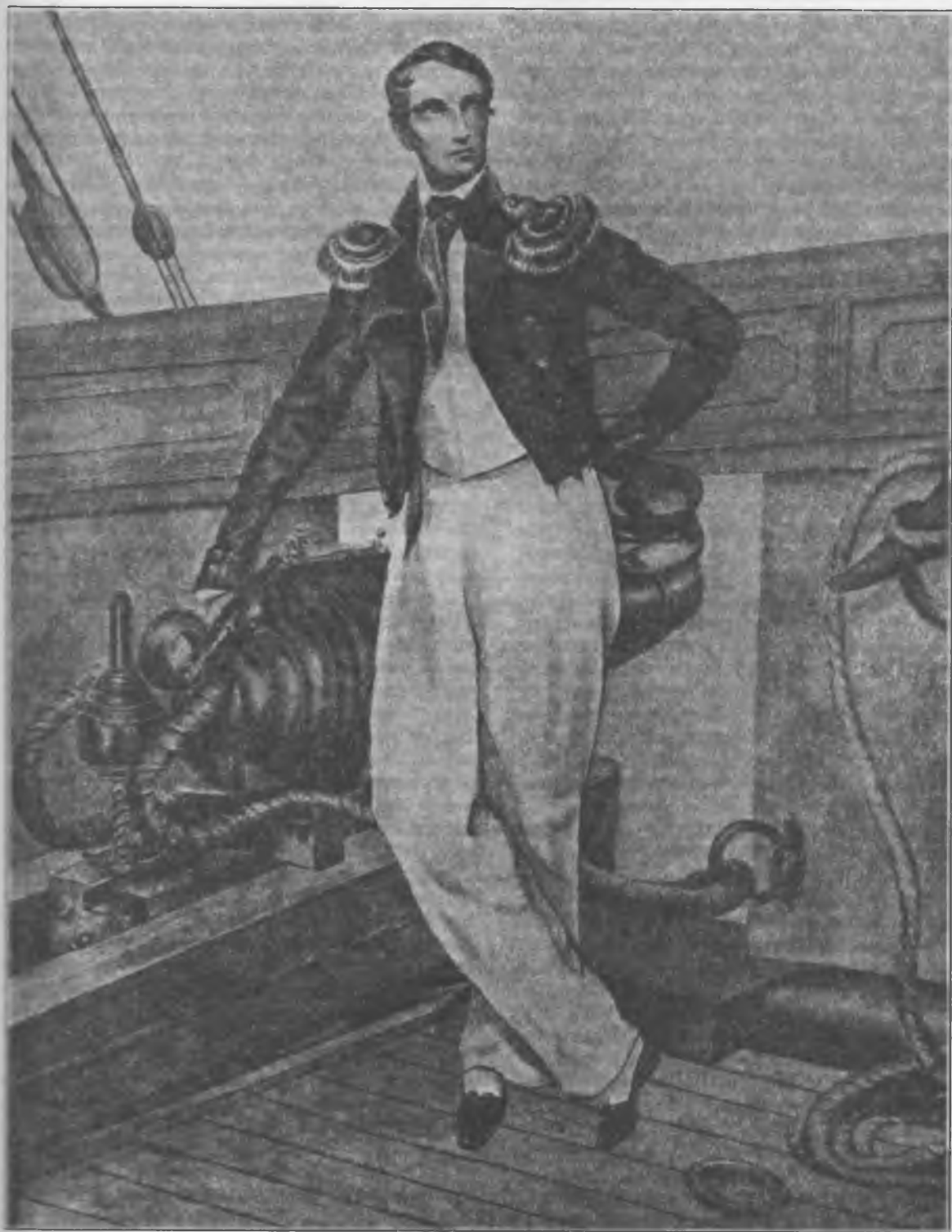
На вопрос России, какого образа действий Англия будет держаться, английское правительство отвечало, что Англия не желает воевать с Россией... Только в том случае, если последует с русской стороны нападение на один из турецких портов в Черном море, английская эскадра защитит турецкие порты от наступления русских. Таким образом на наш флот наложен был запрет, имевший целью парализовать его деятельность.

Англичане очень хорошо знали, что национальное достоинство русских не позволит им принять этот запрет во внимание; и не только национальное достоинство, но и простой расчет. Возможно ли было требовать от Черноморского флота, чтобы он бездействовал, допуская турок творить всяческие беззакония: снабжать оружием и порохом наших врагов черкесов, подкармливать турецкую армию в Малой Азии, доставлять ей подкрепления, высаживая десант в тылу нашей пограничной армии на нашем кавказском берегу, и, наконец, нападать на наши суда. Нет сомнения, что западные державы только потому и наложили запрет на Черноморский флот, что, по их убеждению, исполнение этого запрета было невозможно. В случае же нарушения запрета Англия имела благоприятный повод вступить за турок. Таким поводом оказалась Синопская битва. Весьма возможно, что с этой именно целью турецкий флот был выдвинут вперед, в Черное море, где и нашел себе погибель. Словом, Англия открыла свои карты.

В деле Севастопольской обороны имена Нахимова и Корнилова так тесно связаны между собой, что, говоря об одном, нельзя не упомянуть о другом. Поэтому прежде чем перейти к совместным действиям двух знаменитых адмиралов, мы познакомим читателя с личностью Корнилова.

Трудно начать говорить о человеке, не сказав ничего о том, каким образом он сделался тем, чем привыкли его видеть. Во всеоружии, как вышла Минерва из головы Юпитера, никто не родится. Родители, наставники, учителя — все эти

¹ Таков был план императора Николая, отмененный по настоянию Нессельроде.

К. П. Брюллов.
Портрет В. А. Корнилова на борту брига «Фемистокл».
1835 г.

лица имеют большее или меньшее влияние на развитие человека. Владимир Алексеевич Корнилов принадлежал к той счастливой семье моряков наших, которым выпало на долю начать службу в школе Лазарева, и, говоря о Корнилове, трудно не обратиться мысленно к его наставнику, преемником которого он сделался впоследствии.

Из незабвенных услуг отечеству М. П. Лазарева самая великая и поистине бессмертная заслуга состояла, конечно, в том, что он умел передать дух, живший в нем, людям им избранным; что он образовал целую семью людей, составивших честь и славу нашего флота.

Владимир Алексеевич Корнилов, сын заслуженного моряка, родился в 1806 году в родовом имении Тверской губернии. Выпущенный из Морского корпуса в 1823 году, Корнилов попал в разряд светских молодых людей и сильно увлекся столичными удовольствиями. Сначала он был прикомандирован к гвардейскому экипажу, но оставался в нем недолго. По ходатайству отца, ему удалось попасть в эскадру, назначенную к отплытию в Англию, на корабль «Азов» под командой Лазарева. Это обстоятельство совершило перелом в характере Корнилова и послужило основанием его дальнейшей карьеры. Лазареву, конечно, не понравилось легкомысленное отношение молодого моряка к жизни, постоянное чтение французских романов и небрежность к службе. Но со свойственной ему прозорливостью Лазарев тотчас же заметил даровитость молодого мичмана и решил перевоспитать его, подвергая строгим взысканиям за малейшее упущение.

Корнилов совсем упал духом и хотел было просить о переводе на другой корабль, как вдруг Лазарев потребовал его к себе для объяснения. После этого объяснения Корнилов побросал все свои французские романы за борт и принялся за технические морские и другие серьезные книги из капитанской библиотеки. Скоро во взглядах и привычках молодого мичмана совершился переворот, сделавший из него другого человека.

Когда Лазарев в 1832 году стал начальником штаба Черноморского флота, он перевел к себе понемногу своих любимых офицеров, в числе которых находился и Корнилов. Владимир Алексеевич приобрел уже репутацию трудолюбивого и ученого офицера, ему поручено было составить описание Босфора с его укреплениями. В то время Порты, недавно спасенная Россией от гибели, свободно допускала наши суда в проливы; и всякий раз, когда командир Черноморского флота поднимал свой флаг, Корнилов назначался к нему в начальники штаба.

В 1840 году заложен был в Николаеве под надзором Корнилова корабль «Двенадцать апостолов», который во всем Черноморском флоте

имел только одного соперника: «Силистрию» под командой Нахимова. Оба корабля были доведены их командирами до безусловного совершенства.

По примеру великого своего учителя, Корнилов щадил самолюбие своих подчиненных, оказывая им доверие и предоставляя простор их инициативе.

Часто после учения он призывал на ют офицеров, по очереди, и указывал в деликатной форме на сделанные ими ошибки. Иногда в разговоре адмирал рассказывал какой-нибудь случай из морской жизни прежних времен и, сравнивая прежние порядки с нынешними, делал такие ловкие намеки, что каждый, кого они касались, мотал себе на ус и старался исправить погрешности. При таких условиях служба на «Двенадцати апостолах» была для многих хорошей школой. Корнилов так же, как и Нахимов, держался убеждения, что одного страха недостаточно, чтобы влиять на подчиненных. В то время, когда господствовала суровость и даже жестокость в обращении с матросами, Корнилов стремился заменить телесные наказания другими, действующими на нравственную природу человека.

В 1846 году в чине капитана 1-го ранга Корнилов был послан в Англию заказать несколько пароходов для Черного моря. Изучая с юношеской пылкостью новейшие усовершенствования механики и всего, относящегося к морскому делу, Корнилов вернулся в 1848 г. с большим запасом разнородных сведений. Чувствуя в себе много сил и способностей, он горел нетерпением приложить свои знания к делу и потому очень был недоволен производством в контр-адмиралы с назначением состоять по особым поручениям при главном командире с правом голоса в общем присутствии черноморского интендантства. Для его кипучей природы обязанность, не налагавшая прямой ответственности, казалась бездействием, и, несмотря на внимание, постоянно оказываемое ему Лазаревым, новый род службы был до того не во вкусе Корнилова, что он стал помышлять об отставке. Скоро горизонт его расширился. Назначенный 23 апреля 1849 года исправляющим должность начальника штаба Черноморского флота и портов, он имел возможность применить к делу всю свою энергию.

Несмотря на то что моряки давно уже ожидали этого назначения, все были поражены необыкновенной способностью к управлению, которую выказывал Корнилов в новой для себя должности. Все те, которых он опередил, и даже бывшие его начальники увидели ясно, что имеют дело не с новичком, а с опытным начальником, которому известны все подробности дела.

Находясь на этом посту, Корнилов оказал в воспитательном отношении громадную пользу для морской молодежи.

Весьма естественно, что такое направление действий начальника штаба возвысило его еще больше в глазах благородного Михаила Петровича; и Корнилов, энергия которого всегда удваивалась, когда он видел, что ему оказывают доверие, трудился, почти не зная отдыха. Проводя от четырех до пяти часов в день в штабе, он рано утром принимал доклады и часто до поздней ночи работал в кабинете.

Многосторонние кабинетные занятия Корнилова в Николаеве не мешали ему часто посещать Севастополь. Любя всей душой морское дело, он говорил, что отдыхает на палубе корабля.

Когда отряд крейсеров возвращался на севастопольский рейд, Корнилов делал осмотр всем судам до мельчайших подробностей; снимался с якоря, устраивал тревогу, перемену парусов во время боя, вызывал abordажные партии, требовал со всего отряда гребные суда с десантом — словом, производил настоящий экзамен, который доставлял ему возможность оценивать познания и распорядительность старших и исполнительность младших. Понимая, что привести все суда к совершенству в боевом отношении можно только при едином обучении матросов, Корнилов ввел на всех судах практикуемое на «Двенадцати апостолах» артиллерийское учение со всеми усовершенствованиями.

Сознавая необходимость пополнить Черноморский флот паровыми судами, которые уже имелись за границей в значительном количестве, Корнилов представил записку об этом. Записка не прошла бесследно. Для Черного моря немедленно была предписана закладка нескольких винтовых кораблей, но они не успели вовремя. Гроза разразилась раньше, чем ожидали, и Черноморскому флоту пришлось спеть свою лебединую песню.

Во время пребывания государя императора в Севастополе в 1852 году Корнилов назначен был генерал-адъютантом к его императорскому величеству. Тогда же он и Нахимов произведены в вице-адмиралы.

В том же году, находясь при чрезвычайном посольстве князя Меншикова в Константинополе, Корнилов был отправлен на пароходе «Бессарабия» в Афины и на пути из Черного моря в Эгейское мог проверить свою опись, сделанную двадцать лет назад. С настойчивостью, достойной лучшего применения, князь Меншиков утверждал, что считает для нашего флота невозможным высадить десант у входа в Босфор и прорваться сквозь пролив до Золотого Рога, тогда как враги наши считали такие действия возможными и ожидали их.

Тем временем крейсера, которыми по плану Корнилова было оцеплено все Черное море, доставили от разных встречных судов сведения, что предметом первых действий турок будет кавказский берег, населенный враждебными нам горцами. Действительно, уже с начала 1853 года началось искусственное возбуждение турецкими эмиссарами кавказских горцев и распространение между ними толков о войне между Россией и Турцией. В сентябре, вследствие усиленного брожения умов среди кавказских горцев, а также по заявлению князя Воронцова о недостаточности вверенной ему армии в случае войны с турками, состоялся перевод 13-й дивизии на Кавказ.

Как известно читателю, 11 октября, эскадра Нахимова оставила Севастополь, и в тот же день началась война на Дунае. Турецкие укрепления близ Исакии открыли огонь по русской флотилии, крейсировавшей на Дунае.

Получив известие об этом в Одессе, князь Меншиков и Корнилов возвратились немедленно в Николаев. Решено было, что Владимир Алексеевич отправится в Севастополь известить начальников эскадры, приняв меры к охране города, с четырьмя пароходами произведет рекогносцировку турецких берегов.

Корнилов на пароходе «Владимир» 23 октября снялся с якоря в сопровождении четырех пароходов, а 26-го почти у входа в Босфор наткнулся на турецкую эскадру, о чем тотчас же дал знать князю Меншикову в Одессу. Вернувшись 28-го числа в Севастополь и приняв командование эскадрой, бывшей под флагом Новосильского, Корнилов издал приказ, который заканчивался следующими словами: «Действовать соединенно, помогая друг другу, и на самое близкое расстояние, по-моему, самая лучшая тактика».

На другой же день Корнилов снова отплыл в море с эскадрой в пять кораблей, но турки уже исчезли. Между тем от встречного купеческого судна адмирал узнал, что незадолго перед этим вышли из Босфора три турецких парохода. Поручив эскадру Новосильскому и отправив ее на соединение с Нахимовым, Корнилов на пароходе «Владимир» поспешил вперед. Война была уже объявлена, и стеснительный приказ «отражать», а не «нападать» был отменен.

Корнилов, 5 ноября, направляясь на соединение с Нахимовым, увидел вдали шесть больших судов и принял их сначала за эскадру Нахимова. Но тут же на более близком расстоянии показался большой неприятельский пароход. Корнилов немедленно пустился за ним в погоню и после четырехчасового преследования нагнал его. Неприятельский пароход оказался турецко-египетским «Перваз-Бахри» («Морской вьюн»), в 220 ло-

шадиных сил, с десятью орудиями большого калибра. После двухчасового боя «Владимир» перебил у «Перваз-Бахри» половину команды, убил капитана и принудил его спустить флаг. На русском пароходе рядом с Корниловым был убит адъютант его Железнов и один горнист; ранено трое нижних чинов. Это была первая наша победа на море, первое сражение между двумя колесными пароходами.

Между тем виденные вдали шесть судов исчезли. Впоследствии оказалось, что это была та самая эскадра, которая шла в Синоп.

Всю ночь провозившись с сильно побитым трофеем, Корнилов отправил его в Севастополь; но скоро и сам должен был последовать за ним: на «Владимире» не доставало угля.

За границей не верили победе «Владимира» и указывали на русскую реляцию об этом деле как на образец официальной лжи.

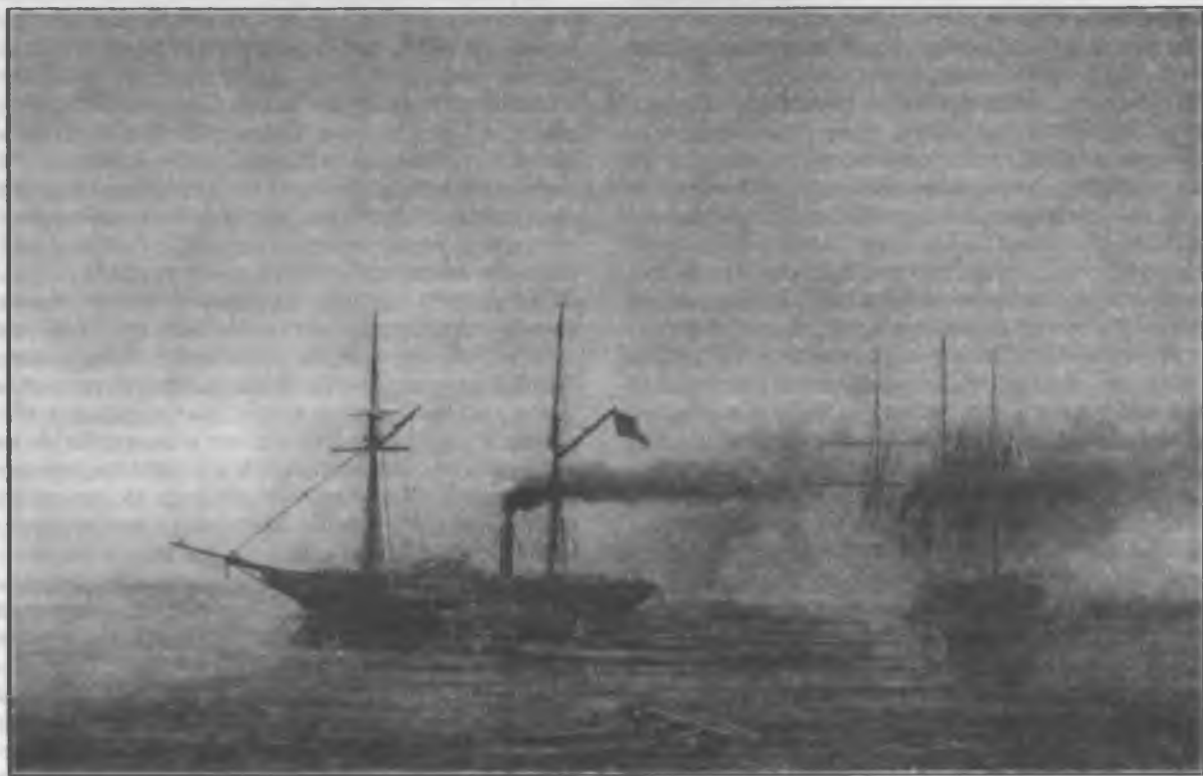
Известие об обнаружении турецкой эскадры в Синопе было привезено в Севастополь 12 ноября двумя кораблями, отправленными Нахимовым для починки. Словно по иронии судьбы Корнилов, так неустрашимо гонявшийся среди бушующих штормов за турецкими судами по всему Черному морю и первый открывший их

появление, был в то время в Николаеве. Он вернулся только 17 ноября и в тот же день на пароходе «Одесса», в сопровождении пароходов «Крым» и «Херсонес», полетел на всех парах к Синопу.

Читатель уже знает, как сердечно встретились адмиралы и что произошло потом. Не успев к началу драмы, Корнилову посчастливилось видеть ее эпилог. Поздно вечером на пароходе «Громоносец» Корнилов вошел в Севастополь, и скоро рейд огласился радостными криками.

И вот не прошло и двух лет со времени этого знаменательного события, как оба адмирала, украшение и гордость Черноморского флота, пали в неравной борьбе с врагом; а корабли, так победоносно спорившие с бурями, так радостно летевшие в бой, потоплены в родном порту, родными руками. Отчужденные от своего звания черноморцы прославились доблестью на ином поприще... Исчез Черноморский флот, но память о нем живет в сердцах народа, и его доблестные подвиги, начертанные на скрижалях истории, не забудутся никогда!

Буря, разыгравшаяся в Англии после Синопского разгрома, ясно обнаружила побуждения, которыми руководствовалась эта держава, объявив войну России. Эти побуждения коренились

Бой парохода-фрегата «Владимир» с турецким кораблем

в притязаниях всемирного господства над морями, особенно над Средиземным морем. Черноморский флот был приговорен к смерти единственно потому, что Великобритания усмотрела в нем помеху своим притязаниям. Наполеон III сыпал трескучими фразами «Мы идем защищать право христиан, свободу морей и наше справедливое влияние на Средиземном море», — как будто этому влиянию Россия угрожала более, чем Англия с ее могущественным флотом и Гибралтаром. Но Наполеону нужно было пустить пыль в глаза, чтобы поддержать свое обаяние и упрочить престол.

Утром 25 декабря впервые подошел к Севастополю английский пароход «Retribution» с депешами из Константинополя. Вследствие сильного тумана пароход не сразу был замечен. Он успел подойти так близко, что пока принимались депеши и доставлялись расписки, офицеры «Retribution» успели довольно подробно осмотреть Севастополь и средства его обороны. Вывод из этого осмотра был следующий: овладеть Севастополем с моря невозможно, но при помощи десанта, с сухого пути овладеть им не трудно. Это мнение и послужило впоследствии основанием плана осады Севастополя.

Замыслы неприятеля угадать было легко. Поэтому согласно распоряжению Меншикова сделана была диспозиция судов и приняты меры к обороне порта с сухого пути.

Вице-адмирал Нахимов 2 января 1854 года вступил в командование судами, стоявшими в боевой позиции в глубине рейда для защиты Севастополя, а оборона порта с сухого пути поручена была вице-адмиралу Станюковичу. Корнилов как начальник штаба имел высший надзор за всем, относящимся к обороне Севастополя с моря и с суши.

По объявлении нам войны Англией и Францией союзная армада вступила в Черное море. Материальное превосходство неприятеля состояло в огромном количестве паровых судов; и, несмотря на это, наши моряки-герои рвались в открытый бой с врагом. К несчастью, случая не представлялось. Союзники, так громко кричавшие о негодности нашего флота, явились сами в Черное море целой армадой и не показывались иначе близ Севастополя, как в двойном против нас количестве и в безветрие или при противном ветре, когда парусные суда наши обречены были на бездействие. Пароходы их, мелькая иногда на горизонте, не рисковали подойти близко и стремительно убегали от судов наших, которые не раз гнались за ними.

Когда князю Меншикову понадобилось вывести войска, чтобы обеспечить сообщение Севастополя с Россией, он поручил защиту города Корнилову.

Горячо принялся Корнилов за дело. День и ночь свозились орудия и снаряды с кораблей, заготавливались склады и депо, устраивались способы сообщений. В несколько дней воздвиглись оборонительные рубежи города. Несколько тысяч человек были заняты день и ночь земляными работами. Батареи росли и покрывались сотнями орудий. Неприятель, обходя Севастополь с востока, немало удивился, увидев словно из-под земли выросшие укрепления, снабженные орудиями самого большого калибра.

Наступление весны дало возможность заняться оборонительными работами и с сухого пути. Для ускорения работ отряжалось поочередно по тысяче человек матросов. Для помощи им Корнилов велел освободить арестантов. Он хорошо знал душу русского человека. Он знал, что в ту минуту, когда отечество в опасности, русский человек способен забыть свои интересы и самого себя. Какова бы ни была нравственная окраска разных лиц, любовь к родине уравнивает всех.

Необычайная энергия Корнилова в это время поражала всех очевидцев. Слабый и болезненный вообще, он предавался таким трудам, которые бывали не под силу людям во цвете лет. Адмирал вставал в шестом часу утра и через полчаса начинал прием лиц, являвшихся с разных сторон за распоряжениями. В восемь часов он садился на коня и ехал осматривать оборонительные работы. Весь день проходил в лихорадочной деятельности. В случае тревоги иногда приходилось вставать даже ночью и спешить, куда требовалось. Каковы бы ни были обстоятельства, Корнилов не терял самообладания. Там, где другие смущались и падали духом, он действовал. Жертвовать жизнью готовы были все, но взять на свои плечи бремя ответственности пришлось ему одному.

Владимир Алексеевич не упускал случая выказать свое уважение Нахимову. Он часто обращался к нему за советом, раза два в неделю, несмотря ни на какую погоду, ездил к нему на корабль или посылал своих флаг-офицеров. Со своей стороны Нахимов постоянно просил Корнилова не стесняться тем, что он, Нахимов, старший на рейде, и распоряжаться по своему усмотрению.

Находились услужливые люди, которые старались поссорить адмиралов, но это оказалось невозможным. Они оба слишком горячо любили службу, слишком свято понимали свой долг для того, чтобы из-за пустого тщеславия не помогать друг другу в общем деле — пользе и чести России.

В конце марта 1854 года Севастополь был уже в полной мере исправный военный порт. Все было обдуманно, предусмотрено; против всего приняты меры. Даже часовые на судах стояли ночью с заряженными ружьями.

В праздник Пасхи в Севастополе все были, как говорится, на чеку. Получено было известие, что сильный неприятельский флот появился в виду Одессы. Можно было ожидать, что неприятель явится внезапно, надеясь застать русских врасплох в этот торжественный для православных день. Действительно, начиная с 17 апреля и в течение всего лета неприятельские суда показывались в виду Севастополя, но в наступление не переходили.

К 1 сентября (1854 года) на севастопольском рейде стоял флот из четырнадцати кораблей, семи фрегатов, одного корвета, двух бригов и одиннадцати пароходов, не считая тех, которые оберегали некоторые пункты Черноморского побережья. С сухого пути Севастополь был охвачен сплошным кольцом укреплений. Несколько башен, построенных на возвышенности, могли обстреливать большое пространство.

В десятом часу утра 1 сентября показались на горизонте два корабля и за ними густой дым от множества пароходов. Около полудня городской телеграф дал знать, что союзный флот идет с десантом. Князь Меншиков сделал распоряжение о сосредоточении войск на реке Альме, Нахимов поднял сигнал: «Приготовиться к походу». В шесть часов вечера насчитывалось неприятельских судов 106, и все подходили и подходили новые. В половине девятого вечера из Евпатории дано было знать, что неприятельский флот стал на якорь. Утром 2 сентября видны были на севере неприятельские суда. Они производили между Альмой и Лукуллом фальшивую высадку. Все наши пароходы развели пары, а батареи затопили ядрокалильные печи. Но неприятель повернул назад к действительному месту высадки между Евпаторией и Кантуганом. Весь день был штиль, благоприятствовавший высадке.

Французский корвет, на котором усмотрели генерала со штабом, осматривал 5 сентября устье реки Альмы. Суда, доставившие десант, ушли в море. Можно было ожидать, что союзные адмиралы, покончив с десантом, предпримут что-нибудь ночью против Севастополя. Поэтому три парохода высланы были для наблюдений.

В восемь часов утра неприятельский флот двинулся к устью реки Альмы. В то же время союзная армия направлялась берегом моря к югу. На следующий день, 8 сентября, разыгралось Альминское сражение, кончившееся неудачно для русских. Потеря была значительна. Всю ночь от Южной бухты на гору к госпиталю тянулись мрачные тени — люди с носилками, переносившие раненых.

Собрав совет из флагманов и капитанов, Корнилов, 9 сентября, объявил им, что наша армия отступает к Севастополю и есть основание опасаться, что неприятель займет южные Бельбекские высоты и, действуя оттуда, может сбить эска-

дру Нахимова с позиции. В таком случае облегчится неприятелю вход на рейд, и геройское сопротивление не спасет Черноморский флот от гибели и позорного плена. Поэтому Корнилов предлагал выйти в море и атаковать врага, столпившегося у Лукулла. Он рассчитывал, что при счастье можно разметать неприятельскую армаду, а при неудаче — избежать позорного плена, имея случай взорвать сцепившиеся с нами корабли. Таким образом, спасая честь русского флага, моряки защитили бы своей грудью и родной порт, так как союзный флот, обессиленный гибелью большей части кораблей, не дерзнул бы атаковать сильные приморские батареи Севастополя; а без содействия флота союзные войска были бы бессильны. Наши же войска могли бы укрепиться в Севастополе и продержаться до прибытия подкреплений.

Этот геройский проект не встретил сочувствия. Только немногие из собравшихся робко выразили согласие. Большинство молчало. Некоторые обдумывали проект, о котором и раньше поговаривали в Севастополе: затопить корабли у входа на рейд. Но как решиться на эту жестокую меру! Запрудить порт и запереться в нем безвыходно — не значило ли это признать свое бессилие, отказаться от звания моряка? А это звание было так дорого черноморцам! Своей любовью к делу, своим единодушным содействием, благородными усилиями незабвенных начальников они довели свои корабли до высокого совершенства; могли по справедливости гордиться своим созданием. И вдруг, когда оно выросло и окрепло, надлежало принести его в жертву, надлежало своими руками потопить в волнах родимого порта эти прекрасные корабли... Такое действие походило на самоубийство!

Когда один из капитанов высказал необходимость затопить старейшие по службе корабли в фарватере, а моряков послать на подкрепление гарнизона, у многих на глазах навернулись слезы. Корнилов с негодованием отверг этот проект и закончил совещание следующими словами: «Готовьтесь к выходу. Будет дан сигнал, кому что делать».

Распустив совет, Корнилов явился к Меншикову и сообщил ему свой проект. Он объяснял ему выгоды боя под самым огнем наших укреплений; говорил, что даже в случае поражения русский флот, благодаря этому огню, всегда успеет укрыться от неприятеля в Севастопольской бухте и что служить подводной преградой расстрелянные суда так же годны, как и целые. Меншиков решительно воспротивился этому предложению и приказал затопить фарватер. В отчаянии Корнилов решился объявить своему начальнику, что он этого не сделает.

— Тогда поезжайте в Николаев к своему месту службы! — крикнул взбешенный Меншиков и велел позвать адмирала Станюковича.

Затопление корабля при входе в Синопскую бухту

— Остановитесь! — вскипел Владимир Алексеевич. — Это самоубийство... то, к чему вы меня принуждаете... Но чтобы я оставил Севастополь, окруженный неприятелем... невозможно! Я готов вам повиноваться...

Грустный и задумчивый взошел Владимир Алексеевич в шесть часов вечера на площадку Морской библиотеки. С этой площадки, над портиком, видны были как на ладони рейд, взморье и весь город; и потому она была превосходным пунктом для наблюдений. Вскоре, по приказанию Корнилова, над библиотекой взвился русский национальный флаг — сигнал, что решение топить корабли принято бесповоротно!

С библиотеки Корнилов поехал на корабль «Ростислав» и приказал собранным там командирам обреченных судов свезти на берег, что можно, в течение дня и ночи, а на рассвете — срубить мачты и погрузить корабли на дно.

Тяжело было героям Синопа и Наварина расстаться с морской службой. Еще мучительнее было им пускать ко дну эти грозные громады, заменившие для них родной очаг, эти достопамятные корабли, для чести и славы которых каждый готов был пожертвовать жизнью. Несколько офицеров, горячо преданных морскому делу,

пришли просить адмирала отвести удар, грозивший почетному званию моряка; говорили о невыгодном впечатлении, которое произведет самозатопление на севастопольцев... «Надо покориться необходимости», — отвечал Корнилов.

Семь кораблей, обреченных на смерть, поставлены были у входа на рейд. Сперва сняли с них паруса и военные снаряды, потом пробили бока. С рассветом 11 сентября на месте, которое занимали накануне «Сизополь», «Варна» и «Сицилия», плавали обломки рангоута. «Уриль» и «Селафаил» скоро последовали за своими товарищами. Около восьми часов волны поглотили «Флору». Но корабль «Три святителя» долго еще томился, словно не хотелось ему принимать смерть от своих. «Не черноморской волне топить его». — «Волна от него бежит». — «Видно, три святителя охраняют его!» — говорили моряки, глядя с ужасом на эту сцену. Многие плакали. Вода лилась в отверстия, прорубленные в подводной части корабля, но ему точно жалко было расстаться с жизнью. Он погружался так медленно, что пароходу «Громоносец» приказано было бросить несколько ядер в подводную часть корабля и тем ускорить его агонию. Заметался несчастный корабль по волнам, словно умирающий на своем одре...

Болезненно дрогнули сердца моряков; матросы плакали навзрыд... Когда в первом часу дня волны расступились и, поглотив корабль, заперлись над его могилой, Корнилов обратился к сослуживцам своим со следующей теплою речью:

«Товарищи! Вы пробовали неприятельские пароходы и видели корабли его, не нуждающиеся в парусах. Он привел двойное число таких, чтобы наступить на нас с моря. Нам надо отказаться от заветной мысли разразить врага на воде! Мы нужны для защиты города. Главкомандующий решил потопить старые корабли, чтобы они временно преградили вход на рейд, а свободная команда усилит войска. Грустно уничтожать свой труд, но надо покориться необходимости. Москва горела, а Русь от этого не погибла, напротив, стала сильнее. Бог милостив. Конечно, Он и теперь готовит верному Его народу такую же участь».

Со времени потопления судов вся деятельность Корнилова сосредоточилась на укреплениях Севастополя. Благодаря Корнилову и Нахимову, при содействии Тотлебена, к 5 октября Севастополь с сухого пути был уже приведен в такое положение, что первое бомбардирование могло быть выдержано с успехом. Все жили в постоянном ожидании штурма. Каждый день делались к нему приготовления. В одном из приказов Корнилов напомнил товарищам, что отступления не будет. «О сдаче нечего и думать», — говорил он. — Если вам кто-нибудь скажет моим именем, что нужно сдаваться, расстреляйте того как изменника. Если я сам прикажу сдать, расстреляйте и меня».

Севастополь, расположенный на скалистом холме, постепенно возвышающемся от берега рейда, разделен Севастопольской бухтой на две половины: Северную и Южную. Отъезжая к войскам, князь Меншиков поручил оборону Северной стороны Корнилову, а Южной — Нахимову. И здесь герой Синопа остался верен себе. Он объявил Меншикову, что не признает себя хорошим сухопутным генералом и готов подчиниться младшему в чине, лишь бы командование находилось в надежных руках. По счастью, эта просьба не была уважена.

Убедившись, что князь не изменит своего решения, Нахимов объехал вверенные ему позиции. Выход в море был заперт; о морском сражении нечего было и думать; для сухопутной обороны войска было мало. Оставалось только с честью умереть!..

Такого же мнения был и Корнилов. Беседуя с одним из офицеров, он выразился так: «С Северной стороны ретирады нет; все мы, кто туда попал, ляжем навеки... Смерть не страшит меня, а беспокоит одно только: если ранят... не в состо-

янии будешь защищаться... возьмут в плен...» На вопрос, не прикажет ли он и флаг-офицерам перебраться на Северную, Корнилов отвечал: «Я бы не хотел, чтобы со мной и вас всех перебили. Я укажу место, где кому быть».

Рано утром духовенство с образами, хоругвями и крестами совершило крестный ход по всей оборонительной линии. На дистанциях служились молебны, и войска окроплялись святой водой. «Пусть войска услышат сперва слово Божие, а потом я передам им слова царские», — говорил Корнилов.

После молебна адмирал, одетый в блестящую генерал-адъютантскую форму, окруженный многочисленной свитой, объезжал войска и говорил с ними: «Ребята, царь велел нам стоять грудью за Севастополь. Об отступлении нечего и думать; тот изменник, кто протрубит ретираду».

Приободрились матросы да солдатики и крикнули ему: «Не сдадим Севастополя, стоим за родную землю, ура!» Тот, кто видел их воодушевленные лица и слышал восторженные клики, тот, конечно, никогда этого не забудет.

Вокруг Малахова кургана строились укрепления. Работало тысячи две человек. Но этого было недостаточно; приходилось спешить. Корнилов приказал звонить в набат. Со всех сторон повалил перепутанный народ. «Что случилось?» — «Ступайте на Малахов, всем дело есть».

Толпа хлынула на укрепления: старики, женщины, дети. Закипела работа; продолжалась она и ночью, с фонарями. Приляжет кто-нибудь ненадолго, и опять за работу. Добровольцев работников явилось до шести тысяч; сколько ни было в городе лошадей, телег, лопат — все было тут, на Малахове. Одну батарею целиком устроили женщины; так и звали ее потом «бабьей».

Здесь будет кстати сказать несколько слов о той роли, которую играли женщины в период 11-месячной осады Севастополя. Русская женщина, когда случится ей возвыситься над обыкновенной суетою, когда исключительные обстоятельства вырвут ее из вихря мелочных забот и хлопот, представляет поистине высокое явление. Сколько женщин различного звания и состояния, богатые и бедные, все покинули и поспешили на дело Божие. Свято исполняя трудные обязанности сестер милосердия, они не щадили себя. День и ночь работали сестры на перевязочном пункте, почти не зная отдыха. Присутствуя при операциях, видя смерть на каждом шагу, сестры обнаруживали присутствие духа в такие моменты, когда врачи-мужчины, посевшие в своей профессии, едва могли владеть собой. Утомление сестер в эти достопамятные дни доходило до высочайшей степени. На короткое время, урывками, они могли предаваться отдыху.

Мальчик Пищенко.

С картины В. Маковского

бо и этот отдых зачастую нарушался разрывами бомб и столами вновь приносимых раненых. Перевязочный пункт, устроенный в дворянском собрании, оказался вскоре небезопасным. Ядра бомбы начали сильно угрожать зданию. Поблизости падали каленые ядра. Когда решено было перевести раненых из дворянского собрания в Николаевскую батарею, сестра Бакунина оставалась в обстреливаемом здании до тех пор, пока все раненые не были выведены. Самоотвержение сестер милосердия не обошлось без жертв: многие заразились тифом и умерли. Сестра Будберг получила контузию в левое плечо осколком бомбы, провожая одного раненого на перевязочный пункт. Она же и сестра Смирнова были контужены на батарее осколками стекол, разбившихся от взрыва шаланды, начиненной порохом. Сестра Смирнова при этом едва не лишилась зрения, а сестра Будберг была завалена бомбами треснувшего от выстрелов здания.

Немало героизма выказали и частные лица: первый день бомбардирования Севастополя она мать, провожая сына-моряка на Графской

пристани, говорила ему: «Помни, ты должен скорее пасть, чем видеть наш город в руках неприятеля». Слова этой благородной женщины глубоко запечатались в сердцах окружающих и, быть может, не раз поддерживали их в трудные минуты.

Другая мать, вдова, в письме к единственному сыну выражалась так: «Не щади себя там, где требует долг и совесть. Жизнь человеческая становится дорога тогда лишь, когда он жертвует ею для кого-нибудь. Знаю, что ты добрый сын, но я желала бы видеть в тебе и полезного слугу отечества. Буду молиться».

И Бог услышал ее молитвы. Сын ее, хотя и раненный, возвратился в объятия матери.

Жила в Севастополе круглая сирота, дочь матроса. Звали ее Дашей. Когда вышел приказ войскам выступать, Даша продала свой скarb, что от матери остался, и на вырученные деньги купила лошадь и матросское платье. Забрав с собой тряпья для перевязок и обрезав волосы, Даша поехала за войском. «Похожу я за ранеными,— говорила она.— Кому Бог велит, тому и послужу». Когда начиналось сражение, Даша останавлива-

лась в стороне и приготавливала перевязку. Как только увидит, что падает кто-нибудь из наших, Даша бежит, перетащит его в сторонку и перевязывает рану. После битвы Даша вернулась в Севастополь и во время всей осады ухаживала за ранеными в госпиталях. Государь, узнав о ее подвиге, прислал ей тысячу рублей и золотой крест. Впоследствии Даша вышла замуж за отставного матроса.

Была еще старушка, Прасковья Ивановна Графова. Эта старушка появилась на Северной стороне Севастополя в 1855 году. Говорили, что она приехала из Петербурга, оставив родных, чтоб послужить ближнему. Бодрая, веселая, словоохотливая, она сделалась вскоре всеобщей любимицей. Деятельность ее на Малаховом кургане была замечательна. В день штурма она собственными руками перевязала 180 раненых, тогда как многие мужчины после 50-ти перевязок едва могли действовать руками. Перевязывая раненого, Прасковья Ивановна говорила ему: «мой голубчик», «мой родимый», — балагурила

и ободряла. Легко раненным после перевязки говорила: «Не бойсь, все будет ладно; иди на свое место». Мужественная старушка не терялась под самым убийственным огнем, уверенная, что ее не убьют, потому что она нужна ближнему. Вечером 27 июля бомба упала вблизи Прасковьи Ивановны. «Матушка, приляг скорее наземь», — закричал ей матрос; но было уже поздно. Бомбу разорвало, и осколками разнесло члены бедной старушки.

Однажды при уборке убитых и раненых пришла пожилая женщина и с ней две молодичи. К разборке павших приставлен был офицер. Она ему и говорит: «Вам со всеми не управиться, батюшка, так пожалуйста мне на дом человек десять или двенадцать. Я перевяжу их, а завтра представлю в госпиталь; своих-то я схоронила, так хоть за этими присмотрю».

Когда после Инкерманского сражения наши войска отступали и многие из раненых отставали и садились, не имея сил двигаться далее, появилась между ранеными старушка матроска с большим горшком, сковородой

На бастионе.

С картины В. Маковского

и вязанкой дров. Живо разложила она огонек и принялась печь оладьи, утоляя голод раненых. Многим спасла жизнь эта своевременная помощь, дав сил добраться до своих. Когда солдаты захотели рассчитаться с благодарной старушкой, она незаметно скрылась. Все старались послужить, кто чем мог. На Малаховке жили четыре крестьянки, которые во время перестрелки ходили за водой к колодцам и приносили воду раненым. Одна так и не вернулась, убитая пулей в грудь.

Были и дети на батареях. Один мальчуган, лет шести, прислуживал солдатам, а другой, двенадцати, Николай Пашенко, выучился стрелять не хуже взрослого и немало ядер послал неприятелю. Когда отца его убили, Николка остался на батарее и стал самостоятельно распоряжаться небольшими мортирами. В коротких брюках, в отцовской куртке, доходившей ему до колен, он возился около своих орудий, гордо отвечая посетителям: «Мортирами заведу и при них умру».

Маленький герой однако же не умер, а был награжден Георгиевским крестом и после падения Севастополя оказался в тринадцать лет с одиннадцатью годами царской службы за плечами, так как по милости государя императора геройским защитникам Севастополя каждый месяц был зачислен за год.

Теперь возвратимся к рассказу. Время летело быстро. Наступил, наконец, кровавый день 5 октября, день крещения Севастополя огнем и железом. Рано утром, едва открылась канонада, Корнилов поскакал на 4-й бастион, ближайший пункт от его квартиры. Утро было прекрасное, но мгла, обыкновенная в этот час дня, соединившись с дымом выстрелов, совершенно заволакуя пространство, отделявшее бастион от неприятеля. С визгом летали снаряды с трех сторон и перекрещивались внутри бастиона. Потеря в людях была уже значительна. Отовсюду слышались стоны. Тела убитых и раненых, которых не успевали уносить, валялись вместе. Люди несколько оторопели с непривычки; но, увидев груды тел, точно остервенились и начали отстреливаться горячо и быстро. Адмирал стоял на банкете и смотрел за бруствер. Покойно и строго было выражение его лица; легкая улыбка едва играла на устах, глаза светились ярче обыкновенного, щеки пылали. Высоко держал он голову. Сухощавый и несколько согнутый стан его выпрямился. Он весь сделался как будто выше ростом. Два раза прошел он быстрыми шагами по всему фронту бастиона, останавливаясь у орудий, заглядывая в амбразуры и разговаривал с командирами.

С 4-го бастиона он отправился на 5-й. Приходилось ехать по крутой покатоности холма, про-

тив которого сверкали вспышки французских выстрелов. Лошади упрямылись, пугаясь огня и снарядов. Корнилов принуждал свою повиноваться. «Не люблю, когда меня не слушаются», — пошутил он. Солдаты провожали его глазами и говорили друг другу: «Вот так молодец!»

На 5-м бастионе находился Павел Степанович. С обычной энергией, как на корабле, распоряжался он действиями, одушевляя людей удачно сказанным словом приветом или одобрения. Оба адмирала довольно долго разговаривали, стоя рядом на банкете. Крутом них ядра бороздили землю, били в лафеты, в орудия, в людей; бомбы разрывались то на земле, то в воздухе. Одно ядро, пролетев около адмиралов, одному матросу сорвало голову и обдало мозгом и кровью некоторых из свиты. Капитан-лейтенант Ильинский подошел к Корнилову, умоляя его уехать и уверяя, что подчиненные исполнят свой долг.

— А зачем же вы хотите помешать мне исполнить свой? — отвечал Владимир Алексеевич.

Заметив, что в пылу битвы прислуга томится от жажды, Корнилов приказал адъютанту озабочиться немедленной доставкой воды.

На 6-м бастионе он успел дописать письмо жене и, сняв с себя часы, доставшиеся ему от отца, передал их и письмо курьеру: «Передайте, пожалуйста, жене; часы должны принадлежать старшему сыну; я боюсь, что их здесь разобьют».

По дороге к Малахову кургану адмирал ехал за верками, которые не закрывали даже и лошадей. «Мне весело было с ним ехать», — рассказывал Жандр, — и видеть, как ядра взрывают крутом нас землю. Мне и в голову не приходило, что ангел смерти уже витал над ним. Простояв на кургане до половины двенадцатого, адмирал сказал: «Ну, теперь домой». Но не успел он отойти трех шагов, как ядро раздробило ему левую ногу у самого живота. Кровь брызнула на мою грудь. Герой упал. Я поддержал его голову, другие офицеры подхватили тело, и мы положили нашего адмирала за бруствер, между орудиями.

— Отстаивайте Севастополь! — сказал он».

На перевязочном пункте он причастился, и его перенесли в госпиталь. Там нашел его капитан-лейтенант Попов. Вот рассказ Попова о последних минутах Владимира Алексеевича:

«Заметив мои слезы, он говорил: «Не плачьте, Попов. — И, взяв меня обеими руками за голову, произнес: — Приятно умирать, когда совесть спокойна». Повременив немного, он продолжал: «Спаси Бог государя и Россию, Севастополь и флот!» Через несколько минут вбежал Истомин и, успокоив Владимира Алексеевича относительно хода дел на бастионе, выразил надежду на благополучный исход его раны.

— Нет, нет, туда, к Михаилу Петровичу! — был его ответ¹.

Истомин бросился ему на шею и, заплавав, побежал на бастион. Заметив невинную хитрость докторов, старавшихся его успокоить, Владимир Алексеевич сказал:

— Напрасно вы это делаете, доктор. Я не ребенок и не боюсь смерти. Говорите прямо, что надо делать, чтоб провести несколько спокойных минут.

Ему дали успокоительного лекарства, и он задремал, но, услышав шум, открыл глаза и спросил: "Что там такое?" — "Лейтенант Львов привез известие о сбитии английской батареи", — отвечали ему. "Ура!" — утасующим голосом проговорил адмирал. Это были последние его слова. В половине четвертого его не стало».

Общее отчаяние, общие слезы сопровождали славного адмирала в могилу, Нахимов оплакивал его, как родного брата. На месте, где пал Корнилов, матросы из ядер сложили крест.

Вслед за Корниловым сложил свою голову за отечество славный командир «Парижа» Истомин.

Судьба долго хранила защитника родного гнезда, благодушного, всеми обожанного, бесстрашного Нахимова. Тихий и радушный, всегда внимательный к нуждам подчиненных, он без хвастовства и рисовки старался примером своим возбудить дух мужества и внушить мысль, что минута смерти определена Провидением независимо от человеческих расчетов и предосторожностей. Он до того пренебрегал опасностью, что все привыкли считать жизнь его заветною. Всем офицерам приказано было носить солдатские шинели, чтоб не служить мишенью для неприятельских выстрелов. Один Нахимов не расставался с сюртуком и эполетами. Когда Горчаков сделал ему по этому поводу замечание, он отвечал: «Если бы ваше сиятельство заметили мне это при начале обороны, я, конечно, исполнил бы ваше желание; но теперь люди так привыкли видеть меня в эполетах, что приехать без них на бастион мне будет уже неловко...»

В январе 1855 г. Нахимов был пожалован кавалером ордена Белого Орла, и генерал-адмирал, великий князь Константин Николаевич, писал ему:

«Мы уважаем вас за ваше доблестное служение; мы гордимся вами и вашей славой как украшением нашего флота; мы любим вас как почтенного товарища, который сдружился с морем и в морях видит друзей своих. История скажет о подвигах ваших детям нашим, скажет и о том, что современники вполне ценили и понимали вас!..»

Нахимов, произведенный в адмиралы, 27 марта 1855 г. отдал следующий замечательный приказ:

«Геройская защита Севастополя, в которой семья моряков принимает такое славное участие, была поводом беспримерной милости монарха ко мне, как к старшему в ней. Завидная участь иметь под своим начальством подчиненных, украшающих начальника своими доблестями, выпала на меня.

Я надеюсь, что гг. адмиралы, капитаны и офицеры позволят мне здесь выразить искренность моей признательности сознанием, что, героически отстаивая драгоценный для государя и России Севастополь, они доставили мне милость незаслуженную.

Матросы! Мне ли говорить вам о ваших подвигах на защиту родного нам Севастополя и флота. Я с юных лет был постоянным свидетелем ваших трудов и готовности умереть по первому приказанию. Мы сдружились давно; я горжусь вами с детства. Отстоим Севастополь, и если Богу и императору будет угодно, вы доставите мне случай носить мой флаг на грот-брам-стеннге с той же честью, с какой я носил его благодаря вам и под другими клотиками². Вы оправдаете доверие и заботы о нас государя и генерал-адмирала и убедите врагов православия, что на бастионах Севастополя мы не забыли морского дела, а только укрепили одушевление и дисциплину, всегда украшавшие черноморских моряков».

Можно ли без умиления и глубокого чувства читать эти слова, в которых вылилась благородная душа героя, который со всей свойственной ему скромностью, забывая себя и свое значение, только и думал о том, чтоб возвеличить возлюбленных сотрудников.

Неприятельский огонь, открывшийся 5 октября (1854 г.), ни на один день не прекращался. В одну неделю потеряли мы ранеными и убитыми до четырех тысяч. Матросы и солдаты почти не знали отдыха. Когда утихала пальба, приходилось чинить поврежденные укрепления. На Малаховом кургане работали арестанты.

«Если бы я встретился с подобными людьми в пустынном месте, — рассказывает офицер-очевидец, — я счел бы себя в опасности». На вопрос офицера, что они за люди, арестанты отвечали, что они освобождены покойным адмиралом Корниловым. «Чтоб, мол, заслужили прощения, — пояснил один выделившийся из толпы арестант. — Думали, что мы уж и не люди, что и души-то человеческой в нас нету, и чувства никакого нету, коли мы арестанты. Дай Бог вечную па-

¹ Михаил Петрович Лазарев, похоронен во Владимирском соборе.

² Верхушка флагштока.

Закладка крепости Санкт-Петербурi

Медаль, посвященная
Ф. А. Головину.
Начало XVIII в.

Роберт Кер Портер.
Петр I.
1807 г. Фрагмент

Неизвестный художник.

Портрет генерал-адмирала Ф. М. Апраксина. Первая половина XVIII в.

П. С. Нахимов на батарее 5 октября 1854 г.

С картины И. Прянишникова

«...и Царство Небесное адмиралу Корнилову. Если б не он, до сих пор не ведали бы люди, что мы не жри какие!» Тут арестант стал рассказывать о деле 5 октября, и, когда говорил о смерти Корнилова, голос его дрожал и в глазах стояли слезы.

Знаменательные дни 5 октября, 28 марта, 25 мая и 5 июня, отличавшиеся особенным усилением огня союзников, известны в истории под названием первого, второго, третьего и четвертого «усиленного бомбардирования». Нахимов не менее двух раз в день объезжал оборонительные линии и весьма часто проводил там не только большую половину дня, но и значительную часть ночи. Не только матросы сроднились с ним, но и сухопутные солдаты души в нем не члени. По одному его слову они готовы были поехать в огонь и в воду. «Ребята, отец наш идет!» — крикнет, бывало, матросик, завидя адмиральские эполеты. Поговорит Павел Степанович с солдатиками, пошутит. Иной новичок с непри-

вычки, как пролетит ядро, он и голову наклонит, а Павел Степанович ему: «Не мне ли ты, молодец, кланяешься? Кажись, мы с тобой здоровались!» Ребята и расхохочутся.

«Как ни тяжело подчас, — говорили они, — а за Нахименкой (так звали они адмирала) мы как у Христа за пазушкой». Даже все дети в Севастополе знали Нахимова, и любимая игра у них была в Нахимова и Корнилова.

Один солдатик, сраженный возле Нахимова, лежал в предсмертных судорогах, когда мимо него проскакал ординарец. Умирающий умолил его остановиться на одно слово.

«Говори скорее, — обратился к нему офицер, — спешу по важному делу». — «Жив ли Павел Степанович?» — спросил умирающий. «Жив и здоров». — «Ну, слава Богу! Теперь умру спокойно», — произнес страдалец и тут же испустил дух.

До конца марта погода стояла прекрасная. В это время начали поговаривать о бомбарди-

Генерал-адъютант вице-адмирал В. А. Корнилов

ровании. Некоторые надеялись, что по случаю Страстной недели будет перемирие, но этого не случилось. Неприятель продолжал обстреливать город. Наступила Великая ночь. Бомбы, как звезды, описывали красивые дуги; ракеты, поднимаясь на значительную высоту, летали над городом как огненные змеи. С одной стороны гремели выстрелы, с другой — раздавался перезвон со всех севастопольских колоколен. После обедни из города на бастионы совершены были крестные ходы. Под звуки радостного «Христос воскрес!» падали убитые и стонали раненые.

На бастионы наносили куличей, пасок и красных яиц; некоторым солдатикам позволили разговляться по домам. У кого своего крова не было, добрые люди позвали к себе. Среди дня солдатики веселились, словно они не на бастионах, на волосок от смерти, а в родной деревне. Сигнальный крикнет: «Бомба!» — а на него никто и внимания не обращает.

На одном бастионе собралась веселая толпа солдат и матросов. Какой-то шутник вздумал раскрасить разряженную бомбу в красную краску.

— Что это вы делаете? — спросил офицер, проходивший мимо.

— Надо с англичанином похристосоваться, ваше благородие. Вот ему, дружку, красное яичко посылаем.

Офицер делает замечание, что стрелять не приказано.

— Да ведь это, ваше благородие, безвредная; мы снаряд-то вынули. Офицер махнул рукой, и красная бомба, под общий хохот, полетела к неприятелю.

Храбрые в бою русские солдаты выказывали замечательное незлобие в те немногие часы, в которые назначалось перемирие для уборки тел. Как только взвывается белый флаг, герои с обеих сторон бросались приветствовать друг друга, выражая по-своему удивление взаимной храбрости.

— Ну, здравствуй, здравствуй, брат мусью, — говорит в одном месте солдатик подбежавшему к нему худенькому черненькому французу, энергично потрясая ему руку.

Француз подает ему сигару, а солдат угощает его трубкой. Но от непривычки у француза от махорки кружится голова, и он, замахав руками, как шальной, убегает.

Много было смешных сцен в этом роде между французскими и русскими солдатиками. Англичан наши не любили. Их холодность и сдержанность не по нутру русскому человеку.

На другой день Светлого праздника, 28 марта, неприятель открыл сильную канонаду. Залпы из орудий потрясали землю. Ядра и бомбы прыгали по всему городу. Иногда среди рева пролетающих ядер слышалось какое-то кошачье завыванье. То были удары неприятельских пуль о камни. Мало-помалу все эти звуки сливались в какой-то невыразимо тяжелый для непривычного уха концерт. Вдруг раздавался треск, точно дюжины стеклышек разбивались о камни; то был разрыв гранаты. По временам слышались глухие тяжелые шаги солдат, несущих что-то. Эти шаги сопровождались слабыми стонами. Пули ежеминутно перерезали дорогу по всем направлениям. Иногда с каким-то фырканием несло мимо длинное развевающееся пламя. Оно ударялось о бруствер и делало далекий скачок. Этот огонь солдаты называли «лохматкой», т. е. гранатой.

Десять дней продолжалось второе бомбардирование. В этот период времени выбыло из строя более 6000 человек; в том числе много флотских офицеров. На кладбище то и дело возили груды изувеченных трупов.

Но и это десятидневное бомбардирование не послужило поводом к упадку духа обороняющихся. На Камчатском люнете во время сильной канонады раздавалась залихватская песня: «Ох вы горы мои Воробьевские!» — «Браво!» — слышалось из неприятельских ложементов. Песня, видно, так понравилась французам, что они приостановили огонь, и до глубокой ночи ни один снаряд не просвистел над «Камчаткой».

В эти тяжелые дни, когда смерть витала над головой каждого, русские солдатики словно щеголяли своей удалей. Как-то раз, например, против английских траншей залегли штуцерники Камчатского егерского полка.

— Смотри, смотри,— закричал один из егжей. — что-то катится мимо.

— Чего тебе катится? Аль не видишь, заяц бежит.

— Катай его, Кузнецов, на тебя бежит.

Кузнецов прицелился, раздался выстрел, и заяц убит.

У англичан послышался смех. Заяц лежал посредине между нашими и английскими ложементами.

Кузнецов перекрестился и не долго думая выскочил из ложемента и побежал к убитому зайцу. Англичане встретили удалца штуцерным огнем. Но когда Кузнецов, схватив зайца, поднял ружье и стал отступать, англичане прекратили пальбу и замахали шапками.

Таких удалцов было не перечесть. Между ними особенно отличался матрос Кошка, которого так и тянуло на отчаянный подвиг. Подкрасться к неприятелю, выхватить у часового ружье и ударить или захватить часового врасплох и привести пленным — ему все было нипочем. Случалось, что командир, услышав, что Кошка затевает как-нибудь отчаянную штуку, велит запереть его. Кошка обманет караульного, убежит и поставит на своем.

Зато когда вызывали охотников на ночную пальбу, Кошка был всегда первым. В одной вылазке против англичан был убит наш сапер, труп которого англичане врыли по пояс в землю около своей траншеи как мишень для наших выстрелов. Такое поругание вызвало всеобщее негодование, и удалый Кошка вызвался вырыть труп товарища и принести его. По храбрцу открыли сильный штуцерный огонь, пока он выкапывал труп; но он продолжал неумоимо работать, не обращая внимания на выстрелы. Вырыв труп, Кошка взвалил его на плечи и привнес на бастион. Кошка был в восемнадцати вылазках, получил две раны и Георгиевский крест.

Союзники 23 мая открыли третье бомбардирование Севастополя, а 26-го, в шесть часов вечера, огромные массы французов бросились на Камчатский люнет, Волынский и Селенгинский редуты, которые, после ожесточенного боя, остались в руках неприятеля.

Занятие передовых редутов дало неприятелю большое преимущество перед нами, и каждую минуту можно было ожидать общего штурма Севастополя.

С 26 мая по 5 июня неприятель поддерживал сильный огонь против всего левого фланга оборонительной линии, а сам укреплялся в занятых редутах; 5 июня с рассветом открылась силь-

ная канонада по укреплениям Корабельной стороны. Ядра и бомбы с ожесточением летали со всех сторон. Левый фланг бастионов был разрушен, амбразуры завалены, несколько орудий сбито, значительная часть прислуги перерезана, так что к полудню мы очень слабо могли отвечать неприятелю. В бастионах кровь лилась ручьями. Раненых было так много, что недоставало носилок.

По временам пальба немного утихла. Неприятельские орудия как будто утомлялись извергать смерть; но через несколько минут огонь возобновлялся еще с большей силой. Смерть с яростью носилась по всем направлениям. Солдаты стояли прижавшись к брустверам. Одни крестились, другие читали вслух молитвы. Сколько поучительного можно было извлечь в эти ужасные минуты, наблюдая живых, умирающих и умерших! Но едва ли существовал человек, который мог быть хладнокровным наблюдателем в такое время.

Шестого числа французы штурмовали Малахов курган и были геройски отбиты нашими войсками. Около трех часов пополудни, когда все уже утихло и офицеры отдыхали, им дали знать, что адмирал Нахимов идет. Офицеры вышли его встретить. Павел Степанович шел медленно, и на его вечно серьезном лице играла улыбка. День был очень жаркий, адмирал вспотел и попросил у офицеров воды с вином. К сожалению, у офицеров вина не было, и ему подали одной воды. Проводив адмирала до конца бастиона, офицеры раскланялись, и он пошел далее. На другой день поутру пришел матрос с бочонком и запиской от адъютанта, в которой тот уведомлял, что Павел Степанович посылает офицерам бочонок вина, так как в жаркое время вредно пить одну воду.

С мая месяца 1855 года Нахимов получил четыре сильные контузии, но не хотел лечиться и скрывал страдания. Настроение его стало мрачно, особенно с той минуты, когда неприятелем были заняты наши передовые редуты. Адмирал предвидел роковую развязку. Бомбы и ядра ложились у занимаемого им домика; у самой двери его был убит провиантский чиновник. Главнокомандующий убеждал Нахимова переехать под своды Николаевской батареи, но он отказался. Врачи и все сотрудники адмирала настоятельно просили, чтобы он остался хоть несколько дней дома. Но вдали от бастионов он томился. «Когда едешь на бастион, так веселее делается»,— говорил он, и действительно только на бастионах и был он спокоен.

Как бы прощаясь с этим миром, Павел Степанович присутствовал 26 июня на торжественном молебне и крестном ходе, совершенном знаменитым духовным витией, архиепископом

Иннокентием. Речь, сказанная архиепископом под гром неприятельских орудий, произвела сильное впечатление.

Английские батареи 28 июня, с рассветом, открыли сильный огонь по 3-му бастиону. Около полудня завязалась канонада на Малаховом кургане и на 4-м бастионе. Черноморские моряки, беспредельно преданные Павлу Степановичу, старались всеми мерами оберегать его. Капитан 1-го ранга, Керн, желая удалить адмирала из зоны меткого штуцерного огня, просил его пожаловать к нему на молебен по случаю годовщины дня его свадьбы. Павел Степанович согласился и уже сходил с банкета, как вдруг раздались крики. Матросы обсуждали какой-то удачный выстрел. Нахимов остановился и снова поднялся на банкет. Вскоре провизжала одна пуля и ударилась в мешок.

«Ишь, как ловко стреляют», — заметил он. И вот совершилось роковое предопределение судьбы: другая пуля ударила его в висок...

В это самое время обыватели Севастополя отправлялись ко всенощной. Редко у кого не было в душе желания помолиться за завтрашнего именинника, общего любимца Павла Степановича. Необыкновенное смятение на улицах поразило обывателей. Кто бежит, кто размахивает руками и кричит что-то. Спрашивают, что случилось? Говорят, что Павел Степанович проехал к Малахову с адъютантами, а теперь повели назад его лошадь, и адъютанты проскакали Бог весть куда.

Когда раненого перенесли в морской госпиталь и стали раздевать, то тут только обнаружилось, как сильно страдал он от контузий. Вся спина его распухла и посинела. До самой кончины он не приходил в себя. Тридцать шесть часов боролась со смертью железная натура моряка. В одиннадцать часов утра, 30 июня, доктор Соколов, наклонившись над умирающим, проговорил торжественно и ясно: «Вот наступает смерть!» Еще несколько судорожных движений, еще несколько тяжелых вздохов, и в горние селения отлетел могучий дух, так долго витавший над Севастополем.

Последнее плавание адмирала через севастопольский рейд было печально-торжественно. Гроб, покрытый простреленным флагом корабля «Императрица Мария», поставили на кожуховую лодку, буксируемую катерами. Друзья, сослуживцы, матросские жены и дети плакали навзрыд. Ветер вдруг посвежел, как бы посылая прощальный поцелуй тому, кто тридцать четыре года боролся с ним во время морских кампаний. Уцелевшие от затопления корабли и пароходы приспустили флаги.

В шесть часов вечера 1 июля со всех мест обороны съехались начальствующие лица отдать

последний долг усопшему. Офицеры подняли гроб, стоявший в доме Нахимова, и понесли его в церковь. По окончании панихиды дозволено было всем матросам бастиона проститься с адмиралом. Солдаты тотчас же стали просить, чтобы и им позволили. После отпевания офицеры отнесли прах усопшего в не достроенный еще Владимирский собор и опустили возле Лазарева, Корнилова и Истомина. Так герой Наварина, Синопа и Севастополя, этот рыцарь без страха и упрека, окончил свое славное поприще.

Смерть Нахимова тяжело поразила всю Россию. О чувстве, переживаемом по поводу этой потери современниками, можно судить по статье Погодина в «Московских ведомостях». «Нахимов получил тяжелую рану!», «Нахимов скончался!», «Боже мой, какое несчастье!» — эти слова не сходили с уст москвичей в последние три дня. Только и разговоров было что о Нахимове. Глубокая сердечная горесть слышалась в непрерывных сетованиях. Старые и молодые, военные и штатские, мужчины и женщины показывали одинаковое участие.

Перед штурмом 27 августа союзники непрерывно громили Севастополь. Защитники его, забывая все узы, связывавшие их с этим миром, помнили только долг, которому служили душой и телом. Когда Юрковскому, заменившему Нахимова, сообщили, что жена его при смерти и просит его приехать в Симферополь хотя на один день, он отказался. «Ни на минуту не могу оставить своего поста», — отвечал он. И герой пал на своем посту, не повидав ни жены, ни семерых детей.

Каждый день приносил горестную весть, что тот или другой убит или ранен. Смерть похищала отцов семейств, цветущих юношей, повергая их семьи в скорбь и отчаяние. И эту смерть низвергали друг на друга люди, мнившие в безумии своем, что совершают великое дело!

Роскошным куполом раскинулось над Севастополем темно-синее небо. Солнце бросает пламенные лучи на голубую пелену Севастопольской бухты, которая колышется, словно грудь, вздымаемая вздохами. На берегу в ожидании баркасов лежат ряды убитых, и на груди их бесшумно в неподвижном воздухе теплятся свечки. При томительных звуках похоронного марша, при колокольном звоне двигаются баркасы, осененные крестами и хоругвями. На корме, вокруг открытых гробов, стоит духовенство в траурном облачении. Толпы офицеров и матросов с обнаженными головами грустно смотрят на мертвые лица своих товарищей, обращенные к небу с сомкнутыми навеки очами. Всякому невольно думается, что через час, может быть, и его ожидает такая же участь. В воображении рисуются дорогие лица, картины семейной жизни.

Смерть П. С. Нахимова.

С картины В. Маковского

ни. Как заманчивы кажутся теперь эти картины!

Печальная процессия, сопровождаемая неслыхательскими выстрелами, медленно движется по водам бухты к северному берегу. Товарищи поднимают гробы и несут их до могилы.

В городе между тем жизнь шла своим чередом, словно и войны не бывало. Обыватели привыкли и на стрельбу не обращали внимания. Странное ощущение охватывало человека, попавшего в город прямо с укреплений. Ему казалось, что он во сне перенесен в какую-то новую страну, так быстр и резок был переход от страшного Малахова кургана в беспечный и веселый Севастополь. Там — свист ядер, гром канонады, треск разрывающихся снарядов; здесь, через десять минут ходьбы, — жизнь бьет ключом, на улицах оживление; толпы нарядных горожан разъезжают друг к другу с визитами, говорят о чем угодно, а всего меньше о войне. Человек, только что явившийся с поля сражения, прямо ошеломлен; его воображение занято кровавыми сценами, мысли тор-

жественно настроены; а тут — говорят о покупках, лошадях, борзых собаках, городских сплетнях...

Немало случалось за это время и забавных приключений. Солдатам за поимку шпионов выдавалась денежная награда; поэтому они усердствовали не по разуму, зачастую подозревая своих и подвергая их неприятной процедуре ареста и дознания. Однажды на улице в Севастополе проследили двух хорошо одетых мужчин, которые говорили между собой по-французски. Их окружили и схватили. Напрасно эти господа называли свои фамилии, известные в городе; их никто не слушал. Разумеется, дело выяснилось и их отпустили с миром, но любители французского языка пережили немало волнений.

С каждым днем неприятель все более и более приближался к нашим веркам. Общий голос требовал наступательных действий. Состоялся военный совет, в котором решено было испробовать это последнее средство для спасения Севастополя.

Наступление не удалось; 4 августа оно было отбито, и с этой минуты всякая надежда исчезла.

На другой день неприятель открыл бомбардирование по укреплениям Корабельной стороны. Неприятельский огонь, в особенности навесной, был очень силен. В городе беспрестанно вспыхивали пожары; Корабельная сторона опустела.

В эти дни город сильно пострадал. Уцелевшие до сих пор дома насквозь были пронизаны. Много было убито обывателей. Нередко поднимали на улицах трупы детей. В бухте загорелся транспорт, нагруженный горючими материалами. Бомба взорвала баркас, нагруженный порохом, отчего обрушилась Графская пристань.

Французы смело подвигались к Малахову кургану, куртине и 2-му бастиону. К 20 августа они подошли на сорок шагов к контрэскарпу Малахова кургана; англичане, подвинувшись к 3-му бастиону на восемьдесят шагов, остановились. Все предвещало приближение развязки кровавой драмы.

Неприятель 24 августа открыл сильную пальбу по всей оборонительной линии. Залпы из 800 орудий потрясали землю и воздух. Стали поговаривать о штурме. Вечером 26 августа канонада вдруг стихла; но эта тишина была грознее выстрелов. С часу на час ожидали штурма; все были наготове.

Утром, 27-го, неприятель открыл такую канонаду, в сравнении с которой прежняя показалась совсем ничтожной. Вместе с бомбами, гранатами и ядрами неприятель метал камни и даже бочонки с порохом. Брустверы на Корниловском и 2-м бастионах обрушились, а рвы засыпало землей.

В двенадцать часов на Павловской батарее подняли тревогу, и вся Корабельная зашевелилась. Потянулись войска, загромыкала артиллерия. Барабаны бьют, рожки трубят, жители перебираются через бухту по наведенному мосту. Старая солдатка несет узел; выронила что-то и не оглянулась. Другая, с ребенком, остановилась и крестится на церковь; кем-то забытый вол стоит у бульвара и безмятежно щиплет траву. За грохотом орудий ничего не слышно. Дым скрыл линии неприятеля. Несколько минут тому назад видно было, как французы пробивались к ближайшим траншеям. Артиллерия в них палила, но они не отступали. Вдруг громкие крики и какой-то гул у Малахова кургана. Дым поднялся к небу, словно занавес на сцене, и наши с ужасом увидели, что над Малаховом развевается французское знамя...

Тучи французов устремились на Корниловский и на 2-й бастионы. Началась страшная бойня. В бастионе трудно было ходить от множества трупов и потоков крови. Пал генерал Хрулев. Команду принял другой, и того убили; за ним

еще одного. «Дайте нам командира! Ведите нас!» — кричат солдаты; но вести их уж никому...

Тем временем князь Горчаков, заменивший Меншикова, видя, что с потерей Малахова кургана удержать город в своих руках невозможно, приказал армии начать отступление на Северную сторону.

Отступление больно отзывалось в сердцах людей, отстаивавших Севастополь в течение одиннадцати месяцев, но оно было неизбежно. Укрепления были разрушены, и удержаться в городе стало невозможно.

Зарыдали солдатики и бросились обнимать свои пушки в знак последнего прощания.

Картина отступления была величественна. Начинало темнеть. Грустно шли войска к мосту и к берегу, чтобы сесть на суда. Вдруг вспыхнул в городе пожар; за ним другой, потом взрывы — и началась иллюминация. Тогда все как будто ожили; радость озарила лица, полились разговоры. Все сразу поняли, в чем дело: жители сами зажигали свои дома.

Сильное зарево освещало окрестность. Ветер раздувал огонь и нагонял на берег волны. Скоро все слилось в одну горящую массу. Свист огня сливался с порывами ветра.

Вдруг на пламени блеснет пламя еще более яркое и ослепит всех как молния. Это взлетает на воздух пороховой погреб с ядрами, гранатами, ракетами. И сверху и снизу гром и грохот. Взлетали на воздух батареи; взлетали целые бастионы. Страшная картина отражалась в бухте, по которой взад и вперед скользили баркасы и шлюпки, забирая войска и раненых. Неопределенное очертание судна, приближавшегося к берегу, постепенно вырисовывалось из мрака, и, наконец, все судно, ярко освещенное пламенем, подходило к берегу; потом, удаляясь, снова тонуло во мраке, изредка окрашиваясь на несколько секунд в ярко-красный цвет. Каждая веревка, мачта, рея — все, казалось, было раскалено и пылало. То вдруг и суда, и толпа на берегу вырисовывались на огненной воде... Для описания этой картины слова бессильны; то было какое-то грандиозное сверхъестественное представление.

Взошло солнце. Вчера еще освещало оно стройный, красивый город; сегодня — обгорелые стены, почерневшие трубы, заваленные улицы. Прекрасная Екатерининская пристань сильно пострадала. Украшавшие ее мраморные статуи валялись, как трупы. Чей-то боевой конь, истекая кровью, стоял, понутив голову.

Бухта совершенно опустела. Корабли и множество мелких судов, покрывавших ее несколько часов назад, были затоплены, и только концы мачт, выдававшиеся над водой, напоминали об их безвременной гибели. Сильный ве-

Памятник на могиле русских воинов в Севастополе.
Гравюра XIX в.

тер, дувший с моря, разносил дым и смрад далеко по окрестности, напоминая живущим об ужасном несчастье, постигшем их родину.

Прошли десятки лет, и Севастополь, возрожденный подобно фениксу из пепла, украсился памятниками бессмертных героев Черноморского флота. При входе в Севастопольскую бухту далеко с моря виден Лазарев, незабвенный учитель доблестных черноморцев. Далее, на вершине Малахова кургана, силуэтом на небе выделяется памятник Корнилову. Невдалеке от него каменная ограда, в которой похоронены в общей могиле храбрые воины, защищавшие и осаждавшие Малахов курган. Над ними французы поставили колонну из белого мрамора с надписью:

*Reunis pour la victoire
Unis par la mort.
Du brave cest la gloire,
Du soldat cest le sort¹.*

На Графской пристани, против Морского собрания, на месте, указанном в Бозе почившим императором Александром III, воздвигнут памятник Нахимову. Все три адмирала и с ними Истомин почивают в склепе севастопольского собора, освещенном кротким светом неугасимой лампы. Вид этих гранитных плит с надписями: «Лазарев, Корнилов, Истомин, Нахимов» — вызывает высокие патриотические чувства и твердую уверенность, что Россия никогда не забудет величавых образов своих героев и —

*Тот родной гранит,
Где Нахимова могила,
Где Корнилов спит.*

Арктические и кругосветные путешествия

Введение

Ледовитый океан с давних пор привлекал отважных мореплавателей. Начиная с XVI века три великие мореходные страны: Англия, Голландия и Дания — последовательно, одна за другой, посылали экспедиции в Северный Ледовитый океан для отыскания кратчайшего пути в Индию и Китай. Но все эти экспедиции не имели успеха; сплошные льды не допускали их на восток, и они почти все, достигнув Новой Земли, возвращались обратно. Русским людям принадлежит честь открытия и описания огромного пространства, лежащего между Белым морем и Беринговым проливом.

Еще в XI веке предприимчивые новгородцы ходили на своих ладьях из Белого моря, с устья Печоры к Новой Земле, о которой они слышали от обитавшего по берегам Белого моря племени чудь. Ходили они туда главным образом для добывания моржовой и мамонтовой кости. Иные привлекаемы были рассказами о несметных минеральных богатствах этого края, об изобилии серебра, которое будто бы в виде накипи выходило на поверхность земли. Многие государственные люди увлекались этими баснями и снаряжали экспедиции на свой счет.

Позднее, с одобрения правительства, военнoслужажные отправлялись на кочах¹ вдоль морского берега к устьям больших рек, покоряли инородцев и налагали на них ясак (подать). Много было экспедиций смешанного характера. Богатые промышленники снаряжали суда, а правительство назначало на них штурманов, которым поручались научные исследования.

¹ Плоскoдонная барка.

Немало открытий в географической области было сделано случайно¹. Казак Семен Дежнев в 1654 году, состоя товарищем купца Холмогорцева, первый обогнул восточную оконечность Азии и на простом коче прошел пролив, разделяющий Старый и Новый Свет. Этот пролив был вторично открыт Берингом восемьдесят лет спустя и получил его имя.

Дежнев, очень хорошо понимавший важность сделанного им открытия, послал о нем донесение в Адмиралтейство. Но Адмиралтейство не обратило на него должного внимания, и уже впоследствии, после вторичного открытия пролива, донесение это было найдено академиком Миллером. Не затеряй его Адмиралтейство, задача Беринга значительно упростилась бы.

Со времен Петра Великого начинается ряд полярных экспедиций, снаряженных с чисто научными целями. К сожалению, все эти экспедиции были плохо организованы и скудно снабжены, почему и не достигали намеченной цели. Мы не станем утруждать читателя перечислением имен всех тружеников, послуживших науке, а остановимся лишь на тех, труды и открытия которых составили эпоху в истории русского мореплавания.

¹ Сбитый с пути бурей норманнский разбойник доставил первые сведения об Исландии. Колумб в поисках ближайшего морского пути в Вест-Индию наткнулся на Америку. Нет сомнения, что так же и Новая Земля была открыта русскими. Первые из посетивших ее иностранцев нашли там кресты со славянскими надписями.

МОРЕПЛАВАТЕЛИ АРКТИЧЕСКИЕ

Две морские экспедиции
капитан-командора Беринга
к восточным берегам Сибири

Первая камчатская экспедиция

Соединяется ли Азия с Америкой?

сли весь свет воздаст хвалу Колумбу и Куку, то русские люди обязаны чтить память своего мореплавателя Беринга, которому принадлежит честь открытия пролива, разделяющего два света: Старый и Новый. Кроме того, Беринг был первым мореплавателем, посетившим моря Камчатское и Бобровое, названное потом его именем. Он же открыл Алеутские острова, острова Шумагинские, Туманные, северо-западную часть Америки и гору Св. Илии. Все эти подвиги знаменательны для России потому, что они возбудили предприимчивость сибирских жителей, положили начало торговле и мореплаванию и послужили основанием к образованию русских колоний.

Витус Беринг, родом датчанин, родился в 1680 г. Поступив на русскую службу в 1704 году, он прослужил русскому флоту целых тридцать семь лет. В молодости Беринг ходил в Англию, в Индию и приобрел репутацию хорошего моряка, что и побудило Петра I пригласить его на русскую службу.

Когда император был в Голландии, тамошние ученые просили его снарядить экспедицию для решения занимавшего весь цивилизованный мир вопроса: соединяется ли Америка с Азией или нет? С такой же просьбой обратилась к его величеству как к своему сочлену Французская академия.

Внешние войны и внутренние преобразования долго отвлекали Петра от этой задачи; наконец он решил заняться ею и повелел снарядить экспедицию под начальством капитана Беринга, дав ему в сотрудники лейтенантов Чирикова, Шпанберга и мичмана Чаплина.

Экспедиция покинула Петербург 24 января 1725 года и, приехав в Вологду, узнала о смерти императора. Все члены экспедиции выехали из Вологды 16 февраля и ровно через месяц благополучно прибыли в Тобольск.

При отсутствии рельсовых путей и паромов путешествие было крайне затруднительно; приходилось ехать сухим путем по ужасным дорогам или тянуться по рекам бечевой. Только в июне следующего 1726 года экспедиция добралась до Якутска.

Тотчас по прибытии Беринг послал водой в Охотск лейтенанта Шпанберга и с ним 204 человека команды; тяжести отправил на лошадях, а сам с Чаплиным поехал верхом. Пробыв в дороге 45 дней, он благополучно добрался до Охотска.

Не так удачно было путешествие Шпанберга. Застигнутый зимой на полпути, он должен был бросить суда и со всей командой ехать сухим путем, с трудом добывая лошадей. Продовольствия не хватило, и путники чуть не умерли с голоду.

Но самые ужасные испытания выпали на долю тяжелого транспорта; из 500 лошадей пало от истощения 267; люди же принуждены были есть ремни, кожи, кожаные штаны и подошвы.

Добравшись до Охотска, несчастные походили на выходцев с того света; из уцелевших лошадей пала еще 121; из 11 быков дошел один.

Вообще, экспедиция была снаряжена плохо, отчего между людьми происходили частые возмущения. Когда Беринг сделал распоряжение о выстулении части отряда на Камчатку, люди с ожесточением говорили: «Капитан посылает нас и нагих, и босых, и без жалованья на верную смерть». Узнав об этом, Беринг сказал: «Жалованье им следует получать из Якутска, а не от меня. Мне самому не сладко: в дороге пало 500 лошадей: я же буду отвечать за них».

В начале августа прилетело к Охотску с моря множество уток. Под вечер обыватели на двадцати ботах, по пять-шесть человек в каждом, отправились верст за шесть, за семь на пустынный берег и ночевали там. Рано утром охотники выплыли довольно далеко в море и, встретив стаю уток, начали подгонять их к берегу. Бедные птицы покорялись своей участи, так как большинство было с выводками, не умеющими еще летать. Загнав уток в бухточку, окружили ее ботами и заперли в ожидании отлива. К этому времени прибыли из города толпы народа. На обмелевшей бухте ничего не стоило колоть, давить несчастных птиц и даже брать их живьем. Сколько досталось на долю обывателей — неизвестно; но посланная на охоту команда привезла их до 3 000; многим, конечно, удалось улететь.

Прошло уже два года со времени отправления из столицы, а настоящей экспедиции еще не на-

чиналось. В Нижне-Камчатске строилось судно, но от Охотска до Камчатки не на чем было ехать. Наконец построили галиот «Фортуна», починили какой-то старый бот, и на этих судах Беринг с командой поплыл на Камчатку. В устье реки Большой застала его зима, и в городе Большерецке ему пришлось зимовать.

В декабре принесло к устью реки мертвого кита. Люди, посланные за салом, привезли его до 200 пудов.

Четвертого января 1728 года Беринг отправил на 78 санях разные припасы и провиант на восточный берег Камчатки в Нижне-Камчатск, отстоящий от Большерецка на 833 версты, а 14-го числа выехал сам с командой.

Если б Беринг отправился из Охотска в Нижнекамчатск морем, он выиграл бы два года и бедные камчадалы не должны бы были перевозить тяжести через всю Камчатку. Но он не сделал этого, имея, конечно, на то основательные причины, которые, однако же, историками не разъяснены.

Девятого июля спустили на воду строившийся в Нижне-Камчатске бот и назвали его «Гаврилом». Тринадцатого июля Беринг с тремя офицерами и сорока человеками команды вышел на новопостроенном боте в море.

Погода стояла хорошая, и путешествие было приятно. В море плавало много китов, моржей и сивучей.

Двадцатого июля бот проходил в виду острова Верхотурова, имевшего свою историю. В 1705 году некто Верхотуров, приказчик купца Протопопова, плавая в этих водах, увидел на небольшом, крутом и каменистом острове корякский острог. Не долго думая он напал на него, но неудачно. Коряки храбро защищались, убили Верхотурова и всех его товарищей, исключая двух или трех, которые успели спастись в лодках.

На север от острова Верхотурова, против Олюторской губы, лежит другой остров, на котором, по преданию, водилось много черно-бурых лисиц. Туземцы считали этих животных священными и из опасения навлечь на себя несчастье не убивали их.

Обогнув мыс Св. Фаддея, бот «Гавриил» вступил в Анадырский залив. Историк полагает, что Беринг не знал, где находится; иначе он не упустил бы случая побывать в Анадырском остроге, чтоб запастись провизией, водой и разузнать о положении берегов. Анадырский острог, уничтоженный в 1760 году, тогда еще существовал и находился всего в 58 верстах от моря, на берегу реки.

Пройдя Анадырский залив, экспедиция достигла полуострова, названного Берингом Чукотским.

Капитан Кук говорит: «Мыс Чукотский получил название от Беринга после свидания его

**Предполагаемый портрет
капитан-командора В. Беринга**

с чукчами. Следует воздать справедливую похвалу памяти почтенного капитана Беринга. Наблюдения его так точны и положение берегов означено так правильно, что с теми несовершенными инструментами, которыми он располагал, нельзя было сделать ничего лучшего. Широта и долгота определены так верно, что надобно удивляться.

Недалеко от Чукотского мыса Беринг увидел маленькую бухту и велел бросить якорь, чтоб застаться водой. Это было 6 августа, и потому бухта получила название Преображенской. Беринг и не подозревал, что находится у цели своих стремлений. Обогнув Чукотский мыс, он шел по проливу, разделяющему два Света, и не ведал о том.

Когда судно стояло в Преображенской бухте в ожидании Чаплина, уехавшего на берег за водой, в море показалась лодка и в ней восемь человек. Два корякских толмача, бывших на боте, вступили с этими людьми в разговор и, узнав, что это чукчи, стали звать их на бот. После некоторых колебаний чукчи высадили одного человека, который на надутых пузырях подплыл к судну и взошел на него. Чукча рассказывал, что на берегу живет много его одноземцев и что про русских они слышали. Сообщил он также, что в яс-

ный день с берега бывает виден остров. Получив от Беринга несколько подарков, чукча поплыл обратно. Толмачи слышали, как он уговаривал товарищей подплыть к судну, и они, потолковав между собой, решились на это, но на судно не взошли.

Десятого августа, в день св. Лаврентия, открыт был новый остров, который и назван этим именем.

Остров этот имеет очень оригинальный вид. Он состоит из отдельно стоящих гор, разделенных низменностями; издали можно принять его за целый архипелаг островов. В эту ошибку впал англичанин Спид, причем он перебрал все святцы в поисках имен для воображаемых островов. Русский мореплаватель Сарычев, человек умный и дельный, исправил эту ошибку, основательно описав остров.

Наконец 15 августа экспедиция достигла того места на Чукотском полуострове, откуда земля начала уклоняться к западу. Проплыв еще 200 миль к северу, Беринг решил, что он достиг самого края Азии и что «ежели берег стал отклоняться к западу, то невозможно ему соединиться с Америкой»¹. Объявив офицерам, что он исполнил данную ему инструкцию, он велел повернуть к Камчатке. Плывать дальше к северу он не решился из опасения быть затертым льдами.

Очень жаль, что в журнале Чаплина, из которого мы заимствуем настоящие сведения, не упомянуто, видел ли Беринг льды или нет. Из наблюдений позднейших мореплавателей и из рассказов чукчей видно, что Берингов пролив свободен от льдов до октября. Когда очищается пролив, то через него плывет к северу множество китов, моржей, сивучей, тюленей и разных рыб. Эти животные остаются в северных морях до октября и потом возвращаются обратно.

Приходится сожалеть и о том, что Чаплин не сообщает о впечатлениях, которые испытывали путешественники, достигнув цели. Несомненно, что 15 августа было для всех днем великим, оставившим по себе неизгладимые воспоминания. По-видимому, Беринг, при всех своих достоинствах, был человек холодный и необщительный, что, разумеется, отражалось на расположении духа его спутников. Зато скромность его замечательна. Ни одной местности он не ознаменовал своим именем, и тот пролив, открытие которого разрешило важную географическую задачу, был назван Беринговым другим мореплавателем, Куком, посетившим его позднее. Великим душам чуждо чувство зависти, и знаменитый Кук всегда отдавал справедливость своему предшественнику на поприще открытий, бессмертному предводителю первой русской морской экспедиции!

¹ Статья академика Миллера.

Продолжая обратный путь, Беринг 16 августа открыл новый остров, который назвал островом Св. Диомида.

Двадцатого августа к судну опять подъезжали чукчи, оказавшиеся более общительными, чем их собратья из Преображенской губы. Они привезли оленье мясо, воду, меха, четыре моржовых зуба и сообщили, что по морскому берегу и далеко внутрь страны все живут люди их рода.

Второго сентября утром бот «Гавриил» благополучно вошел в устье реки Камчатки и бросил якорь.

За все время экспедиции погода благоприятствовала плаванию. Судно не попало ни в одну бурю, и если встречались противные ветры, то по большей части умеренные. Это обстоятельство особенно важно, если принять во внимание несовершенство оснастки судов того времени. Так как от Якутска до Охотска надобно было совершать большую часть пути верхом, да еще по ужаснейшим дорогам, то канаты и даже тонкие снасти рассучивали, а якоря разбивали и потом сваривали вновь в Охотске. Подобными снастями и якорями снабжались все охотские суда до 1817 года, когда отправился из Кронштадта Головин с такелажем и разными припасами для охотских и камчатских портов.

В то время никто еще не знал наверно, как далеко отстоит Америка от Азиатского материка. По некоторым данным, собранным во время перезимовки в Ново-Камчатске, Беринг вывел заключение, что Новый Свет находится близко, и захотел удостовериться в этом. Весной он велел готовить суда «Гавриил» и «Фортуна», посадил на них свою команду и 6 июня (1729 года) вышел в море, взяв курс на юго-восток.

Если б погода благоприятствовала мореплавателю, он вскоре увидел бы остров, сделавшийся его могилой, но крепкий ветер и мрак отклоняли его от настоящего курса. Не надеясь, чтобы слабый бот и плохой такелаж выдержали столь продолжительный крепкий ветер, он повернул к Большерецку, куда и прибыл 3 июля.

Огибая Камчатку, он плыл большим Курильским проливом, которым обыкновенно проходили суда. В 1730 году случилось сильное землетрясение, совершенно изменившее очертания берегов. По свидетельству очевидцев, валы были так велики, что поднимались над берегом сажен на 30 и заливали его. Много людей погибло, а те, которые остались в живых, вконец разорились. Землетрясение продолжалось с перерывами 13 месяцев с лишком. В Нижне-Камчатске удары были так сильны, что большинство печей развалилось, а новая церковь, построенная из чрезвычайно толстого лиственничного леса, так расшаталась, что косяки дверные выпали вон. Особенно сильны были удары вблизи горящих сопок.

Большую честь делает Берингу и Чаплину точность, с которой они вели корабельное счисление. Пробыв в пути от Нижне-Камчатска до Большерецка 26 суток, при противных ветрах, они не сделали ни малейшей ошибки в долготе.

Двадцать четвертого июля пришел бот «Гавриил» в Охотск, а 29-го Беринг двинулся сухим путем в Петербург, куда и прибыл 1 марта 1730 г., ровно через пять лет после своего отъезда.

Вторая камчатская экспедиция

Плавание к Американским берегам.

Крушение судна. Смерть Беринга

Прибыв в Петербург и представив правительству журналы свои и карты, Беринг предложил вторично отправиться на Камчатку, обозреть положение американских берегов и установить торговые сношения с Америкой и Японией. Предложение его было рассмотрено, одобрено, и в апреле 1733 года последовало именное повеление императрицы Анны Иоанновны о снаряжении новой экспедиции под начальством Беринга, получившего чин командора.

Некоторые из членов Адмиралтейств-коллегии предлагали отправить экспедицию на Камчатку морем.

Если б подобный план осуществился, то Беринг не потерял бы семь лет, потраченных на передвижение и постройку четырех мореходных судов, и не обременил бы несчастных

сибирских инородцев перевозкою тяжестей. Но предложение членов коллегии было почему-то отвергнуто, и Беринг с командой в 200 с лишком человек отправился сухим путем.

В начале 1733 года выехал он из Петербурга на новый и последний подвиг. Впоследствии он сознавался, что, в увлечении, не соразмерил своих сил. После бесчисленных затруднений и препятствий он прибыл в Охотск, где построил четыре судна, из которых два, «Св. Петр» и «Св. Павел», предназначались для команды и два для провианта.

Только в 1740 году 4 сентября экспедиция могла выйти в море.

Достигнув Авачинской губы на восточной стороне Камчатки, суда встали на зимовку. Прекрасный Авачинский порт Беринг назвал в честь своих судов Петропавловским.

Четвертого июня 1741 г. экспедиция вышла из Петропавловской гавани. Двадцатого числа буря разлучила Беринга и Чирикова, командовавшего судном «Св. Павел», и, несмотря на обоюдные старания, они не могли отыскать друг друга.

Восемнадцатого июля Беринг увидел берег Америки. За три дня перед тем Чириков находился у того же берега. Он посылал поочередно на материк шлюпку и лодку с семнадцатью матросами, но ни шлюпка, ни лодка не возвратились. Надо полагать, что люди были убиты туземцами. Прождав их очень долго, Чириков собрал совет, на котором решено было возвратиться на Камчатку.

В то же время и Беринг пытался познакомиться с землей, к которой прибыл. Он также отправил две лодки, но они тотчас же возвратились. Туземцы, завидя чужих людей, убежали, а путешественники не решились следовать за ними в глубь страны.

С 21 июля до 2 сентября Беринг крейсировал между островами вдоль американского берега. Незнание фарватера при близости островов угрожала опасностью боту и мешала его ходу. Ночами приходилось испытывать странные изменения морской поверхности. Судно плыло то по бурным волнам, то по совершенно спокойной воде, хотя ни погода, ни ветер не переменались. Тишь продолжалась иногда по нескольку часов; потом вдруг начиналось такое волнение, что лоцман едва мог править ботом.

Третьего сентября на одном из островов мореплаватели увидели туземцев, которые знаками приглашали их сойти на берег. Русские, в свою очередь, приманивали туземцев и, чтоб расположить их к себе, бросили им несколько подарков. Убедившись, что дикири трусят, лейтенант Ваксель, взяв толмача-коряка и десять вооруженных матросов, сел в шлюпку и отправился на берег.

Дикири очень ласково встретили гостей и угостили их китовым мясом. Вероятно, они прибыли сюда для рыбной ловли, так как на берегу не видно было ни жилья, ни женщин, а только опрокинутые байдарки.

Верхнее платье туземцев сшито было из китовых кишок, штаны — из кож морских собак; на шапке из кож морских львов красовались соколиные перья. Лица раскрашены были красной краской, а носы заткнуты травой; оружия не было. Во время прогулки дикири вырывали из земли какие-то корни и, отряхнув землю, ели их.

Один старик, по-видимому старшина, изъявил желание побывать на шлюпке. Здесь ему поднесли чарку водки, но она так не понравилась старику, что он выплюнул ее и закричал, как бы жалуюсь товарищам, что его обижают. Чтобы успокоить дикиря, ему предлагали бусы, железный котел, трубки, но он от всего отказывался и спешил на остров.

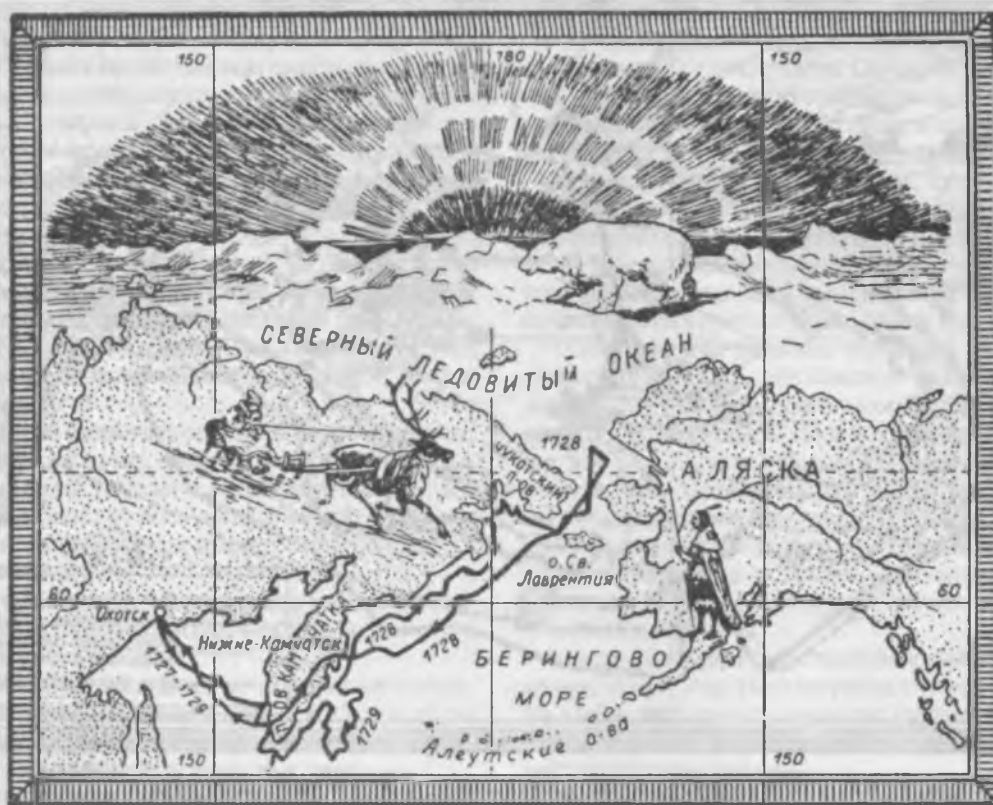
Между тем на берегу оставалось двое русских и переводчик-коряк. После истории со старшиной дикири так разъярились, что не хотели отпустить своих гостей. Русские кое-как перебрались на шлюпку, а коряк остался в руках американцев. Некоторые из них схватились за канат, которым привязана была шлюпка, и принялись тащить, предполагая, вероятно, что шлюпку так же легко вытащить на берег, как байдарку. Ваксель, командовавший шлюпкой, приказал перерубить канат. Увидав это, переводчик-коряк закричал благим матом, умоляя не оставлять его в руках дикирей.

Как ни просили русские, выражаясь знаками, чтоб отпустили коряка, дикири только мотали головами и еще крепче держали своего пленника. Чтобы сломить упорство туземцев, Ваксель приказал выстрелить из двух ружей. Эта мера возымела полный успех. От шума выстрела, повторенного эхом, дикири упали на землю, а коряк, воспользовавшись их смятением, вырвался и побежал к шлюпке.

Скоро дикири оправились и знаками стали выражать желание помириться, но Ваксель не считал нужным обращать на них внимание. Наступила ночь, море начало бушевать, и шлюпка направилась к судну, стоявшему довольно далеко от берега.

На другой день семеро дикирей на одноместных байдарках подплыли к боту и в знак мира привезли подарки: две шапки с соколиными перьями и вырезанную из кости фигуру. Их щедро отдалили и отпустили. Когда «Св. Петр» снялся с якоря и пошел мимо острова, дикири громко кричали. Были ли то приветствия или угрозы — неизвестно.

С этого дня начались бедствия всякого рода. Корабль пошел на юг, но поднявшаяся буря от-

Маршрут плавания Беринга и Чирикова на «Св. Гаврииле» (1728 и 1729 гг.)

бросила его к юго-востоку. Буря продолжалась семнадцать дней без малейшего перерыва и была так сильна, что, по уверению лоцмана Гессельберга он никогда такой не видел, хотя в течение пятидесяти лет плавал по всем морям земного шара.

К одной беде присоединилась другая. Матросы стали заболеть цингой, и болезнь действовала так сильно, что почти каждый день кто-нибудь умирал. Можно было опасаться, что скоро не хватит людей для обслуживания бота.

В таком печальном положении находилась экспедиция, когда Беринг собрал совет и предложил обсудить, идти ли зимовать к американским берегам или возвратиться на Камчатку. Решили возвратиться, и это была большая ошибка. Американский берег был гораздо ближе, чем Петропавловская гавань, и, решись Беринг там зимовать, он, может быть, избежал бы катастрофы; но он должен был покориться решению совета.

Едва подул благоприятный ветер, судно пошло на север, а после 15 октября повернуло на запад. Два неизвестных острова, встретившихся на пути, моряки приняли за Курильские острова. Из-за такой ошибки они опять пошли на север и уклонились от прямого пути. Если б бот про-

плыл еще два дня на запад, он был бы в Петропавловской гавани.

Эта ошибка имела самые губительные последствия. Напрасно поворотили опять на запад: берегов Камчатки не было видно. Между тем цинга так свирепствовала, что рулевого поддерживали у руля под руки, а когда он выбивался из сил, его заменял такой же больной. Не смели поднимать парусов, потому что некому было бы спустить их. Притом паруса были так ветхи, что первый порыв ветра разорвал бы их в клочки, а заменить новыми, имевшимися в запасе, не хватало рук.

За непрерывным дождем последовали град и снег. Ночи становились длиннее и темнее; каждую минуту можно было сесть на мель. Запас воды истощался, приходилось выделять ее скудными порциями, что было невыносимо для больных, мучимых жаждой. Матросы, оставшиеся на ногах, должны были работать за десятерых. Они положительно выбивались из сил и призывали смерть как избавительницу от мучений. Бывали дни, когда бот, за недостатком рук, стоял неподвижно или двигался только по воле ветра и течения. Экипаж был близок к отчаянию.

Маршрут плавания Беринга и Чирикова к берегам Северной Америки (1741 гг.)

В это тяжелое время много находчивости и присутствия духа выказал лейтенант Ваксель. Он увещевал матросов надеяться на Божию помощь и убеждал трудиться до последней возможности, чтобы содействовать общему избавлению. Слова, а еще более пример мужественного лейтенанта ободряли матросов, и они делали все, что могли.

Судно продолжало идти на запад ощупью. Ни широта места, где оно находилось, ни расстояние от Камчатки никому не были известны.

Четвертого ноября увидели землю. При виде ее матросы оживились. Но так как приближалась ночь, а берег был неизвестен, то сочли за лучшее остановиться в открытом море. На другой день утром все снасти на левой стороне бота оказались порванными. Ваксель пошел доложить об этом Берингу, который лежал в каюте больной. Беринг велел ему собрать офицеров и составить совет.

Совет обратил внимание на негодность снастей, без которых бот не мог продолжать путь. Даже во время заседания приходили докладывать, что и остальные снасти рвутся. Запас воды уменьшался; стужа усиливалась. Ничего более не оставалось, как пристать к берегу.

Судно направили к острову, беспрестанно измеряя глубину. На некотором расстоянии от ос-

трова, против отдельно стоящего утеса, бот бросил якорь, но канат порвался. Бурные волны швырнули бот на утес один раз, потом другой. Бот дрожал и скрипел. Бросили второй якорь, но канат порвался прежде, чем якорь дошел до дна. Это-то печальное обстоятельство и спасло мореплавателей от неминуемой гибели.

Только собрались бросать третий, последний якорь, как огромный вал поднял бот и перебросил его через утес. Моряки очутились в спокойных водах и могли без опасений стать на якорь.

Только на следующий день поняли они, куда попали. Провидение привело их в такое место, где они могли иметь хоть небольшую надежду на спасение. Во всех других местах утесы не позволили бы пристать к берегу. Если б бот выбросило сажен на 20 вправо или влево, то он был бы разбит и экипаж потоплен.

Отдохнув немного, Ваксель и естествоиспытатель Штеллер отправились на берег. Остров представлял безлесную, бесплодную страну, занесенную глубоким снегом. Не замерз только ручей, с шумом стремившийся с гор, и в нем, по счастью, оказалась прекрасная вода. Это было пока единственным утешением; все остальное наводило на грустные размышления. Куда поместить больных? Как оградить себя от сту-

Если и был на острове выкидной лес, то его занесло глубоким снегом. Но нужда — хороший советник. Между песчаными холмами около реки находились глубокие рвы. Их-то и придумали очистить и покрыть парусиной на первый случай: а потом вырыть из-под снега лес и построить хижины. Вечером Ваксель и Штеллер вернулись на бот и представили рапорт своему начальнику.

На другой же день отправили на берег людей, которые могли еще держаться на ногах, чтобы они приготовили рвы для больных. Потом стали перевозить самых слабых. Многие не вынесли свежего воздуха и, появившись на палубе, тотчас умерли.

На острове водилось множество песцов. Еще путанные людьми, звери их не боялись. Песцы бросились к трупам с такой жадностью, что можно было отогнать их. У некоторых они обглодали руки и ноги, прежде чем успели их захоронить.

Почти все больные, лежавшие в каютах, умерли. Уцелели только те, которые хоть через силу, но двигались на воздухе.

С большой осторожностью перенесли командора. Его укутали, положили на носилки и только понемногу давали ему дышать свежим воздухом, чтоб постепенно приучить к нему.

Замечено, что энергия и бодрость духа служат лучшими противоязвотными средствами. Офицеры, которые непрерывно должны были находиться на палубе, распоряжаться и трудиться равные с матросами, менее всего пострадали. С ними находился постоянно и Штеллер. Этот человек был в полном смысле врачеватель души и тела: он всюду вносил радость и умел сообщать ее окружающим.

Экипаж Беринга продолжала преследовать болезнь. Бот сорвало с якоря, прижало к берегу и стало заносить песком. Только и было утешением в мысли, что судно не унесло совсем и что из него можно будет выбрать материал для нового и возвратиться на Камчатку. Во время катастрофы пропала часть провизии; остальное перевезли на берег.

Наконец и офицеры отдали дань болезни. Появилась реакция, или заразились они во внутреннем помещении бота, но они расхворались так сильно, что едва не поглотились жизнью. Болезнь развивавшаяся бурно, к счастью, была непродолжительна, и офицеры скоро выздоровели.

Между тем несчастный Беринг лежал при полном издыхании. Не на постели, не в теплой комнате лежал несчастный, а в холодной яме, в которой беспрестанно засыпало его песком. В конце он уже не велел огребать песок, гово-

ря, что ему так теплее. Находившиеся около него офицеры удивлялись покорности, с которой он переносил свою участь. Он не только не роптал, но еще и окружающих его уговаривал переносить с терпением испытания и не терять бодрости духа.

Он умер 8 декабря 1741 года. Чтoб пристойным образом предать тело земле, пришлось отгребать от него песок, которого навалило ему по пояс. Умершего положили между его адъютантом и комиссаром и над могилой поставили крест. Теперь на этом месте стоит памятник.

После смерти Беринга командование экспедицией принял на себя Ваксель. Он начал с того, что послал разведчиков в разные стороны, чтоб осмотреть местность и удостовериться, есть ли тут жители. Спустя несколько дней разведчики вернулись и объявили, что людей нет и следа, но что есть множество выдр и песцов. Возбравшись на высокую гору, разведчики убедились, что находятся на острове. Они видели много речек, по берегам которых росли кустарник и низкая рябина.

После разведки приступили к разбору и раскладке провизии. Несмотря на то, что из экипажа выбыло тридцать человек, провизии не хватило бы, если б экипаж не решился питаться морскими животными.

Начали с выдр, или морских бобров. Мясо их было жестко и невкусно, но зато шкурки ценны. Их собирали в надежде по возвращении на родину выгодно продать. За все время убили 900 выдр, шкурки которых мирно поделили между собой. Штеллер заработал больше других, так как ему как доктору платили иногда шкурками за врачебную помощь.

В марте выдры исчезли и на смену им появились морские коты. Охота за животными была чрезвычайно легка, так как в этом диком месте они еще не встречали человека и поэтому совсем не боялись его.

Еще в начале зимы верстах в пяти от стоянки выбросило на берег мертвого кита. Его использовали в пищу, когда не попадалось других морских животных, почему и прозвали «провиантским магазином». Жир его топили, а мясо ели, хотя оно было далеко не свежее. В начале весны выбросило другого кита, посвежее; на него и набросились, позабыв о первом.

В мае исчезли коты, пришлось попробовать противного тюленьего мяса. К счастью, попадались иногда сивучи, мясо которых было сносно.

Чрезвычайно радовались бедняги, когда им случалось раздобыть моржа, особенно молодого. Мясо моржа очень напоминает говядину, а молодого — телятину; недаром морж зовется морской коровой.

Некоторые моржи весили до 200 пудов, так что мяса хватало надолго; но добывать животных было нелегко.

Не имея снастей и не зная приемов промысловиков, матросы подкарауливали зверей, когда они подплывали к берегу есть морскую траву; тут в них метали остроги, но очень часто не попадали; случалось, что морж срывал веревку и уходил вместе с остройгой. Питательное моржовое мясо было очень полезно больным; поев его, они чувствовали большое облегчение.

В апреле приступили к слому старого судна и постройке нового. Все дружно принялись за работу. Офицеры первые подавали пример команде, трудясь неутомимо. За неимением смолы придумали разрубать новые якорные канаты и вываривать из них смолу. Таким образом добыли ее столько, что могли осмолить киль; надводную же часть вымазали жиром.

Десятого августа судно было спущено на воду, а 16-го оставило негостеприимный остров. В первый же день в судне появилась течь, и, чтоб спасти его, пришлось выбросить за борт все, что было можно. Течь законопатили и 27-го прибыли в Петропавловск. Излишне было бы описывать радость страдальцев, снова вступивших на родную землю. Они будто родились вторично, так они были счастливы, добравшись до теплого жилища и привычной пищи!

Необходимо сказать несколько слов о Чирикове, отправившемся одновременно с Берингом на судне «Св. Павел». Немало страданий выпало и на его долю. От недостатка воды и пищи на судне развилась цинготная болезнь, жертвами которой сделались двадцать человек, в том числе три офицера. Чириков заболел тоже, и штурман Елагин, единственный из всех, способный отправлять службу, ввел судно в Петропавловскую гавань.

Летом 1742 года отправился Чириков искать капитан-командора Беринга и прибыл очень скоро к первому Алеутскому острову, который назвал именем Св. Феодора. Отсюда поплыл он к северу, увидел остров Беринга, и, прокрейсировав у юго-западного мыса, направился в Охотск. Если бы он обошел весь остров, то нашел бы на нем своих товарищей, занятых в это время постройкой нового судна.

Путешествие капитана флота Сарычева
по северо-восточной части Сибири,
Ледовитому и Восточному океанам
в продолжение восьми лет
под начальством капитана флота Биллингса
в 1785—1793 годах

Глава I

*Путь Сарычева в Охотск.
Сибирские тунгусы*

1785 году, по приказанию императрицы Екатерины II, снаряжена была экспедиция под начальством капитан-лейтенанта Биллингса для описи северных морей и их берегов. Кроме того, члены экспедиции должны были знакомиться с сибирскими инородцами, подвластными России, и облагать их данью. Экспедиция состояла из 142 человек, в том числе трех офицеров и командира.

В середине сентября один из участников экспедиции, лейтенант Сарычев, отправился с мастеровыми из Петербурга в Охотск. Ему поручено было заняться постройкой судов и распорядиться заготовкой провианта в тех местах, которые экспедиция должна была посетить.

Ввиду отсутствия хороших путей сообщения Сарычев двигался очень медленно и прибыл в Якутск только 10 января. Этот город застал он еще в первобытном состоянии. Между обывательскими домами раскинуты были якутские юрты; стекла не вошли еще в употребление; их заменяла слюда или льдины, которые прикреплялись к оконным косякам с помощью растопленного снега¹.

Здесь предупредили путешественника, что в зимнее время к Охотску никто, кроме почты, не ездит, так как путь лежит по необитаемым местностям, занесенным глубоким сне-

¹ Врангель, посетивший Якутск 50 лет спустя, не нашел уже ни юрт, ни льдин на окнах.

гом. Ему советовали подождать до весны. Но Сарычев ждать не мог и, запасшись провиантом и теплой одеждой, двинулся 22 января в дальнейший путь. Санной дороги не было; пришлось ехать верхом и кладь навьючить на лошадей. Пока встречались якутские поселения, путешественник находил в них радушное гостеприимство, но поселения кончились, и на протяжении 400 верст не предвиделось ни одного жилого места. Для непривычного человека такой путь был очень тяжел. Каждый день с утра до вечера приходилось сидеть на лошади, ночи же проводить, зарываясь в снег, и все время не снимать одежды и не менять белья.

От тяжелой дороги и дурного корма лошади так отошали, что едва дотащились до того пункта на верховьях Индигирки, с которого путь верхом, по причине глубоких снегов, был невыносим. Незадолго перед тем казаки, везшие почту, увязли в снегу, потеряли всех лошадей и едва сами спаслись на лыжах. Узнав его этом, Сарычев послал нарочного к оленным тунгусам¹ в их кочевья с поручением привести оленей, на которых предполагалось двигаться далее.

Тунгусы принадлежат к маньчжурскому племени, но судьба их значительно разнится от судьбы их соплеменников, покоривших Китай. В 1640 году казаки в первый раз встретили в Сибири тунгусов, а в 1644 году на китайский трон вступил маньчжурский император. На этом племени можно наглядно убедиться, до какой степени влияет природа на развитие человека. Сибирские тунгусы до сих пор остаются дикарями, и хотя многие из них приняли христианскую веру, но в душе они такие же язычники, как и были; по-прежнему чтят своих шаманов и исполняют все языческие обряды. Маньчжуры же представляют замечательное явление в истории цивилизации. Менее 350 лет тому назад они были такими же кочевниками, как их северные собратья, и не умели ни читать, ни писать; а в настоящее время они имеют богатую литературу, и язык их сделался придворным языком в Пекине.

Несмотря на то, что тунгусы занимают огромные пространства от бассейнов Верхней, Средней и Нижней Тунгуски до западного берега Охотского моря и от китайской границы и Байкала до Ледовитого моря, их насчитывается не более тридцать тысяч. Они разделяются на оленных, собачьих, лесных и береговых. Самыми зажиточными считаются оленные, владеющие большими стадами. Обедневший тунгус делает собачьим, береговым, или рыболовным. Он снабжает рыбой своих соплеменников-скотоводов и выменивает ее на оленьи шкуры. Береговые

тунгусы нередко нуждаются в самом необходимом, а совершенно обнищавшие делают даже людоедами². От прожорливости этих дикарей их более счастливым собратьям приходится охранять оленей, собак и детей. Очевидно, что с такими тунгусами не церемонятся и истребляют их без сожаления. Впрочем, и с ними ведется меновая торговля, только ведется она издала. Обменявшись знаками, обе стороны кладут товары на землю и подходят к вымениваемым вещам с большой осторожностью, зорко следя за своим противником.

Со времен Сперанского русское правительство отечески заботится об этих несчастных. Их предписано селить по берегам больших рек и снабжать рыболовными снастями. Такая мера, конечно, уменьшает нищету до известной степени.

Тунгусы сильно привязаны к кочевой жизни и удивляются якутам и русским, живущим оседло. Своей беззаботностью и веселостью, подвижностью и остроумием тунгус отличается от прочих сибирских племен: мрачного самоеда, неуклюжего остяка, сварливого якута; и потому тунгуса можно назвать французом тундры и леса. К тому же он большой щеголь. Вместо тяжелой мешковатой одежды он шьет себе из тех же шкур род фрака и отделяет его полосками сукна, шитьем и бусами. На голове тунгус носит вышитую бусами татарскую шапочку, на плечи набрасывает ожерелье из бус, к которому привешивает мешочек с огнивом, трутом и кремнем. Костюм женщин еще вычурнее. Они с большим мастерством расшивают свои наряды узорами из конского волоса и оленьих сухожилий, которые рассучивают на нитки желаемой толщины.

Когда тунгус едет верхом на олене, он держится гордо и осанисто, словно рожден кавалеристом. Как проводник он неоценим. Верным шагом ведет он путешественника по необозримым лесам, по занесенным снегом тундрам, словно чутьем узнавая дорогу. На остановках он поражает своей ловкостью и веселостью. В один миг олени развьючены, седла и вьюки уложены в порядке, узды и вожжи собраны и развешаны на деревьях, животные пущены в лес, где они сами заботятся о своем корме. Затем из нарубленного или наносного леса складывается костер, а из ветвей, если они есть, устраивается постель, которая, благодаря покрывающим ее шкурам, напоминает пружинный матрац. Котел, наполненный снегом или водой, подвешивается над костром, и через несколько минут чай уже готов.

Если путешественнику вздумается развлечься, тунгусы с большой охотой покажут ему свою

¹ Тунгусы — старое название эвенков.

² Северная пчела — 1847. — 18 января.

ловкость. Они будут кружиться хороводом под звуки песен или устроят игру. Двое вертят веревочку точь-в-точь так, как делают наши девочки, третий скачет, в то же время натягивая тетиву и стреляя из лука; причем ни разу не заденет веревки. Кроме того, тунгусы большие мастера играть в шахматы.

Теперь возвратимся к нашему путешественнику. Пока посланные ездили за оленями, Сарычев оставался в юрте одного отставного казака, где имел случай видеть, как шаман призывал духов для излечения больного якута.

Перед началом заклинаний шаман снял с себя обыкновенное якутское платье и надел особое шаманское, сшитое из ровдуг — выделанной оленьей кожи — и обвешанное узенькими ремешками и железными бляхами всевозможных форм и размеров. Распустив волосы, заплетенные в косы и обвитые вокруг головы, он закурил трубку, взял бубен и, сев посреди юрты, стал бить в бубен плоской палочкой, обтянутой оленьей кожей, и вызывать подвластных ему духов. Чем дальше, тем больше оживлялся шаман, ударял в бубен сильнее и чаще, сам стал поворачиваться и подпрыгивать; наконец, вскочив на ноги, стал выделывать вокруг больного самые рискованные па, продолжая ударять в бубен и неистово вскрикивать. Голова его с растрепанными волосами опрокидывалась то вперед, то назад, то вертелась, как флюгер, причем он ужасно вращал глазами, закатывая их так, что видны были только одни белки. Наконец, он пришел в беспамятство и упал на руки двух якутов, стороживших эту минуту. Беспамятство, однако, продолжалось недолго; шаман опять вскочил, опять запрыгал и, схватив нож, вонзил его себе в живот, приказав якуту вколачивать его поленом по рукоятку. Потом подскочил к очагу, схватил три раскаленных камня и проглотил их, не поморщившись. Побесновавшись еще несколько времени, он вытащил из брюха нож, усилием выхаркнул проглоченные камни и начал возвещать больному выздоровление, но под условием, чтобы мучившему его злому духу он принес в жертву лошадь известной масти. Случается как-то так, что выбор шамана всегда падает на лошадь самую жирную.

Шаманы за труды свои ничего не просят и довольствуются тем, что им дают. Зато они всегда принимают участие в жертвенной трапезе и с жадностью пожирают жертвенное мясо. Духу же оставляют только голову, хвост и кожу, которые вешают на высокомо дерево, где они и остаются навсегда.

Доверие народа к этим фокусникам безгранично. Предполагаемая власть над духами и таинственные приемы шамана окружают его таинственностью, которая всегда неотразимо действует на неразвитых людей.

Не каждый способен сделаться шаманом. Иной, как бы ни старался, не может сблизиться ни с одним духом; к другому они являются сами. Вообще, по свойствам своим и по проявлению силы шаманы имеют много общего с современными медиумами. Как у тех, так и у других трудно бывает определить, где кончается экстаз и где начинается фокус или обман.

Нарочный, посланный к тунгусам, вернулся через двенадцать дней и привел двадцать пять оленей и две тунгусских семьи с юртой, женщинами и детьми. Олени, используемые в Северной Сибири для передвижения, чрезвычайно пригодны для этой цели. Ни глубокие снега зимой, ни топкие болота летом не служат препятствием для этих легких быstroногих животных. К тому же они весьма неприхотливы. Если якутская лошадь довольствуется извлеченной из-под снега поблекшей травой и на этом корме умудряется еще жиреть, то олень может питаться одним мхом, да и тот не всегда имеет в своем распоряжении.

Одиннадцатого марта Сарычев отправился на приведенных оленях верхом. «Много стоило труда, — пишет он, — привыкнуть к этой необыкновенной езде; седло так мало, что едва можно на нем держаться; к тому же оно без стремян и без подпруг, лежит на передних лопатках оленя и привязано одним тонким ремнем, так что при малейшей неловкости легко упасть. Вместо узды правят ремешком, привязанным к шее оленя».

Путь, по которому ехал Сарычев, шел через горы, леса и тундры. Не было ни дороги, ни тропы, а тунгусы вели караван с такой же уверенностью, как любой ямщик по столбовой дороге. Искусство этого народа распознавать путь изумительно. Как летом, так и зимой они узнают не только число оленей и лошадей, прошедших в известном месте, но и определяют время, когда они прошли. В одном месте проводники объявили Сарычеву, что тут недавно проехали тунгусы. И действительно, удалось их догнать и обменять уставших оленей на свежих.

На привалах Сарычев знакомился через переводчика с характером и обычаями новой для него народности. Он изумлялся, с какой легкостью эти люди переносили передвижение. В одной семье был грудной ребенок. Его сажали в корзину, обложенную мхом, и подвешивали на оленя вместе с другим домашним скарбом. Для развлечения давали младенцу сосать кусок жиру, и он чувствовал себя, по-видимому, прекрасно. Здесь повсеместно жир заменяет прокисшую соску наших крестьянских детей, и, по всей вероятности, младенцы от этой замены только выигрывают.

Среди оленных тунгусов богачи, владеющие стадом в 2 000 голов, — не редкость. Хозяева страшно дорожат своими животными и только

Тунгус из Карейки и тунгуска из Чапогира.

Гравюра XIX века

в крайнем случае решатся зарезать здорового оленя. Но поврежденных и даже павших употребляют в пищу, причем съедают не только мясо, но и содержимое желудка, из которого варят кашу, смешивая ее с кровью и жиром. Мясо едят вареное и сушеное; мозг же — непременно сырым. Мозг и язык считаются лакомым кушаньем, которое приберегают для праздников или для угощения дорогих гостей.

Двадцать пятого марта путешественники добрались до урочища Арки, владения собачьих тунгусов. Здесь оставили оленей и пересели на нарты, запряженные собаками. К нартам, которые так легки, что их можно поднять рукой, привязывают вместо дышла длинный ремень, на который по длине пристегивают пять-шесть пар собак с ученой собакой впереди. Вся дрессировка собаки состоит в том, чтобы приучить ее повиноваться нескольким словам: «хна, хна, хна» (направо); «уга, уга, уга» (налево); «ко, ко, ко» (стой); «аах, аах, аах» (лети). В помощь словам употребляется еще оштол, палка с острием на одном конце и колокольчиками на другом. Когда нужно погонять собак, звонят в колокольчики; для остановок втыкают оштол в снег. Им же ловкий нартовщик удерживает нарты в равновесии. Опрокидываются, впрочем, они довольно часто, особенно если собаки почуют зверя. Тогда они мчатся во весь дух и невозможно остановить их. По рекам, гоняясь за выдрой, они могут завезти путника в полы-

ню. Самое лучшее средство в таких случаях опрокинуть нарту или самому выскочить, пустив собак на произвол судьбы. Но такой поступок позволителен только заезжему человеку. Туземец же упустить нарты считает стыдом и, вывалившись, скорей готов волочиться за нартой, чем прийти домой пешком.

Нередко собаки путают упряжку, и седоку голыми руками приходится распутывать ее. Чтоб подшутить над едущим позади, стоит только бросить на дорогу кусок юколы¹. Собаки кинутся на нее, перепутают упряжку и начнут грызться.

На привалах собак так же, как и лошадей, кормят, когда они остынут. Притом вожак должен следить, чтобы собаки не отнимали друг у друга

положенной порции и чтобы не воровали корм вороны, которые здесь ужасно нахальны.

Замечательно, что здешние собаки почти не лают, но зато они воют, особенно на заре или перед поездкой. Начинает обыкновенно одна, и за ней остальные. Для непривычного уха такая музыка не особенно приятна.

По насту, то есть по слегка оттаявшему и потом замерзшему снегу, собаки бегут очень быстро. но в рыхлом снегу они вязнут и скоро утомляются. В таких случаях человек идет вперед на лыжах и обминает снег. С этим орудием Сарычеву пришлось познакомиться, когда, приехав в Охотск, он должен был колесить по лесам, чтоб отыскать бревна, годные для постройки судов.

«Более 70 верст пришлось обойти мне на лыжах, — рассказывает он, — что с непривычки было крайне утомительно. При каждом шаге лыжи путались и задевали то за кусты, то одна за другую, отчего я беспрестанно падал и тонул в снегу, из которого без посторонней помощи никак не мог выкарабкаться».

Когда лес был найден и намечен, не нашлось людей для его порубки. Все почти бедняги переболели в течение зимы цингой и едва тащили ноги. Пришлось дожидаться весны. В исходе апреля вскрылась река Охота и пошла по ней рыба сперва нельма, кунжа и камбала, потом кета, корюха и сельдь, затем белуга и тюлени, или нерпа

¹ Сушеная рыба.

Ход рыбы продолжается все лето; одна порода сменяет другую. В июле, августе и сентябре идет нерка, из семейства лососей, только телом краснее. Ее идет такое множество, что вода в Охоте пропитывается рыбным запахом. Едва успевают закинуть сети, как уже надо вытаскивать их. Можно сказать, что в такое время рыбу не ловят, а черпают. Занимаются рыбной ловлей и собаки. Они до того избаловываются, что едят только одни головы, пренебрегая остальным.

Местные жители стараются запастись рыбой на весь год, как для себя, так и для собак, которых держат все обыватели вместо упряжных лошадей.

Рыбу солят только русские. Туземцы ее сушат или зарывают в землю, если начались заморозки.

Перелетных птиц в этих краях множество, в особенности гусей и уток. Из лесных птиц водятся белохвостые орлы, тетерева и куропатки. Чаек насчитывается пять пород; самые замечательные из них: разбойники, которые сами рыбу никогда не ловят, а отнимают ее у других чаек, и семисаженные, самые прожорливые из всех. Они так наедаются, что не могут летать.

Есть еще любопытная птица, водяной воробей, величиной с дрозда. Этот воробей ныряет и остается некоторое время под водой, хотя ножных перепонки не имеет и никогда не видал, чтобы он плавал.

Дворовых воробьев здесь нет.

Глава II

Спуск судов «Ясачна» и «Паллас». Вступление в Ледовитый океан

В первых числах июля (1786 года) прибыл в Охотск начальник экспедиции Биллингс с командой и припасами. Он объявил, что все члены экспедиции повышены в чине, и приказал капитан-лейтенанту Сарычеву отправиться с командой в Верхнеколымск. Сам же остался с небольшой свитой в Охотске для окончания дел.

Река Охота сильно разлилась и затопила дорогу; пришлось идти в обход лесом и болотами, переходя вброд некоторые притоки.

На третий день вода спала и путешествие сделалось приятным. Приходилось ехать по благоухающим тополиным и лиственным лесам, окаймленным подлеском из цветущего шиповника и жимолости, по сочным лугам, где попадались голубица и княжевика, ягода — листом похожая на землянику, а плодом на малину, ароматная и очень вкусная. Цветок ее имеет форму звездочки, как и у земляники, только с розовой окраской. Сушеный лист этой ягоды туземцы употребляют вместо чая, а настой из цветов и листьев считают хорошим лекарством от грудных болезней. На болотах растет множество морошки.

Здесь болота, или байдараны, по большей части торфяные; словно по пружинному матрацу едет путник. Под ним качается почва, и вместе с нею качаются деревья. Есть места топкие, где лошади вязнут, но благодаря тому, что на известной глубине земля никогда не оттаивает, они совсем завязнуть не могут.

На шестой день экспедиция прибыла в Арку, где догнал ее капитан Биллингс со свитой. Оставшийся при нем боцман, переплывая через небольшую протоку, был сброшен лошадью и утонул.

В Арке путешественники смотрели на ловлю тунгусами кеты. Орудие ловли — багор. Высмотрев в воде большую и жирную рыбу, тунгус бросает в нее багор и почти всегда вытаскивает добычу.

После ужина тунгусы и тунгуски забавляли приезжих пляской. Взявшись за руки, они составили небольшие круги и подсакивали в такт песне, которая состояла всего-навсего из одного припева «охурь — сохурь», что значит: «ах, как хорошо!»

Дальнейший путь через горы и тундры, заваленные лесом, был очень труден. Несчастные лошади окончательно измучились, и нескольких пришлось бросить. Проводники надеялись взять их на обратном пути или, по крайней мере, привезти хозяину голову и хвост в доказа-

Орудия самоедов, тунгусов и якутов: 1, 2 — трубки; 3, 4, 5, 6 — скребки для кожи; 7 — сверло; 8 — скребок для спины; 9 — рыбная ложка; 10 — календарь

тельство того, что лошадь не была продана. Такая мера здесь практикуется, но мало приносит пользы, так как, продав лошадь на мясо или угостившись ею, всегда можно сохранить хвост и голову.

На одном из привалов помощник доктора, англичанин Мейн, отправился верхом собирать коренья и заблудился. Лошадь от него ушла, и он положительно не знал, что ему делать. Ближайшие тунгусские юрты были от этого места на сто верст, и положение Мейна могло бы сделаться критическим, если бы на него не наткнулись случайно искавшие его товарищи.

Пятнадцатого августа Биллингс отделился от своей партии и отправился вперед, а остальные, пройдя 400 верст вверх по реке Охоте, свернули вправо по реке Кайдусун. Здесь случилось обстоятельство весьма неприятное: проводник-тунгус бежал и экспедиции пришлось идти наугад.

Проколевив верст семьдесят по горам, лесам и болотам, путешественники выбрались на дорогу и, встретив одного якута, уговорили его провести их к юртам якутского князька, которые, по общению того же якута, находились верстах в семидесяти.

Отдохнув у князька, экспедиция отправилась далее. В одном месте, на пространстве всего в двадцать верст, пришлось перебираться через два хребта, один из которых был покрыт мелким листовым лесом и ползучим кустарником, а другой бесплоден и каменист; подъем на него был труден, а спуск еще труднее. Как ни привычны туземные лошади к таким дорогам, но и они срывались и падали.

Четырнадцатого сентября экспедиция прибыла в Верхнеколымский острог, где уже находился капитан Биллингс.

Острогом называется русское селение, обнесенное валом или деревянной стеной со сторожевыми башнями по углам. Первые русские поселенцы в здешних краях ограждали себя таким образом от набега инородцев, предполагая, что последние непременно будут отстаивать свою территорию от чужеземного вторжения. Подобные предположения не оправдались. Туземцы всюду отступали, и только воинственные чукчи выказывали намерение бороться, но русские в их пределах не селились.

В Верхнеколымском остроге, построенном на берегу реки Ясачной, не нашлось квартир для

офицеров, и они должны были разбить юрты и разместиться в них. Затем приступили к заготовке леса для постройки судов. Сначала лес сплавляли водой, но 27 сентября Ясачная замерзла и бревна пришлось возить по льду.

Заложив судно, Биллингс в ноябре поехал в ближайшее юкагирское селение, чтоб познакомиться с юкагирами.

Это племя было когда-то очень сильно и владело обширными землями. От эпидемической оспы много юкагиров перемерло, племя ослабло, и соседи — тунгусы и коряки — стали тестить его. Юкагиры обратились к защите русских и начали селиться вблизи острогов.

Все почти юкагиры крещены, что не мешает им так же, как и другим инородцам, почитать шаманов. Они страшно боятся духа давно уже умершей шаманки Аграфены Жиганской и уверены, что от нее происходят все болезни и несчастья. Она вселяется будто бы в людей и мучит их, а потому туземцы считают необходимым умиротворять ее жертвами. Местные русские власти, стараясь положить предел суеверию, послали в Жиганск повеление вырыть тело колдуньи и сжечь его, но и это не помогло; шаманы продолжают веру в колдунью ради корыстных целей.

В январе морозы усилились до - 43 °С. От холода захватывало дыхание, а выдыхаемый воздух мгновенно превращался в мелкие льдинки, которые от трения друг о друга производили легкий треск. Ртуть замерзла, и ртутный термометр не действовал; пришлось обратиться к спиртовому.

Пока еще не было таких холодов, члены экспедиции охотились на тетеревов, рябчиков и куропаток; но при жестокой стуже даже переход от одной избы в другую сделался затруднителен. Налимы, составлявшие главную пищу, перестали ловиться, и отсутствие свежей пищи сказалось появлением цинги. Горько раскаивались заведующие экспедицией, что не запаслись рыбой, когда она ловилась в изобилии; пришлось вырыть из-под снега брошенные налимьи головы и употребить их в пищу.

В феврале один из офицеров уехал в Якутск, чтобы ускорить отправление в Охотск экспедиционных тяжестей и материалов, а в апреле заказано было новое судно. Примерно в это же время стали появляться перелетные водяные птицы.

Пятнадцатого мая вскрылись реки, и вода пришла настолько, что подняла достроенные суда. Одно названо было «Паллас», другое — «Ясачная».

Двадцать второго числа река вышла из берегов, и команда Биллингса поспешила перебраться

на суда. Одним судном командовал Биллингс, другим — Сарычев. Из состоящего при Сарычеве экипажа в семнадцать человек никто не бывал в море и не имел понятия о нем. С такими-то людьми приходилось предпринимать трудное и опасное плавание по Ледовитому океану, где требовались опытность и величайшая осторожность. Ввиду этого Сарычев сам принялся обучать свою команду насколько было возможно.

Провизией запаслись на семь месяцев; не доставало только мяса и уксуса, которых подрядчик не успел поставить. Двадцать пятого мая снялись с якоря, поплыли вниз по Ясачной и вошли в Колыму.

В Колыму впадет множество рек, больших и малых; таковы: Большая и Малая Зырянка, Ясачная, Магазейка, Лобья, Березова, Омолон, Инжиг, Пенжина, Большой и Сухой Анюй. Первый течет на расстоянии 800, второй — 500 верст. По берегам Анюев и живут юкагиры.

Колыма делится на несколько рукавов и образует множество островов. С одного острова приплыл якутский князек, единственно с целью посмотреть на редких гостей.

Двадцать восьмого мая суда прибыли в Среднеколымск и, простояв здесь несколько дней, отправились далее.

По берегам Колымы, начиная от устья Зырянки до Среднеколымского острога, встречались летовья казаков, где они обыкновенно летней порой заготавливают для себя и для собак рыбу. Зимой казаки расходятся по домам.

По Анюям и Омолону бывает два раза в году оленья плавь. Первая — весной, когда олени, спасаясь от комаров, табунами бегут из лесов в тундры; вторая — осенью, когда они возвращаются обратно. Казаки и юкагиры караулят место переправы, выезжают на своих ветках¹ и колют множество зверей².

Река Омолон выходит из одного хребта с реками Инжигой и Пенжиной и принимает в себя пять больших рек. Здесь, на летовье, ожидал экспедицию капитан Шмалев, сотник Кобелев и толмач Дауркин, вызванные Биллингсом из Инжиги. Эти люди, в особенности Дауркин, знавший чукотский язык, нужны были командиру на случай встречи с чукчами при съемке берегов Ледовитого океана.

Семнадцатого июня экспедиция благополучно прибыла в Нижнеколымск, где простояла четыре дня, делая большой запас оленьего мяса, соленого и сушеного. Для соленья нужно было давать свою соль, так как соль здесь дорога и почти не употребляется.

Во время стоянки у Нижнеколымска комары до того доносили путешественников, что им

¹ Легкая лодка.

² Подробное описание оленьей охоты см. в главе о путешествии Врангеля.

приходилось, несмотря на жаркое время, носить меховые чулки и перчатки, а головы покрывать чехлами и сетками. С началом лета этих мучителей появляется так много, что туземцы положительно не знают, куда от них деться, и готовы сожалеть о зиме.

Двадцать четвертого июня произошло знаменательное событие: оба судна из устьев Колымы выплыли в Ледовитый океан и направились к востоку; 23-го встретили плавучие льды, гонимые ветром с открытого моря. Чувство, испытанное путешественниками при виде борьбы льдов с бушующим морем, не поддается описанию. Повсюду, где море бьет своими громадными волнами о твердый предмет, берег или скалу, оно представляет чудное, возвышенное зрелище. Но эффект необыкновенно усиливается, если бурное море борется с громадами, в свою очередь находящимися в движении. Волна хлещет через ледяную скалу и вгоняет ее на несколько сажений вглубь. Но вслед за этим скала снова выплывает на поверхность и с нею катятся шумящие водопады. Все эти скалы и горы сталкиваются, трутся друг о друга, пока не раздробятся. Такая гигантская битва не ограничивается каким-нибудь одним эпизодом, а повторяется в бесконечном разнообразии на всем видимом пространстве. Если к этой судорожной сцене прибавить блеск льда, отражающийся на темных тучах каким-то стальным отблеском, то читатель может себе представить, какое странное и в то же время глубокое впечатление должно произвести эта картина на душу зрителя.

Отражение блеска льда на небе есть одно из интереснейших явлений этих широт. Светлая полоса, похожая на утреннюю зарю, появляется в воздухе прямо над горизонтом, рисуя подробнейшую карту льдов, находящихся на 20 или 30 миль за границей обыкновенного кругозора. Отражение это весьма полезно для мореплавателя, так как оно не только указывает на близость значительных ледяных масс, но даже и на свойство этих последних, то есть сплошной ли это лед или отдельные льдины и есть ли между ними проход.

В течение целого дня морякам приходилось бороться со льдами, придерживаясь берега; но к вечеру лед сперло и двигаться далее оказалось невозможным. Прикутившись под защитой небольшого каменного мыса, бросили якорь.

Берег, насколько мог видеть глаз, был покрыт мхом и травой; кое-где пестрели цветочки; в редких местах виднелся стелющийся по земле

кустарник. На вершинах гор и внизу под утесами лежал оледенелый снег, толщиной сажени в две. В этом укромном местечке простояли три дня и видели четырех медведей и стадо оленей.

На четвертый день, с переменной ветра, лед стало напирать на суда так сильно, что пришлось сняться с якоря и лавировать между льдинами и берегом. Наконец суда достигли разлога гор, откуда вытекала река, и очутились в безопасности. Здесь моряки ловили неводом сельдей, муксунов и видели тюленей.

Первого июля снялись с якоря и снова стали лавировать между льдами и берегом. Местами море было совершенно чисто, и «Ясачна» двинулась было на север, но, встретив массы плавучего льда, должна была вернуться. Сильным течением отнесло ее к западу, и она очутилась против устьев Колымы, где был и «Паллас», который «Ясачна» потеряла за густым туманом.

На следующий день снялись с якоря и уже порядочно проплыли по направлению к востоку, как вдруг пал туман, сквозь который в двух саженьях ничего не было видно. Послышался страшный шум, и вскоре массы льда окружили суда. Гибель казалась неминуема; но, к счастью, ветер переменялся и отнес лед от берега.

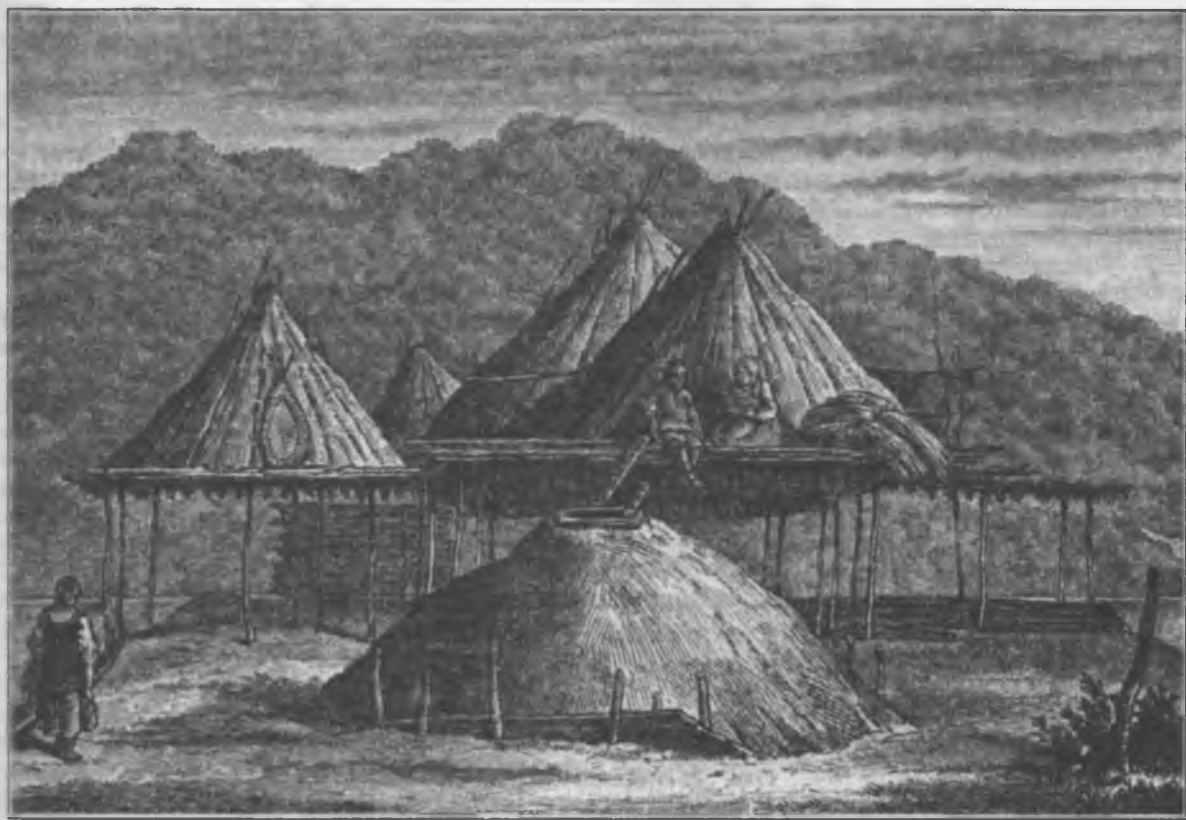
Суда стали на якорь, но опасность не миновала. От берега относилось много льда, который отводили шестью. Работали ощупью, так как за туманом ничего не было видно.

Когда очистился туман, суда двинулись далее и достигли Баранова Камня, названного так потому, что около него водится много горных баранов. Желая посмотреть со здешних высот, насколько море к востоку свободно ото льда, Сарычев отправился в шлюпке к Баранову Камню. Верст шесть плыли вдоль берега, потом шли пешком среди гор, вдающихся в море. По пути встречали «стоячих» оленей, т. е. таких, которые живут близ моря зиму и лето, не соединяясь с проходящими из лесов стадами, которые, в свою очередь, не разбиваются, а ходят всегда вместе. На озерах виднелось множество больших серых гусей, которые линяли и не могли летать.

Взобравшись на возвышенность, Сарычев увидел, что все видимое пространство было покрыто льдом, а с востока выдавался песчаный мыс. Вероятно, это был мыс Шалаурова¹, а за ним тот залив, где он искал реку Чауна и откуда в первый год своего плаванья возвратился. Здесь же было когда-то кочевье чукотского князька Копая, с которого казак Вилигин в 1723 г. взял первый ясак².

¹ Якутский купец Шалауров в 1760 г., увлекшись честолюбивыми мечтами, задумал пройти на восток путем, проложенным Дежневым. Его попытка потерпела неудачу: он погиб со всем экипажем.

² Натуральный налог с народов Сибири и Севера в России XV—XX вв.

Летние и зимние хижины камчадалов

Плыть дальше было бесполезно, а потому Биллингс отдал приказание вернуться. Суда поворотили назад и поплыли к западу. Проходя мимо Баранова Камня, путешественники любовались на причудливые очертания скал, напоминавшие портики, колоннады, фигуры людей и животных. Такие фигуры называются здесь «кекуры». На одной невысокой горе путешественники видели кекур, похожий на двух разговаривающих женщин, держащих в середине ребенка.

Здесь плавало множество белуг и тюленей; показался даже кит, вероятно приплывший сюда из Тихого океана через Берингов пролив.

В небольшой бухточке на северной стороне Баранова Камня бросили якорь, и Сарычев съехал на берег. Он неожиданно наткнулся на несколько покинутых земляных жилищ и, осмотрев их, нашел два изогнутых каменных ножа трехгранной формы. Вокруг землянок валялись олени и рыбы кости. По словам казаков, здесь жило племя, называемое шелагами. Когда пришли русские, шелаги отодвинулись на восток и поселились близ наиболее выдающегося к северу мыса, который и получил название Шелагского.

Во время стоянки на якоре моряки наблюдали интересное явление: течение через сутки, а иногда и через двое суток переменялось с той и с другой стороны вдоль берега; вода то поднималась, то опускалась, но без всякого порядка. Все это наводило на мысль, что чуть дальше к северу должна быть земля. Это мнение подтвердилось еще тем, что, несмотря на сильный юго-западный ветер, лед не утало к северу; стало быть, его задерживала земля. Кроме того, капитан Шмалев рассказывал, что он слышал от чукчей о существовании земли на север от Шелагского мыса, что земля эта обитаема и что шелагские чукчи зимой порой в одни сутки переезжают туда по льду на оленях.

Двадцать шестого июля подул попутный ветер, суда снялись с якоря, благополучно вошли в устье Колымы и на этот год закончили экспедицию.

За все время плавания ночей не было. Солнце стояло над горизонтом и только в середине июля опустилось до него. Признавая настоящую экспедицию неудачной, Биллингс составил из офицеров совет для обсуждения мер, которые позволили бы достигнуть мысов Шелагского и Чукотского. Опыт показал, что морем испол-

нить этого невозможно. Хотя были слухи, что временами море бывает свободно ото льдов, но все мореплаватели, пытавшиеся проникнуть в Восточный океан, потерпели неудачу. Один только казак Дежнев в 1648 году на коче проник в Восточный океан и таким образом первый решил вопрос о существовании пролива между Азией и Америкой. «Если открытие Дежнева не сказка, — говорили на совете, — то и тогда этим нельзя руководствоваться. Может быть, природа отступила от обычного порядка, и, может быть, это случилось во сто лет один раз». По словам же казаков, в Ледовитом океане всегда есть лед; притом и реки, в него впадающие, приносят с собой массу льда. Не будь проливов, через которые эти льды уносит в океаны, Ледовитое море было бы постоянно сковано ими.

Предложение объехать мысы на собаках было на совете отвергнуто ввиду невозможности сделать большие запасы провианта¹. По долгом совещании решено было отказаться от плавания по Ледовитому океану и, отправившись в океан Восточный, попытаться проникнуть на север через Берингов пролив.

Ввиду этого посланы были доверенные люди в Инжигу и на Чукотский нос предупредить чукчей о возможности появления русских судов в Беринговом проливе.

Разоружив суда и сдав их на хранение властям, экспедиция погрузила свои запасы на барку и отправилась в Среднеколымск.

Во время этого плавания путешественникам пришлось видеть довольно интересное зрелище: борьбу орла с двумя соколами. Два сокола напали на орла в то время, когда он летел через реку. Борьба между ними началась над самой серединой реки. Соколы сначала плыли по воздуху над орлом; потом один спустился прямо на орла, но орел в ту же минуту оборотился когтями вверх и приготовился встретить противника. Сокол, видя вооруженного неприятеля, увернулся и миновал его. Но как только орел принял обыкновенное положение, другой сокол бросился на него и нанес ему в спину жестокий удар. Между тем первый сокол, паривший в высоте, спустился и нанес второй удар. Подшибленный орел стал опускаться, а соколы продолжали поочередно нападать и бить его.

Двадцать девятого августа экспедиция прибыла в Среднеколымск, но так как дороги были очень грязны, то ей пришлось ожидать заморозков. Тем временем стали заготавливать лошадей для дальнейшего следования.

Глава III

Прибытие в Охотск. Постройка судов.

Гибель судна «Доброе намерение».

П плавание на Камчатку

Первая часть команды отправилась из Среднеколымска 24 сентября (1787 года), а 28-го выехал Сарычев со спутниками на верховых лошадях. Дорога шла на Алазейское селение, находившееся от Среднеколымска в девяносто верстах, через леса и болота со множеством озер.

В самый Покров путешественники прибыли в Алазейское селение, состоявшее всего из двух изб и часовни. Здесь жили два русских семейства, которые, по-видимому, были очень довольны своим положением. Они радушно приняли путешественников и рассказали им, между прочим, что из песчаного берега реки Алазеи вымыло недавно остов большого животного, в стоячем положении, величиною со слона. Сохранилась будто бы и кожа, а местами даже длинная шерсть. Проверить эти слухи было невозможно, так как указанное место лежало верст на сто в сторону от намеченного пути. Надо полагать, что найденное животное был мамонт, кости которого попадают в изобилии по островам и по побережью Ледовитого океана.

Чем дальше двигались путешественники, тем сильнее холод давал себя чувствовать. Один байдарщик, старик, так сильно страдал от стужи, что отказался идти далее и объявил, что останется умирать в лесу. Сарычеву удалось отговорить его от этого безумного намерения; он обещал, что оставит его в первом же селении, что и исполнил.

¹ Все это оказалось возможным для Врангеля сорок лет спустя.

Путешествие до Якутска продолжалось два месяца и было крайне тягостно. Стужа доходила до того, что, несмотря на тройное меховое платье, полчаса нельзя было просидеть на лошади; приходилось соскакивать и бежать, чтобы согреться. Многие из команды отморозили себе носы и щеки, а чтобы их совсем не отморозить, сделали из фланели род маски, которая хотя и леденела снаружи, но все-таки предохраняла лицо от действия холода.

Эта маска подала повод к забавной сцене. Входя в одну якутскую юрту, все сняли маски за исключением доктора Мерка. Только он появился на пороге, как одна якутка с криком бросилась на него, стала бить его по лицу и рвать маску. Доктор чрезвычайно испугался, не понимая, что с ним делают, тем более что сквозь заиндевелые ресницы не мог различать предметов. Бешеную бабу оттащили, но она не переставала кричать, пока не впала в беспамятство.

В Екатеринбург день путешественники прибыли наконец в Якутск, где могли согреться и отдохнуть.

Биллингс отправился в Иркутск 19 декабря, а Сарычева отрядил на устье реки Май, где он должен был построить лодки для отправки весной провианта и багажа по рекам Мае и Юдоме в Охотск. По пути Сарычеву пришлось проезжать через Амгинскую слободу с русскими поселенцами, до того объякутившимися, что они забыли даже свой родной язык.

Проехав от Якутска 390 верст, Сарычев прибыл на Усть-Майскую пристань и тотчас же приступил к заготовке леса для лодок.

Когда вскрылась река Мая, Сарычеву пришлось быть свидетелем чрезвычайно оригинального явления. Вместе со льдом несло по реке остров, в окружности до семидесяти саженей. На нем росло много березняка и лиственниц, лежали нарубленные дрова и птички с щебетаньем перелетали с дерева на дерево. Вероятно, островок этот держался на торфяной почве какого-нибудь болота, и разлившейся рекой его сорвало с места. «Где-то он остановится?» — думалось невольно при виде его.

Вода в этот год прибывала так сильно, что Алдан, в который впадает Мая, вышел из берегов и затопил даже такие места, которые возвышались до 60 футов. Якуты, живущие в этой местности, сильно пострадали; утонуло до 300 лошадей.

В начале июля Сарычев, нагрузив лодки припасами, двинулся вверх по реке Мае и на девятый день выплыл в реку Юдому. Река Юдома богата порогами; течение в ней так быстро, что тридцать человек едва в состоянии тянуть лодку. В одном месте бечевой стащило якута в воду, и он утонул. Были места столь мелкие, что лю-

дям приходилось входить в воду по колено и перетаскивать лодки почти на руках. У многих разболелись ноги. Всего больше страдали якуты, главным образом потому, что терпели нужду в продовольствии. Якуты страшно нерасчетливы и прожорливы. Их обжорство поражало Сарычева. На ночлегах у них целую ночь пылали костры и варилась пища. Ради еды они все забывали; целую ночь ели, а днем бродили, как зимние мухи. У одного из бывших в экспедиции якутов при отправлении в путь было четыре пуда масла и жиру. Сверх того, дали ему из запасов два пуда ржаной муки. Через две недели все это было уже съедено. Якуты, смеясь, рассказывали, что этот человек в один день съедал заднюю ногу быка или полпуда жиру. Глядя на маленькую, тщедушную фигурку обжоры, трудно было поверить этим речам, и Сарычеву вздумалось сделать опыт. Он приказал сварить густую ржаную саламату и приправить ее жиром. Когда кушанье взвесили, в нем оказалось 28 фунтов. Якут, несмотря на то, что уже позавтракал, съел все, не сходя с места.

Берега Юдомы очень разнообразны. Они то низменны, то утесисты. Местами река течет между двумя отвесными стенами, как в коридоре. В одном месте есть водопад с высотой падения до 6 футов. К счастью, здесь отделяется от реки рукав, образующий остров. Рукав порожист и мелок, но лодки пройти по нему могут, хотя приходится облегчать их, выгрузив некоторое количество клади.

Был конец августа, и по здешним местам начались уже заморозки. Людям постоянно приходилось работать в воде, и они начали было роптать. Только пример начальника, который сам работал наравне с ними, удерживал их в повиновении.

Прибыв 29 августа к селению, называемому Юдомский Крест, Сарычев сложил в построенный здесь магазин привезенный багаж, а сам с командой отправился на лошадях в Охотск.

На третьи сутки отряд обогнал ехавший налегке капитан Биллингс, который и взял Сарычева с собой. Достигнув реки Охоты, путешественники оставили лошадей и сели на паром, наскоро устроенный из двух связанных между собой веток. Течение было так быстро, что в шесть часов они проплыли семьдесят верст и пристали у самого Охотска.

Здесь находился уже один из членов экспедиции, капитан-лейтенант Галл, посланный для постройки судов. Одно из них было почти готово, другое — заложено. Капитан Биллингс, сделав надлежащие распоряжения, уехал опять в Якутск.

Охотск, лежащий на болотистой низменности, произвел на моряков крайне невыгодное впечатление. Кругом не было ни одного дерева

и даже трава выглядела какой-то чахлой. От болота поднимались испарения, вредные для здоровья; так что зима в этой местности была чуть ли не лучшим временем года.

В октябре отправлены были к Юдомскому Кресту нарты с собаками для перевозки тяжестей, а в Охотске тем временем шла спешная работа.

С наступлением весны Сарычев должен был, по повелению начальника экспедиции, заняться описанием морского берега от устья реки Охоты к юго-западу до реки Улькана. Построив для этой цели байдару¹, приспособленную к плаванию около берегов, Сарычев с командой в десять человек 31 мая 1788 года вышел в море. Раньше, по причине державшихся у берегов припаев², сделать это было невозможно.

Описываемая часть берега замечательна множеством длинных и узких озер, идущих параллельно с берегом. Надо думать, что эти озера образовались из речек, воды которых, избрав другое русло, оставили в более глубоких местах водоемы. С течением времени промежутки между водоемами были занесены песком и валунами, отчего и возвысились над уровнем моря. Таких не сбежавших еще речек по побережью встречалось много.

В первые дни плавания буруны не позволяли Сарычеву пристать к берегу. Однажды поднялся было попутный ветер, но, встретившись с противоположным течением, развел такое волнение, что валы чуть не захлестнули лодки. Только ловкость командира, ставившего лодку вовремя наперерез волнам, спасла ее от потопления.

Пробыв в экспедиции более месяца и исполнив данное ему поручение, Сарычев с командой 7 июля вернулся в Охотск и поступил на только что оконченное судно «Слава России» под командой капитана Биллингса. Восьмого июля спущено было другое судно, «Доброе намерение», под командой Галла. Оснастка судов, за неимением хороших мастеров, представляла много затруднений. Матросы набраны были из казаков, которые никогда не видали моря, и приучить их к делу было очень трудно.

Большую по размеру «Славу России» нельзя было нагрузить на месте ввиду того, что на реке Охоте есть банки, тянущиеся с версту и более. При благополучном ветре можно было бы их пройти в полчасу; в настоящее же время приходилось тянуть несколько дней и каждые сутки, при убыли воды, стоять на мели по несколько часов.

Двадцать седьмого августа «Слава России» наконец вышла на рейд и стала на якорь в четырех

верстах от берега. Здесь с помощью транспортных галиотов стали нагружать судно, а тем временем на реке Охоте оканчивалась оснастка судна «Доброе намерение».

Не в добрый час вышло это судно в море. Первый день его плавания, 8 сентября, был также и последним. «Доброе намерение» окончило свое существование, едва явившись на свет.

Очевидец события рассказывает о нем так:

«Поутру рано изготовили судно к выходу на рейд; сняли все швартовы³ и вывели в устье реки. В девять часов, когда поднялась вода, пошло оно под всеми парусами, при самом тихом попутном ветре, с помощью буксирующих нескольких гребных судов. По выходе из устья реки ветер совсем утих, следовательно, не было от парусов никакой помощи, а чрезвычайная зыбь, бившая с моря прямо в нос, отнимала действие буксира и производила сильную килевую качку. Судно, вместо того чтобы двигаться вперед, склонялось к банке. В одиннадцатый час зыбь усилилась, и один большой вал привел буксирующие шлюпки в беспорядок и тем ослабил буксиры.

Судно вдруг поворотилось боком и через минуту было уже на банке. Сильный бурун с пенящейся засыпью, разбиваясь о судно, вздымался выше марсов и силой своей то ударял в дно и подвигал судно к берегу, то бросал его с чрезвычайной силой с боку на бок, отчего скоро сломило все мачты. Никакой помощи подать было невозможно. Все городские жители, сбежавшись на берег, стояли против того места, где разбивалось «Доброе намерение». Но так как ни подъехать, ни подойти к нему, ни снять экипаж на берег за великим буруном не было возможности, то и оставалось только одним смотреть, а другим ожидать смерти. Страшные валы, следуя один за другим, бросали судно из стороны в сторону. От сильного сотрясения люди падали в воду, а обломки мачт, реев и марсов летели во все стороны и, попадая в утопающих, давили многих из них. Такое ужасное положение длилось четыре часа, пока при отливе не сбыва вода, и судно не перестало бить буруном. Тогда люди принялись выгружать все припасы и, осмотрев судно, нашли, что его можно еще починить. К несчастью, в следующие два прилива волнение было так сильно, что судно окончательно повредилось и сделалось никуда не годным. Биллингс, посоветовавшись с офицерами, решил его сжечь, чтобы достать из него, по крайней мере, желе-

¹ Лодка, обтянутая моржовой кожей.

² Береговой лед.

³ Веревки, удерживающие судно у причала.

А. П. Боголюбов. Гангут. Сражение 27 июля 1714 г. 1876 г.

Иоганн Пауль Людвен. Портрет В. А. Дмитриева-Мамонова. 1735 г.

Петропавловск.

Гравюра XIX в.

Вечером, 10 сентября, жители Охотска могли любоваться неожиданной иллюминацией, а команда — оплакивать гибель судна, стоившего столько трудов и издержек».

Зыбь продолжалась трое суток, и «Славу России» подрейфовало¹ к устью. Экипаж имел полное основание опасаться, что судно втянет на банку, где оно подвергнется несчастной участи «Доброго намерения». Такие случаи бывали. Капитан Биллингс и вся команда бодрствовали день и ночь и находились в страшном беспокойстве. Шестнадцатого сентября наконец ветер утих, и, несмотря на то что ночью выпал снег и покрыл палубу на полфута, капитан Биллингс приказал сняться с якоря. «Слава России» подняла паруса и пошла на Камчатку, чтобы, прозимовав в Петропавловской гавани, ранней весной выйти в море.

На следующий день поднялась буря, и неприятные к морю матросы пришли в ужас. С кажущимся налетающим валом они ожидали смерти. Многие были больны морской болезнью; некоторые, более суеверные, говорили, что буря произошла оттого, что капитан Биллингс взял с собой живого орла, и просили его выпустить. Капитан Биллингс, разумеется, их не послушал. И спустя два дня буря сама собой утихла.

Направляясь к Курильским островам, мореплаватели по пути открыли остров, бывший до тех пор неизвестным, и, по обычаю того времени, назвали его именем Св. Ионы, память которого праздновалась в этот день. Глядя на этот утесистый остров, издали похожий на стог сена, Сарычев припомнил, что он еще в Охотске наблюдал, как чайки вечером улетали в море на юг, а к утру возвращались. Вероятно, на этот остров они и летали.

Пока судно шло в виду острова, к нему прилетало много черных птиц, называемых урилами. Они попеременно, одна за другой облетали кругом судна довольно близко, каждая не меньше трех раз, словно осматривая его.

Миновав Курильские острова, судно вступило в широту на 10° южнее той, в которой находится Охотск. Это тотчас же сказалось на погоде: солнце ярко светило и грело, берега приятно зеленели, море было гладко, как зеркало. Все с наслаждением сидели на палубе и любовались природой.

Пятого октября мореплаватели увидели Камчатку и ее Авачинскую губу, окруженную пятью отдельно стоящими горами, из которых одна огнедышащая. Вечером вошли в Петропавловскую гавань, где и бросили якорь.

¹ Выражение «дрейфует судно» употребляется тогда, когда якорь не держит и тащится по дну моря.

Камчадалы.
Гравюра XIX в.

«Славу России» разгрузили, и экипаж съехал на берег.

Петропавловский порт в настоящее время главный город Камчатки, но во времена Сарычева было бы слишком смело назвать его городом. Несколько жалких хижин, между которыми бродили коровы, да несколько казенных магазинов — вот все, что представлялось взору европейцев. Даже помещения нельзя было найти; пришлось строить бараки.

Проведя зиму на Камчатке, Сарычев имел возможность познакомиться со страной, и его чрезвычайно поражало обилие благ, дарованных природой этому краю, и неумение человека пользоваться этими благами.

Климат Камчатки далеко не так суров, как климат Сибири. Хотя на восточном берегу холодные ветры мешают высокому росту деревьев, но подальше от берега горные склоны и долины покрыты большими лесами, в которых водится много пушных зверей. Частые туманы и дожди невыгодны для созревания ржи, но ячмень и овес рождаются здесь прекрасно. До какой степени климат влияет на изменение формы злаков, видно из того, что европейский ячмень, посеянный здесь, дает колос очень крупный и без ости. Пастбища

так роскошны, что им позавидовал бы голландский скот. Благодаря сырости, трава достигает такой вышины, что в ней может спрятаться всадник. Иные луга можно косить три раза в лето. Несмотря на такую благодать, Сарычев видел только несколько жалких коров, да и те были куплены Биллингсом для продовольствия команды.

Что же касается рыбы, то нет страны в мире, где бы водилось ее так много, как на Камчатке. Весною лососи в таком громадном количестве поднимаются вверх по рекам, что последние вздуваются и живыми волнами выходят вон из берегов. Медведи, собаки и другие животные зубами и лапами ловят в эту пору более рыбы, нежели в других местностях человек самыми усовершенствованными снастями. Медведь делает еще так: он погружается в воду, выставляя только спину. Мелкая рыба, принимая его шерсть за траву, прячется в нее. Медведь выходит на берег, встряхивается и принимается поедать своих гостей.

Впрочем, камчатский медведь очень миролюбив и на людей не нападает. Даже дети, которые ходят собирать особый мучнистый корень — сарану, — его не боятся, хотя и знают, что если встретится медведь, то одолеет: ударит ребенка лапой, повалит его, а корень съест. Если же отдать ему сарану добровольно, то он не причинит никакого вреда.

Вдоль всего полуострова идет высокий горный хребет, на котором есть несколько действующих вулканов. Это заставляет предполагать, что недра гор богаты минералами, обработка которых могла бы обогатить не одну сотню людей. Особенно характерная черта Камчатки — это обилие ключей, которые бьют так сильно, что летом приходится делать дальние обходы и объезды. Зимой же ключи не дают замерзнуть многим болотам и речкам, чем крайне затрудняют сообщение. Не подлежит сомнению, что между этими ключами есть и минеральные.

До завоевания Камчатки население было в двадцать раз многочисленнее, нежели теперь. Но казаки и эпидемия оспы быстро уменьшили число жителей, и теперь на Камчатке их едва ли больше, чем квадратных миль. Все они скучены на нескольких пунктах, так что большая часть полуострова предоставлена одной природе.

Климат Камчатки очень полезен для здоровья, доказательством чему служит долговечность камчадалов. Это крепкий народ, который до глубокой старости не теряет зубов и волос. Наружностью камчадалы не красивы, они малорослы, широкоплечи, имеют выдающиеся скулы и челксти, очень толстые губы и черные волосы. У мужчин цвет лица буровато-смуглый, иногда желтоватый, у женщин — белый и румяный. Женщины

сохраняют свой цвет лица тем, что в молодости заклеивают себе лицо медвежьими кишками. Румянятся они особым видом морской водоросли.

Одежда камчадалов похожа на одежду сибирских инородцев, хотя в больших центрах многие одеваются по-русски и строят русские избы; но большинство довольствуется юртами, врытыми в землю. Входят в эти жилища сверху, по бревну с зарубками. От такой неудобной лестницы много среди камчадалов кривобоких и горбатых.

Главную пищу туземцев составляет рыба. Кроме того, они едят оленину, когда она есть, некоторые водоросли, сарану и стебли кипрея, которые прессуют и, сбивая вместе в виде полос, намазывают маслом или тюленьим жиром и едят сырыми.

На пирушках как опьяняющее средство употребляют мухомор. В сыром виде он вязок и противен, а потому его сушат и пускают в ход в виде порошка. Действие его подобно действию гашиша.

Камчадалы народ очень способный и легко поддаются культуре, но по нравственным качествам они не симпатичны: при хорошем с ними обращении заносчивы, при крутом — низкопоклонны. Большинство из них крещены, что не мешает им веровать в шаманов. Во время пребывания Сарычева в Большерецке произошел забавный случай: один казак, выдавая себя за шамана, морочил туземцев. Ловкой выдумкой ему удалось изобличить вора, укравшего у товарища табак.

Опросив камчадалов и не найдя виновного, казак наломал равной величины лучинок и раздал камчадалам, уверив их, что у виновного за ночь лучинка удлинится. Вору плохо спалось, и он беспрестанно осматривал лучинку. Воображение ли тут играло роль или воспаленные от бессонницы глаза увеличивали предмет, но ему все казалось, что лучинка удлиняется, и он отламывал по кусочку. Когда утром самозванный шаман проверил лучинки, оказалось, что у вора она короче, и уличенный преступник сознался, извиняясь тем, что, издержав свой табак, без которого он жить не может, принужден был украсть.

В то время табак на Камчатке был страшно дорог, и кто не запасался им на местной ярмарке, должен был платить по сто рублей за фунт, если имел средства. Многие отдавали за табак последнее достояние. Инородцы сильно пристрастны к табаку, который они либо курят, смешивая его с древесными стружками, либо нюхают, либо жуют. Особенно ценится табак самый крепкий, черкасский.

Глава IV

Русское селение на острове Кадьяк. Американский берег. Сношения с туземцами

Прозимовав на Камчатке, «Слава России» вышла из Авачинской губы 9 мая и направилась к востоку. По предписанию следовало идти к американским берегам вдоль Алеутских островов, описывая их и снимая на карту. Но так как на море господствовали сильные туманы, мешавшие съемке, то Биллингс решил, не теряя дорогого времени, идти прямо к Америке, огибая южные острова и описывая их, если будет возможно.

Шестнадцатого числа мореплаватели видели много плавающей морской капусты и в одном месте встретили дерево с сучьями. Прилетало много птиц, и один кулик даже опустился на судно. Все это были признаки близости земли.

Цепь Алеутских островов отделяет так называемое Берингово море от Тихого океана. В Беринговом море не действует Гольфстрим, и потому климат его суровее той части океана, которая лежит между Гренландией, Исландией, Норвегией и Шпицбергенем. Кроме того, в него заносится много льда. Лишь только мореплаватель вступает в Берингово море, он уже чувствует понижение температуры. Ни одно море не имеет так много туманов, как Берингово. Это происходит от того, что с берегов приносится более нагретый воздух, который, охлаждаясь над Беринговым морем, падает туманом. От этого климат Алеутских островов очень суров. Деревьев нет вовсе, или они очень малорослы. Зато постоянная влажность способствует произрастанию трав, а на возвышенностях можно встретить совершенно альпийскую флору.

Третьего июня «Слава России» подошла к Уналашке, одному из самых больших Алеутских островов. Увидев судно, семь алеутов в одноместных байдарках подъехали к нему, чтоб проводить в безопасное место. К вечеру, с помощью буксирующих гребных судов, судно бросило якорь у Спиркина-острова, отделенного небольшим проливом от острова Уналашка.

Во все время стоянки на якоре «Славы России» туземцы очень дружелюбно относились к русским и привозили им свежей рыбы. Уходя в море, Биллингс взял в проводники двух алеутов и одну алеутку, говоривших по-русски. Они бывали на всех островах к востоку от Уналашки и знали их названия.

На некоторых из попутных островов дымились сопки; на одном сопка была в полном извержении. Эта горящая гора посреди моря, отражаясь в волнах, представляла оригинальное и величественное зрелище.

Двадцать первого июня «Слава России» прошла острова Шумагинские, названные по имени матроса Шумагина, умершего и погребенного тут. Всех их насчитывается тринадцать. Встречалось много птиц, а кругом судна плавали киты, оставляя после себя на поверхности слой жира, которым с удовольствием лакомились чайки и глупыши. Ударяя хвостом по воде, киты производили шум, подобный пушечному выстрелу.

Двадцать пятого июня судно подошло к Евдокиевским островам, откуда приехали американцы и один русский, приказчик промышленника, посланный на остров Кадык для ловли сивучей и птиц. Для этого промысла нанято было им до трехсот островитян.

Среди приехавших был один субъект, одетый в женское платье. Лицо у него было вышито, а в носу продеты бисерные серьги.

На острове Кадык моряки осматривали русское селение, заложенное купцом Шелеховым. Чтобы оградить себя от неприязненных действий туземцев, русские держали в заложниках туземных детей, которым отцы должны были доставлять продовольствие. С детьми обращались ласково и даже отпускали их домой для свидания с родственниками.

Коренные жители Кадыка, живущие в близком соседстве с алеутами, не имеют с ними никакого сходства. Они ростом выше, лица у них более плоские, и говорят они на другом языке. Подрезанные в кружок волосы они намазывают жиром и посыпают красным песком или птичьим пухом. Во время игр они раскрашивают лицо наподобие маски.

Пока «Слава России» стояла на якоре, на судно не раз приезжали туземцы. Они с любопытством все осматривали, но на продажу ничего не

привозили. Последнее обстоятельство говорило в пользу их честности, так как промышленники у них все закупают вперед, и продавать что-нибудь на сторону было бы обманом.

Шестого июля «Слава России» снялась с якоря и пошла на север; 12-го числа мореплаватели увидели американский берег. Скоро приплыли к ним на одноместных байдарках два американских туземца, которые махали руками и кричали: «Ляли, ляли!» Их знаками приглашали на судно, но они долго решались. Взойдя на судно, дикари скоро освоились и стали приглашать приезжих к себе. От этих людей моряки узнали, что они находятся против губы Нука.

Вечером 19 июля судно бросило якорь у острова Цукли, названного Куком Монтегю. После однообразия Алеутских островов приятно было смотреть на крутые лесистые берега, на разлоги гор, откуда стремились ручьи, на зеленую мураву, усыпанную цветами.

На другой день и в следующие дни приезжали туземцы и привозили разную домашнюю утварь, которую меняли на бисер. Лицом эти американцы очень походили на алеутов и такую же носили одежду. Только в честности они много уступали своим соседям. Одного из них Сарычев пригласил в свою каюту и угостил чаем. Выпив чай с видимым удовольствием, гость спрятал и чашку. Он очень удивился, когда хозяин потребовал ее обратно.

Редкий день проходил, чтобы туземцы чего-нибудь не украли у команды. Иной раз прямо вырывали вещи из рук и убежали. Один дикарь, дружески разговаривая с егерем, вдруг схватил с головы его каску и бросился бежать, но был пойман. Другой вырвал из рук портного ножницы и убежал с ними.

Имея в виду воровские наклонности туземцев, Сарычев, съезжая на берег для съемок, принимал всякие предосторожности, чтоб не попасться им в руки. Ночи, например, он всегда проводил на баркасе, причем выставлял караул. Последствия показали, что он был вправе так поступать.

«Когда я выставлял караул,— рассказывает Сарычев,— команда на меня роптала, а между тем оказалось, что моя осторожность далеко была не лишняя и что она, может быть, спасла нам жизнь. Толмач по неосторожности сказал дикарям, что у меня много бисеру и корольков, чем возбудил в них непреодолимое желание воспользоваться этими сокровищами. Нецивилизованные люди, подобно детям, не умеют обуздать своих побуждений, и если ими овладеет сильное желание, то вчерашние друзья могут сегодня сделаться врагами. Так на этот раз и случилось. Не имея возможности приобрести желаемое иначе как силою, дикари решились всех нас

Вид селения купца Шелехова на острове Кадьяк

перевести. Для этой цели они хотели заманить нас в узкую речку под предлогом ловли рыбы и, сделав нападение, перерезать. Но я не принял их приглашения и тем избежал опасности. Уже впоследствии толмач рассказал нам всю эту историю, признавшись в своей ошибке. В другой раз дикие подкарауливали наш выход на берег и собирались увезти баркас. Но так как на баркасе оставались сторожевые, то туземцам не удалось привести свой план в исполнение. Чтобы отучить их от подобных покушений, я приказал одному из бывших со мной егерей выстрелить в чайку. Когда птица упала, дикари осмотрели ее и спросили, где же стрела? Тогда я для большего их вразумления велел стрелять в колоду, которую и пробило насквозь. Дикари смотрели на это чудо с разинутыми ртами, а мы тем временем сели на баркас и уехали».

Благодаря такому воздействию, отношения с туземцами были довольно сносны. Нередко, заметив на берегу отряд русских, занятых съемкой, дикари вытаскивали свои байдары, подходили и смотрели с видимым любопытством. На одном из привалов американец поднес Сарычеву бобровую самку с двумя детенышами и земляники, за что получил бисеру и корольков. Между тем

поспел обед, и Сарычев пригласил дикаря и его товарищей закусить. Они с удовольствием согласились и принялись так проворно есть, что и хозяину ничего не осталось. Зато они попотчевали его вареным бобровым мясом, и Сарычев нашел его настолько съедобным, что тотчас же велел зажарить подаренного ему бобра.

Один из дикарей был тоен, то есть старшина, и в знак своего достоинства лицо замазывал черной краской.

Прощаясь, он прикладывал свою щеку к щеке Сарычева, что последнему было не особенно приятно. Вечером тоен с товарищами явился опять, притащив с собой полудюймовые доски, которые просил принять в подарок в знак дружбы. За эту дрянь Сарычев одарил дикарей зеркалами, ножницами и бисером, чем они остались чрезвычайно довольны. Сарычев пожаловался тоену, что накануне у одного из его людей украдена была парка¹, и вскоре пропавшая вещь была отыскана и возвращена владельцу самим вооруженным, причем последний, насмешливо улыбаясь, советовал вперед получше беречь вещи.

Услышав от матросов, что в лесу за озером виден дым, Сарычев предположил, что там на-

¹ Меховая рубашка.

ходятся жилища туземцев, и попросил дикарей проводить его туда. Они охотно согласились и повезли его с двумя спутниками в байдарках через озеро. На противоположном берегу, близ устья небольшой речки, построен был шалаш, а возле него лежали опрокинутые байдары. По маленькой речке шло такое обилие рыбы, что рыбы спины виднелись поверх воды. Собаки очень ловко схватывали рыбу зубами и вытаскивали ее на берег.

В шалаше сидело в это время несколько женщин, одетых в старые бобровые парки; волосы у них были завязаны на темени хохлом вверх, лица не татуированы. Тут же валялись ребятишки. Одарив всех женщин бисером, корольками и иголками, Сарычев поехал обратно.

В полдень он простился с тоенами, поблагодарил за ласку и, уверив их в дружбе русских, вернулся на судно.

Приближалась осень; запасы провианта истощились; между тем отсюда до Петропавловской гавани было, по крайней мере, два месяца плавания. Ввиду этого капитан Биллингс решил вернуться на Камчатку и идти кратчайшим путем, не заходя на Алеутские острова. Это реше-

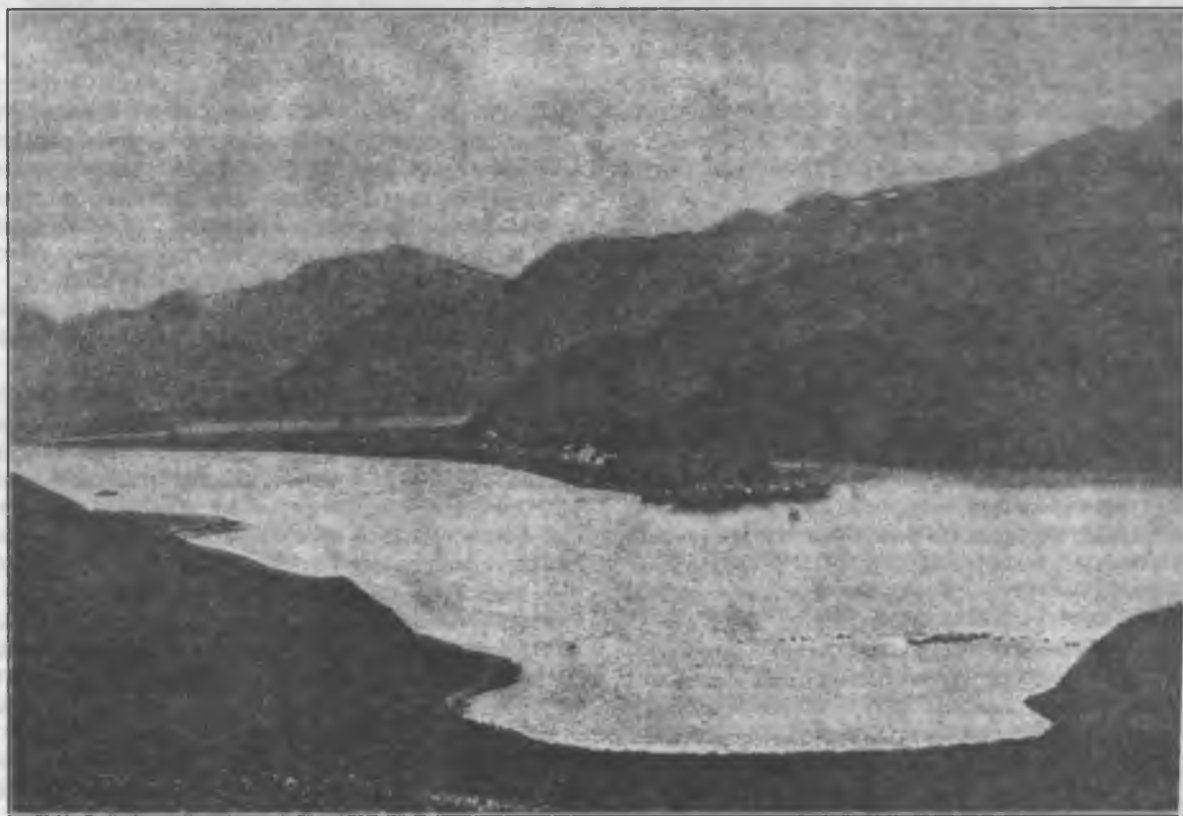
ние так огорчило алеутов, взятых с Уналашки, что один из них полоснул себя ножом по горлу. Хотя рана была неглубока, и доктор ее зашил, но по прибытии в Петропавловск бедняга умер.

Несказанно рады были мореплаватели, ступив наконец на твердую землю. За последнее время припасы все вышли, воду пили испорченную и в самом малом количестве. Задержись судно из-за ветров дня на три, и положение экспедиции было бы самое критическое. Зато когда путешественники добрались до свежей воды, то она показалась им божественным напитком.

Зима прошла в бездействии и скуке; с нетерпением ожидали моряки наступления весны, чтобы еще раз сделать экскурсию к американским берегам. Наконец в апреле повеяло теплом, и явилась возможность заняться починкой судна.

Когда начали его осматривать, то оказалось, что по всему килю выросла морская капуста в 5 футов длины, а в промежутках пристало множество ракушек.

Новое судно «Черный орел», которое строилось на реке Камчатке, не было еще готово, но капитан Биллингс не стал его ждать и, отдав приказание, чтобы оно присоединилось к «Сла-

Алеутские острова.

Гравюра XIX в.

ве России» на Уналашке, 15 мая вышел в море. Двадцать пятого июля судно прибыло на Уналашку и высадило взятую отсюда в предыдущем году женщину. Алеутка, получившая в подарок много нарядов, бисеру и табаку, принята была в своем селении с восторгом. Земляки завидовали ей и уверяли, что она самая богатая женщина на острове.

Не дождавшись «Черного орла», «Слава России» ушла с Уналашки и направилась на север к островам Прибылова. Прибыловские острова, Св. Павла и Св. Георгия, открыты в 1786 году штурманом Прибыловым, который нашел здесь несметное количество морских животных и остался промысливать их. В короткое время он добыл 2 320 бобров, 30 000 котиков, 480 кошляков и медведек и 8 000 голубых песцов. Сверх того, найдено было 700 пудов моржовых клыков; всего, по стоявшим тогда в Охотске ценам, на 250 тысяч рублей.

Миновав острова Прибылова, судно направилось к острову Св. Матвея, потом Св. Лаврентия; 28 июля оно снова бросило якорь у американского берега между мысом Родней и островом Следжь.

Опять появились на своих байдарках американцы и только после усиленного приглашения и мимического выражения дружбы решились войти на судно.

Они привезли звериные шкурки, деревянную посуду, разные фигурки из моржовой кости и меняли все это на бисер и корольков. Когда они собрались уходить, русские матросы запели песню. Надо было видеть восторг дикарей. Они стояли как очарованные. Потом запели сами и принялись плясать, точь-в-точь как игрушечные паяцы, которых дергают за ниточку. Голова у них вертелась так быстро из стороны в сторону, что глазу казалось, будто она вращается на винте. Вообще, дикари эти имели вид открытый и веселый и казались гораздо симпатичнее своих соплеменников с губы Нука. На другой день эти люди приехали опять и привезли с собой товарищей, очевидно радуясь неожиданному развлечению. Опять пошли в ход корольки, которые были даже не настоящие, а стеклянные, что не мешало дикарям восхищаться ими. На одну нитку Биллингс выменял байдару, и владелец ее, видимо, считал себя в барышах, так как поспешил спрятать корольки из опасения, чтобы продавец не догадался, что его обсчитали, и не потребовал корольков назад.

Третьего августа увидели мореплаватели Гвоздевы острова, лежащие в Беринговом проливе, и скоро очутились между Азией и Америкой.

Плывя по Берингову проливу в ясные дни, можно разом видеть и Старый и Новый Свет. Берега обоих материков скалисты, но на азиатской стороне скалы отвесно спускаются к морю, тогда как на американской они окаймлены низменностью.

Безлесны и пустынны берега Берингова моря; зато богаты его недра. Вокруг скалистых берегов гигантские водоросли образуют покрытые водой леса, каких нет в жарком поясе; по этим лесам гуляют всевозможные сорта рыб и морских животных. На скалах гнездятся миллионы птиц, дающих драгоценное гуано, которого было бы достаточно для удобрения всей Сахары!

Четвертого августа «Слава России» бросила якорь у губы Св. Лаврентия на азиатском берегу. Офицеры съехали на берег и были очень ласково встречены чукчами. Чукчи тотчас же пригласили приезжих в свои юрты, только просили оставить в шлюпке оружие. «Мы как друзей своих,— говорили они,— встречаем вас без всякого оружия, так и вы со своей стороны должны то же сделать».

Проводив гостей в юрты, чукчи вручили капитану Биллингсу рапорт сотника Кобелева, посланного сюда, как уже говорено было раньше, для предупреждения чукчей о прибытии русских. Сотник уехал обратно, а толмач Дауркин остался и жил в ближайшем стойбище. За ним тотчас же послали.

К вечеру приехали на двенадцати больших байдарках толмач Дауркин с оленными чукчами и тоен Имлерат Коренев, у которого Дауркин жил. Моряки обласкали приезжих, одарили их, и они, вытащив и опрокинув байдары, расположились в них против стоянки судна. Не прошло дня, чтобы они не посещали судна и не рассматривали с любопытством всего, что было на нем. Особенно поражали их пушки и выстрелы из этих орудий.

Чукчи произвели на моряков очень приятное впечатление. Рослые, статные, они выглядели здоровяками и имели открытое выражение лица. Они откровенно отвечали на предлагаемые вопросы и не выказывали ни лукавства, ни недоверия¹.

Из расспросов выяснилось, что плавание по Ледовитому морю, по причине льдов, для большого судна немислимо. Приняв в соображение неудачные попытки Кука и Клерка, Биллингс решил описывать берег до Шелагского мыса сухим путем на оленях и уговорил тоена Коренева дать ему таковых.

Тринадцатого августа капитан Биллингс с чукчами и восемью человеками команды отправил-

¹ Подробности о чукчах — в главе о путешествии Врангеля.

ся на байдарках к губе Мичигмен, стойбищу Коренева, чтобы оттуда отправиться в дальнейшее странствование, а Сарычеву приказал описать Анадырскую губу и идти зимовать в Капитанскую гавань на Уналашке.

Исполнив данное ему поручение, Сарычев пришел 29 августа на Уналашку. Сюда же, под командой капитана Галла, прибыло судно «Черный орел», которое все лето ходило по следам «Славы России» и нигде не могло его поймать.

Глава V

Остров Уналашка. Алеуты. Бобровая охота. Окончание экспедиции

Устроив суда на зимовку, Сарычев составил из членов экспедиции комиссию для разработки средств к исполнению пункта XVII данной капитану Биллингсу инструкции. Предписано было собрать сведения о числе алеутов мужского пола и наложить на них ясак. Рекомендовалось притом самое ласковое обращение с островитянами и в случае их усердия награждение тоенов медалями.

Исполнение этой инструкции и более нежели девятимесячное пребывание Сарычева на Алеутских островах дало последнему возможность основательно познакомиться с характером туземцев и условиями их быта.

Все алеуты, как нравственными, так и телесными свойствами, как будто отлиты в одну форму, что особенно поражает ввиду того, что число их весьма незначительно.

На первый взгляд это самый бесчувственный народ в мире. Алеуты почти никогда между собой не дерутся, а об убийствах и не слыхано. Терпение их почти невероятно. Самая сильная боль не вызывает у алеута ни единого стога. Если, например, алеут попадет в капкан, поставленный для лисиц, то совершенно хладнокровно дает вынуть из ноги зубья капкана; при этом нужно заметить, что зубьев нельзя вынуть тем же путем, каким они вонзились в ногу, а нужно расколоть дерево, в которое они вбиты, и протаскать их сквозь ногу. Если же нет никого, кто бы мог помочь алеуту в этом деле, он сам производит операцию¹.

Алеут никогда не выражает сильной радости; даже ребенок, получив лакомство, кажется совершенно равнодушным.

Потребности алеута очень ограничены. Если у него есть табак, водка, ружье и топор, он считает себя счастливейшим человеком. Он не лъстит и не щедр на обещания, но на слово его и на честность можно положиться.

Алеут очень гостеприимен; с неимущим, в особенности со странником, он готов поделиться последним. Стоит только человеку, нуждающемуся в пище, одевшись по-дорожному, прийти и сесть посреди юрты, без всяких просьб с его стороны его накормят.

К умершим алеуты относятся с большим уважением. Прежде, говорят, при погребении тоена кляли с ним его любимых слуг. С введением христианства этот варварский обычай исчез сам собой. Жена умершего, в знак печали, обрезает волосы. Иные неутешные вдовы долго держат дорогих покойников в юрте, и только нестерпимое зловоние заставляет похоронить их. Умерших младенцев еще дольше не хоронят, а сделав ящик наподобие шкафа, ставят его в углу юрты или привешивают над постелью. Только с рождением другого ребенка мумию предают земле.

Но не всегда покойников зарывают в землю; иногда их помещают в пещеру под утесом или из наносного леса делают сруб. Хоронят в сидячем положении, пригибая колени к груди. После погребения на могиле втыкают куски разломанной байдары покойного и его стрелы.

При разделе наследства жене и детям дают только часть. Остальное берут родственники.

Многие алеуты крещены, и все вообще имеют понятие о Боге, хотя не признают никакого культа, не молятся, говоря, что Бог лучше знает их нужды и без просьб даст то, что им полезно.

Несчастья и болезни приписывают козням злых духов и для умиловливания их приглашают шаманов.

¹ Записки епископа Иоанна Вениаминова.

Шаман призывает духов для излечения больного.

Гравюра на меди

Сарычеву удалось присутствовать при лечении шаманом больной женщины, и он наглядно мог судить, насколько различие темперамента влияет на исполнение одной и той же обязанности. Все приемы шамана были здесь тише и спокойнее. Сев возле больной с несколькими алеутами, шаман запел с ними песню, ударяя в бубен. Потом вдруг все они замолкли. Это означало, что к шаману явился подвластный ему дух, который и не замедлил сообщить, что больная страдает за грехи отца, вынимавшего из мертвецов мозг для смазывания им стрел. Немного погодя алеуты снова запели и снова умолкли. Шаман объявил, что дух долго не хотел помочь больной, но после его убедительной просьбы наконец согласился и, прогулявшись по ее внутренностям, объявил, что больная через три дня выздоровеет.

Алеуты не чужды общительности. Иногда они устраивают игрища, которым покровительствуют шаманы, уверяя, что эти игрища очень приятны духам. Объясняется это тем, что на игрищах бывает угощение, а шаманы большие лакомки. Если море выбросит на берег мертвого кита, то игрища устраиваются в том селении, близ которого случилось это событие. Велика

бывает по этому поводу общая радость. Первый, нашедший кита, носит на голове повязку, вышитую узорами, и, сверх того, имеет право взять себе половину перепонки с языка, половину кишок и жил. Остальное тоен разделяет между всеми обывателями поровну.

«В той юрте, где я остановился, — рассказывает Сарычев, — алеуты устроили игрище. К потолку привесили на ремнях три жерди на значительном расстоянии одна над другою. Каждый новоприбывший должен был спускаться из верхнего отверстия юрты, перескакивая с жерди на жердь. Кто падал, тот подвергался насмешкам. Операция эта проделывалась при звуке бубнов и вскрикиваниях присутствующих. Когда гости сели по местам, началась пляска. Мальчик и взрослый мужчина, опоясанные поясами, с повязками на руках и на ногах, с шитыми шапочками на головах скакали, ударяя в бубен. Потом вышли две женщины в вышитых козьей шерстью повязках. Перед ними положили надутую тюленью кожу и пузырь; эти вещи они поочередно брали в руки и с ними прыгали в такт бубну. Затем плясали женщины со стрелами в руках. После них несколько мужчин в масках изображали нечто вроде пантомимы под аккомпане-

Котиковые лежбища на Прибыловых островах.

Гравюра XIX в.

мент монотонной песни. На смену им явились новые актеры и актрисы в масках. Когда эти лицедеи уселись вдоль стен, прибежали две расстрепанные женщины с сивучьими усами в руках и принялись тыкать ими то в того, то в другого из сидевших, приплясывая и припевая, вероятно, соответствующие каждому лицу куплеты».

Иногда островитяне развлекаются играми другого рода. Сарычев был крайне удивлен, увидев их играющими в карты, в шашки и даже в шахматы. Этим играм обучились они у промышленников, проводящих здесь много времени. К сожалению, пришельцы не пользуются своим влиянием, как бы это следовало цивилизованным людям, и приносят туземцам более вреда, чем пользы.

Жилища алеутов очень похожи на камчадалские. Их основание также врыто в землю, и внутрь проникают сверху, по бревну с зарубками. По стенам идут сделанные из травяных рогож загородки, в которых живут отдельные семьи. Всякая женщина в своем отделении занимается рукоделием, которое состоит в вышивании, плетении травяных рогож, мешочков и корзинок. Некоторые рукодельницы доводят свою работу до чрезвычайного изящества. Для плетения собирают особый род травы, сушат ее и разрезают ногтем вдоль на полоски желаемой длины. Для этой операции мастерицы отращивают острый ноготь на указательном пальце. Этим же ногтем они делят жилы морских зверей на тончайшие волокна, из которых сучат прекрасные нитки, употребляемые для шитья платья и обуви.

Иголки у них костяные, без ушек, нитка привязывается к сделанной на игле зазубрине. Достав случайно европейскую иглу, работница ушко обламывает и делает зазубрину на свой лад.

На иголки употребляются ножные кости чайки, толще и тоньше, смотря по надобности. И такими-то первобытными иглами алеутки вышивают узоры, которым позавидовали бы и европейские рукодельницы. Материал — выделанная перепонка из горла птиц, козья и оленья шерсть и конский волос. Вышивают так искусно, что на первый взгляд кажется, что работа сделана бисером. Подобными вышивками оторачивают парки, пояса и нарукавники.

Одежда алеутов похожа на одежду сибирских инородцев; женская мало чем отличается от мужской, только на ней больше нашито бисеру и корольков. Вместо бахромы пришиваются иногда к подолу красные клювы птицы топорка.

Мужчины лица своего не портят, но женщины украшают себя по туземной моде. Они накладывают и натирают углем щеки от рта до ушей в виде двух полосок, а от нижней губы к подбородку делают одну широкую дорожку. В ушах носят серьги, состоящие из четырех ниток бисера с кораллами; край уха вышивают бисером. Под нижней губой прокалывают две дыры и в них вставляют длинную косточку. Голову женщины не покрывают; волосы же разделяют поперек головы на две половины; нижнюю, большую, связывают пучком на затылке, переднюю — зачесывают на лоб и обрезают над глазами в виде челки.

Обилие дорогих зверей в океане, обеспечивающее существование туземцев, ставит их в то же время в зависимость от промышленников. Не будь морской выдры, бобра, китов, тюленей и сивучей — алеутам, вероятно, долго не пришлось бы познакомиться с европейцами.

«Слава России» пришла на Уналашку в конце августа, а в октябре началась у алеутов ловля морских котиков. В это время киты идут с севера на юг, и туземцы караулят их в заливах, стараясь подходить к ним с подветренной стороны. Впереди идут самые смелые охотники, за ними старики и дети. Все вооружены дубинами. Искусство охотников состоит в том, чтобы внезапным нападением на стадо зверей как можно скорее отрезать его от моря. Если это удастся, то взрослых котов отгонят прочь и дадут им свободу; а молодых гонят до тех пор, иногда верст за десять, пока они не утомятся. Тогда их просто бьют дубинами. В течение нескольких дней матери убитых плавают вокруг острова и жалобным криком сзывают детей. Так как острова Прибылова славятся обилием котиков, то алеуты уезжают туда целыми партиями.

Котиковый промысел в сравнении с другими промыслами — просто забава. Гораздо опаснее охота на китов, моржей и морских львов, или сивучей. Один-единешенек на своей односельной байдаре, вооруженный только коротким копьем, алеут осмеливается нападать на исполина морей. Осторожно подплывает он к киту и страшно быстрым движением вонзает ему свое оружие под передний ласт. Если копье проникло в мясо, то уже ничто не спасет кита; он издохнет через день или два, и волны выбросят его на ближайший берег. Каждое копье отмечено особым знаком, по которому узнают хозяина. Раненый кит обыкновенно мечется, бьет хвостом, и если байдарка не успела быстро удаляться, он подбрасывает ее на воздух, откуда она падает в бездну. Недаром китобойцы пользуются особым уважением.

Моржовый промысел считается еще более опасным. Снаряжаясь на это дело, алеуты прощаются с домашними, как будто идут на верную смерть. Они боятся мощных бивней зверя и неосторожности товарищей. Вооруженные копьями и топорами, они ползут вдоль самой окраины берега и окружают становище зверей. Потом все мгновенно вскакивают и, с сильным криком бросаясь к моржам, гонят их от берега. Избавившись, если хоть один морж уйдет в море; все остальные бросаются за ним и сомнут промысловиков.

Но из всех промыслов, бесспорно, самый интересный — это бой бобров, или морской выдры. Ради этого дорогого зверя нередко приходится алеутам на своих воздушных байдарках совершать далекие морские путешествия.

В апреле или мае от 30 до 100 байдар выступают в море, чтобы сойтись в заранее назначенном сборном месте. Предводителем выбирается один из самых уважаемых тоенов.

Когда охотники соберутся, они составляют совет, на котором наиболее опытные решают, где, по их соображениям, должна водиться выдра. Определив место, иногда на очень дальнем от берега расстоянии, все байдары отправляются туда и становятся в линию на расстоянии 200—300 сажен друг от друга. С напряженным вниманием каждый смотрит в море. Ничто не ускользнет от зоркого глаза алеута; по маленькой, едва заметной черной точке, на мгновение являющейся на поверхности воды, он уже узнает выдру. Байдара, с которой замечен зверь, быстро идет к тому месту, где он вынырнул. Здесь алеут, сидящий в байдаре, поднимает весло, и тотчас же все остальные байдары стезжают и образуют круг. Животное, вспугнутое движением воды, показывается вновь, и первый приметивший его алеут пускает стрелу.

Редко удастся с первого раза убить животное. Иногда выдра исчезает мгновенно, и стрела летит мимо. Снова поднимается весло, и байдары образуют еще более тесный круг, а если выдра несколько, то и кругов образуется несколько. Много раз показывается выдра, много раз пускают в нее стрелы; наконец, изнуренная, она перестает бороться и достается тому, кто первый попал ей в голову.

Заметив, что зверь ослабевает, охотник пускает в него стрелу с надутым пузырем, который препятствует ему утонуть. За все время охоты соблюдается полнейшая тишина, нарушаемая только свистом стрел.

Самые смелые охотники, именно алеуты с Лисьих островов, бьют выдру и зимой. Если только что описанная нами охота удивляет быстротой и правильностью движений, остротой глаз и меткостью охотников, то во время зимней охоты приводит в совершенное изумление смелость и ловкость алеутов.

Во время самых сильных зимних вьюгов и бурь морская выдра ищет себе защиты в берегах маленьких необитаемых островов или на отдельно стоящих утесах. Убедившись, что нет поблизости людей, выдра свертывается в клубок и засыпает. Тогда два алеута, несмотря на рев ветра и горы бушующих волн, подезжают на двух одноместных байдарках с подветренной стороны к утесу, и один из охотников, стоя, выжидает большой волны. Налетит вал, швырнет его к утесу или к берегу, и он с быстротой молнии выскакивает на землю. Пока товарищ стережет его байдарку, он подкрадывается к спящей выдре и убивает ее. Вообще,

из всех родов охоты ловля морской выдры требует наибольшей выдержки и опытности.

Для дележа пойманных зверей существует законный обычай, который свято соблюдается. Мелкие животные, в том числе и выдры, достаются тому, кто попал стрелой в голову. Животных же крупных размеров делят так: первый, попавший стрелой, получает половину кожи, головы и кишок. Другую половину кожи и кишок имеет он право отдать кому пожелает из товарищей, бывших с ним на промысле. Второй попавший стрелок получает горло, третий — пузырь; четвертый и пятый — передние лапы; шестой и седьмой — задние лапы. Мясо же делится между всеми промышленниками поровну. Кости первого убитого на промыслах зверя обязательно бросают в море.

Стрелы у всех охотников меченые, и никакой ошибки при разделе быть не может.

Морские звери, кроме мяса, доставляют туземцам хороший доход своими шкурами. За птицами же охотятся только для своей надобности: перья, перепонки и клювы идут на украшения, кости на иглы и наконечники стрел. Морские птицы здесь в изобилии, но береговых весьма немного. Наиболее интересные — урилы. Они величиной с гуся; шея у них длинная с черным ошейником, отливающим металлическим блеском. Ноги у самого хвоста, так что когда урил сидит, то кажется, что он стоит.

Есть еще топорки, величиной с утку. Оперение их темно-серое, над глазами белые узкие перышки висят косицами, клюв плоский, как у утки, и красный. Оперение у них так густо и твердо, что пущенная из ружья дробь скользит по ним, не принося птице вреда. Топорок ныряет и под водою также пользуется крыльями.

Остров, Уналашка, самый большой из всей гряды Лисьих островов, лежит под 64° 00' северной широты и состоит из высоких скалистых гор, из которых одна огнедышащая. Верхи гор — голый камень; с половины начинается мох и трава. В разлогах, по берегам текущих с гор ручьев, растет низкий ивняк и ольховник, а по косогорам — ягоды и растения, корни которых употребляются туземцами в пищу. Есть еще какой-то желтый корень, считающийся целебным для глаз. Алеуты перед отправлением в путь едят его на ночь и уверяют, что на другое утро глаза бывают особенно чисты и ясны, так что на дальнем расстоянии различают малейшие предметы.

Во все время экскурсии для изучения острова Уналашка стояла дурная погода, шли дожди и дули сильные ветры. Даже алеутам такая погода наскучила. В один день все они: как мужчины, так и женщины с малыми ребятами — вышли на двор, развели огонь и, поворотившись навстречу вет-

ру, закричали во все горло и замахали руками. Но так как ветер и буря продолжались, то пришлось обратиться к шаману. «К вечеру, — рассказывает Сарычев, — услышал я в углу юрты звук бубен и пение. Оказалось, что тоен шаманит и призывает духов, чтоб они установили хорошую погоду. Вдруг он затих и упал без чувств. Испуганные алеуты собрались вокруг своего бесчувственного повелителя и запели печальным голосом, прося духа о помиловании. Тоен скоро очнулся и рассказал, что дух лишил его сознания за то, что он упрекал его в жестокости и стыдил его». Затем на тоена нашел дух пророчества. Одной женщине он предсказал смерть; Сарычеву возвестил, что у него на судне не все ладно, но что он вернется домой благополучно. Хорошую погоду дух обещал не ранее как через три дня.

Пророчество тоена по отношению к Сарычеву не замедлило исполниться. Вернувшись к судну, он нашел половину экипажа больной цингой; четырнадцать человек уже умерло. Зная, что перемена воздуха в этой болезни благотворно действует, Сарычев приказал расквартировать больных по ближайшим селениям, что и было исполнено.

Пятнадцатого апреля состоялся офицерский совет, на котором положено было возвратиться на Камчатку, а по пути описать берега Алеутских островов. Описание Уналашки было окончено, численность населения выяснена, дружба островитян приобретена, следовательно, можно было считать экспедицию вполне удавшейся.

Двадцать первого апреля приехали алеуты, посланные своими соплеменниками, чтобы заявить о своей готовности платить ясак по бобру или лисиче с души. Прибывших одарили табаком, а тоенам дали медали, нарочно для того привезенные. Возлагая медали от имени императрицы, Сарычев объяснил тоенам, что они должны ценить и уважать этот знак монаршего благоволения, который будет служить им охраною. Какие бы ни появились иноземцы, достаточно увидеть им эти медали, чтобы понять, что племя находится под покровительством ее величества Императрицы всероссийской. При медалях даны были особые грамоты, и островитяне уехали вполне счастливые.

Шестнадцатого мая суда вышли в море и прошли вдоль цепи Лисьих островов, описывая их берега.

Начиная от Америки по всей цепи Алеутских островов тянется ряд вулканов, в большинстве уже потухших. Известно, что здесь были прежде сильные извержения и землетрясения, изменившие совершенно строение островов и отразившиеся даже на Камчатке. Все это дает повод думать, что в давние времена Алеутские острова составляли непрерывный кряж твердой земли, раздробленный землетрясениями на острова.

Девятнадцатого июня «Черный орел» благополучно прибыл в Петропавловскую гавань, где уже стояла на якоре «Слава России», прибывшая тремя днями раньше.

Оставалось исполнить еще одно поручение Биллингса: описать Корейское море. «Славе России» требовался серьезный ремонт, и потому на совете офицеров решено было привести в порядок катер «Черный орел» и на нем отправиться в Корейское море. Пятнадцатого июля судно было совсем готово, но ветры не позволяли ему выйти из гавани. Шестого августа «Черный орел» вышел в море с Сарычевым, Галлом и сорока человеками команды.

До 20 августа все шло благополучно, но с этого дня начались сильные туманы, не подававшие никакой надежды на возможность научных исследований. К тому же приближался сентябрь, время бурных ветров, весьма опасных для плавания, и потому судно переменило курс и пошло в Охотск, куда и прибыло 17 сентября 1792 года. Отсюда капитан Галл послал своему начальнику Биллингсу рапорт и просил дальнейших распоряжений.

Только в феврале пришел ответ Биллингса и приказание сдать судно на хранение в Охотский порт, а офицерам с командой ехать в Якутск.

За неимением лошадей пришлось отложить отъезд на неопределенное время. В мучительном бездействии прошла зима и часть лета; только 15 июля экспедиция могла двинуться в путь. В это время сильно разлилась река Охота, что остановило путешественников в 30 верстах от Охотска. Шесть дней пришлось им прожить в одном жалком селении, пока не спала вода. Только 20-го числа они двинулись далее и 6 августа прибыли в Якутск, где уже ждал их капитан Биллингс, проехавший через чукотскую землю.

Отсюда все офицеры со своим начальником и командой отправились в Петербург, куда и прибыли в апреле 1793 года после восьмилетнего отсутствия.

Путешествие по северным берегам Сибири
и Ледовитому морю,
совершенное Фердинандом фон Врангелем
в 1820—1824 гг.

Биографический очерк

ердинанд Петрович фон Врангель (Фридрих Генрих Эрнст Врангель) был третьим из шестерых детей лифляндского барона Петра фон Врангеля. Он родился 29 декабря 1794 года.

С ранних лет он проявлял пылкую фантазию и страсть к путешествиям. Пятилетним мальчиком он убежал из дому, и когда его спросили, куда он шел, ребенок ответил: «Далеко, далеко!»

До 10-летнего возраста мальчик жил почти постоянно в деревне, среди природы, и пользовался всеми благами счастливого детства.

И вдруг, почти одновременно, лишился он матери, отца и состояния. Вскоре, благодаря ходатайству одного из родственников, моряка, Врангель был принят в Морской корпус вместе со своим двоюродным братом Вильгельмом. Сообщая эту новость своему другу Фердинанду, Вильгельм писал: «Наша карьера обеспечена; мы едем в столицу!»

На первых порах в корпусе «лифляндским рыцарям» пришлось очень жутко. Не зная русского языка, они очутились среди 600 русских мальчиков, не говоривших по-немецки. Но мало-помалу новички освоились, и Фердинанд не замедлил сделаться общим любимцем. Он имел для этого все данные: искренний, честный, хотя и вспыльчивый, он всегда готов был сознаться в своих ошибках и загладить их. Помочь слабому, защитить обиженного было для него делом вполне естественным. С юношеским энтузиазмом он увлекался прекрасными и благородными поступками и инстинктивно уклонялся от всего низкого и порочного. При этом он обладал чрезвычайно ясным взглядом, благодаря которому во всяком запутанном деле находил руководящую нить. Развившийся с годами организаторский талант, замечательная энергия и сила воли дали ему возможность совершить те подвиги, которые прославили его имя.

Окончив в 1815 году курс, Врангель вместе с кузеном своим Вильгельмом и мичманом Анжу командирован был в Ревель.

Развеселая жизнь, которую вели здесь моряки, не пришлась по вкусу молодому Врангелю. Избегая общества, он посвящал свои досуги науке, стараясь усовершенствовать себя

в своей специальности. Узнав, что в Петербурге снаряжается шлюп «Камчатка» для кругосветного плавания, Врангель, несмотря на свои скудные средства, приехал в столицу, явился к Головнину и был принят в состав экипажа. В этом плавании Врангель сблизился с мичманом Литке, дружба с которым продолжалась всю жизнь.

В 1820 году Врангель назначен был начальником известной сибирской экспедиции, снискавшей ему всемирную известность. Описание этой экспедиции, предлагаемое читателю ниже, переведено было с рукописи на немецкий язык директором Императорского лицея Энгельгардтом и издано в Берлине в 1840 году с предисловием известного немецкого ученого Риттера. Год спустя это сочинение появилось на английском языке и в короткое время разошлось в двух изданиях. Английского оно переведено на французский.

Возвращение в Петербург ученого мореплавателя сопровождалось целым рядом триумфов. Врангелю предложили видное место. Но ни триумфы, ни почести не могли заглушить в нем влечения к любимой стихии. Он искал нового назначения и был очень счастлив, когда бывший начальник Головнин предложил ему командование небольшим бригам «Кроткий», отправившимся на Камчатку.

По возвращении из этой экспедиции Врангель задумал жениться. Но так как средства его, несмотря на возраставшую славу, были ограничены, то адмирал Муравьев, управлявший русско-американскими колониями, предложил ему место в этих колониях, куда Врангель и отправился в 1829 году с молодой женой.

Полтора года длилось путешествие, и наконец в сентябре 1830 года молодые супруги прибыли в Ново-Архангельск на Ситхе, где предстояло им пробыть не менее пяти лет.

Здесь открылось для Врангеля обширное поле деятельности, и его организаторский талант оказался в полном блеске. Его плодотворная деятельность не могла остаться незамеченной, и он был избран директором Российско-Американской компании.

Возвратившись в 1836 году в Петербург, Врангель был назначен управляющим строительным департаментом морского ведомства. Прослужив этой должности тринадцать лет, он имел возможность вполне удовлетворить свою страсть к путешествиям, так как ему пришлось для осмотра лесов исколесить всю Россию вдоль и поперек.

Прожив в счастливом супружестве двадцать четыре года, Врангель в 1853 году потерял жену и остался с пятью сиротами. Это печальное обстоятельство случилось как раз в начале Крымской войны. Англичане осадили Ревель, и ввиду опасности, которая угрожала отечеству, смолк-

Фридрих Генрих Эрнст Врангель

ло личное горе, и Врангель всем существом своим отдался служению родине. По окончании войны он был удостоен милостей августейшего генерал-адмирала, великого князя Константина Николаевича и назначен управляющим морским министерством. При нем совершились те великие преобразования, которые предпринял августейший командир на славу русского флота.

Усиленные занятия подорвали силы Фердинанда Петровича, и он должен был уехать за границу лечиться. По возвращении в 1858 г. он был назначен членом Государственного совета. Когда начались великие реформы императора Александра II, люди, подобные Врангелю, не могли оставаться без дела. Снова пришлось напрягать уже подорванные силы, работать без отдыха. Переутомление не замедлило обнаружиться. К этому присоединилась еще неприятность, вследствие ликвидации дел Северо-Американской компании, и Врангель решил оставить службу и удалиться на покой.

Получив в 1864 году бессрочный отпуск, он отправился в сопровождении двух дочерей и брата в Италию, где провел два года в среде художников и ученых, поражая их своим ясным умом и глубокими познаниями.

Возвратившись из Италии, он поселился в приобретенном им имении в Эстляндской губернии и провел остаток дней в кругу своих детей и внуков.

Незадолго до смерти он пожелал посетить то место, где провел счастливые годы детства. Съездив туда благополучно, он на обратном пути скончался.

Фердинанд Петрович умер 76 лет от роду, сохранив до конца жизни свежесть умственных способностей.

Глава I

От Петербурга до Нижнеколымска. Якуты.

Зашиверск. Отец Михаил

В 1820 г. по повелению императора Александра I отправлены были две экспедиции для исследования Ледовитого океана и Северо-Восточной Сибири. Первая, под начальством Врангеля, должна была описать берега Ледовитого моря от Колымы до острова Колючина и сделать несколько поездок по льду для отыскания предполагаемой на севере земли. Другая, под начальством Анжу, имела целью изучить берега от Яны до Колымы и осмотреть острова, известные под названием «Новой Сибири».

Оба отряда двинулись из Петербурга 23 марта 1820 года и 27 июля прибыли в местечко Качут на реке Лене, откуда должны были продолжать путь водой. От Москвы до Иркутска на протяжении 5 317 верст путешественники несколько раз переходили от зимы к весне и обратно. Когда в Казани зеленели уже деревья, на уральских высотах лежал еще снег. В окрестностях Тобольска едва начинала зеленеть трава, а в Иркутске сады стояли уже в полном цвету.

В Качуге экспедицию ожидал павозок¹, на котором она и двинулась вниз по Лене, одной из величайших рек на земном шаре. «Величественные, исполинские реки, протекающие по Сибири с юга на север, — пишет Врангель, — кажется, самой природой предназначены нести избыток из южных стран в северные, обитатели которых терпят недостаток во всем. Главные реки соединяются между собой множеством побочных, по большей части судоходных, так что едва ли найдется какой-нибудь важный пункт в Сибири, которого нельзя было бы достигнуть зимой. Этим благодеянием природы местные жители хотя и пользуются, но движение так дурно организовано, так медленно совершается, что товары запаздывают, часто зазимовывают, отчего сильно страдает торговля».

От Качужской пристани до станка Риги, на расстоянии 400 верст, Лена протекает через гористую страну, покрытую лесами, между живописными берегами, в своих видах до чрезвычайности разнообразными. По скатам гор пестреют луга, желтеют нивы, белеют покрытые цветом, точно снегом, сады. Последние, впрочем, редки, так как и население здесь редко, но там, где оно есть, это население веселит взор. Люди рослы, здоровы, чрезвычайно приветливы и гостеприимны. Многие из них зажиточны. Поля на гористых скатах очень плодородны, благодаря солнечному припеку и стекающей с гор влаги. Но зато обработка их затруднительна. Гораздо легче обрабатываются поля в падах между горами или на прибрежных равнинах, но здесь сильно вредят култыге разливы рек, которые вдобавок не постоянны и не периодичны, а имеют характер чисто случайный, находясь в зависимости от количества дождей и снегов в горах. Оградить себя от наводнения нет никакой возможности.

Лена изобилует лесистыми островами, что делает ее еще более живописной. Чем дальше, тем выше и увесистее становятся горы, окаймляющие величественную реку. У станка Риги Лена круто поворачивает на восток; путнику кажется, что сближающиеся берега совсем преграждают путь и что вот-вот его судно ударится о каменную стену и разлетится вдребезги; но это только обман зрения. Сделав крутой поворот, Лена освобождается от стеснявшего ее каменного пояса и продолжает свое течение в низменных берегах. От станка Заборья до города Киренска по сухому пути всего 35 верст; рекой же — 105, до того она извилиста. На всем протяжении характер берегов Лены несколько раз меняется; горы уступают место равнинам и наоборот.

Берега представляют чрезвычайное разнообразие горных пород от известняка до мрамора и порфира включительно. В одном месте, в высоком отвесном берегу из чисто изве-

¹ Плоскодонное судно с палубой.

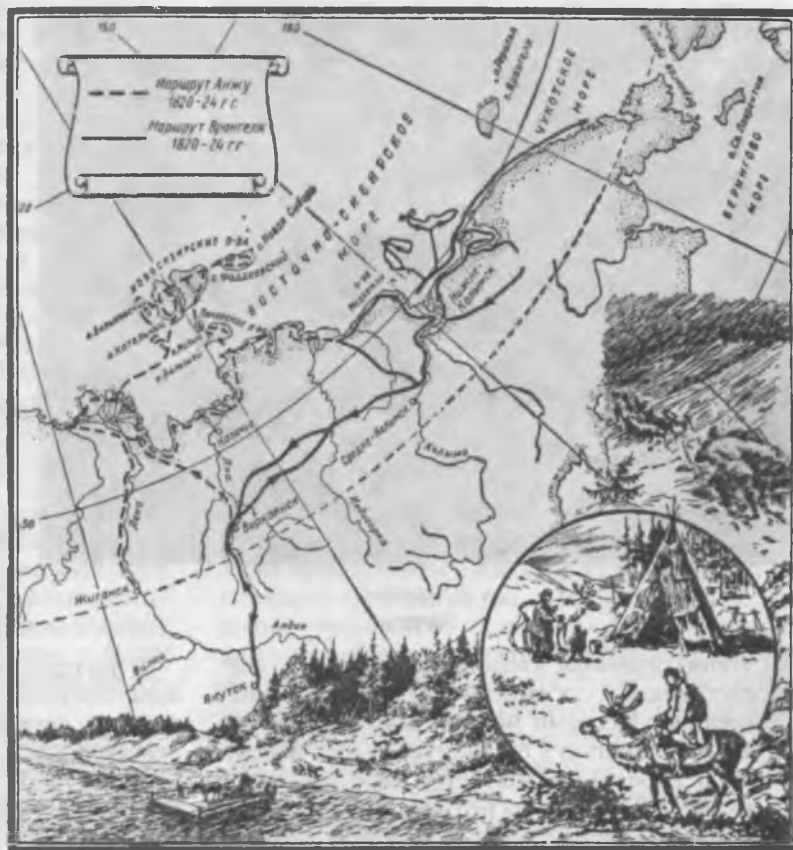
сткового камня видны многочисленные пещеры, подземные ходы, вероятно оставшиеся от тех времен, когда здесь вели поиски серебряной руды. В одной из таких пещер, в 120 верстах от Якутска, доктор Кибер¹ нашел странное явление природы: посреди пещеры в несколько сажен глубины росла лиственница, несмотря на мрак, ее окружающий. В горах есть множество ключей, из которых два особенно замечательны. Один вытекает из кругого известкового утеса на левом берегу и дает горячую воду с сильным серным запахом. Другой — на противоположном берегу изливает прозрачную, как кристалл, и чрезвычайно соленую воду.

За Киренском около станка Чистые острова есть место, называемое Щеки. Здесь Лена, при глубине в 12 сажен, с великим напором протесняется между скал, вышиной до 80 сажен. Это место знаменито по сильному и продолжительному эху, повторяющему ружейный выстрел до ста и более раз, притом в такой усиливающей пропорции, что кажется, будто слышишь беглый огонь и даже пушечную пальбу.

В зиму, предшествовавшую путешествию Врангеля, случилось здесь печальное событие. Тунгус на лыжах преследовал оленя, и оба они, как охотник, так и зверь, не заметили обрыва и низринулись с 80-саженной высоты на покрытую льдом реку, где и нашли их обоих, разбившихся насмерть.

Поблизости от Щек торчит из речного русла довольно высокий столбообразный утес, названный туземцами Пьяный бычок в память того, что здесь разбилось судно с вином, причем, разумеется, прибрежные жители не преминули поживиться частью лакомого груза.

Девятого июля путники достигли города Олекмы, известного своими соболями. Надо заметить, что леса правого берега Лены, примыкающие к бесконечным лесам Яблонового хребта, изобилуют пушными зверями, тогда как левый берег менее лесист и более населен, а потому и пушных зверей здесь меньше. Город Олекма

Маршрут экспедиций Анжу и Врангеля

замечателен еще тем, что он составляет предел, дальше которого к северу не распространяется сибирское земледелие.

У города Олекмы застигла путешественников сильная буря. Ветер дул с низовьев реки так стремительно, что остановил течение и вместе с тем движение судна. Пришлось прибегнуть к средству, употребляемому в подобных случаях сибиряками: связали четыре толстые лиственницы наподобие плота и опустили их стоймя в воду впереди судна, привязав к нижнему концу камни. Такие ширмы, оградив судно от напора верхней воды, дали свободу нижнему течению, которого не коснулась буря, и судно понесло вперед, несмотря на ветер и сильное волнение, причем его не бросало из стороны в сторону, как прежде.

Во время плаванья путешественникам не раз приходилось видеть страшные лесные пожары, которых не мог потушить даже сильный дождь. Исполинские сосны и пихты, объятые пламе-

¹ Состоявший при экспедиции.

Е. Корнеев.
Якуты

нем, точно огненные столбы, отражались в реке и представляли, особенно ночью, величественное зрелище. Местами можно было наблюдать, как огонь подползал к не тронутому еще дереву и, живо перебегая по смолистой хвое, рассыпал с треском тучи искр, пока не охватывал всего дерева одной общей огненной пеленой. Сердце болело при мысли, что так много добра погибает от беспечности промысловиков, не дающих себе труда тушить костры, разводимые для варки пищи или для того, чтобы отгонять докучливых насекомых, которых здесь несметное количество. Во время этих пожаров много гибнет птичьих гнезд и молодых выводков птиц и животных. Масса пушных зверей, встревоженных пожаром, бежит в отдаленные местности.

Чем дальше к северу, тем глуше становилась местность. Селения попадались редко, жители, в особенности русские поселенцы, выглядели плохо. Якуты, как более привычные к суровому климату, казались менее нуждающимися.

Двадцать пятого июля почти через месяц по отплытии из Качуга, экспедиция прибыла в Якутск, сделав 2 500 верст. Весной, при более быстром течении реки, это расстояние может быть пройдено в две недели.

«Якутск, — пишет Врангель, — составляет средоточие сибирской торговли. От Анабары до Берингова пролива, от Ледовитого океана до Камчатки, — одним словом, с пространства нескольких тысяч верст в окружности свозятся сюда пушные товары, моржовые клыки и мамонтовые кости для продажи или обмена. Ярмарка здесь совсем не по-

хожа на другие ярмарки; товары не выставляются, суетливости не видно, народных увеселений не существует. Все сделки производятся на дому и держатся в глубоком секрете. Таким образом, почти все привозимое делается добычей промышленников; только брак попадает в руки публики».

Во время путешествия Врангеля русский элемент в крае был настолько слаб, что почти подавлялся якутской народностью. Якутский язык играл здесь такую же важную роль, как французский в столицах. Это обстоятельство крайне поразило путешественника. На одном блестящем празднике, который давал богатый торговец мехами в честь именин жены, разговорный язык был до такой степени испещрен якутскими словами, что европейские гости не могли принимать в нем участия.

В Якутске Анжу простился с товарищами и поплыл со своим отрядом вниз по Лене; мичман Матюшкин отправился в Нижнеколымск, а за ним вскоре последовал и Врангель.

За Якутском начались дремучие леса и болота, покрытые кочками и мелким кустарником. Проезжей дороги не было; приходилось ехать верхом до более ровного места, где возможна была езда на оленях и собаках. Переправившись 17 сентября через главный рукав Лены шириной в 4 версты вместе с унтер-офицером якутом, который должен был играть роль толмача в сношениях с инородцами, Врангель думал найти на берегу заказанных им тринадцать лошадей, но их не оказалось.

«Плохое начало!» — подумал путешественник, но унтер-офицер успокоил его, говоря, что якуты с лошадьми кочуют, вероятно, неподалеку, чтоб дать возможность лошадям откормиться. Действительно, они скоро появились, и экспедиция могла двинуться в путь.

Десять лошадей навьючили провиантом и инструментами, на две сели сами, а тринадцатую вели в поводу для запаса. Навьюченных лошадей привязали гуськом одну к хвосту другой, а на переднюю и на заднюю село по погонщику-якуту. Если б лошадей было больше, то и тогда не потребовалось бы более двух погонщиков. Эти люди очень ловки, хотя должность их претрудная. В иных местах лошади скользят, оступаются, вязнут в болотах. Передовой выбирает дорогу, а задний подхлестывает ленивых, поправляет сбившиеся тюки и неусыпно следит за всем караваном. Караван проходит от 20 до 50 верст в день.

Обогнав караван, Врангель со своим спутником прибыл на станцию. Таким громким именем величалась простая якутская юрта, в которой путешественник задумал было переночевать. Но, взглянув туда, он быстро оставил свое намерение. Юрта была наполнена людьми, животными и отвратительными нечистотами. Пришлось расположиться в лиственничном лесу, где на разостланной медвежьей шкуре, под теплым меховым одеялом, вблизи костра, усталый путник недурно провел ночь. Вставать на морозе было очень тяжело, и Врангель с ужасом думал о предстоящей сибирской зиме; но человек ко всему привыкает, и скоро он вместе с якутами стал надеяться, что мороз в 18—20 градусов сравнительно еще мягкая температура.

Напившись чаю и позавтракав, экспедиция двинулась далее.

Немногие деревья, попадавшиеся на пути, обвиты были конскими волосами. Проводники якут остановил караван, слез с лошади, выдернув из ее гривы несколько волосков, с благоговением прицепил их к сучку одного дерева. Заявив, что теперь горный дух умиротворен и будет покровительствовать путешественникам, он сел на лошадь, и караван двинулся далее.

Такой обычай умиротворять невидимое божество строго соблюдается якутами, и даже те из них, которые крещены, не считают лишним оказывать своему отставному духу знак почтения на всякий случай.

Проводники-якуты почти всю дорогу пели свои однообразные, заунывные песни. Главным образом воспевали они красоты природы, которых в действительности не существовало. Тундра превращалась у них в прекрасную страну, потухший пень в могучее дерево, грязная лужа в хрустальное озеро. При составлении этих песен действовало не столько богатство воображения, сколько привычка восточных народов картинно выражаться. Толмач-унтер объяснял это еще проще: бояться-де своего горного духа, ну и лисят перед ним, выхваляя его владения.

В иных местах эти владения были действительно живописны. Множество небольших озер, окаймленных холмами, покрытыми лиственничным лесом, были так красивы, что не приходилось сожалеть о лишнем часах, потраченных на их обозезд.

На третий день по выезде из Якутска путники спустились в ложбину Миоре, замечательную во многих отношениях. Эта ложбина совершенно правильной овальной формы окружена земляным возвышением, похожим на вал, саженой в 10 вышины. По всей вероятности, ложбина Миоре, имеющая 8 верст в поперечнике, была прежде озером; и теперь по ней разбросано не-

сколько соединенных между собой озер, малых, но очень рыбных.

Привлекательное положение ложбины и обильные пастбища побудили одного тунгусского князька, по имени Миоре, поселиться здесь, но его скоро вытеснили якуты, основав здесь большое и богатое поселение. Врангель нашел тут много юрт, несколько русских бревенчатых изб и две церкви, построенные одним якутом, меховщиком и миллионером. Несмотря на свои миллионы, якут придерживался старины, жил в юрте, пил кумыс и ел конину. Население Миоре занимается скотоводством, звероловством и извозом.

Так как этнографические наблюдения не входили в программу путешественника-моряка, то о посещенных им народах он ограничивается немногими данными, которые схватывает на лету как любитель, не углубляясь в исследования.

Якуты представляют нам замечательное явление покоренного народа, навязавшего победителям свои обычаи и язык; народа, не только не подвергшегося влиянию завоевателей, но, напротив, втянувшего их в свою сферу. В Якутске, например, все ремесленники якуты, все няньки якутки. Ни один русский не задумается, вступить ли в брак с якуткой, так как это народ прекрасно одаренный, способный ко всем ремеслам.

Родоначальником якутов был, по преданию, некто Сахалар, татарин, перекочевавший откуда-то из-за гор и женившийся на тунгуске. Потомки якуты и называют себя сахаларами.

Якуты, собственно, народ пастушеский, но они занимаются и звериным промыслом, в котором очень искусны. Зимой якуты живут в юртах, а летом в уросах, или берестяных юртах, издали похожих на холщовые палатки. Покрышку для уросов готовят особым образом. Содрав с березы кору, ее мочат и потом сшивают. Уросы легки и часто переносятся на новые места, более богатые кормом для больших якутских стад.

С наступлением холодов якуты переходят в зимние юрты. Эти жилища строятся в форме конуса из тонких бревен, или жердей, и покрываются травой, сеном, дерном или глиной. Вместо окон — два отверстия с вделанными в них льдинами, рыбьими пузырями или намащенной бумагой. У бедных — пол врывается в землю фута на два, на три, а у богатых поднимается и выстилается досками. Вдоль стен устраиваются для спанья и для сиденья нары, которые иногда разгораживаются перегородками. У выхода, поближе к дверям, складывается из камня чумал, или очаг, на котором постоянно горит огонь. Вне юрты ставят несколько крытых загоронок для коров, которым здесь живется гораздо лучше, чем лошадям. Они стоят под крышей, их кормят сеном, а в сильные морозы берут даже

в юрту. Лошади же стоят всегда под открытым небом, питаются травой, которую выгребают копытами из-под снега, и только в случае дальних поездок получают сено для подкрепления.

День проводят якуты следующим образом: мужчины ходят на охоту, женщины сидят вокруг чучала, обделывают звериные кожи, шьют платья, вяжут веревки, вяжут сети, а вечером, когда соберется семья, курят табак, до которого якуты, как мужчины, так и женщины, большие охотники; пьют кумыс и едят ужасную размазную, сваренную из размельченной сосновой коры с прибавкой муки, рыбы, молока или жиру. Последний особенно любят якуты и едят его в свежем и прогорклom виде. Природа мудро наделила их этой потребностью, так как при суровом климате жир значительно способствует согреванию организма. Однообразие жизни нарушается иногда приездом князька или старшины, которые наезжают, чтоб разбирать споры и чинить суд и расправу. По временам является шаман, призываемый для отыскания заблудившейся скотины или для испрашивания помощи у духа для какого-нибудь предприятия. Обыкновенно в полночь у тлеющих на чучале угольев он творит свои заклинания и приводит присутствующих в священный ужас.

Хотя почти все якуты крещены и имеют Евангелие на своем языке, но это не мешает им придерживаться шаманства и множества суеверных языческих обрядов.

По характеру якуты не симпатичны. Они не общительны, скрытны и страшные охотники до тяжб и клязз всякого рода. Насколько возможно, они стараются удалиться от общества себе подобных и потому живут больше разбросанно; обширные поселения очень редки. Несмотря на свою необщительность, они гостеприимны, и путешественник, проезжая по сибирским пустыням, найдет в каждой из разбросанных на большом пространстве юрт радушный прием и готовность поделиться всем, чем Бог послал.

Отдохнув немного в Миоре, караван двинулся далее. От продолжительных дождей дорога, и без того скверная, еще больше испортилась; караван не раз попадал в болото, где лошади вязли по шею. Только благодаря чрезвычайной расторопности и ловкости проводника такие приключения не имели печальных последствий. К счастью, скоро завернули порядочные заморозки и скрепили болота.

Переправляясь через реку Алдан, впадающую в Лену, путешественники чуть не погибли. Дощаник, на котором они плыли, получил такую течь, что совокупными усилиями невозможно было откачать нахлынувшую туда воду. Судно тонULO быстро и, наверно, совсем потонуло бы, если бы,

к счастью, не случилось посреди реки островка, возле которого и удалось посадить дощаник на мель. Законопатив его кое-как травой, добрались до противоположного берега.

Узнав от проводников, что скоро исчезнут луговины, Врангель приказал сделать привал, чтобы дать лошадям возможность подкрепиться сочной травой. Едва успели путешественники раскинуть свой полог из ровдуг, или, иначе говоря, палатку из выделанных оленьих кож, как пошел снег с градом и термометр упал на 2 °C ниже нуля. Разложив огонек и попивая чай, они прислушивались к глухому реву Тукулана, бешено мчавшегося в ущельях Верхоянского хребта по направлению к Алдану, куда он впадает.

На следующий день дорога была очень тяжелой. Приходилось идти через девственные леса, продираться сквозь перепутанные ветви, перелезать через упавшие деревья, переправляться через горные ручьи, заваленные упавшими деревьями и камнями; словом — преодолевать всевозможные препятствия. Двадцатого сентября выпал снег, за ним последовал мороз — и, по-видимому, установилась зима. Не без страха размышлял Врангель о привалах, о неуютности, холоде и всяческих неудобствах, но первый же опыт рассеял его опасения.

Когда пришло время остановиться на отдых, проводники выбрали местечко между высокими деревьями, доставлявшими защиту от ветра и вьюги, разгребли снег, натащили хвои от растущего здесь в изобилии ползучего кедровника и, накрыв эту настилку кожами, раскинули над ней полог. Потом развели костер и, подкрепившись горячей пищей, принялись рассказывать о своих приключениях. Все сибиряки большие краснобай и, желая перещеголять друг друга, уснащают свои рассказы преувеличениями и вымыслами. Проводник-якут рассказывал, например, как один казак убил зараз трех напавших на него медведей: одного — ножом, другого — топором, третьего — дубиной. Уверял он также, что сохатый, то есть лось, так силен, что на ходу выворачивает деревья с корнем. Покалякав немного, путники улеглись на мехах и, укрывшись меховыми одеялами, заснули крепким сном. Проводники же нашли, что еще довольно тепло и можно спать на воздухе. Они сняли с лошадей потники, разостлали их на снегу и, положив под головы седла, вмиг захрапели. Лошадям предоставлено было дрожать на морозе и из-под снега доставать себе пищу.

Не всегда, впрочем, на ночлегах все обходится так благополучно. Весной и летом случается, что от внезапного таяния снегов в горах или от сильных дождей горные ручьи выходят из берегов и затопляют долину. Оттого-то опытные си-

биряки и выбирают для привалов два-три близко растущих дерева. Почуввав приближение беды, они с величайшей поспешностью сплетают из ветвей род моста от одного дерева к другому, перебираются на него со всеми пожитками и на этом висшем балконе терпеливо ожидают стока воды.

На рассвете караван двинулся далее. По мере приближения к истокам Тукулана ложбина его суживается более и более, крутые скалы сходятся ближе и ближе; леса редеют и наконец заменяются ползучим кедровником, на котором растут такие же, как и на больших кедрах, вкусные орешки, привлекающие медведей и белок; в кустарниках водятся множество глухарей и куропаток.

Двадцать второго сентября путешественники ночевали в безлесной долине у подошвы горы, под защитой нависшей скалы. Морозы заметно усиливались, доходили до -16°C , и ночью, несмотря на меховое покрывало, нельзя было согреться. Караван достиг подошвы Верхоянского хребта, переход через который считается самой трудной и опасной частью пути от Якутска до Нижнеколымска. Приходится взбираться по голым скользким крутизнам, карабкаться по узкой тропинке, выходящей по самому краю пропасти, проходить по заваленным снегом ущельям, прогребая себе лопатами дорогу. Один неловкий шаг, и человек может проститься с жизнью. Стучается, что из ущелий и пропастей внезапно вырываются вихри столь сильные, что опрокидывают людей и лошадей. Бывало, что целые караваны низвергались в пропасть.

К счастью, погода благоприятствовала путешественникам; небо было чисто и безоблачно; лучи полуденного солнца зажигали тысячи огней на покрытых инеем скалах и наполняли воздух бесчисленными блестками. На север расстилалась долина реки Яны, впадающей в Ледовитый океан; на юг — крутые нагроможденные гряды замыкали горизонт.

Верхоянский хребет составляет водораздел рек Лены и Яны. На северном склоне растут только сосны и ели; на южном — лиственницы, тополя, березы и ивы. Встречные тунгусы рассказывали Врангелю, что на вершине одной из Верхоянских гор находятся остатки большого жореходного судна. Проверить это странное сообщение не удалось.

Перевалив через Верхоянский хребет и следуя по берегу Яны, путешественники наткнулись

Якутка из Учүра

на полуразвалившийся шалаш, в котором зиму и лето жил престарелый тунгус с дочерью и двумя собаками. Старик охотился за оленями, пропадая иногда по нескольку дней, а дочь оставалась одна среди необозримой, окованной снежным саваном пустыни, в полупрозрачном жилище, едва прикрытая лохмотьями и почти без пищи. Такие отшельники в Сибири не редкость. Это тунгусы, которые вследствие какого-нибудь несчастного случая лишились своих стад и обнищали.

Двадцать девятого сентября путешественники прибыли на станцию Баралала и, к удивлению своему, нашли станционную юрту, содержащую в большом порядке. У входа, на свежем снегу, лежали куски чистого льда для котлов и чайников; юрта была тщательно выметена, лавки покрыты свежим сеном; в окна были вставлены чистые льдины; в чувале горел яркий огонь. После девяти дней, проведенных под открытым небом на морозе и снегу, такая юрта показалась дворцом. Путешественники могли умыться, почиститься и переменить белье, чего раньше нельзя было сделать из боязни отморозить себе лицо.

Вскоре появилось якутское угощение: рубленое мерзлое мясо, струганная мерзлая рыба и величайшее лакомство этих мест — свежий олений мозг. С отвращением, только в угоду хозяину, попробовал европейский путешественник якутских деликатесов, но впоследствии так привык к ним, что ел с удовольствием.

Следующие за Баралалом станции также были довольно сносны; правда, они отстояли друг от друга верст на сто и более, но по сибирским расстояниям о такой безделице и говорить не стоит. Верстах в двадцати от Баралала пришлось переправляться через Яну по льду. Неподкованные лошади беспрестанно падали; бились, бились с ними и наконец послали в Баралал за пском и золой. Посыпав ими лед, благополучно перебрались на другой берег.

При переправе через другую речку, не очень значительную, случилось довольно комичное приключение: лед под лошадью проломился, и она исчезла под ним. Сам всадник едва успел соскочить и удержаться на льду. Перевравшись на другой берег и не видя лошади, Врангель решил, что она утонула, но проводники-якуты со смехом объявили, что лошадь жива и что они тотчас ее достанут. Действительно, шестами разломали лед, и Врангель увидел то, что впоследствии видел много раз: речная вода почти вся утекла и образовала между дном и ледяной корой пустое пространство футов в шесть вышины. Лошадь была извлечена невредимой, но находившийся на ней выюк с чаем, сахаром и ромом пропал безвозвратно. Потеря таких необходимых при странствовании по ледяным пустыням предметов была для всех чувствительна.

Следуя по берегу реки Догдо, притока Яны, караван достиг котловидной долины, известной под именем Убиенного поля. В ней, говорит предание, скрывалась целая орда тунгусов, спасаясь от завоевателей Сибири. Здесь же она нашла себе могилу.

Недалеко от этого места вытекает речка Русская Рассоха, которая летом должна быть очень живописна. Овраг, где находятся истоки, окружен скалами самых причудливых очертаний: тут и зубчатые башни крепостей, и колоннады, и портики античных зданий, и триумфальные арки, и часовни, и тому подобное.

Десятого октября путешественники приехали в Зашиверск, маленький городок, лежащий на правом берегу Индигирки. Здесь Врангель познакомился с замечательным старцем, священником отцом Михаилом. Этот священник, известный всей Сибири, обратил в христианство более 15 000 инородцев. Своим примером и наставлениями он оказывал благотворное влияние на нравственность туземцев. Его рвение не охладело с годами, и в бытность Врангеля в За-

шиверске он продолжал объезжать свой приход, раскинувшийся на 2 000 верст. Он не ограничивался исполнением одних треб, но старался утешать и облегчать страждущих везде, где встречал их. Этот удивительный старик имел еще время ходить в горы на охоту за дикими баранами и силками ловить куропаток. В течение короткого лета он возделывал свой огород, где, благодаря его неусыпным трудам, созревали капуста, редька, репа — овощи, очень редкие в этих местах. Он очень обрадовался путешественникам, угостил их щами с ржаным хлебом, который показался им пряником, и пирогом из рыбьей муки, изобретения самого хозяина.

Для получения муки сухая рыба перетирается в порошок и просеивается. В сухом месте эта мука долго держится, и в смеси со ржаной мукой составляет очень вкусное тесто.

Пробыв в Зашиверске два дня, караван двинулся далее. Путь до Среднеколымска не представлял ничего интересного. Горы чередовались с болотами и равнинами, перерезанными реками, речками и озерами; мороз доходил до -24 °С, а ночевать зачастую приходилось на открытом воздухе. Недалеко от Колымы, на небольшом озере, Врангель впервые увидел стадо диких оленей. С удивительной быстротой пронеслось оно по льду, преследуемое двумя волками. Двадцать пятого октября поздно вечером караван выехал на Колыму. Было уже совершенно темно, но лай собак, столбы искр из труб, тускло светящийся сквозь ледяные окна огни и резко рисующийся на темном небе шпиль колокольни дали знать путникам, что они прибыли наконец в Среднеколымск.

Здесь посоветовали Врангелю запастись полным зимним гардеробом, и в короткое время доставили все нужное. Едва ли европейец, кутающийся в медвежьи и соболяьи шубы, может себе представить, что это за гардероб. Он состоит не менее как из 12-ти предметов, надеваемых поверх обыкновенного платья: 1) широкой куртки на песцовом меху; 2) такого же нагрудника; 3) шаровар из заячьих шкур; 4) носков из мягкой оленьей шкуры, иногда по две пары зараз; 5) таких же сапог, или торбасов; 6) наколенников; 7) кухлянки, широкого мехового мешка с рукавами и капюшоном; эта одежда делается из двойных оленьих шкур, мехом наружу и мехом внутрь, надевается поверх всего остального и подпоясывается кушаком. Затем идет: 8) налобник; 9) наносник; 10) набородник и, наконец, шапка из лисьего меха с ушами.

«Сперва такая одежда была мне нестерпима и тягостна, — пишет Врангель. — Я насилу влезал на лошадь и не без труда пролезал в узкие двери якутских юрт. Но впоследствии, особенно при 30-градусном морозе и резком северном ветре, наряд мой казался мне превосходным».

Двадцать седьмого октября путешественники поехали на лошадях из Среднеколымска далее, по левому берегу реки, встречая довольно часто якутские селения. В 320 верстах лежит русская деревня Омолонская на реке того же названия; отсюда начинается езда на собаках. Здесь исчезают высокоствольные леса и луга; вместо них по низменностям стелется изогнутый кустарник.

На легких нартах пролетели путники в два дня 120 верст и 2 ноября при -32°C мороза прибыли в Нижнеколымск.

«Таким образом проехав 11 000 верст в 224 дня, — пишет Врангель, — достигли мы первой цели нашего путешествия — бедной рыбацкой деревни, которая на три года сделалась нашим главным местопребыванием».

Глава II

Нижнеколымский округ и его жители.

Промыслы. Флора и фауна

Прежде чем приступить к описанию научных занятий экспедиции на Крайнем Севере, не мешало бы познакомить читателя с этнографическими особенностями этой местности.

Река Колыма, так же как и Индигирка, вытекает из гор Станового хребта и, пробежав 1 500 верст, впадает в Ледовитое море тремя широкими рукавами. Два из них по глубине доступны морским судам, но плавание по ним затрудняется большим количеством мелей, намываемых быстрым течением и беспрестанно меняющих места.

Первые 800 верст река течет в крутых, почти отвесных берегах. В иных местах скалы сильно выдаются вперед и висят над самой водой.

Нижнеколымск¹ лежит на большом низменном острове, образуемом одним из рукавов Колымы. Климат здесь суровый; река замерзает в первых числах сентября. В продолжение трех месяцев, которые здесь называют летом, солнце не заходит 52 дня (с 15 мая по 6 июля). Но от постоянного присутствия лучезарного светила мало пользы; оно стоит очень близко к горизонту, и лучи его слабо греют. Само солнце представляется в эллиптической фигуре, и на тусклый свет его можно смотреть простыми глазами. Хотя солнце и не заходит, но дневное течение времени заметно. Когда оно приближается к горизонту, — это полярная ночь: природа успокаивается. Когда же часа через два оно поднимается выше, все пробуждается; птички, как и у нас, приветствуют день своим пением. Самая приятная температура бывает в июле; распускается ива, расцветают цветы. Но это наслаждение отравляется мириадами комаров, от которых одно спасение — дымокуры. Бедным жителям приходится самое лучшее время года проводить в облаках густого дыма. Положение незавидное! Но нет худа без добра. С появлением крылатых мучителей олени стадами бегут из лесов в тундры и при переправе через реки доставляют хорошую наживу охотникам.

Зима длится здесь 9 месяцев. В январе морозы доходят до -43°C , так что захватывает дыхание. Даже олень, житель полярных стран, забирается в глубь леса и стоит как окаменелый. Вместо двухмесячного дня настает в конце ноября 38-суточная ночь, которая от рефракции и снежного света, а также от северных сияний не бывает совсем темной. В декабре появляется на краю горизонта заря; но она так бледна, что даже в полдень не в состоянии помрачить звезд.

Замечательное здесь явление природы — это теплый ветер, который иногда, при ясном небе, начинает дуть внезапно и среди жесточайшей зимы в короткое время изменяет температуру от 36°C мороза до 6°C тепла, так что льдины, вставленные в окна, начинают таять. Ветер этот продолжается обыкновенно не более суток.

Скудная растительность соответствует климату. Вязкое болото с промерзлой подпочвой едва может питать уродливое лиственничное деревцо; корни его, недопускаемые льдом внутрь земли, стелются поверху. По берегам рек растет мелколистная ива; по лугам встречаются ягоды, но они не всегда созревают. Огородных овощей и в помине нет. Капуста, которая у нас переносит легкие морозы, здесь не завивается.

¹ Нижнеколымский округ основан якутским казаком Стадухиным.

В долинах Анюев (двух больших рек, впадающих в Колыму), защищенных горами от холодных ветров, растительность гораздо богаче. «Когда придешь сюда из мерзлой, покрытой мхом тундры,— пишет Врангель,— тообразишь себя переселившимся в Италию».

Насколько бедна в этом краю флора, настолько богата фауна. Олени, лоси, медведи, лисицы, соболи и белки наполняют нагорные леса: песцы и волки рыщут по низменностям; огромные стаи водяных птиц плавают по рекам и озерам; орлы, филины и чайки сторожат добычу у морских берегов; куропатки стадами бегают среди кустарников; мелких птичек и не перечесать.

Обилие животного царства объясняется безлюдностью, обеспечивающей животному безопасность. Но чем же объяснить поселение человека в таком суровом краю? Между тем, по местному преданию, на берегах Колымы жило прежде многочисленное племя омоков, у которых «огней было больше, чем звезд на небе». Еще и до сих пор в иных местах, особенно на берегах Индигирки, встречаются остатки укреплений из толстых бревен и следы огромных могильных курганов. Судя по неясным рассказам стариков, омоки погибли в борьбе с чукчами, которые, в свою очередь, были оттеснены русскими на восток. А что чукчи здесь жили, о том свидетельствуют названия многих рек, например Большая и Малая Чукочья и др.

Население Колымского округа состоит из русских, якутов и юкагиров. Русские, в противоположность мрачным якутам, очень общительны и любят ходить друг к другу в гости. На вечеринках они поют и пляшут. Песни обыкновенно слаются женщинами. Вот для примера одна из них:

*Напишу ль я письмо не пером, не чернилом,
Напишу я письмо горючей слезой.
Отошлю я письмо с сизокрылым голубком:¹
Полети ты, сизокрылый, в славный город,
во Якутск,
Оброни ты письмецо под косяцато окно².*

Мелодия очень однообразная, ритм медленный. «Чтобы иметь понятие об образе жизни колымчан,— пишет Врангель,— надо несколько времени пожить между ними; следовать за ними из зимних жилищ в летние, плавать с ними в карбасе или в «ветке»³ по быстрым рекам; взбираться на скалы; прокладывать дорогу через девственный лес; носиться зимой по бесконечной тундре на легкой нарте, запряженной собаками. Все это мы и делали в течение трехлетнего нашего пребывания здесь».

Самое тяжелое время для колымчан — это весна, когда все припасы поприберутся, а новые еще не приспеют. Особенно сильно бедствуют инородцы. Целыми толпами приходят они из своих тундр и с жадностью набрасываются на все, что имеет хоть малейшее подобие пищи. Но мало помощи находят в русских селениях несчастные инородцы. Обыватели сами часто принуждены бывают поедать пищу, приготовленную для собак, а собаки мрут с голоду.

«Три ужасные весны провел я здесь,— рассказывает Врангель,— и теперь еще с содроганием представляю себе картину голода и нищеты, которой хотя и был свидетелем, но описать не в силах».

К счастью, благое Провидение является на помощь как раз в то время, когда бедствие достигает высшей степени: прилетают из южных стран большие стада лебедей, гусей и уток. Старый и малый, мужчины и женщины — все, кто только в состоянии держать ружье или лук, спешат убивать из пернатых гостей все, что могут. В расставленные подо льдом сети уже попадает рыба. Таким образом, ужасное время голода проходит, но все еще нет изобилия в пище; кажется, будто природа, подобно искусному врачу, с умеренностью подкрепляет истощенных. Наконец в июне вскрываются реки, приплывает множество рыбы, и всякий старается запастись ею.

Но часто в то время, когда кончилось одно бедствие, на смену ему является другое: река не в состоянии скоро избавиться от несущихся по ней ужасных громад льда, который, спираясь, образует род плотин и останавливает течение. Река выступает из берегов и затопляет луга и селения. Если жители не успеют отогнать лошадей на возвышенное место, они лишаются их безвозвратно.

«Летом 1822 года,— рассказывает Врангель,— было при нас в Нижнеколымске наводнение, распространившееся столь внезапно, что мы едва имели время с некоторыми вещами перебраться на плоские крыши, где должны были просидеть более недели.

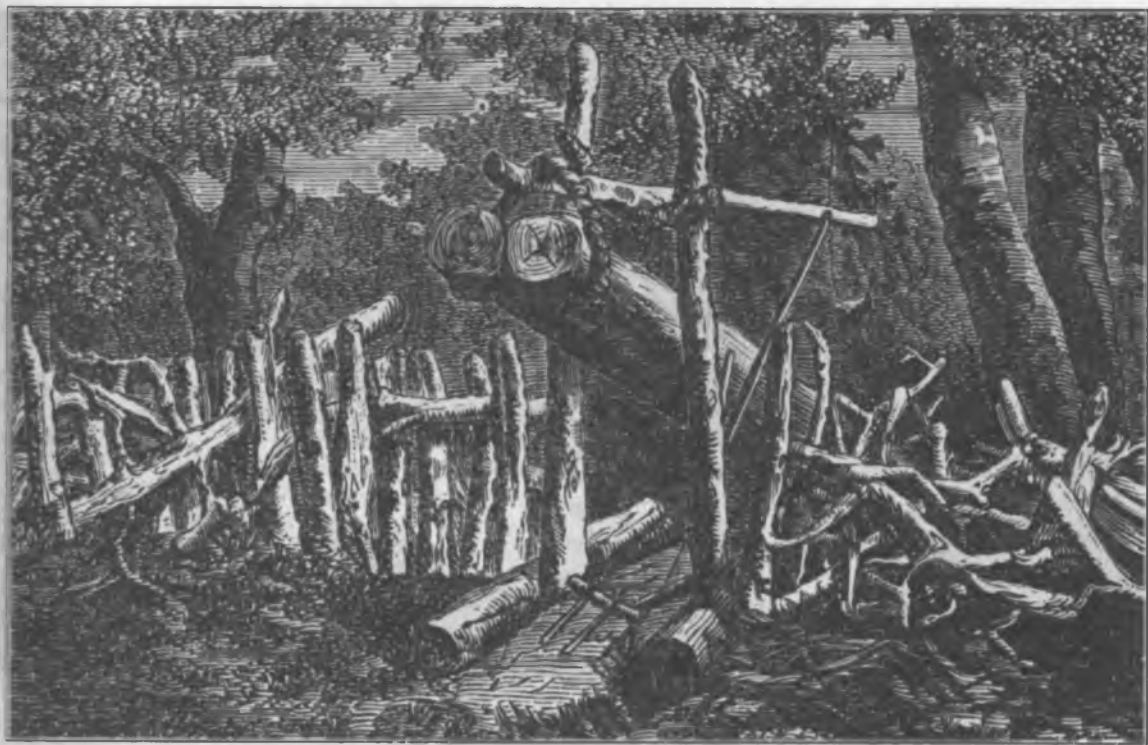
Соседнее озеро соединилось с рекою, вода быстро неслась между домами, и весь острог походил на архипелаг, в котором крыши играли роль островов. Жители ездили друг к другу на лодках или, сидя на крышах, закидывали сети и ловили рыбу».

Кроме рыбы, запасаемой на зиму, заготавлиется еще и птица. Ее коптят или замораживают и зарывают в снег. Кроме рыбы и птицы, добрые хозяева запасаются оленьим мясом. Одни отправляются на Анюю выжидать летнюю плавь

¹ Который, между прочим, в той местности не водится.

² Автор слышал ту же песню в Ладозском уезде с заменой Якутска на Петербург.

³ Легкая лодка.

Пасть и засека.

Гравюра XIX в.

оленей; другие едут на лошадях в тундру к большим озерам, загоняют оленей в воду собаками, причем для этого дрессированными, и большим ножом, насаженным на длинную рукоятку, колют их. Промысел на Анюе гораздо прибыльнее, чем в тундре, но зато олени тундры крупнее и жирнее.

Пока мужчины занимаются рыбной ловлей и охотой, женщины делают запасы другого рода. Большими обществами они отправляются загодами, иногда очень далеко; под открытым небом проводят ночи, поют, пляшут и веселятся от души. Собирают еще мучнистый корень, который на Камчатке называется сарана, здесь — махрша. Этот корень, сваренный, напоминает вкусом орех. Его едят как лакомство и начиняют им пироги.

Много способствуют собиранию макарши полевые мыши. Они очень любят этот корень и запасают его в своих норках. Осенью женщины ходят по лугам и, постукивая палкой оземь, ощущают пустоту. Тогда начинают рыть и, добравшись до мышиных магазинов, опустошают их. Обыкновенно мышам кое-что оставляют, чтобы эти полезные животные не перемерли с голоду.

В сентябре идет с моря сельдь, и идет она в таком количестве, что в одну сеть попадается ее до 3000 и более. К этому же времени возвра-

щаются охотники, и поселение оживает. С волнением ожидают промышленников домашние, со страхом расспрашивают об удаче промысла, который на долгое время служит главным предметом разговоров.

Самые незначительные обстоятельства, каждое движение оленя, ловкость охотника, смекалка собаки и тому подобное рассказываются и пересказываются с такой подробностью, как будто дело идет о разгроме неприятельской армии.

По первому снегу мужчины отправляются в леса ставить ловушки, по-местному пасти. Время от времени эти пасти осматривают, берут попавшихся зверей и снова настораживают снаряды. Снаряды эти самого простого устройства, но для постановки их нужна сноровка, а для выбора места — опытность. Некоторые из охотников славятся искусством обманывать зверей и за то пользуются всеобщим уважением. Еще в большом почете находятся охотники на медведей и лосей; их отвага поистине замечательна. Два юкагира, отец с сыном, отправились однажды верхом на лисицу. Не имея удачи, они повернули уже домой и ехали понунив голову, как вдруг случайно набрали на берлогу. Для борьбы с медведем настоящего оружия не было, но они все-таки решились сделать нападение. Отец при-

Охота на лося.

Гравюра XIX в.

жался спиной к одному отверстию берлоги и закрыл его собой, а сын через другое отверстие начал колоть зверя поволокой. Медведь, чувствуя боль, метнулся в сторону, но здесь встретил облеченную в несколько шуб спину юкагира, которую он не мог донять ни когтями, ни зубами. А сын колот да колот, пока окончательно не заколол зверя.

Одному юкагиру, плывшему в лодке, случилось увидеть на берегу медведя, занятого вырыванием из земли корней. Юкагир выполз на берег, не имея другого оружия, кроме поволоки, подкрался к медведю и, обхватив его за заднюю лапу, намеревался вонзить ему в живот свой нож; но медведь, испуганный неожиданным нападением, пустился бежать и потащил за собой по пням и кочкам несчастного юкагира, который сильно расшибся.

С одним русским был такой случай: переплывая Колыму на карбасе, он увидел посреди реки сохатого¹ и задумал поживиться им. Рассчитав, что карбас не подымет такого большого зверя, если б даже и удалось убить его в воде, промышленник задумал накинуть на него веревку и при буксировать к берегу. Вышло, что он рассчитал плохо. Лось, почувствовав на себе веревку, поспешно поплыл к берегу и только что достал ногами дно, как побежал во весь дух, потащив за

собой карбас на берег и потом в лес. Промышленник позабыл и думать о добыче; он рад-радешенек был, когда ему удалось наконец выкарабкаться из своего неудобного экипажа.

Лось принадлежит к породе оленей, но он гораздо больше и сильнее; ноги у него длиннее и рог имеют лопатообразную форму, разветвленную сверху. Он водится преимущественно в лиственных лесах, питаясь молодыми побегами. От оленя он не бежит в тундры, как северный олень, а садится в реку до самого носа и в то же время ест водоросли. Охотиться на лося удобнее всего по насту, который не выдерживает тяжелого зверя и он легко делается добычей охотника.

Кроме человека, преследующего лося из-за шкуры и вкусного мяса, у этого животного есть и другие враги. Нередко росомаха спрыгивает с дерева на плывущего под ним лося; маленький горностаев впрыскивает ему в ухо, и зверь в бешенстве разбивает себе голову о дерево или бросается в пропасть. Водяной обыкновенно старается загнать лося на лед, где он падает и не может встать, хотя сильно брыкается и бьет задними ногами; из-за этого, вероятно, и сложилась басня, что он подвержен падучей болезнью.

Из домашних животных наибольшего внимания заслуживает собака. Более всякого другого животного она приноравливается к климату

¹ Лось.

и к соответственным условиям жизни. На юге собака ест бананы, на севере — питается рыбой. Крутлый год проводит она на открытом воздухе, летом вырывает ямы в земле для прохлады или сидит в воде от комаров; зимой зарывается в снег и спит, покрыв мордочку пушистым хвостом. При обучении собак езде самая трудная задача состоит в том, чтобы приучить их не бросаться по следам зверя. В этом случае выручает передовая собака, если она умна и хорошо дрессирована. Интересно видеть, с каким искусством и даже обдуманностью, если можно так выразиться, она исполняет свое дело. Заметив, что товарки ее напали на след зверя, она старается отвлечь их, и если это ей не удастся, то с лаем бросается в противоположную сторону, как будто видит там другого зверя. Во время метелей, вьюг и туманов, когда путешественник ничего не видит, чутые собаки выручают его. Если дорога потеряна, то можно быть уверенным, что собаки все-таки доведут седока до какой-нибудь поварни¹, где он может найти приют.

Летом собак используют для тяги лодок против течения. Они удобны в том отношении, что в случае надобности переплывают на другой берег и снова становятся в порядок.

Местные жители очень ценят своих собак, сознавая, что без них они пропали бы. Бедствие было действительно велико в тот год, когда на собак был падеж. В одной семье подошло их двадцать штук, и, для того чтоб сохранить двух щенков, еще слепых, хозяйка кормила их грудью вместе со своим младенцем.

В зимнее время колымчане занимаются выделкой звериных шкур, починкой сетей и другими домашними работами. В полдень девушки наряжаются в лучшее платье и идут к проруби черпать воду. Проруби играют здесь такую же роль, как у западных славян колодцы. Около них образуется нечто вроде клуба. Собираются подруги, сообщают друг другу новости, уговариваются, как провести вечер, где встретиться. Приходят молодые люди помогать девушкам черпать воду; завязываются знакомства, которые нередко оканчиваются браком.

На вечеринках выпивается невероятное количество чая; 10—12 чашек — порция самая обыкновенная. Иногда подается затрав — мука, жаренная в масле или рыбьем жире; ее разводят чаем и пьют. Этот напиток очень питателен и потому полезен при путешествиях². Редким лакомством считаются здесь кедровые орешки, из-

вестные под названием «сибирских разговоров». Они играют в собраниях такую же роль, как бильбокет Жан-Жака Руссо в французских салонах XVIII в. Занимая присутствующих и избавляя их от необходимости говорить, когда сказать нечего, они вносят в беседу больше естественности.

Замечательно, что местные жители почти не употребляют соли. Они питают к ней даже некоторое отвращение и подают ее только для приезжих.

Покончив с этнографическими подробностями о жителях, вернемся к нашему путешественнику.

По приезде Врангеля в Нижнеколымск ему отвели помещение в заброшенном доме, о котором говорили, что в нем водятся духи. Но присутствие духов обнаружилось только в том, что дуло во все щели, и их пришлось тщательно проконопатить. Для астрономических наблюдений надстроена была над домом башня.

В сообщениях сержанта Андреева, бывшего в этих краях в 1762 году, говорилось о неведомой земле к северу от Медвежьих островов, о следах многочисленного оленного народа и т. д. Но в Колымске ни о чем подобном не слышали, и Врангель имел полное основание не верить этим слухам. Тем не менее, он должен был действовать по данной ему инструкции, предписывавшей, по достижении Шелагского мыса, разделить экспедицию на два отряда, и с одним следовать на север для отыскания предполагаемой там земли, а с другим послать одного из офицеров для описания берега на восток, так далеко, как обстоятельства позволят. Для обоих отрядов требовалось 50 нарт, 600 собак и изрядное количество провианта и всяких припасов. С приездом мичмана Матюшкина начались приготовления, сопряженные с большими трудностями.

В хлопотах по снаряжению экспедиции, в научных занятиях и в ознакомлении с местными условиями жизни время проходило не скучно. С особенным восхищением любовались путешественники северным сиянием — этим чудом полярных стран.

Ни описания, ни картины не дадут надлежащего понятия об этом величественном явлении тому, кто не видел его.

В сумраке ночи появляются на небе два белесоватых столба, которые, разгораясь все более и более, соединяются наконец верхними концами и образуют свод. Мгновенно внутренность этого свода превращается в пылающее море, а из краев его отделяются снопы лучей и начинают переливаться различными цветами. Еже-

¹ Поварнями называются грубо сколоченные избушки, которые, по распоряжению правительства, разбросаны в тундрах для отдохновения и отдыха путешественников.

² Почти такое же питье из поджаренной муки, «дзамбы», разведенной чаем, пьют обитатели Центральной Азии. Весьма вероятно, что оно занесено на Крайний Север выходцами с Крайнего Востока.

На собаках против течения.

Гравюра XIX в.

минутно свод вздрагивает, а окружающая его дуга волнообразно колыхнется. Время от времени с севера появляется как бы волна то красного, то оранжевого цвета и заливают весь свод. Лучи, выделяющиеся из дуги, то стремительно взлетают вверх, то сокращаются и взлетают вновь; блеск их усиливается, и, наконец, они скопляются в одном месте и образуют так называемый венец.

Если восхищенное око от пламенеющего небосклона обратится к земле, то и здесь оно увидит все в каком-то волшебном свете. На снегу отражаются радужные лучи, и кажется, будто по нему рассыпаны алмазы, рубины и изумруды. Вершины скал одеты мерцающим блеском, который как будто выходит из скалы, как пламя из кратера. Безмолвие ночи еще больше увеличивает прелесть этого дивного зрелища.

Но вот мало-помалу бледнеет венец, световая дуга разрывается, лучи становятся реже, короче и бесцветнее. Вскоре по всему небесному своду неправильно разбрасываются широкие, бледные пятна, которые постепенно сливаются и исчезают. Темная ночь поглощает волшебную картину, и снова мрак царит над пустынным ландшафтом.

День готовит зрелище не менее эффектное: появляются миражи, по разнообразию своему крайне интересные. Горы, лежащие к югу, представля-

ются в искаженном виде, висющими в воздухе или опрокинутыми. Река как будто суживается, а противоположный берег подходит к самому дому.

Но как ни пленительны красоты природы, все же они не могут удовлетворить человека, привыкшего к обществу себе подобных. В этом-то и нуждались путешественники. Колымчане доставляли интересный материал для наблюдений, но по образованию и развитию они не могли удовлетворить европейцев, а потому Врангель и его товарищи очень обрадовались, когда в декабре месяце неожиданно прибыл английский пешеход Кокрен, которого привело в эти страны ненасытное любопытство.

Февраль доставил новую пищу для наблюдений. В феврале бывает в Нижнеколымске ярмарка, самое веселое время для обывателей. Сюда заезжают купцы, едущие в Островное на чукотскую ярмарку. Обыватели ожидают приезжих с большим нетерпением, выбегают на улицу, караулят. Вот появляется на горизонте облако пара, означающее путь каравана; всякий, кто только может двигаться, бежит навстречу друзьям и знакомым. Среди ликования и песен въезжает караван в острог и распределяется по домам. Несколько дней кряду веселятся колымчане до поздней ночи. Веселятся по-своему и собаки, которых собирается здесь множество. Они вступают друг с другом

в кровавые битвы, и хозяевам приходится зорко следить за тем, чтобы не остаться со своим товаром вовсе без перевозочных средств.

Дружба и кумовство не мешают купцам обделять свои делишки, продавая товар по баснословно дорогим ценам. Особенно ловко объегоривают они бедных инородцев, которые очень пристрастны к водке, благодаря, вероятно, ее согревающему свойству. С непривычки инородцы скоро пьянеют и в такие минуты готовы не только продешевить весь свой промысел, но и отдать его за стакан водки.

С отъездом купцов в Островное (250 верст) жизнь вступает в обычную колею. С наступлением весны жители отправляются на промыслы, острог пустеет, многие дома заколачиваются и прежнее оживление сменяется мертвой тишиной.

Жители Нижнеколымска одарены крепким телосложением и хорошим ростом. Красивые лица между ними не редкость. Они сохраняют бодрость до глубокой старости и очень поздно седеют.

Глава III

Первое путешествие по льду. Шелагский мыс

Все старания достать потребное количество нарт и упряжек не привели к желаемому результату. Пришлось изменить первоначальный план и ограничиться пока небольшой экскурсией к востоку, чтобы, вернувшись в Нижнеколымск к сроку заготовки полного количества нарт и собак, пуститься уже в продолжительное путешествие на север.

Матюшкин поехал в Островное, чтоб познакомиться с чукчами, закупить у них нужные для нарт моржовые ремни и китовые ребра, а главное — подготовить их к прибытию русских. Он должен был сказать чукчам, что посещение их берегов делается с целью отыскать свободный от льдов проход для судов с товарами, доставка которых сухим путем обходится очень дорого.

В распоряжении Врангеля осталось всего девять нарт, из которых шесть были отправлены в Сухарное с провиантом. В восточном устье реки Колымы, в 120 верстах от Нижнеколымска, есть низменный остров, на котором построено два сарая, предназначенных служить убежищем колымчанам, приезжающим сюда на промыслы. Это жалкое подобие человеческих жилищ и есть Сухарное. Верст за пятьдесят отсюда исчезает даже стелющийся кустарник; глазу представляется необозримая снежная равнина, и ужасное однообразие прерывается только кое-где расставленными ловушками для песцов.

Девятнадцатого февраля Врангель со спутником своим Козьминым двинулся на трех нартах из Нижнеколымска. Важнейшие жители города провожали отъезжающих до маленького, невдалеке лежащего озера. На прощание они советовали остерегаться чукчей, которые будто бы относятся к русским так враждебно, что последние не решаются ездить далее Баранова Камня. На деле, однако же, оказалось, что весь берег от Колымы до Шелагского мыса был необитаем, и только изредка посещали его чукчи, приходившие сюда поохотиться или собрать выброшенный морем лес. Но и они не заходили дальше Баранова Камня, так что весь берег от Колымы до Шелагского мыса, всего верст на восемьдесят, мог считаться полосой нейтральной.

«Еще не достигли мы Сухарного, — пишет Врангель, — как уже стемнело. Мы никак не могли рассмотреть занесенных снегом балаганов и, вероятно, проехали бы мимо, если б нам не указали места их искры, вылетавшие из верхних отверстий вместе с дымом. Измученные собаки повернули в сторону, побежали скорее и остановились у снежного бугра, где проводник уведомил нас, что мы приехали в Сухарное. Пока я осматривался во все стороны, отыскивая что-нибудь похожее на человеческое жилище, к великому удивлению моему, вылезли из-под снега один за другим наши три казака, посланные вперед. Они провели нас сквозь отверстие, вырытое в снегу с подветренной стороны, в балаган, где мы с радостью нашли горящий огонь и могли спокойно отдохнуть до утра».

Все принадлежности остановок, провиант и инструменты нагружены были на нарты и привязаны так крепко, что нарта могла опрокидываться без всякого вреда для багажа. Посредине воза усаживался вожак, имея в руках ремень и оштол. Эту палку с железным наконечником употреблял он как тормоз, втыкая ее с той стороны, куда клонилась нарта.

Иногда он соскакивал и поддерживал нарту сам. Путешественники, хотя и сидели не на возах, а на нартах, для них предназначенных, но также должны были балансировать и нередко совсем соскакивать. Караван двигался таким порядком: Врангель ехал впереди, а Козьмин замыкал шествие. Между ними находились нагруженные нарты, каждая не менее 25 пудов. Дорога по замерзшему снегу была легка, и собаки без труда делали десять-двенадцать верст в час.

Сокращая дорогу, экспедиция не огибала Медвежьего мыса, а поехала прямо через перешеек, соединяющий его с твердой землей. Двадцать третьего февраля путешественники прибыли к маленькой речке, на берегу которой стояла поварня. Здесь нашли хорошо сохранившийся крест, поставленный экспедицией Биллингса в 1787 году. Поварня была завалена снегом и льдом. Раскрыли крышу и дружными усилиями очистили поварню. Она оказалась очень мала, и только четыре человека могли поместиться в ней, да и тем пришлось лежать так близко к огню, что искры осыпали их платье и одеяла. К тому же от таявшего снега вода бежала из щелей ручьями. Люди приютились в палатке, в которой было хотя и холодно, но сухо. По вечерам, на ночлегах, офицеры проверяли сделанные ими наблюдения и съемки и, к удовольствию своему, находили их вполне согласными с наблюдениями Биллингса и картами Сарычева.

Двадцать четвертого путешественники ехали уже по льду, вдоль морского берега. Везде почти берег был плоский, только в окрестностях Баранова Камня встречались выдающиеся мысы, которые образовали скалистые возвышения причудливой формы; к югу виднелась цепь гор.

Проехав 34 версты, путешественники остановились на берегу речки, прозрачный лед которой обещал хорошую воду. Здесь нашли много наносного лесу и развели исполинский костер. С 1765 года место это не было посещено русскими. Последним из них был купец Шалауров, поплатившийся жизнью за смелую попытку пробраться через Ледовитый океан в Тихий.

Намереваясь оставить здесь часть взятого с собой провианта про запас на обратный путь, путешественники принялись строить «сайбу», где могли обезопасить свои припасы от песцов и росомех. Врыли в снег четыре столба футов в девять вышины; укрепили на них бревенчатый ящик, положили туда запасы и покрыли их бревнами и снегом. Потом занялись устройством палатки: шесть тонких шестов воткнули в снег и концы их связали; обтянули все легким, из оленьих кожшитым покрывалом, и таким образом образовалась остроконечная палатка в 10 футов вышины и более 12 футов в поперечнике. Вверху оставили отверстие для дыма; в середине, на привезенной с собой

плите разложили огонь, наполнявший всю палатку едким дымом, который нестерпимо ел глаза. Когда огонь разгорелся, дым стало выносить вверх.

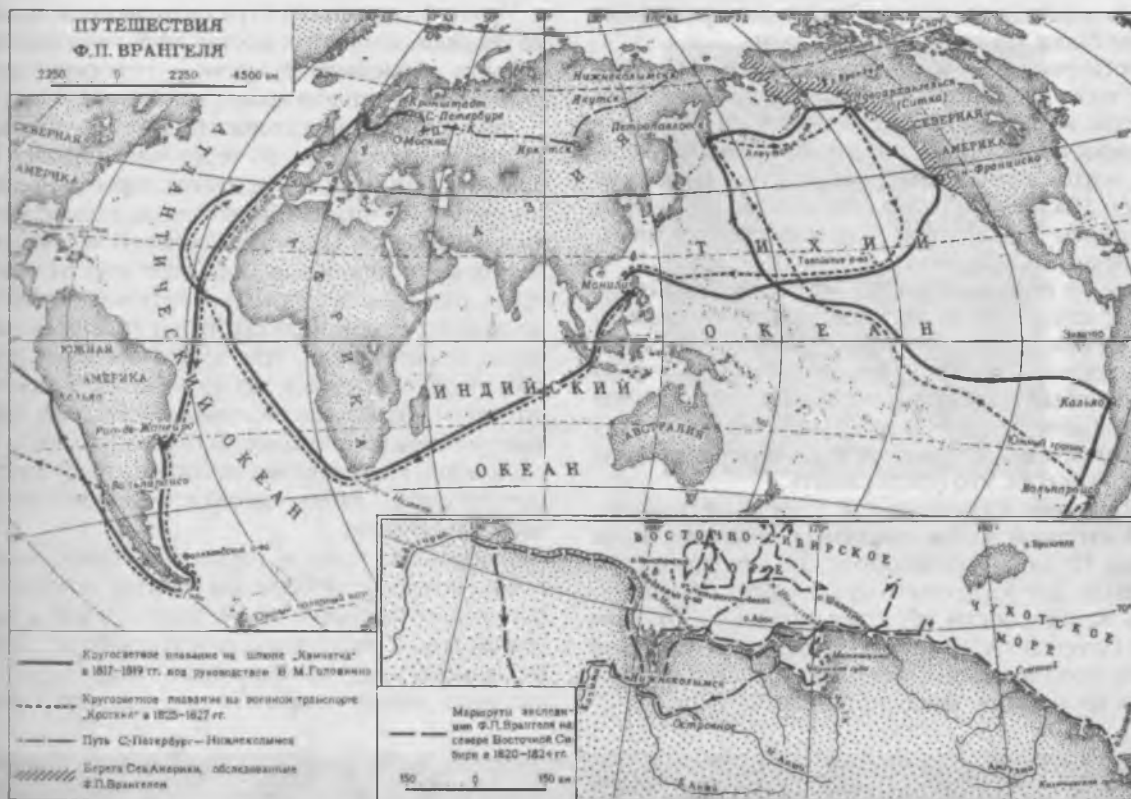
При господствующей здесь бурной погоде воздушное жилище было в постоянном движении и изгибалось то в ту, то в другую сторону, что нимало не беспокоило присутствующих. Гораздо неприятнее бывало, когда ветер срывал жизнь палатку, что иногда случалось. Впоследствии и к этому применились: заваливая основание палатки снегом, давали ей желаемую устойчивость.

Когда палатка была раскинута и костер разведен, приступали кстряпне. Первым делом наполняли чайник льдом или снегом и вешали на огонь. После двух-трех чашек чаю появлялась жизнь и веселость в онемевшем от холода обществе. Чай пили чашек по десять-двенадцать с одним куском леденца; иногда присоединяли к нему ржаные сухари или юколу. Между чаем и ужином проводники выходили к собакам, осматривали привязи, необходимые для того, чтобы собаки не убежали по следам зверя, и давали каждой назначенную порцию рыбы. Пока кормились собаки, проводники переворачивали нарты и обливали полозья растопленным снегом. Полозья обмерзали и потом скользили по снегу с удивительной легкостью.

Пока варился ужин, состоявший из мясного или рыбного супа, офицеры занимались проверкой наблюдений. Когда ужин был готов, все садились в кружок и ели вместе, черпая ложкой прямо из котла. После ужина все ложились спать, не снимая одежды, кроме сапог и чулок, которые нужно было снять, чтобы просушить. Такая предосторожность была необходима, так как в сырой обуви легко отморозить ноги. С Козьминым однажды едва не случилось такой беды. Весь день у него зябли ноги, и когда вечером он стал снимать чулки, оказалось, что они примерзли к ногам. К счастью, ноги не были еще отморожены, и их оттерли водкой.

Пока все нарты были вместе, путешественникам приходилось располагаться на ночлег, как спицам в колесе: головами к огню, а ногами к стене. Во время ночи огонь не поддерживался и малопомалу потухал. В шесть часов вставали снова, разводили огонь и мылись снегом. Потом пили чай и принимались доедать разогретый ужин. Это называлось обедать. Наконец все убрали, нагужали нарты и часов в девять отправлялись в путь. Такой порядок поддерживался постоянно изо дня в день.

Двадцать пятого февраля, при 25-градусном морозе, поднялся такой резкий ветер с выюгой, что пришлось сделать остановку не в положенное время. Метель продолжалась всю ночь, и холод был так силен, что даже у костра и под одеялом нельзя было согреться. Приходилось несколько раз вставать и прыгать, чтоб привести кровь в движение. Палатка за ночь так обледенела, что ее с трудом можно было свернуть и нагрузить на нарты.

Маршрут путешествия Ф. П. Врангеля

Двадцать седьмого февраля холод усилился до того, что проводники принуждены были на- жать собакам что-то вроде сапог и более оголен- ные места тела обвязать лоскутками шкур. Это значительно замедлило бег собак, и были дни, когда удавалось делать не более 26 верст. К сча- стью, по берегу лежало много наносного леса, с- славившего топливом; иначе положение людей, брошенных в этот суровый край, оказалось бы безвыходным.

На море, по направлению к северу, показы- вались иногда белая полоса, часто вводившая путешественников в заблуждение. Они прини- мали ее за землю, тогда как это были просто торосы, то есть огромные льдины, нагромо- женные одна на другую, подобно скалам. В таких местах эти торосы достигали 100 футов вышины и издали, по своим разнообразным очертаниям, часто давали повод к ошибочным заключениям.

Сильный холод чрезвычайно затруднял астрономические наблюдения, ртуть замерзала, при малейшем прикосновении пальцев к металлическим частям инструментов кожа тотчас примерзала к ним, и ее приходилось отди- рать со страшной болью. Стекла и зеркала инст-

рументов тускнели. Несмотря на это, офицеры понемногу приловчились и ухитрились произ- водить наблюдения. Чтоб предохранить хроно- метры от влияния холода, Врангель носил их на себе, а ночью клал с собой под одеяло. Но, несмо- тря на все предосторожности, однажды ночью, когда огонь потух, холод коснулся хронометров и, заморозив масло, остановил их движение.

В некоторых местах по берегу попадались сле- ды становищ чукчей. Проводники страшно пуга- лись и умоляли путешественников возвратиться, но Врангелю удавалось быстро успокаивать их. Хотя он и не разделял опасений проводников, но из предосторожности счел за лучшее на ночь выставлять караул.

Первого марта проехали открытый Шалау- ровым пролив Сабадей, отделяющий остров того же названия от материка. В тот же день пу- тешественники наблюдали интересное явле- ние. На северо-восточной части горизонта по- казалось темно-серое облако, из которого протягивались к противоположной части неба беловатые лучи. При этом солнце светило яр- ко. Казацкий сотник Татаринцов уверял, что темное облако было не что иное, как подняв- шиеся испарения из только что образовав-

шейся во льду трещины. Такого же происхождения были, по его мнению, и лучи.

От Песчаного мыса экспедиция ехала то по берегу, то по льду. Берег был совершенно плоский и летом, вероятно, заливался водой. На всем протяжении пути устраивались сайбы, а разгруженные нарты отправлялись обратно в Нижнеколымск. После четвертого склада остались только три нарты с Врангелем, Козьминым и провиантом при трех возницах.

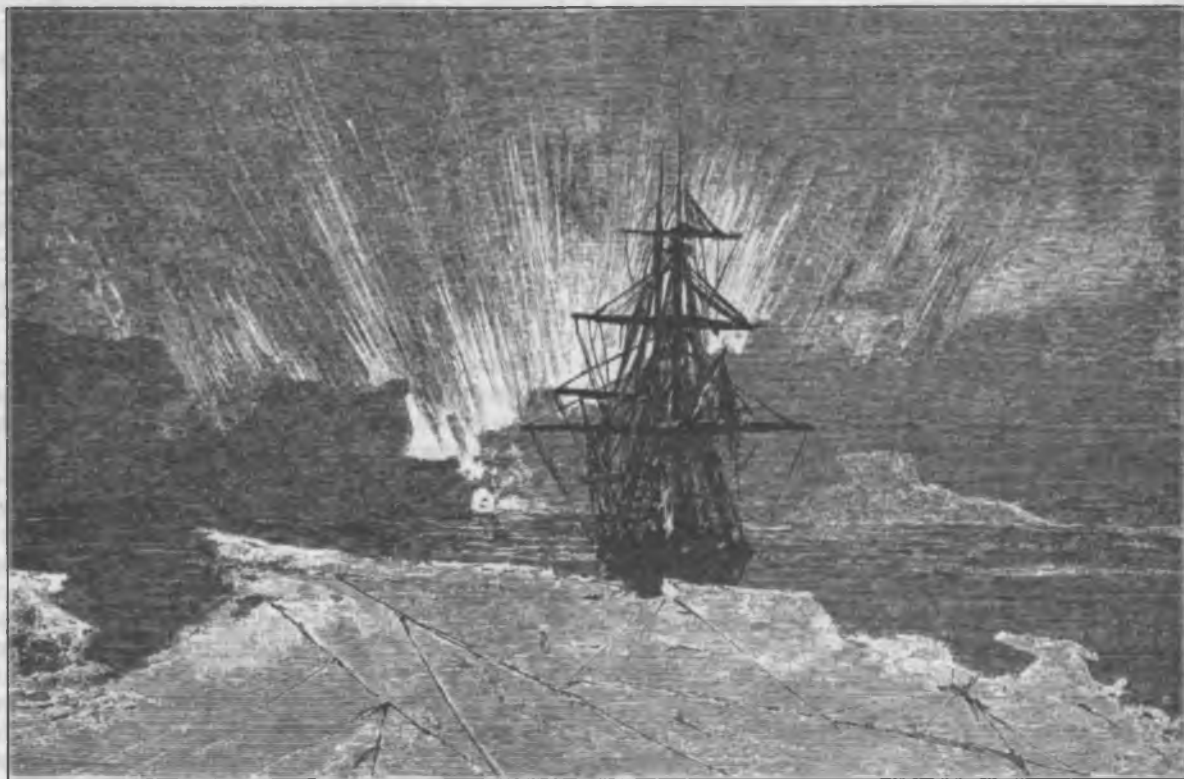
Вскоре к трудностям и лишениям, соединенным с арктической экспедицией, прибавились еще мучительные сомнения относительно успеха поездки. Истинное положение Шелагского мыса не было еще определено, и много времени могло быть потрачено на отыскание его; между тем запасы приходили к концу, и путешественники не знали, что предпринять.

Пока они находились в нерешительности, на восточной части горизонта показались два холма. Проводники вообразили, что это и есть та земля, которую они ищут, и очень обрадовались возможности убраться подальше от чукчей. Путешественники уже надеялись, что они видят предмет своих желаний, Шелагский мыс, и с нетерпением ожидали рассвета.

Утром было всего 18 градусов мороза, и казаки уверяли, что в этих местах не бывает никогда больше. «Счастливые чукчи,— говорили казаки,— в каком теплом краю они живут».

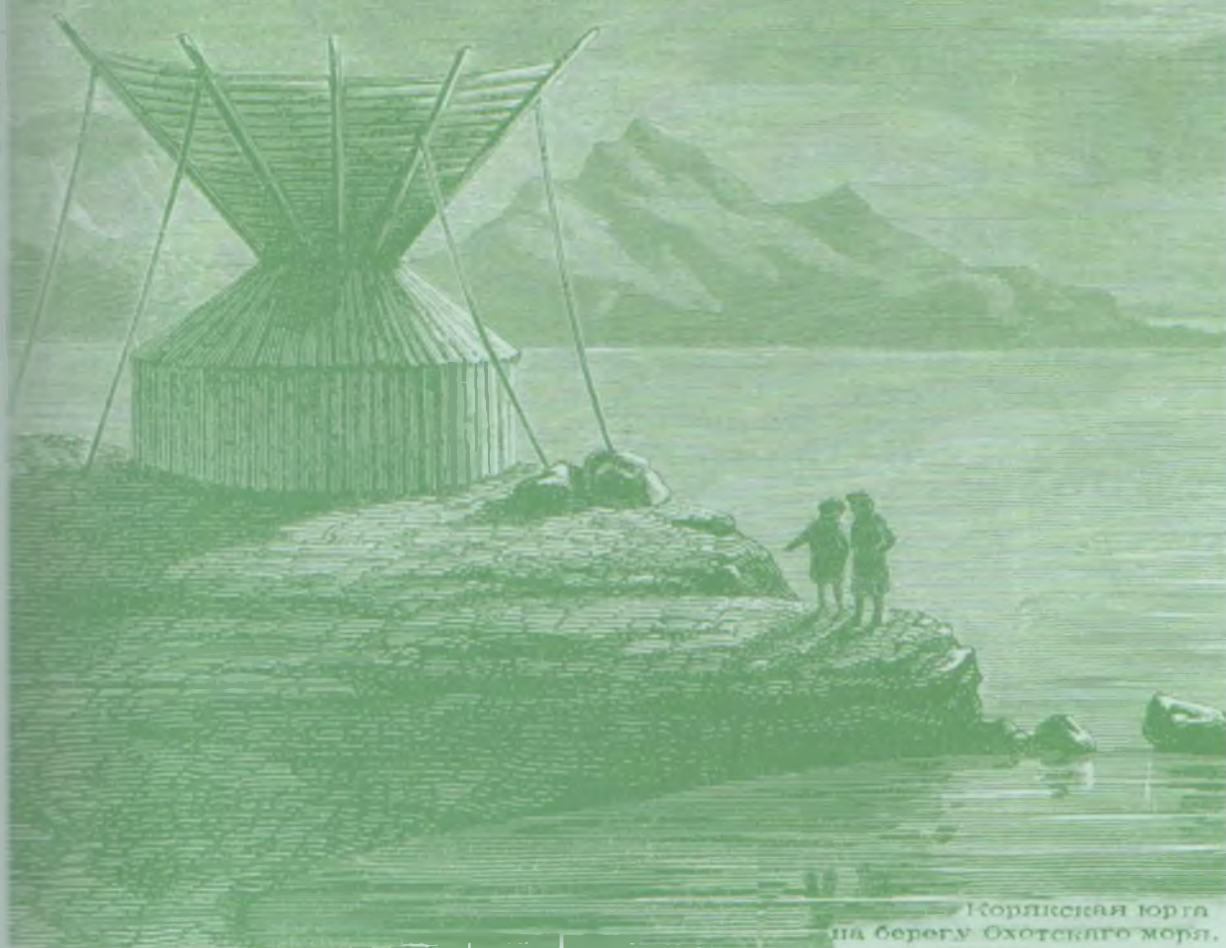
«Мы ехали,— рассказывает Врангель,— то между ледяными громадами, то через них, стараясь направлять путь наш на виденные горы; но вскоре мы уверились, что они были гораздо дальше, нежели нам казалось. Наступали сумерки, и усталость наших собак, пробежавших в этот день 61 версту, принудила меня остановиться на ночлег между торосами. Здесь заметили мы, что на виденном нами мысе поднимались три куполовидные горы, а к югу от них тянулся ряд холмов, обставленных по скатам такими же каменными громадами, какие заметили мы при Барановом Камне. В пылком воображении наших проводников эти обломки скал превратились в лагерь чукчей, готовившихся отразить пришельцев.

С вершины ледяной горы в пять сажен вышины, на которой разбили мы палатку, показалось нам вдали открытое море, отражавшее в прозрачной воде черные скалы и утесы берега, принимаемого нами за Шелагский мыс. Через несколько минут открытое море превратилось

Северное сияние.
Гравюра XIX в.

Неизвестный художник.
Портрет Витуса Беринга.
Первая половина XVIII в.

Корлякская юрта
на берегу Охотского моря.

Коряки.
Литография. Начало XX в.

в гладкую ледяную равнину, которая быстро покрылась неровностями и возвышениями. Потом появилось опять море, на смену ему опять льдины, и все это было не что иное, как мираж. Скольких путешественников вводили эти миражи в заблуждение, побуждая стремиться к воображаемой земле и вместо нее находить разочарование».

Проехав около тридцати верст между высокими торосами и перебравшись с большим трудом через острогранную ледяную стену, достигли наконец путешественники северо-западной оконечности Шелагского мыса. Путь около него превзошел трудностью и опасностью все доселе испытанное. Часто принуждены они были карабкаться на крутые, в девяносто футов вышиной, ледяные горы и с такой вышины спускаться по крутизне, каждую минуту опасаясь переломать сани, задавить собак или низвергнуться вместе с ними в ледяную пропасть. Иногда должны были путешественники пробираться по большим пространствам, проваливаясь по пояс в рыхлый наносный снег. Другой раз встречали они между торосами не покрытые снегом места, усеянные острыми кристаллами морской соли, отдиравшими лед с полозьев нарт и до того затруднявшими езду, что приходилось самим впрягаться и с чрезвычайными усилиями вместе с собаками тянуть нарты.

Итак, цель поездки была достигнута, Шелагский мыс найден. Проехав еще верст 40 на восток, Врангель повернул назад. Запасы подходили к концу, и он не считал возможным продолжать путь далее. Чтоб обозначить предел поездки, на возвышенном месте сложили пирамиду из огромных камней, а на Шелагском мысу водрузили крест, выжгли на нем год, месяц, число и поставили его на одном из высочайших утесов. Всего пройдено было от Нижнеколымска 418 верст.

Вечером путешественники любовались прекраснейшим северным сиянием. Небо было чисто и безоблачно; звезды блистали ярким арктическим светом. При легком ветре поднялся огромный светящийся столб, и лучи его, подобно широким пламенным полосам, разливались по небу, волнуясь и изменяя цвета. Судя по скорости движения лучей, надо было полагать, что северное сияние было к земле ближе обыкновенной высоты облаков.

Чтобы миновать торосы, обратный путь совершен был берегом. Этим же путем, вероятно, возвращался в 1700 году Тарас Стадухин, безуспешно пытавшийся обогнуть на коче Шелагский мыс. Бросив коч, он возвратился в Нижнеколымск сухим путем.

На обратном пути Врангель открыл два мыса; одному он дал название Козьмина, другому — Матюшкина. Достигнув того места, где устроена была четвертая сайба, путешественники имели удовольствие найти все в целости, что было очень кстати, так как накануне они прикончили все свои запасы. С другими сайбами не обошлось так благополучно; в них уцелели только рыбьи кости: песцы и росوماхи истребили остальное. Несмотря на бережливость, с которой распоряжались провизией, ее не хватило, и путешественникам пришлось два дня оставаться без пищи. Врангель утешал товарищей тем, что вследствие сделанного им распоряжения они найдут в Сухарном присланные из Нижнеколымска нарты с провиантом. Надежды эти не осуществились, и путешественники принуждены были, томимые голодом, продолжать путь на обессиленных и измученных собаках.

Четырнадцатого марта прибыл наконец караван, за 23 дня сделавший всего 1 122 версты. Можно себе представить, какое наслаждение испытали путники, очутившись в теплой комнате и подкрепившись вареной пищей. В эту минуту Нижнеколымск показался им раем.

Глава IV

Чукотская ярмарка. Нравы и обычаи чукчей

Девятнадцатого августа возвратился Матюшкин из Островного, где он с успехом исполнил данное ему поручение. Чукотские старшины, всегда отличавшиеся недоверием и неприязнью к русским, приняли с удовольствием привезенные для них подарки и уверяли, что русские встретят самый радушный прием, если посетят их страну. Поездка Матюшкина была первой попыткой к ознакомлению с этим диким племенем, и краткое извлечение из его отчета будет, конечно, небезынтересно читателям.

Четвертого марта выехал лейтенант Матюшкин из Нижнеколымска на двух нартах. Сопровождали его казак-якут, знавший чукотский язык, и англичанин Кокрен. Последний рассчитывал отправиться с возвращающимися из Островного чукчами на Чукотский мыс, а оттуда в Америку.

Восьмого марта прибыли путешественники в местечко Островное, громко величаемое крепостью. Островное лежит на одном из островов, образуемых рекой Анюем, и отстоит от Нижне-колымска на 250 верст. Во время ярмарки приезжие чукчи разбивают свои палатки на маленьком острове, недалеко от места торгога. Они располагаются девятью отдельными станами, каждый родоначальник со своими домочадцами особо. Прежде чем отправиться в Островное, чукчи обыкновенно ездят с Чукотского носа в Америку, чтобы набрать там мехов и моржовых клыков, и двигаются уже в Островное с женами, детьми, оружием, товарами, оленями, палатками — словом, с целым домом; настоящее переселение народов. Выбирая для перехода места, обильные мхом, чукчи часто уклоняются от прямого пути и проводят в дороге от пяти-шести месяцев. При переходе через степи следует за караваном множество саней, нагруженных мхом для оленей. Караван чукчей состоит приблизительно из 300 человек, в том числе от 100 до 500 воинов. В Островном чукчи проводят недели две и, сделав торговые обороты, возвращаются назад.

Своих собственных товаров чукчи привозят мало; они являются как бы посредниками в торговле между русскими и американцами.

К американским товарам принадлежат меха черных и черно-бурых лисиц, песцов, куниц, бобров, медведей; также моржовые ремни и клыки. Из своих произведений чукчи доставляют полость из китовых ребер, мешки из тюленьей кожи и одежду из оленьих шкур. Прежде привозили они каменное оружие, но за отсутствием спроса оно исчезло из обращения.

Русские товары состоят из табаку, домашней утвари и множества разноцветного бисера для женщин. Открытая торговля вином и водкой запрещена правительством, что не мешает кулакам производить ее тайно.

Кроме чукчей собираются в Островное все соседние племена с территории на 1 000—1 500 верст в окружности. Юагиры, ламуты, тунгусы, чуванцы, коряки приезжают сюда во множестве и привозят свои товары. Различия в одежде, физиономиях и приемах представляют богатый материал для наблюдателя.

Десятого февраля русские купцы и чукотские старшины собираются в крепость, где выслушивают от комиссара правила торгога и устанавливают таксу на товары. Тут же комиссар собирает с чукчей небольшую плату за право торговли. Потом в русской часовне совершается богослужение христианское, а у инородцев — шаманское, на башне поднимается флаг, и ярмарка считается открытой. Чукчи, вооруженные копьями и стрелами, оставив свой остров, в порядке

приближаются к крепости и на косогоре располагают свои сани с товарами в виде полукруга. Русские и другие купцы помещаются напротив и с нетерпением ждут колокольного звона. С первым ударом колокола точно сверхъестественная сила подхватывает с русской стороны толпы мужчин и женщин и бросает их враспыленную среди чукчей. Каждый старается опередить другого, чтобы схватить лучшее и повыгоднее сбыть свои товары. Русские купцы, обвешенные топорами, ножами, трубками, бисером и проч., тащат в руках тюки с табаком, котлы или что-нибудь в этом роде и, нагруженные насколько возможно, перебегают от одних саней к другим. торгуются, клянутся, ругаются... Шум и гам стоят невообразимые; толкотня неописуемая. Иной споткнется и упадет, другой перескочит через него; упавший обронит шапку или рукавицы. но в пылу торгашеской горячки не обратит на это внимания и, вскочив, бежит с непокрытой головой и голыми руками по 30-градусному морозу, чтобы только наверстать потерянное время. Совершенно иначе держат себя чукчи. Спокойные, невозмутимые стоят они у саней своих, опершись на копыя, молча берут нужные им товары и отдают свои; если же предлагаются вещи им ненужные или торг кажется им невыгодным, они молчат и остаются неподвижными. Хладнокровие и обдуманность чукчей дают им большое преимущество перед русскими, которые суетливостью своей много себе вредят. Интересно наблюдать за чукчей, который приобретает то, что ему нужно; без всяких весов он безошибочно определяет вес товара. Возьмет, например, в руки пуд табаку и сразу же скажет, что в нем недостает одного или двух фунтов. По проверке такое заявление всегда оказывается правильным.

Ярмарка доставила Матюшкину отличный случай исполнить данное ему поручение. Пригласив старшин Мамаока и Леута, с берегов залива Св. Лаврентия Валетку, скитающегося с бесчисленными стадами оленей в окрестностях Шелагского мыса, Эвралика, кочующего со своим племенем на берегах Чаунской губы, и некоторых других, он угостил их, одарил табаком и объявил, что государь поручил ему осмотреть Ледовитое море с его берегами для того, чтобы найти легчайшее средство провозить морем потребные чукчам товары. «Весьма возможно, — прибавил он, — что во время экспедиции нам придется выходить на берег, принадлежащий чукотскому племени, и, если мы встретим радужный прием со стороны туземцев, то за все оказанные нам услуги они будут щедро награждены».

«Не на зло, а на пользу дано нам это оружие!» — торжественно воскликнул Валетка, схватившись за серебряную рукоятку кортика, подаренного

отцу его от имени императрицы Екатерины II. Все остальные старшины дали Матюшкину руки и обещали не только встретить русских дружелюбно, но и оказывать им всякое содействие.

Не так удачны были переговоры Кокрена. Выдавая себя за купца, он просил чукчей доставить его в Америку. Леут запросил непомерную цену, а Валетка выказал замечательное бескорыстие. Он предложил довести англичанина до своего кочевья да там, а потом передать его своим родственникам на Чукотский нос. Такое бескорыстие показалось Кокрену подозрительным, и он предпочел возвратиться в Нижнеколымск.

Во время пребывания в Островном Матюшкин старался собрать как можно больше сведений об интересном племени чукчей, которые из всех племен Северной Азии в наибольшей степени сохранили свою народность. По образу жизни они мало разнятся от прочих инородцев Сибири, но по внутренним качествам значительно выше их.

До покорения Сибири чукчи и другие племена Северной Азии занимались разбоями, грабежами и жили в постоянной вражде со своими соседями. Первые набеги русских значительно ослабили эти междоусобия и сблизили враждующие племена. Во время борьбы туземцев с якутскими войсками Павлудским и Шестаковым в 1750 году инородцы заключили между собой нечто вроде оборонительного союза. Когда инородцы были побеждены, многие из них покорились русскому царю; чукчи же удалились на Крайний Восток, долгое время чуждались победителей и недоверчиво относились к ним. Слухи о миролюбии русских поколебали наконец это недоверие, и чукчи начали завязать с ними торговые сношения.

Чукчи так же, как и тунгусы, делятся на кочевых и оседлых «онкилонов», которые живут по берегам Анадырской губы и Берингова пролива. Последние значительно отличаются от первых сложением, одеждой и языком. Эти «онкилоны» (морские люди) живут рыбными промыслами, китовой, тюленьей и моржовой охотой. Избыток своих запасов они отдают оленным племенам, получая от них взамен продукты оленеводства: мясо, шерсть и шкуры.

Жилища чукчей все на один лад; основой им служат китовые ребра, покрышкой — шкуры. Они имеют вид палатки, но одна сторона у них совершенно прямая. Внутри палатки устраивается еще палатка поменьше, которая служит спальной и приемной.

Тюлени.
Гравюра XIX в.

Для ловли тюленей чукчи употребляют сети из моржовых ремней, растягивая их подо льдом. Особенно хитро ловят чукчи волков. Заострив с обеих сторон толстый китовый ус, сгибают его в колечко и, связав сухожилием, обливают водой. Когда вода замерзнет, сухожилие разрезают, колечко обмазывают жиром и во множестве разбрасывают по тундре. Волк, найдя такое кольцо, с жадностью глотает его, лед у него в желудке тает, кольцо разгибается, и зверь издыхает в страшных мучениях.

Чукчи не лишены понятия о чести, но нравы их крайне суровы. У них существует обычай убивать детей хилых или рожденных с физическими недостатками. Такая же участь постигает и стариков. Нередко старики сами, как, например, отец Балетки, чувствуя упадок сил, просят, чтобы их прикончили. Обязанность эту обыкновенно принимает на себя ближайший родственник, и делает это торжественно, точно священнодействует. Шаманы и здесь в большой силе; приговору их покоряются беспрекословно. Случился однажды большой падеж оленей, угрожавший голодной смертью целому племени; шаман, призванный на помощь, объявил, что разгневанные духи требуют принесения в жертву Кочена, любимого старшины чукчей. Долго любовь народа оберегала Кочена, но так как падеж не прекращался, то чукотский Курций собрал народ и объявил, что он покоряется воле духов и готов умереть. Несмотря на это, народ колебался и никто не решался поднять руку на общего любимца. Собственный

сын Кочена должен был взять на себя обязанность палача. Вонзив нож в грудь отца, он передал труп его шаманам.

Теперь возвратимся к нашему путешественнику.

Ласковый прием, оказанный Матюшкиным старшинам, произвел на них прекрасное впечатление. На другой день Леут пригласил лейтенанта к себе, и последний, конечно, не упустил случая осмотреть лагерь чукчей и их жилища.

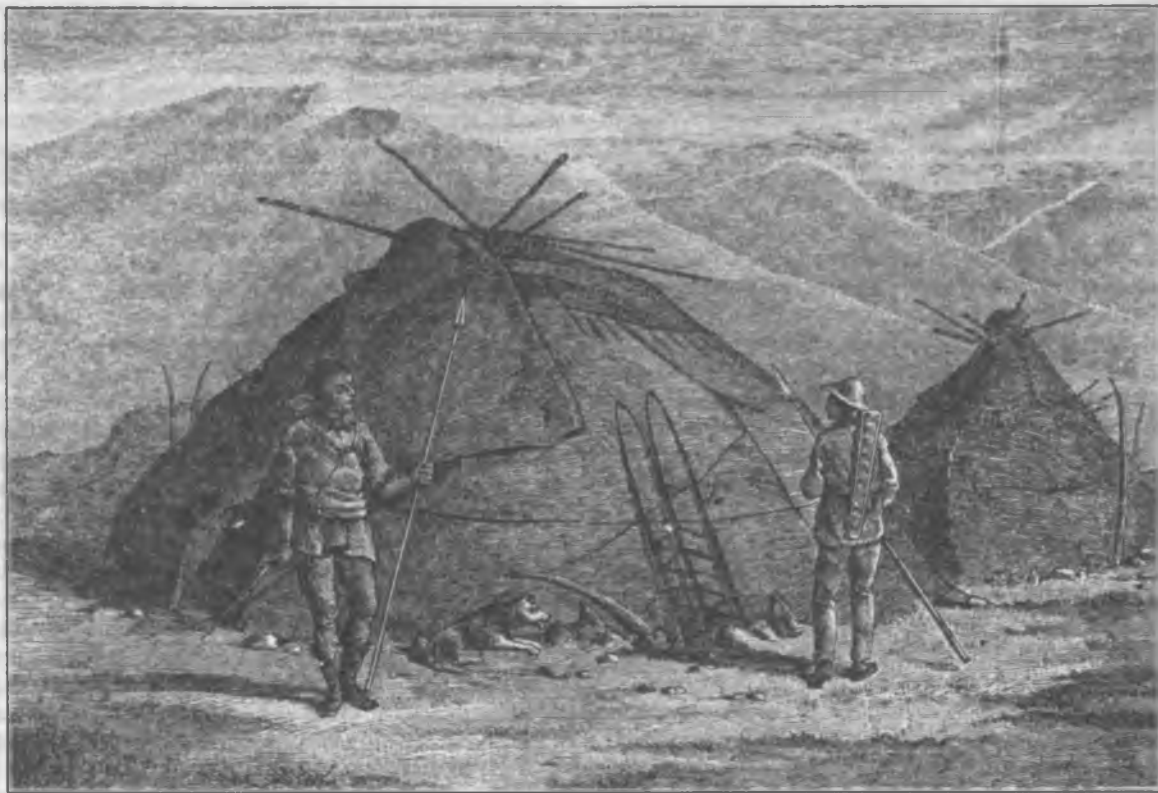
Чукотский лагерь представлял картину довольно живописную. Палатки расположены были группами по десять-двадцать штук, сообразно числу людей в роде. Посредине каждой группы, прислоненный к дереву, стоял высокий шатер старшины рода. На ветвях развешаны были луки, колчаны, одежды, меха и т. п.; к дереву привязаны олени, оставленные для ближайших поездок; остальные паслись в тундре, выгребая из-под снега копытами мох.

При входе в палатку Матюшкин был встречен старшиной и приглашен в полог, т. е. во внутреннее отделение палатки. Такая честь оказывается не всякому и выпадает на долю только почетных гостей. В пологе горел ночник из мха с тюленьим жиром и чадил невыносимо. Матюшкин с непривычки

чуть не задохнулся. Заметив его замешательство, жена и дочь хозяина громко засмеялись. Жена тотчас же юркнула под шкуру, служившую дверью, и отправилась по хозяйству, а дочь продолжала молча заниматься своим туалетом, вплетая бисер в свои косматые, намазанные жиром волосы. Погода немного. хозяйка принесла в грязной деревянной чашке вареную оленину без соли и, прибавив туда порядочную порцию полупротухшего китового жира, пригласила гостя закусить. Чтоб не обидеть хозяина, Матюшкин отведал лакомого блюда, от которого его чуть не стошнило. А Леут ел да похваливал, объясняя своему гостю, что его жена большая мастерица готовить китовый жир так, чтоб он приобрел надлежащую степень горечи.

Слушая чукчу, объяснявшего на ломаном русском языке, Матюшкин только и думал, как бы ему вырваться на воздух. Долгое время запах полога оставался в его платье, несмотря на выколачивание и проветривание.

Леут считался одним из образованнейших и богатейших чукотских старшин, и приглашение его сразу же подняло авторитет русского офицера в глазах всего племени. Из разговора с русскими купцами Матюшкин узнал, что чукотский язык

Хижины береговых чукчей.

Гравюра XIX в.

очень труден, потому что в нем много гортанных и носовых звуков. Многие звуки напоминают гогот гуся, хorkанье оленя или лай собаки.

Другой старшина, Макамок, предложил лейтенанту присутствовать на народных играх чукчей, что было гораздо приятнее, так как не угрожало ни обонянию, ни вкусу.

Недалеко от крепости, на льду, очищено было место для бега, и зрители собирались туда толпами. Для победителей назначались бобровый и песцовый меха и два отличных моржовых клыка. Начался бег оленей, управляемых чукчами с удивительной ловкостью. Потом чукчи бегали взапуски, и бегали чрезвычайно быстро, несмотря на то, что оставались в той же тяжелой одежде, как и всегда. Особенно поражала их неутомимость: они пробежали 15 верст без остановки как ни в чем не бывало. Победители получили призы и гордились ими, но еще больше гордились они одобрением публики. После игр началось угощение, состоявшее из кусочков вареной оленины. Во все время игр и после них господствовал полный порядок. Не было ни толкотни, ни споров, и каждый вел себя тихо и благопристойно.

На другой день к Матюшкину в гости пришло целое общество чукчей, мужчин и женщин. Он предложил им чаю и леденцов, но они приняли только последнее; чай им не понравился. Получив в подарок несколько ниток цветного бисера, чукчи развеселились, и женщины вызвались плясать.

Танцы их были не так грациозны, как оригинальны. Пятнадцать женщин в тяжелой неуклюжей одежде столпились в кучу и принялись под звуки нескладной монотонной песни передвигать ногами и сильно махать руками. Говорят, в этой пляске большую роль играет мимика, но значение этой мимики было недоступно для Матюшкина. В заключение три лучшие танцовщицы вызвались проплясать любимый народный танец, от которого все соотечественники их были в восхищении.

«Мы же, — рассказывает Матюшкин, — непосвященные в таинства чукотского вкуса, видели, как три чукотские грации, схватившись за руки, делали самые невозможные гримасы».

Общее утомление положило конец балу. По совету толмача, Матюшкин предложил трем солисткам табаку и водки. Все общество было этим очень довольны, и чукчи расстались с хозяином в наилучшем расположении духа, неоднократно приглашая его посетить их отчину.

На шестой день ярмарка окончилась. Чукотские старшины пришли проститься с Матюшкиным и потом бесконечным караваном потянулись в свое отечество. Уехали и остальные посетители ярмарки, а вместо них появились стаи голодных лисиц и песцов, уничтоживших в короткое время все кости и остатки пищи, горами валявшиеся около жилищ и стана.

Глава V

Второе путешествие по льду. Встреча с медведями. Пасха на льду

По возвращении Матюшкина в Нижнеколымск, Врангель стал готовиться ко второму путешествию по льду. Наученный опытом, он запасся многими предметами, в которых прежде терпел недостаток; между прочим, пешнями для проламывания торосов и китовыми ребрами для подвязки их под нарты при езде по соляным морским кристаллам. Провизии было взято на 30 дней, а при удачной медвежьей охоте ее должно было хватить и на более продолжительное время.

Шесть нарт с собаками, которые тщательно откармливались, ожидали путешественников в Сухарном. Двадцать второго марта отправился туда Матюшкин с четырнадцатью транспортными нартами, а 25-го прибыл в Сухарное Врангель и занялся приведением всего в порядок. Нарты, каждая с грузом в 30 пудов, были тщательно упакованы, полозья заморожены; собаки выглядели отдохнувшими и отъевшимися. Экспедиция состояла из шести человек, не считая вожаков нарт, частью русских, частью юкагиров.

Двадцать шестого марта экспедиция достигла того места у Баранова Камня, где останавливалась в предыдущий раз. На берегу лежало много наносного леса, которым и нагрузи-

ли нарты, чтоб обеспечить себя топливом надолго. Согласно инструкции, Врангель должен был направиться к северу от Шелагского мыса, но по различным соображениям он решил начать исследования от Баранова Камня, и 27 марта караван в двадцать две нарты двинулся по этому направлению, составляя линию в полверсты длиной.

В двух верстах от берега встретила целая гряда торосов, объезжать которые было очень тяжело. Местами во льду были щели. Наконец караван выбрался из лабиринта торосов, и перед ним открылась необозримая ледяная равнина, однообразием своим наводящая уныние.

Собаки, видимо, обрадовались гладкой дороге и бежали шибко. Изредка встречались на ледяной поляне отдельные, в виде скал, высокие льдины. Под защитой одной из таких скал караван собрался отдохнуть. Но только расположились путешественники на отдых, как вдруг из-за высокой льдины выскочил белый медведь с явным намерением броситься на дерзких пришельцев, вторгшихся в его владения. Ужасный лай и вой сотни собак устрасил зверя, и он побежал прочь. Внезапно все вскочили и, вооруженные ружьями, копьями и стрелами, погнались за неприятелем. Травля продолжалась три часа. Раненный тремя пулями и двумя стрелами медведь более и более свирепел и наконец, поднявшись на дыбы, с ревом бросился на охотников. Один из казаков, подпустив его к себе на пять шагов, всадил ему пулю в грудь и свалил его копьем на лед. Подоспевшие охотники добились зверя. На вид в нем было пудов 35 весу; двенадцать здоровых собак едва могли стащить его с места.

Пока возились с медведем, спустились сумерки, и пришлось ночевать. Поставили большой урос, а кругом него четыре поменьше; вторую линию образовали нарты с привязанными к ним собаками, которые охраняли лагерь от нападения медведей. Чутье сибирских собак поразительно. Даже во время сна, спрятав морду в шерсть, они чуют зверя и воем предупреждают хозяина об опасности.

Устроив лагерь и разложив костер, люди занялись свеживанием медведя. Замечательно, что собаки, как бы они голодны ни были, не дотронутся до теплого медвежьего мяса; мерзлое же едят с удовольствием.

На другой день караван двинулся далее, стараясь соблюдать прямую линию. Попадались следы песцов, что подзадоривало собак, которые бежали шибче, надеясь догнать зверя. На третий день у многих людей обнаружилось воспаление глаз — следствие сильного отражения света от блестящего льда. Завязали глаза крепом, смачивали вином, а инородцы лечились по-своему: на ночь они всыпали в глаза нюхательного таба-

ка и после нескольких минут мучительной боли чувствовали облегчение.

Двадцать девятого марта путешественники увидели нечто похожее на землю. По положению это не могли быть Медвежьи острова, и потому кажущуюся землю приняли за мираж. Вскоре, однако же, караван достиг небольшого мыса и глубокой бухты, в которой лежало немного наносного леса. Такая находка была положительно кладом. Люди и собаки могли отдохнуть и погреться у большого костра.

Пока проводники занимались устройством лагерь и приготовлением пищи, офицеры взобрались на ближайший холм, чтоб осмотреть местность. Все пространство от берега до вершины холма было завалено глыбами гранита и порфира. На поверхности острова, довольно ровной, поднимались три отдельных столбовидных утеса, а недалеко от берега виднелся еще гранитный столб. Врангель назвал этот остров Четырехстолбовым. На другой день Матюшкин объехал Четырехстолбовый остров и снял его на карту. С западного берега он видел еще два острова, но за туманом определить расстояние до них не мог.

Проверив свои вычисления, офицеры убедились, что они попали на группу Медвежьих островов. Хотя прежние измерения и не соответствовали настоящим, но это не могло иметь значения, так как ошибки на прежних картах были делом обыкновенным.

Тридцать шесть дней странствовали путешественники по ледяному морю, то пробивая торосы, то переправляясь по перекинутым доскам через щели и полыньи. Случались туманы, заставлявшие предполагать, что открытое море близко. Иногда слышался глухой треск, похожий на отдаленные перекаты грома, — это взламывался лед. В одном месте, сделав скважину, исследовали лед и нашли, что он не толще пяти дюймов и так мягок, что его можно резать ножом; открытие было неутешительное. Из скважины выступила вода и разлилась так быстро, что караван едва успел убраться из опасного места.

Однажды, во время сильного северного ветра путешественники почувствовали, что лед под ними пришел в волнообразное движение. Вдаль слышались плеск волн и треск льдов. Положение было критическое: лед могло каждую минуту взломать и вместе с караваном унести в открытое море; даже туземцы встревожились. Надо было поспешно переменить направление, и Врангель приказал повернуть на восток. Расстояние от этого места до Баранова Камня равнялось 215 верстам.

Здесь будет кстати упомянуть об удивительном искусстве проводников сохранять и помнить данный курс, несмотря на извилистые

Белые медведи.

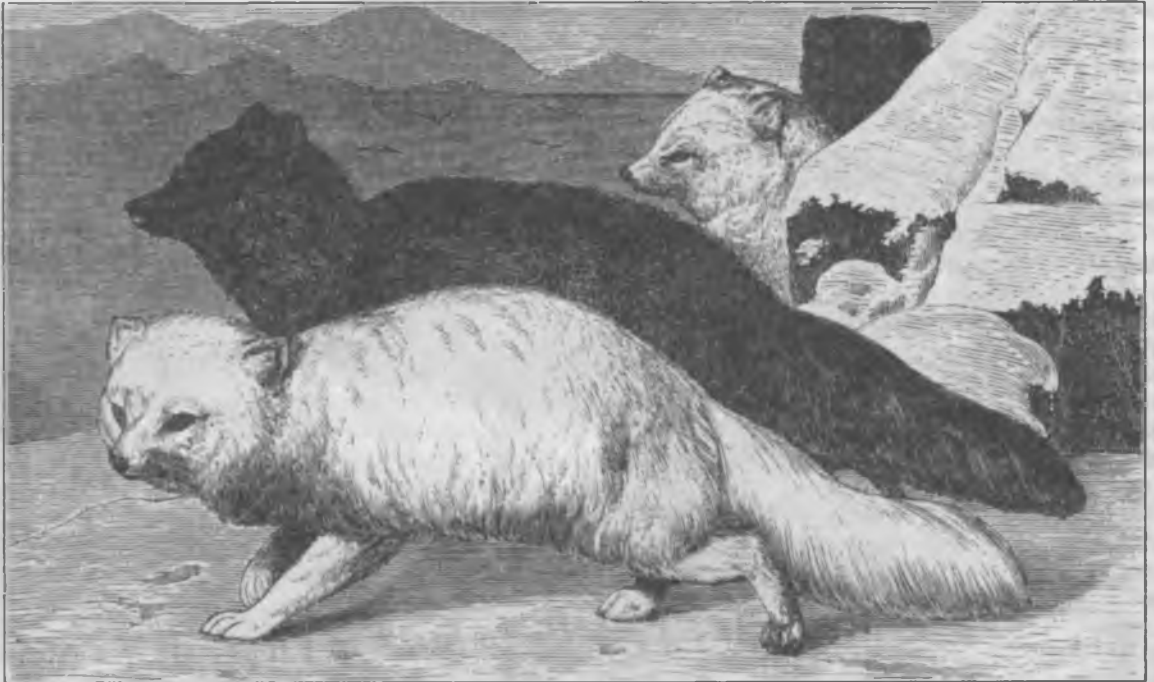
Гравюра XIX в.

посты торосов и на необозримые однообразные ледяные поля. Вначале Врангель следил за нартовщиком по компасу, но потом убедился, что это труд совершенно лишний: ему ни разу не пришлось уличить нартовщиков в ошибке. Эти художники узнают дорогу по особому виду льдин и торосов, а где их нет — по застругам. Застругами называются слои снега, надуваемые ветром один на другой. Жители сибирских тундр и снежных степей совершают путешествия в несколько сот верст по бесплодным однообразным пространствам, руководствуясь только застругами. Они знают, под каким углом должны пересекаться слои снега, и никогда не ошибаются. Когда кратковременная перемена ветра занесет прежнюю застругу или настелет на нее новую, опытный глаз сибиряка тотчас же уловит различие. Осторожно сгребет он свежий снег и по углу, образованному старым и новым слоем, проверит дорогу.

Десятого апреля путешественники справляли праздник Пасхи. Странное зрелище представляло в этот высокаторжественный день кучка людей, брошенных на ледяное море, угрожавшее каждую минуту рассеяться и поглотить их. В тяжелых меховых одеждах, грузные, неуклюжие, похожие скорее на зверей, чем на человеческие существа, они благоговейно стояли вокруг льди-

ны, на которую возложен был образ св. Николая Чудотворца, покровителя мореплавателей, и пели пасхальные псалмы. Потом они христосовались и мысленно посылали привет далекой родине. Многое, что не ценилось надлежащим образом вблизи, теперь, издали, казалось особенно милым. Внешний холод не мешал сердцу горячо любить ближнего. Высокаторжественный день был посвящен отдыху. Праздничным угощением служили сбереженные для этого дня оленье языки и две порции водки. Целый день горел костер и путешественники, сидя вокруг него, весело болтали, припоминая перенесенные трудности и мечтая о возвращении.

На следующий день двинулись далее. По пути виднелось много следов медведей и песцов и попадались медвежьи берлоги, вырытые в снегу в сажень глубиной. У тюленых продушин встречались довольно большие кучи снега с отверстием внизу. Такие ловушки устраивает медведь на тюленя. Сидя за подобным бруствером, он караулит свою жертву. Только тюлень выйдет на лед, как медведь просовывает лапу в отверстие и, отбросив тюленя дальше на лед, легко им овладевает. Песцы, которые обыкновенно страшно боятся медведя, в эту минуту забывают всякую осторожность и из-под самых лап зверя вырывают лакомые куски. Песцы в полном смыс-

Песец.
Гравюра XIX в.

ле слова нахлебники медведя, а потому и следы обоих животных часто встречаются вместе.

Несмотря на умение нартовщика придерживаться прежней дороги, это не всегда оказывалось возможным. В одном месте все пройденное пространство было взломано, и вместо прежней дороги образовались полыньи и щели, беспрестанно пересекавшие путь. При переправе через одну из таких щелей восемь собак из упряжки Врангеля сорвались в воду, и только необыкновенная длина нарты спасла его и животных от гибели.

В ночь на 16 апреля лай собак разбудил путешественников и известил их о приближении зверей. Тотчас они вскочили и, схватив оружие, бросились навстречу неприятелю. Недалеко от стана показались два медведя необыкновенной величины; они стояли будто в нерешительности: нападать или нет? Послышался залп, но от волнения охотники целили плохо и дали промах. Испуганные звери бросились наутек. Казак с юкагиром побежали за одним, остальные — без всякого плана и порядка — за другим. Напрасно Врангель старался собрать товарищей, чтоб начать правильное преследование; охотники не слышали его голоса и скоро скрылись из виду. Взобравшись на высокую льдину, чтоб посмотреть, куда они пошли, Врангель увидел казака и юкагира, отдыхавших у тороса. Вдруг из-за льдины показался третий медведь и, заметив

Врангеля, прямо пошел на него. Имея в руках заряженное ружье, Врангель спокойно ждал минуты, когда зверь полезет на льдину. Но медведь, увидев первых двух охотников, пошел на них. Положение их было критическое. Подпустив к себе зверя на пятнадцать шагов, они выстрелили. Промахнулись они, и гибель их была бы неизбежна. К счастью, выстрел был удачен, и медведь с ревом побежал в торосы, оставляя за собой кровавый след. Под утро вернулись остальные охотники, не догнав медведя. Они едва передвигали ноги от усталости.

Девятнадцатого апреля караван достиг Четырехстолбового острова и остановился на отдых. Разбив палатку под защитой утесистого берега и разложив два огромных костра из наносного леса, путешественники чувствовали себя почти счастливыми. Только мысль о безуспешности настоящей экспедиции отравляла удовольствие. Здесь в первый раз путники услышали щебетание птичек и с восторгом приветствовали этих вестников весны.

Для скорейшей описи Медвежьих островов Врангель и Матюшкин разделились; один поехал на север, другой — на юг. На всех шести островах обитателей не оказалось; зато много было звериных следов и огромное количество нор полевых мышей. На третьем острове нашли несколько оленьих рогов и человеческих костей.

черепов не видели. Четвертый остров был за-
мечен целыми холмами мамонтовых костей.

Между тем съестные припасы подходили
к концу и утомление давало себя чувствовать.
Путешественники с удовольствием помышляли
о твердой земле, к которой они теперь направ-
лялись. Но внезапно поднялась метель, и при-
шлось ехать наугад, постоянно опасаясь уклонить-
ся от прямого пуги. Вдруг один из нартовщиков
внезапно вскрикнул. Он наткнулся на ловушку
своей собственной отмычкой. Оказалось, что ка-
раван ехал уже по твердой земле. Метель про-
должалась, и в двух шагах ничего нельзя было
рассмотреть; но нартовщик, местный уроженец,
знавал каждый холм, каждую кочку и благопо-
лучно привел караван к балагану, где после дол-
гого времени путешественники провели ночь
под защитой стен и крыши.

Недостаток съестных припасов и приближе-
ние весны делали дальнейшее путешествие по
этой невозможным, и Врангель решил кратчай-
шей дорогой ехать в Нижнеколымск. Постоян-
ная метель и вьюга, затемнявшие атмосферу, ме-
шали офицерам заниматься описью берега;
но нартовщики не смущались непогодой. С не-
привычной для непривычного человека уверен-
ностью они ехали по необозримой пустыне
и благополучно доставляли путешественников
от поварни к поварне, пока не прибыли наконец
к первому селению Походск. Несмотря на бед-
ность и незначительность селения, вид людских
поселений произвел на путников самое отрадное
впечатление. Было уже 27 апреля; по местам
снег стоял, и начинала зеленеть травка. Трубы
домов дымились; сквозь ледяные окна мерцали
огни... Вскоре лай собак известил обывателей
о прибытии путников, и из всех дверей посы-
лались радостные приветствия. С каким на-
слаждением вступили утомленные путешест-
венники в жилую теплую хижину, где могли
сбросить с себя тяжелое промерзшее платье, от-
дохнуть и погреться. Гостеприимные хозяева
угощали гостей всем, что было у них лучшего.
Между прочим свежими куропатками.

«День этот был для нас истинным праздни-
ком, — пишет Врангель. — Мы наслаждались им
как счастливым днем жизни и часть ночи прове-
ли в разговорах с хозяевами».

На другой день караван поехал далее и 28 ап-
реля, после 36-дневного отсутствия, прибыл
в Нижнеколымск, сделав 1210 верст.

Для летних занятий предполагалось разделить
экспедицию на четыре группы. Одной ехать на
лошадях — описывать берега Ледовитого моря
до устья реки Малой Чукочьей и Индигиркой;
второй — описать на лодке устье Колымы; треть-
ей — посетить берега Большого и Малого Анюев;

четвертой — у Большой Баранихи построить
жилую избу и чулан для зимовки экспедиции.

Описание берегов Ледовитого моря Врангель
предоставил Матюшкину; сам же намеревался
осмотреть устья Колымы. Семнадцатого июня
на катере, построенном Козьминым, все группы
экспедиции отправились вместе, с тем, чтобы
потом разделиться; но в самом начале пути слу-
чилось несчастье. Одна из собак, выскочив из
лодки в воду, запуталась в веревках и начала да-
виться. Матюшкин, желая спасти животное, по-
спешил обрубить веревку и вместе с ней отру-
бил себе конец большого пальца с ногтем. Рана
была настолько серьезна, что ему пришлось
с доктором Кибером возвратиться в Нижнеко-
лымск. Событие это произвело очень тяжелое
впечатление на команду и проводников: они
считали его дурным предзнаменованием. Сдав
больного, Врангель поехал далее.

Недалеко от деревни Малое Чукочье совершен-
но неожиданно маленькая экспедиция встретила
стадо оленей. Спасаясь от комаров, животные сто-
яли по горло в воде, и ветвистые рога их издали
походили на густой кустарник. Сопровождавшие
Врангеля юкагиры тотчас же бросились в привя-
занную к катеру лодку, но, не имея при себе необ-
ходимого оружия, закололи только двух оленей,
да Врангель из катера подстрелил одного; осталь-
ные выплыли на берег и скрылись в тундре.

В Малом Чукочье путешественники дожда-
лись якугов с лошадьми, и Козьмин, заменивший
Матюшкина, отправился с небольшим отрядом
по своему назначению; Врангель же должен был
сидеть у моря и ждать погоды, так как дувший
все время морской ветер вгонял лед в реку и де-
лал плавание невозможным.

Наскучив бездействием в этой пустынной ме-
стности, где не только деревьев, но даже и травы
не было, Врангель задумал подняться вверх по
реке, чтоб снять на карту некоторые пункты. Ве-
тер утих, но устье на много верст еще было за-
терто льдом; нужен был противный ветер, что-
бы его очистить. Видно, суждено было Врангелю
в этом путешествии терпеть во всем неудачу.
Ввиду безветрия он не счит нужным потушить
догорающий костер. Едва успела лодка удалит-
ся от берега, как внезапный порыв ветра бросил
пламя на палатку, а когда пловцы вышли на бе-
рег, то палатка и все вещи уже пылали. Несчастье
могло бы быть еще ужаснее, если б Врангелю не
удалось спасти обитый кожей ящик, где храни-
лись все журналы, описи, карты и инструменты.
После этого эпизода не оставалось ничего бо-
лее, как возвратиться в Нижнеколымск.

Здесь Врангель застал еще Матюшкина и Кибе-
ра, приготавливавшихся к путешествию на Анюю.
Доктор остался очень недоволен состоянием

здоровья начальника экспедиции и посоветовал ему провести остальную часть лета в Среднеколымске, где климат гораздо мягче. Двадцать шестого июля Врангель выехал из Нижнеколымска.

По мере удаления от Ледовитого моря страна оживляется и постепенно теряет однообразие пустыни. С каким наслаждением увидел Врангель поля, луга и рощи после продолжительных скитаний по тундрам и унылым ледяным пустыням. Особенно пленяли его роскошные пастбища на олбутах, или вытечных озерах. Насколько известно, олбуты встречаются только в Северной Сибири, и о них стоит поговорить подробно.

Олбуты — не что иное, как низменности, при весеннем разливе рек покрываемые водой, которая образует большие и малые озера, изобилующие рыбой. Зимой от сильных морозов в земле делаются трещины, которые иногда тянутся от озера к реке; по ним-то и вытекает вода. У иных озер трескается дно, и вода с шумом туда уходит. Весной эти места, удобренные илом, покрываются роскошной травой, и якуты спешат поселиться около них со своими стадами.

Патриархальная жизнь якутов среди живописной местности так понравилась Врангелю, что он решил жить между ними и выбрал для своего временного пребывания летовье Сыгли-Этарг, где жил богатый якут со всеми своими домочадцами, огромными стадами рогатого скота и табунами лошадей. Главный урос окружали меньшие палатки, и все строения были обнесены забором, куда на ночь загонялись стада. Здесь все указывало на изобилие и напоминало патриархальную чистоту нравов. Радужный прием, теплый воздух долин, защищенных холмами и рощами от сурового влияния ветров, изобилие легкой пищи и наконец совершенное спокойствие духа в отдалении от всех забот оказали благотворное влияние на здоровье Врангеля и укрепили его силы для трудов предстоящей зимы.

Здесь он встретил интересную личность: 82-летнего старца, якута, крестника лейтенанта Лаптева¹, объезжавшего берега Колымы в 1739 г. Старик выглядел молодцом: сам справлял домашние работы, ездил верхом, загонял стада. С полной уверенностью он рассказывал Врангелю, что якуты — пришельцы с далекого юга, и в пример приводил старинные песни, в которых упоминалось о золоте и драгоценных камнях, о львах, тиграх и других предметах, теперешним якутам неизвестных.

Тридцать первого августа распростился Врангель с радушными якутами, 1 сентября прибыл в Нижнеколымск, а 8-го стала уже форменная зима. Один за другим возвращались с промыслов жители и с трудом очищали свои жилища от снега, проникшего даже в комнаты. Известия, привезенные ими, не были радостны. Оленья охота юкагиров не удалась, рыбы наловлено было мало; все предвещало недостаток и голод.

Двадцать девятого сентября возвратились с Анюя Матюшкин и Кибер, а через неделю приехал Козьмин, удачно окончивший опись берега Ледовитого моря. Таким образом, товарищи соединились опять. Днем занимались они приведением в порядок журналов и карт, а по вечерам сходились у пылающего камина и проводили время в разговорах о своих путешествиях и наблюдениях. Последними богата была экскурсия Матюшкина и Кибера на берега Анюев.

Глава VI

Путешествие Матюшкина и Кибера на берега Анюев. Медвежья охота

Двадцатого июля 1812 г. отправились Матюшкин и Кибер в сопровождении казака и двух проводников из Нижнеколымска на Анюю и к ночи достигли летовьев колымских жителей, занимающихся рыбной ловлей. Окончательные приготовления и наем гребцов задержали здесь путешественников на три дня, и они только 23-го числа могли двинуться далее.

Большой Анюей впадает в Колыму против Нижнеколымска несколькими рукавами. Берега его близ устья пустынные и однообразны. Правый берег, более возвышенный, обставлен песчаными холмами сажен в тридцать вышины; холмы эти, подмываемые во-

¹ Арктическая экспедиция лейтенанта Лаптева состоялась в 1739 году.

ую, осыпаются, обнажая при этом кости допотопных животных.

Не касаясь естественнонаучных вопросов различных предположений относительно нахождения костей допотопных животных на Крайнем Севере, Матюшкин обращает внимание ученых на два обстоятельства, кажущиеся весьма странными. Почему клыки, рога и остывшие этих животных попадают не в одинаковом количестве по всей Сибири, а изобильнее чаще по мере приближения к северу, где, по словам промышленников, попадают клыки медведей в двенадцать весом, тогда как южнее они превышают пять пудов. Второе: почему клыки и рога находятся всегда в количестве, не соразмерном с другими костями? Например: при рогах пяти животных костей находится так мало, что даже одного остова составить невозможно. Замечательно, что на материке костей гораздо меньше, чем на островах, в особенности на Ляховских и других Новосибирского архипелага.

Продолжая плавание по Анюю, маленькая экспедиция прибыла в Плотбище, место переселения оленей. Сюда уже собралось множество инородцев и русских, с лихорадочным нетерпением ожидавших роковой минуты, от которой зависело их существование на весь год. Русские и зажиточные инородцы устроили себе из ветвей и дерна небольшие шалаши, а беднейшие из юкагиров жили под открытым небом.

Престарелый, зажиточный юкагирский старик Коркин, радушно пригласил к себе русских путешественников. Этот Коркин угощал проезжающих, и всегда безвозмездно. Здесь сохранилось истинно патриархальное гостеприимство, в силу которого хозяин считает своей обязанностью уступить гостю первое место и лучший кусок.

Во время посещения Матюшкиным Анюя население его состояло из малочисленного юкагирского племени, частью вымирающего, частью сливающегося с русскими. Господствующий язык юкагиров русский; жилища — тоже на русском ладе, бревенчатые избы; только вместо печи в них чумал, на котором постоянно горит огонь. Обычками, нравами, обычаями и даже типом лица они мало чем отличаются от русских.

Юкагиры страстно любят музыку; почти каждый из них играет на скрипке или на балалайке; кроме того, они весьма недурно поют; слова и мелодии большей части импровизированные. Женщины поют о сердечных делах, мужчины воспевают подвигов, чаще всего свои собственные. Исторические песни Матюшкину не довелось слышать.

Единственные занятия здешних жителей — рыболовство, и в особенности охота на оленей. Отдачи последней зависит все их благосостоя-

Олень, дерущийся со своей тенью.
Гравюра XIX в.

ние. Оленей всего легче бить, когда они переплывают реки, а потому юкагиры, находясь всегда настороже, не могут удалиться в глубь страны, где водятся другие звери. Они с таким же лихорадочным нетерпением ждут появления оленей, с каким земледелец ждет времени жатвы.

Олени два раза в год переправляются через реки, весной и осенью, но по краткости лета оба промысла отделены друг от друга самым коротким промежутком. Первый промысел бывает в конце мая, когда олени бесчисленными табунами оставляют леса и тянутся в тундры, где ветром отгоняет от них мучителей-комаров. Майский промысел не так прибылен; олени часто переходят реку по льду, и тогда в горных ущельях их можно стрелять из ружей и луков или ловить петлями. Но последнее средство не всегда надежно, а первое дорого. Притом весенний олень бывает чрезвычайно худ, и все тело его покрыто нарывами и ранами, а потому он только в крайних случаях употребляется в пищу; больше же идет на корм собакам, к тому же и шкура его плоха и в дырах. Гораздо важнее промысел в августе и сентябре, когда олени из тундр возвращаются в леса. Тогда эти животные здоровы и жирны; шкура их, покрытая новой шерстью, тверда и прочна.

Число путешествующих оленей из года в год не одинаково; иногда оно доходит до нескольких тысяч. Олени идут обыкновенно табунами голов в 200—300, но табуны следуют так близко один от другого, что составляют как бы одно стадо.

Дорога оленей почти всегда одна и та же; для переправы они выбирают отлогий берег реки. Сначала весь табун скучивается вместе; потом передовой олень с несколькими более сильными особями выступает вперед и, подняв высоко голову, осматривает окрестность. Уверившись в безопасности, он скачет в воду, за ним товари-

щи, потом весь табун. В несколько минут вся поверхность реки покрывается плывущими оленями. Тогда охотники, скрывавшиеся за камнями и кустарниками с подветренной стороны, выезжают наперерез оленям, стараясь преградить им путь. Между тем двое или трое опытейших промышленников, вооруженных копьями и покольщиками, врываются на своих лодках в самый центр табуна и с невероятной скоростью колют направо и налево. Обыкновенно одного удара достаточно для умерщвления животного или для нанесения ему такой тяжелой раны, от которой оно непременно издохнет, если даже и успеет доплыть до берега. В начале охоты требуется большая осмотрительность; излишняя горячность может испортить все дело. Необходимо выждать, чтобы передовой олень достиг, по крайней мере, середины реки. Если сделать нападение раньше, то вожак повернет назад, весь табун за ним, и тогда оленей поминай как звали.

Оленья охота вообще требует большой ловкости, опытности и далеко не безопасна. Маленькая лодка охотника ежеминутно может разбиться или опрокинуться среди массы оленей, всячески защищающих свою жизнь. Животные кусаются, бодаются, лягаются, иные норовят вскочить передними ногами в лодку и опрокинуть ее. Если им это удастся, то охотник старается ухватиться за рога ближайшего оленя и с ним выплывает на берег. Такие случаи, впрочем, ред-

ки, так как охотники с удивительной ловкостью лавируют между животными, отражая их нападение и в то же время сохраняя равновесие. Опытный охотник в один час может убить до ста и более оленей. Другие охотники хватают убитых, привязывают их ремнями к лодкам и каждый промышленник получает то, чем успеет завладеть. Казалось бы, таким образом всю добычу захватывают другие, а самому охотнику за труды, сопряженные с опасностью для жизни, не достается ничего. Но здесь существует свято соблюдаемый закон, в силу которого только убитые олени составляют общую поживу, а раненые, падающие на берегу, достаются покольщикам.

Среди толпы разъяренных оленей, когда все помыслы человека должны быть направлены к самосохранению, некоторые из охотников проявляют столько хладнокровия и присутствия духа, что могут соразмерить силу своих ударов и убивают только маленьких оленей, большим же наносят раны, чтобы они успели доплыть до берега. Такие промышленники славятся в народе худыми людьми, но за ловкость и отвагу их все-таки уважают.

Посмотреть со стороны на оленью охоту чрезвычайно любопытно. Шум нескольких сот плывущих оленей, болезненный хрип раненых, и издыхающих, глухой стук сталкивающихся рогов, обрызганные кровью покольщики, прорезывающие с невероятной быстротой густые

Загон оленей.
Гравюра XIX в.

жизни животных, крики и восклицания других охотников, обгаренная кровью поверхность реки — все вместе производит на зрителя чрезвычайно сильное впечатление.

По окончании охоты и разделе добычи убитых оленей с подвязанными к ним камнями тотчас опускают в воду, где они прекрасно сохраняются в течение нескольких дней, пока хозяева окончательно не распорядятся ими. Постепенно их достают из воды, свежуют и сушат на солнце или коптят; а при ранних холодах замораживают. Русские иногда солят мясо. Лучшей частью считаются копченые языки, которые и прибегают для торжественных случаев.

Пробыв в Плотище две недели, путешественники 13 августа отправились далее. К ночи прибыли они в летовье Аргуново, где застали несколько юкагирских семейств. Здесь также была плавь оленей и очень удачная охота. По всему Анюю время от времени попадались становища туземцами, ожидавшими оленей или уже праздновавшими счастливое окончание охоты. По реке встречались лодки, увозившие добычу.

Не везде, однако же, охота бывает одинаково удачна. Иногда олени, по неизвестным причинам, меняют место плав и проходят там, где их караулят. Иногда, напуганные, они поворачивают назад и убегают в леса.

От Аргунова путешественники направились в Обромское летовье, чтоб посмотреть знаменитую скалу Обром с ее увенчанной облаками вершиной. Кибер остался внизу, а Матюшкин с проводником-юкагиром предпринял восхождение на скалу, чтобы оттуда обозреть окрестности и сделать измерения. Взобравшись на вершину, он увидел, что весь горизонт заставлен цепями островерхих черных утесов, делавших измерения невозможными. Но ничто не мешало путешественнику любоваться открывшейся перед ним панорамой. Только тот, кто бывал в Северной Сибири, может иметь понятие о своеобразной красоте здешних мест. Эти красоты не увлекут взора, не приводят души в умиление, подобно красотам богатой южной природы. Они охватывают все существо человека каким-то священным ужасом и пробуждают в нем сознание собственного бессилия. В то же время величие картины очищает душу от земных помыслов и возвышает ее.

«Подойдя к скале, — пишет Матюшкин, — живообразно разветвленные цепи гор, окруженные яркой зеленью с увенчанными снегом вершинами. Багровые лучи солнца, предвестники приближающейся бури, окрашивали белые скалы гор прозрачным розовым цветом и рисовались бесчисленными радугами в наполненной ледяными частицами атмосфере. Местами,

как острова среди океана туманов, торчали черные, обнаженные, зубчатые верхи утесов. Картина представлялась еще более величественною при царившей здесь гробовой тишине. Вдруг поднялся сильный ветер, ворвался в ущелье и с завыванием начал крутить песок и снег, который, взвиваясь столбами, стремился кверху. Я долго бы еще любовался этой картиной, если бы проводник, испуганный приближением бури, не торопил меня вернуться».

Отсюда путешественники отправились на Малый Анюй, верхом на лошадях, через хребет, разделяющий эти две реки. Тут встретил их житель здешних гор, большой черный медведь, внезапно выскочивший из-за кустов. Лошади испугались и поднялись на дыбы, но медведь испугался не менее их, увидев перед собой всадников, и так скоро убежал в лес, что путешественники не успели даже взяться за ружья. Не всегда, впрочем, подобные встречи обходятся так счастливо; в тот же самый год медведь вломился ночью в ламутскую юрту и передал в ней всех обитателей, кроме одного, который успел убежать.

Берега обоих Аньев обставлены множеством ловушек для разного рода зверей. Каждый трудолюбивый юкагир поставит их в разных местах не менее пятисот и в течение зимы несколько раз осматривает. Наряду с простейшими ловушками есть такие замысловатые, что могли бы сделать честь ученому механику. Их механизм старательно обдуман и приспособлен к обычаям и привычкам зверей, для которых они предназначены. Некоторые промышленники имеют ученых собак и оленей-манщиков. Так называются домашние олени, приученные заманивать диких товарищей и подводить их к хозяину на расстояние выстрела. Такие олени редки и очень дорого ценятся.

Исследовав Малый Анюй на довольно большом расстоянии, путешественники вернулись на берега Большого, который во всех отношениях был интереснее. У подошвы горы Сладкой, в полуразвалившемся балагане они сделали привал. Гора Сладкая получила название от белой, сладкой на вкус земли, которую здесь находят. Туземцы уверяют, что эта земля чрезвычайно помогает от расстройства желудка. Попробовав ее, Матюшкин нашел, что это точно такая же земля, какую находят в Охотске, где примешивают ее к мучке при печении хлебов.

Переночевав, путники поехали далее и 30 августа благополучно прибыли в местечко Лабазное, где также ожидалась оленья плавь.

Издали они услышали несколько ружейных выстрелов и отголоски веселых песен. Встретившие их два юкагирских князька объявили, что они празднуют день тезоименитства Белого

Царя, по-здешнему Тарик-Арем (Сын Солнца). Путники примкнули к ним и угостили туземцев табаком и водкой, что еще более укрепило веселое состояние духа. Мужчины старались всячески выказать свою ловкость: стреляли в цель из луков и ружей, бегали взапуски, соревновались на лодках; женщины пели и плясали. Веселье продолжалось до рассвета. Вероятно, этот день во многих концах России праздновался гораздо торжественнее, но едва ли возможна радость искреннее той, которая оживляла здешний народ на расстоянии в 12 тысяч верст от столицы.

Олени здесь еще не проходили. Трудно себе представить, до какой степени достигает голод среди туземцев, существование которых зависит единственно от случая. Часто с середины лета люди питаются уже древесной корой и шкурами, до того служившими им одеждой. Случайно пойманный или убитый олень делится поровну между членами целого рода и съедается, в полном смысле слова, с костями и шкурой. Все, даже внутренности и толченые рога и кости, употребляется в пищу, потому что надобно же чем-нибудь наполнить терзаемый голодом желудок.

Желая и здесь полюбоваться интересным зрелищем, путешественники остались в Лабазном. Только и было толков, что об оленях. Это был интерес минуты, и ничто другое не интересовало туземцев. Наконец, 12 сентября, на правом берегу, против Лабазного, показался бесчисленный табун и покрыл все прибрежные возвышения. Ветвистые рога колыхались, словно кустарники, колеблемые ветром. Все пришло в движение. Со всех сторон устремились якуты, чуванцы, ламуты, тунгусы пешком и в лодках в надежде счастливой охотой положить предел своим бедствиям. Радостное ожидание оживило все лица, и все предсказывало обильный промысел. Но к ужасу всех, внезапно раздалось горестное, роковое известие: «Олень пошатнулся!» Действительно, табун, вероятно испуганный множеством людей, повернул обратно и помчался в горы. Отчаяние заступило место радостных надежд. Сердце разрывалось при виде народа, внезапно лишенного всех средств для поддержания бедственного своего существования. Ужасна была картина всеобщего уныния и отчаяния. Женщины и дети стонали громко, ломая руки; иные бросались на землю и с воплями взрывали снег и землю, точно приготавливая себе могилу. Старшины и отцы семейств стояли молча, неподвижно, устремив безжизненные взоры на те возвышения, за которыми исчезла их надежда...

Долее оставаться в Лабазном было незачем. Притом быстро подвигалась зима; река у берегов стала замерзать; путешественники должны были, не теряя времени, ехать далее, чтобы успеть до полного замерзания реки добраться до Нижнеколымска. Но этого им не удалось сделать. Лед все более и более затягивал реку, так что топорами и шестами нужно было прокладывать себе путь. Наконец река стала, и остальной путь пришлось совершать на собаках. Проехав пять дней таким образом, путешественники 26 сентября прибыли в Нижнеколымск после 70-дневного путешествия.

Глава VII

Третье путешествие по льду. Встреча с Анжу

Лето 1821 г. было очень несчастливым для колымчан: неудачная оленья охота и скудная рыбная ловля должны были повести за собой неизбежный голод. Ко всему этому присоединилось новое, ужасное несчастье — падеж собак.

В сравнении с этим несчастьем даже грядущий голод не казался таким ужасным; к нему туземцы, так сказать, притерпелись. Но потеря собак, этих полезных, прямо необходимых животных, привела их в отчаяние. Люди сами должны были впрягаться в нарты и на себе перевозить тяжести. Наконец, без собак не могли они заниматься единственным своим промыслом — ловлей пушных зверей. Такое беспомощное состояние повсюду распространяло горесть и уныние.

Собираясь в экспедицию, успех которой во многом зависел от числа годных к езде собак, Врангель принимал всевозможные меры к их сохранению. Ему хотелось собрать, по крайней мере, 100 штук и отправить их в Чукотье, чтобы там откормить. Но пока он собирался это сделать, из 100 собак 64 пало. Остальные 36, отправленные в Чукотье, уцелели все.

Узнав, что по Индигирке падеж прекратился, Врангель послал туда казака для укомплектования собачьих упряжек, но казак мог добыть только 45 собак, которых и доставил благополучно в Чукотку.

Сначала Врангель намеревался разделить экспедицию на две части, но за недостатком собак должен был этот план изменить. Десятого марта выехал он из Нижнеколымска в сопровождении Матюшкина, Козьмина и матроса Нехорошкова. Кроме пяти нарт для путешествия, запряженных лучшими и надежнейшими собаками, имелось еще девятнадцать нарт для провианта, которые, как и в прежних путешествиях, тотчас по разгрузке должны были возвращаться назад.

Двенадцатого марта маленькая экспедиция прибыла в Сухарное, а 13-го начала путешествие по Ледовитому морю, имея с собой провианта для людей и собак на сорок дней.

Миновав 16-го числа Баранов Камень, Врангель двинулся на северо-восток, надеясь в этом направлении пересечь меридиан Шелагского мыса на расстоянии 150 верст от берега. Таким образом, это путешествие послужило бы продолжением прошлогоднего и в случае удачи могло бы привести к открытию предполагаемой на севере земли. По пути встречались медведи, и один из них имел смелость ворваться в лагерь, за что и потерпел заслуженное наказание. Мясо и жир его закрепили собак. Двадцать первого марта убили другого медведя, который успел, однако же, поранить нападавших на него трех собак; проводники варили его мясо и ели с удовольствием.

Несмотря на 25 градусов мороза, стужа, при совершенно безветрии, не была особенно чувствительна, но торосы, беспрестанно преграждавшие путь, сильно замедляли движение и утомляли собак. На вершине одного из торосов у нарты Врангеля оборвался ремень, и собаки стремглав закатились вниз, оставив седока на вершине. Внизу они напали на медвежий след, с визгом бросились за зверем и скоро исчезли из виду. После долгих поисков они были найдены в самом жалком положении: длинный, волочившийся за ними ремень зацепился за льдину, собаки старались освободиться и выбились из сил.

•Трудность путешествия,— пишет Врангель,— превосходила все, доселе нами испытанное. С помощью пешней пробивались мы через груды плотных торосов неимоверной вышины. Почти на каждом шагу ломались нарты и рвались упряжи. Несмотря на все предосторожности, сани скатывались с гладкого хребта торосов и падали в промежутки, подобные оврагам. Вытаскивать их оттуда, держась на скользкой льдине, стоило несказанных трудов и усилий. Все более или менее были ушиблены. Особенно по-

страдали транспортные нарты, и беспрестанно приходилось останавливаться, чтоб чинить их. Это, наконец, надоело, и мы решили устроить во льду склад, а разгруженные нарты отправить в Н. Колымск. Вырубили во льду два углубления, положили туда часть провианта, а сверху покрыли льдиной; утрамбовали все снегом и залили водой. Можно было надеяться, что в такой погреб не проникнуть медведю. Проводники, возвращавшиеся в Н. Колымск с пустыми нартами были так счастливы, что, несмотря на усталость, дружно работали над устройством ледника и скоро все кончили. Остатки дня провели в песнях, пляске и играх.

Устроив склад, экспедиция разделилась, условившись здесь же соединиться 29 марта, т. е. пять дней. Матюшкин поехал на восток, Врангель с Козьминым на север. Отъехав верст двадцать, Врангель, к удивлению своему, увидел санные следы. По ближайшем рассмотрении он убедился, что это были следы его прошлогодней поездки. Но так как он находился от прошлогоднего пути, по крайней мере, на расстоянии 85 верст, то оставалось предположить, что ветры или течение подвинули всю ледяную поверхность к востоку.

Двадцать седьмого марта Козьмин с вершины тороса увидел на северо-востоке два холма, ясно обозначавшиеся на горизонте. Путешественники были уверены, что видят землю, хотя проводники и уверяли, что это не что иное, как поднимающиеся из моря испарения. И те, и другие ошиблись. К вечеру, с переменной освещенности, вновь открытая земля подвинулась по направлению ветра к востоку, а через несколько времени охватила весь горизонт, так что путешественникам казалось, будто они стоят среди огромного озера, обставленного скалами и горами. На следующий день этот мираж повторился, и путешественники, убедившись в своей ошибке, повернули назад к складочному пункту.

Вернувшийся Матюшкин рассказывал, что он тоже видел предполагаемую землю. Но он видел нечто более удивительное — след лисицы: так далеко от земли эти звери обыкновенно не ходят. Тогда и Врангель припомнил, что их отряд наткнулся на дерево, примерзшее ко льду, на что никто не обратил внимания. Такие признаки пробудили потухшую было надежду на открытие земли, и путешественники с новым рвением стали снаряжаться далее. Открыв склад и набрав провизии на двадцать дней, они направились к северу.

Второго апреля была Пасха, которую вторично пришлось встречать среди полярных льдов. Дневной отдых, двойная порция мяса и водки оживили проводников, и они провели день очень весело.

Дальнейший путь не оправдал надежд, которыми ласкали себя путешественники. Между тем собаки сильно изнурились, а до берега было не менее 250 верст. Посоветовавшись друг с другом, офицеры признали, что дальнейшее путешествие рискованно и что следует вернуться. Для очистки совести Врангель поручил Матюшкину сделать маленький конец к северу, налегке. Вернувшись после 6-часового отсутствия, Матюшкин объявил, что проехав десять верст, он встретил разломанный лед и открытое море.

После подобных известий оставалось только повернуть обратно к складу и потом к дому. В складе нашли не все благополучно. В яму просочилась вода, и провизия подмокла. Нужно было употребить целый день на просушку. Наконец собрали все, что было можно, и направились к берегу. Оттаявший рыхлый снег подмерз и образовал наст, по которому легко было ехать: собаки бежали бойко, и 1 мая путники были на берегу.

То приятное ощущение, которое испытывали они, почувствовав себя на твердой земле, отчасти искупало трудности и лишения, перенесенные во время 46-дневного скитания по ледяным пустыням, где нельзя было ни отдохнуть хорошенько, ни обогреться. Земля приветливо встретила путников: снег уже стаял, обнажился желтовато-зеленый мох, и тощий стелющийся кустарник начинал зеленеть. Эта скудная растительность казалась им в данную минуту очаровательной. Особенно веселило душу щебетание птичек.

Четвертого мая путешественники прибыли в Походск, где встретили лейтенанта Анжу, возвращавшегося из экспедиции на острова Новой Сибири. К сожалению, радость свидания была омрачена видом страданий несчастных туземцев. Шесть тунгусских семейств, умирая с голоду, оставили свои степи и, собрав последние силы, пришли в Походск, в надежде найти здесь какую-нибудь помощь. Но здешние жители сами были не в лучшем положении. Истощив свой скудный запас, они питались самыми отвратительными предметами. Только близость весны и надежда на удачный лов рыбы поддерживали их ослабевшие силы. Путешественники отдали несчастным весь остаток своей провизии, утешаясь мыслью, что хоть нескольких спасли от голодной смерти.

Четвертого мая экспедиция вернулась в Нижнеколымск после 57-дневного отсутствия, сделав всего 1355 верст. Колымчане уже развехались на промыслы; в остроге оставалось только два обывателя: казак-инвалид и старуха мещанка. Последняя встретила путешественников чрезвычайно радушно и своими заботами да вкусными пирогами заставила их на время забыть перенесенные труды и лишения.

В этот год зима была холодная и снежная. Колыма стояла скованная льдом 259 дней. Наконец 22 мая она сбросила оковы и разлилась во всю ширь. Оставшиеся колымчане и прибывшие путешественники перебрались на крыши, привязав к стрехам лодки, чтобы в случае сильного подъема воды плыть на Пантелеевскую сопку. Только 31-го числа река снова вошла в берега.

Глава VIII

Поездка по каменной Тундре.

Стадо оленей в сопровождении волка и медведя

Летние месяцы 1822 г. решено было посвятить описанию морского берега от устьев Колымы до Баранова Камня и проверке астрономических наблюдений. Одиннадцатого июля посланы были люди к устью Б. Баранихи с поручением выстроить карбас, настрелять гусей и наловить рыбы — словом, запастись продовольствием на зиму. Двадцать третьего июля отправились офицеры на катере вниз по Колыме до деревни Пантелеевой. Здесь Матюшкин распростился с товарищами и поехал описывать Чаунскую губу, а Врангель и Козьмин отправились верхами через «Каменную тундру» к берегам Ледовитого океана.

Страна, по которой пролегал путь, походила на окаменелые волны океана; она была вся изрыта горами, холмами, скалами, между которыми лежали топкие болота. На южных склонах попадались леса лиственниц и тополей, приятно ласкавшие взор. По скалам в окрестностях Баранова Камня паслись значительные стада диких баранов. С неимоверной быстротой карабкались они по крутизнам; иные стояли неподвижно на вершинах скал и,

присовываясь на небесной лазури, походили на каменные изваяния. На многочисленных озерах плавали стаи гусей, которые били и не могли летать. Собаки бросались в воду и выгоняли гусей на берег, где проводники без труда били их палками. Вылинявший гусь хоть и не может летать, но он бежит так быстро, что его почти невозможно догнать. Иногда он пускается на хитрость. Видя опасность и не надеясь уйти, он ложится на землю, вытягивает шею и, зарыв голову в мох или сучку, лежит неподвижно. Неопытный охотник проходит мимо, не заметив его.

На южном склоне Баранова Камня путешественники увидели стадо оленей, щипавших молодую траву. К несчастью, лай собак испугал их, и ни одного не удалось застрелить.

Пятнадцатого июля прибыли путешественники к своему стану при устье реки Баранихи и нашли все в порядке. Люди построили лодку и занимались рыбной ловлей. Якуты с вьючными лошадьми явились позднее. Они застрелили черного медведя, который так испугал лошадей, что те вырвались из рук, сбросили с себя вьюки и разбежались по тундре. Хотя якутам и удалось переловить их, но часть багажа была подмочена и повреждена.

Путешественники остались здесь на некоторое время, занимаясь съемкой местности и астрономическими наблюдениями; между делом ловили рыбу и охотились. Однажды предприняли большое плавание на новопостроенной лодке и чуть не погибли. Несмотря на лето, только средняя река была свободна ото льда, а у берегов стояли толстые закраины. В одном месте лед оторвало от берегов, сперло посредине и затерло лодку. Три дня путешественники должны были оставаться неподвижно на одном месте, пока ветром не унесло лед в море.

Тридцать первого июля Врангель с Козьмичем и проводником покинули стан и отправились к верховьям Баранихи, чтобы оттуда через Анюю проехать на Колыму. На холмах и в долине попадалось множество песцовых нор; собаки едва успевали душить зверей, проводник же с удивительной ловкостью сдира с них шкурки.

На одном из привалов удалось путешественникам полюбоваться на ход оленей. Около по-

Главные питательные растения полярных стран:

1 — исландский мох; 2 — зеленый мох; 3 — моховые ягоды

людия спустились с холмов и прошли почти возле самого стана два огромных табуна оленей. Медленно подвигались они, образуя заостренный впереди треугольник. Высокие ветвистые рога их имели вид подвижного леса. Впереди каждого стада шел вожак, по-здешнему, важинка, так как, по уверению туземцев, стадо всегда ведет самка. За одним из стад крался голодный волк, ожидавший только случая броситься на какого-нибудь отставшего молодого оленя. Увидев людей, он убежал в горы. За другим стадом следовал большой черный медведь, но без всяких кровавых намерений. Он разрывал по временам землю, ловил с удивительным проворством мышей и ел их с наслаждением. Невинное гастрономическое препровождение времени так занимало огромного зверя, что он не заметил путешественников. С трудом сдерживали они собак, опасаясь, чтобы лай их не спугнул оленей и не лишил анюйских промышленников ожидаемой добычи.

Тринадцатого августа прибыли путешественники на реку Погиндену, впадающую в Анюю. Здесь они могли досыта налюбоваться природой, до того непохожей на ту, которую они привыкли видеть в этой стране, что им казалось,

будто невидимая рука перенесла их совсем в другой край и в другой климат. Вместо чахлых деревьев и топких болот появились леса с высокоствольными деревьями, зелеными лужайками и т. п. На возвышенном берегу росли благоуханные травы и много дикого лука, который служил отличной приправой к кушанью.

Недолго наслаждались путешественники природой. Ночью лошади, испуганные, вероятно, зверем, разбежались, и только одна старая и бессильная осталась на месте. Целый день путешественники, рассыпавшись в разные стороны, искали лошадей, но безуспешно. К этому несчастью присоединилось другое: проводник-юкагир объявил, что заблудился. Между тем съестные припасы все вышли, оставались только сахар и чай. Положение становилось критическим. Лошади не возвращались, приходилось идти пешком. Вещи связали и положили в безопасное место; чайник, котел и инструменты навьючили на единственную лошадь и при проливном дожде и холодном ветре двинулись в путь. За Погинденной опять пошли болота с вязким грунтом, поросшим стелющимся кедровником; местами болота сменялись скалистыми холмами и ручьями, которые приходилось переходить вброд по колено в воде; путешествие было настоящей пыткой. Скоро голод дал себя почувствовать. Попробовали было воспользоваться запасом полевых мышей, собирающих корни, которые не раз спасали туземцев от голодной смерти; но ни корней, ни мышей не было. Оказалось, что мыши никогда не доверяют запасов своих болотистому грунту. Оставалось еще средство, употребляемое туземцами, к которому и прибегли: срубили молодую лиственницу, очистили верхние слои коры, а мягкие нижние осторожно отделили от дерева, разрубили на части, измельчили и положили вариться в котел с водой. Когда кушанье закипело, надо было несколько раз снимать с него серу. После долгой варки получился род жидкой каши, которую, приправив солью, можно было есть, несмотря на вяжущий вкус и смолистый запах.

Такая пища, конечно, не могла придать много силы. Между тем пути оставалось не мало, и дорога была неизвестна. Можно представить себе общую радость, когда с одной из высот открылось юкагирское селение. Проводник даже запел от радости, узнав знакомые места. Он предложил сбегать в селение поискать съестных припасов, но вернулся с пустыми руками. Все чуланы были пусты, а жители переселились в летовья.

Изнемогая от голода, Врангель послал к Обромской горе, где юкагиры сторожат осенний ход оленей, и велел попросить у юкагирского князька провизии. Князек прислал кусок оленины, два оленьих языка и одну рыбу; больше у него ничего не было.

Наконец 20 августа путешественники бледные, изнуренные добрались до Нижнеколымска после 62-дневного отсутствия. Восемнадцатого сентября река покрылась льдом, а 24-го вернулся Матюшкин. Он совершил трудное путешествие до самых чукотских кочевьев и немало перенес всевозможных трудов и лишений.

Глава IX

Четвертое путешествие по льду. Неожиданная встреча с чукчами

Зима 1822 и 1823 гг. была, по понятиям колымчан, гораздо умереннее обыкновенного, так как термометр только однажды опустился до -37°C и северные сияния показывались редко и слабо. Тем не менее, для путешествия по Ледовитому морю было еще слишком холодно и следовало подождать более умеренной температуры.

Зная по опыту, что в Колымском округе невозможно достать нужное число собак, Врангель съездил в селения по берегам Индигирки, Хромы и Яны и уговорился с жителями относительно поставки собак и провианта для них на два месяца.

Мало-помалу собралось столько упряжек, сколько требовалось, и у Врангеля появилась возможность осуществить прошлогодний план, т. е., разделив экспедицию на две части, одну под начальством Матюшкина послать для описания чукотского берега до Северного мыса, а с другой ехать самому на север, чтобы еще раз попытаться отыскать там предполагаемую землю. Доктор Кибер поехал с Матюшкиным, Козьмин — с Врангелем.

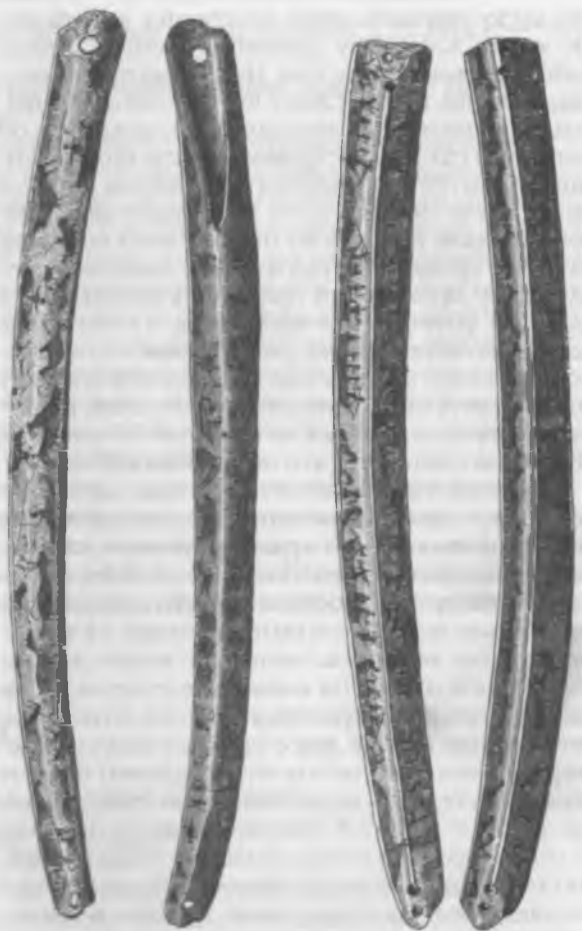
Большие запасы провианта отправлены были заблаговременно в разные пункты: упряжки распределили так, чтобы на каждом пункте путешественников ожидали све-

кие отдохнувшие животные. Разгруженные нарты по-прежнему предполагалось отправлять обратно.

Обеспечив себя таким образом, оба отряда 14 февраля двинулись в путь и, прибыв в начале марта в стан у Баранихи, занялись распределением и упаковкою присланной ранее провизии.

Несколько дней задерживала экспедицию буря, но наконец погода прояснилась и 5 марта путешественники выехали из стана, а 8-го достигли берегом Шелагского мыса. Здесь случай сблизил их с народом, познакомиться с которым они давно желали.

Врангель и Козьмин, опередив караван, направились в море и неожиданно наткнулись на чукчу, выезжавшего из-за торосов на легких саночках, запряженных двумя оленями. Чукча остановился на некотором расстоянии и закричал что-то. Врангель и Козьмин стали делать ему приветственные знаки, стараясь удержать его, пока не подойдет оставшийся позади переводчик Чукча, видимо, ободрившись и, выйдя из саней, подошел к путешественникам и попросил табак. Закурив трубку, он проговорил «камакай», т. е. «старшина», и, вскочив в сани, скрылся за торосами. Вечером, когда все общество собралось и расположилось лагерем, явились трое чукчей. Двое ехали на санях, а третий бежал возле, погоняя оленей. Приближаясь к лагерю, чукчи делали обеими руками какие-то движения, вероятно желая показать, что они прибыли с дружелюбными намерениями. Не доезжая до лагеря, из саней вышел малорослый чукча лет шестидесяти, одетый в мохнатую кухлянку, и, приблизившись к путешественникам, заявил, что он камакай чукотского племени, обитающего по берегу Чаунского залива. Его смелые и быстрые движения обнаруживали сильное телосложение, а маленькие блестящие глаза — мужество и самоуверенность. После обычного приветствия «тарома» (искаженное «здорово») он велел вынуть из саней жирный бок тюленя, кусок свежего медвежьего мяса и подарил их начальнику экспедиции. Врангель провел его в свой урос, угощал табаком, рыбой. Чукча вел себя так непринужденно и спокойно, как будто бы он был старый знакомый; разговор велся через переводчика. Чукчу очень интересовал вопрос, зачем это русские приехали в такую даль и в такое холодное время года. Слушая объяснения Врангеля, он пристально смотрел на него, словно желая угадать его задние мысли. Но потом лицо его прояснилось, и он с полным чистосердечием отвечал на все вопросы и много говорил сам. Он рассказывал, что на Шелагском мысу видел крест, поставленный Врангелем в 1820 г., и что этому кресту его сородичи принесли в жертву

Рисунки береговых чукчей на кости

большого оленя за то, что он покровительствовал их промыслам, которые в этот год были особенно удачны. Зато другой крест, поставленный еще раньше священником Слепцовым, чукчи сломали и сожгли, потому что с тех пор, как его поставили, ближайшая река стала малорыбной. Еще сообщил камакай, что чукчи на Шелагском мысе не имеют постоянного местожительства, а собираются туда в марте для охоты на белых медведей, которых преследуют вооруженные одними копьями, и убивают среди самых неприступных торосов.

Старшина выдавал себя за потомка древних шелагов, много лет тому назад двинувшихся на запад по морскому берегу и назад не возвратившихся. Часа через два гость уехал, очень довольный приемом и подарками.

На следующий день камакай явился с женами, детьми и племянником, молодым человеком. Гостям предложили чаю, но они, отведав его, поморщились, вылили на землю и, вырезав каждый

по куску твердого снега, принялись жевать его. К этому лакомству прибегали они и потом, обыкновенно, после еды. Надо думать, что снег заменял им питье. Сахар чукчам очень понравился, и племянник камака рассказывал, что он ел много сахара в Островном, когда его крестили; но сам обряд крещения произвел на него так мало впечатления, что он его совсем забыл. Забыл он даже данное ему имя, но жена помнила, что при крещении мужа нарекли Николаем, а ее Агафьей. Проводники принялись экзаменовывать Агафью, умеет ли она креститься, а в это время ее 10-летний сынишка, рассчитывая, что его никто не видит, очень ловко спрятал под кухлянку пару ножей, бисер и несколько мелочей. Не желая нарушать добрых отношений с чукчами, Врангель сделал вид, что не заметил воровства.

Камакай, уверившись, что русские не имеют предательских намерений, подробно описывал границы земли своей и даже нарисовал углем на доске положение Шелагского мыса. В Чаунском заливе начертил он остров Араутан совершенно правильно по форме и по положению, а к востоку другой островок, который впоследствии Врангель и нашел. На вопрос, не существует ли земли к северу от Чукотского берега, он отвечал, что в ясные летние дни с прибрежных скал Северного мыса (по-местному, Иркайпий) бывают видны на севере снегом покрытые горы, но зимою их не видно. В прежние годы приходили с моря, вероятно оттуда, большие стада оленей, но теперь они не показываются. От отца своего камакай слышал, что в давние времена один чукотский старшина со своими домочадцами поехал в кожаной байдаре в эту землю, но вернулся ли — неизвестно. Еще рассказывал он, что в Чаунской губе выбросило на берег мертвого кита, раненного дротиком с каменным острием. Такого оружия чукчи не употребляют, и камакай полагал, что кита ранили жители той земли. Врангелю же хорошо было известно, что такие дротики употребляются алеутами, и кит, вероятно раненный ими, проплыл через Берингов пролив.

Врангель сделал старшине несколько подарков и сказал ему, что если его показания окажутся верными, то само правительство наградит его. Камакай благодарил и просил походатайствовать, чтоб белый царь прислал ему железный котел и мешок табаку. Этого только и недоставало ему для полного счастья. Врангель должен был обещать, что употребит все усилия, чтоб удовлетворить его, и камакай с домочадцами уехал, весьма довольный знакомством и приемом.

Проехав берегом еще четыре дня и сделав съемку, экспедиция направилась в Ледовитое море, прямо на север. Путь был загроможден торосами, и приходилось пешнями прорубать

путь, поэтому караван двигался черепашью шагом. Убедившись, что торосы становятся все выше и плотнее, Врангель решил разгрузить несколько нарт и, зарыв провиант во льду, поехать с Козьминым и пятью проводниками на четырех нартах дальше на север, взяв провизии и топлива только на пять дней.

Ночью, на 18-е число, поднялся сильный ветер, постепенно крепчая, он превратился в шторм и разломал лед около того места, где расположен был лагерь. Неожиданно путешественники очутились на большой льдине сажен в пятьдесят в поперечнике. От силы ветра лед с шумом трескался, щели расширялись и некоторые доходили до 15 сажен ширины. Льдины носило по морю, и путешественники ежеминутно ожидали смерти. Наконец к утру их льдину прибило к твердому льду, и они были спасены.

Вдали, к северу, поднимались испарения, доказывавшие, что море свободно ото льда, и все-таки Врангель решился идти вперед до последней возможности. Очень медленно, в течение целого дня подвигались путешественники, обходя огромные трещины, еще не сомкнувшиеся, и переправляясь через другие, покрытые уже тонкой ледяной корой. Одна из таких трещин простиралась до края видимого горизонта и окончательно преграждала путь. Оставалось или повернуть назад, или лезть напролом. Энергичный моряк был не из тех людей, которые останавливаются перед препятствиями. Он решил идти напролом, и при быстром беге собак его предприятие удалось как нельзя лучше. Под передними собаками лед гнулся и проламывался, но животные, возбуждаемые проводником и чуя опасность, бежали так скоро, что сани не успевали погружаться в воду и, быстро скользя по трескавшемуся льду, šťastливо достигли противоположного края. Остальные нарты ехали в разных местах и так же благополучно проехали. Дав отдохнуть собакам, караван двинулся далее и, пользуясь светом северного сияния, ехал всю ночь.

Чем дальше, тем опаснее становилось путешествие. Беспреданно встречались полыньи, слегка затянутые льдом и покрытые снегом, так что невозможно было их отличить от твердого льда. Не раз собаки проваливались в воду, и только с трудом осаживая их, удавалось удержаться от падения в бездну. Наткнувшись на группу торосов, путешественники остановились здесь на ночлег. Эта группа, окруженная полыньями, походила на скалистый остров, который могло ежеминутно оторвать и унести в море. К счастью, ночью ветер утих, и путешественники, устроив из льдин мост, могли оставить свой остров и перебраться на твердый лед.

Чем более являлось препятствий, тем сильнее отважных исследователей тянуло вперед

Корм для собак подходил к концу, и Врангель отправил две нарты обратно, а на двух остальных продолжал путь.

Двадцать третье марта было для путешественников роковым днем, разбившим все их надежды. Предоставим слово самому Врангелю:

«Девять верст проехали мы благополучно, как вдруг перед нами открылась новая щель сажен в полтора ширины; это уже был целый канал. Усилившийся ветер расширял этот канал более и более. Мы влезли на самый высокий торос в надежде найти средство проникнуть далее, но, достигнув вершины, увидели только необозримое, открытое море. Величественно ужасный и грустный для нас вид! На пенящихся волнах носились громадные льдины и гонимые ветром набегали на рыхлую ледяную поверхность, лежащую по ту сторону канала. Можно было предвидеть, что сила волнения и удар ледяных глыб скоро сокрушат эту преграду и море разольется до того места, где мы стояли. Может быть, нам удалось бы по плывающим льдинам переправиться на другую сторону канала, но то была бы только бесполезная смелость, потому что там не нашли бы мы уже твердого льда. Даже на нашей стороне от ветра и силы течения в канале лед начал трескаться и вода, с шумом врываясь в щели, разрывала льдины и раздробляла ледяную равнину.

С болью в сердце убедился я, что преодолеть поставленные природой препятствия невозможно. Вместе с тем исчезла надежда на открытие земли, в существовании которой мы не могли более сомневаться. Приходилось отказаться от цели, к которой мы стремились в течение трех лет, презирая все лишения, труды и опасности. Мы сделали все, чего требовали от нас долг и честь. Бороться с силой стихий было бы безрассудно и еще более бесполезно, и я решился вернуться».

Глава X

На волосок от смерти. Остров Колючин.

Окончание экспедиции

Повернув назад, путешественники поехали по прежней дороге, беспрестанно встречая щели и полыньи; через широкие трещины переправлялись на льдинах. Если льдины были малы и упряжки не могли поместиться на них, собак сталкивали в воду, и они переплывали на другую сторону, буксируя льдину с нартой. Сильное течение делало подобную переправу нередко весьма опасной. После многих трудных и опасных переходов, путешественники достигли наконец склада с провиантом, куда за день перед тем прибыли посланные раньше две нарты. Все припасы оказались в целости, но для доставки их на берег четырех нарт было мало, и потому сколотили кое-как из дров пятую нарту, и все-таки не могли увезти всей провизии. Приходилось бросить остальное на произвол судьбы.

Несмотря на утомление собак, нужно было спешить, так как лед становился все более и более опасным. На беду, один нартовщик почувствовал сильную боль в спине, и из-за него пришлось промедлить сутки. Но так как на следующий день ему было не лучше, а положение стало еще опаснее, то Козьмин уступил ему свое место в нарте, а сам вызвался управлять ею.

Отъехав версты три, путешественники увидели, что их прежняя дорога исчезла. Огромные торосы и вновь образовавшиеся щели преграждали путь. Для облегчения нарт пришлось бросить часть груза, но это принесло мало пользы.

«Были минуты, — рассказывает Врангель, — когда мы теряли всякую надежду на возвращение. Полыньи простирались во всех направлениях. К западу виднелось открытое море с носившимися по нем льдинами; густые пары затемняли небосклон. К югу лежала неподвижная ледяная поверхность, составленная из больших льдин, прижатых одна к другой, но туда не было возможности проехать. Отрезанные от всякого сообщения с твердым льдом, со страхом ожидали мы наступления ночи. Только ночному морозу обязаны мы спасением. Слабый северо-западный ветер понес льдину, на которой мы находились, к востоку и приблизил ее к твердому льду. Шестами притянули мы небольшие льдины, плававшие вокруг нас, и составили из них род моста до твердого льда. Мороз скрепил эти

льдины до такой степени, что они могли нас сдерживать. Работа была кончена до восхода солнца. Мы поспешили покинуть нашу льдину и переправиться на твердый лед. Проехав с версту, мы снова увидели себя окруженными полыньями. Находясь на льдине довольно обширных размеров и видя все признаки приближающейся бури, мы решили остаться на месте и предаться воле Провидения.

Внезапно поднялся резкий западный ветер и нагнал черные тучи. Море сильно взволновалось. Огромные ледяные горы сталкивались с шумом и грохотом и исчезали в пучине. Картина производила потрясающее впечатление.

В мучительном бездействии смотрели мы на борьбу стихий, ежеминутно ожидая гибели. Три часа провели мы в таком положении. Льдина наша носилась по волнам, но все еще была цела. Внезапно огромный вал подхватил ее и с невероятной силой бросил на твердую ледяную массу. Удар был ужасен. Оглушительный треск раздался под нами, и мы чувствовали, как раздробленный лед начало разносить по волнам. Минута гибели наступала; но в это роковое мгновение спасло нас врожденное человеку чувство самосохранения. Невольно бросились мы в сани, погнали

собак, сами не зная куда, быстро полетели по раздробленному льду и счастливо достигли неподвижного ледяного острова, обставленного торосами. Мы были спасены и горячо возблагодарили Провидение.

Рев ветра и ярость волн не позволяли нам мешкать. Отдохнув несколько, направили мы путь к берегу. К вечеру достигли нашего первого склада провианта, нагрузили нарты и до наступления ночи добрались до берега. Под навесом небольшой скалы, защищавшей нас от ветра, мы могли развести огонь, обсушиться и подкрепиться горячей пищей».

За ночь буря утихла, и путешественники имели возможность в течение дня перевезти провиант из первого склада на берег. Пользуясь хорошим морозом, Врангель надеялся спасти и другой склад; но Козьмин, посланный туда, вернулся после шестичасового отсутствия и сообщил, что взломанный лед преградил ему путь. Потеря запасов могла привести к печальным последствиям, но делать было нечего; приходилось примириться с обстоятельствами. Первого апреля двинулись путешественники берегом на восток, в надежде встретить Матюшкина и у него позаимствовать провиант. На высоких местах стави-

Вьюга во льдах.

Гравюра XIX в.

и шести с записками о своем бедственном положении, рассчитывая, что товарищи наткнутся на эти знаки и выручат.

Долгое отсутствие Матюшкина начинало тревожить Врангеля. Запасы истощались, корма собакам оставалось всего на три дня; до ближайшего склада при устье Б. Баранихи было не менее 50 верст. Ехать далее значило утомить собак с голоду и продолжать путь пешком; приходилось сдаться; ничего более не оставалось делать.

В унылом расположении духа ехали путешественники обратным путем, как вдруг неожиданно повстречали Матюшкина. Радостно приветствовали они товарища, выручившего их из крайне неприятного положения.

Матюшкин вполне удачно совершил порученную ему съемку берега. Он несколько раз встречался с чукчами и видел в них много дружелюбия. Один чукотский камакай уверял его, что на севере действительно существует земля, населенная дикими племенами, единственной пищей которым служит снег.

Доктор Кибер, сопутствовавший Матюшкину, также слышал от чукчей об этой земле. Они утверждали, что сами видели ее в ясные летние дни с места, называемого Якан. По описанию, Якан должен был находиться далее на восток, и Врангель, позаимствовав провиант у Матюшкина, решил непременно отправиться туда.

На ночлеге занялись разделением припасов; часть их зарыли в лед и шесть порожних нарт отправили обратно в Нижнеколымск. На семи нартах поехали далее.

Восьмого апреля прибыли к небольшому мысу, который по всем признакам и был Якан. Напрасно всматривались в горизонт: никакой земли не было видно. Зато нашлось здесь много наносного леса соснового, елового и лиственничного. Давно уже путешественники терпели недостаток в топливе и разводили огонь только раз в день, а потому такая находка всех обрадовала. Особенно важна была она для Матюшкина, который, в свою очередь, хотел предпринять путешествие на север, чтобы отыскать предполагаемую землю.

Деятого апреля экспедиция разделилась: Матюшкин поехал на север по льду, Врангель, Козьмин и Кибер на восток по берегу. На следующий день второй отряд достиг северного мыса (Иркайпия), открытого Куком в 1777 году.

Обогнув мыс, путешественники увидели чукотское селение и, чтоб не испугать жителей, остановились на некотором расстоянии. Несмотря на это, женщины пришли в смятение и забегали от одной хижины к другой. Наконец собралась толпа и, казалось, о чем-то рассуждала; потом двое отделились и пошли навстречу приезжим.

Врангель выслал к ним толмача, поручив ему уверить чукчей в дружелюбии русских.

Посланные с обеих сторон встретились молча и, торжественно поклонившись друг другу, сели на лед. Толмач набил себе и чукчам трубки, и не ранее, как все трое выкурили их, толмач начал длинную речь, объясняя цель приезда русских. По-видимому, его речь произвела хорошее впечатление, потому что чукчи встали и вместе с толмачом приблизились к путешественникам. Один из чукчей, старшина по имени Этель, был родственником того камакая, с которым Врангель познакомился на Шелагском мысу. Это обстоятельство тотчас же установило между обеими сторонами дружеские отношения.

Получив в подарок табак и другие мелочи, Этель остался очень доволен и пригласил путешественников посетить его хижину, что они и сделали на следующий день.

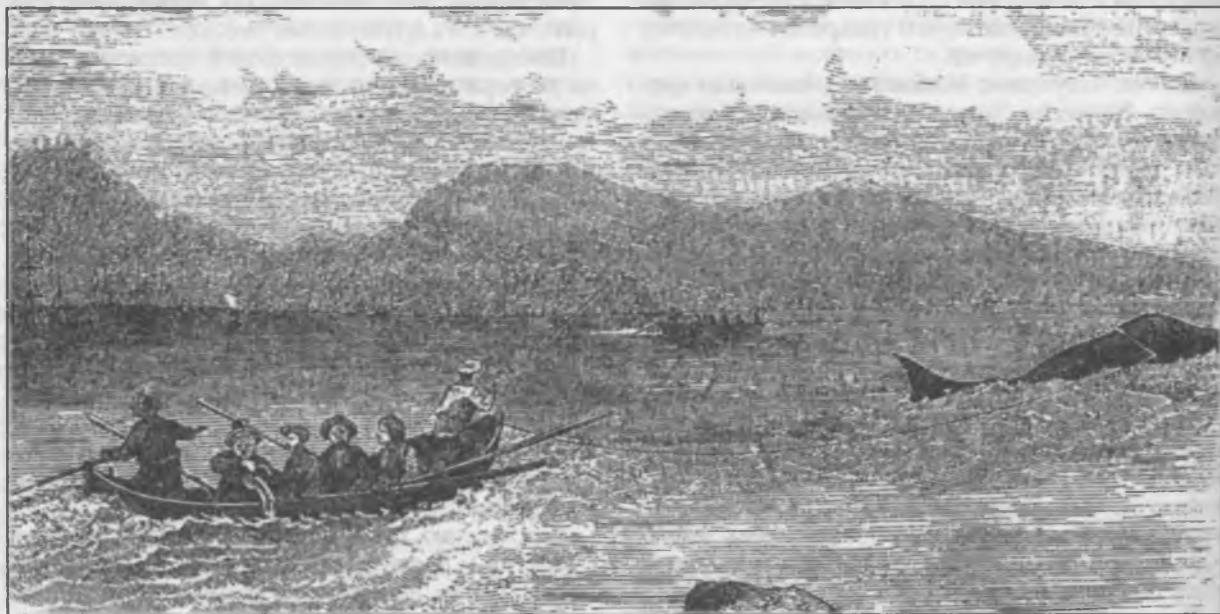
Вся хижина была увешана копиями, луками, стрелами и другими орудиями охоты и рыбной ловли. Тут же лежали сваленные в груды звериные шкуры, китовые усы, моржовые ремни и т. п. «Выбирай, что тебе любо, — сказал Этель Врангелю, — а мне дай ружье и пороху. Я видел ружье у нагорных чукчей и могу стрелять не хуже их».

Он так приставал с этой просьбой, что поневоле пришлось согласиться. За ружье Врангель выговорил тринадцать тюленных туш на корм собакам, обязал Этеля вывезти на дрова наносный лес, лежавший верстах в двадцати от селения и проводить экспедицию до острова Колючина.

Этель, ожидавший, по-видимому, больших требований, с радостью согласился на все условия. Дрова были перевезены в тот же день, а на следующий — экспедиция могла уже отправиться в путь. Чтоб не затруднять себя лишней тяжестью, Врангель оставил часть груза в хижине Этеля.

Рано утром явился Этель в полном дорожном костюме. За спиной у него висела котомка с табаком и разными мелочами, которые он надеялся выгодно выменять на Колючине. Шапка его была унижена бисером, сережками и бляшками, а наверху красовалась воронья голова. Это украшение, по объяснению Этеля, должно было обеспечить путникам счастливый путь и ласковый прием. Все жители селения провожали своего старшину, упрашивая его поскорее возвратиться. Они, видимо, опасались за его судьбу.

После 11-часовой езды путешественники приехали к двум уединенным чукотским хижинам, где должны были переночевать. Лай собак разбудил и перепугал спящих жителей. Они повскакали с мест, схватили шаманский бубен и подняли страшный шум; но Этель скоро их успокоил и уговорил принять русских.

Охота на кита.

Гравюра XIX в.

На следующий день, 14 апреля, путешественники продолжали путь по пустынному берегу и достигли устья реки Омгуема, шириной в $2\frac{1}{2}$ версты. Этель рассказывал, что прежде во множестве приходили сюда олени и чукчи с Колючина на них охотились; но с некоторого времени перестали приходить.

К вечеру приехали в другое селение, где тоже все спали. Прежде чем идти будить обывателей, Этель отыскал место, где погребен был один из его предков, проговорил над могилой с торжественностью подобающие молитвы, пожертвовал усопшему несколько листьев табака и потом уже вошел в одну из хижин. Вероятно, он рекомендовал путешественников с выгодной стороны, так как старшина вышел к ним навстречу и подарил им несколько тюленей, за что был щедро одарен. Переночевав здесь, путешественники рано утром отправились далее.

Немного не доезжая острова Колючина, экспедиция расположилась лагерем на льду. Жители ближайшего селения, увидев чужеземцев, пришли в сильное волнение. Женщины и дети скрылись в ближайшей горе, а мужчины, вооружившись копьями, луками и стрелами, выстроились в ряд перед хижинами, ожидая нападения. Тогда Этель со своей вороньей головой на шапке пошел прямо к чукчам один, без всякого оружия, и скоро их успокоил. Они положили оружие и спокойно подошли к путешественникам. С радостью приняли чукчи предложение

обменять на табак и бисер китовое мясо для собак. В этом году китовая и моржовая охота были особенно удачны; туземцы убили до пятидесяти китов.

Известие о прибытии путешественников быстро облетело остров, и в короткое время собралась вокруг стана толпа человек до семидесяти. Сани богатых чукчей запряжены были четырьмя-пятью оленями в ряд, а подле саней бежал погонщик, чукча из бедняков. Чукчи привезли свои товары для обмена, но прежде чем начать торг, каждый считал долгом выпросить себе щепотку табаку.

Между приехавшими чукчами находился один старшина племени, живущего у Берингова пролива. Этот субъект отличался весьма странным нарядом. Поверх мохнатой кухлянки висело у него на шее два образа, четыре креста и между парой дощечек два свидетельства: одно — о принятии им с тремя сыновьями св. крещения; другое — о пожаловании ему государем императором камлеи из красного сукна за присылку черно-бурой лисицы. Из ревности к вере он беспрестанно крестился кстати и некстати, еще он хвастался умением есть сахар и пить чай, в чем другие земляки его оказывали полнейшее невежество.

И здесь Врангелю довелось слышать рассказы о таинственной земле. Когда-то, очень давно, шестеро чукчей и одна женщина отплыли далеко от берега. Долго носились они по волнам, наконец, были выброшены на неизвестную землю.

Мужчины погибли, умерщвленные туземцами, а женщина долго жила на той земле, потом перебралась в Америку и оттуда уже попала на родину. По ее словам, земля эта обширна и разделена между многими племенами. Западные племена весьма схожи с чукчами; а восточные так свирепы и дики, что даже на людей не походят.

«Если и существует действительно эта земля, — заключает Врангель, — то открытие ее зависит единственно от случая и благоприятно сложившихся обстоятельств»¹.

Чукотская публика своим попрошайничеством и хвастовством скоро надоела путешественникам, и они поспешили раскланяться. Вообще же обоюдным знакомством обе стороны остались очень довольны.

Чрезвычайное утомление собак и недостаток средств на приобретение для них корма побудили Врангеля отказаться от съемки остальной части берега до Берингова пролива, тем более что эта часть была уже описана экспедицией Биллингса. Теплое время приближалось, а до Нижнеколымска считалось не менее 1060 верст. Медлить было нельзя, и путешественники, отдохнув два дня у Колючина, пустились в обратный путь, провожаемые целой толпой туземцев, надеявшихся на прощанье выпросить еще что-нибудь.

Двадцатого апреля экспедиция достигла Иркайпия, и Этель был встречен своими соплеменниками с неподдельной радостью. Оставленная провизия оказалась в полной сохранности. Отдохнув здесь два дня, путешественники поехали на запад и на следующий день достигли того места, где расстались с Матюшкиным. Там водружен был крест и к нему прибита записка, в которой Матюшкин извещал, что он мог проехать по морю только 16 верст и, встретив плавучие льды, принужден был вернуться.

В данную минуту Матюшкин был уже, вероятно, в Нижнеколымске, а отряду Врангеля предстоял еще дальний путь, и путь тяжелый. Собаки поранили себе ноги и бежали, оставляя за собой кровавый след. Кроме того, от недостатка корма они так обессилели, что некоторых из них пришлось положить на нарты.

Наконец 10 мая путешественники добрались до Нижнеколымска, который показался им землей обетованной. Всего сделали они взад и вперед 2300 верст, пробыв в отсутствии 78 дней.

Экспедиция могла считаться оконченной; по данной инструкции сделано было все, кроме открытия предполагаемой земли, и теперь, согласно предписанию, экспедиция должна была возвратиться в Петербург. Лето прошло в исполнении разных формальностей и в приготовлении к отъезду. Первого ноября экспедиция выехала из Нижнеколымска при 32-градусном морозе и после некоторых неизбежных остановок на пути прибыла в Петербург 15 августа 1824 г.

¹ Эта земля, в существовании которой Врангель сомневался, открыта была впоследствии англичанином Келлетом и получила название в честь Врангеля, потратившего столько трудов на поиски ее.

В одном из немецких географических журналов описывалось, что некто капитан Дальман в 1866 г. не только видел Землю Врангеля, но и выходил на берег.

Четырехкратное путешествие графа Федора Петровича Литке к Новой Земле

Биографический очерк¹

юди, знавшие Федора Петровича Литке в лучшую пору его деятельности, поражались теми обширными и основательными познаниями, которыми он обладал в различных отраслях науки. Не всем, однако же, было известно, что этими умственными богатствами Литке обязан был самому себе, своей ненасытной любознательности и несокрушимой силе воли.

Федор Петрович Литке родился 17 сентября 1797 года в С.-Петербурге. Матери он лишился при рождении, отца — в 10-летнем возрасте. Пока жив был отец, Литке кое-чему учился в маленьком дешевом пансионе. Но после его смерти, от 10 до 15 лет, в эту восприимчивую пору жизни, требующую самого неусыпного попечения, юноша, вследствие печальных семейных обстоятельств, оставался без всякого руководства как в умственном, так и в нравственном отношении. Нужно удивляться, как предоставленный самому себе мальчик, без семьи, без друзей, не погиб. Его спасла от нравственной гибели исключительная натура и редкая любознательность. Читал он все, что ему попадало под руку, без системы и разбора; и хотя сначала от неразборчивого чтения в его понятиях, по его собственному признанию, образовался хаос, но мозг все-таки получил пищу и впоследствии сумел разобраться в массе случайно приобретенных сведений и извлечь из них пользу.

К счастью, семейные обстоятельства Федора Петровича изменились к лучшему; его сестра, жившая в провинции, вышла замуж за моряка Сульменева и поселилась в Кронштадте. Часто посещая сестру, молодой Литке имел возможность познакомиться с той стихией, на которой будущность готовила ему неувядаемые лавры. События 1812 года породили в нем восторженное желание посвятить себя морской службе. Отправившись в Свеаборг, где зять его командовал отрядом канонирских лодок, молодой Литке брал там в течение нескольких недель уроки и к Пасхе 1813 года, выдержав экзамен, определен был гардема-

¹ Из речи Струве, читанной на торжественном собрании Академии наук в 1882 г.

рином в отряд своего зятя. В этом звании ему в тот же год представился случай отличиться при бомбардировании занятой еще французами крепости Данцига. С тех пор он уяснил себе настоящее свое призвание и с примерным рвением принялся пополнять свое образование.

Окончательную полировку получил он во время кругосветного плавания в 1817 году на военном шлюпе «Камчатка» под командой Головина. Строгая дисциплина, царствовавшая на судне, сначала не нравилась не привыкшему к правильной жизни юноше, но скоро он сознал ее необходимость и сделался ревностным ее сторонником. В этом плавании принимал участие барон Ф. П. Врангель, будущий соперник Литке в исследовании Арктического океана. Однородность стремлений сблизила молодых людей и создала между ними дружбу, длившуюся до конца их жизни.

Упомянутое кругосветное плавание выработало из молодого Литке искусного и неустрашимого мореплавателя, жаждущего послужить науке. Случай скоро представился. В 1821 году Литке поручена была опись берегов Новой Земли, о которой до того времени имелись очень поверхностные сведения.

Четыре раза в течение четырех лет плавал Литке от Архангельска к Новой Земле, и его исследования, произведенные с глубоким знанием и тщательностью, составляют один из богатейших источников для ознакомления с этой частью Ледовитого океана.

По окончании экспедиции Литке приступил к обработке собранных материалов, и в начале 1826 года появилось в печати его сочинение: «Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан».

Едва Литке успел окончить упомянутое сочинение, как был назначен командиром шлюпа «Сенявин», на котором и отправился в кругосветное плавание, длившееся с 1826 по 1829 год.

Богатый запас научного материала и всевозможные коллекции, вывезенные Литке из путешествия, возбудили всеобщий энтузиазм в ученом мире, и в 1829 году академия почтила достойного мореплавателя званием корреспондента. Тридцать лет спустя он был избран почетным членом.

Возраставшая слава Федора Петровича, его исполнительность при исполнении служебных обязанностей и неутомимая преданность делу обратили на него внимание императора Николая Павловича. Познакомившись лично с Литке и оценив его дарования и личные качества, император назначил его в 1832 году воспитателем великого князя Константина Николаевича, предназначавшегося на высокий пост генерал-адмирала русского флота.

Ф. П. Литке

Назначение это заставило Федора Петровича крепко призадуматься. Не получивший правильного воспитания и своим образованием и познаниями обязанный исключительно собственному труду, он должен был воспитывать юношу, поставленного Провидением на такую высоту, на которой неприменимы обыкновенные правила педагогики. Но взявшись за дело, он предался ему всей душой; занялся чтением по тем отраслям знаний, в которых сознавал пробелы, и таким образом продолжал образовывать себя. Пример самостоятельности учителя был лучшим воспитательным элементом для ученика.

Новая должность Федора Петровича ввела его в круг выдающихся представителей науки и сблизила со многими учеными столицы. В беседах с этими лицами и с его другом бароном Врангелем впервые зародилась у Литке мысль об образовании Географического общества, задачей которого было бы изучение России в географическом, этнографическом и экономическом отношениях. По возвращении Миддендорфа из известного его путешествия по Сибири мысль эта приняла определенную форму и, благодаря стараниям Литке и могущественному содействию его августейшего воспитанника, в 1845 году учреждено наше Географическое общество, которым всякий русский вправе гордиться.

В течение двадцати лет Литке состоял вице-президентом этого учреждения, и смело можно сказать, что благодаря его энергии, предусмотрительности и разумному руководству общество стало на твердую почву и в течение своей 38-летней деятельности много успело сделать для пользы и славы России.

В 1855 году Федор Петрович был призван в Государственный совет и возведен в графское Российской империи достоинство.

Уже на склоне лет в 1864 году Литке занял кресло президента Академии наук и состоял в этой должности восемнадцать лет. Здесь, как и везде, чувство долга руководило всеми его действиями; он ревностно заботился об улучшении научных средств академии, с восторгом приветствовал каждый шаг к расширению человеческих знаний и высоко, пока были силы, держал знамя серьезной науки.

Граф Ф. П. Литке скончался в С.-Петербурге 8 августа 1882 года.

Первое путешествие Литке к Новой Земле

Все путешествия в полярные моря доказывают, что встречаемые мореплавателями ледовые препятствия бывают в разные годы весьма различны. Это объясняется тем, что количество льдов в каком-нибудь месте зависит не столько от географической его широты или средней температуры года, как от стечения множества обстоятельств, чисто случайных: от большей или меньшей степени стужи в зимние и весенние месяцы, от силы и направления ветров; наконец, от количества и толщины льда, выносимого в море большими реками.

Приписывая неудачу предшествовавших экспедиций влиянию этих обстоятельств, правительство не сложило оружия и продолжало поручать своим ученым морякам исследования в той области, которая оставалась загадкой для ученого мира. В 1820 году был построен бриг «Новая Земля» и командиром его назначен Литке. В данной ему инструкции говорилось следующее:

«Цель поручения, вам делаемого, не есть подробное описание Новой Земли, но единственно обозрение на первый раз берегов оной и познание величины сего острова по определению географического положения главных его мысов и длины пролива, Маточкиным Шаром именуемого, — буде тому не воспрепятствуют льды или другие какие важные помешательства».

Получив от адмиралтейского департамента книги, карты и инструменты, Литке по последнему санному пути покинул Петербург и в начале апреля прибыл в Архангельск.

Тридцатого апреля вскрылась река Двина и Архангельск принял своеобразный вид. Жители предместья Соломбалы, лежащего на низменном острове, перебрались, в ожидании наводнения, на крыши, куда перетащили весь свой скарб. Домашний скот отведен был на сеновалы.

Во время ледохода, продолжающегося дней пять, положение жителей бывает далеко не завидное. Не имея возможности предвидеть, какой размер примет разлив реки, они находятся в постоянном страхе. Когда же обнаружится, что наводнения опасаться нечего, происходит реакция. Обыватели делаютя особенно веселы и с песнями разъезжают по затопленным улицам друг к другу в гости.

Наводнения и ледоходы никогда не остаются без последствий. Река засоряет фарватер и подмывает берега. В Соломбальской гавани было прежде кладбище; теперь оно все под водой, и нередко приходится, плывя вдоль берегов, видеть торчащие из воды концы гробов и надгробных камней. Полагают, что в течение пятнадцати лет подмыло этот берег, по крайней мере, на полверсты. И таких изменений в Архангельске и его окрестностях очень много.

Река Двина под самым городом разделяется на несколько рукавов, образуя обширную дельту, среди которой лежит до 150-ти островов различной величины. В сорока верстах ниже воды Двины изливаются в море четырьмя главными устьями: Березовым, Мурманским, Пудожемским и Никольским.

Одиннадцатого мая Двина вошла в берега, и Литке мог отправиться в адмиралтейство, к своему судну. Хотя в инструкции, ему данной, и рекомендовалось не зимовать на Новой Земле, но всех обстоятельств предвидеть было нельзя, и благоразумие требовало обеспечить себя на всякий случай. Начальники прежних экспедиций брали с собой разборные избы, но, по свидетельству их, избы эти занимали много места и стесняли движение на судне. Поэтому Литке решился последовать примеру англичанина Парри и заказать на все

судно осмоленную парусинную крышу, чтобы можно было в случае надобности на судне же зимовать. При таких условиях не пришлось бы вертаскивать на берег множества вещей и провизии, да и само судно было бы сохраннее.

Наконец все приготовления были кончены, 14 июля бриг «Новая Земля» вышел из Архангельска и направился к устью Двины. При впадении этой реки в море периодические течения представляют замечательную особенность. Часа через три после начала прилива вода останавливается и падает дюйма на два; иногда и течение обращается вниз. Такая перемержка прилива, называемая «манихой», продолжается от 30 до 45 минут. Потом прилив возобновляется и через два или два с половиной часа, а от начала прилива ровно через шесть часов, приходит настоящая полная вода. Отлив же безостановочно продолжается шесть часов.

Обогнув мыс, известный под названием Зимних Гор, моряки вступили в полосу тумана, где встретили странное явление. Одним курсом с ними шел другой бриг, изображенный рефракцией на некоторой высоте в обратном положении, то есть парусами вниз. По временам между настоящим бригом и призрачным являлось еще изображение, и все три судна дружно бежали одно над другим. Это явление продолжалось несколько часов кряду.

Зная, что по пути к северу есть банки, точным образом нанесенные на карту, Литке не покидал палубы, зорко следя за курсом. Когда же банки были благополучно пройдены, он пошел отдохнуть. Едва успел он спуститься в каюту, как ему пришли доложить, что бриг сел на мель. Осмотрев его, нашли, что он носом приткнулся к мели, а руль еще был в воде. Пока ждали приспособления, чтобы снять его с мели, вода стала падать. Чтобы бриг не опрокинулся, под него подвели подставки, но все подставки одну за другой ломало в щепы; наконец судно накренилось, и каждую минуту можно было

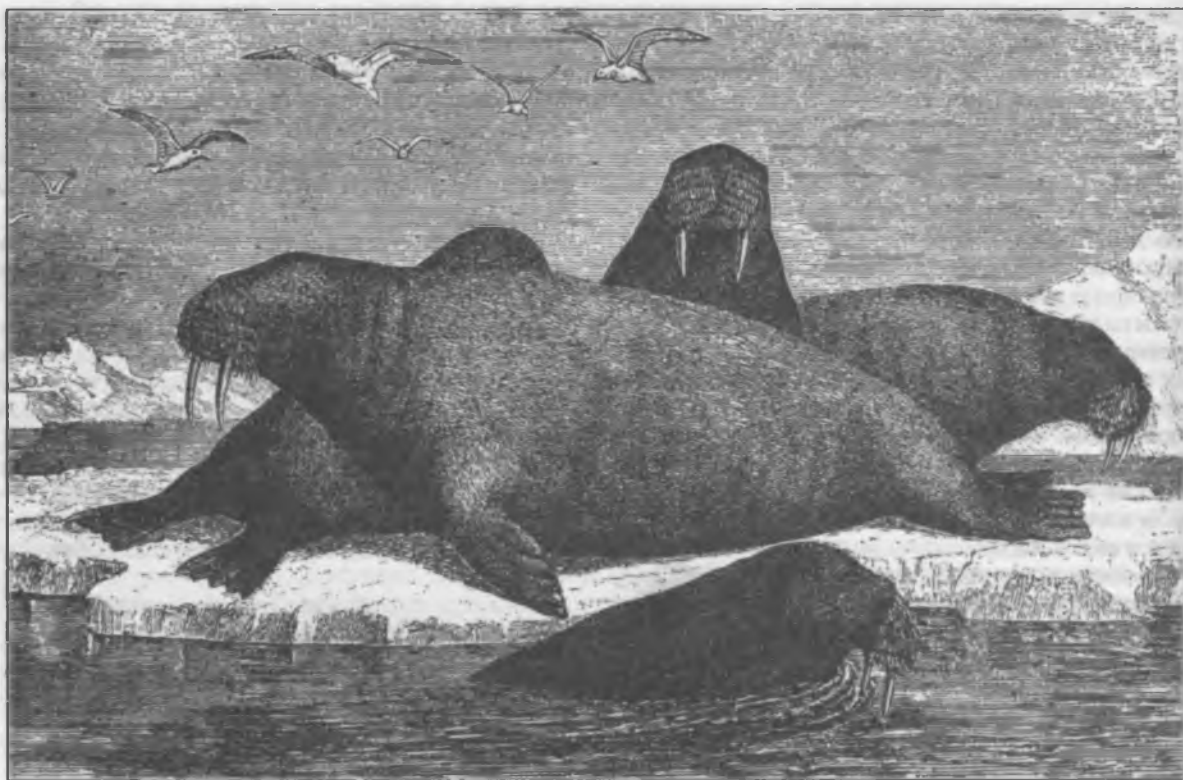
ожидать, что оно опрокинется. Вдруг судно с треском поднялось и встало прямо. Моряки недоумевали, чему приписать такой странный случай. После, когда мель совершенно обсохла, они увидели, что киль брига находится в глубоком желобе, который и удерживает его в прямом положении. Образовался ли этот желоб от наносного песку или выдолбил его киль судна — решить никто не мог.

Странный вид представлял бриг, стоявший во всеоружии на песчаном острове посреди безбрежного моря. Около него в разных положениях скопились люди. Одни, повиснув на беседках, осматривали подводную часть судна; другие, на палубе, устанавливали инструменты и делали астрономические наблюдения; третьи — гуляли по образовавшейся песчаной площадке и собирали ракушки.

Положение между тем было далеко не завидное. Поднялся ветер и начал разводиться волнение. Дойди оно до брига, и бриг мог быть разбит в щепы. Некоторые офицеры предлагали выбро-

Маршрут экспедиции Литке к Новой Земле

Моржи.
Гравюра XIX в.

сильная часть вещей, чтобы прибывшая вода могла скорее снять облеженный бриг, но Литке на это не согласился. На судне ничего лишнего не было, и потеря вещей могла повести к весьма неприятным последствиям. Он сделал распоряжение к снятию судна с мели, и когда начался прилив, его сдвинули с места. Не обошлось, конечно, без сильного сотрясения, но, к счастью, все кончилось благополучно: бриг не потерпел никаких повреждений.

По мере движения к северу термометр все более и более понижался и наконец упал до $-1\frac{1}{2}^{\circ}\text{C}$. Командиру пришлось доложить, что на горизонте показалось судно. Не трудно было догадаться, что это за судно. Минуту спустя показался целый флот. Это были просто льды, близость которых и вызвала быстрое понижение температуры. Сначала появились плавающие льдины, разделенные довольно большими полыньями. К востоку льдины все уплотнялись и на горизонте превратились уже в высокие, друг на друга нагроможденные горы. Некоторые из льдин были покрыты сором и грязью и какими-то черными кусками, похожими на обгорелые пни. Вероятно, их недавно оторвало от берега. Бывший на судне унтер-офицер, два раза зимовав-

ший на Новой Земле, рассказывал, что оттуда отнесло лед только накануне Успеньева дня.

Целый день шел бриг среди рассеянных льдин. Некоторые из них так были похожи на судно под парусами, что, только подойдя совсем близко, можно было удостовериться, что это обман зрения.

Ветры крайне не благоприятствовали плаванию, и бриг подвигался черепашим шагом. Только 10 августа, то есть через 26 дней после отплытия из Архангельска, увидели мореплаватели берег Новой Земли.

Долго боролись они со льдами, не позволявшими им пристать к берегу. Приходилось крейсировать вдоль припаев, окружавших берега, с юга на север, в надежде найти место, свободное ото льда. Однообразие этих скитаний иногда нарушалось встречей с морскими животными. На иных льдинах тюлени лежали семействами в десять-пятнадцать штук. Попадались целые стада моржей. По одному из таких стад с брига сделали несколько выстрелов ядрами. После первого выстрела моржи вскочили, но, оглядевшись, улеглись опять. После второго они только подняли головы на следующие же не обращали никакого внимания. Вообще, моржи быстро привыкают к выстрелам, что очень удобно для промышленников.

Морж, или морская корова, принадлежит к разряду млекопитающих. Этот громадный зверь имеет около двадцати футов в длину и двадцати футов в окружности всего тела. Формы его очень неуклюжи: маленькая голова, короткая, толстая шея, мешковатое тело и короткие ноги, короткие лапы. Лапы имеют пять пальцев, соединенных перепонками. Очень толстая верхняя губа продольным разрезом разделена на две лопасти, обсаженные трехдюймовыми, в соломинку толщиной, щетинами. Из-под губы выходят наружу огромных клыка, или бивня, которые загнуты кверху, как у слона, а книзу. Эти бивни служат моржу превосходным орудием защиты, помогают ему вырывать со дна морского водоросли и влезать на ледяные скалы. На плоские льдины на берег морж выходит с помощью лап. Морж считается очень драгоценной добычей, так как все в нем идет в дело. Клыки его плотнее и белее слоновой кости и ценятся очень дорого; жир и мясо идут в пищу, а из кожи делаются крепчайшие ремни. Его же обтягиваются байдарки.

Моржи живут обществами, иногда штук до ста. Когда они спят, то один всегда сторожит. В случае опасности он бросается в воду, а за ним все стадо. На суше морж самое неуклюжее животное; он ползет на брюхе, то поднимая, то опуская голову. В воде же он быстр и ловок. Случается, что он нападает на лодку и мощными бивнями старается ее просверлить или опрокинуть. Это бывает по большей части тогда, когда он разъярен вследствие нападения на него саблера или на его товарищей. Моржи вообще хорошие товарищи, и охотникам случалось видеть, как они бросались к раненому и бивнями поддерживали его над водой, чтоб не дать ему утонуть.

Один из промышленников, увидев однажды на льду моржа, стал следить за ним. Осмотревшись кругом, морж начал валяться и наконец застыл. Белый медведь, который, вероятно, давно сторожил добычу, в свою очередь осторожно приблизился на льдину и также начал валяться. Ясно было, что он употребил этот прием с целью поближе придвинуться к зверю. Подозрительный морж приподнялся, как будто бы с намерением дать тягу, но медведь притворился спящим и тяжело пошевеливаясь, как бы во сне, продолжал приближаться. Должно быть, морж смекнул, чем дело, так как быстро нырнул в воду. Нырнул и медведь, но без всякой для себя пользы.

Белый медведь, впрочем, очень хороший плотоядный. Путешественникам не раз случалось встречать его на какой-нибудь льдине далеко от берега. Подобным плотом пользуется зверь, когда отправляется на охоту за морскими животными, которыми преимущественно и питается.

Была уже середина августа, а бриг все еще находился далеко от цели; обетованная земля не давалась. Куда ни обращались взоры моряков, везде встречали они неодолимые препятствия. Это было тем прискорбнее, что в течение нескольких дней стояла хорошая погода, большая редкость в здешних местах, и этой погодой нельзя было воспользоваться.

Меня постоянно курс, судно попало 13 августа в пространство довольно чистое, с редкими плавающими льдинами. Так как ветер дул попутный, то Литке решил не стоять ночью, как обыкновенно делал из предосторожности, а двигаться далее. Вскоре увидел он, однако ж, что пустился в рискованное предприятие. Ночь была страшно темна, и судно каждую минуту могло набежать на ледяную гору и разбиться. Пока стоял хоть малый ветер и судно хорошо управлялось, можно было еще уклоняться ото льдов; но около полуночи совершенно заштилило, бриг нанесло и прижало к ледяному полю слева, так что не было никакого средства оттолкнуться от него шестами; справа же нагоняло на него множество других льдин, которые угрожали раздавить судно.

Долго вспоминали моряки эту тревожную ночь. Со всех сторон мелькали сквозь мрак, словно призраки, ледяные исполины; мертвая тишина прерывалась только плеском волн, отдаленным грохотом разрушавшихся льдин и изредка глухим воем моржей. Все это производило тяжелое, леденящее душу впечатление.

Крейсирование вдоль берега все-таки принесло свою долю пользы. Оно выяснило громадные достоинства брига, который, несмотря на борьбу со льдами не потерял никаких повреждений. К сожалению, за поздним временем года, нельзя было рассчитывать достичь цели, но, ввиду хорошего состояния брига, Литке решил проплавать до конца августа и потом уже возвратиться в Архангельск.

Продолжая путь к югу, моряки 22 августа усмотрели берег и могли подойти к нему настолько, чтобы снять его на карту. Голые скалы с островершинами, покрытыми снегом, и отсутствие растительности придавали стране суровый и бесприютный вид. На некоторых пунктах видны были избы, оставленные промышленниками, и столбы, сложенные из камней. Такие столбики складываются промышленниками для обозначения посещенных ими мест.

В течение нескольких дней бриг плыл вдоль берегов Новой Земли, отыскивая Маточкин Шар. Зная, что судно находится в той параллели, где должен быть этот пролив, Литке удивлялся, что не видит его. Только по прибытии в Архангельск, получив случайно карту штурмана Пошпелова, он убедился, что несколько раз прошел

мимо Маточкина Шара, не заметив его. Ошибка произошла от извилистости пролива и окружавших его островерхих гор, а еще более от несовершенства карт того времени.

Сильные ветры и недостаточная глубина моря препятствовали брига близко подойти к берегу. Можно было бы послать в бухты гребные суда, но на это потребовалось бы много времени, которого, ввиду приближающейся осени, в запасе оставалось очень мало. Двадцать восьмого августа случилось обстоятельство, которое заставило командира потопиться с возвращением. Бриг оказался затертым в канале между берегом и грядой льда, до того уплотнившейся, что не было возможности найти из нее выхода.

Эта ледяная стена, состоявшая из ледяных глыб, нагроможденных одна на другую, тянулась к северу на тридцать с лишком миль. Двое суток бриг находился в плену, рискуя быть прижатым к берегу и разбитым в щепы. Только 30 августа ему удалось добраться до конца этого коридора и выбраться на полую воду.

Между тем температура сильно понизилась, и шел беспрестанный снег. Рассчитывая, что до Архангельска ходу почти месяц, и зная, что Двина замерзает в начале октября, Литке не решился продолжать экспедицию и поворотил обратно.

В Архангельск моряки попали в самое неприятное время. С моря прибыли шняки промышленников, и шла переторжка рыбы. Когда шняки разгружаются, в городе и окрестностях стоит такое нестерпимое зловоние, что нет возможности открыть окна. При этом народ гуляет и лоцманы также. Моряки вправе опасаться, что их судно, избежав опасности на море, с пьяным лоцманом в виду гавани наскочит на банку. Но о таких случаях что-то не слышно; лоцманы, даже с отуманенной головой, не теряют сообразительности и благополучно приводят судно в гавань.

Два с половиной месяца провел Литке в Архангельске, приводя в порядок журналы и составляя карты и опись виденной части западного берега Новой Земли. Настоящую экспедицию он не мог считать вполне удачной, главным образом из-за ошибки в расчетах.

Вместо того чтоб стремиться к южному берегу Новой Земли, ему следовало бы сообразить, что этот берег по соседству с Карским морем должен быть постоянно заносим льдами, тогда как западный, освободившись однажды, все лето может быть чист. Этими выводами и воспользовался Литке во вторичном своем путешествии.

В декабре он прибыл в Петербург и представил своему начальству отчет об экспедиции.

Второе путешествие брига «Новая Земля». 1822 год

Вскоре по возвращении Литке в Петербург последовало высочайшее повеление о продолжении экспедиции на прежнем основании.

Ввиду того что берега Новой Земли раньше июля от льда не освобождаются, то, чтоб не терять дорогого времени, предписано было Литке употребить начало лета на описание берегов Лапландии, которые до той поры были очень мало известны, хотя около них уже более трех веков плавали суда различных наций.

Карты, составленные голландцами, были в то время лучшими, но и они не отличались точностью, так как старинные мореплаватели составляли карты только на основе визуальных наблюдений, не основывая их на наблюдениях астрономических.

Прибыв в Архангельск в апреле, Литке занялся починкой брига и снаряжением экспедиции, а 7 июня покинул архангельский порт.

Белое море приветствовало путников сильным ветром, который перешел в шторм. Замечательно, что во время шторма барометр несколько не понизился и упал только потом. Двадцать четвертого числа встретилась лодочка под парусом и в ней два человека, плывшие к северо-востоку. Поморские жители часто ездят таким образом по делам или друг к другу в гости. Без малейшего страха, во всякую погоду, пускаются они на своей скорлупке в открытое море так же спокойно, как если бы ехали по твердой земле.

Да и что значит эта опасность в сравнении с той, которой подвергаются промышленники на промыслах. Перескакивая с одной льдины на другую, они иногда оказываются далеко в море и нередко погибают. К концу лета лед становится особенно хрупким, и достаточно иногда одного удара, чтоб он разлетелся в куски. Однажды двое промышленников усмотрели с лодки на огромной льдине стадо моржей. Льдина оканчивалась довольно высокой скалой, на которую и взобрались промышленники, чтоб, укрепив на ней якорь, подползти к моржам. Но только они стали вырубать яму для якоря, как громада треснула свер-

Утварь и украшения гиперборейцев.

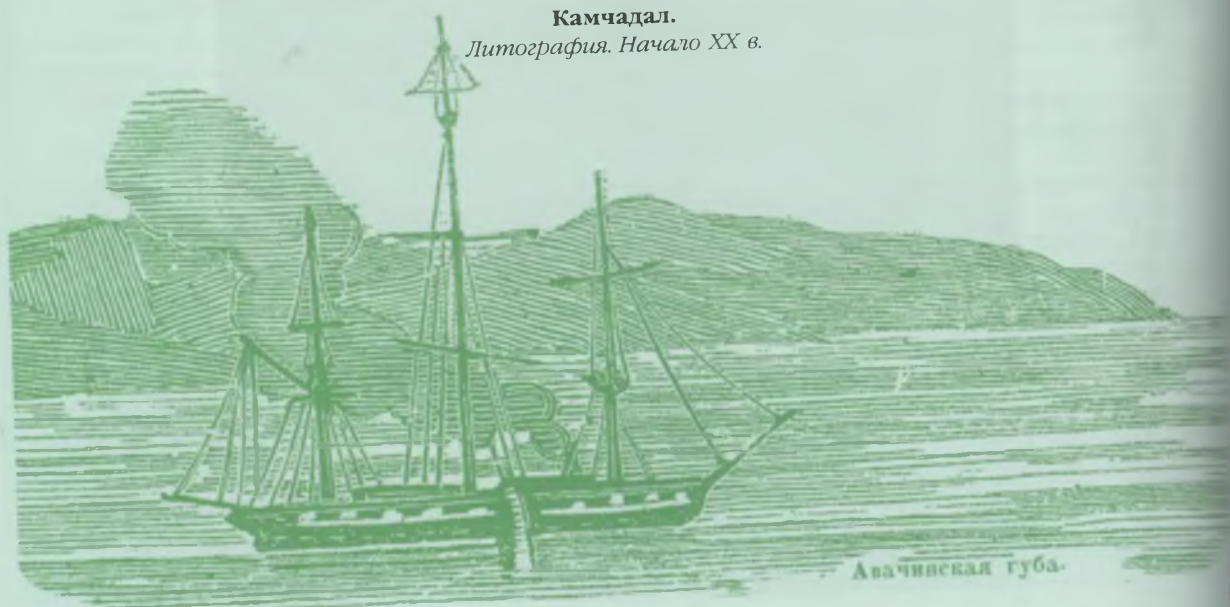
Храмагитогрфия из книги Ф. Ратцеля «Народоведение».
1900 г.

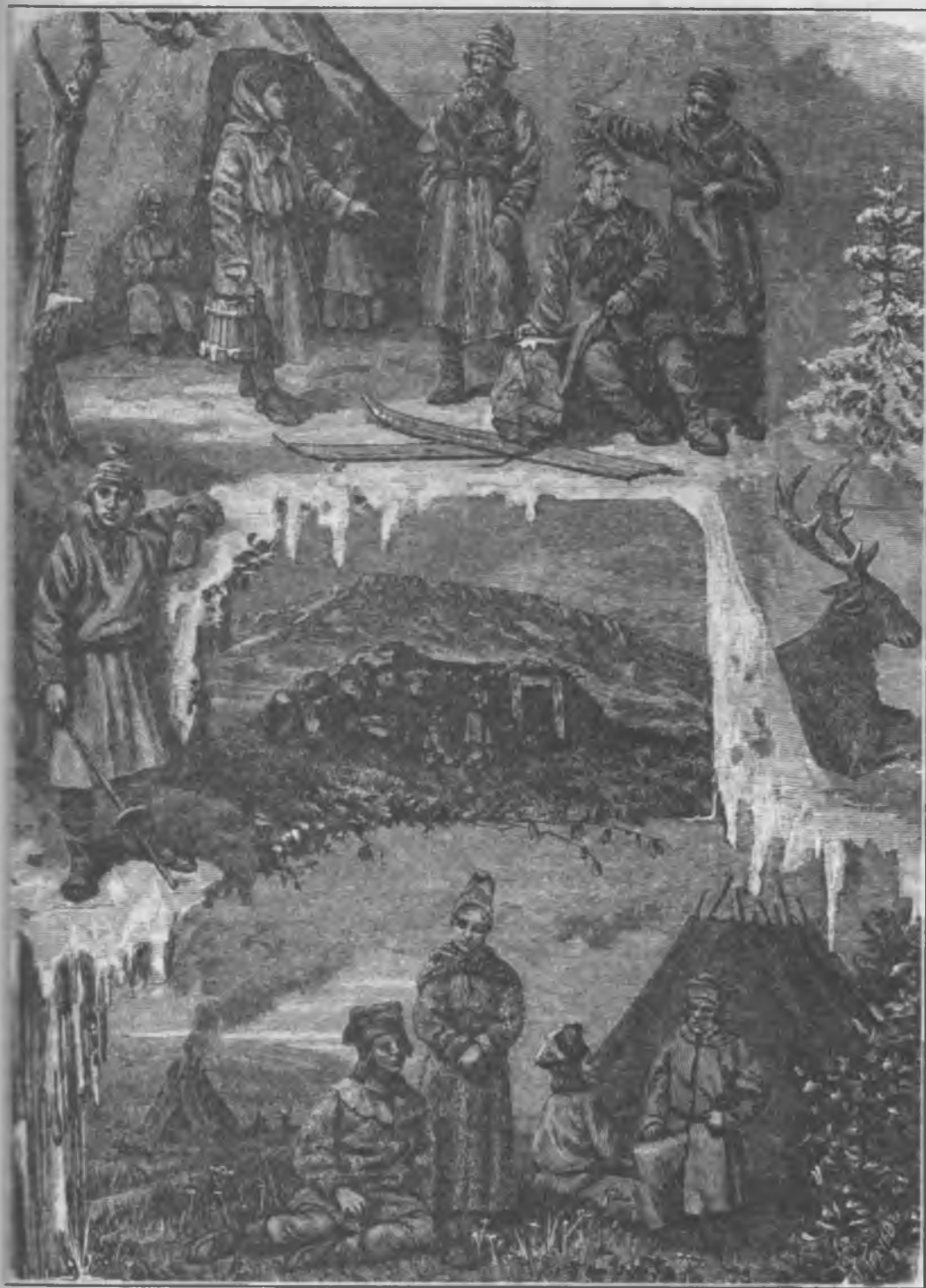

Камчадал.

Литография. Начало XX в.

Лопари.
Гравюра XIX в.

ху донизу и расселась на две половины. Один из смельчаков, находившийся на половине, обращенной к лодке, скатился с глыбы и благополучно добрался до лодки, другой же упал в пропасть и, вероятно, утонул бы, если б волна не выбросила его на льдину, где лежали моржи. Но и здесь опасность не миновала. Очутись помор впереди стада, звери, бросившиеся в испуге к полынье, наверно, смяли бы его; но он, к счастью, упал позади, и когда стадо нырнуло, товарищ подплыл в лодке и благополучно снял его.

Двадцать девятого июня бриг подошел к Иоканским островам, лежащим в обширном заливе на западной стороне Святого Носа, и против острова Сального бросил якорь. Иоканские острова получили свое название от реки Иоканки, устье которой представляет прекрасную гавань для небольших судов.

Литке провел весь день на берегу, проверяя хронометры и делая астрономические наблюдения. Вечером приехали лопари, отвозившие Кольского благочинного, отца Иоанна, объезжавшего свой округ. Берегом в Лапландии летом не ездят, а священники, чиновники и другие лица, имеющие надобность до этих мест, ездят на шняках вдоль берега. Переезжаемые таким образом расстояния лопари считают «водами», то есть числом попутных шестичасовых течений, потребных на проезд. Каждая вода равняется приблизительно тридцати верстам.

Лопари рассказывали, что предыдущая зима была очень теплая, льдов было мало и во многих местах тюленых промыслов почти не было.

На берегу реки Иоканки в бухточке, окруженной горами, лежит лопарское селение, летний погост. Сюда приезжают лопари около 9 мая, живут здесь до снега и возвращаются в зимние погосты, лежащие от моря в 150—200 верстах. Оленей, на которых приезжают, пускают пастись в тундру или на острова. В первом случае олени иногда пропадают или бывают съедены волками; во втором — они в безопасности, но зато терпят недостаток в корме.

Все лето лапландцы проводят в рыбных промыслах, преимущественно в ловле семги, которую выменивают у купцов на муку и другие предметы. Летом же занимаются охотой, изготовлением корожек — лопарских саней в виде корыты. Лес для корожек должен быть непременно сосновый, и привозится он издалека. Делаются же корожки летом потому, что зимой нельзя выгибать дерево. В зимнее время лопари занимаются рыбной ловлей в озерах и охотой.

Живут лапландцы в вежах — остроконечных жилищах из хвороста, покрытых дерном и мхом. Посреди — очаг, кругом — настилка из хвороста, покрытая шкурами; здесь сидят и спят.

Наружность лопаря приятна, но, к сожалению, он очень нечистоплотен, как в отношении себя, так и в отношении своего жилища. Все нечистоты выбрасываются за дверь, и потому в лопарских селениях стоит нестерпимое зловоние.

Одеваются лопари в меха и в сукно. Многие носят русское платье: мужчины — синие кафтаны, женщины — сарафаны и кокошники.

Второго июля, рано утром, бриг снялся с якоря и пошел к Канину Носу. В десять часов сделались штиль и продолжался до полудня. Во все это время вокруг судна плавала большая рыба из семейства дельфинов. Она часто выплывала на поверхность подышать воздухом и в это время распространяла такое зловоние, что невозможно было оставаться против того места, где она появлялась. Если б стадо таких рыб окружило судно во время штиля, то положение экипажа было бы крайне неприятное.

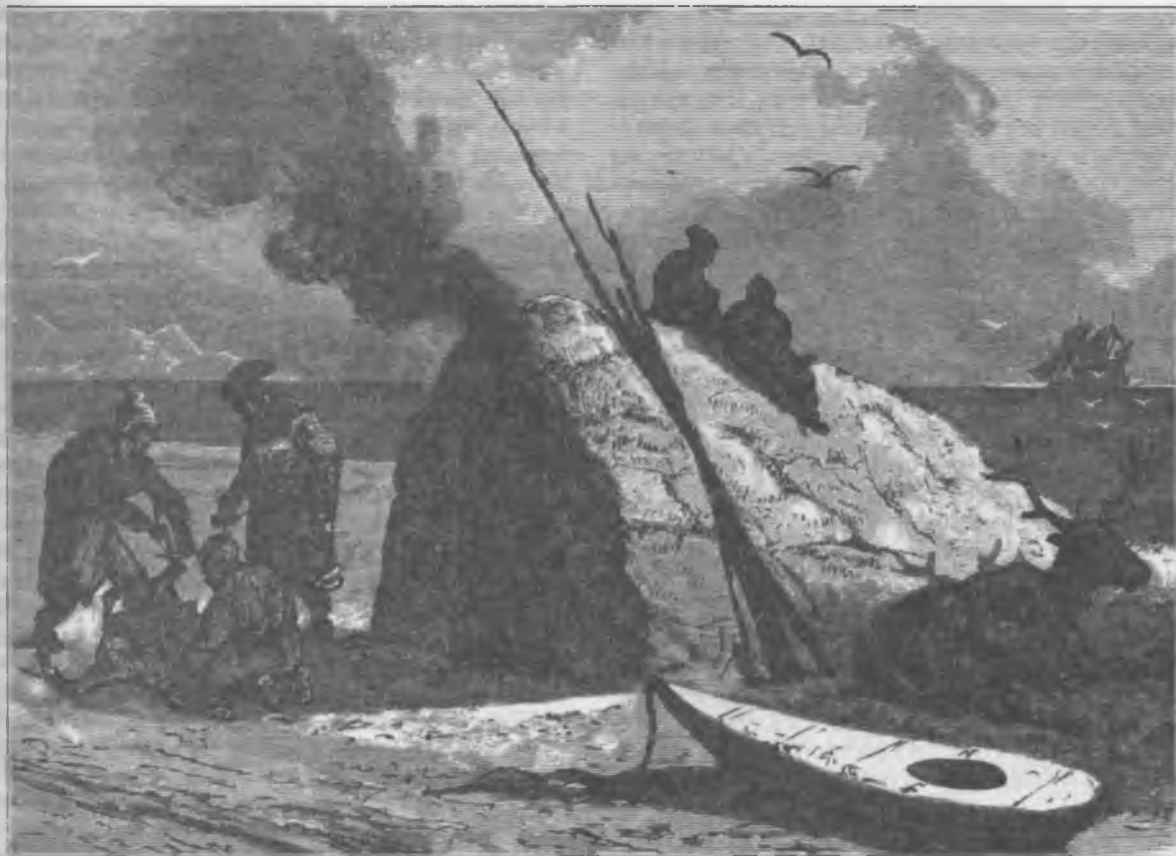
Вблизи Канина Носа моряки имели случай любоваться великолепным видом полуночного солнца. Погода была особенно ясная, и в полночь солнце сияло на горизонте во всем своем блеске. Такое зрелище в этой широте бывает редко, так как здесь по большей части господствуют туманы, которые и на этот раз не замедлили скрыть от взоров восхищенных путников лучезарное светило.

Восьмого июля экспедиция достигла семи островов и бросила якорь между Харловым островом и устьем реки Харловки. Рассчитывая для описи берега пробить здесь несколько дней, командир охотно принял предложение местных лопарей доставлять каждый день экипажу свежую рыбу.

Семиостровский погост во всем похож на погост Иоканский. Но здесь лопари занимаются ловлей рыбы преимущественно морской, которая идет вверх по реке Харловке. Для наживки употребляют мелкую рыбу «песчанку», называемую так потому, что она ловится в песке и очень оригинальным образом. По малой воде вила разрывают песок и на каждом почти шагу находят зарывшуюся рыбу. Ее тотчас схватывают и бросают со всего размаху, чтобы оглушить. Если не сделать этого, то открытая рыбка зароеется снова и еще глубже.

Во всех лопарских селениях путешественников принимали с большим радушием. В знак почтения их встречали и провожали выстрелами винтовок, причем стрелок низко кланялся.

Окончив съемку и сделав астрономические наблюдения, Литке 13 июля двинулся далее. Заблудившись и впад в лапландского берега моряки наносили его на карту; где нужно было останавливались и съезжали на берег. Во время привала на Оленьем острове случилось с путе-

Лопарская вежа.

Гравюра XIX в.

естественниками забавное приключение. Откуда-то появился между ними заяц и стал метаться, как торелый, почти наскакывая на людей. За неимением оружия его начали ловить руками, но, разумеется, не поймали, и он благополучно убежал.

Литке давно хотелось полакомить своих людей свежим мясом. В лопарских селениях он пытался купить овцу или барана, но их ни за что не хотели продать. Еще труднее было добыть оленя. Лопари приводят из тундры только небольшое количество упряжных оленей и очень дорожат ими. Наконец, на Оленьем острове удалось-таки Федору Петровичу купить оленя за 30 рублей.

В одиннадцати милях от Кольской губы лежит большой остров Кильдин, отделенный от берега проливом версты в три. Северный берег острова высок и отрубист; западная оконечность пологая и низменная. Южная сторона представляет вид, которому нет подобного ни в Белом море, ни в Северном океане. Берег, низменный у воды, возвышается постепенно амфитеатром, состоящим из четырех, вполне правильных уступов, и кончается на высоте до 500 футов ровной сто-

лообразной вершиной. Прекрасная, густая зелень покрывает все видимое пространство и составляет разительную противоположность с обнаженными гранитными утесами матерого берега.

На Кильдине моряки видели огромное стадо оленей, принадлежавших купцу Попову. Лет 25 тому назад он пустил сюда две-три пары, и в течение этого времени олени расплодились до нескольких сот.

Олени пасутся без всякого присмотра, и Попов позволяет лопарям пользоваться ими, с тем, однако же, чтобы за каждый пуд мяса они давали ему пуд озерной рыбы и оленью шкуру возвращали обратно. Не было, говорят, примера, чтобы лопари обманули промышленника.

Удаляясь от острова, моряки любовались причудливыми очертаниями его западной оконечности, почти отвесно спускающейся к морю. Один из утесов представлял совершенное подобие колокольни готического храма, а небольшой камень в виде креста, торчащий на его острой верхушке, еще более усиливал иллюзию.

В Кольской губе лежит островок Сальный, на котором в прежние времена ловилось мно-

жество тюленей. О нем рассказывают следующую легенду: «В конце прошлого века жила в Коле ворожея, которая удивительно верно предсказывала судьбу ожидавшихся на свет младенцев. Слава о ней дошла до царицы Натальи Кирилловны, и ворожея была приглашена в Москву ко двору. Она предсказала царице, что у нее родится сын великий умом, который прославит всю Россию. В награду за свое предсказание ворожея и получила Сальный остров, приносивший тогда большой доход».

Остров и лежащий против него берег изобилуют морошкой, ягодой, дающей хороший доход. Собранную морошку кладут в бочки и заливают самой холодной водой, иногда с примесью водки или рома. Морошка бывает еще вкуснее, если ее мочат в остуженном отваре тех же ягод.

Кольская молодежь ездит собирать морошку, как на пикник, большой компанией. Самим же промыслом занимаются кольские мещанки и крестьянки.

Чтобы сдать почту и сделать кое-какие покупки, Федор Петрович с тремя товарищами и несколькими гребцами отправился в город, рассчитывая к вечеру того же дня вернуться на бриг. Но, сверх чаяния, этого не удалось сделать. Мещанин, у которого остановились моряки, устроил в честь их пир и так подпоил гребцов, что они

никуда не были годны. Дав им выпаться, Литке рано утром выехал из Колы и не замедлил пожалеть, что поторопился. Гребцы дремали над веслами и несколько раз ставили катер на мель.

Утренний туман, покрывавший море густой дымкой, был причиной странного оптического обмана. Раз увидели моряки на камне большую птицу, вышиной не менее аршина. Только приготовились они стрелять, как птица вспорхнула у них из-под носа и оказалась простой гагаркой. В другой раз появился саженях в пятидесяти огромный высунувшийся из воды камень. Не успели гребцы повернуть руль, как этот камень очутился возле и оказался пучком морской травы.

Убедившись, что люди неспособны грести. Литке приказал пристать к берегу. Тотчас же гребцы залегли между камнями и заснули как убитые. Вдруг послышалась песня, и к берегу пристала шнякя с девушками, собиравшими морошку. Туман прояснился, и утро сделалось великолепным. Отдохнув и позавтракав, девушки начали петь и плясать. Матросы, разбуженные песней, повскакали с мест и принялись с девушками играть в горелки.

Полюбовавшись этой сценой, путешественники воспользовались попутным течением, в два часа тронулись в путь и около десяти часов вечера благополучно прибыли к бригу.

Вид на Маточкин Шар в Новой Земле.

Гравюра XIX в.

Наступил август, следовало торопиться, и потому Литке решил оставить неоконченным описание лапландского берега и двинуться на восток. Он имел полную надежду не встретить препятствия ото льдов, так как зима была теплая и даже Кольская губа не замерзала.

После четырехдневного плавания, во время которого не произошло ничего замечательного, мореплаватели наконец увидели Новую Землю. Льда совсем не было, погода благоприятствовала, и моряки, плывя вдоль берега, могли делать съемку и проверять ее с прежде сделанными. Они отыскивали все намеченные пункты и, между прочим, вход в Маточкин Шар. Между тем барометр стал сильно падать, и в случае бури положение брига могло бы сделаться опасным; почему и решил Литке, отложив исследование Маточкина Шара до другого времени, продолжать путь к северной оконечности Новой Земли, чтобы, обогнув ее, вступить в Карское море.

Подвигаясь медленно к северу, Литке наносил на карту никем до тех пор не исследованные заливы и мысы и давал им названия. Так появился залив Софронова, старшего штурмана брига; мыс Литке II, брата командира; мыс второго штурмана Прокофьева; штаб-лекаря Смирнова; остров Врангеля, наименованный Федором Петровичем в честь его друга барона Врангеля, трудившегося в то время на северо-восточных берегах Сибири.

Так как размеры Новой Земли были тогда еще неизвестны, то путешественники в каждом новом месте ожидали увидеть северную ее оконечность и, обогнув ее, вступить в Карское море. Они льстили себя надеждой, что на сей раз лед им не помешает. Однако же 11-го числа стали показываться плоские льдины, и около полудня появилось много мелкого льда и плавучего леса, которому неоткуда было взяться, как только из рек Сибири. Это и навело моряков на мысль, что они находятся у входа в Карское, или Сибирское, море.

Окруженный туманом, бриг лавировал в течение целого дня, поворачивая всякий раз, когда шум от льдов был явственно слышен. Наконец под утро туман рассеялся и мореплаватели увидели себя против мыса Желания¹ на рубеже Карского моря.

Но, увы! Все видимое пространство было покрыто ледяными горами, проникнуть за которые не предвиделось возможности.

Мрачна и пустынна показалась мореплавателям северная оконечность Новой Земли. Все кругом было сковано льдом и покрыто снегом. Ни один зверь, ни одна птица не нарушали мо-

гильной тишины. К этому месту как нельзя более подходили слова поэта:

*И мнится, жизни в той стране
От века не бывало...*

Сырость и холод вполне соответствовали мертвой природе; термометр стоял ниже нуля; туман пронизывал до костей, все вместе тяжело влияло на душу и тело. Человеку казалось, что он навсегда разобщен с остальным миром и погребен во льдах.

Зато вода в этих широтах была так прозрачна, что при глубине до пятнадцати сажен можно было видеть мелкие раковинки.

Итак, почти достигнув желанной цели, пришлось возвратиться вспять. Тяжелое чувство неудовлетворенности овладело душой командира, и только мысль о возвращении в страны более гостеприимные, чем те, которые не давались ему, мирила его с неудачей.

Возвращаясь к Маточкину Шару, Литке обдумывал дальнейший план. Ввиду приближения осени описание пролива не могло быть окончено, а потому он решил не предпринимать его, а спустившись на юг, описать южный берег Новой Земли, тогда еще весьма мало известный, и остров Вайгач, к югу от нее лежащий.

Интересно было бросить хоть беглый взгляд на Маточкин Шар, и потому 17 августа Литке с офицерами, сев на гребное судно, отправился в небольшую губу, называемую «Староверское становище»². У берегов ходили большие буруны, и катер с трудом мог пристать.

Губа, окруженная высокими крутыми горами, представляла довольно хорошую стоянку для судна. На правом берегу реки Маточки, впадающей в губу, моряки нашли большую станковую избу, состоящую из трех отделений: сеней, жилой избы и бани. Кругом валялось несколько кадок, лопат, черепков, оленьих рогов и проч. На берегу растянуты были белужьи невода и лежали пять опрокинутых больших карбасов, оставленных промышленниками затем, чтобы не привозить их вновь. Неподалеку стояло три креста; на новейшем было вырезано имя Поспелова³. Такие кресты имеют обыкновение ставить промышленники на местах их промыслов, в начале дела, точно так же как наши плотники и каменщики при закладке домов.

Происхождение названия «Маточкин Шар» неизвестно. Под словом «шар» разумеется пролив, текущий поперек какого-нибудь острова или земли и соединяющий два моря. Для проливов же,

¹ Посещенного до тех пор только голландским мореплавателем Баренцом в XVI столетии.

² О причине этого названия будет сказано ниже.

³ Штурман Поспелов принимал участие в беломорской кампании в 1806 г., снаряженной на средства графа Румянцева, увлеченного рассказами о минеральных богатствах Новой Земли.

принадлежащих одному и тому же морю, например, отделяющих остров от материка, существует местное название «Салма». Поэтому Маточкин Шар, Югорский Шар названы, по словам промышленников, правильно. Костин же Шар, отделяющий Междушарский остров от Новой Земли назван шаром зря, так как он есть салма.

Маточкой во всей Архангельской губернии называют маленькие деревянные компасы, употребляемые промышленниками.

Новая Земля в прежние времена часто посещалась промышленниками, которые к зиме старались возвратиться домой. Если же им приходилось зимовать, они наполняли судно водой, чтобы его не унесло ветром или льдами.

Определив географическое положение Маточкина Шара, Литке 21 августа отошел от него и направился к югу. В тот же день судьба послала морякам маленькое развлечение в виде охоты на моржа, вынырнувшего около самого брига. В него пустили заряд и попали в глаз. Морж тотчас скрылся под водой, но скоро выплыл опять с признаками очевидного страдания. Он беспрестанно окунал голову и бросал из ноздрей воду. Тотчас же была послана за ним в погоню шлюпка, и скоро морж был добит гарпунами и копьями. Оказалось, что это был моржонок, погибший, вероятно, вследствие своей неопытности. Однако он был длиной в три аршина и весом в двадцать пудов. Только клыки, имевшие не больше четверти аршина длины, свидетельствовали о его молодости.

Ночь на 25-е число отличалась ясностью, чрезвычайно редкой в этих туманных странах. Луна и звезды сияли так ярко, что стоявшие на вахте приняли за огонь восходящую Венеру. Северное сияние вспыхивало и угасало.

Противные течения задерживали бриг, и он весьма тихо подвигался вперед. Между тем, по расчету Литке, двух-трех дней благоприятной погоды было бы достаточно, чтоб окончить описание южного берега. К сожалению, на такую погоду не было никакой надежды. Тридцатого августа барометр сильно опустился и предвещал бурю; приходилось отложить дальнейшие покушения и направиться к Белому морю.

Чрезвычайно прискорбно было командиру возвратиться, не довершив начатого дела. Но обстоятельства сильнее людской воли, и им приходится покоряться. Третьего сентября экспедиция увидела Канин Нос, а 6-го прибыла в Архангельск.

Бриг был поставлен на зимовку, а командир его, приведя в порядок журналы и карты, отправился в Петербург.

Третье плавание брига «Новая Земля». 1823 год

Несмотря на то что во вторую экспедицию было сделано гораздо более, чем в первую, многое еще оставалось недоделанным и невыясненным. Кроме главной цели экспедиции, описи берегов Новой Земли, желательным было исследовать остров Вайгач и лапландский берег. Кроме того, явились сомнения относительно мыса, принятого Литке за мыс Желания. На голландских картах Баренцев мыс Желания находился на 15° восточнее; на данной же широте лежал мыс Нассауский. Для разрешения всех этих вопросов высочайше велено было отправить Литке в третью экспедицию на том же бриге.

Чтобы иметь больше времени для описи лапландского берега, Литке на этот раз двинулся в путь гораздо ранее. Он прибыл в Архангельск 23 марта и, сформировав экипаж, 11 июня вышел в море.

Руководствуясь старинными голландскими картами, Федор Петрович не раз введен был в заблуждение искаженными названиями местностей. Случайно догадался он, что все эти Сванекрист, Светенноис, Канденоис, Панфалотки — не что иное, как Ивановы кресты, Святой Нос, Канин Нос, Панфиловка и так далее. После такого открытия задача значительно упростилась.

Федору Петровичу предназначено было судьбой прогнать этих уродцев с берегов, омываемых океаном; из Белого моря их прогнала карта генерал-лейтенанта Кутузова.

В течение месяца, посвященного описанию лапландского берега, не случилось ничего замечательного. Со свойственной ему добросовестностью Литке исполнял порученное ему дело, стараясь в то же время знакомиться с бытовыми условиями местностей, которые он посещал. Особенное его внимание обратила на себя Териберская губа, служащая местом сборища поморов, отправляющихся на океанские промыслы.

При самом устье реки Териберки, впадающей в губу, находится одно из обширнейших рыбачьих становищ, куда собираются от 80 до 100 промышленников.

Вид Костина Шара.

Гравюра XIX в.

Поморы¹ покидают свои дома около Николина дня, раньше или позже, смотря по весне. На каждой ладье бывает от двенадцати до двадцати человек, из которых каждые четверо имеют еще шняку². Прибыв в Териберское становище, промышленники исправляют свои шняки и начинают лов рыбы, исключительно морской. Вся речная рыба принадлежит лопарям. Лов рыбы производится следующим образом: берут канат тысячи в две сажени длиной и на расстоянии двух-трех сажен прикрепляют к нему веревочки с крючками. Такой снаряд называется «ярус». К обоим концам яруса и к середине привязывают якоря или камни и на длинной веревке — поплавок, указывающий место, где положен ярус. Наживив каждый крючок песчанкой или куском трески, растягивают ярус и спускают на дно. В это время веревочки с крючками всплывают и рыба, увидев наживку, бросается на нее.

Выметав ярус, промышленники в хорошую погоду держатся на шняке одну «воду», то есть часов шесть; потом выбирают ярус, снимают попавшуюся рыбу и, наживив крючки, снова опускают снаряд. В худую погоду они возвращаются в становище и выезжают позже, отыскивая по поплавкам то место, где спущен был ярус.

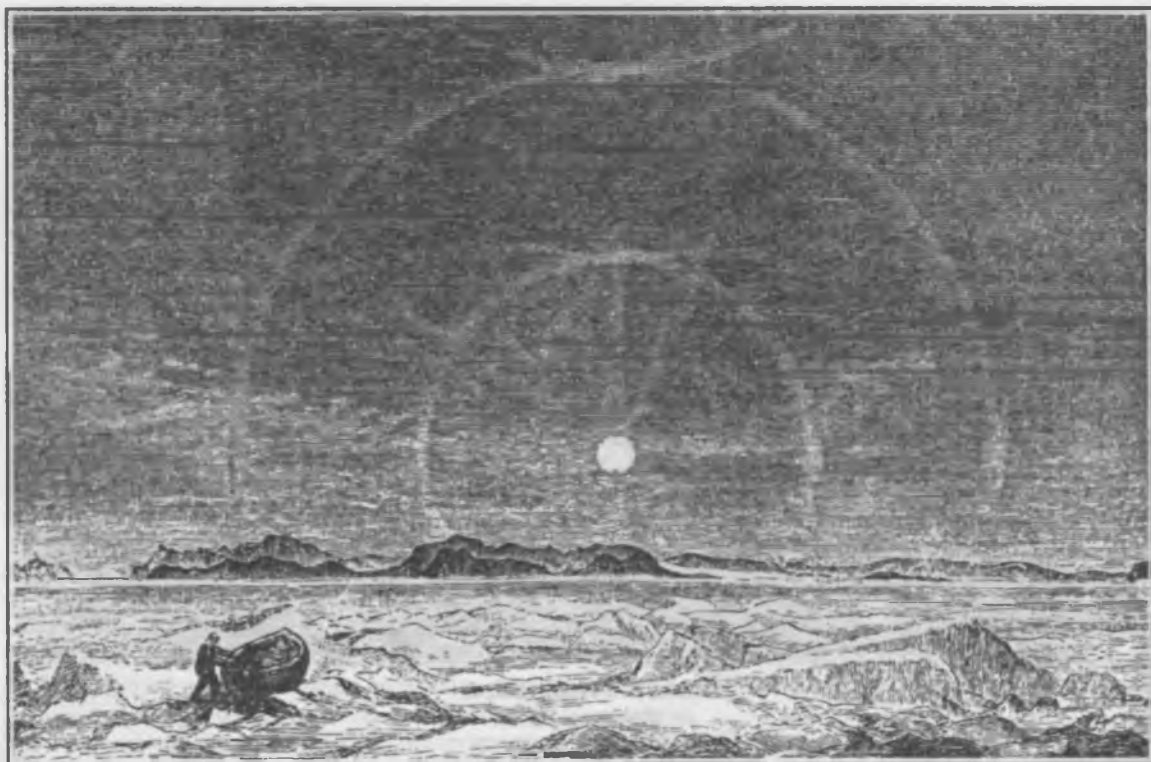
За треской отъезжают верст за пять-шесть, а за палтусом верст за двадцать-тридцать, так что и берега не бывает видно. Легко себе представить, сколько опасностей соединено с подобным промыслом в открытом море. В 1822 году два брата-рыболова, ехавшие с Кильдина в Териберку, едва не погибли. Шняку их опрокинуло, сами они влезли на киль ее и, продержавшись несколько часов, были выброшены на берег. Работник их и все снасти, ценою до 2000 рублей, потонули.

Добыв полный груз для ладьи, поморы плывут в Архангельск, где продают рыбу и возвращаются восвояси. Зимой они ловят навагу. Выехав на собаках за несколько верст в море, делают проруби и опускают туда удочки. Навага так прожорлива, что на одну наживку удастся иногда вытаскивать три-четыре штуки.

Териберское становище вместе со многими другими разорено было англичанами в 1809 году. Три военных судна стояли на якоре за островом Кильдин и рассылали гребные суда свои в разные стороны; чего не могли взять, то жгли или топили. Два катера хозяйничали в Коле; в Териберке сожгли много домов и людей; Соловецкое становище на острове Кильдин сравнивали с землей. Эти подвиги, которые ничем оправда-

¹ Поморами называют вообще жителей побережья Белого моря.

² Ладья есть трехмачтовое палубное судно; шняка — открытая лодка от 20 до 40 футов длины с острым носом и кормой.

Северные берега Новой Земли.

Гравюра XIX в.

ны быть не могут, составляют темную страницу в истории английской нации.

К 19 июля опись лапландского берега была совершенно окончена, и бриг направился к Новой Земле.

Встретив только рассеянные льдины, и то в весьма малом количестве, Литке пошел на север, в надежде пройти в Карское море или, по крайней мере, проверить наблюдения предыдущего года. Но и на этот раз ледяные горы преградили ему путь.

Удалившись на некоторое расстояние от льдов, Литке мог, благодаря хорошей погоде, видеть, хоть и на большом расстоянии, тот мыс, который он принял за мыс Желания. Теперь он убедился, что это мыс Нассауский, а настоящий мыс Желания лежит на 15° далее к востоку. Следовательно, он ошибся только в названии; самая же местность была определена совершенно верно.

Поворотив на юг, Литке 6 августа вошел в устье Маточкина Шара и бросил якорь.

Отрядив лейтенанта Лаврова на катере для описи пролива, Литке устроился на северном берегу устья и занялся астрономическими наблюдениями.

Все видимое пространство острова покрыто

было островерхими горами и тундрами, лежащими между ними. Местами из разлогов вытекали ручьи, которые низвергались водопадами. Кое-где над водопадами образовались из льда арки, по которым, чтоб не делать больших обходов, перебирались путешественники, рискуя поскользнуться и сломать себе шею.

Несколько раз закидывали у берега невод, но не могли поймать ни одной рыбы. Не были счастливее и стрелки. Вместо дичи, убили они сову, совершенно белую, без малейшего пятнышка. Эти совы могут считаться коренными жителями Новой Земли, так как остаются на ней и зиму, и лето. Выдели трех оленей, но застрелить их не смогли.

Одиннадцатого числа возвратился Лавров и сообщил, что ввиду противного ветра он в это время должен был идти на веслах.

С половины пути стали попадаться льды, и добравшись до Карского моря, Лавров увидел, что оно все покрыто льдом, примыкавшим к берегам. По дороге Лавров убил белого медведя, а моржей встречал стадами. Множество выброшенного на берег плавника¹ помогало ему отогреваться в холодные ночи.

¹ Плавник — выкинутый волнами лес.

Ввиду полученных сведений Литке оставил мысль о проходе через Маточкин Шар и поплыл на юг к Карским воротам, чтобы там попытать счастья. Двенадцатого числа он достиг этого пункта и увидел Карское море совершенно свободным ото льда.

Казалось, что само небо содействует мореплавателям, доставляя им случай описать желанный восточный берег, никем дотоле не виданный, кроме одного кормщика. Но для человека, имеющего на своей ответственности судно и экипаж, увлечение было бы преступлением. Несмотря на заманчивость предприятия, Литке рассчитал, что причиной отсутствия льдов были, вероятно, западные ветры, дувшие долгое время. Переменись ветер, и мореплаватели могли быть затерты льдами и обречены на верную гибель. Пока продолжалась борьба между увлечением и благоразумием, случилось обстоятельство, сразу же указавшее надлежащий путь.

Уже несколько времени замечалась перемена цвета воды, которая сделалась зеленоватой и мутной. На вопросы командира лоцман давал успокоительные ответы. Вдруг судно получило жестокий удар носом, а потом и кормой. Удары следовали стремительно, один за другим; скоро выбило руль из петель и расщепило корму. Море крутом покрылось обломками. Бриг стоял неподвижно и трещал до такой степени, что казалось, он развалится на части. Лишившись всякой надежды спасти судно, командир стал помышлять только о том, чтоб спасти людей. Приказано уже было разбить мачты, но только люди занесли топоры, как море, словно протестуя против замышляемого убийства, развело сильное волнение и сняло бриг с камня.

Опасность, однако же, не миновала; судно шло без руля, а между тем приближалась ночь. Дружными усилиями принялись укреплять руль. Кому известна хлопотность этого дела и в тихую погоду, тот легко поймет, чего оно стоило при большом волнении. После усиленной полуторачасовой работы руль был укреплен, и дружное «ура» огласило воздух.

Ненадежное состояние судна побудило Литке отложить всякую попытку к дальнейшему плаванию и повернуть обратно. По пути он описал остров Колгуев, на котором паслись олени, принадлежавшие нескольким мезенским купцам.

Уединенный остров Колгуев служил некогда убежищем раскольникам, гонимым за веру. Около 1767 года поселилось их здесь человек до семидесяти обоего пола. Единоверцев их, известный в то время купец Бармин¹, переправлял их туда на своих судах. Несмотря на приволье, прожили они там не более четырех лет. За это время большинство перемерло, а остальные возвратились в Архангельск.

Третьего сентября бриг вошел в гавань и вскоре был отправлен на зимовку в реку Соломбалку. Когда его стали осматривать, то Литке пришел в ужас. Повреждения были так ужасны, что благополучное возвращение могло почитаться просто чудом. Случись еще удар или два на злополучном камне... и никто никогда не узнал бы о судьбе, постигшей от важных мореплавателей.

Составив отчет об оконченной экспедиции, Литке по зимнему пути отправился в Петербург.

Четвертое путешествие брига «Новая Земля». 1824 год

В первые три экспедиции сделано было, по-видимому, все, что возможно было сделать на парусном судне, не приспособленном к борьбе со льдами: западный и южный берег Новой Земли были описаны, а равно и пролив Маточкин Шар. Оставался берег восточный, куда не допускали льды. Три раза препятствовали они проникнуть в Карское море, но это еще не значило, что проникнуть туда невозможно. Желая выяснить этот вопрос, правительство решило сделать еще один опыт и в четвертый раз командировало Литке к берегам Новой Земли.

В то же время положено было отправить штурмана Иванова для описания реки Печоры, а лейтенанта Демидова для промера Белого моря.

Литке выехал из Петербурга 15 марта и чуть не погиб на пути: кибитка, в которой он ехал с братом, опрокинулась с кручи и придавила собой обоих седоков, сопровождавшего их матроса и кучера. Один вершник, мальчик лет восьми, ехавший на передовой лошади, остался на свободе. Конечно, он не в силах был помочь и только плакал. «Положение

¹Снаряжавший под управлением штурмана Размыслова экспедицию на Новую Землю для отыскания там металлов.

наше было самое критическое, — рассказывает Литке. — Казалось, что одно только может нас спасти, если случатся проезжие, но кого можно встретить в такой глуши, в метель да еще ночью! Мне было чрезвычайно трудно: пребольшой чемодан лежал у меня на затылке, прижимая лицо к рукам. Для дыхания оставалось мне воздуха не более кубического фута, и я скоро почувствовал, что задыхаюсь. Между тем бегавший вокруг кибитки мальчик с отчаяния стал рвать на ней рогожи. Извозчик, увидев в той стороне свет, всеми силами стал туда пробиваться и наконец выкарабкался. Начав шарить в кибитке, поймал он ноги моего брата и кое-как его вытащил. Оба они могли уже без труда поднять повозку. Выйдя на воздух, чувствовал я жесточайшую головную боль и ужасную горечь во рту. Мы очень встревожились, не видя нашего Павла. Наконец нашли его в снегу, лежащего без чувств. Расстегнув ему платье, стали оттирать его перед огнем, который развели нарочно, но он не показывал ни малейших признаков жизни. Ужасно было лишиться человека таким образом, но мы не могли подать ему никакой помощи. Повозка наша лежала в пропасти, а до ближайшего села было не менее двенадцати верст. Тотчас послали туда за помощью, но прошло несколько часов, а не было ни посланного, ни помощи. Наконец мы кое-как сами, хотя и с большим трудом втащили повозку на дорогу, положили в нее несчастного матроса и поплелись на измученных лошадях вперед».

В ближайшем селении путешественники нагнали своего судового доктора, но он ничего не мог сделать. Матрос был мертв; он, вероятно, задохнулся в снегу.

Прибыв в Архангельск, Литке занялся приготовлениями к экспедиции и, отправив Иванова и Демидова по назначению, 17 июня двинулся сам. Судно было все тем же старым приятелем, бригам «Новая Земля», офицеры те же и число служителей то же, что и в предыдущем году.

Миновав Канин Нос, командир судна пошел прямо на север, чтобы поскорей достигнуть Нассауского мыса и идти, если возможно, к мысу Желания. На этом пути пришлось мореплавателям познакомиться с замечательным явлением — местностью ветра.

«Погода была ясная, — рассказывает Литке, — но горизонт так искажен рефракцией, что наблюдения наши никуда не годились. Во втором часу, находясь милях в двенадцати от берега, мы заштилели. В то же время на весьма недалеком от нас расстоянии к востоку продолжал дуть ровный ветер, что можно было видеть по темным рябинам на воде. Пользуясь этим ветром, пять купеческих судов, бывших далеко позади, нас обогнали, и одно прошло не более как в вер-

сте от Новой Земли. Пока мы прилагали все усилия, чтобы войти в полосу ветра, на горизонте показалась ладья, которая скоро нас настигла и обогнала. Часов пять оставались мы в таком неприятном положении, но наконец достиг ветер и до нас».

Чем дальше подвигались мореплаватели к северу, тем более встречали льдов. Достигнув курсов 1822—1823 годов, Литке убедился, что настоящее лето гораздо льдистее предыдущих. Прежде в этой широте не видели ни одной льдины, теперь встретили сплошной лед. Если прежде приходилось возвращаться от мыса Нассауского, то теперь не представлялось никакой надежды достигнуть его, поэтому Литке решил отказаться от Новой Земли и попытаться, согласно предписанию, проникнуть к северу между Шпицбергом и Новой Землей, насколько это окажется возможным.

Погода так же мало благоприятствовала путешественникам, как и море. Термометр стоял ниже нуля.

Стесненное льдами и окруженное густыми туманами судно находилось в весьма неприятном положении. Когда сквозь поредевший туман можно было видеть берег Новой Земли, он был всюду окован льдами.

Видя это и зная, что восточный берег Шпицбергена также окружают льды, Литке надеялся найти проход между этими ледяными полями. Скоро убедился, что надежды его неосуществимы. Лед покрывал море до видимого горизонта и выглядел все более и более грозным. Ледяные поля возвышались на семь-восемь футов над водой и были отрубисты к морю, образуя в иных местах род заливов. На полях этих громоздились торосы, т. е. холмы прозрачного льда футов в семьдесят вышиной. Картина была величественная, но суровая и страшная.

Убедившись, что ледяной царь неумолим и что сокрушить его твердыни не представляется никакой возможности, Литке, посоветовавшись с офицерами, поворотил назад к острову Вайгачу.

В полночь бросили в море засмоленную бутылку с запиской на четырех языках, в которой означены были время, широта и долгота места и изъявлена просьба, чтобы нашедший бутылку доставил ее русскому правительству. Моряки часто употребляют подобное средство, чтоб сообщить товарищам по ремеслу сделанные ими наблюдения.

Подходя к острову Вайгач, мореплаватели увидели Карское море совершенно свободным. Это подало им надежду, что четвертая попытка вознаградит их наконец за все перенесенные неудачи. Подняв все паруса, двинулись на восток в полной уверенности, что через несколько ча-

Новая Земля.

Гравюра XIX в.

«Вот удастся наконец приступить к описи берега, — одним мореплавателем не виданного. Но едва прошли одну милю, как увидели сплошной лед, покрывавший весь горизонт с востока на запад так далеко, как только можно было видеть. Так как дувшие постоянно южные ветры этих шхеров не отогнали, то, значит, море было наполнено ими. На всякий случай Литке решил прогнаться вдоль берега Новой Земли еще неведомо и посмотреть, не разгонят ли ветры льдов; если же нет, то вернуться обратно.

В полдень 14 августа показались два карбаса, идущие от острова Вайгач. Неожиданное появление людей в таком безлюдном месте очень удивило моряков. Еще более удивились они, заметив, что карбас намеревается пройти мимо. Только после двух пушечных выстрелов судно остановилось и, постояв некоторое время, подняло парус и подошло к бригу. Это были самоходы, ехавшие на Новую Землю для промыслов. Их было человек двенадцать и большинство говорило по-русски. Они признались, что очень испугались, увидев большое судно, и только кормщик успокоил их. «Я бывал в Архангельске, — говорил он, — и всякого народу видал, даже немцев». Ничего, они такие же люди, как и мы».

Этот же самый кормщик, увидев кухню на бриге, заметил: «Эге, вы домком живете!»

Дети природы пробыли на судне часа два и вели себя вполне прилично. Ничего не просили, но с благодарностью приняли мешочек сухарей, сожалея, что сами не могут ничем потчевать, так как не начинали еще промыслов. Когда же Литке, заметив, что они с завистью смотрят на веревки, велел им дать два конца, сердца самоедов окончательно растаяли и они, пошептавшись друг с другом, вынули из карбаса несколько моржовых клыков и стали их вешать на безмене. Услыхав от командира, что ему ничего не нужно, они преспокойно убрали клыки и пожелали морякам счастливого пути.

На вопрос Литке, много ли их на острове Вайгач, они отвечали: «Карбасов двадцать». Из этого странного ответа можно было заключить, что их там душ до десяти мужского пола.

Пролавировав с юга к северу и обратно в течение недели, Литке не дождался ничего утешительного. Дувший все время северо-восточный ветер ясно указывал, что Карское море не только не очищается ото льдов, но еще более заполняется ими. Ничего не оставалось более, как повернуть к острову Колгуев, который также предписано было осмотреть.

В течение недели боролся бриг с ненастной погодой и ветрами; 28 августа выдержал шторм. Понятно, что при таких условиях ничего нельзя было сделать. Едва ли бы и дальнейшие усилия увенчались успехом, так как часто возобновлявшиеся бури и непрерывное ненастье свидетельствовали, что в этой местности началась уже осень. К тому же было известно, что южная часть Колгуева окружена неисследованными мелями, а на самом острове нет ни одной гавани, где бы в случае бури можно было укрыться. На ответственности командира лежали судно и экипаж; подвергать людей опасности, и притом без всякой пользы для науки, он не имел права, а потому и решил 30 августа предпринять обратный путь в Архангельск.

В том пункте, где незадолго перед тем моряки встретили оригинальную «местность ветра», они и теперь познакомились с интересным явлением: они плыли при двух совершенно противоположных течениях воздуха. Вверху дул ровный западный ветер и гнал судно довольно скоро. Внизу дул ветер восточный, и фок и грот ложились на ванты. Поверхность моря была гладка, как зеркало.

Второго сентября наблюдалось странное воздушное явление: при ясном небе появился вокруг солнца разорванный надвое радужный круг. На некотором расстоянии виднелся еще кусок радуги, но уже изогнутый в противоположном направлении. Цвета второй радуги шли также в обратном порядке. Это явление продолжалось более часа без изменения.

На обратном пути бригу приходилось все время бороться с непогодой и противными ветрами: только 10 сентября он добрался до Архангельска и вошел в гавань.

Двукратное путешествие поручика Пахтусова к Новой Земле

о следам Литке восемь лет спустя отправился штурманский поручик Пахтусов, и на маленьком парусном судне проник в Карское море, и подробно описал юго-восточный берег Новой Земли.

По преданности делу, по уму, мужеству и настойчивости Пахтусов занимает одно из выдающихся мест среди полярных мореплавателей всех наций. В то время не много было арктических экспедиций, доставивших такое обилие драгоценных астрономических определений мест, геодезических измерений, метеорологических наблюдений, замечаний о приливе и отливе и пр., какое было плодом деятельности Пахтусова.

В 1832 году два предприимчивых человека, Клоков и Брандт, задумали восстановить старинное мореходство из Архангельска к устью Енисея и для этой цели снарядили экспедицию под командой Пахтусова, которому поручено было также исследовать и описать восточный берег Новой Земли. Пахтусов, давно мечтавший посетить Новую Землю, принял сделанное ему предложение с удовольствием и с разрешения начальства поступил на службу компании Клокова и Брандта.

На небольшом парусном боте двинулся Пахтусов 1 августа из Архангельска и, достигнув Новой Земли, должен был высадиться на южном берегу, так как Карское море было затерто льдами. На берегу нашел он полуразвалившуюся избу и решил, поправив ее, в ней зимовать. Выкидной лес, груды лежавший на берегу, доставил материал для постройки и топлива. Избу починили, пазы законопатели мхом, на крышу набросали щебня и песка, внутри сложили печь из привезенного кирпича — и вышло жилище, в котором кое-как можно было жить. Вместе с избой поставили баню.

Устроившись на зимовку, Пахтусов отдал приказ, с которым все обязаны были соотноситься: прежде всего требовалась чистота и движение на свежем воздухе. Люди ходили в баню каждую субботу и два раза в неделю меняли белье. Пол в избе скребли железными лопатами и вытирали сухой шваброй. Спать позволялось не более восьми часов в сутки и то только ночью, а чтоб на сытый желудок не клонило ко сну, пища давалась в ограниченном количестве. Движение на чистом воздухе было обязательно. Благодаря этим мерам люди всю зиму были здоровы, и только весной двое сделались жертвами цинги.

Природа наделила человека необыкновенной способностью принаравливаясь к среде, его окружающей. В силу этой способности кучка людей, оторванная от привычной обстановки и брошенная в ледяную пустыню, скоро обжилась и стала чувствовать себя, как дома. Сидя в избе, каждый занимался работой; одни чинили белье, другие мастерили снасти, третьи разговаривали или пели песни. По воскресеньям читали общую молитву.

Чтобы придать прогулкам занимательность, Пахтусов приказал ставить ловушки на песцов. Эти ловушки, употребляемые всеми промышленниками, устраиваются очень просто: берется доска и подпирается жердью, под доску кладут кусок сала или ворвани. Когда песец схватывает приманку, доска падает и прижимает его. Раз в четыре или пять в неделю ловушки осматривают.

В первый же день по прибытии на Новую Землю путешественники увидели стадо оленей штук в 500. Два стрелка погнались за ними и убили двух. Вслед за первыми стрелками отправились еще четверо, но олени убежали. Один только, раненный в ногу, бросился в озеро и плавал в нем часа два; стрелки успели притащить лодку и, догнав в ней оленя, убили его.

На следующий день служитель, собиравший плавник, увидел шедшего к избе медведя. Опасаясь за свою жизнь, а также за целостность лежавшего в сених мяса, служитель закричал. Медведь остановился, потом пошел прочь, не переставая оглядываться на странного крикуна.

Медведи часто посещали становище. Однажды двое людей, ходившие на бот за нужными вещами, выходя из него увидели белого медведя, не далее как в четырех саженях. Орудия с людьми не было, и они, чтоб предупредить товарищей об опасности, закричали как можно громче. Медведь посмотрел на них и спокойно пошел в гору. Бывшие в избе люди схватили оружие и пустились его преследовать. Отойдя на известное расстояние, медведь обернулся, сел и стал смотреть на своих преследователей. Но лишь только они приблизились, он пустился вскачь, потом опять сел. Так продолжалось несколько раз. Наконец Пахтусов собрался выстрелить. Увидав огонь на полке, медведь бросился бежать и скрылся из виду.

Спустя час по возвращении охотников в избу, один из служителей, выйдя в сени и отворив наружную дверь, увидел другого белого медведя, который ел ворванное сало из стоявшей у дверей бочки. Служитель закричал, а медведь бросился к сеним. Выбежали охотники и лишь только отворили дверь, как медведь кинулся на них и чуть-чуть не схватил одного из людей за руку. Кто-то наконец выстрелил. Медведь испугался, выбежал вон и, перескочив через поленницу дров, стремительно скатился под гору.

Девятого ноября скрылось солнце, и наступила продолжительная ночь, которую, однако же, нельзя было назвать темной. Ежедневно, в течение двух с половиной часов, виден был свет зари. Кроме того, светила луна, звезды, особенно ярко мерцавшие в разреженном воздухе, и очень часто появлялось северное сияние.

С наступлением продолжительной ночи окно сделалось ненужным. Его законопатали, а избу окопали снегом. День и ночь в избе горел огонь, но действие его было совсем особенное. Он сжигал, но не горел. Когда подставляли ноги в шерстяных чулках к огню, чулки начинали тлеть, что слышно было по запаху, а ноги оставались холодными. Подвешенное к огню платье с противоположной стороны леденело, постели покрывались тонким слоем льда. Если матросу случалось во время работы брать гвоздик в рот, то, вынимая его, он сдирал себе кожу с губ, и текла кровь. Один из служителей вздумал разгрызть ледяную сосульку, но дорого поплатился за свою фантазию. Один кусок примерз к языку, другой к губам, и отдирать их пришлось вместе с кожей.

Зимой несколько раз на Карском море взламывало лед, и прибывающая вода затопляла берег. Но изба стояла на возвышенности, вне линии наводнения, и обитатели ее были в безопасности. В конце ноября море в течение трех недель было свободно ото льда, ветры благоприятствовали, но они же нагоняли метели, препятствовавшие плыть на карбасе, а бот уже поставлен был на зимовку. «Приятно было видеть море волнующимся, — говорит Пахтусов, — но оно мешало нас удовольствия охотиться за песцами».

Когда лед относил от берега, медведи лишались возможности ходить на промыслы и с голода объедали приманки в ловушках. Сначала они ели только ворвань, а ловушки со свиным салом, точно с досады, ломали, но потом ели все, что попадалось.

Когда лед снова нанесло, медведи перестали разбойничать.

Лисицы также объедали приманки, но сами по врожденной хитрости, никогда не попадались.

Над горизонтом 8 января показалось солнце, которое было приветствовано дружным «ура». Шестнадцать пять дней длилась непрерывная ночь.

Путешественники 7 и 8 марта наблюдали интересное явление. При ясной погоде рефракция была так сильна, что предметы на некотором расстоянии представлялись в огромных размерах, а ледяные статуи принимали вид людей и животных. В другой раз видели солнце, окруженное радужным кругом. В этом кругу помещались еще три солнца, два по бокам, а одно в центре.

С 8 апреля установилась ясная погода, и Пахтусов начал делать экскурсии вдоль берега.

Береговые горы Новой Земли.

Гравюра XIX в.

описания его. После нескольких коротких поездок он снарядился поосновательнее и отправился в путь на более продолжительное время. Эта экспедиция чуть было не стоила жизни ему и его людям. Их застигла такая выюга, что они не могли держаться на ногах и должны были броситься на землю; занесенные снегом, они оставались без пищи три дня, подвергаясь опасности замерзнуть.

Пахтусов вернулся с сильным ревматизмом и лихорадкой, но, чтобы к общему расстройству организма не привязалась цинга, он заставил себя через силу ходить и работать на чистом воздухе.

Цинга, этот бич северных стран, уже наметила себе жертву. Еще до ухода Пахтусова в продолжительную экскурсию заболел один из служителей, Подгорский. Он чувствовал сильную слабость и боль в ногах. По возвращении Пахтусов нашел его в том же положении. В один из ясных теплых дней Подгорский, чувствуя себя лучше, говорил, бутыл с товарищами и попросил поводить его на воздух. Товарищи одели больного и вывели его из избы. Походив немного, Подгорский заявил, что устал, и присел в сених. Не прошло пяти минут, как он упал на землю. Выскочившие из избы товарищи нашли его уже мертвым.

Оправившись от болезни, Пахтусов в конце мая снова занялся описью. Двенадцатого¹ июня южными ветрами взломало лед, и можно было делать опись на лодке. Вскоре после отъезда из становища мореплаватели увидели стадо белуг, шедших на расстоянии версты от берега. Их было штук до 700; матки несли на спинах своих черно-голубых детенышей. Большую часть времени море было совершенно чисто, но иногда ветры пригоняли лед к берегу и путешественники должны были вытаскивать лодку на льдину и выждать удобной минуты. Однажды льдину, на которой они ночевали, разломило надвое, и моряки чуть было не потеряли своей лодки.

До 7 июля продолжалась опись, частью по берегу, частью на лодке. Весь юго-восточный берег до Маточкина Шара был описан. Наконец провизия истощилась, и Пахтусов должен был вернуться в становище. Бот был совсем готов, море чисто; можно было бы двинуться далее на восток. Но идти далее — значило остаться на вторую зимовку. Для этого не хватило бы провизии, и потому Пахтусов скрепя сердце отдал своей команде приказание собираться в обратный путь. Возвращался он, впрочем, с уверенностью,

¹ В самый разгар лета от конца июня до августа Реомюр показывал в тени не больше +6° С. Обыкновенно же бывало +2° С, а нередко заморозки.

Охота на медведя.

Гравюра XIX в.

что если не в один год, то в несколько лет вполне возможно описать Новую Землю. Оставив, по обычаю здешних промышленников, в избе печеного хлеба пудов двадцать, муки с полтора пуда, огниво с принадлежностями и несколько дров, мореплаватели простились со своим жилищем, в котором пробыли 297 дней, и поплыли обратно.

Огибая юго-восточную часть Новой Земли, увидели на берегу карбас. Эта находка в такой дикой местности привлекла внимание Пахтусова, и он, став на якорь, высадился на берег. Недалеке увидел он полуразвалившуюся избу и, подойдя к ней, нашел два человеческих черепа, кучу оленьих рогов и поломанные сани. В избе находилась домашняя утварь, обыкновенно употребляемая самоедами. Не трудно было догадаться, что здесь именно погиб самоед Мавей, о котором Пахтусов слышал еще в 1824 году, когда принимал участие в экспедиции Иванова¹. Вот что рассказывал ему Воепта, родственник Мавей.

Этот Мавей еще в молодости зимовал на Новой Земле со своим отцом, исполняя обет, данный идолам, которых отец считал покровителями его промыслов. В 1822 году Мавей навлек на

себя гнев богов: у него пали все олени. Чтобы умиловить идолов, он дал обещание зимовать на Новой Земле со всей семьей, состоявшей из жены и сына с женой и дочерью. Летом 1823 года Воепта отвез туда несчастную семью и вернулся. Прождав год и не видя родственника, он отправился его отыскивать на Новую Землю. Вместо людей он нашел в избе два женских трупа, возле которых валялась наполовину съеденная медвежья шкура. На дворе лежали скелеты сына и внучки Мавей. Сам он пропал без вести; вероятно, погиб в отдаленной части острова.

Возвращаясь на бот, путешественники увидели на берегу медведя. Но как только лодка подъехала к нему, он бросился в море и поплыл. Охотники пустились за ним в погоню и не более как через четверть часа уже буксировали его к берегу.

Бот, 21 августа, выдержал страшную бурю и едва не погиб. Третьего сентября он сел на мель, где его жестоко било волнением; много вещей унесло в море. По снятии с мели судно оказалось настолько поврежденным, что нечего было и думать идти в Архангельск. Пахтусов ввел его в устье Печоры и на против самоедского селения Куи бросил якорь.

¹ Штурман Иванов, описавший берег Ледовитого океана от Кары до Печоры в 1822 и 1828 годах.

Разоружив бот, Пахтусов оставил команду в Кве на зимовку, а сам поехал сухим путем в Архангельск, чтобы сообщить компании о результатах, добытых экспедицией.

Простившись с командой, 1 октября, Пахтусов переехал Печору и, взяв оленей у самоедов, поехал до соседней кочевки, которая была в то же время и станцией. Путешествие было очень продолжительно и тягостно. Иногда приходилось по нескольку дней жить в самоедском чуме, пока не пригонят оленей, иногда же, подъезжая к месту, где предполагалась станция, он не находил ее, самоеды переменили кочевье, и нужно было, блуждая по тундре, их разыскивать.

В следующем 1834 году Пахтусов снова получил командование экспедицией, снаряженной на этот раз правительством¹. Пахтусову поручено было идти прямо на Маточкин Шар и, пройдя через него, заняться описанием восточного берега Новой Земли, а в том случае, если в проливе будут льды, идти на север и, обогнув северную оконечность острова, проникнуть в Карское море.

Прибыв на Новую Землю, экспедиция занялась устройством дома, который, в сравнении с прошлогодним, мог показаться дворцом; он был гораздо просторнее и имел отдельное помещение для офицеров. Маточкин Шар замерз только в середине ноября. Зимняя стужа переносилась легко, потому что самоеды снабдили экипаж одеждой. Метели были, однако же, так сильны, что часто в течение недели нельзя было выходить из дома; иногда дом до того заносило снегом, что приходилось вылезать не через дверь, а через дымовую отдушину. Из медведей, часто подходивших к дому, убито было в течение зимы одиннадцать, в том числе один на крыше, а другой в сених.

Маточкин Шар и восточный берег к северу от него были нанесены на карту, причем поездки к ним совершались на санях.

Летом Пахтусов пытался было обогнуть северную оконечность острова, но чуть не погиб вместе с экипажем; карбас был затерт и сокрушен льдами. Выгрузив необходимые вещи в две лодки, моряки потащили их по льду к берегу, отстоявшему не более версты. На берегу принялись чинить лодки, чтобы плыть обратно к Маточкину Шару, но пока шла работа, запас провизии истощился, и экспедиции не миновать бы гибели, если б не явилась неожиданная помощь. Случайно прибыл на своей ладье промышленник Еремин, который и выручил путешественников.

Вернувшись в Архангельск, Пахтусов заболел нервной горячкой и умер 7 ноября 1835 года.

Всего на Новую Землю было сделано двадцать четыре ученые экспедиции: двенадцать — мореплавателями иностранными и столько же —

русскими. Кроме того, во все времена ее посещали промышленники.

Суровый климат и отсутствие растительности делают пребывание здесь человека невозможным. Некоторые семейства старообрядцев, пытавшиеся поселиться на Новой Земле во избежание гонений за веру, в первый, же год сделались жертвами сурового климата. Новгородцы Строгановы и выходцы из Кеми Пайкачевы не вынесли и одной зимы на негостеприимной Новой Земле. Промышленник Афанасий Харнай нашел всех Пайкачевых мертвыми и предал их земле.

Зато привольно здесь живет животным, среди которых первое место занимает белый медведь. Кроме того, водятся олени, лисицы, волки, песцы и множество пеструшек, которыми песцы питаются.

Пеструшки — это род полевых мышей с коротким хвостом и пушистой шерстью. Эти животные очень легко приручаются. Будучи пойманными, они уже через сутки не бегут от человека и никогда между собой не ссорятся. Живут пеструшки в норах и питаются травой, у которой съедают только листья, не трогая корней.

Из морских животных водятся белухи, тюлени, нерпы, морские зайцы и моржи. Из птиц — очень мало береговых, зато множество водяных, в особенности гусей. Обилие чаек самых разнообразных пород служит наилучшим доказательством, что в этом краю море более обитаемо, нежели суша. Близ берегов гнездятся миллионы раков и омаров. Стоит бросить кусок мяса, чтобы они облепились вокруг него, как мухи вокруг меду. Их можно одним решетом черпать по нескольку тысяч зараз. По словам промышленников, они проедают у моржей кожу в шейных складках и под лапами.

Это-то обилие зверей и привлекает промышленников, которые на небольших своих судах отправляются по бурному морю к негостеприимной земле, где нередко находят себе могилу.

Прибыв на Новую Землю и устроив себе помещение, промышленники снаряжаются для ловли моржей. Выбрав хорошую погоду, в которую моржи любят отдыхать на льдине или на суше, четыре промышленника садятся в карбас и выходят в море. Утлые суда их не выдерживают сильного волнения, и потому промышленники стараются править в такое место, где много плавучего льда, в пределах которого волнение слабее. Если же лед напирает на судно, угрожая сокрушить его, судно вытаскивают на льдину. Каждый карбас везет с собой, помимо провианта, необходимые для ловли орудия: носки, спицы, винтовки, порох, ремни. Носки — это род

¹ Экспедиция состояла из двух судов; вторым судном командовал Циволка.

остроги или гарпуна с широким двухсторонним лезвием в виде кинжала. На другом конце — трубка, в которую вставляется древко так слабо, чтобы в случае надобности его можно было вытащить за веревку.

Заметив на какой-нибудь льдине моржей, промышленники подплывают к ней с подветренной стороны. Без этой предосторожности моржи, почуяв неприятеля, все нырнут в воду. Достигнув лежбища, промышленники стараются преградить моржам путь к краю льдины, для чего требуется большая сноровка. Если удастся заколоть тех, которые ближе лежат к краю, моржи приходят в смятение, лезут друг на друга, и тогда легко бить их гарпунами и дубинами. Иногда на одном только лежбище убивают столько моржей, что промышленники едва в состоянии увезти одни головы, ценимые за клыки. За остальным возвращаются по несколько раз, и очень часто добыча пропадает.

Если же моржи успели нырнуть в воду, с ними начинается весьма опасная борьба. Стоя на льдине, промышленник бросает носки, стараясь вонзить их в грудь зверя. Если это ему удастся, он быстро вбивает в лед кол и привязывает к нему веревку или ремень от носка. Морж, взнузданный носком, начинает носить по морю льдину с промышленником, и последнему нужно иметь много ловкости, чтобы, ухватившись за кол, устоять на ногах. Наконец животное выбивается из сил, его вытаскивают на льдину и убивают.

Случается, что за раненым моржом, нырнувшим в воду, гоняются на карбасе. Этот род охоты еще опаснее; морж, зацепленный носком, может увлечь карбас вглубь, если вовремя не освободить веревки. Случалось, что моржи наскakiвали на карбас или своими клыками старались сокрушить его. Опасность при подобной охоте так велика, что промышленники заранее сговариваются, что следует им в известных случаях делать.

Клыки, кожа и сало одного моржа по ценности равняются 70—90 рублям. Туша почти всегда пропадает даром.

Тюленей ловят сетями. Этот промысел гораздо легче и безопаснее предыдущего. Иногда тюленей, нерп (малых тюленей) и морских зайцев убивают из ружей. Кожи мелких морских животных, хорошо выделанные, не уступают воловьим и лошадиным. По прочности они даже лучше последних.

При ловле белухи используют также носки и спицы, иногда и сеги. Требуется много ловкости и силы, чтобы удержать в сетях попавшегося зверя, нередко он прорывает сеть и уходит. Белуху, или белугу, не стоит смешивать с речной белугой, последняя — рыба, тогда как первая — морское животное, млекопитающее из семейст-

ва китовых. Голова у белухи более заострена, чем у кита, на каждом плече по перу, которое служит белухе вместо весла. Плавают белухи ныряя, т. е. приподнимаясь из воды и опускаясь в нее.

Жир белухи очень дорого ценится; его получают от одного зверя приблизительно на двести рублей. Шкура весит до трех пудов и идет на такое же употребление, как моржовая и тюленья.

Как ни выгоден белужий промысел, дающий до 4000 рублей в год, но он доступен только богатым промышленникам, так как охотничье обзаведение стоит очень дорого.

Речная рыба составляет здесь промысел второстепенный.

Зимующие промышленники занимаются звериным промыслом, из которых медвежий самый выгодный, но он же самый и опасный. Белый медведь очень силен на суше и нередко выбивает оружие из рук своего врага. Для безоружного единственное средство спастись от лап медведя — это броситься в сторону. Тяжелый и неуклюжий зверь с трудом делает поворот и охотник может успеть отбежать далеко, поэтому поморы охотнее бьют медведя в море, когда он перебирается с льдины на льдину в поисках добычи. Сложилась даже поговорка: «Дай Бог моржа на суше, а ошкуча (местное название белого медведя) в воде». В стихии, ему не сродной, животное, очевидно, теряет самообладание и легче делается добычей врага.

Охота на оленя, лисицу, песца, в сравнении с предыдущей, считается забавой. Единственная беда, угрожающая охотнику, — это возможность упустить дорогого зверя. По той пользе, которую олень приносит, он в полном смысле слова дорогой зверь. Из шкуры его шьется платье, которому по легкости и теплу нет равного, мясо и кровь употребляются в пищу, жилы служат вместо ниток. Из шкур молодых телят, или пыжиков, делают шапки.

Из птичьих промыслов самый выгодный лов гаги, пух которой очень дорого ценится. Гага вьет гнездо во впадинах неприступных утесов, и промышленникам приходится спускаться на веревках с крутых скал, висящих над морской пучиной. Особенно дорог тот пух, которым птица устилает свои гнезда. Она вырывает его из груди, и он очень нежен. Согнанная с гнезда, гага вьет другое гнездо еще выше и еще неприступнее. Впрочем, этот пух требует большой очистки, и потому из целого пуда выходит только пятнадцать фунтов. Мясо и особенно яйца гаги очень вкусны, кроме того, она дает драгоценное удобрение — гуано, которым, к сожалению, никто не пользуется.

Есть еще птица, принадлежащая к тому же семейству: это гагарка. Мясо ее солят, укладывают

в бочки и отправляют в Архангельск; кожу с шеек сшивают и делают красивые меха и выпушки; пух употребляют для набивки подушек. Пух гусиный употребляется для той же цели. Гусей прилетает на Новую Землю такая масса, что добыча их более похожа на бойню, чем на охоту.

Здесь же встречается и морской орел, наводящий своим появлением ужас на обитателей и других северных стран. Известный естествоиспытатель Л. Ф. Бух, встречавший его в Норвегии, рассказывает о его способе нападения на крупных животных, например быков. Морской орел бросается стремглав в волны, подымается весь мокрый и начинает валяться на сухом морском берегу до тех пор, пока его мощные крылья не покроются мелкими камешками и песком. Тогда он подымается на воздух, подлетает к намеченной жертве, взмахом крыльев пускает ей в глаза целый дождь песка и сильными ударами крыльев доводит быка до крайних пределов испуга. Ослепленное животное бросается в стороны и нередко срывается с утесов в пропасть, где морской орел спокойно его расклевывает.

Морскими промыслами занимаются, кроме поморов, и самоеды, приезжающие на Новую Землю по льду с острова Вайгач. Чтобы не заблудиться на необозримых снежных равнинах, они чертят на снегу различные фигуры, форма которых ясно определена и у всякого семейства своя собственная. По этим фигурам самоеды легко находят друг друга.

Растительность на Новой Земле самая скудная. Не только не видно деревьев, но нет даже сплошного травяного или мохового ковра. Только у подножия гор, на местах, пригретых солнцем, растут цветочки. Цветы эти особого свойства. Исходя от одного корня, они разветвляются на множество коротких стебельков и стелются по земле. Захватив один из стебельков, можно поднять целую плетушку, держащуюся на одном тонком корешке. Издали кажется, что место, по которому стелются цветочки, покрыто сплошным цветочным ковром, но, взглядевшись поближе, можно заметить между ними голые пространства. Под землей, очень близко от поверхности, корни стелются так же, как и стебли. Промерзлая почва не пускает их глубоко внутрь, и им приходится размножаться в горизонтальном направлении.

Путешествие барона Адольфа Эрика Норденшельда

Глава I

Отплытие из Норвегии. Остров Вайгач. Мыс Челюскин

О тдавая должную справедливость заслугам русских мореплавателей, их отваге, выносливости и чрезвычайной способности бороться с трудностями всякого рода, нельзя не пожалеть, что все труды и усилия этих героев не привели к желаемым результатам.

Причина неудач лежит отчасти в недостаточности сведений о Ледовитом океане, о сроках, когда океан этот бывает свободен ото льда и, главным образом, от несовершенства парусных судов, затруднявших поступательное движение вперед и не приспособленных к борьбе со льдами.

Из многочисленных арктических плаваний видно, что при переездах играли важную роль не только льды, но и противные сильные ветры. Из опасения не дойти до гавани или до места зимовки суда прекращали плавание в ту пору, когда полярные моря бывают наиболее свободны ото льдов. Так именно и случилось с Литке, которому четырежды приходилось, почти в виду цели, поворачивать назад. Тем не менее длинный ряд полярных экспедиций, удачных и неудачных, подготовил путь на восток, описав по частям все моря, лежащие на этом пути. Только самая северная оконечность Азии, мыс Челюскин, оставалась еще неизвестной. Нужен был отважный и предприимчивый человек, который и явился позднее в лице Норденшельда. Ему удалось достичь того, чего добивались в течение столетий знаменитые мореплаватели всех стран, а именно: объехать Северную Европу и Азию по Ледовитому морю и проникнуть в Великий океан. Норденшельд до некоторой степени наш соотечественник, и потому мы имеем полное право упомянуть о нем.

А. Э. Норденшельд родился в Гельсингфорсе в 1832 году. Раннее детство он провел в отцовском имении, в Ньюландской губернии, учился в гимназии г. Борго и в семнадцать лет поступил в университет на естественный факультет.

По окончании курса он сопровождал отца в его ученом путешествии на Урал; потом совершил четыре экспедиции на Шпицберген и две в Сибирь, к устьям Енисея. Глубоко изучив Север, Норденшельд считал себя вправе утверждать, что чистый водный путь через Карское море простирается, по всей вероятности, до Берингова пролива и что, следова-

тельно, возможен объезд Старого Света. Свои предположения он основывал на том расчете, что масса теплой воды, выносимой сибирскими реками, должна в течение лета растопить льды и образовать вдоль берега род канала. Он предполагал также, что вследствие вращения земного шара должно непременно существовать быстрое течение к востоку, которое может способствовать очищению канала от льда. Рассчитывая отправиться из Швеции в начале июля, он надеялся достигнуть устья Енисея в августе и затем плыть дальше к мысу Челюскина, которого не обигал еще ни один корабль. Это было единственное место, казавшееся Норденшельду опасным. За мысом Челюскина он был вполне уверен найти полярную воду вплоть до Берингова пролива. Если бы экспедиции и не удалось обогнуть мыс Челюскина, то и тогда географическая задача могла бы считаться до некоторой степени решенной. Енисей и Обь, судоходные до границ Китая, открыли бы сообщение с этой страной и оживили бы весь лежащий на этом пути край.

Подготовив основательный доклад, Норденшельд представил его на рассмотрение совета под председательством шведского короля Оскара II, и после продолжительного и всестороннего обсуждения вопроса экспедиция была решена. К капиталу, предоставленному Норденшельду русским купцом Сибиряковым, присоединилось крупное пожертвование короля Оскара и богатого негоцианта Диксона. Денег собралось вполне достаточно. Шведский парламент разрешил Норденшельду набрать экипаж из волонтеров шведского флота с усиленным жалованьем и взять из карлскронских магазинов угля, масла и других припасов, а Морское министерство предоставило ему построенный из крепкого дерева пароход «Вега», который мог идти и под парусами. Кроме обыкновенных лодок, при пароходе находился паровой катер. В июне 1878 г. все приготовления были окончены, и экспедиция могла двинуться в путь.

«Вега» вышла из гавани Карлскрона 22 июня 1878 года. Тысячи народа собрались проводить экспедицию, отправлявшуюся в такие страны, где все казалось таинственно и мрачно и где поблило так много отважных людей. «Вегу» сопровождал пароход «Лена», нагруженный углем и съестными припасами. Еще два судна — «Фразер», паровое, и «Экспресс», парусное, — с товарами для Сибири ушли вперед. Последние три судна снаряжены были Сибиряковым для торговых целей, а один из них, пароход «Лена», предоставлен был на время в полное распоряжение Норденшельда.

В Копенгагене и Готенбурге «Вега» пополнила свои запасы, приняла ожидавших ее в этом го-

Adolf Erik Nordenskiöld

А. Э. Норденшельд

роде нескольких членов экспедиции и 17 июля пришла в Тромсе.

Отсюда она направилась к острову Маса близ мыса Нордкапа, где была задержана ветром, дождем, туманом и чрезвычайным волнением до вечера 22 июля.

Далее Норденшельд мешкать не мог и потому, несмотря на продолжавшуюся дурную погоду, пошел дальше. В первую же ночь из-за сильного тумана «Вега» и «Лена» потеряли друг друга и встретились уже на сборном пункте в проливе Югорский Шар.

Переезд к Новой Земле совершился благополучно; идя под парусами и на парах, мореплаватели 29 июля увидели Гусиную Землю. Льда у берегов не было, только кое-где лежал снег. Гусиной Землей называется узкая полоса на западном берегу Новой Земли, где несметные стаи гусей и лебедей выют свои гнезда. Лебеди очень трусливы и потому устраивают себе гнезда на равнинах, выщипывая для этого мох из почвы и оголяя землю аршина на два кругом гнезда, отчего образуется подобие рва. Гнезда имеют конусообразную форму и очень велики, так что издали лебединое поселение легко принять за маленький лагерь.

Семья самоедов.
Гравюра XIX в.

Пользуясь прекрасной погодой и чистым морем, «Вега» не останавливалась здесь и пошла далее к Югорскому Шару. Здесь уже ожидали Норденшельда прибывшие раньше «Фразер» и «Экспресс». «Лены» еще не было, и Норденшельд стал опасаться за нее, но 31-го она прибыла благополучно, и таким образом, вся маленькая полярная эскадра собралась в условленном месте.

На материковом берегу Югорского Шара лежит деревня Хабарово, носящая громкое название «самоедского города». Летом здесь живут самоеды, пасущие стада оленей в окрестных тундрах, да несколько русских, приезжающих из Пустозерска для меновой торговли. Русские обитают в лачугах, которые называют домами; жен и детей с собой не берут. Самоеды живут в чумах с семьями. Около Покрова русские уезжают восвояси.

Самоеды все крещены, что не мешает им почитать прежних идолов и ходить к ним на поклонение иногда за тысячу верст. На острове Вайгач есть несколько мест, где приносятся жертва идолам. Нельзя сказать, чтобы эти идолы были изящны. Норденшельд, зная, что самоеды

во время перекочевки возят идолов с собой, пожелал приобрести нескольких и вступил в переговоры с одним самоедом. Самоед отнекивался, опасаясь навлечь на себя гнев божков, но блеск серебряных рублей соблазнил одну самоедскую старушку, и она решилась пренебречь предрассудками. Порывшись в нарте, она вытащила меховой сапог, оттуда такой же чулок, из которого наконец извлекла четырех болванчиков. Один представлял миниатюрную малицу с поясом без тела; другой — кожаную куклу с латунным лицом; третий — куклу с носом, согнутым из медной пластинки, и четвертый — просто камень, завернутый в тряпки и обвешанный бляшками. Одна грань этого камня изображала человеческое лицо. Идолы были приобретены Норденшельдом за дорожную цену.

Узнав, что на острове Вайгач есть жертвенный холм, Норденшельд с тремя товарищами отправился туда, переехав пролив Югорский Шар на паровой шлюпке.

Жертвенный холм находился на возвышенном месте острова вблизи моря. На жертвеннике, сложенном из груды камней, Норденшельд нашел:

1) олени черепа с рогами, но вынутым мозгом. Черепа были так расставлены, что рога их образовали подобие куста, придавая жертвенному холму оригинальный вид,

2) олени черепа без рогов, насаженные на воткнутые в землю палки,

3) множество оленьих костей,

4) медвежьи кости и один медвежий череп,

5) большое количество всякого хлама: полуманья топоры, черепки котлов и т. п.

6) наконец — сами боги, или «болваны», которым были посвящены все эти сокровища.

Божки состояли из нескольких сот воткнутых в землю деревянных палочек с уродливо вырезанными лицами на верхнем конце. Вблизи жертвенника виднелись остатки костра, на котором готовилась жертвенная трапеза. Проводник рассказывал, что и боги принимают участие в трапезе, рты на действительно были вымазаны кровью.

Норденшельд выдернул несколько болванчиков и положил их в мешок. Видя такой оборот дела, проводник очень встревожился и просил умиловить богов какой-нибудь жертвой. Норденшельд положил на камни две серебряные монеты и спросил: довольно ли? «О да, пары медяшек было бы достаточно», — отвечал проводник.

Когда самоеды в Хабарово узнали о таком статисте, они страшно взволновались и стали упрекать своего товарища в попустительстве, упрекая его гневом богов: и олени-то у него подохнут, и сам-то он заболит или умрет; если избежит беды, пострадают дети его.

Норденшельд видел на Вайгаче другой жертвенный холм, но на нем уже был водружен русским архиереем православный крест. Самоеды, считавшие себя неповинными в подобном святотатстве, относились к нему совершенно равнодушно.

Но самого знаменитого из всех самоедских иолов на острове Вайгач Норденшельду не удалось увидеть. Это огромная каменная глыба, имеющая человекоподобный образ. Не рука художника сделала его, а каприз природы. Никто не знает, откуда он взялся и давно ли тут лежит. Единственность еще больше усиливает его обаяние. Этот камень и берут самоеды за образец при производстве своих болванчиков.

Жертвоприношение идолам делается обыкновенно перед началом промыслов. Самоеды очень суеверны, и если промысел не удался, они уверены, что кто-нибудь оговорил их. Чтобы отыскать оговорщика, приглашают шамана, который с помощью его злодей найден, пострадавший старается подкрасться к нему и ударить его так сильно, чтобы хлынула кровь, тогда оговор теряет силу. Если же оговорщица женщина — кладут крест-накрест горящие головни на них кусок кожи; оговор выкуривается.

Если самоед совершил какое-нибудь преступление и запирается, режут собаку и, дав виновному съесть ее сердце, приговаривают: «Если ты съел, то издохнешь, как собака».

Еще торжественнее клятва на медвежьей губе. Присягающий прикусывает медвежью губу и говорит: «Как я кусаю твою губу, так ты меня искуси, если я лгу».

Медведь у самоеда в большом почете. По его мнению, это не зверь, а человек, покрытый шкурой, и даже бог. Поэтому о медведе не говорится иначе как с подобострастием: «прекрасный зверь», «старец с когтями», «шубный отец», что не мешает, при случае, пустить этому «отцу» пулю или стрелу, так как самоеды до медвежьего часа большие охотники, при этом медведю говорится столько комплиментов, что ему решительно нет никакой возможности рассердиться.

Норденшельд вернулся на «Вегу» очень довольный собранным этнографическим материалом. Первого августа суда снялись с якоря и, пройдя Югорский Шар под парами, вышли в Карское море. Предмет стремлений стольких правительств, купцов и ученых. В течение многих столетий это море составляло поворотный пункт для путешественников и, словно заколдованное, никого не допускало в свои воды.

Погода продолжала благоприятствовать плаванию, и больших льдов не было видно.

Местами встречался поломанный и рыхлый лед, но он не мешал движению, зато сильно препятствовали туманы, заставлявшие иногда укло-

няться от курса. Таким образом, остров Диксон был принят за гавань того же имени, и суда, бросив якорь, должны были сняться снова и отыскивать гавань, куда и вошли благополучно 6 августа.

Эта гавань, защищенная от ветра утесистыми островами, открыта Норденшельдом в 1875 году и названа именем Диксона. Это лучшая гавань на всем северном берегу Азии, и нет сомнения, что она со временем будет играть большую роль в сибирской ввозной и вывозной торговле.

На острове Диксон путешественники видели шесть оленей и несколько медведей. Одного из оленей им удалось убить.

Хотя местность эта лежит гораздо севернее границы лесов, но мореплавателю легко запастись топливом, так как здесь масса наносного леса. Ветви, пни, корни и целые деревья с ветвями и корнями, занесенные течением, встречаются в огромном количестве на дне бухт гавани Диксона. Некоторые деревья тонут вниз корнем и, коснувшись дна, остаются в стоячем положении. Одна из бухт гавани Диксона почти совершенно отделена от моря подобным частоколом.

«Фразер» и «Экспресс» пошли вверх по Енисею 9 августа, а 10-го числа снялись с якоря «Вега» и «Лена». Теплая погода и безледное море благоприятствовали плаванию весь этот день и следующий, но туман мешал сильно, и под утро пришлось пристать к маленькому островку, не нанесенному на карту. К полудню туман рассеялся, «Вега» и «Лена» пошли дальше. Такие остановки из-за тумана случались несколько раз. Иногда суда причаливали к льдине и занимались ловлей водорослей и исследованием их. Во время одной из таких остановок сделана была замечательная находка.

«Несколько лет тому назад, — говорит Норденшельд, — я указывал на важность исследования космической пыли, падающей на земную поверхность с атмосферными осадками, и доказывал, что часть этой пыли принадлежит мировому пространству. Населенные части земли мало пригодны для подобных исследований; снежные же и ледяные поля под полюсом, удаленные от жилищ людей и путей пароходов, сохраняют космическую пыль во всей ее неприкосновенности».

На одной снегом покрытой льдине замечены были желтые пятна. Когда снег был собран и растоплен, в нем оказались светло-желтые кристаллы, поперечное сечение которых равнялось одному миллиметру. При нагревании кристаллы распались в белый порошок, лишенный всякого вкуса. Если бы это была кристаллизация морской воды, она находилась бы не на снегу, а под ним, на льду. Не упало ли исследуемое вещество из мирового пространства? На этот вопрос Норденшельд не дает ответа.

От 14-го до 18 августа туманы задержали суда у полуострова Таймур, и путешественники, пользуясь остановкой, предпринимали экскурсии. В этом безлюдном месте, где даже животная жизнь бедна представителями, европейские моряки чуть-чуть не повстречали соотечественника. Недалеко от их стоянки прошел норвежский шкипер Иоганнесен, который только что посетил Новую Землю и, обогнув ее северо-восточную оконечность, прошел через Карское море по безледному фарватеру. Завидев 16 августа Таймурское прибрежье, он повернул назад, открыл остров «Одиночество», снова переплыл Карское море и вернулся в Норвегию 12 сентября.

Суда, 19 августа, шли на парях и под парусами, окруженные по большей части туманом, который рассеивался лишь на короткое время. Чтоб не потерять друг друга, «Вега» и «Лена» обменивались частыми свистками. Морская поверхность уподоблялась зеркалу. Лишь изредка попадались сильно разъеденные льдины, и в продолжение дня встретилось большое ледяное поле, заполнявшее бухту на западной стороне мыса Челюскина. В тумане невозможно было далеко видеть, и Норденшельд начал уже сомневаться в возможности пристать к самой северной оконечности Азии по причине большого скопления льдов. Вскоре, однако же, через мглу показался на северо-востоке темный мыс, не обложенный льдами. Открывавшийся к северу залив врезывался в материк. В этом-то заливе оба судна бросили якорь 19 августа в шесть часов пополудни.

«Наконец мы достигли великой цели! — с восторгом восклицает Норденшельд. — Впервые судно стояло на якоре у самой северной оконечности Старого Света. Неудивительно, что мы приветствовали это событие украшением судов флагами и пушечной пальбой, а после возвращения с прогулки по берегу — пиршеством и заздравными тостами».

Здесь так же, как и на Енисее, пришельцев встретил большой белый медведь. Завидев судно, он беспокойно забегал взад и вперед по берегу и чутьем старался разузнать природу и свойства гостей, прибывших в его владения. Кроважидные гости собрались было поживиться хозяином, но прежде чем они успели приготовить ружья, медведь, испуганный пушечными салютами, убежал без оглядки.

Посетив полуостров, путешественники, по обычаю полярных мореходцев, водрузили столб в память своего посещения.

Глава II

Новосибирские острова. Шелагский мыс. Льды прекращают путь «Веги»

По плану путешествия экспедиция должна была плыть на восток к Новосибирским островам для того, чтобы определить, нет ли земли на этом пути. Двадцать первого и двадцать второго августа суда пробирались беспрепятственно в означенном направлении среди плавучего льда, который был менее разъеден, чем встреченный у Таймура. Попалось несколько ледяных полей, но ледяных гор не было видно. Тем не менее плавание судов между льдами, среди такого густого тумана, который, по выражению матросов, хоть ножом режь, было рискованно, и экспедиция, решившись отказаться от посещения Новой Сибири, переменяла курс на более южный.

Обман зрения, производимый туманом в странах, в которых величина предметов и расстояние неизвестны, поистине изумителен. «Во время одной поездки в лодке, на Шпицберген, — рассказывает Норденшельд, — мне необходимо было через плавучий лед пробраться к острову, лежащему на недалеком расстоянии. Мы выехали при ясном небе, но вдруг упал туман, и мы должны были грести наудачу. Мы смотрели во все глаза, надеясь различить желанный остров. Вскоре на горизонте показалась темная полоса, которую и приняли за очертание острова. Несколько минут спустя по обе стороны воображаемой земли показались два снежных поля, и вдруг все превратилось в страшное морское чудовище величиной с гору. Голова чудовища вскоре оживилась, стала двигаться, и оказалось, что вся эта фантазмагория была не что иное, как обыкновенный морж, покоившийся на льдине вблизи лодки».

Святой Нос.
Гравюра XIX в.

В другой раз на льду в туманную погоду мы видели приближения медведя, которого все видели очень хорошо, то есть воображали, что видели. Вдруг этот медведь вспорхнул и улетел в виде небольшой белой чайки».

Двадцать третьего числа удалось наконец суметь выбраться из лабиринта льдов и войти в открытую воду. При попутном северо-западном ветре суда быстро пошли вперед по совершенно чистому морю. На следующий день, плывя вдоль берегов, путешественники видели горы, не покрытые снегом. Погода была ясная, и в море плавали огромные стада моржей. Глаза промышленников, находившихся в числе команды, разгорались от удовольствия. Можно было вперед сказать, что они непременно воспользуются новооткрытым путем и придут сюда на промыслы.

Около полудня показался остров Преображения, лежавший при устье реки Хотанги в том месте Таймурского полуострова, где берега, шедшие на юг, круто поворачивают к востоку. Норденшельд решил остановиться тут для научных наблюдений, и суда бросили якорь.

Пробыв здесь несколько часов и осмотрев остров, мореплаватели пошли далее вдоль побережья. Погода 25, 26 и 27 августа стояла тихая, ясная, море было совершенно свободно ото льдов.

Достигнув устьев Лены, суда расстались. «Лена»¹ пошла вверх по реке к Якутску, «Вега» продолжала плавание на северо-восток, по направлению к Новосибирским островам.

Эти острова со времени своего открытия славились чрезвычайным богатством зубов и костей вымершего арктического слона, известного под названием мамонта. Путешественник Геденштрем видел здесь, на протяжении одной версты, десять бивней, торчащих из земли. Эти остатки находятся обыкновенно в берегах рек, размываемых водой. Берег обваливается и обнажает кости, а иногда и целые трупы животных с мясом и кожей. Последнее, впрочем, очень редко.

Вместе с костями мамонта на Новосибирских островах попадаются в большом количестве части остовов других животных, например носорога, кроме того, Новосибирский архипелаг замечателен так называемыми «деревянными горами» весьма загадочного происхождения. Эти горы, достигающие 64 метров в высоту, состоят из перемежающихся слоев песчаника и пропитанных горной смолой древесных стволов. Бревна расположены в нижней части холма горизонтально, а в верхней — вертикально.

Ввиду громадного научного интереса, который имеют Новосибирские острова, Норденшельд намеревался здесь остановиться, но этого

¹ Таким образом, «Лена», «Фразер» и «Экспресс» исполнили возложенные на них задачи.

ему не удалось сделать. Подходя к самым западным из островов, Семеновскому и Столбовому, «Вега» встретила многочисленные мели, и ход ее сильно затруднился. Только 30 августа достигли путешественники западного берега острова Ляхова, бывшего целью их поездки. Северные и восточные берега острова не были обложены льдами, но ветры последних дней согнали массу льда к западному берегу. Кроме того, море было до того мелко, что на расстоянии 25 верст от земли глубина не превышала 8 метров.

Сильный шторм на таком мелководном фарватере мог подвергнуть судно, стоящее на откорме рейде на якоре, серьезной опасности.

Не считая себя вправе подвергать главную цель экспедиции риску из-за желания побродить по интересным островам, Норденшельд отказался от намерения сойти на берег острова Ляхова, и «Вега» взяла курс на юг к проливу, отделяющему остров от материка. Остров Ляхова, по показанию землемера Хвойнова, посетившего его в 1775 году, состоит из льда и песка, в котором погребена масса костей и бивней мамонта, смешанных с черепами какой-то бычьей породы и рогами носорогов. Ляхов открыл этот остров в 1770 году, благодаря следам оленей, шедших с севера.

Руководствуясь верным заключением, что олени прибыли с неизвестной земли, Ляхов в санях, запряженных собаками, по следам достиг двух самых южных островов Новосибирского архипелага. Императрица Екатерина II наградила открывателя исключительным правом собирать слоновую кость на вновь открытой территории.

«Вега» продолжала благополучно плыть на восток на недалеком расстоянии от берега, встречая лишь плавающие ледяные поля из рыхлого льда. Только 3 сентября стали показываться за Святым Носом большие глыбы с чистой ледяной подошвой, весьма опасные для мореплавателей.

«Вега» находилась 3 сентября в виду Медвежьих островов. Шел такой сильный снег, что палуба корабля и вся видимая земля были им покрыты.

Расстояние в 630 верст между островами Ляхова и Медвежьими было пройдено «Вегой» в три дня, следовательно, она делала по 210 верст в день. Принимая во внимание неизвестность фарватера, такая скорость может считаться вполне удовлетворительной. Впоследствии, однако же, плавание сильно замедлилось, ночи сделались темны, и туманы усилились. «Вега» 6 сентября обогнула Шелагский мыс, плывя все время по безледной полосе вдоль берега.

Хотя плавание до сих пор можно было назвать вполне удачным, но однообразие окружающей

природы начало сильно тяготить путешественников. Начиная от Югорского Шара, они не видели ни людей, ни людских жилищ, если не считать полуразвалившихся лачуг промышленников.

Поэтому они были весьма приятно поражены, увидев плывущие к ним от Шелагского мыса две лодки.

Все живые существа на «Веге», за исключением повара, которого ничто в мире не могло отвлекать от кастрюль и сковородок, бросились на палубу. Кожаные лодки были нагружены хохочущими и болтающими мужчинами, женщинами и детьми, которые криками и знаками извещали, что желают посетить судно¹. Машину остановили, спустили шлюпки, и вскоре ватага людей, одетых в шкуры и с непокрытыми головами, полезла по трапу. Умение взбираться на трап показывало, что эти люди не раз бывали на судах. Они называли себя чукчами, но, к сожалению, никто не мог объясняться с ними иначе, как знаками. Получив в подарок табак и маленькие глиняные трубки, они остались очень довольны.

Распростившись с гостями, «Вега» пошла далее. В надежде скоро выбраться из неприветливых северных стран в более южные, все чувствовали сильный подъем духа.

Вдруг 8 сентября «Вега» неожиданно окружила такая масса льда, что она не могла двигаться вперед и принуждена была причалить к большой льдине близ берега. Когда туман немного рассеялся и судно стало видимо с берега, опять приехали чукчи и знаками приглашали путешественников посетить их юрты. Так как невозможно было продолжать путь, то Норденшельд очень обрадовался представившемуся развлечению и с несколькими товарищами съехал на берег.

Чукчи принимали гостей своих весьма радостно и усердно угощали их. Запасы были обильны. В одном жилище оленина варилась в большом чугунном котле; в другом — разрубали двух убитых оленей и вынимали внутренности, в третьем — старуха опоражнивала желудки оленей, припрятывая зеленое содержимое их, похожее на вареный шпинат, в мешок из тюленьей кожи. В иных юртах лежали распластанные тюлени. Норденшельд видел две головы моржей с ветчолепными бивнями. Тщетно упрасивал он чукчу продать эти головы, но тот продал только бивни, ни за что не согласившись расстаться с головами. На этот счет, вероятно, существовало у этих людей какой-нибудь предассудок.

Особенно понравились путешественникам здоровые и резвые дети. Внутри юрт они ходили почти нагими и нередко в таком виде выбега-

¹ Во времена Беринга этих людей ничем нельзя было заманить на судно.

птицу. Старшие обращались с детьми ласково, маленькие носили на плечах.

Утром 9 сентября «Вега» попыталась продолжить путь, но вскоре, по причине густого тумана, была вынуждена снова причалить к льдине. Сообщение судна, по-видимому, чрезвычайно привлекло туземцев, весть об этом замечательном событии быстро стала распространяться между ними, и целые партии дикарей стали приезжать к судно, несмотря на то что в окрестности шалей не замечалось. Они привозили с собой множество вещей для обмена, но, к сожалению, Норденшельд не запасся интересными для них предметами, а деньги в их глазах не имели цены. Попытка пустить в ход несколько просверленных серебряных монет для украшений. На монетах было изображение короля Оскара, и, в случае несчастного исхода экспедиции, они могли бы служить для определения мест, которые экспедиция посетила.

В назидание будущим путешественникам Норденшельд перечисляет предметы, самые приятные для туземцев: иголки, котлы, ножи, топоры, буравы и другие железные инструменты, шерстяные и ситцевые рубахи, платки, табак и сахар. К перечисленному еще следует прибавить иголку, за которую можно получить все, что угод-

но. В настоящее время, впрочем, меновая торговля далеко не так выгодна, как прежде.

В былые годы восемь соболиных шкурок выменивались на Камчатке за один нож; а за топор давали их восемнадцать, и притом камчадалы еще смеялись над простаками пришельцами, которые позволяли себя надуть. В Якутске прежде за котелок платили столько шкурок, сколько могло их в нем поместиться.

Ночью 10 сентября поверхность моря покрылась довольно толстой корой молодого льда, который, однако же, вскоре был разрушен плавающими льдинами. «Вега» попыталась идти вперед, лавируя между льдами, но скоро полоса крепкого льда преградила ей путь. Проработав несколько часов топорами и ломami, удалось наконец образовать канал и вывести судно на чистое место. В ночь на 11 сентября лед был в сильном движении и «Вега» должна была причалить к почвенному льду. Двенадцатого сентября она опять двинулась в путь, но за Северным мысом ее затерли льды, и она должна была приютиться в маленькой бухточке, где и простояла до 18 сентября. Не случись этой задержки, «Вега» достигла бы желаемой цели.

Мыс Северный получил наименование свое от Кука, посетившего его в 1777 году. Гораздо пра-

Работы над распилением льда.

Гравюра XIX в.

Оседлые чукчи.
Гравюра XIX в.

вильнее было бы сохранить его чукотское название Иркайпий, известное всей Сибири.

На косе, соединяющей Иркайпий с материком, находилось чукотское становище в шестнадцать шалашей. Здесь были найдены любопытные остатки жилищ племени Онкилон, прогнанного чукчами и ушедшего будто бы на острова, лежащие далеко на севере. Во время вынужденной стоянки на якоре путешественники делали раскопки и открыли несколько каменных орудий: топоров, наконечников от стрел и т. п.; кроме того, массу костей разных животных и птиц. Сохранились остатки старых жилищ, которые служили современным чукчам вместо погребов для сохранения ворвани.

Разведки, делаемые европейцами, не нравились туземцам. Особенно недоброжелательно

поглядывал один старик. Но убедившись, что пришельцы ворвань не воруют, а собирают разную дрянь, старик махнул рукой и отошел прочь.

Между путешественниками и туземцами возникли вскоре самые добрые отношения. Одного высокого красивого чукчу, по фамилии Чепурина, путешественники приняли за старшину, угощали его и одаривали. Это был франт большой руки, с удовольствием наряжавшийся в подаренные вещи. Он напяливал на себя несколько рубашек, привешивал к ушам цепи с монетами и видимо важничал. Впоследствии оказалось, что он вовсе не старшина и что у этой общины совсем старшины не было.

Несмотря на подобную анархию, все жили, по-видимому, в ладу и в дружбе. Особенно приятно было смотреть на ласковое обращение этих дикарей с детьми. Стоило приласкать ребенка, чтоб заслужить расположение чукчей. Женщины пользовались полным равноправием, муж советовался с женой, и нередко, чтобы сговориться с мужем, надо было задобрить жену каким-нибудь подарком. Вещи, выманные мужем, поступали на сохранение жене.

Опечаленный остановкой хода экспедиции, Норденшельд совершил экскурсию к ближайшей горе и, взобравшись на нее, увидел море, сплошь покрытое плотно скученным плавающим льдом. Только близ материка тянулась открытая полоса, загороженная во многих местах ледяными полями.

Восхождение на гору очень затруднял ледяной налет, покрывавший камни. Этот налет, происходящий от охлаждения тумана, хорошо знаком

мореплавателям. При сильном морозе в зимнее время не только в полярных морях, но и в Балтийском и Немецком случается, что морская вода на поверхности леденеет. Каждая волна, окочивающая палубу, оставляет после себя ледяное сало. Масса этого сала быстро увеличивается и превращается в плотный лед. Все попытки удалить эту ледяную броню — напрасны. В несколько часов судно принимает вид плавающей ледяной глыбы, управлять которой нет никакой возможности. Несчастная команда после страшно утомительной работы принуждена была в конце концов предоставить судно на произвол судьбы. Такое происшествие случилось с пароходом «Сесфия» в октябре близ Медвежьего острова во время шведской полярной экспедиции 1868 года.

Оставаться далее на Иркайпии, не рискуя зазимовать, было невозможно, и 18 сентября «Вега» снялась с якоря. Свободная полоса вдоль берега часто перегораживалась льдами, фарватер был очень мелок. На следующий день «Вега» набежала на подводную льдину, которую пришлось разбивать топорами и ломами. Попытки взорвать лед порохом не удались, динамит, вероятно, был бы действеннее.

До 27-го числа «Вега» лавировала между льдами, но часто должна была останавливаться на более или менее продолжительное время и посылать лодку на разведки. Наконец она достигла залива Колючина против острова того же имени. Около острова было большое скопление льдов, и судно должно было сделать большой крюк, чтобы попасть в бухту. Погода стояла ясная, и между льдами плавали сотни тюленей, с любопытством следившие за кораблем. Птицы встречались лишь изредка; вероятно, они уже переселились на юг.

Судно причалило к льдине, путешественники вышли на берег и, разложив огромный костер, расположились вокруг него, весело болтая о предстоящем переходе в южные страны, от стужи к зною. Никому не приходило в голову, что этим мечтам еще не скоро предстоит осуществиться.

Вечер был восхитительный; небесный свод ясен, и в воздухе стояла такая тишь, что пламя и дым костра столбом поднимались к небу. Черная водная гладь, покрытая ледяной пленкой, отражала свет костра в виде огненной прямой линии. На горизонте виднелась ледяная кайма, неровности которой в темноте казались очертаниями отдаленных гор. Вследствие отсутствия малейшего ветерка мороз в 2°С казался нечувствительным, его было, однако же, достаточно, чтобы покрыть море тонким слоем льда, который на открытых местах хотя и не мог задержать ход «Веги», но зато так связал между собой плавающие льдины, что даже паровое судно могло с трудом проложить себе путь.

На следующий день, 28 сентября, «Вега» попробовала плыть далее к открытому морю, но льдины, скованные ночным морозом, образовали такой плотный покров, что одолеть его не было никакой возможности. «Вега» снова причалила к льдине в надежде, что первый порыв ветра разгонит льды и откроет путь в Берингов пролив, до которого оставалось не более 209 верст, или одного дня пути.

Но надеждам этим не удалось сбыться. Проходил день за днем, быстро надвигалась полярная зима, и перезимовка — на пороге к переходу из Ледовитого в Великий океан — становилась неизбежной. Горько упрекал себя Норденшельд в излишней трате времени на некоторых пунктах сибирского берега. Приди «Вега» несколькими днями раньше, и путь был бы свободен. Впоследствии он узнал, что на расстоянии 70 верст от места заточения «Веги» во льдах море было чисто, и по нему плавали суда китоловов.

Тяжело было покориться обстоятельствам, но другого исхода не было. На этот раз природа победила человека.

Глава III

Зимовка у Колючина. Общение с чукчами

Положение судна было далеко не безопасно. «Вега» стояла не в гавани, а на открытом месте; ее легко могли затереть и раздавить льды. К счастью, скоро надвинулась ледяная гора и, вследствие мелководности фарватера, осела на дно. Она-то и послужила защитой судну, ограждая его от напоров льда с моря. Нечего было опасаться, что она раньше весны сдвинется с места. Уже 2 октября можно было с осторожностью ходить по льду около судна, а 3 октября чукчи пешком пришли на «Вегу».

Над палубой устроили из парусины палатку, в которой днем работали матросы. Тут же поставлена была небольшая наковальня, и чукчи с большим любопытством смотрели, как кузнец обрабатывал раскаленное железо. Повар раздавал им остатки обеда и нарочно испеченные для них хлебцы. Палатка, кроме того, служила приемной, в которой женщинам дарили табак, а детям сахар; иногда уставшего зверолова угощали водкой. Здесь же производился торг и заключались условия насчет поездок на собаках в разные стороны.

Во время бурь, особенно в декабре месяце, во льдах происходило сильное движение. По перемещающимся синим пятнам на горизонте можно было заключать о передвиже-

нии льдов. Ледяную гору вместе с «Вегой» придвинуло ближе к берегу. По временам судно так трещало, что можно было за него опасаться. На всякий случай Норденшельд велел перенести провиант и припасы на берег. Они лежали покрытые брезентом, никто их не караулил, и чукчи, проезжая беспрестанно мимо, ни разу ничего не тронули.

На берегу, отстоявшем в полутора верстах от судна, поставлена была магнитная обсерватория. Наблюдатели должны были четыре раза в сутки переходить это пространство, и чтобы в темные ночи не сбиться с пути, укрепили во льду столбы и протянули веревку. Пробовали было сначала поддерживать канал для сообщения на лодках, но скоро должны были от этого отказаться. Поддерживали только две проруби: одну на случай пожара, а другую для научных наблюдений. К одной из них повадился небольшой тюлень и приплывал каждый день, пока для потехи не изловили его и не принесли на палубу. Здесь ему предлагали разные лакомства, но он ничего не хотел принять. Наконец над ним сжалились и снова опустили в прорубь. С тех пор он больше не показывался.

Обсерватория выстроена была из глыб синего прозрачного льда. Чукчи называли ее «типтиньяранга», то есть «ледяной дом». При постройке вместо цемента употребляли снег, смешанный с водой. Крышу сделали из досок. Ледяной дом оказался очень удобной и красивой обсерваторией. Он имел только один недостаток — в нем было холодно. Так как при постройке нельзя было использовать железо, чтоб не нарушить действие магнитов, то нельзя было устроить и очаг. Попробовали было нагревать помещение самоваром, но обсерватор чуть не умер от угара; пришлось помириться с холодом.

В магнитных и метеорологических наблюдениях принимали участие девять ученых, сопровождающих экспедицию. Каждый из них имел свою вахту в шесть часов, из которых пять проводил в обсерватории. После пятимесячного дежурства в ледяном доме идти полторы версты на морозе было очень тяжело, но этот моцион, а главное, обязательный труд благотворительно действовали на здоровье, подкрепляли душу и тело.

Впоследствии около обсерватории построили еще жилище из снега наподобие улья, для инструментов, тут же находился и склад провианта.

На судне, в отдельных каютах и кают-компаниях совсем не было так холодно, как может быть, полагают многие. Правда, стены в иных местах промерзали, и люки были покрыты толстым слоем льда, но на некотором расстоянии от стен термометр показывал от +12 °C до +17 °C, температуру довольно сносную.

Состояние здоровья на судне в продолжение всей зимы было вполне удовлетворительно; бла-

годаря частым ваннам, большой опрятности и хорошему столу цинга, этот бич полярных стран, не показывалась.

Норденшельду было известно, что жители Крайнего Севера считают морошку прекрасным противочинготным средством, а потому он постарался запастись этой ягодой, насколько было возможно. Два раза в неделю подавалась она в виде кашицы с ромом и очень всем нравилась. Запасено было также множество мясных и овощных консервов, от туземцев получали свежую рыбу, иногда охота доставляла зайцев и белых куропаток. Кроме того, на «Веге» благополучно проживали взятые в плаванье две свиньи, которые зарезаны были к Рождеству.

На многих льдинах, притертых к месту стоянки судна, находились довольно глубокие скопления пресной воды; ею пользовались для питья и для стирки. В декабре эти скопления промерзли, и пришлось добывать воду, растапливая снег.

Зимой погода стояла необыкновенно бурная, нагонявшая беспрестанно метель и вьюгу. В нижних слоях атмосферы ветер дул постоянно с северо-запада, но уже на значительной высоте господствовал почти всегда ветер юго-восточный. Причина этого понятна. Берингов пролив, окруженный высокими горами, представляет собой как бы ворота из Ледовитого моря в Тихий океан. И подобно тому как через открытую дверь холодный воздух проникает в комнату близ пола, а теплый выходит из комнаты у потолка, так и тут: холодный воздух стремится из Ледовитого моря через пролив, а снизу, из Тихого океана, теплый проникает на север сверху. Ясно, что на некоторой высоте два противоположных течения воздуха борются между собой, чем и объясняется поразительная скорость, с которой небесный свод близ Берингова пролива то покрывается тучами, то снова проясняется. Один мореплаватель очень удачно сравнил это явление с подниманием и опусканием театрального занавеса.

Место, около которого зимовала «Вега», называлось Чукотский полуостров. На берегу неподалеку находились два чукотских становища: Питлека и Инренглен. Число жителей в каждом из них трудно было определить, так как общительные чукчи постоянно гостят друг у друга. Всех же их в обоих становищах было, по крайней мере, душ триста.

Когда «Вега» остановилась у полуострова, чукчи сильно взволновались. В зрительную трубу видно было, как мужчины, женщины и собаки бегали по берегу и суетились. С большими усилиями дотащили чукчи кожаный челнок до полыньи, идущей почти до судна, и влезли в него в таком количестве, что челнок погрузился в воду до краев. В виду судна они приветливо закричали: «Аноай, аноай» (здравствуй, здравствуй).

Путешественникам стало ясно, что суетливость дикарей происходила не от страха, а из опасения потерять выгодный случай для мены. Сразу же установились с ними добрые отношения, которые потом ни разу не нарушались.

Под палубу, впрочем, чукчи не допускались. Их постоянно принимали в палатке, которая обрательная вскоре в нечто вроде гостиницы.

Несколько нарт всегда стояли перед лестницей на судно, построенной из лада, и собаки терпеливо выжидали своих хозяев. Вест о прибытии путешественников быстро распространилась среди местного населения, и чукчи из отдаленных становищ стали посещать «Вега».

Хотя чукчам дозволялось свободно расхаживать по палубе, заставленной множеством вещей, но ни разу не случилось заметить какой-нибудь пропажи. В этом отношении из всех инородцев чукчи и лопари самые честные. При всей своей честности чукчи позволяли себе попрошайничать и слегка надуть непрактичных европейцев. Струбив, например, голову и лапки у тушки лисы, они уверяли, что это заяц, и очень удивлялись, когда приезжие тотчас же распознавали обман.

К сожалению, вначале никто не мог говорить с ними; но один из офицеров, Нордквист, принялся усердно изучать чукотский язык и через несколько недель уже удовлетворительно объяснялся с дикарями. Мало-помалу и другие члены экспедиции выучили несколько общеупотребительных выражений, а чукчи затвердили несколько слов на шведском языке. Таким образом, сложилось особого рода международное наречие, на котором объяснялись довольно сносно.

Утром 6 декабря путешественники увидели удивительный поезд, направлявшийся к «Веге» по льду. Множество чукчей тащили нарту, на которой лежал человек. Сначала путешественники подумали, что везут к ним тяжело больного, в надежде найти врачебную помощь. Но когда вся толпа дошла до парохода, то мнимый больной бодро встал и полез на судно. Поднявшись на палубу, он перекрестился и с важностью объявил на ломаном русском языке, что он представитель русской власти на Чукотском полуострове, староста чукчей, оленевод Василий Менка. Чтобы сразу внушить надлежащее уважение к своей персоне, он и прибыл в нарте, которую везли не собаки, а его подчиненные.

Менку пригласили в капитанскую каюту, роскошно угостили и осыпали вопросами. Он отвечал на ломаном русском языке, но все-таки это был первый человек, с которым можно было вести настоящий разговор.

Менка был безграмотен, быстро ориентировался на положенной перед ним карте и указал на ней несколько замечательных мест в Восточной Сибири. О существовании русского импера-

Чукча.

Рисунок XIX в.

тора этот местный начальник не имел и понятия; зато ему известно было, что чрезвычайно важная особа живет в Иркутске. Членов экспедиции он считал исправниками ближайших городов. Сначала он усердно крестился перед фотографиями и гравюрами, висевшими в капитанской каюте, но, заметив, что хозяева не обращают внимания на эти изображения, тотчас же перестал молиться. Менку сопровождали два других косоглазых туземца, одетых хуже его. Сначала на «Веге» думали, что это слуги, но потом узнали, что они оленевладельцы, считающие себя ничем не хуже Менки. Один из них даже смеялся над притязаниями Менки разыгрывать роль начальника. Тем не менее они относились к нему очень почтительно и с некоторой торжественностью поднесли начальнику экспедиции оленину, как приветственный дар от Менки.

Узнав, что Менка едет в русское селение Марково на реке Анадырь, члены экспедиции написали письма на родину; Норденшельд составил донесение королю Оскару, и все это, положенное между дощечками при письме иркутскому губернатору, передано было Менке для доставки русским властям в Маркове.

Съехав на берег, мудрый староста, для пущей важности собрав вокруг себя чукчей, развернул бумагу и, держа ее вверх ногами, стал читать речи собственной импровизации. Дикари почтительно слушали и дивились мудрости своего старосты.

На следующее утро знаменитый Менка опять посетил «Вегу». Его одарили, угостили, и он так развеселился, что пустился даже в пляс, к общей потехе зрителей, европейцев и чукчей.

Впоследствии оказалось, что Менка добросовестно исполнил данное ему поручение. Письма пришли в Швецию как раз в то время, когда беспокойство о судьбе экспедиции достигло предела, и серьезно обсуждался вопрос о посылке судов ей на выручку.

Во время долгой зимы путешественники несколько раз делали поездки в далекие становища чукчей и пытались было проникнуть в Марково, но чукчи не соглашались везти их.

Из всех экскурсий самой интересной было посещение чукчей-оленьеводов. Путешественники имели случай видеть здесь замечательную дрессировку оленей. Хозяину понадобилось осмотреть свое стадо. По его особому свисту большой дрессированный олень стрелой полетел в тундру и через некоторое время привел стадо. Олени шли плотно сомкнутой группой под предводительством посланного за ними вожака. Подойдя к хозяину, вожак поздоровался с ним, любовно потирая свою морду о его руки. Остальные олени в это время встали в ряды, и хозяин здоровался с ними по очереди, позволяя каждому потереть морду о свои руки. При этом он наклонял им голову и осматривал рога. По данному хозяином знаку все стадо повернулось и пошло обратно на пастбище опять сомкнутыми рядами, под предводительством вожака. Эта сцена произвела чрезвычайно приятное впечатление на путешественников. Перед ними был не свирепый дикарь, а добрый хозяин, сердечно относящийся к своим животным. Сам хозяин был видный молодой мужчина чрезвычайно симпатичной наружности.

Много наслаждения доставляли путешественникам часто повторяющиеся северные сияния ночью и световые явления днем. Проходя вдоль взморья, можно было видеть при каждом погружении ноги в снег голубые брызги, словно от бенгальского огня. Свет был иногда так силен, что освещал всю нижнюю часть туловища. Свет этот исходил от маленького ракообразного животного, которое обладает способностью светить.

Нередко приходилось любоваться на ложные солнца, световые круги и фигуры, происходившие от преломления солнечных лучей в воздухе, наполненном микроскопическими частицами иглистого снега. Эти красивые явления природы отчасти заменяли летнее убранство земли.

Глава IV

Препровождение времени на «Веге».

Рождественская елка.

Отъезд. Возвращение в Стокгольм.

Торжественная встреча

Время проходило крайне однообразно: читали, гуляли, охотились, но добычи для охоты было мало. Больше всех увлекался охотой зверолов Йенсен. Однажды он вернулся испуганный и сообщил, что видел в тундре убитого чукчу. В виде вещественных доказательств он принес в числе других предметов, найденных около мертвеца, довольно красивое копье с золотой насечкой. Хорошо, что он пробрался через становище чукчей незамеченным, иначе худо бы ему было, так как он обобрал мертвеца. Оказалось, что чукча вовсе не был убит, а по чукотскому обычаю похоронен, то есть попросту брошен в тундру.

При утомительном однообразии, путешественники рады были и чукчам, не пропускавшим ни одного дня без посещения «Веги». Все же это были существа живые. Но, в конце концов, надоели и они. Чтобы чем-нибудь развлечься, стали устраивать на корабле разные празднества. Праздновали тезоименитство — русского императора, королей Оскара, Христиана и Гумберта, а равно справляли дни рождения каждого участника экспедиции.

Наконец наступило Рождество. Здесь, вдали от образованного мира, от родины, семьи и друзей, путешественники встретили этот праздник в тесном товарищеском кругу, согретаемые чувствами братской дружбы. Заранее подговоренные чукчи съездили в долины, ле-

С. К. Заряико.
Портрет вице-адмирала
Ф. П. Литке.
1854 г.

Корабль и лодки бѣломорскіе.

Загонъ оленей.

Тунгусы.

Литография. Начало XX в.

Плавающие льды Северного океана.

Гравюра XIX в.

...вшие за горами к югу, и привезли ивовых ветвей. С помощью последних выкинутое на берег бревно было превращено в прекрасное ветвистое дерево. Импровизированная елка была установлена на средней палубе в мастерской команды. Восковые свечи и около 200 подарков были развешаны на елке. В шесть часов весь экипаж собрался на средней палубе и по жребию получил подарки, потом угощались, пели, танцевали и, бодрые телом и духом, веселились от души.

Новый год был встречен стрельбой в полночь из пушек и множеством ракет.

С Новым годом явилась была надежда на освобождение «Веги» из заточения. На горизонте показалась большая синяя полоса, которая все увеличивалась. Даже чукчи встрепетнулись и принялись справлять свои рыболовные снасти. Но увы! Синяя полоса стала вдруг уменьшаться и скоро исчезла, а с ней исчезла и надежда на скорое освобождение.

Чтоб разнообразить развлечения, придуманы были вечерние чтения для команды и занятия музыкой, насколько позволяли имевшиеся на борту инструменты.

Двадцатого февраля остановились у «Веги» три нагруженные мехами нарты. Это были чукчи, ехавшие на ярмарку в Островное. Норденшельд дал им письма на родину, за доставку которых они получили три бутылки рома и угощение.

В марте проезжало много чукчей обратно с товаром, выменянным в Островном на меха. Они ехали для сбыта этих товаров к Берингову проливу.

Первые вестники весны явились 28 апреля, подорожники¹, которые весело щебетали, порхая по снегам и льдам. Вслед за ними прилетели чайки, гуси, гаги. Путешественники радостно встретили пернатых гостей.

Во льду стали появляться трещины, у берегов выступила вода, затруднявшая сообщение с берегом. Лед начал приходить в движение, трескаться, разделяться, льдины напирали друг на друга. Бог весть, что случилось бы с «Вегой», если б Провидение не послало ей в защиту ледяной горы, способной противостоять напору льда.

В конце мая появились мухи, в конце июня земля начала одеваться зеленью и цветами. Семнадцатого июля лед отделился от берега, образовав длинную полосу чистой воды, но за этой полосой лед был так плотен, что нельзя было и думать пускаться в путь. Тем не менее на «Веге» все уже было готово и стоило только развести пары. Все с нетерпением ожидали этой минуты.

На следующий день, во время обеда, путешественники почувствовали, что судно пошатнулось. Капитан бросился наверх и увидел, что лед тронулся. Мигом развели пары, и «Вега» пошла вдоль берега по образовавшейся широкой полосе чистой воды. Завидев движение «огненной

¹ Подорожники — птицы семейства овсянковых.

Японский самурай.
Гравюра XIX в.

собаки», как называли пароход чукчи, они высыпали на берег толпами и дружески приветствовали отъезжающих друзей-чужеземцев. Двое из них поспешно сели в лодку, чтобы хоть немного проводить своих гостей. С ними была общая любимица путешественников, двенадцатилетняя девочка Рейтинакка, которую все на корабле ласкали и наделяли подарками и лакомствами. Стоя в лодке, она махала рукой, посылая отъезжающим свой прощальный привет.

Миновав Берингов пролив, «Вега» останавливалась в нескольких пунктах, в том числе у Берингова острова, где одна американская компания содержит две значительные станции для торговли с туземцами. Отсюда судно отправилось в Японию и 2 сентября в Йокохаме бросило якорь.

Кончились опасности и трудности полярного плавания, цель была достигнута, и на всем дальнейшем пути отважным путешественникам предстояло только пожинать лавры.

В Йокохаме капитан «Веги» приказал обшить подводную часть судна медью, чтобы предохранить ее от встречающихся в тропических морях ракушек, которые пристают к днищу и портят дерево.

Во все время плавания от Колючина до Японии случилось только одно неприятное происшествие. Молния ударила в большую мачту и расколола верхнюю ее часть. Люди почувствовали сильное сотрясение, но никто не пострадал.

Как только в Японии распространилась весть о прибытии «Веги», к Норденшельду стали являться с поздравлениями одна за другой разные депутации, а затем начался ряд празднеств в честь путешественников. Между прочим, члены экспедиции были приглашены в летний дворец, где их принимал и угощал имперский принц. Дворец этот построен в японском стиле, но меблирован по-европейски. Его окружают сад, в котором деревья, лужайки, дорожки и мостики так миниатюрны, что напоминают декорации кукольного театра.

Путешественники удостоились чести быть принятыми микадо в особой аудиенции. Император прочел им на японском языке приветственную речь, которую толмач перевел по-французски. Норденшельд отвечал на французском языке. Во все время, пока продолжалась аудиенция, микадо стоял так неподвижно, что его можно было бы принять за статую, если бы он перестал не прочитал речи.

В течение полуторамесячного пребывания в Японии Норденшельд много путешествовал по стране и остался от нее в восторге. Репутация добродушия, веселости и вежливости японцев вполне подтвердилась. Последняя составляет отличительную черту характера этого народа как в высших, так и в низших слоях общества.

Восемнадцатого октября «Вега» вышла из Йокохамы и спустя месяц была у острова Борнео. Здесь вместо тощей травы и ползучих кустарников полярных стран путешественники увидели такую роскошную растительность, что во время плавания в лодке по речкам внутри страны могли выбрать место для причала; везде стояли

стеной исполинский лес, переплетенный ползучими растениями. В воде, на смену полярным тюленям, царили аллигаторы.

Пятнадцатого декабря «Вега» остановилась у острова Цейлон и путешественники посетили знаменитые прииски драгоценных камней.

В этот год путешественники праздновали Рождественский сочельник в Индийском океане.

Матросы устроили маскарад. Переодевшись чукчами, они явились к своим начальникам и на изобретенном международном наречии сказали приветствие от северных друзей.

Седьмого января «Вега» прибыла в Аден, где итальянский военный корабль приветствовал ее пушечными выстрелами и поднятым шведским флагом.

В Неаполе Норденшельда ожидала торжественная встреча, за которой последовал ряд триумфов в Лиссабоне, Лондоне, Париже, Фальмуте, Копенгагене и, наконец, в Стокгольме, куда экспедиция прибыла 24 апреля.

Не доезжая Стокгольма, «Вега» была встречена множеством пароходов, которые последовали за ней двумя длинными рядами к гавани. Все суда, стоявшие в гавани, город и королевский дворец были великолепно иллюминированы. Едва успели путешественники ступить на родную землю, как несметные массы народа огласили воздух восторженными, долго не умолкавшими криками.

Путешествие было кончено, великая задача решена!

КРУГОСВЕТНЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ

Первое плавание русских вокруг света
под начальством И. Ф. Крузенштерна
в 1803—1806 годах

Глава I

*Биографический очерк.
Отплытие из Кронштадта.
Прибытие на Нукагиву*

т севера обратимся к югу и посмотрим, что сделали в этой области русские мореплаватели.

Первое место здесь, бесспорно, принадлежит Крузенштерну, с легкой руки которого начались плаванья русских судов вокруг света. Почин его в этом деле имел огромное значение для торговли и еще большее для флота, дав возможность русским морякам усовершенствовать свои навыки на практике.

Иван Федорович Крузенштерн¹ родился 8 ноября 1770 года в эстляндской губернии, в небогатой дворянской семье. До двенадцатилетнего возраста он учился дома, а потом три года посещал ревельскую церковную школу. Когда ему минуло 15 лет, кто-то посоветовал отдать его в моряки, и мальчика отвезли в Кронштадт, где временно находился Морской корпус. Это заведение в то время было крайне запущено и по типу напоминало старинную бурсу. Чтобы не мерзнуть в спальнях, ученикам приходилось подушками затыкать разбитые окна и по ночам перелезать через забор в портовые склады, чтобы добывать дрова для топки печей. Какова была администрация, таково было и учение, а для поддержания дисциплины существовала розга, которая царила в полной силе.

¹ Сведения эти заимствованы из биографии, составленной Веселаго.

И в этой-то суровой школе вырос и образовался тот замечательный педагог, который, сделавшись сам директором корпуса, своими гуманными взглядами и отеческим обращением с воспитанниками на полстолетия опередил свое время.

По случаю войны со шведами Крузенштерн был преждевременно выпущен из корпуса. На корабле «Мстислав» он участвовал в нескольких сражениях и в том числе в замечательной Ревельской битве, в которой десять русских кораблей, стоя на ревельском рейде под начальством Чичагова, отразили нападение 30 шведских кораблей и два из них взяли в плен. После этого Крузенштерн был произведен в лейтенанты, имея всего 20 лет от роду.

По окончании войны Крузенштерн остался жить в Ревеле и занялся самообразованием. В 1772 году он был послан в числе двенадцати лучших морских офицеров в Англию для изучения морского дела. Англия в это время была в состоянии войны с Францией, и Крузенштерну во время плавания на судах английского флота пришлось участвовать в нескольких сражениях.

Находясь почти постоянно в плавании, Иван Федорович посетил Америку, Вест-Индию и многие другие земли. Находясь на мысе Доброй Надежды, он испросил позволение своего начальства посетить Ост-Индию. Но корабль «Oiseau», на котором ему предстояло отправиться, был так плох, что пассажиры, не надеясь дойти на нем до Калькутты, взяли свои вещи обратно. Когда пришел за своим багажом Крузенштерн, капитан встретил его словами: «Как! И вы боитесь ехать со мной?» Эти слова решили участь молодого моряка. Он остался на фрегате и благополучно прибыл в Калькутту.

Между тем пассажиры «Oiseau» были действительно на волосок от смерти. Когда по приходе в порт осмотрели корабль, то оказалось, что огромную пробоину около киля попал камень, который и закрывал пробоину. Если бы камень вывалился во время пути, то фрегат тотчас же ушел бы ко дну. В калькутском доке, куда фрегат был введен для ремонта, толпы любопытных приходили смотреть на такую диковинку.

Из Калькутты Крузенштерн проехал в Кантон на корабле Ост-Индской компании; потом вернулся в Англию и затем в отечество, пропутешествовав шесть лет.

Не простым наблюдателем-туристом посещал Иван Федорович чужие страны; он изучал их экономические условия и собирал все данные для грандиозного проекта, который давно имел в виду.

По возвращении в Россию представил он в Морское министерство обширный проект кругосветного плавания, заключавший в себе

два предмета первостепенной важности. Первое: возвышение русского флота посредством отдаленных плаваний до уровня лучших иностранных флотов; второе: широкое развитие колониальной торговли и выгоднейшее снабжение наших восточных окраин всем необходимым.

Мы уже видели на примере путешествия Беринга, с каким трудом доставлялись тяжести в восточные порты. То же самое происходило с пушными и другими товарами, идущими из восточных портов в Европу. По проекту Крузенштерна предполагалось организовать на русских судах правильное морское сообщение между Россией и американскими колониями. Все в этом проекте было зрело обдуманно и строго рассчитано, и несмотря на то он был отвергнут. Легко себе представить разочарование его творца.

Вскоре, однако же, проект был пересмотрен снова, и достоинства его не замедлили выясниться. Два государственных мужа, граф Румянцев и адмирал Мордвинов, заинтересовались им и доложили о нем императору Александру Павловичу. Мечты Крузенштерна осуществились, и ему самому предоставлено было начальство над судами первой русской кругосветной экспедиции.

Случись это назначение несколько ранее, Крузенштерн счел бы себя счастливейшим из смертных. Теперь же обстоятельства изменились. Потеряв всякую надежду на осуществление своего проекта, Крузенштерн стал искать утешения в семейной жизни. Встретив девушку по сердцу, он женился. И вдруг неожиданное назначение отрывало его от семейного очага на неопределенное время. Сознывая всю важность принятых на себя обязанностей семьянина, Крузенштерн пробовал было отказаться от лестного поручения. Но адмирал Мордвинов объявил ему, что если он не согласится быть сам исполнителем своего проекта, то проект этот будет совсем оставлен. Не считая себя вправе из-за личных соображений лишить отечество тех выгод, которые должно было принести ему предполагаемое плавание, Крузенштерн решил принести себя в жертву.

Седьмого августа 1802 года Крузенштерн назначен был начальником двух кораблей, которых в действительности не существовало. Добыть их в России не было возможности, а потому послан был в Гамбург капитан-лейтенант Лисянский с поручением купить там два судна. Но и в Гамбурге надежных судов не оказалось; тогда Лисянский поехал в Лондон, где и приобрел за 22 тысячи фунтов стерлингов два корабля, которые получили название: «Надежда» и «Нева».

Пятого июня 1803 г. купленные корабли прибыли в Кронштадт. Командование «Надеждой» принял на себя Крузенштерн, «Неву» поручил

Лисянскому. Кроме выполнения торговых целей, «Надежда» должна была перевезти в Японию русского посла Резанова, которому поручено было завязать с этой страной торговые сношения. Для ученых исследований во время путешествия приглашены были: астроном Горнер и естествоиспытатели Лангсдорф и Тилезиус.

Экипаж «Надежды» состоял из семидесяти человек, в том числе пяти молодых людей, едущих волонтерами при Резанове. Американская компания, которой предоставлено было право нагрузить суда товарами, так неумеренно воспользовалась этим правом, что начальник экспедиции счел нужным донести графу Румянцеву об опасности, которой подвергались так сильно нагруженные суда. Корабль был до того набит товаром, что не только матросы, но и офицеры были стеснены помещением. Ввиду этого предложено было пяти волонтерам отказаться от плавания. Но рвение этих молодых людей было так велико, что они соглашались лишиться себя всех удобств и быть наравне с матросами, лишь бы только им позволили оставаться на судне. Разумеется, подобное предложение не могло быть принято начальником экспедиции, и молодым людям пришлось распротистись со своей мечтой.

Надо заметить, что весь экипаж экспедиции состоял из добровольцев, никогда не ходивших так далеко. Прежние плаванья по Атлантическому океану не простирались дальше поворотного круга, теперь же предстояло от 60° северной широты перейти в тот же градус южной, обойти бурный мыс Горн и претерпеть палящий зной равноденственной линии¹.

Вероятные опасности, удаление от отечества, продолжительная разлука с близкими должны были, казалось, повлиять на русских более, чем на иностранцев, к этому делу привычных, но вышло наоборот. Страсть к путешествиям в русских людях оказалась так сильна, что от желающих отбоя не было. Если бы брать всех являющихся, то можно было бы укомплектовать не два корабля, а двадцать.

Крузенштерну советовали взять несколько иностранных матросов, но он, зная хорошо свойства русских, на это не согласился. Кроме трех ученых и одного доктора, иностранцев на судах не было.

Седьмого августа экспедиция начала плавание. От Кронштадта до Бразилии не случилось ничего замечательного. Русские матросы с удивительной легкостью переносили перемену температуры и под экватором спрашивали: «Когда же будет жарко?» Двадцать шестого ноября русские суда впервые перешли экватор. У моряков всех стран принято в эту минуту совер-

шать церемонию, известную под названием чествования Нептуна, но русские об этой церемонии знали только понаслышке, и потому они удовольствовались при одиннадцати пушечных выстрелах задравной чашей за государя императора, а один из матросов, обладавший даром слова, прицепил себе бороду и, вооружившись трезубцем, сказал приличную случаю речь.

По пути в Бразилию Крузенштерну удалось исправить некоторые неточности, вкравшиеся во французские и португальские карты.

Двадцать первого декабря стали на якорь против острова Св. Екатерины, близ бразильского берега, где морякам и бывшему с ними посланнику оказан был губернатором весьма радужный прием. Крузенштерн рассчитывал пробыть здесь не более десяти дней, но судьба решила иначе. Понадобилось переменить мачту на «Неве», и это обстоятельство задержало экспедицию у берегов Бразилии более шести недель.

Тридцать первого января капитан-лейтенант Лисянский донес своему начальнику, что на «Неве» все готово, и 2 февраля суда снялись с якорей. Посланник, гостивший все время у губернатора, был провожаем на судно с большим почетом, при пушечной пальбе с крепости. В ответ на это были произведены выстрелы с «Надежды», как только губернатор отбыл с судна.

Продолжительная остановка у бразильских берегов нарушила все расчеты начальника экспедиции. Он предполагал обойти мыс Горн в январе, теперь же это приходилось делать в марте, в эпоху сильных бурь. Следовало спешить, нигде не останавливаясь. На случай, если бы буря разлучила корабли, Лисянскому назначено было несколько пунктов, где он должен был ожидать «Надежду».

В течение почти всего февраля не случилось ничего замечательного. Мореплаватели с такой скоростью переходили из одной широты в другую, что чувствовали беспрестанное изменение в температуре: жара сменялась довольно чувствительным холодом и наоборот. Двадцать пятого числа увидели землю Штатов (Staten-Land), встретившую их весьма негостеприимно. Двадцать шестого поднялся сильный юго-западный порывистый ветер, а 27-го начался шторм. Волнение было так сильно, что волны, ударяя в судно, выломали почти все борта. Шторм сопровождался дождем, снегом и градом. Если бы сила ветра не ослабела к полудню, мореплаватели потеряли бы все гребные суда.

Наконец 3 марта после четырех недель плавания от острова Св. Екатерины обойден был мыс Горн. Едва ли кто-либо совершал переезд в такое короткое время.

¹ То есть экватора.

И. Ф. Крузенштерн

Погода стояла пасмурная и туманная, мешавшая делать астрономические наблюдения. Несколько раз «Надежда» теряла из виду «Неву», но не надолго, наконец потеряла ее совсем; на сигналы пушечными выстрелами ответа не было. Этой разлуки ожидал Крузенштерн, и она его не беспокоила.

Дурная погода продолжалась целый месяц, и только в начале апреля небо прояснилось, и снова можно было делать наблюдения.

Неожиданные провоочки заставили Крузенштерна отказаться от первоначального плана продолжать путь к западу, в надежде сделать какие-либо открытия в Великом океане. Интересы Северо-Американской компании и окончание посольских дел в Японии требовали перемены курса, и командир решил, не заходя на остров Св. Пасхи, где мог рассчитывать встретиться с Лисянским, идти прямо на Камчатку.

Семнадцатого апреля «Надежда» перешла Южный тропик в долготе 104°30'. Установилась прекрасная погода, которая и продолжалась вплоть до прибытия экспедиции к острову Нукагиве, самому замечательному из всех Вашингтоновых островов.

Группа Вашингтоновых островов была открыта в мае 1791 года капитаном американского купеческого корабля Инграмом во время плаванья его к северо-западному берегу Америки. Спустя несколько недель открыл эти острова француз Солид; после этого посещали их многие мореплаватели, и американец Роберте в 1793 году назвал их общим именем Вашингтоновых. В настоящее время вся группа этих островов, соединенная под общим названием Маркизских, принадлежит Франции.

Глава II

Нукагива. Ее природа и жители

Едва успело судно бросить якорь, как несколько сот туземцев прибыли к нему вплавь, предлагая кокосы, плоды хлебного дерева и бананы. За небольшой кусок старого железного обруча с бочки давали пять кокосов или три-четыре плода хлебного дерева. Получив кусок железа, островитяне радовались как дети, смеялись и с торжествующим видом показывали этот хлам друг другу.

В четыре часа прибыл на корабль король Тапера Кеттанове со свитой. Это был мужчина лет тридцати пяти, сильный и благообразный. Все тело его, темного цвета, и даже обритые части головы испещрены были узорами. У него, как и у его подданных, все одеяние состояло из небольшого куска ткани, обернутого вокруг бедер.

Крузенштерн подарил королю нож и аршинов двадцать красной материи, которой он тотчас же и опоясался. Королевская свита, состоявшая из родственников, также получила подарки. Командир показал королю все судно и обратил его особое внимание на пушки, объяснив при этом их действие. Увидев на шканцах бразильских попугаев, король долго любовался ими и получил одного в подарок. Не желая оставаться в долгу, он на другой день прислал Крузенштерну свинью, большую редкость в Нукагиве.

На следующий день приплыли опять островитяне с плодами; одни, плывя на спине, держали их на груди, другие — на голове. Лодками пользовались весьма немногие, преимущественно лица из королевской свиты.

Короля и его родственников Крузенштерн повел в каюту, где дикари с большим любопытством все рассматривали. Особенно понравился им портрет жены Крузенштерна, писанный масляными красками. Долгое время смотрели на него дикари, знаками выражая свое удовольствие. Увидев зеркало, они начали внимательно осматривать позади него стену, отыскивая там человека. Король долго на себя любовался и потом, при каждом посещении, тотчас же проходил в каюту и простаивал перед зеркалом по несколько часов.

К великому удивлению путешественников, между дикарями оказалось два европейца: англичанин и француз, давно поселившиеся на острове. О причине своего поселения они рассказывали много анекдотов, в которых трудно было отыскать истину; эти два субъекта постоянно враждовали между собой и усердно друг про друга сплетничали. Одевание их было такое же, как у туземцев, и цвет кожи от влияния солнца и воздуха сделался почти так же темен. Они были очень полезны путешественникам как переводчики.

Вознамерившись ехать на берег, чтобы отдать
королю, и не желая, чтоб без хозяина посе-
ти корабль гости, Крузенштерн приказал про-
вести пушечный выстрел, поднять красный
флаг и объявить корабль «табу»¹. После этого ни-
кто не мог осмелиться взойти на судно.

В десять часов утра Крузенштерн, посланник,
офицеры и два диких европейца на двух греб-
ных судах поехали на берег. Несмотря на кажу-
щееся дружелюбие туземцев, все почли за луч-
ше основательно вооружиться.

В том месте, где приезжие вышли на берег, со-
бралось множество любопытных.

Путешественники пошли к дому короля, на-
ходящемуся на некотором расстоянии от бере-
га. В 500 шагах от дома встретил их дядя короля
с жезлом в руке, которым он тщетно старался
протолкнуть напивавшую толпу. Трудно было пове-
дать, что этому дяде 75 лет: он был крепок, бодр,
энергия так и светилась в его черных глазах. Он
был, как оказалось, одним из величайших вои-
нов своего племени, о чем красноречиво свиде-
тельствовала глубокая рана на лбу. Взяв Крузен-
штерна за руку, он ввел его в длинное узкое
здание, где сидела королевская мать, окружен-
ная всеми родственниками. Король встретил
гостей на пороге и приветствовал их очень
гостеприимно. Народ на улице скоро рассеялся, так как
королевское жилище есть «табу». Гостей посади-
ли среди женщин королевской фамилии, кото-
рые с большим любопытством их рассматрива-
ли, оцупывали и особенно любовались шитьем
мандиров, темляками и прочим. Крузенштерн
изумился их пуговицами, ножами, ножницами
и другими мелочами, но они интересовались пу-
тешественниками заметно больше, чем их по-
дарками. Дочь и невестка короля были так хоро-
ши, что и в Европе прослыли бы красавицами.
Они были закутаны в желтую легкую ткань и не
зашированы, только руки наколоты были мел-
ким желтым и черным узором, так что казалось,
что они в перчатках.

Спустя несколько времени король повел своих
гостей вместе с родственниками в другое соседнее
здание, предназначенное для обедов. Когда все
сели на разостланные циновки, хозяева принялись
сердечно угощать гостей. Один приносил кокосы,
другой бананы, третий воду. Иные сидели возле
гостей, обмахивали гостей веерами. Все было очень весе-
ло. Пробыв здесь около получаса, путешественни-
ки откланялись и пошли к шлюпкам. Дядя короля
проводил их до того места, где встретил.

В тот же день люди, посланные за водой на
берег, рассказывали, что туземцы оказывали им

Житель острова Нукагива

большое содействие: наливали бочки и пере-
правляли их вплавь через буруны, что значи-
тельно облегчило работу и дало возможность
сделать в день три конца.

Десятого мая экипаж был обрадован прибыти-
ем «Невы». Тщетно прождав товарищей у острова
Пасхи, Лисянский поспешил к ним на Нукагиву.

В тот же день экипаж «Надежды» видел, как на
«Неву» приплыли островитяне и сам король; по-
том они заметили на берегу необычайное дви-
жение. Вскоре приехал от берега баркас «Невы»
с офицером, который рассказывал, что вследст-
вие распространившегося на острове слуха об
аресте короля, туземцы вооружились и произве-
ли возмущение. Офицеру с трудом удалось со-
брать своих людей и уехать.

Крузенштерн не мог объяснить себе причины
такого явления. В это самое утро король сидел
у него довольно долго и был очень весел.
При каждом посещении он получал подарки,
а кроме того, в этот раз был выбрит не ракови-

Табу — запрет.

Ритуальные святилища и скульптурные изображения Тики на острове Нукагива.

Рисунок начала XIX в.

ной, по-туземному, а острой бритвой и умыт благовонной водой, чем остался чрезвычайно доволен. На следующий день все объяснилось. С королем на «Неве» случилось маленькое приключение. Когда он сидел на шканцах, мичман Берх уронил нечаянно ему на голову весло, отчего король упал и начал корчиться как человек, получивший сильный удар. Мичман Берх, испугавшись, стал усердно ухаживать за раненым, как вдруг мнимый раненый вскочил и расхохотался, показывая знаками, как он искусно умеет притворяться. Вероятно, кто-нибудь видел, как король упал и как офицеры около него суетились, и пустил ложный слух в народе. Крузенштерн прямо подозревал в этой выходке дикого француза, рассердившегося на русских за то, что они оказывали больше внимания англичанину. Когда король вернулся на берег и объяснил, в чем дело, возмущение тотчас же утихло.

Прежде чем все это разъяснилось, экипаж принял меры предосторожности. Ночью выставлены были вооруженные часовые, а рано утром Крузенштерн с офицерами и двадцатью хорошо вооруженными людьми отправился на берег. С такой свитой он не боялся нападения и поехал с целью переговорить с королем и,

если нужно, попутать его. На берегу не было ни одного человека, все куда-то попрятались. Высадившись, путешественники пошли прямым путем к дому короля по долине, покрытой такой густой и высокой травой, что сквозь нее с трудом можно было пробраться. Наконец они вышли на дорогу, идущую по опушке девственного леса. Кокосовые пальмы и хлебные деревья, обремененные плодами, достигали на этой тучной и влажной почве неимоверной вышины. Позади леса шли горы, с которых водопадами стремились потоки и, орошая долину, способствовали произрастанию роскошной растительности. Около жилищ виднелись хорошо возделанные огороды. Усадьбы и огороды обнесены были довольно красивым забором из белого дерева. Прелестные виды этого очаровывали европейцев, что они невольно замедляли шаг.

Король встретил гостей недалеко от своего жилища, приветствовал сердечно и повел в дом, где находилась вся королевская семья. Тут все и разъяснилась причина вчерашних недоразумений. Оказалось, что действительно француз был всему виной. Островитяне охотно поверили слуху об аресте короля, так как бывший здеш-

Восемь месяцев перед тем американский капитан наложил оковы на королевского брата, желая, вероятно, обезопасить себя, захватив заложника.

Скоро восстановились прежние приятельские отношения, подкрепленные привезенными подарками. Королева получила маленькое зеркальце и была от него в восторге. Из разговоров с хозяевами Крузенштерн узнал, что Нукагиги так же, как и другие Вашингтоновы острова, разделена между многими племенами под управлением старшин, носящих громкий титул королей. Племена эти постоянно воюют друг с другом, но стоит только королям породниться, и война прекращается. Племя, у которого гостили путешественники, еще в недавнее время враждовало с двумя другими племенами, жившими по соседству. Беспрепятственно stalkивались они и бились то на море, то на суше. Но с тех пор как королевский брат женился на дочери одного владыцы, а сын — на дочери другого, война на море прекратилась. Если же мужья будут так хорошо обращаться с женами, что они не уйдут от них до самой смерти, то война прекратится навсегда. Понятно, что женщине, привнесшей с собой пальмовую ветвь, народ оказывает всяческий почет, признавая ее даже богиней, а детей ее — божествами. Морякам показывали десятидневного «божка» — внучку короля, жившего в отдельном доме, который для всех, кроме ближайших родственников, был «табу». Крузенштерн очень удивился, узнав, что здесь матери очень редко кормят детей. Как только родится ребенок, ближайшие родственники вызываются по очереди ходить за ним, уносят от матери и вскармливают не молоком, а плодами и сырой рыбой. Несмотря на такое оригинальное вскармливание младенцев, нукагигигцы рослы и здоровы.

По неотступной просьбе англичанина Робертса, жившего на острове, моряки пошли к некому Дому его, построенный по местному образцу, стоял среди кокосового леса. С одной стороны журчал ручей, а с другой струился между камнями минеральный источник. Все общество усеелось в тени кокосовых деревьев и наслаждалось прохладой и соком кокосовых орехов. Робертс был женат на королевской родственнице и поэтому пользовался особыми преимуществами.

Слух о посещении короля иностранцами уже распространился по острову, и туземцы снова появились со своими товарами. Во втором часу дня путешественники вернулись на корабль.

Один из офицеров, посланный для осмотра южного берега Нукагиги, донес начальнику, что он открыл там прекрасную гавань. Дня два спустя Крузенштерн с несколькими офицерами отправился туда сам. Эта местность, называемая Шегуа, была еще прелестнее той, которую путе-

шественники только что посетили. Обширная населенная долина, окруженная лесистыми горами, орошалась прекрасным источником, бегущим с гор. Все здесь дышало довольством и изобилием. Кроме природных богатств в виде плодовых деревьев на острове возделывались во множестве таро и шелковица. Здесь могло бы процветать скотоводство, если бы туземцы занялись этим делом. Но у них было всего несколько свиней, которых берегли для пиршеств, и путешественникам ни одной не удалось купить. Король Шегуа, Бау-Тинг, привел было одну для продажи, но никак не мог с ней расстаться; четыре раза он торговался, запрашивая все больше и больше, наконец заключил торг и получил плату. Кончилось же все тем, что он возвратил вещи и увел свинью обратно.

Туземцы чрезвычайно обрадовались прибытию иностранцев; они улыбались и всячески старались выказать свое удовольствие, предлагая плоды для мены. Они не проявляли ни нахальства, ни назойливости.

На некотором расстоянии от королевского дома путешественники заметили ровное место, перед которым находился каменный помост около фута вышины и сажень в сто длины. Он был сделан так хорошо, что европейские каменщики не могли бы сделать лучше. Робертс объявил, что помост служит сиденьем зрителям во время праздничных игр и плясок.

Игры и пиршества устраиваются здесь преимущественно при погребении важных лиц или близких родственников. В последнем случае принято проявлять печаль очень бурно. Рыдая, родственники до крови царапают себе тело зубами какого-либо животного или острой раковинной. Нередко после рыдания раздается хохот: так быстро происходит реакция у этих детей природы. Оплакав умершего, его относят на кладбище и ставят на возвышении, где он истлеет. При погребении жреца приносятся в жертву три человека. Двоих вешают на кладбище и, когда кости спадут, их сжигают, а третьего разрезают на части и съедают; голова же его надевается на истукан, поставленный на могиле.

Такое варварское жертвоприношение практикуется, однако же, не со своими соплеменниками, а с людьми, украденными у соседей, за что соседи воюют с похитителями от 6 до 18 месяцев. Продолжительность войны зависит от наследника умершего, который удаляется в неприкосновенное место — табу — и остается там более или менее продолжительное время. В этом заключении его всячески ублажают, дают все, чего бы он ни пожелал, хоть бы то было человеческое мясо. По возвращении его война прекращается, и начинаются пиршества и увеселения.

Татуированный житель острова Нукагива

Понятие дикарей о высшем существе, которое они называют «Этуа», очень сбивчиво. Этуа у них множество. Душа жреца, короля и его родственников — Этуа; европейцы тоже Этуа. Нукагивцы думают, что европейские корабли спускаются с облаков, и когда они впервые услышали пушечные выстрелы, то воображали, что узнали происхождение грома. Может быть, потому они и боятся пушечных выстрелов. Однажды, во время посещения «Надежды» королевским братом, Крузенштерн приказал выпалить из пушки. Надо было видеть испуг дикаря. Он

бросился на землю, уцепился за ноги англичанина и закричал: «Мате, Мате».

Единственное благо, доставляемое дикарям религией, есть табу. Никто, даже сам король не может нарушить табу. Если кто хочет охранить свой дом, поле или какую-нибудь вещь, стоит только объявить ее табу, и она священна. Нарушитель табу считается великим преступником, ему дают название «кикино» и в случае войны первого съедают. Англичанин уверяет, что он, как европейец, тоже табу. Тем не менее он опасался, что если, в случае войны, он попадет в плен, то его съедят. Очень может быть, что вначале его и считали табу, но после семилетнего пребывания между нукагивцами он потерял обаяние и сделался простым смертным.

Нукагивцы верят в волшебство и особенно искусными в нем считают жрецов, которые так же, как и азиатские шаманы, ловко морочат темный люд ради своей выгоды. Жрец, по мнению туземцев, способен извести своего врага в двадцать дней, но враг имеет возможность откупиться от смерти ценным подарком.

Люди, находящие удовольствие в пожирании себе подобных, не многим, конечно, отличаются от животных. Даже их способ ве-

дения войны напоминает приемы хищных зверей. Редко нападают они во множестве на неприятеля; чаще — подкарауливают его и, убив, съедают. Кто ловчее умеет подкрасться к врагу и напасть на него врасплох, тот и считается лучшим воином. Кто долее может лежать на брюхе без малейшего движения и почти без дыхания, кто скорее бежит и искуснее прыгает, тот приобретает всеобщее уважение. Дикий француз отличился во всех этих штуках. Он хвастал своими победами, но уверял, что никогда не съел человеческого мяса, а выменивал его на свин-

Известно, что даже хищные животные подпадают под влияние музыки; равнодушны к ней нукагивцы, но вкусы их в этом отношении соответствуют остальным их свойствам. Они не способны наслаждаться звуками свирели или флейты. Им нужны звуки пронзительные, резкие. Нукагивцы и без помощи музыкальных инструментов умеют улаживать свой слух. Прижимая одну руку крепко к груди, они ударяют ладонью в пространство между рукой и грудью, отчего происходит крайне пронзительный звук. Есть у них, впрочем, огромные уродливые барабаны. Пение и пляска дикарей подобны их музыке. Пляска состоит в прыганье на одном месте, причем танцоры беспрестанно поднимают вверх руки и делают пальцами очень быстрые движения. О пении уж и говорить нечего; оно напоминает волчий вой.

Климат острова Нукагивы чрезвычайно здоровый. Туземцы не знают заразных болезней и почти не хворают, если не считать хирургических повреждений и случайно полученных ран. Нукагивцы рослы, стройны и чрезвычайно красивы. Цвет кожи у них немного смуглее цвета кожи кавказской расы, что в особенности заметно на детях. Взрослые мужчины натираются темной краской, а женщины — желтым кокосовым маслом; уродливостей в телосложении совсем не встречается. Среди множества красивых мужчин Крузенштерн заметил двух, которые и в Европе могли бы прослыть писаными красавцами. Это были Бау-Тинг, король Шегуа и Мау-гау, королевский огнезажигатель — чин, соответствующий министру двора.

Почти все нукагивцы-мужчины испещрены татарами. Для производства этих рисунков существуют особые мастера, которые смело могут назваться художниками. Русские матросы задали этим артистам порядочно работы: каждый просил изобразить у себя на теле какой-нибудь рисунок на память.

На голове мужчины носят род шлема из черных петушиных перьев, женщины — тюрбан из белой ткани, который они надевают так ловко, что он прикрывает только темя, оставляя на виду спереди и сзади их красивые волнистые волосы. Духовные лица носят на голове разного рода бляхи и ожерелья.

Глядя на этих стройных, красивых людей, не лишенных природного вкуса, трудно поверить, что они людоеды. Между тем этот факт не подлежит сомнению. Помимо рассказов англичанина и француза, путешественники сами видели оружие, убранное человеческими волосами, и домашнюю посуду, украшенную человеческими костями. Сверх того, дикари ежедневно предлагали им на обмен человеческие головы и зна-

ками показывали, что человеческое мясо вкусно. Очень может быть, что они скушали бы и гостей своих, если бы не боялись их оружия. По словам англичанина, этой беды едва избежали несколько американских матросов, высадившихся на берег без оружия. С большим трудом удалось Роберту спасти американцев, убедив туземцев, что за убийство приезжих им не миновать жестокого мщения.

Жилища островитян состоят из длинного узкого строения, сделанного из бамбу (морского тростника) и из бревен дерева фау, переплетенных кокосовыми листьями и травой. Кровля покрыта листьями хлебного дерева, наложенными один на другой, толщиной до полуфута. Внутренность дома разделяется вдоль бревном, лежащим на земле. Передняя часть вымощена камнями, а задняя устлана рогожами, на которых спит семейство. На некотором расстоянии от дома построен другой дом, который служит столовой. Только король, его родственники, жрецы и немногие зажиточные туземцы могут иметь такие столовые, где каждый кормит свое отдельное сообщество.

Сочлены этих сообществ различаются особыми знаками, насеченными на теле; так, например, принадлежащие к сообществу короля имеют на груди четырехугольник. Сообщество, к которому принадлежит Робертс, имеет знак на глазу и т. д. Крузенштерн не верил, чтобы людоеды кормили так много народа безвозмездно, и думает, что члены сообществ платят за прокорм трудом или частью добычи.

Из местных блюд европейцам очень понравилось кислое тесто, приготовляемое из корня таро и плода хлебного дерева. На вкус оно напоминает сладкое яблочное пирожное и сохраняется очень долго. Жаркое туземцы готовят на банановых листьях, которые служат им и тарелками.

Посуда делается из кокосовых орехов и из фигурных тыков, растущих на дереве; украшают посуду костями человеческих рук и пальцев. Едят нукагивцы очень грязно, но после трапезы всегда моют руки.

Орудия и оружие туземцев первобытны. Они еще употребляют каменные топоры и очень дорожат железными. Каждый кусок железа они превращают в топор, натачивая его о камень.

Рыбу ловят совсем особым способом. Корень дурман толкут, и туземец, ныряя, разбрасывает его по дну. Рыба пьянеет и всплывает наверх. Ловят ее также сетями и удой.

Рыбной ловлей занимаются только бедняки. Зажиточные презирают это занятие. Вообще нукагивцы проводят большую часть времени в праздности, чему способствует их роскошная

природа. Хлебные, кокосовые и банановые деревья не требуют попечения. Чтоб развести их, стоит только воткнуть ветвь в землю; она укореняется очень скоро. Женщины работают больше мужчин. Они вяжут веревки, делают украшения для себя и для мужей, изготавливают ткани.

Глава III

Сандвичевы острова

Запасшись водой и дровами, суда 18 мая вышли в море, увозя с собой дикого француза, не пожелавшего остаться на острове. В надежде сделать новые открытия, Крузенштерн порывался идти на Камчатку таким путем, каким не шел еще ни один мореплаватель; но недостаток в свежей провизии заставил его отказаться от этого намерения и направиться к Сандвичевым островам.

Остров Овайги¹ показался седьмого июня, где мореплаватели рассчитывали запастись провизией. Скоро действительно появились лодки с туземцами, но у них, кроме плодов, ничего не было. В обмен они требовали сукно, которого на судне не оказалось.

Плывя вдоль берега, мореплаватели любовались островом, который казался густонаселенным и хорошо возделанным: в тени кокосовых рощ и других насаждений виднелись поселения, множество лодок стояло у берега. Гора Маун-Лоа, в 2 254 сажени вышины, господствует над островом и придает ему величественный вид. К сожалению, она вся или по частям закрыта облаками и в обнаженном виде является весьма редко.

Вторая попытка добыть провизии у южной оконечности Овайги также не имела успеха. Видно было, что туземцы избалованы приезжающими к ним иностранцами: в железе, так высоко ценимом другими островитянами, не нуждаются, а стремятся приобретать только предметы роскоши. Оставалось еще на западном берегу большое селение Каракакоа, о котором писал Кук, но обескураженный испытанными неудачами Крузенштерн не пожелал идти в Каракакоа, тем более что эта остановка задержала бы его на неделю, а ему следовало спешить в Японию, чтобы прибыть туда до того, как задует северо-восточный муссон, при котором плавание чрезвычайно затруднительно.

Капитану Лисянскому спешить было некуда, и Крузенштерн, предоставив ему зайти в Каракакоа, распрощился с ним и пошел на Камчатку, куда и прибыл после 35 дней благополучного плавания от Овайги и 5 ¹/₂ месяцев от Бразилии. Четырнадцатого июля 1804 года «Надежда» вошла в Авачинскую губу и стала на якорь в Петропавловской гавани.

Лисянский был счастливее. Ему удалось запастись свежей провизией и видеть много интересного. Одиннадцатого июня «Нева» вошла в губу Каракакоа и стала на якорь. Вскоре приехал на лодке англичанин Джонсон, живший неподалеку оттуда. Он сообщил, что король Сандвичевых островов со своими приближенными временно проживает на острове Вагу (на нынешних картах — Оаху), где готовится к войне с соседним племенем, и что Овагой управляет англичанин Юнг. Он уверял, что мореплаватели встретят наилучший прием и получают все, что им нужно. Действительно, стали появляться одна за другой лодки с туземцами, которые привозили свиней, поросят, плоды и овощи. Кроме припасов офицеры и даже матросы приобрели множество вещей местного производства.

Тринадцатого числа Лисянский с офицерами поехал на берег. Миновав несколько бедных хижин, вошли они в кокосовую аллею, где сопровождавший их старшина показывал на деревьях следы английских пуль как возмездие за убийство Кука. «Много народу тогда погибло», — прибавил он. Отдохнув в жилище старшины, путешественники пошли смотреть королевский дворец, состоящий из шести строений, ничем не отличавшихся от прочих хижин. Первое строение называется королевская столовая; во втором он угощает своих вельмож и приезжих иностранцев; третье и четвертое назначены для жен; пятое и шестое занято кухнями. Все постройки сделаны из шестов и покрыты древесными листьями.

Каждый дом стоит на возвышенной каменной площадке и обнесен низким палисадником. Внутри зданий путешественники, кроме грязи, ничего не видели. Прежде чем войти во дворец, старшина снял шляпу, башмаки и кафтан, подаренные ему русскими офицера-

¹ По иным источникам Овайга, или Овита; в настоящее время пишется чаще Гавай.

Авачинская губа.
Гравюра XIX в.

и остался с одним поясом, объясняя, что иначе ни один туземец не имеет права войти в жилище короля.

От дворца пошли в королевскую молельню, построенную внутри двора и обнесенную забором. Входа и на дворе стояло много малых и больших идиолов. В саму молельню путешественников не пустили. Затем они отправились к главному храму, куда имеют вход только знатные вельможи, поэтому старшина остался позади. Перед храмом, построенным также на возвышенности, стоят пятьдесят идиолов, перед которыми сделано нечто вроде помоста, куда верующие кладут свои жертвы. Тут лежало несколько кокосов, бананов и... жареный поросенок. Путешественников встретил араец, который через переводчика объяснил им, что стоящие впереди жертвенника идиолы изображают богов войны, весны, осени и так далее. Он сообщил также, что перед богом, стоящим отдельно, туземцы во время жертвоприношения пляшут. Можно быть, от сотрясения почвы, а может быть от ветхости, идиол покривился и подперт колом.

Во все время прогулки путешественники не видели туземцев. Чтобы избавить приезжих от

назойливости своих сограждан, старшина догадался наложить на них табу. Зато на возвратном пути их высыпало человек до тысячи, и все смотрели на приезжих с большим любопытством.

Утром 15-го числа приехал Юнг и предложил посмотреть местечко Товарао, где погиб бессмертный Кук. Моряки видели камень, где он пал, и гору, на которой жгли его тело. В этой горе много пещер, заменяющих гробницы; тут же находится место, куда с древних времен кладут скелеты королей. В Товарао девять храмов, или, вернее, огородов с идолами.

На следующий день Лисянский простился с новыми знакомыми, щедро одарив их, и снялся с якоря. Он намерен был идти к острову Вагу, чтоб посмотреть на военные приготовления сандвичан. Но, узнав, что на этом острове открылась зараза, не пошел туда и направился к острову Отувай.

Девятнадцатого числа мореплаватели увидели остров Отувай и легли вдоль берега. Приехали туземцы и привезли копья, которые тотчас же были раскуплены офицерами. На долю командира досталось опахало из хвостов тропиче-

Воин с Сандвичевых островов.
Со старинной гравюры

ских птиц, за которое он дал ножик. Сделалось безветрие, и корабль чуть-чуть двигался по течению между островами Онигу и Отувай. Вечером пожаловал на «Неву» король этих островов Тамури. Он тотчас же заговорил по-английски и показал свидетельство капитанов кораблей, которых он снабжал провизией. Лисянский, со своей стороны, стал объяснять ему, что иностранцы потому редко к нему заезжают, что не считают себя в его владениях в безопасности и что ему гораздо выгоднее быть таким же добрым и честным, как король Оваги Гаммаея, к которому ежегодно заходят от 10 до 18 кораблей.

Вместе с королем вошел на корабль человек с опашалом, полотенцем и небольшой деревянной чашкой, украшенной множеством врезанных человеческих зубов. Он объяснил, что чашка служит плевательницей королю, а зубы принадлежат его умершим приятелям. Однако же, несмотря

на присутствие служителя с чашкой, Тамури во время своего пребывания на судне бесцеремонно плевал на пол, а не в чашку.

Одна из сопровождавших короля лодок опрокинулась, и вещи, бывшие в ней, попадали в море. Но двое гребцов с той же лодки быстро ее перевернули и выловили все вещи с необыкновенной легкостью.

Двадцатого числа подул попутный ветер и «Нева» пошла к Алеутским островам.

Острова Сандвичевы были открыты Куком в 1778 году; до этого времени Европа не имела о них понятия. Во время плавания Крузенштерна острова принадлежали двум владельцам, из которых вышеупомянутый Гаммаея был человек замечательно способный и храбрый. Он сумел заслужить не только доверие европейцев, но и их приязнь. Приезжая вторично, каждый привозил ему какой-нибудь подарок. Один капитан подарил ему несколько экземпляров рогатого скота, но островитяне не сумели его уберечь. Скот разбежался и одичал. Зато он размножился так, что нередко портил насаждения туземцев. Однажды с гор спустилось целое стадо быков, против которых король послал целое войско, но и войско не справилось: быки отстояли свою независимость.

Военные силы на островах довольно хорошо организованы, но гражданских законов не существует. Кто силен, тот и прав. Наиболее сильные, короли и жрецы, всегда правы. У сандвичан так же, как и у нукагивцев, строго соблюдается табу. Однажды островитянин съел кокос во время табу и должен был умереть.

Один из европейцев попробовал было заступиться за преступника, убеждая короля, что за такой маловажный проступок жестоко наказывать смертью. Король выслушал внимательно и с твердостью отвечал, что Овага не Европа и маловажное в последней может быть очень важно в первой. Другой пример: в округе, управляемой Юнгом, муж и жена поссорились и пожелали разойтись. У них был малолетний сын, с которым ни один из супругов не желал расстаться. Так как соглашение оказывалось невозможным, то отец взял мальчика одной рукой за шею, другой за ноги и переломил ему спину о свое колено, отчего мальчик умер. На такое варварство Юнг пожаловался королю, но тот отвечал, что отец вправе делать с сыном своим, что пожелает.

Год у сандвичан начинается с ноября и делится на двенадцать месяцев, по тридцать дней в каждом.

Неделей нет, и все тридцать дней имеют разные наименования. Двенадцатый месяц, макашты, посвящается увеселениям, которые состоят в играх, плясках и примерных сражениях. Это нечто вроде наших Святков. Король, где бы он ни находился, должен сам открыть этот праздник. Перед восхождением солнца надевает он на себя богатый плащ из перьев, который мог бы служить украшением любой европейской сцены, и, сев в лодку, отъезжает от берега на такое расстояние, чтобы с появлением солнца снова выйти на берег. Здесь ожидает его один из лучших ратников. Выйдя на берег, король сбрасывает плащ, и ратник на расстоянии тридцати шагов бросает в него копье, которое король обязан поймать. Если же ему это не удастся, то он должен быть убит. Кто-то посоветовал Гаммамее отменить этот обычай, чтоб не подвергать опасности свою жизнь, но тот гордо отвечал, что он так же искусно умеет ловить копье, как его воины — метать, и что ему не угрожает ни малейшая опасность.

Изловив копье, король продевает его под мышку и шествует в Геяву, или главный храм. Это служит народу знаком к открытию празднеств. Повсюду начинаются примерные битвы, для которых копья готовятся нарочно с тупыми концами. Во время макашты всякое наказание прекращается.

После смерти короля также приносятся человеческие жертвы. Скорбь по умершим выражается царапаньем тела до крови, стрижкой волос и выбиванием передних зубов — одного или двух, смотря по рангу умершего.

Волосы сандвичане не бреют, как нукагивцы, а стригут коротко, причем мужчины оставляют от лба до затылка гриву наподобие римского шишака, а женщины — две длинные пряди на висках. Как шишаки, так и пряди окрашивают истолченными кораллами в бледно-желтый цвет, отчего на первый взгляд кажется, что у туземцев двухцветные волосы.

Сандвичане смывлены, способны и не лишены природного вкуса. Все сделанные ими вещи очень хороши, особенно ткань, которую выделяют их женщины. Кору дерева «*morus raruifera*» мочат, потом натягивают на доску и колотят плоской лопаткой, отчего жилистые частицы расплющиваются, сливаются и образуют тонкую ткань, которую окрашивают соком корней и ягод. Узоры разрисовывают бамбуковым прутиком с расщепленной наподобие пера. Иногда употребляют вальки с нарезными узорами, как на европейских фабриках. Смешение цветов и рисунки так хороши, что могли бы составить славу любого европейского фабриканта.

Глава IV

Пребывание в Японии и на острове Иеддо

В Петропавловске Крузенштерн должен был пробыть шесть недель, чтоб привести в порядок свой корабль и запастись продовольствием. Тридцатого августа вышел он из Камчатки, вытерпел на пути сильнейшую бурю и 8 октября прибыл в Нагасаки, единственную гавань, которая была в то время открыта для европейцев.

Оскорбительное недоверие тогдашних японцев к иностранцам хорошо было известно Крузенштерну, но он надеялся, что, по крайней мере, посланник, отправленный монархом могущественной соседней нации с дружественной целью, удостоится благосклонного приема, но вышло иначе. Русским оказали не больше доверия, чем другим иностранцам, и в течение шести месяцев держали их как пленников в неволе.

Началось с того, что японцы отобрали у приезжих весь порох и ружья, даже офицерские охотничьи, из которых многие были дорогие. Только спустя четыре месяца позволено было выдать ружья для чистки, и то поодиночке. Впрочем, офицерам оставлены были шпаги, а солдатам штыки, чего никогда не допускалось для голландцев. Посланник ни за что не хотел съехать на берег без своей почетной стражи, состоявшей из восьми солдат, а японцы ни за что не хотели допустить этого. Беспреданно летали курьеры из Нагасаки в Иеддо, и наконец спустя месяц посланнику было дано желаемое разрешение.

Но только в этом русские и восторжествовали над японцами. В общем же, унижению и притеснениям не было конца. Моряки не только не могли съезжать на берег, но не имели даже права ездить на лодках около корабля. После шестинедельных переговоров японцы решились, и то только вследствие болезни посланника, отвести русским на ближайшем берегу мес-

то для прогулок. Небольшое пространство на самом краю берега огорожено было высоким частоколом, с двух сторон которого находилась стража. Голый каменистый берег, на котором не росла даже трава, никого не манил на прогулку. Он был полезен единственно для астрономических наблюдений. Японцы неусыпно следили за приезжими. Лишь только гребное судно отделялось от «Надежды», чтоб плыть к обсерватории, целый японский флот из десяти-пятнадцати судов снимался с якоря и сопровождал моряков до берега и обратно.

Томясь в бездействии, русские моряки очень желали познакомиться с голландскими моряками, находившимися в таком же заключении на своих судах, но и этого им не было дозволено. Мало того, запрещено было даже послать письма на родину с отъезжающим голландским судном. Только посланнику разрешили написать краткое донесение императору о благополучном плавании, и то губернатор Нагасаки потребовал, чтоб это донесение прислали ему: он велел снять с него копию и отослал донесение на корабль с двумя чиновниками, в присутствии которых его и запечатали.

Когда отплывавший голландский корабль проходил мимо «Надежды», то офицеры кричали ему разные пожелания. Голландцы оставались немые и глухи, потому что не смели отвечать.

После долгих проволочек наконец по настоянию посланника ему отведено было на берегу жилище, или, вернее, тюрьма, называемая Мегасаки. Этот дом стоял на мысу так близко к морю, что во время прилива вода подходила под самые окна, если можно назвать окнами отверстия в квадратный фут, забранные толстыми железными решетками. Высокий забор с воротами окружал строения. За первым забором шел еще один забор, простиравшийся в море так далеко, как отходила вода во время отлива. Тут тоже были ворота. Ключи от обоих ворот находились у японцев, живших в Мегасаки.

Береговая сторона охранялась точно так же. Кроме того, по дороге к городу стояло несколько пикетов, а на берегу поспешно выстроили три дома для офицеров, которые должны были наблюдать за русскими. Приезжавших с корабля к посланнику всякий раз при высадке пересчитывали; то же делали и при отправлении их на судно.

Для починки гребных судов японцы решились отвести место на берегу, но также огородили его и приставили караул, не позволявший людям ни на шаг выходить из ограды. Место отведено было так близко к морю, что во время прилива приходилось останавливать работу.

Зато относительно доставки материалов и провизии японцы вели себя безукоризненно. Материал давали, какой требовался, и провизия была прекрасного качества.

Несмотря на всевозможные притеснения, въезд посланника в Нагасаки был обставлен очень торжественно. Видно было, что японцы поняли свои обязанности в отношении представителя русского монарха. Присланная за посланником яхта отличалась великолепием. Стены и перегородки кают были покрыты японским лаком, лестницы из красного дерева отполированы, как зеркало, полы устланы тонкими рогожами и дорожками коврами. Не только двери и окна, но и борта палубы по всему судну убраны были дорогими тканями. Как только посланник прибыл на яхту, на ней взвился штандарт русского императора. На укреплениях, мимо которых проходила яхта, развевались флаги и куски пестрых тканей. По стенам крепостей стояло войско, разодетое в парадную форму. Множество судов сопровождало посланника до берега. Но едва он вошел в отведенное ему помещение, ворота заперли на замок и ключи отослали к губернатору.

На другой день приехали на «Надежду» два чиновника за подарками. Для больших зеркал скрепили два паромы и, сделав настил из досок, покрыли его рогожками и красным сукном. Узнав, что зеркала понесут в Иеддо на руках, Крузенштерн выразил удивление, так как для каждого зеркала требовалось, по крайней мере, шестьдесят человек, которые должны были беспрестанно сменяться. Ему ответили, что для японского императора нет ничего невозможного, и в подтверждение рассказали, что два года тому назад китайский император подарил японскому живого слона, которого перенесли на руках из Нагасаки в Иеддо.

Императорским указом велено было, чтобы все иностранные суда, останавливавшиеся у берегов Японии или севшие на мель, приводимы были в Нагасаки.

Случилось однажды, что села на мель китайская джонка. Несколько сот судов, посланных для буксирования поврежденной джонки, работали четырнадцать месяцев, чтоб снять ее с мели и привести в Нагасаки. Много было потрачено времени и денег, к тому же суда в открытом море при крепких ветрах постоянно подвергались опасности. Разломать, сжечь джонку и потом заплатить за нее было бы гораздо проще и дешевле. Но это было бы нарушением закона.

Курьер из Иеддо с разрешением ввести русский корабль во внутреннюю гавань прибыл 22 декабря. Когда это было исполнено, из «Надежды» выгрузили балласт и приступили к ее починке.

Посланника известили 19 февраля, что японский император отправил в Нагасаки уполномоченного с восемью вельможами для вступления с ним в переговоры. Уполномоченный — лицо такое знатное, говорили японцы, что, находясь перед своим монархом, может смотреть

на ноги, тогда как все остальные подданные микадо должны встать ниц в его присутствии. Возле лица властителя не смеет иже и уполномоченный. Все это означало, что посланник не будет пущен в Иеддо, на что он сильно надеялся. Прибытие уполномоченного ожидалось через десять-двенадцать дней, после чего можно было рассчитывать, что японцы постараются отделаться от своих гостей. Ввиду этого Крузенштерн стал сильно торопиться с приведением «Надежды» в порядок, чтобы при первой возможности уйти из неприемлемого края.

В Нагасаки 20 марта приехал уполномоченный и начались переговоры о церемониях. Посланник поставил условием, чтобы приветствие уполномоченного микадо происходило по-европейски, на что японец с трудом согласился, объявив однако, что посланник должен так же, как и он, сидеть на полу с вытянутыми вбок ногами. Носилки предоставлялись только одному посланнику, сопровождавшие его офицеры должны были идти пешком.

Первая аудиенция состояла из взаимных приветствий, сопровождаемых бесконечными церемониями. Во время второй закончены были все переговоры. Уполномоченный объявил, что микадо не принимает ни подарков, ни писем русского государя, и не принимает их потому, что не может сам одарить, поскольку пришлось бы с подарками посылать посольство, а японский закон запрещает японцам оставлять отечество. Потом он поставил условием, чтобы никогда русские корабли не приходили в Японию, а если японскому судну случится разбиться у русских берегов, то чтобы спасшихся японцев передавали голландцам для доставки на родину. Затем, запрещено было что-либо покупать у японцев или японцам что-либо дарить; что же касается материала для починки корабля и припасов, доставленных на «Надежду» в течение семи месяцев, то императорским указом приняты они на его счет. Сверх того, микадо приказал безвозмездно снабдить экипаж провизией на два месяца и сделать подарки: служителям 2 000 мешков соли, офицерам 2 000 капок, то есть шелковых ковриков, и сто мешков риса в 3 ¹/₂ пуда каждый.

Айны.

Со старинной гравюры

Так печально окончилась дипломатическая миссия посланника Российской державы. Оставаться долее было незачем; к 16 апреля (1805) на «Надежде» все было готово, и она вышла из Нагасакской гавани.

Намерение Крузенштерна плыть обратно между Японией и Азиатским материком не нравилось японскому правительству. Толмачи, от имени губернатора, старались всячески отговорить русского капитана от этого намерения. Они уверяли, что пролив Сангарский усеян подводными камнями и что он крайне опасен по причине сильного течения. Крузенштерн не внял никаким резонам и пошел своим путем по

Айны разных возрастов.

Гравюра XIX в.

Японскому морю, в ту эпоху почти неизвестному мореплавателям. На этом пути он исследовал часть западного берега Ниппона¹ и весь западный берег Иессо, или Мацмая², южный и половину восточного берега Сахалина и определил положение многих островов, лежащих близ Киу-Сиу³ и Ниппона.

Ниппон и Иессо, вероятно, составляли в давние времена одно целое. Мысы одного и заливы другого представляют некоторое подобие складной детской картинки, где выпуклости и углубления соответствуют друг другу.

Остров Иессо представляет разительную противоположность с Японией, несмотря на близкое их соседство. Насколько последняя возделана, настолько первый бесплоден; во всю длину от севера к югу идут каменистые горы с покрытыми снегом вершинами.

Едва из-за рифа на северной стороне острова показалось европейское судно, туземцы выехали к нему навстречу. На судно они, однако же, не вошли и, поплавав вблизи, ушли обратно. Когда судно

встало на якорь, они появились вновь и, взойдя на шканцы, встали на колени, поднимая обе руки над голову и проводя ими по лицу и телу, причем кланялись очень низко. Они привезли целую лодку очень вкусных сельдей, за что получили подарки.

Съехав на берег, Крузенштерн удивился, встретив здесь запоздалую весну. Несмотря на середину мая, деревья едва распускались и во многих местах еще лежал снег.

На следующий день приехали на шлюп японцы с офицером, который казался очень встревоженным прибытием иностранцев и уговаривал командира немедленно удалиться. В противном же случае угрожал прибытием японского флота, который не замедлит разнести «Надежду» на части. При этом офицер надувал щеки, пыхал, приговаривая «бум, бум», и очень смешил моряков. Крузенштерн обещал ему уйти тотчас, как только рассеется туман, и офицер успокоился.

Приезжали на судно японские купцы и природные жители Иессо, известные под именами

¹ Ниппон (Нихон) — название Японии.

² Иессо, Мацмай, Эдзо — о. Хоккайдо — второй по величине остров Японии.

³ Кюсю, Киу-Сиу — остров на юге Японии.

айнов. Первые привозили трубки, лакированные чашки и тому подобные мелочи: вторые — сельди, которые они меняли на пуговицы, давая 50—100 сельдей за одну медную пуговицу.

Отсюда «Надежда» направилась на остров Сахалин, южная часть которого принадлежала в то время Японии, и в четыре часа 13-го числа бросила якорь в заливе Анива, возле стоящего на якоре купеческого судна.

На следующий день командир с посланником отправились на японское судно и сверх чаяния были приняты очень хорошо. Заметно было, однако же, что японцы действуют осторожно и побаиваются офицеров, поселенных на берегу с целью надзора за торговлей туземцев с приезжими японскими купцами.

Распростившись с японцами, путешественники поехали на берег, но сильный бурун не позволял им высадиться. Они готовы были уже вернуться, как вдруг от берега отделилась небольшая лодка с одним человеком, который по двое перевез всех моряков через бурун. Селение, расположенное по берегам небольшой речки, состояло из нескольких домов и восьми амбаров, наполненных рыбой, солью и рисом. Жившие на берегу японские офицеры страшно испугались, увидев иностранцев, но когда узнали, что они не имеют воинственных намерений, то мало-помалу успокоились.

В заливе Анива, известном обилием лососей, путешественники встретили такое же явление, как и на Камчатке: воды до того кишели рыбой, что трудно было грести. Здесь не ловили рыбу, а при отливе просто черпали ведрами. Кроме того, вокруг судна постоянно плавали киты и кашалоты, а у берегов ютилось множество раков и устриц.

Коренные жители Южного Сахалина те же айны, что и на Иеддо. Добродушием, честностью и скромностью они произвели на Крузенштерна очень хорошее впечатление. Когда за доставленную рыбу им давали подарки, они брали их в руки, любовались ими и потом возвращали. С трудом удавалось втолковать им, что эти вещи — их собственность.

По одежде и устройству жилищ айны напоминали отчасти японцев, отчасти сибирских инородцев. Они носили и меховые малицы, и японские конусообразные шляпы.

Одна особенность чрезвычайно поразила путешественников: в каждом жилище был медвежонок, который помещался в жилой избе вместе с хозяевами. Одному из офицеров захотелось купить медвежонка, но никто ни за какую цену не пожелал его продать. Держали ли туземцы зверя ради какого-нибудь предрассудка, или был он у них божеством — путешественникам не удалось узнать.

В старинных описаниях острова Иессо говорится, что айны мохнаты. По китайским источникам у них все тело сплошь покрыто волосами и бороды так длинны, что достигают земли. Все это оказалось вздором. Крузенштерн освидетельствовал многих айнов и нашел, что волос у них на теле не больше, чем у иных европейцев, а бороды у большинства действительно густы, но длины самой обыкновенной.

Глава V

Остров Сахалин. Прибытие в Китай. Обратное плавание на родину

В шесть часов утра 16 мая «Надежда» вышла из залива лососей и после 48-дневного плавания благополучно прибыла на Камчатку. Сдав посланника и окончив дела, Крузенштерн 4 июля вышел из Петропавловска с намерением окончить исследование восточного берега Сахалина¹, никем еще из европейских мореплавателей не изученного. В течение нескольких недель «Надежда» крейсировала вдоль берегов, то приближаясь, то удаляясь, смотря по силе и направлению ветра. На всем осмотренном пространстве остров казался пустынным, хотя природа его благоприятствовала заселению. В иных местах виднелись груды головешек, оставленные, вероятно, промышленниками, временно посещавшими остров. Только 9 августа, после четырехнедельного однообразного плавания, моряки увидели на берегу одного залива селение, в котором насчитали двадцать семь домов.

¹ Северная часть острова Сахалин вместе с устьем Амура присоединена к России адмиралом Невельским в 1853 г.

Лейтенант Левенштерн и гг. Горнер и Тилезиус отправились на берег. Туземцы встретили приезжих не враждебно, но и не дружелюбно. Три человека, по-видимому начальники, выступили вперед и, размахивая лисьими шкурами, которые они держали в руках, так громко кричали, что на корабле было слышно. Когда приезжие вышли на берег, эти люди принялись обнимать их, стараясь в то же время оттиснуть к морю. Понемногу стали подходить остальные туземцы, вооруженные кинжалами и саблями. Такое наступление, несмотря на объятия начальников, показалось русским подозрительным, и они поспешили ретироваться. Встреченные ими люди совсем не походили на айнов. На начальниках было пестрое шелковое платье, на остальных — тюленьи парки; тип лица тоже был совсем другой. По этим признакам моряки заключили, что обитатели этой части Сахалина — татары, отнявшие территорию у туземцев. Желая проверить это предположение, Крузенштерн решил пристать к острову, но сильное течение долго не позволяло судну подойти к берегу; наконец 14 августа «Надежда» вошла в небольшой залив и в виду селения бросила якорь.

Вечером ехать на берег было уже поздно, и командир послал гребное судно для ловли ры-

бы. В короткое время наловили столько лососей, что всему экипажу хватило на три дня. На следующий день Крузенштерн почти со всеми офицерами поехал на берег. Чувствуя потребность в прогулке по твердой земле, моряки высадились подальше от селения, чтоб идти к нему пешком, но туземцы их увидели и приплыли к ним на большой лодке. Опять они махали лисьими шкурами и что-то кричали. Выйдя на берег, обнимались с приезжими и в то же время держивали их движение. Заметив, что ничего не помогает и приезжие намерены идти в селение, туземцы бросились в лодку и принялись усиленно грести, чтобы опередить пришельцев. Шагах в двадцати от деревни встретило их человек двадцать с начальником впереди, одетым в пестрое шелковое платье китайского покроя. Крузенштерн подарил начальнику кусок оранжевого сукна, а прочим различные мелочи и знаками старался втолковать, что он с товарищами не имеет враждебных намерений, что они даже не войдут в дома, а только посмотрят селение. В доказательство своего дружелюбия он снял шпагу. Посоветовавшись друг с другом, туземцы, по-видимому, решились не удерживать более путешественников, но Крузенштерну показалось странным, что встретившие их люди не идут с ними, а оста-

ются позади. У него невольно явилось подозрение, не замысливают ли они истребить катер и потом расправиться с чужеземцами. Первое было сделать не трудно, так как катер, по причине сильного буруна, был вытасчен на берег и оставался под охраной только двух матросов.

Чтоб оградить себя, моряки изъявили твердое намерение идти вперед не иначе, как в сопровождении встретивших их людей, на что те волей-неволей должны были согласиться. Рука в руку начальники, татарский и русский, пошли вперед. Шагах в пятидесяти от селения первый остановился и стал знаками убедительно просить путешественников вернуться. Новый подарок сломил его сопротивление. Наконец подошли к селению. Остановившись против одного дома, начальник объявил, что это его дом. У дверей стояли два сильных молодых человека и знаками показывали, что ни за что не впустят чужих. Не желая раздражать туземцев, путешественники не подали виду, что им хочется заглянуть внутрь, и пошли на другой конец селения по тропинке, едва заметной среди густой травы. Начальник, нехотя сопровождавший их, несколько раз останавливался и убеждал воротиться, но, смягченный новым подарком, двигался далее.

Сахалинские айны.

Гравюра XIX в.

Дома туземцев довольно велики и построены на сваях, вышиной от четырех до пяти футов. Под домами живут собаки, по количеству которых можно заключить, что они служат для езды зимой. В дома входят по крыльцу в семь-восемь ступеней. Опасаясь, вероятно, чтобы чужеземцы не увидели женщин, которые, по мусульманскому обычаю, должны скрываться от глаз посторонних, туземцы наскоро заколотили окна и двери. Обойдя селение, путешественники возвратились к дому начальника, где собрались обыватели с вещами для меня. За пять аршин сукна Крузенштерн выменял у начальника его шелковое платье, причем последний, желая, вероятно, похвастать своим богатством, пошел к себе и явился в новой одежде, красной, затканной золотыми цветами. Туземцы при обмене сукно и табак ценили всего дороже, в особенности последний, которым, к сожалению, моряки не запаслись в надлежащем количестве. Матросы, имевшие табак, выменяли на него довольно ценные вещи, полученные туземцами от европейцев.

Нельзя было сомневаться в том, что этот народ — татары, пришедшие с Амура и вытеснившие кротких и смиренных айнов. Удостоверившись в этом, Крузенштерн с товарищами возвратился на корабль и снялся с якоря.

Проверив географическое положение некоторых Курильских островов и сделав съемку нескольких пунктов на Камчатском берегу, Крузенштерн направился в Авачинскую губу и 30 августа после двухмесячного отсутствия стал на якорь в Петропавловской гавани.

«Нева» еще не приходила, и известия о ней были тревожного свойства. Рассказывали, что она выдержала на Ситхе сражение с дикарями, причем потеряла несколько человек убитыми и ранеными.

С большим вероятно можно было рассчитывать встретиться с «Невой» у Макао, и потому Крузенштерн, исправив «Надежду» и запасшись провизией, вышел из Авачинской губы 9 октября и пошел к берегам Китая. Несмотря на позднее время года, он намеревался исследовать по пути те места, где по древним картам полагались острова, существование которых новейшими географами считалось сомнительным. Многих из показанных островов действительно не оказалось; другие нанесены были на карту неверно. Проплавав в Китайском море более месяца и выдержав несколько штормов, Крузенштерн 20 ноября пришел в Макао.

Перед входом в гавань моряки увидели флотилию судов в триста, стоявшую на якорь. Предполагая, что это суда рыбаки, мореплаватели прошли мимо, нимало не беспокоясь. Только в Макао узнали они, что это была флотилия мор-

ских разбойников, упражнявшихся в своем промысле у южных берегов Китая уже три года и нападавших на всякий плохо вооруженный корабль. Незадолго перед тем они овладели одним американским судном и двумя португальскими. На одном из последних все люди, не пожелавшие вступить в сообщество с разбойниками, были перерезаны. Некоторые из поступивших к ним на службу бежали и потом рассказывали, что разбойники все взятые суда сжигали. Число разбойников, по их мнению, простиралось до 20 тысяч. Эти пираты могли бы быть еще опаснее, если бы обладали большим искусством в военном и морском деле. Когда случалось им сойтись на abordаж с судном более усовершенствованным, они неминуемо делались его добычей. Между Макао и Кантоном английские суда ходили не иначе, как под конвоем нескольких гребных вооруженных судов стоявшей в этих водах английской эскадры. Незадолго перед прибытием «Надежды» два вооруженных португальских корабля пробрили себе путь, отражая нападение восьмидесят разбойничьих крейсеров. Не миновать бы этого и «Надежде», если бы крепкий ветер не удерживал разбойников на якоре. В случае нападения «Надежда» легко могла бы сделаться добычей, потому что она шла без малейшего подозрения, не подготовленная к бою.

Крузенштерн крайне удивился, узнав, что «Нева» еще не приходила. По его расчету, она еще в октябре должна была прийти от Кадьяка с грузом мехов и здесь, продав их, купить китайских товаров, чтоб нагрузить оба корабля. Отсутствие «Невы» ставило командира в большое затруднение. Он должен был непременно ее дожидаться, опасаясь в то же время больших придинок со стороны китайцев.

Все устроилось, однако же, вполне благополучно благодаря любезности португальского губернатора и президента английской фактории Друммонда. Последний хотя и был в отсутствии, но, узнав о прибытии Крузенштерна, с которым раньше был знаком, предоставил в его распоряжение свой роскошный дом с замечательным садом, а для офицеров велел очистить один из домов Ост-Индской компании. Таким образом, сверх чаяния, моряки весьма приятно провели время в те две недели, в течение которых пришлось им ожидать «Неву».

Наконец, 3 декабря, прибыла «Нева» с богатым грузом пушных товаров, который был продан китайцам за 190 тысяч пиастров. Самых дорогих бобров оставили при себе, чтобы выгоднее продать их в Москве. На часть вырученных денег купили чаю и других китайских товаров.

Когда все было кончено и нагруженные суда приготовились к отходу, последовала не ожи-

Вид Петропавловской гавани и Авачинской губы.

Гравюра XIX в.

данная задержка со стороны китайского правительства. Предлогом к задержке послужила смена наместника. После бесконечной переписки, личных переговоров, угроз и просьб, а главное, благодаря энергичному содействию г. Друммонда, хорошо знакомого с характером китайцев, русским удалось получить свободу, и 9 февраля «Надежда» и «Нева» снялись с якоря¹.

Спустившись к югу и пройдя между Явой и Суматрой мало исследованным Зондским проливом, суда направились к острову Св. Елены.

Достопримечательный день был для мореплавателей 16 апреля: они прошли через Петербургский меридиан, следовательно — совершили обход вокруг земного шара.

Обогнув мыс Доброй Надежды, суда, 26 апреля расстались и увиделись уже в Кронштадте, куда «Нева», как более быстроходное судно, пришла раньше.

«Надежда» бросила якорь у острова Св. Елены 4 мая, совершив плавание от Зондского пролива в 58, а от Макао в 79 дней. Здесь моряки узнали о начавшейся войне между Россией и Францией и очень пожалели о разлуке с «Невой», оказав-

шейся теперь совсем несвоевременной. Одиночество в данную минуту было для каждого судна далеко не безопасно. Хотя французское правительство и снабдило русских моряков паспортами, ограждавшими их от неприятных действий военных кораблей, но оно не могло защитить их от нападения французских каперов², не принимавших в расчет взглядов своего правительства. Много было случаев, доказавших, что каперы действуют на свой риск и попросту разбойничают, прикрываясь политическими целями.

Сообразив все это, Крузенштерн не считал удобным идти английским каналом, около которого, по слухам, крейсировали французские каперы, а направился в обход Азорских островов к северной оконечности Шотландии для того, чтобы, проплыв между ней и Оркадскими островами, войти в Северное море. Этот путь был гораздо длиннее, но зато безопаснее.

«Надежда» 8 мая ушла с острова Св. Елены и 21 мая пересекла экватор, 29-го вошла в полосу пассата, а 9 июня перешла Северный тропик.

Противные ветры и безветрие задержали

¹ Уже по приезде в Петербург Крузенштерн получил из Кантона известие, что спустя сутки по отходе судов прислано было Пекина предписание задержать их. Подобная мера могла бы иметь для мореплавателей весьма печальные последствия.

² Капер, приватир — владелец судна, специально вооруженного им для военных действий против судов противника. Такие суда существовали в XV—XVIII вв.

«Надежду» в Скагерраке и Каттегате целых десять дней. Такая проволочка крайне досаждала морякам, жаждавшим поскорее ступить на родную землю. Наконец 2 августа они пришли в Копенгаген. Плавание от Китая до Копенгагена продолжалось 5 месяцев и 24 дня при одной четырехдневной остановке у острова Св. Елены.

«Надежда» 6 августа вышла из Копенгагена и только 19-го прибыла в Кронштадт. Легко представить себе радость путников, возвратившихся в отечество после трехлетнего отсутствия.

Путешествие Крузенштерна обогатило науку сведениями о странах малоизвестных и доказало неоспоримым образом способность русских людей к дальним океанским плаваниям. С этого времени начинается непрерывный ряд русских кругосветных плаваний, образовавших многих отличных моряков. Снабжение отдаленных колоний всем необходимым стало производиться морским путем, и колониальная торговля получила значительное развитие.

Заботливость Ивана Федоровича о своей команде дала небывалые результаты. В продолжение трехлетнего плавания, несмотря на штормы и самые разнообразные климатические условия, на «Надежде» не только никто не умер, но и больные были большой редкостью.

Государь император щедро наградил Крузенштерна, Лисянского и всех, участвовавших в плавании. Описание путешествия было издано на суммы кабинета и переведено на многие иностранные языки.

Со вступлением на престол императора Николая Крузенштерн был назначен в 1827 г. директором Морского корпуса. Хорошо знакомый с недостатками этого заведения, он приступил к коренному его преобразованию.

При строгой справедливости и полном беспристрастии Крузенштерн был чрезвычайно добродушен и приветлив. Несмотря на свои лета и положение, он умел снисходить до теплого сочувствия радостям и горестям не только юноши-мичмана, но и маленького кадета. С первым он серьезно рассуждал о его частных делах, с последним — горевал о дурном балле и всегда того и другого умел утешить и ободрить.

В продолжение 16-летнего его директорства из Морского корпуса выпущено до тысячи офицеров, несомненно содействовавших процветанию русского флота. Ему же обязаны своим существованием офицерские морские классы¹, в которых лучшие из выпущенных офицеров пополняли свое образование.

Крузенштерн умер в чине полного адмирала в 1846 году, имея от роду 76 лет.

¹ Переименованные в Николаевскую Морскую академию.

Двукратные изыскания
в Южном Ледовитом океане¹
и плавание вокруг света
капитан-лейтенанта Беллинсгаузена

Глава I

*Краткий биографический очерк.
Отплытие из Кронштадта.
Южный Ледовитый океан*

того времени как Крузенштерн, первый из русских мореплавателей, совершил кругосветное плавание, многие суда отправляемы были на Камчатку и к американским берегам ради торговых и научных целей. Командиры их, как и подобает представителям власти, везде поддерживали достоинство русского имени. Но все они шли по следам Крузенштерна, и только Беллинсгаузен проник в области, никем до той поры не исследованные, и, таким образом, вплет новую ветвь в неувядаемый венок русских мореплавателей.

Кругосветное плавание Беллинсгаузена считается самым важным и самым трудным из когда-либо совершенных плаваний.

Знаменитый Кук в 70-х годах XVIII столетия первый достиг южных полярных морей и, встретив сплошной лед, объявил, что дальше идти невозможно. Ему поверили, и в течение сорока пяти лет не было в той области исследований. Беллинсгаузен доказал, что мнение Кука ошибочно, и сделал чрезвычайно много для изучения южного полярного моря, хотя имел в своем распоряжении суда парусные, небольшие, к плаванью во льдах не приспособленные.

Фадей Фадеевич Беллинсгаузен родился в 1779 году на острове Эзель, входящем в со-

¹ Южный Ледовитый океан — условное название южных частей Атлантического, Индийского и Тихого океанов, прилегающих к Антарктиде.

став Лифляндской губернии, воспитывался в Морском корпусе, откуда был выпущен мичманом на 19-м году. Он с раннего детства мечтал быть моряком и всегда говорил о себе: «Я родился среди моря; как рыба не может жить без воды, так и я не могу жить без моря».

Шесть лет спустя, еще в чине мичмана, Беллинсгаузен принимал участие в экспедиции Крузенштерна. Попав в такую хорошую школу, он имел возможность усовершенствовать себя практикой, чем вполне и воспользовался. Вернувшись из кругосветного плавания, он постоянно командовал различными судами в Балтийском и потом в Черном морях. Когда же в 1819 г. император Александр I повелел отправить две экспедиции, одну — для изучения Северного, другую — Южного Ледовитого океана, Беллинсгаузен был назначен начальником последней. Ему предписано было осмотреть те части Южного океана, в которых никто еще не бывал, и проверить положение некоторых островов, не посещенных прежними мореплавателями.

Получив в свое распоряжение шлюпы «Восток» и «Мирный», Беллинсгаузен принял командование над первым, поручив последний лейтенанту Лазареву.

Четвертого июля в шесть часов вечера экспедиция вышла из Кронштадта, напутствуемая добрыми пожеланиями своих соотечественников, оглашавших воздух громкими криками «ура!». Моряки прокричали «ура!» в ответ, отсалютовали крепости и скрылись из виду.

В Копенгагене Беллинсгаузен должен был принять на судно двух натуралистов, Мертенса и Кунца, но последние, не имея достаточно времени для приготовлений, отказались. Таким образом, экспедиция лишилась возможности делать естественнонаучные наблюдения и должна была довольствоваться собиранием материалов по-любительски, рассчитывая по возвращении предоставить свои коллекции людям знающим для приведения их в надлежащий порядок. Не раз пожалел Беллинсгаузен, что ему не позволили взять двух русских студентов-естественников, просившихся в экспедицию; но тогда мода была на все иностранное, и русская наука не успела еще завоевать себе подобающее место.

Девятнадцатого июля вышло из Копенгагена вместе с экспедицией множество судов с публикой, которая отправлялась на остров Вен, где была когда-то первая обсерватория известного датского астронома Тихо де Браге. В память великого ученого датчане построили маленький домик на острове, где и устраивают ежегодно 19 июля гулянья.

Прибыв в Портсмут, моряки неожиданно встретились со шлюпом «Камчатка» под командой Головнина, который возвращался из Северо-

Западной Америки. Эта нечаянная встреча очень обрадовала моряков, тем более что она случилась за границей, где каждый русский еще горячее чувствует привязанность к соотечественнику.

Оживление, господствовавшее в портсмутском порту во время войны англичан с французами, сменилось покоем. Военные корабли, разоруженные, стояли на рейде, выкрашенные белой краской, чтобы дерево от жары не трескалось. Суда и экипаж покоились на лаврах. Вдруг неожиданно прибыл принц-регент на своей богатой вызолоченной яхте. Мгновенно все пришло в движение. Боевые великаны в белой одежде окружили яхту, маневрируя вместе с ней. Русское судно салютовало двадцать одним выстрелом, и каждый раз, когда яхта проходила мимо «Востока», матросы разбегались по реям и кричали «ура!».

Некоторый ремонт на судах задержал экспедицию в Портсмуте довольно долго. Начальники шлюпов съездили в Лондон, чтоб пополнить коллекцию астрономических инструментов, а 20 августа имели удовольствие свидеться с другими соотечественниками, вернувшимися из кругосветного плавания на судне Русско-Американской компании под начальством капитан-лейтенанта Гагемейстера.

Наконец все было готово на шлюпах, и 26 августа в пять часов пополудни они вышли в море. При выходе в Атлантический океан начальник экспедиции разделил команду на три вахты и установил распорядок дня. Служители обедали около полудня, ужинали около шести часов, а от шести до восьми, пока проветривалась палуба, увеселяли себя как могли: пели, рассказывали сказки, играли в чехарду и плитку, плясали. Убеденный, что чистота и бодрость духа — лучшие охранители здоровья экипажа, начальник экспедиции неусыпно следил за поддержанием того и другого.

Еще во время стоянки судов в Кронштадте каждый морской офицер мог видеть, что шлюп «Мирный» отстает от «Востока» и непременно будет задерживать его ход. Так оно и случилось. Во все время плавания «Восток», чтобы не потерять товарища, должен был нести мало парусов и таким образом замедлять плавание.

Погода благоприятствовала мореплавателям; 15 сентября они прибыли к острову Тенериф и против города Санта-Крус бросили якорь.

Вид с рейда Санта-Круса представляет зрительно остров Тенериф в непривлекательном виде. Горы, окружающие город, голы; некоторые из них остроконечны и разделены узкими мрачными ущельями. Только исполинский, с серебристой вершиной пик придает пейзажу величественный вид, но этот пик бывает по большей части затянута облаками и для взора временного посетителя как бы не существует.

Офицеры, ездившие внутрь страны, вынесли совсем другое впечатление. Аратавская долина, которую они посетили, показалась им очаровательной. Они имели удовольствие видеть то место, которое некогда принадлежало завоевателю Тенерифа, Иоанну Бетанкуру, и потом перешло к его потомкам. Полюбовались драконовым деревом, имеющим 36 футов в окружности, причем вспомнили свой отечественный такой же толщины дуб, в тени которого императрица Екатерина II, во время путешествия по Крыму, угощала завтраком императора Иосифа.

Запасшись провизией и водой, экспедиция 19 сентября ушла с Тенерифа, 22-го числа перешла тропик и вступила в так называемый жаркий пояс.

Двадцать четвертого числа показались рыбы бониты, которые старались опередить судно. В надежде полакомиться хорошей ухой, в стаю бросили острогу и ранили одну из рыб. К сожалению, она сорвалась и ушла, а за ней ушла вся стая. Вскоре показались летучие рыбы, но от них не было никакой пользы.

Судьба этих рыб очень печальна. В воде их преследуют бониты, подсакивая довольно высоко, чтобы схватить добычу; но лишь рыба, спасая свою жизнь, взлетит на воздух, на нее бросаются птицы. Матросам случалось находить эту рыбу запутавшеюся в снастях, где она, бедняжка, старалась укрыться от преследования своих пернатых врагов.

Тридцатого числа поймали на уду прожору и приставшую к ней прилипалу (*Echeneis remora*). Последние всегда держатся около первых, пользуются остатками их добычи, к ним присасываются и около них ищут спасения. Прожоры так великодушны, что, несмотря на свою жадность, никогда не трогают ищущих у них защиты.

Погода стояла прекрасная; жары сильной не было, по временам перепадали дожди, которыми пользовались, чтоб собрать побольше воды для стирки белья и для питья животным и птицам. Особенно восхитительны были ночи. На небе ярко сияли мириады звезд, а море искрилось фосфорическим светом до того сильным, что по пути, пройденному шлюпом, струилась как бы огненная река. Те из моряков, которые не видели этого зрелища, приходили от него в восторг. Известно, что это свечение происходит от особого рода моллюсков, из которых одни величиною с пылинку, другие равняются одному-полтора дюймам. Несколько раз вместе с морской водой выгаскивали этих животных на судно и рассматривали их. Лежа в спокойной воде, моллюск кажется стеклянным и не светится, но чуть только вода приходит в движение, он начинает светиться, сперва немного, потом ярче и ярче, и наконец вся вода в окружности делается похожей на пламя. Мертвое животное не светится.

В продолжение всего плавания сетка для ловли этих моллюсков висела за кормой. Днем они никогда не попадались и начинали ловиться только в сумерках. Вероятно, светящиеся животные не выносят солнечного света и днем скрываются на дне моря.

Пятого октября вдали показался смерч, в который выстрелили, и он рассеялся; виднелись фонтаны, пускаемые дельфинами.

Во время штилей, господствовавших довольно долго под экватором, сделано было несколько опытов с бутылкой. Закупоренная хорошей пробкой и опущенная вместе с лотом на глубину от 30 до 40 сажен бутылка возвращалась наполненная водой и плотно закупоренная, только пробка была обращена нижним концом кверху.

Сделали еще опыт. Плотно закупоренную пустую бутылку опустили на глубину в 200 сажен, предварительно проклеив пробку и обвязав ее куском парусины и веревкой. Когда вытащили бутылку обратно, она была наполнена водой, холстина сверху прорвана, а пробка на месте, но клеймом обращена книзу и так плотно вбита, что ее едва могли вытащить пробочником. Доискиваясь до причины такого странного явления, моряки пришли к заключению, что теплый воздух, находящийся в бутылке, достигнув известной глубины, где вода холоднее, сжимается и всасывает пробку внутрь. Когда же бутылка, наполненная водой, идет кверху, холодная в ней вода нагревается и, расширяясь, выпирает пробку; а так как нижний конец ее тоньше верхнего, то естественно, что он легче попадает в горло бутылки. При повторении опытов оказалось, что на глубине менее 30 сажен таких явлений не бывает.

Очень часто пролетали мимо корабля буреветники, названные так потому, что появление их будто бы предсказывает бурю. Но в данном случае эта примета не оправдалась; напротив того, безветрие продолжалось и приходилось на палубах разводить огонь. Эта мера необходима под экватором во время штилей, когда сырость бывает так велика, что обувь, хранящаяся на палубе и в каютах, в два дня покрывается плесенью.

Штили, жара, дожди и грозы сильно наскучили путешественникам, и они очень обрадовались, встретив 15 октября южный пассатный ветер, который освежил атмосферу. Восемнадцатого числа в десять часов утра перешли экватор при обычной церемонии. Начальник экспедиции покропил офицеров водой, почерпнутой из Южного полушария, а комиссар сделал то же с командой, с той только разницей, что вместо нескольких капель он выливал им на голову целую кружку. Все охотно поддались этому крещению и в ознаменование события получили по стакану пунша, который пили за здоровье государя императора при пушечных выстрелах.

Здесь следует заметить, что самая сильная жара бывает не на самом экваторе, где южный пассатный ветер охлаждает воздух, а в полосе штилей, между северными и южными пассатными ветрами.

Второго ноября экспедиция прибыла в Бразилию, где еще существовало невольничество, возмущавшее русских офицеров до глубины души.

«Здесь находится много лавок, в которых продаются негры, — пишет Беллинсгаузен. — Несчастные сидят скорчившись, понутив голову, в ожидании своей участи. Тут же стоит надзиратель, обязанный представлять покупателю товар в лучшем виде. Он держит в руке плетль или трость. По данному знаку, невольники встают и скачут с ноги на ногу, припекая. Кто не выказывает достаточно живости, тому надзиратель подбавляет ее плетью. Покупщик, сделав выбор, выводит товар из рядов, осматривает его, поколачивает по разным частям тела, заглядывает в рот, словом, поступает точно так же, как при покупке какого-нибудь животного. Смотри по тому, насколько покупатель удовлетворен товаром, назначается ему цена».

Желая хоть отчасти познакомиться со страной, мореплаватели с удовольствием приняли предложение русского вице-консула, г. Кильхена, посетить известный водопад в шестнадцати милях от Рио-де-Жанейро. С утра верховые лошади и кареты ожидали русских путешественников и некоторых из знакомых Кильхена. Дорога шла сперва по обработанной местности, потом стала подниматься в горы и огибать пропасти. За пять-шесть миль до водопада дороги уже не было, и приходилось бросить лошадей, экипажи и идти пешком. Крайне трудный путь в сильный зной так утомил туристов, что они раскаялись в своем любопытстве. Едва дотавившись до ресторана на вершине горы и освежив себя лимонадом, они поплелись далее. До водопада оставалось еще полмили, и шум его был уже слышен. Загороженный высокими скалами, он открылся перед путешественниками,

Фадей Фадеевич Беллинсгаузен

когда они уже были возле него. Величественное зрелище вполне вознаградило их за перенесенную усталость. Водопад бежал по крутым каменным уступам, разветвляясь по ложбинам несколькими рукавами, и, стекая в равнину, бурным потоком стремился к синему вдали океану.

Принесенный на плечах негров обед, заказанный г. Кильхеном, подкрепил силы туристов, и все развеселилось. Принимавший участие в прогулке живописец запечатлел виды водопада.

В шесть часов утра 22 ноября суда снялись с якорей и пошли далее. Со шлюпа «Мирного» приехал командир Лазарев со священником, который отслужил молебен и благословил судно на дальнейшее плавание. После молебна началь-

Дельфин

ник экспедиции передал г. Лазареву жалованье для команды шлюпа «Мирный» и порционные деньги, чтобы обеспечить экипаж на случай какого-либо несчастья с «Востоком». При этом он дал ему инструкцию, как поступать, если суда неожиданно потеряют друг друга.

В полдень, 2 декабря, вахтенный лейтенант донес начальнику, что виден бурун. Полагая из этого, что берег близко, командир велел держать к буруну. Подойдя ближе, увидели, что бурун был не что иное, как мертвый кит, о который бились волны. Множество птиц летало, плавало и сидело на спине умершего великана. Два офицера отправились на ялик, чтоб застрелить нескольких птиц, и им удалось убить великолепного альбатроса длиной в 2 фута с лишком, шириной в размахе крыльев в $7\frac{1}{2}$ футов и весом в 31 фунт.

В два часа проплыло мимо шлюпа большое стадо дельфинов, а на поверхности моря беспрестанно появлялись фонтаны, пускаемые китами.

Некоторым морякам показалось, что птицы садятся на волны и покачиваются вместе с ними, не погружаясь в воду, подобно голенастым. Это явление удивляло их, пока они не рассмотрели, что птицы сидят на плавающих островах перепутанной морской травы, вместе с которой несутся по волнам. Одну такую плетушку подняли на шлюп и, распутывая, растянули во всю длину шлюпа. От одного общего стебля шли длинные отростки с большими зубчатыми листьями. В сплетении запуталось множество ракушек.

Эта трава и множество прилетающих птиц заставляли предполагать близость земли. В это

время судно как раз пересекало параллель 45° , на которой полагался остров Гранде, открытый ла Рошем. Тщетно искали его мореплаватели до Беллинсгаузена, не нашел его и он; зато ему посчастливилось несколько дней спустя недалеко от острова Св. Георгия открыть новый островок, который он и назвал в честь одного из офицеров «Анненковым».

Погода в Южном Ледовитом океане стояла все время пасмурная, но несмотря на это Беллинсгаузену удалось сделать довольно подробное описание острова Св. Георгия.

Термометр постоянно показывал ниже нуля, часто шел снег, и попадались довольно большие плавучие льдины. Взяв

курс на Сандвичевы острова¹, Беллинсгаузен открыл еще три острова и назвал их: Высокий, Лескова и Завадовского, а все вместе — островами Маркиза де Траверсе, бывшего тогда министром. На одном из островов горела сопка, выбрасывая черный смрадный дым. Желая воспользоваться встречающимся льдом, командир отправил на ялик к одной большой льдине людей, которые нарубили много льда и наполнили им пустые бочки. Заваренный на растаявшем льду чай оказался очень вкусным. В воде не было ни горечи, ни соли.

Двадцать пятого декабря экспедиция праздновала Рождество Христово. Командир и офицеры с «Мирного» приглашены были к обеду на «Восток», матросов угостили пуншем; все были веселы, как будто находились не в Южном Ледовитом океане, а у себя дома.

От Рождества до Нового года продолжалась очень холодная погода, шел сильный снег, и снасти леденели так, что их приходилось беспрестанно околачивать. Суда с трудом пробирались среди плавучих льдов и ледяных полей, исследуя острова, открытые Куком. Наконец достигли островов Тюле и Монтегю, о которых Кук писал, что они южнее всех прочих земель, в Южном полушарии существующих.

Продолжая идти к юго-западу и лавируя между большими и малыми льдинами и высокими торосами, мореплаватели встречали множество ледяных островов, на которых гнездились стаи пингвинов. Иногда, для развлечения, офицеры садились в ялик, причаливали к какому-нибудь острову и охотились. Пингвины, не напуганные человеком, давались легко. Многих из них про-

¹ Близ 60° южной широты; не смешивать с группой островов того же названия в Полинезии.

сто брали руками и клали в мешок. Их мясо, вымоченное несколько дней в уксусе и зажаренное, весьма недурно на вкус. Офицеры первые попробовали употребить его в пищу, а их примеру последовала и команда. Оставленные живыми птицы не вынесли неволи и скоро околели.

Со времени вступления судов в большие южные широты погода была по большей части пасмурная и холодная. Несмотря на это и на сплавившиеся суда льды, производившие немало повреждений, Беллинсгаузен решил идти на юг, пока будет возможно.

Так продолжал он двигаться до 21 января, когда обнаружилось, что дальнейшее плавание невозможно. На востоке, юге и западе, куда мог только достичь взор, ничего не было видно, кроме сплошных ледяных полей, торосов и островов. Суда находились в $69^{\circ} 25'$ южной широты и $1^{\circ} 11'$ западной долготы. Поворотив на северо-восток, суда встретили северный ветер, разогнавший облака.

Хотя на палубе, где жили офицеры, служители ежедневно топили печи и обтирали три раза в сутки потолок, на котором скопились капли, а платье при малейшей возможности просушивали наверху, но постоянные туманы и сырость все-таки проникали в помещение, и потому офицеры, обрадовавшись хорошей погоде, велели открыть все люки, чтобы проветрить палубу.

Вплоть до 2 февраля суда продолжали идти на северо-восток и давно уже миновали полосу льдов. Рассчитав, что много пройдено к востоку, Беллинсгаузен повернул опять на юг, чтобы испытать, далеко ли его допустят льды.

Пятого числа увидели опять буревестников и затем плавающие льды. В десять часов вечера «Восток» в третий раз пересек Южный полярный круг.

В течение трех месяцев с лишком, считая от стоянки у берегов Бразилии, Беллинсгаузен упорно стремился на юг, намереваясь обозреть ту часть Южного Ледовитого океана, в которой никто еще не бывал. Затертый льдами, он поворачивал на север, на восток и потом опять спускался к югу. Однообразие этого плавания было донельзя утомительно. Изредка только нарушалось оно прекрасными южными сияниями, не такими величественными, как северные, но зато более разнообразными.

Один только раз сияние совсем походило на северное и было так ярко, что позволяло читать самый мелкий печатный текст. Однажды ночью шел густой снег при порывистом ветре; но как только снег перестал, открылось великолепное южное сияние, совершенно отличное от того, которое прежде видели: весь небесный свод покрыт был радужными полосами, которые, изви-

ваясь и переливаясь всеми цветами, перебежали с быстротой молнии с южного конца горизонта на северный. Матросы, благоговейно крестясь, шептали: «Небо горит; светопреставление!» Эти сияния для мореплавателей, окруженных льдами, чрезвычайно полезны. Освещая пространство на пять-шесть миль в окружности, они дают возможность определить безопаснейший курс.

Четвертого марта начальник экспедиции требовал к себе Лазарева и объявил ему, что они должны на время расстаться. Суда находились у предельной черты плавания капитана Кука и должны были каждое идти своим путем, чтобы иметь возможность обозреть большее пространство, никому пока не известное. В порте Жаксон предстояло соединиться.

На следующий день суда расстались, отсалютовав друг другу двадцатью выстрелами.

С 22-го числа стали прилетать береговые птицы, и беспрестанно попадалась плавающая трава; все предвещало близость Вандименовой Земли. Двадцать четвертого в третьем часу дня вахтенный закричал: «Берег виден!» — «Берег, берег виден!» — перебежало из уст в уста, и все лица сияли от удовольствия. Взяли курс параллельно южному берегу Вандименовой Земли (Тасмании) и рано утром 27-го числа увидели берега Новой Голландии¹. Это было как раз в день Св. Пасхи.

Температура быстро изменилась. Барометр поднялся, небо прояснилось, и все высыпали наверх, куда незадолго перед этим никто без крайней надобности не показывался. Продолжительная сырость и холода надоели путешественникам, расстроили их нервы, а теперь они чувствовали прилив бодрости, выносили наверх платье, книги, инструменты; все чистили и просушивали.

Море, как нарочно, дразнило путешественников, стремившихся поскорей с ним расстаться и ступить на твердую землю. В течение двух дней противные ветры угоняли судно от берегов, и только 29-го числа оно могло войти в порт Жаксон, где Беллинсгаузен надеялся встретить шлюп «Мирный». Оказалось, что он еще не приходил, а так как путь «Мирного» был короче и шел вне линии льдов, то отсутствие его сильно обеспокоило начальника экспедиции.

Зеленеющие берега залива, обросшие лесом, красивые долины с разбросанными по ним дачами и фермами после продолжительного однообразного путешествия между морем, покрытым льдами, и небом, затянутым тучами, показались морякам восхитительными. Тридцатого марта в одиннадцать часов утра против города Сиднея «Восток» бросил якорь, пробыв 131 день под парусами, со времени выхода из Рио-де-Жанейро.

¹ Материк Австралии.

Во все время плавания весь экипаж находился в полном здравии, только под конец заболели цингой два матроса и несколько свиней и баранов. У последних посинели и распухли десны, и они не могли, по прибытии в порт Жаксон, жевать свежую траву.

Глава II

Австралия. Новая Зеландия. Остров Опаро

Около полудня на грязной лодке прибыло на судно семейство туземцев с северного берега. Они объяснялись на ломаном английском языке и кланялись очень низко, кривляясь и делая гримасы. Костюм их состоял из смеси национальной наготы с европейскими лохмотьями. Глава семьи носил брюки английского матроса, на лбу — повязку из красных шнурков, а на шее — медную, в форме полумесяца бляху с надписью: «Бонгари, вождь брокенбайского племени». Этот субъект держал себя важно и, указывая на своих товарищей, говорил: «мой народ», а на берег — «мой берег». С ним приехала его жена, по имени Маторра, закутанная в английское байковое одеяло. Голова ее была украшена зубами кенгуру. Эту пару, сопровождавших ее сына, дочь и их товарищей Беллинсгаузен велел угостить грогом и сухарями. Видя такую щедрость, посетители стали выпрашивать себе табак, старого платя, денег, но Беллинсгаузен объявил им, что все это они получат тогда, когда будут доставлять рыбу, птиц, кенгуру и других животных, на что они отвечали: «Есть, есть!»

Приведя все в порядок, Беллинсгаузен с офицером Демидовым поехал на берег к начальнику порта Пайперу, и с ним вместе все пошли к дому губернатора, генерала Маквария. Губернатор принял русского капитана очень любезно и обещал оказывать всяческое содействие.

На другой же день приступили к устройству на берегу обсерватории, около которой поставили еще две палатки: одну для караульных, другую для бани. Последняя показалась матросам настоящим раем; она же служила и прачечной.

Первого апреля губернатор и вице-губернатор отдали визит Беллинсгаузену и встречены были по морскому уставу. Вышедший во фронт караул при офицере отдал честь, барабанщик бил дробь. При отъезде повторилось то же самое. По отдании чести матросы разбежались во фронт по реям, откуда по команде прокричали три раза «ура!», а когда отвалил губернаторский катер, раздались семь пушечных выстрелов.

Седьмого апреля командир «Востока» со всеми офицерами был приглашен к губернатору. После завтрака губернатор предложил гостям осмотреть новопостроенный маяк. Офицеры поехали на катере морем, губернатор и Беллинсгаузен в карете берегом. Минут через пятьдесят езды по хорошей дороге приехали к маяку, с которого Беллинсгаузен имел удовольствие видеть входящий в залив шлюп «Мирный».

Маяк построен на высоком берегу; от поверхности моря до вершины его 427 футов. Верхняя часть, в которой находятся лампы с ревербераторами, постоянно вращается, что дает возможность мореплавателям не смешивать свет маяка с береговыми огнями, которые беспрестанно разводят туземцы.

Возвратившись на свое судно, офицеры поздоровались с товарищами, приехавшими со шлюпа «Мирный», и с удовольствием узнали, что на обоих судах все благополучно.

По расчету Беллинсгаузена, экспедиции приходилось простоять у берегов Австралии не менее месяца: нужно было починить суда и запастись провизией. В это время моряки имели возможность познакомиться с краем и его жителями, чему много способствовал приветливый и гостеприимный губернатор Макварий.

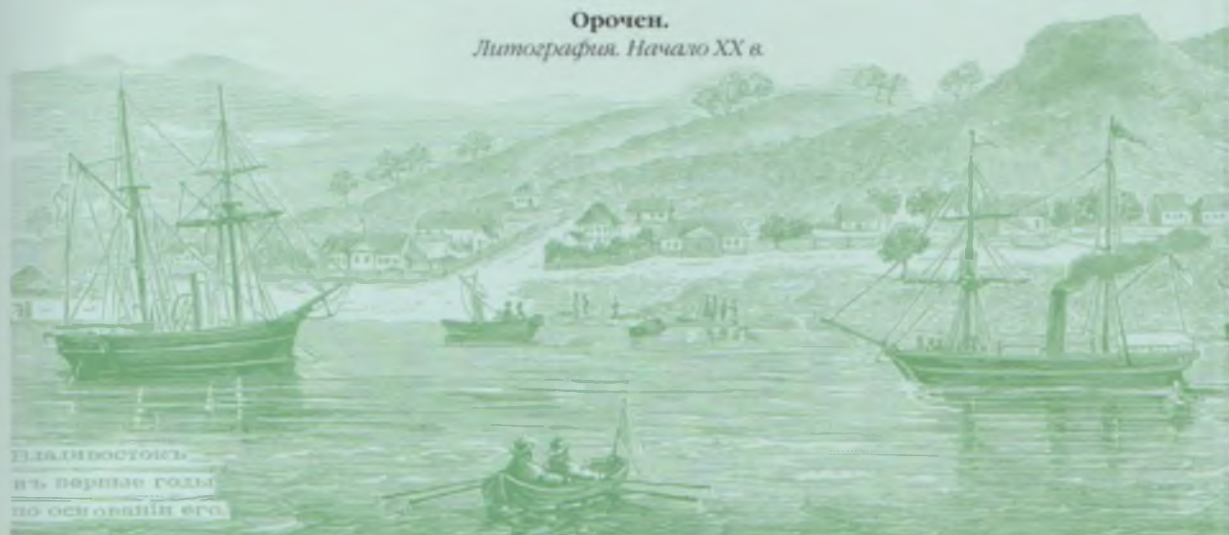
Шестнадцатого апреля г. Макварий пригласил двух командиров и лейтенанта Завадовского проехать с ним в город Парамату, отстоящий от Сиднея на пятнадцать миль.

Дорога была прекрасная; ехали лесом, где губернатор показывал своим гостям следы прежних ужасных дорог, причем сообщал, что ему удалось привести в порядок почти все пути сообщения в колониях, что значительно оживило торговлю и промышленность. Благодаря хорошим дорогам, фермеры имеют возможность привозить свои продукты в Сидней, где всегда находят для них сбыт.

Хорошенький городок Парамата лежит на реке того же названия. Улицы прямые, чистые,

Орочен.
Литография. Начало XX в.

**Камчатльская
собачья почта.**

Гравюра И. Ламитина
по рисунку Е. Корнеева.
1813 г.

Прибрежье Великого океана.

домики утопают в зелени. В конце города — губернаторская дача, где в течение трех дней морякам оказано было самое радушное гостеприимство. Вокруг губернаторского дома, у подножия лесистого холма, разбиты сады, английский и фруктовый, с разнообразными породами деревьев. Прогуливаясь по извилистым дорожкам и любясь роскошной растительностью, путешественники изнемогали от жары и невольно вздыхали по милому северу.

Известно, что туристы — добровольные мученики, да иначе им и нельзя. Если они, подобно местным жителям, будут сидеть днем в комнатах за спущенными жалюзи, то ничего не увидят и не обогатят свой ум познаниями.

Несмотря на палящий зной, путешественники успели осмотреть факторию, в которой женщины ткут сукна, и училище для детей туземцев. Все было в прекрасном состоянии. На реке Парамате любовались плотинной, препятствующей, при приливе, морской воде смешиваться с речной, которую пьют обыватели. Везде приходилось слышать похвалы губернатору за его энергию, распорядительность и человеколюбие.

На следующее утро, после завтрака, гостей ожидали верховые лошади. При утренней прохладе прогулка была очень приятна. Путешественники ехали по прекрасной дороге среди возделанных полей, благоухающих лесов, где с дерева на дерево, пересекая дорогу, перелетали белые какаду, порхали красные лори, а красивые синегорские попугаи попарно сидели на ветках. Проехав семь миль, губернатор, заметя усталость не привыкших к верховой езде моряков, предложил вернуться.

Двенадцатого числа путешественники распростились с губернатором и, поблагодарив его за гостеприимство, вернулись на шлюпы.

Ежедневно ездили они на северный берег, где была обсерватория, и, прогуливаясь по окрест-

Австралийцы.

Со старинной гравюры

ным местам, знакомились с туземцами; иногда заходили к Бонгари, расположившемуся со своим семейством в соседнем лесу.

Губернатор Макварий, стараясь всеми мерами приучить туземцев к оседлости, подарил Бонгари хорошенький домик с садом, узаконил его титул начальника и повесил ему на шею бляху. Но ни удобства жилища, ни почет не могли удержать дикаря на месте; скитание по лесу и жизнь в полупрозрачном шалаше он предпочел всем прелестям оседлой жизни.

Природные австралийцы роста среднего, ху-

Новозеландский лен

дощавы; особенно сухи у них руки и ноги; голова несоразмерно велика, цвет тела несколько светлее, чем у негров, волосы курчавые, носы широкие, книзу загнутые, рот большой и губы толстые. У многих отрезаны мизинцы на левой руке. На вопрос, откуда происходит этот странный обычай, туземцы отвечали, что мизинец мешает им наматывать уд, и потому его в детстве отрезают. Тело их в иных местах татуировано красной краской; по лицу и телу проходят белые полосы; в носовой хрящ продета палочка. Оружие у туземцев первобытное: щит, копье и трезубец для битвы рыбы. В этом они сильно отстали от прочих островитян Южного моря.

Питаются туземцы преимущественно рыбой, которую жарят и едят со всеми внутренностями; кроме того, употребляют в пищу раков, ракушки, разных животных, птиц, змей — словом, все, что попадется под руку.

К окончанию работ на шлюпах поправились и больные матросы. Свиньи и бараны также выздоровели; опухоли на ногах у них прошли, и они сделались так резвы, что приходилось держать их на привязи, чтоб не убежали в лес.

Восьмого мая суда снялись с якоря и вышли из залива. Беллинсгаузен вознамерился идти севернее Новой Зеландии к острову Опаро, открытому Ванкувером, располагая проплыть между «сердитым морем» и «опасным архипела-

гом», найденным Бугенвилем¹. Так как подобные названия, неприятные для слуха мореплавателей, отпугивают их от этих мест, то Беллинсгаузен рассчитывал найти здесь что-нибудь новенькое, в виде неисследованных островов или мелей.

Рано утром 24-го числа суда находились в виду новозеландского берега. Хотя величественную гору Эгмонт можно было легко рассмотреть, но вершина ее была покрыта облаками, ниже которых лежал снег. Отлогий берег у подножия южного исполина порос лесом и кустарником. Утренний туман расстился в долинах; по местам виднелся дымок, признак существования человека.

Три дня шлюпы лавировали вдоль берега; 26-го числа гора Эгмонт совершенно очистилась от облаков, и моряки уви-

дели серебристую ее главу. Прилетели на «Восток» два великолепных зеленых попугая, которые потом перелетели на шлюп «Мирный». Полетав на шлюпах, попугаи не дались никому в руки и возвратились на берег.

Двадцать восьмого установился благоприятный ветер, и суда бросили якорь. Вскоре от берега отделились две лодки, украшенные на носу резбой темно-красного цвета. В одной лодке насчитывалось 23 человека, в другой — 16. Когда лодки подошли поближе, моряки увидели, что резба была сделана довольно искусно. Она изображала человеческую голову с высунутым языком и глазами из зеленой раковины.

В нескольких саженьях от шлюпа лодки остановились. Один человек встал и начал говорить что-то вроде речи, размахивая руками. Но так как никто его слов не понимал, то Беллинсгаузен ответил общепонятной пантомимой: распустив белый платок, он стал манить приезжих к себе. Посоветовавшись друг с другом, островитяне пристали к судну. Командир подозвал старика, говорившего речь, и, заметив, что он дрожит от страха, обласкал его и подарил ему бисера, зеркало и ножик. Потом он объяснил, что желает получить рыбы, назвав это слово на новозеландском языке «гийка». Старик тотчас понял и видимо обрадовался. Смеясь, он говорил товарищам «гийка», и они со смехом повторяли: «гийка, гийка», выказывая знаками готовность доставить желаемое.

¹ Бугенвиль Луи Антуан — французский мореплаватель (1729—1811).

На приезжих была короткая из новозеландского льна рубашка, застегнутая на груди базальтом и подпоясанная веревкой; на плечах — кусок ткани наподобие плаща. Лица испещрены правильными фигурами темно-синего цвета.

Зная коварный нрав дикарей, командир приказал матросам, стоящим на вахте, постоянно иметь при себе заряженные ружья. Место стоянки оказалось неудобным, и на следующий день оба судна перешли за остров Мотуар и стали на якорь в заливе Королевы Шарлотты (в проливе Кука). Приехали вчерашние туземцы и привезли семь пудов рыбы, за которую получили бисер, гвозди, зеркальца и тому подобные мелочи.

Старик, бывший, очевидно, начальником, принят был командиром «Востока» с большим радушием. Оба начальника поздоровались по новозеландской моде, обнявшись и потершись носами. Затем старика пригласили в каюту к офицерскому столу. Он всю сервировку перебирал руками и с удивлением рассматривал, но есть не принимался, пока другие не показали примера; тогда осторожно и очень неловко начал он класть вилкой кушанье в рот. Вино пил неохотно. Во время обеда Беллинсгаузен и его гость обменивались уверениями дружбы, отчасти посредством знаков, отчасти используя несколько знакомых командиру новозеландских слов. Как вещественное доказательство дружбы Беллинсгаузен подарил старику полированный прекрасный топор, которому старик так обрадовался, что не усидел за столом, выбежал на палубу и, показывая топор землякам, восклицал: «Токи! Токи!» — порывисто обнимая командира.

Прочих зеландцев угощали на шканцах сухарями, маслом, кашей и ромом. Они ели охотно, но пили мало, что служило лучшим доказательством редкого посещения этих стран европейцами.

После обеда дикари сели в два ряда друг против друга и начали петь довольно мелодично и согласно. Один запевал, другие подхватывали, оканчивая громко и обрывисто. Несколько раз повторялось то же самое, и все вместе очень напоминало наше крестьянское пение.

Пробыв на шлюпе довольно долго, зеландцы уехали, усердно приглашая моряков посетить их.

Вечером Беллинсгаузен приказал выстрелить из нескольких пушек и пустить ракеты, чтобы уведомить жителей других островов о прибытии кораблей.

На следующий день опять приезжали туземцы на «Мирный» и на «Восток» и добровольно помогали в судовых работах; когда, вытягивая веревки, они от напряжения падали, то громко смеялись. После обеда, которым их угостили, они принялись плясать, причем громко пели, топали ногами и махали руками. Лица искажа-

ли и глаза так закатывали под лоб, что неприятно было смотреть. По-видимому, это была воинственная пляска.

В этот день офицеры с командиром ездили на берег, чтоб отыскать пресную воду. Нашли быструю речку, текущую с гор через девственный лес, в который пробраться без топоров не было никакой возможности. Лианы толщиной в руку обвивались вокруг могучих деревьев; достигнув вершины, они спускались вниз и, врастая в землю, снова поднимались, перекидывались с дерева на дерево, образуя таким образом непрерывную сеть. Птицы, во множестве населяющие леса, услаждали слух путешественников своим пением, которое было много музыкальнее пения туземцев. Оставшийся на судне Завадовский рассказывал, что он хотел купить у приезжавшего зеландца орудие вроде лопатки из зеленого базальта, но дикарь потребовал за эту вещь не более и не менее как офицерскую шинель, и, разумеется, торг не состоялся.

Путру 31 мая Беллинсгаузен, Лазарев и несколько офицеров с обоих шлюпов поехали на берег и остановились у одного селения, огороженного от моря высоким частоколом. Сначала жители разбежались, но любопытство превозмогло страх, и мало-помалу они стали сходитьсь, сперва мужчины, а потом и женщины. Обласкав и одарив начальника и его семью, моряки поехали далее к своему знакомцу, старику. Обнялись, потерлись носами и пошли осматривать селение. Между жилищами, разбросанными неправильно, вилась речка, берега которой были вымощены булыжником. Внешне дома туземцев напоминали нукагивские, но внутри они были отделаны старательнее. Везде виднелись излюбленные туземцами резные фигуры, выкрашенные в красный цвет. В доме начальника по стенам, обтянутым циновками, висело туземное оружие и множество резных человеческих изображений. Моряки полагали, что это новозеландские божки, но проверить это предположение им не удалось. В лесу, на толстом дереве, на высоте 20 футов от земли видели они шалаш, под которым развешана была шкура альбатроса и пучки перьев, связанные наподобие султанов. Вероятно, это была могила какого-нибудь местного вождя или святого.

При прощании старик велел принести жезл, вырезанный в виде алебарды и украшенный глазами рака. Принимая подаваемый ему жезл, Беллинсгаузен вообразил, что старик его дарит, и велел было матросу отнести подарок на судно; но старик закричал благим матом и уцепился за жезл. Тогда командир понял, что он желает продать эту вещь, и дал ему два аршина красного сукна. Старик очень обрадовался и с торжест-

вом показывал землякам свое приобретение.

Возвращаясь на шлюпы, моряки проходили мимо обработанных участков и видели большие корзины, наполненные только что вырытым картофелем. Они взяли несколько клубней и нашли, что они очень вкусны. Далее набрали столько дикой капусты и сельдерея, что их хватило на щи для офицеров и всей команды.

На следующий день Лазарев и Завадовский, съехав на берег, попробовали было погулять по лесу, но за невозможностью в него пробраться должны были повернуть обратно. Птицы, не пуганные человеком, пролетали так близко, что крыльями задевали гуляющих. Поймали небольшую черную птичку с проседью на шее и двумя курчавыми перышками на груди. Она высвистывала, как наш соловей.

Первого июня офицер, ездивший на берег за водой, был на обратном пути застигнут бурей; баркас залило водой, и офицер должен был выбросить за борт пятнадцать бочек. Буря продолжалась двое суток при порывистом ветре, громе и молнии. Раскаты грома, повторяемые эхом, были ужасны. Когда буря миновала, люди поехали искать выброшенные бочки. Туземцы успели уже изловить некоторые из них и занимались снятием обруча; при первом же требовании они беспрекословно отдали бочки матросам.

Во время недельной стоянки шлюпов в заливе Королевы Шарлотты не проходило дня, чтобы туземцы не привозили разных предметов для мены. Искусство их в резьбе дерева и камня поражало путешественников тем более, что почти вся работа производилась крайне несовершенными орудиями. Неудивительно, что дикари дорожили каждым гвоздем и давали за него прехорошенькие вещи.

Старый начальник почти ежедневно обедал у Беллинсгаузена. Однажды последний спросил его, ест ли он человеческое мясо, и получил в ответ, что очень охотно. Таким образом подтвердились показания многих мореплавателей, что новозеландцы — людоеды. В конце XVIII столетия английский моряк Рове с судна «Адвенчур», съехав с десятью матросами на берег, за что-то поссорился с туземцами и был ими съеден. Товарищи, не дождавшись возвращения отправившихся на берег, послали другую шлюпку, и посланные нашли на берегу только плаги, головы и кости товарищей. То же самое незадолго до этого случилось с французами.

Четвертого июня шлюпы были совсем готовы к отплытию. Зеландцы, приехавшие проститься, выражали непритворную горечь. Старик все обнимал Беллинсгаузена и печально приговаривал «э-э-э». Один молодой островитянин хотел непременно, чтобы русские взяли его с собой, но земляки принялись упрашивать его остаться, и он уступил их просьбам.

С 4-го по 29 июня шлюпы находились под пару-

сами и нигде не останавливались. Офицеры развлекали себя чтением, наблюдениями; матросы в свободное от занятий время пели песни, играли, забавлялись русской, казацкой и цыганской плясками; иные танцевали даже кадрили. Командир поощрял эти увеселения, находя, что веселость и бодрость духа самые лучшие пособники здоровья.

На пути от Новой Зеландии к островам Товарищества лежит остров Опаро, открытый Ванкувером в 1791 году. 29 июня «Восток» и «Мирный» находились в виду его берегов, откуда тотчас же приплыли лодки с туземцами. Беллинсгаузен поманил дикарей, показав некоторые вещи, и они решились войти на шлюп. Пока командир здоровался со старшиной прикосновением носа, его свита старалась что-нибудь стащить. Один дикарь схватил спинку стула и бросился с ней в воду, но часовой прицелился в него из ружья, и он возвратил украденное. Когда со шлюпа «Мирный» выпалили из пушки, островитяне бросились за борт прямо в море.

На следующий день суда подошли ближе к берегу и туземцы приехали опять. Хотя накануне и было заказано им привезти живности, но они привезли только немного раков и таро. Дикари с любопытством осматривали все предметы и удивлялись величине судна. Один мерил маховыми саженьями длину шлюпа по верхней палубе, ложась каждый раз на палубу и раскидывая руки.

Уезжая, туземцы не сходили по трапу, а прямо бросались в воду, что делали, впрочем, почти все дикари ранее посещенных земель. Побывав на шлюпе «Восток» и получив подарки, они плыли на шлюп «Мирный» и знаками показывали, что ничего не получили. Попользовавшись на «Мирном», они проделывали те же штуки, возвращаясь на «Восток».

По честности опарцы далеко уступали другим островитянам; они постоянно норовили стащить что-нибудь. На «Мирном» разыгралась забавная сцена. Улучив минуту, когда матросы были заняты, опарец схватил один корабельный инструмент и бросился с ним в воду. За ним бросились и остальные, кроме старика старшины. Заметив пропажу, Лазарев велел задержать старика и знаками объяснил дикарям, что он не выпустит начальника до тех пор, пока не будет возвращена вещь. Указанную матросами лодку подозвали поближе, и старик, переговорив с гребцами, объявил Лазареву, что на лодке нет ничего украденного. Но так как Лазарев продолжал угрожать, то обвиняемые принялись шарить в лодке, вытаскивая то поломанную корзину, то куски камыша; потом, подняв руки и раскрыв ладони, показывали, что в лодке ничего нет. Тогда Лазарев велел матросам прицелиться. Дикари громко закричали; один из них выгнал украденный инструмент и, подъехав к шлюпу, возвратил его.

Продолжая путь к востоку, Беллинсгаузен ис-

следовал положение нескольких островов, неправильно нанесенных на карту, и сделал соответственные поправки.

Время стояло прекрасное, экипаж наслаждался чудными тропическими вечерами. Ночи были ясные, довольно часто пролетали метеоры.

Пятого июля открылся остров, который по наружному виду напоминал остров Принца Генриха или Кумберланда, но по широте и долготе не соответствовал им. Беллинсгаузен назвал остров этот именем адмирала Моллера.

Жители острова, по-видимому, никогда не видели иностранцев и боялись их. Когда офицеры на двух гребных судах направились к берегу, человек до шестидесяти мужчин, вооруженных пиками и деревянными лопатками, столпившись на берегу, кричали и угрожали приезжим. Эти люди были медно-красного цвета; некоторые — с бородами. Поодаль от них стояли женщины, тоже вооруженные пиками и дубинами. Путешественники, стараясь ободрить дикарей, бросали им подарки; дикари подарки брали, но неприязненных действий не прекращали. Беллинсгаузен велел выстрелить из ружей холостым зарядом. Туземцы присели, иные убежали. При втором выстреле они опять присели и стали со смехом мочить себя водой. Заметив ружейный огонь, они, вероятно, вообразили, что пришельцы хотят их обжечь, и, видя, что это им не удастся, смеялись. Конечно, дробью можно было бы их всех разогнать, но Беллинсгаузен не счел нужным прибегать к этому средству и предпочел уйти от негостеприимного острова.

Глава III

Остров Отаити¹. Его природа и жители

Плавание от Новой Зеландии к острову Отаити было чрезвычайно результативным. Беллинсгаузен открыл и описал целый архипелаг островов, из которых только немногие были известны Куку. Открытые острова он назвал именами известных русских деятелей: графа Аракчеева, князя Волконского, генерала Ермолова, графа Милорадовича, Голенищева-Кутузова, Остен-Сакена, адмиралов Чичагова, Крузенштерна и Грейга. Некоторые из этих островов были обитаемы, на иных виднелись кучки людей, прибывших на промыслы; самые меньшие были совершенно пустынные. Не на всех островах туземцы встречали мореплавателей одинаково. Иные выказывали прямо враждебные намерения, и по дикости их видно было, что они никогда не видели иностранцев. Другие, напротив, смело являлись на суда и привозили предметы для мены. Такие всегда получали подарки. Одного дикаря одели в красный гусарский мундир и на шею повесили медаль. Радости его не было конца; он скакал и прыгал, как ребенок. С одного острова приехала целая флотилия с людьми, вооруженными пиками, алебардами и арканами. Они, очевидно, хотели сделать нападение. Но пущенные с судов несколько ракет, рассыпавшихся в воздухе, страшно перепугали дикарей, и они поспешили удалиться.

Иногда офицеры съезжали на берег, преимущественно на острова необитаемые. Каждый раз в таких случаях Беллинсгаузен жалел, что натуралисты отказались от поездки тогда, когда уже было поздно искать других. Никакие ученые сочинения не могли заменить им тот материал, которым бы они воспользовались на практике.

Но и не будучи натуралистом нельзя было не интересоваться окружающей природой. Офицеры собирали кораллы, раковины, плоды, по большей части им неизвестные, стреляли птиц и ловили их живьем. Однажды застрелили крошечного попугая, величиной с воробья, у которого перья были прекрасного синего цвета, ноги и клюв красные, как сафьян. На одном из островов напали на дичь совершенно неожиданную: нашли четырех мальчиков и привезли их с собой.

С помощью знаков и нескольких общеупотребительных в Южном океане слов удалось узнать от старшего мальчика, что их племя, воюя с соседями, все перебито и съедено и что им четверым удалось спрятаться в кустах и остаться на острове. Благодаря обилию плодов хлебного дерева и кокосов, новые Робинзоны не голодали; с ними были чашки из кокосовых орехов и удочки.

¹ На нынешних картах — Таити.

Мальчиков вымыли, остригли и одели в куртки и штаны из полосатого тика. Они были очень довольны, только башмаки их стесняли, и они предпочитали ходить босиком.

Все вышеупомянутые острова кораллового образования. Так как большинство из них открыто и описано русскими мореплавателями, то Беллинсгаузен счел себя в полном праве назвать этот архипелаг островами Россиян.

Вечером 21 июля моряки увидели очертания острова Отаити. Ночь была темная; густые черные облака висели на вершинах гор; у взморья сверкали огни. Волны, отливая фосфорическим светом, перекатывались по черному морю. В разных направлениях появлялись и исчезали огненные струи от проплывающих рыб. Картина была очаровательная.

С восходом солнца открылась еще более великолепная панорама. Высокие горы, покрытые лесами, глубокие ущелья, крутые скалы, зеленеющие равнины с кокосовыми, банановыми и хлебными деревьями, опрятные домики жителей, желтеющее взморье, струящиеся с гор ручейки, плывущие лодки,двигающиеся по берегу туземцы — все вместе приятно ласкало взор и заставляло с удовольствием думать о ближайшем знакомстве с островом, жителей которого так расхваливал Кук.

Вскоре к шлюпу прибыл ялик европейской конструкции. Из него вышел человек высокого роста, весь окутанный белым коленкором. Волосы его были спереди коротко острижены, а сзади завиты в один большой локон. Он привез от отаитского короля Помари письмо на английском языке, в котором король приветствовал начальника экспедиции и послал ему лоцманов, чтобы проводить суда в гавань. Высокий человек и был один из лоцманов.

Лоцманы поместились на шлюп и, минуя мыс Венеры и коралловый риф, служащий прекрасным ограждением от моря, ввели суда в Матавайский залив. На этом самом месте в 1767 году капи-

Остров Таити

тан Валлис имел сражение с островитянами, а два года спустя капитан Кук и сэр Джозеф Банкс были очень дружелюбно приняты теми же туземцами.

Наслаждение, которое испытывали мореплаватели, остановившись в роскошной местности после продолжительных странствований между небом и землей, не поддается описанию. Только тот, кто испытал это чувство, может их понять.

Суда стояли в прекрасной гавани и так близко к берегу, что экипаж свободно мог любоваться очаровательным пейзажем. Не успели еще моряки убрать паруса, как отаитяне на лодках, нагруженных плодами, окружили шлюпы со всех сто-

рон. Наперебой предлагали они апельсины, лимоны, кокосовые орехи, ананасы, бананы, кур и яйца. Приятные лица и деликатные вежливые приемы туземцев сразу расположили к ним путешественников. Командир приказал брать все, что привозилось; плоды лежали на палубе целыми грудками, и матросы ели их до отвала.

С туземцами приехали два матроса-европейца, поселившихся на острове. Один из них, американец Вильямс, долго служил в Российско-Американской компании и порядочно выучился говорить по-русски. Побывав с американским судном на Нукагиве, он женился на нукагивке и привез ее на Отаити. Король Помари ласково принял его, отдал ему место для постройки дома, и Вильямс блаженствовал. Беллинсгаузен взял его на «Восток» переводчиком. Другой матрос, англичанин, поступил переводчиком на шлюп «Мирный». Оба матроса сообщили, что жители острова миролюбивы, благонравны и все приняли христианскую веру.

Подходя к острову, моряки на всякий случай привели суда в боевое состояние: зарядили пушки и ружья, усилили караул, чтобы никто из туземцев не смел взойти на судно без разрешения. Вскоре убедились они, что предосторожности эти излишни, и туземцы получили разрешение являться на суда во всякое время и разгуливать по ним совершенно свободно. Нередко с мужьями приезжали и жены.

«Король едет! Король едет!» — раздалось на шлюпе около полудня. Все бросились к борту.

Медленно подплывала лодка, на носу которой на возвышенном помосте сидел король. На корме, под навесом вроде кибитки, помещалась королева, ее десятилетняя дочь, сестра и несколько красивых женщин. На короле была коленкоровая рубаша, а поверх нее — белая полоса вроде епитрахили с прорезом для головы. Низ тела обернут коленкором до пят. Волосы спереди острижены, а сзади завиты в большой локон. Выразительное смуглое лицо, огненные глаза с густыми нависшими бровями, толстые губы, прикрытые черными усами, и колоссальный рост придавали ему истинно величественный вид.

Королева Тире-Вагине, молодая женщина очень приятной наружности, одета была почти так же, как и король; только волосы ее были совсем острижены и прикрыты навесом из свежих кокосовых листьев наподобие зонтика, употребляемого у нас для больных глазами. Немного ранее короля приехал г. Нот, английский миссионер, безотлучно живший на острове с 1797 года и учивший жителей правилам христианской веры. Он отлично знал отаитский язык, и Беллинсгаузен попросил его быть переводчиком во время беседы с королем.

Взойдя на судно, король протянул командиру руку и встал у трапа, по которому поднималось его семейство. На сестре королевы был туземный костюм, а на дочери европейское ситцевое платье. Свита королевы состояла из нескольких

Сцена из таитянской жизни.

Гравюра XVIII в.

красивых девушек, закутанных в белые и желтые ткани с узорами. Беллинсгаузен пригласил короля и его семейство в каюту, но сестра отказалась и осталась на палубе нянчить королевского наследника.

За обедом гости сидели по чинам: на первом месте — Помари, по правую его руку — королева, Нот и Лазарев; по левую — королевская дочь и Беллинсгаузен. Гости ели и пили исправно, причем король чокался, приговаривая: «Рушень (то есть «за русских»), Александр!» Однажды он упомянул имя Наполеона, давая этим понять, что ему не чужды европейские дела.

Отобедав, он спросил сигару, курил и пил кофе. Заметив, что художник втихомолку срисовывает его, он взял портрет командира и выразил желание быть срисованным с этим портретом. Тогда Беллинсгаузен предложил ему предмет более подходящий — серебряную медаль с изображением императора, — и Помари остался очень доволен.

Командир повел короля на палубу, показал ему все устройство и велел салютовать ему пятнадцатым выстрелами, что, видимо, королю очень польстило.

В пять часов прибыла лодка с королевскими подарками. Тут были четыре свиньи, множество кокосовых орехов, толченые ядра этих орехов, завернутые в банановые листья, хлебные плоды, сырые и печеные, коренья таро, бананы, яблоки и немного сахарного тростника. Не имея в течение долгого времени ничего свежего, кроме тощих, безобразных куриц, выщипавших друг у друга хвосты, моряки вдруг окунулись в изобилие. К массе вымеченных продуктов прибавились еще щедрые подарки от короля. Матросы были в восторге и находили, что лучше отаитян нет народа на свете. Они братались с ними, приговаривая «Юрана, Юрана!», что на местном языке означает приветствие.

В шесть часов вечера король отправил королеву со свитой на берег, а сам остался. Когда он пожелал возвратиться, его ожидал уже катер под управлением мичмана Демидова. Во все время пути на катере жгли фальшфейеры, а со шлюпа пускали ракеты. Король был в восхищении, и когда катер пристал к берегу у самого его дворца, он выслал офицера и гребцам в подарок по четыре сажени материи, сделанной из коры хлебного дерева.

На следующее утро, в восемь часов, Беллинсгаузен и Лазарев поехали отдать визит королю и Ноту. Последнего они застали дома и познакомились с его женой. Оба супруга чувствовали себя очень хорошо на Отаити и не желали возвратиться на родину. В сопровождении Нота моряки отправились к королю. Короля застали на дворе за завтраком в кругу семейства. Все сидели кружком на матах и ели пороссячье мясо, обмакивая его в морскую воду, стоявшую в полированных кокосовых чашечках. Мясо передавали друг другу

и ели с большим удовольствием, обсасывая пальцы. Вместо питья употребляли воду из кокосовых орехов, искусно отрубая топориком головки.

Король, пожав гостям руки, сказал: «Юрана». По его приказанию принесли низкие скамейки и подали свежей кокосовой воды. Этот напиток, прохладительный и вкусный, путешественники пили с удовольствием. Из-за низкого забора, окружавшего королевское жилище, выглядывало множество мужчин и женщин. Последние перешептывались между собой и смеялись. После завтрака король вымыл руки и пригласил Беллинсгаузена следовать за ним. Он повел его в маленький домик, разгороженный надвое. В одной половине была опочивальня, в другой — кабинет. Здесь на полках лежали английские книги, карты, тетради, в которых Помари делал геометрические чертежи, изучая геометрию по английским книгам.

Простившись с королем, моряки в сопровождении Нота пошли по извилистой тропинке в тени лимонной и апельсиновой рощи гулять по острову, заходили в жилища туземцев, где, кроме низких скамеек и большой кровати по европейскому образцу, никакой мебели не было. Посетили церковь, внешне похожую на туземные жилища, а внутри на реформатскую молельню. От церкви пошли на взморье к дому королевского секретаря Паофая, которого не застали дома. Жена его сидела на посланных матах и кормила ребенка; ее окружали подруги, одетые очень опрятно; у всех за ушами были заткнуты цветы. Хозяйка показала гостям внутреннее устройство жилища, расположение которого что у короля, что у последнего простолюдина почти одинаково. В спальне около кровати стояла шкатулка, которую хозяйка по желанию гостей открыла и показала находившуюся в ней книгу, куда Паофай записывал все замечательные события на Отаити, собирая таким образом драгоценный материал для будущей истории острова. На прощание Беллинсгаузен подарил женщинам сережки, чем они остались очень довольны.

В обратный путь пошли кратчайшей дорогой и встретили речку, через которую переправились на спинах туземцев. Отдохнув в доме Нота и освежившись кокосовой водой, пошли на мыс Венеры, где астроном «Востока» Симонов делал наблюдения и проверял хронометры. На этом же самом месте, 51 год тому назад, Кук наблюдал прохождение Венеры и с большой точностью определил долготу этого мыса.

Вернувшись на катер, моряки снова принимали короля и его семейство. Командир представил королю мальчиков, привезенных с острова Анны; король расспрашивал их и смеялся, когда они с ужасом рассказывали, как неприятели поедали их земляков. Заметив, что мальчики жела-

ют остаться на Отаити, Беллинсгаузен передал их Паофаю и его брату, военному начальнику, заручившись их обещанием принять в этих делах участие. Мальчики нашли на Отаити своих земляков и очень им обрадовались. Старший мальчик привел одного из них к Беллинсгаузену и в доказательство принадлежности его к тому же племени показал татуированные знаки, которые у каждого племени имеют свои особенности.

Чтоб занять гостей, командир приказал, когда стемнело, пускать ракеты. Помари восклицаниями изъявлял удовольствие, но при взлете каждой ракеты прятался за чью-нибудь спину. Все разъехались очень довольные и при прощании повторяли: «Юрана! Юрана!»

На следующий день оба командира и Нот, гуляя по острову, зашли в королевскую церковь, большую, чем та, которую они раньше видели. Эта церковь, как же как и другие отаитские дома, построена без железа. Все крепления сделаны из кокосовых веревок, покрашенных в яркие цвета. Внутренность здания драпирована разноцветными тканями; все вместе — чрезвычайно оригинально и красиво.

От церкви пошли через рощу кокосовых и душистых деревьев хлебного плода и зашли навестить Менону, первого вельможу после короля. В открытом шалашике, на чистых рогожах, в одежде белой как снег, сидел старик весьма почтенной наружности. Бледное лицо, потухшие глаза и впалые щеки свидетельствовали о серьезной его болезни. Около него сидели его дети, девочка и мальчик, на которых он смотрел с большой нежностью. Нот рекомендовал ему моряков и сообщил, что по повелению российского императора Александра они путешествуют по Южному океану для обретения неизвестных стран. Менону спросил, не желают ли путешественники после прогулки подкрепиться пищей, и когда они отказались, он велел принести кокосовых орехов, чтоб они могли освежиться их соком. На прощание Беллинсгаузен сделал детям подарки, что видимо обрадовало старика. Он очень сердечно простился с путешественниками и просил посещать его.

Пока командиры были у Менону, Завадовский зашел к Паофаю, где застал всех домашних за рукоделием. Одни красили ткани, другие их чинили, подкладывая куски той же ткани, третьи приготавливали красную краску. Выжав сок из маленьких желтых ягод на древесный лист, все вместе мяли руками и в самое короткое время получали красную краску. Ткани склеивались крахмалом из ароута и потом расколачивались так искусно, что места спаев нигде не были заметны.

Наглыв туземцев на шлюпы начинался обыкновенно с раннего утра, и потому в воскресенье моряки очень удивились, не видя у себя гостей. Вильяме объяснил им, что все островитяне в церкви. Желая посмотреть на туземцев в сборе, офицеры поехали на берег и, высадившись, отправились в церковь. Когда они вошли, церковь была уже полна. Островитяне в своих праздничных белых и желтых одеждах, женщины с заткнутыми за уши цветами были очень эффектны. Увидев офицеров, королева подвинулась и дала место возле себя командиру. Все присутствующие слушали с вниманием поучение Нота, который говорил с большим чувством.

После службы офицеры посещали туземцев и, по обыкновению, одаривали их, но никто в этот день не принимал подарков. Такое воздержание было очень симпатично, особенно если принять во внимание, что честные отаитяне очень падки на подарки и ради них нередко прибегают к лести. Улучив минуту, когда они могут остаться наедине с кем-нибудь из офицеров, они тотчас же пускают в ход две заученные английские фразы: «You — my friend» и «Give me handkerchief»¹.

Попрошайничеством заражены все, от королевского семейства и сановников до последнего простолюдина включительно. Но это был почти единственный недостаток отаитян; они честны, добродушны и в высшей степени услужливы. Когда служители ездили на берег за водой, то туземцы от мала до велика наперерыв старались услужить им, и на этот раз безвозмездно, зная, что от бедняков матросов они многим поживиться не могут.

Независимо от разных безделиц, которые из любезности дарились королю в каждое его посещение, для него были припасены подарки более ценные: красное сукно, несколько байковых одеял, полотно, полосатый тик, пестрые платки, разные ситцы, зеркала, ножи, топоры, буравы и стеклянная посуда. Всякий раз король рассматривал эти вещи и просил прислать ему их, когда стемнеет, опасаясь, вероятно, попрошайничества со стороны своих сановников. Всего более Помари нуждался в белом миткале, так как его одежда состояла единственно из этой ткани. За неимением миткала Беллинсгаузен подарил ему несколько простынь, и Помари им обрадовался едва ли не более всего прочего.

Узнав, что суда уже готовы к отходу, Помари стал упрашивать командира остаться еще на несколько дней. Убедившись, что это невозможно, он выказал непритворное сожаление. В один из последних визитов он привез посылку государю императору: «Хотя в России есть много лучших вещей, — сказал он, — но этот большой мат — работа моих подданных, и потому я его посылаю».

¹ Вы мой друг, подарите мне платок (англ.).

Всех офицеров он одарил тканями, а Завадовскому, сверх того, положил в карман две жемчужины. Каждый, со своей стороны, старался отдарить короля.

По просьбе командира Помари прислал на шлюпы шесть свиней и множество плодов и корней. Апельсинов и лимонов набралось столько, что их насолдили по 10 бочек на каждый шлюп. Беллинсгаузен считал их прекрасным противоцинготным средством. Кроме того, люди ели их в свежем виде, сколько кому хотелось.

В день отъезда все начальники приехали проститься с командиром. Каждый подарил ему по куску ткани, получив взамен ситец, стеклянную посуду, чугунные котлы и т. п. Сверх того, командир дал чиновникам серебряные, а простым островитянам бронзовые медали, где на одной стороне был изображен император, а на другой — шлюпы. Хотя островитяне обещали хранить медали, но тут же выменивали их у матросов на платки.

Приехавшие с королевой молодые девушки пели псалмы и молитвы. По словам Нота, отаитцы сами пожелали оставить прежние песни, напомиравшие им языческие обряды.

Прощание с королем было очень сердечным. Помари долго жал руку Беллинсгаузену и просил не забывать его. Сойдя в лодку, он некоторое время стоял с опущенной головой и что-то шептал, вероятно, молитвы. Когда же лодка отвалила, он долго кивал головой и делал рукой приветственные знаки.

Многие островитяне желали ехать в Россию, но командир всем отказал, исполняя просьбу короля, который убедительно просил не увозить его подданных.

Остров Отаити состоит собственно из двух островов, соединенных узким перешейком. Он был открыт испанцем Квиросом в 1606 году. После того посещали его многие мореплаватели и давали ему разные названия. Только со времен Кука укрепились за ним туземное название Отаити.

О жителях можно сказать, что они не сеют, не жнут, не собирают в житницы, и Господь Бог питает их. Множество плодовых деревьев и питательных клубней растет по воле Божией без всякого старания со стороны человека.

На первом месте нужно поставить хлебное дерево, достигающее значительной вышины и толщины. Все в нем идет в дело: стволы — на постройку, смола для осмоления лодок, кора для выработки тканей. Плоды островитяне пекут

Хлебное дерево: а — цветок; б — плод

и питаются ими целый год. Срубленное дерево начинает вновь расти от корня и года через четыре опять приносит плоды.

Затем идет кокосовая пальма, дающая прохладительный напиток и ядро, которое едят в натуральном виде или толкут; из него же добывают масло; выжимками кормят кур и свиней. Отполированная кокосовая скорлупа употребляется вместо посуды; из волокон плетут веревки; из зеленых листьев делают шляпы в виде зонтиков, которые носят мужчины и женщины.

Яблоки отаитские очень вкусны, но только снаружи; внутри они тверды.

Из коры шелковицы туземцы готовят самые тонкие ткани.

Бананы дают очень вкусные плоды; вареные молодые отростки по вкусу нельзя отличить от спаржи. Толстые листья фаро употребляются для покрытия домов.

Из крепкого дерева айто туземцы делают пики, топоры, колотушки для разбивания коры на ткани.

Бамбу, род тростника, толщиной в диаметре от двух-трех дюймов, употребляется вместо бутылки для хранения кокосового масла.

На острове водится виноград и хлопчатник, но в небольшом количестве; фиговые, каштановые, лимонные и апельсиновые деревья разведены европейцами.

Из огородных овощей растут во множестве: ямс, таро, картофель, имбирь, ананасы, арбузы, тыквы, капуста, огурцы, перец и табак. Вообще растительность на острове так богата, что всех разновидностей перечислить нет возможности.

Климатические условия великолепны. Благодаря морю и высоким горам остров редко страдает от засухи.

Этот райский уголок не всегда, впрочем, славился таким благоустройством, какое стал на нем Беллинсгаузен. В 1809 году, вскоре после вступления на престол Помари, разгорелась между жителями островов междоусобная война. Миссионеры удалились на острова Гуагейн и Аймио; туда же переехал и король. Два года остров оставался от него независимым; когда он в 1811 году принял христианскую веру, соседние островитяне, также окрестившиеся, тотчас прислали ему подкрепление. Помари с союзниками напал на отаитян, но потерпел поражение и только в 1815 году, напав вторично, покорил остров. Эта окончательная битва продолжалась несколько дней. Когда наступило воскресенье, король остановился и попросил бывших с ним миссионеров совершить богослужение. Миссионеры предупредили его, что неприятели могут этой остановкой воспользоваться, чтоб на него напасть, но Помари оставался непреклонным. Во время богослужения действительно показались неприятели, но, увидев коленопреклоненное войско, остановились в недоумении. Окончив молитву, Помари вступил в бой и остался победителем. При этом он велел щадить побежденных. Такое неслыханное великодушие сильно поразило отаитян и было поводом к принятию ими христианской веры.

Когда все успокоилось, король собрал народ в новопостроенную церковь и после молитвы, взойдя на кафедру, стал объяснять необходимость законодательства для защиты жизни и собственности каждого. Выслушав внимательно мудрую речь короля, народ в знак согласия поднял вверх руки. Учрежден был совет из двенадцати сановников под председательством короля, выработано несколько простейших законов, и с тех пор отаитяне благоденствуют.

Миссионеры имеют благотворное влияние не только на нравственность островитян, но и на общее их развитие. Многие туземцы читают и пишут по составленной для них азбуке. Прежде на острове из корня ти выделявали ром, но, по внушению миссионеров, король запретил его делать, что немало способствовало улучшению нравственности.

Кратковременное пребывание шлюпов у Отаити принесло немалую пользу для науки. Географическое положение многих островов «опасного архипелага» было точно определено, что представляло значительные выгоды для будущих мореплавателей.

Благотворно отразилось оно и на здоровье тех матросов, у которых были признаки цинготной болезни. Синие пятна в три дня исчезли, и силы больных восстановились.

В шесть часов утра 27 июля суда снялись с якоря и стали удаляться от острова, окруженные лодками туземцев, провожавших своих гостей. Постепенно отставая, лодки одна за одной скрылись, и вечером только мелькавшие вдаль огоньки указывали положение гостеприимного острова. Наутро тишина и безмолвие напомнили путешественникам, что они снова удалены от человеческого общества. С удовольствием вспоминали они оживление последних дней, хотя сутолока и постоянный шум от посетителей в то время порядочно надоедали им.

Направляясь в порт Жаксон, Беллинсгаузен нарочно пошел между путями Кука и Лаперуза, чтобы исследовать эту местность.

Глава IV

Южный Ледовитый океан

Шестого августа показался довольно большой остров, и шлюпы легли в дрейф настолько близко от берега, что можно было рассмотреть туземцев, бегавших по берегу в природном одеянии, если не считать одеждой узкую повязку вокруг бедер. Все, даже женщины, были вооружены пиками. Увидев шлюпы, туземцы бросились в лодки, человек по шестьдесят в каждой, и принялись сильно грести. Изящная отделка лодок поразила моряков. Нос и корма были приподняты и украшены искусно врезанными жемчужными раковинами. Прическа дикарей отличалась оригинальностью: длинные волосы их, разделенные на

пучки, перевязаны были у корня шнурком, а концы расчесаны, что придавало всей прическе вид парика. На шее у каждого вместе с ожерельем из выделанных жемчужных раковин висел обруч, который при ближайшем рассмотрении оказался забралом. Это забрало состояло из нескольких обручей, соединенных так ловко, что в случае битвы стоило только раздвинуть их и натянуть на лицо.

В течение двух дней шлюпы держались в дрейфе и островитяне несколько раз приезжали на своих лодках, привозя различные предметы для мены. На шлюпы они не всходили и мену производили на лодках. Хотя они и держали в руке пальмовую ветвь — знак мира, но вели себя вероломно. Заметив кого-либо в окне каюты, они направляли в него свои пики и наконец принялись бросать на шлюп куски кораллов, слегка поранившие нескольких матросов. Чтoб проучить дикарей, Беллинсгаузен приказал сделать залп холостым зарядом, и они, испуганные, поспешили удалиться.

Лазарев рассказывал, что ему удалось заманить одного на шлюп «Мирный». Взойдя на судно, дикарь с любопытством стал все осматривать и, выражая свое удивление, выл, как дикий зверь. Лазарев, одарив его, отпустил.

Этот остров, нигде на карте не обозначенный, Беллинсгаузен назвал именем великого князя Александра.

Двенадцатого августа он открыл еще два острова, дав одному имя бывшего в экспедиции художника Михайлова, а другому — астронома Симонова. На следующий день мореглаватели увидели большой населенный остров и легли в дрейф, поджидая островитян. Вскоре приехала лодка и в ней три человека. Пока двое всходили по трапу, лодка опрокинулась, и третий, вероятно, утонул бы, если бы командир не поспешил послать к нему на помощь ялик с матросами. Двое других преспокойно смотрели со шлюпа, как их товарищ боролся с волнами, и только смеялись.

Мало-помалу стали подъезжать туземцы, и наконец набралось их множество. Командир щедро одаривал приезжих, а двум сыновьям короля подарил, сверх прочего, по лоскуту красного сукна и несколько столярных инструментов.

Вскоре приехал король Фио, сильный мужчина лет пятидесяти, обвязанный вокруг тела узким полотенцем, как все островитяне Южного моря. Смуглая кожа его была не татуирована; только суставы пальцев украшались звездочками.

Взойдя на шлюп, король приветствовал командира прикосновением носа и, усевшись в кружок на полу вместе со своим приближенным Паулем и двумя пожилыми островитянами, знаками пригласил Беллинсгаузена и Завадов-

ского сесть тоже. Когда офицеры сели, Фио приказал принести из своей лодки кокосовую ветвь с двумя зелеными орехами и передал ее Паулю. Взяв ветвь, Пауль приподнял ее и начал петь. Другие два островитянина подпевали, а остальные хлопали в ладоши и по своим ляжкам. Потом Пауль начал надламывать каждый отросток ветви и прижимать его к стволу, приговаривая нараспев какие-то слова, после чего все запели и забили в ладоши и по ляжкам. Вероятно, это была песнь дружбы, так как островитяне всячески старались выражать свою приязнь. Командир повел Фио в каюту, угостил его чаем и щедро одарил. По любопытству, с которым король все рассматривал, видно было, что европейцы в этих краях редкие, если не первые, гости. С приближением ночи островитяне уехали, а король, ожидая свою лодку, остался с Паулем и еще одним стариком на шлюпе.

Во время ужина дикари подражали во всем хозяевам и не совершили никакой неловкости. После ужина, чтоб их потешить, пустили несколько ракет. Сначала дикари испугались, но, увидев, что ракеты безвредны, стали выражать восхищение странной трелью, часто ударяя пальцами по губам. Более всего занимал их искусственный магнит, и они очень смеялись, когда положенная на лист бумаги иголка бегала за магнитом, которым водили под листом. В капитанской каюте приготовили гостям постели вповалку, но они спали спокойно и беспрестанно выбегали наверх.

Моряки выменяли у туземцев множество интересных вещей. Пики, палицы, кистени, булавы — все это было искусно отделано резьбой. Кроме оружия выменяли ткани, зарукавья, гребни, шпильки, разные украшения из ракушек, шнурки из человеческих волос и пр.

Наружностью островитяне напоминали отаитян. Но одежды у них не было, если не считать поясов и неизбежных ожерельев из ракушек, которыми украшены были все. Иные вместо ожерелья носили на шее плетушку из человеческих волос, а на руках браслеты выше локтя. У многих в правое ухо вставлен был довольно толстый обрубок, отчего ухо отвисало почти до плеча, а у иных не хватало мизинца; оказалось, что они отрублены в знак горести по умершим родственникам.

По географическому положению острова Беллинсгаузен заключил, что это остров Фейсе, описанный Куком. Все признаки совпадали. Туземцы, однако же, называли его «Оно» и утверждали, что на северо-западе есть острова еще более Оно. Островитяне усиленно приглашали моряков к себе, но по расчету времени сделать этого было нельзя. Двадцать второго августа в девять часов утра моряки простились с Фио и его подданными и пошли далее.

Остров Оно состоит из нескольких малых гористых островов, окруженных подводной коралловой стеной, о которую постоянно бьет буря. В иных местах стена эта возвышается над водой и прерывается только с севера, откуда и выезжают лодки. Пологие места обработаны и покрыты плодовыми деревьями, в тени которых ютятся хижинки.

На пути, которым шли шлюпы, можно было надеяться сделать еще несколько открытий, но как ни заманчивы открытия для мореплавателей, благоразумие заставляло Беллинсгаузена спешить. Вняв голосу рассудка, он взял курс к Порт-Жаксону, куда и прибыл 9 сентября.

Для ремонта «Надежды» не нашлось готового леса, и хотя губернатор тотчас же распорядился его доставить, но рубка, возка и работа заняли почти два месяца, и суда могли пуститься в плавание не раньше конца октября.

Неожиданная проволочка несколько нарушила выработанный план путешествия, но во всем остальном она была очень приятна. Утомленные моряки подкрепляли свои силы в благодатном климате и проводили время очень весело. Для них устраивали вечера, обеды; от приглашений отбоя не было. Тридцатого октября шлюп «Восток» был совершенно готов, и 31-го оба шлюпа снялись с якоря.

Новая Голландия, или Австралия, открыта известным голландским мореплавателем Тасманом в 1642 году. Остров, лежащий к югу, назван Тасманом Вандименовой Землей по имени генерал-губернатора голландских владений в Ост-Индии. После Тасмана капитан Кук в 1772 году описал восточный берег, назвав его Новым Южным Валлисом. Здесь англичане основали свою колонию.

Австралия страна чрезвычайно плодородная, особенно Вандименова Земля, которая вполне может назваться житницей английских колоний.

В первые дни по выходе из Порт-Жаксона погода стояла прекрасная. Офицеры каждый день выносили на шканцы взятых с собой птиц и забавлялись ими. Тут были: белые и один черный какаду, весьма редкий, лори, королевские и синегорские попугаи, замечательные тем, что в молодом возрасте они все зеленые, а потом на голове, груди и шее зеленые перья выпадают и вместо них вырастают красные. Всех птиц на «Востоке» насчитывалось 84. Как только южные голосистые птицы появлялись на шканцах, они поднимали крик, свист, а какаду разговаривали по-английски. Был еще на шлюпе ручной кенгуру; он бегал на воле, играл с матросами и ел все, что ему давали.

По мере движения к полюсу холод усиливался, и морякам пришлось одеться в суконные платья. Семнадцатого ноября подошли они к острову Маквари и крайне удивились, увидев его

покрытым зеленью вместо снегов и льдов, которые ожидали здесь встретить.

Завадовский и несколько офицеров, съехав на берег, нашли взморье, покрытое морскими котами и пингвинами. Морские птицы во множестве летали над берегом.

Выстрел, сделанный Завадовским в одного из морских зверей, разбудил всех, но они только открыли глаза, замычали и опять заснули. Один приподнялся на передних лапах, разинул пасть и заревел. Завадовский выстрелил в него картечью с близкого расстояния, но зверь не свалился, только попятился задом в море и уплыл.

Гуляя по берегу, офицеры встретили множество пингвинов, которые не уступали дороги; приходилось их расталкивать. Оказалось, что птицы сидели так крепко потому, что были на яйцах, или, вернее, на яйце, так как у каждой птицы было их по одному. Они придерживали яйца лапами, прижимая их к животу. В таком положении птицы переменяют место, но не бегают, а скачут, не выпуская яйца из лап. Завадовский взял с собой несколько пингвинов и их яйца, настрелял эгмонтских кур, разных чаек и одного попугая.

На берегу офицеры встретили партию промышленников из Сиднея, приехавших на промысел тюленьего жира. Эти люди жили в землянках, которые за неимением дров отапливались жиром.

Двигаясь тихо вдоль берега, экипаж «Востока» почувствовал вдруг два довольно сильных толчка. Бросив лот и убедившись, что никакой мели нет, командир предположил, что судно наткнулось на спящего кита. Вскоре прибыл с «Мирного» лейтенант Анненков с сообщением, что они ощутили такие же два толчка. Предположили, что удары последовали от землетрясения, что и подтвердилось на следующий день, когда офицеры снова съездили на берег и поговорили с промышленниками.

Остров Маквари, по словам промышленников, открыт одним австрийцем и является продолжением подводного хребта, разные вершины которого составляют гряды островов: Новых Гебрид, Новой Каледонии, островов Норфолк, Новой Зеландии и острова Лорда Аукленда.

Двадцать седьмого ноября суда прошли 60° южной широты, тот самый, на котором в Северном полушарии лежат Петербург. По этому поводу вспоминали дорогую столицу и пили за здоровье родных и друзей. Как будто нарочно, чтоб напомнить об отдаленной родине, термометр показывал -3°С и шел снег. Мореплаватели входили в Южный Ледовитый океан, где уже начали встречаться большие льдины и торосы.

На следующий день суда наткнулись на неподвижный лед и повернули к востоку в надежде

Морские котики

обогнуть эту преграду и идти опять к югу. Четверго суток шли вдоль ледяного поля, которому не видно было конца. С открытого моря наносило плавающий лед и большие ледяные острова. Первого декабря суда едва не затерло плавающим льдом. Опасность была очевидна, и Беллинсгаузен повернул на север, с тем чтобы при первой возможности идти опять к югу.

Второго декабря бушевала сильная буря. Среди густого снега и мрака суда каждую минуту рисковали разбиться о ледяную гору. Беспреданно ударялись они о льдины, и если удар приходился сбоку, судно накренилось и бортом погружалось в воду. Паруса и стоячий такелаж покрыты были толстым слоем льда; при малейшем движении шлюпа лед падал кусками сверху. В течение целого дня суда не видели друг друга и не слышали обоюдных сигналов. Экипаж имел полное основание ожидать гибели. Наконец ветер смягчился, небо прояснилось, и моряки, к великому счастью своему, удостоверились, что на сей раз они спасены, хотя суда их сильно пострадали.

Пострадал еще один из пассажиров шлюпа «Восток»: черный какаду не вынес качки и умер в страшных судорогах.

Когда небо прояснилось и показалось солнце, начал падать дождь с парусов и снастей от таявшего на них льда. Крупные капли, падая с высоты, были довольно-таки чувствительны.

Если полярные моря обоих полушарий не благоприятствуют человеку, то из этого не следует, что они мертвы. Помимо низших организмов, в них обитают животные высшей организации, каковы: моржи, тюлени, сивучи в Северном, киты и несметные стаи птиц в Южном Ледовитом море. Число последних поражало моряков. Они сидели на каждой более или менее объемистой льдине, иной ледяной остров покрывали сплошь. При проходе шлюпов они стаями вились около них, словно радуясь неожиданному развлечению. Почти у всех застреленных птиц было на брюхе выдавленное голое место, из чего можно было заключить, что слишком низкая температура не позволяет им оставлять насиженного яйца и они, подобно пингвинам, таскают его с собой.

При хорошем ветре от юго-запада шлюпы шли к востоку, склоняясь несколько к югу, пролагая путь между ледяными островами и мелким плавающим льдом. Некоторые льдины до того походили на различные постройки, обелиски, башни и тому подобное, что издали производили полнейшую иллюзию. Иногда со шлюпов спускали гребное судно, чтоб наколоть льду, который всегда давал пресную воду. Только рыхлый лед давал воду солоновато-горькую; когда же его предварительно клали в мешок и давали проникшей

в него морской воде стечь, он давал воду вполне годную для варки пищи.

Тринадцатого декабря в восемь часов вечера мореплаватели в четвертый раз пересекли Южный полярный круг и в тот же день имели возможность любоваться полуночным солнцем, осветившим горизонт. На следующий день убили тюленя, спавшего на льдине.

Пробираясь между грядami ледяных полей, моряки не теряли надежды, что они скоро кончатся; между тем поля более и более сжимались, и наконец 14 декабря в три часа пополудни ледяные поля сомкнулись совершенно и преградили путь во все стороны, кроме севера. Далее к югу и востоку не было возможности податься ни на полмили.

Поворотив к северу, Беллинсгаузен при первой возможности опять сворачивал на юг, ежеминутно меняя курс, то выходил изo льдов, то снова врезывался в них. Несмотря на бдительность вахтенного, суда не избежали нескольких сильных ударов, которые попортили у них кормовую часть. Особенно было плохо во время туманов. Ледяных островов не было видно, приходилось руководствоваться только слухом. В подобные минуты шлюпы теряли друг друга и зачастую не слышали даже сигнальных пушечных выстрелов; между тем выстрелы разрушительно действовали на льдины, сокрушая их силой сжатого воздуха. Такое разрушение могло быть губительно для шлюпов, если бы оно произошло поближе.

Однажды, во время тумана, после выстрела, сделанного с «Востока», вдруг в стороне «Мирного» послышался страшный треск: рушилась ледяная гора. Страшно перепуганные моряки с трепетом ожидали развязки. Мысль, что их сигнальный выстрел, разрушивший льдину, мог погубить товарищей, была в голове у каждого. Стрелять еще — не посмели. Когда, спустя несколько часов, туман рассеялся и шлюп «Мирный» показался в отдалении цел и невредим, все свободно вздохнули.

Плавание продолжалось в беспрестанной борьбе со льдами. Двадцатого декабря офицеры, сидевшие за обедом, почувствовали, что шлюп «Восток» качнуло и паруса обесветрились. Все выбежали наверх и ужаснулись. Перед судном лежал узкий канал между ледяными громадами, которые были так высоки, что отняли ветер у самых верхних парусов. По счастью, ход шлюпа был скорый и он быстро миновал льдину сажен в 200 длины, после чего вершина ее со страшным треском свалилась в море. Тогда прибавили парусов, чтобы как можно скорее выйти из опасного места. Вскоре показалась зыбь, что предвещало близость открытого моря.

Двадцать пятого декабря, в то самое время, когда приехавший с «Мирного» священник служил молебен, произошел страшный толчок, и судно накренило так, что оно бортом зачерпнуло воды. Оказалось, что шлюп наскочил на затонувшую льдину и избежал гибели только потому, что удар последовал в то время, когда судно опускалось носом вниз. Случись наоборот, удар раздробил бы подводную часть и судно пошло бы ко дну.

Глава V

Открытие нескольких островов. Возвращение на родину

Двадцать шестого декабря Беллинсгаузен снова взял курс на юг, пересек путь капитана Кука и вступил в такие широты, где еще никто не бывал.

День Нового года офицеры с обоих шлюпов проводили вместе. Уже вторично встречали они этот день среди льдов Южного океана в кругу тесной товарищеской семьи, черпая силу и бодрость в горячей приязни друг к другу.

Десятого января готовило мореплавателям большую радость. В пять часов пополудни увидели они на горизонте чернеющее пятно и при внимательном рассмотрении убедились, что видят берег. Некоторые, впрочем, оспаривали это мнение, но когда солнечные лучи, выйдя из облаков, осветили спорное место, все сомнения исчезли. Берег обозначался ясно. Береговые скалы и осыпи резко чернели среди снежной пелены, покрывающей землю.

Словами невозможно выразить радости, которая озарила все лица. «Берег! Берег!» — переходило из уст в уста. После продолжительного, однообразного плавания среди беспрестанных опасностей такой восторг был понятен.

Новооткрытый берег подавал надежду на дальнейшие открытия; трудно было предполо-

жить, чтоб существовал всего один только остров на таком обширном водном пространстве.

Вокруг острова были широкие ледяные припаи, что, однако же, не помешало судам подойти настолько, чтобы снять остров на карту. Особенно удалось это г. Лазареву, благодаря тому что «Мирный» находился в положении более выгодном по отношению к острову. Когда шлюпы сошлись, на них подняли флаги, а люди, разбежавшиеся по вантам, три раза прокричали «ура!». Лазарев поздравил начальника с открытием острова, который был назван высоким именем Петра I, создателя русского флота. В этот день матросы пировали и пили за здоровье благополучно царствующего императора Александра.

Семнадцатого января снова увидели землю; мыс, простиравшийся к северу, оканчивался высокой горой, отделенной пологостью от других гор; к югу берег тянулся за пределы видимости. Сплошной лед не позволял обогнуть землю и исследовать ее, а потому Беллинсгаузен нанес свою находку на карту в виде береговой линии, назвав ее берегом Александра I, виновника настоящей экспедиции.

«Памятники, воздвигнутые руками человеческими, — говорит он, — изглаживаются с лица земли всеистребляющим временем, но остров Петра I и берег Александра I останутся навек непоколебимыми и передадут славные имена потомству».

Убедившись в невозможности обойти берег Александра I, Беллинсгаузен решил идти на Новую Шотландию, об открытии которой узнал в Сиднее. Ему хотелось проверить, точно ли это материк, лежащий у полюса, или только остров. Замечательно, что мореплаватели, в течение более 200 лет обходившие Огненную Землю, не подозревали, что есть земля еще южнее. В 1819 году капитан английского купеческого брига Смит в борьбе с противными ветрами, не допуская его до Огненной Земли, случайно набрел на Новую Шотландию, но определить ее положения не успел.

Вплоть до 24 января стояли туманы и суда плыли ощупью, огибая ледяные поля и лавируя между льдами. Вдруг сбоку закричали: «Виден берег повыше облаков!» Предполагая, что усмотренная земля есть именно Новая Шотландия, Беллинсгаузен взял курс на северо-восток вдоль берега и скоро убедился, что перед ним остров, а не материк. Дальше показались еще остров и еще. Таким образом обнаружилось, что Новая Шотландия есть целый архипелаг. Всем этим островам Беллинсгаузен дал имена. Появились на карте: Бородино, Малый Ярославец, Смоленск, Березино, Полоцк, Лейпциг, Ватерлоо. У Малого Ярослава в заливе увидели восемь английских и американских промышленных судов. В десять

часов утра приехал на «Восток» американский капитан Палмер и объяснил, что он принимает участие в товариществе, которое уже в течение четырех месяцев промышляет здесь котиков. В разных местах судов товарищества было до 18, и на одном находился тот самый Смит, который открыл Новую Шотландию. Он успел уже взять со своего открытия обильную дань, ободрав до 60 тысяч котиков. Благодаря алчности промышленников можно было ожидать, что котики скоро отсюда совсем исчезнут, как исчезли с островов Георгия и Маквария.

Простившись с американцами, моряки пошли далее. На следующий день открыли еще пять островов: Трех Братьев, Рожнова, Мордвинова, Михайлова и Шишкова. Около острова Мордвинова «Восток» едва не наскочил на мель. С большим трудом удалось избежать беды.

Тридцатого января разразилась сильная буря, едва не уничтожившая паруса. Любопытно было смотреть, как пингвины, альбатросы и другие птицы укрывались между волн. Когда буря утихла, появились стада китов. Большая крупная зыбь разбивалась об их спины и производила пену наподобие буруна; воздух был наполнен водяными фонтанами. Такое явление видели путешественники в первый раз; до тех пор они встречали китов поодиночке и редко двух или трех вместе.

Уже более четырнадцати недель находился экипаж в сыром и холодном климате Южного полушария. «Восток» походил на разбитого инвалида, изнемогающего от ран. Время года в этих широтах наступало самое бурное. Взвесив все это, командир решил оставить дальнейшие исследования и поправить суда в Рио-де-Жанейро, чтоб оттуда возвратиться в Россию. Он мог это сделать с легким сердцем, так как настоящее плавание его могло назваться вполне удачным.

Со времени отбытия из Рио-де-Жанейро, то есть с 23 ноября 1819 года, шлюпы подавались более к востоку, отчего полдень ускорялся, и когда, обойдя кругом света, они снова возвратились в Рио, у них оказались лишними целые сутки. На основании этого командир приказал считать 3 февраля два дня кряду, что очень удивило матросов, хотя они и прежде о таких чудесах слыхали, но полагали, что издалека возвращающимся путешественникам свойственно рассказывать небылицы, так как их никто проверить не может. Несмотря на все старания офицеров растолковать матросам причину такого явления, те только покачивали головами.

По мере приближения к Бразилии температура с каждым днем становилась теплее, и 11 февраля можно было вынести на воздух птиц, взятых офицерами из Порт-Жаксона. Многие из

птиц не выдержали сурового полярного климата; оставшиеся в живых видимо повеселели, увидав небо и солнце. С одним из какаду случилась история. Он влез по веревкам на снасти, и когда его оттуда хотели снять, он полетел и упал в воду. К счастью, ход был тих, матросы подставили шест, и какаду в испуге ухватился за него так крепко, что его не только свободно подняли из воды, но и потом он не скоро сошел с шеста.

Двадцать седьмого февраля мореплаватели увидели Рио-де-Жанейро. Понизу неслись облака, но верхушки гор были совершенно чисты. Ветер дул от берега, и только на следующий день суда могли войти в гавань.

Сделав визиты начальству и распорядившись ремонтом шлюпов, Беллинсгаузен, Завадовский и Лазарев поехали посмотреть на стоявший в гавани американский фрегат «Конгресс». Первое, что увидели посетители, сойдя вниз, был покойник в гробу. Сопровождавший их лейтенант сказал, что на пути от Кантона до Рио экипаж в 90 дней опустил в море 70 трупов и что на палубе, в койках, лежит еще 80 человек больных. Услышав такое известие, Беллинсгаузен поспешил ретироваться, запретив своим служащим иметь сообщения с фрегатом «Конгресс».

Во время пребывания русских судов в Рио-де-Жанейро там случился государственный переворот. Португальский король Иоанн VI, удалившийся в Бразилию в 1807 году, должен был снова вернуться в Европу, передав полномочия сыну своему дону Педро, весьма популярному принцу.

Король освоился в Бразилии, и ему очень не хотелось оттуда выезжать. Он много раз назначал день отъезда и много раз откладывал его. Наконец, вынужденный обстоятельствами, он решился уехать.

Для короля и его семейства приготовлен был 74-пушечный корабль, названный его именем. Этот корабль сопровождала целая эскадра в одиннадцать транспортных судов, нагруженных королевским имуществом и продовольствием для отъезжавших с королем приверженцев, в количестве 800 человек обоего пола. Транспортные были нагружены донелбяз; одних куриц на проезд закупили до 30 тысяч.

Четырнадцатого августа эскадра снялась с якоря, провожаемая салютами с крепости и со всех стоявших в гавани судов, бразильских и иностранных.

Спустя три дня по отъезде короля Беллинсгаузен, по желанию наследной принцессы, был ей представлен русским посланником в загородном дворце. Принцесса обратила внимание на редкости, собранные командиром, и он принес ей в дар несколько редких птиц, а бразильскому музею коллекцию оружия и костюмов народов

Южного океана, получив взамен несколько бразильских минералов и раковин.

Починка судов заняла два месяца с лишком, и только в конце апреля «Восток» и «Мирный» могли оставить Рио-де-Жанейро и отправиться к европейским берегам. Двадцать седьмого мая шлюпы вступили на полосу Атлантического океана, на тысячу миль покрытую морским растением, которое на спутников Колумба в 1492 году навело ужас. Растение состоит из больших и малых кустов безо всякого корня. От стеблей идут ветви с продолговатыми листьями и множеством зеленых ягод, пустых внутри.

В отношении этого растения путешественники и натуралисты придерживаются различного мнения. Одни думают, что трава всплывает на поверхность моря, оторванная рыбами и моллюсками от подводных камней и мелей; другие полагают, что ее приносит течением из Мексиканского залива; Беллинсгаузен убежден, что ни то, ни другое не верно. Свежесть кустов и то огромное пространство, которое занимает трава, позволяет ему думать, что она тут же и растет, извлекая из морской воды частицы, необходимые для ее питания.

Это растение хотя и состоит из отдельных кустов, но волны и течения часто соединяют их, образуя непрерывную сеть, в которой благополучно проживают ракушки и моллюски.

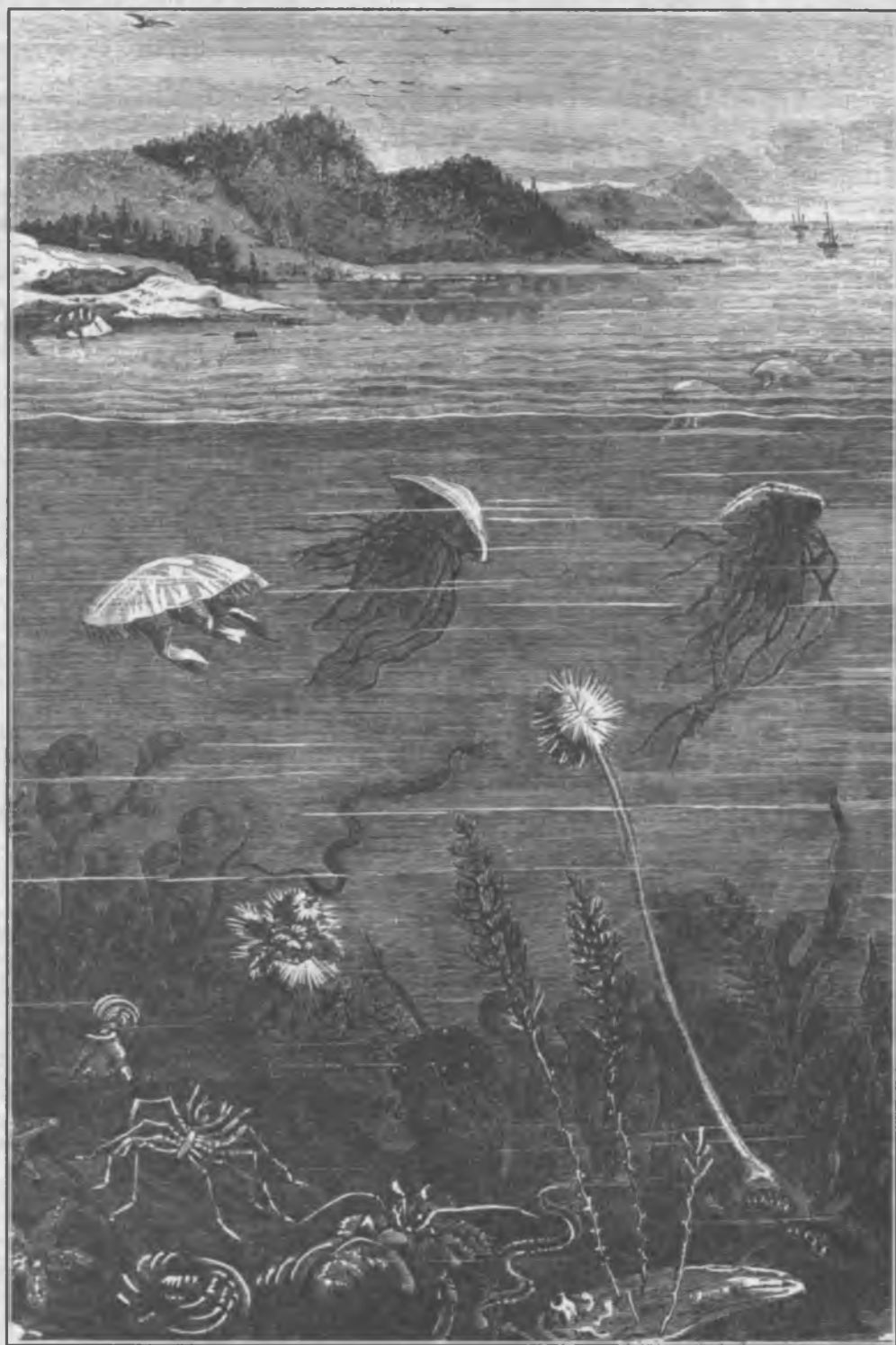
С 27 мая до 5 июня шлюпы шли Травяным морем, названным так испанцами и португальцами. Все это время не могли достать дна, опуская лот на глубину 200—270 сажен.

Восемнадцатого июня шлюпы прибыли в Лиссабон, куда при них пришла королевская эскадра. Морьякам пришлось снова быть свидетелями больших народных празднеств, помешавших им хорошенько ознакомиться с городом и его окрестностями.

В восемь часов утра 28 июня шлюпы снялись с якоря и пошли в Россию. Радостно бились сердца мореплавателей при мысли о скором возвращении на родину. Вспоминая, с каким пылом они стремились в плавание, с каким наслаждением помышляли о посещении новых, интересных мест, моряки прибавляли: «Да, хорошо в гостях, а дома еще лучше!»

Чем ближе становилась родина, тем долее тянулось время. В Лиссабоне говорили: «Теперь нам до дому рукой подать!» И в самом деле, что значил месяц в сравнении с трехгодичным отсутствием. А между тем месяц тянулся бесконечно, хотя в плавании не было никаких задержек и все шло своим чередом.

Наконец 20 июля шлюпы вступили в свое родное Балтийское море, а 24-го пришли в Кронштадт. Все плавание продолжалось 751 день, из ко-

Подводный мир.
Гравюра XIX в.

торых якорной стоянки было 224 дня. Находясь под парусами в течение 527 дней, суда сделали приблизительно 86 475 верст, пространство, в два с половиной раза превосходящее большие круги на земном шаре. В продолжение плавания открыто 29 островов и одна коралловая мель.

Много раз в течение трехлетней экспедиции экипаж Беллинсгаузена находился на волосок от смерти. Опасность положения сознавала вся команда, но, воодушевляемая примером начальника, она не теряла бодрости и мужественно выносила всевозможные невзгоды и лишения.

По возвращении на родину Беллинсгаузен удостоился больших почестей. Император Александр I, принимая его в своем кабинете, предложил ему стул и сказал: «Вы вернулись из далекого путешествия и, вероятно, устали; садитесь, капитан».

Не теряя времени, Беллинсгаузен занялся обработкой своих сочинений, изданных потом на собственные суммы государя императора. В 1828 году, уже в чине контр-адмирала, Беллинсгаузен принимал участие в турецкой кампании, затем командовал дивизией Балтийского флота, а в 1839 году был назначен военным губернатором Кронштадта и в этом звании умер тринадцать лет спустя.

Посреди Екатерининского сквера, устроенного самим Беллинсгаузенем, воздвигнут ему в 1870 году памятник.

Г. И. Невельской

Подвиги
русских
морских
офицеров

Глава I

Краткое обозрение событий,
совершившихся на реке Амуре с 1643 по 1689 год.—
Первоначальные сведения о Приамурском крае.—
Поярков и его экспедиция с 1639 по 1646 год.—
Хабаров и его завоевание в Приамурском крае.—
Степанов.— Черниговский и его действия.—
Возобновление Албазина.—
Положение наше на Амуре в 1684 году.—
Осада Албазина китайцами.— Ее последствия.

ействия наших моряков на отдаленном Востоке с 1849 по исход 1855 г., т. е. со времени прибытия в Амурский лиман военного транспорта «Байкал» до времени перенесения из Камчатки на устье реки Амуре (Николаевск) Петропавловского порта и сосредоточения здесь нашей эскадры, находившейся тогда в Восточном океане, имеют непосредственную связь с событиями, совершившимися на реке Амур с 1643 по 1689 год и различными затем предположениями и экспедициями, являвшимися в Охотское море и Татарский залив, а потому, чтобы уяснить всю важность упомянутых действий, составляющих основание к утверждению за Россией Приамурского и Приуссурийского края с островом Сахалином, необходимо представить краткий обзор всех предшествовавших

1849 году событий, совершившихся на отдаленном Востоке, и их последствия. Эти события в главных чертах таковы:

В первой половине XVII века отважная вольница русских искателей добычи распространила владения России до побережья Охотского моря. На реке Лене явились остроги Киринск и Якутск, и на реке Уди — Удский. Здесь-то в 1639 году русские узнали от тунгусов о существовании, по южную сторону гор, больших рек: Джи (Зеи), впадающей в Шилькар, или Маму (Амур)¹, которая, в свою очередь, впадала в Шунгал, или Сангари-Ула (Сун-

¹ Относительно происхождения имени Амур существует большое разногласие. Риттер производит его от гилякского слова «ямур» — большая вода, другие же — от «Эмур», как называлась прежде маленькая речка Албазин, вливающаяся в Амур. Все народы, живущие по Амуре, дают ему различные названия; китайцы и манджуры, например, называют его Куэн-тонгом и считают его за приток Сунгари (Шунгала).

гари), и что в Шунгал вливается большая река Амгунь, по которой живут тунгусы; что к ним наткисы привозят с Шунгала хлеб и разные материи и рассказывают, будто на реках Дажи и Шилькаре живут дучеры и дауры, занимающиеся хлебопашеством; что у них много скота, материй и серебра и, наконец, что вся страна по Шилькару, Джи и Шунгалу изобилует пушными зверями. Этих известий было достаточно, чтобы двинуть нашу вольницу в те неведомые и далекие страны. По распоряжению якутского воеводы Петра Петровича Головина, в июне 1643 года была снаряжена туда партия из 132-х человек вольницы, казаков и промышленников, под командой казака Пояркова. Поярков из Якутска, следуя по Лене, повернул в Алдан и, достигнув устья реки Учура, направился по этой реке и по ее притоку Ганат. Здесь застали его холода; он бросил свои лодки и с 90 человеками охотников из команды перевалил на лыжах по глубокому снегу чрез Становой хребет и, таща за собой на салазках провиант и оружие, вышел на вершину реки Бряны. Следуя по этой реке и по реке Джи (Зее), Поярков со своей вольницей, к весне 1644 года, достиг Шилькара (Амура), имея на пути по Зее неоднократные стычки с туземцами. Затем Поярков направился на лодках вниз по Амуру и, пройдя Щеки, где река прорывает горы, вступил в реку Шунгал¹ (Сунгари). Эту последнюю он принял за продолжение Шилькара, а потому Шилькар и часть Шунгала названы им одним именем — Амур. Следуя далее, он достиг ее устья, где у гиляков, близ Амгуни, основал острог и остался в нем зимовать.

Подчинив гиляков России и собрав с них ясак: 12 сороков соболей и 16 собольих шуб, он, с открытием навигации 1645 года, пустился к северу, вдоль берега Охотского моря. Три месяца Пояркова носило на ладьях по морю и, наконец, выкинуло близ устья реки Ульи. На устье этой реки Поярков зазимовал, а весной следующего 1646 года перешел отсюда через горы на верховье Май; построив здесь лодки, он спустился по этой реке в Алдан и Лену, и к осени того же года прибыл в Якутск.

Это был первый поход русских в Приамурский край, продолжавшийся три года и открывший путь дальнейшим предприятиям. Поярков со своей горстью отважной вольницы в продолжение трех лет прошел более 7 000 верст, три раза зимую на пути, и о результатах своего путешествия, преисполненного неимоверных трудов, донес якутскому воеводе Головину, что по рекам Шилькару и Шунгалу живут дучеры и дауры и что эта страна называется ими Даурией. За даурами, до-

носил он, по Шунгалу, до реки Уссури и ниже ее, на четыре дня пути, обитают гольды или ачань; далее наткисы, а затем гиляки; что все эти народы никому не подвластны, и в заключение Поярков представил, что этот край можно подчинить русскому владычеству, имея 300 человек хорошо вооруженного войска. Из числа этих людей он предлагал половину оставить в трех или четырех острогах, а остальных 160 человек употреблять на разъезды для усмирения тех из иноземцев, которые окажутся непокорными и не будут платить ясака; ибо, по его мнению, от всех обитающих в этой стране жителей нельзя ожидать серьезного сопротивления. Что же касается до продовольствия этих войск, то его найдется в изобилии у туземцев. Такое мнение о легкости приобретения Амура было весьма естественно, ибо Поярков, незнакомый еще с краем, упустил из виду самое важное обстоятельство: что по реке Шунгалу (Сунгари) можно было ожидать на помощь инородцам военные силы из соседней с этим краем Манджурии; тем более что в это время вместо монгольской династии вступила на престол Китая династия манджурская.

Рассказы Пояркова о богатстве края и его обитателях побудили Хабарова в 1649 году явиться к якутскому воеводе Дмитрию Андрееву Франбекову с просьбой позволить ему идти на Амур, набрав с собой вольных людей, которых он будет содержать на свой счет. Ерофей Хабаров был сольвычегодский уроженец, промышленник. Цель этого похода состояла в приведении дауров в ясачное положение. 6 марта 1649 г. якутский воевода дал ему наказную память и несколько казаков. Отряд Е. Хабарова, при отправлении из Якутска, состоял из 70 человек. Хабаров не следовал по тому пути, по которому шел Поярков; тунгусы показали ему другую дорогу на Амур, а именно: по рекам Олекме и Тутиру, затем волоком через Становой хребет на реку Урку, а по ней до реки Амура. От устья Урки, по рассказам тунгусов, до жилища богатого и сильного даурского князя Левкоя было всего один день ходьбы.

В первое лето 1649 года Хабаров дошел только до устья Тутира. В 1650 году, 18 января, пустился в путь вверх по реке Тутиру, перевалил через хребет и достиг реки Амура. Проведав о приходе русских, князь Левкой оставил все жилые места свои, так что Хабаров никого не встретил. Оставив без внимания первые пустые жилища, он остановился в последнем и здесь увиделся с князем Левкоем, которого уверил, что цель прибытия на Амур русских состоит только в собрании ясака и не заключает в себе никаких других враждеб-

¹ Часть реки Амура от устья Сунгари до лимана называлась туземцами и китайцами Шунгалом. Они считали эту часть продолжением Сунгари (Шунгала).

ных намерений против туземцев. Имея с собой малое число людей, сравнительно с численностью туземцев князя Левкоя, Хабаров вернулся тем же путем в Якутск. Якутский воевода дозволил ему набрать гораздо более людей, и Хабаров в 1661 году снова отправился тем же путем на Амур, остановился при устье реки Албазин и здесь основал город того же имени. Отсюда он со своей командой пошел вниз по реке.

Первое встреченное им от Албазина жилое место состояло из трех городков, принадлежавших трем князьям: Гогудару, Онгозме и Лотодину. Туземцы сначала хотели обороняться и заграждали путь Хабарову, но при первых выстрелах его отряда заперлись в городках; Хабаров требовал сдачи, но они не сдавались. Начался приступ: русские сделали пролом в стене первого городка и ворвались в него; затем были взяты второй и третий. В этом деле убито дауров более 60 человек, взято в плен до 200 мужчин, 240 женщин, 118 детей, 267 лошадей и 115 голов рогатого скота.

Хабаров, пробыв здесь шесть недель, поплыл вниз по Амуру и через 2 $\frac{1}{2}$ дня достиг устья реки Зеи, ниже которой, на правом берегу Амура, стоял город Талгин; это было владение князя Кокоря. Жители этого города и окрестностей приняли присягу в верности русским и обязались платить ясаk, но после этого все они бежали. Хабаров сжег Талгин и пошел вниз по Амуру; шесть дней он плыл до Шунгала. За Шунгалом жили ачане; у них, около устья Уссури, Хабаров остался зимовать в большом ачанском улусе. Укрепившись в нем, он отрядил сотню людей из своей команды, вверх по Амуру, искать добычи. Туземцы в числе 1000 человек напали на 70 человек русских, оставшихся в Ачанске; русские отразили это нападение: ачане и дауры бежали.

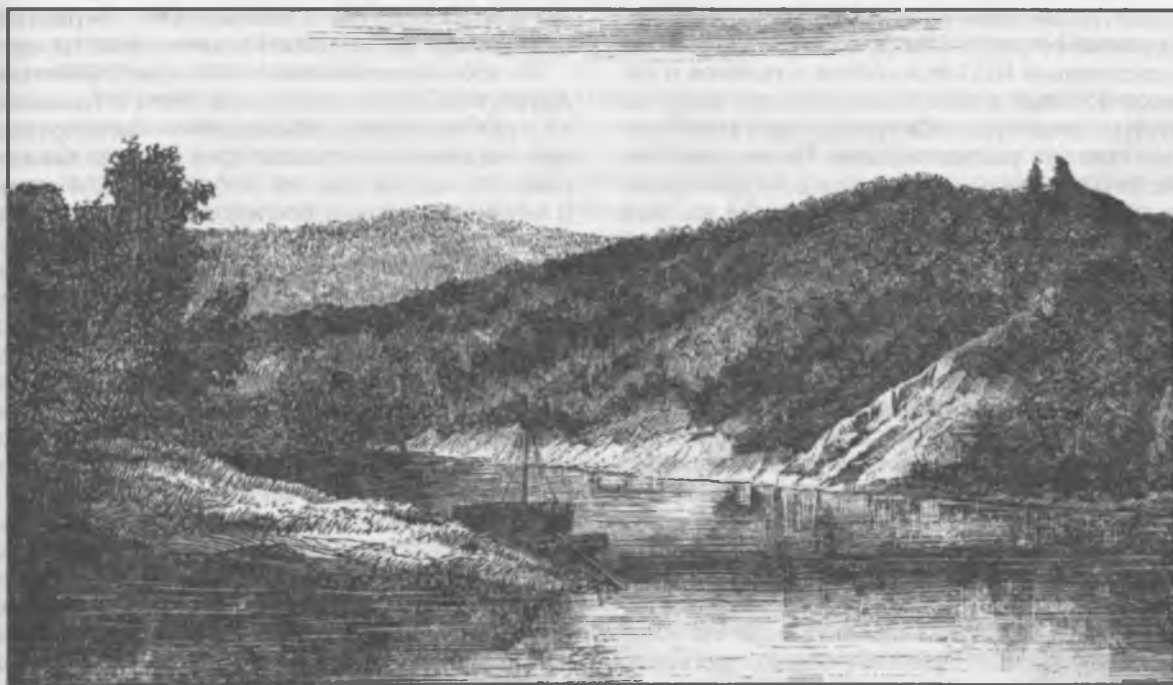
Отправленная партия вернулась с судами, нагруженными добычей и продовольствием. Хабаров начал приводить Ачанск в оборонительное положение. Такая предосторожность оказалась не лишней. Отраженные и ограбленные наши, дучеры и ачане просили помощи у манджуров, и наместник китайского богдыхана в Манджурии приказал князю Изиню в городе Нюм-гуте (Нин-гути) собрать войско и идти на русских. 2 000 человек манджуров, с князем Изинеем, отправились на помощь ачанам и дучерам; три месяца шло это войско до местопребывания Хабарова; оно имело 8 пушек, 30 фузей и 12 папардов (орудие из глины, употреблявшееся для подорвания стен). 24 марта 1662 года манджуры подошли под Ачанский город и открыли по нему пальбу. Целый день с обеих сторон шла перестрелка: неприятель успел сделать пролом в стене и ворвался в город. Хабаров отбил это нападе-

ние и затем, сделав вылазку, взял у неприятеля две самые большие пушки и обратил их на него.

Неприятель, потеряв 670 человек убитыми и большую часть запасов, отступил. С открытием навигации Хабаров отправился вверх по реке, для избрания более ближнего места к Якутску, откуда можно было бы иметь помощь, в случае вторичного нападения манджуров. Между Шунгалом и Зеей Хабаров встретил 140 человек казаков, посланных к нему из Якутска с порохом и свинцом. Соединившись с ними и продолжая путь далее, вверх по Амуру, он намеревался поставить на устье Зеи острог, но здесь начались несогласия и раздоры в его отряде, из которого 100 человек бежало на грабеж. Лишенный более трети своего отряда, Хабаров должен был оставить свое намерение и, продолжая подниматься с остальными людьми вверх по реке, достиг устья реки Кумары, где построил укрепленный острог. С нарочными людьми, отправленными отсюда в Якутск, Хабаров требовал отсюда подкрепления в 600 человек для завоевания реки Амура; но из Якутска не могли послать такого большого отряда, и с теми же посланцами написали об этом просьбу в Москву.

В Москве, еще до прибытия этих посланцев, вследствие полученных от якутского воеводы донесений о действиях Пояркова и Хабарова на Амуре, решено было отправить к Хабарову помощь и восстановить порядок. С этой целью, в 1652 году, уже послан был из Москвы дворянин Дмитрий Иванов Зиновьев, которому было поручено: поощрить казаков на Амуре, прибавить к находящейся там команде 150 человек, усилить их снарядами, наведаться о положении наших на Амуре и, наконец, приготовить все нужное к отправлению на Амур 3 000-го войска, которое предполагалось двинуть туда под командой князя Ивана Ивановича Лобанова-Ростовского. Предполагение это, однако, не осуществилось, а между тем слава о Приамурском крае все более и более распространялась по Сибири. Все население Лены до Верхоленска стремилось туда, и многие бежали тайно, так что необходимо было принять меры для прекращения побегов.

Зиновьев прибыл на Амур в августе 1653 года и встретил Хабарова в устье реки Зеи. Его прибытие не порадовало казаков, потому что он главным образом приехал для того, чтобы восстановить порядок в этой разбойнической волнице и по возможности обратить их к земледелию. Последнее было особенно необходимо, чтобы заготовить продовольствие для войска, которое предполагалось сюда отправить. Казаки не были привычны к такому труду, они до тех пор ходили по Амуру только с целью грабежа и поживы на счет туземцев.

Амур в Бурейнском хребте.

Гравюра XIX в.

К довершению неудовольствия казаков, Зиновьев взял с собой в Москву Хабарова, а вместо него оставил казака Онуфрия Степанова. В Москве Хабаров был принят очень милостиво и пожалован саном боярина, но на Амур уже более не поехал.

Степанов с устья Зеи, из Зейского острога, отправился вниз по Амуру; входил в реку Шунгал, добыл там много хлеба и зимовал у дучеров (близ Хинганского хребта, около устья реки Буреи). Весной 1654 года он пошел вверх по Шунгалу, и после трехдневного плавания за горами, от которых начинается Манджурия, встретился с манджурским отрядом. Последний не хотел пускать его далее, вверх по реке, но после краткого боя русские обратили отряд в бегство. Степанов, узнав от пленных, что манджуры предоставляют русским владеть всем этим местом только до гор и не хотят пускать их далее, по Шунгалу, а также что они для этого сосредотачивают там большие силы, вышел из Шунгала, собрал ясак с дауров, дучеров и ачан и расположился зимовать в Зейском остроге. Вскоре после этого из Енисейска, через Байкальское озеро, на подкрепление Степанову прибыл сотник Петр Бекетов. На пути, у устья реки Нерчин, он основал Нерчинский острог. Бекетов и Степанов на зиму расположились в Кумарском, Албазинском и Зейском острогах; они подчинили владчеству России все завоевания Хабарова, т. е. зем-

ли дауров, дучеров, гольдов, наткисов, гиляков и страну вверх по течению Шунгала, до хребта. Главные наши силы на Амуре были тогда сосредоточены в Кумарском остроге.

Манджуры так много терпели от грабежа наших казаков, ходивших даже внутрь их страны, что решились удалить русских из Кумарского острога. Для этого в 1655 году они собрали до 10 000 войска с 15 орудиями и повели осаду острога. 20 марта они начали стрелять по острогу и в ночь с 24 на 25 число сделали приступ; но русские отбили их и обратили в бегство. Неприятель снял осаду и отступил, потерпев большой урон в людях: у него было взято две пушки, до 800 ядер и более 30 пудов пороха. Собранный с покоренного Приамурского края ясак и отбитые у манджуров трофеи Степанов отправил в Москву. Там, по получении этих известий, предположено было сделать из Приамурского края особое воеводство, совершенно отдельное от Якутского и Нерчинского, но для этого ожидали окончательного нашего утверждения на Амуре. На следующий год (1656) Степанов из Кумарского острога поплыл вниз по Амуру, входил в реку Сунгари и поднимался по ней до манджурского города Нингуты; награбил здесь огромное количество хлеба и других продовольственных запасов и, отправив все это по нашим острогам, сам поплыл вниз по реке. У гиляков,

против устья реки Амгуни, он построил Косогорский острог, в котором остался зимовать. На следующий 1657 год, собрав с гиялков и наткисов богатый ясак, Степанов пошел вверх по Амуру; на этом пути он встретил берега пустыми и все селения разрушенными. По призыву китайского богдыхана, все жители с Амуре переселились внутрь Манджурии; вольнице казаков нельзя было уже рассчитывать кормиться чужим добром: грабить было некого и, чтобы не умереть с голоду, им пришлось трудиться самим. Степанов был в величайшем затруднении; казаки, не привыкшие ни к дисциплине, ни к труду, начали производить набеги на манджуров и грабить их. Повелений из Москвы: жить мирно с туземцами и манджурами и отнюдь не производить набегов и грабительства, казаки и вольница не слушали; на Амуре была полная анархия. Между тем, в 1656 году, приказом из Москвы, воеводой в Нерчинский край был назначен енисейский воевода Афанасий Филиппович Пашков; ему же поручено было иметь главное начальство и на Амуре. Пашков, следуя на Амур в 1658 году, укрепил Нерчинск и основал здесь главное свое местопребывание. Степанову, на Амур, он послал указ и строжайшее подтверждение, чтобы казаки не ходили в Манджурию, а занимались хлебопашеством и, вообще, чтобы они не производили набегов и грабительств, а жили бы мирно. Несмотря на это, Степанов с 500 казаками отправился на фуражировку вверх по реке Сунгари, в Манджурию, и там встретился с большой силой манджуров. Произошла упорная битва: 270 человек казаков, и с ними Степанов, были убиты, остальные бежали; часть из них вернулась в Якутск, а 17 человек в 1661 году явились с этим известием в Нерчинск, к воеводе Пашкову. С этих пор до 1665 года на Амуре не произошло ничего замечательного.

В 1665 году толпа вольницы, предводительствуемая Никитой Черниговским, убила в Киринске якутского воеводу Лаврентия Авдеева Обухова. Боясь наказания, Черниговский, с некоторыми из своей шайки, бежал на Амур и поселился в Албазине, который, после разгрома Степанова, был пуст, как почти и все остроги наши, основанные по Амуру Хабаровым и Степановым. Албазин был тогда главным нашим пунктом на Амуре. Черниговский собрал с окрестных жителей и дауров ясак и все послал в Нерчинск, Пашкову, извещая его о возобновлении Албазина. В 1672 году, при урочище Брюсяном камне, близ Албазина, по желанию албазинцев, иеромонахом Гермогеном был zaloжен монастырь во имя Спаса Всемилостивейшего и в этом же году Пашков отправил из Нерчинска в Албазин несколько семей крестьян,

для разведения хлебопашества. Черниговский, по представлению Пашкова, был прощен.

Во избежание столкновений с китайцами на Амуре, в 1675 году из Москвы было отправлено в Китай посольство; посланником был переводчик посольского приказа грек Никита Спфарий. Это посольство не добралось до Пекина и не имело никаких последствий. На Амуре все было тихо.

В 1681 году из Албазина была послана на реку Амур экспедиция для приведения амгунских, тугурских и прибрежных инородцев в ясачное положение. В этих видах и были основаны на реках Амгуне и Тугуре остроги: на Амгуне, при устье рек Делина и Нимелана: Усть-Делинский и Усть-Нимеланский, а на Тугуре — Тугурский. Все инородцы по берегам этих рек были подчинены русскому владычеству. Таким образом, к 1681 году не только весь Приамурский край составлял владение России, но, благодаря влиянию на туземцев из Ачанского и Косогорского острогов, мы, кроме того, владели бассейном реки Уссури и частью Сунгари, до гор. Положение наше на реке Амуре в то время было таково: главный и укрепленный пункт страны был Албазин, затем остроги по Амуру, вниз от Албазина: Кумарский, Зейский, Косогорский и Ачанский; на реке Амгуни — Усть-Делинский и Усть-Нимеланский, а на реке Тугуре, около 100 верст от ее устья, Тугурский. Кроме того, по реке Амуру находились земледельческие деревни и слободы: Андрюшкина, Игнатиная, Монастыршина, Покровская, Озерная и другие.

В 1684 году весь Приамурский край был назван отдельным Албазинским воеводством; городу Албазину были даны особый герб и печать. Первым воеводой был Алексей Толбузин. Между тем китайцы и манджуры, встревоженные нашим соседством и влиянием на сопредельные Манджурии страны, решили выжить русских с Амуре. Наши посты вниз по реке от Албазина сделались первым предметом их нападения. Все они были ими разорены, а в 1685 году неприятельская сила, состоявшая из 5 000 человек, приплывших на 100 судах, и 10 000 человек, прибывших из Цидикора сухим путем, со 150 полевыми и 50 осадными орудиями, подступила к Албазину и потребовала его сдачи. 12 июня 1685 года, после того как албазинцы отвергли предложение манджуров о добровольной сдаче, началась канонада с манджурских батарей. В Албазине было всего 450 человек гарнизона под начальством воеводы Толбузина; недостаток огнестрельного оружия и снарядов не позволил русским отстоять острожек, и неприятельская артиллерия разрушила его. Наши вступили в переговоры, и неприятель согласился отпустить Толбузина с его командой

и жителями Албазина в Нерчинск; только 25 человек приняли предложение манджуров отдаться им и увлекли с собой священника Максима Леонтьева, основавшего в Пекине первую русскую церковь.

Албазин был разорен, и неприятельская сила потянулась в Айгун — манджурский город, основанный перед сим ниже устья Зеи, — на правом берегу Амура. Несмотря, однако, на такой дурной оборот наших дел в Даурии, соседнее с ней Нерчинское воеводство сделало снова попытку занять Албазин и Приамурский край; почему в 1686 году, по приказанию нерчинского воеводы Власова, албазинские выходцы с полковником Афанасием фон Бейтоном и тем же Толбузиным отправились на Амур и возобновили разрушенный Албазин. На берегах Амура снова явились наши острожки и население; русские по-прежнему начали обрабатывать брошенные ими поля, а инородцы стали вносить им ясак. В 1687 году хлеб в Албазине продавался: рожь и овес по 9 копеек за пуд, пшеница по 12 копеек, горох и конопляное семя по 30 копеек. Китайцы и манджуры встревожились нашим вторичным поселением на берегах Амура, и китайский император (богдыхан) Кахан-Си дал повеление во что бы то ни стало выгнать русских с Амура. В июне 1687 года перед Албазином явилось манджурское войско, состоявшее из 8 000 человек с 40 орудиями. Русские сожгли все дома вне крепости, перешли в нее и выкопали себе там землянки; всех наших в крепости было 736 человек.

Манджуры прикрыли свой лагерь деревянной стеной, но русские частью уничтожили ее калеными ядрами и частью взорвали; тогда неприятель окружил свой стан земляным валом и поставил на нем пушки. Первого сентября манджуры пытались взять крепость приступом, но были отбиты с большой потерей. К несчастью, между осажденными в Албазине от тесных помещений открылась цинга и, к довершению бедствий, храбрый воевода Толбузин в сентябре был убит пушечным ядром; после него начальство принял полковник Бейтон. Несмотря на постоянное действие полевой и осадной манджурской артиллерии, осада Албазина шла безуспешно; в конце ноября неприятель переменил ее на блокаду, а в мае 1688 года снял и ее и отступил на четыре версты. У Бейтона в Албазине оставалось только 66 человек, остальные же частью были убиты, а частью умерли от цинги. Неприятель потерял более половины своего войска. В это критическое время внезапно приехал из Пекина гонец с повелением богдыхана о прекращении осады Албазина под тем предлогом, что о разграничении земель идут с обеих сторон переговоры. Манджуры и китайцы отступили от Албазина и 30 августа 1688 года возвратились в Айгун.

Глава II

Посольство Головина и заключение
Нерчинского трактата в 1689 году.—

Величайшая заслуга Головина
заключается в первом пункте трактата.—

Мнение китайского правительства.—
Наше положение после Нерчинского трактата.

Москве поняли, что без утверждения границ между Россией и Китаем нельзя прочно владеть краем, а потому были посланы в Пекин один за другим два гонца, канцеляристы Венуков и Логинов, с уведомлением о начатии переговоров и о назначении с нашей стороны уполномоченным окольного Федора Алексеевича Головина. Вторым лицом при переговорах был нерчинский воевода Иван Астафьевич Власов; делами управлял дьяк Семен Корницкий. С китайской стороны были посланы восемь сановников, которые прибыли в окрестность Нерчинска с огромной свитой и 10 000 пешего и конного войска, под предлогом доставления посольству съестных припасов.

В качестве переводчиков с китайцами были два иезуита: Жербильтон и Перейра. С нашей стороны у Головина и во всем Нерчинском крае было менее 600 человек войска. При таком перевесе китайцев в численной силе, Головин не мог делать настоятельных требований на уступку России Приамурского края, и китайцы, вместо мирных переговоров, начали прямо грозить нападением на Нерчинск, если Головин не согласится на их предложение: уничтожить Албазин и отдать всю Даурию Китаю. Головин протестовал против этих насильственных действий и не соглашался на их предложение. Тогда китайцы начали вооружать против нас недавно покоренных бурят Нерчинского края и вместе с ними готовились осаждать Нерчинск, в котором находилось наше посольство; при этом свое требование они повторили Головину в виде ультиматума.

Головин, находясь в таком безвыходном положении, предложил прислать проект о разграничении. 21-го августа этот проект был прислан Головину от китайцев в следующем виде: «Граница между Россией и Китаем должна идти от вершины реки Горбицы до истоков реки Уди, а отсюда по вершинам гор, направляющихся к северу и оканчивающихся Чу-

котским носом». Вместе с присылкой проекта они просили немедленного ответа на него. На этот раз они изменили смысл проекта, так как «в предлагавшемся в первый раз условии, в виде ультиматума, на который Головин согласился, *«граница была означена по Хинганскому хребту, до моря, а о северных горах и Чукотском носе ничего не упоминалось»*. На эти последние несообразные требования Головин не отвечал. Китайские уполномоченные, тщетно прождав три дня ответа от Головина и видя, что он никак не согласится с их предложением и что принудить его к этому могут только военные действия, боялись делать насилие, которое не привело бы ни к какому результату, а только навлекло бы гнев богдыхана, и объявили Головину, что они отказываются от последнего предложения и желают с ним кончить дело на основании первого их предложения, на которое он согласился. К этому побуждали еще китайцев, во-первых, иезуиты и, во-вторых, желание их отстоять, во что бы то ни стало, Даурию, под которой они понимали всю страну по течению Амура, до слияния этой реки с рекой Сунгарй.

Так как ни китайцам, ни Головину не были хорошо известны приморские страны, и Головин усматривал, что китайцы хлопочут главное о Даурии, где все реки, вливающиеся в Амур, как то: Зея, Бурея и другие, текут от севера к югу, то, по возобновлении переговоров, он настаивал, чтобы в трактате было упомянуто о направлении рек и чтобы страна к морю осталась без разграничения. Китайцы согласились, и 26 августа 1689 года был подписан Нерчинский трактат — первый и самый важный дипломатический акт в сношениях России со Средним государством. Первые два пункта этого трактата, относящиеся до Приамурского края, выражены так:

«Река Горбица, которая впадает, идучи вниз, в реку Шилку, близ реки Черной, рубеж между обоими государствами поставит; также же от вершины той реки каменными (становыми) Хинганскими горами (хребтом) начиная от вершины реки и по самым вершинам тех гор до вершины реки Уди, а далее, по тем же горам, до моря протяженным, обоих государств державу тако разделить, яко всем рекам, малым и великим, которые с полуденной стороны сих гор впадают в реку Амур, быти во владении Ханского государства, тем же рекам, которые текут с другой стороны и по всем другим направлениям этих гор, быти под Державою Царского Величества Российского государства, и все земли сущие между той рекой Удью и принятыми вышесказанными пограничными гора-

ми до моря не ограничены ныне да пребывают, поелику на оные полномоченные послы Царского Величества указу не имеют и отлагают неограниченными до иного благополучного времени, в которое Царское Величество и Богдыханское Величество похощут о том послати послы посланники любительными пересылками, и тогда или через грамоты, или через послов, тыи неограниченные земли покойными и пристойными случаи успокоити и разграничить могут».

В 3-м пункте трактата сказано: *город Албазин, который построен был со стороны Царского Величества, разорить до основания и также на Амуре прибывающих всех русских людей со всеми при них запасами и пожитками перевести в пределы Царского Величества.*

Вследствие этого договора, осенью 1689 года и весной 1690 года все люди из Албазина и с Амуре перешли в Нерчинск, а Албазин был сожжен манджурами до основания.

Сибирская летопись того времени так говорит об этом происшествии: «Россияне несправедливым образом, перемогающей силой неприятелей, с Амуре вытеснены, и что еще несправедливее насильственным мирным заключением река Амур за китайцами осталась»¹.

Этот краткий обзор событий, совершившихся на реке Амуре с 1643 по 1689 год, ясно показывает, что не желание завладеть и утвердиться в бассейне одной из величайших рек, вливающейся в Восточный океан, а заманчивые слухи о богатстве обитающих там народов и жажда корысти вызвали предприимчивых завоевателей Сибири, — вольницу казаков и промышленников, — на подвиг завладения Амуром. Но здесь наша вольница встретила независимые народы, соседственные сильному и устроенному государству, всегда готовому подать им помощь. В остальной Сибири эта отважная вольница не встречала таких препятствий и потому не могла предвидеть, что действия ее в Приамурском крае должны быть совершенно иные и более сообразованы с условиями страны. «Предприятия русских на Амуре в 17-м столетии, — говорит Риттер, — могли бы иметь важные последствия, если бы они умели воспользоваться завоеваниями Хабарова, которые открыли им возможность проложить путь к крайним пределам Азии и основать богатую житницу». Действительно, того и другого мы могли бы достигнуть весьма легко, а именно следовало бы: а) учредить порядок и дисциплину между вольницей русских на Амуре; б) прекратить разъезды казаков на грабежи

¹ Ежемесячные сочинения, октябрь, 1757 г., с. 328.

к инородцам и в Манджурию; в) стараться привлечь инородцев к себе ласковым с ними обращением, строгим ограждением неприкосновенности их собственности, уважением коренных их обычаев и уничтожением сбора с них ясака; наконец, г) основанием по берегам Амура и его притокам земледельческих поселений.

Между тем московское правительство, сознавая всю важность открытий Пояркова и завоеваний Хабарова, посылает на Амур, как мы видели, с упомянутой выше целью, Зиновьева. Как лицу, облеченному высшей правительственной властью, Зиновьеву следовало бы, пользуясь любовью казаков к Хабарову и уважением всех находившихся тогда на Амуре русских, вместе с ним и с помощью из Якутска и Нерчинска, установить, в сказанных видах, порядок и твердую власть на Амуре и направить Хабарова к поддержанию этого. Но Зиновьев, увозя с собой Хабарова, оставляет на Амуре вместо него Степанова, человека, не понимающего важности лежащей на нем обязанности, — грубого, дерзкого и способного только производить грабежи и набеги. Затем московские приказы, не принимая во внимание, что завоеванием Амурского бассейна обязаны были распоряжениям из Якутска и что поэтому якутские воеводы, как лица близко заинтересованные в этом славном деле, могли бы

с большим вниманием наблюдать за порядками на Амуре и с энергией помогать там нашему водворению и утверждению, а также, что сообщение Якутска с Приамурским краем не может быть прервано неприязненными покушениями; вместо того чтобы оставить этот край, требующий установлений в нем порядка и беспрестанной помощи, в непосредственном ведении якутских воевод, делают его отдельным, под управлением Степанова, и через это уничтожают рвение к нему из Якутска.

После Степанова этот край поступает под непосредственное начальство и управление Пашкова, человека более заинтересованного завладением Забайкалья, чем Амура. Пашков остаивается в Нерчинске, заботясь не о приведении в порядок дел на Амуре, а об обеспечении сообщения Нерчинска с Иркутском; Приамурский же край делается пристанищем разбойников и людей подобного закала. Воздвигается Албазин, из которого, по следам Степанова, в соседнюю Манджурию отправляются партии на грабежи. В это же время московские приказы, как бы довольные присылкою с Амура награбленного ясака, вместо того чтобы озаботиться скорейшей высылкой туда надлежащей военной силы, требованной еще якутскими воеводами, — медлят и ограничиваются одними пустыми перепо-

Амур в Хинганских горах.
Гравюра XIX в.

ворами и отписками. Китайское правительство, усматривая постоянный хаос на Амуре и не предвидя конца набегам и грабежам на соседственную провинцию Манджурию, находится в необходимости принять решительные меры. Когда китайское войско, уничтожив все русские остроги в Приамурском крае, подступило к единственному остававшемуся у нас пункту — Албазину, в Москве только тогда как бы опомнились и снарядили Головина с 500 казаками. Головин, вступив в Забайкалье, находит этот край не только неустроенным, но и не огражденным от беспрестанных на него нападений монголов. Он находится вынужденным употребить для этого почти всю приведенную им силу, лишается поэтому средств заставить китайцев уважать общенародные государственные права, и, являясь, таким образом, как бы в плену у китайцев, — подписывает Нерчинский трактат, по которому Россия лишается всех завоеваний Хабарова.

Все вышесказанное ясно показывает, что такая печальная развязка произошла единственно от тогдашних приказных правителей, а не от того, как утверждают и настоящие приказные бюрократы, что будто бы не наступила тогда еще пора для русских завладеть Амуром.

Но каковы бы ни были московские приказные ошибки и дикие своекорыстные побуждения амурской вольницы, приведшие к таковым печальным для России последствиям, беспристрастное потомство должно помнить и с удивлением взирать на геройские подвиги самоотвержения первых пионеров и завоевателей Приамурского края, часто плативших жизнью и кровью за свое молодечество и удал. Потомство с признательностью сохранит имена их, дошедшие до нас в сибирских повествованиях, потому что они первые проложили путь по неизвестной реке, открыли существование неизвестных до того времени народов и, хотя не оставили никаких сведений о главном обстоятельстве, обуславливающим значение реки и страны, ею орошаемой, — именно о состоянии ее устья и побережья, но уже своим водворением на ее берегах доставили России неоспоримое право к возвращению этой страны.

Чтобы понять вместе с этим огромную заслугу, оказанную России Головиным, необходимо обратиться к смыслу первого пункта, заключенного им Нерчинского трактата. Мы видели, что манджуры и туземцы под рекой Амуром разумели только ту часть реки, которая идет до устья Сунгари, и знали, что только две большие реки, Зeya и Бурея (притоки Амура), вытекают из каменных, пограничных гор и текут на юг. Мы видели также, что горы, идущие к северу от вершины реки Уди, огибающие Охотское море

и оканчивающиеся Чукотским носом, не приняты за пограничные, а оставлены во владении России; следовательно, граница наша, долженствовавшая идти по горам, из которых выходят реки Зeya и Бурея, не могла иметь направление северное, а какое-либо иное, с условием, что горы эти, принятые за пограничные, должны упираться в море; но в какое море: Охотское или Корейское — не обозначено; а между тем оба эти моря омывают побережья Приамурского бассейна. Соображая все эти обстоятельства со смыслом выражения Нерчинского трактата, т. е. что *граница России от верховья реки Горбицы должна идти по становаму Хинганскому хребту до верховья реки Уди, а оттуда по тому же хребту до моря протяженному*, и что *все реки, выходящие из этого хребта и идущие от него по всем направлениям, кроме южного, принадлежат России*, выходит, что Головин, настояв на таком выражении в Трактате, обусловил только границу собственно Даурии; следовательно, только то пространство реки Амура, которое принималось манджурами за Шилькар или Маму; все же остальное пространство бассейна реки Амура, до моря, оставил не только неопределенным, но, главное, в зависимости от направления пограничных гор, верховья реки Уди и рек, вытекающих из этих гор; а также от того обстоятельства, в какое море эти горы упираются: в Охотское или Корейское. Эти-то обстоятельства и оставили за Россией полное право на возвращение от Китая Амурского бассейна. Весьма естественно, что они и возродили, в особенности в сибиряках, надежду на скорое утверждение этой страны за Россией. Сожаление о потере Приамурского края распространялось в то время еще более рассказами вышедших с Амура людей: они долго не могли забыть привольного житья своего в этом крае. Название Благословенная земля, оставшееся между потомками албазинского воеводства, вполне говорило сибирякам в пользу его. Да и могли ли албазинцы забыть землю, которую отстаивали с такими усилиями, имея дело с сильными тогда манджурами, покорившими Китай и все соседние с ним народы. Действительно, происшествия, совершившиеся тогда на Амуре, составляют ряд беспримерных подвигов русских, и эти подвиги занимают лучшие страницы в истории колонизации Сибири. Что же касается до неумеренной молвы о природных богатствах тамошнего края, о котором албазинцы в отписках и летописях своих отзывались с таким преувеличением, то это было только влечение к новому поселению, которое, без сомнения, было лучше Якутского и соседнего с ним Нерчинского края. Казакам в особенности нравилась вольная безответственная жизнь: они свободно

разъезжали по Амуру и Сунгари, — собирали ясак и брали, что хотели. Смелость их доходила до того, что многие из них ходили и грабили даже вовнутрь Манджурии. Подобная жизнь была по сердцу российской удалой вольнице. В течение немногих лет по Амуру было построено несколько острожков, деревень, крестьянских зимок, мельниц и однодворок. При усиленных военных действиях с манджурами, жители этих селений, раскинутых на огромное расстояние, покидали свои жилища и, для отражения неприятеля, собирались в главные пункты, в Кумарский или Албазинский острог.

Вспоминая о действиях наших на Амуре в описываемый период времени, нельзя не упомянуть, что по географической карте, напечатанной при царе Алексее Михайловиче, граница наша показана: на востоке — Охотское море с устьем реки Амур, на юго-востоке — река Амур до устья Шунгала (Сунгари), на юге — от устья Шунгала по Шилькару (Амуру) и далее по горным хребтам и рекам до р. Исети. В состав владений наших входили все земли, завоеванные при царях Михаиле Феодоровиче и Алексее Михайловиче, и их жители (кроме северных инородцев), как то: гиляки, наткисы, гольды, ачане, дучеры, дауры, тунгусы и буряты.

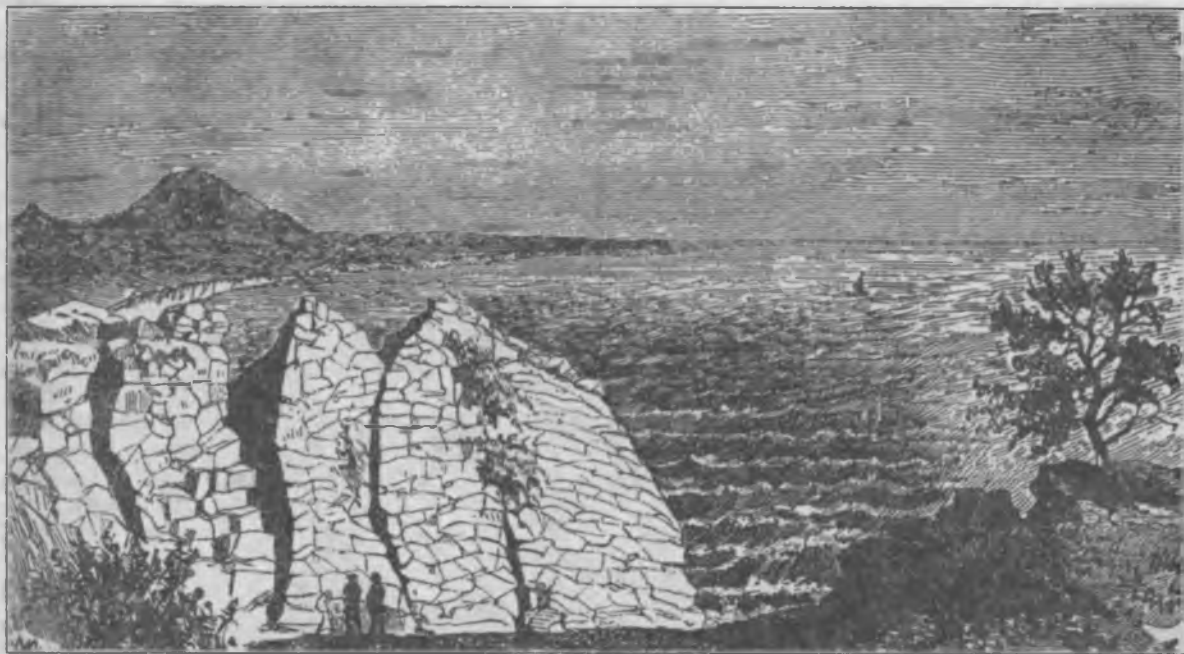
Китай, завладев, таким образом, Приамурским краем, прервал сообщение Забайкалья с морем, и Сибирь осталась вполне чуждой всякому развитию. Стоит только внимательно взглянуть на карту Сибири, чтобы оценить всю важность этой потери: полоса земли в несколько тысяч верст, удобная для жизни оседлого человека и составляющая собственно Восточную Сибирь, где сосредоточивалось и могло развиваться далее ее народонаселение, а с ним и жизнь края, ограничивается: на юге — недоступными для сообщения цепями гор и песчаными морями; на севере — ледяными, бесконечными тундрами, прилегающими к такому же ледяному океану; на западе — единственными путями, через которые только и можно наблюдать и направлять ее действия к дальнейшему развитию, наравне с общим развитием нашего отечества, — путями, через которые только и возможно увеличение ее населения; на востоке — опять недоступными для сообщения горами, болотами и тундрами. Все огромные реки, ее орошающие: Лена, Индигирка, Колыма и другие, которые при другом направлении и положении могли бы составить благо для края, — текут в тот же Ледовитый, почти недоступный, океан и через те же, недоступные для жизни человека, пространства.

Ясно, что край, находившийся в таком положении, не мог никогда и ни при каких обстоятельствах правильно развиваться.

Между тем природа не отказала Восточной Сибири в средствах к этому развитию; она наделила ее и плодородными землями, и здоровым климатом, и внутренними водными сообщениями, связывающими ее более или менее с остальной Россией, и богатствами благородных и других металлов, — элементами, ручающимися за благоденствие ее жителей и за ее постепенное и возможное развитие, если только ей открыть путь, посредством которого она могла бы свободно сообщаться с морем. Единственный такой путь представляет собой, когда-то потерянная нами, река Амур. Эта река, однако, только тогда имеет для нас вышесказанное значение, если устье ее доступно для плавания мореходных судов. Но на этот-то *главный и жизненный вопрос* не было тогда обращено никакого внимания; относительно его мы находились во мраке. Великий преобразователь России Петр I, уповая, что этот вопрос может быть разрешен в благоприятном смысле, и сознавая всю важность обладания Приамурским краем, переселил в Забайкалье стрельцов и тем положил первое основание нашей силы в преддверии Амурского бассейна. За ним Екатерина II в следующих выражениях высказала важность обладания Амуром: *«Если бы Амур мог нам только служить, как удобный путь для продовольствия Камчатки и вообще наших владений на Охотском море, то и тогда обладание оным было бы для нас важным»*. Вот как понимали значение для России Приамурского края наши великие монархи!

Китайцы, довольные тем, что горы и безлюдные пустыни отделили с севера Приамурскую Даурию от Якутской области, из которой для покорения первой явились русские, ограничились лишь построением на верхнем Амуре Айгунской крепости. Эта крепость служила оплотом Даурии со стороны Забайкалья; остальную же часть края они оставили без всякого внимания, имея в виду, с одной стороны, что горы и море, отделяющие его на северо-востоке от более или менее населенного нашего Приленского края, служат верной защитой от нас их Манчжурии. С другой стороны, боясь притязания на этот край русских, по случаю его неопределенности (по смыслу Нерчинского трактата), оставили, таким образом, средний и нижний Амур с его притоками в том самом положении, в каком наше его Поярков в 1644 году, т. е. *свободным*.

В течение нескольких лет после договора русские, опасаясь внутренних междоусобий монголов, пускались с караванами через Манчжурию и этим путем достигали Пекина. В лежащих на пути городах и селениях они производили меновую торговлю с манчжурами. Но по новости тор-

Вид в окрестностях Охотска.

Гравюра XIX в.

говых сношений русские как-то не могли сойтись с ними, отчего происходила постоянная вражда, положившая предел этим сношениям. После убийства, сделанного русскими в центре Манчжурии, наши караваны не были туда впускаемы и должны были направляться в Пекин, опять через Монголию; с этих пор все было как бы забыто и Приамурский край для нас как бы не существовал. Сопредельное же с ним наше Забайкалье сделалось местом ссылки преступников и было для нас только грозой и каким-то ледяным чудовищем, при воспоминании о котором трепетали в Европе. Так проходили годы. Между тем народонаселение Сибири возрастало; пути, ведущие в нее из Европейской России, населялись и улучшались. Владения наши более и более распространялись от Якутска к северо-востоку.

Восточный океан с его островами и прибрежными землями северной Азии сделался в особенности предметом изысканий предприимчивых казаков и отчаянных промышленников, возбуждаемых жадой обогащения. С 1690 года стала известна Камчатка: немного времени спустя открыты Курильские острова; в 1710 году получено известие о существовании Японии. В 1712 году русские заняли Шантарские острова. В 1716 году два торговых дома в Петербурге подали в Сенат просьбу о дозволении им производить торговлю с Японией и Ост-Индией; они по-

лагали достигнуть Японии таким образом: из Северной Двины войти в Ледовитый океан, а из него в Обскую губу и затем по Оби и известным водным системам Западной и Восточной Сибири до Байкала; отсюда по рекам Селенге и Шилке и, наконец, по Амуру и Восточным океаном до Японии. Просьба эта была передана генерал-фельдцейхмейстеру Брюссю, поддерживавшему с большим участием это предприятие. Брюсс предварительно отнесся к тобольскому воеводе, князю Гагарину, об истребовании от нерчинского начальства достоверных известий о плавании по реке Амуру и сведений о Японии. Им же сделано было тогда особое представление о посылке сведущих людей для ученого описания отдаленных мест Восточной Сибири и водного пути в Японию, с которой предполагалось войти в торговые сношения. Он находил, что эти сношения принесут России важную пользу. Обстоятельство это не имело, однако, никаких последствий; всякие виды на Амур в то время, когда Нерчинский трактат понимался иначе, были невозможны.

Между 1710 и 1720 годами русские поселяются на полуострове Камчатка, а отсюда постепенно занимают Курильские острова. В это же время учреждается постоянное плавание между Камчаткой и Охотском; производится в известность побережье Охотского моря, между Охотском и реками Алдамой, Удьей и Тугуром; открываются

Забайкальская тайга.
Гравюра XIX в.

Шантарские острова и начинается производство на них пушного промысла.

В 1719 году, по повелению Петра I, геодезисту Евреинову поручается обозреть южную часть Камчатки и Курильские острова и положить на чертеж (карту). В 1725 году, по начертанию Петра I, Екатерина I снаряжает экспедицию под начальством командора Беринга, с лейтенантами Шпанбергом и Чириковым, для описи, известного уже тогда через морехода из Камчатки Дежнева, открытого им пролива между Азией и Америкой (называемого на карте Беринговым). Эта экспедиция привела в известность Камчатский полуостров с островами Восточного океана, лежащими между Камчаткой и материком Америки, а равно и часть северо-западного берега этого материка.

Вторая экспедиция Беринга, назначенная по повелению императрицы Анны Иоанновны в 1733 году, имела целью открыть пути в Японию и занятие ближайших к Камчатке мест Северной Америки.

Вследствие этого командор Беринг и лейтенант Чириков, описывавшие северо-западный матерой берег Америки, вместе с тем указали путь русским промышленникам на Аляску и Але-

утские острова. В 1727 году, при императрице Екатерине I, отправленное в Пекин посольство Саввы Владиславовича Рагузинского не касалось вопроса о Приамурском крае; несмотря на то, что китайцы настаивали на этом. Рагузинский отвечал, что он не имеет для этого полномочий, а потому все оставляет по-прежнему.

В 1738—1739 годах лейтенанты Шельтинг и Вальтон, бывшие в экспедиции Беринга, плыли из Камчатки вдоль Курильской гряды и доходили до Японских островов Мацмая и Нипона. Во время этого путешествия они получили сведения от курильцев, что весьма близко от Мацмая, к северу, лежит большая земля Корафту (Сахалин), что на южной ее оконечности живут айны — народ одноплеменный курильцам и, наконец, что эта земля находится близ устья большой реки Шунгала (Сунгари — Ула), (реки Амра). Но так как Шельтингу не поверили, чтобы он был в Японии, а полагали, что они с Вальтоном попали на какой-либо китайский берег (Корея). Но в 1741 году из Камчатки в Японию был послан лейтенант Шпанберг. Он, по случаю открывшейся в его судне сильной течи, не дошел и принужден был возвратиться обратно. Вслед затем в 1742 году отправился с той же целью из Охот-

ска лейтенант Шельтинг; он достиг северной оконечности Сахалина и посылал в лиман реки Амура шлюпку; отсюда, обогнув Сахалин с северо-востока, осмотрел почти весь восточный берег его, но по позднему времени, не достигнув Японии, возвратился на Камчатку. Вслед за этими мореплавателями начали посещать ближайшие к Камчатке Курильские острова наши промышленники; они встречались с японцами и всегда были принимаемы ими дружелюбно. Между тем, около этого же времени, выбросило на берега Камчатки японскую джонку; спасенные с нее японцы долгое время жили у нас в Верхнекамчатске и потом были доставлены нашими промышленниками на Курильские острова, к японцам.

Эти экспедиции и сведения, полученные от промышленников и от находившихся у нас японцев, дали нам понятие о Японии и о том, что Сахалин (Корафту) — большая земля, лежащая близ устья большой реки Амур; что земля эта населена различными инородцами, ни от кого не зависимыми, и что русские первые из европейцев открыли и частично описали Сахалин. Кроме того, мы имели тогда сведения, доставленные Шельтингом, о северной части Амурского лимана, в который он посылал шлюпку. Затруднение продовольствовать Камчатку было причиной того, что в 1745 году из Камчатки был послан проект, в котором доказывалась необходимость для России обладания Амуром и возможность возвратить его, действуя с моря, т. е. с устья реки. Таким образом, вследствие затруднения в перевозке хлеба и других запасов из Якутска в Охотск, по дороге едва проходимой, после многих лет, река Амур опять возобновляется в памяти русских.

Между тем, с увеличением числа правительственных приморских пунктов по бережьям Охотского моря и на Камчатке: Охотска, Удского острога, Гижиги. Большерецка, Тигиля и Нижнекамчатска, и с развитием промыслов, потребность в продовольствии более и более возрастала. Попытки развести в этих местах хлебопашество показали, что оно, по особым климатическим условиям этого края, быть здесь не может: хлеб не родился.

Глава III

Возбуждение вопроса о реке Амуре в 1753 году.—
Повеление императрицы Екатерины II
о заселении реки Амгунь в 1777 году.— Цель повеления.—
Заключение Лаперуза и Браутона о лимане
и устье реки Амуре в 1783—1793 годах.
Исследование И. Ф. Крузенштерна в 1805 году.—
Его заключение о Сахалине и устье реки Амуре.—
Невыгодные последствия.—
Экспедиция Хвостова и Давыдова в 1806 году.

Важность такого предмета, как снабжение продовольствием обширного края, понуждала правительство вникнуть серьезно в это дело и дать ход проекту, представленному сибирским губернатором Мятлевым в 1753 году. Мятлев, имея предписание о принятии более надежных и выгодных для казны мер в продовольствие Охотского края и Камчатки, донес Правительствующему сенату, что единственно надежная и выгодная для казны мера к доставлению продовольствия в эти края состоит в том, чтобы сплавливать все по реке Амуре. Сенат утвердил это представление и предоставил иностранной коллегии войти предварительно в сношение с китайским трибуналом и уверить китайское правительство, что при этом святость Нерчинского трактата будет сохранена. На это из Китая не последовало никакого ответа. Между тем Мятлев поставил в обязанность начальству Забайкальской области усилить в ней хлебопашество, ввиду будущего обеспечения приморских мест.

В случае решительного отказа китайцев на представление Сената об открытии для нас плавания по реке Амуре, Мятлев просит от селенгинского коменданта Якоби мнения, какие, по местному усмотрению, можно изыскать способы к свободному сообщению по реке Амуре: увеличением ли числа войск или другими мерами. По важности предмета, обстоятельство это велено было верить одному надежному чиновнику и о содержании им этого в тайне взять от него подписку под присягой. Тайна о видах на Амур была открыта

адъютанту коменданта Якоби, поручику Власову. Якоби отвечал, что он, управляя Селенгинским округом, не имеет никаких сведений о Нерчинском крае, тем более об Амуре. В донесении же своем, вслед за сим, пишет, что он получил некоторые сведения от Владыкина, директора российских караванов, возвратившегося из Китая; он ему объяснил, что в восточной стороне Амурского края населения много, что земля по течению Амура весьма плодородна, и при этом показал полученную им в Пекине манджурскую карту, из которой видно, что на Амуре находятся, будто бы, города и при устье — флотилия, на которой до 4 000 экипажа.

В следующем затем рапорте Сенату, от 21 сентября 1756 года, Якоби объясняет, что, по его мнению, основанному на достоверных сведениях, не должно с нашей стороны делать решительных сношений с китайским двором относительно домогательства плаванья по реке Амуре, но прежде надобно на границах селенгинской и нерчинской, в приличных местах, поставить провиантские магазины и заготовить хлебные запасы; потом выслать из России достаточное число войска, снабдив его полным вооружением и артиллерией. Когда все эти необходимые меры приведутся в исполнение, тогда только можно будет обратиться к трибуналу с требованием о дозволении свободного плаванья по Амуре. Если же со стороны китайского правительства последовал бы отказ, то тогда распорядиться построением на берегах реки Амура крепостей и редутов. Когда все это будет сделано, тогда только можно будет ожидать успеха, ибо китайцы, внезапно увидя многочисленную стражу, едва ли будут в состоянии начать какие-либо военные действия. «Все сие,— писал Якоби,— будет стоить больших издержек, но они вознаграждаются важной выгодой, какая может произойти от обеспечения Камчатки продовольствием. Можно тогда принять в подданство России и мунгал, что наверно последует, когда они увидят столько крепостей около мест их жительства. Наконец, если бы и случилось, что китайское правительство не согласилось на наши требования относительно реки Амура, то учреждение крепостей и усиление войск все же не было бы излишне, несмотря на значительные расходы, и служило бы к славе, а не к бесславию России»¹. Несмотря, однако, на живое участие, какое в то время принимали относительно реки Амура, это дело остановилось в самом начале.

Мнение Якоби о построении на Амуре крепостей, к несчастью, нисколько не отвечало местным тогдашним обстоятельствам, ибо мы, вследствие различных пограничных столкновений, находились с Китаем в неприязненных отношениях. В 1757 году советник посольства Братищев, бывший в Пекине по поводу пограничных сунгарских столкновений, между прочим, сообщил о подозрении китайцев, обративших внимание на постройку судов на реке Ингода и выразившихся по этому поводу, что русские никогда не будут плавать на водах Амура. Якоби полагал, что бывшей тогда за Байкалом военной стражи недостаточно и что надо прислать еще 30 000 войска; но такого числа послать тогда не могли, да и продовольствовать было нечем. При таком положении дел нам оставалось только отстаивать собственную свою границу, растянутую на огромное пространство, и потому представление Якоби было оставлено.

Китайцы, между тем, видя, что мы бессильны против них, лишают нас права свободной торговли, выговоренной Нерчинским трактатом, и посольство Кропотова, отправленное в Пекин при императрице Екатерине II, в 1767 году, для улаживания несогласия с Китаем, с немаловажными усилиями, едва могло добиться от них согласия на водворение с ними торговли в одном пограничном пункте. Таким пунктом является только что основанная Кяхта; сперва она делается только местом сбыта наших сибирских произведений, но через весьма короткий промежуток времени туда везут и фабричные произведения европейской России, и она становится новым источником государственного дохода, связывает более тесным союзом нашу Сибирь с европейской Россией, и поэтому делается для нас весьма важным пунктом.

Войдя на северо-востоке в соприкосновение с океаном и основав в Кяхте сношения с Китаем, мы устремляем все наше внимание, во-первых, на сохранение и обеспечение кяхтинской торговли и на приведение в порядок дел на бережьях Охотского моря, на Камчатке и в Северо-Западной Америке — новых владениях наших, богатых пушными товарами; во-вторых, на устройство с ними сообщения. Но при этом-то последнем обстоятельстве мы и встретили непреодолимые природные препятствия и увидели всю справедливость мнений о необходимости возвращения реки Амура,— мнений, поданных в Камчатке в 1745 году, Мятлевым — в 1753 году и Якоби — в 1755 году.

¹ Этот факт весьма замечателен тем, что, заботясь об обеспечении Камчатки продовольствием, никто не обратил внимания, возможно ли выйти из р. Амура в море, т. е. о положении его устья, о котором не было никаких сведений, и доказывает, что Якоби хорошо знал китайцев, с которыми дипломатические переговоры без силы не имеют места и бесполезны.

Куда без всякой дороги, через пустынные леса, горы и болота могли проникать ватаги отважных промышленников и казаков, туда нельзя было без дорог провозить значительные тяжести и проводить большое число людей, необходимых для обеспечения Камчатки и американских владений. Естественно, что поэтому прежде всего необходимо было обратить особое внимание на устройство дороги из Якутска в Охотск и из Охотска на Камчатку. Но все труды для устройства этой дороги оказались напрасными, она могла существовать только в виде тропинки, и сообщение оставалось почти таким же, как было и при начале занятия побережья Охотского моря. Перевозить тяжести возможно было только на вычужных лошадях, привычных к тем дорогам, и притом в весьма кратковременный период года. Дурен был путь до Охотска, но и такого нельзя было устроить из Охотска на Камчатку: громадные пустыни, горы и тундры составляли такие непреодолимые преграды, что нам пришлось совершенно отказаться от мысли иметь туда береговой путь.

Таким образом, весь Камчатский полуостров, равно как и американские наши владения, оста-

вались отрезанными от материка, и сообщение с ними иначе не могло быть, как морем. Суда для этого строились в Охотске и оттуда отправлялись на Камчатку и Америку. Охотск поэтому был главным нашим пунктом сообщений, но, как порт, он имел важные неудобства, потому что расположен при устьях мелководных и опасных рек: Кунтуи и Охоты. Бар реки Кунтуи в малую воду доходил до четырех футов. Это обстоятельство, а также трудность пути между Якутском и Охотском, несмотря на труды и капиталы, употребленные на устройство сколько-нибудь сносной дороги, возбудили опять всеобщее воспоминание и на то, что его устье было еще совершенно не исследовано и что еще неизвестно, доступно ли оно для мореходных судов. В этих-то видах, в 1775 году, императрица Екатерина II повелела отправить из Удского острога партию казаков на реку Амгунь, чтобы основать на этой реке поселение сколь возможно ближе к реке Амуру, с тем чтобы из этого пункта производить исследование устья реки и разведать, в какой степени оно доступно для мореходных судов. Вместе с тем императрица повелела.

Маршрут экспедиции И. Ф. Крузенштерна

в случае, если окажется, что мореходные суда могут входить в реку, занять ее устье. Вследствие этого в 1777 году из Удского острога было отправлено на Амгунь около 30 человек. Манджуры, узнав об этом от инородцев, обитавших на реке Бурее, донесли в Пекин. Китайское правительство с угрозой объявило, что если русские не оставят своего предприятия в землях еще не разграниченных, то Китай прервет с ними всякие торговые сношения в Кяхте.

В это время мы, во-первых, не только не имели почти никакой военной силы за Байкалом, но даже лишены были возможности отправить ее туда, чтобы поддержать наше предприятие и заставить китайцев продолжать весьма выгодную для нас кяхтинскую торговлю. Во-вторых, правительство наше, имея в виду при более благоприятных обстоятельствах возвратить Приамурский край, несмотря на неоднократные требования китайцев, постоянно уклонялось от разграничения его и теперь вынужденным нашлось отменить свое распоряжение и обратить все внимание на восстановление дружеских отношений с Китаем. Последнего в то время можно было достигнуть только одним путем: именно надо было снова пожертвовать, до поры до времени, своими видами на реку Амур.

Вскоре после этого являются в Татарский залив французы и англичане. Они приходят туда со скромной целью исследования его берегов и лимана реки Амура, но вместе с тем в случае благоприятных условий для плавания в этих местах, имеют «заднюю» мысль — водворить там свое владичество. Так, в 1783 году французское правительство послало в Тихий океан, для открытия и описи, ученую экспедицию под начальством знаменитого мореплавателя Лаперуза. Лаперуз, следуя вдоль Татарского берега к северу, в широте 51° 29' N, открыл на этом берегу удобный для якорной стоянки залив, который, в честь бывшего тогда во Франции морским министром де-Кастри, назвал заливом де-Кастри. Об этом заливе Лаперуз собрал от туземцев сведения о северной части Сахалина и устье реки Амура. Туземцы, при начертании Лаперузом на песке очерков матерого берега и Сахалина, постоянно проводили между ними черту и этим как бы показывали, что Сахалин соединяется с материком обсыхающей отмелью и что перед устьем реки Амура, впадающей в море против Сахалина, лежат такие же мели¹. Но, несмотря на эти показания туземцев, Лаперуз пошел из залива де-Кастри к северу, имея намерение через лиман реки Амура

достигнуть Охотского моря. Через 8 миль глубина с 15 сажен уменьшилась до 9, между тем течения от севера замечено не было, почему Лаперуз, предполагая, что путь по этому направлению может привести его к мели, стал на якорь и послал для исследования к северу две шлюпки. Эти шлюпки, придерживаясь сахалинского берега, прошли около шести миль, до глубины трех сажен, которая оканчивалась отмелью, шедшей от сахалинского берега. Последний отсюда казался им сливавшимся с противоположным матерым скалистым берегом и поэтому они возвратились на судно. Это обстоятельство, а равно показания туземцев в заливе де-Кастри, постепенное уменьшение глубины и бездействие течения побудили Лаперуза оставить свое намерение и заключить, что Сахалин соединяется с материком отмелью, покрывающейся при приливе водой, что вход в лиман с юга для мореходных судов недоступен и что устье реки заперто мелями.

Этот же знаменитый мореплаватель описал западную, южную и юго-восточную части Сахалина, пролив, отделяющий Сахалин от острова Мацмая, названный его именем, и берег Татарии. На всех упомянутых берегах Лаперуз не только не нашел ни одной гавани, но кроме залива де-Кастри, — ни одного даже места, сколько-нибудь удобного для якорной стоянки.

Через 10 лет после этого, именно в 1793 году, в Татарский залив пришел знаменитый английский мореплаватель капитан Браутон. Он пришел туда на бриге, сидевшем в воде всего 10 футов, и, пользуясь тем, что для брига не требуется значительной глубины, хотел непременно пройти из залива де-Кастри в реку Амур и Охотское море. Он пошел по пути Лаперуза, поднялся к северу далее этого последнего на 6 миль и, встретив там глубину около 27 $\frac{1}{2}$ сажен, встал на якорь; но, несмотря на такую малую глубину, пролива, отделявшего Сахалин от материка, он не видел, и ему казалось, что оба берега сливаются и образуют огромный залив. Канал же, по которому он шел, оканчивался мелью, образующей у сахалинского берега залив около трех миль шириной. Отсюда Браутон послал на шлюпке помощника своего Чапмана для окончательного исследования видимого им к северу пространства. Чапман, возвратясь на бриг, объяснил, что хотя между мелями он и находил значительные глубины, но эти глубины отрывочные, ибо он, следуя по ним, постоянно упирался в сплошную мель, тянувшуюся от Сахалина к западу и соединявшуюся с матерым берегом. Эти обстоятельства заставили

¹ В 1852 г., когда мы более или менее ознакомились с языком туземцев Приамурского края и имели переводчиков, то узнали, что туземцы, чтобы показать о существовании между двумя берегами пролива, проводят между ними черту, которая, по их понятиям, означает путь, т. е. что можно проплыть на лодке. Точно так же воду означали черточками, т. е. что по ней можно плыть на лодке во все стороны

Браутона оставить свое намерение и сделать, как и Лаперуз, то же самое заключение, что Сахалин полуостров, и что вход в реку недоступен для мореходных судов, и что устье ее заперто мелями.

В 1803 году наше правительство поручило И. Ф. Крузенштерну описать северную и северо-восточную части Сахалина, юго-восточный берег Охотского моря, лиман и устье реки Амура. Крузенштерн в 1805 году, описывая северо-восточный берег Сахалина около параллели 52° N широты, встретил на пространстве более 10 миль к северо-востоку от Сахалина признаки бурунов и сулоя. Затем, обогнув северную оконечность Сахалина и следуя отсюда к лиману реки Амура, 13 августа того же года он увидел между Сахалином и матерым берегом пролив около 6 миль шириной; приняв его за канал, идущий из реки Амура, он направился в него. Дойдя до глубины шести сажен и не решаясь на судне продолжать путь далее, Крузенштерн лег в дрейф и для исследования к югу послал на шлюпке лейтенанта Ромберга с приказанием, чтобы он, достигнув видимого мыса на Сахалине, шел от него с промером, поперек канала, к матерому берегу. Ромберг, возвратясь на транспорт, донес Крузенштерну, что по причине сильной течения от юга, он не мог подойти к мысу ближе трех миль, что он нашел там глубину 4 сажени и что затем глубина уменьшилась до 3 1/2 сажени, откуда он и возвратился, не достигнув противоположного Сахалину матерого берега. Вода, взятая с этого места Ромбергом, оказалась пресной. Виденный на Сахалине мыс Крузенштерн назвал мысом Головачева, а противоположный ему на матером берегу низменный мыс — мысом Ромберга. Этим И. Ф. Крузенштерн окончил свои исследования Амурского лимана с севера. «Сильные течения, встреченные мною в этих местах, — говорит Крузенштерн, — опасения, чтобы дальнейшими исследованиями не навлечь подозрение китайского правительства и тем не повредить кяхтинской торговле и, наконец, опасение, чтобы не столкнуться с китайской силой, наблюдавшей за устьем реки Амура, о чем предупреждали меня на Камчатке¹, были причинами, из-за которых я не в точнос-

ти исполнил данные мне инструкции». Оставив таким образом дальнейшие исследования лимана, Крузенштерн пошел в Петропавловск и оттуда обратно, в Кронштадт. Из этой своей описи Амурского лимана и из описей Лаперуза и Браутона И. Ф. Крузенштерн решительно заключил:

- а) что нет никакого сомнения в том, что Сахалин полуостров, а потому и плавание из Татарского залива в Амурский лиман невозможно,
- б) что Амурский лиман усеян мелями,
- в) что устье реки Амура должно весьма близко находиться к мысам Головачева и Ромберга,
- г) что прибой и сулой, замеченные у восточного берега Сахалина, в 52° северной широты, должны означать бар какой-либо большой реки или одного из рукавов реки Амура,
- д) что на берегах Сахалина и Татарского залива нет гавани².

За Крузенштерном, в 1806 году, по распоряжению полномочного посла Рязанова, были посланы из Охотска к Курильским островам и к южной оконечности Сахалина лейтенанты Хвостов и Давыдов. Офицеры эти, придя в залив Анива, на южной оконечности Сахалина, вследствие секретных приказаний Рязанова, оставили там, для заявления о занятии русскими Сахалина, 5 человек матросов. Эти матросы впоследствии перешли на реку Тыми, где жили оседло и последний из них, Василий, умер в исходе 1847 года. На пути из Анивы Хвостов и Давыдов шли вдоль восточного берега Сахалина и осмотрели его. Во время пребывания этих офицеров на Сахалине там не было ни одного японца и туземцы говорили им, что японцы к ним не ходят, что они никому ясака не платят³.

Судя по этим данным и по сведениям о посещении Сахалина Шельтингом, оказывается, что русские были первыми из европейцев, подходившими к Сахалину; они описали почти все берега его и, наконец, были первыми поселившимися на Сахалине.

Эти факты весьма знаменательны для России в том отношении, что они представляют законное и беспспорное право России на обладание Сахалином⁴.

¹ Подобные сведения в Камчатке, вероятно, были основаны на сведениях, полученных Владыкиным в Пекине в 1756 году, о китайской флотилии и четырехтысячном экипаже, обурегающем будто бы устье Амура.

² Поэтому на всех морских картах до 1857 года показывался Сахалин полуостровом, а берега Татарского залива — прямыми скалистыми и неприступными.

³ Сведения об экспедиции Шельтинга к Сахалину, а равно и рапорт Хвостова и Давыдова начальнику Охотска, от 10 октября 1806 г., я видел в 1849 году в архиве Охотского порта; указал мне их бывший тогда начальником порта Н. В. Вонлярский.

⁴ Г. Буссе, в описании своем сахалинской экспедиции, а равно и некоторые другие личности, не признают за Россией права на обладание о. Сахалином, выставя против этого то, что экспедиция, совершенная Хвостовым и Давыдовым, не признана будто бы правительством со всеми ее последствиями. Но здесь все эти личности жестоко ошибаются, забывая, что правительство наше протестовало только лишь против грабежей и насилий, произведенных в эту экспедицию Хвостовым и Давыдовым на Курильских островах, принадлежавших Японии, но оно никогда не отвергало фактов, давших нам право на владение островом Сахалином, потому что русские первые описали его берега: именно Шельтинг в 1742 году и Хвостов и Давыдов в 1806 году; русские также первые заняли Сахалин в 1806 году, когда еще японцев там и не было. Эти факты наше правительство признавало и не опровергало никогда, следовательно, и оставило за собой право на обладание островом Сахалином. В виду этих-то совершенных событий подобные рассуждения г-н Буссе и других неправильны.

Положительные заключения таких авторитетных и знаменитых европейских мореплавателей, каковы Лаперуз, Браутон и Крузенштерн, о невозможности для мореходных судов входа в лиман и устье реки Амура с севера и юга, о неимении гаваней на побережьях Татарского залива и, наконец, о влиянии на реке Амуре китайского правительства, охранявшего будто бы ее устье значительной флотилией (с 4 000 человек), весьма естественно возродили вопрос, для чего нам добиваться обладания рекой, которая не имеет сообщения с морем и поэтому представляет для нас такое же ничтожное значение, какое имеют многие реки, орошающие восточную нашу Сибирь? Для чего нам еще приобретением Приамурского края распространять и без того уже растянутую нашу границу с Китаем, когда утвердившееся его влияние на этот край будет только вредить выгодной для государства кяхтинской торговле? Наконец, к чему нам этот край, когда на побережьях его нет ни одной гавани? И действительно, если бы упомянутые заключения знаменитых мореплавателей были безошибочны, то благоразумие и выгоды наши требовали бы оставить этот край без внимания. Для нас было бы все равно, где бы ни была проведена граница наша с Китаем, лишь бы она была только южнее устья реки Уди, при котором находился наш пост со значительным поселением.

Итак, весь вопрос состоял в том, справедливы или несправедливы заключения европейского авторитета знаменитых мореплавателей? Но кто мог тогда заподозрить ошибочность заключения такого авторитета? Кто мог поднять тогда завесу, спущенную им на этот край? Наконец, кто мог сомневаться в ошибочности донесений Владыкина, Якоби (в 1756 году) и затем миссии нашей из Пекина, что будто бы народы, обитающие в Приамурском крае, находятся в более или менее цивилизованном состоянии, что они зависят от Китая и управляются особыми вассальными Китаю князьями, которые ездят в Пекин и женятся на китайских царевнах¹.

¹ См. Статистическое и политическое описание Китайской империи архимандрита Иакинфа. 1842 год, часть 2, с. 30.

Глава IV

Появление на наших картах неверной границы с Китаем.—
Причина невнимания нашего к этому обстоятельству.—
Исследование восточного берега Охотского моря
и сообщения его с Якутском.— Фомин, Сарычев и Кузьмин.—
Экспедиция капитана Литке.— Положение наше
на Восточном океане, в Охотске и Петропавловске.—
Различные мнения о Камчатке.—
Появление в наших морях китобоев.— Их действия.—
Заключение трактата между англичанами и китайцами,
1840—1844 годы.

полне доверяя упомянутым в предыдущей главе заключениям знаменитых мореплавателей о реке Амуре, о побережьях Татарского залива и сведениям, доставленным нашей миссией из Пекина, мы оставались, весьма естественно, совершенно равнодушными к Приамурскому краю; но все-таки упорно отклоняли предложение китайцев о разграничении этого края. Несмотря на это, на географических картах стала появляться граница наша с Китаем, от верховьев реки Уди к востоку, до Тугурской губы. Граница эта сначала явилась на английских и немецких картах, а впоследствии и мы нанесли ее на свои, перепечатывая последние с иностранных изданий. Мы делали это, совершенно забывая, что, на основании 1-го пункта Нерчинского трактата

1689 года, здесь нельзя было означать какой-либо пограничной черты, и смотрели на это равнодушно, вероятно потому, что давали полную веру упомянутому заключению европейского авторитета о недоступности с моря реки Амуре и ее лимана; причем, конечно, Приамурский край становился для нас совершенно бесполезным. Между тем, перепечаткой неверных карт мы как бы признавали, что вся страна к югу от произвольно проведенной на них пограничной черты принадлежит Китаю, и не жалели этого, потому что верили таким сказкам, как например: будто китайцы имеют в Приамурском крае значительные

силы для его охранения, или еще лучше, что на нижнем Амуре находятся города и крепости, каковы Тонден-Кажен и другие¹.

Другой причиной нашего равнодушия к этому краю было то обстоятельство, что моря, которые его омывают с северо-востока и востока, а также Тихий океан, были еще чужды промышленному и коммерческому движению, а сопредельные с ним страны: Китай и Япония, были закрыты для европейцев.

Берингово, Камчатское и Охотское моря в то время еще не посещались китобоями, их бороздили только одни наши транспорты, перевозившие из Охотска продовольствие на Камчатку и в Северо-Американские наши колонии. Возникновение настоящего коммерческого движения в Тихом океане нам казалось тогда весьма отдаленным, или лучше сказать, невозможным и в будущем. Мы никак не могли тогда и думать, что Англия откроет для торговли Китай и вместе с Северо-Американскими Штатами создаст на Тихом океане коммерческое движение. По-настоящему, если бы мы следовали планам Петра I и Екатерины II, почин в этом деле должен был принадлежать России. Утвердись мы несколькими десятками лет ранее в Приамурском и Приуссурийском краях, англичане и американцы не обошли бы нас, заводя торговлю с Китаем.

Теперь интересно оглянуться назад и проследить, что мы делали в то время и принимали ли какие-нибудь меры, чтобы предупредить Англию и Америку, или, по крайней мере, чтобы не остаться безучастными в их предприятии. Ответ короток: мы не только ничего не делали в этом направлении, но даже и не стремились заселить и приучить к оседлой жизни наши восточные владения; что же касается Приамурского края, мы его не трогали, боясь этим раздражить китайское правительство; а оно, в свою очередь, не обращало внимания на этот край, опасаясь нас раздражить. Вот какой странной политики держались тогда обе стороны; мудрено при этом было что-нибудь сделать.

Оставив, таким образом, Приамурский край Китаю, мы имели на Камчатке и в Охотске такую ничтожную силу, которая могла бы только содержать в порядке обитавшие в этих местах кочевые племена, а именно: там у нас было 500 человек морских чинов и две сотни казаков, при трех транспортах, служивших для снабжения продовольствием — через Охотск — Петропавловска, Нижнекамчатска, Тигиля, Большерецка и Гижиги. Для охранения наших Северо-Американских

колоний положено было посылать из Кронштадта военное судно, но это распоряжение с 1820 года было отменено и Российско-американской компании предоставлено самой охранять свои колонии. Для снабжения же Охотского и Петропавловского портов комиссариатскими, кораблестроительными и артиллерийскими запасами и материалами туда, по мере надобности, посылался из Кронштадта через 3 или 4 года транспорт. В видах основания производительной оседлости, а равно и для развития в Камчатском и Охотском краях торговли, на Камчатку и в Охотский край переселены были из Восточной Сибири крестьяне-земледельцы, и порты Петропавловск и Охотск объявлены порто-франко. Для поощрения туземцев к огородничеству и хлебопашеству им были дарованы весьма значительные пособия. Начальникам края и служившим в оном офицерам дарованы были особые преимущества, заключавшиеся в награждении следующими чинами и пенсиями за 5 и 10-летнюю службу. Все старания правительства создать из Петропавловска и Охотска надлежащие порты на Востоке, которые могли бы быть обеспечены на месте, оставались тщетными, ибо сама природа поставила к тому непреодолимые препятствия. Хлебопашество ни в Камчатском, ни в Охотском краях, по климатическим и почвенным условиям и по весьма правильно веденному, ценному пушному промыслу, вознаграждавшему гораздо значительнее труды, нежели земледелие, не привилось и не существовало. Хлеб «родился» только на бумагах и в канцеляриях, в действительности же его не только не было для продовольствия упомянутой ничтожной силы, но и для пропитания переселенных с этой целью крестьян. Мука и все необходимое доставлялось в Охотск из Якутска на выючных лошадях, по ценам непомерно высоким², а из Охотска отвозилось на Камчатку на казенном транспорте. По этим причинам для Камчатки необходимо было существование Охотска.

В Российско-Американских колониях также невозможно было развитие хлебопашества, а потому с этой и промышленной целью компания заняла залив Бодего, лежащий в северной Калифорнии. Это занятие могло бы иметь важное последствие, но компания, действуя в ограниченном объеме коммерческого своего предприятия, не воспользовалась тогда почти свободным положением западного берега Калифорнии. Заняв узкую полосу земли около залива Бодего, она не шла далее от моря, вовнутрь страны и к югу,

¹ Как означено на карте, приложенной к описанию Китая Архимандрита Иакинфа, 1842 год.

² Пуд ржаной муки более 3 р. 50 к. серебром, масло от 20 до 25 р. и т. д.

с тем чтобы сделать эти места житницей для своих колоний и Камчатки. Ее попытка развести хлебопашество у моря, на полосе земли, подверженной влиянию морских туманов, оказывалась не совсем удовлетворительной; между тем как в нескольких верстах от моря девственная, прекрасная почва и климат давали неимоверный урожай.

Владения компании ограничивались здесь маленьким селением Росс, в которое компания ввозила из Ситхи отслуживших срок или неспособных к работе своих промышленников. Из Росса компания получала, однако, мясо, огородные овощи и т. п.; хлеб же, масло, свечи и прочее ввозили в колонию из Якутска через Охотск, а потому, несмотря на все более обнаруживавшиеся неудобства Охотского порта, он все-таки был необходим и для компании так же, как для Камчатки.

В Охотске не было ни одного начальника, который бы не представлял правительству о необходимости переноски порта в другое место, потому что редкое из судов Охотской флотилии плавало там обыкновенным порядком; все они, почти каждый год, валялись на охотском баре или на охотских кошках, где часто и погибали. Это обстоятельство понудило правительство приискывать место на берегу Охотского моря, для устройства порта, лучшего, нежели Охотск; но вместе с тем имелось в виду устроить и более удобное сообщение с Якутском, так как существовавшая дорога от Якутска к Охотску была далеко неудовлетворительна.

Две системы рек: а) Алдан с Маей и Алдамой и б) Алдан с Учуром и Удьей представляли, казалось, возможность устройства сообщения Якутска с восточным берегом Охотского моря, гораздо лучше существовавшего пути от Якутска до Охотска, ибо река Мая, впадающая в реку Алдан, которая, в свою очередь, впадает в реку Лену, подходит на расстояние около 150 верст к реке Алдаме, впадающей в Охотское море в 56° широты. Река же Учур, впадающая также в реку Алдан, подходит на такое же расстояние к реке Уди, вливающейся в Охотское море в 54° широты. Из этих систем рек была принята первая система, потому что, по тщательной описи и исследованию капитанов Фомина и Сарычева, Удская губа оказалась совершенно неудобной для устройства порта; Алдамский же залив, по-видимому, представлялся для этого лучшим местом. Для этой цели от урочища Нелькин, — пункта на реке Мае, ближайшего к реке Алдаме, и начали к этой реке вести дорогу, а по берегам реки Май селить крестьян. Для устройства этой дороги и населения по реке

Мая много было употреблено труда и капитала (более 600 тысяч рублей серебром), но все усилия казались тщетными. Горы, болота, горные ручьи и речки, а также климатические условия представляли непреодолимые препятствия. Оседлость по берегам реки Май, по тем же климатическим условиям и почве (болота, камни, дресва и проч.), не прививалась: хлеб пропадал, люди умирали с голоду и от болезней. Плавание по реке Мае, по случаю быстрых течений и шиверов, было не только неудобно, но и небезопасно. Единственный на всем восточном берегу между Охотском и Тугуром, залив Алдамский и лежащий от него к югу Аянский, по строгим наблюдениям и исследованиям Сарычева, Фомина и затем Кузьмина, оказались совершенно неудобными к устройству порта. Между тем сведения, собранные Кузьминым от удских тунгусов, показывали, что инородцы, занимавшие низовья реки Амура, находятся в независимом от Китая положении и что устья реки Амура должны быть доступны для входа в него судов с моря. Наконец, рассказы якутских купцов, которые вели торговлю с удскими и тугурскими тунгусами, давали повод сомневаться в справедливости заключения об устье реки Амура Лаперуза, Браутона и Крузенштерна и в справедливости донесения нашей миссии из Пекина о положении Приамурского края и обитавших в нем народов. Эти обстоятельства и все сделанные попытки к устройству сообщения Якутска с берегом Охотского моря возбуждали сожаление о потере реки Амура и ясно показывали, что только эта река может открыть удобный путь из Сибири к океану.

В 1828 и 1830 годах начальник Байкальской флотилии П. С. Лугковский¹ и капитан Кузьмин просили дозволения у генерал-губернатора Ловинского спуститься из Нерчинска по Амуру, для ознакомления с рекой, ее устьем и обитающими по ее берегам народами. Вследствие этого предложения с 1830 до 1832 года происходила об этом предмете переписка генерал-губернатора Ловинского с Петербургом, указывавшая на важность этих исследований. Несмотря на то что директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел, Родофиникин, горячо сочувствовал этому делу, дозволения спуститься по Амуру не только не было, но еще замечено было генерал-губернатору, что деятельность его в Сибири должна быть единственно направлена для поддержания и охранения дружественных отношений наших с Китаем, необходимых для развития кяхтинской торговли. Подобное же с нашей стороны предприятие

¹ Позже адмирал, член Адмиралтейств-совета.

Аянский залив и порт.

Гравюра XIX в.

жет весьма повредить этим отношениям, а потому оно и не может быть допущено».

Между тем в 1826 году отправлялась из Кронштадта ученая экспедиция капитана Литке (ныне графа). Она могла бы разрешить, в какой степени справедливы сейчас сказанные сведения г-од Фомина и Кузьмина, а также заключения авторитета европейских знаменитых мореплавателей об устье реки Амура; но, по случаю ученых исследований, через которые капитан Литке приобрел европейскую известность, и по другим неблагоприятным обстоятельствам, он не зашел в Охотское море¹. Его экспедиция между тем была последняя, которая имела все средства обнаружить всю неосновательность и фальшивость распространенных тогда между моряками и всеми влиятельными лицами правительства убеждений об устье реки Амура и его лимане. После этой экспедиции правительство не обращало более внимания на эти места. Затратив много труда и капитала, без всякой пользы, на устрой-

ство пути из Восточной Сибири к побережью Охотского моря и не предвидя еще настоящего движения в Тихом океане, правительство охладело не только к Приамурскому краю, который требовал тщательных исследований и снаряжения особых экспедиций, но и к существовавшим тогда нашим владениям в этом океане. Петропавловск, несмотря на дарованные ему преимущества и употребленные капиталы для возрождения там торговли и полезной оседлости, не двигался вперед ни на шаг; он оставался все той же ничтожной деревней. Воды Авачинской губы, в которой расположен этот порт, бороздили только одни казенные транспорты, приходившие из Охотска с мукой, с казенными продовольственными запасами и с приказчиками якутских купцов. Последние привозили ничтожное количество дрянных товаров, служивших большей частью для вымена от туземцев соболей. Через три или четыре года является в Петропавловск транспорт из Кронштадта с ко-

¹ В инструкции, данной Ф. П. Литке от Адмиралтейского департамента, сказано: «После описи Чукотской земли с Анадырской губой и восточного берега Камчатки, до мыса Лопатки, вы имеете отправиться в Охотское море и от северной оконечности полуострова Сахалина до Удской губы подробно описать берега и все бухты» (т. е. и Амурский лиман).

миссариатскими, артиллерийскими и кораблестроительными запасами для команды и портов Охотского и Петропавловского. Камчадалы и инородцы с берегов Охотского моря оставались все теми же звероловами. Сельскохозяйственная производительность не только к ним, но и к переселенным сюда с этой целью из Сибири крестьянам решительно не прививалась. Крестьяне, вскоре же после прибытия на Камчатку и на берега Охотского моря, бросали хлебопашество и делали такими же звероловами, какими были и туземцы. Пустынные, бездорожные, гористые и тундровые местности, на огромное пространство отделявшие Охотский край и Камчатский полуостров от центра управления Сибирью, климатические и другие условия этой страны, препятствовавшие устройству сколько-нибудь сносных внутренних сообщений, делали то, что даже все благонамеренные представления начальников Камчатки, хлопившиеся, например, к отстранению причин весьма быстро уменьшавшегося туземного населения (от занесения русскими в этот край различных болезней), были ничем иным, как гласом вопиющего в пустыне. Переписка из Камчатки не только с Петербургом, но и с Иркутском, которого она составляла как бы уезд, длилась десятки лет¹; несоблюдение какой-либо пустой, ничтожной формальности возбуждало в канцеляриях множество запросов. Эти и т. п. причины уничтожили всякую энергию в самых усердных и благонамеренных начальниках, почему как они, так и все служившие на Камчатке и в Охотске, думали главное лишь о том, как бы поскорее выжить установленный по закону срок для получения привилегий. Вся сила наша в Петропавловске состояла из 100 человек морских чинов и 100 казаков; эти люди составляли гарнизон, полицию и рабочих не только для Петропавловска, но и для всей Камчатки. Для защиты же порта с моря был установлен деревянный бруствер, вооруженный десятью орудиями малого калибра. Охотск, как складочный пункт для Камчатки и наших Американских колоний, несмотря на все старания правительства к его улучшению и разведению около него полезной сельскохозяйственной оседлости, представлял такую же ничтожную деревню, как и Петропавловск. Сельскохозяйственная оседлость в Охотском крае, подобно как и на Камчатке, не привилась.

По всем изложенным причинам и ввиду того, что Охотский край, и в особенности Камчатский полуостров, навсегда должны были считаться отрезанными от метрополии, правительство смотрело на этот край как на необходимое зло, которое надобно было сносить, потому что в крае находилось до 10 000 инородцев, подданных России. Вместе с этим, между нашими моряками, приходившими на транспортах из Кронштадта, сложились о Камчатке два совершенно противоположных мнения: одни полагали, что Петропавловск не может быть надлежащим для России портом на Восточном океане; другие же, напротив, утверждали, что Камчатка, как страна, воссевшая над океанами и имеющая превосходную гавань — Авачинскую губу, представляет для России все, что только можем мы желать на отдаленном своем Востоке, и что для подкрепления Камчатки стоит только нам занять какой-нибудь из островов, ближайший к тропикам и Петропавловску (Ф. П. Литке указывал на о-в Боник-Сима), и снабжать Петропавловск и Камчатку продовольствием из Манилы (как представлял А. А. Зеленой, бывший министр государственных имуществ). Это последнее мнение о важности значения для России Петропавловска до англо-французско-турецкой войны разделяли тогда все высокопоставленные правительственные лица и некоторые из генерал-губернаторов Восточной Сибири; в особенности же в этом был убежден генерал-губернатор Н. Н. Муравьев (граф Амурский). Упомянутая война доказала всю фальшивость и полную несостоятельность этого воззрения и убеждения.

Вот каково было тогда наше положение на отдаленном Востоке; оно, впрочем, гармонировало с тем мертвым состоянием, которое царствовало в то же время и на омывавшем его Восточном океане. Воспоминание о Приамурском крае носилось только в легендах, между сибиряками.

В начале 1840-х годов являются в Охотское, Берингово и Камчатское моря целые флоты отважных и дерзких китобоев и вывозят каждый год из наших морей на десятки миллионов пиастров произведений китового промысла. В то же время англичане объявляют Китаю войну и заставляют эту гордую и недоступную нацию заплатить огромную контрибуцию и открыть для европейской торговли пять своих портов. Нас не включили в число других европейцев, потому что мы вели уже торговлю с Китаем че-

¹ Так, например: начальник Камчатки, Петр Иванович Рикорд, в 1810 году, просил разрешения построить госпиталь, по предложенному плану. План этот рассматривался более 20 лет; было сделано несколько самых пустых вопросов, вследствие сделанных на этом плане особенных приспособлений по местным условиям. Между тем, лес и другие материалы, заготовленные для госпиталя, сгнили, так что, когда чрез 22 года начальнику Камчатки, Голенищеву-Кутузову (в 1832 году), разрешено было, наконец, построить этот госпиталь, то все уже сгнило и строить его было не из чего.

рез Кяхту. Шангай, весьма близкий к Приамурскому краю, делается главным пунктом европейской торговли с Китаем. Наше правительство, застигнутое этим внезапным и быстрым переворотом на отдаленном Востоке и не имеющее там ни надлежащего опорного пункта, ни надлежащей силы, находится вынужденным оставаться равнодушным как к этому движению, так равно и к донесениям о дерзких поступках китобоев. Последние грабили не только наши прибрежья, но заходили и в самый Петропавловск, разбивали там караул и разбирали на дрова батареи; по прибрежьям жгли леса, грабили жителей и били в бухтах детенышей китов, истребляя таким образом этих животных в наших морях. Правительство утешало себя тем, что по крайней мере Восточная Сибирь наша, по невозможности входа в реку Амур, защищена от всяких враждебных на нее покушений с моря.

Внезапное торговое и промышленное движение в Восточном океане, — движение, в котором, еще по мысли Петра I и Екатерины II, Россия должна была принять участие, и продажа в то же время Российско-американской компанией Росса, возбудили в обществе много толков. Ничтожное положение наше в Восточном океане, потеря Приамурского края и продажа наших владений в Калифорнии были любимыми предметами разговора. Из них на первый указывали, как на единственный пункт, в котором мы давно бы могли основать оплот и силу в Восточном океане, а на последний (Калифорнию), как на пункт, где бы Россия могла иметь для своих судов станцию, обладавшую прекрасным климатом и обещающую большие богатства. В периодических журналах того времени и газетах появились указания на важное значение для России Приамурского края. Это обстоятельство, сведения, что гиляки, защищавшие низовья Амура, независимы от Китая¹ и, наконец, представление об этом же предмете генерал-губернатора Восточной Сибири, Руперта, достигли наконец и престола.

¹ Эти сведения доставлены были академиком Мидендорфом, осматривавшим восточный берег Охотского моря и не дошедшим всего 200 верст до устья Амура.

Глава V

Возбуждение амурского вопроса
императором Николаем I в 1844 году.—
Его повеление барону Ф. П. Врангелю о посылке
в Амурский лиман экспедиции.— Основание Аяна.—
Посылка в лиман брига «Константин»,
под командой Гаврилова, в 1846 году.— Результат посылки.—
Депеша барона Врангеля графу Нессельроде, 12 декабря 1846 года,
о недоступности устья Амура.

Бозе почивший император Николай I, несмотря на опасения, представленные его величеству, о возможности разрыва с Китаем, о неудовольствии Европы, в особенности англичан,— если мы решимся действовать на реке Амуре с целью обладания Приамурским краем¹ и, наконец, несмотря на убеждения, что действия наши не принесут пользы, ибо знаменитыми мореплавателями положительно доказано, что устье реки Амура недоступно с моря,— пожелал осуществить мысль своего прапрадеда и бабки. Все веские доводы графа Нессельроде не могли поколебать воли в Бозе почившего императора, преданного благу России. В Черном море снаряжалась в то время экспедиция, состоявшая из корвета «Менелай» (Оливуца) и транспорта, под начальством Е. В. Путятина (ныне графа). Экспедиция эта должна была следовать в Китай и Японию, с целью установления торговых сношений с этими государствами, и ей, между прочим, высочайше повелевалось обследовать лиман и устье реки Амура, с тем чтобы убедиться, действительно ли справедливы заключения знаменитых мореплавателей о недоступности устья реки для мореходных судов и действительно ли справедливы сведения, что будто бы это устье охраняется значительной китайской силой. Министр

¹ В это время носился слух, что будто бы статья Полевого, помещенная в «Северной Пчеле», о приобретении и потере в продолжение царствования дома Романовых, в которой упоминалось о потере Амура и о важности этой потери.— более всего возбудила внимание императора.

финансов, от которого требовалось на содержание этой экспедиции 250 000 рублей серебром, в особой записке государю императору изложил, что *«при неразвитии, или лучше сказать, несуществовании нашей торговли в Восточном океане и неимении в виду, чтобы когда-либо могла существовать даже эта торговля, без утверждения нашего в Приамурском крае, — единственной полезной целью отправления Е. Б. Путятина, между прочим, в справедливости сложившегося убеждения о недоступности устья реки Амура, — обстоятельства, обуславливающего степень полезности для России этой реки и орошаемого ею края. Но для разрешения этого вопроса не требуется снаряжения такой большой и дорогостоящей экспедиции, какова настоящая, а гораздо лучше, в отношении политическом и финансовом, произвести исследование Амурского лимана и устья реки Амур через Российско-американскую компанию, поручив ей отправить к устью этой реки, за счет казны, надлежащее судно из колонии».*

Это мнение министра финансов было высочайше утверждено, и экспедиция Путятин была отменена. Вследствие такой высочайшей воли, министр иностранных дел, граф Нессельроде, писал председателю главного правления Российско-американской компании, контр-адмиралу барону Ф. П. Врангелю: 1) чтобы он озабочился отправлением из колонии за счет казны благонадежного судна в лиман реки Амура с целью положительного дознания, в какой степени и для какого ранга судов возможен вход в Амурский лиман и в реку с моря; 2) уведомил бы его, для доклада его величеству, к какому времени это судно, для исполнения такого поручения, может быть готово и отправлено из колонии и сколько, приблизительно, будет стоить казне эта экспедиция, могущая положительно разрешить упомянутый вопрос. Граф Нессельроде вместе с тем объяснил барону Врангелю, что это должно быть произведено без огласки и что акционеры компании не должны знать об этом. На это барон отвечал, что судно может быть послано из колоний не ранее весны 1846 года и что он, вполне ценя доверие к нему правительства, примет все меры для точного исполнения высочайшей воли: что же касается стоимости экспедиции, то она, вероятно, не превысит 5 000 рублей. В заключение барон объяснил, что он вполне уверен, что главный правитель колонии капитан 2-го ранга Тебенков, на которого ныне возлагается снаряжение из колонии судна, примет также со своей стороны все меры.

Вследствие этого отзыва граф Нессельроде препроводил барону Врангелю высочайше утвержденную инструкцию для командира того судна,

которое будет назначено для исследования лимана и устья реки Амура. В этой инструкции было изображено: «Главная цель ваша заключается в тщательном исследовании устья р. Амур, о котором существует мнение, что вход в него от наносных песков не только затруднителен, но и невозможен для самых даже мелкосидящих шлюпок, т. е. что река как бы теряется в песках. Для удостоверения этого повелевается:

1) судно имеет избрать на севере удобный для якорной стоянки пункт, ближайший к устью реки, и из него производить на гребных судах исследование.

2) В случае спроса китайцев: «Зачем пришло судно?» — отвечать, что бури, ветры и течения нечаянно его сюда занесли.

3) Людям, отправленным на гребных судах, говорить, что пришли около реки наловить рыбы.

4) Ласкать и одарять туземцев, на случай же неприязненных с их стороны намерений, гребным судам держаться, по возможности, соединенно, так чтобы они могли взаимно помогать друг другу.

5) Флаг иметь какой-либо разноцветный, чтобы китайцы не могли подозревать, что судно русское, и чтобы через это не подать повода к каким-либо с их стороны на нас неудовольствиям, ибо правительство желает сохранить с ними тесную дружбу.

6) Описать лиман реки Амура, залив между Сахалином и матерым берегом и соседственный с лиманом юго-восточный берег Охотского моря, до Удской губы. Для соображения же при описи этого последнего берега, прилагается карта оного, составленная академиком Мидендорфом, а равно и карта пути с этого берега в Забайкалье.

7) Донесение о действиях своих, а равно журналы и карты отправить из Аяна на имя председателя главного правления компании, барона Врангеля».

На докладе графа Нессельроде о проекте инструкции государь император изволил заметить: *«Принять все меры, чтобы паче всего удостоверить, могут ли входить суда в реку Амур: ибо в этом и заключается весь вопрос, важный для России».*

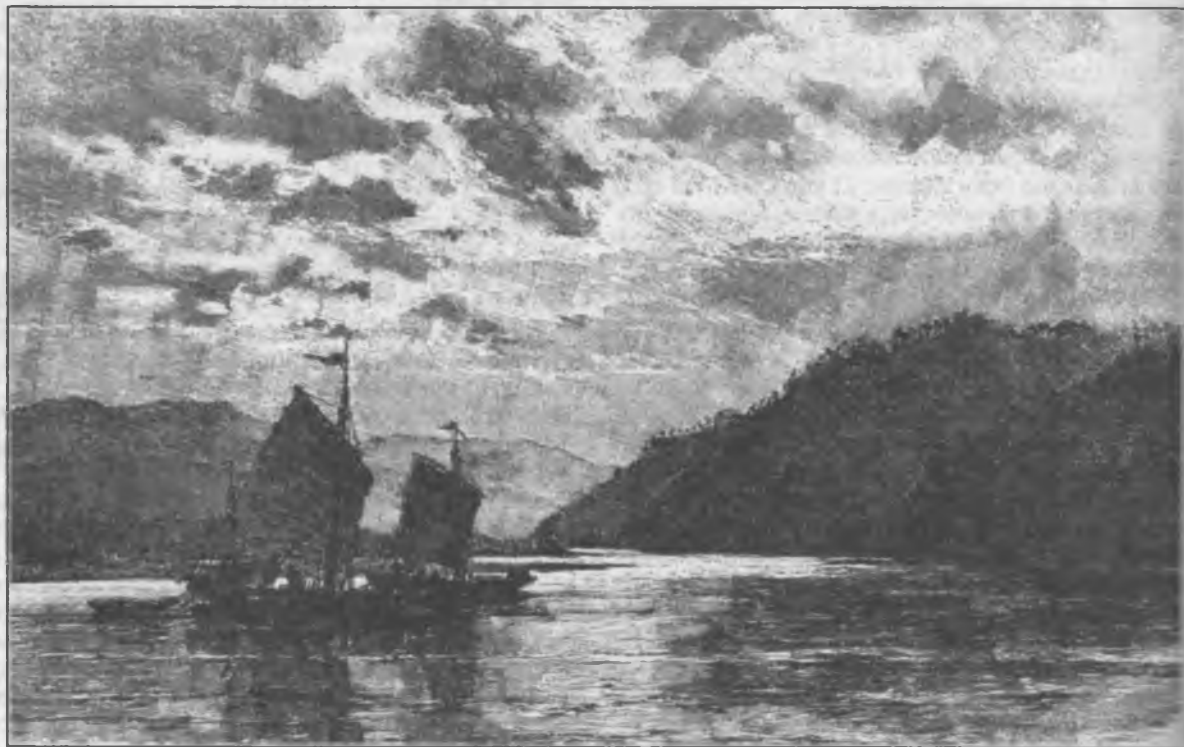
Эта инструкция, препровожденная графом Нессельроде барону Врангелю к точному исполнению, отправлена была к г-ну Завойко в Аян 5-го марта 1846 года. Она вполне обнаруживает ошибочные понятия, какие имели тогда о Приамурском крае, и объясняет нашу политику на отдаленном востоке. Наконец, она указывает и на то, что от графа Нессельроде и барона Врангеля, не стесняясь никакими расходами, требовалось верно и положительно разрешить, какого именно ранга суда могут входить в реку Амур. В какой мере это важно для России по своим последствиям

поручение, возбужденное в Бозе почившим императором Николаем I, было исполнено, мы увидим ниже, а до того считаю не лишним сказать несколько слов об основании Аяна.

В Охотске Российско-американская компания имела свою факторию, к которой один или два раза в лето приходило из колонии и курильского отдела ее судно с мехами. Круг действия этой фактории заключался в отправке мехов в Иркутск и посылке в колонию различных продовольственных запасов и других вещей. Положение фактории около правительственного порта было выгодно для компании, потому что ей не надо было содержать значительного числа людей и гребных судов, необходимых для выгрузки и загрузки судов компании: во всех подобных обстоятельствах и других обстоятельствах и других случаях фактория могла обращаться к средствам порта. Сверх того, компании не нужно было затрачивать значительного капитала для содержания и исправления дороги в Якутск, так как эту дорогу содержало правительство. По этим причинам перенесение Охотского порта всегда было связано с вопросом о перенесении вместе с ним и компанейской фактории. За представлением начальников Охотского порта о переносе его всегда следовало представление начальников фак-

тории в главное правление компании о переносе и фактории вместе с портом. Но так как правители этой фактории были чужды морского дела и так как правительство не находило другого места для порта, кроме Охотска, то и фактория оставалась тут же. а компания, имея в виду выгоды быть у правительственного порта, не обращала внимания на представление начальников ее фактории.

В 1843 году правителем этой фактории был назначен лейтенант В. С. Завойко (женатый на родной племяннице председателя главного правления компании барона Врангеля), и ему, как морскому офицеру, поручено было рассмотреть дело о перенесении фактории и представить об этом свои соображения. Начальником Охотского порта был тогда капитан 1-го ранга Вонлярлярский, человек деятельный, весьма знакомый с недостатками Охотска и с берегами Охотского моря и заинтересованный вопросом о переносе Охотского порта. Завойко предложил Вонлярлярскому, вместе с факторией, перенести порт из Охотска в Аянский залив. Вонлярлярский отклонил это предложение на том основании, что упомянутый залив не представляет удобств для порта, ибо, во-первых, он открыт, во-вторых, суда на воде зимовать там не мо-

Вид Амура.
Гравюра XIX в.

гт; в-третьих, время навигации к этому заливу столь же коротко, как и к Охотску, и, в-четвертых, к этому заливу надобно будет устраивать дорогу из Якутска, что сопряжено с большими расходами и затруднениями, как показал уже опыт Фомина. Наконец, он высказывал, что не только в окрестностях Аяна, но и на берегах Охотского моря нет строевого леса, необходимого для исправления и строения судов, в чем в Охотске не ощущалось недостатка (по рекам Охоте и Кухуге лес беспрепятственно сплавлялся в Охотск). В Аяне, кроме того, большой недостаток в рыбе, столь необходимой в этом крае, тогда как в Охотске она водится в изобилии. Несмотря, однако, на эти справедливые доводы о неудобстве для порта Аянского залива, г-ну Завойко было разрешено главным правлением компании перенести сюда факторию. В том же 1843 году, с помощью служивших в компании Д. И. Орлова и якутского мещанина Березина, Завойко перенес факторию в залив Аян, и бароном Врангелем исходатайствовано было у правительства даровать ему те же права, какие даровались тогда главным правителям колонии. Таким образом, из начальника охотской фактории, которые пред Завойко были из мещан, Завойко в Аяне сделался почетным административным лицом и из лейтенанта в Охотске, с перенесением фактории в Аян, был произведен в капитаны 2-го ранга. Этот перенос фактории в залив Аян был весьма чувствителен для акционеров, ибо устройство дороги между Аяном и Нелькиным и вообще сношения с Якутском и содержание оного, а равно увеличение числа команд и судов при фактории, потребовало немалых расходов. Дабы избавиться от дальнейших затрат, главное правление компании и люди, заинтересованные в ней, начали представлять правительству и распространять в обществе слух о великом значении Аяна в будущем: говорили, что только он будто бы может быть главным нашим портом на Востоке. Правительство согласилось с этим и приняло на счет казны и содержание, и окончательное устройство Аянского тракта. Аян усилили казенной командой и переименовали в правительственный порт; на горький опыт Фомина не обратили внимания. По представлению г-на Завойко заселили реку Маю и путь между Нелькиным и Аяном и убили снова много денег и людей. Население по Мае вымирало, и Аян остался той же ничтожной деревней, какой и был;

сообщение его с Якутском было то же самое, как и Якутска с Охотском. Вред, происшедший от внимания правительства к Аяну и от сопряженных с этим расходов, был весьма важен, ибо это отвлекало правительство от Приамурского края и служило поводом людям, не сочувствовавшим амурскому делу, представлять государю императору, что будто бы Аян составляет все, что только нам можно желать на берегах отдаленного нашего Востока, и что ввиду этого нам решительно не стоит обращать внимания на Приамурский край, который должно предоставить Китаю и тем еще более утвердить наши дружеские отношения с Китайской империей. Вот история Аяна.

Согласно распоряжению барона Врангеля, правитель колонии г-н Тебеньков отправил к устью реки Амура маленький бриг «Константин», под командой поручика корпуса штурманов Гаврилова, офицера опытного, но больного. Экипаж брига состоял из 3-х вольных штурманов и 22-х человек команды, большей частью финляндцев, при 2-х байдарках и 2-х шлюпках. Господин Тебеньков, предписывая Гаврилову зайти в Аян, где он должен был получить высочайше утвержденную инструкцию, в дополнение к ней, собственноручно написал к исполнению Гаврилову следующее: «По сведениям, при устье Амура находится поселение русских беглецов из-за Байкала и большая китайская военная сила, а потому вы должны принять все меры предосторожности, дабы не иметь с китайцами неприязненных столкновений и дабы китайцы не могли узнать, что ваше судно русское. С русскими беглецами войдите тайно в сношение и обещайте им амнистию. В случае, если вы, при входе в лиман, встретите мели, то не должны подвергать судно опасности, ибо положительно известно, что устье реки недоступно.

При всем том вам вменяется в непременную обязанность, чтобы бриг возвратился в колонию благовременно, снабдив продовольствием промышленников на Курильских островах¹, и чтобы все оставалось в тайне.

Чтобы все инструменты для наблюдения вы хранили у себя и чтобы все наблюдения для определения места судна и берега вы делали сами, а равно и журнал писали бы собственноручно, без участия в этом ваших помощников, которые, а равно как и команда, ничего об этом не должны знать и никому не говорить, что вы были около реки Амур»².

¹ Это обстоятельство о походе к Курильским островам весьма замечательно, ибо там нет укрытого места для судов и постоянно господствуют туманы, а потому снабжение продовольствием промышленников и принятие промысла весьма часто бывает сопряжено с огромной потерей времени: судно должно выжидать благоприятных обстоятельств и, следовательно, терять иногда более 2-х недель.

² Вышеприведенная инструкция совершенно не согласна с помещенной в книге «Историческое обозрение образования Российско-американской компании» П. Тихменева; разногласие происходит, вероятно, от того, что адмирал имел в своих руках всю секретную переписку, тогда как г-н Тихменев не знал о ее существовании.

Вследствие этих распоряжений, 20 июля 1846 года бриг «Константин» вышел из Аяна и подошел к мысу Елизавета, лежащему на северной оконечности Сахалина. Определившись по этому мысу и поверив хронометр, он направился вдоль Сахалинского берега к юго-западу и, не доходя мыса Головачева, попал в залив, который принял сначала за Амурский лиман, почему и назвал его заливом Обмана (впоследствии он назван заливом Байкал; это название он носит и теперь на картах). 28 июля, пользуясь полной водой, около мыса Головачева, бриг перешел через банку и вступил в глубокий канал, направляющийся вдоль Сахалина, к югу. По причине сильных течений и постоянных свежих противных ветров, бриг подвигался по этому каналу весьма медленно и, дойдя до широты 53°N , встал на якорь. Отсюда г-н Гаврилов отправился к реке Амуру поперек лимана на байдарках. Достигнув входа в реку у южного мыса, он поднялся по реке на 12 миль и тем же путем возвратился на бриг. Затем он отправился на шлюпку, по каналу, к югу и, встретив в широте $52^{\circ} 46'$ отмель, возвратился обратно на судно. 12 августа, тем же каналом и через ту же банку, бриг, выйдя из лимана в Охотское море, пошел в Аян, куда и прибыл 20 августа 1846 года. Отсюда Гаврилов отправил, через г-на Завойко, журнал и карту своей описи к барону Врангелю, в С.-Петербург, и 22 августа вышел из Аяна в Ново-Архангельск.

Рассматривая внимательно упомянутые журнал и карту, мы находим:

1) что парусное судно, следующее к лиману с севера, должно встречать большие препятствия от мелей, банок, течения и почти постоянных свежих ветров;

2) что г-н Гаврилов попал в лиман, перейдя через банку, около мыса Головачева, на которой глубина в малую воду 5 футов, следовательно, надлежащего входа в лиман с севера он не нашел;

3) что бриг, подвигаясь в лиман, вдоль Сахалина, к югу, частью под парусами, но большей частью на завозах, встречал глубины, уменьшавшиеся к югу; так что, дойдя до широты $52^{\circ} 46'$, глубина была уже 3 сажени. Тянувшиеся в этом месте от Сахалина к матерому берегу отмели замыкали, казалось, лиман с юга, образуя перешеек, препятствовавший входу в лиман из Татарского залива;

4) что г-н Гаврилов от Сахалина, поперек лимана, на двух байдарках, подходил к южному входному в реку мысу и попал на банку глубиной

от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ сажени, которая, казалось, должна была запирает устье реки. Поднявшись же от этого мыса вверх по реке, на байдарках, до 12 миль, Гаврилов находил на этом пространстве глубину от $3\frac{1}{2}$ до 5 сажен. Перевалив к противоположному северному берегу реки и следуя под ним по тем же глубинам, до входного северного в реку мыса, Гаврилов за мысом, в лимане, потерял эту глубину между мелями, лайдами и банками, и ему показалось, что мели или совершенно запирают вход в реку, или что между ними существует узкий, извилистый, мелководный канал (как выражено Гавриловым в журнале);

5) что он не встречал ни русских (о которых Тебенков говорит в инструкции), ни китайцев и не заметил никаких признаков правительственного китайского влияния на эти места и на обитателей оных, гиляков, которые везде принимали его ласково и объясняли, что они никому ясака не платят;

6) что по пеленгам и широтам, определенным г-ном Гавриловым, составляет удовлетворительный очерк берегов северной части лимана;

7) в этом же журнале объясняется г-ном Гавриловым, что по краткости времени, ничтожеству имевшихся у него средств и по свежим ветрам и течениям, которые он встретил, ему не представлялось никакой возможности произвести тщательные и подробные исследования, которые могли бы разрешить вопрос о состоянии устья реки Амура и ее лимана.

Затем, в своем письме барону Врангелю, г-н Гаврилов писал, что возложенное на него поручение, по краткости времени, по неимению средств и по встреченным им препятствиям, он исполнить не мог и что поэтому из его описи нельзя делать каких-либо заключений об устье реки Амура и ее лимане, до какой степени они доступны с моря.

На карте же, приложенной к этому журналу и составленной по упомянутой описи, показаны: а) устье реки, загражденное банкой, на которой глубина от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ сажени, б) вход в лиман с севера загражден банкой в 5 футов, в) от широты $52^{\circ} 46'$ показана поперек всего лимана отмель представляющая как бы перешеек, соединяющий Сахалин с материком¹. Итак, карта, приложенная к журналу Гаврилова, подтверждает мнения Лаперуза, Браутона и Крузенштерна, что устье реки Амура и ее лиман недоступны и что Сахалин — полуостров.

После этого, ввиду столь важного вопроса следовало бы или без испрошения высочайшего

¹ Подлинный журнал и карта Гаврилова 1846 года хранятся в архиве Азиатского департамента министерства иностранных дел. Копия же с них, а равно и подлинное письмо Гаврилова Врангелю, находились в архиве бывшего главного правления Российской американской компании. Карта Гаврилова напечатана в атласе Тебенкова с. 30; на ней показано, что устье реки запирает на которой глубина только $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{2}$ сажени, а к югу, от широты $52^{\circ} 46'$, мель.

соизволения послать вторично в лиман реки Амура судно со всеми средствами, какие по опыту оказались бы нужными, дабы разрешить положительно упомянутый вопрос, или же, представляя государю императору о посылке в лиман г-на Гаврилова, объяснить в докладе, что этой посылкой вопрос о реке Амуре еще не разрешен; но документы об этом предмете показывают следующее: 12 декабря 1846 года, барон Врангель доносит графу Нессельроде: «Из приложенных при сем, в подлиннике, журнала и составленной по нем карты северной части Амурского лимана и устья реки Амура ваше сиятельство изволит усмотреть, что возложенное на меня высочайшее повеление исполнено. Судно Российско-американской компании было послано, и г-н Гаврилов осмотрел северную часть лимана и устье реки Амура, которое оказалось доступным только для мелкоосидающих шлюпок. При этом осмеливаюсь ходатайствовать о награждении главного правителя колонии, капитана 1-го ранга Тебенькова, снаряжавшего экспедицию Гаврилова, самого Гаврилова и экипажа, бывшего в оной. Что же касается стоимости этой экспедиции, то она простирается в 5 435 рублей серебром». Засим граф Нессельроде в докладе своем от 15 декабря 1846 года излагает государю императору:

«Повеление Вашего Величества председателем главного правления Российско-американской компании бароном Врангелем в точности исполнено; устье реки Амура оказалось недоступным для мореходных судов, ибо глубина на оном от 1 $\frac{1}{2}$ до 3 $\frac{1}{2}$ фута и Сахалин полуостров, почему река Амур не имеет для России никакого значения». На этом докладе государь император изволил написать: «Весьма сожалею. Вопрос об Амуре, как о реке бесполезной, оставить; лиц, посылавшихся к Амуру, наградить».

Засим, 22 января 1847 года, граф Нессельроде сообщил барону Врангелю, что его величество повелеть соизволил: «За труды, оказанные при точном исполнении высочайшей воли относительно посылки в Амурский лиман судна, выдать из сумм Азиатского департамента министерства иностранных дел: главному правителю колонии Тебенькову — 2000 руб., командиру брига «Константин», Гаврилову — 1500 руб., экипажу брига — 1000 руб. и уплатить Российско-американской компании 5435 руб. Затем дело о реке Амуре навсегда считать конченным и всю переписку по этому хранить в тайне»¹.

¹ Все упомянутые документы находятся в архиве Азиатского департамента министерства иностранных дел, в секретном деле по Амуре 1884—1889 годов.

Глава VI

Представление Вонлярлярского о переносе Охотска в 1847 году.—

Причины послышки торговой экспедиции из Аяна
на реку Тугур и южный берег Охотского моря.—

Сведения, доставленные академиком Мидендорфом.—

Действия правительства относительно Китая, до 1847 года.—

Решение правительства в 1848 году
снарядить экспедицию Ахте, для проведения границы с Китаем.—

Окончательное решение правительства, в том же году,
об отдаче всего Приамурского бассейна Китаю.

ачальник Охотского порта капитан Н. Вонлярлярский представил о необходимости перенести Охотский порт в усмотренный в 1844 году Мидендорфом на Секпекинском полуострове залив, названный, при описи его капитаном Поклонским, заливом «Великий князь Константин». Этот залив, по его мнению, представлял все удобства для основания в нем порта гораздо лучшего, чем Охотский и Аянский. Дело об этом предмете, по ходатайству директора инспекторского департамента М. Н. Лермонтова, в исходе 1847 года, со стороны морского министерства было решено в том смысле, чтобы перенести в этот залив Охотский порт, и испрашивалось уже для этого 250 000 рублей; но ожидалось только заключение генерал-губернатора Восточной Си-

бири о том, что будет стоить провести дорогу из этого залива по южному склону Яблонового хребта в Забайкальскую область, по пути Мидендорфа.

В то же самое время, с другой стороны, председатель главного правления компании Ф. П. Врангель и начальник Аянского порта и фактории В. С. Завойко докладывали генерал-губернатору Восточной Сибири об удобствах соединить в Аяне и правительственный порт, как в пункте, который, вместе с тем, посредством выючной дороги от Нелькина до Аяна и далее, по рекам Мае, Алдану и Лене, представляет удобное сообщение с Якутском. Для совершенного обеспечения этого пути, г-н Завойко предлагал между Аяном и Нелькином и по берегам реки Маи образовать селения из крестьян, для чего, говорил он, имеются на этом пространстве хорошие и удобные места.

Точно так же в 1845 году камчатский епископ Иннокентий¹ в письме московскому митрополиту Филарету, между прочим, писал: «Свет Св. Евангелия начинает распространяться с нашей стороны и на пределы Китайской империи, впрочем, без всякого с моей стороны участия. Священник во время своих поездок по приходу имеет случай видаться на Бурукане² с нейдальцами и гиляками, живущими в пределах Китайской империи, которые приходят сюда за промыслами и для торговли; при всяком свидании священник беседует с ними о спасении души, и беседы его, при содействии Божьем, не остаются бесплодными: девять человек нейдальцев окрестились и один из них показал редкое усердие при принятии крещения». В том же 1845 году академик Мидендорф писал, между прочим, генерал-квартирмейстеру Бергу, что, следуя вместе с топографом Вагановым от Тугурской губы с юго-восточного берега Охотского моря в Забайкальскую область, по южному склону Станового хребта, тянувшегося к западу, он находил несколько каменных столбов, в виде пирамидальных груд, которые поставлены манджурами и китайцами как пограничные знаки. Так как по Нерчинскому трактату 1689 года граница наша с Китаем в этих местах должна идти не по южному склону этих гор, а по вершинам оных, то на этом основании китайцы отдалили границу к югу и уступили добровольно России огромное пространство земли, в которой он нашел несомненные богатства золотых россыпей. России этим бы и следовало воспользоваться, т. е. провести границу с Китаем по направлению столбов. Эти сведения генералом Бергом³ были доведены до военного министра графа Чернышева и министра иностранных дел графа Нессельроде. Затем, тот же академик Мидендорф писал, что полезно было бы с гиляками, обитающими на юго-восточном берегу Охотского моря, вступить в торговые сношения, как с народом, по собранным им сведениям, независимым и, для удобства торговли, приобрести от них клочок земли для устройства зимовья⁴. Вследствие этого обстоятельства, а равно и для уничтожения кулачества якутских торгашей, с разрешения главного правления, в 1847 году,

В. С. Завойко послал для торговли из Аяна, по стойбищам, тунгусов, находившихся между Нелькиным и Тутуром, и служившего в компании, Д. И. Орлова. В 1848 году г-н Орлов встретился в урочище Бурукан с нейдальцами, прибывшими туда с реки Амгунь. Нейдальцы просили Орлова поехать с ними на реку Амгунь, но г-н Орлов, зная, что места эти считаются китайскими, не решился с ними ехать⁵. Здесь Орлов встретился также и с гиляками, обитавшими на юго-восточном берегу Охотского моря, к северу от Амурского лимана, и вступил с ними в торговые сношения. Главное правление компании, получив от Завойко донесение о вступлении Орлова на Бурукане в торговые сношения с гиляками юго-восточного берега Охотского моря и, имея в виду сведения и мнение академика Мидендорфа, в 1849 году ходатайствовало, через графа Нессельроде, о дозволении продолжать эту расторжку с гиляками и построить у них зимовье. Для этого оно просило командировать из Охотска 10 человек мастеровых и 10 казаков в распоряжение, опытного в этом деле, прапорщика Орлова, подчинив его начальнику аянской фактории Завойко, а экспедицию эту называть торговой экспедицией аянской фактории.

Вследствие этого представления, граф Нессельроде, от 25-го февраля 1849 года, уведомил главное правление компании, что государь император одобрил это представление. В заключение он объяснил, что цель этой торговой экспедиции должна единственно состоять в том, чтобы вступить в расторжку с гиляками, обитающими на юго-восточном берегу Охотского моря, к северу от Амурского лимана, но отнюдь не касаться устья реки Амура, а тем более Амурского бассейна.

Таково происхождение этой, ничтожной по цели, торговой экспедиции, возбужденной Российско-американской компанией. Это обстоятельство еще более уясняет то заблуждение, которое царствовало тогда о нашей границе с Китаем. До 1847 года, т. е. до представления Врангелем и графом Нессельроде о результатах посылки в Амурский лиман Гаврилова, наше правительство постоянно отклоняло предложение китайцев о разграничении земель, лежащих от верховьев реки Уди к востоку до моря и оставленных по Нерчинскому трактату не разграни-

¹ Позже митрополит Московский.

² Это письмо обнародовано в «Трудах Православного Благочестия», 1845 год, с. 268.

³ Урочище или мыс Бурукан лежит на левом берегу реки Тутура, около 150 верст от ее устья. Из этого видно, что это урочище принималось тогда за границу с Китаем, ибо чрез него проходила упомянутая произвольная пограничная черта, назначенная на картах и в географиях того времени.

⁴ Бывшим впоследствии графом и фельдмаршалом.

⁵ Это обстоятельство обнаруживает, что Мидендорф, делая подобные заключения, совершенно не знал гиляков, ибо каким образом от народа, не имеющего никакого понятия о территориальной собственности, а тем более о гражданственности, приобрести землю куплею?

⁶ Все упомянутые сведения показывают одни только заблуждения о крае и народе в нем обитающем, а также и о границе нашей с Китаем.

Вид Станового и Яблонowego хребтов по Охотскому тракту.

Гравюры XIX в.

ченными. Правительство не теряло надежды утвердиться в Приамурском бассейне, если, по исследованиям, устье реки Амура и ее лиман окажутся доступными для входа судов с моря. Оно ждало только благоприятных обстоятельств, чтобы привести в исполнение мысли Петра Великого и Екатерины II; но, убедившись, по донесениям барона Врангеля и графа Нессельроде, в недоступности устья реки Амура и ее лимана и имея в виду: а) представление о важном значении Аяна; б) мнение о Петропавловском порте, долженствовавшем быть главным нашим портом на Восточном океане; в) сведения о пути академика Мидендорфа от Тугурской губы по южному склону Станового хребта, а также о найденных им по этому пути каких-то китайских пограничных знаках,— правительство, в 1847 году, решилось положить окончательно границу с Китаем на отдаленном Востоке и тем прекратить весьма часто повторявшуюся неприятную переписку об этом предмете с Китаем. Вместе с тем рушились и все надежды сибиряков о реке Амуре; мы предоставляли как эту реку, так и весь ее бассейн навсегда Китаю, и сознали, что по недоступности ее устья и лимана для судов с моря она бесполезна для России.

Для определения направления границы с Китаем в 1848 году положено было воспользоваться

упомянутыми сведениями о столбах, или пограничных знаках, и о пути от Тугурской губы, объявленных Мидендорфом генералу Бергу, военному министру графу Чернышеву и министру иностранных дел графу Нессельроде,— лицам, весьма сочувствовавшим тогда предложению этого академика,— и положить границу по его пути, от Тугурской губы к Забайкалью. В том же, 1848 году на ходатайство упомянутых лиц последовало высочайшее повеление о снаряжении экспедиции под начальством подполковника генерального штаба Ахте, из горных инженеров Меглицкого и Кованько, астронома Шварца, нескольких топографов, штегеров и с особой при экспедиции командой, для разведок. Губернатору Восточной Сибири высочайше повелено было содействовать этой экспедиции всеми средствами, ввиду скорейшего окончания возложенного на нее поручения, состоявшего в том, чтобы окончательно определить нашу границу с Китаем по направлению столбов, найденных Мидендорфом. Эта экспедиция в июне 1849 года прибыла из Петербурга в Иркутск, где, по распоряжению генерал-губернатора Н. Н. Муравьева, оставшимся вместо иркутским губернатором Владимиром Николаевичем Зориным, была оставлена впредь до возвращения Н. Н. Муравьева из Камчатки.

Таковы были события, совершившиеся на отдаленном нашем Востоке до 1849 года, приведшие правительство к окончательному и, казалось, бесповоротному решению: «положить границу нашу с Китаем по южному склону Хинганского Станового хребта до Охотского моря, к Тугурской губе, и отдать, таким образом, навсегда Китаю весь Амурский бассейн, как бесполезный для России по недоступности для мореходных судов устья реки Амура и по неимению на его побережье гавани. Все же обратить внимание на Аян, как на самый удобный порт в Охотском море, и на Петропавловск, который должен быть главным и укрепленным нашим портом в Восточном океане»¹.

Чтобы отклонить правительство от такого ошибочного решения и дать возможность принять на отдаленном Востоке надлежащее положение, которое готовили ей Петр I и Екатерина II, необходимо было разрешить два важных вопроса: пограничный и морской. Из них первый вопрос заключался в том, что действительно ли груды камней, найденные академиком Мидендорфом и принятые им за пограничные знаки с Китаем, имеют это значение? Действительно ли Хинганский Становой хребет, тянущийся к востоку от вершин рек Горбицы и Уди и имеющий тоже восточное направление около Тугурской губы, упирается в Охотское море? И, наконец, какое имеют направление реки, выходящие из Хинганского хребта и вливающиеся в южное и северо-восточное колена реки Амура? Второй вопрос — морской, заключался в том, что действительно ли недоступны для мореходных судов с севера и юга Амурский лиман и устье реки Амура?

И действительно ли на побережьях Татарского залива нет гавани? Для разрешения этих вопросов необходима была посылка особой экспедиции; но после сейчас сказанного ясно, что представлять правительству о снаряжении экспедиции с этою целью было уже невозможно; ибо после его решения, в котором были заинтересованы первые сановники государства, не только нельзя было ожидать на это согласия, но, напротив, тех, которые осмелились бы сделать подобное представление, ожидало явное или тайное преследование. Озарить этот край светом истины и через это отклонить высшее правительство от потери его навсегда для России, возможно было лишь случайно и при содействии лиц, твердо убежденных в ошибочности взгляда на этот край, — взгляда, унаследованного от авторитетов знаменитых мореплавателей и последующих за ними экспедиций. Тут нужны были люди, которые бы решились действовать при этой случайности вне повелений, — люди, вместе с тем, одушевленные и гражданским мужеством, и отвагой, и готовые на все жертвы для блага своего Отечества!

В такое именно положение поставлены были здесь наши морские офицеры с 1849 по 1855 год. Они-то, как мы ниже увидим, возбудив погребенный, казалось, на веки, амурский вопрос, преследовали его, разрешили и, разъяснив правительству все важное значение для России Приамурского и Приуссурийского бассейнов, сделали виновниками в присоединении этого края и острова Сахалина к России.

Мне необходимо было обозреть все предшествовавшие 1849 году события, совершившиеся на отдаленном нашем Востоке, для того, чтобы дать возможность справедливо оценить всю важность деятельности в этом крае наших морских офицеров с 1849 по 1855 год, — деятельности, далеко выходящей из ряда обыкновенных.

¹ Таков смысл решений особого комитета 1848 года, под председательством министра иностранных дел графа Несельроде, с участием военного министра графа Чернышева, генерал-квартирмейстера Берга и проч., как видно из дела по Амуру, находящегося в архиве Азиатского департамента министерства иностранных дел.

Глава VII

Приготовление к походу транспорта «Байкал». —
Объяснение мое с генерал-губернатором в декабре 1847 года. —
Амурский вопрос возбуждается снова. —
Просьба моя князю Меншикову
о дозволении идти в амурский лиман. —
Сущность письма моего Н. Н. Муравьеву
от 10-го февраля 1848 года. —
Ответ на это письмо, полученный мною
в июле того же года.

о ходатайству августейшего генерал-адмирала, государя великого князя Константина Николаевича и рекомендации Ф. П. Литке и Ф. С. Лутковского¹, в исходе декабря 1847 года, я был назначен командиром военного транспорта «Байкал», который строился, по заказу морского министерства, на верфи г-д Бергстрема и Сулемана в Гельсингфорсе². Этот транспорт назначался на службу в Охотск и на нем приказано было отправить из С.-Петербурга и Кронштадта различные комиссариатские, кораблестроительные и артиллерийские запасы и материалы для наших сибирских портов: Охотского и Петропавловского. Такова была цель отправления транспорта «Байкал», выход которого из Кронштадта в море предполагался не ранее осени 1848 года.

В это время был в Петербурге вновь назначенный генерал-губернатором Восточной Сибири генерал-майор Николай Николаевич Муравьев, бывший до того тульским губернатором. Так как я должен был идти в сибирские порты, состоявшие отчасти и в его ведении, то начальник главного морского штаба, светлейший князь Александр Сергеевич

¹ Я имел счастье служить с Его Императорским Высочеством с 1836 по 1846 г. на фрегатах «Беллона» и «Аврора» и корабле «Ингерманланд»; в продолжение этого времени, 7 лет был постоянно вахтенным лейтенантом Его Высочества. При вооружении корабля «Ингерманланд», в Архангельске, был помощником Его Высочества, как старшего офицера. Во все время мы плавали под флагом Ф. П. Литке, а Ф. С. Лутковский был при Великом Князе.

² Транспорт «Байкал» имел вместительность 230 тонн, вооружен шкуною — бриг; по контракту с строителями он должен был быть спущен на воду в сентябре 1848 г., следовательно, не мог выйти из Кронштадта ранее исхода октября месяца. Главные его размерения: длина между перпендикулярами 94 ф., ширина 24 ф. 7 д. в полном грузу должен сидеть ахтерштевнем 12 ф. 9 д., а форштевнем 11 ф. 8 д. Диферент 1 ф. 1 д.

Меньшиков приказал мне представиться его превосходительству Н. Н. Муравьеву. Николай Николаевич принял меня весьма благосклонно; в разговоре с ним о снабжении наших сибирских портов я имел случай обратить его внимание на важное значение для вверенного ему края реки Амура; на это он отозвался, что не только возвращение этой реки в наше владение, но и открытие для нас свободного по ней плавания, представляет огромное значение для Сибири, но, к несчастью, все убеждены, что будто бы устье этой реки забросано мелями и недоступно для входа судов в реку с моря, и что в этом убежден вполне и государь император, ибо при обративши мною внимания, объяснил мне Н. Н. Муравьев, его величества на важное значение для России реки Амура, государь император изволил выразиться: *«Для чего нам эта река, когда ныне уже положительно доказано, что входить в ее устье могут только одне лодки?»*¹. На это я отвечал Н. Н. Муравьеву, что действительно распространившееся подобное заключение о реке Амуре и ее лимане мне кажется весьма сомнительным, ибо из всех обнародованных сведений и описей, произведенных Лаперузом, Браутоном и Крузенштерном, на которых подобное заключение и могло быть только основано и которые я тщательно изучил, еще нельзя делать об устье реки такого заключения. Кроме того, невольно рождается вопрос: неужели такая огромная река, какова Амур, не могла проложить для себя выхода в море и теряется в песках, как некоторым образом выходит из упомянутых описей. Поэтому я полагаю, что тщательное исследование ее устья и лимана представляется настоятельной необходимостью. Сверх того, если Сахалин соединяется с матерым берегом отмелью, покрывающейся водой только при приливах, как показывается на всех морских картах, составленных по упомянутым описям, т. е. если вход в амурский лиман из Татарского залива *недоступен*, то это обстоятельство еще более должно убеждать нас, что из реки Амура должен существовать выход с достаточной глубиной. Выслушав со вниманием мои доводы, Н. Н. Муравьев, изъявляя полное сочувствие к моему предложению, выразил, что он со своей стороны постарается употребить все средства к его осуществлению. При передаче этого моего разговора с генерал-губернатором

его светлости князю А. С. Меньшикову, я просил: не признается ли возможным употребить вверенный мне транспорт для исследования устья реки Амура и ее лимана и на опись юго-восточного берега Охотского моря, показываемого на морских картах точками. На это его светлость заметил, что по позднему выходу транспорта, «дай Бог, чтобы вы пришли в Петропавловск к осени 1849 года», что сумма денег ассигнована на плавание транспорта только на один год, «следовательно у вас не будет ни времени, ни средств к исполнению этого поручения». Кроме того, подобное предприятие, как исследование устья реки Амура, не принесет никакой пользы, ибо положительно доказано, что устье этой реки заперто мелями, в чем убежден и государь император; наконец, возбуждение вопроса об описи устья реки Амура, как реки китайской, повлечет к неприятной переписке с китайским правительством, а граф Нессельроде на это ныне не согласится и не решится представить государю. «Поэтому, — сказал князь, — нечего думать о том, что невозможно, а надобно вам стараться снабдить наши сибирские порты по возможности заблаговременно, ибо, по последним донесениям их начальников, там ощущается большой недостаток в комиссариатских и кораблестроительных материалах и запасах».

Из этого замечания князя Меньшикова я видел, что главная причина к отстранению моего предложения заключалась в том, что не будет времени к исполнению его; испрашивать же особых средств для этого нельзя, по нежеланию вступать об этом в сношение с Китаем. Следовательно, чтобы иметь надежду достигнуть предположенной мной цели, необходимо было удалить эти препятствия, то есть: а) постараться, чтобы транспорт мог прийти на Камчатку в мае и к июню можно было бы сдать весь груз в Петропавловске, т. е., чтобы все лето 1849 года было свободно, а следовательно, чтобы и времени и суммы, назначенной для плавания транспорта, было достаточно для исследования устья реки Амура и ее лимана; б) чтобы это исследование было произведено как бы случайно, при описи юго-восточного берега Охотского моря, соседствовавшего с амурским лиманом. К достижению вышеупомянутых целей приступил я немедленно.

¹ Об экспедиции Гаврилова 1846 г. и о ее результатах, оставленных по Высочайшему повелению без огласки, Н. Н. Муравьев не знал; об этом было известно только: графам Нессельроде, Чернышеву, князю Меньшикову, барону Врангелю, Тебеневу и Завойко. Г-н Тихменев в сочинении своем «Историческое обозрение колоний российско-американской компании», на стр. 61, говорит, что будто бы Государь Император в 1847 г. выразил Н. Н. Муравьеву, что «р. Амур должна принадлежать России и что производившие там исследования не раз должны повториться». Это выдумка Тихменева — Государь никогда в 1847 г. Муравьеву этого не говорил, что ясно доказывается резолюцией Его Величества, сделанною на докладе г-на Нессельроде 15 декабря 1846 года: «Оставить вопрос об Амуре, как о реке бесполезной для России».

В начале января 1848 года транспорт был только что заложен, так что к обшивке его предполагали приступить только весной. Я объяснил строителям: г-ам Бергстрему и Сулеману, что князю Меншикову было бы приятно, если бы транспорт был готов к июлю месяцу и просил их ускорить работы. Это было необходимо еще и потому, что только при раннем выходе из Кронштадта на таком малом судне, каков был «Байкал», можно было надеяться достигнуть Петропавловска благополучно и благовременно. Господа строители, ввиду желания князя Меншикова, бывшего тогда генерал-губернатором Финляндии, дали мне обязательство спустить на воду транспорт к июлю месяцу, ранее времени, означенного в контракте, более чем на полтора месяца. Уладив, таким образом, это первое и важное дело и оставив в Гельсингфорсе наблюдать за постройкой транспорта старшего офицера, лейтенанта П. В. Козакевича, я начал хлопотать об устранении и других препятствий, служивших постоянною задержкою судов в Кронштадте и Петропавловске, а также и обстоятельств, ставивших командиров судов в иностранных портах в неприятное положение.

По заведенному порядку чиновниками комиссариатского и кораблестроительного департаментов груз, назначенный в Петропавловск и Охотск, сдавался командиру судна не по местам, как то делается на коммерческих судах, а по мере, весу и счету; на этом основании командира обязывали сдавать его также в Петропавловске и Охотске. Груз, назначаемый в наши сибирские порты, составлялся обыкновенно из забракованных большей частью вещей и хранился в магазинах, в так называемых *охотских кучках*, так что большая его часть достигала места назначения в негодном виде. Чиновники по этому случаю обыкновенно писали и отписывались и в конце концов относили это к случайностям в море, при качке, буре и т. п., или к худой укладке в судне и тесноте, перемене климата, и наконец, к невниманию командиров и, как лица неответственные, оставались всегда правыми. Кроме того, материалы и запасы к месту погрузки в Кронштадт доставлялись неблаговременно и в беспорядке, так что тяжелые вещи (железо и т. п.), которые должны бы быть погружены в нижней части трюма, привозились последними. Через это, кроме утомительных хлопот и неприятностей, напрасно терялось много времени и места в судне. Все, отправлявшиеся до меня, с той же целью, транспорты, имели вместительность почти вдвое большую «Байкала» и в них поэтому было места гораздо более, чем надобно для помещения отправляемого груза, а потому предшественникам моим и не было повода об-

ращать внимания на лучшую упаковку груза, тогда как мне предстояло взять такой же и даже больший груз и уложить его в пространство гораздо меньшее. Кроме того, предшественники мои, не имея в виду ничего, кроме доставки груза, не имели и повода заботиться о раннем выходе из Кронштадта.

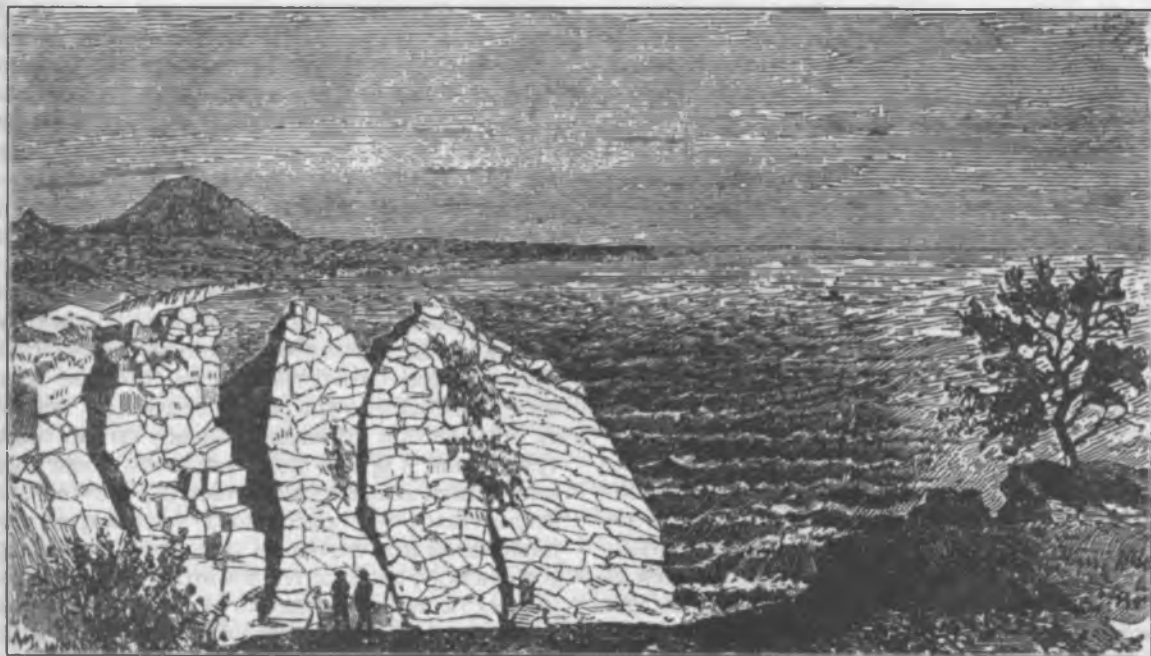
Тщательно и подробно осмотрев в магазинах назначенные к отправлению вещи и взяв некоторые образцы оных, я убедился, что при таком способе упаковки, какой употреблялся до меня, не могу погрузить на транспорт и половины вещей, а равно убедился и в том, что комиссариатские материалы (холст, сукно, сапожный товар и проч.) были почти гнилые.

По существовавшему тогда положению, офицерские порции рассчитывались по двойной стоимости матросской порции, а потому в заграничных портах надобно было брать от консулов и агентов справочные цены на запасы, входившие в состав матросской порции и стараться, чтобы эти цены были выданы возможно большие и вообще не существующие, ибо без того офицерские порции становились весьма недостаточными. Это обстоятельство ставило командиров судов в весьма щекотливое и не свойственное званию положение и часто замедляло выход судна в море.

Объяснив все эти обстоятельства бывшему тогда генерал-интенданту, вице-адмиралу Васильеву, и указав на всю несоответственность положений о приеме и сдаче груза и заведенном порядке отправлять все худшее в сибирские порты, я представил ему свои соображения к отстранению этого. Соображения эти были переданы для немедленного рассмотрения чиновникам комиссариата. Они на эти мои соображения представили целую диссертацию о невозможности исполнения оных и заключили, что они никогда не должны быть ответственны за груз, отправляемый со мной. После этого генерал-интендант объявил мне, что он со своей стороны ничего не может сделать по моему желанию, хотя и сочувствует оному и что надобно обратиться мне к князю Меншикову.

Представив князю Меншикову образцы негодных материалов, предположенных к отправлению со мной, невозможность взять и половины груза, если он не будет упакован, медленность приемки и сдачи и о прочих сказанных обстоятельствах, я просил его светлость приказать:

а) чтобы весь назначенный к отправлению со мной груз принимать и сдавать не по мере, весу и счету, а по числу мест, которые должны быть тщательно упакованы и упрессованы, с приложением на каждое место пломбы и номера.

Вид в окрестностях Охотска.

Гравюра XIX в.

б) Весь груз был доставлен в Кронштадт не позже 1-го июля, ревизор транспорта наблюдает за этим и в случае медленности делает напоминания; а в случае, если и засим произошла бы медленность, могущая остановить погрузку транспорта, то те места, которые не доставлены ко времени погрузки оных на транспорт, отправляются на коммерческом судне на Камчатку за счет чиновников того учреждения, от которого это произошло.

в) Всеми учреждениями должна быть представлена мне к 1-му июля подробная опись, что именно в каждом месте заключается, и я имею право, по своему усмотрению, при чиновнике того ведомства, от которого доставляется груз, снять с любого места пломбу и распаковать оное. Если окажется, что материалы, в нем заключающиеся, несогласны с образцами и дурного качества, или мера, или вес оных менее показанных в ведомости, то все чиновники того ведомства штрафуются суммой, представляющей двойную стоимость этого места.

г) Предписать начальникам Камчатки и Охотска, что я отвечаю только за число мест и за целостность пломб на оных, но никак не за количество и качество заключающихся в них материалов, за что отвечают чиновники того ведомства, от которого отправлен груз, и предписать им, чтобы, по прибытии в порт транспорта, груз с него был немедленно принят по числу мест.

д) Порционные деньги офицерам, за границей, определить по 10 фунтов стерлингов в месяц и никакого сношения по этому предмету с консулами не иметь.

е) В случае медленной доставки морской провизии консулами за границей, или дурного качества оной, разрешить покупать ее без всякого участия их.

ж) Разрешить купить в Англии, кроме 2 положенных по штату хронометров, еще 2 хронометра и карты, какие признаются нужными.

з) Разрешить купить в Англии, если возможно, маленькую паровую шлюпку от 4 до 6 сил, которая могла бы поместиться в ростры.

При этой записке я представил его светлости и удостоверение от строителей, г-д Бергстрема и Сулемана, что они постараются спустить транспорт к 1 июля, т. е. на 1 1/2 месяца ранее времени, назначенного в контракте, и объяснил князю, что если его светлости угодно будет приказать исполнить в точности это мое представление, то я надеюсь взять весь груз, назначенный в Петропавловск, выйти из Кронштадта в августе и, с Божьей помощью, быть в Петропавловске в мае; а потому у меня все лето 1849 года будет свободно. Это время и можно было бы употребить на подробную опись юго-восточного берега Охотского моря, который на наших картах, как неизвестный, означаетсся точками. При переходах наших судов из Охотска и Аяна в Петро-

павловск и Ситху, доложил я князю, свежие ветры и другие случайности могут увлечь их к этому неисследованному берегу и поставить в самое опасное и критическое положение.

Князь А. С. Меншиков, весьма довольный тем, что я уладил дело со строителями и предполагаю возможным взять весь назначенный к отправлению груз, для отвоза которого обыкновенно назначались транспорты гораздо больших рангов, мало того, что утвердил мое представление, но еще на записке моей написал: «В точности исполнять немедленно и все дальнейшие требования командира, клонящиеся к скорейшему выходу из Кронштадта транспорта и к обеспечению благонадежного плавания и сохранения здоровья команды». Затем он заметил мне, что хотя и вполне соглашается в необходимости привести в известность юго-восточный берег Охотского моря, но берег этот считают принадлежащим Китаю. На это я отвечал его светлости, что по трактам, заключенным с Китаем, вся страна от верховьев реки Уди к востоку, до моря, оставлена без разграничения, а потому и нельзя утверждать, чтобы этот берег принадлежал единственно Китаю. Князь сказал: «Это правда, и генерал-губернатор об этом хлопотал, но министр иностранных дел признает ныне этот берег китайским; это обстоятельство и составляет немаловажное препятствие к тому, чтобы дать вам разрешение произвести его опись. Граф Нессельроде и не думает о том, что без подробной описи этого берега плавать по Охотскому морю для наших судов безопасно, он избегает только неприятных сношений с китайцами». «Впрочем, — заметил князь — это впереди, а теперь вам надобно заботиться, чтобы скорее выйти из Кронштадта и, несмотря на настоящие политические обстоятельства¹, стараться благополучно прибыть на Камчатку, ибо там во всем крайний недостаток».

Из моего объяснения с князем я заключил, что разрешение на опись юго-восточного берега Охотского моря можно надеяться получить только при раннем выходе моем из Кронштадта и при ходатайстве генерал-губернатора Н. Н. Муравьева, а потому сейчас же после этого разговора я написал в Иркутск письмо к Н. Н. Муравьеву. Высказав его превосходительству мою полную уверенность в его готовности сделать все полезное для вверенного ему края, я, в то же время, уведомляя его, что надеюсь выйти из Кронштадта в начале августа и быть на Камчатке в начале мая 1849 года. Чтобы сдать груз, писал я, мне достаточно 2 1/2 недели, а затем остальная часть лета

у меня остается свободной; ее-то я и мог бы употребить, во-первых, на осмотр и опись юго-восточного берега Охотского моря, начиная от Тугурской губы до лимана реки Амура; во-вторых, на исследование этой реки и ее лимана и наконец на опись северо-восточного берега Сахалина, до широты 52° N, т. е. места, около которого Крузенштерн полагал бар какой-то большой реки, или одного из рукавов реки Амура. «Судя по разговору моему с князем Меншиковым, — писал я Муравьеву, — без Вашего содействия я не надеюсь получить на то разрешения; за самовольное же производство подобной описи я подвергаюсь строжайшей ответственности, так как всеми здесь, и особенно графом Нессельроде, эти места признаются принадлежащими Китаю. Между тем случай и время будут упущены и мне будет очень жаль не воспользоваться удобными обстоятельствами, тем более что ко мне на транспорт назначены деятельные и прекрасные офицеры и транспорт снабжается для этого довольно полно. Постигая всю важность для России познания этой страны, я употребил бы всю мою деятельность и способности, чтобы представить добросовестную картину мест, доселе закрытых от нас мраком; я бы исследовал во-первых, до какой степени доступно плавание для мореходных судов в реку Амур и ее лиман и во-вторых, имеются ли на берегах этого края гавани, в которых с удобством можно бы было основать порт; т. е. постарался бы разрешить главные вопросы, остающиеся доселе сомнительными. Но для этого необходимо, чтобы мне было повелено:

1) по приходе в Петропавловск сдать весь груз в этом порту.

2) Из Петропавловска отправиться к восточному берегу Сахалина в 52° N широты и отсюда, следуя с описью вдоль сахалинского берега к северу, войти в лиман реки Амура для исследования устья реки и ее лимана, в видах разрешения главного вопроса: в какой степени доступен вход в лиман и реку с севера и юга.

3) Описать юго-восточный берег Охотского моря и берега Татарского залива, в видах отыскания на этих берегах удобной гавани.

4) В случае если бы в продолжение навигации 1849 года я не успел окончить эту опись, то на зимние месяцы идти к югу и, с ранней весной 1860 года, возвратиться в Татарский залив для окончания описи; после чего следовать в Охотск и, сдав транспорты, со всеми офицерами возвратиться берегом в Петербург».

Это письмо я заключил так: «Конечно, мне было бы гораздо легче отвезти груз в Петропа-

¹ Известно, что в начале 1848 года Европа была взволнована и Россия ожидала, что может разгореться всеобщая европейская война.

ловск и Охотск, как это доселе предполагается, чем брать на себя подобную трудную работу, да еще на маленьком судне и с ничтожными средствами, но постигая всю важность подобных исследований для Отечества и сомневаясь в безошибочности заключения знаменитых мореплавателей об этой стране, осмеливаюсь просить Вашего участия в этом деле и ожидать на это письмо Вашего уведомления. 10 февраля, 1848 года, С.-Петербург.

Решение князя Меншикова относительно груза взволновало комиссариатских чиновников и содержателей магазинов; они старались делать мне на каждом шагу всевозможные затруднения, но в этом деле приняли участие почтенные адмиралы: генерал-интендант Васильев, главный командир Кронштадтского порта Беллинсгаузен и начальник штаба Васильев; они остановили эту бюрократическую бурю и в конце концов довели моих бюрократов до того, что они начали усердно хлопотать, чтобы как можно скорее спроводить меня из Кронштадта. Весь груз был упакован и упрессован согласно моему требованию и в начале июля доставлен в Кронштадт. Груз был самого лучшего качества, так что начальники Камчатки и Охотска, г-да Машин и Вонлярлярский донесли князю Меншикову, что такого хорошего качества материалов и запасов, какие доставлены на транспорте «Байкал», не бывало доселе в этих портах. Назначенные ко мне расторопные и деятельные офицеры употребляли всевозможное старание к скорейшему приготовлению транспорта. Г-да строители Бергстрем и Сулеман сдержали свое слово: 10 июля 1848 года транспорт был спущен на воду со всем внутренним устройством. К этому же времени команда, паруса и такелаж были присланы из Кронштадта в Гельсингфорс на пароходе «Ижора», который для содействия к скорейшему прибытию транспорта в Кронштадт оставался в моем распоряжении. Таким образом, сверх ожидания князя Меншикова, 20 июля я пришел на кронштадтский рейд совершенно почти готовым, так что нагрузить транспорт и приготовиться окончательно к походу потребовалось не более четырех недель. Между тем в начале июля в Гельсингфорсе я получил ответ генерал-губернатора на письмо мое от 10 февраля. Николай Николаевич, благодаря за истинно патриотическое рвение мое к столь важному для России делу, уведомлял, что он ходатайствует вместе с сим через князя Меншикова о высочайшем утверждении инструкции, которую я имею получить; что эта инструкция составлена на основаниях, изложенных в моем письме к нему от 10 февраля и, наконец, что при сочувствии к этому делу князя Меншикова и министра внутренних дел Л. А. Перовского, он надеется, что она будет высочайше утверждена.

Глава VIII

Объяснение с князем Меншиковым
о необходимости исследования амурского лимана.—
Проект инструкции, представленный мной
князю Меншикову.— Депеши, полученные мной
в Петропавловске от Н. Н. Муравьева.—
Распоряжения мои в этом порту.—
Выход транспорта.

о приходе в Кронштадт, с транспортом, я немедленно явился в Петергоф, к его светлости. Князь удивился моему скорому приходу и когда я объявил ему, что транспорт около 20-го августа выйдет из Кронштадта и что я помещу весь доставленный груз, был весьма доволен и благодарил меня. В это время я застал у князя Льва Алексеевича и Василия Алексеевича Перовских. Пользуясь расположением ко мне князя и имея в виду ходатайство П. П. Муравьева, я решился сказать князю: «И так, ваша светлость, я со своей стороны сделал все возможное, чтобы быть на Камчатке в мае и иметь лето 1849 года свободным; а потому осмеливаюсь просить вашу светлость разрешить употребить мне это время на опись юго-восточного берега Охотского моря и при этом случае побывать в лимане реки Амура, в который официально меня занесут и свежие ветры, и течения, постоянно господствующие в этих местах, как пишет Крузенштерн». На это князь отвечал: «Бесполезно рисковать идти туда, где положительно известно, что вход весьма опасен и для твоего транспорта невозможен. Кроме того, я уже говорил, что граф Нессельроде не решится представлять об этом государю, особливо ныне, когда решено уже, что эти места должны принадлежать Китаю». Перовские¹ при этом заметили, что, кажется, нет причины отклонять моей просьбы, если я указываю, что это можно сделать случайно. Тогда князь Меншиков, сказав, что об этом хлопочет и генерал-губернатор Муравьев, приказал мне сейчас же ехать в Петербург, к вице-директору инспекторского де-

¹ С этого времени я пользовался особым расположением Л. А. Перовского и он везде и всегда меня обеспечивал

партаменту М. Н. Лермонтову, взять от него представление Муравьева, рассмотреть его и составить проект инструкции, который и доложить ему. Через два дня я представил князю проект Инструкции такого содержания: *«По сдаче груза в Петропавловске, следовать в Охотское море; тщательно осмотреть и описать залив Великий Князь Константин и соседственный с ним юго-восточный берег Охотского моря, до лимана реки Амура; исследовать лиман этой реки и ее устье и описать северо-восточную часть Сахалина, до параллели 52° N широты. Затем отправиться в Охотск, сдать транспорты и с офицерами, берегам, возвратиться в Петербург. По прибытии на Камчатку находиться в распоряжении генерал-губернатора Восточной Сибири, ввиду содействия с его стороны в возлагаемом на вас поручении».*

Прочитав этот проект, князь вычеркнул лиман и устье реки Амура, вместо этого написал: *«И осмотреть юго-восточный берег Охотского моря между теми местами, которые были определены или усмотрены прежними мореплавателями»*, и при этом сказал мне, что исполнение мной распоряжений генерал-губернатора должно ограничиваться лишь пределами этой инструкции, в противном случае я подвергаюсь строжайшей ответственности. На это я сказал князю, что мысы Ромберга и Головачева определены Крузенштерном и около этих мест существуют сильные течения, которые могут увлечь транспорт в лиман реки Амура и поэтому я буду иметь случай осмотреть оный и устье реки. «Это», — отвечал князь, — будет бесполезно, ибо, повторяю, лиман недоступен; хотя я этому не доверяю и вполне сочувствую необходимости его исследования, но ныне, когда решено, что этот край принадлежит Китаю, без высочайшего повеления сделать этого невозможно и вы подверглись бы за это строжайшей ответственности. Впрочем, если подобный осмотр будет произведен случайно, без каких-либо несчастий, т. е. потери людей или судна и без упущения возложенного на вас поручения: описи и исследования Константиновского залива и окрестных с ним берегов, куда предполагается перенести Охотский порт, — то, может быть, обойдется и благополучно. Данная вам инструкция сообщена генерал-губернатору Муравьеву. С Богом, хлопчите скорее выйти из Кронштадта, я вами доволен, но чиновники весьма сердиты на вас и беспрепятственно жаловались генерал-интенданту».

Получив упомянутую инструкцию от князя Меншикова, за несколько дней до моего выхода из Кронштадта, я имел случай говорить о Сахалине и о берегах Охотского моря с главным командиром Кронштадтского порта Ф. Ф. Бел-

лингаузеном и адмиралом П. Ф. Анжу. Первый сопровождал Крузенштерна в чине мичмана, а последний был большой приятель и товарищ барона Врангеля, бывшего тогда председателем главного правления российско-американской компании. Ф. Ф. Беллингаузен сообщил мне, что опись, произведенная И. Ф. Крузенштерном северной части амурского лимана, а равно и предположение его, что у восточного берега Сахалина существует бар одного из рукавов реки Амура, — весьма сомнительны, и как он, так и П. Ф. Анжу сказали мне, что недавно к этим берегам было посылаемо судно российско-американской компании. Они сообщили мне, что при описях там весьма полезно иметь байдарку, почему и дали мне письма к Ф. П. Врангелю, прося его сообщить мне, вели возможно, сведения об этих местах и распорядиться, чтобы у меня была байдарка. С этими письмами я явился к Ф. П. Врангелю. Почтенный адмирал принял меня весьма ласково и благосклонно; относительно байдарки и при ней двух алеутов, бывших в Аяне и знакомых с языком инородцев, обитающих около Тугурской губы, обещал сейчас же сделать распоряжение, чтобы байдарку с этими алеутами доставили в мае 1849 года с Алеутских островов в Петропавловск; кроме этого, на случай если бы к моему приходу в Петропавловск туда байдарку не доставили, дал мне бумагу, по которой я мог добыть ее, послав из Петропавловска на ближайший к нему остров из Алеутского архипелага. Что же касается сведений о юго-восточном берегу Охотского моря, то Фердинанд Петрович сказал мне, что сообщать ему об этом неудобно; «Впрочем, все, что здесь замечательного», — сказал он, — это то, что устье реки Амура и ее лиман оказались *недоступными*». Это обстоятельство подстрекнуло мое любопытство и я убедительно просил Ф. П. Врангеля позволить мне взглянуть на те данные, на которых основано подобное заключение об устье реки Амура и ее лимане. Врангель, снисходя к убедительной моей просьбе и к обещанию хранить все в тайне, вынул из своего стола пакет, в котором были копии с журнала описи Гаврилова и, усадив меня в своем кабинете, дозволил прочесть этот журнал. С большим вниманием я рассмотрел его и вынес такое убеждение, что эта опись вовсе не разрешает вопроса о реке Амуре, а еще более убеждает меня в необходимости исследования этих мест. Выслушав мнение барона о недоступности устья реки Амура, высказанное мне раньше и князем Меншиковым, я понял положение правительства и решение его предоставить амурский бассейн Китаю. Это поселило во мне твердую решимость во что бы то ни стало произвести исследования устья Амура и ее лимана и попытаться — не удастся ли мне открыть истины и отклонить правительство от подобного вред-

ного для России решения; поэтому я решился употребить все меры к прибытию в Петропавловск как можно скорее, дабы иметь время для вышесказанных работ. Считая бесполезным высказывать барону Врангелю мое мнение об описи Гаврилова, я поблагодарил только его за внимание и оказанную им готовность мне содействовать.

21 августа 1848 года транспорт «Байкал» вышел из Кронштадта¹, в море он встретил свежий противный ветер и без всякой пользы пролапировал несколько часов. 22 августа я бросил якорь по восточную сторону острова Сескара, где и ожидал благоприятных обстоятельствам двое суток. Снявшись с якоря 24 августа, до самого Копенгагена, 8-го сентября, мы боролись с теми же противными ветрами и только на несколько часов имели попутный ветер, при котором транспорт шел от 5 до 7 $\frac{1}{3}$ узлов. 9 сентября вышли из Копенгагена и, имея попутные тихие ветры и штили, 11-го числа вступили в Немецкое море; 16-го — в английский канал, а 16-го, в 6 часов утра, бросили якорь на Портсмутском рейде, близ острова Уайта. Здесь мы простояли 14 дней, для необходимых работ и приготовлений к дальнейшему плаванью, как то: поверки хронометров, заготовления различных запасов, провизии и теплой одежды для команды. Подходящей нам винтовой шлюпки достать не могли, ее нужно было заказать и ждать 1 $\frac{1}{2}$ месяца.

30 сентября, снявшись с якоря с Портмутского рейда и направившись в Рио-де-Жанейро, до 10 октября мы имели восточные умеренные ветры, с широты 31° 30' и долготы 22° 25' наступили западные и северо-западные ветры, беспрестанно менявшие силу и направление. Наконец 13 октября, в широте 27° 51' N и долготы 21° 42' W встретили NO пассат, который дул весьма неправильно, переходя нередко к O и даже к OSO, со шквалами и пасмурной погодой, а близ экватора, 30 октября, незаметно перешел к SO.

4 ноября ветер постоянно стал отходить к O, а 6-го числа задул уже от NO. Не доходя 100 миль до Рио-де-Жанейро, он начал стихать и наступил штиль; проштилывав здесь более суток, 15 ноября мы бросили якорь на рио-жанейрском рейде, совершив, таким образом, плавание от Портсмута до Рио-де-Жанейро за 44 суток. Конопатка все-

го баргоута, тяга такелажа, окраска, пополнение провизии и другие необходимые работы для приготовления транспорта к предстоящему переходу до Вальпорайзо, вокруг мыса Горна, держали нас здесь до 1 декабря. 1 декабря, утром, при тихом ветре от W, мы вышли в море, а на другой день пересекли тропик Козерога, в ширине 43° и направились к мысу Горну. До 9 декабря при тихих SO и NO ветрах, делали незначительные суточные переходы, но с этого времени задули крепкие западные ветры, доходившие весьма часто до степени шторма. 13-го декабря, в широте 44° 3' S и долготы 46° 31' W, а также 24-го декабря, в широте 50° 5' и долготы 51° 30', ветер дул с особой силой, так что транспорт держался под зарифленным грот-триселем.

31 декабря западный ветер перешел в береговой SSO муссон. 2-го января 1849 года мы перешли меридиан мыса Горна, в широте 57° 21'. С самого выхода из Рио-де-Жанейро погода стояла постоянно пасмурная и ненастная, но, не смотря на это неблагоприятное условие, при принятых мерах заботливости врача и г-д офицеров, больных на транспорте почти не было; говорю почти, потому что заболело только три человека и хворали они не более трех дней². 2 февраля мы бросили якорь на Вальпорайзском рейде, после 64-суточного, весьма трудного плаванья от Рио-де-Жанейро.

Стараясь сколь возможно скорее достигнуть Петропавловского порта и имея здоровую и бодрю команду, я простоял в Вальпорайзо всего только четверо суток; время, которое необходимо было для наливки водой и пополнения провизии. 6 февраля мы снялись с Вальпорайзского рейда и направились к Сандвичевым островам. В течение первых трех дней имели тихие переменные ветры, пока 9 февраля, в широте 30° 2' S и долготы 74° 30' W, не вступили в полосу SO пассата, который все время дул умеренно.

С 25 числа ветер стал переходить к O; потом дули переменные тихие ветры с продолжительными шквалами; 9 марта мы получили NO пассат. В этот промежуток времени мы два раза пересекли экватор, в последний раз 4 марта, в долготы 110° 51' W. До 22 марта, широты 16° 13' N и долготы 142° 28' W, мы имели ровный NO пассат; но с этого пункта он заменился переменными

¹ Экипаж транспорта состоял: командир капитан-лейтенант Г. И. Невельской 1-й, лейтенанты: П. В. Козакевич 2-й (старший офицер) и А. П. Гревенс; мичман Гейсмар и Гротте; корпуса штурманов: поручик Халезов и подпоручик Попов; юнкер князь Ухтиский и лекарь Берг. Нижних чинов, составлявших команду транспорта: унт.-оф. 3. матросов 22, баталер 1, арт. унт.-оф. 1 и фельдшер 1, всего 28 чел. Для отвоза в Петропавловск — мастеровых 14 человек.

² Для сохранения здоровья команды, мы строго придерживались правила, чтобы люди отнюдь не ложились в койки в сырой одежде или обуви, и чтобы белья, которым запаслись в Англии, было на каждого матроса не менее 1 $\frac{1}{2}$ дюж. Само собою разумеется, что мы не пропустили ни одного случая тщательно просушивать одежду и обувь людей и проветривать палубу и трюм. Всеми средствами старались, чтобы не держать людей наверху в сырую погоду; по два и по три раза в неделю люди имели свежую пищу из заготовленных резервов и постоянно. 2 раза в сутки, получали глинтвейн. Все это имело благотворное влияние на дух и здоровье команды: она была весела и бодр.

тихими ветрами, дувшими преимущественно из О половины компаса. 2-го апреля 1849 года транспорт «Байкал» бросил якорь в гавани Гонолулу на острове Оаху, после 55-суточного плавания от Вальпорайзо.

На Сандвичевых островах мы встретились с бывшим тогда здесь кораблем российско-американской компании, под командой капитан-лейтенанта А. О. Рудакова провели в кругу русских, вдали от отечества, Светлое Христово Воскресенье. Команда наша веселилась и отдыхала вместе со своими соотечественниками, которых мы не видала с выхода из Кронштадта. Здесь я с г-ми офицерами и командиром корабля российско-американской компании, Рудаковым, представлялся королю Сандвичевых островов Камермеа. Его величеством мы были приняты весьма парадно и благосклонно, в знак особого уважения, какое он питал к нашему императору и России. Простояв в Гонолулу до 10 апреля, пополнив провизию и налившись водой, мы пошли в Петропавловск.

До широты 31° 32' N, транспорт шел при умеренных и тихих NO ветрах, но с этой широты, 21 апреля, ветер перешел сначала к SO, а потом беспрестанно менял направление и силу, нагоняя при этом шквалы и пасмурность. С такими обстоятельствами мы шли до самого Петропавловска. 11 мая, в виду Авачинской губы, выпал большой снег и нашел жестокий шквал с гор, но вскоре сделался ровный попутный ветер, с которым 12 мая 1849 года мы вошли в Авачинскую губу и в 2 часа пополудни, после 32-суточного плавания от Гонолулу и через 8 месяцев 23 дня по выходе из Кронштадта¹, бросили якорь в Петропавловской гавани, против порта. За весь переход из Кронштадта мы простояли на якоре всего 33 дня; больных на транспорте, из 42 человек экипажа, не было ни одного.

Донося из Петропавловска его светлости князю Меншикову о своем прибытии, я писал: «Гос-

Рио-де-Жанейро.

Гравюра XIX в.

подь Бог помог, при содействии неутомимых и благородных моих помощников, совершить мне это плавание благополучно и прибыть в Петропавловск с бодрой и здоровой командой, не имея никаких повреждений в корпусе судна, а равно и никакой порчи в грузе. Этим оправдалась надежда моя, заявленная вашей светлости: быть в Петропавловске в начале мая 1849 года. Таким образом, я надеюсь, без особых расходов для казны, исполнить возложенное на меня вашей светлостью поручение. Надеюсь приступить к нему с июня, начав опись с северо-восточного берега Сахалина и продолжая ее далее до Тутурской губы». Вместе с этим донесением, начальник Камчатки, капитан 1-го ранга Ростислав Григорьевич Машин, донося в свою очередь князю А. С. Меншикову о приходе в Петропавловск транспорта «Байкал» в совершенной исправности, с бодрой и здоровой командой, в заключение писал, что никогда еще не доставлялось на Камчатку такого хорошего качества и прочности материалов и запасов, а равно и в такой полноте, без всякой порчи оных, какие доставлены ныне, на транспорте «Байкал», и что вследствие этого наши сибирские порты обеспечены по крайней мере на четыре года.

¹ Предшественники мои, отправившиеся из Кронштадта с той-же целью (отвезти груз), с которою был послан и транспорт «Байкал», совершили плавание из Кронштадта в Петропавловск: а) транспорта «Америка» в 600 тонн, имевший более 10 узлов хода, пришел в Петропавловск чрез 10 мес. 25 дней (капитан Шанц); б) трансп. «Або» такой-же вместимости и скорости хода, в 12 мес. 15 дней (капитан Юнкер), и в) транспорт «Иртыш» в 450 тонн, совершил плавание из Кронштадта до Петропавловска в 14 мес. (капитан Вонлярлярский). По приходе в Камчатку состояло больных:

на транспорте	«Америка»	из	30	чел.	10	челов.
•	•	•	73	•	22	•
•	•	•	50	•	8	•

Из всех военных судов, отправлявшихся из Кронштадта в Петропавловск, всех скорее совершил это плавание шлюп «Камчатка» (капитан В. М. Головин), именно в 8 мес. 8 дней, — 15 днями скорей «Байкала», но шлюп этот в 900 тонн имел ход более 11 узлов, а «Байкал» не ходил более 8 1/2 и был всего в 250 тонн.

Н. Н. Муравьев-Амурский

Между тем, пользуясь отходом почты в Европу, во время пребывания моего в Рио-де-Жанейро, я писал оттуда, 26 ноября 1848 года Н. Н. Муравьеву, что, судя по раннему приходу моему в Рио-де-Жанейро, я надеюсь в мае быть в Петропавловске и, по сдаче груза в этом порту, я решился, во всяком случае, получу или не получу высочайшее повеление, отправиться прямо к описи восточного берега Сахалина и амурского лимана; «О чем,— писал я,— долгом моим считаю предварить Вас, в надежде, что Вы не оставите меня своим содействием: ибо, если я не получу на произведение этой описи Высочайшего соизволения, то подвергаюсь по закону тяжкой ответственности».

В Петропавловске я получил от Н. Н. Муравьева секретное письмо, доставленное туда с курьером, и копию с распоряжения Р. Г. Машину: принять все меры к скорейшему выходу транспорта из Петропавловска. Вместе с тем я получил и копию с инструкции, представленной Муравьевым, через князя Меншикова, на высочайшее утверждение.

В письме своем Н. Н. Муравьев благодарит меня за все принятые мной меры, особую решительность и самоотвержение к достижению важной и полезной для России цели, объясняя, что он ходатайствует, чтобы представленная им инструкция, копия с которой мне посылается,

была высочайше утверждена; на что он и надеется. Н. Н. Муравьев в этом письме уведомляет меня, что он нынешним летом посетит Петропавловский порт и на обратном пути, в исходе июля, думает встретиться со мной в амурском лимане.

В инструкции, представленной Н. Н. Муравьевым через князя Меншикова на высочайшее утверждение, приписывалось мне:

1) из Петропавловска следовать к северной части Сахалина, тщательно осмотреть, не имеется ли в этой части полуострова закрытой для мореходных судов гавани или по крайней мере рейда.

2) Определить с севера подход и вход в лиман реки Амура, состояние амурского лимана и нет ли в окрестностях мыса Головачева или Ромберга, места, где можно было бы защитить лиман с севера.

3) Обследовать устье реки Амура и далее самую реку, где она течет в определенных своих берегах и тем определить состояние входа в реку из лимана и самой реки; кроме того, узнать, нет ли при ее устье в лимане или близ его, в самой реке, места, где бы можно было защитить вход в нее.

4) Описать берега реки Амура и ее лимана, близ устья, в географическом и статистическом отношении.

5) Определить состояние южной части лимана: справедливо ли убеждение, что Сахалин полуостров; если это убеждение ошибочно, то исследовать пролив, отделяющий Сахалин от материка, а также исследовать, нет ли тут места, удобного для защиты входа в лиман с юга.

6) Обследовать юго-восточный берег Охотского моря и Константиновского залива и привести эти места в ясность и определенность, необходимую для безопасного плавания судов в Охотском море.

7) Упомянутые исследования в амурском лимане производить на гребных судах, транспорт же должен оставаться на якоре близ мыса Головачева; как на транспорте, так и на гребных судах не должно быть поднимаясь ни военного, ни коммерческого русского флага.

8) О результатах этих исследований, при первом случае, сколько возможно поспешить, донести секретно начальнику главного морского штаба князю Меншикову на высочайшее воззрение, и генерал-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьеву, ибо это данное вам поручение и следствия оно должны оставаться без огласки.

9) Стараться быть в Охотске благовременно (т. е. около 15-го сентября) и оттуда, по сдаче транспорта, возвратиться со всеми офицерами в Петербург, берегом.

Не получив, таким образом, в Петропавловске прямого повеления идти к описи берегов, при-

знававшихся китайскими, а получив только лишь копию с инструкции на эту опись, которая могла быть и не утверждена, я, дабы не терять времени и сознавая всю важность этих исследований, решился идти из Петропавловска прямо к Сахалину и в амурский лиман; почему, имея в виду необходимость в скорейшем приготовлении для предстоящего трудного плавания транспорта, я счел своим долгом предварить об этом г-д офицеров, доказавших уже на деле свою благородную ревность и усердие к службе. Призвав их к себе в каюту, я объяснил им сущность амурского вопроса, важность для России справедливого его разрешения, обуславливавшего значение для нас Приамурского края и объявил им, что из Петропавловска мы должны как возможно скорее следовать к Сахалину и в амурский лиман, чтобы достигнуть упомянутой цели и что я вполне уверен, что каждый из нас готов переносить все опасности и трудности, которые неминуемо мы должны встретить при достижении этой цели. «Господа, — сказал я им, — на нашу долю выпала столь важная миссия и я надеюсь, что каждый из нас честно и благородно исполнит при этом долг свой пред Отечеством. Ныне же я прошу вас энергически содействовать мне к скорейшему выходу отсюда транспорта. Все, что я вам объявляю, должно оставаться между нами и не должно быть оглашаемо». При участии почтенного начальника Камчатки и командира петропавловского порта, Ростислава Григорьевича Машина и при неустойчивой деятельности г-д офицеров, приготовление транспорта к походу шло быстро. Чрез две недели мы были уже готовы и ожидали только лишь байдарки с Алеутских островов, за которой Р. Г. Машиным был нарочно послан бот «Камчадал». Между тем транспорт «Иртыш», зимовавший в Петропавловске, взял груз с «Байкала», назначенный в Охотск и 28 мая отправился по назначению. С ним я, от того же числа, уведомил письмом Н. Н. Муравьева о решении своем идти из Петропавловска к Сахалину и в амурский лиман, а также о том, что около исхода июня я надеюсь быть в северной части лимана. 29 мая на боте «Камчадал» была доставлена нам байдарка и утром, 30 мая, при тихом ветре с берега транспорт вышел из Авачинской губы и направился к восточному берегу Сахалина.

Глава IX

Плавание транспорта у берегов Сахалина
и в амурском лимане. — Решение главных вопросов
об устье реки Амура, ее лимане и острове Сахалине. —
Прибытие в Аян.

тихими противными ветрами, перемежавшимися штилями и непро-
ницаемыми холодными туманами, медленно мы подвигались вперед,
так что только 7 июня могли войти в Охотское море через 4-й Ку-
рильский пролив. Погода была ясная; мы определили по поленгам на-
ше место, взяли отсюда курс к восточному берегу Сахалина, в широту
51° 40', где Крузенштерн встретил сулой, принятый им за бар рукава
реки Амура. Иван Федорович, опасаясь сулой, с этого места стал уда-
ляться от берега.

11 июня, при совершенно ясном небе и чистом горизонте, мы оп-
ределили широту и долготу по хронометрам. Пункт этот показал
нам удовлетворительность нашего счисления. До сахалинского бе-
рега в 6 часов вечера этого числа оставалось 35 миль. Мы располагали ходом так, чтобы
с рассветом 12 числа подойти к берегу. Ночь наступила мрачная и пасмурная. Через каж-
дые $\frac{1}{4}$ часа бросали лот и при ветре SSW имели ходу от 2-х до 3-х узлов. В 11 часов вече-
ра ветер зашел к WtN и мы услышали бурун; глубина была 19 сажен, грунт — твердый бе-
лый песок; я спустился на О, и, пройдя 4 мили, лег бейдевинд на правый галс и приказал
бросать лот и иметь оба якоря готовыми. Глубины были от 20 до 22 сажен. С восходом
солнца 12 числа увидели покрытые туманом возвышенности Сахалина, от которого,
по карте Крузенштерна, мы находились в 25 милях. Вскоре горизонт очистился и на рас-
стоянии около 5 миль пред нами открылся низменный берег, за которым, на значительное
расстояние, тянулись по меридиану горы с большими разлогами. Глубина была 16 сажен,
ветер прямо с берега W, умеренный. Я начал лавировать к этому видимому низменному бе-
регу, определяя по лоту глубины. Не доходя до него 2 $\frac{1}{2}$ мили, мы заштилели и бросили
верп на глубине 7 $\frac{1}{2}$ сажен, грунта — белый песок. За низменным берегом, образующим
здесь песчаные кошки, тянущиеся к северу, увидели огромное пространство воды, которая
подходила к самым подошвам возвышенностей, направлявшихся по меридиану. Эти воз-
вышенности лежали от транспорта в примерном расстоянии около 15 миль. Я послал на

берег шлюпку с инструментами, дабы на берегу определить широту и осмотреть видимую за кошками воду. Широта оказалась $51^{\circ} 37' N$, т. е. около $9'$ южнее той, которой мы хотели достигнуть. По карте Крузенштерна, берег на этой параллели показан сплошным, скалистым, и мы, по этой карте, должны бы были находиться от него на расстоянии 19 миль. Глубина под самым берегом оказалась 5 сажен; входа же в озеро за этими кошками не было видно. Около часа пополудни задул тихий ветер от W , течение шло от S к N со скоростью около мили в час. Снявшись с верпа, я пошел вдоль берега к северу, приказав шлюпке следовать у самого берега, с той целью, чтобы посмотреть, не откроется ли пролив между кошками. Таким образом, мы начали производить опись.

В $3\frac{1}{2}$ часа мы увидели перед носом транспорта огромную полосу перебоя, тянувшегося от берега на NO , на расстоянии около 10 миль. Шлюпка, следовавшая под самым берегом, немного впереди транспорта, вступила уже в этот перебой и показала глубину 6 сажен; в то же время она уведомила, что между кошками есть пролив. Глубина по пути следования транспорта, на расстоянии от берега около $1\frac{1}{2}$ миль, была от 7 до 8 сажен. Сблизившись со шлюпкой, которой я приказал идти с промером к транспорту, мы увидели пролив и тянувшийся к N от него низменности; между тем в 4 часа мы заштилели и, на глубине 8 сажен на расстоянии $1\frac{1}{2}$ мили от берега, бросили верп. Я послал шлюпку с байдаркой для обследования видимого пролива и озера. К 8 часам эти гребные суда возвратились на транспорты; бывшие на них офицеры: мичман Гроте и подпоручик Попов, донесли, что против пролива есть бар с глубиной до 9 футов, в озере же глубина от 20 до 25 футов; озеро наполнено грязными лайдами и банками, а восточный возвышенный его берег до такой степени обмелел, что байдарки едва могли подойти к нему. В озере грунт вообще черный, вязкий и грязный ил; в море же, под берегом чистый белый песок. Хотя по одной из топких долин, лежащих между разлогами гор, и течет река, но она ничтожна и должно быть горная. Наконец они донесли, что вода из озера стремится с большой силой через пролив в море. До возвращения этих офицеров на транспорты, около $6\frac{1}{2}$ часов вечера, мы заметили, что течение, следовавшее до сего времени от S к N , приняло обратное направление от N к S , а вместе с этим и сулой, тянувшийся прежде на NO , принял направление на SO .

Это обстоятельство навело меня на причину ошибочного заключения И. Ф. Крузенштерна: будто бы в этом месте должен быть бар большой реки, или, может быть, рукава Амура. Ясно, что перебой, представившийся Крузенштерну ба-

ром, происходит от встречи двух, перпендикулярных между собой, течений: приливов, направляющихся попеременно вдоль Сахалина на S и N и течения из озера от W к O . Это же обстоятельство показало нам, что при исследовании в здешних местах надобно быть весьма осторожным в заключениях и не упускать из вида ни влияния различных течений, ни особых случайностей, которые могут являться от различных условий и очертания берегов; а потому я и поставил себе за правило, при описи этих мест, иметь по возможности всегда под берегом шлюпку, особливо под более или менее извилистым берегом.

Путь наш, по карте Крузенштерна, почти до мыса Елизаветы, лежал на расстоянии от берега от 16 до 7 миль, между тем как мы шли от него не более как в трех милях. Сначала я приписывал это неверности наших хронометров, но скоро разубедился в этом, так как они были тщательно проверены в Петропавловске и дали в четвертом Курильском проливе место совершенно сошедшееся с пунктом, определенным по пелангам. Неверны были наблюдения Крузенштерна и других, а не мои.

Всю ночь с 12 на 13 июня, по случаю штиля, простояли на верпе против низменных кошек, которые я называл шхерами Благополучия, первых, потому, что, следуя по имевшейся в то время единственной карте этой части Сахалина, составленной по описи И. Ф. Крузенштерна, мы, при неблагоприятных обстоятельствах, могли бы на них наткнуться, а во-вторых, потому, что эти места указали нам, что при описи здешних берегов надо иметь особую осторожность и осмотрительность.

С восходом солнца, 13 июня, задул с берега тихий ветер от W . Я послал на берег шлюпку и байдарку, приказав последней следовать по озеру к N , а шлюпке — морем, под самым берегом, по тому же направлению, с целью определения расстояния этих озер и отыскания какой-либо значительной реки, впадающей в оные, и пролива между островами (кошками), имеющего достаточную глубину. Вслед за этими гребными судами, не теряя их из вида, пошел с описью и промером вдоль берега к N и транспорт, на расстоянии от 1 до 2 миль от берега.

На этом пути в 7 часов вечера мы заштилели и бросили верп на глубине 9 сажен, в 2 милях от берега. Офицеры, посланные на байдарке и шлюпке: мичманы Гейсмар и Гроте и конкер Ухтомский, донесли мне, что вообще эти озера или заливы мелководны, хотя между лайдами и банками, которыми они наполнены, и попадаются глубины от 10 до 20 футов, вплотную к кошкам — от 20 до 25 футов; что проливы, соединяющие их

с морем, имеют глубину на барах от 7 до 11 футов; что ни одной значительной реки в эти озера не впадает; что на матером берегу и на одной из возвышенных кошек они видели три деревни; почти все жители этих деревень, увидевши их, удалились, оставшиеся же смотрели на них с большим любопытством и принимали их ласково. Судя по их одежде из рыбьих и собачьих шкур и образу жизни, туземцы эти находятся в диком состоянии. Восточный берег этих озер или заливов частью лесистый и вообще болотистый, кошки же, или острова, почти все голые, песчаные, а на некоторых есть тальник и можжевельник; наконец заливы эти, по докладу офицеров, должны кончаться у возвышенного, выдавшегося в море мыса, который был виден и с транспорта.

На другой день, 14 июня, около 6 часов утра, при тихом ветре с берега, мы тем же порядком продолжали описывать оного к северу. Около полдня со шлюпок дали знать, что шхеры и залив у мыса кончились. Я немедленно приказал шлюпкам вернуться на транспорт, ибо ветер начал свежеть и заходить к N, а вдали, за мысом, показались огромные массы плавающего льда.

Следуя вдоль берега, крутой бейдевинд, в два часа дня мы находились на параллели упомянутого мыса и вступили в массу льдов, которые весьма препятствовали нашему плаванию. Возвышенности, тянувшиеся от севера, почти у самого берега этого мыса, к югу образовали, казалось, берег, довольно далеко вогнутый к западу; между тем берег к северу, крутой и скалистый, шел прямо по меридиану.

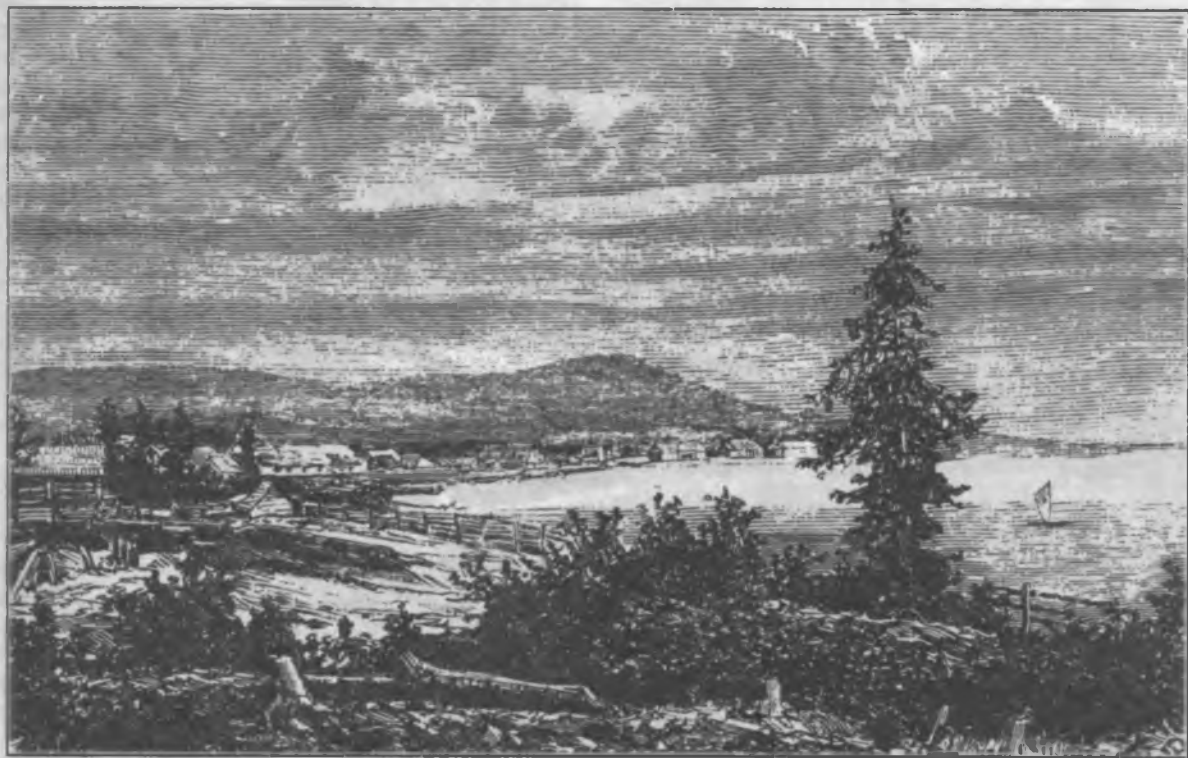
Обогнув мыс (названный Ледяным) и следуя от берега на расстоянии около 3 миль, мы продолжали его описывать, следя за малейшими извилинами. На всем пространстве до мыса Елизаветы нашли на этом берегу только две бухточки, которые с транспорта казались как бы удобными для якорной стоянки, но обследование их на шлюпках показало, что эти бухты ни по грунту, ни по очертанию своему неудобны даже для самых мелких мореходных судов.

Утром, 17 июня, обогнув мыс Елизаветы, вошли в залив, образующийся между этим мысом и мысом Мария, и зашли в нем, на расстоянии 2 миль от берега. Последний был местами холмист, местами же ровный, возвышенный. Здесь мы бросили якорь на глубине 9 сажен. Небо было ясное; наблюдения, сделанные на берегу, показали длину и широту мыса Елизаветы, тождественные с показанными у Крузенштерна. Это обстоятельство окончательно убедило меня, что часть северо-восточного берега Сахалина на карте Крузенштерна положена от 15 до 8 миль западнее.

Подробно обследовав берега этого залива, составляющего северную оконечность Сахалина, мы не нашли и здесь ни одной закрытой и удобной для стоянки судов бухты и 19 июня вышли из него, при ровном SSO ветре. Обогнув мыс Мария, около которого встретили довольно сильное и неправильное течение от O и S, мы легли вдоль западного берега Сахалина на SW. Следуя этим курсом с описью и промером, около 4 часов пополудни увидели пролив, к которому по лоту я и начал лавировать по глубинам от 8 до 4 $\frac{1}{2}$ сажени. Не прошло и часа, как мы с глубины 6 сажен вдруг сели на крутую банку. После тщетных усилий стянуться с нее посредством верпов, мы принуждены были завести становой якорь. Вода между тем начала прибывать; транспорт било о твердое кочковатое дно, угрожая большой опасностью. Только утром, 20 числа, после 16 часов утомительных трудов, мы сошли с этой мели. Ветер был тихий, с берега. Отойдя от банки на глубину 7 сажен, я бросил верп и послал на берег шлюпку и байдарку с лейтенантом Гревенсом и подпоручиком Поповым, приказав им исследовать пролив и бухту. К вечеру ветер задул от N с пасмурностью и мы медленно вступили под паруса, но вскоре ветер засвежел так, что шлюпки не могли уже возвратиться на транспорт. Всю ночь мы продержались под парусами, лавируя в море. После полудня, 21 числа, ветер начал стихать и отходить к S; сделалось ясно. Пользуясь этим, пошли к берегу, а около 8 часов вечера г-да Гревенс и Попов возвратились на транспорт и донесли, что в бухту ведет весьма извилистый между банками, довольно узкий канал, глубина которого до 10 футов; что бухта представляет огромный залив, закрытый от всех ветров; что этот залив вообще мелководен и наполнен банками; что берега его песчаные и почти безлесные; что самое глубокое место в заливе (до 3 $\frac{1}{2}$ сажени) находится у песчаного возвышенного холма, составляющего западный входной мыс в залив, положение которого, по наблюдению г-на Попова, оказалось в широте 53° 35' N и долготы 142° 30' и, наконец, что, судя по разномам виденным на западе песчаных холмов, можно предполагать, что этот залив соединяется мелководными проливами с лиманом реки Амра, но удостовериться в этом они не успели.

Залив этот, оказавшийся тем самым, который Гаврилов назвал заливом Обмана, потому что он принял его за амурский лиман, я назвал заливом Байкал.

23 июня, при тихом SSW ветре и ясной погоде, мы пошли отсюда с промером и описью, вдоль берега, к мысу Головачева. Только что миновали меридиан этого мыса, как транспорт привалило к мели. Стянувшись с нее и отойдя

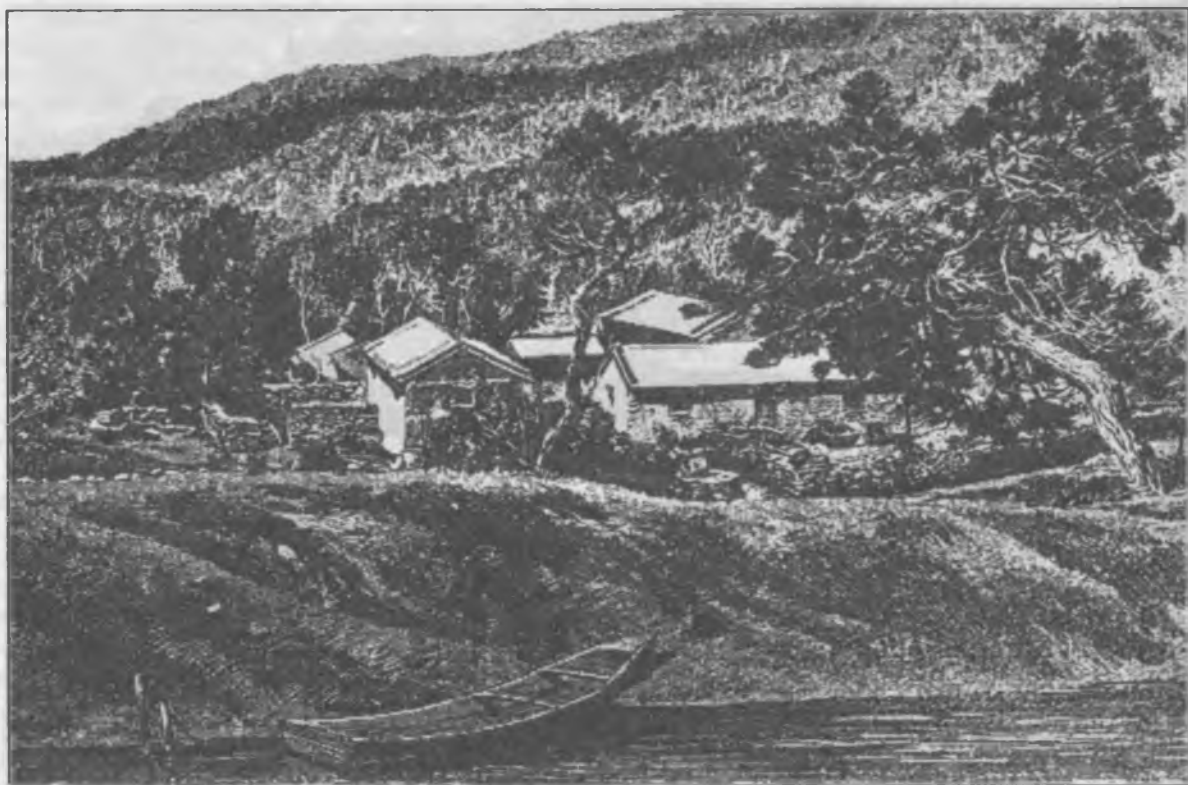
Деревня Чнаррах, военное поселение в 12 верстах от Николаевска-на-Амуре.
Гравюра XIX в.

на глубину 8 сажен, заштилели и бросили якорь в 1 $\frac{1}{2}$ мили от мыса. Густой туман и мрачность продолжались до утра 25 числа. Утром в этот день я послал к мысу Головачева две шлюпки с лейтенантом Гревенсом и мичманом Гейсмаром с поручением осмотреть, не найдется ли входа в лиман около этого мыса. Офицеры, возвращаясь на транспорт, донесли, что от мыса на W тянется отмель, на которой глубина от 8 до 9 футов¹ и хотя, следуя по этой отмели, они и попадали на глубины от 6 до 4 сажен, но глубины эти отрывистые, а потому и входа в лиман около этого мыса не существует. Между тем с транспорта было замечено, что от мыса Головачева должна лежать поперек лимана банка, часть которой, при малой воде, обсохла.

Убедясь, что около мыса Головачева не предстоит надежды открыть надлежащий вход в лиман, я обратился с этой целью к противоположному матерому берегу, почему на другой день, т. е. 25 июня, при ветре S, транспорта лег на WtN, вдоль видимой отмели. Для ограничения же ее с моря, я послал шлюпку с мичманом Гротом,

приказав ему, дойдя до конечности этой отмели, встать на кошку. К 6 часам вечера транспорт, следуя вдоль отмели, по глубинам от 6 до 7 сажен, пришел на меридиан ее конечности, лежащей от низменного матерого берега в 1 $\frac{1}{2}$ мили. На фарватере, идущем между отмелью и берегом, на глубине 6 сажен, мы встали на якорь. С утра 26 июня, при ветре SSW, начали лавировать к конусообразной горе, лежащей за мысом Ромберга и казавшейся островом. Гора эта представляет самый отличительный пункта для входа в лиман с севера; я назвал ее горой князя Меньшикова. Делая небольшие галсы и поворачивая у берега и около отмели, на глубине 3 сажен, мы ограничивали, таким образом, путь, ведущий в лиман, на котором в середине глубина была от 6 до 4 сажен. К берегу и банке эта глубина постепенно уменьшилась, а не доходя мыса Ромберга, мы близко придержались к берегу и сели на мель, но скоро стянулись и, по случаю наступавшего большого тумана, на глубине 4 $\frac{1}{2}$ сажени, встали на якорь. К 12 часам утра 27 числа ветер задул от SW, и туман очистился; мы сня-

¹ Чрез эту банку в 1846 году вошел в лиман и вышел из одного г-н Гаврилов.

Деревня на Амуре.
Гравюра XIX в.

лись с якоря, имея впереди шлюпки, легли на ОСО и, на глубине от 4 $\frac{1}{2}$ до 4 сажен, в 4 часа пополудни вошли в лиман реки Амура. Тут, на глубине 4 $\frac{1}{2}$ сажен и грунте с вязким илом, встали на якорь на северном лиманском рейде, названном мной так потому, что эта местность действительно представляет удобный рейд. Он защищен с севера тянущейся от мыса Головачева лайдой, обсыхающей при малой воде в середине; с запада и с востока — берегом Сахалина и матерым берегом, с юга же — отмелями, между которыми идут лиманские заводы и каналы.

С этой части лимана мы начали исследования его на транспорте и шлюпках, с целью ознакомиться с его состоянием и отыскать фарватер к югу. Встреченные при этом неправильные

и быстрые течения, лабиринты мелей, банок и обсыхающих лайд, и наконец постоянно противные SW свежие ветры, разводившие сулои и толчеи на более или менее глубоких между банками заводах, в которые неоднократно падал транспорт и часто становился на мель, делали эту работу на парусном судне, не имевшем даже паровой шлюпки, тягостной, утомительной и опасной, так что транспорт и шлюпки весьма часто находились в самом критическом положении¹. Много надобно было энергии, чтобы при таких обстоятельствах твердо идти к предположенной цели.

Все эти первоначальные исследования северной части амурского лимана ясно показали, что для составления плана дальнейших исследований

¹ Так например для промера были отправлены на 6-ти весельном баркасе лейтенант Гревенс, на 4-х весельном мичман Гросс и на вельботе мичман Гейсмар. На транспорте оставалось всего 10 чел. команды. Ветер мгновенно засвежел, баркас выбросило на лайду, а вельбот — на отмель сахалинского берега, против огромного селения Тамлево. Люди из вельбота едва спаслись на берег, и, разложив огонь, сушили свое платье, когда толпа гиляков, пользуясь тем, что после утомления наши уснули, утащила платье. Гейсмар с людьми на другой день явились в одних рубашках. Гиляки, между тем, вздумали было напасть и на транспорт, забравшись множество лодок и стали грести к транспорту. Ввиду этого, мы захватили двух гиляков и знаками объявили, что если они не остановятся и не возвратят все украденное, то их товарищи будут повешены. Это обстоятельство понудило их исполнить наши требования и сделало то, что мы впоследствии уже были безопасны от всяких покушений; они же еще нам помогали.

ний, которые могли бы привести к разрешению главного вопроса: *доступны ли устье реки Амура и ее лиман для мореходных судов*, необходимо было сделать предварительную рекогносцировку амурского лимана к югу. В этих-то видах я и послал на шлюпках мичмана Гроте и лейтенанта Козакевича. Господину Гроте приказано было, следуя вдоль западного сахалинского берега, узнать, не имеется ли сообщения лимана с заливом Байкалом и определить состояние и глубины канала, идущего вдоль этого берега к югу. Господину Козакевичу поручено, следуя вдоль матерого берега, стараться достигнуть устья реки Амура и собрать сведения как о состоянии этого устья, так равно и о части лимана, лежащей против него.

По возвращении на транспорт, мичман Гроте сообщил, что залив Байкал с лиманом не имеет сообщения, что, следуя вдоль берега Сахалина к югу, он попадал на глубины, между обрывистыми банками, от 5 до 8 сажен и достиг отмели, тянувшейся от Сахалина поперек лимана к западу, к возвышенному матерому берегу. Эта отмель, казалось, заграждала вход в лиман из Татарского залива, представляя, таким образом, Сахалин полуостровом.

Лейтенант Козакевич объяснил, что, следуя вдоль матерого берега, огибая все мысы и осматривая лежащие между ними обширные бухты, он достиг, наконец, до возвышенного мыса, который туземцы называли Тебах. За ним открылась бухта, тянувшаяся к западу, и из нее шло сильное течение. Эта-то бухта, говорил мне г-н Козакевич, и представляет устье реки Амура, ширину которого он примерно полагал до $7\frac{1}{2}$ мили (около 13 верст). Туземцы деревень Чабдах и Чнаррах, лежавших за этим мысом, были, по-видимому, весьма удивлены нашему появлению: их поразил наш костюм, особая конструкция шлюпки, отличающаяся от их лодок, и в особенности секстан, которым Козакевич делал наблюдения у мыса Тебах. Для обозрения лимана, при малой воде, Петр Васильевич поднимался на гору Тебах и донес мне, что с нее лиман на всем виденном пространстве представлял огромный бассейн, наполненный ладами, изрезанными протоками и большими озерами. На обратном пути к транспорту, он попал на извилистый канал, обставленный в некоторых местах шестами, у которых туземцы ловят рыбу; глубину в этом канале он находил от $3\frac{1}{2}$ до 5 сажен.

Таковы были результаты этой рекогносцировки; они и встреченные же нами затруднения

указывали, что в короткое время и с ничтожными средствами, имевшимися у нас, не представлялось возможности сделать точную опись лимана, занимающего около 2 000 квадратных верст. Поэтому я и решился ограничиться исследованием вышеупомянутого главного вопроса: продолжать промер и исследования северной части лимана на гребных судах. Ввиду же того, чтобы при исследованиях устья реки Амура и южной части ее лимана, не впасть в какие-либо ошибочные заключения, подобно И. Ф. Крузенштерну, при описи восточного берега Сахалина, я положил неуклонно следовать при этом плану, который отстранял бы причины, которые могли привести меня к ошибочным заключениям. Избранный мной план был следующий: 1) От транспорта, т. е. с северного лиманского рейда, выйти с промером на глубины, встреченные лейтенантом Козакевичем, вдоль северо-западного берега лимана и, не теряя нити оных, войти в реку. 2) Следуя вверх по ней, под левым берегом, дойти до пункта, который представляет возможность ее устья. 3) От упомянутого сейчас пункта спуститься, не теряя нити глубин, под правым берегом реки до ее устья и далее по лиману, в Татарский залив, до той широты, до которой доходил капитан Браутон. 4) От этого пункта, не теряя нити глубин, возвратиться на транспорт, следуя вдоль западного берега Сахалина.

Для приведения в исполнение этого плана, которым бы я мог разрешить вышеупомянутый главный вопрос о степени доступности устья реки и ее лимана для входа в них с моря, я, 10 июля, на трех шлюпках, с тремя офицерами¹ и доктором отправился с транспорта и пошел по лиману к глубинам, найденным лейтенантом Козакевичем; на пути все время бросал лот. Следуя по этим глубинам, мы 11 числа обогнули мыс Тебах и вошли в реку Амур; к вечеру того же числа, не теряя нити глубин и следуя под левым берегом реки, достигли низменного полуострова, названного мной Константиновским. Он тянулся поперек реки к противоположному правому ее берегу, где находилась деревня Алом. Местность эта, по исследованию моему, оказалась удобной для береговой защиты. По всему пройденному нами пути, начиная с северного лиманского рейда, с $4\frac{1}{2}$ саженами глубины, на которой стоял на якоре транспорт, самая меньшая глубина (на SW 30° , на расстоянии около 2 миль от транспорта) оказалась на пути к мысу Тебах ($2\frac{1}{2}$ сажени), а самая большая (6 сажен), от мыса Тебах до Константиновского полуострова (по

¹ Офицеры: Попов, Гейсмар и Гроте; шлюпки: шестерка, вельбот и четверка, нижних чинов 14 человек, провизии на 3 недели.

туземному Туегда). В этом месте самая меньшая глубина 6 саж., а самая большая — 15. Утром, 13 июля, мы перевалили от Константиновского полуострова под правый берег реки, к мысу Мео, и пошли вдоль него, к мысу Пронге, южному входному в реку мысу; тут мы следовали по глубинам от 10 до 5 саж. 15 июля отправились от мыса Пронге по лиману Амура к югу, следуя по направлению юго-восточного его берега и не теряя нити глубин. 22-го июля 1849 года достигли того места, где этот матерый берег сближается с противоположным ему сахалинским. Здесь-то, между скалистыми мысами на материке, названными мной Лазарева и Муравьева и низменным мысом Погоби на Сахалине, вместо найденного Крузенштерном, Лаперузом, Браутоном и в 1846 г. Гавриловым низменного перешейка, мы открыли пролив шириной в 4 мили (7 верст) и с наименьшей глубиной 5 саж. Продолжая свой путь далее к югу и достигнув 24 июля широты $51^{\circ} 40'$, т. е. той, до которой доходили Лаперуз и Браунтон, мы возвратились обратно и, проследовав открытым нами южным проливом, не теряя нити глубин, выведших нас из Татарского залива в лиман, направились вдоль западного берега Сахалина. К вечеру 1 августа 1849 года мы возвратились на транспорт после 22-дневного плавания, сопряженного с постоянными трудностями и опасностями, ибо южные ветры, мгновенно свежая, разводили в лиманских каналах толчею и сулой, которыми заливало наши шлюпки так, что часто приходилось выбрасываться на ближайший берег; а чтобы не прерывать нити глубин, по которым мы вышли из реки, мы принуждены были выжидать благоприятных обстоятельств, возвращаться иногда назад, чтобы напасть на них, и тогда снова продолжать промеры. Неуклонно и строго следовать своему плану я считал необходимым, главным образом потому, что сложившееся во всем образованном тогда мире мнение о недоступности устья реки Амура и ее лимана из Татарского залива, вследствие общего убеждения, что Сахалин полуостров, налагало на меня обязанность принять все меры к раскрытию истины, тем более, что упомянутое мнение принималось уже всюду за непреложную истину, закреплённую авторитетом знаменитых европейских мореплавателей, моих предшественников. Самая меньшая глубина от мыса Пронге, по лиману, до южного пролива оказалась $2\frac{1}{2}$ сажени, а самая большая — 9 саж. От южного же пролива до параллели $51^{\circ} 40'$ наименьшая глубина 5 саж., а наибольшая — 12 и,

наконец, по лиману вдоль сахалинского берега до северного лиманского рейда, на котором находился транспорт, наименьшая глубина 4 сажени, а наибольшая — 12¹.

Из этих исследований, в противоположность существовавшему до сего мнению относительно устья р. Амура, ее лимана и Сахалина, оказалось: а) что Сахалин не полуостров, а остров, б) что вход в лиман из Татарского залива, через открытый нами 22 июля 1849 года пролив, доступен для мореходных судов всех рангов, а с севера — из Охотского моря, а равно и сообщение через лиман Татарского залива с этим морем, для судов, сидящих в воде до 23 футов. в) что в устье реки Амура из Татарского залива могут проходить суда с осадкой до 15 футов, а из Охотского моря — суда, сидящие в воде до 12 футов.

Разрешив, таким образом, главные вопросы об устье реки Амура, ее лимане и Сахалине и убедившись на опыте, что точное определение направления лоцманских каналов, извиляющихся между отрывистыми лайдами и банками, с теми ничтожными средствами, какие мы имели, невозможно, и имея в виду, кроме того, непременно исполнение данных мне повелений: описать юго-восточный берег Охотского моря до Тугурской губы и не позже 15 сентября быть в Охотске, я 3-го августа вышел из лимана и от горы князя Меншикова начал описать матерого берега. Состояние его оказалось таково: от упомянутой горы, на пространстве 20 миль к ОНО-ту, тянется огромный залив, огражденный с моря низменными дресвяными кошками; по точном исследовании этого залива на шлюпках, оказалось, что вход с моря, между кошками, в северную часть этого залива имеет бар, более других глубокий, а именно: 9 футов в малую и 14 футов в большую. Эту часть залива я назвал *заливом Счастья*, потому что он представляет единственную, более или менее удобную, близ лимана гавань. Продолжая далее описывать с транспорта берег, тянувшийся к НО, мы дали ему правильное положение. На морских картах того времени берег этот был положен до такой степени ошибочно, что весь путь транспорта, проложенный на этих картах, лежал по сухому пути. Подойдя к возвышенному мысу Мухтель, для осмотра виденной за этим мысом Ульбанской губы, я послал на вельботе мичмана Гроте, а с транспортом направились в Константиновский залив. По подробной описи и исследованию берегов этого залива оказалось, что он не представляет ни в каком отношении удобства для основани-

¹ Туземцы на мысах Пронге, Уси и на Сахалине объяснили нам, разумеется знаками, что посреди лимана существует глубокий канал, более 5 саж.; я означил эти указания на карте, насколько мог понять туземцев о его положении, не имея никакой возможности поверить их, ибо шлюпки наши, при первой попытке, заливало.

в нем порта. Окончив его исследование, мы пошли в Ульбанскую губу, на соединение с мичманом Гротом. Подробная опись и исследование этой обширной губы обнаружили, что она представляет единственный на всем Охотском море и закрытый от всех ветров обширный рейд. Эту губу я назвал заливом Св. Николая. По выходе из него, у мыса Мухтель, мы заштилели и заметили две черные точки, приближавшиеся от берега к транспорту. Это была байдарка с прапорщиком корпуса штурманов, Дмитрием Ивановичем Орловым, состоявшим на службе российско-американской компании. Офицер этот был послан из Аяна с двойной целью: во-первых, разыскать транспорт «Байкал», во-вторых, для торговых сношений с обитавшими на этих берегах тунгусами и гиляками. Орлов, следуя от Аяна вдоль берега, доходил до гилякского селения Коль, лежавшего в 25-ти милях к NO от залива Счастья (по туземному Искай). Ему приказано было, в случае встречи со мной, передать, что в Аяне ожидают меня важные распоряжения высшего правительства. Приняв на транспорт Орлова с его двумя байдарками, я, чтобы скорее отправить донесение князю Меншикову о моей описи, а вместе с тем и высадить Орлова, 30 августа пошел в Аян, куда и прибыл 3 сентября.

Глава X

Донесение мое князю Меншикову от 3-го сентября 1849 года.—
Плавание Корсакова.— Путешествие генерал-губернатора
на Камчатку и обратно.— Впечатление,
произведенное моим донесением в Петербурге.—
Высочайшее повеление о переносе Охотского порта
в Петропавловск и о заселении реки Май.

о приходе в Аян, я в тот же день послал с курьером, капитаном М. С. Корсаковым, следующее донесение его светлости князю А. С. Меншикову:

«По сдаче груза в Петропавловском порту, дабы не упустить оставшегося у меня свободным времени, я 30 мая 1849 года из Петропавловска направился к восточному берегу Сахалина и в амурский лиман. В продолжение 42-дневного пребывания нашего в лимане нам удалось с Божьей помощью рассеять ошибочные заключения об этих местах знаменитых моих предшественников и привести затем в известность весь юго-восточный берег Охотского моря. Нами открыто: 1) что Сахалин остров, отделяющийся от материка проливом в 4 мили шириной и имеющий наименьшую глубину 5 сажен; 2) что вход в реку Амур с севера — из Охотского моря и с юга — из Татарского залива, а также, что сообщение через амурский лиман морей Японского и Охотского, доступно для мореходных судов; 3) что на юго-восточном берегу Охотского моря находится обширный, закрытый от всех ветров, рейд, названный мной заливом Св. Николая. Что же касается до Константиновского залива, то, по тщательном исследовании, он оказался неудобным для основания в нем порта. Почтительнейше донося об этом вашей светлости, священным долгом считаю свидетельствовать о благородном рвении и неутомимой деятельности офицеров и команды вверенного мне транспорта. Все до единого честно и благородно исполняли долг свой. Высочайше утвержденную инструкцию о разрешении идти мне в амурский лиман я только-что сейчас получил, в Аяне. Чистые и черновые журналы и карты описанных нами мест я буду иметь честь лично представить вашей светлости, по возвращении моем в Петербург; ныне же спешу донести Вам о результатах наших исследований».

Между тем, посланный в Охотск от генерал-губернатора Н. Н. Муравьева курьером штабс-капитан М. С. Корсаков¹, с высочайше утвержденной мне инструкцией об исследовании устья реки Амура, был задержан в Охотске льдами до половины июня, так что только около этого времени он мог отправиться из Охотска на боте «Кадык», с целью отыскать транспорт «Байкал» и передать мне упомянутую инструкцию. Господин Корсаков, рассчитывая, что при таком позднем выходе из Охотска он не может уже застать транспорт в Петропавловске, отправился к северной оконечности Сахалина, на вид которой я должен бы был придти, следуя из Курильской гряды к Константиновскому заливу, если бы шел согласно инструкции, данной мне при отправлении из Кронштадта. Не встретив транспорта ни здесь, ни затем в Константиновском заливе, господин Корсаков возвратился в Аян.

Вместе с сим, перед отправлением из Петербурга генерал-губернатора Муравьева, в 1848 году, в Иркутск, государю императору угодно было сказать ему, что «он, вероятно, не будет на Камчатке, потому что туда весьма затруднительно ехать». На это Муравьев отвечал его величеству, что он постарается добраться до Камчатки; почему, по прибытии своем в Иркутск весной следующего 1849 года, Н. Н. Муравьев со своей супругой Екатериной Николаевной отправился в Якутск и далее, через Охотск, в Петропавловск.

Преодолев все трудности верховой езды между Якутском и Охотском, на пространстве более 1 100 верст, по тропинкам, тундрам и болотам, Николай Николаевич с супругой достигли Охотска и оттуда, на транспорте «Иртыш», под командой капитан-лейтенанта Преклонского, пошли в Петропавловск. Посетив Петропавловский порт, вследствие письма моего, посланного из этого порта, на том же транспорте, 28 мая, Николай Николаевич Муравьев, чтобы встретиться со мной, заходил на обратном пути из Петропавловска в Аян, к северной оконечности Сахалина, но, не найдя здесь транспорта, полагал, что я, не получив разрешения в Петропавловске идти в лиман, направился, вследствие данных мне инструкций в августе 1848 года, в Константиновский залив. Поэтому Н. Н. Муравьев от северной оконечности Сахалина пошел в Аян, куда и прибыл 30 августа. Он был первый из всех генерал-губернаторов Восточной Сибири, который посетил Охотск и Петропавловск. Ему хотелось лично видеть эти места, прежде чем решиться на перенос Охотского порта, что тогда считалось необходимым. Все предместники Н. Н. Муравье-

ва полагали, что это путешествие если не невозможно, то бесполезно. Обратный путь Н. Н. Муравьев совершил через Аян, с тем чтобы видеть этот порт и аянский тракт и сравнить их с Охотским портом и трактом. По прибытии Н. Н. Муравьева в Аян, туда пришел и бот «Кадык», с М. С. Корсаковым, который донес генерал-губернатору о своих неудачных розысках транспорта «Байкал», несмотря на то, что он перерезывал несколько раз все пути, по которым транспорт, вследствие данных ему в Кронштадте инструкций, должен бы следовать. Это обстоятельство, а равно предположение, что я, не получив в Петропавловске разрешения приступить к описи лимана и устья реки Амура (мест, считавшихся тогда китайскими), не мог решиться сам на это исследование и, наконец, сведения, доставленные г-ном Завойко в Аяне, что лиман окружен опасными банками и вход в него для транспорта «Байкал» невозможен, послужили поводом к заключению в Аяне, что «Байкал» на пути из Петропавловска погиб. После этого понятно, до какой степени все были изумлены в Аяне, когда «Байкал», считавшийся погибшим, оказался утром 3 сентября перед входом в аянский залив!

Мы не успели еще бросить якорь, как на вельботе пристал к транспорту М. С. Корсаков и объявил о присутствии в Аяне генерал-губернатора и о мнении, ходившем там насчет нас. Он сказал нам, что поводом к такому общему мнению послужило заключение В. С. Завойко, который, в свою очередь, основывался на описи Гаврилова. Вместо ответа Корсакову, я дал прочесть приготовленный мной для отправления из Аяна рапорт князю Меншикову. Тогда же М. С. Корсаков передал мне и высочайше утвержденную инструкцию, которой повелевалось из Петропавловска идти в амурский лиман, с целью поверки описи Гаврилова. Сейчас же вслед за Корсаковым вышел на встречу нам, на катере, генерал-губернатор со всем своим штабом; не приставая еще к транспорту, он спросил меня, откуда я явился. На это я отвечал: «Сахалин остров, вход в лиман и р. Амур возможны для мореходных судов с севера и юга! Вековое заблуждение положительно рассеяно. Истина обнаружилась; доношу об этом Его Светлости для представления Государю, а ныне Вашему Превосходительству». В маленькой моей каюте собрались около генерал-губернатора все его спутники и с любопытством слушали меня о нашем плавании и сделанных нами открытиях, которые были совершенно противоположны показаниям карты, имевшейся тогда в Аяне.

¹ Впоследствии генерал-губернатор Восточной Сибири.

Из Аяна, на другой день, 4-го сентября, с курьером штабс-капитаном М. С. Корсаковым были отправлены вышеупомянутый рапорт мой князю Меншикову и отношение генерал-губернатора, в котором, между прочим, он объяснял князю, что ни одна из предшествовавших мне, экспедиций не представляет таких важных для России последствий, какие истекают из моих открытий, несмотря на то, что все это произведено без всяких особых затрат казны и с ничтожными средствами, на суммы, ассигнованные для доставления груза в наши сибирские порты. «Груз этот», писал Николай Николаевич, по удостоверению начальника Камчатки, капитана 1-го ранга Машина, «доставлен на «Байкале» в таком отличном и сохранном виде, в каком еще никогда не бывало».

Результаты наших исследований обуславливают важное значение для России Приамурского края, ибо они доказывают, что р. Амур через лиман имеет прямое сообщение с Татарским заливом, а через это берега этого залива, с находящимися при них гаванями, составляют необходимое дополнение амурского бассейна. Кроме того, сделанные нами открытия доказали важное значение реки Амура, как артерии, связывающей с океаном Восточную Сибирь, считавшуюся до этого отрезанной от него тундрами, горами и огромными пустынными пространствами.

Если бы я ограничился выполнением только той программы, для которой специально был отправлен «Байкал», т. е. доставил бы груз в сибирские наши порта, подобно многим моим предшественникам и не принял бы вышеупомянутых мер к раннему приходу в Петропавловск, чтобы иметь свободными летние месяцы 1849 года, наконец, если бы я, несмотря на ответственность, не решился бы по собственному моему усмотрению, без прямого на это повеления, идти из Петропавловска прямо в амурский лиман, чтобы раскрыть истину, то мы, русские, под давлением распространившегося тогда в Аяне мнения о положительной недоступности амурского лимана и устья реки Амура, могли бы не обратиться на этот край должного и энергического внимания и, вследствие этого оставались бы уверенными в упомянутом заблуждении. Тогда бы, в минувшую войну, доблестные защитники Петропавловска, имущество этого порта со всеми судами, а равно и экипаж японской экспедиции, были бы в самом критическом положении, так

что это могло бы, может быть, составить трофей в несколько раз сильнее нас неприятеля. Кроме того, плаванье около этих мест иностранные суда могли бы занять берег Татарского залива и даже устье самой реки и тогда бы суда союзной неприятельской эскадры не имели бы повода блокировать эти места, а через это не имели бы случая фактически признать их принадлежащими России, а не Китаю. На это обстоятельство, при заключении трактата с Китаем, ссылались, как на один из главных аргументов. Из этого ясно, что без своевременных исследований и занятий устья реки и неразрывно связанных с нею берегов Татарского залива, эти места могли бы быть навсегда потерянными для России. Вот те важные последствия наших открытий, которые не замедлили обнаружиться.

Из Аяна, 5 сентября, транспорт «Байкал» отправился в Охотск, а генерал-губернатор со своим штабом поехал аянским трактом в Якутск; там я должен был с ним соединиться, чтобы ожидать зимнего пути по реке Лене. Придя в Охотск 10 сентября, я, вследствие данных мне инструкций, сдал транспорт и 20 числа этого месяца с офицерами транспорта отправился в Якутск, куда и прибыл 3 октября. Здесь мы застали генерал-губернатора; я просил его сделать распоряжение г. Завойко о посылке зимним путем из Аяна в удский край, а оттуда в устье реки Амура, прапорщика Орлова для наблюдения над вскрытием льда в заливе Счастья и в устье реки. Генерал-губернатор тогда же с нарочным послал предписание об этом г-ну Завойко¹. В Якутске и затем в Иркутске, куда мы прибыли 22 ноября, мы приводили в порядок наши журналы и карты.

По получении моего донесения из Аяна, в Петербурге, под давлением авторитета знаменитых моих предшественников, подтвержденного затем бароном Врангелем и графом Нессельроде в 1846 году, не поверили нашим открытиям и считали поступок мой (что я без разрешения пошел из Камчатки в амурский лиман) дерзким и подлежащим наказанию. Потому там полагали, что Петропавловск должен быть главным нашим портом в Восточном океане, а Аян в Охотском море, весь же Приамурский край предоставить Китаю.

Между тем генерал-губернатор, по возвращении своем в Иркутск, 10 ноября 1849 года, сделал следующее представление в С.-Петербург.

1) Охотский порт перенести в Петропавловск, который усилить и укрепить, а из Камчат-

¹ Вот причина, почему Орлов был в заливе Счастья и на устье р. Амура весной 1850 года, а вовсе не та, о которой говорит Тихоменев в историческом обозрении действий российско-американской компании, на странице 62 и примечании к оной. Ссылка его на бумагу министерства иностранных дел от 15 февраля 1849 года здесь не имеет места, ибо в этой бумаге разрешалось российско-американской компании из Аяна производить расторожку с туземцами по юго-восточному берегу Охотского моря, отнюдь не касаясь устья Амура.

Петропавловский порт на Камчатке.

Гравюра XIX в.

ки сделать область, под начальством командира Петропавловского порта и камчатского губернатора, которым назначить Завойко.

2) Аянскую факторию российско-американской компании возвести в степень правительственного порта в Охотском море.

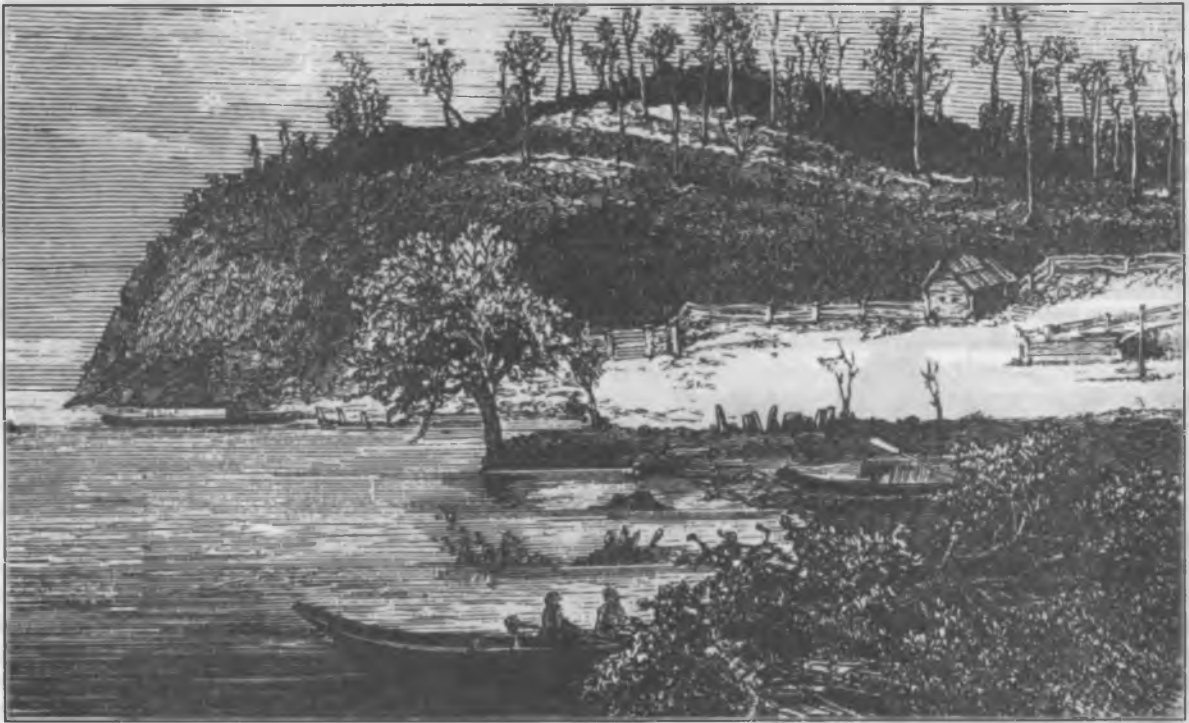
3) Для удобного и правильного сообщения Аяна с Якутском заселить крестьянами реки Маю и тракт между Аяном и Нелькином.

4) Аянскую факторию, как правительственный порт, усилить военными чинами и принять на счет казны устройство и поддержание тракта между Аяном и Якутском.

Я узнал об этом представлении по прибытии моем в Иркутск от самого генерал-губернатора Н. Н. Муравьева и при этом не мог не выразить ему мое сожаление, предлагая, если возможно, отклонить его ходатайство. Мотивы, которые я ему высказал при этом, были следующие:

а) Камчатский полуостров огромными тундристыми и гористыми пространствами и пустынями совершенно изолирован от Сибири, а потому, в случае войны с морскими державами, особенно продолжительной, Петропавловский

порт не может быть ни снабжен, ни подкреплен без содействия сильной эскадры, которая была бы в состоянии оградить путь к нему от нападения эскадр враждебных морских наций. Такое нападение весьма вероятно, так как европейцы для ограждения своей обширной торговли и колоний в Восточном океане держат довольно сильные отряды, всегда готовые на подобную услугу. Серьезное развитие нашей торговли там представляется еще в весьма и весьма отдаленном будущем, а следовательно, и эскадры довольно сильной для ограждения пути в Петропавловск мы еще долго не будем иметь. На пустынном Камчатском полуострове, изрезанном тундрами, болотами и хребтами гор, между которыми разбросано бродячее население до 5 000 душ, а также по неблагоприятным климатическим условиям, ни одна из иностранных держав утвердиться не будет, тем более, что вековой опыт и нам уже убедительно доказал, что содержание Петропавловского порта и обладание Камчаткой слишком дорого стоит. Несмотря на все серьезные меры, принимаемые правительством, меры, сопряженные с большими затрата-

Гора и селение Май на Амуре.

Гравюра XIX в.

ми и жертвованиями людьми, мы не могли достигнуть даже и того, чтобы ничтожное население Петропавловского порта и Камчатки могло бы хотя сколько-нибудь быть обеспеченным местным хлебом и прочими продуктами; мы должны доставлять все это из Сибири по баснословно высоким ценам и то только в весьма ограниченном размере. Наконец, российско-американская компания не соглашалась принять Камчатку на свое содержание даже за весьма значительную субсидию. По всем этим причинам и положено было Петропавловск держать в виде станции для плавающих судов и места для управления бродячим населением Камчатского полуострова. При убеждении о недоступности амурского лимана и устья реки Амура и при уверенности, что на побережье амурского бассейна не имеется гавани, мы не имели и возможности основать на Восточном океане надлежащего правительственного порта, который бы мог быть снабжен и подкреплен независимо от морского пути.

б) Точно также все усилия правительства, сопряженные с большими расходами и жертвованиями людьми и капиталами на заселение земледельцами берегов реки Май, в видах установления по оной сообщения Якутска с побережьем Охотского моря, оставались тщетными

и показали, что земледельческой оседлости по берегам этой реки, а равно и устройства сколько-нибудь сносного пути между этой рекой и побережьем Охотского моря быть не может. Наконец, подробные и тщательные исследования берегов Охотского моря обнаружили, что на его берегах нет ни единого пункта, включая в то число и Аянский залив, к устройству сколько-нибудь удобного порта.

в) Настоящие же наши исследования и открытия указали, что река Амур и ее лиман связывают Восточную Сибирь с Японским морем и что побережье Приамурского края составляет непосредственное дополнение амурского бассейна, а потому всего естественнее отыскать гавань на этом побережье, так как она, в случае войны с морскими державами, могла бы быть снабжена и подкреплена, независимо от морского пути, путем внутренним, безопасным от нападения неприятеля, т. е. по реке Амуру и ее притокам. Только при таких условиях и может быть полезен для России порт на отдаленном ее Востоке, ибо, имея такой порт, мы с одной стороны приобретаем должное политическое значение на Восточном океане, с незначительной морской силой по сравнению с иностранными морскими державами; а с другой стороны, мы приобретаем

надежную и серьезную школу для образования наших морских офицеров и команд.

г) В видах развития нашей торговли и политического влияния на сопредельный нам Китай, реки Сунгари, орошающая населенную южную Манджурию, представляет удобный путь из южного Приамурского края.

д) Чтобы воспользоваться правом, оставленным за нами по трактату 1689 года с Китаем, на обладание Нижнеприамурским бассейном с его побережьем, необходимо произвести подробное исследование одного во всех отношениях и установить постоянное бдительное наблюдение над оным. Все это возможно сделать только при нашем немедленном утверждении в этом крае, ибо китайского правительственного влияния в нем не существует и Китай как бы не признает его своей принадлежностью и оставляет его свободным. При таком положении и при доказанной ныне возможности проникнуть в Приамурский край чрез реку Амур из Японского моря, он легко может сделаться добычей первого смелого пришельца¹; чего, по связи этого края с Сибирью, Россия ни под каким предлогом допускать не должна.

В виду этих-то соображений, единственно, на что, по моему мнению, правительство должно сосредоточить свое внимание и средства, это — чтобы, не теряя ни минуты времени, утвердиться в Нижнеприамурском крае. Отсюда следует начать производить его исследования и постепенно заселять пути, ведущие к устью реки Амура, для того чтобы, с одной стороны, обеспечить сообщение амурского бассейна с Забайкальем, а с другой — иметь возможность довольствоваться местным продовольствием нашу там военную силу. Последняя должна быть так расположена и средства ее передвижения должны быть так устроены, чтобы она благовременно могла являться к избранной гавани, на устье реки Амура и на реку Сунгари. При устройстве же в этом крае управления, а равно и средств к передвижению войск, должно иметь ввиду, что море и реки надолго еще будут служить здесь единственными путями сообщения; что этот край представляется краем чисто морским и, начиная от Забайкалья, составляет, одно целое; что здесь не должно растрчивать больших сумм на дорогостоящие различные бюрократические и судебные учреждения, действующие в Сибири и Европейской России, а равно не следует делать здесь затрат на дорогостоящие долговременные укрепления и различные капитальные сооружения, ибо при обеспечении этого края с тыла банками лимана, лесистым, гористым и бездорож-

ным, пустынным его побережьем и, наконец, при отдаленности его от цивилизованных портов, он и с малыми средствами представляет надежную защиту от враждебных покушений с моря.

«Итак, — высказал я Николаю Николаевичу, — правительственное внимание, по моему мнению, на отдаленном нашем востоке должно быть направлено единственно к достижению упомянутой важной политической и экономической цели, почему, при настоящих открытиях, Петропавловск и Аян не могут быть нашими портами, каковыми, по представлению вашего превосходительства, они должны создаться. Затраты эти не только будут непроизводительны и напрасны, но могут вредно действовать на упомянутую главную здесь правительственную задачу, куда бы эти затраты и должны быть всецело употреблены. Петропавловск и Аян могут быть только, как я сказал, станциями для наших судов и, следовательно, должны оставаться в том именно виде, в каком они существуют ныне». Поэтому следует остановить: 1) передвижение Охотского порта в Петропавловск и усиление этого последнего, 2) заселение реки Май, 3) устройство за счет казны аянского порта, и приступить ныне к следующему.

1) Настоящими средствами Охотского и Петропавловского портов, предстоящим же летом 1850 года серьезно занять устье реки Амура и отсюда, как из первоначального пункта, приступить к исследованиям: а) направления Хинганского хребта от верховьев реки Уди и направления рек, орошающих Нижнеамурский край и берущих начало из этого хребта, а равно и рек, орошающих побережья этого края, б) начать исследования побережий Татарского залива, до корейской границы, в видах отыскания на этом побережье гавани, удобной для основания порта, сколь можно долее открытого для навигации.

2) Ныне же распорядиться, чтобы для усиления сибирской флотилии были высланы из Кронштадта, в навигацию 1851 г., два винтовых легких судна, с осадкой около 10 футов, с паровыми шлюпками при них.

3) Предварительно распорядиться, чтобы с прибытием сюда упомянутых винтовых судов, было бы ежегодно высылаемо по несколько семей крестьян для постепенного заселения главных пунктов края.

4) С прибытием этих паровых средств, приступить к тщательному исследованию амурского лимана, а равно и к исследованию северо-восточной части реки Амура, в видах безопасного плавания.

¹ Во время пребывания моего в Охотске, я узнал из рассказов лейтенанта, оставленного Лаперузом, который проезжал чрез Охотск из Камчатки, что будто бы французское правительство дало Лаперузу повеление. в случае возможности входа в Амур из Татарского залива, занять устье реки. Может быть такое же повеление дано было и Браутону.

5) В видах основательного выбора гавани, соответствующей основанию в ней порта, почти всегда открытого для навигации, а равно и для фактического заявления перед иностранцами о бдительном нашем наблюдении за этим краем, в более или менее закрытых бухтах, лежащих по берегам Татарского залива, расставлять военные посты, а равно расставлять посты и водворять крестьян и на тех местностях по Амуру и Уссури, в которых по исследованию окажутся более или менее удобные перевалы на побережьях Татарского залива, в закрытые бухты¹.

Засим, в исходе декабря 1849 года, пришло в Иркутск высочайшее повеление, последовавшее 2 декабря 1849 г., которым повелевалось: Охотский порт перенести в Петропавловск, который должен быть главным и укрепленным нашим портом на Восточном океане, почему он должен быть усилен командами, материалами и орудиями, доставленными на транспортах из Кронштадта. Начальника аянской фактории Завойко назначить губернатором Камчатки, из которой образовать отдельную Камчатскую область. Для развития в Камчатке земледелия переселять туда ежегодно по 25 семей крестьян. Принять на счет казны окончательное устройство и содержание аянского тракта, а аянскую факторию возвести в степень правительственного порта, усилив ее воинскими командами. Наконец, по реке Мае и между Нелькином и Аяном сделать земледельческие поселения для поддержания аянского тракта. Это высочайшее повеление привести на местах в исполнение генерал-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьеву, в распоряжении которого должны находиться и все суда в Охотске и Камчатке, под названием сибирской флотилии; точно так же в распоряжение генерал-губернатора посылать из Кронштадта в Охотское и Камчатское моря военные крейсера для уничтожения насилий, производимых китобоями. Вместе с тем, оставленную в Иркутске экспедицию Ахтэ не посылать для определения границы, а направить, по усмотрению генерал-губернатора, для исследования Удского края. Что же касается дальнейших действий на побережьях Охотского моря, то ожидалось подробное мое объяснение. Вместе же с этим, 6 декабря за благополучный приход транспорта в Петропавловск, скорое и в хорошем состоянии доставление грузов и за сохранение здоровья команды, по прежним примерам, я был произведен в капитаны 2-го ранга², а офицеры награждены были как за это, так и за опись — чинами и крестами.

¹ Опыт не замедлил показать, что если бы в 1850 г. было принято это мнение, которому Н. Н. Муравьев вполне сочувствовал, тогда война 1854 г. не застала бы нас здесь врасплох, и мы не встретили бы тех затруднений при вводе судов и подъеме команд в Забайкалье, но тогда все были увлечены важностью значения Петропавловска и, не веря моим открытиям, боялись раздражить китайцев и иностранцев.

² За опись мне следовал орден Св. Владимира 4 степени и пенсия, как-то дали и Бутакову, описавшему устье Амур-Дарьи, но я в лиман пошел, не получив еще Высочайшего разрешения, а потому меня следовало бы наказать, однако, лишили только того, что по закону следовало за опись, т. е. Креста и пенсия.

Глава XI

Прибытие мое в Петербург.—
Прибытие в Иркутск 27 марта.— Поездка в Якутск и Аян
с М. С. Корсаковым.— Встреча с Д. И. Орловым —
Основание Петровского зимовья.—
Плавание мое вверх по Амуру.— Предписание Д. И. Орлову.—
Отправление мое в Иркутск и оттуда в Петербург.

о прибытии в Петербург, 28 января 1850 года, я явился к князю Меншикову и представил ему все чистые и черновые журналы и карты наших исследований и открытий, а вместе с этим и рапорт Н. Н. Муравьева о том, что ввиду сделанного мной открытия в навигацию же 1850 года необходимо занять устье реки Амура 70 людьми воинских чинов. Для исполнения этого Н. Н. Муравьев просил князя Меншикова о назначении меня в его распоряжение. Его светлость принял меня весьма благосклонно и объявил, что хотя государь император, довольный весьма смелым моим поступком, простил меня за то, что я, не получив еще его повеления, решился идти к устью реки Амура и в ее лиман, но граф Нессельроде и большинство членов особого ко-

митета, которого граф председателем, обвиняли меня за таковую дерзость¹ и изъявляют Его Величеству сомнение в справедливости моих открытий на том основании, что «они совершенно противоречат докладу графа Нессельроде и донесению барона Врангеля, в исходе 1846 года, о том же предмете, а равно и донесением нашей миссии в Пекине». На это я отвечал князю, что таковое заключение графа Нессельроде и большинства комитета, как он изволит увидеть из представляемых ему документов, совершенно ошибочное и для меня и всех моих в этом деле сотрудников оскорбительное. «Кроме того,— сказал я,— правительство всегда может поверить, в какой степени справедливы мои донесения вашей светлости, доведенные до Высочайшего воззрения, и если они окажутся согласными с мнением графа Нессельроде и большинства комитета, то я подвергаюсь строжайшей ответственности, гораздо больше той, каковую они уже определили, а потому почтитель-

¹ Именно желали разжалования.

Контр-адмирал Г. И. Невельской

нейше прошу вашу светлость защитить меня и моих сотрудников от подобных нареканий».

С особым вниманием князь А. С. Меншиков рассматривал карты и журналы и выслушивал объяснения мои о причинах, по которым весьма легко могли впасть в ошибки мои знаменитые предшественники и выводить таковые же ошибочные заключения об этих местах. Затем князь объявил мне, что он вполне уверен в справедливости моих открытий и важности оных, и вполне разделяет мнение Н. Н. Муравьева о необходимости немедленного занятия устья реки Амура, и, наконец, что министр внутренних

дел Л. А. Перовский вполне этому сочувствует, но в особом комитете, под председательством графа Нессельроде, в котором представление Н. Н. Муравьева будет рассматриваться и куда меня, вероятно, потребуют для объяснений, встретится огромное противодействие этому делу. Почему князь и предлагал мне быть готовым к этому и быть смелым в комитете в объяснениях, а равно приказал мне немедленно явиться к Л. А. Перовскому и объяснить ему все то, что я ему говорил, «ибо в комитете», прибавил князь, «одни только мы с Перовским будем отстаивать

вас и представление Муравьева о необходимости немедленного занятия устья реки Амур».

На другой день я явился к Льву Александровичу Перовскому; он принял меня с полным радушием и сочувствием к этому делу. Выслушав со вниманием мои объяснения, он сказал: «К несчастью, графы Нессельроде и Чернышев, а за ними Сенявин (директор азиатского департамента) и Берг — члены комитета, в котором будет рассматриваться представление Н. Н. Муравьева, — совершенно иного с ним мнения. Они, опираясь на донесения нашей миссии из Пекина и донесение Врангеля, уверяют государя, что ваше донесение ошибочно и опасаются столкновения с китайцами, которые будто бы имеют на реке Амуре огромную силу и крепости, весьма достаточные для ограждения от вторжения в реку с моря. Вас призовут в этот комитет и вы должны быть готовы выдержать сильную атаку со стороны графа Чернышева и Нессельроде, которые сердятся на вас и на Муравьева за то, что он, вопреки высочайшему повелению, остановил экспедицию Ахте и за то, что совершенно без их участия высочайше утверждено было разрешение вам на опись реки Амура и ее лимана».

Такой прием и объяснения со стороны князя Меншикова и Л. А. Перовского, естественно, весьма возбудили во мне энергию и силу, чтобы бороться со всеми случайностями при достижении предположенной цели. С такими чувствами, 2 февраля 1850 года, я и явился в особый комитет под председательством графа Нессельроде, в котором Высочайше повелено было рассмотреть упомянутое представление Н. Н. Муравьева.

Граф Чернышев объяснил мне, какому бы строгому наказанию я должен был подвергнуться за опись лимана и устья реки, не получив еще на то высочайшего соизволения и предписания князя Меншикова. Затем, как он, так равно граф Нессельроде и Сенявин, сказали, что они, полагаясь на знаменитый европейский авторитет моих предшественников и на донесение столь же знаменитого адмирала Врангеля, уверены, что я ошибся при своих исследованиях лимана и устья реки. Наконец, они изъявляли удивление, каким образом возможно занять устье реки с такой ничтожной силой (70 человек), как представляет Муравьев, когда им положительно известно, что река охраняется большой китайской силой.

На это, поддерживаемый князем Меншиковым и Л. А. Перовским, я с почтением отвечал: «Отправясь из Петропавловска к описи лимана, я исполнил верноподданнейший долг мой. Миловать и наказывать за это меня может только один государь». Затем, объяснив им все неблагоприятные обстоятельства и случайности, по которым могли мои знаменитые предшественни-

ки прийти к фальшивым заключениям, я сказал: «Мне и моим сотрудникам Бог помог рассеять эти заблуждения и раскрыть истину. Все, что я доношу, так же верно, как верно то, что я стою здесь. Что же касается до китайской силы, то сведения об этом, доставляемые миссией из Пекина, не правильны. Не только китайской силы, но и малейшего китайского правительственного влияния там не существует. Инородцы (гиляки), там обитающие, находятся в самом диком состоянии и вовсе не воинственны, и я полагаю, что не только 70-ю, но и с 25-ю людьми их можно держать в порядке. Инородцы эти считают себя от Китая независимыми и весь этот край, при настоящих открытиях, т. е. возможности проникнуть в оный с юга, из Татарского залива, может сделаться добычей всякого смелого пришельца, если мы, согласно представлению генерал-губернатора, не примем ныне же решительных мер. Я сказал все, и правительство в справедливости мной сказанного может легко удостовериться». Засим князь А. С. Меншиков объяснил, что он тщательно рассматривал все мои, даже черновые, журналы и находит, что открытия мои справедливы, а потому он, а за ним и Л. А. Перовский, полагали крайне необходимым не только утвердить представление Н. Н. Муравьева, но усилить наши действия тщательным наблюдением за лиманом реки Амура и берегами Татарского залива посредством крейсера там военного судна.

Между тем большинство членов комитета, и в особенности графы Нессельроде и Чернышев, ввиду упомянутых причин, а главное — опасения, чтобы не иметь неприязненных столкновений с китайцами, полагали держаться состоявшегося высочайшего повеления 15 февраля 1849 года, т. е. основать зимовье на юго-восточном берегу Охотского моря для того, чтобы российско-американская компания могла производить там расторжку с гиляками. Вследствие этого, 3 февраля 1850 года и последовало высочайшее повеление на имя генерал-губернатора.

1) В заливе Счастья, или в какой-либо местности на юго-восточном берегу Охотского моря, но отнюдь не в лимане, а тем более на реке Амуре, *основать зимовье*.

2) В зимовье том российско-американской компании производить расторжку с гиляками, *но ни под каким видом и предлогом не касаться лимана и реки Амура*.

3) Для основания этого зимовья, а равно и для охранения оно, взять 25 человек матросов и казаков из Охотска.

4) Исполнение этого произвести под наблюдением и по распоряжению генерал-губернатора Восточной Сибири, под непосредственным

ведением которого и должны состоять все действия этой экспедиции.

5) Для приведения в исполнение на месте этого повеления, а равно и для избрания места для зимовья, командировать в распоряжение генерал-губернатора капитана 2-го ранга Невельского.

В тот же день, на основании положения о Сибири, я был произведен в следующий чин капитана 1-го ранга и назначен для особых поручений к генерал-губернатору.

С такой инструкцией я, 27 марта, явился к Н. Н. Муравьеву в Иркутск, а 3 апреля, вместе с М. С. Корсаковым, командированным в Охотск для наблюдения за переносом этого порта, отправился в Якутск и оттуда в Аян. Из Аяна, на транспорте «Охотск», с 25 членами команды, 27 июня прибыл в залив Счастья, где и нашел г-на Орлова, посланного сюда, как выше сказано, из Аяна, зимним путем, по распоряжению генерал-губернатора. При Орлове переводчиками были гиляк Позвейн, знавший по-тунгусски, и тунгус Афанасий, говоривший по-русски.

Здесь Д. И. Орлов донес мне: 1) что река Амур, близ устья, вскрылась 8 мая. Северная часть лимана и залив Счастья, а также все пространство моря к северу от лимана, были затерты льдами до 20 июня, так что достигнуть устья реки Амура, через лиман ее, из залива Счастья, не представляется никакой возможности ранее 20 июня. 2) Что он, прибыв в деревню Чнар-рах (на левом берегу Амура, близ ее устья), еще зимним путем, едва только к 10 июня мог добраться через горы на оленях в залив Счастья. Южная часть лимана очистилась от льда к 15 мая, море же к югу от лимана, по сведениям от гиляков, было чисто гораздо ранее, так что судно с юга может свободно войти в реку около половины мая. 3) Что, по сведениям от туземцев, река Амур, около устьев рек Уссури и Сунгари, очищается от льда в исходе марта, т. е. пятью неделями ранее, чем устье.

Тщательно осмотрев вместе с Орловым берега залива Счастья, мы нашли, что кошка, представляющая восточный берег этого залива, представляет единственную местность, к которой могут подходить суда с моря, для передачи грузов; поэтому 29 июня 1850 года мы и заложили здесь зимовье, названное мной Петровским.

На основании сведений, полученных мной от Орлова, нам нельзя было оставаться в Петровском: во-первых, оттуда невозможно было следить за устьем реки Амура, за южной частью ее лимана и за побережьем Приамурского края, а во-вторых, прежде чем представится возможность достигнуть из Петровского этих мест, иностранцы, пришедшие на судах с юга, могут утвердиться в них. Кроме того, постоянное занятие залива Счастья нам было бесполезно еще и в том отношении,

что залив этот, подобно Охотску, Аяну и вообще всем заливам Охотского моря, до исхода июня бывает затерт льдами, и суда в заливе Счастья, подобно как и в упомянутых заливах, без вытаски на берег зимовать не могут. В этом заливе, следовательно, не могло быть и порта. По этим причинам я решил идти в реку Амур и там.

1) Исследовать, не имеется ли близ устья реки местности, удобной для зимовья судов. 2) Разведать, в какой степени достоверны сведения, доставленные г-ном Орловым о состоянии южной части лимана и реки. 3) Узнать, в какое время являются иностранные суда в Татарский залив и не подходят ли они к лиману. 4) Чтобы, на основании полученных таким образом данных, действовать ныне же решительно, в видах достижения главной цели, объясненной в представлении моем генерал-губернатору, в ноябре 1849 года.

С таким намерением, взяв с собой переводчиками гиляка Позвейна и тунгуса Афанасия, с 6-ю вооруженными матросами, на шлюпке, вооруженной однофунтовым фальконетом, я отправился из Петровского по северному каналу лимана в реку Амур, оставив Д. И. Орлову следующее распоряжение:

«К 1-му августа на оленях, горой, прислать на мыс Куегда двух матросов с топографом, которые и должны там ожидать до 10 августа; если же к этому времени я туда не приду, то принять энергические меры к нашему розысканию. Если все поиски останутся тщетными, донести в Аян, генерал-губернатору, и, оставив при себе на зимовку транспорт в Петропавловске, продолжать действовать согласно высочайшей воле и ожидать дальнейших распоряжений от генерал-губернатора».

12 июля, северным лиманским фарватером, я вошел в реку Амур и поднялся вверх по оной до мыса и селения Тыр, лежащего на правом берегу реки, против устья реки Амгунь, в расстоянии от устья реки Амура около 100 верст. На этом пути подробно исследовал протоку Пальво и соседние с ней протоки и нашел, что в Пальво, между селениями Мая и Пальво, могут совершенно безопасно зимовать суда. Эта местность находится в 70 верстах от устья реки Амура, а от мыса Куегда — Константиновского полуострова, в 35 верстах.

Подойдя к мысу Тыр, я увидел на берегу несколько манджуров и толпу инородцев: гиляков и мангунов, до 200 человек; они, по-видимому, были озадачены появлением нашей шлюпки. Выйдя здесь на берег в сопровождении переводчиков Позвейна и Афанасия, я подошел к старшему из манджуров, которого гиляки называют джагин, что значит богатый старик, купец; этот манджур сидел с важностью на обрубке дерева

и тем показывал свое начальническое влияние на окружавшую его толпу манджуров и инородцев. Он важно и дерзко спросил меня, зачем и по какому праву я пришел сюда. В свою очередь и я спросил манджура, зачем и по какому праву он здесь находится. На это манджур еще с большей дерзостью отвечал, что никто из посторонних, кроме их, манджуров, не имеет права являться в эти места. Я возразил ему, что так как русские имеют полное и единственное право быть здесь, то я требую, чтобы он, манджур, со своими товарищами, манджурами, немедленно оставил эти места. На это манджур, указывая на окружавшую его толпу, потребовал от меня, чтобы я удалился и что, в противном случае, он принудит меня сделать это силою, ибо никто, без дозволения их, манджуров, не может сюда являться. Вместе с этим он дал знак окружавшим его манджурам, чтобы они приступили к исполнению его требования. В ответ на эту угрозу, я выхватил из кармана двустольный пистолет и, направив его на манджура, объявил, что если кто-либо осмелится пошевелиться, чтобы исполнить это дерзкое требование, то в одно мгновение его не будет на свете. Вооруженные матросы, по моему знаку, немедленно явились ко мне. Такой, совершенно неожиданный для всех, поступок так ошеломил всю эту толпу, что манджуры сейчас же отступили, а инородцы, отделившись от них, начали смеяться над их трусостью и, видимо, были довольны этим действием, давая тем знать, что они будут на моей стороне. Джангин побледнел, немедленно соскочил со своего места и, кланяясь мне, объяснил, что желает со мной быть в дружбе и просит меня к себе, в палатку, в гости. Я согласился и узнал от него: 1) что им запрещено спускаться сюда по реке Амуру, что они бывают здесь самовольно, с ведома только лишь мелких чиновников города Сен-Зина (около 300 верст от устья Сунгари), за что этим чиновникам они дают взятку соболями, которых выменивают у гиляков, гольди и мангунов на товары и, большей частью, на водку (араки); 2) что на всем пространстве по берегам реки Амура, до Каменных гор (Хинган), нет ни одного китайского или манджурского поста. Что все народы, обитающие на этом пространстве, по рекам Амуру и Уссури, до моря, не подвластны китайскому правительству и ясака не платят. 3) что река Амур при устьях впадающих в нее рек Сунгари и Уссури, а равно и эти последние вскрываются ото льда гораздо ранее, чем река Амур в этих местах.

Гиляки и мангуны, прибывшие сюда с юго-западного берега Сахалина и берегов Татарского залива, сообщали, что с ранней весной приходят ежегодно в Татарский залив большие суда, останавливаются часто у берегов, берут насиль-

Гилякский староста в жалованном кафтане

но у них рыбу и делают различные бесчинства, за которые их никто не наказывает.

Вследствие этих сведений, я объявил манджурам и инородцам, что хотя русские давно здесь не бывали, но всегда считали реку Амур от Каменных гор (Хингана), а равно и всю страну с моря, с островом Карафту (Сахалином), своей принадлежностью. Что же касается прихода в эту страну иностранных судов и причиняемых ими насилий жителям, то они решились принять против этого меры и поставить вооруженные посты в заливе Искай (Счастья) и при устье реки Амура, для защиты всех обитающих в упомянутом крае жителей, которых русский Великий Царь (Пила-пали Джангин) принимает отныне под свое высокое покровительство и защиту, о чем я, как посланный сюда от Царя для этой цели, им и объявляю. Для того же, чтобы было известно это и иностранным судам, приходящим к берегам этого края, я приказываю предьявлять им мое объявление.

Это объявление, переданное мной гилякам и манджурам, было такого содержания:

«От имени Российского правительства сим объявляется всем иностранным судам, плаваю-

ицам в Татарском заливе, что так как прибрежье этого залива и весь Приамурский край, до корейской границы, с островом Сахалин, составляют российские владения, то никакие здесь самовольные распоряжения, а равно и обиды обитающим инородцам, не могут быть допускаемы. Для этого ныне поставлены российские военные посты в заливе Искай и в устье реуи Амур. В случае каких-либо нужд или столкновений с инородцами, нижеподписавшийся, посланный от правительства уполномоченным, предлагает обращаться к начальникам этих постов».

Засим, уладив к обоюдному удовольствию жалобы инородцев на манджуров, с которыми они ко мне тут же обращались, я пошел обратно. 1 августа 1860 года я достиг мыса Куегда, и здесь, помолясь Господу Богу, в присутствии собравшихся из окрестных деревень гиляков и при салюте из фалконета и ружей, *поднял русский военный флаг*. Оставив при флаге военный пост, названный мной Николаевским и состоявший из 6 матросов при фалконете и шлюпке, я сам отправился, на оленях, горой, в Петровское. Оставленному здесь топографу я приказал сделать береговую съемку реки Амура от этого поста до лимана, северо-восточного матерого берега лимана и берегов залива Счастья, до Петровского зимовья.

По прибытии в Петровское, я предъявил стоявшим на рейде гамбургскому и американскому китобоям такого же содержания объявление о принадлежности России Приамурского края до корейской границы и Сахалина. Между тем окрестные гиляки, узнав о распоряжениях и действиях наших на реке Амуре, собрались ко мне в Петровское с просьбой, чтобы русские оставались с ними и их защищали. Ввиду этого обстоятельства и ввиду большого оправдания моих действий, я предложил гилякам, чтобы из их среды отправилось со мной в Аян два человека, с тем чтобы они засвидетельствовали в Аяне это желание своих собратьев и других инородцев. Вследствие этого, вызвались следовать со мной в Аян гиляки Позвейн и Питкен. 2-го сентября на транспорте «Охотск» я прибыл с ними в Аян. Там они и объявили желание своих собратьев начальнику порта Кашеварову и бывшему в то время в Аяне, проездом, камчатскому преосвященному Иннокентию. Гиляки эти просили, чтобы мы не уходили с реки Амура и защищали их, как от насилия манджуров, так и от бесчинств команд с китобойных судов, все чаще и чаще появляющихся в этих местах, и, наконец, заявили, что как они, так равно и все инородцы вверх по реке Амуру до Каменных гор (Хингана), реки Уссури

и до моря, никогда не были подвластны Китаю и ясака не платили.

После этого я приказал командиру транспорта «Охотск», лейтенанту Гаврилову, взяв семейство Орлова, продовольственные запасы и товары, следовать на зимовку в Петровское, для содействия Д. И. Орлову, которому предписал: с закрытием реки Амура и ее лимана, перевести людей из Николаевского порта в Петровское; перед открытием же реки снова поставить этот пост в усиленном виде и начать производить в нем постройки. Тщательно делать на шлюпке наблюдения над устьем реки Амура и ее лиманом к югу. Собирать сведения от туземцев о состоянии края и о судах, подходящих к лиману с юга и плавающих в Татарском заливе. В случае встречи с этими судами или на берегу, с их командами, объявлять, что все эти места до нерчинской границы составляют русские владения. Наконец, в связи с открытием навигации 1861 года, прислать в Аян транспорт «Охотск» с донесениями.

О всех упомянутых действиях и распоряжениях своих, по прибытии в Аян, я сейчас же послал с нарочным донесение генерал-губернатору Н. Н. Муравьеву от 4-го сентября 1850 года. Вот отрывок этого донесения:

«Из этого, ваше превосходительство, усмотрите, что оставаясь в Петровском и действуя только лишь в пределах данного мне высочайшего повеления, опасения мои, выраженные Вам еще в 1849 году о возможной потере для России навсегда Приамурского края, если при настоящих открытиях мы не будем действовать решительно, могут легко осуществиться. Представленные мной факты подтверждают эти опасения. Поэтому вся моральная ответственность перед отечеством пала бы справедливо на меня, если бы ввиду этих фактов я не принимал всевозможных мер к отстранению этого.

Осмеливаюсь уповать, что, при ходатайстве вашего превосходительства, государь император милостиво воззрит на его верноподданного осмелившегося преступить его высочайшее повеление, при упомянутых обстоятельствах».

10 сентября я отправился из Аяна в Иркутск, чтобы лично объяснить генерал-губернатору о крайней необходимости принять решительные меры к прочному утверждению нашему в Нижне-приамурском крае, для чего усилить экспедицию судами и командами, согласно упомянутому моему мнению, выраженному ему в ноябре 1849 года.

Между тем генерал-губернатор уехал из Иркутска в Петербург, оставив распоряжение, чтобы я и М. С. Корсаков, по прибытии в Иркутск, следовали немедленно к нему в Петербург. Поэтому в половине декабря 1850 года я вместе с Корсаковым прибыл в Петербург, в то самое вре-

мя, когда донесение мое, посланное из Аяна, по высочайшему повелению, передано было на рассмотрение особого комитета, составленного под председательством графа Нессельроде. В числе лиц, назначенных в этот комитет, были: князь А. С. Меншиков, Л. А. Перовский и генерал-губернатор Н. Н. Муравьев.

Николай Николаевич объявил комитету, что действия мои были согласны с его представлением и мнением. Князь А. С. Меншиков и Л. А. Перовский, поддерживая генерал-губернатора, высказали, что, кроме того, действия мои были вызваны важными обстоятельствами, встреченными мною на месте и что после этого следует не только усилить Николаевский пост, но в устье реки, ее лимане и в Татарском заливе необходимо иметь постоянно военное судно. Большинство членов комитета, в особенности граф Чернышев (военный министр) и Нессельроде (министр иностранных дел), признали, что эти действия в высшей степени дерзки и навлекают на меня строжайшее наказание¹, так как они противны Высочайшей воле и, кроме того, могут иметь вредное влияние на дружеские отношения наши с Китаем и на выгодную для нас кяхтинскую торговлю. Потому, ввиду этого соображения и ввиду того, что по донесении нашей миссии из Пекина, китайское правительство имеет уже настолько достаточное наблюдение за Нижнеприамурским краем, чтобы отстранить всякое покушение на него иностранцев с моря, комитет положил: Николаевский пост снять и, согласно высочайшей воле 1849 года, производить российско-американской компании из Петровского расторжку с гиляками и другими инородцами, обитающими на юго-восточном берегу Охотского моря, отнюдь не касаясь реки Амура, ее бассейна, Сахалина и берегов Татарского залива.

¹ Заключили меня разжаловать.

Глава XII

Резолюция государя императора Николая I.—
Возвращение мое в Иркутск.— Женитьба.— Поездка в Аян.—
Переход в Петровское на барке «Шелехов».— Гибель барка.—
Мои распоряжения в Петровском.— Прибытие
в Николаевский пост.— Донесение генерал-губернатору.—
Отправление Н. М. Чихачева и Орлова вверх по реке Амгунь.—
Их донесение.— Наше дружелюбное отношение к инородцам.—
Жизнь и обычаи инородцев.— Сведения, добытые от них
о р. Амуре и о крае.— Командировка Чихачева и Орлова.—
Возвращение их в Петровское.— Исход 1851 года.—
Окончательное занятие устья реки Амура.

особой аудиенции, испрошенной у его величества, государь император, выслушав со вниманием объяснение генерал-губернатора о важных причинах, побудивших меня к таким решительным действиям, изволил отозваться, что *поступок мой он находит молодецким, благородным и патриотическим*¹ и изволил пожаловать мне Св. Владимира четвертой степени, на журнале же комитета написал: *«Комитету собраться вновь под председательством государя наследника престола»* (императора Александра II), и сказал: *«где раз поднят русский флаг, он уже ступать не должен»*.

Вследствие этого генерал-губернатор имел счастье докладывать нго императорскому высочеству государю наследнику о начатом уже мной водворении в Приамурском крае, о полученных мной сведениях о положении этого края и о народах, обитающих в оном, и представил свои соображения о дальнейших действиях.

Комитет, в присутствии государя наследника, рассмотрел вновь это дело и положил:

1) Николаевский пост оставить в виде лавки российско-американской компании.

Передано мне Н. Н. Муравьевым и Л. А. Перовским.

2) Никаких дальнейших распространений в этой стране не предпринимать и отнюдь никаких мест не занимать.

3) Иностранным судам, которые обнаружили бы намерение занять какой-либо пункт около устья реки Амура, объявлять, что без согласия российского и китайского правительств никакие произвольные распоряжения в этих местах не могут быть допускаемы и что каждый из таких самовольных поступков влечет за собой большую ответственность.

4) Российско-американской компании снабжать экспедицию запасами, товарами, гребными судами и строительными материалами. Для сооружения же помещения в Петровском и Николаевском, охранения оных и для других надобностей назначить из сибирской флотилии 60 матросов и казаков, при двух офицерах и докторе, которым, кроме казенного довольствия, по сибирскому положению, производить особое вознаграждение от компании, по соглашению генерал-губернатора Восточной Сибири с главным ее правлением.

5) Если при упомянутом сейчас расходе и от торговли в продолжение трех лет российско-американская компания будет терпеть убыток, то, по представленному ею расчету, правительство обязывается ее вознаградить, но, однако, никак не свыше 50 000 рублей.

6) Продовольствие от казны из Петропавловска, а равно запасы и товары компании из Аяна, должны доставляться в Петровское на казенных судах.

7) Экспедицию эту назвать амурской и начальником ее во всех отношениях назначить капитана 1-го ранга Невельского.

8) Экспедиции этой, а равно все действия и направления ее, в пределах настоящего Высочайшего повеления, находиться под главным начальством и распоряжением генерал-губернатора Восточной Сибири.

9) Начальнику экспедиции, равно и всем служащим в оной офицерам даровать все права и преимущества, какие определены законом начальнику Охотского порта и служащим в нем офицерам.

Это постановление комитета от 12 февраля 1851 года было высочайше утверждено и на основании оно, от 16 февраля, дана мне от генерал-губернатора инструкция. Вместе с этим, главное правление компании уведомило меня, от того же числа, депешей, что добавочное довольствие должно производиться от компании в следующем размере: начальнику экспедиции — по 1500 рублей в год. офицеру — по 200 рублей и нижним чинам — по 40 рублей; требования товаров и запасов от компании, в пределах

упомянутой суммы, а равно и отчеты агентов компании должны утверждаться мной.

На основании высочайшего повеления Правительствующий сенат от 15 февраля 1851 года, через трибунал внешних сношений, уведомил китайское правительство о предположении нашем иметь наблюдение за устьем реки Амура.

Таковы были распоряжения высшего правительства по поводу последних моих действий и таковы были ничтожные средства, определенные на содержание и действие нашей экспедиции. Нам назначалось на все не более 17 000 рублей в год, тогда как в то же время на содержание губернатора Камчатки и его канцелярии определялось более этой суммы. Из этого ясно, что мне, как и в первом случае, не давалось ни прав, ни средств принимать какие-либо меры к надлежащему нашему водворению в этом крае. С этими распоряжениями, в половине июня, я прибыл в Охотск и, взяв оттуда людей и казенное довольствие, направился в Аян, чтобы принять там товары и запасы компании и оттуда вместе с транспортом «Охотск», который должен был там находиться в исходе июня, идти в Петровское.

Неприбытие в Аян из Петровского транспорта «Охотск» придавало некоторое правдоподобие разнесшимся в то время в Аяне слухам, будто бы команда в Петровском подвергается величайшим опасностям и даже будто она уничтожена. Имея в виду это обстоятельство, я немедленно пошел из Аяна в Петровское на транспорте «Байкал», взяв с собой, для усиления своих средств, прибывший перед сим в Аян компанейский корабль «Шелехов».

Между тем проездом из Петербурга, я женился в Иркутске на девице Екатерине Ивановне Ельчаниновой, только что вышедшей из Смольного монастыря, племяннице бывшего в то время иркутского гражданского губернатора В. Н. Зорина. Моя молодая супруга решила переносить со мной все трудности и лишения пустынной жизни в диком негостеприимном крае, отброшенном на десяток тысяч верст от образованного мира.

С геройским самоотвержением и без малейшего ропота она вынесла все трудности и лишения верховой езды по топким болотам и дикой гористой тайге и ледникам охотского тракта, сделав этот верховой проезд в 1 100 верст в 23 дня. Жена моя, с первой же минуты прибытия своего в Петровское, показала необыкновенное присутствие духа и стойкое хладнокровие. Компанейский барк «Шелехов», на котором я с ней находился, подходя к заливу Счастья, по случаю внезапно открывшейся течи¹⁰, несмотря на все меры, начал

¹⁰ По освидетельствовании барка комиссией под председательством командира корвета «Оливуца», капитан-лейтенанта Н. Н. Сушчева, оказалось, что у форштевня отошли две обшивные доски.

погружаться в воду, так что только благоприятный ветер на берег и близость мели дозволили немедленно спуститься на последнюю и тем избавить всех от угрожавшей опасности потопления. В то время, когда «Шелехов» встал на мель, все палубы были уже наполнены водой и барк погрузился почти до русленей. В то же время, перед входом в залив Счастья, сел на мель сопровождавший нас транспорт «Байкал». Выстрелов наших не было слышно в Петровском и потому ответа на них не было и, кроме того, пасмурность не позволяла видеть из Петровского наши суда. Это обстоятельство и толпа диких, собравшихся на лежавшей перед нами кошке, подтверждали, казалось, упомянутые неблагоприятные слухи, распространенные в Аяне. Положение наше у пустынного негостеприимного берега, при судах, из коих одно лежало на банке затонувшим, а другое сидело на мели, было весьма опасное и критическое.

Семейства пяти матросов, взятых из Охотска, и вся команда барка «Шелехов» соединились на верхней палубе, единственном месте, где не было воды, и с напряженным вниманием ожидали избавления от этого опасного убежища, которое могло мгновенно измениться при первом свежем ветре с моря. В это время капитан барка, лейтенант В. И. Мацкевич, поступивший в экспедицию юный лейтенант Н. К. Бошняк и помощники лейтенанта Мацкевича просили жену мою съехать первой на транспорт «Байкал». «Муж мой говорил мне, что при подобном несчастье командир и офицеры съезжают с корабля последними, — отвечала им Екатерина Ивановна, — я съеду с корабля тогда, когда ни одной женщины и ребенка не останется на нем; прошу вас заботиться о них». Так жена моя и поступила.

Между тем ветер стих и мрачность рассеялась. Гиляки собрались на кошке, чтобы помочь нам выйти на берег и дали знать в Петровское, откуда немедленно были высланы две шлюпки. «Байкал» с прибылой водой снялся с мели и все семейства и команда были перевезены благополучно с барка. Все слухи, распространенные в Аяне, оказались ложными.

Оставшиеся в Петровском г-да Орлов и Гаврилов успели выстроить три домика для размещения офицеров, 30-ти человек команды и товаров. Мне с женой пришлось первое время разделить флигель в две комнаты с семейством Орлова.

Г-да Орлов и Гаврилов сообщили мне: 1) что, согласно моему распоряжению, транспорт «Охотск»,

с открытием навигации в Петровском, начал готовиться к походу, но сделавшаяся внезапно буря с сильным ледоходом по заливу, выбросила транспорт на берег. Кроме того, по гнилости транспорта, в нем открылась такая сильная течь, что не было никакой возможности выйти в море. 2) Что последним зимним путем Орлов с вочемью людьми отправился на мыс Куегда, чтобы срубить домик для Николаевского поста, но только он начал рубить лес для этого, гиляки соседних деревень встревожились и объявили ему, что манджуры им строго приказали не позволять русским здесь селиться и что из Сен Зина, с открытием реки, придет сюда большая сила для истребления здесь всех русских и для наказания смертью тех гиляков, которые будут помогать им. Поэтому г-н Орлов, во избежание неприятных столкновений, которые могли бы повредить нашим действиям, впредь, до прибытия подкреплений, оставил рубку леса и ограничился только лишь тем, что с открытием навигации послал в лиман шлюпку наблюдать за устьем реки Амура¹. 3) Что все сношения его с окрестными гиляками были дружественными и через них он узнал, что ныне, ранней весной, плавали в Татарском заливе большие суда, доходившие до лимана. 4) Что за два дня до нашего прихода, стояло на петровском рейде американское китобойное судно. Шкипер его съезжал на берег и г-н Орлов объявил ему, что все побережье Татарского залива до Кореи и вся эта страна составляет русское владение.

В Петровское со мной прибыли: 22-летний лейтенант Н. К. Бошняк, прапорщик корпуса штурманов А. И. Воронин, доктор Орлов, топограф Штегер, 30 матросов и казаков, из которых пять человек семейных, и приказчик российско-американской компании, якутский мещанин Березин; таким образом, вся команда амурской экспедиции, с командой транспорта «Охотск», состояла в 70 человек.

По прибытии в Петровское, все наше внимание было обращено на разгрузку барка «Шелехов», лежавшего на банке, в 10 милях от Петровского, что было сопряжено с большими трудами и препятствиями. К счастью, постоянно стояла тихая погода, а пришедший на петровский рейз военный корвет «Оливуца», под командой капитана Сущева, помог этому делу. При благородном и ревностном содействии капитана корвета «Оливуца»² и при энергичной деятельности лейтенанта Мацкевича и всех команд, разгрузка

¹ Это обстоятельство вероятно и было поводом к распространению упомянутых слухов в Аяне.

² Корвет «Оливуца», под командою капитан-лейтенанта Ивана Николаевича Сущева, по Высочайшему повелению, последовавшему в январе 1850 г., осенью того же года был послан из Кронштадта для крейсерства в Камчатском и Охотском морях на службу в Камчатку, для подкрепления Петропавловского поста.

барка скоро была кончена и весь груз его, кроме соли и сахара, был спасен. Спасли также рангоут и весь такелаж, все же усилия к снятию барка с мели остались тщетны. Барк «Шелехов» был кутлен компанией в Сан-Франциско и, как оказалось, компания, в этом случае, была обманута; ибо, по осмотру барка комиссией, под председательством командира корвета И. Н. Суцева, было найдено, что подводная часть его скреплена до такой степени слабо, что держалась только на одной обшивке; так что при первом свежем ветре с моря барк сейчас же развалился и от него не осталось ни малейшего следа.

Сделав распоряжение о выгрузке барка и о снятии его корпуса, я послал мичмана Н. М. Чихачева с топографом Поповым для наблюдения за южной частью лимана и для подробной съемки берега южного пролива. (Н. М. Чихачев поступил в экспедицию с корвета «Оливуца».) Сам же я с лейтенантом Бошняком, приказчиком Березовым и с 25 вооруженными людьми на байдарке и вельботе отправился через лиман на реку Амур, для подкрепления Николаевского поста, содержавшегося в то время посланною Орловым из Петровского чктырехвесельной, вооруженной однофунтовым фалконетом, шлюпкой. По прибытии на мыс Куегда, я собрал окрестных гиляков и объявил им, «чтобы они не верили манджурским торгашам и не слушались их. Если кто-либо из них будет распускать враждебные для нас слухи, то чтобы таковых представляли в Николаевск, где они будут строго наказаны, а равно будут строго наказываемы и те из гиляков и из других инородцев, которые осмелятся нам угрожать, а тем более изъяслять против нас какие-либо враждебные поступки. Вся эта страна русская, и мы не дозволим никому распоряжаться. Манджуры же мы не боимся и заставим их нас уважать и бояться».

Назначив лейтенанта Н. К. Бошняка начальником Николаевского поста, я приказал ему: 1) постоянно иметь при poste военный флаг и при флаге и орудии держать караул, имея всегда часового; 2) построить на зиму помещение для команды; 3) приказчику Березину начать производить расторжку с инородцами. Сделав эти распоряжения, 29 июля я на вельботе возвратился в Петровское. С корветом «Оливуца», отправлявшимся 1-го августа в Аян, с командой затонувшего барка «Шелехов» я послал донесение, как об этом происшествии, так и о моих распоряжениях генерал-губернатору и депешей уведомил главное правление российско-американской компании о гибели барка. В заключении моего донесения генерал-губернатору, я писал: «Из приложенного при сем акта комиссии, свидетельствовавшей во всех подробностях барк «Шеле-

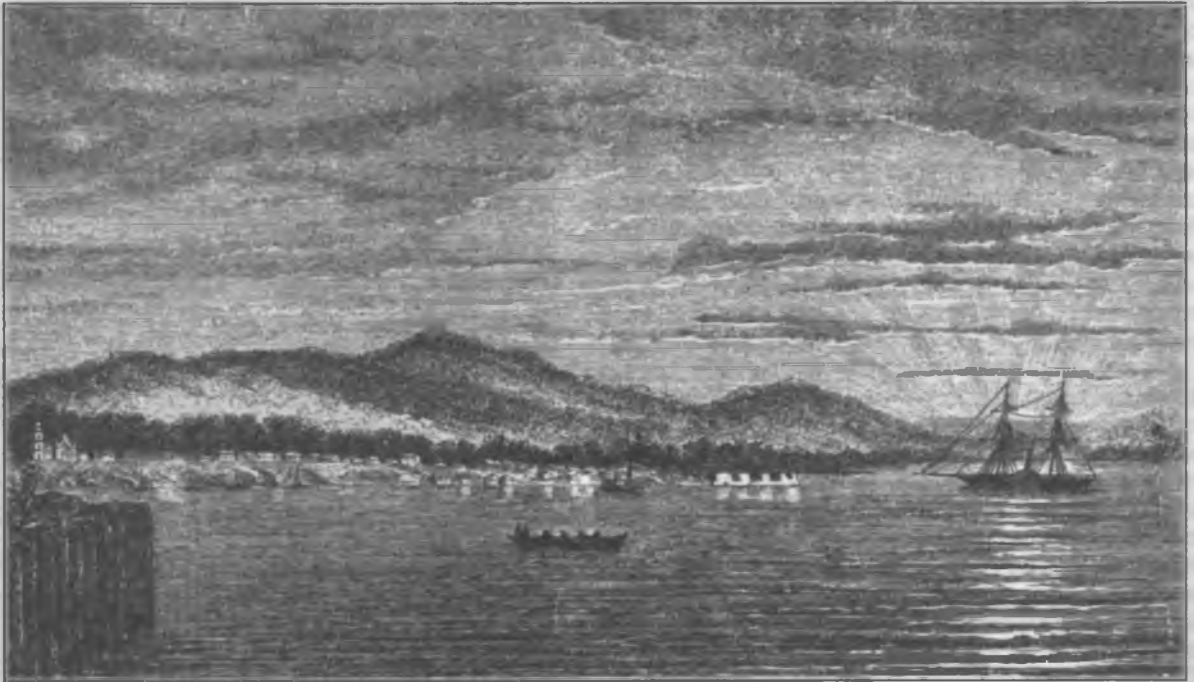

Адмирал Н. М. Чихачев

хов», ваше превосходительство усмотрите, что надобно благодарить Господа, что это происшествие, обнаружившее всю ненадежность барка, случилось у берега, на который была возможность спасти людей и весь почти груз барка с его вооружением, ибо в таком состоянии, какое оказалось при его осмотре, он неминуемо погиб бы в океане, при первом свежем ветре со значительной качкой, на переходе, который ему предстоял из Аяна в Ситху».

По прибытии мичмана Н. М. Чихачева из южного пролива лимана, я отправил его вместе с Орловым на шестивесельной шлюпке вверх по реке Амгунь, с целью ознакомления с этим большим притоком реки Амура, впадающим в Амур близ Николаевского поста, а равно с целью собраний предварительных сведений от туземцев о путях, ведущих с этой реки к Хинганскому хребту, из которого она берет свое начало. Мне нужны были эти сведения, потому что первое, что я предположил сделать, — это разрешить пограничный вопрос, т. е. обследовать направление этого хребта от верховьев реки Уди.

Посланные офицеры, войдя в реку Амгунь по протоке, соединяющей ее с протокой Пальво (об-

Вид Николаевска-на-Амуре.

Гравюра XIX в.

следованной мной в 1850 году), и поднявшись по Амгуни до селения Кервет, 3-го октября возвратились в Петровское и донесли мне: а) что река Амгунь значительна и судоходна и направление течения имеет вообще северо-восточное; б) по словам туземцев, она выходит из тех же гор, из которых берут начало реки Уди, Тутур, Бурей и Зея. Туземцы селения Кервет (Самагиры) называют эти горы Хинга, — что значит каменные, большие. Исток реки Амгунь, по их словам, гораздо южнее истоков рек Уди, Тутура и Бурей. К реке Амгунь близко подходит река такой же величины — Гиринь, которая также берет начало из этих гор, но исток этой последней южнее истока Амгуни. От селения Кервет до упомянутого хребта, по Амгуни, они ездят на собаках около 15 дней, в) что самагиры ни от кого не зависимы и ясака не платят. Они приняли г-д Чихачева и Орлова весьма радушно и жаловались, что манджуры, приезжающие к ним для торговли, обманывают их и делают различные бесчинства и, в заключение, просили, чтобы мы перебрались к ним.

К половине октября в Николаевском были готовы две юрты, обнесенные засеками, а в Петровском — флигель в 3 сажени шириной и 5 сажень длиной, для нашего помещения. Само собой разумеется, что все это делалось из леса прямо с корня; печи же, или, лучше сказать, чувалы

(в роде каминов), были или сбиты из глины или сложены из сырого кирпича, без всяких оборотов, с пролетом на прямую. Ясно, что жить в подобных «хоромах» было далеко не комфортно; во время метелей (пурги), случавшихся нередко на открытой кошке, все строения были заметаемы снегом, так что попадать в них, не иначе, как через чердаки, было возможно. Много стоило труда, чтобы разгрести окна для света и двери для входа; прибавьте еще к этому, что мы были окружены в несколько раз превышавшим нас по численности, диким народом, у которого нож и физическая сила составляют единственное право. Ближайший к нам сколько-нибудь цивилизованный пункт — Аян лежал в 1 000 верстах пустынного и бездорожного пространства, по которому тунгусы, верхом на оленях, едва могли доверяться в 5 или 6 недель.

Несмотря на все это и на различные лишения и недостатки в самых необходимых потребностях для цивилизованного человека, офицеры и команды, по примеру образованной и милой женщины, моей жены, заброшенной судьбой в эту ужасную пустыню и разделявшей наравне с нами, без всякого ропота, все лишения и опасности, переносили их твердо и бодро, сознавая долг свой и пользу от их трудов для отечества.

Сахалинскіе айны

Айны и гилыки.
Литография. Начало XX в.

Якуты. Офорт.
Рисовал и гравировал
Е. Корнеев. 1809 г.

Почаеъ на дорогѣ къ Камчаткѣ.

Главным и единственным, общим для всех развлечением, летом, было катание по заливу на гиллякских лодках, а зимой — на собаках. При этом все мы и Екатерина Ивановна надевали оленьи парки (в роде стихаря), ибо всякая другая одежда была неудобна для такой дикой езды, какая принята в том крае.

Раз предупрежденное энергическими мерами, готовившееся восстание нескольких селений инородцев, подстрекаемых к этому манджурскими купцами-кулаками, которым мы делали соперниками в торговле и, главное, не позволяли спаивать дикарей и нахально обирать их, наказывая за это по-русски, в присутствии гилляков; строгое соблюдение нами как бы освященных для диких их обычаев¹ и, наконец, строгое взыскание при них же и с наших людей за всякую причиненную им обиду, — постепенно располагали инородцев в нашу пользу. Вместе с тем, наши пушки, вооруженный вид команды, обычная церемония при подъеме и спуске военного флага и, наконец, совершавшаяся каждое воскресенье и праздник молитва, при которой дозволялось им присутствовать, поселяли к нам страх, уважение и убеждение, что мы пришли к ним не с тем, чтобы их поработать, как старались внушать им кулаки-манджуры, но, напротив, защищать их от всяких насилий и не касаться их обычаев, сделавшихся у них как бы священными — жизненными. Они скоро поняли, что мы не хотим благодетельствовать их нашими реформами, несродными им и несоответствующими и, наконец, что мы глубоко вникаем в их нравы и обычаи и манджуров не боимся.

Ласковое обращение со всеми приезжавшими в наши посты инородцами еще более усиливало в них упомянутое убеждение. Они охотно, без всякого опасения, все чаще и чаще начали являться в Николаевское, и в особенности в Петровское, где Екатерина Ивановна усаживала их в кружок на пол, около большой чашки с кашей или чаем, в единственной, бывшей во флигеле у нас, комнате, служившей и залом и гостиной, и столовой. Они, наслаждаясь подобным угощением, весьма часто трепали хозяйку по плечу, посылая ее то за тамчи (табак), то за чаем. Несмотря на то, что это общество никогда не мывшихся дикарей, одетых в собачьи шкуры, пропитанные нерпичьим жиром, было невыносимо тягостно не только для молодой образованной женщины того круга, к которому принадлежала моя жена, но и для всякой крестьянки, Екатерины Ивановны переносила с полным самоотвержением как эти посещения, так и их последст-

вия, т. е. грязь и зловоние, которые оставляли после себя гости в единственной нашей комнате. Она понимала, что только этим путем мы могли приобретать понятия о стране пустынной и неизвестной, в которой нам предстояло действовать для блага отечества. Такой радушный прием развязывал языки нашим гостям: гилляки и другие инородцы с охотой и откровенностью рассказывали нам о положении края, о реках, его орошающих, о путях, по которым они ездят на нартах и лодках, о затруднениях и опасностях, какие могут встретиться при этих поездках, и о средствах к отстранению оных. Наконец, они знакомили нас с нравами, обычаями, образом жизни и вообще с положением и состоянием инородцев, обитавших в этом крае.

Весьма естественно, что подобные сведения были далеко неудовлетворительны; так например: при вопросе о расстоянии между пунктами, гилляк чертил на полу мелом или углем палки, означавшие число ночей, которые надобно спать, чтобы, следуя на собаках, или в их лодке, достигнуть известного места. Но, вместе с тем, эти и подобные сведения давали нам понятие о времени и препятствиях, какие нужно ожидать при исследовании страны, и на что обращать больше внимания, тем более, что средства наши для этой цели состояли тогда из тех же нарт с собаками и утлых гиллякских лодок. Кроме того, без предварительных сведений о такой огромной и пустынной стране, которая рисовалась нам на картах, по одним легендам, большей частью ложным, нельзя было составить по возможности практического плана для действий, который направлял бы к главной цели. Между тем таковой план был необходим, ибо всякая командировка в край, особенно в видах прочного водворения в оном, как выше видели, мне строго была запрещена, а потому лежала единственно на моей ответственности. Ясно, что при таком положении, прежде чем решиться предпринять командировку, необходимо было уяснить не только практическую возможность ее исполнения с нашими ничтожными средствами, но и вполне взвесить степень безопасности посылаемых и дать им такие подробные наставления, которые отстранили бы эти опасности и затруднения. Главная цель моя заключалась в том, чтобы фактически объяснить правительству значение для России этого края на отдаленном нашем востоке; для этого предстояло разрешить нам, как я выше упомянул, два вопроса: вопрос *пограничный* и вопрос *морской*, обуславливав-

¹ Самым священным обычаем у них было не выносить из юрты огня и ложиться на нары, которые окружали стены их юрт, непременно головой не к стене, как обыкновенно у нас принято, а от стены, и прочие мелочи, которым нетрудно было уступать.

ший значение для России Приамурского края в политическом отношении.

К ноябрю месяца все команды в Петровском и Николаевском были, по возможности, размещены на зиму, и Николаевский пост был обеспечен продовольствием и товарами. К этому же времени с тунгусами, прикочевавшими на Петровскую кошку из Удского края, было заключено условие о доставлении зимним путем, верхом на оленях, писем и депеш в Аян; они взялись отвозить в Аян из Петровского почту не более двух раз в зиму. Летом почта от нас должна была доставляться в Аян на казенных судах, совершавших рейсы между Аяном и Петровским. Это обыкновенно случалось два или три раза в лето. Таким образом, мы имели сведения из России в продолжение года не более четырех или пяти раз. Особого судна для экспедиции назначено не было, потому что вся камчатская флотилия состояла из двух транспортов («Байкал» и «Иртыш») и двух ботов («Кадьяк» и «Камчадал»). Эти суда постоянно были заняты снабжением Петропавловска, который силились возвести тогда в степень главного нашего порта на Восточном океане. Эти же суда должны были развозить продовольствие в Гижигу, Тягиль, Большерецк и Нижнекамчатск, а потому отделять какое-либо из них для экспедиции не представлялось никакой возможности.

Имея в виду эти обстоятельства, генерал-губернатор Н. Н. Муравьев приказал зимой 1850 на 1851 год выстроить в Охотске бот для экспедиции, но, по случаю переноса этого порта в Петропавловск, распоряжения Николая Николаевича исполнить не могли и, вместо бота, в сентябре 1852 года, доставлена была в Петровское, на боте «Кадьяк», только часть такелажа и парусины, которые предназначались на вновь строившийся бот. «Кадьяк», по случаю открывшейся в нем сильной течи, не мог возвратиться в Петропавловск и остался на зимовку в Петровском. К навигации мы, по возможности, исправили его и я надеялся, что по крайней мере он останется при экспедиции, но эта надежда осталась тщетной. После первого же рейса, сделанного им из Петровска в Аян, по распоряжению камчатского губернатора, он был взят из экспедиции и отправлен с продовольствием в Гижигу.

Суда российско-американской компании, плававшие между Ситхой и Аяном, по условию правительства с компанией, не обязаны были заходить в Петровское. Если в продолжение трех лет и являлось иногда одно из этих судов на Петровском рейде, то это делалось единственно по милости и сдоболюию начальника Аянского порта Кашеварова, и то, только в таких случаях,

когда без прихода этого судна всем нам угрожала чуть ли не голодная смерть.

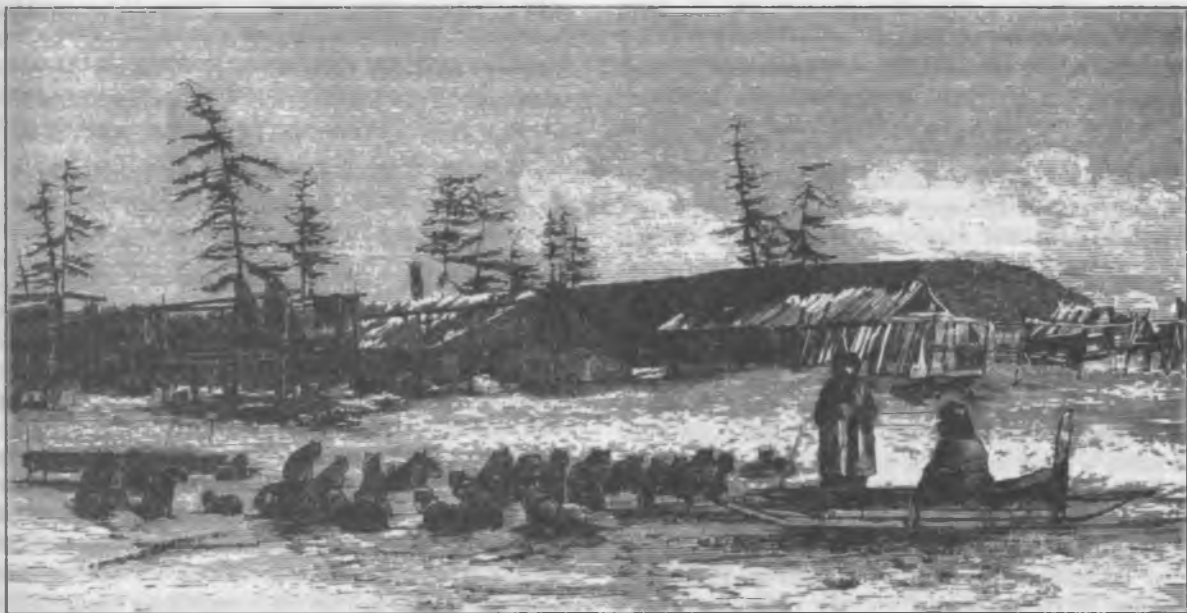
В какой степени была правильна и надежна зимняя почта наша, отбывавшаяся, как мы сейчас видели, тунгусами на оленях, показывает следующее обстоятельство: весьма нередко тунгус, отправленный с почтой из Петровского, через две или три недели возвращался с дороги обратно, с объяснением, что он мало взял с собой пороха и чая; он вешал в подобных случаях сумку с почтой на березу и просил, чтобы пополнили эти запасы.

После вышеизложенного, естественно, что тунгус с почтой из Аяна и наше судно с моря встречались в Петровском всеми с особенным чувством, которое могут понять только люди, заброшенные между дикарями в пустыню, отрезанную от всего цивилизованного мира. В особенности это было ощутительно для моей жены, попавшей в такую ужасную обстановку.

Немало труда стоило нам приучить гиляков и других инородцев к благовременному доставлению писем из наших постов и от лиц, командированных в новый край. Инородцы не понимали, что позднее исполнение подобных поручений утрачивает их значение. Они считали, что когда бы ни доставить писку (как они называли письмо и всякую бумагу), все равно, лишь бы только она была доставлена. Так, часто случалось, что из Николаевского привозил мне гиляк письмо через два или три месяца, а от офицеров, командированных дальше, случалось получать корреспонденцию еще позже этого времени, а иногда письмо придет только тогда, когда пославший его офицер уже возвратился. Точно так же не малого стоило труда, чтобы, без всяких потрясений жизни и обычаев инородцев, внушить им понятие о старшем и вообще о начальстве, как то разумеем у образованных народов.

Инородцы не имели никакого понятия ни о праве, ни о старшинстве. Единственное право, как я выше заметил, они считали нож и физическую силу и полагали, что без этого возможно исполнить только тогда, когда им угодно, и то за такие товары, какие им понравятся. В этом-то смысле они и называли джангином и пиладжангином (богатый купец) только того, кто, при упомянутых обстоятельствах, дает им более или менее пось (китайки и вообще материи) и тамча (табаку). Так, например, глядя на имевшийся у меня портрет *государя императора*, они говорили, что это должен быть пили-пили-джангин, т. е. физически сильный человек, котсрый вместе с тем много дает пось и тамча.

Надобно было глубоко изучить их жизнь и обычаи, заменявшие у них законы, чтобы навести их на необходимость иметь в селениях та-

Гилякская деревня.

Гравюра XIX в.

кого человека, к которому мы могли бы обращаться с приказаниями и который, в свою очередь, мог бы требовать от них беспрекословного исполнения. Привести к этому убеждению инородцев Нижнеамурского края много помогло нам знание существовавших у них обычаев, принимавшихся ими за коренные и непреложные законы, вроде поместного права, разумеется, в самом грубом виде.

Инородцы вообще живут значительными селениями (от 15 до 200 душ и более); эти селения состоят из юрт, вроде больших сараев, по стенам которых устроены широкие теплые нары, нагреваемые идущими от очагов трубами. Посреди юрты, между четырьмя столбами, находится возвышение, на котором спят собаки; в большинстве юрт находится тут же привязанный к столбам медвежонок или медведь, с которым они забавляются. Под потолком юрты растянута несколько жердей, на которые они вешают свою одежду и всякую рухлядь. В очагах, расположенных по обеим сторонам входной двери, вмазаны котлы, в которых они готовят пищу и для себя, и для собак, и для медведя. При каждой из таковых юрт, по берегу реки, устроены на возвышении, на столбах, небольшие чуланы, служащие для хранения запасов рыбы, ягод, кореньев, юколы и нерпичьего жира — продуктов их пищи и, наконец, против каждого сарая находится несколько положенных на козлы жердей; на эти жерди гилячки вешают чи-

щенную рыбу, из которой мясо идет на пищу людей, а середина и кости — для собак. Рыба эта, провяленная на солнце, называется у них юколой и составляет самую главную необходимость для инородца, все равно как у нас хлеб и соль. Такая юрта, или сарай, со всеми к ней принадлежностями составляет хозяйство инородца. Собирает это хозяйство обыкновенно одно семейство, но поселиться в юрте и пользоваться этим хозяйством может всякий из инородцев, который не имеет иного, хотя бы то был пришелец, совершенно посторонний и незнакомый хозяину юрты. Здесь-то и проявляется право хозяина, именно: он назначает число мест на нарах, которые могут быть отведены для посторонних, и назначает по своему усмотрению работы, которые должны исполнять в его пользу пришельцы; он же наблюдает за точным исполнением пришельцами самых священных для них обычаев (вроде религии), состоящих в том, чтобы никто не ложился на нары головой к стене и чтобы никто не выносил из юрты огня. Они были убеждены, что в случае неисполнения этого в какой-либо деревне, все жители ее должны умереть и все уничтожиться. Неисполнение этого обычая кем-либо из пришельцев, а равно буйство и неисполнение обязанностей, возложенных хозяином, влечет за собой немедленное изгнание гостя, и в этом случае хозяева остальных юрт, под страхом немедленной каз-

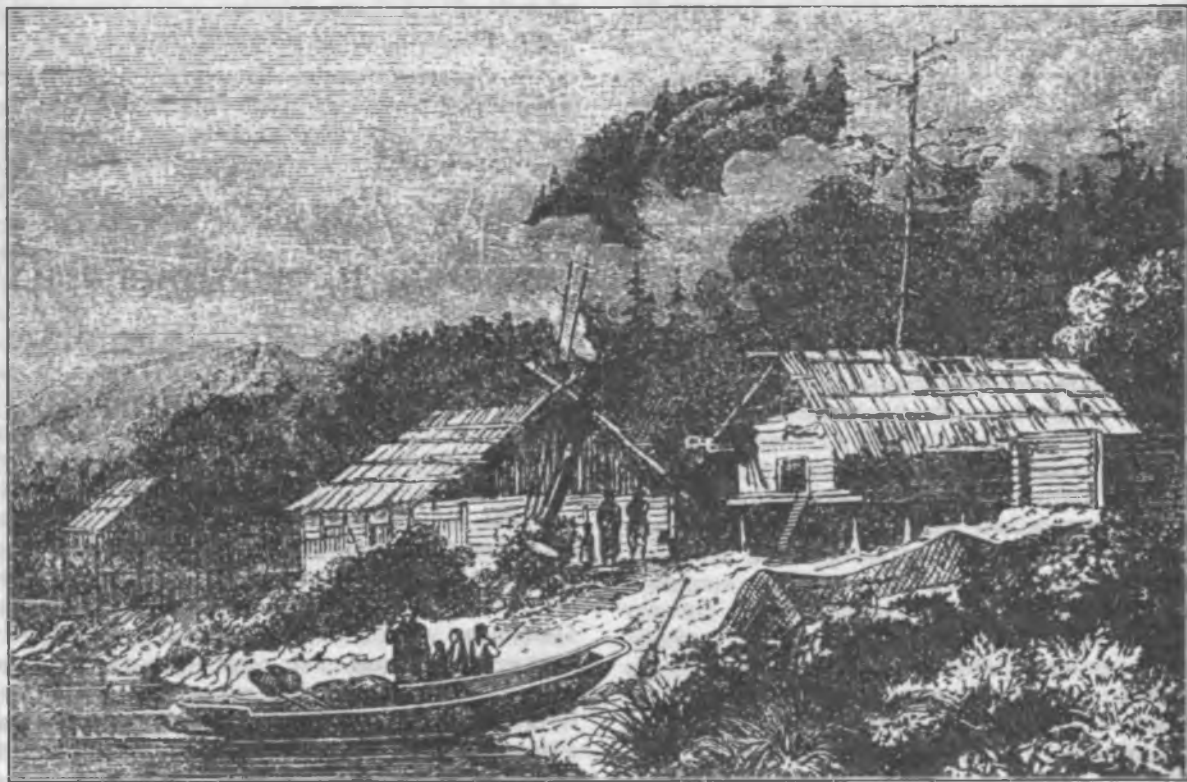
ни (ножом или утоплением), не могут укрыть или приютить изгнанника.

После всего сказанного, не странно ли мне было получать почти с каждой почтой наставления и приказания из петербургских канцелярий, чтобы я, главным образом, старался входить в сношение со старшинами инородцев, принимавшихся в Петербурге за каких-то вассальных китайских князей. Мне писали, чтобы я заключил с ними условия, в роде торговых трактатов, какие заключаются только между образованными нациями и, наконец, чтобы под строгой ответственностью я отнюдь не распространял своих действий далее Николаевска.

Все, что можно было вывести из сведений, доставленных упомянутым путем инородцами, в общих чертах заключается в следующем: 1) Что река Амур около селения Кизи довольно близко подходит к морскому берегу. 2) Что в недалеком расстоянии от селения Коль лежат озера и что реки, впадающие в эти озера, близко подходят к рекам Тугур и Амгунь; что все реки эти берут свое начало из того же хребта гор, из которого выходят реки Уди, Гиринь и Бурей. 3) Что одно из озер, Ухдыль, посредством протоки Уй,

при селении Ухтре, соединяется с рекой Амуром, и что берега этой протоки, сколько можно было понять из объяснений гиляков, должны быть удобны к заселению и основанию на них элинга. 4) Что в селение Ухтре, на озере Ухдыль и ближайшие на левом берегу реки Амура, приезжают, по первому зимнему пути, манджуры, для торговли с инородцами. 5) Что путь вверх по Амуру, до селения Кизи, а равно и путь через селение Коль и озеро Чли, ближайшее к этому селению, до селения Ухтре, представляются путями безопасными и более других приезжими. Чтобы достигнуть из Петровского до селения Кизи, по словам гиляков, надобно спать от 12 до 15 ночей, а до селения Ухтре — от 15 до 18 ночей.

Ввиду этих сведений, прежде чем приступить к положительным исследованиям, клонившимся к разрешению упомянутых двух вопросов: пограничного и морского, я счел необходимым сделать предварительную рекогносцировку к юго-востоку и юго-западу. Поэтому 10-го ноября я командировал по первому направленному мичмана Чихачева до селения Кизи а по второму — прапорщика Орлова, через селение Коли, до селения Ухтре.

Мангунская деревня.

Гравюра XIX в.

Мичман Чихачев с приказчиком Березиным, одним гиляком и одним казаком отправился в путь на двух нартах. Офицеру этому приказано было, главное, собирать сведения о путях, ведущих с реки Амура в более или менее закрытые заливы, лежащие на побережье Татарского залива, а равно о состоянии этого побережья и о плавающих в заливе судах. Знакомясь с туземцами, их обычаями и образом жизни, стараться узнавать от них о положении края, видах успешности и безопасности предстоящих командировок. Приказчику же Березину поручить вступать в торговые сношения с туземцами и могущими встретиться манджурами и узнавать об их потребностях и о способе ведения с ними торговли.

Господин Орлов, зная очень хорошо тунгусский язык, был отправлен тоже на двух нартах с гиляком. Офицеру этому приказано было обращать главнейшее внимание при собрании сведений на то, действительно ли находятся в этом крае пограничные столбы, как сообщал о том в 1845 году академик Мидендорф, и не имеется ли над оными со стороны китайского правительства наблюдения, как за пограничными знаками. Какое понятие об этих столбах имеют туземцы, какое направление от верховьев реки Уди принимает хребет гор, из которого выходят реки, впадающие в упомянутые озера, а также в реки Тугур, Бурею, Амгунь и Гиринь. Какое туземное название носит этот хребет и какое имеют понятие о нем туземцы, по сравнению с хребтом, принимаемым за пограничный, который тянется от верховьев реки Уди к западу, в Забайкальскую область; т. е. тот ли это самый хребет, или какой-либо отрог оного. Осматривая систему озер, лежащих между селениями Коль и Ухтре, обращать внимание на леса, произрастающие по берегам этих озер и не имеют ли они между собой сообщения посредством протоков или рек. Достигнув протока Уй, обратить на него особенное внимание относительно глубины и удобств к заселению его берегов и к учреждению на оных элинга. Вступая в торговые сношения с инородцами и могущими встретиться в селениях Ухтре, Кальм и Пуль манджурами, узнавать об их потребностях, способе торговли и о положении края, ввиду предстоящих командировок в оный. Наконец, достигнув этим путем реки Амура, следовать обратно под левым ее берегом.

20 декабря прибыл из командировки в Петровское мичман Чихачев с приказчиком Березиным, а вслед за ним, 23-го декабря, возвратился и г-н Орлов.

Господин Чихачев сообщил, что, следуя вверх по реке Амуру и вступая в торговые сношения с инородцами, обитающими на правом берегу

реки, за последним селением гиляков, Аур, они достигли мангунского и частью нейдальского селения Кизи, предела их путешествия, лежащего на рукаве реки Амура, и от инородцев узнали: 1) Что с правого берега реки Амура есть несколько путей к морю; большая их часть ведет в бухты и закрытые заливы, которых на побережьях Татарского залива находится немало; что этими путями жители реки Амура ездят к морю для промысла нерп. 2) Что самый короткий и более других удобный из этих путей тот, который идет из селения Кизи по озеру того же имени. Последнее весьма близко подходит к морю, так что по прорубленной на этом перевале просеке, устланной бревнами, туземцы перетаскивают свои лодки из озера к морю. 3) Что от этого перевала в близком расстоянии к югу находится закрытый залив Нангмар. 4) Что в этот залив туземцы с озера Кизи ездят зимой, на нартах, через небольшие горы. 5) Что ранней весной приходят в Татарский залив большие суда. 6) Что некоторые манджуры, подстрекая гиляков делать нам зло, рассказывают, что будто бы с открытием реки спустится из реки Сунгари большая манджурская сила, чтобы нас и всех гиляков, которые нам помогают, перерезать. Все туземцы, и в особенности в селениях Аур и Кизи, принимали их дружелюбно.

Господин Орлов объяснил, что из селения Коль он направился к западу и, проехав по этому направлению около 70 верст, достиг озера Чли, тянувшегося от юго-востока к северо-западу и, по словам туземцев, имеющего в окружности около 120 верст. От селения нейдальцев Чли, куда он прибыл из селения Коль, следуя по южному берегу этого озера и проехав около 30 верст, он прибыл в селение тех же инородцев, Чальм, лежащее на юго-западном берегу озера. От этого селения, проехав по западному направлению 60 верст и перевалив небольшие возвышенности, достиг селения и озера Нейдаль. Это озеро немного менее Чли, но направление его более западное, именно оно тянется от WSW к ONO; с запада в него впадает значительная река того же имени (Нейдаль), по которой г-н Орлов, с взятым из селения туземцем, поднимался на расстояние от устья около 25 верст. Они доходили до места, при котором эта река сближается с рекой Тугур и откуда нейдальцы и другие инородцы ездят на эту последнюю. Для означения перевала, а равно и места, где они съезжаются для торговли, сложены большие груды камней, в виде пирамид. По наблюдению Орлова, широта этого урочища оказалась 52° 57' N. Река Нейдаль имеет вообще восточное направление и, по словам туземцев, берет начало из того же хребта больших гор, из которого вытекают реки Уди, Тугур, Амгунь и Бурея. Этот хребет гор нейдальцы называют Хинга, что значит каменный, сплошной (становой).

На вопрос Орлова, не знают ли они, какие горы идут к западу и северу от вершины реки Уди, они отвечали ему, что с запада к верховьям этой реки идут те же горы Хинга, из которых выходят упомянутые реки, но что они отличаются от последних только тем, что во многих местах на них есть большие круглые вершины¹. К северу же от верховьев реки Уди, говорили они, идут совершенно другие горы. Между реками Уди и Тутуром есть несколько урочищ, у которых собираются инородцы и при этих урочищах сложены такие же груды камней. Подобные же груды и для той же цели, по словам их, есть и за горами Хинга, к западу. На вопрос Орлова, не знают ли они в этих местах каких-либо иных каменных столбов, которые осматривают манджуры или китайцы, они отвечали, что никаких подобных столбов здесь нет и никогда не бывало; манджуров же и китайцев они никогда и не видели в этих местах, и не слыхали даже, чтобы они когда-либо сюда приезжали.

Отсюда, по указанию нейдальцев, Орлов переехал на небольшое озеро и селение Ахту (около 30 верст в окружности), в которое с западной стороны впадает река того же имени; река эта берет свое начало из хребта Хинга. Озеро Ахту лежит к юго-западу от озера Нейдаль, на расстоянии около 60 верст. Это пространство большей частью низменное и болотистое. Озеро посредством небольшой протоки, направляющейся к югу, на расстояние около 20 верст, соединяется с рекой Амгунь. С вершины реки Ахту нейдальцы и другие инородцы переваливают через хребет Хинга на притоки реки Буреи, реки Нимелен и Кучуан.

Из селения Ахту по упомянутой протоке, тянущейся по низменности, г-н Орлов достиг реки Амгунь и, проехав вниз по оной около 30 верст, прибыл в нейдальское селение Кевби, к которому подходит (на расстоянии около 40 верст к югу) река Биджи. От селения Кевби Орлов ехал до реки Биджи по холмистой поверхности и, проследовав вниз по этой реке около 25 верст, достиг селения Ухтре, расположенного при впадении этой реки в озеро Ухдыль. Общее направление пути от селения Ахту до реки Амгунь было SSO, по реке Амгунь — ONO, до реки Биджи на — S, а по этой реке до селения Ухтре на ONO.

Все инородцы селений Ахту, Кевби и Ухтре, относительно Хинганского хребта, подтвердили те же самые сведения, какие г-н Орлов получил от нейдальцев на озере Нейдаль и, сверх того, рассказывали: 1) Что с притока реки Амгунь, реки Малой Амгуни, они переваливали через Хинганский хребет на левый приток реки Бу-

рей, реку Бурею, выходящую из этого хребта южнее истоков рек Нимелен и Кучуан и рек Тутура и Нейдаль. 2) Что с вершины реки Амгунь, подходящей близко к вершине реки Гиринь, они переваливают через тот же хребет прямо на реку Бурею. 3) Что между реками Амгунь и Гиринь лежит большое озеро Самагир, берега которого довольно густо населены инородцами, называющимися самагирами. 4) Что многие нейдальцы перекочевали с озера Ахту и реки Биджи на реку Амур, в селение Кизи и в окрестные селения, а к морю — в залив Нангмар. 5) Что манджуры не ездят в этот край далее селения Ухтре, лежащего на берегу реки Амура, при устье протоки, соединяющей с этой рекой озеро Ухдыль и протоку, или реку Уй. 6) Что с южной стороны в озеро Ухдыль впадает река Пильду, которая посредством протока имеет сообщение с рекой Амуром и при устье которой лежит большое селение Пуль. 7) Что селения Пуль и Ухтре большие и что в них, а равно и в находящемся между ними, на реке Амуре, таком же селении Калью, обыкновенно останавливаются для торга манджуры.

Вследствие этого последнего сведения, г-н Орлов поехал из селения Ухтре в селения Пуль, Калью и Ухте. В этих селениях он встретил 17 человек манджурских купцов; из них некоторые говорили по-гилякски. Манджуры принимали г-на Орлова радушно и выражали готовность вступать с нами в торговые сношения, объясняя при этом товары, которые они желали бы от нас приобретать, и обещали приехать в Петровское или Николаевское. В дружеской беседе манджуры изъявляли Орлову сожаление, что некоторые из них подстрекают гиляков делать нам зло и распускают ложные слухи, для нас злонамеренные. Русским, говорили они, следовало бы за это хорошенько наказать таких. Наконец, они объяснили что действительно горный хребет, из которого берут начало реки Амгунь и Гиринь, а равно и лежащая от реки Гиринь к югу река Нейда, называется Хинганским (т. е. каменным, станovým или сплошным) большим хребтом; что этот хребет, идя от севера и переходя через реку Амур (по-манджурски Мангу-Улла) и реку Сунгари (Сунгари Улла) направляется к югу, между реками Хургой и Уссури, и достигает моря. Что все народы, обитающие в стране, лежащей между этим хребтом и морем, независимы и ясака не платят; почему на всем этом пространстве не только нет никаких манджурских городов или селений, но даже нет и никакого караула. Что манджурское управление и китайская зависимость распространяются

¹ Для большого уразумения, нейдальцы чертили на снегу горы от запада и к верховью реки Уди поворачивали их на юг. На горах же, до верховья р. Уди, рисовали круги в виде яблока. Вероятно от этого и произошло прилагательное Яблоновый Хинганский становой хребет, как и означалось на картах.

только на страны, лежащие к западу от этого хребта, в северной же части живут народы, называемые даурами.

В заключение Орлов сообщил: 1) Что по берегам упомянутых озер растут строевые леса: лиственницы, сосны, ели и частью кедры, что жители этих озер, а равно и обитатели впадающих в оные рек и жители реки Амгунь — соплеменны тунгусам и говорят языком, весьма мало разнствующим от тунгусского, так что он их свободно понимал. 2) Что хотя они и носят общее название нейдалцев, но большей частью называют себя по урочищам или озерам, так например: ахтубами, гулями и пульзами. Они вообще смирны и гораздо приветливее и ласковее гиляков. Не только о хлебопашестве, но и об огородничестве и скотоводстве не имеют никакого понятия. Занятия их состоят в зверином и рыбном промысле; зимой ездят на собаках, а летом на лодках и коротнях, сделанных из бересты. Они, подобно гилякам, вообще питаются рыбой, кореньями, ягодами и дичью; однако собак, как то делают гиляки, в пищу не употребляют. Получаемое через гиляков от манджуров просо и пшеничные, и ржаные сухари от удских тунгусов и инородцев, с верховья реки Буреи, составляют для них лакомство. Образ их жизни такой же, как и у гиляков. Озеро Ухдыль и протока Уй, по словам туземцев, глубоки. Берега протоки Уй, простирающейся на 15 верст, вообще возвышенные и ровные и здесь, по-видимому, есть много удобных мест к заселению и основанию элинга, почему, как эту протоку, так и озеро Ухдыль, на берегах которого много строевого леса, в особенности кедра, необходимо подробно осмотреть и сделать промер по вскрытию реки Амура.

Из селения Ухте Орлов ехал обратно по левому берегу реки Амура; от этого селения до Николаевского поста около 160 верст.

Таковы были результаты этой рекогносцировки; они весьма важны, ибо, выясняя некоторым образом пограничный и морской вопросы и тем обнаруживая ложное понятие, которое существовало тогда о Приамурском крае, они указывали и на важное значение этого края для России и на пути, которыми нам надобно следовать, чтобы окончательно разрешить эти вопросы.

Тунгус из Карейки и тунгуска из Чапогира.

Гравюра XIX в.

1851 год заключился для нас весьма важным обстоятельством, имевшим непосредственное влияние на безопасность наших действий и на направление обследования, а именно: 26 декабря явились в Петровское два гиляка и тунгус с жалобой на гиляков селения Войд (на левом берегу Амура), отличавшихся от других буйством и дерзостью и на манджуров, приехавших в это селение. Они говорили, что их ограбили, прибили, подстрекали бить русских и распускали слух, что будто бы летом всех русских вырежут.

Вследствие этого, я командировал в это селение Березина с пятью людьми, вооруженными пистолетами и саблями, матросов и казаков, с тем чтобы захватить виновных и украденные ими вещи доставить в Петровское. Березин исполнил это поручение со свойственной ему отвагой. Гиляки и манджуры выдали ему виновных, но не сразу, а тогда только, когда Березин и его команда направили пистолеты и сабли на окружавшую их буйную и пьяную толпу (до 80 человек) гиляков, руководимую одним манджуром. Березин объявил им, что если сейчас же не будет исполнено его требование, то немедленно все они будут перебиты, а селение уничтожено. Угроза подействовала как нельзя лучше: украденные вещи были тотчас возвращены и виновные выданы. Березин с этими виновными и вещами, в сопровождении нескольких гиляков селения Войд, отправившихся ходатайствовать за провинившихся земляков своих, явился ко мне в Петровское.

Я собрал по этому случаю гиляков трех окрестных деревень и в их присутствии наказал виновных розгами, а после того оставил их на три дня таскать бревна. Это наказание подействовало на виновного манджура и он признался, что распускаемые некоторыми из его товарищей злословные слухи есть ничто иное, как их выдумка; гиляки, видя, что мы манджура наказываем за худое дело точно так же, как и их, получили еще большее к нам доверие и уважение; манджуры же фактически увидели власть нашу в Приамурском крае, так что после этого, при всяких столкновениях с гиляками и другими инородцами, обращались к нам для разбирательства.

Около описываемого времени приехали в Петровское четыре гиляка с острова Сахалина; на одном из них, Заковане, Орлов заметил пуговицу, сделанную из каменного угля. На вопрос, откуда он достал эту пуговицу, Закован и его товарищи объяснили, что они сами делают их из черного мягкого камня, которого на Сахалине, около речки Дуэ и далес, целые горы; при этом они рассказали, что на Сахалине жило пять человек русских, из которых последний недавно умер, и что эти русские прибыли на Сахалин гораздо прежде японцев.

С первой зимней почтой, посланной из Петровского в Аян 11 ноября, я донес генерал-губернатору: а) Что данные мне повеления несоответственны с обстоятельствами, встречаемыми на месте, и что поэтому я нахожусь иногда вынужденным отступать от них. б) Что средства, определенные правительством на экспедицию, ничтожны. в) Что вверенные мне команды переносят большие трудности и лишения. Объяснив это, я просил его:

1) прислать в экспедицию еще двух офицеров и 50 человек людей.

2) Назначить и, сколь возможно поспешнее, прислать сюда, по крайней мере, одно мелкосидящее (до 10 футов) мореходное судно с паровым двигателем, паровым баркасом и с надлежащими запасами.

3) Так как служба в экспедиции в несколько раз труднее службы на Камчатке и Охотске, то прошу, чтобы лицам, служащим в экспедиции, были дарованы следующие преимущества: а) во все время служения в этом крае всем командам производить морское довольствие и засчитывать это время в число морских компаний; б) службу здесь считать вдвойне, т. е. год за два; в) офицерам за пятилетнюю службу определить тот же самый пенсией, какой предоставлен офицерам, прослужившим на Камчатке и в Охотске 10 лет.

В то же время, в депеше¹ главному правлению российско-американской компании (копию с которой я сообщил и генерал-губернатору) я представил требования на 1852 год и объяснил, что по характеру края, развитие торговли с инородцами и манджурами в той степени, чтобы она могла возмещать расходы казны на экспедицию, а равно и для распространения в крае нашего влияния, необходимо, чтобы товары, особенно летом, развозились по селениям и по местам сборов инородцев, для чего, кроме складов товаров в Петровском и Николаевском, предлагал устроить таковые еще в нескольких пунктах. Вместе с тем, я сообщал: 1) Что количество назначенных в 1851 году товаров и запасов оказалось до такой степени ничтожным, что если бы не случайно попавшие в экспедицию товары и запасы с барка «Шелехов», то экспедиция была бы в самом критическом положении. 2) Что обмен товаров и характер торговли нельзя предвидеть заранее и поэтому невозможно верно определить требование запасов и товаров, а между тем необходимо, чтобы это требование скорее пополнилось; наконец, я представлял необходимость указания инородцам лучших приемов рыболовства, так как все береговые жители занимаются уже этим промыслом, и для нас будет выгоднее, если мы укажем им на современные приемы.

На основании всех этих соображений, я просил правление русско-американской компании: а) удовлетворить требование мое товаров и запасов и, кроме того, предписать начальнику Аянского порта и фактории, г-ну Кашеварову, содействовать экспедиции так, чтобы она по моему требованию была всегда обеспечена; б) прислать маленький восьмисильный речной пароход с надлежащими материалами, опытными кочегарами и слесарем; в) прислать пять опытных приказчиков и двух рыболовов с надлежащими снастями для ловли осетров и другой крупной рыбы.

Депешу эту я заключил уверением главного правления, что оно ввиду важной государственной цели, возложенной на вверенную мне экспедицию, примет все меры, без всяких коммерческих интересов, к обеспечению экспедиции по моим требованиям и даст мне право надеяться на скорое исполнение настоящих моих предложений.

Вот при каких обстоятельствах совершалось занятие устья реки Амура и при каких средствах началось водворение русских в Приамурском крае!

После двух веков, в пустынях Приамурского бассейна снова начали россияне возносить

¹ Депеша эта помечена 3 ноября 1851 г.

мольбы ко Всевышнему Творцу о ниспослании им мужества, крепости духа и силы к перенесению неимоверных трудностей, лишений и опасностей, для достижения цели, клонившейся ко благу отечества! После двух веков снова начали раздаваться наши выстрелы на берегах реки Амура, но эти выстрелы раздавались не для пролития крови и не для порабощения и грабежей инородцев, как делали то наши грубые предшественники; нет, выстрелы 1850 года раздавались для приветствия русского знамени! Эти выстрелы приветствовали победу истины над вековым заблуждением! Они приветствовали победу в пустынях Приамурского края цивилизации над невежеством и зарю близкого осуществления мыслей Петра I и Екатерины II на отдаленном нашем Востоке!

Цель, которую решился преследовать я с моими сотрудниками, собравшимися к 1852 году в Пегровское, состояла в том, чтобы обнаружить перед правительством важное значение для России амурского бассейна с его бережьями, и тем положить твердое основание к признанию навсегда за Россией этого края.

Милостивое изречение государя императора о моем поступке по занятию устья реки Амура, как о поступке благородном и патриотическом, несмотря на то, что это действие мое было несоответственно повелению его величества; сочувствие, оказанное этому делу государем наследником (ныне царствующим императором) и Августейшим государем Великим князем генерал-адмиралом; патриотическая преданность и рвение к оному генерал-губернатора Н. Н. Муравьева и, наконец, полное наше убеждение о важном значении этого края для блага отечества — одушевляли меня и моих сотрудников. Мы все до единого, как бы одна родная семья, несмотря ни на какие опасности и ничтожество средств, твердо решились идти к предположенной цели и надеялись, что с Божьей помощью достигнем ее.

Такова была миссия, выпавшая на нашу долю, и мы встретили 1852 год с твердой решимостью, не отступая ни пред какими преградами, исполнить долг свой перед отечеством!

Глава XIII

Исследование направления Хинганского хребта от истока реки Уди.—
Притон беглых русских.— Командировка подпоручика Орлова.—
Экспедиция Бошняка на Сахалин.— Инструкция Чихачеву.—
Возвращение Орлова.— Результаты его командировки.—
Первая зимняя почта из Аяна.— Мое донесение генерал-губернатору
от 20 февраля 1852 года.— Частное письмо к нему.

вятки и наступивший 1852 год мы встретили с возможными в пустыне развлечениями: команда наряжалась, а мы катались на собаках по заливу. Екатерина Ивановна, как хозяйка, во всем этом принимала живое участие и оживляла маленькое общество моих неугоминых сотрудников.

8-го января прибыли в Петровское двое нейдальцев с реки Амгунь и рассказывали, что будто на одном из притоков реки Амура, недалеко от устья Сунгари, поселились дурные русские (лоча) и что эти люди никому ничего не платят и распускают о нас дурные слухи.

Имея в виду результат упомянутой в предыдущей главе рекогносцировки и сведения с острова Сахалина, я приступил к разрешению сказанных вопросов — пограничного и морского, к обследованию острова Сахалина и, наконец, к удостоверению на месте от нейдальцев, в какой степени справедливы слухи о беглых русских. Это последнее обстоятельство для нас было важно в том отношении, что подобное поселение беглых могло иметь весьма дурное влияние на нашу команду, набранную из охотского экипажа, который пополнялся людьми порочными и привыкшими к шатанию. Для исполнения вышесказанной цели я снарядил четыре экспедиции: одну вверил Орлову, другую — Бошняку, третью — Чихачеву и четвертую — приказчику Березину и топографу Попову.

Подпоручик Д. И. Орлов 10-го января отправился в Тугурский край, на собаках, с тунгусом, знакомым с наречиями нейдальцев, живущих по берегам реки Буреи. Офицеру этому приказано было, следуя через селения Коль и Орел, достигнуть реки Нимелен (притока реки Амгунь) и, перевалив на вершину реки Тутур, стараться доехать до верховьев рек Тайфон, Галян и Анан (притоков реки Уди), мест, около которых начиналась показанная на картах граница наша с Китаем. Граница эта отсюда шла к северо-востоку, до Охотского моря. Затем, следуя к югу, вдоль хребта, по вершинам притоков рек Тутура и Нимелен и достигнув северного притока реки Амгунь, реки Корой, возвратиться в Петровское тем путем, который он найдет более близким и удобным. Следуя таким образом, Орлов мог

обследовать направление хребта между вершинами рек Уди и Амгуни. Кроме того, он должен был: а) положительно удостовериться, действительно ли это тот самый хребет, который идет от вершины реки Уди к западу, в Забайкальскую область, и который принимается за пограничный становой, Хинганский, или каменный, хребет; б) собрать положительные сведения, нет ли в Тугурском и Удском краях, а равно и по южному склону Хинганского хребта, к западу, пограничных столбов, поставленных будто бы китайцами, как говорит о том академик Мидендорф; в) разведать, действительно ли существует поселение беглых русских. Если оно существует, то собрать сведения: нельзя ли доехать до него через горы.

11-го февраля отправился на остров Сахалин, до селения Дуэ, лейтенант Н. К. Бошняк, на собаках, с гиляком Позвейном, говорившим по-тунгуски и знавшим наречие жителей этой части Сахалина (аинов), и казаком Парфентьевым, тоже говорившим по-тунгусски. Офицеру этому приказано было: 1) удостовериться на месте о положении каменно-угольных приисков. 2) О более или менее удобной нагрузке каменным углем судов, приходящих с моря. 3) О состоянии страны и об отношениях инородцев к Китаю и Японии. 4) О главном и более населенном пункте острова. 5) О подходящих к берегам Сахалина иностранных судах. 6) Действительно ли жили на реке Тыми русские. Если это справедливо, то осмотреть то место, где была их оседлость, и самую реку Тыми.

12-го февраля отправил я мичмана Н. М. Чихачева на реку Гиринь и далее по этой реке и Амуру, чрез селение Кизи, в залив Нангмар. Он поехал, на собаках, с тунгусом Афанасием, говорившим по-русски и знакомым с наречием нейдальцев и мангун, обитавших по реке Гиринь и заливу Нангмар. Чихачеву приказано было: а) поднявшись по реке Амгунь до селения Хазмол, перевалить на реку Гиринь и, спустившись по оной до реки Амура, следовать вверх по правому берегу этой реки, до селения Кизи. На этом пути собирать сведения о стране и народах, там обитающих; главное же: узнать, действительно ли река Гиринь берет начало из того же хребта гор, из которого истекают реки Уди, Тугур, Амгунь и Буря. Если окажется, что она вытекает из того же хребта, из которого берут начало и упомянутые реки, то собрать сведения о направлении этого хребта к югу и о пути, ведущем к истоку реки Гиринь. Потом достигнуть этого истока и определить направление хребта; б) собрать сведения о перевалах с истоков рек Амгунь и Гиринь на реку Бурю и об инородцах самагирах, обитающих между этими реками; в) узнать, где селение беглых русских и возможно ли добраться до этого селения с верховьев

реки Амгунь или Гиринь; г) по прибытии в селение Кизи, принять в свое ведение Березина с топографом Поповым, которые должны прибыть туда к тому времени. С Березиным послать ко мне донесение, а Попова взять с собой и следовать по озеру Кизи в залив Нангмар; д) обследовать путь до этого залива, а равно и самый залив, и определить, не тот ли это самый залив, который Лаперузом назван де-Кастри; е) оставаясь с топографом весновать в этом заливе, наблюдать над вскрытием льда в оном и собирать сведения от туземцев о состоянии берегов Татарского залива к югу, т. е. узнать, не имеется ли на оных закрытых бухт и путей из них к реке Амуру; ж) разведать об иностранных судах, плавающих в Татарском заливе и, в случае встречи с ними, объявлять, что все побережье Татарского залива до корейской границы составляет русское владение. Следуя в залив Нангмар, при встречах с торгующими манджурами вступать с ними в дружеские сношения, стараться указывать им на опасность для России и Китая оставлять Нижнеприамурский и Уссурийский края без наблюдения с моря и объяснять, что, ввиду этой-то опасности, мы и принимаем меры; з) с открытием навигации в заливе Нангмар, приобрести от туземцев лодку и возвратиться на оной вдоль матерого берега, чрез лиман, в Петровское. Во время этого пути сделать, по возможности, подробную съемку берега между этим заливом и лиманом.

Вслед за г-ном Чихачевым, а именно 17-го февраля, отправился вверх по реке Амуру приказчик Березин с топографом Поповым и тремя казаками, на двух нартах собак.

Березину и Попову приказано было: а) следовать по правому берегу реки Амура и делать глазомерную съемку оного; б) производить на этом пути расторжку с иностранцами и торгующими манджурами и собирать от них всевозможные сведения о стране и народах, в ней обитающих; в) по прибытии в селение Кизи, в ожидании здесь г-на Чихачева, собрать положительные данные о пути, ведущем из этого селения в залив Нангмар, и приготовить средства для безопасного следования Чихачева. С прибытием в Кизи Чихачева, как приказчику Березину, так равно и топографу Попову, приказано было поступить в его распоряжение. После 39-дневного утомительного странствования, 18 февраля 1852 года возвратился в Петровское Д. И. Орлов и сообщил, что, достигнув озера и селения Орел, он направился на WSW по реке Негли, впадающей в это озеро с западной стороны и, проехав по этому пути около 30 верст, прибыл в селение нейдальцев Негди. Отсюда, взяв проводником нейдальца и проехав по тому же WSW направлению около 45 верст, достиг небольшого озера (около

20 верст в окружности) Каури; на этом пути он перевалил через небольшую возвышенность, идущую от севера. В селении Каури, при реке того же имени, по случаю утомления собак, он остался на сутки. Из этого селения инородцы переезжают в Усальгинскую губу, расстояние до которой, по их словам, около 35 верст. Ширина места селения Каури, по наблюдению Орлова, оказалась $53^{\circ} 15' N$, а приблизительная долгота (т. е. по соображению направления его пути) около $138^{\circ} 15'$ от Петербурга. Из Каури г-н Орлов взял проводника и, следуя по тому же WSW направлению, проехал около 35 верст, до реки Самма. На этом пути он тоже переваливал через незначительную возвышенность. Из селения Самма инородцы ездят в Ульбанскую губу, расстояние до которой, по их словам, должно быть около 55 верст. Из селения, или зимняка Самма (2 юрты), Орлов взял проводника и поехал по более западному направлению, именно к стойбищу Чилля, расстояние которого от Самма около 50 верст. Здесь инородцы собираются для торга. Это стойбище, как и все вообще инородческие стойбища, означалось кучей сложенных камней, в роде пирамиды. Из Чилля г-н Орлов ехал по WSW направлению и, проехав около 60 верст, 18 января достиг реки и нейдальского селения Нимелен. Здесь г-н Орлов остановился на сутки для отдыха и приготвления к дальнейшему, более трудному путешествию, которое не иначе можно было совершить, как верхом на оленях. Из этого селения инородцы реки Амгунь и саагиры переваливают чрез небольшую возвышенность на Бурукан (что на реке Тутур), до которого, по их словам, около 35 верст. Возвышенности эти отделяют долину реки Нимелен от долины реки Тутур. Ширина этого пункта оказалась $52^{\circ} 50' N$, а приблизительная долгота — около $130^{\circ} O$.

В селении Нимелен Орлов встретил 10 тунгусов из Тутурского края, с оленями; из них двое взялись провожать его на своих оленях в Удский край, к истокам реки Уди; почему он оставил здесь своих собак на попечение крещеного нейдалыца, Тихона, а сам 20 января отправился верхом на оленях на вершину реки Тутур. Проехав на WNW около 86 верст, Орлов достиг вершины реки Тутур и стойбища, означенного кучей камней. Ширина этого пункта оказалась $53^{\circ} 11' N$, приблизительная долгота $134^{\circ} 48' O$. Это стойбище было у подошвы огромного каменного сплошного хребта, тянувшегося к NNW, и от него шли на ONO небольшие возвышенности. С этого пункта г-н Орлов и начал свои исследования направления хребта, почему и поехал вдоль одного на NNW. Здесь инородцы переваливают через хребет на речку Никон, приток реки Селимжа, впадающей в реку Зею. На реке Никон

находится часовня Никонская. Встреченные здесь Орловым два нейдалыца, возвращавшиеся на лыжах с реки Никон, куда они ходили на звериный промысел, а равно и сопровождавшие его тунгусы, сказали ему, что каменные становые горы — тот самый хребет, из которого берут начало реки Уди, Тутур, Амгунь, Гиринь, Бурей и Зея. На вопрос же его, нет ли здесь, или по южному склону этого хребта к истокам реки Зеи, столбов, поставленных манджурами или китайцами, инородцы отвечали, что они не только никогда не видали никаких столбов в этих местах, но и не слышали, чтобы когда-либо манджуры или китайцы ставили такие столбы; что же касается китайцев, то они никогда и не являлись сюда.

Проехав вдоль Хинганского хребта на NNW около 40 верст, он достиг возвышенностей, тянувшихся от станового хребта к NotO. Возвышенности эти отделяют долину реки Тутур от долины Уди. Туземцы сказали ему, что на южном склоне этих возвышенностей, около 80 верст от моря, на вершине реки Сойкины, находится куча камней, означающая перевал через эту возвышенность на приток реки Уди, речку Улюю, по которой инородцы ходят к Удскому острову.

Отсюда Орлов, у подошвы Хинганского хребта, перешел возвышенности (около пяти верст), составляющие отроги от Хингана, и вступил в долину реки Уди на вершину реки Тайфона, притока реки Уди; ширина этого пункта оказалась $53^{\circ} 42' N$, а приблизительная долгота около $134^{\circ} 20' O$. От этого именно пункта показывалась на картах граница наша с Китаем, по направлению упомянутого сейчас острова от Хинганского хребта, тянувшегося к NotO, до Охотского моря.

С вершины речки Тайфона Хинганский хребет принимает направление WtN и WtS $\frac{1}{2}$ W. Проехав с этого пункта на WtN около 35 верст, г-н Орлов прибыл на вершину второго притока реки Уди, реку Гаян. Ширина этого пункта $53^{\circ} 47' N$, а приблизительная долгота около $133^{\circ} 45' O$. Проехав отсюда на WtS $\frac{1}{2}$ W около 45 верст, Орлов достиг третьего притока реки Уди, реки Анан, предела его странствования в этом направлении. Ширина этого пункта $53^{\circ} 43' N$, а приблизительная долгота $132^{\circ} 52' O$.

При вершине реки Анан находится куча камней и пустая юрта; отсюда инородцы переваливают через Хинганский хребет на вершину реки Селимжи. У этой кучи камней или стойбища они собираются иногда для торга. Здесь г-н Орлов остановился на сутки для отдыха оленей и встретился с двумя селимжинцами, пробиравшимися на лыжах в селение Нимелен для торга. Как эти инородцы, так равно и сопровождавшие г-на Орлова тунгусы и нейдалыцы, говорили ему, что от вершины реки Анан Хинганский хребет, на простран-

Тунгусы.
Гравюра XIX в.

стве около 70 верст, тянется по тому же направлению (т. е. WtS), потом круто поворачиваете к северу (NtW), тянется по этому направлению 80 верст, а затем склоняется на запад и идет около 100 верст на NtWN, после чего достигает того места, где отделяется от Хингана хребет меньших гор, идущих по берегу моря далеко на север. Этот хребет гор селимжинцы называли Мачи-хинга (что значит меньшие горы), тунгусы же и нейдалыцы — Джукжура. Хинганский, становой, хребет, пройдя от этого пункта около 60 верст в более западном направлении (около NW), поворачивает прямо на запад, немного к полудню (т. е. около WtS) и по этому направлению тянется к даурам и реке Шилкару (т. е. в Забайкалье). На этой части хребта показываются в нескольких местах крутые вершины, вроде яблока. Иностранцы говорили ему еще, что при повороте Хинганского хребта от NW к WtS, по южную его сторону, находится исток реки Зеи, который селимжинцы называли Дони, и что по вершинам некоторых притоков реки Зеи и другим речкам по южному склону этого хребта на-

ходятся также кучи камней, столбища, означающие удобные перевалы с южной стороны хребта на северную, по которым иностранцы ходят на промыслы пушных зверей.

На вопрос Орлова: нет ли на южной стороне этого хребта каменных или других столбов, поставленных китайцами или манджурами, которые они приезжают осматривать, селимжинцы отвечали то же самое, что и другие иностранцы, т. е. что подобных столбов здесь нет и никогда не было и что манджуры и китайцы здесь никогда не бывали. На вопрос же затем Орлова, не слыхали ли они о селении лоча (русских) где-либо в тамошних местах и нельзя ли к ним пробраться горами, иностранцы отвечали, что они слышали, будто бы какие-то дурные лоча живут на реке, впадающей в реку Маму (Амур), что эти люди очень худые, беспрестанно ссорятся и дерутся и что они ничего никому не платят. Живут они в таком месте, куда берегом проехать ни на оленях, ни на собаках нельзя, по неимению корма, а можно только добраться до них рекою Аму-

ром, на лодке. Эти лоча, по словам их, распускали дурные слухи о русских.

С вершины реки Анан 27-го января 1852 года г-н Орлов отправился обратно тем же путем, вдоль Хинганского хребта. Достигнув источника реки Тутуры, он направился вдоль того же Хинганского хребта на StW и, проехав по этому направлению около 35 верст, прибыл на вершину реки Нимелен. Широта этого пункта, по его наблюдениям, $52^{\circ} 42' N$ и приблизительная долгота $134^{\circ} 40' O$ от С.-Петербурга. От этого пункта Хинганский хребет принимает направление SWtS. Следуя по этому румбу, через 40 верст, Дмитрий Иванович достиг предела своих исследований, т. е. вершины реки Корби, северного притока реки Амгунь (широта этого пункта $52^{\circ} 26' N$, а приблизительная долгота $134^{\circ} 28' O$). Отсюда г-н Орлов направился в селение Нимелен, где взяв своих собак, возвратился тем же путем, через селение Коль, в Петровское.

Таким образом, Дмитрий Иванович был первый, который определил направление пограничного Хинганского хребта между южными истоками реки Уди (широта $53^{\circ} 42' N$ и долгота приблизительно $132^{\circ} 52' O$) и северным истоком реки Амгунь (широта $52^{\circ} 26' N$ и долгота $134^{\circ} 27' O$). Этим исследованием он фактически доказал: 1) что Хиганский хребет, принятый, по Нерчинскому трактату 1689 года, подтвержденному Трактатом 1721 года, за границу между Россией и Китаем, от вершины реки Уди направляется не к северо-востоку, как ошибочно до этого времени полагали и как означалось на всех картах, а к юго-западу. 2) Что в Тутурском и Удском краях, а равно по южному склону Хинганского хребта, никаких пограничных столбов или знаков, как представляет академик Мидендорф, нет и никогда не существовало, а что, вероятно, кучи камней в виде столбов, сложенные инородцами для означения стойбищ и удобных перевалов, г-н Миндендорф принял за пограничные знаки. 3) Что слухи о населении русских около южного колена реки Амура, по словам инородцев, справедливы.

14 февраля приехали в Петровское с Амура и Уссури 4 голыда и 2 кекгальца; они рассказали нам следующее: 1) что с реки Пиляю, впадающей в реку Амур с правой стороны, они переваливают на большую реку Пор, вливающуюся с правой же стороны в реку Уссури, недалеко от ее устья. 2) Что в реку Пор около этого перевала впадает река Черная, которая подходит близко к реке Самальге, впадающей в Татарский залив. 3) Что этим путем с берега реки Амура до моря (Татарского залива) не более 250 верст. 4) Что они этим путем обыкновенно ездят за промыслами к морю в закрытый залив, лежащий около

устья Самальги. 5) Что по берегам рек Самальги, Черной и Пор произрастают огромные леса. 6) Что по этим рекам, в особенности по Самальге, могут ходить большие лодки. 7) Что в реке Уссури существует несколько перевалов к морю и несколько закрытых бухт, лежащих недалеко друг от друга, с обеих сторон большой реки Сайфуна, впадающей в море на расстоянии от устья реки Самальги на 20 дней пути, если ехать в лодке. 8) Что так как они слышали, что мы не позволяем манджурам обижать гиляков и мангунов, то они желали бы, чтобы мы и у них поселились, и обещали проводить нас к морю с реки Амура и с Уссури, по самым близким путям, в закрытые бухты. 9) Что слышали о селении русских около устья Сунгари и что эти русские весьма дурные люди: часто вместе с манджурами обижают инородцев и подстрекают манджуров перерезать или прогнать нас.

Вслед за этим, 15 февраля, пришла из Аяна первая зимняя почта, отправленная отсюда 20 ноября. С этой почтой я получил как из Иркутска (от 15 сентября), так и из Петербурга (от 4 июля) приказание: «Не распространять исследований далее земли гиляков, обитающих по Амурскому лиману и в окрестностях Николаевска, и стараться через гиляков вступать в торговые сношения со старшинами сопредельных с ними инородцев».

В ответ на это я писал его превосходительству Н. Н. Муравьеву:

«1) пограничный вопрос ныне разъясняется и вековые заблуждения, будто бы Приамурский край составляет китайские владения, начинают рассеиваться. Теперь мне совершенно понятно, почему Китай не признает этот край своей принадлежностью и оставляет его без всякого надзора: он строго держится Трактатов 1689 и 1721 годов и потому не считает этот край своим.

2) По сведениям от туземцев, разъясняется также и самый главный здесь вопрос — морской: существование на татарском берегу закрытых бухт, связанных с реками Амуром и Уссури внутренним путем, почти неоспоримо. Такие бухты важны для нас в политическом и экономическом отношениях, потому что льды и туманы, царствующие в Охотском море, а также климатические и географические условия его берегов, равно как и берегов Камчатского полуострова, не представляют возможности основать в этих местах надлежащего и полезного для нас порта.

3) Озеро Кизи, залив Нангмар и река Уссури представляют для нас важные пункты в морском отношении.

4) При настоящем состоянии Приамурского и Приуссурийского краев нельзя оставлять их без бдительного надзора и правительственного влияния, а потому, при действиях наших здесь.

нельзя ограничиваться теми только лишь паллятивными мерами, которые мне предлагаются к руководству, ибо при таких мерах мы легко можем потерять навеки для России этот важный край!

Вот те убеждения, которые понуждают меня действовать здесь, как ваше превосходительство изволили усмотреть, сообразно встречаемым мною обстоятельствам. Уповаю, что ввиду этого вы дадите мне надлежащие средства для достижения упомянутой важной цели и разрешите мне:

а) занять селение Кизи и залив Нангмар, как ближайшие к Николаевску пункты, из которых легко наблюдать за иностранными судами, плавающими в северной части Татарского залива, и для исследования берегов оного к югу до корейской границы;

б) разрешите послать особую экспедицию для исследования реки Уссури и, близ устья ее, в селении Гольди, оставить на зимовку офицера, с целью ознакомления с путями, ведущими с той реки к морю, и наблюдения за временем и обстоятельствами, сопровождающими закрытие и вскрытие как реки Уссури, так равно и южного колена реки Амура;

в) для проверки настоятельных слухов о поселении беглых русских, распространившихся ныне уже между командами и дурно действующих на оные, послать на вооруженной шлюпке вверх по реке Амуру офицера, с тем, что если эти слухи окажутся справедливыми, то офицеру тому стараться достигнуть селения этих русских и объявить им, что они поступают под мое начальство и обязаны нам содействовать, за что все их прежние поступки будут высочайше прощены;

г) в настоящую навигацию, для подкрепления моей команды, состоящей ныне только из 56 человек, прислать, по крайней мере, 50 человек хорошего поведения, при двух офицерах, и распорядиться, чтобы к навигации 1853 года была прислана из Кронштадта в мое распоряжение одна паровая шхуна».

Донося обо всем этом генерал-губернатору, я вместе с тем, в частном письме к нему, между прочим, писал:

«Долгом моим считаю предварить Вас, что, сознавая тяжкую лежащую на мне нравственную ответственность за всякое с моей стороны упущение к отстранению могущей потери для России этого края, я во всяком случае решился действовать сообразно обстоятельствам и тем сведениям, которые ожидаю получить от г-д Чихачева и Бошняка. Надеюсь, что при патриотической преданности вашего превосходительства этому делу, государь император милостиво воззрит на таковые мои поступки, происходящие единственно от преданности моей и моих сотрудников к благу отечества».

Глава XIV

Возвращение Бошняка.— Его донесение.— Прибытие Березина.—
Записка Чихачева.— Отправление Березина
в распоряжение Чихачева.— Инструкция Березину.—
Декларация 11 апреля 1852 года.— Командировка Бошняка
в село Ухтре.— Начало судостроения в Приамурском крае.—
Письмо Н. Н. Муравьева от 28 декабря 1851 года.—
Депеша Кашеварова.— Предписание Кашеварову
от 15-го апреля 1852 года.— Депеша главному правлению компании.

ейтенант Бошняк, совершенно больной, возвратился с острова Сахалина в Николаевск 22 марта и донес мне, что, проехав по лиману к мысу Лазарева и перевалив здесь на Сахалин, в селение Погоби, он направился вдоль берега на S. Проехав этим путем около 30 верст, он достиг реки и гилякского селения Уанды. Отсюда, проехав по тому же направлению около 20 верст, он прибыл на выдающийся в море низменный и тундристый мыс Лак, от которого к О лежит четыре небольших озера; широта этого мыса по его наблюдениям $51^{\circ} 45' N$.

Обогнув мыс Лак, он пошел берегом, который имел от этого мыса направление на StO $1/2$ O; проехав по берегу около 20 верст, Бошняк достиг селения и реки Тыми, а потом через 20 верст приехал в селение и реку Вияхту. Широта Вияхту оказалась $51^{\circ} 35' N$. С мыса Тык г-н Бошняк начал встречать каменный уголь в разбросанных по берегу кусках; но между устьем реки или протокой Вияхту и заливом Уанды он видел его в обнаженных пластах. Протока Вияхту, а равно и озеро того же имени, по словам туземцев, имеют достаточную глубину; эта местность представляет, по-видимому, удобный пункт для загрузки судов каменным углем, а потому и заслуживает тщательного обследования, которое можно сделать во время навигации.

Из Вияхту, следуя по тому же StO направлению, через 20 верст, он достиг реки и селения Танги, откуда перебрался на мыс Уанды, лежащий в 8 верстах на S от первого. Затем, проехав 20 верст на SSO, достиг мыса, селения и реки Хой, а отсюда прибыл в селение Мгач, расположенное при устье реки того же имени и отстоящее в 20 верстах на StO от Хой. Здесь туземцы объяснили ему, что самое большое количество каменного угля находится

в заливе Дуэ и что его также много имеется на большой реке Тыми, на которой жили русские; что на эту реку надобно ехать по речке Мгач до ее вершины, а потом перевалить чрез горы на речку Пуджим, впадающую в реку Тыми, и что этим путем от селения Мгач до реки Тыми не более 1 $\frac{1}{2}$ дней пути на собаках (т. е. около 50 верст); широта селения Мгач оказалась 51° 01' N.

Из этого селения Бошняк отправился вдоль берега по тому же направлению и через 15 верст достиг реки и селения Аркой. Отсюда берег тянется к возвышенному мысу Дуэ на SSW, образуя обширный Дуэский залив. Следуя на SSW около 10 верст, он достиг реки и селения Дуэ, расположенного по северную сторону мыса того же имени. Широта этого пункта, по наблюдениям Бошняка, 50° 53' N. Берега залива Дуэ ровные, возвышенные и приглубые; они на пространстве около 20 верст составляют почти сплошную каменноугольную формацию; пласты каменного угля толщиной от $\frac{1}{2}$ до $\frac{3}{4}$ аршина здесь совершенно оголены. Залив Дуэ, по-видимому, представляет довольно изрядный рейд, по крайней мере, единственный на всем пространстве обследованного мной берега, а потому, подобно протоке Вияхту, требует тщательного исследования. Туземцы селения Дуэ говорили г-ну Бошняку, что далее к югу близ моря есть также каменный уголь, но что самое большое количество его находится в заливе Дуэ.

Достигнув, таким образом, главного месторождения каменного угля, г-н Бошняк из селения Дуэ возвратился тем же путем в селение Мгач с тем, чтобы отправиться из этого селения на реку Тыми. Оставив в Мгаче заболевшего ногой гиляка Позвейна и своих утомленных собак, г-н Бошняк, в нанятой у туземцев нарте, с проводником и казаком, отправился на ONO, вверх по реке Мгач. Проехав по этому направлению около 15 верст, он перевалил на вершину речки Пуджим, впадающей с левой стороны в реку Тыми. Упомянутый перевал идет на OSO около 12 верст через хребет, тянувшийся вдоль Сахалина. С вершины Пуджима Бошняк поехал по этой речке к SO и через 20 верст достиг реки Тыми и селения орочен¹, с которого и начал исследования реки Тыми. Широта селения Удлек-во, расположенного на реке Тыми, близ устья реки того же имени, оказалась 51° 3' N. Река Тыми от этого пункта течет на N и NNO; берега ее гористы, с каменноугольной формацией. Проехав по реке на N и NW около 15 верст, Н. К. Бошняк достиг селения Тифац-во, от которого река пошла к NNO;

по этому последнему направлению он проехал около семи верст и достиг реки и селения Итквер-во. На пути до него он проезжал озеро и речку Кад, впадающую в реку Тыми с правой стороны и лежащую в двух верстах от селения Тифац-во, и также речку Чид, впадающую в реку Тыми с той же стороны и лежащую от Када около девяти верст. Туземцы (ороки) селения Итквер объяснили ему, что русские жили около селения Чевор-во и что двое из них имели детей от кекгальских своих жен.

Из селения Итквер, на пространстве около 8 верст, река Тыми течет на N, а далее, на пространстве около 10 верст, на O. Правый берег ее горист и местами на нем попадает каменный уголь. Отсюда до реки Куичи, впадающей в реку Тыми с левой стороны, на пространстве около 10 верст, река довольно извилиста и имеет общее направление к N. От Куичи до селения Чхар-во, против которого лежит довольно возвышенный остров, имеющий около четырех верст длины, на пространстве около 15 верст река направляется к NtO. На этом пути, на расстоянии от Куичи в семи верстах, впадает в реку Тыми с левой стороны речка Иткар, при которой лежит селение того же имени. В 4 верстах от этой речки, с той же стороны, впадает в реку Тыми река Пачай.

В селении Чхар живут кекгальцы. Это селение довольно значительное и широта его, по наблюдениям Бошняка, оказалась 51° 28' N, а приблизительная долгота от С.-Петербурга около 142° 48' O.

В этом селении г. Бошняк остановился на сутки, чтобы хорошенько ознакомиться с жителями и расспросить их о русских. Казак Парфентьев, сопровождавший Бошняка, знал тунгусский язык и очень хорошо их понимал.

Туземцы продали здесь г-ну Бошняку, за три аршина китайки, четыре листа, вырванных из часовника, и объяснили, что жившие здесь русские имели книгу. Из числа этих листов один был заглавный, на котором едва разборчивым почерком было написано: *«Мы, Иван, Данила, Петр, Сергей и Василий, высажены в Аинском селении Тамари-Анива Хвостовым 17-го августа 1805 года; перешли на реку Тыми в 1810 году, в то время, когда пришли в Тамари японцы»*. Туземцы при этом объяснили, что японцы начали приходить на Сахалин сначала для ловли рыбы и для торговли, ныне же у них в главном селении острова Тамари-Анива и по другим селениям находится склады риса и арака, которыми они платят за работу аинам и что для охранения этих складов несколько японцев остаются на зимов-

¹ Орочены, или ороки, говорят тунгусским языком, с примесью гилякских слов. Между ними существует предание, что они тунгусы, перекочевавшие на Сахалин из Удского края; поэтому они считают себя подданными России.

ку в этих селениях. Впрочем, как эти туземцы, так и все народы, обитающие на Сахалине, никакой власти, ни китайской, ни японской, над собой не признают и ясака не платят. Точно так же туземцы рассказывали Бошняку, что очень давно пришли на остров и поселились на нем тунгусы с реки Уди; их называют здесь ороченами. Затем туземцы показали Бошняку места, где жили русские. Видно было, что они помещались в трех избах и что у них были огороды. При этом туземцы говорили, что последний из русских, Василий, умер недавно; что русские были хорошие люди и вместе с ними ходили на рыбный и звериный промыслы; одевались так же, как и они, но волосы стригли.

Осмотрев, таким, образом местожительство русских и убедившись, что наши соотечественники явились на Сахалин гораздо ранее японцев, г-н Бошняк, из селения Чхар, 3 марта 1852 года, отправился далее, вниз по реке Тыми. Проехав на NtO около 10 верст и на NW около 12 верст, он достиг села Мавах-во, миновал его и, следуя на NtO, чрез 12 верст достиг озера и селения Урванг. На этом пути в двух местах он видел на левом берегу реки каменный уголь, но уже в ничтожном количестве.

От селения Урванг до реки Вололо, впадающей в реку Тыми с правой стороны, на пространстве около 10 верст, река течет на NtN, а затем, до моря, на пространстве около 45-ти верст, на NNO.

Река Тыми впадает в залив Ный, загражденный с моря низменной песчаной кошкой, в виде продолговатого острова, тянущегося от NNW к SSO, на пространстве около одиннадцати миль. Остров этот туземцы называют Кетово; он составляет один из островов, которые в 1849 году я назвал шхерами Благополучия. Между этим островом и мысами залива — северным Люнг и южным Кетти — находится проход в море около $\frac{1}{4}$ мили шириной.

Восточный берег этого залива составляет низменную подошву возвышенностей, по которой около устья Тыми текут в залив три реки: Чемдынга, Ид и Венга. Между последними двумя, на возвышенном берегу, расположено селение кекгальцев Ный, состоящее из шести юрт. У северного же мыса Люнг, на острове Кетово — селение Такр-во, из трех юрт. Устье реки Тыми имеет ширину около одной мили; в нем находятся два низменных острова. По словам туземцев, на бере реки Тыми глубина около 3 футов, залив же Тыми местами имеет глубину под островом до 16 футов. Вообще этот залив мелководен и наполнен банками; ширина его около 4 миль, длина же около 10. Выход из него в море у мысов Люнг и Кетово имеет глубину от 10 до 8 футов. На всем пространстве около 85 миль,

обследованном г-ом Бошняком, река Тыми судходна; по словам туземцев, здесь нет ни порогов, ни шиверов; глубина ее от 25 до 5 футов; долина реки вообще увалистая, и только местами луговые низменные берега реки изобилуют хорошим строевым лесом лиственницы, ели и частью сосны; местами попадает кедр и тонкий дубняк. Долина эта с севера защищена возвышенностями.

В реке много различной рыбы. Все течение ее должно быть около 120 миль от SSW на NNO. Туземцы говорили Бошняку, что река Тыми самая большая из рек, орошающих остров Сахалин.

Жители этой реки, потомки удских тунгусов, ороки и кекгальцы, находятся в самом диком состоянии. Религия их, как можно было заметить, — шаманство в самом грубом виде. Они вообще добродушны и в этом отношении гораздо лучше гиляков. Жилища их грязны и почти такие же, как и у гиляков; питаются они рыбой, кореньями, ягодами и дичью. Общий промысел их звериный и рыбный; но самый прибыльный — ловля орлов, хвосты которых они сбывают японцам за рис и водку. Здесь довольно соболей, выдр и лисиц, но звери эти дурного качества. В заливе Ный, у туземцев, Бошняк видел много довольно изрядного янтаря, который, по словам их, находится в изобилии около восточного берега Сахалина. Из каменного угля они делают различных идолов в роде тех птиц или зверей, которые у них почитаются злыми; они часто их наказывают или топят и даже разбивают. Точно так же из каменного угля они делают пуговицы, но не употребляют его как топливо, хотя и знают, что он горит. Широта устья реки Тыми оказалась $51^{\circ} 56' N$, а приблизительная долгота — $143^{\circ} 20' O$.

Отсюда г-н Бошняк тем же путем, имея раны на ногах, совершенно изнуренный от усталости и голода, после трехнедельного странствования, возвратился в селение Мгач. Во время этого пути, 10 дней Бошняк питался только юколой (вяленой рыбой), брусникой и полутнилым тюленьим мясом, ибо провизия и чай у него вышли.

Из селения Мгач Бошняк, взяв свою нарту и Позвейна, поехал обратно, но мог добраться только до селения Тык, ибо почти все собаки у него околили. Провизии никакой уже не было, и они, питаясь юколой или нерпичьим жиром, отсюда на наемных нартах, едва живые, дотащались, наконец до Николаевска.

Все прибрежные туземцы острова Сахалина говорили г-ну Бошняку, что с ранней весной туда приходят иностранные суда, команды которых выходят часто на берег, берут насильно у них рыбу и делают различные бесчинства, а потому и просили Бошняка, чтобы мы их защищали от этих насилий.

Гиляки.
Гравюра XIX в.

Вслед за г-ном Бошняком, 9 апреля, прибыл в Петровское приказчик Березин и сообщил, что он вместе с топографом Поповым, следуя вверх по реке Амуру и производя глазомерную съемку правого берега реки и расторжку с гиляками и манджурами, достиг селения Аур (лежащего верстах в сорока от Кизи). Один из туземцев этого селения, Зайвор, взялся проводить их в залив Нангмар, куда они и прибыли 20-го марта. Залив в это время был покрыт льдом, на горизонте же, в море, к югу, льда не было видно. Туземцы, возвратившиеся в залив с тюленьего промысла, сказали Березину, что к югу от залива в море ходит судно. Дабы удостовериться в этом, Попов с трубой взобрался на гору и увидел к югу от залива, под парусами, большое судно.

Возвратившись из залива Нангмар в Кизи, чтобы ожидать там Чихачева, Березин послал навстречу Чихачеву топографа Попова. 26 марта, в селении Ода, Попов встретился с Чихачевым и, передав ему сведение об упомянутом судне, объяснил, что из селения Ода можно прямо достигнуть залива Нангмар. Чихачев, взяв про-

водника, поехал прямым путем в залив, а Попову велел скорее следовать в Кизи, взять от Березина сухарей, которые у него вышли, и прибыть к нему в залив Нангмар. Березину же, как возможно скорее, с этим известием и с его запиской спешить ко мне, в Петровское.

В заключение Березин сообщил мне, что в селении Сабах гиляки показывали ему обломок медного креста и при этом говорили, что недавно они ограбили и убили какого-то человека, который носил при себе этот крест.

В записке, написанной карандашом, Чихачев уведомлял меня, что по данным, полученным им от туземцев реки Гиринь и от встреченных им здесь манджуров, положительно можно заключить, что Хинганский, или Становой, хребет, из которого берут начало реки Уди, Тугур, Амгунь и Гиринь, есть тот самый хребет, из которого истекают реки Бурея и Зея, т. е. тот самый, который принят, по Трактату с Китаем, хребтом пограничным между Россией и Китайской империей. Хребет этот, по словам манджуров, перебрасываясь через реки Амур и Сунгари, около

160 верст от устья последней, тянется к югу до Японского моря и составляет водораздел рек Усури и Сунгари с Хургой. Все народы, живущие к востоку от него, ясака не платят. «На реку Амур и в Манджурию,— писал мне далее Чихачев,— являются какие-то люди, весьма к нам не расположенные. Убедительно прошу вас немедленно возвратить Березина с распоряжениями и провизией, которая у него почти вся вышла».

Получив это сведение, я 11-го апреля отправил к Чихачеву Березина с провизией и приказанием тщательно наблюдать над действиями иностранных судов и, в случае встречи с ними, объявлять и передавать им письменно, на французском языке, от имени российского правительства, что весь Приамурский и Приуссурийский края с Сахалином до корейской границы составляют русское владение, а потому всякие произвольные распоряжения в этих местах, без согласия русского правительства, не могут быть допускаемы и влекут за собой большую ответственность.

Березину я приказал спешить к Чихачеву и всеми возможными мерами ему содействовать. Кроме того, наблюдать над обстоятельствами, сопровождающими вскрытие реки Амура и озера Кизи, и собирать всевозможные сведения о крае. Вступая с инородцами селения Кизи в дружеские сношения, иметь в виду, что в этом селении должен быть основан склад наших запасов и пристанище для дальнейших наших действий.

По уходе Чихачева из залива Нангмар, Березину приказано было возвратиться в Петровское, следуя под правым берегом реки Амура и замечать местности, удобные к земледельческому заселению.

В то же время, именно 12-го апреля, был послан веновать в селение Ухтре лейтенант Бошняк. Ему приказано было: 1) наблюдать обстоятельства вскрытия реки и протоки, описать и промерить оную, а равно и озеро Ухдыль, из которого она выходит, и определить — не представляется ли здесь удобства для зимовки судов, устройства элинга и для оседлого земледельческого населения. 2) Исполнив это, на обратном пути следовать под левым берегом реки Амура и замечать на оном места, удобные для заселения.

Не надеясь получить в навигацию 1852 года какие-либо средства для сообщения по реке и наблюдения над иностранными судами, я 14-го апреля заложил в Петровском палубный ботик, 29 футов длины и 7 футов ширины и шестивесельный баркас, по составленным мной чертежам. При этом все внимание я обратил на то, чтобы суда эти к предстоящей навигации в Петровском, т. е. к 1-му июля, были готовы.

Между тем, 10-го апреля тунгусы привезли из Аяна вторую, и последнюю, зимнюю почту, по-

сланную из Аяна 28-го февраля. С этой почтой (от 26-го декабря 1851 года) я получил письмо от генерал-губернатора Н. Н. Муравьева, в котором он изъявлял полное сочувствие ко всем моим действиям и писал мне: 1) что из С.-Петербурга повелено входить мне в торговые договоры только с властями инородцев, обитающих близ устья реки Амура, но дальнейших каких-либо распоряжений, далее земли гилияков или окрестностей устья реки Амура, ни под каким видом не делать. 2) Что каменные пограничные столбы, найденные будто бы Мидендорфом на протяжении от Охотского моря до истоков реки Уди и далее к западу, по южному склону станового хребта, а также сведения, получаемые из Пекина, до сих пор служат убеждением, что граница наша с Китаем должна идти по этим знакам.

В заключение Н. Н. Муравьев уведомлял меня, что он вместе с сим же предписывает начальнику Аянского порта и камчатскому губернатору усердно содействовать экспедиции и приказать всем казенным и компанейским судам, следующим из Аяна в Петропавловск и Ситху, заходить в Петровское.

Начальник Аянского порта и фактории Российско-американской компании Кашеваров в то же время депешей от 26-го февраля уведомил меня, что главным правлением компании поручено ему смотреть на вверенную мне экспедицию, как на торговую экспедицию аянской фактории, почему и предписывает ему дать в этих видах Орлову, Березину и другим лицам, числящимся на службе в аянской фактории, надлежащие инструкции, как лицам, ему подчиненным. По снабжению же экспедиции товарами и запасами отнюдь не выходить из пределов той суммы, какая определена для этого правительством. Наконец, ни под каким видом и предложением не посылать с этими запасами и товарами в Петровское компанейских судов, имея в виду, что все это должно быть перевозимо туда на казенных.

Высказав мне эти распоряжения главного правления, г-н Кашеваров уведомляет меня, что он вместе с сим препровождает надлежащие инструкции и предписания Орлову и Березину, и в заключение говорит, что он, хотя и вполне сознает полную недостаточность снабжения экспедиции, согласно упомянутым распоряжениям компании, но как лицо, вполне подчиненное и зависимое от главного правления, не может иначе действовать.

Получив такое уведомление и имея в виду важность результатов сделанных уже исследований, несоответственность с обстоятельствами и полную ошибочность мнений в С.-Петербурге об этом крае, наконец, оскорбительные и несоответствующие важности дела распоряжения

главного правления компании, препятствующие успеху наших действий и могущие поставить экспедицию в самое критическое положение, угрожающее почти голодной смертью всем нам, я, с нарочным тунгусом, посланным из Петровского в Аян 15-го апреля, предписал, именем генерал-губернатора, начальнику Аянского порта Кашеварову, не стесняться распоряжениями главного правления компании и, смотря по возможности, на казенных или компанейских судах снабдить экспедицию благовременно товарами и запасами, согласно моему требованию, посланному 3-го ноября из Петровского. Вместе с тем, я просил его иметь в виду, что компания здесь, нечто иное, как поставщик товаров и запасов по моему требованию, как лица, действующего по высочайшему повелению, самостоятельно, для достижения важной государственной цели и что настоящая, вверенная мне экспедиция не есть та ничтожная торговая посылка из Аяна в Тугурский край для расторжки с обитающей там сотней инородцев, какая совершалась компанией из Аяна, ради ее выгоды, в 1848 и 1849 годах. «Господам Орлову и Березину, — сообщал я Кашеварову, — я не только приказал не исполнять Ваших распоряжений, но и не отвечать даже Вам на оные. О чем вместе с сим же доношу генерал-губернатору и депешей уведомляю главное правление компании. Депешу эту посылаю вам открытой, для прочтения. По получении конверта на имя генерал-губернатора, поручаю вам немедленно послать его с нарочным в Иркутск, а депешу отправить в главное правление. Сверх этого, прошу Вас, в случае следования через Аян на службу на Камчатку офицеров, прислать двух из них немедленно в Петровское».

В депеше главному правлению компании я писал следующее: «Получив ныне от г-на Кашеварова уведомление о распоряжениях, сделанных ему главным правлением компании, я нахожу их не только оскорбительными для лиц, служащих в экспедиции, но и несоответствующими тем важным государственным целям, к достижению которых стремится экспедиция. Распоряжения эти могут поставить нас в самое критическое положение, почему я вынужден был, как лицо ответственное здесь за все, дать вместе с сим же предложение г-ну Кашеварову, которое просил его сообщить главному правлению компании. Полагая, что подобное распоряжение правления, явно препятствующее к достижению упомянутой государственной цели, произошло от каких-либо недоумений или от неизвестности встречаемых здесь обстоятельств, я остаюсь уверенным, что после этого главное правление даст немедленное приказание г-ну Кашеварову в точности исполнять мои требования по снабжению экспедиции товарами и запасами».

Глава XV

Донесение генерал-губернатору 15 апреля 1852 года.—
Проявление цивилизации между гиляками.— Крещение их.—
Распространение огородничества между ними.—
Донесение Н. М. Чихачева.— Сведения, собранные им
о реках Амгунь и Гиринь и о народах, обитающих по берегам их.—
Южный Приамурский и Приуссурийский края,
по рассказам манджуров.

Генерал-губернатору я представил в подлинниках журналы исследования, произведенного Бошняком, записку г-на Чихачева и донесение Березина и объяснил важность результатов этих исследований и опасность, какая предстоит нам при появлении иностранных судов с юга и от миссионеров в Манджурии и Приамурском крае. Высказав ему, какое вредное влияние на команды производят слухи о населении русских беглых, и сообщив распоряжения главного правления Кашеварову, в заключение я писал ему так:

«Из этого, ваше превосходительство, изволите видеть всю неосновательность и фальшивость убеждений в С.-Петербурге о Приамурском и Уссурийском краях и острове Сахалине, которые, по изложенным данным, должны составлять не китайскую принадлежность, как то думают и настаивают в С.-Петербурге, а русскую. Полная несостоятельность с упомянутым обстоятельством данного мне повеления, повторяемого почти каждую почту, при ничтожных средствах, которыми располагает экспедиция, очевидна, а распоряжения главного правления могут поставить нас в самое критическое положение, которое повлечет за собой уничтожение экспедиции.

Поставленный здесь в такое положение, при котором вся нравственная ответственность за недостаток самостоятельности пала бы на меня, и соображаясь единственно с упомянутыми обстоятельствами, несмотря на то, что они несогласны с данной мне инструкцией и влекут за собой строжайшую ответственность, я решился действовать вне повелений. Мне предстояло и ныне предстоит одно из двух: или, действуя согласно инструкциям, потерять навсегда для России столь важные край, как Приамурский и Приуссурийский, или же действовать самостоятельно, приноравливаясь к местным обстоятельствам и несогласно с данными мне инструкциями. Я избрал последнее.

После этого я надеюсь, что, ввиду представляемых мной фактов, наконец обратят серьезное внимание на этот край и, согласно предыдущему представлению моему вашему превосходительству от 20-го февраля, получу надлежащие средства для экспедиции. Все мои просвещенные и неутомимые сотрудники одушевлены важной государственной целью экспедиции и с необыкновенной отвагой, бодростью и твердостью духа переносят все лишения, трудности и опасности при исследованиях и действиях, направляемых мной к уяснению положения края и к отстранению всяких внешних на него покушений, несмотря на то, что ничтожные средства экспедиции далеко этому не соответствуют».

Сделав, таким образом, все возможные распоряжения и представления об отстранении внешних покушений на этот край и о необходимости усилить экспедицию, мы принялись за изготовление к предстоящей навигации строившихся ботика и баркаса и за необходимую постройку зданий в Петровском и Николаевске.

Между тем один из гиляков с реки Амура, Накован, привез в Петровское свою молодую жену и просил, чтобы мы ее поддержали у себя, потому что гиляки селения Лянгр хотят ее украсть у него. Так как гиляки этого селения всегда отличались буйством и дерзостью, то я, пользуясь случаем, чтобы окончательно укротить их и вместе с тем положить предел подобным поступкам среди инородцев, послал разыскать виновных. Они вскоре были найдены и примерно наказаны. Жену гиляка Накована — Сакони, Екатерина Ивановна взяла под свое покровительство: ее вымыли, вычесали и нарядили в сарафан и белую рубашку. После этого гилячка Сакони немало была удивлена своей пригожестью и начала мыться и чесаться каждый день. Это послужило поводом к тому, что некоторые гилякские женщины начали являться в Петровское с просьбой, чтобы и их вымыли и одели. Надобно было видеть, с каким усердием матросы и их жены ставили этих гилячек у залива и отмывали дресвою наросшую грязь на их лицах. Зато с каким удовольствием эти нимфы смотрели потом на себя в подаренные им зеркалаца.

В то же время некоторые гиляки и другие инородцы, приехавшие в Петровское и Николаевское, которым удавалось присутствовать на нашей молитве, обращались с просьбой, чтобы их сделали лоча (т. е. окрестили). Пользуясь представленным нашей православной церковью правом каждому христианину, это желание их удовлетворялось: их купали в чане или заливе,

надевали крест и рубашку и дарили им платок. Состоявший в экспедиции доктор наш, г-н Орлов, обыкновенно совершал этот обряд крещения. Я или кто либо из офицеров были их крестными отцами. При этом не обошлось однако без спекуляции, свойственной дикому. Один из гиляков вторично явился, чтобы его окрестили, дабы получить другую рубашку и платок, рассчитывая, как он сознался, что его не узнают. Его действительно мы окрестили, но без рубашки и платка и не водою. После этого он называл себя крепко крещеным. Как бы то ни было, это желание инородцев креститься имело благотворное влияние на наши команды, ибо после этого они не смотрели уже на них, как на собак, которых можно бить; что при сношениях, несмотря на все принятые мной меры, могло бы иметь грустные последствия.

Один из более наблюдательных гиляков, по имени Паткен, живший в соседней с Петровским деревне, видя, что мы копаем землю, чтобы посадить картофель, и не умираем от этого, как инородцы до сего времени думали¹, обратился с просьбой, чтобы моя жена научила его жену сажать картофель и ходить за ним. Екатерина Ивановна скопала с женой Паткена маленькую грядку, посадила картофель и наблюдала, чтобы гилячка полола его и поливала. Надобно было видеть, с каким удовольствием семейство Паткена благодарило Екатерину Ивановну, когда и у них вырос картофель и когда все они остались здоровы и никто в деревне не умер от его употребления.

Залив Счастья в 1852 году, как и в предыдущие 1850 и 1851 годы, вскрылся от льда только к 14 июня, т. е. более чем месяцем после вскрытия устья реки Амура (которое вскрылось в этот год 9-го мая), и как в предыдущие годы, до 20-го июня наполнялся льдами с моря, так что только 22-го июня можно было спустить на воду ботик, командиром которого я назначил тогда мичмана Чихачева.

Так началось в неведомом доселе пустынном крае распространение святого крещения, цивилизации и судостроения.

20-го и 21-го июня прибыли в Петровское мичман Чихачев, лейтенант Бошняк и приказчик Березин. Они с большим трудом могли, на лодках, пробраться к этому времени между льдами, наполнявшими северную часть лимана и южную Охотского моря. Мичман Чихачев донес, что, достигнув реки Амгунь и лежащего в 15 верстах от устья ее селения Каур, он поехал вверх по реке на W; через 35 верст достиг селения Уду, а проехав от него около 20 верст, на устье реки

¹ По их понятиям, всякий копавший землю и сажавший в нее что-нибудь должен был сейчас же умереть.

Самма, впадающей в Амгунь с левой стороны, прибыл в селение нейдальцев Самма. Отсюда до селения Гуля, на пространстве около 30 верст, река идет на WtS $1/2$ W. От Гуля река Амгунь около 20 верст идет на SW и потом около 18 верст, до селения Хасан, направляется на WtS. От селения Хасан до селения Оха (около 30 верст) и затем на пространстве около 40 верст, до селения Хяла, она течет на SWtW. От селения Хяла до устья реки Нимелена, селения Чальбоко, река идет на WNW, с устья же Нимелена до селения Прей, на пространстве около 20 верст, — на SW, и потом, на таком же расстоянии, до селения Дульбико, река идет на S. После того, до селения Хинсля, на пространстве около 40 верст, до устья реки Амга, впадающей в Амгунь с левой стороны, и селения Самар, расположенного при этом устье, около 45 верст, река идет на SSW. Широта устья Нимелена оказалась $52^{\circ} 30' N$, а считаемая долгота — около $136^{\circ} 30' O$; широта же селения Самар $51^{\circ} 42' N$ и долгота $135^{\circ} 12' O$.

В этом месте река Амгунь подходит на самое близкое расстояние к реке Гиринь, а потому из селения Самар г-н Чихачев и начал переваливать с реки Амгунь на реку Гиринь, проехав всего по реке Амгунь около 320 верст.

Из селения Самар г-н Чихачев направился на SSO и, проехав по этому направлению около 30 верст, достиг селения самагиров Суми, лежащего на юго-западном берегу озера Самагиров. Из селения Суми до селения Сали, около 17 верст, он ехал по западному берегу озера на StO $1/2$ O, а отсюда, следуя по тому же направлению, через 30 верст достиг реки Гиринь и селения самагиров Гири. Широта этого пункта оказалась $51^{\circ} 2' N$, долгота — $135^{\circ} 38' O$. Между рекой Амгунь, озером Самагиров и рекой Гиринь он переваливал через невысокие отроги гор, отделяющих долину реки Амгунь от долины реки Гиринь.

Отсюда г-н Чихачев начал спускаться вниз по реке Гиринь. Между селениями Гири и Ныка, на пространстве около 30 верст, река течет на WtS, от селения же Ныка до селения Бика, на пространстве около 25 верст и затем до селения Бирзе, на пространстве около 50 верст, река имеет направление OtS $1/2$ O. От селения Бирзе до устья, при котором на реке Амуре расположено селение Бичу, река имеет направление SOTO. Широта устья Гиринь оказалась $50^{\circ} 44' N$, долгота около $137^{\circ} 50' O$.

С устья реки Гиринь Чихачев перевалил на правый берег реки Амура, в селение Сусу. Широта реки Амура в этом месте около 12 верст, и тут она имеет много островов. От селения Сусу Чихачев начал спускаться по реке Амуре, под правым ее берегом, и на пространстве около 100 верст ехал по реке Амуре на NNO.

На этом пути он проезжал селения гольдов: Чуля — в 15 верстах от Сусу, Ади — в 20 верстах от Чуля, Писуа — в 25 верстах от Чуля, Добги — в 15 верстах от Писуа и, наконец, Кавунда — около 25 верст от Писуа.

С Кавунда начинаются поселения мангунов и нейдальцев, и река принимает направление на NOtO. Широта селения Кавунда оказалась $51^{\circ} 32'$, долгота $139^{\circ} 10'$. Следуя на NOtN по правому берегу реки и проехав около 30 верст, Чихачев достиг селения Гирда и затем, через 35 верст, селения Оди, в котором 26-го марта встретился с топографом Поповым. Взяв в этом селении проводника, он поехал к западу, вдоль подошвы гор, окружающих с юга озеро Кизи, и перевалил через небольшую возвышенность. 28-го марта он достиг залива Нангмар. Расстояние от селения Оди до залива Нангмар, по направлению WtS $1/2$ W, около 55 верст.

Таким образом г-н Чихачев проехал на собаках:

а) от устья реки Амгунь до перевала с этой реки на реку Гиринь	около 315 верст
б) Перевалил с реки Амгунь до реки Гиринь	» 75 »
в) По реке Гиринь до ее устья	» 105 »
г) По реке Амуре до села Оди	» 165 »
д) Из Оди до залива Нангмар	» 55 »

А всего этим путем до 715 верст

Господин Чихачев был первый из русских, проехавший так далеко по рекам Амгунь и Гиринь и обследовавший эти неизвестные места. Он первый дал нам понятие об этих довольно значительных реках.

Путь его был сопряжен с большими затруднениями и лишениями, ибо народы, обитавшие в этих местах, были совершенно неизвестны, а собаки утомлялись и весьма часто приходилось Чихачеву делать переходы пешком, влача за собою нарту и буквально до колена идти по воде. Провизия вся вышла еще на реке Гиринь, так что более восьми дней, до селения Оди, где он взял сухарей и чаю от Попова, г-н Чихачев питался юколой, ягодами и нерпичьим жиром.

С селения Каур (15 верст от устья) по реке Амгунь обитают нейдальцы. Этот народ говорит тем же языком, как и тунгусы; он вообще смирен, ласков и гостеприимен, и в особенности предан русским, потому что постоянно имеет сношение с нашими тунгусами. В селениях Чальбано и Дульбико он нашел семь человек окрестившихся на Бурукане нейдальцев, которые немного понимали по-русски. До селения Хало правый берег реки вообще возвышенный и частью гористый, в этом же селении более возвышенный берег левый. По берегу реки много прекрасного строе-

вого леса — хвойного и лиственного: тут растет ель, кедр, сосна, лиственница, береза, тополь и осина. От селения Хало и Дульбико инородцы ездят на большое озеро, лежащее около 25 верст от реки Амгунь к С. Это озеро называется по названию инородцев, обитающих на его берегах, озером Чикчагиров.

Перевал из селения Самар, с реки Амгунь до озера Самагиров, почти ровный, покрытый превосходным строевым лесом, преимущественно кедром; там есть кедровые деревья в 1 $\frac{1}{2}$ и 2 обхвата. Озеро Самагиров довольно большое и глубокое, берега его большей частью возвышенны и покрыты строевым лесом. Жители селения Самагиров и далее вверх по реке Амгунь, а равно и инородцы, обитающие на этом озере и по реке Гиринь, до селения Вирзе, называются самагирами. Вообще озера Чикчагиров и Самагиров заслуживают особого исследования.

Берега реки Гиринь большей частью возвышены и покрыты прекрасным строевым лесом, в особенности кедром и елью; местами попадает тонкий дубовый лес.

В селении Гири Н. М. Чихачев встретил купцов-манджуров, прибывших сюда с реки Сунгари, как для торгова с самагирами, так равно и для собрания долгов. В видах сближения с этими манджурами, под предлогом утомления собак, он остановился здесь на три дня и завел с ними знакомство. Манджуры во все время были с ним ласковы и обходительны.

Имея в сопровождавшем его тунгусе Афанасии хорошего толмача, он свободно вел разговор с манджурами и объяснил им, что послан в Искай (залив Счастья), где находятся русские, для наблюдения над устьем реки Амура, для ознакомления с краем и, наконец, для торговли с ними.

Сначала Н. М. Чихачев завел с манджурами разговор о торговле. Они изъявили желание вступить с нами в торговые сношения, но при этом просили, чтобы склады наших товаров были как можно ближе к устью реки Сунгари и ни-

Гилякская женщина с ребенком.

Гравюра XIX в.

как не далее селения Кизи; объясняли ему те товары, которые им нужны, и сказали, что спускаться им по реке Амуру в эти места вообще запрещено. Так как торговля наша с ними могла быть только меновая, то они поименовали Чихачеву все, что могут доставлять нам из городов Сензина и Гирина (на реке Сунгари) и города Нангуты, на реке Хурге, впадающей в реку Сунгару, у Сензина.

На вопросы манджуров, делаемые Н. М. Чихачевым о положении края, они сообщили:

а) что Манджурия и Даурия, составляющие крайние китайские провинции на северо-востоке, простираются только до Хинганского хребта, из которого берут начало значительные реки: Зея, Бурей, Уссури, Гиринь, Бича и Амгунь.

б) Что этот Хинганский хребет служит на юге водоразделом между реками Сунгари с Хургой и рекой Уссури. Что он, перебрасываясь выше устья реки Сунгари, через реку Амур, и затем, не доходя Сензина, через реку Сунгари, направляется к корейским горам к югу до Японского моря.

в) Что все инородцы, обитающие от этого хребта до моря, ясака не платят, так как страна эта признается Китаем в неопределенном положении (т. е., как выражали манджуры, как бы не китайской и не вашей), потому что, говорили они, давно были заключены русскими с Китаем какие-то условия.

г) Что все инородцы здешних мест находятся в самом диком состоянии и что ничего другого ожидать нельзя от народа без всякого управления, не признающего над собой никакой власти,— народа, для которого рыба и собаки составляют все насущные потребности.

д) Что в последнее время на Сунгари и в этом крае является довольно иностранных людей (миссионеров), которые, как слышно, доставляют о крае сведения своим судам, весьма часто появляющимся у берегов этого края. Эти люди являются сюда в различных видах: какими-то толкователями (проповедниками), колдунами и шаманами и иногда называют себя русскими. Носят они постоянно туземную одежду и где только возможно, стараются внушить, как туземцам, так и некоторым из нас, манджуров, злонамеренность к русским. Так, например, говорит Чихачев, по приезде моем на устье реки Гиринь, был распушен слух, что все русские товары отравлены и что первый манджур, который наденет кофту из нашего сукна, купленного на реке Амуре, иссохнет и что будто бы при проезде русских чрез деревню непременно умрет кто-либо из туземцев этой деревни. Наконец, манджуры рассказывали Н. М. Чихачеву, что один из подобных людей поселился было в горах, на реке Сунгари. На вопрос манджуров, кто он и зачем живет тут, иностранец отвечал, что он будто бы какое-то высшее существо, которому все должны поклоняться. Этот ответ стоил, однако, ему жизни.

При всех подобных рассказах манджуры извляли удивление, почему русские не обращают на этот край должного внимания, и с ужасом говорили ему о действиях иностранных судов, плавающих к берегам Китая и у берегов этого края и достигающих ныне даже залива Нангмар.

Манджуры при этом вообще со страхом объявляли Чихачеву, что иностранцы легко могут занять этот край, и спрашивали: «Неужели обо всем этом не знает ваш начальник на Искай, который, как мы слышали, недавно туда прибыл».

Все инородцы рек Амгунь и Гиринь, а равно и озера Самагиров объяснили Н. М. Чихачеву, что реки Амгунь, Гиринь, Бурей, Тутур и Уди выходят из одного Хинганского хребта и что из селения Самагир по реке Амгунь и по притоку ее, реке Ама, до подошвы этого хребта, можно доехать на собаках в два дня, а с реки Гиринь, от селения Гири,— в четыре или пять дней и, наконец, что они слышали, что около реки Амура есть дурные русские, которые подстрекают инородцев, чтобы нас убить.

Донесение свое Н. М. Чихачев кончает следующими строками:

«Окончив таким образом первую часть данных мне приказаний и получив из селения Оди, от топографа Попова, важное сведение о подходе к заливу Нангмар иностранном судне, я сейчас же возвратил Попова в Кизи с приказанием Березину немедленно следовать с этим известием в Петровское и оттуда, с вашими распоряжениями, поспешить прибыть ко мне обратно, в залив Нангмар; сам же, взяв из селения Оди проводника, отправился в залив Нангмар. Прибыв туда, я нашел его покрытым сплошным льдом. Море к югу от залива было чисто, и на горизонте было видно под парусами двухмачтовое судно, лавировавшее к северу. Я начал тщательно наблюдать за этим судном, а прибывшему из Кизи в залив Нангмар топографу Попову приказал производить береговую съемку залива.

По очертанию берега и по определенной мной широте, я увидел, что это тот самый залив, который Лаперуз назвал заливом де-Кастри. При осмотре берегов его мы нашли на скале высеченную фамилию Лаперуза, а у одного из туземцев этого залива, мангуна селения Нангмар, расположенного при реке того же имени, впадающей в западную мелководную бухту залива, нашли зеркальце, на рамке которого вырезано: 1787 год, *Лаперуз*.

Между тем судно приближалось ко входу в залив и все более и более стало походить на военную шхуну-бриг. Казалось, что оно выжидало очищения залива ото льда, чтобы войти в оный; но не дождалось этого и направилось к югу, вдоль берега. Судя по его движениям, можно было предполагать, что оно производило опись берега.

Туземцы залива де-Кастри и инородцы, обитавшие по берегу этого залива и к югу, наконец, туземцы, прибывшие с озера Кизи и реки Амура

для ловли тюленей, рассказывали мне, что шлюпки с подобных судов бывают на берегу и знаками, а иногда и через переводчиков, объясняют им, чтобы они селиться русским здесь не позволяли, ибо, говорят они, только что русские у вас поселятся и укрепятся, то всех вас истребят».

Окончив опись залива и приказав Попову тщательно наблюдать за иностранными судами, г-н Чихачев пошел с тунгусом по прямому пути на озеро Кизи, навстречу Березину, с целью получить скорее сведения из Петровского и провизию, которая у них вся вышла, а вместе с тем обследовать перевал из залива на озеро и вообще путь до селения Кизи. В это время в лесу, а равно и по берегу озера, было еще много снега, а потому они едва могли пробираться на нарте, на собаках. Перевал из залива на озеро оказался около 18 верст; он шел чрез небольшую возвышенность.

Не доезжая 30 верст до селения Кизи, Н. М. Чихачев встретил в полном смысле распутицу и почти непроходимую грязь. Половина собак из его нарты околела, а потому он вынужден был оставить нарту с тунгусом, а сам с котомкой на плечах, по грязи почти до колена, пробираться в Кизи. Не доходя этого селения около 25 верст, он встретил на нарте Березина, шедшего к нему из де-Кастри с провизией и приказаниями. Н. М. Чихачев возвратил Березина в Кизи, а сам с тунгусом поехал, или, лучше сказать, пошел пешком обратно в Кастри. Собаки Березина едва могли тащить нарту с несколькими сухарями и чаем. 3-го мая, с большими трудами, Чихачев достиг залива, который 28-го апреля уже вскрылся ото льда и к 1-му мая был совершенно чист от него.

Глава XVI

Путешествие Чихачева из залива де-Кастри в Петровское. —
Донесение Бошняка о протоке Уй. — Реки Биджи и Пильду. —
Обследование протока и озера Кизи. — Донесение Березина
о пути по Амуру. — Съёмка топографа Попова. —
Результат исследований г-д Бошняка, Чихачева,
Березина, Попова и Воронина. — Прибытие корвета «Оливуца». —
Донесение начальника Николаевского поста.

Вскоре после прибытия Чихачева пришла в залив шлюпка с несколькими туземцами с южного побережья. Они сообщили, что в 8 дней пути, при тихой погоде, на лодке можно достигнуть огромного закрытого залива, вроде озера Хаджи, а далее к югу есть много заливов, которые почти всегда бывают открыты. Недостаток в продовольствии не позволил Н. М. Чихачеву проследовать в залив Хаджи, однако он добился от туземцев подробных сведений о нем, по которым можно заключить, что залив Хаджи представляет обширную и превосходную гавань.

Туземцы брались провожать его в этот залив, когда он захочет, и говорили, что оттуда по рекам Тыми и Хунгари они ездят на реку Амур, в селения Кизи и Хунгар.

Окончив осмотр залива де-Кастри, Н. М. Чихачев передал одному из смысленных туземцев объявление на французском языке о принадлежности этих мест России и приказал ему показывать эту бумагу могущим прибыть сюда иностранным судам. Затем, на приобретенной лодке, отправился вдоль берега к лиману реки Амура.

Следуя с тунгусом и топографом вдоль Татарского берега, он вскоре достиг небольшого низменного разлога между горами. По прорубленной в этом месте туземцами, устланной жердями просеке, имеющей ширину до одной сажени и длину до 2 ¹/₂ верст, туземцы перетаскивают свои лодки с реки Тоби, впадающей в озеро Кизи. Миновав эту просеку, он на реке Тоби встретил на лодке двух нейдальцев из Кизи, которые сообщили ему, что по этому озеру и по Тоби, до перевала, могут ходить большие лодки. Ширина этого перевала оказалась 51° 39' N.

Отсюда Н. М. Чихачев отправился далее, вдоль скалистого берега к Н. Вскоре северным ветром начало нагонять льды, которыми прижимало их лодку к берегу, так что после 5-дневного между льдами плавания лодку окончательно загнало льдами в бухточку, находящуюся около мыса Сущева; едва-едва они не погибли. Вытащив здесь лодку на берег, они ожидали благоприятных обстоятельств, но засвежевший NO ветер нанес еще более льду в бухту. Запас сухарей весь истощился, несмотря на то, что они употребляли их в малых порциях. Н. М. Чихачев решился бросить здесь лодку и, взяв с собой оставшиеся несколько фунтов сухарей, инструменты и карты, отправился до первого ближайшего селения пешком, через леса и горы. Перейдя два огромных хребта, они вышли в бухту, совершенно изнуренные и разбитые и, к общей радости, увидели, что лед сильным штормом разбило, так что можно было снова продолжать плавание. С большой опасностью, по льду, под скалами, около моря, они достигли своей шлюпки и, спустив ее на воду, пошли на ней к северу вдоль берега. 16-го мая им посчастливилось войти в Амурский лиман. Говорю посчастливилось, потому что провизии у них окончательно ничего не было. В лимане они пристали к первой деревне Чеме, ничего не евши сутки, где, пробыв двое суток, отдыхали и утоляли голод юколой и нерпой. Затем, питаясь две недели подобной же пищей, они достигли мыса Тебах, откуда увидели всю северную часть лимана, затертую льдами. Между этими льдами они начали пробираться в Петровское.

Лейтенант Бошняк о своей командировке донес, что 24-го апреля, прибыв в селение Ухтрэ и остановившись у мангуна Чильгуна, он там остался вносить. Туземцы оказывали ему внимание и расположение, и на расспросы его о Хинганском хребте и о положении края они сообщили то же самое, что говорили Чихачеву и Березину, и просили, чтобы мы у них поселились.

Ширина селения Ухтрэ, по наблюдениям полуденной высоты солнца, оказалась $52^{\circ} 29' N$. Река Амур у этого селения начала вскрываться ото льда 7-го мая. Лед шел по реке трое суток, напирал большими массами на мыс, на котором расположено это селение, и часто заходил в устье протоки Уй, соединяющей озеро Ухдыль с рекой Амуром. Вода возвышалась при этом до 10 футов, так что покрывала всю низменную часть мыса и берега протоки у ее устья. По этой причине здесь и не представлялось удобства для основания элинга и селения.

Когда вода спала, 18-го мая Н. К. Бошняк приступил к описанию и промеру протоки Уй и озера Ухдыль. Первая течет по направлению от SW на NO и имеет длину 27 верст; ширина ее от 20

до 40 сажен, а глубина от селения Ухтрэ, у устья протоки, до селения Пяхта, лежащего на правом берегу ее, от 22 до 36 футов. От селения Пяхту до истока ее из озера Ухдыль глубина от 22 до 10 футов. Из протоки Уй в реку Амур ведут три естественных канала. Первый, самый глубокий, немного выше селения Ухтрэ, имеет ширину от 8 до 10 сажен, а самую малую глубину — 10 футов. Второй канал против селения Пуль, лежащего на правом берегу реки Амура, имеет глубину до 12 футов, а третий, у селения Коим, имеет глубину до 10 футов. Глубина фарватера реки Амура около этих мест 15 сажен. Правый берег протоки Уй более приглубый и возвышенный, нежели левый, южный, и оба берега луговые; только около селения Пяхту на левом, северном берегу растет лес. На расстоянии около 10 верст от этого берега идут горы, покрытые прекрасным строевым лесом.

Берег около селения Пяхту, на пространстве около 10 верст, возвышенный и при прибылой воде никогда не затопляется, остальная же часть, а также весь южный, — затопляется водой. Местность около селения Пяхту весьма удобна как для поселения, так равно и для основания элинга.

Озеро Ухдыль имеет общее направление от WSW на ONO и тянется на расстояние около 50 верст. Северный берег озера приглубый, возвышенный и частью скалистый, южный же низменный, отмелый, тундристый и болотистый. На северном возвышенном берегу много строевого леса, как то: ели, кедра и частью сосны, а на юго-западной его стороне находится большой залив, в который впадают две значительные реки, берущие начало из хребтов Биджи и Пильду. Ширина этого залива по параллели 8 верст, а длина по меридиану около 18 верст; глубина его от 5 до 15 футов. На бере река Пильду имеет глубину 3 фута, а река Биджи до 4-х. В этом заливе лежат два острова: один низменный против устья Пильду (в двух верстах), около пяти верст в окружности, а другой скалистый, поросший лесом и возвышенный, против устья Биджи; последний имеет в окружности около 4-х верст и находится в $1 \frac{1}{2}$ верстах от устья этой реки.

Река Биджи, по словам туземцев, гораздо более реки Пильду. Обе они при устьях имеют возвышенные гористые берега и впадают в озеро с западной стороны. Расстояние между их устьями около 5 верст. При устье Пильду, впадающей в озеро южнее Биджи, находится селение Курчи. Ширина его, а вместе с тем и самая южная часть озера, $52^{\circ} 6' N$, а счислимая долгота около $138^{\circ} 55' O$. По словам туземцев, на возвышенных и вообще гористых берегах обеих этих рек находится большое количество прекрасного строевого и корабельного леса. Некоторые

деревья, по словам туземцев, от 1 $\frac{1}{2}$ до 2-х обхватов толщиной. Река Пильду течет от WSW, а река Биджи от W.

От селения Курчи, на StW, в 35 верстах, на северном берегу озера, при речке Ухдыль, находится селение того же имени. Оно составляет самый северный пункт озера; широта его 52° 26', а считаемая долгота около 139° 5'. На NOtO от него, на расстоянии около 30 верст, на южном берегу озера, лежит селение Ныни, от которого до селения Тази, лежащего у истока протоки, или канала Уй, около 35 верст по направлению NOtN.

На южном берегу озера, на расстоянии от селения Тази около 4 верст, находится небольшой мелководный залив (до 2 футов глубины), шириной до 5 верст и длиной до 7 верст. В этот залив с южной стороны впадают две незначительные речки, Сальги и Гильба, берущие начало из гор. Глубина озера под северным гористым его берегом от 30 до 20 футов, но она постоянно уменьшается к южному низменному берегу его, так около этого берега всего от четырех до одного фута. При истоке из озера протоки Уй оно имеет от 8 до 7 футов глубины, а южная часть его усеяна банками и отмелями; в северной части, напротив, нет ни одной банки и мели.

Окончив, таким образом, описание и промер озера Ухдыль и протоки Уй, 30-го мая Н. К. Бошняк отправился в селение для содействия Березину, который там заболел. Прибыв туда 5-го июня, он до 12-го числа сделал промер протоки Кизи и части озера, при впадении этой протоки. Глубина там оказалась от 18 до 26 футов. Из протоки в озеро идет извилистый канал, глубина которого от 8 до 12 футов, глубина же озера от 30 до 15 футов.

Из Кизи г-н Бошняк спустился по реке Амуру к Ухтрэ, а отсюда, следуя на NtW по главному фарватеру реки Амура и придерживаясь левого берега ее, к устью реки Амгунь. Он, таким образом, миновал селение Тлям и через 55 верст достиг селения Отыку, лежащего при устье мелководной протоки и при таком же озере (около 10 верст в окружности). От этого селения до устья реки Амгунь около 15 верст. Весь этот берег луговой, низменный и в большую воду затопляющийся. На нем Н. К. Бошняк не заметил ни одного места, удобного к заселению. К западу от него, около 20 верст, видны были горы. Глубина фарватера реки Амура на пространстве от Кизи до устья Амгуни от 8 до 12 сажен, а местами 15 сажен. Река усеяна низменными, луговыми островами и имеет ширину от 8 до 20 верст. С устья реки Амгунь Н. К. Бошняк отправился прямо в Николаевск, куда и прибыл 18-го июня.

В заключение своего донесения от 14-го июня 1852 года Николай Константинович пишет,

что, судя по всему слышанному им от туземцев и манджуров из Сензина, оказывается: а) чтобы иметь влияние в этот край, необходимо нам поселиться на Амуре, как можно ближе к устью реки Уссури; б) надобно принять энергические меры для уничтожения распространяемых о нас вредных слухов как беглыми русскими, так и появляющимися здесь миссионерами и некоторыми манджурами; в) нет никакого сомнения в том, что на берегу Татарского залива, к югу от залива де-Кастри, находится несколько закрытых бухт и что туземцы с рек Амура и Уссури посещают эти бухты, достигая их внутренним путем; г) точно так же нет никакого сомнения и в том, что иностранные суда все чаще и чаще посещают ныне Татарский залив; д) что реки Биджи и Пильду заслуживают особенного внимания, ибо берега оных изобилуют огромным количеством леса, который удобно сплавлять в реку Амур.

Приказчик Березин от 26-го июня донес мне, что до селения Тыр он доехал скоро и благополучно, отсюда же едва, с помощью туземцев, мог дотащиться по льду, или лучше сказать по воде, до селения Аура. От этого селения до Кизи он ехал берегом по грязи и на пути в де-Кастри встретил Н. М. Чихачева, шедшего пешком с котомкой на плечах и совершенно изнуренного. Отсюда он довез Чихачева до оставленной им нарты, отдал ему свою и снабдил его провизией, а сам на нарте Чихачева возвратился в Кизи, где занялся расторжкой с гиляками и мангунами и наблюдением за вскрытием Амура, протоки и озера Кизи.

Главный фарватер реки Амура, идущий под левым берегом, начал вскрываться 2-го мая, протока Кизи очистилась 4-го мая, а озеро Кизи 12-го. Вскрытие это совершилось при подъеме воды на 8 футов, весьма тихо, в особенности в протоке Кизи. В озере лед исчез на месте. Весна, или лучше сказать лето, настало здесь как бы мгновенно. 6-го мая все было покрыто зеленью.

Местности у селений Кизи и Котово представляются во всех отношениях удобными для заселения. Против селения Кизи река Амур наполнена целым архипелагом островов, из которых один, лежащий около 1 $\frac{1}{2}$ версты от Кизи, горист, возвышен и покрыт дубовыми и березовыми рощами, прочие же луговые и большей частью низменные. Против Кизи река Амур так широка, что горы противоположного левого берега едва видны. Березин, несмотря на закаленную натуру, захворал в Кизи от изнурительного путешествия по воде и грязи. У него сделалась лихорадка и заболела нога, так что он несколько дней не мог двигаться и производить промера. Последний сделан был Николаем Константино-

Утес Тырь на Амуре.
Гравюра XIX в.

вичем Бошняком. В селении Кизи Березин стоял в юрте мангуна Ганкина; этот мангун, а равно и все жители как этого селения, так и соседственного с ним — Котово, лежащего в двух верстах от Кизи, во время болезни Березина показали свою доброту и радушие. Они ухаживали за ним, прикладывали к его больной ноге какие-то травы, заговаривали воду и давали Березину пить ее. Кроме того, они потчевали его просом, выучились заваривать чай и варить для него уху из свежей рыбы: окуней, карасей и осетров, которых там было в изобилии. Жители этих селений просили Березина, чтобы русские поселились у них. Через них он имел сообщение с Н. М. Чихачевым в заливе де-Кастри и посылал с ними к Чихачеву сухари и просо; они же дали знать о болезни Березина Бошняку, в селение Ухтрэ. Всего замечательнее в этих людях то, что они не хотели принимать от Березина никакого вознаграждения, объясняя, что когда человек болен, то всякий обязан ему помогать и кто возьмет за это плату, тот, по их понятиям, должен сейчас же умереть. Поправившись от болезни, Березин, на приобретенной им лодке, поплыл обратно в Петровское. На пути все инородцы принимали его радушно.

Топограф Попов донес мне, что, следуя вверх по реке Амуру с Березиным, для соединения с Н. М. Чихачевым, он от селения Тырь¹ производил глазомерную съемку правого берега реки Амура до селения Кизи, положение которого таково: от мыса и селения Тырь до селения Тыми, на пространстве 20 верст, правый берег идет по параллели, от селения же Тыми до возвышенного скалистого мыса Аура, на пространстве около 90 верст, этот берег идет по меридиану. От этого селения до мыса Аура по берегу реки расположены следующие селения: Чальмок — в 10 верстах от Тыми, Пат — в 20 верстах от Чальмока, Хоре — в 15 верстах от Пата, Тенча — в 10 верстах от Хоре, Пуль — в 8 верстах от Тенча, Коим — в 5 верстах от Пуля, Манзи — в 5 верстах от Коима, Дире — в 6 верстах от Манзи и Аура — в 10. Местность между селениями Пат и Хоре и между Манзи и Дире удобна для земледельческого заселения. Из селения Тенча, через небольшой хребет, гиляки ходят в лиман, в селение Чеме, лежащее в 20 верстах от мыса Лазарева. Этим путем от Тенча до Чеме около 70 верст. От селения и мыса Аура правый берег до Кизи, около 40 верст, низменный и направляется от SSO к NNW. Здесь два селения: Каби по середине пути и Уди — в 5 верстах от Кизи.

¹ Против устья реки Амгунь.

Результаты всех упомянутых исследований весьма важны; они обнаружили: 1) что на обладание островом Сахалином сохраняется право за Россией. 2) Что залив де-Кастри представляет ближайший к лиману рейд в Татарском заливе. 3) Что определение вершин рек Амгуни и Гирини может указать окончательно, что, по смыслу 1-го пункта Нерчинского трактата 1689 года, Приамурский и Приуссурийский края, до моря, должны составлять принадлежность России. 4) Что на побережье Татарского залива находятся закрытые бухты, более или менее связанные с реками Амуром и Уссури. Из вышесказанного очевидно, что для дальнейшего исследования края, в видах окончательного разрешения весьма важного морского вопроса, а равно и для уничтожения вредных для нас слухов, необходимо было бы основать следующие посты: на вершинах рек Гирини, Амгуни и Амура, в селениях Кизи и Хунгари, на устье Уссури, в протоке Вияхту, на Сахалине и на матером берегу, в заливе де-Кастри, кроме того, по крайней мере, в двух бухтах к югу от этого залива, ибо, оставаясь исключительно в Николаевске, ввиду чаще и чаще появлявшихся иностранных судов в Татарском заливе, наблюдение за ними невозможно, а без этого описываемый край может быть навсегда потерян для России. В этих видах я и решился действовать к достижению сейчас упомянутых целей и потому отправил мичмана Чихачева на ботике и баркасе в Николаевск с продовольствием и запасами, как для обеспечения этого поста, так равно и для снабжения предположенной отправить из Николаевска, вверх по Амуру, экспедиции.

Между тем 18-го июля пришел на Петровский рейд корвет «Оливуца»; это было первое наше военное судно, посетившее Петровское. На нем находились мичманы Петров и Разградский, назначенные на службу в Петропавловск. Командир корвета, лейтенант Лихачев¹, представляя мне бумаги от Завойко, Кашеварова, от главного правления Русско-американской компании и от генерал-губернатора Н. Н. Муравьева, донес, что ему строго приказано быть в Петропавловске никак не позже 1-го августа и что он для экспедиции ничего не привез.

В то же самое время начальник Николаевского поста Н. К. Бошняк донес мне: 1) что в ночь с 15-го на 16-е июля пять матросов на вельботе неизвестно куда скрылись из поста. 2) Что в команде все более и более стали поговаривать о том, что будто бы манджуры скоро всех нас вырежут. 3) Что принимаемые им меры к отысканию скрывшихся людей остаются тщетными.

Некоторые из туземцев говорят, что они проплыли в лиман, а другие, напротив, утверждают, что беглецы ушли вверх по реке. Шлюпки у Чихачева никакой не было, да и посылать из команды было некого, ибо там оставалось всего 15 человек, из которых четверо больные. Команда показала на допросе, что скрывшиеся люди неоднократно бегали и из Охотска.

Камчатский губернатор Завойко писал мне от 2-го июня: «По неимению судов в Петропавловске, корвет должен быть возвращен немедленно, а казенное довольствие в экспедицию будет доставлено осенью на боте «Кадык», который прежде этого должен развести это довольствие в Гяжигу и Тигиль. Казенных судов в Петровское более не будет».

Главное правление Русско-американской компании, в ответ на депешу мою, посланную 2-го ноября 1851 года, пишет мне от 1-го марта 1852 года: «Распространение круга действия экспедиции за пределы высочайшего повеления не сходствует намерениям главного правления, тем более что убытки, понесенные компанией по случаю затонувшего барка «Шелехов», простирающиеся до 36 000 рублей, вместе с отправленными в 1851 году товарами, достигли уже до 59 000 рублей, т. е. суммы, определенной на экспедицию до 1854 года. Поэтому представление ваше об увеличении средств экспедиции товарами и жизненными запасами правление не признает ныне своевременным, впредь до получения от торговли прибылей, могущих покрыть издержки компании. Но, однако, останавливаясь ныне исполнением ваших требований, главное правление представляет оное на благоусмотрение генерал-губернатора».

Генерал-губернатор Н. Н. Муравьев, от 4-го марта 1851 года, в ответ на рапорт мой от 3-го ноября 1851 года пишет:

«Относительно увеличения средств экспедиции от Русско-американской компании, согласно вашим требованиям от 2-го ноября 1851 года, паровым баркасом, катером и различного рода запасами и товарами, я вместе с сим же предлагаю главному правлению компании, не стесняясь определенной на экспедицию суммой, исполнить оное. Что же касается до присылки собственно для экспедиции парового судна из Кронштадта, то я отнесся уже с просьбой к начальнику Главного морского штаба и с этой же почтой предлагаю к точному исполнению начальнику Аянского порта Кашеварову исполнять

¹ Лейтенант Лихачев заменил достойного командира корвета И. Н. Сушева, утонувшего в Петропавловске.

Шаман и шаманка.
Литогрфия.
Начало XX в.

Одежда шамана сибиряка.

Маска духа.
Аляска.
Ок. 1880 г.

Фрагмент орнамента
на одежде нанайского
шамана (юбка).
Начало XX в.

Сибирский шаман.
Гравюра. Начало XX в.

Оленьи тунгусы

ваши требования и отправлять в Петровское зимовье товары, запасы и прочее и на компанейских судах, следующих из Аяна в Ситху».

На рапорт мой от 20-го февраля 1852 года генерал-губернатор от 19-го апреля 1852 года пишет:

«О присылке в экспедицию людей из Охотска, 50 человек хорошего поведения, я сделал распоряжение камчатскому губернатору; прислать же при них двух офицеров не имею возможности, ибо в них ощущается недостаток в Камчатке. Что же касается до испрашиваемого вами от меня разрешения о командировании офицера для проверки слухов о поселившихся около устья Сунгари беглых русских и об исследовании реки Уссури и перехода с этой реки к заливу на татарском берегу, исследования этого берега и, наконец, занятия селения Кизи, то так как все эти места лежат за пределами земли гиляков, то я, ввиду высочайшего повеления, не имею права дать вам от себя подобного разрешения; но, находя доводы, изложенные вами в рапорте от 20-го февраля, вполне уважительными, я вхожу ныне же с представлением об этом начальнику Главного морского штаба князю Меншикову, для доклада его величеству. О последующем немедленно будете уведомлены».

Начальник Аянского порта Кашеваров, на предписание мое от 14-го апреля, донес мне 14-го июля 1852 года следующее: «Предписание Ваше от 14-го апреля я препроводил генерал-губернатору и в главное правление компании. Впредь до распоряжения правления, я, как начальник аянской фактории, не имею права сделать каких-либо распоряжений по этому предписанию и не могу выходить из той нормы по снабжению экспедиции запасами и товарами, какая определена правлением. Ныне же, по неприбытии еще из колоний в Аян судна, ничего не могу Вам отпустить с корветом «Оливуца» и долгом своим считаю предупредить, что в нынешнем году едва ли буду иметь возможность снабдить экспедицию и тем даже количеством запасов и товаров, которое прежде было определено правительством. Запасы и товары эти, вследствие строгого мне предписания главного правления, никак не могут быть отправлены на компанейском судне, а должны быть доставлены Вам на казенном. Что же касается до офицеров, то они следуют на Камчатку на корвете «Оливуца», и вы, следовательно, сами распорядитесь».

Глава XVII

Донесение Кашеварова 14 июля 1852 года.—

Наше грустное положение.—

Меры, принятые мной против голодной смерти.—

Донесение генерал-губернатору 20 мая 1852 года.—

Инструкция Воронину и Бошняку.— Их экспедиция и цель ее.—

Донесения Березина, Воронина и Бошняка:

олучив упомянутые в предыдущей главе предписания, уведомления и донесения, я убедился, что если не начать тотчас же энергично действовать, то мы все умрем голодной смертью, ибо казенного продовольствия в экспедиции было только до 1-го октября, сахара и чая оставалось только до 1-го августа, а белой муки и тому подобного совсем не было. Надежда на получение муки и крупы на боте «Кадьяк», который должен был сначала снабдить Гижигу, была весьма сомнительна, ибо вход в реку Гижигу возможен только с попутным ветром, при сизигийных водах¹. Поэтому я предписал командиру корвета «Оливуца», оставив в экспедиции мичманов Разградского и Петрова и 10 человек из команды, немедленно следовать в Аян

и требовать от г-на Кашеварова исполнения следующего предписания: «1) На корвете «Оливуца» немедленно отправить в Петровское муки, крупы, соли и различных запасов и товаров, какие только найдутся в Аяне, имея в виду, что в случае нужды, Аянский порт может быть снабжен из Якутска. 2) По приходе в Аян компанейского судна все остальное по моему требованию отправить на оном в Петровское. 3) Прилагаемое при этом донесение мое генерал-губернатору немедленно отправить с нарочным».

В донесении этом (от 20-го июля 1852 года) я, во-первых, изложил важность результатов моих исследований и, вследствие оных, предполагаемые измененные распоряжения мои для дальнейших действий; во-вторых, критическое положение, в которое ставится экспедиция распоряжением главного правления компании,— распоряжением, совершенно противным ее торжественному уверению («что она готова помогать экспедиции в дости-

¹ Очень часто, если не всегда, судна принуждены были оставаться там на зимовку за невозможностью выйти.

жении важной государственной цели»), и наконец, в-третьих, что для разъяснения всех обстоятельств, какие встречаются на месте, я вышлю к нему одного из главных моих и неутомимых сотрудников, Н. М. Чихачева. В заключение я писал генерал-губернатору следующее:

«После всего этого остаюсь уверенным, что при ходатайстве вашего превосходительства пред государем императором, экспедиция моя поставится в самостоятельное и надлежащее положение и ей дадутся средства, о которых я уже имел честь представлять вашему превосходительству. Тогда только, согласно упомянутому плану моему, я буду в состоянии прочно водвориться в этом крае и фактически заявить Китаю и иностранцам о принадлежности его России».

Между тем для подкрепления Николаевского поста и перемены некоторых людей из команды оного, а равно и для объявления туземцам о розысках наших матросов, был отправлен горою, с 15-ю человеками, Н. М. Чихачев и мичман Разградский. Господину Чихачеву приказано было, по соглашению с г-ном Бошняком, удалить из Николаевска тех людей, которые оказываются сомнительными, и прибыть с ними в Петровское. Объявить гилякам окрестных деревень, чтобы они брали и представляли в Николаевск тех из людей, которые будут распускать неблагоприятные для нас слухи. Господину же Разградскому остаться в Николаевске для содействия Н. К. Бошняку.

28-го июля корвет «Оливуца» возвратился из Аяна в Петровское с незначительным количеством запасов и товаров, при чем г-н Кашеваров уведомил меня, что, по неприбытии еще в Аян компанейского судна, он более послать не мог.

Корвет с мичманом Чихачевым отправился сейчас же в Аян. Господину Чихачеву поручено было, объяснив Кашеварову о необходимости снабдить экспедицию на компанейском судне, следовать в Иркутск к генерал-губернатору, чтобы представить ему подробный отчет о всех обстоятельствах, встречаемых на месте, и о необходимости решительных действий.

После этого, согласно упомянутому плану, для приготовления к занятию селения Кизи и залива де-Кастри и к удалению из края миссионеров, а равно и для обследования протоки Вияхты и залива Дуэ и наблюдения за иностранными судами, я командировал к острову Сахалину, на военной шлюпке, подпоручика Воронина, которому приказано было, следуя лиманом вдоль сахалинского берега, достигнуть селения Дуэ, подробно описать залив и реку Дуэ и протоку Вияхту, а равно озеро, из которого она выходит, с целью определения, в какой степени эти места представляют удобства к заселению, и к подходу судов для загрузки каменным углем. Туземцам

объявлять, что так как остров Сахалин составляет русское владение, то все обитатели оного принимаются под наше покровительство. В случае появления около этих мест иностранных судов, тщательно следить за их действиями, а при встрече с ними, с поднятием на шлюпке военного флага, объявлять от имени правительства, что как остров Сахалин, так равно и весь матерой берег Татарского залива до корейской границы составляют русские владения, а потому всякие произвольные распоряжения в этих местах допускаемы быть не могут. Наконец, ему приказано было разведывать, не проплыли ли по лиману и куда именно наши беглые из Николаевска.

Лейтенанту Бошняку, которого в Николаевске, на время его отсутствия, заменил мичман Разградский, приказано было, следуя вверх по реке Амуру, под левым берегом ее и достигнув селения Ухтрэ, осмотреть, при стоявшей тогда высокой воде в реке Амуре, местность около селения Пяхта, в протоке Уй. Он должен был удостовериться, во-первых, не затопляется ли она водой, а во-вторых, каково вообще состояние этой местности и удобна ли она для предполагаемого занятия оной земледельческим поселением. Из протоки Уй Бошняку приказано было подняться по протоке, идущей к S и соединяющейся с рекой Амуром, по словам туземцев, против мыса Аура, отстоящего в 40 верстах от Кизи. Затем проследовать в Кизи и оттуда, по озеру того же имени и реке Тоби, достигнуть до перевала с этой реки к морю. На этом пути сделать промер озера и реки Тоби и, если возможно, с помощью туземцев перетянуть лодку к морю и следовать к заливу де-Кастри. Буде это сделать представится затруднительным то, оставив лодку на озере, достигнуть залива де-Кастри горой, пешком. По прибытии туда, осмотреть хорошенько местность, в видах основания там поста и объявить жителям, что, во-первых, мы зимой у них поселимся, во-вторых, так как весь берег наш, то их, а равно и всех туземцев, обитающих по этому берегу к югу и по рекам Самальге, Сайфуну и далее, мы принимаем под свою защиту и покровительство. Одному из более толковых домохозяев из туземцев оставить объявление на французском и английском языках о принадлежности Приамурского и Приуссурийского краях России, и приказать предъявлять оное каждому иностранному судну, могущему явиться в этот залив. Этому туземцу объявить, при собрании остальных жителей, что он назначается от нас старшим и что все должны его слушаться.

По исполнении этого, Бошняку было предписано направиться к Кизи, осмотреть около этого селения местность, в видах основания там нашего поста, объявить об этом жителям и избрать из

них, подобно как и в де-Кастри, старшего, к которому мы могли бы обращаться с приказаниями; последние, под страхом наказания, должны исполняться туземцами. При этом Бошняк должен был объяснять туземцам, что всякая с их стороны услуга нам будет вознаграждаема и что мы не только не будем делать каких-либо им насилий, но строго накажем всех тех, которые осмелятся что-либо предпринять против них. Таковые же объявления и распоряжения предписано было Бошняку делать на его обратном пути в значительных селениях и вместе с тем разведывать о наших беглых, объясняя туземцам, что эти люди дурные и чтобы они старались как их, так и всех, которые распускают о нас худые слухи, ловить и представлять в Николаевск, за что будут получать щедрое вознаграждение.

В то же время, на гилякской лодке, вверх по реке Амуру был отправлен в селение Кизи приказчик Березин, с целью разведки наших беглых и для содействия г-ну Бошняку. Березину приказано было следовать под правым берегом реки Амура, замечать места, удобные для заселения земледельцами, производить расторжку с инородцами и встречными манджурами, а по прибытии в Кизи находиться в распоряжении Бошняка.

12-го августа был послан на ботике в лиман подпоручик Орлов. Ему предписано было испытать — нельзя ли на этом судне произвести промер главных фарватеров лимана.

Мичман Петров был занят тогда перевозкой на баркасе из Петровского в Николаевское продовольствия и товаров.

Таким образом, все члены моей экспедиции имели особые поручения. Последние были вызваны тем обстоятельством, что я не получил подкрепления ни командами, ни судами, и поэтому не имел решительно никакой возможности распространять наши действия далее селения Кизи. В эту навигацию мне поневоле пришлось ограничиться весьма малым рационом. Назначением экспедиций я имел в виду: а) приготовиться к занятию Кизи и залива де-Кастри, как важных и ближайших к Николаевску пунктов, могущих служить опорными пунктами к дальнейшим действиям, согласно упомянутому плану; б) распространить на этом пространстве наше влияние и гражданственность, что также необходимо было для обеспечения наших действий; в) возможным отстранением, в навигацию этого года, всяких покушений на этот край иностранцев.

Итак, в навигацию 1852 года я имел возможность сделать только приготовительные распоряжения для прочного утверждения нашего в северной части Приамурского края.

Отправив экспедицию 16-го августа, я и сам отправился в Николаевск, где заложил флигель и казарму, в которые должны были перейти на зиму команды этого поста. В Петровском же в это время строился пакгауз.

Положение экспедиции к осени 1852 года было таково:

Всей команды состояло:	
В Николаевском	25 чел.
» Петровском	23 чел.
» командировке с Орловым, Ворониным, Бошняком и Петровым	16 чел.

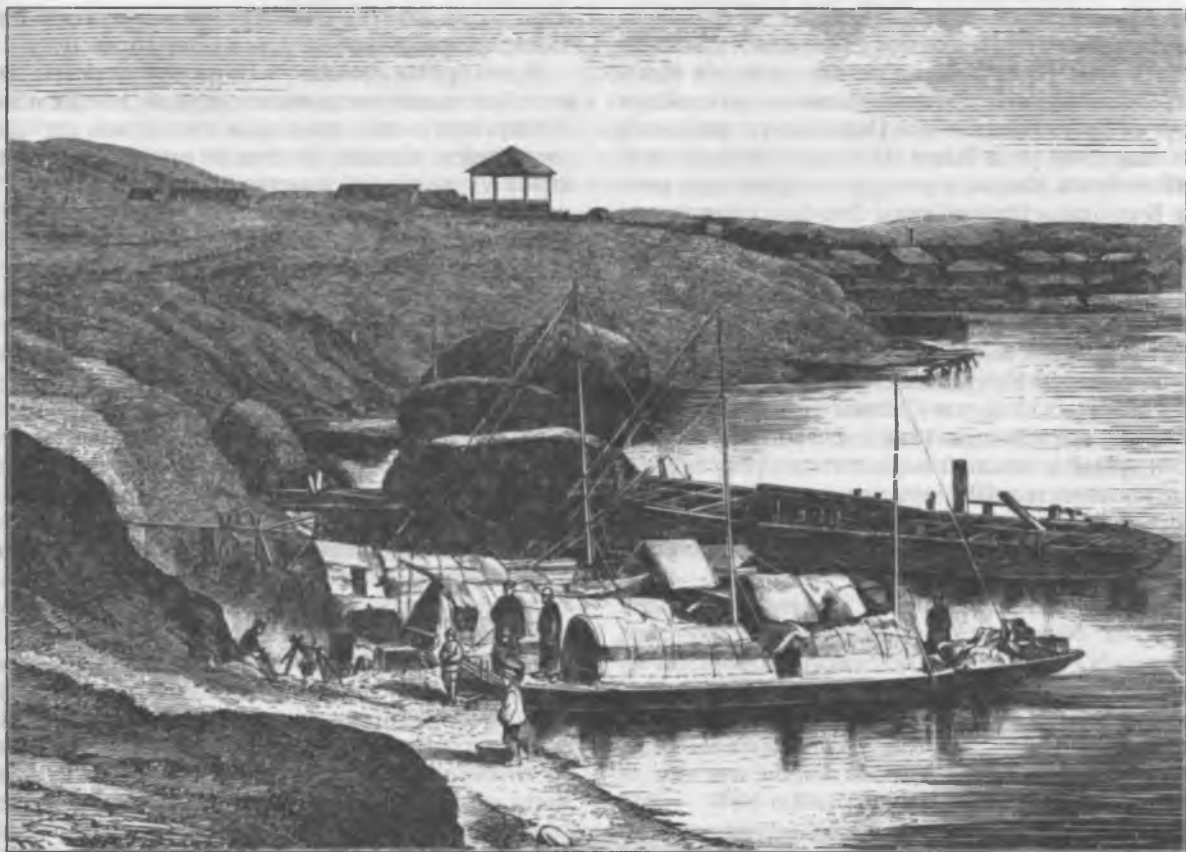
Вся наша сила состояла из	64 чел.
---------------------------	---------

При ней было: 3 пушки трехфунтового калибра, 2 пуда пороха, 2 $\frac{1}{2}$ пуда свинца и 60 кремневых ружей, из которых 20 были негодны. Затем палубный, в 29 футов длины, ботик и 6-весельный баркас — оба выстроенные в Петровском; 5-весельный вельбот, четверка, 2 гилякские лодки и одна трехлючная байдарка.

Таковы были наши средства к защите, передвижению и действию в крае, где, с одной стороны, мы были окружены дикарями, в несколько сот крат превышавшими нас численностью и не имевшими ни малейшего понятия о гражданственности, — дикарями, способными восстать против нас при первом сколько-нибудь смелом и разумном к тому их подстрекательстве или при первом сколько-нибудь ошибочном или трусливом с нашей стороны шаге. С другой стороны, более 2 миллионов манджуров могли легко, по рекам Сунгари и Амуру, выслать на нас такую силу, которая могла бы забросать нас шапками. Всякая надежда на помощь или на отступление была для нас невозможна. Ближайший к нам пункт — Аян, был отрезан от нас непроходимым, тысячеверстным, пустынным пространством.

При таком-то положении нам пришлось действовать и брать на себя всю тяжкую за то ответственность, каковую, как мы видели, не решился взять на себя и генерал-губернатор. Если бы еще при этом случилось нам потерять часть команды или возбудить неприятные столкновения, чего можно было ожидать каждую минуту, то трудно себе представить, как бы мы жестоко заплатились за смелые подвиги. Между тем мы не только не были обеспечены материально, но даже лишены единственной отрады для души — храма Божия; нам отказали даже в священнике.

В 1852 году мы были как бы всеми забыты и отданы в жертву случайностям и голодной смерти. Поэтому всякий может судить, каково было тогда наше положение. Особенно тяжело было бедной жене моей, разделявшей наравне со всеми все

Манджурские лодки и базар в Николаевске-на-Амуре.

Гравюра XIX в.

трудности, опасности и лишения и имевшей больного ребенка, которому угрожала голодная смерть', ибо жена сама кормить не могла, а кормилиц не было. Мне, как отцу и начальнику, на котором за всех и за все лежала полная ответственность пред Богом и отечеством, конечно, было тяжелее всех. Надежда на милость Всевышнего Творца и убеждение, что действия наши клонятся к благу отечества, единственно поддерживали в нас крепость духа, энергию и отвагу, столь необходимые при таких обстоятельствах.

24-го августа, на туземной лодке, был привезен в Петровское совершенно больной приказчик Березин. Он сообщил, что заболел в селении Пуль, где туземцы и манджуры во все время его болезни весьма внимательно ухаживали за ним. О проплывтии вверх по реке Амуру людей из Николаевска туземцы ничего не слыхали.

Вслед за Березиным прибыл с Сахалина Воронин; он донес, что бухты Дуэ и Вияхту открыты для южных, северных, северо- и юго-западных ветров, но что стоянку судов в бухте Дуэ можно сделать удобною, стоит лишь воспользоваться рифами, идущими от берега, именно провести по этим рифам насыпи, которые защищали бы бухту от упомянутых ветров. Широта мыса Дуэ, по наблюдению Воронина, оказалась та же самая, как и у Бошняка. Грунт в бухте вообще надежный, берега приглубы и изобилуют каменным углем. Местность по речке Дуэ, которая имеет глубину на бере до 2 футов, а далее от 8 до 10 футов, удобна к заселению. «Чтобы воспользоваться минеральным топливом,— говорит Воронин,— необходимо прежде всего обратить внимание на то, чтобы сделать удобную гавань для загрузки судов». Кроме Дуэ, особое внимание надобно обратить на местность около селе-

¹ Это была первая дочь моя Екатерина, которая умерла в скором времени от голода.

ния Мгач, как в отношении добывания каменно-го угля, так равно и в отношении удобства поселения. Она расположена между речками Мгач, Чернай и Мычнай, протекающими на небольшом друг от друга расстоянии. Недалеко от этих мест откуда течет река Тыми. Затем заслуживает внимания бухта Уанды, в которую впадают две речки: Большая и Малая Уанды. Эта бухта защищена гораздо лучше Дуэ; с северо-запада ее ограждает увалистый мыс Уанды, а с юга — остров и идущий от него к берегу риф. Пользуясь этим, здесь небольшого труда будет стоить сделать для судов прикрытие и хорошую, спокойную стоянку. Речка Большая Уанды имеет глубину на бере 3 фута, а далее до 12 футов. Долина этой бухты представляет все удобства к заселению; берег бухты приглубый и чистый и каменного угля огромное количество. Широта устья речки Большой Уанды $51^{\circ}22'1/2''$ N. Эта местность, по мнению г-на Воронина, одна из лучших на всем виденном им пространстве.

Устье протоки Вияхту лежит в широте $51^{\circ}36'42''$ N; вход в нее с моря, между лайдами, идет на SO 79° и потом, по самой протоке, на SO 12° . Глубина при устье в малую воду до 5 футов, а в прибывшую — до 9 и 10; в самой же протоке глубина от 12 до 14 футов. Эта протока выходит из небольшого озера того же имени, имеющего $1\frac{1}{2}$ мили длины по направлению NtW — StO и $3/4$ мили ширины на O и W; оно вообще наполнено лайдами и имеет глубину не более 10 футов. С востока в него впадает речка Вияхту, имеющая $1/4$ мили длины. Берега озера вообще низменные, луговые, но есть местности возвышенные и удобные к заселению, в особенности долина и берега речки и протоки. Здесь также много каменного угля. Сильное течение в протоке (от $3\frac{1}{2}$ до 5 узлов) и банки, между которыми идет в нее узкий и довольно извилистый фарватер, делают вход в нее затруднительным и опасным.

По словам туземцев, на всем западном берегу острова нет ни одной сколько-нибудь закрытой бухты. Они говорили также Воронину, что суда плавают около этих мест вообще ранней весной, т. е. в то время, когда в лимане еще стоят льды и что люди, съезжающие к ним с этих судов, делают насилия и буйства.

В то же время возвратился на ботике подпоручик Орлов и донес, что из нескольких попыток, сделанных им для определения лиманских фарватеров, он убедился, что без надлежащих паровых средств достижение этой цели невозможно.

Между тем 20-го августа явились в Петровское с гилеями трое матросов, высаженных с китобойных судов в Тутурской губе. Они пришли едва живые и благословляли судьбу, что нашли, наконец, жилье, где можно есть по че-

ловчески, ибо более полутора месяца они питались кореньями, ягодами и юколой.

В это время стояли на Петровском рейде два китобоя: один американец, другой из Бремена; я попросил к себе шкиперов этих судов, передал им людей и объявил, что они не имеют права бить китов и учинять бесчинства в наших водах, которые простираются до корейской границы. Засим 8-го октября прибыл лейтенант Бошняк и сообщил, что, достигнув селения Ухтрэ, он нашел всю местность около этого селения затопленной: вода в Амуре была выше весенней и только небольшое место около селения Пяхта осталось открытым. Из селения Ухтрэ он пошел по протоке к S; протока эта на всем своем пространстве, т. е. на 25 миль на StO и потом около 20 миль на S идет между обрывистыми, возвышенными и частью низменными, затопляющимися водою, луговыми берегами; она имеет ширину от 15 до 30 сажень, а глубину от 20 до 35 футов, и на параллели $51^{\circ}41'$ N, против Кизи, соединяется с главным фарватером Амурского. Между этим фарватером и протокой лежит огромная равнина, покрытая в некоторых местах березняком и тальником и изрезанная различной ширины каналами, соединяющимися с главным фарватером Амурского. По одному из этих каналов, имеющему глубину от 10 до 20 футов, он вышел против Кизи на главный фарватер, на котором нашел глубину от 10 до 16 сажень. Упомянутая протока идет под левым берегом Амурского, и недалеко от нее тянутся горы, покрытые строевыми лесами кедра, ели и часто клена и дуба. Из этих гор по низменным долинам текут несколько речек. Река Амур между матерыми берегами в этом месте имеет огромную ширину, более 25 верст. Главный фарватер, имеющий ширину более двух верст, идет посредине реки. По прибытии в Кизи. Н. К. Бошняк нанял у туземцев лодку с двумя проводниками и приступил к промеру озера и реки Тоби до перевала с нее к морю. Глубина фарватера озера, по которому вели его туземцы, оказалась от 15 до 25 футов; вода была выше ординарной до 9 футов. Глубина в реке Тоби от 6 до 10 футов; по словам туземцев, эта глубина не бывает менее 3 футов. Оставив лодку в озере, г-н Бошняк с казаком Парфентьевым и мангуном отправился пешком в залив де-Кастри по тому пути, который, по словам туземцев, считается самым кратчайшим. Путь этот на пространстве около $1\frac{1}{2}$ версты идет по низменности; остальная же местность на пространстве около 18 верст сухая и возвышенная. Не доходя 5 верст до залива де-Кастри, Бошняк перевалил чрез небольшой хребет, подъем на который со стороны озера почти незаметен, со стороны же залива несколько круче. По прибытии в залив, Бошняк выбрал место для

основания поста и нанял туземцев для приготовления леса. На вопрос его: не проплывали ли мимо залива русские на шлюпке, туземцы объявили, что более двух недель тому назад были здесь дурные русские, которые дрались между собой и отнимали у них рыбу; отсюда, говорили туземцы, эти русские поплыли к югу, Бошняк сказал им, что это действительно негодные люди, и просил, чтобы они изловили их; за отнятую же рыбу заплатил им. По прибытии в Кизи Н. К. Бошняк, подобно как и в заливе де-Кастри, объявил, что мы и у них ныне зимой поселимся. На вопрос его: не появляются ли люди, которые разглашают о нас дурные вести, туземцы отвечали, что если подобные люди явятся, то они их будут хватать и представлять в Николаевск. В заливе де-Кастри Бошняк назначил одного из туземцев, Ничкуна, старшиной и вручил ему объявление на французском и английском языках для предъявления иностранным судам, буде таковые явятся в залив. В этом объявлении, согласно данной ему от меня инструкции, от имени русского правительства заявлялось, что весь этот край до Кореи принадлежит России. В это же время Бошняк объявил туземцам, чтобы они слушали Ничкуна, и сказал им, чтобы они дали знать жителям окрестных деревень, расположенных по татарскому берегу, что так как весь этот берег и река Сайфун принадлежат России, то всех его обитателей мы принимаем под свое покровительство. В селении Кизи Н. Е. Бошняк назначил старостой мангуна Ледена и объявил жителям, чтобы они его слушали и что всех инородцев по берегам рек Уссури и Амура до Хинганских гор включительно мы принимаем под свою защиту и покровительство, так как вся эта страна русская. Затем г-н Бошняк, спускаясь по Амуру, сделал подобные же распоряжения и объявления в селениях: Аур, Пуль, Тыми и Кола.

Глава XVIII

Прибытие в Петровское бота «Кадыак»
и компанейского корабля.—

Экспедиция Бошняка в Приамгуньский край 5-го ноября 1852 года.—

Донесения Березина, Разградского и Бошняка.—

Окончательное разрешение пограничного вопроса.—

Исследование озер Самагиров и Чинхчагиров.—

Заключение 1852 года.

половине сентября прибыл в Петровское с казенным провиантом бот «Кадыак». Командир его, г-н Шарыпов, объявил мне, что, по ненадежному состоянию бота, он идти в Петропавловск не может, почему и остается на зимовку в Петровском.

Вслед за ботом, 23-го сентября, пришел из Аяна на Петровский рейд с товарами и запасами компанейский корабль. А. Ф. Кашеваров уведомил меня, что присылает всего в весьма недостаточном количестве по той причине, что сам ныне получил весьма мало, и объясняет, что посылает компанейский корабль на свой страх только ввиду того, что после корвета «Оливуца» в Аян не приходило ни одно военное судно. Вместе с тем, Кашеваров предупреждает меня, что коман-

диру корабля не приказано оставаться на Петровском рейде более двух суток.

Итак, единственно по милости и добросердечию Александра Филипповича Кашеварова, мы получили, хотя в ничтожном количестве, провизии.

По приведении всего, что у нас было, в известность, оказалось, что чая, сахара и тому подобных, столь необходимых в пустыне запасов, было до такой степени мало, что я вынужденным нашелся разделить все это по числу лиц, находившихся в экспедиции. Водки и круп вовсе привезено не было, а товаров, потребных для туземцев, было так мало, что о выгодной торговле, которая могла бы возместить расходы казны, употребленные на экспедицию (как указывало мне главное правление компании), и думать было нечего; их едва хватало только для командировок, т. е. для вымена от туземцев корма для собак и рыбы для людей и на приобретение от манджуров проса и водки. Медикаментов почти никаких не было прислано.

Такая экономия имела самое неблагоприятное влияние на здоровье команд. Между людьми появились болезни и в особенности скорбутные. Они задержали нас в Петровском настолько, что только к исходу ноября мы могли перебраться в Николаевск. Там наши помещения были хотя и сырые, но более удобные и просторные, нежели в Петровском. Наступившая холодная и ненастная зима более и более усиливала эти болезни, и к 1-му декабря трое людей не выдержали и сделались ее жертвой.

Сношения наши с туземцами становились все более и более дружественными благодаря тому, что мы не позволяли себе благодетельствовать их нововведениями, противными складу их жизни и вкоренившимся обычаям, а соблюдали во всем должную справедливость и не только не производили каких-либо насилий, но и не оставляли ни малейшей их услуги без вознаграждения. Туземцы, по-видимому, понимали все это и ценили, что рельефно выказалось в участии, которое они показали при открывшихся между командами скорбутных болезнях. Они с охотой доставляли черемшу и другие корни, которые, по их понятиям, помогают от этой болезни.

Несмотря на все невзгоды, дух в командах, и в особенности в офицерах, не ослабевал. Мы надеялись, что после важных результатов наших исследований правительство даст, наконец, экспедиции надлежащие средства для достижения предположенной цели.

Нам, во-первых, предстояло окончательно разрешить пограничный вопрос, т. е. определить истоки рек Амгунь и Гиринь, обследовать озера Самагиров и Чихчагиров и реку Биджи, как местности, имеющие большое значение в северо-западной части Приамурского края. Вместе с тем, мы должны были прекратить злонамеренные слухи, распускавшиеся о нас на реке Амуре, и, наконец, приобрести от манджуров необходимые запасы для того, чтобы по возможности обеспечить дальнейшие командировки и исследовать реку Амур до реки Хунгари.

В этих видах были сделаны мной новые командировки в Приамгуньский край. Лейтенанту Бошняку я дал казака и 5-го ноября отправил его с приказанием следовать на собаках по берегу реки Амгунь и стараться достигнуть ее истоков из Хинганского хребта, а оттуда проехать по направлению хребта к югу, до истока реки Гиринь. Затем, поднимаясь по этой реке, перевалить на озера Самагиров и Чихчагиров, осмотреть их и возвратиться по реке Амгунь в Петровское. Если слухи о появлявшихся в этих местах миссионерах, распускающих о нас злонамеренные басни, справедливы, — то стараться внушить туземцам, чтобы они подобных людей представляли в Ни-

колаевск, за что будут вознаграждены. При сношении с туземцами стараться узнавать, нельзя ли через хребет добраться до беглых русских, живущих будто бы на притоке Амура, впадающем в эту реку близ устья Сунгари. Объявлять туземцам, что так как весь этот край принадлежит России, то всех их мы принимаем под свою защиту и покровительство; а потому, в случае каких-либо им обид и притеснений от приезжающих к ним манджуров, или иных инородцев, они могут обращаться к нам и мы таковых обидчиков строго будем наказывать. Наконец, стараться выбрать из туземцев старост, к которым бы мы могли обращаться.

Мичману Разградскому и приказчику Березину поручалось, следуя вверх по реке Амуру и производя расторжку с инородцами и манджурами, стараться приобретать у них спирт, чай и просо. Достигнув селения Кизи, г-ну Разградскому отправиться далее до устья реки Хунгари, а Березину остаться в Кизи до прибытия Разградского. Березин должен был в это время основать склад наших товаров, ввиду занятия нами этого пункта, а г-н Разградский, достигнув устья Хунгари, — осмотреть местность около этого устья и войти в сношение с туземцами селения Хунгари, в видах основания там нашего поста; собрать сведения о пути от этого пункта к заливу Хаджи и вообще о путях, ведущих с реки Амура к Татарскому заливу; наконец, осмотреть правый берег Амура между устьями рек Гиринь и Хунгари, возвратиться в Кизи и оттуда вместе с Березиным следовать в Петровское.

На время отсутствия из Николаевского поста г-д Бошняк и Разградский начальником поста оставался мичман А. П. Петров.

7-го ноября, с почтой, отправленной с тунгусом в Аян, я донес генерал-губернатору Н. Н. Муравьеву: а) о бежавших, замеченных еще в Охотске в дурном поведении, пяти членах команды, о вероятности, что эти люди желали пробраться к подобным им товарищам, о которых говор распространялся между командами, и о вреде для экспедиции от людей подобного поведения; б) о результатах исследования г-д Бошняка, Воронина и Орлова; в) о положительной невозможности при наших ничтожных средствах, без присылки в экспедицию надлежащего судна с паровым двигателем, определить лиманские фарватеры; г) об инструкциях, данных мной г-м Бошняку, Воронину, Орлову и Разградскому; д) о несомненном присутствии золотых россыпей в верховье реки Искай, и в особенности в узле гор на истоках рек Амгуни, Нимелена, Зеи и Буреи; е) о сделанных уже мной приготовлениях, чтобы к весне 1853 года окончательно занять постами залив де-Кастри и соседственное

К. В. Нессельроде

с ними на Амуре селение Кизи, как первоначальные и опорные пункты, из которых, согласно представленному уже мной плану, по мере имеющихся и ожидаемых средств, начать исследования прибрежий Татарского залива до корейской границы и рек Амура и Уссури; ж) о намерении в ту же навигацию занять военным постом на Сахалине залив Уанды; з) в заключение объяснил настоящее положение экспедиции.

В частном письме от того же числа я писал, между прочим, Николаю Николаевичу Муравьеву: «Посланный к вам Н. М. Чихачев с подробными объяснениями о необходимости представляемых мной решительных здесь действий и обстоятельства, изложенные в предшествовавшем и настоящем донесениях моих, дают всем нам надежду, что при ходатайстве вашего превосходительства, обратят, наконец, на этот край серьезное внимание, а равно и на нас, горсть людей, как бы забытых всеми и брошенных на жертву в пустыне. Не теряю надежды, что мне дадут надлежащие разрешения не к паллятивным, вредным и гибельным для края действиям, а к действиям решительным, вызываемым важными обстоятельствами, встречаемыми на месте, и, сообразно с этим, дадут наконец средства для достижения важной государственной цели, которую неуклонно преследует вверенная мне экспедиция, не страшась ни тяжелой ответственности, ни опасностей, ни лишений. Только эта надежда одушевляет ме-

ня и моих неутомимых благородных сотрудников, которые с твердостью духа и уповая на Всевышнего Творца, переносят все трудности и опасности; но всему на свете есть предел, переступать который не следует».

1-го декабря 1852 года я получил с нарочным тунгусом, посланным из Аяна, предписание и письмо от генерал-губернатора от 28-го июля 1852 года с приложением при оном высочайшего повеления от 20-го июня этого года, объявленного Н. Н. Муравьеву в письме начальника Главного морского штаба князя Меншикова. Вот сущность этого письма: «Содержание отношения Вашего ко мне от 28-го апреля 1852 года, — пишет князь Меншиков, — последовавшего вследствие донесения Вам начальника амурской экспедиции капитана 1-го ранга Невельского, я имел счастье докладывать государю императору. Его величество, вследствие объяснения канцлера графа Нессельроде, остается при желании соблюдать крайнюю осторожность и неспешность при установлении мирных и прочных сношений наших с гиляками и другими племенами, обитающими только лишь около устья Амура, о чем было уже сообщено вам графом Нессельроде. Ныне и мне поручено повторить Вам, чтобы неспешность и осторожность были на первом плане. Государь император поэтому не изволил утвердить занятие селения Кизи, лежащего на правом берегу реки Амура и залива де-Кастри, а также отправления экспедиции для исследования татарского побережья и рек Амура и Уссури; что же касается до вступления в сношение с беглыми русскими, о поселении которых выше устья Сунгари имеются сведения, то его величество в отклонение вреда, который они могут принести нашим предприятиям, приказал не возбранять вступать с ними в сношение, но не иначе, как через гиляков или тунгусов, как признается удобным, но отнюдь не через команды офицеров, или кого-либо из приказчиков, посланных по реке Амуру или берегом. При этом предоставляется объявлять им всемилоостивейшее прощение за услуги, которые будут ими оказываемы». Препровождая при предписании это высочайшее повеление, генерал-губернатор поручает его к точному и неременному с моей стороны руководству и пишет, что в отношении русских беглых следует стараться, сколько возможно скорее исполнить высочайшую волю через верных нашим интересам гиляков и поспешить сообщить ему верные об этих беглых сведения.

В письме ко мне от того же числа (28-го июля 1852 года) Николай Николаевич, между прочим, пишет, что он ожидает от меня дальнейших сведений о состоянии края, на основании которых

он поспешит лично ходатайствовать в С.-Петербурге, об осуществлении некоторых только лишь из моих представлений, имея в виду, что граница наша с Китаем должна идти по левому берегу Амура и что главный наш порт на Востоке должен быть Петропавловск (на Камчатке), для которого собственно и полезно обладание Амуром.

Таковы были повеления, данные мне в то время. Ясно, что в С.-Петербурге чего-то опасались, а в Иркутске придавали главное значение на отдаленном нашем Востоке Петропавловску; важнейшие же вопросы, как пограничный, и в особенности вопрос морской, обуславливавший важное значение для России этого края в политическом отношении, — вопросы, к разрешению которых напрягала все усилия амурская экспедиция, были как в С.-Петербурге, так равно и в Иркутске совершенно упущены из вида. На моей совести лежало навести на них Высшее правительство; а чтобы достигнуть этого, надобно было действовать решительно, т. е. не согласно инструкциям, которые не соответствовали ни этой главной цели, ни местным, встречаемым нами обстоятельствам, ни положению и состоянию края и его обитателей. Весьма естественно, что на подобные распоряжения я не мог ничего

отвечать, кроме того, что предписание получил и действую так-то.

Подобный ответ я послал с нарочным из Петровского и на эти распоряжения. Препровождая при нем генерал-губернатору данные мной инструкции г-м Бошняку и Разградскому, я вместе с тем представлял его превосходительству Н. Н. Муравьеву: а) о неперменном моем намерении в феврале наступающего 1853 года занять залив де-Кастри и основаться в соседнем с ним селении Кизи; б) послать из залива де-Кастри, с открытием в оном навигации, исследовать берег к югу от де-Кастри, в видах отыскания на оном гавани и наблюдения за появлявшимися с ранней весной в Татарский залив иностранными судами; в) сообщил генерал-губернатору об объявлении моем иностранным судам принадлежности этого края, до корейской границы включительно, России. В заключение я писал Николаю Николаевичу: «Только этими решительными мерами, при ничтожных у нас здесь средствах, представляется возможность отстранить могущие быть на этот край покушения. Здесь нет и быть не может каких-либо земель или владений гиляков, мангунов, нейдальцев и т. п. диких народов, в том территориальном и отечественном смысле, как то понимается

Мангуны на Амуре.
Гравюра XIX в.

между образованными нациями. Эти народы не имеют и малейшего понятия о территориальном разграничении. Что же касается до того, возможно ли исполнить высочайшую волю о вступлении в сношение с беглыми русскими без посылки по реке Амуру офицера, то я, по собрании более подробных сведений, не премину донести вашему превосходительству».

Препровождая это в Аян, я просил начальника Аянского порта и иркутского губернатора К. К. Вейцеля доставить это донесение и письмо Н. Н. Муравьеву сколь возможно поспешнее.

18-го декабря возвратились из командировки Разградский и Березин. Разградский донес мне, что 20-го ноября он достиг селения Сусу (до которого раньше доезжал Чихачев). Оттуда он поехал вверх по реке, к правому ее берегу, и через 40 верст достиг селения Хальво. Отсюда он поехал на SW и через 15 верст прибыл в селение Нагли. Проехав от последнего на StO около 10 верст, достиг селения Ыкки и отсюда, следуя по тому же направлению, через 10 верст приехал в селение Хоме. Из Хоме до селения Омой такое же расстояние, т. е. 10 верст, он ехал на StW. От Омой до селения Хозе около 15 верст вверх по реке, на S $\frac{1}{2}$ W. От Хозе до селения Май около 20 верст и от селения Цынцы следовал на StO; засим, до устья реки Хунгари и селения того же имени, 5 верст, ехал на SSO. Прибыв в Хунгари 25-го ноября, он остановился для отдыха, сделав всего 270 верст. Ширина устья реки Хунгари 49° 58' N, а долгота примерно около 137° O от С.-Петербурга.

Жители селения Хунгари, гольды, приняли Разградского радушно. Он объявил им, что вся страна по реке Амуру до гор и по реке Уссури принадлежит России, что мы принимаем их под свою защиту и покровительство и намерены около них поселиться. Все это гольдами принято было с удовольствием. Местность около селения возвышенная и, по-видимому, удобная к заселению. Туземцы объяснили Разградскому: а) что река Хунгари на небольшом пространстве от устья имеет значительную глубину и небольшое течение, далее же она довольно мелка и быстра. Подымаясь вверх по реке, около 60 верст, они из селения Удли переваливают на реку Адли, впадающую в Хунгари с правой стороны; проехав по перевалу и по этой реке около 20 верст или $\frac{1}{2}$ дня езды на собаках, туземцы переваливают чрез хребет на вершину речки Муль, правый приток реки Тумчин; по этой последней до устья ее едут четыре дня на собаках (около 120 верст). От устья реки Муль, по реке Тумчин до моря едут 1 $\frac{1}{2}$ суток на собаках (т. е. около 50 верст), от устья же Тумчина, по морскому берегу, до залива Хаджи, едут $\frac{1}{2}$ дня (т. е. 20 верст); следовательно, этим путем до залива Хаджи из селения

Хунгари туземцы ездят от 7 до 8 дней (т. е. расстояние около 300 верст). Путь этот, по их словам, весьма удобен, ибо здесь не встречается крутых и высоких гор; б) что с реки Уссури есть много путей в закрытые бухты; в) что в море туземцы ездят каждый год на промыслы и видели там плавающие большие суда; г) что к ним приезжают какие-то люди, которые бранят лоча (русских).

Приказчик Березин сообщил, что он основал в Кизи временный склад у мангуна Лебдена; что жители ожидают нашего здесь окончательного водворения и, наконец, что у манджуров, встреченных им на пути в Кизи, а равно и приезжавших в это селение, он выменял саки (манджурской водки), чаю и проса.

Вслед за Разградским возвратился в Петровское г-н Бошняк и от 24 декабря донес мне, что, прибыв 20-го ноября в селение на реке Амгунь, Самари, до которого доезжал Н. М. Чихачев, он с проводниками отправился к Хинганскому хребту вверх по реке Ами, впадающей у этого селения, с левой стороны, в реку Амгунь. Поднявшись по этой реке на SW $\frac{1}{2}$ W, около 70 верст, он достиг подошвы Хингана и стойбища (груды камней), от которого инородцы ходят в горы на промысел. Ширина этого пункта, по полуденной высоте, оказалась 52° 18' N, а приблизительная долгота 134° 32' O. От этого пункта он поехал по направлению Хингана на StW $\frac{1}{2}$ W и, проехав около 40 верст, прибыл ко второму стойбищу — вершине протока Амгуни — речки Пильнан-Ами. Ширина этого пункта 50° 54' N, а приблизительная долгота 134° 20' O. С этого места он проехал вдоль Хингана, по тому же направлению, и через 35 верст прибыл в стойбище, находящееся на главном истоке реки Амгунь и состоящее из большой юрты. Отсюда инородцы на лыжах переваливают хребет и выходят на вершину притока реки Бурей, реку Ляшани, при устье которой, по словам их, находится русская юрта с крестом (т. е. часовня). В этом месте инородцы с рек: Бурей, Гирины, Амгуни и с озер Чикчагирского и Самагирского сходятся для меновой торговли. На вопрос г-на Бошняка проводникам и встреченным им здесь трем инородцам с рек: Бурей, нельзя ли на собаках или оленях перевалить здесь Хинганский хребет, они отвечали: а) на собаках ехать нельзя, оленей же здесь совсем нет, по неимению для них кормов; б) о селении русских около Амура они слышали, но что добраться до этого селения иначе нельзя, как на лодке из реки Амура. Господин Бошняк продолжал свое путешествие вдоль Хингана, по rumbo SSW $\frac{1}{2}$ W и, проехав по этому пути около 35 верст, достиг другого стойбища у главного истока реки Гирины; ширина его по меридиальной высоте

солнца оказалась $51^{\circ} 10' N$, долгота $133^{\circ} 50' O$. Отсюда, по показанию туземцев, Хинганский хребет до реки Амура или Амурских Щек, тянется по тому же SSW направлению и затем, переходя реку Сунгари, направляется к югу до полуденного большого моря. Итак, г-н Орлов и Бошняк были первыми и единственными лицами, которые определили астрономически истоки рек Уди, Тугура, Нимелена, Амгуни и Гирины, а также направление Хинганского хребта между параллелями 54° до 51° , хребта, который по трактату 1689 года принят за направление границы нашей с Китаем. Они первые, таким образом, фактически доказали, что граница России с Китаем, от верховья реки Уди, идет не на ОНО к Охотскому морю, как до этого предполагали и как показывалось на всех картах и в географиях, но на SSW. Хребет, пересекая реку Амур выше устья Сунгари, направляется между этой рекой и Уссури до Японского моря и Кореи; следовательно, согласно точному смыслу 1-го пункта Нерчинского трактата 1689 года, весь Нижнеамурский и Уссурийский бассейны до моря принадлежат России, а не Китаю, как, к несчастью, было тогда убеждено и старалось убедить других наше министерство иностранных дел. Итак, в 1852 году амурской экспедицией был положительно разрешен пограничный вопрос.

«Путь от истоков реки Амгунь, до истоков реки Гирины на пространстве более 180 верст, — как доносит Бошняк, — ужасно затруднителен и утомителен: мы по всему этому пустынному и дикому пути, где до нас не проходил ни один европеец, шли пешком на лыжах, по колена в рыхлом снегу, и прокладывали дорогу тянувшимся за нами с провизией и кормом для со-

Гольды на Амуре.

Гравюра XIX в.

бак нартам. Мы прошли его в 10 суток и в продолжение всего этого времени имели ночлеги на снегу, под открытым небом, при морозе, достигавшем более 30° по Реомюру».

Определив главный исток реки Гирины, Н. К. Бошняк поехал вниз по этой реке на $SO^{1/2}O$ и через 40 верст достиг селения Нин. Из этого селения, следуя по течению реки на $OSO^{1/2}O$, через 35 верст прибыл в селение Леки, расположенное при устье реки того же имени, впадающей в реку Гирины с правой стороны.

Самагиры, манджуры, орочены.

Гравюра XIX в.

С этого пункта река Гиринь течет к ОНО. Следуя по этому направлению, Н. К. Бошняк через 45 верст 3-го декабря 1852 года достиг селения Гери, того именно пункта, от которого Н. М. Чихачев отправился по реке Гиринь к ее устью, на реку Амур.

Отсюда г-н Бошняк поехал к северу на озеро Самагиров и прибыл в селение Сали, расположенное на южном берегу озера. Широта селения, по полуденной высоте солнца, оказалась $51^{\circ} 18' N$, приблизительная долгота около $135^{\circ} 30' O$. Из Сали, следуя по берегу Самагирского озера, на ОНО, через 30 верст, он достиг селения Вево. Отсюда поехал вдоль берега на NNO и прибыл на северную оконечность озера Самагиров в селение Бери; широта этого селения оказалась $51^{\circ} 36' N$, а примерная долгота $136^{\circ} 12' O$. Таким образом, Бошняк определил, что озеро Самагиров тянется от SW к NO на пространстве около 50 верст. С этого озера, из селения Дери, по реке того же имени, г-н Бошняк поехал по румбу NNO и, проехав 20 верст, достиг протоки Чуля, соединяющей эту реку с озером Чихчагиров. Следуя по этой протоке $N\frac{1}{2}W$, чрез 20 верст он достиг южного берега Чихчагирского озера, селения Чуля, широта которого (по полуденной высоте солнца) оказалась $51^{\circ} 53' N$, а приблизительная долгота около $136^{\circ} 10' O$. Из Чуля Н. К. Бошняк поехал вдоль берега озера на ОНО и через 20 верст достиг селения Кика. Из этого селения, следуя

вдоль берега к NO, чрез 25 верст он прибыл в селение Песа, самый северный пункт озера. Широта этого пункта $52^{\circ} 13' N$, а приблизительная долгота $136^{\circ} 28' O$. Из Песа, следуя на SW, он проехал 20 верст и достиг селения Ча, лежащего на протоке, вытекающей из этого озера и впадающей в реку Амгунь. Из Ча Бошняк направился по этой протоке на NW и через 20 верст достиг ее устья, при котором на реке Амгунь расположено селение Дульбика, — то самое, до которого достигал по Амгуни Н. М. Чихачев. Широта этого селения $52^{\circ} 16' N$, а долгота около $136^{\circ} 2' O$.

Из вышесказанного видно, что Чихчагирское озеро тянется от WSW к ОНО на пространстве около 40 верст и что оно соединяется водяным путем с озером Самагиров и с рекой Амгунь. Бошняк вернулся в Петровское, следуя по рекам Амгунь и Амур и по Амурскому лиману.

«Берега озера Чихчагирского и Самагирского, а равно и верховьев рек Гиринь и Амгунь, — доносит Н. К. Бошняк, — изобилуют превосходными строевыми лесами, преимущественно лиственницей, кедром и елью. По словам туземцев оба упомянутых озера глубоки и изобилуют рыбой. Берега эти вообще возвышенные, и на них по-видимому, есть местности, удобные для заселения земледельцами. Образ жизни и язык туземцев называющих себя самагирами и чахчагирами одинаковы с обитателями реки Амгунь, т. е. тунгусский. Самагиры и чахчагиры вообще кротки».

добродушны и привязаны к русским; доказательством этого служит то, что из являвшихся к ним трех человек, которые разглашали о нас дурные слухи и подстрекали их уничтожить нас, они двоих прибили и прогнали, а одного убили за то, что он пророчил, что если они не будут кланяться какой-то статушке, которую он носил на груди, то все покроются ранами, от которых умрут в страшных муках». Во всех селениях, в которых Н. К. Бошняк останавливался, он объявлял туземцам, что так как весь этот край до моря принадлежит России, то всех жителей мы принимаем под свою защиту и под покровительство, а всех тех, которые будут их обижать или разглашать о нас злонамеренные слухи, Бошняк приказал представлять в Николаевск или Кизи, где ныне же мы поселимся, и обещал, что за это будут они щедро награждаемы, а виновные жестоко наказаны.

К наступавшему новому 1853 году, подобно как и к предшествовавшему, все мои благородные сотрудники были в сборе, чтобы встретить и этот год как бы в одной родной семье. Мы все надеялись, что после добытых уже экспедицией важных данных обратят наконец внимание на этот край.

После разрешения пограничного вопроса, нам оставалось в 1853 году приступить к окончательному разрешению второго вопроса — морского, и вместе с этим в следующую навигацию отстранить всякие сторонние покушения на этот край с моря. Для этого следовало занять залив де-Кастри и ближайшее к нему на реке Амуре селение Кизи, так как де-Кастри представляет ближайшую к Николаевску на берегу Татарского залива местность, из которой нам было бы удобно наблюдать за действиями иностранных судов в Татарском заливе, в то время, когда Амурский лиман бывает еще покрыт льдом. Занятие этого пункта было выгодно нам еще в том отношении, что при наших небольших средствах мы могли начать исследование берега к югу. Занявши же залив де-Кастри, необходимо было основаться и в селении Кизи, так как оно по удобству сообщения с заливом и могло служить прекрасным депо для де-Кастри.

Я очень хорошо понимал, что подобное распоряжение с моей стороны в высшей степени дерзко и отчаянно и что оно может повлечь за собой величайшую ответственность, но, ввиду того, что только такими решительными мерами представляется возможность разъяснить правительству важное значение для России Приамурского и Приуссурийского бассейнов, решился действовать энергично; личные расчеты и опасения я считал не только неуместными, но даже преступными. Все мои сотрудники, одушевленные моей решимостью, готовы были на все лишения, трудности и опасности, которые нам готовил новый 1853 год.

Глава XIX

Инструкция Петрову 5-го января 1853 года.—
Инструкции Березину и Разградскому 8-го января 1853 года.—
Инструкция лейтенанту Бошняку 12 февраля.—
Донесения А. И. Петрова.— Высочайшее повеление,
сообщенное 28 сентября 1852 года генерал-губернатору
государем великим князем Константином Николаевичем.—
Занятие залива де-Кастри и основание склада в селении Кизи.—
Цель командировки г-д Разградского и Орлова
вверх по Амуру, 17-го марта.

есмотря на все старания доктора Орлова, скорбутная болезнь между командами держалась упорно, так что около $\frac{1}{3}$ команды была больна ею; но благодаря Богу, значительной смертности не было. Добывая от манджуров водку, просо и чай, от туземцев свежую рыбу и от тунгусов, в малом количестве, оленину, мы имели возможность довольствовать больных свежей пищей. Это обстоятельство имело благотворное влияние: больные вскоре начали поправляться.

Между тем в видах пополнения пробела в исследованиях Приамурского края (который представлял немаловажное экономическое значение), с целью обеспечить занятие залива де-Кастри и селения Кизи и для добывания упомянутых, необходимых для больных, запасов, были отправлены мной в командировку г-да Петров и Разградский и приказчик Березин. Мичман Петров был послан на двух нартах с тунгусом и казаком 7-го января, в Приамурский край. Ему приказано было ехать по берегу реки Амгунь до селения Кевритин, из которого туземцы ездят на реку Биджи, и следовать их путем на оную. Осмотреть по возможности эту реку и, собрав о ней сведения, обратить главное внимание на леса, произрастающие в ее долине, и на удобства сообщения Биджи с реками Амур и Амгунь. Затем перевалить на правый берег реки Амура, в селение Тенже, собрать сведения о пути из него в селение Че-ме, лежащее в южной части лимана, недалеко от мыса Лазарева, и исследовать, не может ли этот путь служить удобным внутренним сообщением реки Амура с южной частью лимана.

9-го января, на трех нартах собак, с тремя казаками, были отправлены вверх по реке Амуру мичман Разградский и приказчик Березин. Им приказано было: 1) следовать вверх по реке и производить расторжку с инородцами и могущими встретиться торгующими манджурами, стараться добывать от них просо, чай, водку и необходимые для больных запасы. 2) В селении Пуль, лежащем на середине пути из Николаевска до Кизи, оставить для должествовавшего следовать в залив де-Кастри г-на Бошняка сухарей и корма для собак. 3) Достигнув селения Кизи, Березину со всеми остальными товарами и запасами остаться в этом селении до прибытия Бошняка и содействовать этому офицеру. 4) В продолжение пребывания своего в Кизи Березин приготовляет, если возможно, через туземцев лес около селения Котово (в двух верстах от Кизи, при озере того же имени), имея в виду, что с открытием навигации из этого леса должен быть основан, подобно как и в де-Кастри, наш пост. 5) Разградскому с добытыми запасами как возможно поспешнее возвратиться в Петровское.

2-го февраля 1853 года г-н Разградский прибыл в Петровское и сообщил, что все запасы для экспедиции в де-Кастри заготовлены и что эта экспедиция совершенно обеспечена. Вследствие этого я 12-го февраля отправил лейтенанта Бошняка занять залив де-Кастри и исследовать из этого залива берег к югу. Бошняк отправился на трех нартах, с двумя казаками: Парфентьевым и Васильевым, и тунгусом Иваном. Ему приказано было: 1) с прибытием в де-Кастри, при собрании туземцев, поднять в оном русский военный флаг, в знак занятия залива. 2) С помощью туземцев приступить к постройке помещения для людей и приобрести хорошую лодку, на которой можно было бы с открытием навигации начать исследование берега к югу. 3) При этом исследовании стараться непременно достигнуть залива Хаджи, в чем Березин всеми средствами должен помогать Бошняку из Кизи. 4) Во время пребывания в заливе де-Кастри и при исследовании берега к югу, наблюдать над действиями иностранных судов в Татарском заливе, а в случае встречи с ними объявлять от имени русского правительства, что вся эта страна до Кореи и остров Сахалин составляют русские владения и что поэтому всякие произвольные распоряжения с их стороны в этих местах не могут быть допускаемы и влекут за собой ответственность. 5) Собирать всевозможные сведения о путях, ведущих из залива Хаджи на реку Амур, и о состоянии берега к югу, обращая главное внимание на то, не имеется ли на этом берегу закрытых бухт и сообщения с реками Амуром и Уссури. 6) Стараться по возможности подробно осмотреть залив Хаджи, в особенности если он окажется таковым, как го-

ворят о нем туземцы. 7) Иметь в виду, что в марте месяце вышлются в Кизи два или три человека, для подкрепления поста в заливе де-Кастри; эти люди должны оставаться в poste во время отсутствия из оного г-на Бошняка. 8) О всяком особом случае, особливо при появлении иностранных судов, стараться через Кизи давать мне знать, как возможно поспешнее.

6-го февраля возвратился в Петровское г-н Петров, а 10-го февраля пришла из Аяна почта с тунгусом. Петров сообщил о своей командировке следующее:

К селению Кевратин, на реке Амгунь, в 70 верстах от ее устья, от W и WtS, на пространстве около 38 верст, идет в реку Амгунь извилистая протока Джагдаха из озера того же имени; ширина этой протоки от 820 до 30 сажень, а глубина, по словам туземцев частью по его измерению, около 6 футов. На этой протоке, не доезжая около 15 верст озера, находится селение нейдалцев Хаидус. Берега протоки до этого селения низменны, покрыты тальником, тонким березняком и осинником, а от этого селения (равно как и берега озера Джагдаха) увалисты, местами скалисты и покрыты тонкой лиственницей, елью и березой. Озеро Джагдаха имеет длину на SW и NO до трех верст, а ширину до двух верст. В это озеро впадают две реки: Учан и Поцель; перевал отсюда на реку Биджи идет по реке Учан, устье которой, по наблюдению Петрова, оказалось в широте $52^{\circ} 52' N$ и в долготе $130^{\circ} 3' O$. Проехав до вершины речки Учан около 50 верст на юг, Петров достиг небольшого хребта, из которого берет эта река свое начало. Следуя отсюда через хребет, на SW, около 15 верст, он прибыл на реку Биджи. Широта этого пункта $52^{\circ} 22' N$, а счисляемая долгота $137^{\circ} 50' O$. От этого пункта река Биджи течет на расстоянии 75 верст до озера Ухдыль, в которое впадает; направление ее OSO, а около озера — O. Далее вверх, по словам туземцев, она имеет направление NW, W и SW, и вершина ее находится близ озера Самагири, до которого около 150 верст; следовательно, все течение этой реки около 225 верст. По словам туземцев, на пространстве от озера Ухдыль, около 150 верст, река Биджи имеет глубину не менее 4 футов. На этом пути нет ни порогов, ни шиверов, далее же она мелководна и порожиста.

Проехав от этого пункта вниз по реке Биджи на OSO до 10 верст, г-н Петров встретил две большие лодки; туземцы объясняли ему, что это лодки жителей озера Ухдыль. Берега реки Биджи до озера Ухдыль то увалисты и возвышенны, то низменны и тундристы: они покрыты мохом, лиственницей и елью, но последняя не толще 10 вершков. Ближе к устью встречается осина и березняк. Вдоль левого берега реки, на расстоянии от одной

до двух верст, тянется хребет гор, который местами подходит утесами к самой реке. По словам туземцев, как на верховьях этой реки, так и по склону хребта произрастают в большом количестве толстые (до 1 1/2 обхвата) леса лиственницы, сосны, кедра и ели. В реке Биджи много различного рода рыбы, а в лесах, которыми она протекает, соболей и лисиц; долина этой реки представляет одно из лучших мест для звериного промысла.

Окончив обследование Биджи, г-н Петров отправился в селение Тенже. Здесь он всеми средствами старался нанять проводника, чтобы проехать в селение Чеме, но никто не брался провожать его, потому что из ключей, при перевале через горы, выступила вода и затопила тропинку, по которой туземцы ездят. По сведениям туземцев, этим путем до лимана около 75 верст.

С почтой из Аяна я получил от генерал-губернатора от 6-го ноября 1852 года уведомление, в котором объясняется: 1) Что государь император, вследствие ходатайства генерал-губернатора, велеть соизволил уплатить Российско-американской компании из земских сборов Восточной Сибири за убытки, понесенные при потоплении барка «Шелехов» 36 121 рублей. 2) Из этих же сборов отчислить 100 тысяч рублей на вознаграждение Российско-американской компании за убытки, которые она может понести по установлению правительством сношений с гиляками и на дальнейшие действия правительства в земле гиляков.

Вследствие этого управлявший морским министерством августейший генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич от 28-го сентября изволил дать знать генерал-губернатору, что все расходы по крещению инородцев относить на этот капитал и, в случае каких-либо особых надобностей для экспедиции, делать расходы из того же капитала 100 тысяч, входя по этому с особыми представлениями.

Предписанием от 28-го ноября генерал-губернатор уведомил меня, что, вследствие представлений моих, он повторяет вместе с сим же камчатскому губернатору и начальнику Аянского порта: а) чтобы впредь в экспедицию назначать людей здоровых и хорошего поведения; б) чтобы все суда, назначенные к плаванию между Петропавловском и Аяном, совершали не один, а два рейса и заходили бы каждый раз в Петровское, и чтобы при этом оказываемо было экспедиции возможное содействие; в) чтобы командиры судов все требования мои исполняли в точности и без отговорок; г) чтобы все предметы, потребные для экспедиции, были доставлены по моим требованиям своевременно; д) чтобы доставка запасов, товаров и прочего была производима на компанейских судах.

Эти бумаги показывали уже, что правительство начало, наконец, обращать на экспедицию больше внимания.

25-го февраля отправлена была из Петровского почта в Аян; с ней я послал донесение генерал-губернатору, препровождая при этом данные мной Бошняку, Петрову и Разградскому инструкции. Высказав цель и последствия командировок, положение экспедиции и причины, побудившие меня занять ныне же залив де-Кастри и селение Кизи, я в заключение писал:

«Из этого ваше превосходительство изволите видеть, что залив де-Кастри и селение Кизи ныне занимаются и что из залива, с открытием навигации, начнутся обследования берега к югу, в видах разрешения морского вопроса, обуславливающего важное значение для России этого края. Вместе с тем примутся меры к возможному отстранению всяких иностранных покушений на край с моря. Засим, ввиду полученного ныне высочайшего повеления от 28-го сентября, мне остается надеяться, что, при ходатайстве вашего превосходительства, Высшее правительство утвердит упомянутые распоряжения мои и даст экспедиции надлежащие средства, согласно моим представлениям, для фактического заявления, что Приамурский и Приуссурийский края с островом Сахалином составляют принадлежность России».

С этой же почтой, депешей от 15-го октября 1852 года, Главное правление Русско-американской компании уведомило меня, что оно, вследствие полученного им сообщения от генерал-губернатора, сделало распоряжение о доставлении через Аян в экспедицию парового 16-сильного катера, двух гребных судов, запасов и товаров, согласно своему требованию от 2-го ноября 1851 года, и о присылке двух рыболовов с надлежащими снастями.

Вслед за отправлением почты 15-го марта 1853 года, я получил, через нарочного, из залива де-Кастри донесение от лейтенанта Бошняка, в котором он уведомил меня, что, по прибытии в де-Кастри 4-го марта, он созвал туземцев и, с поднятием военного флага, занял залив де-Кастри. «В настоящее время, — писал Бошняк, — мы с помощью туземцев приступаем уже к постройке флигеля длиной 3 сажени, шириной 2». Приказчик Березин сообщил мне в то же время из Кизи, что он основался в селении Котово.

Таким образом, в марте 1853 года были нами заняты де-Кастри и Кизи.

Как Березин, так и Бошняк просили меня, в своих донесениях, пополнить их запасы и товары, а потому я сейчас же на двух нартах отправил вверх по реке Амуру сухари и различные запасы с мичманом Разградским и двумя казаками. Офицеру этому приказано было доставить все

в Кизи, Березину, с тем чтобы последний отправил к Бошняку, в залив де-Кастри, одного из казаков с частью продовольствия и запасов; остальных же оставил у себя и чтобы сведения, доставленные от Бошняка, он отправил немедленно, а по уходе Бошняка из залива к югу, возвратился с донесением ко мне, оставив в селе Котове, при запасах, казака. Сообщая это распоряжение Бошняку, я писал, чтобы по отплытии из де-Кастри, он оставил при poste казака, снабдив его упомянутым объявлением, на случай прибытия в залив иностранного судна. Вместе с тем, я извещал его, что, взамен его, в залив де-Кастри, при первой возможности, будет выслан офицер. Так как запасов для больных было мало, то вслед за Разградским был командирован до селения Пуль подпоручик Орлов. Ему приказано было, во-первых, добыть провизии, а во-вторых, рассеять распространявшиеся тогда слухи о появлении на реке Амуре, около селения Пуль, миссионеров, разглашавших о нас злонамеренные слухи и угрожавших, что будто бы с открытием навигации, для уничтожения наших постов, спустятся в большом числе манджуры.

22-го марта я с доктором Орловым отправился на нарте в Николаевск¹ для осмотра работ и больных. По прибытии туда, я нашел, что больные, благодаря Богу, поправляются и что для предстоящих построек лес по возможности заготавливается. Вместе с тем, я получил через гиляков сведение, что в то время, когда северная часть лимана бывает заперта льдами, южная, открытая часть, бывает не только свободна от них, но и совершенно спокойна, а потому я приказал Петрову, с прибытием в Николаевск из Кизи г-на Разградского, оставить его у себя и приготовить к открытию навигации на реке Амуре имеющиеся в Николаевском построенные в Петровском: баркас и четырехвесельную шлюпку, так чтобы можно было оба эти судна послать в южную часть лимана, как только она очистится ото льда.

Сделав это распоряжение, к 5-му апреля я возвратился в Петровское и 10-го числа отправил в Николаевск подпоручика корпуса штурманов

Идолы и лечебные предметы амурских гольдов.

Гравюра XIX в.

А. И. Воронина, приказав ему со вскрытием реки Амура отправиться вместе с Разградским на четырехвесельной шлюпке и шестивесельном баркасе к мысу Пронге. Господин Воронин должен был на четверке проследить канал², идущий из реки близ мыса Пронге, к середине лимана, стараясь при этом, если возможно, соединиться в Сахалинском канале с г-м Разградским. Последнему я предписал следовать от того же мыса Пронге по южному прибрежному каналу до мыса Лазарева и оттуда выйти на Сахалинский для соединения с г-м Ворониным.

Таким образом, я хотел сделать последнюю попытку: невозможно ли с нашими ничтожными средствами определить направление и состояние главных фарватеров Амурского лимана.

В Петровском, между тем, исправлялся к навигации бот «Кадык» и заготавливался лес. Команды, благодаря Богу, оправились. 16-го апреля прибыл туда г-н Орлов с вымененными им от манджуров на товары просом и чаем и сообщил, что, достигнув селения Пуль, он узнал, что на реке Амуре действительно были два миссионера, но туземцы их прибили и прогнали; что же касается до распущенного слуха, что будто бы спустятся

¹ Им заведовал тогда г-н Петров.

² По сведениям от туземцев, этот канал глубже других, прибрежных, которые были тогда нам известны.

манджуры, чтобы уничтожить наши посты, то по всем собранным им сведениям, как от туземцев, так равно и от манджуров, этот слух оказался ложным. Манджуры в селении Пуль не только не думали об этом, но, напротив, изъявляли удовольствие, что мы поставили посты в Кизи и де-Кастри, ибо они опасались, чтобы кто-либо другой не занял этот край, так как их правительство оставляет его безо всякого наблюдения. Наконец, выразили желание, чтобы мы поселились вверх по Амуру, ближе к Сунгари, дабы удобнее было вступать с ними в торговые сношения.

26-го апреля прибыл из Кизи в Николаевск г-н Разградский. Бошняк прислал мне с ним донесение из де-Кастри. Господин Разградский через нарочного, посланного Петровым из Николаевска с донесением Бошняка, сообщил мне: «1) Что, следуя по реке Амуру, он убедился, что все туземцы к нам расположены и довольны, что мы поселяемся в Кизи. 2) Что являвшихся сюда с различными злонамеренными о нас слухами двух человек они прибили (одного до полусмерти) и прогнали. 3) Что надобно теперь надеяться, что с их помощью сообщение между Николаевском и Кизи более или менее обеспечено, ибо они охотно, за щедрое вознаграждение, которое обыкновенно мы им делаем¹, готовы помогать нам. Вообще, писали мне г-да Разградский и Орлов, туземцы, видя наше постоянно доброе с ними обращение, соблюдение полной относительно их, справедливости, уважение к их обычаям и, наконец, полное отсутствие желания навязывать им наши обычаи, не соответствующие ни образу жизни, ни положению народа, видимо, встали на нашу сторону. Манджуры же, видя, что мы вовсе не вредим их торговле в этом крае и всеми средствами охраняем оный от внешних на него покушений, точно так же почувствовали к нам расположение». По прибытии в Кизи, г-н Разградский нашел Березина водворившимся в селении Котово и производившим уже расторжку с инородцами, но, к несчастью, у него было слишком мало товаров. Сухари и продовольствие он немедленно отправил с туземцем и казаком в де-Кастри, к Бошняку.

Н. К. Бошняк, от 15-го апреля, из залива де-Кастри доносил мне следующее:

«К 25-му марта лед во внешней части залива около М. Кластер Камп разошелся, и с этого времени эта часть залива сделалась доступной для судов с моря. Лед же в самом заливе стоял до 7-го апреля, и только с этого времени, при крепком NO ветре, начало его ломать. До сих пор залив еще наполнен ломаным льдом. Вчерашний день, 14-го апреля, с горы у Кластер-Кампа мы увиде-

ли в трубу к югу, на горизонте, большое трехмачтовое судно, за которым начали следить.

12-го апреля мы перебрались во вновь выстроенную, покрытую хворостом, избушку. Это помещение, после бивуачной жизни то в грязных юртах туземцев, то на голом снегу, показалось для нас раем. В сделанном нами в этой избушке из глины камине мы поддерживаем огонь, дабы не заводилось сырости. Продовольствия при poste с получением от Березина и затем от Разградского муки, сухарей, сахару и чаю достаточно, я полагаю, на два месяца. Сухари мы бережем для похода, а вместо хлеба и пирожного печем у камина (единственной у нас печи) лепешки на рыбьем жире с рыбой; к обеду варим уху, а иногда и щи; обедаем и пьем чай все вместе. Для подкрепления команды я каждый день даю ей по две чарки манджурской водки (очень скверной), доставляемой нам Березиным из Кизи. Мы приобрели от купцов (за два конца катанки, якутский топорик и 5 аршин миткаля) лодку в 20 футов длины и 5 футов ширины; теперь готовим ее к походу: смолим, конопатим и возвышаем борта.

Такова наша жизнь и занятия. Всей команды при poste в настоящее время три казака и тунгус. Мы все здоровы и, благодаря Богу, бодр.

Имея постоянные сношения с туземцами залива де-Кастри и с возвращающимися через этот залив с тюленьего промысла инородцами реки Амуре, промысляющими вдоль берега, к югу от де-Кастри, я, кроме вышеупомянутых сведений, получил еще следующие.

По карте Крузенштерна, составленной из описи Лаперуза и Брайтона, в широте 49° N показаны у берега два больших острова; согласно с этим и с вашими указаниями, первая забота моя была разузнать от туземцев сколь возможно подробнее об этих островах. Из всех их объяснений оказалось, что никаких по берегу островов не существует, но что около этой широты должен быть выдающийся в море полуостров с двумя возвышенностями; Лаперуз и Браутон, следовавшие, вероятно, на значительном расстоянии от берега, приняли полуостров за острова. Туземцы сообщили мне, что именно у этого полуострова должен быть закрытый залив, который они называли Хаджи-ту².

15-го мая я получил с нарочным из Аяна предписание управлявшего морским министерством августейшего генерал-адмирала Константина Николаевича, от 12-го февраля 1853 года. Вот его содержание:

«По распоряжению президента Северо-Американских Штатов снаряжены две экспедиции: одна с целью установления политических и тор-

¹ Это вознаграждение обыкновенно состояло по их выражению, в миткале и китайке, и тамчи, т. е. махорки.

говых связей с Японией, а другая *ученая* для обозрения берегов Тихого океана, до Берингова пролива; почему правительство Штатов просило дружелюбного внимания и содействия этим экспедициям в случае, ежели бы суда их зашли в пределы наших владений на азиатском и американском берегах. Государь император Высочайше повелеть соизволил, предписать начальствующим лицам в тамошних наших владениях оказывать экспедициям дружественное внимание и приветливость, в должных границах благоразумия и осторожности».

Объявляя мне это высочайшее повеление, государь великий князь генерал-адмирал изволил объяснить, что «по официальным сведениям, обе эти экспедиции в ноябре 1852 года вышли в море и, вероятно, в мае или июне все суда соединятся у берегов Восточной Индии, а летом того же года могут быть в наших пределах. Экспедиция в Японию вверена командору Перри и состоит из линейного корабля *Vermont*, трех пароходно-фрегатов: *Mississippie*, *Susquehanna* и *Pouhotan*, одного корвета *Macedonian*, трех военных шлюпов: *Vandalia*, *Plymouth* и *Saratoga* и одного парохода *l'Alleghani*. Всего же из 10 военных судов. Ученая экспедиция, имеющая целью исследовать Китайское море, северную часть Тихого океана и Берингов пролив, по всей вероятности, около половины лета 1853 года будет находиться в наших пределах. Она находится под начальством капитана Рингольда (*Ringgold*) и состоит из следующих судов: а) военный шлюп *Vincennes*, пароход *John Hamock*, бриг *Porpoise* и маленький лоцманский пароход, имя которого нам неизвестно.

Поставляю Вас, таким образом, в известность, как о высочайшей воле, так и о целях, и составе экспедиций и о времени предполагаемого их плавания вблизи и около наших владений, насколько эти подробности нам теперь известны, но окончательно верными их считать нельзя; могут последовать и изменения. Мне остается Вам повторить: чтобы во всех ваших сношениях, буде случится, с судами, начальниками и экипажами этих экспедиций, вы оказывали им все внимание и приветливость дружественной нации, содействуя при нужде пособиями и наставлениями; словом, вы должны исполнять все, что обыкновенно соблюдается союзными державами, но при этом для предписываемых Вам благоразумия и осторожности иметь постоянно в виду честь русского флага, достоинство нашей империи, мирно водворяемую нами в края, где вы находитесь, власть, и ввиду этого необходимую проницательность».

Таков был смысл высочайшего повеления и предписания августейшего генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича.

22 мая я получил из Николаевска с нарочным тунгусом записку от Н. К. Бошняка, отправленную им 6 мая в Николаевск с тунгусом из селения Хой. Записка эта такого содержания: «В заливе Хой я нашел стоявшее на верпе китобойное судно, шкипер которого (родом из Бремена) сообщил мне, что на Сандвичевых островах он слышал, что американцы нынешним летом будут в Татарском заливе и хотят занять бухту для пристанища своим китоловным судам; насколько это справедливо — не знаю, но я во всяком случае буду руководствоваться данным мне заявлением о принадлежности этих мест до корейской границы, а равно и острова Сахалина, России, что объявил и этому шкиперу».

Глава XX

Мои распоряжения в Николаевске. —
Предписание Разградскому от 23 мая 1853 года. —
Донесение г-д Воронина и Разградского от 31 мая. —
Сущность донесения Н. К. Бошняка от 20 июня. —
Состояние залива де-Кастри. — Состояние берега между
заливом де-Кастри и гаванью Императора Николая (Хаджи).

следствие упомянутого в предыдущей главе высочайшего повеления, предписания августейшего генерал-адмирала и, наконец, сведений от Н. К. Бошняка, я приказал, по прибытии в Николаевск мичмана Разградского, следовать ему немедленно в залив де-Кастри с тремя матросами и действовать согласно препровождаемой при сем инструкции. Эта инструкция была такова.

1) По прибытии в де-Кастри, иметь при poste постоянно военный флаг.

2) В случае прихода в де-Кастри американских военных судов, принять их сколь возможно дружелюбно, вежливо и радушно; при сношении же с начальниками и офицерами объяснять, что плавание по лиману, наполненному лабиринтом мелей и банок, при сильных неправильных течениях, не только затруднительно, но в высшей степени опасно для мелкосидящих судов, для судов же среднего ранга невозможно. Что вся эта страна пустынная, гористая, без всяких путей сообщения. Что по Нерчинскому трактату, заключенному с Китаем в 1689 году, и по праву занятия острова Сахалина нашими тунгусами в 17 столетии, первоначального его описания в 1742 году и занятия южной части его в 1806 году русскими, вся страна эта до корейской границы, как равно и остров Сахалин, всегда составляли и составляют российские владения.

3) Что теперь правительство создало необходимым основать в этом крае несколько постов, из них главный Николаевский на устье реки Амура, ввиду того, чтобы обеспечить сообщение Восточной Сибири с владениями нашими, лежащими по берегам Охотского моря, Камчатки и Америки и, наконец для того, чтобы плавающие в значительном количестве около этих негостеприимных и опасных берегов иностранные суда, в случае несчаст-

тий или нужды, имели бы пристанище и помощь. Посты эти вскоре должны быть устроены в более или менее надлежащем виде, ныне же мы исследуем только берег для выбора лучших для этого местностей.

4) Вам поручается всеми мерами содействовать американцам для достижения ими ученой цели, с которой, по сообщенным мне его высочеством генерал-адмиралом сведениям, эти суда здесь могут явиться, стараясь при этом показать им, что всякое распоряжение с их стороны (носясь слухи, что будто бы цель прибытия этих судов в Татарский залив состоит в занятии на берегах этого залива пункта) не может быть допускаемо без разрешения высшего правительства.

5) Иметь в виду, что в июне или в начале июля вам придется провизия и подкрепление и потому продовольствия из Николаевска вы должны взять по крайней мере на 1 $\frac{1}{2}$ месяца.

6) По прибытии в Кизи приказчика Березина вышлите его на наемной лодке в Петровское, с вымененными им от туземцев на товары просом и чаем, в чем мы очень нуждаемся; при поспе в Кизи оставьте одного или двух человек.

7) По возвращении из экспедиции лейтенанта Бошняка, передайте ему, чтобы он для личных со мной объяснений немедленно следовал в Петровское.

8) В случае прихода в де-Кастри китобойных или иных иностранных частных судов, заявляйте им, что так как все берега эти до корейской границы составляют российские владения, то никакие с их стороны произвольные распоряжения, а равно насилия и обиды инородцам, как состоящим под нашей защитой и покровительством, не могут быть допускаемы. Затем по возможности тщательно наблюдайте за их действиями.

После этого, 6-го июня, я получил из Николаевска уведомление от г-д Воронина и Разградского об исполнении данных им поручений и о том, что г-н Разградский, согласно сейчас сказанному моему предписанию, 2-го июня отправился в де-Кастри.

Господин Воронин донес мне, что, выйдя 10-го мая из Николаевска, от мыса Пронге, он направился по указанному туземцами каналу, идущему по середине лимана, но мог проследовать только малую часть оного, потому что при засвежившем от S ветре, сулоем и волнением шлюпку заливало, так что с большой опасностью он едва мог добраться до мыса Пронге. Глубина лимана в этой части от 4 до 6 сажен.

Господин Разградский, следуя от того же мыса, по южному прибрежному каналу и достигнув мыса Лазарева, старался перейти на сахалинский канал, но здесь его постигла та же участь:

при внезапно засвежившем ветре от S развело сулой и волнение, которыми заливало его шлюпку, и он едва мог достигнуть берега, чтобы укрыться.

В заключение оба офицера высказали, что без парового мореходного судна с надлежащими средствами, обследование середины лимана, где имеется надежда найти более глубокий фарватер, нежели известный нам прибрежный, решительно невозможно.

23-го июня с приказчиком Березиным, возвратившимся из Кизи, я получил донесение г-на Бошняка; в то же время пришло с нарочным из Аяна уведомление генерал-губернатора о высочайше утвержденном, составленном им, штате амурской экспедиции. При этом приложен был и самый штат.

Болезнь г-на Бошняка не позволила ему явиться лично ко мне, в Петровское; он остался в Николаевске и оттуда, 20-го июня, прислал мне следующий отчет о своей командировке: «Залив де-Кастри совершенно очистился ото льда 28-го апреля, а до этого времени с 7-го апреля весьма часто при O ветре наполнялся льдами с моря. 1-го мая, на приготовленной лодке, с двумя казаками и тунгусом, я вышел из залива, оставив при поспе двух человек и дав им, согласно вашему приказанию, на русском и французском языках объявление для представления иностранным судам, в случае их прихода в залив. В лодку мы могли взять с собой сухарей и прочей провизии не более как на пять недель.

По наблюдениям моим, произведенным в заливе де-Кастри, оказалось:

1) что подойти к заливу с моря возможно было с 19-го марта, войти же во внутреннюю часть залива можно было только 27-го апреля.

2) Возвышение воды при обыкновенных обстоятельствах бывает от 4 до 5 футов.

3) Грунт дна плитняк и жидкий ил на нем, толщиной не более 2 футов, а потому стоянка здесь судов не совсем обеспечена.

4) Самая закрытая часть залива — за островами Базальтовым и Обсерватория, но глубина на этом месте от 4 $\frac{1}{2}$ до 3 $\frac{1}{2}$ сажен, у берега же мель.

5) По реке Сомин (или Нангмар), впадающей в залив в западную мелководную бухту, возможно подыматься только 4 версты и то на шлюпке, сидящей в воде не более 2 $\frac{1}{2}$ футов, далее же эта речка мелководна и порожиста.

6) Вся северная бухта усеяна камнями, мелководна и недоступна.

1-го мая я вышел из залива де-Кастри и на пути пользовался всякими благоприятными обстоятельствами, чтобы собрать всевозможные сведения о свойстве берегов, рек, впадающих в море, зимних путях туземцев и о характере и образе жизни прибрежных жителей. 22-го мая 1853 года

я прибыл в неизвестный еще до сего времени залив, носящий у туземцев название залива Хаджи.

Путь следования моего до этого залива был следующий.

2-го мая мы прибыли в первое на нашем пути селение Дугу, которое расположено при устье реки того же имени, весьма мелкой и удобной только для входа небольших лодок; она вытекает из одного хребта с рекой Сомин (в залив де-Кастри), течет весьма извилисто, между низменными при устье берегами, поросшими травой. У самого устья на двух гористых мысах и на близлежащем хребте растет среднемерная ель. Берег до селения Дугу утесистый, отвесный, и только два маленьких ручейка имеют небольшую отлогость и служат проезжающим туземцам местом убежища во время сильных ветров. До устья первого ручейка, лежащего от Клостер-Кампа около 10 миль, берег преимущественно сплошной каменистый; далее же глинистый, но везде покрыт густым мелким лесом. Перед самым селением Дугу находятся два каменистых острова. Между крайним и мысом Дугу — каменистый риф. На этих островах туземцы в июне собирают яйца чаек и диких уток, которых по всему побережью изобилие. Устье реки Дугу, по наблюдению полуденной высоты, лежит в $51^{\circ} 16' 24''$ N широты. Вышедши оттуда 5-го мая, я достиг селения Хой, около которого встретил трехмачтовое китобойное судно, стоявшее на верпе; шкипер его, пользуясь штилем, съезжал на берег, чтобы купить рыбы у туземцев; он говорил и по-французски и по-немецки, а потом я заговорил с ним и пригласил его напиться вместе чаю. В разговоре он мне сообщил, что американцы нынешним летом хотят быть в Татарском заливе, чтобы занять здесь бухту для основания пристанища китобойным и другим судам, посещающим эти места. На это я отвечал ему, что без согласия нашего правительства этого сделать нельзя, потому что все побережье до корейской границы, а равно и Сахалин, на основании трактата 1689 года и первоначального описания и заселения русскими Сахалина, составляют владения России. При этом я объяснил ему те основания, которые ему не были известны, и в заключение просил его, чтобы он объявил о том своим соотечественникам. После того я сказал, что мы ныне сами намерены во всех закрытых бухтах, которые окажутся удобными и безопасными для стоянки судов, поставить надлежащие посты, как уже и начали с залива де-Кастри. Шкипер оказался человеком весьма образованным: он

с любопытством выслушивал мои объяснения и дал мне слово передать это и другим, а для большей основательности просил меня написать подобного рода заявление на бумаге, что, согласно данным мне Вами приказаниям, я и исполнил. Имея в виду, что подобная встреча весьма важна и пользуясь проезжавшими в это время из селения Аура на реку Амур манджурами, я отправил с ними к Вам записку, приказав им сколь возможно скорее доставить оную в Николаевск, и обещал им, что чем скорее они ее доставят, тем большее получат вознаграждение. Они объявили мне, что ранее 10 ночей доставить эту пisku нельзя, и они будут довольны, если им дадут 3 конца китайки, 5 сажень миткаля (пось), 2 платка, охалку (т. е. около 10 фунтов) тамча (махорки) и 3 топора; я сказал им, что все это им выдадут, если они устоят в своем слове и сверх этого прибавят еще 3 сажени пось. Они с радостью взялись и просили меня написать об этом писку, т. е. дать им вроде реверса. Так мы обоудно и устроили: эти туземцы, пользуясь штилем, сейчас же отправились¹. Со шкипером Бергстремом мы расстались друзьями: я способствовал ему запастись здесь рыбой и дикими утками от туземцев, что было мне весьма легко, так как я имел в тунгусе хорошего переводчика.

Селение Хой лежит при устье реки того же имени, за мысом, называемым туземцами Большой Хой; оно находится в 35 милях от мыса, реки и селения Дугу. Устье речки Хой запружено песком и дресвою, почему оно и представляет вид озера. Местность, преимущественно у побережья, песчаная, далее же тундристая и покрыта мелкой лиственницей. На всем протяжении от селения Дугу до Хой берег представляется утесистыми мысами; эти мысы носят следующие названия: Натом, То, Агас, Чансины, Мангутово, Чудой, Земново и Хой. Они все каменистые и с северной стороны представляют отвесные скалы, а с южной спускаются в море глинистыми обрывами, покрытыми мелким уродливым лесом и кустарником. По словам туземцев, здесь множество медведей. Берег между этими местами утесистый; здесь встречаются ручейки с низменностями и три небольшие речки; за мысом Агас течет река Гвелы, а за мысами Чансины и Чудой — реки тех же имен. Эти речки при устьях служат убежищем туземцам при свежих ветрах. Из них, впрочем, одна только Гвелы заслуживает некоторого внимания. По свойству большей части рек этого побережья, ее устье также загромождено дресвою; она течет между гористыми

¹ Они в точности исполнили свои обязанности: 16-го мая записка Бошняка была в Николаевске, и они получили все сполна со значительной еще прибавкой.

Луговая растительность на Амуре.

Гравюра XIX в.

берегами, покрытыми елью, при устье же берега ее низменны и травянисты. Прежде тут была одна юрта туземцев; по их рассказам, в летнее время вода прорывает кошки, и в нее заходит в большом количестве кети. Из селения Хой г-н Бошняк прибыл в селение Сюркум (или Теряти), лежащее в 19 милях от Хой. Оно расположено между двумя реками — Сюркум и Теряти, от которых и получило свое название. Из них первая ближайшая к мысу и селению, при устье довольно глубока (6 футов) и при приливах и отливах имеет весьма быстрое течение; вторая же, Теряти, заграждена при устье кошками и имеет вид озера; берега ее низменны и песчаны. От устья реки Сюркум до мыса того же имени тянется тундристая низменность, отчего и самый этот мыс издали кажется островом. Берег между селениями Сюркум и Хой вообще отвесный и утесистый с небольшими ручейками, представляющими весьма малые удобства для приставания шлюпок. По наблюдениям полуденной высоты солнца, широта селения Сюркум $50^{\circ} 31' 34''$ N. Из этого можно заключить, что мыс этот тот самый, который на карте Крузенштерна назван

мысом Маунта. Из селения Сюркум Бошняк прибыл в селение Лукаль, лежащее около 19 миль от Сюркума. Лукаль находится при устье реки того же имени, которое также загромождено с моря дресвяной кошкой, отчего тоже имеет вид озера. Местность у этого устья до мыса возвышенна, покрыта травой и различными цветами и потому весьма красива, а речка изобилует рыбой. Берег моря между селениями Сюркум и Лукаль отвесно-утесистый; на нем нет ни одного ручейка с низменностью, отчего он весьма опасен. От селения Лукаль, в 6 милях, лежит селение Хойль, а в 2 милях от него — селение Быки. Первое расположено при ручье того же имени, а второе — при устье речки Быки; оба имеют хорошую почву, покрытую мелким лесом. Быки зимой не изобилует рыбой, поэтому жители на зиму переходят в другие селения или на реку Тумджин. Устье реки Быки мелко и каменисто, берега же на всем протяжении низменны и только местами возвышаются и имеют мелкий лес. В двух милях от селения Быки находится огромный камень, а в 32 милях лежит селение Дата. По полуденной высоте

солнца, широта последнего оказалась 49° 16' N. Мыс Дата, при устье большой реки того же имени, на карте Крузенштерна назван мысом Лесепс: он травянист, покрыт редким березняком и по хорошему качеству травы представляет удобство для скотоводства. Около двух верст от берегов реки тянется небольшой хребет, и от него около $\frac{1}{2}$ версты идет тундристая низменность, покрытая горелым лесом. Река Дата изобилует как речной, так и морской рыбой, поэтому инородцы живут на ее берегах постоянно, т. е. зиму и лето. Такого рода местность есть единственная на всем осмотренном мной пространстве. Это селение есть непременная станция для всех туземцев, кочующих по реке Тумджин, и для инородцев с реки Амура, проезжающих мимо на тюлений промысел и для торговли в залив Хаджи».

Сведения, отобранные Н. К. Бошняком о реке Дата, следующие: она состоит из двух рек: Тумчин и Чламаль, собственно же Дата, по рассказам туземцев, течет на расстоянии 150 верст от слияния этих рек; течение ее на этом пространстве извилисто и направляется частью между низменными, частью же между гористыми бере-

гами, покрытыми толстым осиновым, кедровым, лиственным и еловым лесом. Леса эти изобилуют соболями, лисицами и выдрами, что составляет главный зимний промысел туземцев.

Берег моря между селениями Быки и Дата преимущественно утесистый и покрыт мелким лесом; на нем замечательны следующие мысы: Бьена, Чумы, Юмы и, наконец, Дата, или Лесепс. Все они гранитные, и мыс Чумы имеет красный цвет. Вообще эта часть берега обращает на себя внимание своими живописными видами: то он идет высокоотвесными скалами, доходящими до 150 футов высоты, то образует маленькие бухточки между скалами, в середине которых стоят отдельно красноватые скалы; то опять представляет луговые низменности, поросшие рощами, цветами и кустарником. Из многих речек, впадающих в море на этом пространстве, ни одна не заслуживает внимания.

От селения Дата в 9 милях лежит селение Джунихо на небольшой речке того же имени. Селение это расположено на луговой низменности, в маленькой бухточке, в которую впадает река того же имени. Эта река весьма мелка и узка, так

Долина реки Александровки на Сахалине.

Гравюра XIX в.

что в устье ее проходят с большим трудом туземные лодки. Берег на протяжении от Дата до Джунихи горист и каменист.

В 10 $\frac{1}{2}$ милях от Джунихи находится селение Уй при устье небольшой реки того же имени, впадающей в небольшую бухточку, берега которой тундристы и покрыты мелким лесом; устье этой речки весьма узко и мелко. Подход с моря к ее устью затруднителен даже и для туземных лодок, по причине множества камней, которыми она усеяна. Морской берег до этого селения имеет тот же характер, что и предыдущий. Из мысов, лежащих на этом берегу, замечательны (названные мною) мыс Казакевича и Китобойный. Весь берег от селения Уй до залива Хаджи низменный и покрыт густым лесом. На нем нет ни одной реки.

«23 мая 1853 г., — пишет Бошняк, — при свежем О ветре, я подошел к низменному перешейку, перетащил через него лодку и вошел в бухту, которую назвал в честь цесаревича — Александровской. Из этой бухты мы того же числа прибыли в самый залив и расположились за островом на ночлег. Это место, как лежащее у входа в залив с моря, я и выбрал за начальный пункт моих исследований. Широта его по полуденной высоте солнца оказалась 49° 4' N.

Неизвестный до этого времени никому из европейцев залив Хаджи, названный мной заливом Императора Николая I, лежит между увалистыми берегами, покрытыми на южной стороне превосходными лиственничными и словыми лесами. Он опоясывается отрогом гор от хребта, идущего параллельно берегу моря. По склону гор, обращенному к заливу, произрастают кедровые леса больших размеров. Залив этот принимает в себя, кроме большого числа маленьких рек, две значительные реки: Хаджи и Ми. Первая из них впадает в главную бухту залива, названную мной бухтой Императрицы Александры, а вторая — в большую бухту, названную бухтой Великого Князя Константина.

Залив Хаджи можно подразделить на четыре части или бухты: Императрица Александра (по-туземному Ходж), Великий Князь Константин (по-туземному Ми), Великий Князь Цесаревич Александр (по-туземному Уй), Великий Князь Алексей (по-туземному Верги). Каждая из этих бухт составляет обширную и совершенно закрытую гавань, но из них бухта Великого Князя Константина особенно замечательна по приглубым берегам своим, к которым могут приставать суда всех рангов. Бухта Константиновская ограничивается с северной стороны горами, а с южной — возвышенным ровным берегом. Глубина ее от 5 до 10 сажен, а под самым берегом от 4 до 5 сажен. В эту бухту впадает река, имеющая в ус-

тье каналов 11 футов глубины. По рассказам туземцев, берега этой реки покрыты толстомерным лесом кедра, лиственницы и ели. В жаркое время сюда выходит много сохатых (олений), охота на которых составляет главное занятие жителей; кроме того, туземцы занимаются еще рыбным промыслом, так как река изобилует рыбой.

Бухта Цесаревича Александра уступает Константиновской тем, что низменный перешеек открывает ее северным ветрам; глубина в ней на расстоянии около 200 сажен от перешейка от 2 до 5 футов, а далее, на пространстве около 2 $\frac{1}{2}$ верст, до ее устья, от 3 до 10 сажен; у берега — 4 сажени.

Южный берег бухты Императрицы Александры возвышенный и изобилует чрезвычайно толстомерным лесом (от 10 до 15 вершков) кедра, лиственницы и ели; северный же берег увалистый, ровный и хотя покрыт лесом, но менее толстым. Глубина в бухте от 9 до 17 сажен; у самого берега — 3 сажени.

Бухта Великого Князя Алексея имеет в устье глубину 9 сажен, а далее от 4 до 7 сажен, берега ее увалисты и заняты частью лесом, частью же лугами.

Река Хаджи впадает в бухту Императрицы Александры; она, по словам туземцев, течет на 150 верст. Из них на протяжении 40 верст она удобна для плавания на лодках; на этом расстоянии четыре селения. Глубина реки на бере в малую воду от 1 $\frac{1}{2}$ до 2 $\frac{1}{2}$ футов, а далее до 12 футов. Правый берег при устье гористый, левый — луговой. Оба берега реки покрыты строевым лесом лиственницы и ели. По словам туземцев, около 40 верст от устья, по берегам этой реки находятся дубовые леса.

Туземцы залива Императора Николая живут в пяти селениях; главное из них при устье реки Ми имеет 10 юрт. Всех жителей не более 50 душ. Образ жизни туземцев, а равно и жителей всего пройденного мной берега, следующий: большая часть их полукочевая и полуседлая, так как перемещаясь, ограничивается у них постоянно двумя пунктами. В летнее время они выходят на побережье, где и выжидают прохода морской рыбы, из которой готовят для себя зимний запас. Затем, на зиму, уходят на реки Дата и Тумчин, на которых занимаются промыслом сохатых и различного рода пушных зверей. Со вскрытием этих рек, сделавши себе лодки из толстой осины, которая, по их словам, на этих реках в изобилии, они спускаются по течению в свои летники. Там опять они занимаются охотой на сохатых и рыбным промыслом; для последнего им приходится переходить в соответствующие для промысла места в окрестностях залива. Средства, употребляемые ими для ловли рыбы,

Мангун.
Гравюра XIX в.

гораздо хуже, чем у амурских туземцев, почему, несмотря на огромное количество речной и периодической морской рыбы, запасы их никогда не превышают количества, необходимого для домашнего употребления. Весной, когда время прохода рыбы еще не наступило, туземцы на легких ветках (шлюпка из бересты) выезжают к мысам залива, где ловят камбалу, быков и раков, для пропитания в это время. Часто случается, что рыбный промысел осенью изобилен, и тогда большая часть туземцев остается зимовать в своих летниках.

Туземцы живут в юртах, сделанных из коры; для приготовления пищи и отопления, среди юрты, на земле раскладывается огонь. Юрты эти ежегодно ремонтируются. Поблизости рыбного промысла, подобно всем инородцам Амурского края, эти туземцы имеют летники, т. е. такие же юрты, как и летние. Все здешние туземцы нрава кроткого и боязливы; по большей части тех предрассудков, каких много у гиляков, у них нет. Несмотря на то, что страна изобилует пушными ценными зверями и рыбой, они живут очень бедно; вероятно, оттого, что не имеют никакой возможности сбывать свои промыслы за сколько-нибудь сходную це-

ну. По их словам, одна или две лодки ежегодно ходят в Кастри и оттуда в Кизи, для закупки крупы, табаку и ткани (преимущественно китайки) от торгующих там манджуров или инородцев. Обитатели реки Амура хотя и приезжают для торговли на татарский берег, но все-таки не могут удовлетворить потребности разбросанного по этому берегу населения, доходящего до 5 000 душ.

Различные туземцы, встречавшиеся на пути, рассказывали мне, что до селения Кульмуги, лежащего около 300 верст от устья реки Самальга, ведется торговля с приезжающими туда инородцами и манджурами с рек: Уссури и Сунгари; до этого селения ни хлебопашеством, ни огородничеством не занимаются, далее же к югу, внутри страны есть манзы, которые имеют скот и огороды и занимаются хлебопашеством. Обитатели татарского берега разделяются на два рода: те, которые населяют берег от де-Кастри до реки Самальга, называют себя мангунами, живущие же к югу от Самальги, до корейской границы — кекгальцами, а внутри страны — манзами. Мангуны и кекгальцы отличаются между собой языком, но образ жизни их одинаков. Манзы оседлы, и язык их — смесь манджурского с кекгальским. На расстоянии около 800 верст от реки Самальги (20 дней хода на лодке, как выражали туземцы) впадает в большой залив реки Сайфун. С этой реки ездят в корейский город и большое озеро Канга, которое соединяется с рекой Уссури. На татарском берегу между реками Самальгой и Сайфуном, говорили туземцы, есть много закрытых бухт, из коих некоторые иногда вовсе не замерзают, и что бухты эти находятся недалеко от реки Уссури, с которой и на которую туземцы часто ездят на собаках через горы. Подобных путей, по их словам, очень много. Река Самальга впадает в море, в широте около 46° 30' N. По словам жителей, эта река имеет берега, покрытые строевым дубом и кленом; она глубока на пространстве около 200 верст, и по ней могут подыматься большие лодки. С этой реки ездят на Уссури через реку Пор и другие притоки рек Самальги и Пор. Этот путь около 400 верст.

Еще я узнал, что из залива Императора Николая на реку Амур три пути: 1-й: с Кизи по реке Дата и Тумчин, через довольно высокий хребет на исток реки Ай, впадающей в озеро Кизи (этим путем до селения Кизи около 500 верст), 2-й: по рекам Дата и Тумчин до истока последней, откуда переваливают на реку Уливчи, впадающую в реку Ады, приток Амура, и, наконец, 3-й: путь по реке Дата до устья реки Чьямалы, вверх по сей последней, до гор и далее чрез хребет в проток реки Хунгари; по этой последней спускаются до устья ее, т. е. до реки Амура. Последний путь счи-

тается самым удобным и имеет около 400 верст. Все жители побережья Татарского залива ни от кого не зависят, никому ясака не платят и никакой власти не признают.

По словам туземцев, в Татарском заливе ранней весной являются большие суда, часто становящиеся у берега на якорь; команды их иногда делают насилия жителям».

Окончив описание залива Императора Николая I, г-н Бошняк собрал на берег в бухту, лежащую при выходе из залива, всех туземцев и объявил им, что так как вся страна до корейской границы русская, то мы их и всех жителей, в оной обитающих, принимаем под свою защиту и покровительство. Засим поставил крест и вырезал на нем: «Открыта и названа заливом Императора Николая I, 23 мая. Н. К. Бошняк». Передав жителям объявление упомянутого содержания на русском, немецком и французском языках, Бошняк приказал им предъявлять эту бумагу каждому судну, которое они встретят, а тем более которое придет в гавань. 30-го мая, пользуясь благоприятными обстоятельствами, г-н Бошняк вышел из гавани и направился в обратный путь вдоль берега к северу. Провизии у него оставалось только на три дня, а потому шесть дней он питался рыбой и ягодами. 8-го июня прибыл в залив де-Кастри и, вследствие моих распоряжений, отправился в Николаевск, куда и прибыл 17-го числа, больной.

Результаты открытий и исследований Н. К. Бошняка были очень важны. Он был первый из европейцев, который дал свету точное понятие о северном берегу Татарского залива и обнаружил неверность этой части берега на карте Крузенштерна: он открыл на этом берегу одну из превосходнейших и обширнейших гаваней в мире и узнал, что там находится еще несколько гаваней, чем разрушил сложившееся до этого времени мнение, выразившееся и на карте Крузенштерна, что будто бы на всем пространстве этого берега, от залива де-Кастри до корейской границы, нет не только ни одной гавани, но даже какой-либо бухты, сколько-нибудь удобной для якорной стоянки, почему берег этот считался опасным и недоступным. Наконец, он разрешил окончательно весьма важный вопрос, именно: что жители, обитающие на этом берегу, никогда зависимы не были и китайской власти не признавали.

Вслед за нарочным из Аяна, 26 мая, я получил с почтой высочайшую награду Св. Анны 2-ой степени с короной и, по представлению генерал-губернатора, высочайше утвержденный штат амурской экспедиции.

Глава XXI

Высочайше утвержденный штат амурской экспедиции.—

Сущность отношения Завойко.—

Следствие распоряжений Высшего правительства.—

План действий моих в июле 1853 года.—

Распоряжения мои доктору Орлову 14 июля.—

Письмо мое генерал-губернатору от 14 июля 1853 года.

предписании своем от 2 марта 1853 года генерал-губернатор пишет мне: «Ввиду важности результатов Ваших действий, государь император, по представлению моему, высочайше удостоил Вас наградить за оные и вместе с тем утвердить штат вверенной Вам экспедиции, составленный на основании донесений Ваших, и приказать изволил все расчеты с Российско-американской компанией окончить к 1 января 1854 года, о чем и сообщено главному правлению компании».

Согласно штату экспедиции, Николай Николаевич предписывал мне:

- а) всех чинов экспедиции зачислить в штат оной;
- б) время к пенсionsу офицерам считать с 29 июня 1850 года, т. е. со дня основания Петровского зимовья;
- в) главным пунктом экспедиции назначить Николаевск;
- г) морское довольствие требовать от камчатского губернатора;
- д) командиром морской роты и моим помощником назначается капитан-лейтенант Бачманов, который и должен прибыть на место в навигацию 1853 года; что же касается дополнения экспедиции командой, согласно утвержденному штату оной, то оно не может последовать ранее 1854 года и, вероятно, будет из Забайкалья.

По высочайше утвержденному штату амурская экспедиция состояла: 1) из начальника оной капитана 1-го ранга Невельского на правах губернатора или областного начальника. 2) Из роты флотских нижних чинов — 240 человек, откомандированной из камчатского экипажа. Командир этой роты, штаб-офицер флота, вместе с тем назначался помощником начальника экспедиции. В этой роте должны состоять: два лейтенанта, два мичмана, два штурманских офицера и один артиллерийский офицер (вместо штурманских и ар-

тиллерийского офицеров, по усмотрению начальника экспедиции, могут быть флотские офицеры). 3) При экспедиции, сверх морских чинов, состоят: сотня конных казаков с двумя офицерами и взвод горной артиллерии при двух офицерах; доктор, правитель канцелярии с одним или двумя помощниками, три писаря, содержатель имущества, два фельдшера и священник с походной церковью. 4) Все чины, состоящие в экспедиции, пользуются морским довольствием, по камчатскому положению, в продолжение всего года. 5) Офицеры, состоящие в экспедиции, получают пенсии за пять лет служения в оной, в том размере, какой определен по закону за 10 лет службы в Охотске и Камчатке. 6) Служба, проведенная в экспедиции, считается год за два года для нижних чинов. 7) Экспедиция во всех отношениях состоит под непосредственным начальством генерал-губернатора Восточной Сибири.

С этой же почтой я получил отношение от камчатского губернатора В. С. Завойко, который просил меня скорее выслать в Петропавловск зимующий в Петровском бот «Кадык», так как с открытием навигации все суда Камчатской флотилии должны идти в Аян, а между тем необходимо снабдить продовольствием Гижигу и Тягиль.

Судя по распоряжениям высшего правительства, я убеждался, что оно решается, наконец, обратить серьезное внимание на этот край и что заявление мое о принадлежности его России ему уже известно, а потому слова: *иметь постоянно в виду благоразумие, осторожность и миролюбиво водворяемую нами в том краю власть при сношении с ожидаемыми американскими военными судами*, могли быть понимаемы в духе упомянутого в предыдущей главе моего заявления иностранцам.

Ввиду этого убеждения и сведений, доставленных г-ми Бошняком, Разградским и Петровым, я предположил:

А. Немедленно отправить бот «Кадык» в Аян с предложением Кашеварову, чтобы первое военное судно, пришедшее из Петропавловска, было прислано в Петровское с запасами, какие только возможно уделить из Аяна, и затем, чтобы он скорее высылал в Петровское запасы и товары, а равно и паровой баркас, долженствовавший прибыть в Аян в навигацию этого года, согласно уведомлению главного правления компании.

Б. С прибытием из Аяна военного судна, немедленно следовать на нем в Татарский залив с целью поставить военные посты на западном берегу острова Сахалина и в Императорской гавани.

В. В то же время отправить А. И. Петрова с продовольствием и частью людей в Кизи, для подкрепления нашего поста в залив де-Каст-

ри и окончательного занятия селения Котова (около Кизи).

Бот «Кадык» вышел из Петровского 26-го июня; с ним я послал донесение генерал-губернатору (прося это донесение отправить из Аяна с нарочным) и отчеты по исследованиям г-д Бошняка, Разградского, Петрова и Воронина. Объясняя важность результатов их работ, обстоятельства, какие встречаются на месте, положение экспедиции и, наконец, упомянутые мои распоряжения и те, которые я непременно приведу в исполнение с прибытием первого военного судна в Петровское, я писал: «Немедленное занятие Императорской гавани, как гавани на побережье Татарского залива, находящейся посредине между лиманом и корейской границей, весьма важно. Кроме того, следует занять еще одну бухту на западном берегу острова Сахалина и выслать в крейсерство в Татарском заливе военное судно. Все это крайне необходимо, ввиду ожидаемого прибытия в этот залив американской экспедиции, а во-вторых, для подкрепления постов в де-Кастри и Кизи. Только этими действиями мы фактически можем заявить американцам и всем иностранцам о принадлежности этого края России и тем отстранить всякие на него с их стороны покушения.

Из моего донесения Ваше Превосходительство изволите усмотреть, что разрешение главного морского вопроса подвигается успешно: несмотря на ничтожество средств, мы принимаем меры к ограждению этого края от всяких на него покушений с моря. Так как государь император по ходатайству Вашему уже обратил свое высокое внимание на наши работы, то мы надеемся, что экспедиция наша получит наконец надлежащие средства. Несмотря на все усилия и попытки наши, с настоящими средствами мы не только не имели возможности произвести исследование средних лиманских фарватеров, которые, по словам туземцев, более глубоки известных нам, открытых в 1849 году фарватеров,— мы не имели даже возможности с точностью определить направление и этих последних и оградить их надлежащими знаками, необходимыми для плавания судов по лиману, который, как Вам известно, имеет сильные неправильные течения и лабиринты банок и мелей, так что вход в реку судов, сидящих в воде до 14 футов, остается доселе, по неимению при экспедиции средств, небезопасным. На исследование лимана и на устройство на нем мореходных знаков, даже при том числе судов, о котором я несколько раз представлял Вашему Превосходительству, потребовалось бы более двух лет, а между тем в штабе амурской экспедиции, ныне мне присланном, а равно и в предписании Вашем, не говорится,

какое число и какие именно суда должны быть присланы в экспедицию. Теперь, с увеличением команды в экспедиции более чем в пять раз, при необходимости иметь несколько постов по побережью края и по рекам Амуру и Уссури и, наконец, ввиду необходимости исследовать лиман, надобно, чтобы при экспедиции было по крайней мере два мореходных винтовых судна с осадкой от 9 до 13 футов и с паровыми баркасами, и хотя бы один большой речной пароход; в противном случае, не только производить исследование лимана, но и обеспечить продовольствием назначенное по штату число команд, долженствующих быть помещенными в нескольких постах по побережью до корейской границы, на острове Сахалине и по берегам, будет не только затруднительно, но почти невозможно. Следовательно, с присылкой сюда только одних команд без упомянутых судов, экспедиция не только не может достигнуть упомянутой главной государственной цели, но еще поставлена будет в безвыходное положение, несоответствующее достоинству России.

Вследствие этих соображений, убедительно прошу Ваше Превосходительство обратить на это Ваше внимание и исходатайствовать, чтобы были высланы с командами и упомянутые средства, необходимые для прочного водворения нашего в этом крае, бесспорно, принадлежащем России».

Отправив донесение, я с нетерпением стал ожидать первого судна из Аяна. Команды наши, благодаря местным средствам, поправились от тяжелой скорбунной болезни¹, и мы начали заготавливать лес в Петровском и в Николаевском, для сооружения помещений. Наконец, 11-го июля пришел из Аяна на Петровский рейд транспорт «Байкал» с 12-ю казаками и 5-ю матросами для экспедиции. С ним я получил весьма важные высочайшие повеления, в предписании генерал-губернатора, от 15-го и 20-го апреля и уведомление от майора Н. В. Буссе, командированного Н. Н. Муравьевым.

Генерал-губернатор писал мне: «Государь великий князь генерал-адмирал сообщил мне, что государь император по всеподданнейшему докладу государственного канцлера, в присутствии его императорского высочества, относительно острова Сахалина, в 11 день апреля 1853 года, высочайше изволил утвердить по сему предмету следующие основания:

1) Российско-американской компании занять остров Сахалин и владеть им на тех же основаниях, как владеет она другими землями, упомянутыми в ее привилегиях.

2) Обещать компании, что для занятия Сахалина и для защиты на нем компанейских учреждений, ей дадут в полное распоряжение воинских нижних чинов и офицеров. Чины эти будут считаться на службе компании и находиться на полном ее иждивении.

3) Занять на Сахалине те пункты, которые по местным соображениям окажутся важнейшими, к чему и приступить непременно в навигацию сего 1853 года, а с 1854 года компания должна иметь там особого своего правителя, которому в политическом отношении состоять под начальством генерал-губернатора Восточной Сибири, или другого правительственного главного начальника, какой будет указан высочайшей волей.

4) Компания не должна допускать на Сахалине никаких иностранных заселений, ни произвольных, ни по взаимному соглашению, и может передать сей остров только правительству.

5) Правительство пользуется на острове Сахалине для казенных потребностей каменным углем безвозмездно, но добывает его своим иждивением.

6) Для ограждения берегов острова и гаваней от вторжения иностранцев, компания обязывается содержать достаточное число судов; но, в случае военного нападения, войско для защиты требует от правительства.

7) При первоначальном занятии острова Сахалина, в нынешнем году, могут быть употреблены, с разрешения генерал-губернатора, под начальством начальника амурской экспедиции, военные чины и средства оной; но сия экспедиция должна быть совершенно отдельно от сахалинской и оставаться по-прежнему в непосредственном распоряжении правительства.

8) Компанейское начальство должно обращаться с требованиями своими о назначении к нему офицеров и нижних чинов к генерал-губернатору Восточной Сибири, а сей последний обязан исполнять это требование безотлагательно; впрочем, главное правление компании, в случае надобности, может обращаться с просьбами по сему предмету и к Высшему правительству на случай необходимости и удобства отправления на Сахалин офицеров и нижних чинов на кругосветных судах из балтийских портов.

9) Офицеры и нижние чины, имеющие назначаться на службу компании на Сахалин, должны отправляться туда на компанейских судах и на иждивении компании от самого места прежнего их служения.

¹ Пять человек нижних чинов умерли от нее.

Неизвестный художник.
Граф А. Г. Орлов
после Чесменского боя.
Вторая половина XVIII в.

Карл Людвиг Христинек.
Портрет
А. Г. Орлова-Чесменского.
1779 г.

И. К. Айвазовский. Чесменский бой. 1848 г.

Сплав на плоту по Амуру.
Гравюра XIX в.

10) В нынешнем же году назначить не менее 100 человек с Камчатки и обязать компанию содержать их.

11) На издержки по сему предприятию отпустить компании ныне же безвозвратно и без всякого впоследствии расчета 50 000 рублей серебром из сумм, ассигнованных в распоряжение генерал-губернатора Восточной Сибири, на составление особого капитала по предприятиям относительно гиляков».

Препровождая мне это высочайшее повеление и предписывая привести его на месте в исполнение, по точному смыслу одного, генерал-губернатор пишет:

«Согласно высочайшей воле, по соглашению моему с главным правлением компании, все основанные Вами в нынешнем году учреждения и чины сахалинской экспедиции во всех отношениях, до прибытия в 1854 году правителя на Сахалин, будут находиться в Вашем ведении. При исполнении же сего важного возлагаемого на вас высочайшего повеления, нахожу нужным указать Вам следующие главные основания к успешному исполнению видов правительства:

а) занять на острове Сахалине в нынешнем году два или три пункта на восточном или западном берегу одного, но сколь возможно южнее;

б) находящихся на южной оконечности Сахалина японских рыбаков не тревожить и оказывать им дружеское расположение, уверяя их, что мы занимаем остров Сахалин в ограждение одного от внешних покушений иностранцев и что под нашей защитой они могут безопасно продолжать там свой промысел и торговлю.

в) для занятия острова Сахалина назначено ныне из Камчатки 100 человек и два офицера при них. Для выбора этих людей и доставления оных к Вам, я командировал состоящего при мне майора Буссе. Господину Кашеварову я предписал отправить в гавань Счастья — Петровское приготовленные в Аяне срубы для зимовки людей на Сахалине и одно судно в ваше распоряжение; оно должно остаться там на зимовку. Относительно команды я послал предписание г-ну Завойко и считаю нужным Вас предупредить, что означенную команду с двумя офицерами и со всеми продовольственными запасами, вооружением и всем необходимым для построек, а равно и с товарами, г-н майор Буссе должен доставить Вам в исходе июля, но никак не позже 1 или 4 августа, в Петровское;

г) в случае, если вы признаете нужным сейчас же по получении сего занять на Сахалине какой-либо пункт, до прибытия означенных людей,

то это предоставляется сделать по Вашему усмотрению теми средствами, какие имеются во вверенной вам экспедиции;

д) в начале июля к вам в Петровское должен прибыть шестнадцати сильный пароход, купленный компанией в Англии; вероятно, вы получите его в одно время с настоящим предписанием. Прошу употребить его в дело при занятии Сахалина; весьма было бы полезно, если бы вы с помощью этого парохода провели Амурским лиманом в Татарский залив то судно, которое приведет к вам майор Буссе. Это судно можете оставить зимовать на Сахалине;

е) в местах, которые займутся вами на Сахалине, необходимо поставить орудия и устроить ограды или укрепления;

ж) по доставлении вам г-м Буссе всего изложенного, вы имеете отправить его немедленно ко мне с донесениями».

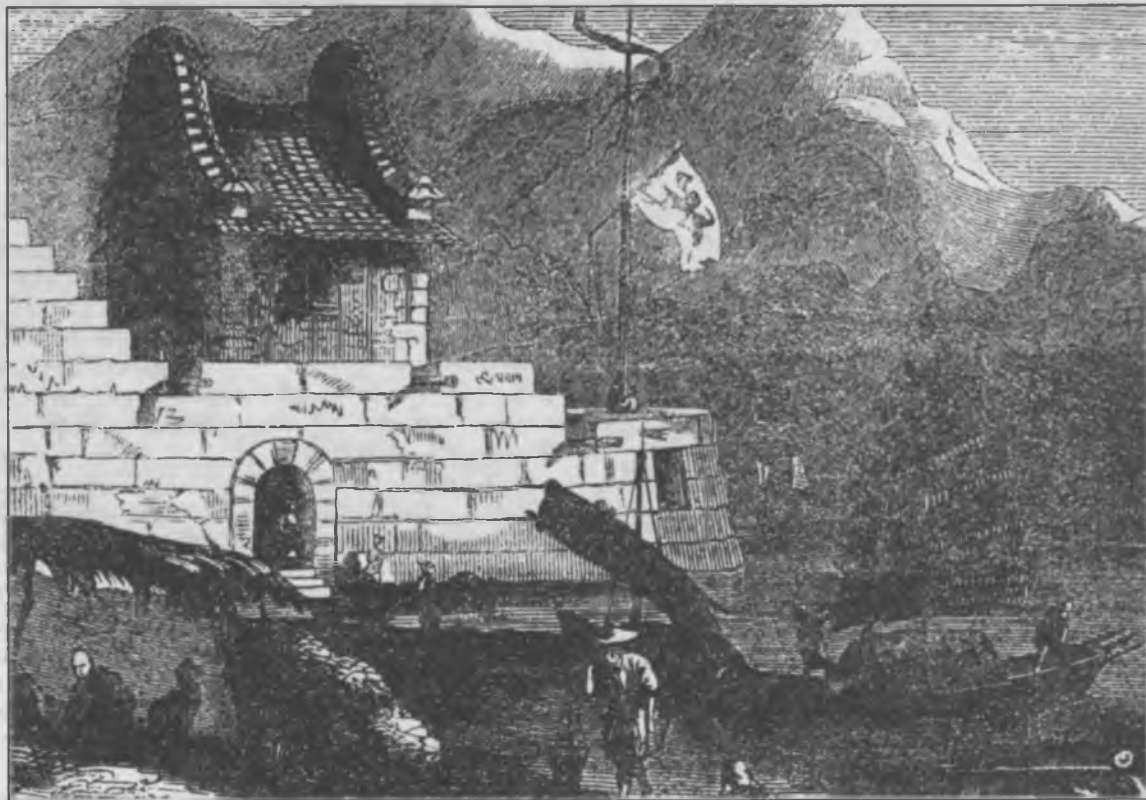
Вместе с этим, во втором предписании, от 23 апреля, генерал-губернатор пишет:

«Вследствие всеподданнейшего доклада моего и на основании высочайшего о границе нашей с Китаем указания, предлагаю Вам по высочайшему повелению занять нынешним же летом залив

де-Кастри и соседственное с ним селение Кизи и о последующем донести. В заливе де-Кастри иметь караул по крайней мере 10 человек, при офицере. В Кизи поставить военный пост для подкрепления и снабжения де-Кастри. При этом поставлю Вам на вид, что, согласно с высочайшими указаниями, по моему представлению о границе нашей с Китаем, *далее де-Кастри и Кизи идти высочайше не разрешено*, а главное внимание должно быть вами обращено на Сахалин».

Николай Васильевич Буссе, прибыв в Аян, прислал мне следующее письмо от 6 июля:

«Расчеты, сделанные в С.-Петербурге, оказались ошибочными: я с 25 июня в Аяне, но суда компании еще не приходили и когда будут — неизвестно. Пять дней тому назад пришли из Камчатки «Иртыш» и «Байкал», но, вследствие данных мне инструкций и наставлений, перевозить к Вам десант непременно на компанейских судах, идти за десантом на Камчатку на «Иртыше» или «Байкале» я не могу; между тем время до такой степени упущено, что если бы, как объясняет А. Ф. Кашеваров, и сейчас пришло компанейское судно, то и тогда десант, назначенный на Сахалин из Камчатки, вряд ли можно доставить

Китайский пограничный пост.

Гравюра XIX в.

в Петровское ранее 1 сентября. Никаких срубов, о которых мне говорили в Петербурге, здесь нет и не делается; между тем мне велено и срубы эти взять, и доставить к Вам в Петровское вместе с десантом из Камчатки со всем продовольствием, снабжением и вооружением, никак не позже 1 августа. Поставленный теперь в невозможность исполнить это приказание и не имея права перевозить десант на казенных судах, ибо за это подвергся бы ответственности, спешу донести Вам об этом на Ваше усмотрение и, вместе с тем, необходимым считаю сообщить, что, по словам Кашеварова, назначенный компанией бриг «Константин» для перевозки десанта из Петровского на Сахалин, во-первых, не может поместить этого десанта с тяжестями, во-вторых, он весьма ненадежен и, в-третьих, если он и придет в Аян, что невероятно, то разве самой поздней осенью. На основании Ваших предписаний г-ну Кашеварову, посылаю Вам транспорт «Байкал» и 17 человек людей с различными запасами, какие могли набрать в Аяне, сам же с часу на час ожидаю компанейского судна, чтобы отправиться за десантом в Петропавловск. Пакет от Вас немедленно отправлен с нарочным к генерал-губернатору. Вот «Кадык» 5 июля ушел в Петропавловск.

Таковы были распоряжения Высшего правительства, последовавшие, как сообщает мне в частном письме Н. Н. Муравьев, вследствие моих донесений и других соображений. Эти распоряжения ясно показывают, что правительство, признав принадлежностью России остров Сахалин, все свое внимание обратило на него; что же касается побережья Татарского залива с его гаванями, обусловливавшими всю важность для России этого края, оставило совершенно без внимания, несмотря на то, что этот край заслуживал несравненно большего внимания, чем остров Сахалин, не имевший ни одной гавани. Правительство ограничивалось на побережьях Амурского края только заливом де-Кастри и предполагало провести границу с Китаем по левому берегу реки Амура. Оно придавало большое значение Петропавловску и не оставляло мысли, что этот порт должен быть главным нашим портом на Восточном океане.

Так как распоряжение правительства о занятии залива де-Кастри и Кизи, как мы видели выше, последовало гораздо позже, чем мы их заняли, то мне оставалось занять Императорскую гавань и делать другие затем исследования и занятие берега к югу от этой гавани, тоже вне повелений.

Средства мои были весьма ограниченные, а потому мешкать было нельзя, тем более, что единственным моим побуждением было благо отечества. Но в описываемое время я должен был торопиться занять Сахалин. Чтобы

совместить то и другое, я составил себе следующий план действий.

Немедленно отправиться на «Байкале» к Сахалину и в Татарский залив с целью: а) осмотреть южную часть острова; б) занять Императорскую гавань военным постом в тех видах, чтобы из нее продолжать наши исследования к югу до корейской границы и ставить постепенно во вновь открываемых местах таковые же посты; в) поставить военный пост на западном берегу острова Сахалина, а с прибытием десанта из Камчатки, занять главный пункт острова в заливе Анива; г) подкрепить наши посты в де-Кастри и Кизи; д) по возможности принять решительные меры к фактическому заявлению ожидавшимся американским судам о принадлежности этого края России.

Я торопился занять Императорскую гавань, потому что она представляла как бы центральный пункт всего побережья от лимана до корейской границы. Заняв ее, мы становились хозяевами всего побережья, а крейсирующее около этих берегов наше военное судно еще более могло удостоверить ожидавшихся гостей в том, что эти берега не нуждаются в других хозяевах.

Вот главная цель, ввиду которой я поспешил отправиться в Татарский залив и оставить в оном для крейсерства транспорт «Байкал».

Перед отправлением из Петровского я дал следующую инструкцию единственному оставшемуся в оном офицеру, доктору Орлову:

1) господина Воронина послать в Николаевск на смену Петрова, которому, взяв с собой на два месяца продовольствия и пять человек матросов, следовать для подкрепления поста в Кизи. Избрать там место около селения Котова и начать постройку помещения на зиму; потом ожидать моего прибытия из Кастри.

2) Господину Бошняку, по выздоровлении от болезни, прибыть в Петровское и принять начальство над оным.

3) С прибытием судна из Аяна с паровым баркасом для экспедиции и товарами стараться все это скорее выгрузить и баркас изготовить к плаванию.

4) В случае прибытия г-на Буссе с десантом, предписываю ему ничего не выгружать и не свозить десант в Петровское, а ожидать моего возвращения.

5) С нарочным тунгусом немедленно отправить в Аян письмо мое к генерал-губернатору, прося г-на Кашеварова, чтобы он тотчас по получении отправил его с нарочным по назначению.

В этом письме я объяснил Н. Н. Муравьеву все сказанные обстоятельства и уведомил его, что Кизи и залив де-Кастри заняты мной гораздо раньше получения высочайшего повеления. «Что же касается десанта,— писал я,— который должен прибыть с Камчатки с майором Буссе,

то, по случаю ошибочных расчетов, сделанных в Петербурге, в Аян до 6-го июля не пришло еще ни одно компанейское судно, на казенных же транспортах «Байкал» или «Иртыш», пришедших в Аян, по уведомлению г-на Буссе, еще в исходе июня, Николай Васильевич не решился идти. Эту нерешимость он объясняет какими-то инструкциями и политическими соображениями, которые, по моему мнению, неуместны. Я приписываю его нерешительность только неопытности и неведению тех важных последствий, каковые от его нерешительности и каких-то политических соображений могут произойти, — ибо в данном случае каждая минута дорога. Впрочем, от офицера, взятого прямо с фронта, и ожидать более ничего нельзя! Однако как бы то ни было, десант, как Вы изволите видеть, ранее 1-го сентября в Петровское вряд ли будет, и то при счастливых обстоятельствах, а потому высадки десанта на Сахалин не может последовать ранее исхода сентября. Бросить людей в такое позднее время года на пустынный восточный или западный берег острова — значит обречь их на неминуемые болезни и почти на верную гибель. Кроме того, производить высадку такого значительного числа людей с тяжестями (около 5 тысяч пудов), при средствах какого-либо компанейского или нашего казенного транспорта, имеющих не более двух небольших шлюпок, да еще на открытый берег, без гаваней, и в такое позднее время, не только опасно, но просто почти невозможно. Так как на основании 1-го и 4-го пунктов высочайшего повеления Сахалин признан бесспорной принадлежностью России на всем его пространстве, то я считаю необходимым занять главный пункт его — Тамари-Анива, лежащий в заливе Анива и имеющий средства как для своза десанта с тяжестями, так и для первоначального помещения оного. Занятие всякого другого пункта на восточном или западном берегу острова, без утверждения нашего в главном его пункте — Тамари-Анива, — было бы несоответственным ни высочайшей воле, ни достоинству России, потому что обнаружило бы только робкое и какое-то нерешительное с нашей стороны действие, и неминуемо повлекло бы к неприятным столкновениям с японским правительством. Наконец, я решаюсь занять Тамари-Анива ввиду ожидаемой сюда американской военной эскадры, которой мы должны фактически указать, что Сахалин составляет русское владение.

По этим соображениям, с прибытием из Петропавловска Н. В. Буссе с десантом, я считаю необходимым немедленно следовать прямо в залив Анива и там утвердиться».

В заключение я высказал генерал-губернатору следующее: «Не на Сахалин, а на матерой берег Татарского залива должно обратить главное наше внимание, потому что он, по неоспоримым фактам, представленным ныне экспедицией, составляет неотъемлемую принадлежность России. Только закрытая гавань на этом побережье, непосредственно связанная внутренним путем с рекой Усури, обуславливает важность значения для России этого края в политическом отношении; река же Амур представляет не что иное, как оазис для наших здесь действий, ввиду обеспечения и подкрепления этой гавани, как важнейшего пункта всего края. Граница наша с Китаем поэтому никак не может быть положена по левому берегу реки Амура, как то видно из предписания Вашего от 23-го апреля. Петропавловск никогда не может быть главным и опорным нашим пунктом на Восточном океане, ибо, при первых неприятных столкновениях с морскими державами, мы вынуждены будем снять этот порт, как совершенно изолированный. Неприятель одной блокадой может уморить там всех с голоду.

Глава XXII

Плавание на транспорте «Байкал» в июле и августе 1853 года.—

Занятие Императорской гавани и острова Сахалина.—

Подкрепление постов в заливе де-Кастри и в селении Кизи.—

Прибытие в Петровское.— Прибытие в экспедицию
священника Гавриила и г-на Бачманова 9 августа.

перебравшись на транспорт «Байкал» 14-го июля, взяв с собой 15 человек команды и Д. И. Орлова. В этот же день транспорт снялся с якоря и пошел к острову Сахалину.

Штили и противные S-е ветры замедляли первые дни наше плавание, так что, следуя вдоль восточного берега Сахалина, мы только 30-го июля подошли к мысу Анива. На всем пространстве этого берега ни одного сколько-нибудь закрытого залива мы не заметили. Сделав затем рекогносцировку около мысов Анива и Крильон и не найдя и здесь сколько-нибудь безопасной стоянки для судов, я вошел в Татарский залив. Встреченные там свежие ветры не позволили близко держаться западного берега острова и тщательно осмотреть его;

между тем было уже 4-е августа, а потому я и отправился отсюда прямо в Императорскую гавань. 6-го августа вошел в нее и поставил там пост из восьми человек при уряднике. Пост этот я назвал Константиновским, по имени бухты, в которой он поставлен. 7-го августа я вышел из Императорской гавани, оставив там, на всякий случай, 350 пудов муки и крупы. Унтер-офицеру, оставленному начальником Константиновского поста, приказано было готовить лес для зимнего помещения и начать строить оное. В то же время наблюдать за действиями судов, могущих являться около этой гавани в море; на случай же встречи с ними передавать им заявление на французском, русском и английском языках о принадлежности края России.

Из Императорской гавани я пошел в залив де-Кастри и, прибыв туда 9-го августа, съехал с пятью людьми на пост (Александровский), а транспорту приказал следовать к западному берегу Сахалина, на котором, в бухте около 50° N широты, высаждать Орлова с пятью людьми.

Д. И. Орлову приказано было занять там пост, назвав его Ильинским. Собрать жителей и объявить им, что остров Сахалин принадлежит России и что мы всех обитателей оного принимаем под свою защиту и покровительство. В случае встречи с иностранными судами, как командиру транспорта, подпоручику Семенову, так равно и Д. И. Орлову приказано было заявлять от имени российского правительства, что весь Приамурский и Приуссу-

рийский края с островом Сахалином составляют русские владения. Господину Орлову я, кроме того, приказал пройти от поста вдоль западного берега Сахалина к югу, на пути собирать от туземцев всевозможные сведения и осмотреть этот берег, ввиду отыскания на оном бухты, в которой могло бы зимовать судно. Затем к 15-му сентября стараться достигнуть мыса Крильон и на восточной стороне его ожидать нас, но при этом иметь в виду, что если бы по каким-либо обстоятельствам к 20-му сентября нашего судна не будет около этих мест, то и не ожидать, а следовать в селение Тамари-Анива, которое непременно нами будет занято. Командиру транспорта «Байкал», поручику корпуса штурманов Семенову, приказано было, высадив на Сахалин Орлова, содействовать ему при основании Ильинского поста и затем крейсировать в Татарском заливе до исхода августа, с целью наблюдения за ожидавшейся в этом заливе американской эскадрой, и около 5-го сентября стараться возвратиться в Петровское.

Подтвердив начальнику Александровского поста, г-ну Разградскому, данную ему прежде инструкцию и усилив этот пост четырьмя матросами, я с казаком и тунгусом пошел пешком на озеро Кизи; там сел на байдарку и на ней прибыл в селение Котово, где г-н Петров с шестью людьми приступил уже к постройке зимнего помещения. Этот пост я назвал Мариинским. Из него, на байдарке же, я спустился вниз по реке Амуру в Николаевск, а оттуда отправился в Петровское, куда и прибыл 17 августа.

Таким образом, занятием Императорской гавани, западного берега Сахалина и крейсерством транспорта «Байкал»¹ в Татарском заливе достигнута была главная цель моих действий в навигацию 1853 года. После этого уже всякое покушение иностранцев на побережье Татарского залива было отстранено. Мне оставалось еще в навигацию этого года окончательно утвердиться на острове Сахалине, т. е. занять главный пункт острова Тамари-Анива и затем в навигацию 1854 года исследовать матерой берег Татарского залива от Императорской гавани до корейской границы и занять на оном военными постами те из заливов, которые окажутся удобными и более закрытыми и имеют внутреннее береговое сообщение с рекой Амуром и Уссури. Кроме того, я должен был занять таковыми же постами несколько пунктов по рекам Амуру и Уссури, устье реки Сунгари и пункт на реке Сунгари у подошвы Хинганского хребта, где он перебирается через эту реку. Все это мне предстояло

исполнить для того, чтобы фактически провести нашу границу с Китаем, мысленно проведенную Нерчинским трактатом.

9 августа приходил в Петровское корабль Русско-американской компании с различными запасами и товарами, на нем были доставлены: 10-сильный винтовой пароход и 10-весельный катер. На этом же корабле прибыли в экспедицию капитан-лейтенант А. В. Бачманов с супругой своей Елизаветой Осиповной и священник Гавриил² с супругой Екатериной Ивановной. Корабль привез мне депеши от главного правления Русско-американской компании, от 15 апреля 1853 года, и от г-на Кашеварова, от 5 августа. Главное правление, на основании высочайшего повеления 11 апреля 1853 года и соглашения с генерал-губернатором Восточной Сибири, просило меня, впредь до прибытия на Сахалин назначенного правителем оного капитан-лейтенанта Фуругельма, принять сахалинскую экспедицию в полное мое начальство и ведение и уведомляло, что в 1854 году имеет в виду прислать на Сахалин с г-ном Фуругельмом доктора, фельдшера и лиц для исследования острова во всех отношениях. Оно выразило в депеше желание, чтобы на Сахалине, кроме главного пункта, в котором должно сосредоточиваться управление островом, было еще не более двух или трех пунктов. Чтобы все эти пункты были обнесены редутами и, наконец, так как, по высочайшему повелению, все расчеты с компанией по амурской экспедиции должны быть окончены к 1 января 1854 года, то правление просило меня по этому предмету сделать надлежащее распоряжение и все товары и запасы, оставшиеся к этому времени в амурской экспедиции, перечислить в сахалинскую и вести им особый счет. В заключение главное правление просило меня, чтоб никаких судов компании для перевоза на Сахалин десанта, кроме брига «Константин», не занимать, о чем оно строго подтверждает и г-ну Кашеварову.

Кашеваров уведомлял меня, что Николай Васильевич Буссе 2 августа на корабле компании «Николай I» отправился за десантом в Петропавловск. Что главное правление вменило ему в неприменную обязанность отнюдь не посылать на Сахалин для перевоза десанта, запасов и материалов никакого из компанейских кораблей, кроме назначенного туда на зимовку брига «Константин» ибо все прочие суда необходимы в колониях. «Между тем,— пишет г-н Кашеваров,— бриг «Константин» вряд ли будет ныне в Аяе, а если и ба-

¹ Нельзя не заметить здесь особой случайности: на транспорте «Байкал» был открыт вход в реку Амур и ее лиман в 1849 году, на нем пришли основать Петровское зимовье и занять устье Амура в 1850 и 1851 годах, и этот же транспорт был первым русским судном, явившимся в Татарский залив в 1858 году.

² Отец Гавриил Вепиаминов — сын бывшего московского митрополита Иннокентия.

дет, то я объяснял г-ну Буссе, что это последует самой поздней осенью и что бриг этот никак не может поместить десант с тяжестями, ибо он весьма ненадежен». Далее Кашеваров извещает меня, что «самую большую часть запасов и товаров он не успел отпустить на корабле «Николай» с майором Буссе, так как запасы и товары эти для Сахалина доставлены в Аян только 1 августа, а потому не могли быть не только приготовлены как следует для отправления на Сахалин, но их не успели даже и разобрать. Никаких судов в Аян ожидать более нельзя; корабль же «Николай», по данной инструкции его командиру Клинков-стрему, по доставлении с майором Буссе десанта из Петропавловска в Петровское, немедленно должен идти в колонии; почему прошу Вас не задерживать этого корабля в Петровском». С прибытием в Петровское Е. О. Бочмановой, любезной и образованной женщины, и супруги священника, Екатерины Ивановны, для моей жены составилось маленькое женское общество, которое ободрило ее. Но зато всех этих лиц надобно было разместить, и потому мы сейчас же приступили к постройке двух флигелей для помещения на зиму священника с походной церковью и А. В. Бачманова с супругой. Между тем, в ожидании десанта из Камчатки, дабы не терять времени, я хотел заранее начать доставление запасов и товаров в Николаевск для обеспечения как этого поста, так и постов Мариинского и Александровского, а вместе с тем, и испытать, до какой степени возможно плавание по лиману и по Петровскому заливу на таком маленьком пароходике, какой был прислан в экспедицию. Поэтому, нагрузив запасами наш маленький ботик и взяв его на буксир к этому пароходнику, названному мной «Надеждой», я, при самых благоприятных обстоятельствах, 19 августа отправился с Бачмановым в Николаевское. Только что мы вышли из залива, пароход начало заливать, и более половины дымогарных труб в котле, оказавшихся перержавленными, лопнуло. Мы принуждены были взять пароходик на буксир к ботику и возвратиться обратно, чтобы его исправить. К несчастью, запасных трубок не оказалось, да и железа, из которого на время можно бы было сделать эти трубочки, в экспедиции не было; кочегар же, присланный с этим пароходиком, не имел понятия о слесарном мастерстве. Таким образом, в навигацию 1853 года «Надежда» была для нас бесполезна, и мы остались при тех же ничтожных перевозочных средствах, какие до сего времени имели, т. е. при двух шлюпках и гилякских лодках. Пароходик, кроме того, не имел никаких мореходных качеств и оказался совершенно неспособным к плаванию по лиману, а потому нам предстояло развести из Петровского продо-

Амур и его берега.
Гравюра XIX в.

вольствие и различные запасы в Николаевск, Мариинский и Александровский посты на своих несчастных мелких судах, и притом в позднее время года, когда в лимане и реке Амуре разводит такое волнение, что прекращается всякое сообщение между ее берегами. Благодаря Богу, все обошлось благополучно: мой деятельный и искусный помощник, А. В. Бачманов, в отсутствие мое на Сахалине, снабдил все эти посты без малейших приключений.

После всего сказанного, не странны ли были упомянутые выше распоряжения, чтобы я с помощью такого пароходика провел компанейский бриг «Константин» в осеннее время через лиман из Охотского моря в Татарский залив? Еще в то время, когда в лимане вообще господствуют свежие ветры, разводящие сулой и неправильное, крутое волнение, бороться с которым возможно только настоящему морскому пароходу, а не какой-нибудь беспалубной паровой шлюпке, какой была «Надежда». Господину Буссе, как офицеру, перенесшемуся сюда из фронта гвардейского полка, это казалось весьма просто и возможно, и он удивлялся, почему я, ничтожный смертный, не исполняю в точности и буквально всех инструк-

ций, которые он привез; но ему это простительно, потому что он до того времени, кроме Петербурга, ничего не видал и не знал местных условий.

Он многому удивлялся там и никак тоже не мог понять дружеского и как бы родственного моего обращения с моими сотрудниками офицерами, какое он вдруг увидел. Он никак не мог допустить, чтобы начальник, облеченный огромной самостоятельной властью, каковым я был тогда в крае, мог позволять подчиненным ему офицерам рассуждать с ним, как с товарищем, совершенно свободно разбирать все его предположения и высказывать о них с полной откровенностью свое мнение. Н. В. Буссе было чуждо и непонятно, что всякая в то время командировка офицера для исследования края была совершаема вне повеления, почему и лежала единственно на моей ответственности и что при каждой такой командировке посланный офицер должен был быть проникнут чувством необходимости и полезности оной для блага отечества. Я должен был одушевлять моих сотрудников и постоянно повторять им, что только при отчаянных и преисполненных опасностей и трудностей действиях наших мы можем не только отстранить потерю края, но и привести правительство к тому, чтобы он навсегда был утвержден за Россией. Вот что нас связывало всех тогда как бы в одну родную семью. Весьма естественно, что это было непонятно не только г-ну Буссе, но и всем высшим распорядителям в С.-Петербурге.

Вечером, 26 августа, компанейский корабль «Николай» бросил якорь на Петровском рейде. Господин Буссе сообщил мне, что привез десант, вполне обеспеченный для зимовки на Сахалине; но что он взял только одного офицера, лейтенанта Рудановского, на том основании, что, согласно данной ему инструкции, офицеры при десанте на Сахалин должны быть командированы из амурской экспедиции. По исполнении, таким образом, возложенного на него генерал-губернатором поручения, г-н Буссе ожидал моего скорого распоряжения о свозе на берег десанта (из 90 человек) со всеми тяжестями. Он был вполне уверен, что все это должно отправиться на Сахалин на бриге «Константин» через Амурский лиман с помощью доставленного мне компанией пароходика и средств, имевшихся в амурской экспедиции, а что корабль «Николай» немедленно отправится в Аян, чтобы там его высадить для следования в Иркутск к генерал-губернатору с личным донесением об исполнении поручения. Кроме того, он передал мне, что, вследствие различных политических соображений в Петербурге, ему сказали, что при высадке на Сахалин десанта отнюдь не должно касаться залива Анива, а что десант должен быть высажен на восточном или западном берегу острова.

Глава XXIII

Причины, побудившие меня идти в Аян.— Действие мои в Аяне
и переговоры с Кашеваровым.— Распоряжение Бачманову.—
Плавание на корабле «Николай» из Петровского в залив Анива.—
Встреча с японцами.— Селение Тамари-Анива.—
Занятие Тамари-Анива 22 сентября 1853 года.—
Декларация для доставления японскому правительству.—
Инструкция г-ну Буссе.

ассмотрев ведомость запасов, привезенных с десантом, я нашел, что со стороны камчатского губернатора люди были вполне обеспечены казенным довольствием с большой заботливостью, но что этого было еще далеко недостаточно для безопасной зимовки на Сахалине, ибо не было ни товаров, необходимых для вымена свежей пищи для людей, ни достаточного числа инструментов для построск, ни надлежащего запаса водки, чая, сахара и табака, необходимых для людей при первоначальном водворении. Кроме того, там не было надлежащих медицинских средств от болезней, которые неминуемо сопровождают зимовку в новом месте. На все это я указал тогда же г-ну Буссе и объяснил, что поэтому безопасная зимовка десанта на Сахалине,

как он полагает, далеко не обеспечена, а следовательно, и возложенное на него поручение не исполнено. При этом я высказал ему следующее:

«а) при ничтожных перевозочных средствах, имеющихся при экспедиции и корабле “Николай”, своз десанта с тяжестями на открытом Петровском рейде затруднителен и почти невозможен; кроме того, нагрузка всего этого обратно займет много времени и может быть даже неудачной; время же наступает позднее, осеннее.

б) Присланный сюда ничтожный паровой речной катер не только не может буксировать какое-либо судно по лиману, но один-то не в состоянии там плавать, если бы даже был исправен, а потому данное Вам распоряжение составляет утопию.

в) Вам, вероятно, известно, что бриг “Константин” или придет самой поздней осенью, или совсем, может, не был в Аяне и что этот бриг не может поместить десант и тяжесть, а потому на чем же из Петровского перевезется десант на Сахалин?

г) Офицеров у меня в настоящее время никого нет свободных: все заняты крайне необходимыми обязанностями; о недостатке их и команд в экспедиции я несколько раз уже

доносил и просил прислать их, послать же десант на Сахалин с одним офицером невозможно.

д) На всех берегах Сахалина не только нет удобной гавани, в которую можно было бы спокойно свезти десант и тяжести, но нет даже места для безопасной стоянки судна, в особенности в такое позднее время, как теперь. Кроме этого, средствами компанейского судна, на двух шлюпках, высадка такого числа людей и тяжестей на открытый берег и в позднее время года до такой степени затруднительна и опасна, что ее можно считать почти невозможной. Выбросить людей на пустынный восточный или западный берег, как вам объяснялось и мне предписывалось, равносильно обречению их на верную смерть от болезней.

Из всего этого вы видите, что если буквально следовать предписаниям, то надобно или оставить всех людей в Петровском, где также нет помещения, или выбросить их в пустыне, как я сказал уже выше, на явную смерть и предоставить японцам и инородцам уничтожить больных. Как в том, так и в другом случае я бы окончательно не исполнил высочайшей воли, т. е. не утвердился бы на Сахалине в настоящую навигацию. Между тем, с утверждением нашим на острове и с занятием Императорской гавани, мы отстраним весьма важное обстоятельство — всякое по-

кушение иностранцев на побережья Татарского залива, а таких покушений, особенно при настоящих обстоятельствах, мы должны ожидать ежеминутно. Поэтому теперь надобно действовать решительно; не стесняясь никакими петербургскими соображениями и приказами, тем более что по высочайшей воле Сахалин признан неотъемлемой принадлежностью России. Всякие комбинации занятия пункта на восточной или западной стороне острова, без утверждения нашего в главном его пункте, не только неуместны, но вредны и не соответствуют достоинству России, ибо могут обнаружить только нашу робость и нерешительность, а я ни того, ни другого не могу допустить. Вся ответственность перед отечеством за могущую, при таких обстоятельствах, навсегда потерю для России этого важного края падет единственно на меня, на том основании, что начальник, поставленный в такой неизвестный и отдаленный край, должен располагать свои действия не по предписаниям и приказаниям, а по тем обстоятельствам, какие встречаются на месте, имея в виду только лишь достижение одной главной цели, клонящейся к интересам и благу отечества. Главный пункт на острове — Тамари-Анива, там имеются и средства для первоначального помещения наших лю-

Вид залива Анива.
Гравюра XIX в.

дей и средства по перевозке десанта и выгрузке тяжестей. Там-то мы наипервое и должны утвердиться, несмотря на то, что это противно данным мне предписаниям.

Итак, по всем этим причинам становится необходимым, чтобы, во-первых, по неимению в экспедиции офицеров, отправились с десантом на Сахалин вы. Во-вторых, чтобы для пополнения необходимых запасов я пошел с вами на корабле «Николай» в Аян и оттуда, на нем же, в залив Анива. Мы утвердимся на Тамари-Анива, и вы останетесь зимовать там. В-третьих, если по исследованию г-на Орлова или по нашей рекогносцировке окажется возможным зимовать на Сахалине судну около залива Анива, или в самом заливе, то в случае прихода компанейского брига «Константин» он останется на зимовку, а в противном случае — один из наших казенных транспортов, «Иртыш» или «Байкал».

Оставаясь при неизменном решении, прошу вас: 1) осмотреть хорошенько команду с моим доктором и оказавшихся ненадежными оставить в Петровском; 2) сообразить хорошенько, сколько надобно указанных мной запасов, чтобы команды на Сахалине были вполне обеспечены; 3) быть готовым 28 августа к отправлению со мной в Аян и оттуда на Сахалин».

В заключение я объявил г-ну Буссе, что я очень хорошо понимаю то критическое положение, в которое будет поставлен г-н Кашеваров, вполне зависимый от главного правления компании, взятием нами корабля «Николай»; но делать нечего, нам надобно будет уладить и вывести его из ответственности.

Само собой разумеется, что эти мои распоряжения не понравились Н. В. Буссе, совершенно уверенному провести зиму в Иркутске, после трудов им понесенных; поэтому, весьма естественно, мы не могли произвести на него хорошо впечатление.

Таким образом, по неимению в экспедиции офицеров, Н. В. Буссе предстояло зимовать в Тамари-Анива, которое, на основании каких-то особых политических взглядов и расчетов, не соответствовавших ни положению, ни обстоятельствам, казалось тогда ему опасным и ненавистным.

По прибытии на корабле «Николай» в Аян, я немедленно послал к Кашеварову для предварительных переговоров Н. В. Буссе, как будущего правителя острова Сахалина. Господин Буссе вскоре возвратился ко мне с таким ответом: «Ввиду строжайшего предписания Кашеварову от главного правления компании, он не может исполнить вашего требования. Корабль «Николай» немедленно

должен идти в колонию, о чем он и делает распоряжение командиру».

После этого я приказал командиру корабля «Николай» оставить распоряжение Кашеварова без внимания и отправился к нему сам вместе с г-ном Буссе, чтобы убедить его в крайней необходимости упомянутых действий. После различных переговоров и объяснений в присутствии г-д Буссе и капитана 2-го ранга Фрейганга, возвращавшегося в то время из Камчатки, я объявил ему, что всю ответственность принимаю на себя, с тем, что если бы компания потерпела от этого убытки, то правительство вознаградит оные; о чем я доношу генерал-губернатору и уведомляю главное правление. А. Ф. Кашеваров, заручившись этим моим заявлением, решился исполнить мои требования немедленно. Само собой разумеется, он, как лицо ответственное за сохранение интересов компании, не мог бы исполнить моих требований без упомянутого с моей стороны обязательства от имени правительства, а потому несправедливо было бы и обвинять его и требовать от него гражданской доблести.

С полной готовностью и энергией принялся Кашеваров за скорейшее изготовление и загрузку всех запасов и товаров, так что 3 сентября корабль «Николай» мог выйти из Аяна. Зимовка людей на Сахалине, в отношении одежды, продовольственных запасов и вооружения была обеспечена. Никогда не снабжалась так полно и такими средствами амурская экспедиция, как были снабжены люди, отправлявшиеся на Сахалин.

Между тем накануне нашего прихода в Аян оттуда ушел в Петровское транспорт «Иртыш» с остальным грузом для амурской экспедиции и, как мы видели, около 3 или 4 сентября должен был прийти на Петровский рейд и транспорт «Байкал». Дабы распорядиться окончательно казенными судами и получить сведения от Орлова, я счел необходимым зайти в Петровское¹.

По прибытии в Петровское, я нашел там оба транспорта: «Иртыш» и «Байкал». Командир «Байкала» г-н Семенов сообщил мне, что в широте 50° 10' N, в бухте, он высадил г-на Орлова и, при собрании жителей, с поднятием военного флага, поставил там Ильинский пост. Военных американских судов в Татарском заливе он не встречал, а шкиперу встретившегося американского китобоя заявил о существовавших на Татарском берегу и на Сахалине наших военных постах.

При отправлении на Сахалин я сделал следующие распоряжения:

1) транспорту «Байкал» приказал немедленно следовать в Аян и взять оттуда все, что Каше-

¹ Кашеваров передал мне, между прочим, что бриг «Константин» не придет в Аян.

варов признает нужным с ним отправить как для Петропавловска, так и для колоний американской компании, и затем идти в Петропавловск. Уведомляя с этим транспортом В. С. Завойко о предположенном мной занятии Тамари-Анива и о занятых уже заливах де-Кастри и Императорской гавани, я просил ранней весной выслать из Петропавловска «Байкал» или какое-либо другое судно, с тем чтобы оно шло прямо в залив Анива, к нашему посту, а оттуда, на пути в де-Кастри, зашло бы и в Императорскую гавань. В заливе де-Кастри оно получит мои распоряжения. На этом судне я просил выслать для амурской экспедиции все казенное по штату довольствие. Вместе с тем, я уведомлял В. С. Завойко, что если транспорт «Иртыш» не придет ныне в глубокую осень в Петропавловск, то это будет значить, что он остался здесь зимовать.

2) Господину Бачманову, единственному офицеру, оставшемуся в Петровском, я приказал стараться снабдить на зиму наши посты: Николаевский и Мариинский и оканчивать постройки, дабы к зиме можно было перебраться в них. Меня ожидать не ранее октября, по Амуру из де-Кастри.

3) Транспорту «Иртыш», по выгрузке в Петровском различных запасов и прочего, следовать в залив Анива (Тамари-Анива), ввиду, что ему может случиться зимовать на Сахалине, а потому необходимо, чтобы команды были снабжены для этого всем необходимым.

Сделав эти распоряжения и взяв с собой только что прибывшего из Николаевска лейтенанта Бошняка, мы пошли в залив Анива. Бошняк должен был зимовать в Императорской гавани, для наблюдения за ледоходом в ней, закрытием и вскрытием; потом отправиться к югу и наблюдать за иностранными судами.

Противные свежие ветры и различные неблагоприятные обстоятельства замедлили наше плавание. Согласно выше упомянутому условию, сделанному с г-ом Орловым, войдя в залив Анива, я направился к мысу Крильон, чтобы взять Орлова и получить от него сведения об осмотренном им юго-западном берегу Сахалина; но поиски наши у мыса Крильон остались тщетными, несмотря на то, что было уже 19 сентября. Убедившись, что Орлова нет около этих мест, и пользуясь благоприятным ветром, корабль «Николай» лег вдоль NO берега залива Анива с целью высмотреть, не найдется ли на этом берегу места, удобного для зимовки судна; но исследования наши были тщетны: на этом пространстве мы не нашли ни одной бухточки не

только для зимовки судна, но и для стоянки оно-го. Между тем наступил густой туман — мы вернулись и в 8 часов вечера, 20 сентября, при совершенной тишине, бросили якорь против селения Тамари-Анива. Не успели еще мы оправиться, как увидели, что возвышенности, окружающие селение Тамари-Анива, освещены и как будто на них находятся батареи. Судя по огням, показывавшимся в нескольких местах на берегу, нельзя было не заметить, что приход наш произвел немалую тревогу.

Вследствие этого я приказал зарядить картечью орудие, иметь для наблюдения ночью шлюпку и вообще тщательно следить за действиями с берега. К 11 часам ночи на берегу успокоились, ибо на возвышенностях огней уже не стало видно. В 7 часов утра на двух шлюпках, под прикрытием корабля «Николай», я с г-ми Буссе и Бошняком отправился к берегу, чтобы произвести рекогносцировку оно-го и отыскать место для высадки десанта. Положение местности залива Анива, на котором было расположено селение Тамари, было таково: селение лежало при реке, протекавшей между возвышенностями; увалистый берег около устья этой реки был обставлен магазинами и различными сараями, около которых были вытаснены на берег большие лодки и находились склады леса. Восточная возвышенность, оканчивающаяся у самого берега высоким мысом, на котором находился японский храм и несколько строений, командовала как всем селением, так и всеми магазинами, тянувшимися вдоль берега. Эта местность представляла лучший и вполне надежный стратегический пункт. К западу за этой возвышенностью лежала долина с рекой, берега которой отмыли и неудобны для высадки; эта долина местами болотиста и, находясь за возвышенностью, представляла местность, изолированную от селения, так что на нее легко было сделать внезапное нападение как с этой возвышенности, так и с севера: а потому поставить здесь пост — значило подвергать его различным случайностям. Несмотря на это, г-ну Буссе понравилась эта местность, и он настаивал, чтобы ее осмотреть подробнее. Я предоставил¹ это сделать ему, а сам остался у шлюпок. После хождения по долине и болоту, г-н Буссе, хотя несколько и разочаровался, но еще не убедился, как я ожидал, в том, что здесь не следует нам оставаться. Он всеми силами старался отклонить меня от занятия селения Тамари, постоянно ссылаясь на инструкцию генерал-губернатора и на приказание, пе-

¹ В продолжение хождения г-на Буссе по болоту и речке в этой долине я оставался на берегу около шлюпок и курил трубку. Это обстоятельство в напечатанном дневнике г-на Буссе представлено как пример моего невнимания и равнодушия.

Типы айнов, жителей южной части Сахалина.

Гравюра XIX в.

реданные ему, отнюдь не тревожить японцев и быть далее от тех селений, где они находятся. Он все время доказывал неполитичность занятия главного пристанища японцев на острове и опасность, которую встретит наш гарнизон от их нападения. Выслушав со вниманием все доводы, я заметил Н. В. Буссе, что в то время, когда Россия имеет бесспорное право на обладание островом Сахалином и когда ныне это право утверждено высочайшей властью, всякие подобные рассуждения здесь неуместны, особенно ввиду ожидаемых и в большом числе уже появляющихся около этих берегов иностранных судов. «Всякие паллятивные меры,— говорил я ему,— о которых вы говорили, в настоящем случае принесут только вред, потому что они выкажут с нашей стороны какую-то робкую нерешительность перед японцами и инородцами, а это даст им надежду на возможность вытеснить нас с Сахалина, и потому гарнизон наш будет находиться здесь в постоянной тревоге, тогда как, заняв главный пункт острова, в котором находится главное пристанище японцев для рыбного промысла и торговли, мы тем ясно покажем им, что Россия всегда признавала территорию острова Сахалина своей. Покровительствуя свободному промыслу японцев на Сахалине и защищая их наравне с инородцами от всяких насилий и произвольных распоряжений иностранцев, мы отклоним всякие с их стороны неприязненные к нам отношения и свя-

жем их с нами более тесной дружбой. Они увидят тогда, что водворение наше на острове не только не приносит ущерба их интересам, но, напротив, гораздо более обеспечивает их. Вот политика, которой единственно мы должны руководствоваться; вот в чем должна заключаться главная ваша обязанность, как назначаемого ныне мной правителя острова. Все это и будет, как вы увидите, объявлено от меня инородцам и японцам, которые, вероятно, не замедлят сообщить об этом на Мацмай, своему правительству».

Сделав рекогносцировку местности залива Тамари-Анива и найдя, что высадка десанта с тяжестью возможна только у селения Тамари, я с вечера 21-го сентября сделал следующие распоряжения командиру корабля «Николай», Клинковстрему, и г-ну Буссе:

«Завтра мы занимаем Тамари-Анива, для чего к 8 часам утра вооружить баркас фальконетом и погрузить на него одно орудие со всеми принадлежностями. Приготовить к этому времени 25 человек вооруженного десанта, при лейтенанте Рудановском, который должен отправиться на берег на упомянутом баркасе. К этому же времени приготовить для меня шлюпку с вооруженными гребцами, на которой я в сопровождении г-д Буссе и Бошняка последую вместе с десантом и, наконец, кораблю «Николай» подойти сколь можно ближе к берегу и зарядить на всякий

случай орудие, дабы под его прикрытием производилось занятие поста».

Я считал необходимым сделать все эти распоряжения для того, чтобы отнять у японцев возможность подстрекнуть инородцев¹ к сопротивлению, а не потому, чтобы боялся их фальшивых батарей, которыми они хотели нас напугать 20-го числа. По осмотре в трубу местности оказалось, что эти батареи были не более не менее как кучи земли, насыпанные на возвышенностях.

К 8 часам утра, 22-го сентября, корабль «Николай» подошел на пушечный выстрел к берегу. Вооруженный баркас с десантом в 25 человек под командой лейтенанта Рудановского находился у борта корабля, обращенного к морю. Я с г-ми Буссе и Бошняком и с тунгусом, знавшим ороченский и айнский языки, отправился на вооруженной шестивесельной шлюпке на берег. Погода была ясная, тихая и теплая. На берегу видны были три человека часовых у расположенных вдоль берега сараев.

Едва наша шлюпка приблизилась к берегу, как вдруг из сараев выскочили айны, предводительствуемые четырьмя японцами, размахивавшими саблями, и направились по отмели навстречу шлюпкам. Я сейчас же прекратил греблю и приказал держаться на веслах, сделав условный знак, чтобы десант с Рудановским следовал к нам. Переводчик сообщил мне, что японцы приказывают айнам не допускать пристать нашей шлюпке к берегу. Тогда я через переводчика объявил японцам и толпе айнов, что мы лоча (русские), пришли с реки Амура поселиться у них в Тамари, для того чтобы их защищать от насилий команд иностранных судов; что мы поэтому вовсе не желаем делать им чего-либо дурного. Если же засим они немедленно не разойдутся, тогда им будет худо, и у нас для этого, как они видят, много средств.

Все айны тотчас начали кланяться и махать ивовыми палочками, концы которых были расщеплены в виде метелок, что вообще у здешних инородцев означает знак дружелюбия и гостеприимства. Затем они, идя по берегу, указывали нам место, где лучше пристать шлюпкам. Японцы же в это время, вложив свои шпаги в ножны, начали тоже нам кланяться и старались объяснить, что им приказали их начальники препятствовать приставать к берегу нашим шлюпкам. Вслед за тем как мы пристали к берегу, туда подошел и наш баркас с десантом. Я сейчас же приказал десанту выгружать орудие на берег, при чем айны усердно помогали матросам. Вместе с этим, сделан был с баркаса сигнал кораблю «Николай» приготовиться к салюту. По установлении на бе-

регу двух орудий и флагштока для поднятия флага, команда выстроилась во фронт и я командовал на молитву. Помолившись с коленопреклонением Господу Богу, причем японцы и айны инстинктивно сняли шляпы, я вместе с Н. В. Буссе при криках «ура» и залпе из ружей и орудий поднял русский военный флаг; в то же время команда корабля, при криках «ура», разбежалась по вантам и реям и корабль начал салютовать флагу. Этим было возведено в Тамари-Анива окончательное водворение наше на острове Сахалине. Ясная и тихая погода совершенно гармонировала мирному занятию главного пункта острова.

Когда мы осмотрелись, то увидели на западной возвышенности, между кучками земли, деревянные чурбаны, покрашенные черной краской; издали они казались батареями. Японцы держали их как пугало для всякого пришедшего судна и вполне были уверены, что им удастся этим оградить неприкосновенность Тамари. По окончании церемонии, я с г-ми Буссе и Бошняком отправился в селение, к ожидавшим нашего приговора японским старшинам, дабы растолковать им миролюбивую цель нашего водворения и избрать местность, где должен быть поставлен наш пост. Кроме того, я хотел миролюбиво порешить с ними относительно размещения команды и распорядиться о средствах к перевозу тяжестей с корабля на берег.

Здание, в котором собрались старшины и, как можно было заметить, более влиятельные из айнов, представляло вид сарая с бумажными окнами. Половина этого сарая была занята возвышением, устланном различными циновками; на нем поставлено было несколько ширм, разделявших все возвышение на отдельные комнаты. По стенам было развешено несколько сабель, а перед маленьким низеньким столиком, за которым с важностью сидели трое японцев, стояла небольшая пирамида с фитильными ружьями; у старшего из японцев, который сидел в середине за столиком с трубкой, было две сабли за поясом, а третью держал в руках стоявший за ним японец. По обеим сторонам его сидело два японца, имевших тоже на боках по сабле, а у возвышения толпой стояло до 60 человек айнов.

Войдя в сарай, мы дружески приветствовали японцев; они все встали, а айны поклонились нам. Я сел рядом со старшим японцем, а г-д Буссе и Бошняк усадил рядом с упомянутыми ассистентами его, и тотчас приказал переводчику сказать, что «цель нашего прибытия и водворение на искони принадлежащем России острове Сахалине вполне миролюбивая. Государь наш импера-

¹ Их собралось на берегу около 600 человек.

Жилище айнов.

Гравюра XIX в.

тор, осведомившись, что в последнее время плавают около этих берегов много иностранных судов и что команды их делают различные бесчинства и притеснение жителям, а также, как мы слышали, намереваются захватить некоторые из беззащитных мест, высочайше повелеть мне соизволил поставить в главных пунктах острова Сахалина и противоположного ему матерого берега вооруженные посты, чтоб защищать обитателей и всех приезжающих сюда японцев от иностранного насилия и произвольных распоряжений. Вместе с этим, государь повелеть мне изволил не только не препятствовать промышленности и торговле японцев на острове, но, напротив, строжайше ограждать их справедливые интересы от всяких насилий; а потому прошу вас быть совершенно покойными; мы искренно желаем всегда быть с японцами в тесной дружбе, как с нашими ближайшими соседями. Обо всем этом отдано от меня приказание назначенному сюда начальнику г-ну Буссе, к которому во всем и прошу обращаться. Он исполнит все ваши справедливые желания, и ему приказано, чтобы все промышленные, торговые и хозяйственные

отношения, какие установились уже между вами и айнами, не только не нарушались, но строго соблюдались. Он будет смотреть, чтобы айны исполняли оные, как было доселе, тем более что пребывание ваше здесь и сношение с этим диким еще народом всегда будет полезно, потому что замеченная уже мною аккуратность в постройке и отделке судов и порядок в селении могут служить им назидательным примером. Итак, повторяю и прошу вас быть совершенно спокойными и продолжать ваши занятия под нашей бдительной защитой. Ваших обычаев, а тем более религии, мы отнюдь не позволим себе касаться. Живите, как жили, и веруйте, как веровали. Все это объявляю вам от имени все милостивейшего государя моего императора, слово которого есть неизменный закон. Засим пойдемте с нами и распорядитесь, как для размещения наших людей, так и для своза с корабля тяжестей, а равно и для способствования в поставлении на избранном мной месте орудий для вашей и всех здесь защиты, против тех, кто осмелился бы нарушить ваше спокойствие».

Японцы, по-видимому, не ожидали такого с нашей стороны миролюбивого объявления, и из

Айны на острове Сахалине.
Гравюра XIX в.

грустных доселе сделались веселыми и довольными; тогда как айны, видимо, были недовольны таким моим заявлением. Они надеялись, что я, подобно моим предшественникам Хвостову и Давыдову, предоставлю им убивать и грабить японцев, как то они сделали с бывшими тогда здесь их старшинами, у которых было развито и хлебопашество и скотоводство. Айны стали шуметь и выражать свое недовольствие; я приказал им немедленно замолчать и объявил, что первый, кто окажет какое-либо сопротивление и насилие японцам и вообще произведет какой-либо беспорядок, будет немедленно повешен, а другие строго наказаны. «Мы желаем, — сказал я им, — чтобы все здесь жило мирно и отнюдь ничего не изменялось и чтобы собственность и личность каждого были ограждены и неприкосновенны».

После этого все смолкло и успокоилось. Японцы просили меня, чтобы, в ограждение их перед их начальством, я изложил упомянутое мое заяв-

ление письменно; а они пошлют его на Мацмай. Я обещал, что с удовольствием исполню их просьбу.

При тщательном осмотре восточной возвышенности я убедился, что она представляла местность во всех отношениях удобную и безопасную для основания нашего поста, а потому сейчас же и сделал распоряжение о передвижении сюда наших орудий и перенесении флага. Айны, по приказанию японцев, помогали нашим матросам. Для помещения команды, а равно и для наших запасов, были очищены японцами два сарая, находившиеся на этом месте. Оставив затем при poste с командой и орудиями лейтенана Рудановского, я вместе с тремя японцами и двумя айнами отправился на корабль обедать. Пост я назвал Муравьевским, в честь главного ревнителя и представителя пред высочайшей властью за дело на отдаленном востоке, генерал-губернатора Николая Николаевича Муравьева (графа Амурского). Японцы и айны остались довольны дружеским нашим приемом на корабле. За обедом мы пили за здоровье нашего императора и японского и за тесную дружбу Японии и России. Во время тоста был произведен салют с корабля и с Муравьевского поста. После обеда команда пела песни и плясала, все было довольны и веселы. Эта церемония и обстановка, видимо, расположила к нам японцев и айнов и, как можно было заметить, внушила в них уважение к нам.

Согласно их просьбе, я передал им на русском и французском языках следующую декларацию:

«На основании трактата, заключенного между Россией и Китаем в г. Нерчинске, в 1689 году, остров Сахалин, как продолжение Нижне-амурского бассейна, составляет принадлежность России. Кроме того, еще в начале 16 столетия удские наши тунгусы (ороки) заняли этот остров. Засим, в 1740-х годах русские первые сделали описание одного и, наконец, в 1806 году Хвостов и Давыдов заняли залив Анива. Таким образом, территория острова Сахалина составляла всегда неотъемлемую принадлежность России.»

Всемилоштивейший государь мой император Николай, осведомившись, что в последнее время около этих берегов плавают много иностранных судов и что командами их производятся разные беспорядки на этих берегах и причиняются насилия обитателям оных, находящихся под державой его величества всемилоштивейшего государя моего императора, высочайше мне повелеть соизволил: поставить в главных пунктах острова надлежащие посты, в тех видах, чтобы личность и собственность каждого из его здесь подданных, а равно и японцев, производящих промыслы и торговлю на территории его величества, была надежно ограждена от всяких подобных насилий и произвольных ра-

поряжений иностранцев, и чтобы подданным Японской империи не только не препятствовать свободной здесь торговлей и промыслам, но всеми средствами ограждать и способствовать оным, насколько то соответственно с верховными правами его императорского величества государя моего на эту территорию и той тесной дружбе, которую Россия искренно желает навсегда сохранить с Японской империей.

Во исполнение этой высочайшей воли, я, нижеподписавшийся, начальник этого края, 22 сентября 1853 года в главном пункте острова Сахалина, Тамари-Анива, и поставил российский Муравьевский пост с упомянутой целью. Заведовать этим постом и островом назначен мной его императорского величества майор Н. В. Буссе, а потому к нему, как к ближайшей здесь власти Российской, при всяких недоумениях и тому подобных случаях, следует обращаться. Объявлено 1853 года, сентября 22 дня. Муравьевский Российский пост в заливе Тамари-Анива, на острове Сахалине».

По соглашению с японцами, предположено было свезти на берег тяжести на их судах, для чего они и назначили в наше распоряжение две лодки. Часть заготовленного у них леса, по случаю ненужности его, они уступили нам за известную плату, но с тем, что если понадобится, то чтобы мы поставили к их запасам и магазинам наших часовых, дабы айны не могли произвести грабежа, особенно водки и риса.

К вечеру японцы съехали на берег. В помощь лейтенанту Рудановскому на ночь был послан г-н Бошняк, которому было приказано в продолжение ночи иметь караул и бдительное наблюдение за селением, ибо японцы боялись, чтобы некоторые, весьма дурные айны не произвели бы бесчинств; японцы сказали мне, что айны уверены, что мы позволим им разграбить запасы водки и риса, что многие будто бы уже грозили, что русские не только прогонят японцев, но прикажут айнам перебить всех их. Несмотря, однако, на это, ночь прошла благополучно.

На другой день, около 9 часов утра, пришли две лодки с айнами за грузом и начали свозить оный на берег, в Муравьевский пост. Там сараи уже были очищены; в одном из них поместилась довольно просторно команда, а в другом г-да Буссе и Рудановский. В последнем разместили также наши запасы и товары. В этот же день были поставлены на место все восемь орудий, присланных с десантом.

Для отыскания местности около Муравьевского поста, где можно было бы оставить на зимовку судно, я посылал на вельботе лейтенанта Бошняка, но при тщательном осмотре берега, на пространстве около 20 верст к западу, такого места нигде не оказалось. Остаться же мне

с кораблем для этого исследования, по случаю наступившей уже осенней, свежей погоды, было нельзя, да и не следовало, тем более, что с этой целью был высажен Орлов, который не сегодня так завтра должен был явиться в пост. К вечеру ветер засвежел и Н. В. Буссе на опыте убедился, до какой степени разгрузка судна на открытый берег не только затруднительна, но и опасна. Теперь можно положительно сказать, что одними средствами корабля «Николай», без помощи туземцев, нам бы не кончить разгрузку и в две или три недели, а было уже 23-е сентября. Оказывается, что это не так просто и легко, как расказывали Николаю Васильевичу в Петербурге.

Д. И. Орлова и транспорта «Иртыш» все еще не было. Я беспокоился более всего об Орлове, но 24-го сентября один из туземцев сказал нам, что Д. И. Орлов оставил свою лодку у селения Кусунай, в самом узком месте Сахалина, от которого туземцы ходят пешком и ездят на восточный берег, и отправился туда со своими людьми. Это давало повод думать, что Д. И. Орлов будет уже не с запада, а с востока, и, следовательно, может осмотреть ту часть залива Анива, которая еще не была осмотрена. Я должен был торопиться скорее оставить Муравьевский пост: во-первых, потому, что становилось свежо, а во-вторых, потому, что меня вызывали оттуда нижеследующие, довольно серьезные обстоятельства.

Читателю известна уже встреча г-на Семенова с китобоем: последний говорил между прочим Семенову, что американская эскадра может прийти в Татарский залив и поздней осенью. Мы не знали действительной цели этого посещения, поэтому присутствие в Татарском заливе нашего крейсера было необходимо, а между тем, кроме корабля «Николай», послать было некого. Чтобы этот корабль не зазимовал в Татарском заливе и поспел вовремя в Ситху, исполнив предварительно свою крейсерскую службу, терять времени было нельзя. И то, имея в экспедиции одно только судно, приходилось убивать на нем двух зайцев за раз.

Из Тамари-Анива «Николай» должен был идти в крейсерство и, вместе с тем, посетить Императорскую гавань, оставить в оной Бошняка и распорядиться зимовкой; потом доставить меня в де-Кастри, ибо я только оттуда, до закрытия реки, мог приехать в Петровское, где мое присутствие было крайне необходимо.

Опасения японцев относительно айнов оправдались: в ночь на 23-е число айны, подстрекаемые одним своим пьяным собратом, собрались толпой и, пользуясь темнотой, хотели разграбить все магазины и имущество японцев, предполагая, по уверению этого пьяного, что это нам будет приятно. Японцы, боясь, с одной стороны, угрозы айнов, а с другой, гнева своего правительства за

сношение с русскими, удалились из селения. В посту тотчас сделано было распоряжение — оцепить часовыми сарай, в котором собрались айны, и приставить таковых же к японским магазинам. Вместе с тем, сейчас же дали знать об этом мне. По прибытии в пост, я при собрании толпы наказал пятерых айнов-зачинщиков, выданных мне, и сейчас же послал двух казаков за японцами; но на мой зов только двое немедленно явились. Тогда я собрал всех айнов и приказал показать им действие орудий, сказав при этом, что если они еще вздумают подобное бесчинство, то я приведу в исполнение угрозу. После того я еще раз подтвердил им, что они обязаны исполнять все требования японцев, как исполняли их до нашего прибытия, и что за всякое насилие японцам и их имуществу они будут казнены.

Окончив расправу, я сделал следующие распоряжения в посту: для охранения имущества японцев иметь на ночь постоянно часовых у их складов, которые запечатывать и запираить. Согласно представленному расчету японцев¹, выдавать рис и рыбу из этих складов тем только из айнов, которые довольствовались от японцев до сего времени. Немедленно послать прибывших сюда японцев за их товарищами, предложив им возвратиться и жить спокойно. Сказать им, что при нашей охране личность и имущество их всегда будут безопасны и что мы заставим айнов исполнять все их требования согласно установленным до нашего прибытия условиям.

Японцы, осязательно видя наше доброе намерение и что мы желаем сохранить с ними дружбу и наблюдать, чтобы их промыслы производились и были вполне ограждены, вскоре возвратились на свое место; айны же стали мирными и вполне покорными их работниками.

К вечеру 26-го сентября все было свезено с корабля «Николай» и размещено в посту. Батарея из пяти 12-фунтовых коронад и трех пушек была поставлена таким образом, что все селение, магазины и полоса берега против поста находились под ее выстрелами. Команда сразу была размещена просторно и в сухом здании. Для предстоявших построек мной куплено было более 600 деревьев сухого леса, а в японских магазинах находилось большое количество риса, муки, сухой зелени, различных кореньев, водки, соли и рыбы, так что в случае надобности мы могли за условленную плату пользоваться всем запасом. Впрочем, привезенного нами довольствия и товаров было так много, что нечего было и думать об истощении их. Ни один пост

в Приамурском крае не был поставлен в такое безопасное и вполне обеспеченное положение, в каком я оставил пост Муравьевский, под начальством Н. В. Буссе.

Я был совершенно спокоен относительно его: вся команда была весела и здорова.

Перед уходом я дал г-ну Буссе приблизительную следующую инструкцию.

1) По прибытии транспорта «Иртыш», принять его в свое распоряжение, имея в виду, что если по исследованию г-на Орлова окажется возможным зимовать этому транспорту в заливе Анива или на восточном или западном берегу одного, в окрестностях залива, то оставить там «Иртыш» на зимовку. Если же такого места не окажется, то отправить транспорт в Петропавловск. Буде же по каким-либо причинам, т. е. не надежности транспорта к позднему плаванью до Петропавловска, каким-либо могущим оказаться у него повреждениям, при которых он не может идти так далеко, то в таком только крайнем случае он должен отправиться на зимовку в ближайшую от поста Императорскую гавань. Но как в первом, так в особенности последнем случае я предлагаю вам к неперемennomu исполнению: а) тщательно, вместе с командиром транспорта, осмотреть команду одного, и всех, кто окажется слабым, заменить здоровыми людьми из поста. б) снабдить команду чаем, сахаром, ромом, водкой от японцев, рисом, зеленью, теплой одеждой, какую имеете для команды Муравьевского поста, и железной печкой (их было привезено три). Провизии отпустить, по крайней мере и непременно, на семь месяцев. Одним словом, команда транспорта должна быть гораздо лучше обеспечена, нежели команда поста, так как зимовка людей при poste у большого селения и в сухих зданиях, при обилии местных запасов, и без того уже обеспечена, между тем как в Императорской гавани люди должны находиться в пустыне, без всяких местных средств и помещения².

2) По прибытии в пост г-на Орлова, если признаете нужным и для себя полезным, можете его оставить в своем распоряжении. В противном случае, с первой зимней посылкой ко мне, отправьте Орлова в Петровское.

3) Лейтенанту Рудановскому, согласно личному моему приказанию, с наступлением зимнего пути производить обследование берегов залива Анива, которые не успел осмотреть Орлов, а равно сделать опись западного берега Сахалина от мыса Крильон

¹ Японцы в зимние месяцы довольствовались своих работников-айнов рисом и вяленой рыбой из своих складов.

² Помещение было только на восемь человек, и то сырое.

до селения Кусунай. Обследовать значительные реки, орошающие южную часть Сахалина, и пути, ведущие к северу.

4) Собрав от туземцев и японцев положительные сведения о пути к Погоби, с первой возможностью прислать ко мне уведомление о положении поста и команды в оном, а равно об Орлове и транспорте «Иртыш».

5) Иметь в виду, что с ранней весной, по распоряжению генерал-губернатора и по моей просьбе, непременно придет к посту судно из Камчатки, а равно, по уведомлению главного правления, придут тоже суда и из колонии. Следовательно, с открытием навигации пост будет вполне обеспечен во всех отношениях.

6) С возвращением на старое место японцев, уверить их, в особенности старшего из них, чтобы они были совершенно спокойны, и строго наблюдать, чтобы их личность, имущество, промышленность и торговля были вполне ограждены. Строго наблюдать также, чтобы айны исполняли все те обязательства относительно японцев, какие они исполняли до нас. Изучать тщательно нравы, обычаи, верование и отношение японцев к туземцам и стараться узнавать те из их обычаев, которые составляют для них как бы святыню. Строго смотреть, чтобы команды наши отнюдь не нарушали их обычаев и вообще избегать и не дозволять себе навязывать туземцам наших обычаев, хотя бы они и представлялись по вашим взглядам благодетельными для них. Иметь в виду, что мы только добрым примером своим можем влиять на улучшение их образа жизни и нравов и что всякие с нашей стороны навязывания наших порядков могут привести не к пользе, а ко вреду, и могут поселить в туземцах ненависть к нам.

7) Стараться развлекать команды и не обременять их излишними работами. Заботиться, главное об их здоровье, бодрости духа и довольстве. На первое время достаточно прикрыть батарею срубом или частоколом, исправить казарму и выстроить флигель и баню. Что же касается башен и редутов, то это решительно бесполезно, ибо миролюбивые и робкие туземцы не будут нападать на пост, когда в несколько часов мы можем уничтожить все их селение. Что же касается японцев с Мацмая, то, во-первых, при нашей миролюбивой политике и полной свободе, которую мы предоставляем им в производстве промысла и торговли, нет никакой причины делать им на нас нападение; во-вторых, батарея наша, прежде чем их джонки дойдут до берега, может уничтожить их. Кроме того, с ранней весной, придут к посту наши суда.

8) В том месте, которое по исследовании Рудановского окажется более удобным как для жизни, так равно и для подхода судов, а тем более для зимовки оных, к весне поставить пост из 8 или 10 человек.

Сделав эти распоряжения, к вечеру 26-го сентября корабль «Николай» снялся с якоря и, обменявшись с нашим постом салютами, направился в Татарский залив. Пользуясь свежим SSO ветром, мы, выйдя из Лаперузова пролива, легли на W.

Так совершилось водворение наше в главном пункте острова, Тамари-Анива.

Глава XXIV

Прибытие в Императорскую гавань.— Де-Кастри.—
Шхуна «Восток».— Поезда на оленях к озеру Кизи.—
Возвращение в Петровское.— Известие из де-Кастри.—
Командировка Петрова в Императорскую гавань.—
Известия из Константиновского поста.—
Донесение Н. В. Буссе от 2-го октября.

е доходя около 5 миль до матерого берега, я лег вдоль одного и 29-го числа вошел в Императорскую гавань, чтобы осмотреть там наш пост. 30-го сентября вышел из гавани, встретил противный ветер с пасмурностью и начал лавировать к N. 2-го октября, к вечеру, бросил якорь в заливе де-Кастри, против Александровского поста.

Оставленному в Императорской гавани с 10 человеками лейтенанту Бошняку приказано было:

1) Наблюдать за состоянием гавани во время закрытия и вскрытия оной и произвести съемку тех бухт, которые не были еще описаны.

2) С установлением зимнего пути, отправить ко мне донесение тем из путей, который по сведениям от туземцев окажется более надежным и кратким.

3) В случае, если бы по каким-либо причинам пришел на зимовку в гавань транспорт «Иртыш», все внимание обратить на сохранение здоровья команды, для чего всеми средствами стараться доставать от туземцев в окрестностях гавани свежую пищу, как то: рыбу, дичь и оленину, и следить, чтобы в казарме команды топились постоянно чувал. Майору Буссе приказано, в случае следования транспорта «Иртыш» в Императорскую гавань, снабдить его продовольственными запасами и одеждой в изобилии.

4) Кораблю «Николай» предписано будет зайти из де-Кастри в Императорскую гавань с целью узнать, хорошо ли снабжена команда «Иртыша», и, если окажется противное, то Клинковстрем, командир «Николая», вследствие моей просьбы, пополнит снабжение. Корабль «Николай» из Императорской гавани должен идти по назначению, согласно инструкции, данной ему начальником Аянского порта, Кашеваровым.

5) В случае, если транспорт «Иртыш» будет зимовать в Императорской гавани, то с ранней весной, тотчас по вскрытии гавани, отправиться на нем вдоль берега к югу и, достигнув той широты (около 46°), где, по словам туземцев, должно предполагать устье реки Са-

мальги, взять восемь человек при байдарке и шлюпке, оставить транспорт, приказав ему следовать к Муравьевскому посту, и на сказанных шлюпках произвести исследование берега к югу, рассчитывая временем так, чтобы около 25-го мая возвратиться в Императорскую гавань. Если при устье реки Самальги окажется действительно закрытая бухта, как говорили туземцы, и река представляет удобное сообщение этой бухты с рекой Уссури или Амуром, то поставить в ней пост из трех человек с поднятием военного флага. При этом poste оставить байдарку. Иметь в виду, что я на транспорте «Байкал», долженствующем прибыть в де-Кастри из Камчатки, около 20-го мая буду в Императорской гавани и сообразно с теми сведениями, какие через него получу, буду ставить по берегу посты до корейской границы.

б) Тщательно наблюдать за действиями иностранных судов и при всякой встрече с ними давать им объявление о принадлежности края России.

Сойдя к де-Кастри с корабля «Николай», я написал Клиновстрему идти по назначению, согласно данной ему инструкции от Кашеварова, но на пути непременно зайти в Императорскую гавань, с тем, что если там найдет «Иртыш», пришедший в оную на зимовку и в случае заявления начальника поста, г-на Бошняка, о недостаточности продовольствия, пополнить оное.

3-го октября, при противном SW ветре, корабль «Николай» оставил залив де-Кастри и начал лавировать к югу.

Начальник Александровского поста г-н Разградский сообщил мне, что 30 сентября пришла туда винтовая шхуна «Восток» под командой капитан-лейтенанта Римского-Корсакова. Она была послана генерал-адъютантом вице-адмиралом Е. В. Путятиным из Нагасаки к устью Амура, с тем чтобы узнать о положении нашем в этих краях и о средствах, какие мы имеем. Шхуна эта, пройдя южным проливом и войдя в реку у мыса Пронге, встала на якорь, а г-н Римский-Корсаков на шлюпке ходил в Петровское, чтобы видетсья со мной; узнав же, что я в исходе сентября буду в де-Кастри, он зашел туда. Не найдя меня и там, он, по полученным от Разградского сведениям, отправился в Вияхту, чтобы нагрузиться каменным углем, объявив Разградскому, что оттуда возвратится в залив де-Кастри, чтобы видетсья со мной. При этом Разградский передал мне, что по словам Корсакова, полномочному министру нашему генерал-адъютанту Е. В. Путятину (графу), отправленному на фрегате «Паллада» в Нагасаки для заключения торгового трактата с японцами, неизвестно данное мне высочайшее повеление о занятии острова Саха-

лина. Это обстоятельство понудило меня остаться в де-Кастри, чтобы видетсья с командиром шхуны «Восток». Между тем наступило уже 5 октября, а шхуна еще не приходила. Остаться долее в де-Кастри я не мог, потому что рисковал не попасть до заморозков в Петровское, где мое присутствие было необходимо. Поэтому, изложив письменно все данные мне Высшим правительством распоряжения и сведения и объяснив все мои действия и данные мной г-м Буссе и Бошняку инструкции, я просил Римского-Корсакова передать все это Ефиму Васильевичу Путятину и, вместе с тем, просил его на пути в Нагасаки зайти в Императорскую гавань и не оставить Бошняка в случае какой-либо с его стороны просьбы касательно пополнения запасами Константиновского поста; в особенности я просил Воина Андреевича снабдить Бошняка презервами, буде таковые на шхуне имеются. Засим я приказал Разградскому, с совершенным закрытием залива и моря около оногo, оставить в poste двух человек с унтер-офицером, с остальными же людьми, ввиду большего удобства, продовольствовать оных, перейти на зимовку в Мариинский пост, из которого г-н Петров должен следовать в Петровское. Утром, 6 октября, на оленях я отправился на озеро Кизи, где ожидала меня гилякская лодка, присланная Петровым из Мариинского поста. На ней я едва к 16 октября мог добраться до Петровского, ибо внезапно наступившими морозами начало уже затягивать реку и на ней показался лед.

Таким образом, винтовая шхуна «Восток», под командой Воина Андреевича Римского-Корсакова, было первое мореходное судно, вошедшее в реку Амур из Татарского залива, по тому пути, который считался недоступным. Последнему к несчастью, никто, а особенно министерство иностранных дел, несмотря на мои донесения, не верил, и все полагали, что я ошибаюсь и доношу неправильно, а потому и считали, что с этой стороны устье реки Амура обеспечено от всяких неприятельских покушений с моря. Таково было впечатление, произведенное на весь образованный мир авторитетом моих знаменитых предшественников: Лаперуза, Браутона и Крузенштерна. Оно было до такой степени тогда сильно, что до 1856 года англо-французы никак не могли представить себе, чтобы суда наши могли пройти этим путем в лиман и реку Амур, и полагали, что всякое исследование с этой стороны будет положительно напрасно.

Проезжая Мариинский и Николаевский посты, я нашел их совершенно обеспеченными продовольствием, благодаря г-м Бачманову, Пе-

трову и Воронину. Люди были размещены по возможности удобно и покойно и больных нигде не было. В Петровском я нашел новый флигель почти готовым, так что к 1 ноября семейства священника и г. Бачманова перебрались в оный. В Петровском 25 октября я получил от Кашеварова (от 9 сентября) с нарочным туземцем уведомление, что бриг «Константин» в Аян не будет, что на Камчатку пришел из Кронштадта, под командой капитан-лейтенанта Бессарабского, транспорт «Двина» с орудиями и различными запасами и материалами, что транспорт этот остается на службе в Петропавловске, командир же оного, несколько офицеров, в том числе и брат моей жены, мичман Николай Иванович Ельчанинов, прибыли в Аян на компанейском корабле, чтобы отправиться берегом в Петербург, но что Ельчанинов желает поступить в экспедицию и остается в Аяне до моего распоряжения. Это последнее обстоятельство весьма обрадовало меня, и в особенности жену мою, которая не видела своего любимого и единственного брата более пяти лет.

28 октября я отправил почту в Аян. Донося генерал-губернатору о всех моих действиях, я убедительно просил его, чтобы были высланы в экспедицию винтовая шхуна и пароход, ибо при увеличенном круге действий экспедиции, предстоящего увеличения команды в оной и крайней необходимости занять постами берег до корейской границы, а равно и поставить посты по рекам Амуру и Уссури, как я уже писал раньше, в этих судах встречается крайняя необходимость. Наконец, они также необходимы для точного определения направления и состояния лиманских фарватеров.

Вместе с этим я сообщил о распоряжениях своих главному управлению компании и г-ну Кашеварову, которого просил, если возможно, дать все средства к переезду в Петровское г-на Ельчанинова зимним путем, а буде окажется невозможным, то прислать его ко мне с первым судном, при открытии навигации.

Уведомляя В. С. Завойко о приказаниях, данных мной Буссе относительно «Иртыша», я убедительно просил его самой ранней весной прислать в Кастри транспорт «Байкал», или другое какое-либо судно, которое он сочтет возможным прислать, и просил, чтобы этому судну приказано было непременно зайти в залив Анива, в Муравьевский пост и в Императорскую гавань. Я имел в виду отправиться на этом транспорте из де-Кастри вдоль Татарского берега, к югу.

Зима наступила морозная и ненастная, нас буквально заносило снегом; однако, благодаря Богу, все команды, обеспеченные продовольствием и теплой одеждой, были здоровы. В Нико-

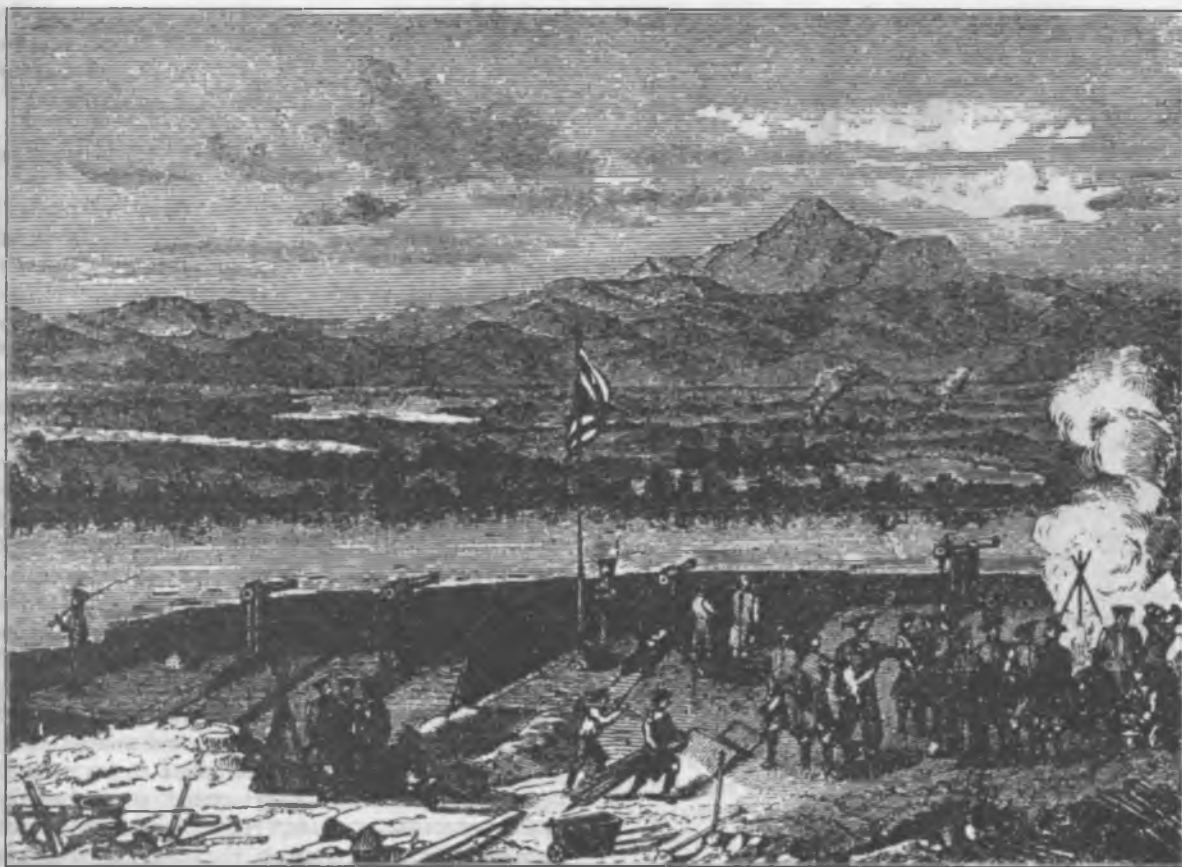
лаевском и Петровском заготавливался лес для будущих построек в ожидании увеличения наших команд с навигацией. В Петровском отделывали часовню, иконостас, которой мастерили из миткаля, стараясь, чтобы к Рождеству Христову возможно было служить в первом храме Божьем в Приамурском крае.

1 декабря из Мариинского поста приехал г-н Петров, с которым г-н Разградский прислал донесение, что бухты де-Кастри начали покрываться льдом 18 октября; в заливе же, с 25 октября до 10 ноября, носило лед, так что залив встал крепко только 12 числа этого месяца. Море перед заливом встало 20 ноября. 9 октября шхуна «Восток» заходила на один день в залив де-Кастри. Командир ее в письме ко мне сообщал, что так как протока Вияхту, по причине сильного течения до 4 и 5 узлов и извилистого между лайдами и банками узкого канала, оказалась неудобной и опасной для входа, то он брал каменный уголь на открытом берегу около Вияхту к S от нее.

Засим 15 декабря я послал г-на Петрова через Мариинский пост в Императорскую гавань, приказав ему, что если на пути около Мариинского поста он встретит оттуда почту, то чтобы возвратился в Мариинск на смену Разградскому, который должен приехать в Петровское.

К Рождеству Христову маленькая церковь в Петровском была готова, и в этот великий праздник мы, в отдаленных и негостеприимных пустынях нашего северо-востока, впервые молились в храме Божьем. Все почти мои сотрудники были в отсутствии; в Петровском находились только г-н Бачманов и доктор Орлов, а в Николаевском — г-н Воронин.

Наступил и новый 1854 год, но ни с острова Сахалина, ни из Императорской гавани известий не было. Наконец 10 января 1854 года прибыл Д. И. Орлов и сообщил, что 18 августа он высадился с транспорта «Байкал» на западный берег острова Сахалина в селение Венду-эси, в широте $48^{\circ} 50' 47''$ N и долготе $142^{\circ} 07' 40''$ O. Так как эта местность оказалась неудобной для основания поста, то он направился вдоль западного берега к S. Свежие противные ветры и сильный бурун у берега много препятствовали ему в плавании, так что только к вечеру, 25 августа, следуя по направлению StO, он мог достигнуть селения и речки Котан-Кутури, лежащих около 27 верст от Венду-эси. Широта этого пункта, определенная им по меридианальной высоте солнца, $48^{\circ} 37' 45''$ N, а приблизительная долгота $142^{\circ} 12'$ O. В 6 верстах от селения Венду-эси при реке Инчара лежит селение того же имени; на правом берегу этой реки, по которой Д. И. Орлов поднимался на ONO, в широте $48^{\circ} 48' 30''$ N и долготе $142^{\circ} 21'$ O, лежит весьма

Марининский форт.

Гравюра XIX в.

замечательная гора с двумя пиками. Гору эту г-н Орлов назвал горой Невельского. На всем этом пространстве в $1\frac{1}{2}$ мили от берега тянется хребет гор, который во многих местах подходит к морю утесами. Эти горы покрыты лесом лиственницы и ели. В селении Котан-Кутуру, по случаю крепкого ветра от NW и сильного у берега буруна, он провел 4 дня. Река Котан-Кутуру течет от ONO по низменной долине; глубина ее на бере до $1\frac{1}{2}$ фута, а далее до 6 футов; ширина от 8 до 10 сажен.

От селения Котан-Кутуру до селения и реки Тукунай, на пространстве 36 верст, берег тянется по тому же StO направлению. На этом пути до селения Отагу, на пространстве 28 верст, берег песчаный и возвышенный и покрыт тучной травой. Цепь гор от Котан-Кутуру постепенно удаляется от берега к востоку и затем поворачивает к SSW; у селение Отагу, близ моря, она образует огромную возвышенную долину, покрытую тучной травой. На этой долине, между параллелями $48^{\circ} 36'$ и $48^{\circ} 24'$, на расстоянии от

берега от 1 до 3 миль, лежит огромное озеро Тарайска. Восточный берег его гористый. Озеро это в широте $48^{\circ} 25' 15''$ N и долготе по обсервации $142^{\circ} 20'$ O соединяется с морем протокой того же имени. Протока Тарайска имеет глубину на бере 5 футов, а далее в озере — от 7 до 10 футов, ширина ее от 10 до 12 сажен, а длина на NO — $3\frac{1}{2}$ версты. Озеро Тарайска имеет по меридиану длину до 18 верст, а ширину от 2 до 8. Глубина его от 2 до $3\frac{1}{2}$ сажен; берега приглубы. Селение и речка Отаксу лежат в 10 верстах от протоки Тарайска и в 8 верстах от Тукунай. Широта селения последнего по меридианальной высоте солнца $48^{\circ} 15' 28''$ N а долгота по счислению $142^{\circ} 23'$ O.

От селения Тукуная до селения и реки Кусунай берег имеет общее направление на StW. Цепь гор тянется вдоль всего берега, на расстоянии от 1 до $1\frac{1}{2}$ версты от моря. При устье реки Кусунай она оканчивается возвышенным мысом, от которого вдоль правого берега реки Кусунай направляется к востоку и образует большую долину, простирающуюся до устья реки и селения

Тип гилияка.
Гравюра XIX в.

Най-Оро, лежащего в 12 верстах к S-ду от Кусунай. Туземцы ездят с западного берега на восточный и в залив Анива по реке Ку, через хребет и по реке Менуэ. Берега реки Кусунай при устье и вообще вся долина ее до селения Най-Оро, представляет места, удобные к поселению и разведению скотоводства. Грунт — чернозем, покрытый тучной травой. Ширина устья Кусунай по полуденной высоте солнца — $47^{\circ} 59' 52''$ N, а счислимая долгота $142^{\circ} 15'$ O; глубина на баре при устье от $2\frac{1}{2}$ до $3\frac{1}{2}$ футов. Здесь г-н Орлов 30-го августа 1854 года, при собрании жителей селения Кусунай (орочан-айнов), поставил пост и поднял военный флаг. Пост этот, согласно моему приказанию, он назвал *Ильинским*.

Свежий противный ветер продержал здесь Орлова до 4-го сентября, после чего он пошел вдоль возвышенного берега, к S-ду. Проплыв 15 верст, он достиг устья реки и селения Най-Оро, а отсюда пошел вдоль берега на StW и через 12 верст прибыл в селение, речку и бухту Сиророко, потом чрез 12 верст приплыл к устью речки Туной-Уной, ширина которого по полуденной высоте солнца — $47^{\circ} 42' 39''$ N. Отсюда он пошел в селение Отто-Хори, при реке того

же имени и, по причине сильного буруна при SW свежем ветре, должен был пробыть там сутки. По полуденной высоте широта этого места оказалась $47^{\circ} 39' 45''$ N, а долгота по часам и обсервации — $140^{\circ} 9'$ O.

От селения Отто-Хори берег принимает направление на SW 5° . Проплыв вдоль него 7 верст, Орлов пришел в мелководную бухту, речку и селение Сенакуэро, а через 6 верст достиг речки и селения Такой. Пройдя еще 8 верст, он к вечеру 7-го сентября прибыл в бухту и селение Нотоксам. Погода сделалась пасмурная, и в продолжение 5 дней стояли свежие ветры от WSW и WNW, производившие сильные буруны. Только утром 13-го числа Д. И. Орлов мог отправиться далее. Следуя вдоль берега на S $\frac{1}{2}$ W, через 10 верст он достиг возвышенного скалистого мыса Тубу, широта которого по меридианальной высоте солнца $47^{\circ} 27' 28''$ N, а долгота по счислению $142^{\circ} 5'$ O. Обогнув мыс, он вышел на устье реки, при которой стояло селение Сыро-ро. От этого мыса, вдоль всего берега, к югу идет каменный риф, весьма опасный для плавания, а в 2 верстах от него лежит высокий мыс Неторо.

В селении Сыро-ро Д. И. Орлов встретил амурских гилияков Позвейна и Юдина, возвращавшихся из селения Сиракуса, в которое они ходили для расторжки с айнами и японцами. Этим гилиякам, при отправлении их туда весной, я поручил собрать сведения о заливах Идунки и вообще о юго-западном берегу острова. На предложение, сделанное им Орловым, следовать с ним в залив Анива они не согласились по той причине, что в такое позднее время идти вдоль этого берега, усеянного каменными рифами, опасно и ранее месяца достигнуть Анивы невозможно. Они сказали, что бухты Идунки находятся между каменными рифами и поэтому попадать туда в осеннее время опасно.

Дмитрий Иванович, основываясь на их словах, убедился, что достигнуть до 20-го сентября назначенного для свидания со мной пункта представляется невозможным и что оставлять людей в Ильинском poste на зиму, по неимению продовольствия, тоже нельзя, и решился возвратиться обратно в Ильинский пост (Кусунай), куда и прибыл 22-го сентября.

Оставив там, в деревне Соторкурера, свою лодку и ящик с товарами, Орлов нанял проводников и две легкие туземные лодки и со всеми людьми Ильинского поста, 25-го сентября, направился на восточный берег острова Сахалина, с которого, по словам туземцев, только и можно было прийти в Аниву.

Поднимаясь по реке Кусунай на OtS, через 15 верст они пришли к устью реки Спаяни, впадающей в реку Кусунай с правой стороны

От этого пункта начинается перевал через хребет. По причине усталости людей и дурной погоды они остались там ночевать в юрте.

Глубина бара реки Кусунай до 2 $\frac{1}{2}$ футов. Река эта на пропльтом пространстве имеет ширину от 10 до 12 сажен, берега ее ровные, возвышенные и покрыты частью травой, а частью лесом — ели, березы, осины и кедры. Притоки Кусунай следующие: Троконут, в 5 верстах от устья; Большая и Малая Оропе — в 10 и Спаяни — в 15 верстах. Кусунай на этом пространстве не имеет ни шиверов, ни порогов и течение его от $\frac{1}{2}$ до 1 $\frac{1}{2}$ узла. Долина реки удобна для заселения; грунт — на $\frac{1}{2}$ аршина чернозем на глиняной и частью песчаной подпочве.

В 8 часов утра 26-го сентября, оставив лодки с тремя проводниками, партия пошла пешком вверх по реке Кусунай и через версту перевалила небольшую возвышенность Чепнани-Хута; потом спустилась в реку Перору-Пести, впадающую в Кусунай с левой стороны и, поднявшись по ней на версту, перевалила хребет Саруг-Хунги, имеющий 500 футов высоты и составляющий водораздел западных рек от восточных. Спустившись с него, она вышла на левый берег речки Хикну-Хунга, впадающей в реку Мануе. Общее направление этого пути StO 5 верст.

Отсюда они отправились по хребту на вершину реки Найбу, на OtN и, пройдя по этому направлению около 10 верст, достигли вершины его; широта этого места по полуденной высоте оказалась 48° 58' 20" N, а счислимая долгота 142° 53' O. С вершины реки Найбу они пошли через небольшую возвышенность на OSO и через 5 верст вышли на левый берег реки Най; пройдя по тому же направлению этим берегом около 5 верст, они достигли, наконец, реки Мануе. Здесь они нашли маленькую лодку, в которой Д. И. Орлов с одним матросом и проводником спустились до устья Мануе, а остальная команда с двумя проводниками отправилась туда же, по левому берегу этой реки, пешком.

Река Мануе на этом пространстве течет по тому же OSO направлению. Расстояние ее до устья реки Най около 10 верст. Таким образом, весь путь от селения Кусунай — западного берега острова Сахалина, до селения и устья реки Мануе — восточного берега Сахалина — около 45 верст, а напрямую — менее 40 верст. Это пространство составляет самое короткое расстояние между западным и восточным берегами острова. Сообщение по этому пути удобно и не представляет никаких затруднений к проложению проезжей дороги.

По меридианальной высоте солнца устья реки Мануе лежит в широте 47° 54' 28" N, а долгота его 143° 42' O.

Река Мануе на пространстве, пропльтом Д. И. Орловым, имеет ширину от 10 до 25 сажен, а глубину от 3 до 6 фугов; при устье ее, на бере, глубина до 1 $\frac{1}{2}$ фута; течение до двух узлов. Оба берега реки низменны и покрыты травой и мешанным лесом. Вообще растительность по восточную сторону хребта Саруг-Хунги, к Охотскому морю, беднее растительности по западную сторону этого хребта, к Татарскому заливу. На это имеют несомненное влияние льды и туманы, господствующие в Охотском море.

После полдня 27-го сентября Д. И. Орлов отправился из селения Мануе вдоль берега с командой пешком, а багаж послал на лодке. Обогнув увалистый мыс Никирайбу, он через 4 версты прибыл в селение Сира-роко, лежащее на устье реки Тарио-Найбу. В этом селении он нанял две лодки и поплыл на них вдоль берега по румбу StO; через 9 верст достиг селения Паро-Найбу, а через 12 верст — селение Отто, где и остановился ночевать.

На другой день, т. е. 28-го сентября, он поплыл вдоль берега на SOTs $\frac{1}{2}$ O и через 10 верст прибыл в селение Оттоксам; около этого селения, по берегу, разбросано много каменного угля (по туземному анса) и янтаря (кую-реко). По наблюдению меридианальной высоты, — широта определилась 47° 36' 2" N, а счислимая долгота 142° 45' O. Выйдя из селения и реки Оттоксам и следуя по тому же направлению, он через 12 верст прошел селение Ай, а через 8 прибыл на ночлег к устью реки Найбу. По обоим берегам этой реки расположено селение того же имени.

Река Найбу имеет ширину от 25 до 35 сажен, глубина реки около 15 футов, а на бере 6 футов в малую воду; течение около узла. Местность около этой реки лучшая из всех местностей, какие удавалось видеть г-ну Орлову на этом берегу. Огромные строевые леса, растущие по берегам ее, луговые пространства, черноземная почва и изобилие в реке различной рыбы представляют все удобства для заселения. Широта ее устья по меридианальной высоте солнца определилась 47° 28' 26" N, а счислимая долгота 142° 25' O. Из селения Найбу, по рекам Найбу и Сусоя, с их протоками, лежит самый удобный и кратчайший путь в залив Анива, до которого, по словам туземцев, около 100 верст. Первоначально Д. И. Орлов и хотел следовать этим путем, но, услышав от туземцев, что из Анива идут морем шесть человек японцев, г-н Орлов, желая встретиться с ними, чтобы узнать о нашем poste, оставил свое первое намерение и из Найбу поплыл вдоль берега на SOTs. Пройдя 11 верст, он встретился с японцами в селении Сумму и остановился там ночевать. Японцы приняли его дружелюбно и ласково объяснили, что русские поселились у селения Тамари, в заливе Анива и что они уехали оттуда, что-

бы повидаться со своими товарищами. Между прочим, они сказали Орлову, что совершенно спокойно оставили свои дома, так как уверены, что при русских все их имущество в Тамари будет цело.

На другой день, 30-го сентября, Д. И. Орлов поплыл вдоль берега по тому же румбу S O t S; через 8 верст он прошел селение Сусу-уэнай, а через 7 верст мыс Турей, от которого берег принял направление St O. Пройдя этим курсом еще 7 верст, к полудню, он достиг селения и речки Иноно-Спай. Широта селения, по наблюдению Орлова, $47^{\circ} 13' N$, а счислимая долгота $143^{\circ} 12' O$. Оттуда он пошел далее по тому же R St O, и через 12 верст проплыл селение Сума-Окотой, от которого берег принял направление St W. Пройдя по этому румбу около 15 верст, он пришел ночевать в селение Обуэ-Сена, широта которого $47^{\circ} N$, а долгота $143^{\circ} 10' O$.

1-го октября из этого селения он поплыл вдоль берега на SSO $1/4 O$ и через 17 верст достиг селения и мыса Чан-Поко у залива Мордвинова. Широта этого пункта по меридиальной высоте солнца определилась $46^{\circ} 52' N$, а счислимая долгота $143^{\circ} 20' O$.

Залив Мордвинова, лежащий между высокими мысами Ай-Ру и Тунайча, открыт от всех румбов NO четверти. Грунт в заливе — дресва и камения — ненадежный для якорной стоянки. Хотя этот залив и закрыт от О через S до W, но, судя по разлогам гор, его окружающих, SW и SO ветры должны быть там жестоки. Южный берег залива в разлогах низменный. На этой долине, по словам туземцев, находятся довольно глубокие озера, отделяющиеся друг от друга низменными возвышенностями, через которые туземцы перетаскивают лодки. Из этих озер выходят реки, впадающие в залив Анива. Одно из них посредством узкого канала соединяется с заливом Мордвинова; глубина канала на बारे — 3 фута.

Из селения Очах-Пока на реку Кусун-Котон, при устье которой расположен наш пост и селение Тамари, ведут два пути, 1-й, ближний, через хребет, а 2-й, дальний, через упомянутые озера. Дмитрий Иванович, имея в виду слишком позднее время года и крайний недостаток провизии, избрал первый, ближайший путь, и 1-го октября отправился по оному. Сначала он пошел через возвышенности на О и, пройдя около 14 верст, достиг реки Кому-Най, впадающей в одно из

Марининск.
Гравюра XIX в.

упомянутых озер (широта этого пункта по меридиальной высоте солнца определилась $46^{\circ} 51' 42''$ N), а потом, следуя по R SSW $1/2$ W, через 10 верст, вышел на реку Армури, впадающую, так же как и первая, в одно из сказанных озер. Пройдя по румбу WNW $1/2$ W до 6 верст, он пришел к хребту Арекаре-Этута, высота которого около 800 футов, а перевал через оный около 10 верст. Выйдя на вершину реки Кусун-Котан и следуя по левому берегу ее, через 15 верст, он наконец в 3 часа дня 2-го октября пришел в Муравьевский пост.

Таким образом, этим путем от восточного берега до залива Анива около 50 верст.

В то время стоял на якоре у Муравьевского поста транспорт «Иртыш». Майор Буссе отправил Д. И. Орлова на этом транспорте в Императорскую гавань, куда он и прибыл 10-го октября.

Наступившие вскоре морозы, доходившие до 10° , и бесснежие не дозволяли Орлову до 28-го ноября следовать отсюда ни на лодке, через залив де-Кастри, ни на нарте. В ожидании зимнего пути, он определил широту Константиновского поста ($49^{\circ} 01' 20''$ N). 28-го ноября, следуя по морскому берегу, г-н Орлов отправился из гавани и к вечеру того же числа достиг устья реки Тумджин. Поднимаясь вверх по этой реке, на 2-й день он догнал 10 человек торговавших мангунов с реки Амура, ездивших на татарский берег для торговли. Эти мангуны тащили за собой пять нарт, нагруженных пушным товаром. Не зная пути, Д. И. Орлов не отлучался от попутчиков и соразмерял с ними свою скорость, делая в день не более 15—20 верст.

Устье реки Тумджин было покрыто толстым льдом, но чем выше подымались по реке, тем лед становился тоньше и во многих местах были огромные полыньи; это обстоятельство замедляло путешествие. Глубина реки в полыньях была от 6 до 7 футов.

Проехав по Тумджину 180 верст, они прибыли на устье речки Солоди, впадающей в Тумджин с севера; проехав по ней около 25 верст, они начали подниматься на хребет. Чем далее поднимались, тем снег становился глубже и глубже и наконец достиг глубины $2 \frac{1}{2}$ сажень. Подъем с реки Солоди отлогий, но спуск с него на реку Хоюль почти вертикальный. Высота этого хребта около 1 500 футов.

Спускаясь по Хоюль, они достигли реки Яй, или Яви, в которую она впадает. Яви впадает в озеро Кизи. Там Д. И. Орлов встретился с г-ном Петровым и, согласно упомянутому моему распоряжению, возвратился с ним в Мариинский пост; они прибыли туда 28 декабря, в 10 часов утра. Весь путь из Императорской гавани до Мариинского поста Д. И. Орлов совершил в 30 суток.

Господин Петров остался в Мариинском посту, а г-н Разградский отправился вместе с Орловым в Петровское.

В заключение своего донесения Дмитрий Иванович пишет:

«Свыкаясь с языком туземцев осмотренного мной пространства острова Сахалина, я заметил, что народ, обитающий в средней и южной частях Сахалина, состоит из двух племен: Кути и Ороксей. Кути — та самая отрасль курильцев, которые обитают на северных Курильских островах; язык их совершенно такой же, как и наших курильцев; *ороксы*, или *орочены*, — те же, что и наши удские тунгусы, пришедшие сюда, как можно было заметить из рассказов туземцев, более 200 лет тому назад. Они разместились по всем селениям острова Сахалина, начиная от Дуэ, и смешались с кугами.

Оба эти племени называют Сахалин — Ка-рафту и считают себя за один род с *лоча* (русскими), которые к ним пришли с Хвостовым и Давыдовым прежде японцев. Последние стали появляться сюда, по словам туземцев, гораздо позже русских и то приезжали сначала с Мацмая для рыбного промысла только и для торговли, а поселились очень недавно.

Все упомянутые народы гостеприимны, ласковы, кротки, трусливы и так трудолюбивы, что редко можно застать их утром без дела. Дома их состоят из юрт, обставленных столбами и досками и покрытых корьем; посредине юрты очаг, а по стенам лавки, на которых спят; пол устлан досками. Летом они перекочевывают на рыбные промыслы. Японцы нанимают их за водку, табак, рис и домашнюю утварь для ловли рыбы, но это вознаграждение сравнительно с работой слишком ничтожно и, кроме того, японцы обращаются с ними как со своими рабами, так что туземцы не любят их и изъявляли мне удовольствие за то, что мы поселяемся у них. Религия их, а равно и одежда, такая же, как и у инородцев Приамурского края.

На всем обследованном мной пространстве острова Сахалина нет ни одного места, удобного для якорной стоянки судов; в отношении же основания земледельческого поселения самые лучшие места следующие: долина озера Тарайска, лежащая между селениями Кутан-Туру и Тарайска ($48^{\circ} 38'$ и $48^{\circ} 25'$ N широты), долины рек: Кусунай ($48^{\circ} 59'$ широты) и Отто-Хори ($47^{\circ} 42' 39''$ широты), а на восточном берегу долины рек: Мануе ($47^{\circ} 51'$ широты), Найбу ($47^{\circ} 28'$ широты) и Иноно-Снай ($47^{\circ} 13'$ широты). В особенности замечательна долина озера Тарайска и Кусунай на западном берегу и Найбу на восточном, потому что в протоку Тарайска и рек Кусунай и Найбу, в большую воду, мо-

гут свободно входить суда, сидящие в воде до 11 футов. От селения Ванду-Эса до реки Катан-Куру (от 48° 48' до 48° 40' широты на западном берегу) находится в большом количестве и хорошего качества точильный и оселочный камень и желтая охра».

Командир транспорта «Иртыш», лейтенант Гаврилов от 26-го ноября донес, что на пути из Петровского к заливу Анива транспорт был задержан противными свежими ветрами, так что только 1-го октября он достиг мыса Анива. В транспорте открылась значительная течь и повреждение в руле. Кроме того, начала болеть команда. Принимая во внимание все эти обстоятельства, он никак не мог решиться идти в таком положении и в такое позднее время в Петропавловск. Обо всем этом он представил начальнику Муравьевского поста, Н. В. Буссе, объясняя, что так как около поста и вообще в заливе Анива нет ни одного места, удобного для зимовки транспорта, то необходимо идти на зимовку в ближайшую к нему Императорскую гавань. Он просил Н. В. Буссе, согласно данным мной приказаниям, переменить больных людей здоровыми и снабдить его одеждой и всем необходимым для зимовки команды, пришедшей в такое позднее время в пустыню; но Николай Васильевич не принял его просьбы и отправил его безо всякого снабжения, несмотря на то, что в посту было всего в изобилии. «Мне предстояло,— пишет г-н Гаврилов,— или погибать в море, на пути в Петропавловск, или выдержать в Императорской гавани все трудности зимовки без надлежащего снабжения. Уповав на Бога, я вынужденным нашелся избрать последнее, и 10-го октября едва добрался до Императорской гавани. Течь в транспорте с каждым днем усиливалась, а руль почти бездействовал, так что перед входом в гавань мы должны были править румпельными. Больных людей Буссе также не заменил здоровыми, отзываясь, что и у него должны быть не больные, а здоровые люди. Несмотря на все заботы начальника Константиновского поста, Н. К. Бошняка, достать свежей провизии у туземцев и облегчить участь больных, ни того, ни другого сделать было невозможно. Между командой с 1-го же ноября уже начала обнаруживаться скорбная болезнь, так что в настоящее время почти треть команды больна ею и одного уже мы потеряли».

Командир корабля «Николай» Клиновстрем донес, что наступившие жестокие противные ветры, поздний приход транспорта (11-го октября) в Императорскую гавань, недостаток команды и, наконец, неизвестность Татарского залива и наступившие внезапно морозы, понудили его остаться на зимовку в этой гавани. «Впрочем,—

заключает г-н Клиновстрем,— команда имеет в изобилии как продовольственных предметов, так и одежды, а потому я надеюсь, что зимовка эта, Бог милостив, минует благополучно. В настоящее время больных в команде нет и корабль стоит почти вплоть у берега, на котором расположен Константиновский пост».

Начальник Константиновского поста, лейтенант Бошняк, в то же время сообщил мне, что внезапное стечение более 70-ти человек в месте пустынным, где предполагалось зимовать только восьми людям (для которых выстроена еще летом изба), недостаток в необходимых запасах для команды «Иртыша», который явился сюда буквально почти безо всего, с появившейся уже между его командой болезнью и, наконец, наступившие морозы до 26° с метелями и снегами, препятствующие доставать что-либо у туземцев с реки *Тумджин* (которые, равно как и окрестные жители гавани, по неприходу осенней рыбы и сами голодают),— ставят его в самое критическое положение. «При таком положении вещей,— писал Бошняк,— надобно ожидать весьма печального исхода этой зимовки, особенно относительно команды «Иртыша», которую г-н Буссе не позаботился снабдить всем нужным и не переменял даже больных людей». Шхуна «Восток» заходила на одни сутки в Императорскую гавань. Командир ее, Римский-Корсаков, сочувствуя такому недостаточному снабжению команды транспорта, уделил от себя все, что у него было, как то: сахара, чая и 12 банок презервов, но всего этого далеко недостаточно было даже для больных, которых в то время, из команды «Иртыша», было уже 12 человек. «Внутренние бухты гавани,— сообщал Бошняк,— 17-го числа октября покрылись прочным льдом, а с 20-го числа этого месяца мы уже ходили по льду. Через две недели, свежим северным ветром размало лед в Александровской бухте, море же в двух милях от гавани совсем не покрывалось льдом. Такой жестокой зимы, какая ныне, туземцы не помнят».

«Все эти обстоятельства заставляют меня просить,— пишет Бошняк,— об оказании нам возможной помощи, главное в медикаментах, чае, свежей провизии и теплой одежде, хотя надежда на возможность доставления весьма сомнительна. При всем старании моем нанять туземные нарты, никто из туземцев не взялся ехать не только с грузом, но и на легких нартах. Путь как через Тумджин, так и через Хунгари затруднителен, во-первых, по глубоким в хребтах снегам, а во-вторых, по неимению на этих путях корма для собак (вяленой рыбы)».

Команда транспорта «Иртыш» в настоящее время живет еще на судне, но через два или три дня для нее будет готово помещение, разумеет-

ся, сырое и тесное. Команда "Николая", имея камин и хорошую теплую одежду, устроилась на зиму на корабле».

При этом Д. И. Орлов объяснил мне, что внутренний летний путь в Императорскую гавань удобнее зимнего. Летом ездят на лодке из озера Кизи по рекам Хоюс и Яй, поднимаются до хребта, переваливают через него и спускаются по реке Тумджин до моря, а оттуда в Императорскую гавань. Для сообщения же зимой необходимо запасти на реке Тумджин, по крайней мере в трех местах, корм для собак. Возможность, по словам туземцев, объезжать крутой подъем на хребет с реки Яй представляет это сообщение не так затруднительным, так что его, при этих предварительных распоряжениях, возможно совершать в 8 или 9 дней от Кизи. «В настоящую зиму, — пишет Бошняк, — впредь до того времени, пока на хребте не уляжется снег, т. е. до исхода февраля, переехать этот хребет от Кизи не представляется возможности». Для доставления благовременно в Императорскую гавань главных и необходимых запасов: белой муки, чая, сахару, водки, уксуса и медикаментов, осталось одно, хотя и не совсем верное средство, это отправить их на оленях с тунгусами через Хунгари, ибо путь этот, по словам туземцев, менее затруднителен, чем тот путь, которым следовал Д. И. Орлов.

Н. В. Буссе, препровождая конверты на имя генерал-губернатора Восточной Сибири и главного правления компании, доносил мне, что команды вверенного ему поста обстоят благополучно, больных один человек. По случаю невозможности транспорту «Иртыш» зимовать на Сахалине или следовать в Петропавловск он должен был послать его на зимовку в Императорскую гавань, но при этом не нашел возможным исполнить моего предписания о снабжении надлежащими запасами транспорта и, наконец, что, согласно данным ему и г-ну Рудановскому предписаниям и наставлениям, он с первой возможностью пошлет ко мне почту и отправит Рудановского для осмотра залива Анива и заливов Идунок.

Таково было положение амурской и сахалинской экспедиций к наступившему новому 1854 году. Главная цель, к которой стремился я с моими сотрудниками, была достигнута: главные пункты страны были заняты и тем страна эта фактически объявлена принадлежностью России! Оставалось только исследовать берег к югу и осмотреть окончательно южную часть острова Сахалина; но, ввиду этого, прежде всего необходимо было принять все меры к обеспечению людей, неожиданно собравшихся на зиму в пустыне Императорской гавани, на что я и обратил, как мы увидим ниже, все мое внимание.

Глава XXV

Меры, принятые мной
для обеспечения Константиновского поста.—
Известие о разрыве с Турцией и о возможном разрыве
с Западными державами.— Постройка парохода «Аргунь».—
Выписка из журнала г-на Рудановского об исследовании реки Сосуя.—
Северо-восточный и восточный берега залива Анива,
по описи Рудановского.— Бухты Иноскомонай и Тебесани.—
Река Кархпуне и озеро Тообучи.— Юрта Тоитзе.— Пути в Найбу.—
Восточный и западный берега Сахалина до мысов Тубу и Нотора.

оложение Бошняка было ужасное; надо было во что бы то ни стало выручать его от голодной смерти. Я узнал, что ближайшие к Петровскому кочевья тунгусов с оленями были на озерах Чая и Орел и что между рекой Амуром и лиманом и рекой Тумджин и морем находятся кормовища для оленей, а потому вызвал с озера Чая тунгуса Афанасия с оленями. Этот тунгус со своим товарищем и с 8-ю оленями согласился отправиться в Мариинский пост и оттуда, взяв часть запасов, следовать с оными возможно поспешнее в Императорскую гавань. Независимо от этого, 15-го января 1854 года я послал на двух нартах в Мариинский пост мичмана Разградского и приказал ему, по прибытии в этот пост, уговорить тунгусов, кочевавших на озере Кизи, отправиться с оленями в Имперскую гавань. После того Разградский должен был следовать вверх по реке Амуру, в селение Хунгари, где стараться нанять туземцев, чтобы доставить в Константиновский пост запасы. Вместе с тем, начальнику Мариинского и Александровского постов, А. И. Петрову, мной приказано было наблюдать за скорым отправлением тунгусов с запасами и, если возможно, настоять, чтобы они на собаках отвезли эти запасы по тому пути, по которому ехал Д. И. Орлов, т. е. по реке Тумджин.

Сделав эти распоряжения, я надеялся, что тем или другим путем, около середины февраля, команды в Императорской гавани, а в особенности больные, будут снабжены необходимыми запасами и будут иметь оленьё мясо, которое, по мнению нашего доктора, особенно полезно при скорбутных болезнях. Тунгусы, согласно условию, по прибытии в Императорскую гавань, должны были состоять в непосредственном распоряжении на-

чальника Константиновского поста, Н. К. Бошняка, а приведенные ими олени употреблены в пищу командам. Тунгусы, кроме этого, обязаны были охотиться за сохатыми и доставлять их мясо в Константиновский пост для продовольствия команд.

Вот все, что возможно было тогда предпринять, чтобы облегчить положение и здоровье людей, столь неожиданно собравшихся в пустыне в самое позднее время года и при самых неблагоприятных обстоятельствах. Все это произошло от несвоевременных распоряжений из С.-Петербурга и оттого, что там не обращали должного внимания на мои представления.

17-го февраля мы получили в Петровском почту из Аяна; с ней генерал-губернатор уведомлял меня, что экспедиция полковника Ахтэ, направленная им в Удский край, при тщательном исследовании северного склона Яблонового хребта, около верховьев реки Уди, подтверждает точными данными мои донесения, т. е. что согласно Нерчинскому трактату только верхнюю часть реки Амура от Усть-стрелки до реки Буреи можно считать принадлежащей Китаю, что же касается страны, лежащей к востоку от этой реки, то она должна по всем правам принадлежать России. Затем Николай Николаевич уведомлял меня, что объявлена война с Турцией и ожидается разрыв с Западными европейскими державами; что в Забайкальской области строится для реки Амура пароход «Аргунь», и наконец, что предварительными распоряжениями моими, т. е. занятием залива де-Кастри, острова Сахалина и исследованиями и открытием императорской гавани, государь император остался весьма доволен. Он писал, что ожидает моих дальнейших действий по исполнению весьма важного, возложенного на меня высочайшего повеления, т. е. по окончательному утверждению нашему на острове Сахалине, в заливе де-Кастри, в селении Кизи, и в Императорской гавани.

Начальник Аянского порта г-н Кашеваров сообщал, что бриг «Константин» не приходил в Аян и что главное правление компании уже сделало распоряжение о снабжении на 1854 года сахалинской экспедиции.

В то же время, 18-го февраля прибыл в Петровское, с почтой из Муравьевского поста, приказчик Русско-американской компании Самарин с донесениями Н. В. Буссе и Рудановского. Последний писал с западного берега Сахалина, из селения Найборо, от 8-го января 1854 года.

Буссе, донося мне о благополучии поста и команды и препроводя журнал описи реки Сусуя и северо-восточного и западного берегов залива Анива, произведенной г-ом Рудановским, пишет, что японцы, ушедшие вначале из селения

Тамари, вскоре возвратились и в настоящее время спокойно живут на своих местах. Сношения его с ними, а равно и с айнами, вообще дружественны и миролюбивы. Отправленному на западный берег острова Сахалина лейтенанту Рудановскому он приказал сообщить мне о результатах своих исследований и, наконец, пишет, что он признал нужным оградить пост забором с башней и редутом.

Господин Рудановский писал мне о своих работах следующее:

«6-го октября, на туземной лодке с четырьмя гребцами и проводником, я отправился из Муравьевского поста вдоль берега по RNNW; пройдя по этому направлению 6 верст, я достиг возвышенного мыса Эндо-Тамари, от которого начинается бухта того же имени, составляющая лиман реки Сусуя. Обогнув мыс, я пошел по бару реки, глубина на котором в малую воду 1 фут; пройдя на N 4 1/2 версты, я вошел в устье реки Сусуя. Эта река самая большая из всех, впадающих в залив Анива. Устье ее по двум наблюдениям меридианальной высоты солнца определилось в широте 46° 43' N. Отсюда я поднялся по реке на лодке, сначала на гребле и бечевою, а потом на шестах и пешком.

Пройдя по извилинам реки около 45 верст, а по генеральному направлению около 26 на RNW 13°, я достиг селения Кой, расположенного при устье реки того же имени, впадающей в реку Сусуя с левой стороны. Отсюда до пешей дороги и ручья, впадающего в реку с правой стороны, по извилинам реки, я проплыл около 24 верст, а по генеральному направлению на NO 11° около 9 верст. Потом, до другой пешей дороги, идущей с левого берега к N, где река Сусуя принимает в себя приток Такой, я прошел по извилинам реки до 16 верст, а по генеральному направлению на NO 9° 13 верст. При впадении этого притока расположено селение Экураки, из которого идет путь на восточный берег острова, в селение Найбу. Широта этого пункта по меридианальной высоте солнца определилась 47° 9' N, а считаемая долгота около 142° 36' O. Отсюда, с огромными усилиями, большей частью пешком в продолжение двух суток, я поднимался по Сусуе на N до 15 верст; здесь река разделяется на несколько ручьев, а потому это место и надобно принять за ее исток. Один из этих ручьев направлялся к W, а другие три к NW, NNW и N; вдаль видны были горы, покрытые дремучим лесом. Широта этого пункта по меридианальной высоте солнца 47° 13' 35" N. Затем, тем же путем, 21 октября, я пошел обратно и 25 числа прибыл в Муравьевский пост».

О состоянии реки Сусуя Н. В. Рудановский пишет:

«1) ширина реки от устья до впадения в нее речки Кой около 20 сажен, глубина около 4 футов и течение до 3 узлов. На этом пространстве плавание по реке на легких лодках, сидящих в воде около 3 футов, удобно.

2) Выше реки Кой, Сусуя засорена кокорами и карчами. Там, до селения Экураки, она имеет ширину около 15 сажен, глубину до 2 $\frac{1}{2}$ футов и течение до 5 узлов. Поднимаясь вверх на этом пространстве, во многих местах приходилось лодку перетаскивать волоком, но если очистить реку от карчей, то и здесь плавание на легких лодках, сидящих в воде до 2 футов, было бы удобно.

От селения Экураки ширина реки не более 5 сажен, а глубина до 1 фута; река буквально завалена лесом, так что плавать на лодке невозможно. Если ее очистить в этом месте, то по ней было бы весьма удобно в большую воду сплавлять прекрасные леса (кедр, лиственница и ель), которые здесь особенно замечательны по своим громадным размерам (до 15 сажен высоты и до 2 футов в диаметре).

3) Берега реки удобны для устройства бечевника.

4) Плавание по реке от Кой весьма удобно: японцы от этого пункта спускаются по ней, следуя с западного берега острова из бухт Такмака и Моуна. Сухопутные пути выходят на реку Сусуя в трех местах: из Найбу, у Экураки, в 90 верстах, из Моуна и Такмака в 70 верстах и у Кой в 45 верстах от устья. Туземцы и японцы, следуя из Кой вниз по течению, плывут до устья на лодках в один день; далее же от Экураки до Кой они идут пешком по торной и ровной тропинке. Этот путь, всего около 40 верст, они делают пешком в одни сутки, почему селенье Кой и называется у них пристанью. Здесь они имеют постоянно готовые лодки, на которых и производится сообщение между устьем и пристанью Кой.

5) Берега реки Сусуя на 30 верст от устья покрыты строевыми лесами лиственницы, кедра и ели, между которыми находятся поляны с превосходной травой; далее же растет по реке преимущественно рощами: вяз, береза, тополь, осина и ольха. От устья реки Такой растут огромные корабельные леса кедра, ели и лиственницы.

6) По качеству почвы, большей частью чернозему, по изобилию леса, превосходных лугов и обилию в реке всякого рода рыбы, долина реки Сусуя весьма удобна для основания земледельческих поселений, в особенности между Кой и Экураки, где берега рек ровные, возвышенные и, по словам жителей, никогда не затопляющиеся, и где толщина черноземного слоя на глинистой и песчаной подпочве доходить от 2 $\frac{1}{2}$ до 3 $\frac{1}{2}$ аршин.

Таким образом, все течение реки Сусуя можно определить между параллелями 46° 43' N и 47° 15' N на расстоянии 100 верст. Долина ее защищена с севера, запада и востока горами; общее направление ее будет от NtW к StO.

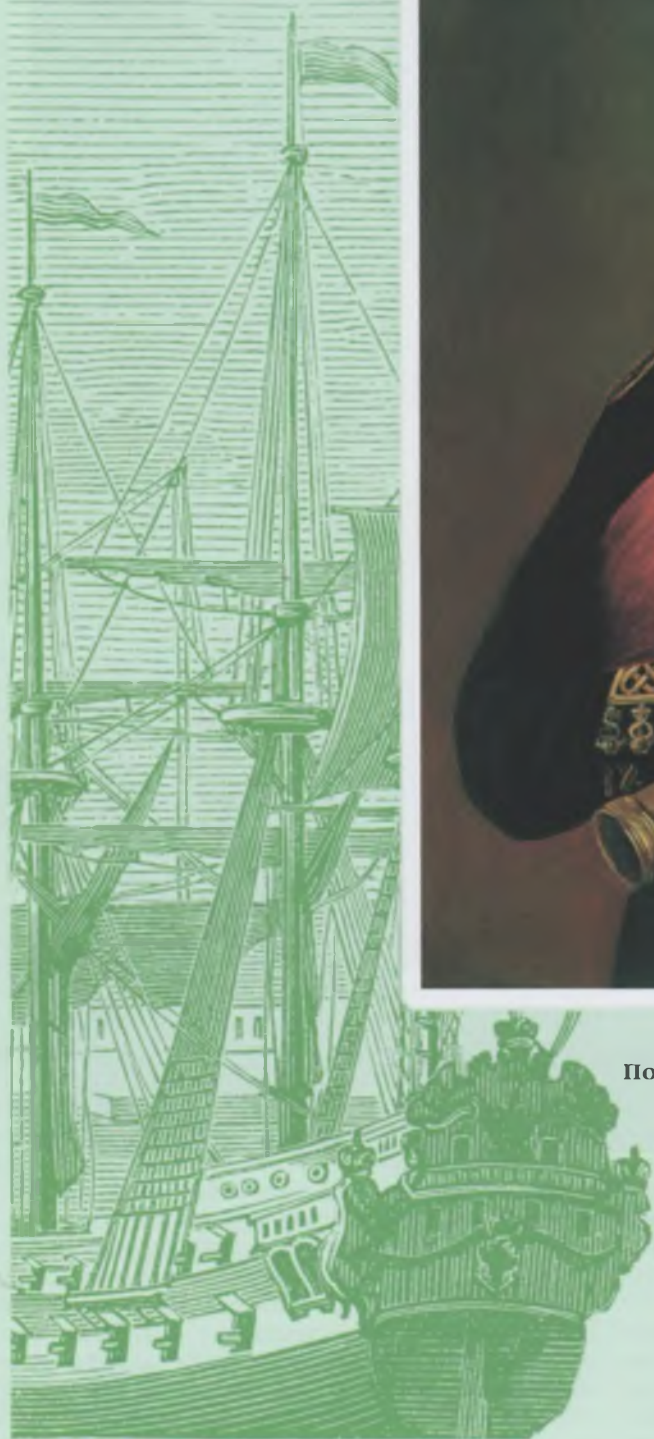
Для описи северо-восточного и восточного берегов залива Анива Н. В. Рудановский отправился из Муравьевского поста 29-го октября, в 11 часов утра, на туземной лодке с тремя матросами, двумя казаками и одним проводником айном, взяв с собой провизии на 15 дней. Перед выходом из поста он определил по нескольким меридианальным высотам солнца широту Муравьевского поста (46° 38' 55" N). Расстояние от этого пункта до крайней оконечности мыса Тамари $\frac{3}{4}$ версты на SW50°, а от оконечности мыса Тамари до следующего за ним мыса 2 $\frac{3}{4}$ версты по меридиану. Между этими мысами лежит бухта Перуентамари, имеющая ширину до одной версты, а длину до $\frac{1}{2}$ версты. Оба вышепоименованных мыса высокие и утесистые и покрыты травой и мелким лесом; около них идет побережье в 5 сажен ширины, по которому вьется тропинка. По берегам бухты Перуентамари расположены сараи и сельдеварные печи японцев, а около них юрты айнов, вмещающие в себя до 20 душ мужского и женского пола. В северную часть бухты впадает река, глубина которой в самом устье доходит до $\frac{1}{2}$ фута, а на 3 версты выше до двух футов; ширина же до 5 сажен. В южную часть бухты течет ручей, у которого удобно приставать шлюпкам. От обоих мысов и против бухты, на расстоянии около $\frac{3}{4}$ версты, идет отмель, на которой при южных ветрах ходит большой бурун. Мыс Эндум-Тамари представляет полукруг и составляет крайний южный мыс бухты Тамари-Анива.

От оконечности мыса Эндум-Тамари Рудановский пошел вдоль берега на NO 86° $\frac{1}{2}$ и через 5 $\frac{1}{2}$ версты достиг мыса Понге-Эйдум. Около этого утесистого берега идет на $\frac{1}{2}$ версты отмель. За мысом Понге-Эйдум лежит бухта Хакуй-Котан, ширина которой от мыса Понге-Эйдум до следующего за ним мыса Понге-Индиго, лежащего от первого на O, — $\frac{3}{4}$ версты. Бухта эта углубляется в берег до $\frac{1}{4}$ версты, глубина в ней до одного фута. В нее впадает ручей, берущий свое начало из маленького озера. Здесь тоже находится сельдеварная печь и сарай, и около них три айнские юрты, в которых живут до 12 душ обоого пола.

В Хакуй-Котан г-н Рудановский ночевал у айна Амеске, у которого был тогда праздник по случаю убитого им медведя. Шкура этого медведя была выставлена перед юртой и обставлена деревянными палками, у которых концы были заструтаны и висели в роде кистей. Подобную

И. К. Айвазовский. Бой в Хиосском проливе 24 июня 1848 г. 1848 г.

П. Н. Бажанов.
Портрет адмирала Ф. Ф. Ушакова.
1902 г.

Вид Станового, или Яблонового, хребта по Охотскому тракту.

Гравюра XIX в.

палку туземцы называют иннау; она означает у них праздник, веселость, приветствие.

Медведь здесь, как и у амурских инородцев, считается каким-то божеством. Перед ним стоял ящик, в который было вставлено еще два ящика; в последнем из них лежала чашка, вилочка, лопатка, кусок юколы и немного риса; все это — угощение для убитого медведя.

По причине проливного дождя и свежего SW ветра, г-н Рудановский оставался здесь до 10 часов утра; к этому времени погода прояснилась, ветер стих и дал ему возможность следовать бечевой вдоль возвышенного берега, в ущельях которого текут ручьи. Пройдя $3\frac{1}{2}$ версты на NO 75°, Рудановский взял меридианальную высоту солнца и по ней определил широту своего пришедшего пункта ($46^{\circ} 36' 32''$ N). С этого пункта видимый мыс Одединга был на SO 80°, в антретном расстоянии около 12 верст. Отсюда берег из возвышенного и утесистого сменяется на низменный и идет верст на шесть, образуя бухту. На этом берегу, в $\frac{1}{2}$ версте от моря, находится озеро, ширина которого по меридиану $1\frac{1}{2}$ версты, а длина по параллели около $2\frac{1}{2}$ версты. Из озера идет протока, которая также мелка (до 4 футов), как и само озеро. Глубина бухты в одной версте от берега не более 3 саж.

Озеро, протока и бухта называются Отосим. От возвышенного берега до протоки Отосим 5 верст по RNO 75°, а от протоки до другого восточного возвышенного берега 4 версты по RSO 74°.

Здесь, по случаю засвежавшего ветра со снегом, г-н Рудановский остановился ночевать.

На другой день утром, 31-го октября, он пошел на OtS вдоль утесистого берега и через 3 версты достиг мыса Одединга, от которого берег круто поворачивает к NO. Мыс этот окружен отмелью и составляет западный предел бухты Иноскомоной. На O от него, на расстоянии $4\frac{1}{2}$ версты, лежит мыс и гора Иноскомоной. Между мысами Одединга и Иноскомоной находится бухта Иноскомоной. Она вдается в берег на $1\frac{1}{2}$ версты. Берега ее частью утесистые, а частью увалистые, высоки и приглубы, так что в 10 саженях от берега глубина 5 саж. От мыса Иноскомоной идет к SW на $1\frac{1}{2}$ версты риф. Бухта эта открыта от W через S до O. От мыса Иноскомоной идет на OtS утесистый берег, а в двух верстах от него находится гора и мыс Сая. От последнего на O идет берег такого же характера на пространстве 5 верст и оканчивается утесистым мысом Тебесани. Вообще вдоль всего этого берега находятся подводные каменья, на пространстве от берега около $\frac{1}{2}$ версты.

От мыса Тебесани на версту берег имеет направление на NO, а потом на такое же расстояние на NNO, и составляет таким образом западный предел бухты Тебесани, восточный берег которой низмен и имеет направление SO 60°.

Ширина бухты Тебесани до 7 верст, а длина до 2 ¹/₂. В ней при реке на низменном берегу расположено айнское селение Коррах-Пуна, и около него вдоль берега сарай и сельдеварные печи. Селение состоит из трех юрт, в которых живет 25 душ. Берега бухты на пространстве одной версты от берега отмели, а затем глубина в ней от 3 до 4 сажень; бухта открыта SW, W и WNW ветрам, которые в заливе Анива можно считать господствующими. Широта селения Коррах-Пуна по меридианальной высоте солнца оказалась 46° 33' 54" N. Склонение компаса 3° W. Селение это расположено при речке того же имени, которая течет к О вдоль низменного берега. Ветер засвежел, и Н. В. Рудановский остановился ночевать в Курох-Пуна, у старшины.

Этот старшина (Джангин), старик около 80 лет, сидел у очага при входе в дверь, по левую его руку сидели жена и дети. Рудановского, как гостя, усадили по правую руку хозяина на циновках и угощали *атури* (икра с нерпичьим жиром и различными кореньями). Один из матросов партии заболел, и айны показали больному большое участие: принесли лекарство — какую-то траву, положили ее в горячую воду и потом этим растирали ему живот. Матрос, благодаря Богу, выздоровел; айны приписывали его болезнь тому, что они не встретили гостей, как следовало с *иннау*, и потому, для очищения себя, сейчас же начали следующую церемонию: поставили перед огнем три *иннау*; знахарь айн начал говорить перед ними какие-то заклинания, а все прочие с выражением благоговения вторили ему в тон; потом знахарь бросил все *иннау* в огонь, и когда они совершенно сгорели, все присутствовавшие айны начали кланяться Рудановскому и объявили ему, что теперь все будет благополучно.

1-го ноября ветер засвежел от WNW и вдоль берега ходили огромные буруны и прибой, почему Н. В. Рудановский, чтобы не терять времени, перетащил с помощью айнов свою лодку с берега в реку Коррахпуна и начал спускаться по оной. Проплыв около 3-х верст, в 11 часов он прибыл в селение Найтук, а через 1 ¹/₂ версты пришел в селение Нучкай; оттуда, через 4 ¹/₂ версты, он прибыл в селение Екуса, расположенное при устье реки Коррахпуна, впадающей в большое озеро Тообучи. Река эта извилиста и течет вдоль низменного берега, имеющего общее направление SO 54°; по этому румбу длина ее и берега от селения Коррахпуна около 5 ¹/₂ верст; ши-

рина в этом месте от 5 до 10 сажень, а глубина до 4 футов; глубина на бере, в устье, всего ¹/₂ фута.

Из Екуса, продолжая плыть по озеру по тому же румбу (SO 54°), через 4 версты в 2 ³/₄ часа Рудановский пристал к селению Тообучи. В 3 ¹/₂ часа он поплыл далее по озеру, вдоль берега, и на пути производил опись и промер; озеро это Н. В. Рудановский назвал озером Буссе.

От селения Тообучи г-н Рудановский поплыл на О вдоль увалисто-возвышенного берега и, пройдя по этому румбу 2 версты, взял курс NOtO¹/₂O к мысу, реке и селению Найнуру. Прибыв туда через 5 верст пути, он остановился там ночевать.

2-го ноября, следуя из селения Найнуру по озеру к N, через две версты он приплыл к речке, селению и мысу Найтуру. Отсюда поплыл вдоль берега озера на NW¹/₂W и, пройдя этим путем 6 верст, достиг северо-западного угла озера. С этого места он пошел вдоль восточного берега, на S, и через 9 верст, в 11 ¹/₂ часов утра, пришел обратно к мысу и селению Тообучи. По меридианальной высоте солнца широта этого пункта определилась 46° 30' 10" N, а счислимая долгота 143° 17' O. Озеро это имеет сообщение с морем посредством пролива, лежащего между двумя мысами, из коих западный называется Тообучи. Господин Рудановский промерил и описал также и проливы. По его исследованию, озеро Тообучи, или Буссе, имеет следующее положение.

«Залив Буссе (Тообучи) находится в широте 46° 30' 10" N и счислимой долготы 143° 17' O; ширина его по меридиану 13 верст; вход в залив идет от SW на NO, сначала между отмелями, простирающимися на две версты от берега, а потом на 1 версту между берегами. Ширина входа до 30 сажень, а глубина от 3 до 5. Приметными местами при входе в залив служат две горы хребта Пронутури; первая — Осаги остроконечная и лежит против самого входа на NO; вторая — Иноусне, плоская и с моря видна на ONO. При входе в залив править следует на первую. Середина залива мелководна (от 5 до 10 футов), вдоль же южного, восточного и северного берегов залива идет канал, шириной от ³/₄ до 1 ¹/₂ версты и глубиной от 12 до 18 футов, при малой воде. Приблизь воды в заливе около 5 футов. Самое лучшее место для зимовки судна — у селения Тообучи, где глубина в 10 саженьях от берега, при малой воде, 18 футов. Озеро, а равно и река Коррахпуна изобилуют рыбой. Берега реки по грунту земли и по положению удобны для земледельческого населения. Южный берег залива к морю низменный и безлесный, остальные же берега возвышенны и покрыты строевыми лесами, как пелью, лиственницей и березой.

В заливе находятся следующие айнские селения: 1) Тообучи — лежит при входе в залив, при маленькой реке того же имени и состоит из трех юрт, в которых живет до 30 душ обоего пола. 2) Нойкуру — при реке того же имени, имеющей до 5 сажен ширины и весьма удобной для сплава леса, которым изобилуют ее берега. Здесь три юрты, в которых живет до 26 душ. 3) Найтуру-Катан — при реке того же имени, имеющей ширину до 7 сажен. По ней туземцы ходят к Охотскому морю, до которого, по их словам, должно быть не далее 20 верст. 4) Селение Екуса — при устье реки Кархпуна, состоит из четырех юрт, в которых живет до 10 семейств. Таким образом, все население айнов в заливе Буссе состоит из 100 душ обоего пола.

По словам туземцев, ранней весной сюда приходят до 20 джонок (пензай) с острова Мацмай, ловить сельдей, которые заходят в залив в огромном количестве. Японцы солят и вялят эту рыбу, топят из нее жир и все это отправляют на Мацмай. Для складов этих продуктов, в селении Тообучи, есть несколько японских сараев и сельдеварных печей».

После полдня, 3-го ноября, Н. В. Рудановский, с двумя проводниками, на туземной лодке, отправился из залива Буссе вдоль берега на S Ot S. Берег этот средней высоты. Через 6 верст Рудановский прибыл в селение Качесоне, расположенное при ручье, на весьма красивом месте. Оно состоит из трех юрт, в которых жителей обоего пола 18 душ. В 15 саженях от берега селение, глубина моря две сажени. От него начинаются горы, и берег идет на S. Следуя по этому направлению, Рудановский через 4 версты приплыл к селению и реке Кусунай. Селение состояло из пяти юрт с населением 22 души. На SW от этого селения, в 1 1/2 верстах от него, находится возвышенный и гористый мыс Искотайкай, кото-

рый защищает от южных ветров суда, стоящие у селения Кусунай. Там протекает река, шириной до 5 сажен, а при устье ее находится японский сарай для рыбы. От Кусунай крутой берег идет на SW, на две версты, до мыса Иноскотонай, а в 50 саженях от этого мыса тянется каменный подводный риф. Эта местность составляет лежбище сивучей и урилов. По рассказам жителей, сюда приходит большое количество туземцев на промыслы. Айны едят сивучье мясо, а из шкуры его делают обувь и халаты.

Берег от мыса Иноскотонай поворачивает на S 1/2 W и, пройдя по этому направлению 2 1/2 версты, образует бухту с отвесными высокими берегами. В этой бухте, при речке, находится селение того же имени. Оно состоит из одной юрты с 9-ю человеками жителей.

Отсюда берег идет 3 1/2 версты на St O 3/4 O и также возвышен и утесист. В 3 верстах от селения Иноскотонай, в ложбине, при речке, находится селение Яаанби, состоящее из двух юрт, с 15 жителями. В 2 верстах от него, на SO 35°, при речке Насокутуро, находится селение того же имени.

Множество камней, окружающих мысы Иноскотонай и Яаанби, составляют лежбища сивучей и нерп и привлекают сюда туземцев из селений Иноскотонай, Яаанби и Насокутуро; туземцы преимущественно занимаются этим промыслом. Около этих мест, не более как в ста саженях от берега, плавают морские коты.

От селения Насокутуро, лежащего за мысом Яаанби, составляющим южную оконечность мыса Инносотопам, берег идет 9 верст на St O и оканчивается мысом Тасеи. На пространстве 3 верст, в 50 саженях от берега, там находятся подводные камни, а в 50 саженях от мыса Та-

Последствия медвежьих праздников у айнов.

Гравюра XIX в.

сеи, — кекур. Горы на этом пространстве отходят от берега.

От мыса Тасеи берег тянется StO $1/2$ O, на 5 верст. Здесь незначительный мыс Ямине, по южную сторону которого, при реке, лежит селение того же имени, состоящее из двух юрт с 15 жителями и из двух японских сараев. Здесь Н. В. Рудановский остановился ночевать в юрте бывшего с ним проводником айна Серабинуса. Эта личность замечательна тем, что ведет торговлю на западном берегу острова с приезжающими гиляками, которых они называют санта.

В ночь с 3-го на 4-е число ноября задул свежий ветер от NO и выпал большой снег. Около полудня ветер стих, и Н. В. Рудановский поплыл вдоль берега на SO 12° , а через $4\frac{3}{4}$ версты достиг незначительного мыса Сиратоку, по южную сторону которого, в ложбине, расположено селение того же имени; эта ложбина идет на 4 версты по тому же направлению. Сиратоку последнее селение на западном берегу залива Анива; оно состоит из двух юрт и 18 душ жителей. В юрте у джангина этого селения развешаны по стенам жалованные ему японцами сабли и деревянные щиты. Этого джангина называют Цацо, а его жену — Пакхо; кроме Пакхи, у него еще три молодые жены, у которых губы вымазаны черной краской. Губы мажут себе женщины в знак того, что они более не девицы. Рудановский остался здесь ночевать, потому что засвежел ветер.

5-го ноября, выехав из Сиратоку в 7 часов, при умеренном ветре NW, и пройдя на StO 6 верст, а на S до 5, он достиг утесистого мыса Пеннопусери; между тем ветер снова засвежел и развел огромное волнение, принудившее Рудановского возвратиться. Не доходя 4-х верст до Сиратоку, он выгандил на берег шлюпку и остался там ночевать.

К утру 6-го ноября ветер немного стих; Н. В. Рудановский, спустив шлюпку, отправился в селение Сиратоку; узнав там, что оттуда идет тропа на восточный берег, к Охотскому морю, в селение Аруторо, он решил идти по ней пешком.

Путь от Сиратоку лежал сначала по берегу к югу, потом на O, и в этом направлении вел на хребет. В 10 часов утра Рудановский, пройдя от селения около семи верст, достиг вершины хребта. С вершины открывались и Охотское море, и залив Анива. Он пошел на SO и встретил на горах большой снег. Пройдя 5 верст, в $11\frac{1}{2}$ часов, он вышел на берег Охотского моря, на низменный мыс Сирирахчива, на котором было расположено селение Аруторо, состоящее из трех юрт с 20 жителями. Широта его по полуденной высоте солнца определилась $46^\circ 10' 12''$ N. С этого пункта г-н Рудановский взял следующие пеленги: мыс Тосней на NOtN, на расстоянии от 5 до 8 миль и утесистый мыс Сиратоку-

Нахсуф на StW, на антретном расстоянии от 5 до 6 миль. Берег, как до мыса Тосней, так и до Сиратоку-Нахсуф, утесистый.

Вокруг мыса Сирирахчива и далее от него к N и S, находятся камни, составляющие лежбище сивучей и нерп. Для этого промысла собираются туда в большом числе айны из залива Анива. Выражение Аротуру-на значит по-айнски: за горой, по ту сторону.

Из селения Аротуру Рудановский в 1 час пошел обратно и около 5 часов пришел ночевать в селение Сиротоку.

На другой день, 7-го ноября, Рудановский ходил к мысу Понноусари, берег которого утесистый, из черного камня. Мыс Эйнаутиспо, составляющий северную оконечность мыса Анива, лежит на SW 7° на расстоянии 3 миль от Понноусари.

Широта селения Сиротоку по меридианальной высоте солнца определилась $46^\circ 13' 28''$ N, а счислимая долгота $143^\circ 25' O$.

Наступившие по ночам морозы от 4° до 5° и свежий ветер от W и N задерживали и затрудняли обратное плавание Н. В. Рудановского, так что он только к вечеру 10-го ноября мог достигнуть селения Тобосани, лежащего при входе в залив Буссе.

11-го числа, при ветре O со снегом, он, по случаю поднявшейся пурги и засвежевшего ветра, вынужден был возвратиться обратно.

12-го ноября, при штиле, в 7 часов утра, он снова отправился и дошел до селения Порутотешеро. Мороз, между тем, к вечеру сделался $-8^\circ R$, так что продолжать плавание Рудановский не мог; он выгандил на берег шлюпку и пришел пешком в Муравьевский пост.

1-го декабря Рудановский приступил к описи залива Тамари-Анива до устья реки Сосюя. В 3 часа пополудни этого дня он с двумя проводниками отправился пешком из Муравьевского поста к N и описал чктыре бухты, лежащие между Муравьевским постом и устьем реки Сосюя. Результаты его описи следующие:

1) Бухта Тамари лежит между мысами Тамари, на котором Муравьевский пост, и мысом Хоко-Тамари; она имеет положение на NW и SO 20° . В середине бухты, ближе к лесу, в нее впадает река Котун-Котан, в долине которой расположено селение, состоящее из 25 юрт со 100 жителями. Здесь до 10 японских сараев, два дома, храм и сельдеварные печи. Это главный пункт острова Сахалина. На южной возвышенности мыса на равнине, в 200 саженьях от селения, лежит Муравьевский пост и командует как этим селением так равно и всеми японскими строениями. В нашем посту протекает ручей с прекрасной водой. Мыс Хоко-Тамари тянется от бухты до устья реч-

ки Унда на 2 версты на NNW, берега его возвышенны и утесисты.

2) Бухта Унда лежит между мысами Унда и Эндомари; она состоит из двух отделений или бухт: собственно Унды и Уска. Первая составляет южную часть всей бухты, а вторая — северную. Последняя отделяется от первой мысом Ускунай. Направление северных оконечностей мысов Хокко-Тамари и Ускунай NW и SO 7°, а расстояние между ними 400 сажен. Бухта вдается в берег на 160 сажен; в вершину ее впадает речка Ускунай, при устье которой находится айновское селение, состоящее из четырех юрт с 25 жителями и из двух японских сараев для рыбы; оно расположено на возвышенном скате. Бухта Унда лежит между мысами Ускунай и Эндомари; взаимное положение этих мысов SO и NW 20°, расстояние же между ними, или ширина бухты — 350 сажен; бухта эта вдается в берег на 175 сажен. В нее впадает речка Уска, при устье которой находится селение айнов того же имени, состоящее из трех юрт с 20 жителями. При нем два японских сарая и дом. От устья речки Унда до устья Уска около 200 сажен.

От устья речки Уска до середины мыса Эндомари, на котором находится селение того же имени, Рудановский шел одну версту на NW. Это селение состоит из грех юрт с 15 жителями.

3) Бухта Тамарионай находится между мысами Эндомари и Чинайну, взаимное направление которых NW и SO 12°, а расстояние между ними, или ширина бухты, 450 сажен. Эта бухта вдается в берег на 200 сажен к О. В южной ее части течет речка, по левому берегу которой расположено селение Тамарионай, состоящее из четырех юрт с 23 жителями айнов и из трех японских сараев. Между айнами есть ороко — наши удские тунгусы, вышедшие на Сахалин в XVI столетии.

От речки и селения Тамарионай до селения Сосуя, расположенного в бухте, при устье речки того же имени, 1 ³/₄ версты на N.

4) Бухта Сосуя лежит между мысом Чинайну и устьем реки и мысом Сосуя; взаимное направление мысов NW и SO, а ширина бухты 1 ¹/₂ версты; она вдается в берег на О 1 ¹/₄ версты. Селение это состоит из девяти юрт с 70 жителями, среди которых половина орочей.

Там Н. В. Рудановский ночевал и застал в селении праздник: туземцы собирались убивать медведя, для чего их съехалось до 100 человек; они потчевали Рудановского особой скверной водкой, которая готовится японцами из риса; водка эта называется *еске*. Медведь принадлежал одному из хозяев юрты, орочену, но он должен был разделить его со всеми. За неделю до праздника все желающие участвовать в нем приносят владельцу медведя кто рыбу, кто нерпу, кто *сана* (дурного качества рис), а кто и *еске*. Этот празд-

ник состоит в том, что женщины (*магнеку*) собираются перед клеткой, где сидит медведь, и пляшут, и поют вокруг нее. Как пляска, так и пение грубы и безжизненны. *Магнеку* и *минока*, т. е. женщины и девицы, одетые в собачьи шкуры, составляют круг и ходят таким образом, плавно подплясывая, вокруг клетки медведя до тех пор, пока не устанут; мужчины в этом не участвуют. В продолжение праздника никому не дозволяется работать, так что Рудановский сам должен был принести дров в очаг, чтобы согреться, ибо было до 10° мороза. Когда женщины утомятся, тогда вдруг выскакивают мужчины и, раздражив медведя, убивают его рогатинами. Медведь ревет, а публика вся поет в один голос, так что составляется несносный гам, рев и крик. Когда медведь убит, с него снимают шкуру и делят мясо; все усаживаются в кружок, но женщины особо от мужчин, а девицы особо от тех и других, и начинается общее угощение сырым мясом, водкой, рисом и нерпой; праздник кончается обыкновенно тем, что все напиваются пьяными.

На другой день Н. В. Рудановский, по меридианальной высоте солнца, определил широту мыса Чанайну (46° 42' 29" N). От этого пункта берег залива Анива, у речки Мотога, был на NW 87°.

После полдня 2-го декабря г-н Рудановский тем же путем отправился в Муравьевский пост, куда и прибыл в 3 ¹/₂ часа. Расстояние от селения Сосуя до поста около 7 ¹/₂ верст.

Таким образом, весь северный и западный берег залива Анива был подробно осмотрен и описан Н. В. Рудановским: он был первый из европейцев, давший нам основательное и подробное понятие об этом берегу. Залив Тообучи на этом берегу, названный им заливом Буссе, представляет замечательный пункт, как место, удобное для зимовки судов, сидящих в воде до 16 футов. Этот пункт составляет единственное место на всем восточном берегу острова Сахалина от 54° до 46° широты, где только, по-видимому, могут безопасно зимовать суда, и то небольшие. Для окончательного решения, в какой степени безопасна эта зимовка, а равно и вход в залив, предстояло летом в 1854 году сделать точный промер и наблюдение над ветрами и состоянием этого залива во время закрытия и вскрытия его ото льда. Это последнее наблюдение можно бы было произвести и в зиму с 1853 на 1854 год; но к несчастью, г-н Буссе не обратил на это внимания, хотя это обстоятельство, как я ему объяснил, составляло одну из важнейших его обязанностей, более важную, чем его политические утопии.

Всех жителей, айнов и орочен, на северном и западном берегах залива Анива, от устья реки Сосуя до мыса Анива, по исчислению Рудановского, до 470 душ. Здесь важно было то, что между

Сахалинские айны.
Гравюра XIX в.

ними жили орочены (тунгусы), перешедшие еще на исходе XVI столетия из нашего Удского края, т. е. подданные России. Это обстоятельство представляло один из фактов, составлявших неоспоримые права России на обладание территории острова, весьма для нас важного по близости его к Приамурскому и Приуссурийскому краям.

Согласно данным мной приказаниям и наставлениям г-ну Рудановскому и распоряжениям майору Буссе, 20-го декабря 1853 года Н. В. Рудановский с казаком Березкиным и с проводником-айном на двух нартах выехал в 10 часов утра из Муравьевского поста и направился к устью реки Сосуд, в селение Нойбу на восточном берегу Сахалина.

По случаю дурной погоды, пурги и выступившей воды в верховьях реки Сосуд, Николай Васильевич едва только к вечеру 24-го числа мог добраться до селения Экуроко — устья реки Такой, от которого дорога в Найбу идет между хребтами. По наблюдению полуденной высоты солнца широта Экуроко определилась $47^{\circ} 10' N$.

После полудня 25-го числа Рудановский из Экуроко поехал на Н и через 25 верст, по реке Такой прибыл в селение того же имени. Река эта, впадающая при Экуроко в реку Сосуд, извилиста и мелководна, но изобилует рыбой; она течет между гористыми берегами, покрытыми строевым лесом ели, кедра, частью лиственницы и березы. Селение Такой находится по обоим бере-

гам реки; оно состоит из шести юрт с 30 человеками жителей, ороков. Здесь догнал Рудановского айн Омау, который от Сосуд ехал всего одни сутки. Это случилось потому, что он ехал уже по проторенной Рудановским дороге. Дорога, в особенности от селения Кой, очень затруднительна, по причине глубокого снега в лесу, а айны, проводники Рудановского, выпрягали собак из нарты и, привязав к ней оглобли, тащили ее сами, на лыжах. Так обыкновенно прокладывались там дороги по первому пути. Дорога устанавливается и проторяется только около половины января, и тогда, на хороших собаках, из Сосуд до Нин (около 120 верст) ездят в полтора дня.

В селении Такой Рудановский остановился ночевать в юрте-землянке, по туземному названию — *тоймзе*. Такая юрта делается следующим образом: роют в земле, на сажень глубины, от $2\frac{1}{2}$ до 3-х сажень ширины квадратную яму, сверх нее ставят стропила, на которые кладут берестовые и еловые сучья, а потом заваливают землей. В юрте проделывается два отверстия: одно для входа, другое для света и воздуха. Перед входом проделывают небольшие сени из еловых сучьев. Внутри юрты, по стенам, ставят бруссы, которые обтягивают рогожами. У той стены, где дверь ставят глиняную печь; труба от печи выходит в сени и торчит на $\frac{1}{2}$ аршина над ними. Печь эта топится хорошо и дым тянет сильно. Кроме пе-

чи, у каждой из остальных стен стоит по очагу, на которые кладут из печи горячие угли, для раскуривания трубок. Туземцы любят сидеть вокруг огня и смотреть на него, и обыкновенно садятся вокруг этих очагов. В такой юрте, когда топится печь, тепло, сухо и хорошо; но ночью, когда печь потухает, воздух спирается. В юрте могут поместиться до 20-ти человек. В селении Такой на 30 душ две юрты.

По рассказам туземцев, из залива Анива в селение Найну, или Найбу, ездят еще другим путем, именно: из Тамари едут в селение Карах-Пуна, а оттуда, по реке того же имени, до озера Туйначи, из которого выходит эта река, потом по озеру и реке Маникер, которая впадает в озеро, и, поднявшись по ней, переваливают на реку Иноноскай, по которой и достигают восточного берега острова, — селения Иноноскай, лежащего при устье того же имени и находящегося в широте $47^{\circ} 10' N$. Оттуда до селения Найну, вдоль моря, около 35 верст. Этим путем в хорошую дорогу доезжают из Карах-Пуна и из залива Буссе до Найну, в полтора дня, а в худую — до трех дней.

После полдня 26-го декабря г-н Рудановский из Такой отправился через долину на NOtN и, проехав этим путем 12 верст, выехал на реку Сианси, текущую на О и впадающую в реку Найну, или Найбу. Проехав по этой реке на О до 15 верст, он прибыл на ее устье, при котором стоит селение Сианди, состоящее из двух юрт с 15 жителями. Из Сианди отправился по тому же направлению, по реке Найну и, проехав селение Тиокая, состоящее из трех юрт, в 6 часов вечера прибыл в селение Найну, или Найбу, где и остановился ночевать.

Отсюда путь Н. В. Рудановского лежал по тому же направлению, по которому шел Д. И. Орлов, т. е. из Найбу он проехал по восточному берегу до Монуге, куда и прибыл вечером, 29-го ноября. Из Монуге он с проводником выехал в 7 часов утра 30-го декабря и, перевалив на западный берег, в селение Кусунай, к вечеру того же числа приехал в селение Нейфо, лежащее к югу от Кусунай в 15 верстах. Отсюда он отправился по пути следования Д. И. Орлова, через селения: Сирироко, Тунай-унай, Синакуера и Нотосам, лежащие на западном берегу, и в 3 часа пополудни, 3-го января 1854 года прибыл в селение, бухту и мыс Тубу, до которого доходил Орлов. Там, по причине дурной погоды, он остановился ночевать.

Выехав из Тубу 4-го января в 7 часов утра, перевалив мыс этого имени и мыс Нотора и проехав 10 верст на StW, Рудановский достиг селения и реки Нотора. Это селение расположено при реке того же имени; там одна юрта, в которой живут три гиляка и два орочен; речка Ното-

ра при устье имеет ширину до 8 сажен, в ней много рыбы, в особенности зимой.

4-го января, из Нотора г-н Рудановский отправился в 1 час пополудни на SSO и, проехав 10 верст, прибыл в бухту Тукотан, от которой начинается залив Идунка, названный им моим именем: заливом Капитана Невельского; по случаю дурной погоды снега и пурги он остановился там на ночлег.

5-го января, из бухты Тукотан, Рудановский отправился далее на SSO и через версту проехал вторую бухту Идунок, Тамари-бо. За ней берег идет на S. Следуя по этому направлению и проехав еще две бухты, он прибыл в бухту Токмака. Отсюда мыс Нотора виден по направлению NW 14° , а мыс Ассаной SW 14° .

Бухта Токмака лежит между мысами и имеет ширину $\frac{3}{4}$ версты. Она была свободна ото льда, а потому Рудановский мог сделать ее промер на шлюпке; оказалось, что ширина входа в бухту между каменными подводными грядами, которые тянутся вдоль всего берега залива Идунок, — 20 сажен, а глубина $4 \frac{1}{2}$ сажени; такая глубина в бухте на $\frac{1}{2}$ версты от входа и затем, около $\frac{1}{4}$ версты, от 4 до 3 сажен, а далее в 100 саженьях от берега — отмель. Туземцы говорили ему, что бухта эта весьма редко замерзает, и то на весьма короткое время. Вход в бухту от NNW на SSO, а самая бухта по параллели имеет протяжение одну версту. В нее впадают две реки: на одной из них, северной, селение Такмаки, состоящее из пяти юрт с 20 жителями айнов и орочен; около селения два японских сарая. Бухта закрыта от N через W до S каменной возвышенной грядой, вроде дамбы, а от N через О до S — матерым берегом. Мысы, ограничивающие ее, уvasti и невысоки, не выше 5 сажен. Берега, окружающие бухту, возвышенны. В полверсте от берега, вдоль него идут горы вышиной от 3 до 5 сажен, а отступя от них на $\frac{1}{2}$ версты, тянется хребет, на склоне которого прекрасный строевой лес. Широта бухты Такмака $47^{\circ} 15' N$.

Через четверть часа (в 1 час 10 минут) он выехал из Такмака и прибыл в бухту Хигно-Песуни, а в 1 час 40 минут — в бухту Паро-Тамари. В эту бухту впадает река, при которой находится селение из двух юрт и японский сарай; жителей в нем 15 душ. В $2 \frac{1}{2}$ часа он выехал из этой бухты и в $3 \frac{1}{4}$ часа прибыл в бухту Мауки, которая от бухты Такмака лежит на S в $5 \frac{1}{2}$ верстах.

Маука, или Идунка, имеет между возвышенными мысами ширину до $2 \frac{1}{2}$ верст; взаимное положение мысов NO и SW 8° . В середине бухта вдается в берег на $1 \frac{1}{4}$ версты и от N через W до S ограждена каменной грядой, а от N через О до S — матерым берегом. Вход в нее с моря от NW на SO имеет ширину до 120 сажен, а глубину до 6. Глубокая часть бухты находится под северо-вос-

точным берегом и представляет вид эллипсиса, в котором, в северной части, глубина от 3 до 4 сажен, а далее под северо-восточным берегом, на расстоянии от 50 до 100 сажен от берега — от 10 до 2 футов. В середине бухты, против входа, глубина 5 сажен, а в южной части ее до 4 сажен, отсюда к западному берегу, на расстоянии от 50 до 70 сажен, глубина от 2 до 8 футов, а к южному мысу и юго-западному берегу, на расстоянии от $\frac{1}{2}$ до 1 версты, идет отмель, на которой от 2 до 3 футов. Эта бухта гораздо обширнее Такмака, но и открытее оной. В южной части ее, по направлению входа в бухту, стоит знак, который служит маяком для входа в нее. По всему видно, что эта бухта составляла главное пристанище японских джонок на западном берегу острова и вообще на всем острове. Кроме этого, селение Мауки есть самое большое селение на острове: оно состоит из 40 юрт с 700 жителями. Здесь находилось много японских сараев и храм. Селение это расположено на двух смежных между собой речках, впадающих в бухту и текущих от О, между горами, по равнине. По рассказам туземцев, здесь господствуют очень свежие северо-восточные ветры, которые туземцы называют поскамбу; противоположный им SW ветер они зовут горобину. Этот ветер нагоняет в бухту воду. N, NW и NNW ветра у них называются скера. Здесь туземцы приняли Н. В. Рудановского весьма ласково и добродушно, угощали его и убрали собак. Они говорили ему, что японцы распускают слух, что будто бы весной они нас прогонят с острова; они очень этому удивлялись и, по-видимому, не желали, ибо вообще не любили японцев, потому что последние недобросовестно с ними расплачивались за работу и часто вовсе не платили и обманывали. Н. В. Рудановский объяснил им, что японцы на острове — пришельцы, что остров всегда был русский, ибо еще задолго до японцев здесь поселились русские — орока. Все туземцы подтвердили это и сказали, что у них есть предание, что орочены, или ороки, которых много и в Мауке, — пришли от лоча (русских), когда еще и не слышали о японцах, и живут здесь очень долго. После того Рудановский объяснил им, что где единожды встали русские, то оттуда они никому себя прогнать не позволят. Он сказал им, чтобы они не верили ни японцам, ни кому другому, кто бы ни вздумал распускать подобные слухи. Туземцы, по-видимому, были очень рады словам Рудановского. Залив Маука изобилует рыбой, в особенности туда в большом количестве заходят сельди.

Из Маука Николай Васильевич отправился далее вдоль берега по RStW, и через 5 верст достиг залива Пероци, а затем бухты и селения Хауснайбу, миновав на этом пути шесть бухт.

7-го января, следуя по тому же направлению (StW), на пространстве 40 верст, Рудановский проехал заливы Готонора, в $3\frac{1}{2}$ верстах от Хауснайбу, через $4\frac{1}{2}$ версты — Тарактамора, через $4\frac{1}{2}$ версты — Ассакай, через $6\frac{1}{2}$ верст — Око, через 6 верст — Тообучи, через 2 версты — Турусунай, через 3 версты — Тохомбо и через 10 верст мыс и селение Найбуру — южный предел залива Иднуок (Невельского). Широта этого пункта по полуденной высоте солнца, взятой 8-го января, оказалась $46^{\circ} 45' 20''$ N; а счислимая долгота 142° O.

Из селения Найбуру Николай Васильевич, вследствие приказа Буссе, 9-го января 1854 года отправит мне донесение, из которого я и выпиываю все вышеупомянутые сведения. О заливе Иднуок (Невельского) он писал мне следующее.

«Залив капитана Невельского (Идунки) лежит на западном берегу острова Сахалина, между широтами $47^{\circ} 20' N$ (мысом Нотору) и $46^{\circ} 45' N$ (мысом Найбуру). Общее направление его от мыса Нотору на SO 14° , а длина по берегу до 80 верст. Главная и самая примечательная особенность этого берега состоит в том, что вдоль всего его, на расстоянии от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ версты, идет каменная гряда, возвышающаяся над поверхностью моря от $\frac{1}{2}$ до $2\frac{1}{2}$ сажен и прорывающаяся в нескольких местах, образуя, таким образом, входы с моря в естественный канал между этой грядой и берегом. Канал имеет 25 бухт, и против каждой из них гряда прорезывается и составляет более или менее широкие проходы с моря, как бы ворота...» По замечанию Николая Васильевича, канал этот между некоторыми бухтами имеет глубину до 1 сажен, при входе же в бухты, в воротах, он доходит от 2 до 6 сажен, а между некоторыми бухтами глубина канала замечена до 2 футов. Это обстоятельство требует, впрочем, подробного исследования, так как этот канал представляет удобное внутреннее сообщение вдоль всего берега на этом пространстве; произвести же это исследование, т. е. сделать промер канала, Рудановский зимой не имел возможности.

Залив Невельского разделяется на две части: первая, северная, на пространстве около 28 верст, за заливом Нотору, имеет 16 бухт; бухты расположены так, что взаимное между ними расстояние от одной до двух верст. Вторая часть залива, на пространстве по берегу около 42 верст, имеет 9 бухт. Ограничивающие залив высокие берега имеют общее направление в SW четверти, так что из бухты Такмака виден берег залива Ассанай на SW 14° . Расстояние между бухтами этой части залива от $4\frac{1}{2}$ до $6\frac{1}{2}$ верст, и в каждую из бухт впадают реки.

В первой части залива находятся гавани Такмака (графа Гейдена) и Маука (Беллинсгаузена) и замечательные бухты: Пора-Тамари и Пероци.

Во второй части все бухты обширнее и входы в них шире, отчего они и доступны волнению при NW и N ветрах. Все эти бухты и канал требуют тщательного исследования и промеров для выбора гавани для зимовки судов; ныне же, судя по очертанию берега и глубинам подробно обследованных г-ом Рудановским бухт, замечательны: Маука и Такмака, так как обе они представляют очень хорошие гавани, особенно последняя. Судя по расположению гор, свежие О и NO ветры в бухте Такмака не должны быть так сильны, как в бухте Маука; но во всяком случае прежде чем решиться на выбор которой-либо из этих бухт для зимовки судов, необходимо сделать точное исследование залива Невельского (Идунка) и наблюдение за состоянием оного во время его вскрытия и закрытия, т. е. провести зиму в Маука или Такмака, а ранней весной сделать на шлюпке точную опись оного.

По берегу залива Невельского тянется хребет гор, который в первой части (северной) залива идет от берега на SO 10° в $\frac{1}{2}$ версте; но у каждой бухты он делает уступы высотой до 5 сажен. Берега бухт этой части залива вообще отлогие, ровные. Во второй части залива (южной) упомянутый хребет подходит к берегу на $\frac{1}{4}$ версты и тянется на SW 11°. Берега бухт этой части более высокие и крутые, сравнительно с берегами бухт первой, северной части залива. Кроме того, в бухтах южной части залива между горами есть ущелья и долины, способствующие порывам О ветров.

«Во время пребывания моего, — пишет г-н Рудановский, — на этом берегу снегу почти не было и все бухты залива Невельского были открыты, что, по словам туземцев, здесь бывает так почти каждую зиму. Если иногда (что весьма редко) бухты замерзают, то не более как на 2 или 5 дней; море же пред ними всегда бывает чисто».

Так как во всех этих бухтах во время зимы и лета очень хорошо ловится рыба, то поэтому они населены довольно густо, сравнительно с прочими частями острова, именно население здесь можно положить более 1000 душ айнов и ороков.

Из бухты Маука и Такмаки летом ходят пешком, а зимой ездят на собаках на реку Сосуя. Из бухты Такмака до реки Сосуя, сколько можно судить по словам туземцев, не более 35 верст. Эта дорога выходит на реку Сосуя, не доезжая селения Кой около 25 верст; следовательно, этим путем, от Такмаки до Муравьевского поста около 110 верст. Из бухты же Маука дорога выходит в селение Кой (от Маука до Кой около 50 верст), а потому этим путем между Маука и Муравьевским постом не более 95 верст.

Казак Березкин, сопровождавший Рудановского, очень хорошо понимал орочен, ибо он знал тунгусский язык. Из их рассказов оказалось, что в то время, когда русские подчинили своей власти весь край между рекой Леной и морем (т. е. Якутский и Удский), что было в исходе XVI и в начале XVII столетия, многие тунгусы (ороки) из Удского края перешли на остров Сахалин и заняли среднюю и южную часть оного, перемешавшись с айнами, — народом, пришедшим сюда с северных Курильских островов. То же самое, как мы видели, подтвердили г-ну Бошняку и орочены (ороки), обитавшие на реке Тыми и в заливе Ный. В то время ни одного японца сюда не приезжало. Японцы начали ездить на Сахалин, по словам туземцев, недавно: — «около 50 зим тому назад», т. е. с 1810 года, уже после высадки на Сахалин пяти человек матросов с Хвостовым и Давыдовым.

Эти обстоятельства весьма важны, ибо они показывают неоспоримые права России на обладание территорией острова Сахалина. Наконец, туземцы сообщили г-ну Рудановскому, что по западному берегу, к югу от залива Идунок, нет ни одной бухты и почти весь берег скалистый и прямой.

Глава XXVI

Сообщение Самарина о пути из Муравьевского поста.—
Путь от селения Гунуп.— Права России на Сахалин.—
Сообщение восточного берега с западным.—
Опись реки Хунгари и пути в Императорскую гавань.—
Посылка запасов в Императорскую гавань.—
Мое донесение и письмо генерал-губернатору
25-го февраля 1854 года.

риказчика Русско-американской компании Самарина Н. В. Буссе отправил в Петровское, на двух нартах с двумя матросами, 10-го января 1854 года. Самарин, по случаю большой тяжести на нартах, не мог следовать далее селения Сосюя и принужден был нанять там еще одну туземную нарту со знакомым ему айном Сетукуреро. 12-го января он отправился вверх по реке Сосюя, в селение Найбу, тем же путем, по которому следовал г-н Рудановский. Из селения Найбу до селения Мануе он ехал по восточному берегу Сахалина и по тому же пути, по которому следовали г-да Орлов и Рудановский. В селении Мануе как туземцы, так равно и проводник Самарина, объяснили, что ехать через Кусунай к северу, по западному берегу, опасно, потому что от селения Вендуэзе до селения Дуэ берег пустынный и скалистый, а море до самого берега не замерзает, и что надобно следовать ему

по восточному берегу до реки Сисека и селения Тарайка, откуда он выедет на западный берег Сахалина, около селения Дуэ, с которого к северу начинаются частые селения и море у берега замерзает. Вследствие этих сведений, Самарин из селения Мануе поехал к северу, по восточному берегу. Путешествие свое этим еще никем не посещаемым путем Самарин объясняет так.

«Выехав после полдня 22-го января из селения Мануе и следуя вдоль берега на север, через 20 верст довольно трудного пути у скалистого прямого берега, я прибыл в летники селения Чко-Берухнай, где и остановился ночевать; затем, следуя вдоль такого же скалистого берега, тянувшегося немного северо-восточнее, через 25 верст приехал ночевать в селение Гунуп, расположенное в полуверсте от устья значительной реки Най.

Берег от селения Мануе до селения Гунуп — прямой, отвесный, а потому путь этот по притайкам и торосам, где встречаются большие полыньи, весьма трудный. Приходилось объезжать полыньи далеко в море. В горах много желтого мрамора и горы вообще, особенно между Чко-Берухнаем и Гунупом, меловые.

Река Най при устье имеет ширину от 40 до 50 сажен; по словам жителей, она течет на пространных около 45 верст и имеет глубину не менее четырех футов. Местность эта весьма замечательна тем, что отсюда идет единственное внутреннее водяное сообщение между восточным и западным берегами острова, а именно: туземцы по реке Най из селения Гунуп поднимаются на лодках около 35 верст, затем входят в протоку, соединяющую реку Най с озером Тарайко. Этой протокой идут на лодках до 15 верст, затем озером Тарайко на юг до 20 верст и, наконец, протокой, соединяющей озеро с Татарским заливом у селения Тарайко, до 10 верст. Таким образом, это водное внутреннее сообщение, сколько можно судить по словам туземцев, имеет длину около 80 верст и находится примерно между широтами $48^{\circ} 17' N$ (широта Гунуп, или устья реки Най) на восточном берегу и широтой $48^{\circ} 25' N$ (устье протока Тарайко) на западном берегу острова, и долготами $142^{\circ} 40' O$ и $142^{\circ} 15' O$. На всем этом пути, по словам туземцев, глубина не менее 4 футов, т. е. достаточная для больших речных лодок.

Из селения Гунуп Самарин поехал вдоль берега по тому же направлению на север ($N^{1/2}O$). Берег, по которому он следовал, состоял из меловых возвышенностей, и дорога шла по гладкому льду, потому что берег отмелый. Проехав этим путем около 50 верст, он прибыл в большое селение Ван-Гатан.

Это селение расположено было в бухте при устье значительной реки того же имени. Оно состояло из 10 юрт, в которых господствовала чистота, опрятность и даже комфорт. Как мужчины, так и женщины этого селения резко отличались от прочих туземцев видом и цветом: волосы у них темно-русые и русые, тогда как у других большей частью черные, и лица смутлые. Ясно было видно, что это какая-то иная порода туземцев. Самарин обратил на это внимание и начал их подробно расспрашивать. Старики этого селения сообщили ему, что они происходят от русских и тунгусов, орочен, вышедших из Удского края еще при их прапрадедах, когда о японцах здесь и слуху не было; именно около половины XVII века, т. е. тогда, когда весь Якутский и Удский край до Охотского моря были покорены Россией. Они поэтому и называют себя лоча-орок-айну, т. е. креолы, происходящие от русских и удских тунгусов, женившихся на туземных айнах.

Это обстоятельство было весьма важно, потому что подтверждало имевшиеся уже у нас сведения о том же предмете, собранные от туземцев г-ми Бошняком и Орловым, и окончательно подтверждало неоспоримое право России на обладание территорией острова Сахалина.

Река Ван-Гатан имеет ширину при устье до 35 сажен, но устье ее, а равно и довольно значительная бухта, в которую она впадает, мелководны. Бухта эта простирается на восток до мыса Ван-го, около 8 верст.

Берега реки, по словам туземцев, возвышенны и покрыты строевыми лесами: елью, кедром и лиственницей. В долине этой реки водится много соболей, лисиц и выдр, и река изобилует различной рыбой, почему главный промысел туземцев (которых в селении до 80 душ) составляют звериная охота и рыболовство. По этой реке и через горы жители зимой ездят на собаках, а летом — частью на лодке и пешком, на западный берег острова, в селение Вандезе. По реке Ван-Гатан они поднимаются на лодке до 35 верст, затем, через протоки и озеро Дузе, выходят на реку Най, откуда, оставив лодки, идут пешком через прибрежный хребет в селение Вандезе. Озеро Дузе небольшое, около 5 верст, оно лежит между реками Най и Ван-Гатан и соединяется с обеими этими реками протоками. Путь по озеру и по протокам не более 20 верст, а горой с реки Най около 20 верст. Следовательно, из Ван-Гатан (восточного берега) до селения Вандезе (западного берега) водным путем до 55 верст, а сухопутно до — 20; всего около 75 верст. Туземцы летом из селения Ван-Гатан совершают этот путь в два дня, а зимой проезжают иногда в один день.

От мыса Ванде горы удаляются от берега моря к западу и северу и образуют огромный залив, который туземцы называют Туркай (этот залив Крузенштерн назвал заливом Терпения); берег у моря идет увалистый, ровный; сначала он направляется на север, а потом постепенно склоняется к востоку и затем до мыса Туркай — на юг. От селения Ван-Гатан до этого мыса туземцы на прямую, по льду, считают более 100 верст.

Из селения Ван-Гатан Самарин поехал на N немного к востоку (около NtO) берегом и через 10 верст достиг упомянутого залива, вдоль берега которого, до 30 верст, ехал на север немного к западу (около $N^{1/2}W$), а затем вдоль берега же на северо-восток, ближе к востоку ($NOtO$), около 15 верст. Он, таким образом, достиг устья большой реки, которая по-айнски называется Сисека, а лоча-орок-айну называют ее Тый. Отсюда берег идет прямо на восток; следуя по этому направлению, Самарин, через 2 версты, проехал устье реки Тиранюка, а через 8 верст прибыл на устье реки Тарайку, при котором расположено селение того же имени. Оно и составляло предел, до которого Самарин доезжал по восточному берегу. Отсюда до мыса Тернай, у которого оканчивается бухта того же имени, туземцы считают около 75 верст; следовательно, все эти три реки находятся в северо-западной стороне бухты (залива Терпение). Доро-

га вдоль берега по льду и частью по берегу шла хорошая, торная и гладкая. Проводники Самарина и туземцы селения Тарайку рассказывали ему, что в залив Тернай часто заходят суда, бьют китов и выменивают от туземцев соболей и лисиц на ром (арака) и табак. В селении Тарайку Самарин, по случаю неблагоприятной погоды, остановился ночевать. Ему нужен был отдых и, кроме того, хотелось исследовать окрестности, а потому он провел там двое суток.

Тарайку состояло из 30 юрт; жителей в нем, называвшихся лоча-ороченами (т. е. смесь русских с тунгусами), до 300 душ. Оно расположено частью по морскому, возвышенному берегу, а частью по реке Тарайку. Туземцы приняли его весьма радушно: убрали его собак, накормили их, угощали его свежей рыбой, в роде лососины, олениной и тетерьками. Занятия их состоят из рыбного и звериного промысла. Река Сисека (Тый), Тиранюка и Тарайку, а равно озеро Тарай-гота, лежащее недалеко от селения, изобилуют всякого рода рыбой, а долины упомянутых рек и окрестности озера, — различного рода дичью и пушными зверями; там преимущественно водится соболь, лисица и выдра.

На другой день Самарин ездил с туземцами к озеру Тарай-гота, которое находится в 10 верстах от селения на восток; оно лежит вдоль морского берега от запада к востоку до 25 верст и имеет в окружности около 60 верст; расстояние его от берега моря от 2 до 5 верст. В восточном углу из озера идет небольшая протока в море; эта протока, по словам туземцев, имеет глубину при входе не более 6-ти футов, далее же в ней до 2 сажен, а в озере до 6-ти. Южный берег озера отмельный, луговой и большей частью низменный, остальные же берега гористы и покрыты строевым лесом, достигающим значительных размеров. Кедр доходит до 10 сажен высоты и до $1\frac{3}{4}$ фута в диаметре; лиственница и ель тоже подобных размеров. В северо-западный угол озера впадает река Тирийгота, при устье которой расположено селение того же имени. Через него зимой из Тарайки ездят на западный берег озера. К северу от этого озера и по верховьям рек Тый (Сисека), Тиранюка, Тарайка и Тирийгота кочуют и живут оседло орочены (тунгусы). У кочующих есть олени. Эти туземцы вообще здесь дики и живут грязно.

Река *Сисека* (Тый), по словам туземцев, самая большая из рек, орошающих Сахалин; она течет с севера на юг, на пространстве, сколько можно судить по объяснению туземцев, около 260 верст. Ширина ее при устье около 100 сажен. По словам туземцев, в эту реку могут входить с моря суда,

сидящие в воде около $2\frac{1}{2}$ маховых сажен, т. е. до 14 футов. На расстоянии от устья около 100 верст она имеет глубину от 4 до $1\frac{1}{2}$ маховых сажен¹, т. е. от 8 до 22 футов. На этом пространстве она имеет ширину до 50 и 70 сажен и течение ровное. Отсюда она уже менее широка, глубока и извилиста, однако туземцы поднимаются по ней на лодках более чем 230 верст, почти до вершины, которая недалеко от истоков реки Тыми, так что поднявшись на лодках, туземцы переходят пешком на упомянутую реку в один день.

Тиранюка имеет ширину в устье около 60 сажен; река эта извилиста и имеет на расстоянии около 50 верст от устья глубину до 3 футов. До этого места туземцы поднимаются по реке на лодках. Длина ее не более 80 верст. Она, как и параллельно текущие ей реки Тарайку и Тирийготан, выходит из хребтов, тянувшихся вдоль восточного берега острова и реки Тый (Сисека). *Тарайку* имеет ширину в устье около 80 сажен и течет от севера к югу до 160 верст. *Тирийготан* такая же как, и Тиранюка. Глубина реки Тарайку в устье до 6 футов; туземцы поднимаются по ней на лодках до 70 верст до перевала, идущего с реки Тирийготан на реку Тый. Берега всех этих рек возвышенны и покрыты строевыми лесами; в горах, а равно и по берегам реки Тый, много каменного угля.

Из селения Тарайку Самарин выехал 1-го февраля и направился с проводником лоча-ороченом на устье реки Тирийготан, в селение того же имени. В Тарайку Самарин простился со своим проводником Сетукуреро, который с письмом к Н. В. Буссе отправился в Тамари (Муравьевский пост). Сетукуреро — бодрый пожилой человек, около 60 лет, он считает себя креолом (лоча-орочен-айну). На прощанье он объявил Самарину, что все лоча-орочены-айну (креолы) считают себя русскими, а японцев — пришельцами, пришедшими к ним очень недавно (около 40 лет, как можно было судить по объяснению Сетукуреро, т. е. после Хвостова и Давыдова). «Они пришли, — говорил Сетукуреро, — чтобы нас угнетать», и при этом жаловался, что японцы отнимают часто у туземцев и уводят на Мацмай жен и девиц, за работу дают им ничтожную плату и почти всегда обманывают. Все лоча-орочены и лоча-орочен-айну, которые имеют между туземцами влияние, по его словам, одноплеменные русским и считают себя русскими, а отнюдь не принадлежащими японцам, и рады, что русские здесь водворяются и не позволяют японцам и различным иностранцам, приезжающим с китобойных судов, делать бесчинства.

¹ Принимая маховую сажень, которой меряют туземцы, до $5\frac{1}{2}$ футов.

Из селения Тарайку Самарин ехал берегом на север немного к востоку (NtO), до 15 верст и по тому же направлению около западного берега озера Таран-Гота. Через 10 верст он достиг селения Таран-Готан, расположенного при устье реки того же имени, где и остановился ночевать. Это селение состоит из четырех юрт с 30 жителями, называющими себя лоча-ороченами (креолами). Здесь Самарин встретился с гиляками селения Пуль с реки Амура, ехавшими к заливу Анива для торго с туземцами. Один из этих гиля-

мыми при таком позднем времени для зимовки в пустыне, каковой представляется, как вам известно, Императорская гавань, дабы сколь возможно сохранить здоровье людей при этой крайности. Точно так же я остаюсь уверенным, что в случае открытия г-м Рудановским на юго-западном берегу гавани, вы, согласно данной вам инструкции, непременно пошлете его туда в феврале или начале марта весновать, т. е. поставите Ильинский пост в оной. Имея в виду, как я вам лично объяснял, что это необходимо, во-

Пост Дуэ.
Гравюра XIX в.

ков показал Самарину письмо мое к Н. В. Буссе и расспрашивал его, где он живет в Аниве. Письмо это попало к гиляку следующим образом: не имея долго известия от Буссе, я беспокоился и в декабре месяце подрядил одного из гиляков селения Пуль, отправлявшегося в южную часть Сахалина, доставить к Н. В. Буссе письмо; гиляк взялся непременно исполнить мое поручение и на пути встретился с Самариным. В этом письме я писал Н. В. Буссе следующее.

«С большим нетерпением ожидаю от вас уведомления, — главное об «Иртыше», так как, по приглашению моему с вами, вы хотели с первой же возможностью отправить ко мне почту и этим открыть сообщение с Петровским. Пользуясь ныне случаем, я отправляю вам это письмо с гиляком селения Пуль. Остаюсь уверен, что в случае какой-либо крайней необходимости, по которой транспорт «Иртыш» не мог отправиться в Петропавловск, а должен зимовать в Императорской гавани, — вы, согласно данным мною вам наставлениям и приказаниям, не преминули заменить больных людей из команды транспорта здоровыми и снабдить в изобилии команду транспорта всеми запасами и одеждой (о которых в подробности я вам объяснял), необходи-

первых, потому, чтобы определить, в какой мере безопасно может там зимовать судно, а главное, во-вторых, потому, что с самой ранней весной, в то время, когда ни из Камчатки, ни из колонии, судов наших в Татарском заливе быть не может, надобно ожидать здесь американскую эскадру. Иметь пост на юго-западном берегу острова нам поэтому крайне необходимо»¹.

Упомянутый гиляк объявил Самарину, что он торопится в Тамари и надеется через две недели видеть джангина Буссе.

2-го февраля Самарин выехал из селения Тарайнготан и направился к северу по реке того же имени. Следуя большей частью между гористыми берегами этой реки, покрытыми огромным лесом, через 50 верст он достиг того пункта, от которого переезжают с этой реки на реку Сисека (Тый), и остановился там в пустой юрте ночевать.

3-го февраля он начал перевал на реку Тый. Путь этот шел на северо-запад по равнине до реки Тарайка, которая от их ночлега по этому направлению находилась на расстоянии около 5 верст. Переехав через реку Тарайку, они по тому же направлению через 15 верст достигли левого берега реки Сисека (Тый). От реки Тарайка сначала он ехал до 10 верст между горами по долине, по кото-

¹ Ни того, ни другого Н. В. Буссе не исполнил.

рой извивается маленькая речка, впадающая в реку Тарайку, а потом около 5 верст по горам, идущим по берегу реки Тый, на NtW 20 верст. Проехав это пространство, он остановился ночевать в юрте, в которой жило три семейства орочен (10 душ). Место это называется Огу, по реке, которая впадает в Тый с левой стороны. По-видимому, эта местность удобна для заселения.

4-го февраля Самарин выехал из селения Огу и, следуя по реке Тый, по тому же направлению (NtW), через 40 верст достиг большого селения Томо, лежавшего на правом берегу реки Тый, при впадении в нее реки того же имени. Там он остановился ночевать. На этом пути проводник показал Самарину в горах каменный уголь. Самарин осматривал как месторождение каменного угля, так равно и замечательные леса, тянувшиеся по берегам реки, и оказалось, что каменного угля здесь огромное количество, а лиственница, ель и кедр достигают до 15 сажен высоты и до 2 $\frac{1}{3}$ футов в диаметре (до 16 вершков). Есть также и дуб до 10 вершков толщины. Проводник, и равно и туземцы селения Томо говорили Самарину, что каменного угля здесь везде много, особливо в горах к селению Дуэ, откуда берут начало реки Тыми и Тый.

Селение Томо расположено в прекрасной долине при реке того же имени и по правому берегу реки Тый (Сисека). Оно состоит из 50 юрт с 300 жителями, гиляками и ороченами. Туземцы эти весьма дики и корыстолюбивы: за каждую ничтожную услугу они просили табаку или дабы; за корм для собак они взяли с Самарина большую цену табаком и китайкой.

5-го февраля Самарин выехал из селения Томо и, следуя по тому же направлению вверх по реке Тый (Сисека), через 20 верст достиг того пункта, от которого переезжают с этой реки на западный берег Сахалина. Отсюда они начали между густым корабельным лесом подниматься на хребет, идущий от реки (через 10 верст) по направлению на северо-запад (NW), достигли вершины хребта и ночевали на ней, в пустой юрте.

6-го февраля, выехав с ночлега, начали спускаться с хребта по тому же направлению на вершину речки Аркой, и через 20 верст, следуя по тому же NW направлению, по упомянутым хребту и реке достигли западного берега Сахалина, селения *Аркой*, расположенного на берегу моря, при устье упомянутой реки. Селение это лежит в бухте, в 20 верстах к северу-востоку от мыса Дуэ.

Путь с северного берега залива Тернай (Терпения), от селения Тарайка составляет около 200 верст. Он есть главный путь сообщения туземцев западного берега острова Сахалина с восточным его берегом, а потому торный и не представляет никаких затруднений. Летом по

этому пути туземцы, перевалив через хребет из селения Аркой на реку Сисека (Тый), спускаются затем на лодках в залив Терпения по реке Тый; по их словам, из Аркой можно легко приплыть от хребта в один день.

Из селения Аркой Самарин следовал по тому же пути, по которому проезжал в 1852 году Н. К. Бошняк, и 8-го февраля прибыл в селение Хой, в котором по причине болезни, утомления и, наконец, дурной погоды, провел 9, 10 и 11 числа. 12-го февраля он поехал далее к северу вдоль того же западного берега Сахалина, 16-го прибыл в Николаевское, а к полдню 18-го числа — в Петровское. Он представил мне образчики каменного угля, взятого им с реки Тый (Сисека). Уголь оказался действительно хорошего качества. Вместе с тем, Самарин передал приказчику Русско-американской компании в Петровском Боурову 100 штук соболей и 10 лисиц, из которых пять чернобурых; он выменял все это от туземцев на своем пути. Самарин сказал, что Н. В. Буссе велел ему передать мне, что японцы распускают между туземцами положительные слухи, что будто бы ранней весной приведут с Мацмая джонки и войско с целью уничтожить наш пост в Тамари, почему Буссе и строит башню, и ограждает пост редутами; команду же будет держать соединенно, и на западный берег в исходе февраля или в начале марта никого не пошлет, чтобы поставить Ильинский пост в бухте, исследованной Рудановским.

20-февраля возвратился г-н Разградский и сообщил, что Петров нашел тунгуса с четырьмя оленями для следования из Мариинского поста в Императорскую гавань с продовольствием, но отправить его туда на нартах этим путем в настоящее время не мог, по случаю рыхлого и глубокого снега на хребтах; а потому надобно было выждать начала марта.

Господин Разградский объяснил, что из Мариинского поста он поехал в Хунгари, где нашел двух туземцев с тремя нартами, взявшихся отвезти запасы в Императорскую гавань. Для верности и скорости, он за сутки до выезда нарт послал своих собак с кормом для нанятых нарт на верховье реки Хунгари в летник Холдона, лежащий на половине пути от Хунгари до Императорской гавани, и засим вслед за своей нартой отправился сам с туземцами. Выехав из селения Хунгари 27-го января, они поехали вверх по реке Хунгари, которая здесь течет по направлению SW — NO, и, проехав около 70 верст, ночевали в селении гольдов, состоявшем из двух юрт. 28-го января, продолжая путь по реке Хунгари по румбам OSO, O и NO и проехав до 80 верст, они остановились в юрте ночевать; 29-го января они поехали по той же реке и по тому же на-

правлению, и через 70 верст достигли устья Малой-Иодами, где, в селении гольдов, остановились ночевать.

У этого пункта собственно река Хунгари кончается. Следовательно, течение ее около 220 верст. Отсюда идут две реки, составляющие реку Хунгари: Иодама и Уодама, или Большая Иодама; река Иодама течет от NNO, а Большая Иодама, или Уодама, от WNW. 30-го января они сделали по этой реке около 70 верст и по возвышенности, отделяющей ее от истока реки Мули, — до 5 верст, и остановились ночевать в селении орочен, где и догнали нарту с кормом. Отсюда до Императорской гавани оставалось не более 200 верст. Нанятые в Хунгари гольды объявили Разградскому, что они надеются через пять дней, т. е. 4 и 5-го числа февраля, явиться с продовольствием к Н. К. Бошняку в Императорскую гавань.

Пробыв здесь 31-е января, чтобы дать отдых собакам, г-н Разградский отправил отсюда нагруженные запасами три нарты с двумя туземцами и казаком в Константиновский пост, а сам 1-го февраля поехал обратно, тем же путем. «Дорога по Хунгари в Императорскую гавань, — объясняет г-н Разградский, — ровная, не представляет препятствий и может быть совершена скоро; если только на пути, хотя бы в трех местах, приготовить предварительно корм для собак».

Хунгари течет по довольно широкой низменной долине, довольно извилиста и имеет много островов. Ее долина окружена горами, на которых значительные леса ели, лиственницы, березы и ольхи.

Она, по словам туземцев, изобилует различными родами рыб, а ее окрестности — соболями и лисицами; почему зимой туда и приходит много промышленников. Последние имеют по реке весьма частые юрты для ночлегов.

Проезжая Мариинский пост, г-н Разградский узнал, что тунгусы с оленями, нанятые в Петровском, еще не приходили; между тем, по сведениям от туземцев, в Императорской гавани терпели большую нужду.

23-го февраля, через туземцев я получил весьма грустное донесение от Н. К. Бошняка. Он писал мне от 30-го января, что положение их весьма печальное: запасов нет, а цинга между командой «Иртыш» свирепствует; пять человек уже умерло. Командир болен, а офицер почти при смерти. «Я и ожидал этого, — пишет мне Бошняк, — иначе и быть не могло, потому что сюда, где приготовлено для зимовки только на шесть человек, вдруг собралось 75 человек и половина из них, т. е. команда «Иртыша», буквально без ничего. Уповаю только на Бога и надеюсь, что скоро получим от вас что-либо для облегчения нашей участи. Я, впрочем, живлюсь, как еще смертность мала, ибо не толь-

ко в такое позднее время, но и во всякое другое, люди, высаженные в пустыню и принужденные в морозы жить в сырых избах, срубленных с корня, и при полном довольствии неминуемо заболеют. Я очень сожалею, что Н. В. Буссе, отправившись без продовольствия «Иртыш» в пустыню, не видит всех последствий своей эгоистической ошибки. Он разуверился бы тогда в полной несостоятельности своих воззрений: проживать в Тамари-Аниве, где люди прямо помещены в сухие здания и где можно достать продовольствие, не то, что в пустыне. Он задался какими-то неуместными политическими воззрениями, здесь гибельными и к делу не идущими. Не в таком же ли положении была и команда на Сахалине, как здесь, если бы следовать его неуместным воззрениям? Можно наверно сказать, что около половины ее погибло бы от цинги. Надежда на Бога и на скорую от вас помощь, — заключает Н. К. Бошняк, — нас всех еще одушевляет и поддерживает, хотя я сознаю, что это сопряжено с большими препятствиями».

Получив эти сведения, я, для более положительного подкрепления запасами несчастных труженников, случайно и неожиданно собравшихся в Императорской гавани, и для одушевления их, отправил 24-го февраля через Мариинский пост на двух нартах Д. И. Орлова, как офицера опытного и знакомого уже с этим путем, снабдив его всеми возможными запасами и медикаментами. Офицеру этому приказано было сколь возможно поспешнее следовать в Императорскую гавань, нанимая для облегчения своих нарт нарты у туземцев и иметь в виду, что в двух местах по пути в эту гавань А. И. Петров распорядился уже о заготовлении корма для собак, что весьма ускоряет и облегчает путешествие. По пути следования понуждать тунгусов, чтобы они скорее туда шли с оленями, ибо необходимо доставить туда поспешнее оленьего мяса. На пути следования закупать у манджуров и туземцев водки, сухой черемши, чеснока и крупы для пополнения отправляемых запасов. По прибытии в Императорскую гавань, передать следующие мои приказания Н. К. Бошняку и командирам судов: транспорта «Иртыш» и корабля Русско-американской компании «Николай»:

1) с открытием в гавани навигации, корабль «Николай» должен немедленно выйти из гавани с Н. К. Бошняком и, следуя вдоль Татарского берега к югу, посадить на оный Н. К. Бошняка со шлюпкой и байдаркой в широте 46° 30' N. Оттуда Н. К. Бошняк, согласно данным ему от меня приказаниям, должен начать исследование берега к югу, имея притом в виду, чтобы к 5-му июня возвратиться в ту же широту, потому что около этого времени я на «Байкале» приду к нему

Внутренность жилища айнов.

Гравюра XIX в.

в этот пункт с целью поставить военный пост в одной из южных бухт, которая по его исследованию окажется более закрытой и имеющей внутреннее, более или менее удобное сообщение с рекой Амуром или Уссурй.

2) Корабль Русско-американской компании «Николай», высадив лейтенанта Бошняка, следует в Муравьевский пост, где и состоит в распоряжении начальника оного, майора Буссе. Если по какому-либо случаю в феврале или марте месяца г-н Буссе не поставил Ильинского поста в одной из бухт залива Невельского (Идунки), то корабль, прежде отправления своего в колонии, обязан перевезти в залив Такмака (47° 15' широты) лейтенанта Рудановского с восьмью людьми и продовольствием на три месяца, для содержания в оном Ильинского поста.

3) Если транспорт «Иртыш» до моего прихода на «Байкале» в Императорскую гавань, около 1-го июня, может выйти в море, то из гавани следовать ему в Муравьевский пост, где у г-на Буссе потребовать на месяц продовольствия и пополнения убылых из его команды и отправиться немедленно в Петропавловск. В противном же случае, транспорт этот оставить в Императорской гавани до моего прибытия в оную на «Байкале»; исправлять по возможности повреждения и готовиться к плаванию, имея в виду, что экипаж его будет пополнен или с «Байкала», или из Муравьевского поста.

4) Господину Орлову, должностующему оставаться в Императорской гавани, а равно г-ну Бошняку и командирам транспорта «Иртыш» и корабля «Николай» предписывается строго наблюдать за действиями иностранных судов, плавающих в Татарском заливе, и действиями могущей явиться в оный военной американской эскадры и, в случае встречи с этими судами, действовать согласно данной мной г-ну Бошняку инструкции, т. е. объявлять от имени нашего правительства, что весь этот край до корейской границы и остров Сахалин составляют российские владения, а потому всякие произвольные распоряжения на его берегах не могут быть терпимы.

5) Иметь в виду, что вместе с сим же, об этих распоряжениях я доношу генерал-губернатору, сообщая главному правлению компании и г-ну Кашеварову, и, наконец, предписываю Н. В. Буссе действовать согласно оным.

Отправив г-на Орлова, я вместе с сим же послал нарочного в Аян с донесением и письмом к генерал-губернатору.

Объяснив ему об упомянутых распоряжениях и действиях моих, о положении амурской и сахалинской экспедиций, в заключение я писал:

«Из этого, ваше превосходительство, изволите усмотреть, до какой степени было необходимо занятие Тамари-Анива. Только этим, как ныне доказывают факты, мы спасли нашу команду, высаженную на Сахалин, от того грустного положения, в каковом находятся люди, собравшиеся

в пустынной Императорской гавани. Точно так же, ваше превосходительство, изволите видеть, что главная цель распоряжений моих, отправленных ныне в Императорскую гавань с г-м Орловым, состоит в том, чтобы, во-первых, отстранить водворение иностранцев на бережьях Приуссурийского края, а во-вторых, чтобы отыскать на этих бережьях такое пристанище для наших судов, в которое они могли бы войти как возможно позднее, а выходить как возможно ранее, т. е. отыскать гавань, почти всегда открытую для навигации, и, отыскавши оную, водвориться в ней. Подобная гавань, как непосредственно связанная внутренним сообщением с рекой Амуром, только и может обусловливать важное политическое значение для России Приамурского и Приуссурийского бассейнов. Императорская гавань, несмотря на превосходное очертание своих берегов и глубины, как показал уже ныне опыт, не соответствует упомянутой цели. Она, подобно как и залив де-Кастри, значительное время закрыта для навигации и поэтому может служить только лишь станцией для наших судов, плавающих в Татарском заливе. Ввиду этих соображений, если люди, назначенные по штату в экспедицию, будут следовать сюда по реке Амуру, я прошу ваше превосходительство приказать поставить на устье реки Уссури пост из 30 человек. Пункт этот, как ближайший к бережью южного Приуссурийского края и как пункт центральный относительно Нижнеамурского и Уссурийского бассейнов, представляет такую местность, в которой должна сосредоточиваться вся главная наша деятельность в этом крае и управление оным. В настоящее же время этот пункт должен служить исходным нашим пунктом как для сообщения с избранной на юге гаванью, так равно и для исследования Уссурийского и Среднеамурского бассейнов. За этим необходимо также поставить пост на устье реки Хунгари, по крайней мере из 10 человек, для удобства сообщения между Мариинским постом, устьем реки Уссури и Императорской гаванью.

До прибытия из Кронштадта винтового судна транспорт "Байкал" должен оставаться в моем распоряжении, так как, во-первых, на нем надобно снабдить экспедицию запасами или из Аяна, или с Сахалина, а во-вторых, ввиду прибытия в Татарский залив американской военной эскадры, необходимо, чтобы в оном находилось наше военное судно.

Что касается Сахалина, то исследования г-д Бошняка, Орлова, и в особенности Рудановского, и сведения, доставленные ныне Самариним, показали, что после занятого нами селения Тамари в заливе Анива, замечателен залив, или озеро Буссе (Тообучи), и устья рек Найбу, или Найну,

Гунуп, Ванготан и Сисека, или Тый, на восточном берегу. На западном же: бухты Маука и Такмака, устье протока Тарайку и озеро того же имени, селение Аркой и залив Дуэ. В видах политических и коммерческих компаний следует обратить на эти места внимание. Чтобы определить же, в какой степени безопасно могут зимовать суда в заливе Тообучи (Буссе) и бухтах Маука и Такмака, названных мной бухтами Беллинсгаузена и графа Гейдена, я сделал надлежащее наставление г-ну Буссе, а именно: приказал ему в заливе его имени, как соседственном с Муравьевским постом, наблюдать за обстоятельствами, сопровождающими закрытие и вскрытие оного; а в бухте Такмака послать в феврале месяце г-на Рудановского поставить Ильинский пост, снятый в исходе сентября г-м Орловым. Исполнить все это тем более необходимо, что эти последние бухты весьма важны и в том отношении, что в январе месяце Рудановский их нашел чистыми, а туземцы говорят, что они вообще редко замерзают и что навигация по ним всегда открыта. Рудановскому остается узнать, не заходят ли в эти бухты весною льды и не сопровождаются ли северо-восточные и восточные ветры жестокими порывами с гор; чего, как вы изволите видеть из выписки журнала Рудановского, надобно ожидать, особливо в бухте Маука. Произвести ныне же эти наблюдения тем более необходимо, что с 1854 на 1855 год на Сахалине неминуемо должно зимовать судно компании; следовательно, надобно предварительно определить место, где это судно может зимовать с большей безопасностью.

Пионерный характер наших действий в Приамурском и Приуссурийском краях, по обширному и пустынному его положению и по разнообразным условиям оного, должен продолжаться еще долго. Топор, заступ и плуг должны иметь здесь первенствующее место. Команды, сюда присылаемые, должны составлять здесь главных работников. Военная и гражданская организации в том виде, в каком они находятся в России и на Кавказе, здесь решительно неуместны. Реки Амур и Уссури составляют надежные базисы наших действий. Банки лимана и пустынные, бездорожные, лесистые и гористые бережья Приуссурийского и Нижнеамурского краев будут надолго составлять самую надежную защиту против всяких неприязненных покушений на этот край с моря, и через это обеспечивать наши действия в оном. Поэтому ныне все средства здесь должны быть употреблены отнюдь не на создание совершенно бесполезной в этом крае организации с армией военных и гражданских чиновников или на сооружение каких-либо долговременных укреплений и зданий, но они должны быть всецело употреблены на то, чтобы

были в этом крае надлежащие суда для внутренних сообщений, чтобы были военно-рабочие и земледельческие силы и лица, могущие разъяснить богатства природы этого края. Устье реки Уссури здесь представляет центр, из которого должны исходить пути, обеспеченные земледельческими поселениями, к главным местностям, как то: к Забайкальской области, устью реки Амура и к гаваням, лежащим на побережьях края.

Вот в чем единственно здесь и состоит правительственная задача, непосредственно истекающая из всех фактов, добытых амурской экспедицией, как первым пионером, действующим в этом краю, — пионером, указавшим уже на важное значение оного для России в политическом и экономическом отношении».

Вместе с этим, в письме моем Н. Н. Муравьеву я просил, чтобы люди, назначенные в экспедицию, были снабжены инструментами и материалами для плотничных и кузнечных работ, а равно и теплой одеждой, и повторил мою убедительную просьбу, чтобы в случае спуска этих людей по реке Амуру, непременно было оставлено около 40 человек на устьях рек Уссури и Хунгари. Я писал, что «в начале наступившей навигации, на побережье Уссурийского края мной заняты будут две более закрытые бухты, дабы к навигации 1855 года определить, которая из них более соответствует главной упомянутой цели, т. е. более продолжительное время открыта для навигации. Из людей, оставленных на устье реки Уссури, я отделию до 15 человек вверх по реке для зимовки в двух пунктах, из которых туземцы ездят в упомянутые бухты, и вообще на побережье Уссурийского края, в видах ознакомления с этими путями; исследование оных и установление сообщения между постами нашими в этих бухтах и постами на реках Уссури и Амура; так чтобы к навигации 1855 года нам были положительно известны те пункты в крае, на которые наипервое надобно обратить внимание.

Распорядиться таким образом, когда ожидается, как Вы изволите мне писать, разрыв с европейскими Западными державами, становится крайней необходимостью, ибо наши посты, поставленные на побережье Уссурийского края, привлекут неприятеля к блокаде оного, т. е. заставят его фактически признать этот край принадлежащим России. Между тем при таком распоряжении неприятель не может нам причинить вреда, потому что люди с постов, в случае крайности, могут отступить по пути, неизвестному неприятелю, и с его стороны было бы в высшей степени неблагоприятно посылать на поиски по этому дикому, гористому и бездорожному пространству. Для этого последнего нам необходимо только принять меры, чтобы из постов на-

ших, поставленных на реке Уссури, было заранее заготовлено продовольствие для отступающих людей, что весьма просто и легко сделать, когда пути эти нам будут известны.

Вот те соображения, на основании которых я намерен распорядиться так, как выше изложено. И вот причины, по которым, в случае разрыва с западными державами, нам следует здесь не *сосредоточиваться*, а напротив, *рассредоточиваться* малыми отрядами из 8 или 10 человек, и заранее обеспечивать наши сообщения в крае с его побережьем, имея при этом в виду привлечь неприятеля к блокаде побережья.

Что касается вторжения с моря неприятеля во внутрь страны, то этого нам нечего опасаться, ибо, повторяю, банки лимана, опасное, трудное и неизвестное для неприятеля плавание по оному, пустынные, лесистые, гористые и бездорожные бережья, удаление края от цивилизованных портов, и, наконец, неизвестность для неприятеля нашей силы и средств в оном, составляют непреодолимые, можно сказать, преграды для подобных вторжений с моря.

В настоящее время меня более всего беспокоит то, что мы до сих пор не только не имели средств исследовать лиман, в видах отыскания в нем более глубоких фарватеров, но даже не успели обеспечить безопасность плавания по ранее известным фарватерам и, наконец, что мы не имеем здесь ни одного парохода, который бы мог вводить суда в реку Амур, между тем как она, в случае войны с морскими державами, представляет единственное и надежное во всех отношениях убежище для судов наших на отдаленном Востоке.

Таковой же характер ныне должен быть и наших действий на Сахалине, в случае войны с морскими державами. Посты наши, расположенные в заливах Анива, Такмака, Кусунай, Дуэ и Терпения (по туземному Тернай), привлекут неприятеля к блокаде берегов Сахалина. Отступление наших команд в случае крайности во внутрь острова может быть произведено по известным ныне нам путям, по которым мы легко можем продовольствовать эти команды из Николаевска, независимо от морского пути. Само собой разумеется, что и здесь, подобно как и на побережье Приуссурийского края, посты эти должны состоять не более как из шести или четырех человек, ибо главная цель их должна состоять единственно в том, чтобы привлечь неприятеля блокировать берега острова».

Вместе с этим донесением генерал-губернатору я тогда же уведомил главное правление компании и г-на Кашеварова о распоряжении моем относительно корабля «Николай» и о результатах исследований, произведенных на Сахалине

Н. В. Рудановским, и просил Кашеварова немедленно отправить, сколь возможно поспешнее, донесение мое к генерал-губернатору.

1 марта я послал почту на Сахалин к г-ну Буссе, уведомляя его о сделанных мной распоряжениях по Императорской гавани и о решении, принятом мной относительно действия на Сахалине в случае разрыва с морскими державами. Вот копия отрывка моего письма г-ну Буссе:

«Не получив от вас донесения о распространяемых японцами слухах, переданных мне Самариным, я вижу, что вы, как и следует, не обращаете внимания на подобные нелепости, и остаюсь уверенным, что вы, согласно моим приказаниям и личным вам объяснениям, ввиду ожидаемой ранней весной в Татарский залив американской эскадры, послали в залив Такмака, или Маука, г-на Рудановского весновать в оном и вместе с этим наблюдать над обстоятельствами, сопровождающими вскрытие залива, и над силой господствующих там ветров с гор. Уверен также, что вы не преминули сделать подобные же наблюдения в соседственном с Муравьевским постом заливе вашего имени (Тообуча). Подобные наблюдения, как я вам лично объяснил, необходимы для определения степени безопасности зимовки судна, которая, как вам известно, неминуемо должна последовать с 1854 на 1855 год... Поставляя вам в известность принятое мной решение (о чем я доносил уже генерал-губернатору) о характере и цели действий наших на Сахалине, в случае разрыва ныне с морскими державами, я предлагаю вам в точности этим руководствоваться при упомянутом обстоятельстве, т. е. иметь в виду, что мы и в случае войны не должны оставлять острова, а только лишь уменьшить численность людей на оном и разместить остальных по постам, от 8 до 6 человек в каждом, а именно: в заливы Анива, Такмака, Кусунай, Дуэ и Тернай (Терпение), т. е. в такие места, в которых, пользуясь ныне известными нам путями, мы можем во время войны снабжать их продовольствием, независимо от моря, внутренним путем, на селение Погоби, Аркой и Кусунай».

Из вышесказанного видно, что главная цель принятого мной решения для действия в навигацию 1854 года, состояла в том, чтобы еще более утвердить за Россией обладание весьма важным для нее Нижнеамурским и Уссурийским краями.

Глава XXVII

Предписание Н. В. Буссе от 1-го марта 1856 года.—

Положение наше в Петровском.—

Наши силы в Приамурском крае.—

Высочайшее повеление 22-го апреля 1853 года.—

Донесение Бониняка.— Встреча моя с генерал-губернатором
14-го июня 1854 года.— Спуск нашей флотилии по Амуру.

оложение жены моей в эту зиму было гораздо лучше, чем в предыдущие, ибо в прекрасной и образованной женщине Елизавете Осиповне Бачмановой моя жена нашла и приятную собеседницу, и помощницу; ее общество оживляла, кроме того, и супруга нашего священника, Екатерина Ивановна Вельяминова.

Хотя в эту зиму мы и не ощущали, как в предыдущую, никакого недостатка в продовольствии, но последствия первой ужасной зимы в пустыне имели влияние на здоровье жены моей и в особенности на нашу малютку — Екатерину. Между тем у нас родилась вторая дочь, Ольга; жена не в состоянии была кормить ее, а кормилицы не было. Это еще более усиливало болезнь матери; но Господь Бог укреплял

нас и помог перенести с твердостью это ужасное положение и все лишения.

12 апреля я получил с нарочным высочайше дарованную мне награду: Владимира 3-й степени. Генерал-губернатор, препровождая мне ее, писал, что государь император решительными действиями моими и занятием главного пункта острова Сахалина, Тамари, остался весьма доволен и что команды, назначенные для укомплектования по штату экспедиции, вероятно, спустятся по реке Амуру из Стретенска. В виду этого обстоятельства и полагая, что просьба моя, дабы оставить 30 человек на устье реки Уссури и 10 человек на устье реки Хунгари, придет после уже отправления людей по реке Амуру из Стретенска и что река Амур почти от устья Уссури широка и наполнена лабиринтом островов и протоков, почему следование здесь барж без проводников не только затруднительно, но и опасно, я сейчас же командировал вверх по Амуру г-на Разградского и приказал ему, достигнув устья реки Хунгари, принимать меры, чтобы туземцы провожали по реке Амуру наши суда. С ним я предписал начальнику отряда, следовавшему с этими судами, оставить на устье Уссури 30 человек, а на устье Хунгари 10 человек со всем тем довольствием, запасами и материалами, с каковыми эти люди сплавляются. Затем, с остальными людьми остановиться

в Мариинском poste и ожидать моего прибытия в оный. По исполнении этого поручения, г-н Разградский должен был возвратиться в Мариинский пост не позже 20 мая. Начальнику Мариинского поста, А. И. Петрову, предписано было в то же время поставить пост в де-Кастри и, по возвращении г-на Разградского, сдать ему оба поста: Мариинский и в де-Кастри и следовать в Николаевское, для наблюдения за работами.

15 апреля было получено в Петровском через туземцев донесение Д. И. Орлова с реки Тумджин, что часть оленей и запасов достигла Императорской гавани и что смертность между командами ослабевает.

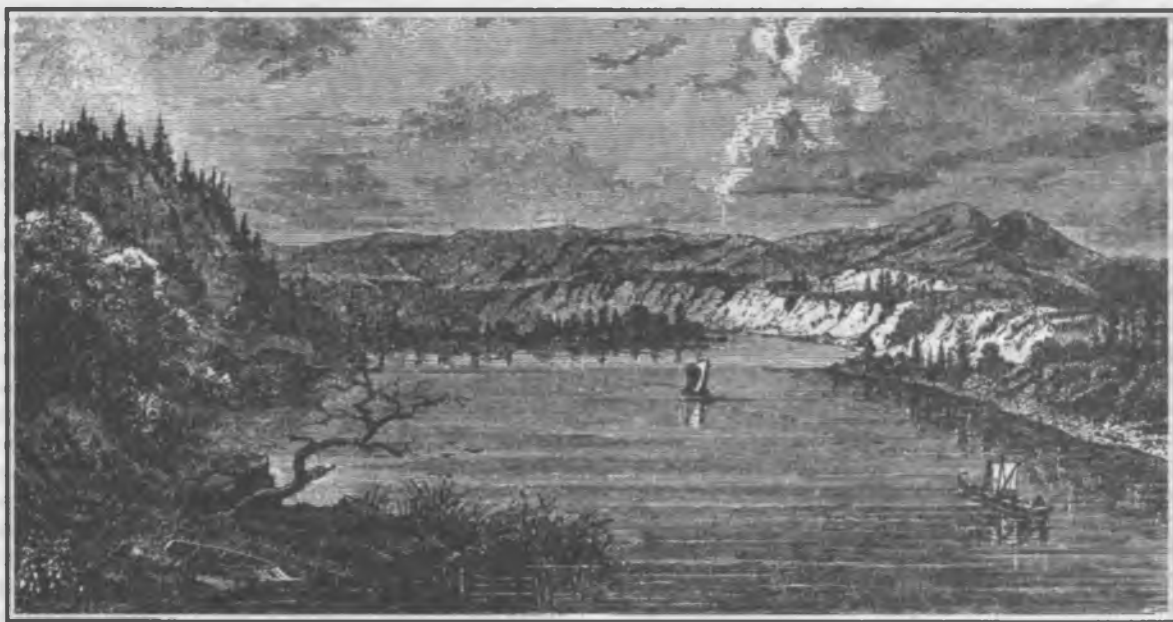
4 мая прибыла из Аяна почта; с ней генерал-губернатор уведомлял меня, что он сам спускается по реке Амуру с людьми, как для укомплектования экспедиции, так равно и для подкрепления Петропавловского порта; что люди, назначенные для подкрепления Петропавловска, должны отправиться туда из залива де-Кастри; что для переезда этих людей в Петропавловск В. С. Завойко предписано к 15 мая прислать суда в де-Кастри, и наконец, что он со всеми командами к 20 мая будет в Мариинском poste, почему и предписывает мне быть к этому времени там.

Залив Счастья был 4 мая еще покрыт льдом, на берегах же в горах начиналась распутица. Дабы достигнуть к назначенному времени Мариинского поста, необходимо было к 10 мая быть в Николаевске, добраться до которого в то время, и то с большой опасностью, возможно было только верхом на оленях; а оленей, кроме четырех прибывших с почтой, около Петровска не было, этим же последним необходимым был отдых по крайней мере в продолжение четырех дней, поэтому я не мог выехать из Петровска ранее 8 мая. Отправляясь в путь, я сделал единственному офицеру, остававшемуся в Петровском, А. В. Бачманову, следующее распоряжение: с первой возможностью прислать в Мариинский пост 10-весельный катер. Приходящим на Петровский рейд иностранным китобойным судам, а равно и всем туземцам, объявлять, что по реке Амуру следует к нам вооруженная флотилия с войском. Это последнее распоряжение я необходимым счел сделать потому, что хотя Н. Н. Муравьев и не уведомлял меня о разрыве с Западными державами, но личное его прибытие и необходимость в подкреплении Петропавловска давали мне повод думать, что этот разрыв, вероятно, уже последовал.

Положение наше в это время в Нижнеприамурском крае было таково: в Петровском находилось 25 человек при 25 кремневых дрянных ружьях, выбранных из остававшихся в Охотске. В Николаевском — 30 человек при 30 таковых же ружьях и 2- и 3-фунтовых пушках, из которых

из одной только можно было стрелять. В Мариинском poste восемь человек с таковыми же ружьями и в Александровском poste (де-Кастри) 10 человек при таких же ружьях и одной 3-фунтовой пушке. Пороху во всей экспедиции состояло 1 ¹/₂ пуда, и снарядов для упомянутых 3 орудий по 25 выстрелов на каждое. Вот в каком положении нас застала война в Нижнеприамурском крае. На все предложения мне, в случае войны сосредоточить в Николаевске все силы для борьбы с неприятелем, — я постоянно отвечал, что не сосредоточивать эту ничтожную горсть, но напротив, ее следует рассредоточивать, потому что банки лимана и пустынные прибрежья края составляют самую надежную защиту. В описываемое время я вовсе не беспокоился в этом отношении, а заботился только лишь о том, чтобы исполнить упомянутый план мой, т. е. через посты, раскинутые по прибрежьям Приамурского и Приуссурийского краев, привлечь неприятеля к блокаде оного, уменьшить численность людей на Сахалине, раскинув их, как объяснено выше, по постам из шести или пяти человек, и наконец, после доставления людей и продовольствия на судах наших, зимовавших в Императорской гавани и на транспорте «Байкале» (долженствовавшем прийти в залив де-Кастри), по всем постам Приуссурийского края и острова Сахалина, ввести эти суда в реку Амур. Ввиду вероятной возможности прибытия неприятельской эскадры в Татарский залив, я вполне был уверен, что вся эта операция может быть окончена гораздо ранее прихода сюда неприятеля, так что с его появлением все прибрежья Татарского залива будут уже обставлены нашими военными постами с единственной целью — привлечь неприятеля к блокаде этого прибрежья. Для обеспечения этих постов необходимо было, как я выше объяснил, занять устья рек Хунгари и Уссури и предупредить об этом Н. Н. Муравьева, ранее прибытия его в Мариинский пост, для того чтобы были оставлены на реках Хунгари и Уссури люди. Ввиду этого, несмотря на ужасную распутицу, я спешил скорее выбраться из Петровского, дабы благовременно встретить Н. Н. Муравьева, надеясь при этом, что в исполнении моих распоряжений препятствия не представятся. Вот те надежды и цель, с которыми я отправился из Петровского 8-го мая. Но все они были противоположны мнению, сложившемуся тогда у людей, которые шли туда располагать нашими действиями.

Внезапная решимость Высшего правительства дозволить генерал-губернатору сплавить людей по реке Амуру, считавшейся в то время китайской, последовала таким образом.

Берега Шилки.

Гравюра XIX в.

Важные результаты деятельности амурской экспедиции и благосклонное внимание к этой деятельности в Бозе почившего императора Николая I, давали надежду Н. Н. Муравьеву на успех его постоянных стараний, что будет, наконец, разрешено плавание по Амуру. В этих видах генерал-губернатор состоящему при нем для особых поручений капитану 2-го ранга Петру Васильевичу Козакевичу приказал сделать промер реки Шилки и этим промером доказать возможность заведения на этой реке пароходства. Проект о пароходстве в 1853 году был высочайше утвержден и в том же году на Шилкинском заводе был заложен 60-сильный пароход «Аргунь», который строился под руководством Петра Васильевича корабельным инженером Шарубиным. Вместе с этим, в том же году, начали делаться постепенные приготовления к сплаву по реке Амуру. Ожидаемый разрыв с Западными державами понудил генерал-губернатора прибыть в Петербург, для обсуждения различных предположений о защите вверенного ему края, в случае открытия военных действий. 22-го апреля 1853 года Н. Н. Муравьев имел счастье докладывать государю императору Николаю I о важности исследований, произведенных амурской экспедицией, о направлении Хинганского хребта от верховьев реки Уди к югу, а равно и направлении главных притоков реки Амура, берущих начало из восточного склона этого хребта, — фактов, доказавших по точному смыслу Нерчинского

трактата, несомненные права наши на реку Амур. Исследования в Удском крае, произведенные экспедицией подполковника Ахтэ, еще более подтверждали факты, добытые амурской экспедицией, относительно направления границы нашей с Китаем (вопроса возбужденного и решенного на месте амурской экспедицией). Река Амур должна принадлежать не Китаю, а России, докладывал генерал-губернатор и представлял его величеству, что для подкрепления Петропавловска необходимо разрешить сплав по реке Амуру, ибо берегом нет никакой возможности доставить в Петропавловск ни продовольствие, ни оружие, ни войска. Государь император, выслушав доклад Муравьева, изволил признать все это основательным, и того же 22 апреля 1853 года высочайше повелеть соизволил: *написать об этом пекинскому трибуналу; предложение же Муравьеву о сплаве по реке Амуру запасов, оружия, продовольствия и войск рассмотреть в особом комитете*. В исполнение этого высочайшего повеления, 16-го июня 1853 года Правительствующий сенат послал лист пекинскому трибуналу внешних сношений следующего содержания.

«По существующим трактатам граница от реки Горбицы к востоку, положенная до верховья реки Уди, должна идти Хинганским, или Становым хребтом гор, а от верховья реки Уди — тем же хребтом до моря протяженным таким образом, что все реки, текущие по южную сторону

этого хребта, должны состоять во владении Китайского государства, а реки по всем прочим направлениям, текущие из этого хребта, — во владении Российского государства. Но так как на всем этом пространстве *пограничные знаки не поставлены*¹, то поэтому и приглашается китайское правительство прислать своих уполномоченных для постановления этих знаков, ввиду разграничения пространства до моря, оставшегося до *усмотрения неразграниченным*.

Этот акт весьма знаменателен в истории Приамурского края; он составляет первый краеугольный камень, положенный амурской экспедицией в основание к признанию края за Россией. До этого времени на всех правительственных и частных картах, во всех учебных заведениях и во всех, как мы видели, актах, объяснялось, что граница наша с Китаем идет к Охотскому морю, к Тугурской губе, т. е. весь Приамурский край считался как бы бесспорно во владении Китая. Благодаря этому акту, истекающему единственно из исследований, произведенных амурской экспедицией, над направлением Хинганского хребта и рек, берущих начало из оно, *правительство впервые признало* неправильность принимаемой им доселе границы нашей с Китаем и тем *сознало*, что река Амур должна принадлежать не Китаю, как до этого оно было твердо убеждено, а России. Итак, *возбужденный и разрешенный* амурской экспедицией пограничный вопрос не остался бесследным; разрешение его и составляло одну из главных миссий амурской экспедиции.

По прибытии Н. Н. Муравьева из-за границы в С.-Петербург, особый комитет приступил к рассмотрению его предположения относительно сплава по Амуру, и после различных соображений и прений решено было в комитете: *плыть по реке Амуру*. Государь император, утвердив это

решение, изволил лично прибавить Муравьеву: *чтобы при этом не пахло порохом дымом*.

После этого Н. Н. Муравьев тотчас же отправил М. С. Корсакова в Иркутск курьером, с поручением ускорить распоряжение по амурскому сплаву. Вслед за отъездом Корсакова, в феврале 1854 года, Николай Николаевич выехал из Петербурга, и еще по льду переехал озеро Байкал. Вся Сибирь восторженно встретила при вести об открытии плавания по Амуру, которого она ожидала более 160 лет. «Генерал-губернатора Николая Николаевича Муравьева, — пишет г-н Свербеев, сопутствовавший ему в качестве дипломатического чиновника, — везде встречали с восторгом, давали в честь него обеды, сочиняли стихи и песни»².

По прибытии генерал-губернатора в Шилкинский завод, на водах реки Шилки красовался, невиданный до сего времени в Забайкалье, пароход «Аргунь» и 75 грузовых баркасов для экспедиции. Горное ведомство сделало в честь торжества блестящую иллюминацию.

14-го мая 1854 года, после напутственного молебна пред древней иконой Божьей Матери, вынесенной из Албазина, и при салюте из албазинской пушки, флотилия начала спускаться по реке Шилке. Впереди всех, на своей лодке, плыл генерал-губернатор. «Запестрели пред нами берега Шилки, — говорит г-н Свербеев, — оглушаемые громкими криками ура! Мы быстро неслись по ней, чтобы достигнуть реки Амура. Заводская пушка приветствовала флотилию, и население Шилки бросало шапки вверх и кричало ура! Это были радостные, восторженные и единодушные пожелания открытия пути по реке Амуру.

18-го мая, в 2 ¹/₂ часа пополудни, флотилия вступила в воды реки Амура. Трубаچی играли «Боже, Царя храни», все встали на лодках, сняли шапки и осенились крестным знамением. Генерал-губернатор, зачерпнув в стакан амурской во-

¹ Из этого видно, что правительство, вследствие разъяснения моего, убедилось в ошибочности донесения академика Мидендорфа, что будто бы найденные им при следовании от Охотского моря в Забайкалье столбы, или груды камней, составляют пограничные знаки, поставленные китайцами. На основании этого донесения и была, как видели, составлена экспедиция Ахтэ для определения по этим столбам границы с Китаем.

² Вот стихи, сказанные Николаю Николаевичу на обеде в Кяхте 27-го апреля 1854 года одним из кяхтинских купцов Ксенофонт-ом Кандинским:

*Пируя праздник возвращения,
Сподвижник царский, твоего,
Не можем чувства восхищения
Вполне мы выразить свое.
Отъезд твой скорый предвещает
Сибири новую зарю.
Она свежи лавры обещает
Руси и Белому царю.
Сибирь, с надеждой несомненной,
Глядит на рдеющий восток
И ждет, что труд твой вдохновенный
Богатствам нашим даст исток.
Амуром путь ты им проложишь,
Движение силам нашим дашь,
И край счастливый будет наш.
Быть может, наш орел двуглавый*

*Пробудит дремлющий народ
И, озарившись новой славой,
Его он к жизни призовет.
Счастлив, кого судьба избрала
Орудьем помыслов благих.
Счастлив, кому она сказала:
«Ступай вперед! Исполни их!»
Свершить веков определенье
Тебе назначено судьбой,
И вот свое благословенье
Пошлет на подвиг трудный твой.
И вся Сибирь из рода в род
Прославит смелый твой поход!
И мы воскликнем все тогда:
«Ура, наш Муравьев! — Ура!»*

ды, поздравил всех с открытием плавания по реке; раздалось восторженное ура, и суда понеслись по гладкой поверхности Амура. Таким образом, после двухсотвекового промежутка времени, патристическими усилиями и настойчивостью Н. Н. Муравьева снова появилась флотилия на водах амурских».

Вместе с разрешением сплава по реке Амуру из С.-Петербурга 4-го февраля 1864 года был послан лист пекинскому трибуналу внешних сношений, в котором излагалось, что отныне по всем делам о разграничении земель разрешены генерал-губернатору сношения прямо от себя. Вследствие этого, для предупреждения китайского правительства о нашем сплаве по реке Амуру, 14-го апреля генерал-губернатор послал первый лист свой в Пекин, с полковником Заборинским; но последнего не пропустили, и этот лист тогда был отправлен через Кяхту, обыкновенным путем. В нем излагалось следующее.

«Вследствие полученных генерал-губернатором повелений, он с надлежащим числом войск плывет на судах по реке Амуру, для подкрепления наших постов в низовьях реки и в наших приморских владениях, и спрашивает, к какому времени и куда именно будут высланы уполномоченные от китайского правительства для определения границ».

Эти факты также весьма знаменательны в истории Приамурского и Приуссурийского краев. Они составляют *второй краеугольный камень, положенный амурской экспедицией в основание к признанию края за Россией*, ибо:

а) Разрешение плавания и самое плавание по реке Амуру генерал-губернатору никак не могло бы последовать, если бы исследованиями, произведенными на транспорте «Байкал» в 1849 году, а вслед затем амурской экспедицией, не был *открыт* путь мореходным судам из Татарского залива, через южный пролив в реку Амур и Охотское море; то есть если бы через эти исследования не были рассеяны вековые заблуждения, принимавшиеся за *непреложную истину*, и не было *фактически* указано, что река Амур составляет действительно *артерию, связывающую Восточную Сибирь с океанами*.

б) Разрешение плавания и само плавание по реке Амуру генерал-губернатору никак не могло бы состояться, если бы амурской экспедиции, в противность ничтожной цели, с которой она была снаряжена в 1850 году, не было дано государственного направления, и если бы, несмотря на ничтожество своих средств, невероятные трудности, опасности и лишения, экспедиция эта не решилась, с поднятием российского военного флага на устье реки Амура, занять это устье и торжественно объявить всем иностранным

судам, подходившим к берегам этого края, что Амурский бассейн и побережья Татарского залива составляют российские владения.

в) Разрешение плавания и само плавание по реке Амуру генерал-губернатору никак не могло бы состояться, если бы амурская экспедиция, при несоответствии данных ей повелений, не открыла бы и не заняла бы военными постами главные пункты Приамурского бассейна; пункты, к которым только и мог генерал-губернатор направляться со своей флотилией по реке Амуру; пункты, из которых и возможно было только подкрепить Петропавловск благоверменно; наконец, пункты, в которых и возможно было только приютить и спасти японскую экспедицию, команды, имущество и суда Петропавловского порта от преследования в несколько крат сильнейшего неприятеля, — притом в минуту, самую для нас критическую.

В то время, когда генерал-губернатора с его спутниками с восторгом провожали из Забайкалья и они с полным комфортом и всеми возможными средствами для безопасного плавания спускались по реке Амуру, я, с невероятными усилиями, через горы, по снегам и воде, верхом на оленях, а большей частью пешком, пробирался из Петровского в Николаевск. Оттуда на байдарке с двумя казаками я проследовал в Мариинский пост, из которого 16-го мая, на той же байдарке и туземной лодке, вместе с г-ном Разградским отправился вверх по реке Амуру далее, с целью лично ознакомиться с путем, по которому должна была следовать с генерал-губернатором наша флотилия. Кроме того, я хотел ознакомиться с устьем реки Хунгари, близ которого следовало поставить наш пост и встретить генерал-губернатора раньше, чтобы лично объяснить ему главную цель занятия нашими постами устьев рек Хунгари и Уссури.

24-го мая я с Разградским прибыл на устье Хунгари. Там о спуске нашей флотилии ничего слышно не было. Осмотрев устье этой реки и саму реку на пространстве около 20 верст и назначив место, где и должен быть поставлен наш пост, 27-го мая я отправился далее вверх по реке Амуру, заготовляя на пути по селениям проводников (лоцманов) из туземцев, для безопасного плавания спускавшимся с генерал-губернатором судам, так как это пространство реки усеяно островами и протоками, делающими, особливо в большую воду, затруднительным и опасным. 4 июня мы достигли селения и архипелага островов Оуля Куру, отстоящего от Мариинского поста около 500 верст. Плавание вниз по реке от этого пункта, без проводников, делается весьма затруднительным, а потому, чтобы слишком не удаляться от Мариинского поста, куда ожида-

Бывший Шилкинский серебряный завод.

Гравюра XIX в.

лось прибытие из Петропавловска наших судов, и наконец, чтобы дать отдых людям, я здесь остановился, чтобы ожидать генерал-губернатора, который, по назначенному им времени прибытия в Мариинский пост, давно уже должен был быть здесь. Вечером, 5-го июня, приплыл ко мне на туземной лодке нарочный из Мариинского поста с уведомлением, что в залив де-Кастри пришли два транспорта из Петропавловска и винтовая шхуна «Восток» из Императорской гавани от адмирала (ныне графа) Ефима Васильевича Путятина, по поручению которого командир шхуны «Восток», капитан-лейтенант Воин Андреевич Римский-Корсаков (бывший впоследствии начальником морского училища) уведомляет меня о разрыве с Западными державами и о том, что у него имеются важные бумаги от адмирала, которые он должен передать мне лично. Вследствие этого я приказал г-ну Разградскому ожидать здесь генерал-губернатора, объяснить ему все распоряжения, какие сделаны для безопасного его следования, и причины моего возвращения. На имя генерал-губернатора я оставил Разградскому письмо, в котором убедительно просил Н. Н. Муравьева оставить посты на устьях рек Усури и Хунгари. Я писал Николаю Николаевичу, что при наступивших военных обстоятельствах такие посты делаются уже крайне необходимыми, как для обеспечения сообщения с Забайкальем, так равно и с Манджурией — местностями, откуда мы при военных обстоятельствах, только и можем продовольст-

вовать наших людей, могущих собраться в Нижнеприамурском крае. Сделав эти распоряжения, утром 6-го июня я на байдарке отправился обратно в Мариинский пост и оттуда 11-го июня прибыл в залив де-Кастри. Здесь были транспорты «Иртыш» и «Двина» и шхуна «Восток», посланные адмиралом Путятиным из Императорской гавани, и транспорт «Байкал», прибывший сюда, согласно сделанному мной в 1853 году распоряжению, с казенным провиантом для амурской экспедиции из Петропавловска. Командир шхуны Римский-Корсаков передал мне требование Е. В. Путятина о снабжении его экспедиции продовольствием и теплой одеждой и донесение Е. В. Путятина генерал-губернатору. В заключение он сообщил мне, что Е. В. Путятин в Японии получил высочайшее повеление отправиться с судами своей эскадры к берегам реки Амура. По получении этого, адмирал весной 1854 года послал из своего отряда корвет «Оливуца» на подкрепление Петропавловского порта, приказал корвету зайти сначала в Императорскую гавань и дать знать о разрыве с Западными державами. Корвет «Оливуца» около 20-го апреля пришел в Императорскую гавань и нашел экипажи зимовавших там судов «Иртыш» и «Николай», после болезни, в самом слабом состоянии, почему от себя и зашедшего туда же в исходе апреля корабля Русско-американской компании «Князь Меншиков» снабдил Константиновский пост недостающими запасами и, улучшив таким образом положение команды поста, направился по назна-

чению. Транспорт же «Иртыш» и корабль «Князь Меншиков», с состоящим при адмирале Е. В. Путятине капитаном 2-го ранга Константином Николаевичем Посьетом¹, послал в залив Анива, на остров Сахалин, в Муравьевский пост, где они и соединились с зашедшим туда же по моему распоряжению транспортом «Байкал» (на пути следования из Петропавловска в залив де-Кастри). Начальник Муравьевского поста Н. В. Буссе, вследствие предложения адмирала Е. В. Путятина, в котором между прочим было сказано: *если оно не противоречит особым распоряжениям вашего начальства* (т. е. моим), — снял Муравьевский пост, и К. Н. Посьет, разместив команду и имущество поста на упомянутые суда, отправился из залива Анива в Императорскую гавань.

Адмирал Ефим Васильевич на пути из Японии в Императорскую гавань, на фрегате «Паллада», заходил в Корею и на южном побережье Приуссурийского края, близ корейской границы, открыл обширную, закрытую от всех ветров, бухту, названную им бухтой капитана Посьета, а далее к северу — бухту Св. Ольги. Таким образом, сведения, полученные нами от туземцев реки Уссури, оправдались. 20-го мая фрегат пришел в Императорскую гавань, в которой и сосредоточились: фрегат «Паллада», транспорт «Иртыш», шхуна «Восток» и корабли Российско-американской компании: «Николай» и «Князь Меншиков». Кроме того, там собрались все команды, снятые с Сахалина, из Муравьевского поста. Адмирал Путятин, находя Константиновскую бухту Императорской гавани весьма удобной для защиты против ожидавшегося сильнейшего неприятеля, немедленно приступил к укреплению этой позиции.

Начальник Константиновского поста Н. К. Бошняк донес мне, что, в продолжение зимы из 12 человек команды поста умерло 2 человека, из 48 человек экипажа транспорта «Иртыш» умерло: 1 офицер и 12 человек нижних чинов; из 26 человек экипажа корабля «Николай» умерло 4 человека; а всего из собравшихся внезапно и случайно в самую глухую осень в Константиновский пост 84 человек от разных скорбных болезней умерло 20 человек. Командир транспорта «Иртыш», лейтенант Петр Федорович Гаврилов, и экипажи как этого транспорта, так и поста, после перенесения страшных лишений и тяжких болезней, находятся еще в изнуренном состоянии, но, слава Богу, оправляются. «Господь Бог один знает, — пишет Бошняк, — чем бы еще могла кончиться эта печальная драма, если бы вы не оставили в Императорской гавани значительного количества муки и крупы и если бы вы по получении сведения о таком

совершенно неожиданном обстоятельстве, сосредоточения здесь 84 человек вместо 12, не прислали бы нам хотя и скудного, но единственно возможного количества необходимых запасов и оленины и если бы корвет «Оливуца» не снабдил нас запасами до прибытия адмирала Е. В. Путятина; прибытие этого корвета оживило нас всех. По случаю болезни командира «Иртыша», П. Ф. Гаврилова, командиром этого транспорта адмирал Е. В. Путятин назначил лейтенанта Н. М. Чихачева».

Через несколько часов по прибытии моем в де-Кастри я получил с нарочным уведомление из Мариинского поста о приходе в оный парохода «Аргунь» и о том, что вслед за ним идет со своей флотилией и генерал-губернатор. Вследствие этого я немедленно из Кастри отправился в Мариинский пост, а оттуда на байдарке проследовал навстречу генерал-губернатору, которого и встретил утром 14-го июня, в 7 верстах от Мариинского поста. При встрече я немедленно донес ему о состоянии амурской и сахалинской экспедиций, о судах, собравшихся в залив де-Кастри и Императорскую гавань, и о требованиях и распоряжениях адмирала Е. В. Путятина.

К полудню 14-го июня 1854 года почти вся флотилия собралась у Мариинского поста. Этот пост состоял тогда из восьми матросов и двух изб, по 3 сажени длины и ширины каждая. Я и все спутники генерал-губернатора, собравшись около него, поздравляли его с благополучным совершением плавания по реке Амуру, после 170-летнего промежутка времени. Н. Н. Муравьев передал мне при этом высочайшую благодарность и с теплым сочувствием выразил и свою глубокую признательность за все действия и распоряжения мои, и сообщил мне таковую же признательность от князя Меншикова и министра внутренних дел Льва Алексеевича Перовского, бывшего постоянно первым заступником оных, как перед государем императором, так и во всех комитетах, назначавшихся по амурскому делу его величеством Николай Николаевич при этом передал мне от Льва Алексеевича браслет для жены моей, разделявшей с нами все лишения и опасности, прося ее принять подарок в знак глубочайшего его к жене моей уважения.

Спуск нашей флотилии с генерал-губернатором по Амуру, от Усть-Стрелки до Мариинского поста, по рассказам спутников Н. Н. Муравьева совершался так.

Вступив в воды реки Амура 18-го мая, флотилия 20-го мая подошла к месту, где 165 лет тому назад существовал Албазинский острог, следы которого еще были видны. Пристав к этому пус-

¹ Впоследствии занимавший пост министра путей сообщения.

тынному холму, священному по преданиям, музыка на флотилии играла «Коль славен наш Господь в Сионе», на всех судах скомандовали на молитву, все встали и сняли шапки. В этом молитвенном приближении к месту древнего обиталища наших соотечественников, уже давно почивших, слышалось благоговейное почтение потомков к историческому пепелищу, драгоценному каждому русскому сердцу. За молитвой следовал народный гимн, при звуках которого все вступили на албазинскую почву. «Что-то родное сказалось сердцу, когда мы вышли на долину, где жили русские люди, где они так долго и храбро отстаивали права своего владения. Первым движением каждого было подняться на остатки албазинского вала и осмотреть его в подробности, и первым взошел на оный Н. Н. Муравьев. За ним мы все преклонили колена праху почивших храбрых и доблестных защитников Албазина».

28-го мая флотилия подошла к манджурскому городу Саха-Хальян-Ула-Хотон (Айгун). Генерал-

губернатор, остановившись на ночлег при устье реки Зеи, послал вперед на лодке чиновников Свербеева и Сычевского, которые передали исправлявшему тогда должность губернатора города Айгуна, *Мейреин-Джангин Хуцумбу*, копию с листа, отправленного в Пекин. Губернатор города Айгуна не получил тогда еще от своего правительства известия о намерении русских плыть по Амуру, а потому и представил невозможность пропуска русской флотилии мимо города. В то время, когда г-да Свербеев и Сычевский отклонялись Мейреин-Джангину, к нему вбежал старик хафан (чиновник), встал на колени и с испугом донес, что по Амуру словно туча, идут русские суда, запрудившие всю реку, что у пристани остановилось большое судно и несколько лодок. После этого двое из высших манджурских чиновников, принятых генерал-губернатором на пароход «Аргунь», желали только, чтобы русская флотилия скорее миновала только город. Затем генерал имел торжественное свидание с губернатором Айгуна на берегу, в особо устроенной палатке.

Кяхта.
Гравюра XIX в.

Гавань Муравьева на Шилке.

Гравюра XIX в.

Продолжая путь далее, флотилия 30-го мая достигла устья реки Бурей, 2-го июня миновала устья реки Сунгари, а 5-го — реки Уссури, где и было получено от меня письмо, отправленное с гольдом еще до вскрытия реки, на имя начальника отряда, который должен спускаться по Амуру¹. После ожидания окончания плавания по неизвестной реке, которая была в то время в таком высоком разливе, что баржа часто проплывала по верхушкам растущего на островах тальника, за который иногда задевал колесами пароход «Аргунь», 9-го июня флотилия находилась в окрестностях деревни Май, около 150 верст ниже устья реки Уссури. За неимением карты Амура, длину реки измеряли по географической карте Азии, и поэтому полагали, что флотилия подходила к озеру Кизи. В этот день внезапно налетел шквал, которым в несколько минут разбросало по берегу и потопило наши суда, так что в этот критический момент флотилия едва не потеряла весь свой груз. Два дня было употреблено для просушки провианта у низменного острова, названного в память празднуемого в этот день святого, островом св. Кирилла. К вечеру 10-го июня замечена была на реке лодка, шедшая под парусом, и в ней морской офицер. Все столпились на берегу около Н. Н. Муравьева и с нетерпением ожидали известия. Еще лодка не успела подойти к берегу, как генерал-губернатор спросил офицера: «Далеко ли до Марининского поста?» Офицер отвечал: «Около

600 верст», что неприятно разочаровало всех ожидавших близкого конца плавания. Офицер этот был мичман Разградский; он донес генерал-губернатору, что я вместе с ним ожидал здесь флотилию и надеялся, согласно уведомлению, встретить ее здесь около исхода мая. Разградский передал от меня письмо, в котором, как выше объяснено, я убедительно просил Н. Н. Муравьева оставить на устьях реки Уссури и Хунгари посты.

«До этого пункта, — говорили мне Н. Н. Муравьев и все его спутники, — мы находили большую часть прибрежных деревень пустыми, жители бежали от страха; но отсюда вступили в страну, как бы давно принадлежавшую России. Навстречу к нам выходили гольды в сопровождении стариков, вроде старост, которые с любопытством на нас смотрели, приносили в изобилии рыбу и выставляли везде проводников (лоцманов), которых до этого времени мы нигде не могли достать. На этом пути явился торгующий манджур со своими приказчиками и, бросившись на колени пред генералом, извинялся, что он производит здесь торговлю без дозволения русских, почему и просил выдать ему на это разрешение. Поэтому, говорили мне спутники Н. Н. Муравьева, нельзя было не удивляться тому огромному влиянию, которое при ничтожных средствах и в столь короткое время приобрела амурская экспедиция не только

¹ Письмо это заключалось в моей просьбе, чтобы начальник отряда оставил там пост.

на инородцев этого края, но и на манджуров. Здесь-то ясно перед нами обнаружилась неосновательность Санкт-Петербургских воззрений и данных оттуда повелений ограничивать действия экспедиции какой-то землей гиляков. Здесь мы оценили всю важность и справедливость вашего донесения, что Нижнеприамурский край по праву должен принадлежать России, а не Китаю».

С прибытием в Мариинский пост, Н. Н. Муравьев объявил мне, что 350 человек, под начальством назначенного помощником губернатора Камчатки и командиром 47-го флотского экипажа, капитана 2-го ранга Арбузова и инженерного поручика Мровинского, должны следовать в залив де-Кастри, а оттуда на транспортах «Иртыш» и «Двина» в Петропавловск. Сотня конных казаков и горная батарея (4 орудия) остаются в Мариинском посту, остальные же 150 человек должны следовать в Николаевский пост. «По Высочайшему повелению, — сказал мне Николай Николаевич, — суда отряда адмирала Путятина: фрегат «Паллада» и шхуна «Восток» должны войти в реку Амур, почему все команды этих судов, а равно и команда Константиновского поста, должны зимовать в Николаевском посту; люди же Муравьевского поста должны на компанейских судах отправиться в Ситху». Таким образом, в наших постах Мариинском и Николаевском, где помещалось только 35 человек, должно было зимовать около 900 человек.

После двухдневного отдыха команды, совершившие такое дальнее и утомительное плавание по реке совершенно неизвестной, приступили: а) к передвижению на пароходе «Аргунь» и гребных судах по озеру Кизи и далее сухопутно в залив де-Кастри отряда г-на Арбузова, для отправления оттуда на транспортах на подкрепление Петропавловска; б) к отправлению людей в Николаевский пост и к приготовлению в оном помещения как для этих людей, так равно и для команды фрегата «Паллада»; в) к приготовлению помещения на зиму для людей, долженствовавших остаться в Мариинском посту.

Глава XXVIII

Донесение Завойко из Петропавловска
о недостатке продовольствия.— Смерть моей дочери
и болезнь жены.— Соглашение Н. Н. Муравьева и Е. В. Путятина
о вводе судов в Амурский лиман.— Путешествие на оленях
из Петровского в Николаевск.— Предположение о неприятеле.—
Неудачный ввод фрегата «Паллада» в лиман.— Фрегат «Паллада»
в Императорской гавани.— Распоряжения мои
о размещении команд.— Генерал-губернатор в Аяне.—
Шхуна «Восток».— Корабль Российско-американской
компаний «Ситха».— Транспорт «Байкал».

Вслед за уходом в де-Кастри отряда Арбузова я вместе с генералом последовал туда же. Н. Н. Муравьев из де-Кастри пошел на шхуне «Восток» в Императорскую гавань, чтобы передать Е. В. Путятину высочайшее повеление и, по соглашению с ним, сделать надлежащее распоряжение. 24-го июня отряд Арбузова на транспортах «Иртыш» и «Двина», с продовольствием на весь путь до Петропавловска, а равно и с провиантом, привезенным на «Байкале», вышел по назначению. Через несколько часов после ухода из де-Кастри этих судов пришел в залив из Петропавловска корвет «Оливуца» с донесением от В. С. Завойко, «что он не в состоянии продовольствовать вновь прибывшую команду, потому что провианта для находившихся в Петропавловске команд и жителей едва только достанет до 1-го ноября, и что ввиду военных обстоятельств, снабжение порта морем на компанейских кругосветных судах (как то делалось) весьма сомнительно, а если суда эти, по какому-либо счастливому случаю, и успеют войти в порт, то и тогда они привезут только годовое продовольствие, рассчитанное на то только число людей, которое ныне находится.

Все вышеизложенные факты весьма знаменательны в истории Приамурского и Приуссурийского краев. Они составляют третий краеугольный камень, положенный амурской экспедицией в основание к признанию этого края за Россией. Эти факты ясно обнаруживают, что оплотом для России на отдаленном ее Востоке никогда не мог быть Петропавловск и что вся сила ее с этой стороны заключалась единственно в этом крае. Но, к несча-

стью, тогда еще не вполне сознавали это последнее, весьма важное обстоятельство, так что и разрешение сплава по реке Амуру было мотивировано, главным образом, тем, чтобы подкрепить Петропавловск, который полагали сделать главным нашим портом на Восточном океане. Я очень сожалел тогда, что на устьях Уссури и Хунгари не были поставлены посты, а также, что мое предложение о мелких постах на Сахалине было отклонено; но в то время все было того мнения, что нам вовсе не надобно идти далее левого берега Амура, что обладание этим берегом и должно составлять конечную цель наших здесь действий, т. е. желали положить границу с Китаем по левому берегу Амура. Таковы были мнения и убеждения лиц, от которых зависело направление наших действий в этом крае. Эти убеждения разделяли тогда и все почти личности, прибывшие с генерал-губернатором, но, как мы увидим ниже, факты весьма скоро обнаружили всю неосновательность такого мнения и всю справедливость постоянных моих представлений о том, что *река Амур составляет только лишь базис наших здесь действий, главная же и конечная цель оных должен быть Уссурийский бассейн, и его побережье.*

Ввиду ввода фрегата «Паллада» в реку Амур, я объяснил генерал-губернатору, что вследствие неприсылки в экспедицию просимых мной надлежащих средств для исследования лимана и обеспечения по оному плавания, война в этом отношении застала нас совершенно врасплох, ибо с ничтожнейшими средствами экспедиции мы после 1849 года едва могли только определить более или менее точное направление лиманских прибрежных фарватеров, по которым фрегат, при осадке 22 футов, пройти не может. Существует, правда, надежда, говорил я генерал-губернатору, отыскать более глубокий фарватер, который, по слухам туземцев, находится в лимане, но, по случаю обширности лимана, усеянного лабиринтом банок и мелей и при неправильных и быстрых течениях, определение одного в короткое время не только затруднительно, но и сомнительно. В случае неудачной попытки к отысканию подобного фарватера, остается одно средство — вести разгруженный фрегат по сахалинскому каналу и через бар северного фарватера, ибо при сизигиях на этом баре глубину можно полагать до 19 футов, но в таком случае необходимо, чтобы не были упущены сизигийные воды в исходе августа и чтобы при проводке фрегата были сосредоточены все наши паровые средства. При всем том, чтобы быть уверенным в возможности провести фрегат этим путем, необходимо прежде всего произвести на шхуне «Восток» исследование бара север-

ного фарватера и самого фарватера. Наконец, во всяком случае, прежде чем вести по лиману фрегат, необходимо, чтобы он был совсем разгружен и чтобы при нем, во время проводки, постоянно находилась шхуна «Восток», а в помощь ей пароход «Аргунь»; особенно необходима шхуна, так как «Аргунь», при сильной толчее и волнении в северной части лимана плавать не может. Вследствие этих объяснений генерал-губернатор, при отправлении своем в Императорскую гавань, и поручил мне ожидать его в Николаевске, дабы оттуда, на шхуне «Восток», идти с ним по северному лиманскому прибрежному каналу и лично хорошенько ознакомиться с каналом и с его баром и тем определить положительно, может ли разгруженный фрегат «Паллада» пройти этот бар в сизигийную августовскую воду. Фрегат приказано было у мыса Лазарева в лимане разгрузить и по разгрузке вести по лиману, имея при нем непременно шхуну «Восток» и пароход «Аргунь».

По уходе из де-Кастри Н. Н. Муравьева, я отправился в Мариинский пост, где ожидало меня тяжело-грустное известие из Петровского: старшая несчастная дочь моя умерла и жена была очень больна. Получив это, я сию же минуту на байдарке отправился в Петровское. Жену застал я едва только оправившейся от этой потери и тяжелой болезни. Тяжело было нам, родителям, видеть могилу нашей малютки на пустынной петровской кошке! Тяжко было испытание это нам, и без того отрезанным пустыней от всего света, но что делать, — эта жертва, тяжкая для нас, родителей, была данью исполнения долга, направленного к благу отечества!

С прибытием в Петровское корабля Русско-американской компании, на нем пришел из Аяна брат жены моей, мичман Николай Иванович Ельчанинов, которого она не видала более шести лет. Это свидание благотворно действовало на жену мою в ее тяжелой горести.

Пробыв трое суток в Петровском, я отправился в Николаевское, чтобы встретить там Н. Н. Муравьева и с ним на шхуне «Восток», осмотреть бар северного фарватера, ибо ввод фрегата «Паллада» в реку более всех меня озабочивал; тем более что при извилистых лиманских каналах и быстрых течениях, ясно было видно, что паровые средства наши весьма были для этого недостаточны.

Между тем Николай Николаевич, условившись с адмиралом Ефимом Васильевичем Путятиным о снятии поста, о вводе фрегата в лиман и о разгрузке одного у мыса Лазарева, отправился обратно в залив де-Кастри, в котором начальником Александровского поста был назначен мной молодой лейтенант Яков Иванович Купреянов (сын адмирала Ивана Антоновича Купреянова), поступивший на службу в экспедицию.

Из де-Кастри шхуна «Восток» с генерал-губернатором пошла в лиман. Корвет «Оливуца» был отправлен в Петропавловск с распоряжением камчатскому губернатору В. С. Завойко: укреплять этот порт и защищаться в оном. Транспорт «Байкал» должен был ожидать у мыса Лазарева фрегат «Паллада». Генерал-губернатор, осмотрев на шхуне «Восток» рейд и местность у мыса Лазарева, пошел по сахалинскому каналу, пытаясь отыскать на этом пути средний канал. Попытка эта оказалась тщетной: сильным течением шхуну прижало к банкам, на которых она и простояла около 20 часов. Это обстоятельство и противные ветры замедлили плавание шхуны, а генерал-губернатор, между тем, спешил отправить через Аян свои донесения. Вследствие этого он отложил свое намерение зайти за мной в Николаевск и направился из лимана прямо в Петровское. Оттуда он дал мне знать, чтобы я немедленно спешил к нему.

Вопрос о том, возможно или нет ввести в реку фрегат «Паллада», таким образом, разрешен еще не был.

Адмирал Путятин, сняв Константиновский пост, 16-го июля с фрегатом «Паллада» пришел к мысу Лазарева. Довольно сильное течение на рейде около этого мыса и отмельный берег не дозволили производить разгрузку фрегата, особенно выгрузку артиллерии. Для последнего было необходимо устроить пристань, а для всех материалов и шкиперских запасов — магазин. Команда фрегата поэтому немедленно приступила к сказанным работам.

В это же время, 18-го июля, пришел в залив де-Кастри 52-пушечный фрегат «Диана», под командой капитана 2-го ранга Степана Степановича Лесовского. Этот фрегат был послан из Кронштадта на смену фрегата «Паллада», который после выдержанного им шторма, по донесению адмирала Путятина, оказался совершенно ненадежным к обратному плаванию из Японии и должен был поэтому быть оставлен в Петропавловске. Таким образом, 20-го июля в лимане у мыса Лазарева соединились оба фрегата.

Между тем генерал-губернатор, придя на шхуне «Восток» в Петровское, 15-го июля отправил на оной в Аян часть своего штаба и курьером в Петербург майора М. С. Корсакова с донесениями о благополучном сплаве и о всех упомянутых своих распоряжениях. В донесении этом относительно действий амурской экспедиции он писал: «Не доходя около 900 верст до устья реки Амура, флотилия вступила в край, как бы давно принадлежащий России. Отважные и решительные действия начальника амурской экспедиции и всех его сотрудников заслуживают полной признательности. Несмотря на лишения,

трудности, опасности и ничтожество средств, при которых действовала эта экспедиция, она в столь короткое время успела подчинить своему влиянию не только дикие племена, здесь обитающие, но даже и самих манджуров, приезжающих сюда для торговли. Она фактически указала нам на важное значение этого края для России и рассеяла все заблуждения, какие до сих пор об этом крае имелись».

20-го июля я вместе с генерал-губернатором и капитаном 2-го ранга Козакевичем из Петровского отправились через горы, верхом на оленях, в Николаевское, куда и прибыли 19-го числа. Шхуне «Восток» из Аяна приказано было возвратиться в Николаевское. Неприятель ни в Татарский залив, ни в Охотское море не показывался; из чего можно было заключить, что все внимание его было обращено на Петропавловск.

В Николаевском в то время было три домика: казарма для 25 человек команды, паггауз и домик для офицера. По прибытии туда людей из Мариинского поста, там начали строить, под наблюдением А. И. Петрова, три флигеля и две большие казармы для помещения как этих людей, так равно и команды фрегата «Паллады» с офицерами. Вокруг поста был дремучий лес и тайга. Генерал-губернатор, осмотрев окрестности этого поста и устья реки Амура, назначил пункты, где должны быть укрепления для защиты устья. 26-го июля от мыса Лазарева на вельботе прибыл в Николаевск адмирал Путятин и, по совещании с Н. Н. Муравьевым, было решено, по снабжении фрегата «Диана» провизией, а главное сухарями, которых почти не было, — адмиралу Путятину следовать на зиму в Японию для окончания переговоров с японцами и затем, ранней весной, возвратиться в лиман к мысу Лазарева. Чтобы изыскать средний и более глубокий фарватер для провода фрегата, 28-го июля я вместе с адмиралом, из Николаевска, на пароходе «Аргунь», пошли в лиман. Исследования наши, однако, оказались тщетными, они обнаружили лишь, что в короткое время и с имевшимися тогда средствами не было возможности сделать промер, который определил бы фарватер по средней части лимана, имевшей ширины до 30 верст. Тогда Е. В. Путятин немедленно послал гребные суда с фрегатов «Паллада» и «Диана» с г-ми офицерами Колокольцовым, Моисеевым и Ворониным, с целью отыскать около южного прибрежного канала заводи, в которой мог бы быть оставлен фрегат «Паллада» на зимовку, и какой глубины можно ожидать в предстоявшие августовские сизигийные воды на бере северного лиманского фарватера, т. е. сделать тщательный промер этого берега. Эти исследования показали, что около южного прибрежного лиманского

фарватера не было такого места, где бы фрегат мог безопасно зимовать. Глубина на баре северного фарватера в малую воду оказалась 12 $\frac{1}{2}$ футов, а так как в сизигии прибывало воды до 7 футов, то можно было к тому времени ожидать 19 футов¹.

По тщательном освидетельствовании корпуса фрегата «Паллада» комиссией, составленной по распоряжению генерал-губернатора и адмирала Путятина, оказалось, что верхний баргоут, особенно у вант путинсов, гнилой, так что болты последних вылезали; несколько бимсов и книц дали трещины и степсы у грот- и фок-мачт сели. Таким образом, фрегат без капитальной тимберовки не мог идти в море. Между тем, по случаю свежих ветров и течения, выгрузка с фрегата в особенности артиллерии, на вновь устроенную пристань, была сопряжена с немалыми затруднениями. Сверх того, она замедлялась еще недостатком людей, так как часть команды была занята постройкой здания для помещения имущества фрегата, казармы для людей, долженствовавших остаться на зимовку, и пекарни для изготовления сухарей для фрегата «Диана»; кроме того, часть команды отделена была для упомянутых исследований и для построек помещения в Николаевске. Наконец, фрегат «Диана» должен был быть всегда готов к бою, ибо с часу на час надобно было ожидать появления неприятеля. По этим причинам фрегат могли только разгрузить к 10-му августа; причем он сел кормой 18 футов 8 дюймов. До 24-го августа, времени полных сизигийных вод, когда имелась надежда провести фрегат через бар северного фарватера, оставалось всего 13 суток. Фрегату без паровой помощи предстояло пройти, по лиманскому, сахалинскому каналу и северному рейду до северного берега, по пути, как мы видели, еще поверхностно исследованному и усеянному банками, при неправильных и часто быстрых течениях от NW и W, т. е. неблагоприятных, более 95 миль. Пароход «Аргунь» не мог быть полезен фрегату в этом случае, ибо на сахалинском фарватере, при обрывистых банках, между которыми он направляется, разводит мгновенно крутое и сильное волнение, которого пароход, по слабости своего скрепления, выдерживать не мог; тем более что машина его после первой качки портилась. Единственное, более надежное, паровое судно, которое могло бы быть полезно фрегату при следовании его по сахалинскому каналу, и в особенности при переходе через бар северного фарватера, была 40-сильная шхуна «Восток», но она должна была в то время идти с генерал-губернатором в Аян, так

как других судов тогда у нас не было. Итак, надежда ввести фрегат «Паллада» в реку Амур, кроме благоприятных обстоятельств, обуславливалась главным тем, что шхуна «Восток» непременно была у фрегата «Паллада» не позже 20-го августа.

Ввиду всех вышеупомянутых обстоятельств, генерал-губернатор должен был спешить с оставшимся у него штабом отправиться на шхуне «Восток» в Аян, с тем чтобы возвратить ее немедленно к фрегату «Паллада».

Между тем, в бытность генерал-губернатора в Николаевском посту, он получил ответ на посланный им перед отправлением по Амуру лист пекинскому трибуналу о разграничении земель. Ответ этот заключался в письме от цицикорского и горинского генерал-губернатора Гусайцы-Фуяннга, которым уведомлялось, что он, по указу богдыхана, назначен для рассмотрения и разграничения мест, сопредельных с Россией, и что по этому случаю он отправился в лодках из города Сензина по реке Сунгари-Ула, но, узнав, что генерал проплыл по Амуру, он остановился в деревне Мылки, откуда и отправляет своих чиновников: Тейхен, Башкан, Дилан и Саген с товарищами, для извещения генерала о таком указе богдыхана; а сам, по прибытии русских чиновников, отправится осматривать пограничные места. На это было отвечено, что теперь война, и чиновников выслано не будет.

10-го августа Н. Н. Муравьев с остальным своим штабом пошел на шхуне «Восток» из Петровского в Аян, предполагая непременно отправить ее оттуда немедленно к фрегату «Паллада», так чтобы ранее 20-го августа она могла быть у фрегата. Отправляясь в Аян, Николай Николаевич дал мне и командиру фрегата «Паллада», флигель-адъютанту И. С. Унковскому приказание, сущность которых заключалась в следующем.

«Николаевский пост должен быть главным нашим здесь пунктом, а потому из Петровского перевести в этот пункт все запасы, материалы и часть команды. Пароход «Аргунь» и шхуна «Восток» должны находиться в распоряжении командира фрегата «Паллада», Унковского, для содействия к проводке им этого фрегата сахалинским и северным фарватерами в реку Амур. При размещении команды фрегата «Паллада» на зимовку в Николаевске, приступить к исправлению фрегата и к заготовлению леса для постройки предполагаемых батарей на мысах Куегда, Мео и Чнар-Рах. Если в продолжение настоящей навигации нельзя будет перевезти с мыса Лазарева в Николаевск артиллерию, снаряды, порох и имущество с фрегата «Паллада», то с открытием на-

¹ В верхней части лимана, по нашим наблюдениям, вода прибывает до 5 футов, а в сизигии — до 7 футов.

вигации 1855 года немедленно и наипервое приступить к этому, а равно приступить и к постройке батарей на упомянутых выше мысах. При вводе фрегата в реку Амур, командира фрегата Унковского с некоторыми офицерами отправить в Аян, а старшего по нем капитан-лейтенанта И. И. Бутакова, при надлежащем числе офицеров, оставить в Николаевске, в амурской экспедиции, для заведования фрегатом и командой. Как офицерам, так и команде фрегата, производить морское довольствие по штату экспедиции. Если по какому-либо случаю г-н Унковский не успеет ныне ввести в реку фрегат «Паллада» и оставит его на зимовку в лимане, то с открытием навигации 1855 года наипервое ввести фрегат в реку Амур. И наконец: конным казакам содержать зимой сообщение между Мариинским и Николаевским постами.

Господину Унковскому предписывалось: по совершенной разгрузке фрегата, не упуская удобного времени, — полных сизигийных августовских вод, стараться ввести фрегат «Паллада» по сахалинскому и северному фарватерам в реку Амур. В случае, если бы по каким-либо причинам он не успел ныне ввести его в реку, то оставить его на зимовку в лимане, оградив сваями.

22-го августа я получил в Петровском уведомление, что машина парохода «Аргунь» испортилась и что фрегат «Паллада», как по этому случаю, так и по весьма неблагоприятным обстоятельствам, не вступил еще и на сахалинский фарватер. Итак, надежда провести фрегат через бар северного фарватера, пользуясь августовскими сизигийными водами (т. е. до равноденствия), рушилась; оставалось, следовательно, провести его через этот бар в сизигийную полную воду, в начале сентября; но для успеха предприятия необходимо было, чтобы при нем была непременно шхуна «Восток» и чтобы фрегат до наступления свежих равноденственных ветров достиг северного лиманского рейда, на котором он единственно и мог надежно отстаиваться, в ожидании благоприятных обстоятельств. Стоянка на сахалинском фарватере, особенно в северной части его, при дующих здесь обыкновенно в равноденствие крепких, до степени шторма, северных ветрах и при сильных течениях и сулоях в узкости между банками, была бы весьма опасна.

До 26-го августа я ожидал в Петровском возвращения из Аяна шхуны «Восток», но ожидания мои были тщетны, и этого числа, я с женой и малюткой, на катере и вельботе, со всем нашим имуществом отправился по заливу и лиману

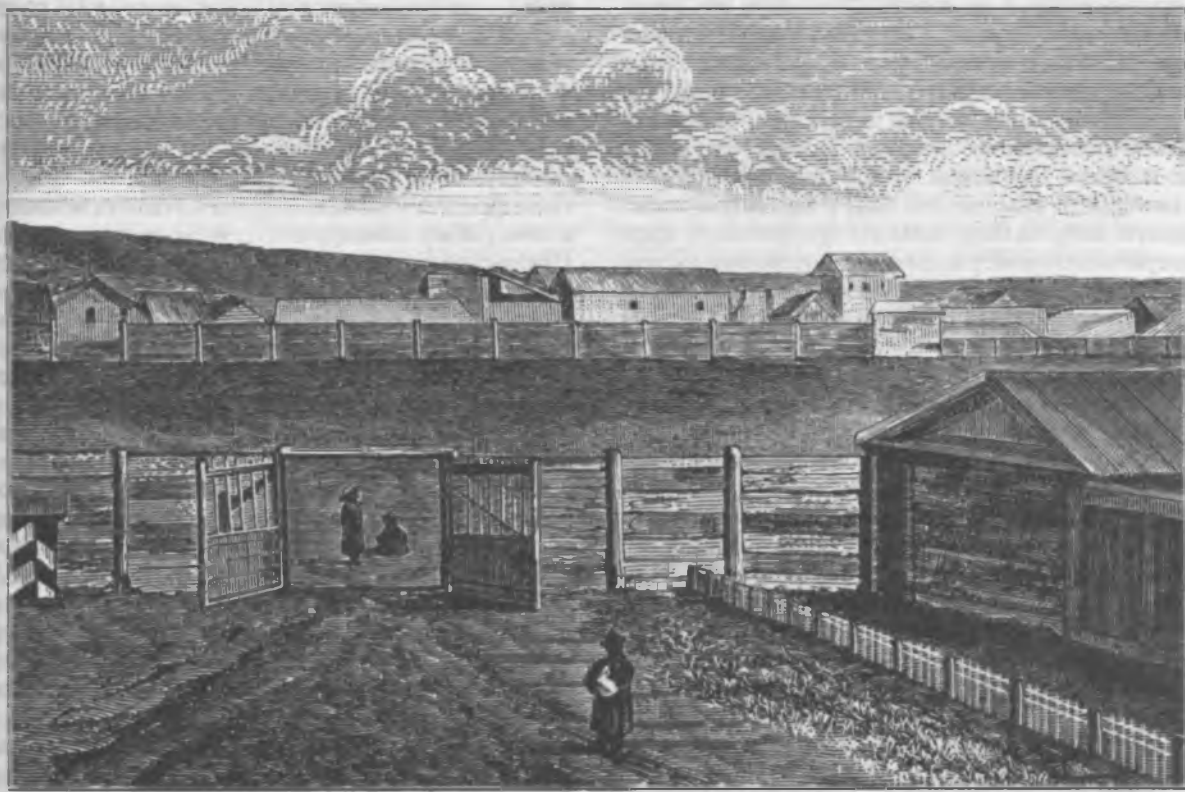
в Николаевское, оставив Д. И. Орлову в Петровском следующие распоряжения: «По прибытии на петровский рейд шхуны «Восток», отправить ее немедленно в сахалинский канал, к фрегату «Паллада». Ожидаемые на компанейских судах из Аяна товары и запасы выгружать и отправлять в Николаевский пост».

На пути следования нашего из Петровского в Николаевское, 28-го августа, в лимане, у мыса Пуир, внезапно засвежившим до степени шторма ветром от N, катер со всеми нами выбросило на берег, так что мы двое суток должны были провести в гилякской юрте в селении Пуир, и только к вечеру 1-го сентября добрались до Николаевска. К этому времени пароход «Аргунь» успел исправить свои повреждения в машине, а потому утром, 2-го сентября, я и отправился на нем к фрегату «Паллада». К вечеру 4-го сентября мы подошли к фрегату, который в это время, несмотря на всевозможные неблагоприятные обстоятельства, одними своими средствами, без всякой паровой помощи, успел пройти самую трудную и опасную часть сахалинского фарватера¹, так что до бара северного фарватера оставалось ему не более 35 миль, т. е. пространство, которое, при сколько-нибудь благоприятных обстоятельствах, он мог бы пройти в один и много два дня, а на северном рейде у бара ожидать сизигийной полной воды. Этот бар имел длины всего около $\frac{3}{4}$ мили; за ним шел северный прибрежный фарватер, на котором глубина при малой воде оказалась от $3\frac{1}{2}$ до 5 сажен, а в реке от мыса Тебах до Николаевского поста от 6 до 15 сажен.

Рано утром 5-го сентября подул от S тихий ветер и фрегат, имея впереди под парусами шлюпки, ограждавшие банки фарватера, шел за ними к N по глубинам от 5 до 8 сажен со скоростью $3\frac{1}{2}$ узлов. Имея в виду, что при таких благоприятных обстоятельствах фрегат скоро достигнет северного рейда, я, чтобы запастись дровами на ближайшем берегу, отправился на пароходе на мыс Уса, имея намерение сколь возможно поспешнее выйти к фрегату на северный рейд. С помощью парохода и с часу на час ожидавшейся шхуны «Восток», провести фрегат через бар и обеспечить, таким образом, вход его в реку Амур было бы весьма легко, тем более что глубина его на северном баре в полную воду достигала до 19 футов, фрегат же сидел на 18.

Таким образом, если бы во время перехода южной части лимана при фрегате имелись паровые средства, т. е. шхуна «Восток» и пароход «Аргунь», то он уже стоял бы на северном лимане

¹ Эта часть сахалинского фарватера, именно та, у которой течение из реки встречается с течениями из Татарского залива и Охотского моря и намывает банки; фарватер извивается между ними.

Русская граница с Китаем.
Гравюра XIX в.

ском рейде, а как этот рейд довольно закрыт, то стоянка его была бы спокойная, тогда как по всему сахалинскому каналу, особенно при северо-западных и северо-восточных ветрах, стоять на якоре было небезопасно.

В ночь с 5-го по 6-е число «Аргунь» встал на якорь у мыса Уса на 12-футовой глубине; был штиль, но после полуночи начал задуть ветер от NW и к 3 часам утра скрепчал и превратился в шторм. Пароход «Аргунь» под парами и на двух якорях едва мог отстаиваться; каждую минуту мы ожидали, что у нас лопнут канаты и пароход зыбросит на подветренный берег, находившийся от нас в одной миле.

Шторм продолжался до вечера 8-го сентября, когда ветер вдруг переменился, задул от S и начал стихать. Пароход имел серьезные повреждения в машине, что и понудило меня, пользуясь S ветром, 9-го числа вступить под паруса и следовать для исправления в Николаевск; мы едва догащились до него к ночи 10-го сентября. Между тем, 5-го сентября пришел из Петровского в Николаевск катер с различными запасами. Д. И. Орлов прислал мне с ним известие, что 2-го сентября пришел из Аяна на Петровский рейд корабль

Российско-американской компании с различными товарами и запасами, к выгрузке которых он и приступил; что шхуну «Восток» генерал-губернатор послал из Аяна на Камчатку с важными распоряжениями, с почтой и чиновниками, и наконец, что компанейский корабль будет ожидать моих распоряжений.

Озабочиваясь положением фрегата «Паллада», по прибытии в Николаевск, я немедленно послал в лиман, к северному рейду шлюпку, а к югу паровой катер «Надежда», и 14 сентября с паровым катером получил уведомление от командира фрегата «Паллада», что при жестоком шторме от NNO он едва мог отстояться на двух якорях в северной части сахалинского фарватера и что баркас его и два катера затопило. Не имея, таким образом, средств продолжать путь далее, он возвращается к мысу Лазарева в распоряжение адмирала Путятина. Итак, несмотря на все энергические меры, принятые адмиралом, командиром фрегата, офицерами оного и вполне молодецкой и опытной его командой, по вышеизложенным причинам, а главное по неимению при фрегате единственного нашего парового двигателя — шхуны «Восток», ввести фрегат в реку,

в эту навигацию, не успели. Оставлять его зимовать в лимане было опасно, ибо осенним и весенним ледоходом, при котором здесь бывают обыкновенно свежие ветры и быстрые течения, фрегат мог быть прорезан, или выброшен на балку. По тем же причинам небезопасно было оставлять его в заливе де-Кастри. Между тем, по вскрытии и очищении лимана ото льда в весеннюю сизигийную воду, на бере южного прибрежного фарватера часто бывает воды до 19 футов; это обстоятельство давало надежду ранней весной ввести фрегат в реку этим кратчайшим и более других безопасным путем.

На морских картах того времени на всем берегу Татарского залива не показано ни одной гавани. Весь берег означался сплошным скалистым и неприступным, а Сахалин соединенным с материком песчаным перешейком, т. е. вход в лиман с юга показывался невозможным; все же сделанные нами открытия, а равно и составленные нами новые карты, хранились в тайне. Поэтому надобно было предполагать, что все внимание неприятеля, в видах уничтожения наших военных судов, к чему главное он и стремился¹, будет обращено на Петропавловск, как на единственный пункт, где, по его мнению, только и могли скрыться наши суда. Справедливость такого нашего заключения подтвердилась тем обстоятельством, что в продолжение всей навигации 1854 года неприятельских крейсеров не являлось ни в Охотском море, ни в Татарском заливе.

Вследствие вышеупомянутых соображений, адмирал Путятин и решился отвести фрегат «Паллада» на зимовку в Императорскую гавань, располагая самой ранней весной 1855 года привести его обратно к мысу Лазарева, так чтобы, пользуясь первой сизигийной большой водой, ввести его в реку Амур южным прибрежным фарватером. Получив сведения о таковом решении адмирала относительно фрегата и имея в виду отправить в Аян командира фрегата, Унковского, с некоторыми офицерами, я предложил капитан-лейтенанту Фуругельму, заведовавшему тогда торговыми делами Российско-американской компании на устье Амура, задержать на Петровском рейде компанейский корабль, на котором бы могли отправиться г-н Унковский и офицеры. Вместе с этим я предоставил г-ну Фуругельму все имевшиеся у меня перевозные средства, дабы как возможно скорее могли быть доставлены из Петровского в Николаевск различные продовольст-

венные на компанейском корабле из Аяна². Между тем из Николаевска на гребных судах фрегата «Диана» перевозили к мысу Лазарева ржаную муку и различные продовольственные запасы, какие только возможно было уделить нам для фрегата, и на мысе Лазарева, во вновь устроенной пекарне заготавливали для фрегата сухари. С прибытием фрегата «Паллада», отсюда начали отправлять в Николаевск команду его со всем ее имуществом. Начальство над ней поручено было капитан-лейтенанту Бутакову, с которым были оставлены лейтенанты Бирюлев, Шварц и мичман Иванов, поручик Попов, прапорщик Кузнецов и артиллерийский поручик Антипенко. Все эти операции, при неимении паровых средств, были сопряжены с большими затруднениями и совершались под непосредственным наблюдением и ведением командира фрегата «Диана», капитана 2-го ранга С. С. Лесовского. Благодаря энергии и деятельности Степана Степановича, к 22 сентября фрегат «Диана» был готов к плаванию, и команда фрегата «Паллада» в числе 380 человек (кроме 10 оставленных при артиллерии на мысе Лазарева) прибыла в Николаевск «Диана», имея на буксире под фальшивым вооружением остов фрегата «Паллада», 24 сентября направилась из лимана к югу.

О перевозке артиллерии и имущества, оставленного на мысе Лазарева с фрегата «Паллада», по позднему времени года и по неимению надлежащих средств, и думать было нечего. Все средства и внимание наше надобно было обратить на самое важное и необходимое: а) на доставление из Петровского в Николаевск различных запасов, товаров и материалов, которые привезены были к нам для спасения из Аяна; б) на скорое и сколько возможно удобное устройство зданий для помещения огромного количества людей, собравшихся в Николаевске на зимовку; в) на обеспечение этих людей продовольствием, отчего, главным образом, зависело сохранение их здоровья; г) необходимо было как возможно скорее переправить г-на Унковского с офицерами в Петровское, дабы не задерживать компанейский корабль, который должен был, доставив их в Аян, возвратиться благовременно в колонии. На все эти обстоятельства и были обращены все наши средства и внимание.

Между тем генерал-губернатор, по прибытии из Петровского в Аян, на шхуне «Восток», 13 августа отправил из Аяна в Большерецк на корабле Русско-американской компании «Ситха» неко-

¹ Неприятель знал, что у нас имеются фрегаты «Паллада», «Диана», «Аврора» и корвет «Оливула» и что при крейсерстве этих судов в океане они могут нанести его торговле и колониям большой ущерб. Это обстоятельство порождало страшную панику, ибо ловить в океане почти невозможно. Ввиду этого-то, боясь за свою торговлю и колонии, англо-французы и собрали здесь сильную эскадру, дабы уничтожить наши суда, а главное, не позволять нам выйти в море. Такова была главная их цель.

² Из Аяна в это время старались отправлять все на Амур, как в место, единственно безопасное от нападения неприятеля.

торых чиновников и часть почты. Корабль этот, вместо Большерецка, пошел в Петропавловск и, при входе в Авачинскую губу, был взят неприятелем. Оттого то и случилось, что Николай Николаевич послал из Аяна 17-го августа шхуну «Восток», вместо Петровского, в Петропавловск. Шхуна эта, 26-го августа, при входе в Авачинскую губу, случайно встретила бот № 1 под начальством боцмана Новограбленного, который и дал знать на шхуну, что у Петропавловска стоит неприятельская эскадра. Шхуна сейчас же пошла обратно к югу. Проходя Курильскую гряду, у нее оказалась течь и повреждение в машине; для исправления этих повреждений она зашла в бухту на острове Парамушир, где и встретилась с транспортом «Байкал», направлявшимся из Аяна в Большерецк. Она передала ему все бумаги, посланные на ней генерал-губернатором, с приказанием немедленно отправить их из Большерецка берегом в Петропавловск и с тем, чтобы с этим же посланным дали знать из Петропавловска в Большерецк о результатах нападения на этот порт неприятеля.

По исправлении повреждений, шхуна «Восток» с Курильских островов, 26-го сентября, пришла в Большерецк 6-го октября командир шхуны, капитан-лейтенант В. А. Римский-Корсаков получил из Петропавловска известие, что при содействии прибывшего в Петропавловск фрегата «Аврора», неприятель, нападавший на этот порт, был блистательно отражен и с большой потерей в своих командах удалился из Авачинской губы. С этим известием шхуна «Восток» из Большерецка пошла в Николаевск, но по случаю свежих противных ветров и позднего времени года, в лиман войти не могла, и принуждена была укрыться в Петровском заливе, где и осталась на зимовку.

Воин Андреевич Римский-Корсаков, донося мне о своем плавании и о победе, одержанной в Петропавловске над неприятелем, в заключение сообщил, что по сведениям, полученным в Большерецке из Петропавловска, этот порт, в случае продолжения военных действий в предстоящую навигацию, совершенно не обеспечен продовольствием, которого в Петропавловске, по числу зимующих ныне в нем людей, не более как на 10 месяцев. и то благодаря совершенно неожиданной случайности, именно, что суда Российско-американской компании с провиантом пришли в Петропавловск тремя днями ранее неприятеля и поэтому не сделались его добычей, подобно кораблю «Ситха».

Получив это донесение, я, 22-го октября, при собрании всех команд, помолился Всевышнему Творцу и объяснил командам о блистательной победе, одержанной их доблестными товарищами в Петропавловске. Затем мы заложили на мысе Кугеда батарею и первое на реке Амуре судно: шхуну-баржу «Лиман» (прозванную «Бабушкой») для перевоза артиллерии с мыса Лазарева.

Глава XXIX

Соображения мои о положении Петропавловска.—
Мое производство в контр-адмиралы.—
Уведомление от Синицына из Императорской гавани.—
Цель англо-французов в Восточном океане.—
Взятие в плен Мусина-Пушкина.— Шхуна «Хеда».—
Спуск генерал-губернатора по Амуру
и прибытие его в Мариинский пост.—
Закрытие амурской экспедиции.

ак ни блестящи были подвиги защитников Петропавловска, но по недостатку продовольствия в случае войны, положение их на Камчатке представлялось безвыходным. Это обстоятельство ясно указывало на необходимость оставить Петропавловск и сосредоточить все в Николаевске или вообще на реке Амуре, о чем я неоднократно говорил и прежде, но чему, к несчастью, тогда не верили. Спасение храбрых и доблестных защитников Петропавловска, судов и всего имущества порта, в случае продолжения военных действий и в 1855 году, представлялось возможным лишь только тогда, если они самой ранней весной уйдут из Петропавловска и, несмотря на вероятную бдительность неприятеля, успеют войти в лиман реки Амура. Имея в виду это обстоятельство, с первой же почтой, отправленной из Николаевска 26-го октября, я писал генерал-губернатору: «Осмеливаюсь доложить вашему превосходительству, что в случае продолжения войны и в 1855 году, скорое сосредоточение в Николаевске всего, что находится ныне в Петропавловске и Японии, должно, по моему мнению, составлять единственную и главную нашу заботу, ибо если мы благовременно это сделаем, то неприятель, в каких бы то превосходных силах здесь ни появился, нам никакого вреда сделать не может, потому что банки лимана, полная для него неизвестность здешнего моря, удаление его от сколько-нибудь цивилизованных портов не на одну тысячу миль, лесистые, гористые и бездорожные, пустынные прибрежья Приамурского края составляют крепости, непроборимые для самого сильного врага, пришедшего с моря. Появление его сюда послужит нам не во вред, а в пользу, ибо, блокируя берега Татарского залива, он этим фактически признает их российскими. При сосредоточении в Николаевске судов, людей и всего иму-

щества Петропавловского порта, единственный неприятель для них, с которым неминуемо придется бороться, — это мороз и пустыня, но чтобы победить его, необходимо, чтобы все силы наши были обращены на благовременное устройство просторных помещений и на полное обеспечение из Забайкалья по реке Амуру сосредоточенных здесь людей хорошим и в избытке продовольствием, медикаментами и необходимой здесь теплой одеждой. Каждый прибывший сюда человек без совершенно полного довольствия пищей и одеждой и без строительных материалов (кроме леса, разумеется) и инструментов будет нас здесь не усиливать, а только ослаблять и обременять, распространяя болезни и смертность; поэтому не следует присылать сюда людей без полного обеспечения всем вышеупомянутым. Здесь, в настоящее время, каждый солдат, прежде всего должен был быть плотником; самое для него необходимое: топор, теплая одежда и полное во всех отношениях продовольствие. С этими только средствами он может бороться и выйти победителем неминуемого и лютого здесь врага — мороза и различных в пустынном крае климатических и других условий, вредно действующих на здоровье людей и порождающих различные болезни и смертность. Победивши этого врага, внешний враг, пришедший с моря, для нас будет здесь уже ничтожен, ибо, прежде чем он доберется до нас, ему придется встретиться с негостеприимным и богатым банками лиманом, в котором он или разобьется, или же очутится в совершенно безвыходном положении. Он не решится также бесполезно терять своих людей высадкой десантов на пустынные, лесистые, гористые и бездорожные берега Приамурского края, и, таким образом, война здесь будет кончена со славой, хотя и без порохового дыма и свиста пуль и ядер, — со славой, потому что она нанесет огромный вред неприятелю без всякой с нашей стороны потери: неприятель будет всегда в страхе, дабы суда наши не пробрались отсюда в океан для уничтожения его торговли, и через это он вынужденным найдется блокировать берега Татарского залива и южной части Охотского моря, для чего необходимо сосредоточить здесь большое количество военных судов, что сопряжено с весьма значительными расходами; между тем как нам он всем этим принесет огромную пользу, так как блокируя побережья, а следовательно, и весь Приамурский и Приуссурийский края, он тем самым фактически признает их русскими». В заключение этого письма, я выразил надежду, что мне будет дано знать благовременно о решении, какое будет принято относительно Петропавлов-

ска, ибо в противном случае, я буду поставлен в большое затруднение и не буду иметь возможности принять надлежащие благовременные меры.

Излагая такое мнение Николаю Николаевичу, я знал, что оно было совершенно противоположно тем видам на Петропавловск и тем мерам, которые были приняты для того, чтобы сделать из него главный наш порт на Восточном океане. Я знал, что для его защиты еще в 1852 и 1853 годах туда была отправлена артиллерия, снаряды и прочее, но тем не менее я надеялся, что на мое письмо, по важности его содержания, генерал-губернатор обратит свое внимание и вскоре пришлет ответ, а потому, после окончания построек для размещения всех собравшихся здесь команд и чинов и различных необходимых работ для предстоявшей навигации, начал заготавливать лес для построек в Николаевске, на случай внезапного увеличения команды в оном. Сверх этого, я имел в виду еще то обстоятельство, что вход в лиман с юга возможен только в первых числах мая, ибо южная часть лимана иногда бывает совершенно чиста к 5-му или 6-му мая, а иногда она бывает затерта льдами до 15-го числа. Это зависело от господствовавших в начале мая ветров: если ветер южный, то южная часть лимана была чиста ото льда в самом начале мая, и наоборот: если ветер северный, то лед стоял там до 15-го числа. На фарватере между южной частью лимана и заливом де-Кастри, единственным на тогдашних картах пунктом, где суда могли спокойно становиться на якорь, находятся банки, между которыми, без подробной карты, идти весьма затруднительно. За ними же, или за так называемым мною баром южного общего фарватера, суда могут стоять совершенно спокойно. По рассказам туземцев, от мыса Екатерины идет довольно торная тропинка к реке Амуру, в селение Алом, лежащее около 80 верст от Николаевска. Выше изложенные обстоятельства были весьма важны в случае преследования наших судов сильнейшим неприятелем; фрегаты наши, собравшиеся в залив де-Кастри для ожидания возможности входа в лиман, как местности известной неприятелю, будут небезопасны от его нападения, между тем как находясь у мыса Екатерины, плавание к которому без подробной карты затруднительно и совершенно неизвестно неприятелю, они будут более безопасны от его нападения. Сверх этого, при каких-либо несчастных обстоятельствах, от мыса Екатерины можно достигнуть реки Амура берегом. По этим причинам, в случае преследования нашей эскадры сильнейшим неприятелем, она у мыса Екатерины гораздо безопаснее может выжидать возможности войти в Амурский лиман. По этим-то причинам мне

и необходимо было заблаговременно знать, будет или нет переводиться в Николаевск Петропавловский порт, дабы иметь возможность дать знать об этом начальнику, следовавшему из Петропавловска с судами и имуществом порта. Я был уверен (чего иначе, кажется, и быть не могло), что в случае перевода Петропавловского порта в Николаевск меня, как главноначальствующее в крае лицо, не оставят благовременным уведомлением; но, как мы увидим далее, этого не последовало, а потому я и должен был предполагать, что упомянутое мнение мое оставлено без внимания и что после победы, одержанной в Петропавловске, решились оставить этот порт там. Поэтому с открытием навигации 1855 года, я ожидал только в Амурский лиман фрегаты «Диана» и «Паллада» с Е. В. Путятиним, которому путь к лиману был хорошо известен. Ввиду ввода фрегата «Паллада» в реку Амур и сколь возможно скорого перевоза с мыса Лазарева артиллерии и имущества фрегата, мы старались, чтобы к открытию навигации были готовы строящаяся баржа-шхуна «Лиман», гребные суда и пароход «Аргунь», который требовал немалых исправлений. Сверх того, я поручил командиру шхуны «Восток», Римскому-Корсакову, по льду осмотреть и определить бар северного фарватера, и с первой возможностью, с открытием навигации, спешить из Петровска в лиман, для содействия вводу фрегата. Вместе с тем, мы по льду же определили бар и направление южного лиманского прибрежного фарватера, имея в виду, чтобы при первой весенней сизигийной полной воде, с помощью парохода «Аргунь» и шхуны «Восток», ввести фрегат «Паллада» в реку Амур этим путем.

В январе 1855 года пришла к нам первая зимняя почта, и с ней я получил высочайший приказ о производстве меня, 26-го августа 1854 года, в контр-адмиралы. Генерал-губернатор, поздравляя меня с этим, писал, что государь император остался чрезвычайно доволен всеми моими предыдущими действиями и находит их решительными, благородными и патриотическими. В заключение Николай Николаевич писал, что он надеется, что фрегат «Паллада» весной будет введен в реку Амур, и с этим изъявил мне неудовольствие, почему фрегат не оставили зимовать в лимане, как он предписывал г-ну Унковскому. Вслед за этим я получил также уведомление от боцмана Синицына, из Императорской гавани, что фрегат «Паллада», с 10 матросами, оставлен на его попечение, на зимовку в этой гавани, что на фрегате находится порох и к нему проведен стопин. Боцман имел от адмирала Путятина приказание, если по какому-либо случаю, прежде его прихода в Императорскую гавань, явится в оную неприятель, то фрегат немедленно взорвать на

воздух, а самим удалиться в лес. «Провизии и одежды, писал боцман, оставлено было в полном изобилии, все люди совершенно здоровы, но фрегат, по случаю гнилости, имеет значительную течь, так что до заморозков не отходили от помпы».

В начале марта прибыли две почты, и с ними мы получили русские и иностранные газеты, из которых увидели, что отбитием нападения англо-французов на Петропавловский порт, общественное мнение в Англии и Франции сильно заговорило о нанесении им этим поражением оскорбления, и требовало, чтобы обе эти державы приняли энергические меры для уничтожения Петропавловска, а главное — наших судов, находящихся в Восточном океане. Это обстоятельство, а равно и соображение относительно напрасного уничтожения фрегата «Паллада», побудило меня сейчас же послать в Императорскую гавань прапорщика штурманов Кузнецова, приказав ему следовать через Мариинский пост. По прибытии в эту гавань, иметь в виду: а) чтобы стопины, проведенные с фрегата «Паллада», были всегда в исправности, так чтобы фрегат немедленно мог быть взорван; б) с открытием навигации, на входном мысе в гавань, постоянно иметь пост и бдительно следить за всеми судами, идущими с моря; в) предварительно осмотреть место, куда удобнее отступить команде, в случае прихода в гавань неприятеля, и в этом месте иметь постоянно сухарей и другой провизии, по крайней мере, на два месяца; г) в случае прихода неприятеля в Императорскую гавань, немедленно взорвать фрегат, зажечь все строения и отступить в избранное место; д) по приходе в Императорскую гавань адмирала Путятина или кого-либо из наших военных судов, предъявить эти мои приказания; е) при всяком удобном случае с надежными туземцами или через наши суда, доносить мне подробно, и иметь в виду, что ранней весной, согласно распоряжению адмирала Путятина, фрегат «Паллада» должен быть приведен в Амурский лиман.

С последней почтой, отправленной зимним путем, 12-го апреля 1855 года, донося генерал-губернатору о состоянии экспедиции, в частном письме ему я писал: «Фрегат «Паллада» не вошел в реку по случаю неприбытия благовременно шхуны «Восток» и по другим неблагоприятным обстоятельствам; оставить его на зимовку в лимане было опасно, потому, во-первых, что он мог быть уничтожен льдами, а во-вторых, я не имел на это ни права, ни средств, что должно быть известно и вашему превосходительству. Не получив до сих пор никакого уведомления относительно изложенного в прошлом письме моего мнения о переносе сюда Петропавловского порта, я остаюсь уверенным, что этого не последует, а потому ныне принимаются меры толь-

Типы тунгусов.
Гравюра XIX в.

ко лишь к тому, чтобы скорее ввести в реку ожидаемый сюда фрегат «Паллада», и перевезти сюда все, что оставлено с фрегата на мысе Лазарева».

Положение наше в Нижнеприамурском крае в зиму с 1854 на 1855 год было таково:

Несмотря на ничтожество средств, при энергической деятельности г-д офицеров и команд, работы шли быстро: мы успели благовременно выстроить две большие казармы для помещения в одной из них походной церкви, снятой с фрегата «Паллада», лазарета, швальни и команды фрегата, а в другой — чинов амурской экспедиции. Кроме того, мы выстроили три офицерских флигеля, для помещения офицеров и священника, флигель для гауптвахты, казначейства и канцелярии, магазины, кузницу, мастерскую и флигель для инженера; эллинг, на котором строилась шхуна «Лиман», и сарай для починки гребных судов. Затем были выстроены 12 чистых доми-

ков для женатых чинов, магазин и помещение для приказчиков и товаров Русско-американской компании. Все необходимые товары и запасы из Петровского, доставленные туда из Аяна на кораблях Русско-американской компании, мы перевезли в Николаевск и приняли меры, чтобы инородцы доставляли нам свежую рыбу и дичь, а тунгусы — оленину. В Николаевске собралось всех зимующих 820 человек. В Петровском зимовала команда шхуны «Восток» и 15 человек, оставленных для караула и для содержания поста; всего до 80 человек. В Мариинском — сотня конных казаков и батарея горной артиллерии — всего 150 человек. Таким образом, всех людей в экспедиции было 1 050 человек, а в зиму с 1853 на 1854 год помещение было только на 70 человек. Но несмотря на все это, зимовка прошла благополучно: команды были веселы и бодры. Прибытие офицеров¹ и команды фрегата «Пал-

¹ Офицеры эти были: заведовавший командой фрегата, капитан-лейтенант И. И. Бутаков, лейтенанты Шварц и Бирюлев, мичман Иванов; из корпуса штурманов: Попов и Кузнецов, командир бота «Кадьяк» Шарыпов, командир шхуны «Восток» Римский-Корсаков; мичманы: Анжу, Ельчанинов и механик поручик Зарубин.

лада» и шхуны «Восток» оживило нас, жителей Николаевска, привыкших к пустынной жизни в Петровском. Николаевск принял вид как бы города, хотя по улицам его торчали пни и кореня. Сильные ветры с метелями (пурга, по-сибирски) заносили весьма часто не только улицы, но и строения и, останавливая работы, затрудняли даже сообщение между строениями. Несмотря на все это, наше общество не скучало: пошли домашние театры, маскарады и танцы, фейерверки и иллюминации, катанье на собаках и пикники в Петровское. Для развлечения команды устраивались горы, пляски и тому подобное. Все и всех оживляли единственные тогда дамы: жена моя и Е. О. Бачманова; они были душой развлечений, столь необходимых в такой пустыне, отрезанной от всего цивилизованного мира. Туземцы с нами освоились: завелись постоянные базары, рыбы и дичи доставлялось туземцами достаточно и с охотой; в предметах же необходимых для более или менее цивилизованных людей, как то: сахара, чая, кофе и прочего, благодаря Русско-американской компании и заботливости заведовавшего там ее делами капитан-лейтенанта И. В. Фуругельма, недостатка не было. Медикаментов, оставленных с фрегатов «Паллада» и «Диана», а частью сплавленных по Амуру и привезенных из Аяна, было вдоволь; теплой одежды для команды фрегата и экспедиции — тоже. Свежая пища, по возможности просторное помещение и заботливость г-д офицеров о сохранении здоровья людей и об их развлечениях, несмотря на сырые здания, соорудившиеся прямо с корня, усиленные работы и различные весьма неблагоприятные климатические условия, благодаря Создателю, сделали то, что зимовка прошла весьма благополучно: мы, можно сказать, блистательно победили лютого и неизбежного в пустыне врага. Хотя к весне больных начало прибывать довольно много, а именно: в Николаевске и Петровском было до 100 человек в лазарете, а в Мариинском, по случаю недостаточной и соответственной для пустыни теплой одежды и непривычки людей, почти $\frac{2}{3}$ команды были больны; но с открытием зелени все мгновенно поправилось и из 900 в Николаевске и Петровском умерло только четыре человека, а из 150 в Мариинском умерло три человека; всего же семь человек на 1 050, что составляет $\frac{2}{3}$ процента.

К открытию навигации по реке, 10-го мая, шхуна «Лиман» и гребные суда были спущены и готовы; мы ожидали только возможности пройти по лиману к мысу Лазарева. Лиман к этому времени еще не вскрылся и северные, довольно крепкие ветры затирали его льдами; более всего затерта была южная часть лимана, так что, судя по прежним примерам, не было ника-

кой надежды войти в него с юга ранее 15-го мая. Это обстоятельство меня весьма озабочивало: мы скорбели и думали о наших товарищах в Японии, которых сюда ожидали. Ввод ранней весной в лиман фрегатов «Диана» и «Паллада» был существенно важен, ибо, судя по сведениям, добытым нами из газет, надобно было ожидать, что неприятель примет самые энергические меры для уничтожения наших судов; ему было положительно известно, что фрегат «Диана» находился в Японии. Скорбели мы также и о наших товарищах-героях в Петропавловске, но как о переносе этого порта на реку Амур никаких сведений не было получено, то я и полагал, что, вероятно, приняли какие-либо иные меры, для того чтобы по возможности сохранить суда и команды, там находившиеся, от нападения гораздо сильнейшего их неприятеля. Хотя я не мог себе представить, какие бы могли быть эти меры, однако, в виду вышеупомянутых обстоятельств, я никогда не предполагал, чтобы предварительно мне не было дано знать о переносе порта и не думал, чтобы сделали это сюрпризом, который, за не принятыми благовременно мерами, мог кончиться весьма плачевно.

Так прошло время до 7-го мая; лед на главном фарватере реки Амура начало ломать, а 8-го мая он уже шел по фарватеру в огромных массах. Бухта у Николаевска была еще покрыта толстым слоем; все суда наши, как то: паровой катер «Надежда», пароход «Аргунь» и шлюпки — были во льду. Сообщения никакого не было, стояла полная распутица.

7-го мая прибыл на оленях из Аяна нарочный с уведомлением от генерал-губернатора, что ранней весной должно прибыть в де-Кастри судно с семейством В. С. Завойко и другими семействами из Петропавловска; мне приказывалось озаботиться переправить их в Мариинский пост, а судно ввести в реку. Это обстоятельство, как меня, так и всех, еще более уверило, что решились защищать Петропавловск до конца. Получив это сведение, я немедленно приказал вырубить из льда паровой катер и перетащить его на фарватер, который к вечеру 8-го мая начал очищаться ото льда. Операция эта была сопряжена с немалыми усилиями: мы проработали всю ночь с 8-го на 9-е число, и к утру, 9-го мая, пароход был на вольной воде. Я отправился на нем в Мариинский пост, сделав следующие распоряжения.

1) С первой возможностью (т. е. по очищении ото льда лимана), капитан-лейтенанту Бутакову следовать на шхуне «Лиман» и гребных судах к мысу Лазарева для перевоза оттуда артиллерии. Лейтенанту Бирюлеву запастись лес и заложить батарею на мысе Мео, а Шварцу — на мысе Чнар-рах. Гос-подину Бачманову, как старшему по мне, заве-

довать Николаевским постом, готовить лес и строить батарею на мысе Куегда.

2) Артиллерию и снаряды, перевозимые с мыса Лазарева, размещать и оставлять для батарей на мысах: Чнар-рах, Мео и Куегда.

3) В случае прихода к мысу Лазарева фрегатов «Диана» и «Паллада», обратить все внимание на ввод в реку фрегата «Паллада», для чего употребить пароход «Аргунь», долженствующую прийти из Петровского шхуну «Восток» и все наши средства.

У селения Май (около 30 верст от Николаевска) я встретил нарочного на туземной лодке, отправленной из Мариинского поста с донесением лейтенанта Чихачева из залива де-Кастри. Николай Матвеевич писал, что он с транспортом «Двина» и транспорты «Иртыш» и «Байкал» прибыли в залив де-Кастри с семействами и со всем имуществом Петропавловского порта и что вслед за ними идет В. С. Завойко с фрегатом «Аврора» и корветом «Оливуца», ибо, по распоряжению генерал-губернатора, Петропавловский порт снят и велено все сосредоточить в Николаевске. Донося об этом, он извещал, что к северу от де-Кастри, и в самом заливе плавают льды, и что он ожидает моих распоряжений. Такое неожиданное известие побудило меня следовать скорее в де-Кастри, ибо если Петропавловская эскадра успела выйти ранее появления там неприятеля, то, по всей вероятности, последний усилит свою бдительность для ее преследования.

Проходя селение Алом, я послал оттуда с туземцами одного казака и приказал ему следовать к мысу Екатерины, с тем чтобы в случае каких-либо обстоятельств они могли служить проводниками с этого мыса в реку Амур.

Не доходя 100 верст до Мариинского поста, 11-го мая, я встретил казака, следовавшего из Мариинского поста, от начальника оного, с известием, что все наши суда с В. С. Завойко собрались в залив де-Кастри и на них делается нападение неприятельской эскадры и что семейства перебираются из де-Кастри в Мариинский пост. Получив это известие и имея в виду нашу ничтожную силу, собравшуюся в де-Кастри, состоявшую только из двух боевых парусных судов, которые не могли бы оказать серьезного сопротивления (фрегат «Аврора» и корвет «Оливуца»), между тем как в газетах писали, что для уничтожения наших судов должна собраться сильная паровая неприятельская эскадра, в несколько крат превышавшая нашу, я сейчас же командировал командира «Надежды», мичмана Ельчанинова в Николаевск со следующими распоряжениями.

1) Капитан-лейтенанту Бутакову с двумя офицерами и с командой фрегата «Паллада», на гребных судах, следовать немедленно к мысу Лазарева. Команда должна иметь патроны, по крайней

мере, по 25 выстрелов и взять с собой заряды для орудия, сколько возможно более. Если, при следовании по лиману, льды не позволят идти на шлюпках, то г-ну Бутакову высадиться на берег и стараться сколь возможно поспешнее достигнуть мыса Лазарева, где устроить батарею и, в случае нападения неприятеля, удерживать его там до последней крайности. При невозможности держаться против его силы, заклепать орудия, зажечь все имущество и отступить к селению Ули, от которого с проводниками достигнуть берега Амура.

2) В Николаевске г-ну Бачманову быть готовым, в случае покушения неприятеля проникнуть на гребных судах в реку Амур, напасть на него на наших вооруженных гребных судах и стараться остановить его движение.

3) Приготовления к постройке батарей на мысах Мео и Куегда остановить и немедленно поставить временную батарею на мысе Куегда для защиты Николаевска.

4) Дать немедленно знать в Петровское командир шхуны «Восток», Римскому-Корсакову, чтобы, в случае нападения на Петровское неприятеля, шхуну «Восток» и бот, пользуясь полной водой, ввести в устье реки Лач, сжечь все в Петровском и, сосредоточив все свои силы, отразить неприятеля. Я боялся, чтобы неприятель, в случае какого-либо несчастья с нашей стороны, не узнал бы о возможности входа в реку лиманом и не проник бы туда на своих паровых и гребных шлюпках.

Сделав вышеупомянутые распоряжения, я с напряженной поспешностью отправился в Мариинский пост, дабы узнать об участии нашей эскадры в заливе де-Кастри. Прибыв в Мариинск к вечеру 11-го мая, я нашел в нем до 200 жен и детей, прибывших туда из де-Кастри, с Петропавловской эскадры. Почти всю команду Мариинского поста я нашел или больной, или слабой, все же здоровые люди были заняты перевозкой прибывших семейств на озеро Кизи, которое только что вскрылось. Начальник поста, г-н Кузьменко, донес мне, что он ничего не знает о последствиях нападения 9-го мая на нашу эскадру в заливе де-Кастри; он не знал даже и того, в каком числе судов был неприятель. Из Мариинского поста я немедленно отправился по озеру Кизи к перевалу с этого озера в залив де-Кастри, приказав г-ну Кузьменко сейчас же приготовить и, с первой возможностью, отправить два орудия с надлежащей прислугой и снарядами, занять пункт на озере Кизи, от которого начинается дорога в де-Кастри; затем всех здоровых конных казаков послать занять дефиле, лежащее на пути из залива к озеру Кизи, дабы отразить всякие покушения неприятеля с целью проникнуть из Кастри

к озеру Кизи; наконец, всех прибывающих к нему по возможности размещать и довольствовать.

Ночью с 11-го на 12-е число, на пароходе «Надежда», я прошел по озеру Кизи к перевалу с этого озера в залив де-Кастри, и здесь нашел несколько семей, ожидавших гребных судов, чтобы отправиться в Мариинский пост. Распутица на берегу была в полном разгаре: вода, а местами снег и грязь были по колено и по пояс, здесь я также ничего не узнал относительно нашей эскадры, ибо все прибывшие сюда вышли из Кастри в то время, когда неприятель только показался. Оставив здесь пароход «Надежда» и приказав, чтобы он содействовал к перевозу в Мариинский пост семейств, а оттуда орудия и казаков, я взял поручика Попова с подробными картами лимана и пошел пешком в Кастри, пробираясь туда по колено, а иногда почти по пояс в воде, снеге и грязи. Изнуренные и мокрые, мы только к вечеру 13-го числа добрались до залива де-Кастри, где и нашли стоящей на якоре всю нашу камчатскую флотилию, состоявшую из фрегата «Аврора», корвета «Оливуца» и транспортов: «Двина», «Иртыш» и «Байкал». Начальник Камчатки, адмирал Завойко, сообщил мне, что 9-го мая английский пароходо-фрегат

и бриг открыли нашу эскадру и, произведя рекогносцировку залива и обменявшись несколькими выстрелами с корветом и фрегатом, вышли из залива и направились к югу, почему и надобно предполагать, что здесь был авангард их эскадры, посланной для разведки о наших судах. Засим должно ожидать сюда неприятеля в больших силах. Между тем В. С. Завойко послал на вельботе к лиману мичмана Овсянникова, чтобы удостовериться, возможно ли войти в оный. Судя по постоянно дувшим свежим северным ветрам, надо было полагать, что южная часть лимана была еще заперта льдом. Мичман Овсянников не возвращался, а между тем надобно было решить вопрос: идти ли немедленно в лиман или ожидать здесь возможности входа в оный. Для этого, а равно и для подробного объяснения пути из де-Кастри к Амурскому лиману, сейчас же были потребованы на флагманский корвет «Оливуца» все командиры; мнение их было таково: ожидать в де-Кастри возможности входа в лиман и, в случае нападения неприятеля, защищаться до последней крайности; при неблагоприятных же обстоятельствах взорвать суда. Выслушав это мнение, я предложил сейчас же следовать к северу и стараться скорее прийти

Оставление судна.
Гравюра XIX.

к мысу Екатерины, где и ожидать возможности входа в лиман; потом идти к мысу Лазарева, у которого, под прикрытием нашей батареи, ожидать возможности следования в реку Амур; в случае же нападения неприятеля, согласно принятому уже решению, бороться до последней крайности и, при несчастии, взорвать суда, а кто спасется, тем от мыса Екатерины отступить на реку Амур к селению Алем, с проводниками, которые там ожидают прихода нашей эскадры. Мое мнение было принято единогласно: на другой день вся наша эскадра снялась с якоря и направилась к лиману; в то же время прибыл мичман Овсянников и объяснил, что к северу льдов нет.

На пути в залив де-Кастри В. С. Завойко заходил в Императорскую гавань, чтобы взять фрегат «Паллада», но Константиновская бухта, в которой стоял фрегат, была еще покрыта льдом, и потребовалось бы немало времени, чтобы его вывести оттуда и приготовить к плаванию; между тем терять времени было нельзя, ибо с часу на час надобно было ожидать нападения неприятельской эскадры; кроме этого, фрегат «Диана» еще не приходил, а потому В. С. Завойко, подтвердив г-ну Кузнецову данные ему инструкции и снабдив его продовольствием, оставил фрегат «Паллада» ожидать там Е. В. Путятину.

Ясно, что после ухода нашей эскадры из залива де-Кастри, главное внимание с моей стороны было обращено на то, чтобы ожидаемый в залив с часу на час, в больших силах, неприятель не имел возможности узнать об уходе нашей эскадры в Амурский лиман. Для этого необходимо было отстранить всякую возможность захватить кого-либо из людей. В этих-то видах все туземцы из залива де-Кастри были удалены; людям же, остававшимся при poste, было приказано, с прибытием неприятельских судов отступить в лес, по дороге к озеру Кизи, не уничтожая наших избушек при poste, дабы этим привлечь внимание неприятеля и принудить его сделать рекогносцировку, и тем, по возможности, задержать его в де-Кастри. Если же неприятель пойдет далее вовнутрь страны, то, отступая, соединиться с казаками при дефиле и, защищая его, отступать к озеру Кизи, к нашим орудиям, находившимся у перевала с этого озера.

Сделав эти распоряжения, я поспешил в Мариинский пост и оттуда в Николаевск, дабы принять меры к скорейшему перевозу имущества и артиллерии с мыса Лазарева и быть готовым к отстранению различных неблагоприятных случайностей. Так как по Амуру еще никто не проходил и о следовании генерал-губернатора мы еще никаких известий не получили, то я отправил навстречу к нему, с донесением от меня и от В. С. Завойко, мичмана Разградского.

По возвращении в Николаевское, 18-го мая я пошел на пароходе «Надежда» в лиман, к мысу Лазарева, но у мыса Уса встретил сплошной лед. Здесь я нашел стоявшие за льдинами гребные суда и шхуну-баржу «Лиман» с лейтенантом Бирюлевым, который сообщил мне, что И. И. Бутаков с лейтенантом Шварцом и мичманом Ивановым и со 160 людьми, пошли пешком к мысу Лазарева, взяв с собой 10-дневное продовольствие сухарей и 200 боевых зарядов для орудия. Господину Бирюлеву приказано было, по очищении льда, следовать к мысу Лазарева в распоряжение Бутакова и по прибытии к мысу немедленно мне дать знать обо всем, что там делалось. Я пошел обратно в Николаевск, откуда немедленно послал пароход «Аргунь» под командой Я. И. Купреянова в помощь нашим гребным судам к мысу Лазарева. Засим мы начали строить батарею на мысе Куегда и исправлять, и вооружать оставленные в Николаевске гребные суда. В Петровское г-ну Римскому-Корсакову дано было знать, чтобы он с первой возможностью прибыл в Николаевск.

Через несколько дней я получил донесение от капитан-лейтенанта Бутакова о том, что с величайшими затруднениями, по случаю распутицы они 15-го мая пришли к мысу Лазарева, на котором и начали строить батареи. 18-го числа пришел туда В. С. Завойко со всей камчатской эскадрой, и Бутаков поступил в его распоряжение.

Снятие Петропавловского порта и сосредоточение всех наших морских сил в Николаевске, вопреки упомянутым доселе убеждениям относительно этого порта, последовало так: генерал-губернатор, получив известие из Петербурга о готовившемся нападении на Петропавловск и уничтожении наших судов в Тихом океане собиравшимся для этого в больших силах неприятелем и о полном недостатке продовольствия в Петропавловске, не ожидая приказаний из Петербурга, послал своего адъютанта есаула Мартынова курьером на Камчатку, с приказанием контр-адмиралу Завойко снять Петропавловский порт, погрузить все казенное имущество и семейства на суда зимовавшей там эскадры и отправиться с ней в устье Амура. Есаул Мартынов, следуя через Якутск и оттуда на собаках в Охотск, по дикому побережью Охотского моря, по которому расстояние между жилыми пунктами простирается около 400 верст, пересезжая через широкие заливы с опасностью при случайных ветрах погибнуть от вьюг, совершил весь путь от Иркутска до Петропавловска (до 8000 верст) в три месяца, со скоростью до этого времени еще небывалой. Скорость этого следования, энергические и быстрые распоряжения и действия, принятые в Петропавловске, а равно скорый вы-

ход оттуда, из льда, нашей эскадры и счастливый случайный переход, сделанный ею в виду, можно сказать, в несколько крат сильнейшего неприятеля, спасли честь и славу нашего оружия, суда и команды наши и имущество порта! Это обстоятельство фактически оправдало, что Петропавловск, как отрезанный от территории и не имевший с ней внутреннего сообщения, не мог быть нашим главным портом на отдаленном востоке и что подобный порт мог быть только в Приамурском и Уссурийском краях, т. е. в местностях, непосредственно связанных с Восточной Сибирью внутренним путем, безопасным от нападения неприятеля с моря. Следовательно, все затраты, сделанные на Петропавловск, чтобы возвести его в степень главного порта, были совершенно напрасны, и если сосредоточенные в нем команды и суда наши были спасены в Приамурском крае, то это обстоятельство нельзя не приписать особому случаю. Оставляя эти суда и команды в Камчатке, при возможности разрыва с морскими державами, было весьма неосновательно и, по моему мнению, следовало бы еще весной 1854 года перевести все из Петропавловска в Николаевск.

В. С. Завойко распорядился переборкой порта великолепно: еще не разошелся лед в Авачинской губе, как суда наши были вооружены. Лишь только тронулся лед, они вышли в море, забрав с собой все семейства и все имущество порта. Есаул Мартынов остался в Петропавловске начальником. Вскоре по уходе эскадры из Петропавловска, туда явились англо-французы и, не найдя там ни судов, ни команд (кроме есаула Мартынова с несколькими жителями), сожгли казенные магазины и пошли в погоню за нашими судами в Японское море.

23-го мая я получил уведомление из де-Кастри, что через три дня по уходе нашей эскадры пришли в залив неприятельские суда и высадили десант с целью захватить кого-либо, дабы узнать, куда ушли наши суда. Не найдя в де-Кастри ни одного человека, а равно и никакого имущества, кроме мешка ржаной муки, случайно оставленного (которую неприятель рассыпал), неприятельская эскадра вышла из залива и направилась к югу, предполагая, как впоследствии оказалось, что наша эскадра не могла никуда иначе идти, как к югу. Неприятель был твердо убежден, что в лиман из Татарского залива войти невозможно, по случаю сплошной отмели, соединяющей Сахалин с материком. Этим обстоятельством оправдывался впоследствии начальник неприятельской эскадры. 27-го мая я получил сведения с мыса Лазарева, что наши суда, стоявшие у этого мыса, под прикрытием воздвигнутой на оном батареи, готовятся идти в реку, что имущество фрегата «Паллада» грузится на шхуну-бар-

жу «Лиман» и на транспорты, которые вместе с корветом «Оливуца» пройдут в реку свободно, и что фрегат «Диана» погиб в Японии. Вместе с тем, я получил известие, что к мысу Лазарева, со 150 людьми команды фрегата «Диана», пришел на купеческом судне капитан 2-го ранга С. С. Лесовский, что адмирал Путятин выстроил в Японии шхуну «Хеда» и разместил команду фрегата на эту шхуну и на два зафрахтованных им купеческих американских корабля. На одном из этих кораблей начальником был С. С. Лесовский, а на другом Мусин-Пушкин, сам же адмирал Е. В. Путятин с капитаном 2-го ранга К. Н. Посьетом поместился на шхуне «Хеда». Степан Степанович из Японии пошел прямо в залив де-Кастри; там он получил известие, что все наши суда в лимане, и немедленно отправился туда же. По выходе из залива, за северным входным мысом, не имея возможности продолжать путь далее по случаю густого тумана и шторма, он встал на якорь. Неприятель в это время был в заливе и производил рекогносцировку; только благодаря упомянутой случайности, С. С. Лесовский счастливо избежал неминуемого плена. Г. Мусин-Пушкин, отправившийся из Японии с остальной командой фрегата «Диана», не был так счастлив: он пошел из Японии в Петропавловск и, не найдя там наших судов, направился в Аян; на этом переходе около Сахалина он был взят в плен неприятельскими крейсерами. Адмирал Е. В. Путятин на шхуне «Хеда» пошел из Японии также в Петропавловск и, не найдя там наших судов, направился в Татарский залив; на пути зашел в Императорскую гавань, где узнал, что наша эскадра ушла в лиман, и немедленно туда же последовал, счастливо избежав, благодаря туману, неприятельских крейсеров, блокировавших берега Татарского залива. У одного из неприятельских судов шхуна «Хеда», в густой туман, прошла под кормой. Адмирал Е. В. Путятин с К. Н. Посьетом в исходе июня вошли в реку Амур к Николаевску.

Между тем раз открытое сообщение по реке Амуру убедило в необходимости пользоваться им навсегда. Это еще более вызывалось и тогдашними военными обстоятельствами, и решением соединить в Нижнеприамурском крае все команды и суда наши, пришедшие из Камчатки и Японии. В Петербурге и в Иркутске сознали всю справедливость моих постоянных представлений, что всякие затраты на Петропавловск, Аян и т. п. пункты, совершенно отрезанные от Сибири, напрасны и что только в Приамурском и Приуссурийском краях мы можем твердо встать на отдаленном нашем Востоке. Вследствие переписки с пекинским трибуналом внешних сношений о непропуске в Пекин нашего курьера, полковника Забаринского, генерал-губернатор извещал

китайское правительство, что весной 1855 года он снова с войском поплывет по Амуру, для защиты края от вторжения в оный англо-французов, почему и просил известить его о месте, назначенном для съезда уполномоченных, и ответ об этом написать в Мариинский пост, на реку Амур (Кизи). Последствием этого был произведен второй сплав по Амуру, который был разделен на три отделения: 1-е отделение состояло из 26 барж, под начальством самого генерал-губернатора, который в этот раз спускался по реке со своей супругой Екатериной Николаевной; 2-е отделение — из 52 барж, под начальством командира 15-го линейного батальона полковника Андрея Андреевича Назимова, и 3-е — из 35 барж, под начальством полковника М. С. Корсакова. С этим сплавом прибыли на защиту Приамурского края 15-й линейный батальон и 14-й линейный полубатальон, всего 2 500 человек войска, а потому в Мариинском poste сосредоточилось более 2 700 человек. При сплаве находилась также ученая экспедиция, снаряженная сибирским отделом географического общества на счет члена его Степана Федоровича Соловьева, пожертвовавшего на исследование Амурского края полпуда золота. Эта экспедиция состояла из натуралиста Маака, астронома Рашкова, топографа Зончевского и чиновника Кочетова. С этим же сплавом, под распоряжением чиновника особых поручений при генерал-губернаторе, князя Михаила Сергеевича Волконского, прибыли первые русские земледельцы, составленные из иркутских и забайкальских крестьян, для поселения между Николаевском и Мариинском. К этому заселению под руководством князя М. С. Волконского сейчас же и приступили: начиная от Николаевска, по правому берегу реки Амура, были основаны деревни: Иркутское, Богородское, Михайловское, Ново-Михайловское, Сергиевское и Воскресенское. Переселенцы получили от казны пособие и высочайше освобождены были навсегда от рекрутской, земской и подводной повинностей. Вместе с этим, против Мариинского поста поселились на острове Сучи сотня конных казаков, образовав станицу Сучи.

По прибытии в Мариинский пост генерал-губернатор и главнокомандующий всеми морскими и сухопутными силами, сосредоточенными на устье реки Амура, отправил ко мне в Николаевск мичмана Литке, со следующим предписанием.

1) Амурская экспедиция заменяется управлением камчатского губернатора контр-адмирала

Завойко, местопребыванием которого назначается Николаевск.

2) Вы назначаетесь начальником штаба при главнокомандующем всеми морскими и сухопутными силами, сосредоточенными в Приамурском крае.

3) Все чины, состоящие в амурской экспедиции, поступают под начальство контр-адмирала Завойко.

4) Главной квартирой всех наших войск назначается Мариинский пост.

Вследствие этого мне предписывалось, впредь до прибытия в Николаевск, сдать экспедицию старшему по себе, а самому немедленно следовать к месту назначения, в Мариинский пост. О всех этих распоряжениях, вместе с тем, сообщалось В. С. Завойко. Ему предписывалось, сдав эскадру командиру фрегата «Аврора» Изильметьеву, следовать в Николаевск и вступить в начальствование. Капитану Изильметьеву предписывалось со всеми судами, как возможно поспешнее, следовать в реку Амур. Контр-адмиралу Завойко вменялось в обязанность всеми средствами способствовать в этом капитану Изильметьеву. Командиру шхуны «Восток», Римскому-Корсакову, согласно моим распоряжениям, предписывалось готовить гребную флотилию, на случай нападения неприятеля на таковых же судах.

Вследствие этих распоряжений главнокомандующего, я с женой и нашей малюткой отправились в Мариинский пост и поселились в двух маленьких комнатах. Дежурным штаб-офицером был тогда князь Александр Васильевич Оболенский. Начальником сухопутных войск, сосредоточенных в низовье Амура, был назначен полковник М. С. Корсаков, а начальником казаков — адъютант генерал-губернатора подполковник Сеславин. При штабе было несколько чиновников и офицеров, в числе их: Якушкин и Федор Александрович Анненков.

Вступив в свою новую обязанность — начальника штаба, я представил генерал-губернатору отчет о действиях амурской экспедиции с июня 1850 года по июнь 1855 года, т. е. за 5 лет. Из отчета было видно, что эта экспедиция, принимая в расчет и все казенное довольствие, стоила казне всего 64 400 рублей серебром, т. е. около 12 500¹ рублей в год. Во все время, собственно в амурской экспедиции, умерло 12 человек и не потеряно ни одного человека. Вот что стоило России утверждение ее в Приамурском крае! Представляя этот отчет и имея в виду, во-первых, что в низовье Амура должно зимовать более 7 000 чело-

¹ Жалованье и довольствие одного камчатского губернатора стоило гораздо дороже, не говоря уже о том, что на Камчатку вместе с Аяном брошена не одна сотня тысяч рублей.

век, а во-вторых, дальнейшие наши действия как для отражения неприятеля, так равно и относительно дальнейшего устройства края, столь близкого моему сердцу, я представил генерал-губернатору следующее мнение.

1) При сосредоточении ныне в устье реки Амура команд, семейств, имущества Петропавловского порта и всех наших судов, а равно и команд японской экспедиции, *война с внешним врагом здесь кончена*, ибо неизвестность для него входа в лиман с юга и плавание по лиману, наполненному банками и мелями, с неправильными быстрыми течениями, наконец, гористые, лесистые, пустынные и бездорожные побережья Приамурского и Приуссурийского краев представляют для неприятеля, нападающего с моря, непреодолимые препятствия. Он найдется вынужденным только блокировать берега Охотского моря и побережья Татарского залива и этим принесет нам только пользу, закрепляя таковым своим действием Приамурский и Приуссурийский края с островом Сахалином за Россией. Засим здесь остается для нас один неизбежный, внутренний враг — мороз и неблагоприятные условия для здоровья зимующих в пустыне людей. Чтобы выдержать борьбу с этим неизбежным врагом с возможно меньшей потерей людей, необходимо сейчас же принять энергические меры как для просторного размещения людей на зиму, так и для избыточного их довольствия и снабжения одеждой, соответствующей климатическим условиям. Между тем, в этом отношении при сплаве сюда людей многое было упущено, почему, по моему мнению, в настоящее время необходимо сделать следующее распоряжение: а) для наблюдения за неприятелем в заливе де-Кастри расположить сотню казаков с двумя горными орудиями; всех же затем людей обратить на приготовление просторных помещений на зиму; б) для пополнения продовольственных запасов и одежды, сейчас же вступить в сношение с манджурами, обитающими по реке Сунгари и более или менее нам знакомыми; в) для того же, чтобы упрочить сношение с манджурами, сейчас же поставить 5 или 6 постов между Мариинским постом и устьем реки Сунгари; г) принять меры, чтобы туземцы заносили и доставляли нам рыбу и дичь.

2) Так как Приамурский и Приуссурийский края представляют одно неразрывное целое, где река и море составляют единственные в крае пути сообщения, то край этот требует совершенно иной организации управления, сравнительно с управлениями других наших провинций. Главный пункт этого управления должен быть на устье реки Уссури или около устья Сунгари, представляющей единственный путь в населенную

Манджурию; почему, согласно смыслу Нерчинского трактата, при разрешении уже нами пограничного вопроса, т. е. определения направления пограничного Хинганского хребта и рек, берущих начало из онога, устье реки Сунгари и весь бассейн реки Уссури с его побережьем, до корейской границы, должны составлять неотъемлемую принадлежность России, тем более что одна река Амур представляет здесь только лишь базис наших действий и вовсе не обуславливает полное значение для России этого края; всю же силу края и *политическую важность* его для России, как ясно указывает нам настоящая война, составляет южное побережье Приуссурийского бассейна с гаванями, из которых суда, по первому повелению, всегда могут выйти в море, гаванями, неразрывно связанными с рекой Амуром посредством внутреннего пути, недоступного нападению неприятеля с моря, гаванями, счастливо расположенными относительно торговых пунктов и торговых путей по океану. Ввиду этого, единственная правительственная задача надолго здесь должна состоять в том, чтобы заселять земледельцами те пути, которые ведут к упомянутой цели, дабы расположенная в крае военная наша сила могла быть обеспечена местным продовольствием, и чтобы, вместе с тем, было обеспечено и сообщение по главным путям края; наконец, чтобы наши войска, главная часть которых должна быть сосредоточена в южном колене Амура и по реке Уссури, имели бы все средства к быстрому передвижению водной по трем главным артериям края, рекам: Амуру, Уссури и Сунгари. Кроме того, необходимо, чтобы здесь всегда имелись три или четыре исправных во всех отношениях военных крейсера, могущих по первому повелению выйти в океан.

3) Имея в виду пустынные и бездорожные, гористые и лесистые побережья края, служащие нам самым надежным оплотом, все внимание и средства правительства должны быть обращены к скорейшему достижению цели, указанной во 2-м пункте; поэтому средства, определяемые правительством на этот край, отнюдь не должны быть расточаемы на образование дорогостоящей бюрократической администрации с толпой различных видов чиновников, на сооружение капитальных зданий и укреплений, ибо надолго еще в этом крае нам должно оставаться как бы в лагере, с теми средствами, какие указаны в предыдущем 2-м пункте, средствами, весьма достаточными, с одной стороны, для отстранения всяких на этот край неприязненных покушений и для нанесения существенного и действительного вреда неприятелю в случае таких покушений; а с другой стороны — к проч-

Жены и дети казаков на Амуре.

Гравюра XIX в.

ному утверждению политического значения России на отдаленном ее востоке.

4) Хотя по сведениям и добытым уже амурской экспедицией фактам обнаруживается, что бассейны рек Зеи, Буреи, Хунгари, Уссури, Тумджина, Амгуни, Гирини и других, содержат огромные богатства золота, и вообще край этот в недрах своих содержит и другие богатства, но торговля и промышленность в оном, по причине огромного пустынного его пространства, географического его положения и климатических условий, никак не может быстро здесь развиваться, как мы то видим в Северо-Американских Штатах, и в особенности в Калифорнии. Было бы более чем несообразно увлекаться примером Америки и ожидать здесь того же, что совершается там в этом отношении. Край этот во всех отношениях совершенно отличен от Америки, поэтому правительство должно обратить здесь все свое внимание только на упомянутую во 2-м пункте важную задачу свою и, не увлекаясь иллюзиями и примером Северо-Американских Штатов и Калифорнии, твердо и неуклонно идти к разрешению упомянутой задачи, так чтобы и самое дозволение к развитию в крае золотопромышленности все-

цело было направлено к облегчению и содействию разрешения этой задачи и к полному исследованию края во всех отношениях.

Мое мнение было тогда радикально противоположно воззрениям начальствующих лиц, спустившихся по реке Амуру. Эти господа никак не могли освоиться с мыслью, что, сосредоточив все наши команды и суда в Николаевске, мы уже кончили войну здесь со славой. Эти воспитанники Кавказа, Марсова поля и красносельских лагерей и маневров не могли себе представить, чтобы без свинца, пуль и ядер, треска и шума реляций и их спутников — крестов, чинов и отличий — могла кончиться здесь война. Они никак не могли себе представить, что, приютив здесь наши суда и команды от явной гибели, мы принудили через это неприятеля к блокаде берегов Татарского залива и заставили его признать этот важный край русским. Эти господа, подобно реформатам-чиновникам, созидавшим реформы в канцеляриях, ради треска и шума, никак не могли вообразить себе, что окончательная победа наша, а равно и прочное водворение в Приамурском и Приуссурийском краях должны совершиться без всякого шума и треска: мерами, основанными на глубоком изучении,

в продолжение шести лет, страны, ее обитателей и ее отношений к соседственной с ней Манджурии. Эти господа, питомцы Кавказа и Марсова поля, вообразили себе, что неприятель будет делать серьезное нападение на залив де-Кастри с целью завладения оным; они решили, что для России необходимо иметь только левый берег Амура с его низовьем до залива де-Кастри; они полагали, что главный наш пункт, в котором должно сосредоточиться все управление краем, лежащим по левому берегу Амура, а равно и прибрежьями Охотского моря, должен быть Николаевск, а порт — в заливе де-Кастри; южный же Приамурский и Приуссурийский бассейны с их прибрежьями считали не нужными для России. К счастью, это последнее фальшивое заблуждение скоро, как мы увидим ниже, изменилось, и при разграничении с Китаем в главных чертах было принято мое мнение. Что же касается мнения моего относительно главной и единственной там правительственной задачи, то оно было совершенно искажено. В крае завелись различные бюрократические учреждения, и он разделился на две отдельные части (области), так что главная правительственная, упомянутая выше задача далеко еще до сих пор не разрешена в самых существенных и главных основаниях, ибо центральное управление в сем крае не соединено еще в южном колене Амура; оно, подобно Австрии, представляется в виде дуализма. Войска не могут получать продовольствие на месте. Морское ведомство провиант своим командам доставляет на кругосветных судах по высоким ценам. Надлежащие средства к быстрому передвижению в нем по главным артериям края, рекам Амуру, Уссури, и в особенности Сунгари, далеко не усовершенствованы и земельные населенные пункты по главным пунктам сообщения в крае далеко еще не приведены в надлежащий вид, сообразно требованиям. К сооружению гавани на Сахалине около Дуэ, или в Кусунае, где бы суда безопасно могли грузиться, до сих пор не приступлено и, наконец, толпы золотопромышленников, наводняющих ныне этот край, эксплуатируя и истощая его богатства, никакой существенной пользы ему не приносят в отношении разрешения упомянутой правительственной задачи. Между тем, с того времени, когда это мнение мое было представлено, протекло уже 20 лет и миллионы были брошены на переселение туда штрафованных солдат, на крепостные сооружения, на различные бюрократичес-

кие учреждения и, наконец, на посылки толпами чиновников и чиновничьих экспедиций¹. Для чего все это делалось, я полагаю, не скажут и те, которые сами все это совершили. Должно быть, мы, ради честолюбия, из самой простой и естественной задачи хотели сделать что-то сложное, дабы придать себе важность, но в самом деле действовали так, как действуют только бюрократы.

Таков был тогда и ныне взгляд мой на наше положение на отдаленном Востоке, какое необходимо нам там создать, чтобы иметь, согласно мысли Петра I, Екатерины II и Николая I, надлежащее для России политическое значение и расадник для образования наших морских офицеров и команд.

К исходу июля 1855 года все суда наши, бывшие тогда в Восточном океане, кроме остова гнилого фрегата «Паллада» со всеми командами и имуществом Петропавловского порта, были сосредоточены в Николаевске, и река Амур послужила им надежным и безопасным убежищем от преследования их в несколько крат сильнее-шим неприятелем. Суда, зимовавшие тогда в Амуре, были следующие: 44-пушечный фрегат «Аврора»², 16-пушечный корвет «Оливуца», 6-пушечная винтовая шхуна «Восток» и транспорты «Двина», «Иртыш», «Байкал», шхуна «Хеда», тендер «Камчадал» и пароход «Аргунь».

Итак, открытие плавания для мореходных судов в устье реки Амура и ее лимане с севера и юга, т. е. из Охотского моря и Татарского залива, открытие, исследование и утверждение наше в низовьях Приамурского края и на острове Сахалине, совершенные амурской экспедицией, при первом же случае, при разрыве с Западными державами, указало на всю государственную важность деятельности этой экспедиции. В первый же год войны через упомянутую деятельность этот край представил убежище и защиту нашей военной эскадре и имуществу Петропавловского порта, а также японской экспедиции. без чего все это было бы поставлено в самое критическое положение. Несмотря на победу, одержанную в Петропавловске, эскадра наша и все находившееся на ней сделалось бы добычей или огня, или неприятеля. Между тем, она провела зиму спокойно, как бы на родной почве, среди своих собратьев, со всеми принадлежностями и особенностями русской жизни.

Все изложенные сейчас факты весьма знаменательны в истории Приамурского и Приуссу-

¹ Экспедиция одного г-на Сколкова стоила более 100 000 рублей.

² Странное стечение обстоятельств: на этом фрегате я в продолжение девяти лет служил с его высочеством генерал-адмиралом; шесть лет был я на нем старшим лейтенантом и вахтенным лейтенантом его высочества. Теперь я открыл вход в Амур, как бы нарочно для того, чтобы в этой реке спасти от явной гибели дорогую моему сердцу «Аврору».

рийского краев, ибо они составляют последний краеугольный камень и незыблемый фундамент, воздвигнутый амурской экспедицией к признанию Амурского и Уссурийского бассейнов с островом Сахалином за Россией. Эти факты ясно доказывают, что только здесь Россия может иметь надлежащий оплот и важное политическое значение на отдаленном своем Востоке. Эти факты составляют честь всего нашего флота, ибо питомцы его вынесли все это единственно на своих плечах, несмотря на полное несоответствие данных им инструкций и положительное ничтожество средств. Их одушевляли гражданская доблесть и мужество, и они твердо шли к цели, с полным сознанием, что именно эта цель приведет к утверждению навсегда края за Россией.

Вот что пятнадцать лет тому назад писалось в наших периодических журналах некоторыми из личностей, более или менее знакомых с деятельностью наших морских офицеров, составлявших амурскую экспедицию, по тем данным, которые они могли добыть из рассказов и из архива главного управления Восточной Сибири и главного управления бывшей Российско-американской компании:

«Горсть людей, выброшенная в 1850 году в дикую пустыню, каковой представлялась Петровская кошка, вместо предназначенного ей основания простого зимовья для расторжки с гилеями, успела, несмотря на всевозможные лишения и нужды, ничтожество средств и полное несоответствие данных ей инструкций, в течение с небольшим трех лет обследовать пустынную местность низовьев реки Амура и острова Сахалина, утвердиться в главных пунктах и распространить русское влияние на все окрестное население и даже на манджуров. Твердость духа и отчаянная решительность начальника экспедиции

повели к тому, что по истечении столь краткого времени русские встали твердой ногой на устье Амура, открыли, что река в 300 верстах выше устья весьма близко подходит к единственному близ лимана заливу де-Кастри, заняли селение Кизи и соседственный с ним залив де-Кастри, составляющий неперенную станцию судов, идущих с юга в устье реки Амура, открыли места рождения каменного угля на острове Сахалине и открыли и заняли одну из лучших гаваней в море, гавань Императора Николая I и главные пункты острова Сахалина. Они собрали положительные данные о независимости жителей матерого берега и острова Сахалина, доставили положительные сведения о реке Уссури и о важности ее в отношении близкого соседства с незамерзающими почти круглый год гаванями, положительно исследовали направление Хинганского станвого хребта от верховьев реки Уди и направление главных рек, выходящих из восточного склона этого хребта и, возбуждав пограничный вопрос, дали точные и неоспоримые доказательства того, что весь край от верховья реки Уди к востоку, до моря, заключающей в себе южный и северный бассейны реки Амура, устья реки Сунгари и весь бассейн реки Уссури с их побережьями до корейской границы, а рав-

Южный берег Охотского моря.

Гравюра XIX в.

но и остров Сахалин, составляет неотъемлемую принадлежность России. Вот что сделал, — пишет г-н Романов¹, в Приамурском крае ничтожный экипаж транспорта “Байкал” в 1849 году и горсть людей, брошенная в 1850 году на дикое побережье Охотского моря, среди непроходимых пустынь за 10 000 верст от образованного мира. Претерпевая невыразимые лишения: зимой холод, часто и голод от неприсылки судов из Камчатки или из Аяна; подвергаясь опасности быть потопленными наводнением², эти добровольные изгнанники из образованного круга не унывали среди окружавших их опасностей, не падали духом под бременем выпавших на их долю тяжких трудов и испытаний, но во всех случаях бодро шли вперед, подкрепленные упованием на волю и милосердие Всевышнего, с сознанием высоких общественных целей, предназначенных им осуществить на пользу отечества. Руководимые своим достойным начальником и примером его супруги, разделявшей наравне со всеми все лишения и опасности; действуя всегда вне повелений, под ежеминутным опасением при малейшей неудаче подвергнуться строжайшей ответственности, — эта горсть людей не страшилась ни голодной смерти, ни ножа дикаря, скромно в безмолвной тишине пустынь собирала камни, из которых начальник ее создал твердый фундамент для событий, совершившихся на отдаленном Востоке нашего отечества.

Если бы подобные действия были совершены где-либо иностранцами, то мы давно бы затвердили имена их наизусть, боясь показаться варварами пред образованной Европой. Тогда бы все удивлялись им и провозглашали бы подвиги их, подобно подвигам Росса, Парри, Франклина и прочих, но почти все мы до сих пор не знаем тех русских имен, которым отечество наше обязано водворением русского влияния на пустынных берегах низовья Амура и побережьях Восточного океана, а с этим вместе отечество обязано им и приобретением Приамурского и Приуссурийского краев с их побережьями и островом Сахалином.

При этом нельзя не отдать должной справедливости, — пишет г-н Романов, — тем женщинам, которые добровольно и бодро разделяли труды, лишения и опасности, несвойственные их полу. Имена Невельской, Орловой и Бачмановой, в осо-

бенности первой, занимают почетное место в истории Приамурского и Приуссурийского краев.

Вот как описывает, — говорит г-н Романов, — участвовавший в амурской экспедиции Бошняк, супругу начальника экспедиции, Екатерину Ивановну Невельскую³:

“После роскошных зал и гостиных, недавней воспитаннице Смольного монастыря, со средствами и возможностью жить иначе, пришлось приютиться в трехкомнатном флигеле, разделивши его с семейством г-на Орлова. Толпы грязных гиляков, тунгусов и ряд встречных неприятностей не устроили ее. Мы откровенно сознаемся, что многим обязаны ее внимательной любезности ко всем, и прямо скажем, что ее пример благотельно действовал на тех, можно сказать, несчастливиц из жен нижних чинов, которых судьба забросила вместе со своими мужьями на горькую долю. Часто находясь в обществе г-жи Невельской, мы никогда не слыхали от нее ни одной жалобы или упрека, напротив, мы всегда замечали в ней спокойное и гордое сознание того горького, но высокого положения, которое предназначило ей Провидение. Занятие по устройству нового хозяйства и книги прогоняли от нее скуку. Во всем обнаруживалась твердость ее характера, привычка к занятиям и способность обходиться без балов и вечеров — способность, столь редко встречаемая в наше время!”

Наконец поспел и губернаторский дом, 5 сажень длины и 3 сажени ширины, в пять конурок: наступила зима, а с ней вместе и те страшные вьюги (пурги), в продолжение которых погибло несколько человек. Везде холод страшный, все замело глыбами снега, так что для прохода вынуждены были разгребать снежные коридоры. а в казарму иногда выход был через чердак. И г-жа Невельская проводила зиму одна (все мы были в командировках), в комнатах с 5° тепла и, дрожа от холода, продолжала оставаться с той же стоической твердостью убеждений. Наконец наступил 1852 год. Неприсылка из Камчатки судов ставила нас в положение более чем отчаянное. Для грудных детей не было молока, больным не было свежей пищи, и несколько человек легло в могилу от цинги⁴.

¹ Журнал «Русское слово» 1860 года.

² Низменная песчаная коса, на которой находилось Петровское зимовье, неоднократно подвергалась наводнениям. Раз зимой вода подступила почти под самые строения и затопила единственный колодец с пресной водой, так что все жившие в Петровском пользовались снегом для варки пищи, питья и чая. После оставления Петровского зимовья и по переселении всех в Николаевск, зимой вода поднялась до такой высоты, что затопила всю косу, влилась в пустые дома и замерзла там толстым слоем. Конечно, подобное явление могло бы случиться и во время жительства в Петровском чинов и семей амурской экспедиции.

³ Обнародовано в «Морском сборнике», под рубрикой «Экспедиция в Приамурском крае. Н. Бошняк 1859 год, № 2».

⁴ Этот удар не миновал и семейства самого г-на Невельского: страдания Екатерины Ивановны, происшедшие вследствие претерпеваемых ею лишений, имели пагубное влияние на здоровье ее малолетней дочери: до сих пор на Петровской косе существует могила младенца, отлетевшего, как жертва искупления, в лучший мир.

И тут этот чудный женский инстинкт нашелся, чтобы подать руку помощи страданиям. Единственная корова из хозяйства г-на Невельского, завезенная в 1851 году, снабжала молоком несчастных детей, а солонина явилась за столом начальника экспедиции. Все, что было свежего, делилось пропорциональными частями, и опять ни одной жалобы, ни одного упрека. В таких действиях, по моему мнению, заключаются главные заслуги амурской экспедиции; они поддерживали дух покорности и терпения, без чего она должна была бы рушиться. Спросим теперь после этого очерка, многие ли бы мужчины согласились на подобную жизнь? Конечно немногие. А это женщина 19-ти лет. Скажут, может быть, что много таких примеров. Да, но все-таки в местах более многолюдных и где не было таких лишений, которые предстояли для женщины в Амурском крае. Из всех этих обстоятельств г-жа Невельская вышла победительницей, несмотря на то, что, конечно, нажила много врагов, как это обыкновенно бывает в наших захолустьях и закоулках».

Так окончила свою трудную и высокую миссию амурская экспедиция и таковы были последствия ее деятельности. Теперь мне в заключение остается только изложить дальнейшие наши действия в Приамурском крае и окончательное утверждение как его, так и Приуссурийского бассейна за Россией, как окончательное следствие этой деятельности наших морских офицеров на отдаленном Востоке отечества. Настоящую главу закончу списком личного состава экспедиции, действовавшей с 1850 по исход 1855 года:

В 1850 и 1851 годах амурская экспедиция состояла:

Начальник капитан 1-го ранга Г. И. Невельской, лейтенант Н. К. Бошняк, прапорщик корпуса пгтурманов Д. И. Орлов, командир транспорта «Охотск», лейтенант Гаврилов, прапорщик Семенов, доктор Орлов и приказчик Русско-американской компании Березин. Нижних чинов, собственно в экспедиции, 26 человек и на транспорте 20 человек. Из женщин: супруга начальника экспедиции Е. И. Невельская, супруга Д. И. Орлова — Х. М. Орлова, жен нижних чинов четыре.

В 1852 году:

кроме Гаврилова, все остальные: нижних чинов 56 человек и мичманы Разградский и Петров.

В 1853 году:

кроме Чихачева и Семенова, все остальные и, сверх того: капитан-лейтенант Бачманов с супругой Елизаветой Осиповной, священник Гавриил с супругой Екатериной Ивановной, прапорщик Боуров, нижних чинов 70 человек и в сахалинской экспедиции: майор Н. В. Буссе, лейтенант Рудановский, нижних чинов 86 человек и приказчик Русско-американской компании Самарин. Сверх этого, зимовал в Императорской гавани «Иртыш», под командой Гаврилова, и корабль Русско-американской компании «Николай», под командой Клинковстрема, всего 76 человек и в Петровском бот «Кадьяк», под командой Шарыпова с 15 членами команды.

В 1854 и 1855 годах:

все остальные, кроме упомянутых судов и команд с Сахалина, майора Буссе и приказчика. Сверх того, поступили: лейтенант Я. И. Купреянов и лейтенант Н. В. Рудановский. Собственно в амурской экспедиции было команды 86 человек и прикомандирована к ней команда фрегата «Паллада» с 7-ми офицерами, свод конной легкой артиллерии и сотня казаков.

Глава XXX

Наше положение в исходе 1855 года.—
Основание Кутомандского поста.—
Коммерческие корабли Северо-Американских Штатов:
«Пальмето» и «Беринг».— Уничтожение в лимане
корабля Российско-американской компании.—
Прибытие неприятельских судов в залив де-Кастри.—
«Возвращение мое в Петербург.— Посольство
графа Е. В. Путятина.— Заселение левого берега реки Амура.—
Плавание по Амуру графа Путятина и его поездка в Китай.—
Цель высадки Рудановского на Сахалин, в 1857 году.—
Действие графа Путятина в Китае.

Соплоение большого количества войск и в особенности семейств камчатских жителей и служащих, происшедшее внезапно, сверх всякого ожидания и без необходимых предварительных приготовлений, и не в такой дикой пустыне, каковой представлялся тогда Приамурский край, но и в населенной местности должно бы было породить многие лишения, стеснения в помещении, недостаток во многих предметах продовольствия и принадлежностях порядочного быта. В Николаевском посту, имевшем к весне 1854 года помещение только на 30 человек, к осени того же года надобно было поместить более 800. В Мариинском посту к тому же времени помещение было только на 8 человек, а к осени надобно было поместить более 200 человек. В начале же ле-

та 1855 года внезапно и неожиданно явилось в Николаевском до 5 000 душ, а в Мариинском до 2000. Надобно было всех поместить и приютить, доставить всем средства к жизни, приготовить к зиме теплые помещения, и все это необходимо было делать тогда, когда неприятель блокировал нас со всех сторон и когда надобно было вводить все наши суда в реку и иметь в готовности гребную флотилию и строить батареи. Сверх этого, несмотря на постоянные представления мои о необходимости иметь по Амуру посты для внутреннего сообщения с Манджурией и Забайкальем, — их поставлено не было, и вследствие этого мы находились совершенно отрезанными от мест, из которых могли восполнять наши

недостатки в продовольствии и одежде. Смело можно сказать, что если бы амурская экспедиция не приобрела такого влияния на туземцев, что они охотно доставляли нам в большом количестве рыбу и частью дичь, то при таком внезапном огромном стечении людей, болезней и смертности было бы гораздо более, нежели то было в зиму с 1855 на 1856 год.

Генерал-губернатор, спускаясь в 1855 году по реке Амуру, 12-го мая, близ устья реки Комары, встретил четыре большие маньчжурские лодки, поднимавшиеся вверх по Амуру с несколькими чиновниками из городов, лежащих по реке Сунгари: Гирин и Сахалин-ула-готон, отправленных маньчжурскими властями по повелению из Пекина в Забайкалье, к устью Горбицы, для совещания о разграничении. Генерал-губернатор предложил этим чиновникам прибыть в Мариинский пост, где при переговорах, представил им, *чтобы река Амур была принята границей между Российской и Китайской империями*¹. Китайские уполномоченные по обыкновенному уклонились от этого предложения, ссылаясь в своих доводах на лист нашего Сената, посланного в Пекин в 1853 году, в котором говорилось о хребте гор, идущем от вершины реки Горбицы. Генерал-губернатор, настаивая на своем предложении, объяснил, что он имеет на то повеление своего государя императора. Посольство отправилось обратно без всякого результата, с убеждением, что Н. Н. Муравьев действует будто бы на реке Амуре *самовольно*, без согласия своего правительства. Это убеждение впоследствии и выражалось китайцами в их официальных бумагах и было даже замечено в некоторых иностранных журналах.

В ожидании нападения неприятеля на залив де-Кастри, главнокомандующий Н. Н. Муравьев, вместо предложенных мной сотни казаков, расположил в заливе де-Кастри лагерем 500 человек пеших казаков, под командой адъютанта своего, подполковника Сеславина; через это, разумеется, были весьма ослаблены средства наши к устройству надлежащих зимних помещений. Господин Сеславин до исхода сентября напрасно ожидал в заливе де-Кастри неприятеля, последний не являлся туда. В сентябре г-н Сеславин оставил в этом заливе 70 человек казаков с двумя горными орудиями, сам же с остальными людьми возвратился в Мариинский пост.

Между тем адмирал Е. В. Путятин с капитаном 2-го ранга Посыетом на паровом катере «Надежда» в начале августа отправился вверх по Амуру

в Забайкалье. Это было первое наше судно, поднимавшееся по реке Амуру. Плавание его совершалось медленно и сопряжено было с величайшими затруднениями и лишениями. Мы, как я выше сказал, не имели по Амуру постов, в которых бы пароход мог запастись продовольствием и дровами, почему он был загружен и вынужден был иметь на буксире тяжелый баркас; дрова же для топлива рубил прямо с корня. Кроме этого, вода в верховьях реки была необыкновенно низка и на реке обнаружилось много банок и мелей. Холода наступили весьма рано, так что не доходя около 300 верст до Усть-стрелочной станции, адмирал Е. В. Путятин встретил шугу (лед) и вынужден был, приковав пароход и баркас к скале, оставить их тут на зимовку, а сам со всеми своими спутниками с неимоверными лишениями и усилиями добрался пешком по берегу (в начале ноября) до Усть-Стрелочной станции, а оттуда через Иркутск проехал в С.-Петербург.

Построенный в лето 1855 года в Стретенске пароход «Шилка», спускаясь по реке Амуру, сел на мель близ Усть-Стрелки, около устья речки Кутоманды и остался тут зимовать, основав первый наш пост в верховье реки Амура — Кутомандский.

Вслед за адмиралом Е. В. Путятиным, располагали отправиться вверх по Амуру на пароходе «Аргунь» В. С. Завойко с капитаном Изъильметьевым и некоторыми другими офицерами фрегата «Аврора», а генерал-губернатор со мной и со всем своим штабом хотел идти на шхуне «Восток» в Аян; но всем этим предположениям не суждено было осуществиться. Пароход «Аргунь», следуя из Николаевска в Мариинский пост, в тумане выскочил на лайду и, несмотря на всевозможные усилия, стащить его не могли. Он так и остался на нем зимовать, а все бывшие на оном пассажиры на шлюпках возвратились в Николаевск. Шхуна «Восток», по причине внезапно упавшей воды на баре протоки Кизи, не могла выйти на главный фарватер и осталась на зимовку в Мариинском посту, в котором уже решился было зимовать и генерал-губернатор; но он получил из Николаевска сведение о приходе туда из Северо-Американских Штатов коммерческого корабля «Пальмето» с различными запасами. Генерал-губернатор со своим штабом и капитаном Изъильметьевым поздней осенью решился следовать на нем в Аян; я же с семейством и чиновником особых поручений при Н. Н. Муравьеве — Анненковым остался зимовать в Мариинском посту.

¹ Этот факт ясно показывает, какое было тогда фальшивое убеждение о Приамурском крае, состоявшееся в противность доводам моим и постоянным стремлениям доказать, что без морского побережья и бассейна реки Усури, Амур не представляет для России значения.

Корабль «Пальмето» был первое коммерческое судно, вошедшее с юга в реку Амур. Этот корабль, вместе с кораблем Северо-Американских Штатов «Беринг», прибывшим в исходе сентября в залив де-Кастри, был зафрахтован в Америке капитаном Козакевичем, который отправился туда из С.-Петербурга в конце 1854 года для различных запасов от морского министерства, назначавшихся на реку Амур.

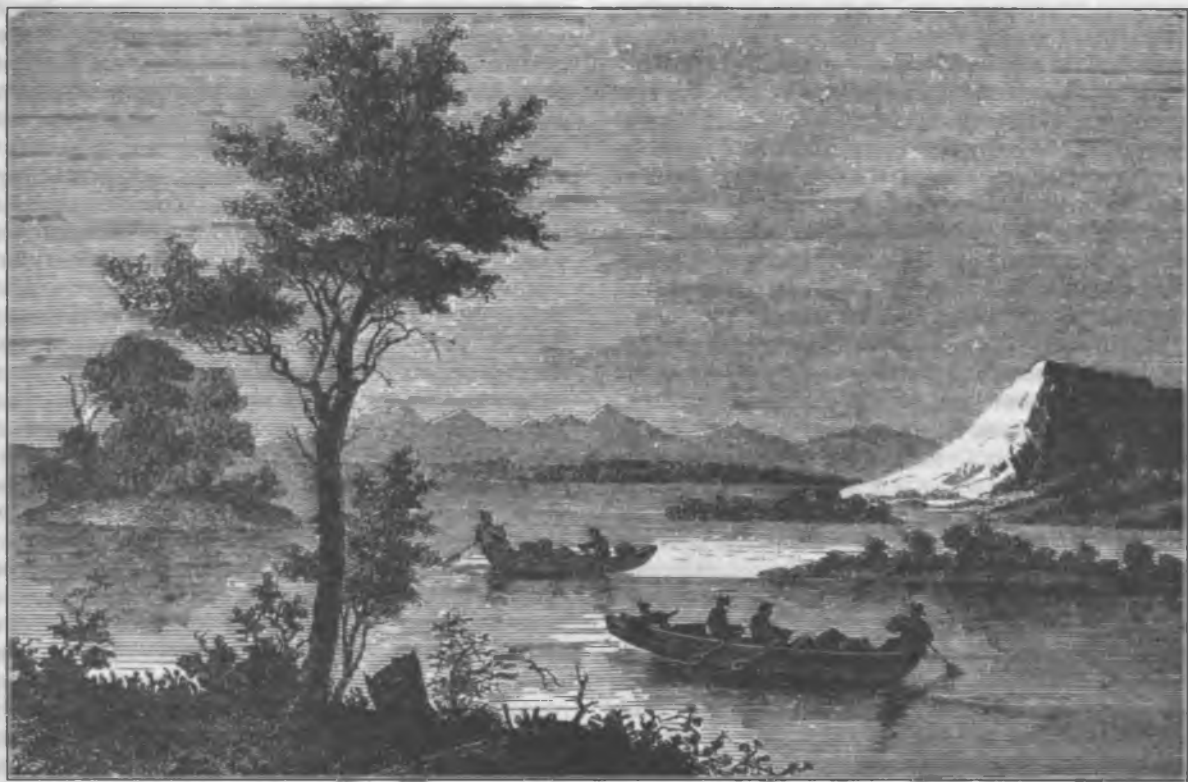
Корабль «Пальмето», следуя в Аян с упомянутыми лицами, благополучно избежал находившихся тогда около северной части лимана неприятельских крейсеров. Причины, побудившие неприятеля блокировать именно эти места, были таковы:

Один из кораблей Российско-американской компании, идя из Аяна в Ситху, во избежание неприятельских крейсеров, спустился к лиману, но тут был замечен неприятельским фрегатом, который за ним погнался. Корабль, сопровождаемый высланным из Николаевска подпоручиком Ворониным, успел войти на северный лиманский рейд, перешел уже и бар северного фарватера, но здесь заштилел; между тем неприятель, не решившись следовать за ним в лиман, выслал свои гребные суда. Капитан корабля и г-н Воронин, не имея никаких средств защищаться, зажгли корабль, а сами с командой (12 человек) под неприятельскими выстрелами достигли на шлюпках мыса Пуир. Таким образом, и этот корабль не достался в руки врага. Это обстоятельство вселило в неприятеле еще большую уверенность, что вход в лиман реки Амура возможен только из Охотского моря, а потому он и усилил здесь свое наблюдение за нашими судами.

Прибывший в залив де-Кастри в исходе сентября коммерческий корабль «Беринг» к началу октября разгрузился и был готов идти обратно; но в это время вошли в залив три неприятельских судна под начальством командира Элиота, составлявшие, как оказалось впоследствии, авангард англо-французской эскадры, крейсировавшей в южной части Татарского залива и около берегов Японии. Эта эскадра, желая отомстить за свое неудавшееся в прошлом 1854 году нападение на Петропавловск и на находившиеся в оном наши военные суда, ранней весной 1855 года вошла в Авачинскую губу и, не найдя там ни судов, ни команд, кроме есаула Мартынова с несколькими жителями, сожгла пустые магазины и направилась к Курильской гряде по тому пути, по которому должна была следовать наша камчатская эскадра. Не встретив ни одного из наших судов этой эскадры, счастливо ускользнувших от его бдительности, неприятель расположил свое крейсерство около берегов Японии и у южной части Татарского залива,

отрядив два судна к заливу де-Кастри, который, как мы выше видели, и пришли в оный 9-го мая. Суда эти, открыв нас, поспешили дать знать об этом своему адмиралу, крейсировавшему, как сейчас сказано, у берегов Японии, а наша эскадра в это время вошла в лиман. Неприятель, придя во второй раз, не нашел наших судов в заливе де-Кастри и, уверенный, что Сахалин полуостров и что вход в лиман с юга невозможен, предположил, что суда наши из залива ушли к югу и скрываются где-либо по побережьям Татарского залива или Охотского моря, и все лето и осень блокировал эти побережья, отыскивая суда. В исходе сентября, не встретив ни одного из судов, он отрядил три судна под командой командира Элиота в залив де-Кастри, с целью добыть сведения, куда именно ушла наша камчатская эскадра. Элиот, придя в де-Кастри в начале октября и увидев, что там расположен наш отряд, хотел захватить кого-либо в плен и чтобы узнать, куда скрылись наши суда; для этого он решился сделать высадку (около 200 человек). После усиленной бомбардировки, десант пристал к берегу, но казаки наши в числе 70 человек под командой есаула Пузано, с двумя горными орудиями под командой капитана Кузенко и мичмана Ельчанинова, давши пристать к берегу неприятельскому десанту, из леса открыли по нему сильный огонь из орудий и ружей, так что неприятель со значительной потерей должен был немедленно возвратиться на свои суда, потеряв убитыми 5 человек и до 20 человек ранеными; с нашей стороны было ранено три нижних чина. После этого он расположился в де-Кастри, полагая, что суда наши позднее осенью придут туда на зимовку. Между тем г-н Пузано дал знать о появлении неприятеля в Мариинский пост. Господин Сеславин, получив эти сведения, сейчас же выступил с остальными казаками (до 450 человек); а за ним туда же последовал и подполковник Назимов с 14-м батальоном; таким образом, в половине октября в залив де-Кастри собралось до 1 600 человек войска. С 9 или 10 часов утра до часа пополудни неприятель ежедневно бомбардировал нас, но никакого вреда ни войскам ни строениям нашим не приносил; лесу, правда, повалил довольно. Простояв здесь до исхода октября, он ушел к югу, а за ним и войска наши по льду озера Кизи возвратились обратно в Мариинский пост.

Так кончилась навигация 1855 года. Неприятель, блокируя берега Татарского залива, тщетно искал наши суда; он не открыл даже и Императорской гавани, в которой спокойно простоял, блокируя фрегата «Паллада». Эта гавань так замаскирована берегом, что надобно знать очень хорошо ее положение, чтобы войти в оную. На всех

Вид на Амур к западу от Хинганских гор.

Гравюра XIX в.

картах того времени весь берег Татарского залива показан прямым, скалистым.

Я с семейством, как уже частный человек, расположился в двух сырых комнатах, уделенных мне подполковником Назимовым; камчатский губернатор Завойко оставлен был начальником края, а адъютант генерал-губернатора Сеславин — начальником сухопутного войска, зимовавшего в Мариинском посту.

Начальник Константиновского поста в Императорской гавани, подпоручик Кузнецов, не зная, что начальство края перешло уже к Завойко, от 25-го ноября, через туземцев донес мне, что гавань Императора Николая покрылась льдом, что неприятель не показывался, что вся команда здорова и провианта находится на 10 месяцев, кроме некоторых вещей продовольствия, которые и просил меня прислать ему. В то время, когда я от г-на Кузнецова получил это донесение, прибыл в Мариинский пост мичман Разградский, которого контр-адмирал Завойко командировал в Императорскую гавань с тем, чтобы затопить там фрегат «Паллада», а команду с Кузнецовым возвратить в Николаевск. Я на время задержал г-на Разградского в Мариинском посту,

впредь до ответа от г-на Завойко, которому, провождая донесение Кузнецова, писал: «...В уничтожении фрегата «Паллада» не предстоит ныне ни малейшей крайности, потому что до вскрытия Императорской гавани, до мая месяца 1856 года, может последовать перемирие и даже мир, а потому нужно только доставить туда просимые Кузнецовым продовольственные запасы, что весьма легко сделать по пути, идущему через селение Хунгари, и подтвердить г-ну Кузнецову, в случае если мира не последует и неприятель войдет с целью завладеть фрегатом, действовать в точности согласно данным ему инструкциям, т. е. взорвать фрегат, а самому с людьми отступить в лес по направлению к Хунгари. Подобное действие будет иметь гораздо более влияние на неприятеля в нашу пользу, чем затопление без всякой еще крайности фрегата, который может быть выведен из гавани, в случае наступления мира с весной 1856 года...». На это предложение камчатский губернатор, контр-адмирал Завойко от 16-го декабря 1855 года отвечал мне, что ввиду данных ему приказаний, он не может принять подобное предложение, как противоречащее этим приказаниям, на свою ответст-

венность, а потому г-ну Разградскому он строго приказывал немедленно отправиться в Императорскую гавань и затопить фрегат «Паллада». Вследствие этого, г-н Разградский, следуя в Императорскую гавань через селение Хунгари, прибыл туда 17-го января 1856 года, т. е. в 16 дней; он затопил у Константиновского поста фрегат «Паллада» и, забрав бывшую в этом poste с Кузнецовым команду (14 человек), 20-го марта, тем же путем, возвратился в Николаевский пост. Таким образом, Константиновский пост существовал с 1-го августа 1853 года по 1-е марта 1856 года.

Между тем, в начале 1856 года генерал-губернатор Муравьев прибыл в С.-Петербург, куда в это время Дзин-Даюны Гиринский и Сахалинский с ургинским Ваном Вейдзье прислали от себя лист нашему Сенату. В нем они изъясняли, что генерал-губернатор сделал такие предложения (в Мариинске), которые они не смеют показать своему правительству, а между тем русские плавают по реке Амуру, строят там города и прочее. Этот лист был передан на рассмотрение особого комитета, который положил предоставить генерал-губернатору Муравьеву послать ответ от себя. Вследствие этого, Н. Н. Муравьев писал им, что он, имея право распечатывать листы к Сенату, прочел их объяснение и в свою очередь также не решается показать их Сенату. Этот ответ еще более утвердил китайцев в мнении, что генерал Муравьев действует самовольно.

Ранней весной 1856 года, 26-го апреля, полковник Корсаков, спустившись по рекам Шилке и Амуру до оставленного графом Путятиным парохода «Надежда», пошел на нем в Айгун, где и объявил амбаню (губернатору), что нынешним летом будут спускаться по Амуру наши суда и что по берегам реки будут ставиться наши посты для обеспечения возвращения с низовьев реки наших войск и сообщения между этими низовьями и Забайкальем¹.

Между тем г-н Сеславин, перед открытием навигации в заливе де-Кастри, в начале апреля, выступил туда с казаками (500 человек) из Мариинского поста и расположился в заливе лагерем, в том предположении, что неприятель возьмет этот залив и укрепит в оном. С открытием навигации я и г-н Завойко с нашими семействами на баржах отправились вверх по реке Амуру; я вышел из Мариинского поста 15-го мая, а вслед за мной из Николаевска поплыл и В. С. Завойко. В то же время шхуна «Восток» отправилась также

вверх по реке Амуру до устья реки Уссури. Не доходя 200 верст до этого места, ко мне на баржу прибыл со шхуны «Восток», на туземной лодке, Ф. А. Анненков и сообщил, что капитан-лейтенант Н. М. Чихачев, спускаясь из Забайкалья с 10 лодками, встретился у мыса Доли со шхуной и объявил о заключении мира с Западными державами. Он сказал, что подниматься по реке без паровых средств, по случаю быстрых течений у мысов и в некоторых протоках, в особенности в щеках Хингана, опасно и медленно, что пароход «Шилка», который должен был был отправиться из Стретенска вниз по реке Амуру, нам навстречу, не готов и вряд ли пойдет в нынешнюю навигацию, и что, поэтому, мне и Завойко гораздо лучше возвратиться обратно и следовать в Иркутск через Аян. Вследствие этого мы с Завойко пересели на шхуну «Восток» и поплыли в Николаевск, куда и прибыли 20-го июня. Между тем, 22-го мая, Чихачев дал знать о заключении мира г-ну Сеслаину, в залив де-Кастри, о чем тот, в свою очередь, сообщил пришедшему в де-Кастри командиру английского фрегата «Pique». Фрегат этот пришел в де-Кастри 21-го мая, чтобы удостовериться, нет ли там какого-либо судна из нашей эскадры, и вместе с тем узнать, не заключен ли мир, так как о начавшихся мирных переговорах они уже имели сведения. Командир фрегата сообщил, что 19-го мая он заходил в Императорскую гавань, о существовании которой случайно узнал зимой с 1855 на 1856 год от бывших у нас в 1855 году американских судов². Командир английского фрегата, кроме того, рассказывал, что французский фрегат, блокируя берега Татарского залива, в лето 1855 года, описал открытую в 1854 году адмиралом Е. В. Путятиным гавань Посьета и назвал ее заливом Императора Наполеона III, гавань же Императора Николая I командир фрегата «Pique» назвал заливом Барракута. По получении сведения о заключении мира, полковник Сеславин со своими войсками возвратился из де-Кастри в Мариинский пост, и вследствие распоряжения генерал-губернатора, начал готовиться с этими войсками к плаванью вверх по Амуру: в Забайкалье; 14-й линейный батальон был оставлен в Мариинском посту.

С открытием навигации на реке Амуре, отправился вниз по этой реке из Забайкалья 3-й амурский рейс под начальством состоявшего для особых поручений при генерал-губернаторе

¹ Итак, признали наконец, что поставить посты по реке Амуру было необходимо, между тем как представление мое в 1855 году об этом считали утопическим и напрасным.

² Таким образом, неприятель нашел Императорскую гавань по получении об ее существовании сведения от бывших у нас американцев и входил туда после уже заключения мира. Это обстоятельство весьма важно в том отношении, что оно фактически доказало справедливость моих действий и предложений. Если бы на устьях рек Уссури и Хунгари были поставлены наши посты то тогда о заключении мира в Императорской гавани знали бы прежде прихода неприятеля, и фрегат «Паллада» был бы сохранен.

подполковника Н. В. Буссе; в этом рейсе находилось 110 различного рода лодок, барок и плотов. Передовым отрядом рейса командовал Н. М. Чихачев. Подполковник Н. В. Буссе, спускаясь по реке Амуру, в видах обеспечения предстоявшего подъема вверх по реке наших войск, поставил только три поста на левом берегу Амура: Камарский (против устья реки Камары), Зейский (близ устья реки Зеи) и Хинганский (при входе в Малый Хинган). Такое число и распределение постов было несоответственно ни огромному пространству течения реки, ни характеру оной; ибо подъем по Амуру до устья реки Уссури, по причине большого количества извилистых и быстрых протоков, по которым неминуемо должны были следовать наши гребные суда с войсками, дабы избежать еще худшего — сулоев и весьма быстрых течений около скалистых мысов на фарватере, весьма затруднителен, а потому на этом пространстве крайне было необходимо поставить по крайней мере два поста: один при устье реки Хунгари, а другой на устье реки Уссури. Плавание от реки Уссури до Хингана, по случаю также извилистых и частью быстрых протоков, затруднительно и медленно, а плавание в так называемых щеках (до 100 верст), т. е. в том месте, где река прорывает Хинганский хребет, по случаю быстрого течения и скалистых берегов, весьма трудно, а потому между устьями рек Уссури и Сунгари следовало бы поставить пост, а другой такой же — около входа в Хинган. Итак, кроме сказанных постов, надобно бы было поставить еще четыре поста и все семь обеспечить продовольствием по крайней мере на 7 дней для 500 человек. Тогда бы подъем наших войск на легких гребных судах, на которых они не имели возможности взять продовольствия более как на неделю, был бы совершенно безопасен и люди не были бы поставлены в такое губительное положение, в каком они очутились по милости г. Буссе: значительная часть из них умерла с голода. Господин Сеславин на легких гребных судах, приобретенных большей частью от туземцев, выступил с войсками из Мариинского поста в исходе июля, двумя отрядами. По причине встреченных им течений, извилистых протоков и других обстоятельств, они поднимались весьма медленно и с большими затруднениями. Далеко еще не достигнув расставленных г-м Буссе постов, они издерживали все свои запасы, и принуждены были питаться кореньями, ягодами и варить даже кожу с обуви; вследствие чего пошли болезни, а за ними ужасная смертность. Положение их было ужасное, но оно становилось еще грустнее, когда, достигнув наконец поста, они находили там самое ничтожное количество провианта. Ставивший посты не сообразил

даже и того, что плыть против течения по неизвестной еще реке на гребном судне, не значит ехать или идти по известному тракту; рассчитывая пройти извещенное пространство по реке, против течения, в один день, необходимо брать запаса на три или на четыре дня, ибо здесь можно постоянно ожидать различных случайностей, которые могут замедлить плавание.

Этот факт рельефно выказал всю неосновательность или близорукость тех противоречий, какие представляли эти господа генерал-губернатору против настоящего моего мнения поставить посты на устьях рек Хунгари, Уссури, Сунгари, Буреи, Зеи и на Хинганском хребте, снабдив оные достаточным количеством провианта, могущим обеспечивать вполне следование наших войск. Я часто говорил, что без этих распоряжений мы останемся отрезанными в низовье реки Амура, и что подъем людей, особливо в значительных массах и без паровых средств, может быть губительным, но мне не верили тогда.

В это же время капитан 2-го ранга С. С. Лесовский, принявший от В. С. Завойко начальствование, со свойственными ему энергией, распорядительностью и полным знанием морского дела, начал готовить к дальнему плаванью (в Кронштадт) зимовавшие около Николаевска, в протоке Пальво, суда наши: фрегат «Аврора», корвет «Оливуца» и транспорт «Двина». В начале сентября эскадра эта была уже готова и, выйдя благополучно из реки и лимана в Татарский залив, отправилась по назначению. Я с В. С. Завойко и полковником Назимовым с семействами нашими, на транспорте «Иртыш», в начале июля, пошли в Аян.

Из Аяна в начале августа мы все с нашими малютками, верхами достигли реки Май (дети сидели в корзинках по обеим сторонам лошади), т. е. проехали 240 верст и затем, следуя в лодках по рекам Мае, Алдану и Лене, в начале сентября, пришли в Якутск, а оттуда, к исходу сентября, прибыли в Иркутск, совершив, таким образом, до Иркутска более 4 000 верст. Оставив свое семейство в Красноярске до зимнего пути у сестры жены моей А. И. Мазарович, муж которой командовал тогда казачьим красноярским полком, я отправился в С.-Петербург, куда и прибыл в исходе октября.

Из слов государя великого князя генерал-адмирала и управляющего тогда морским министерством адмирала Ф. П. Врангеля, я увидел, что был распространен слух, будто бы суда наши, фрегат «Аврора», корвет «Оливуца» и транспорт «Двина», по случаю мелководья на бере реки Амура, выйти из реки не могут, что донесения мои относительно состояния этого бара ложны и, наконец, что будто бы я виновен в том, что фрегат «Паллада» не ввели в реку и утопили в Императорской гавани. Этот слух был так рас-

пространен, что даже государь император, к которому я представлялся, несмотря на высоко-милостивые слова его величества, что Россия никогда не забудет моих заслуг, изволил заметить мне, что река Амур мелка и не годится для плавания. На это я отвечал, его величеству, августейшему генерал-адмиралу и, наконец, управляющему морским министерством, адмиралу Ф. П. Врангелю, что слух этот ошибочен: река Амур судоходна, плавание по ней возможно и суда наши благополучно выйдут из реки и лимана, о чем, вероятно, весьма скоро получится донесение; что же касается фрегата «Паллада», то официальные донесения и представления мои, начиная с 1852 года, ясно показывают, что я со своей стороны делал все, чтобы ни того, ни другого не могло случиться, и если бы на них обратили должное внимание, то наверное бы этого и не случилось.

Вскоре после этого, именно в начале декабря, прибыл в Петербург курьером капитан-лейтенант Чихачев с известием о благополучном выходе в Татарский залив из реки Амура нашей эскадры. Получив это известие, я необходимым счел поздравить с этим событием августейшего генерал-адмирала и управляющего морским министерством, Ф. П. Врангеля, и при этом выразился, что после этого факта, я надеюсь, уничтожатся затеянные против меня интриги, и сознают, что донесения мои были вполне справедливы.

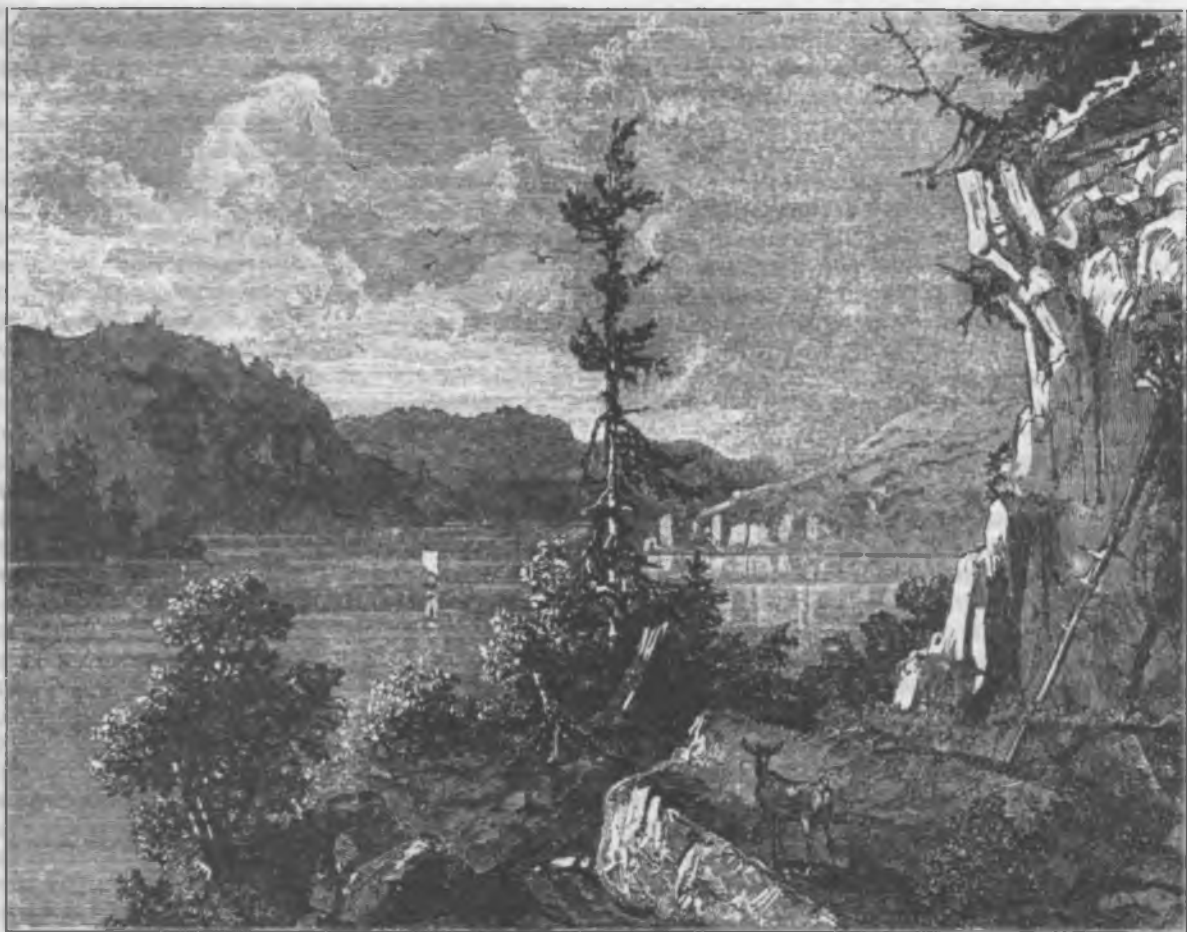
Весной 1856 года на пароходе «Надежда» спустился в Николаевский пост капитан 1-го ранга Козакевич, назначенный вместо В. С. Завойко камчатским губернатором. Вскоре после того прибыли в Николаевск из Америки пароход «Америка», заказанный там г-м Козакевичем в 1854 году, и два коммерческих судна — «Беринг», с грузом различных товаров, и «Европа», с механическим заведением и двумя маленькими речными пароходами: «Амур» и «Лена». Осенью того же года между Николаевским и Мариинским постами были построены почтовые станции; на каждой из них было по четыре казацкие и по четыре крестьянские лошади.

В конце 1856 года была высочайше утверждена Приморская область Восточной Сибири, в состав которой вошли прежняя Камчатская область, Удский и Приамурский края; местопребыванием военного губернатора этой области назначен Николаевский пост, переименованный в город Николаевск-на-Амуре. Вместо прежней камчатской флотилии была высочайше утверждена сибирская флотилия на Восточном океане. Исправляющий должность камчатского губернатора капитан 1-го ранга Козакевич был переименован в военные губернаторы Приморской области

Восточной Сибири и в командиры сибирской флотилии и портов Восточного океана. Таким образом, учреждением этой области официально признавалась зависимость устья реки Амура от России и Нижнеприамурский край официально присоединился к русским владениям в Азии.

В то же время, т. е. в конце 1856 года, после отъезда Н. Н. Муравьева из С.-Петербурга в Сибирь, посланником в Китай был назначен адмирал граф Е. В. Путятин¹ (по случаю особенных обстоятельств, возникших между Россией и Китаем, как было сказано в извещении об этом, пекинской трибуналу). Граф Путятин в начале 1857 года прибыл в Кяхту, откуда послал ноту китайскому правительству, требуя пропуска в Пекин и уведомляя, что он будет ожидать ответа до такого-то времени, после чего отправится рекой Амуром и морем. Китайцы медлили с ответом до мая и по отъезде графа Путятина из Кяхты прислали ему в Селенгинск уведомление, в котором отзывались, что у них нет никаких особо важных дел с Россией, для которых стоило бы такой высокой особе, как посланнику, предпринимать трудный и далекий путь в Пекин. Граф Путятин отправил китайцам соответствовавший их уведомлению ответ и продолжал путь по Забайкалью в шилкинский завод, откуда вместе с генерал-губернатором поплыл по реке Амуру. В Айгуне, принимая поздравление амбаны с приездом, граф Путятин спросил его, не получены ли на имя его какие-либо бумаги из Пекина, и узнав, что нет, продолжал путь далее к устью реки Амура. Генерал-губернатор возвратился в Зейский пост и здесь остался ожидать прохода войск и переселенцев, назначенных на реку Амур. В начале 1857 года было высочайше утверждено заселение левого берега реки Амура, потому весной переселенцы амурского конного казачьего полка были двинуты вниз по реке Амуру и под личным распоряжением генерал-губернатора заняли левый берег Амура от Усть-Стрелки до щек Малого Хингана. Кроме того, при устье Зеи стали лагерем: 13-й линейный батальон и дивизион легкой батареи. В этом же году доставка казенных грузов в низовья реки Амура производилась в первый раз с подряда иркутскими купцами: Серебряковым и Зиминым (только часть их следовала с казенным рейсом под начальством полковника Ушакова). В навигацию того же 1857 года в Николаевск пришло семь иностранных кораблей: «Беринг» и «Messenger Bird» из Бостона, шхуны «Люиз-Перо» и «Камчадал» из Сан-Франциско, барк «Barham» и лхуна «General-purse» из Гонконга и барк «Оскар» из Гам-

¹ За действия Е. В. Путятина в Японии даровано было ему графское достоинство и 3000 рублей пенсия.

Камчатка.

Гравюра XIX в.

бурга. В эту же навигацию в первый раз по реке Амуру, на пароходах «Амур» и «Лена», было доставлено в Сибирь незначительное количество товаров.

Между тем граф Путятин, близ селения Михайловского был встречен контр-адмиралом Козакевичем на пароходе «Надежда» и вместе с ним продолжал плавание до Николаевска. Пробыв здесь несколько дней, в ожидании парохода «Америка», отводившего транспорты «Байкал» в залив де-Кастри, а «Иртыш» в Императорскую гавань (для возобновления нашего Константиновского поста)¹, граф Путятин, на том же пароходе, в сопровождении тендера «Камчадал», направился к берегам Китая. 14-го июля он открыл залив Святой Ольги и, отправив оттуда тендер

«Камчадал» с лейтенантом Рудановским на остров Сахалин, проследовал далее в корейский порт Гамильтон. Цель отправления Рудановского состояла в том, что при переговорах с японцами в 1853 году Е. В. Путятин, не зная о данном мне высочайшем повелении занять Сахалин², дал надежду японцам, что южную часть Сахалина Россия, *может быть*, им уступит; теперь, имея в виду это обстоятельство, Е. В. Путятин и послал Рудановского, чтобы осмотреть перевал от Кусуная к устью реки Менуе, т. е. самую узкую часть Сахалина, где, в случае упомянутого обстоятельства, может быть проведена на Сахалине граница. Тендер «Камчадал», подойдя к селе-

¹ Это последнее обстоятельство весьма важно в том отношении, что тогда начали уже убеждаться в справедливости представлений моих, что нам отнюдь не должно ограничиваться левым берегом реки Амура и непременно иметь за собой бассейн реки Усури с его прибрежьями до корейской границы.

² Декларацию же мою от 23-го сентября 1853 года, которую я передал в Аннве японским чиновникам для доведения до сведения их правительства о принадлежности нам острова, — японцы скрыли и не объявили Е. В. Путятину.

нию Кусунай (48° N широты) и высадив здесь на шлюпках с 15-ю людьми лейтенанта Рудановского, возвратился в Николаевск. Рудановский поставил на устье реки Кусунай к устью реки Менуе, вливающейся на восточной стороне Сахалина в Охотское море, возвратился обратно на устье Кусунай, где, построив для помещения людей избушку, пошел на шлюпках вдоль западного берега Сахалина к лиману и поздней осенью прибыл в Николаевск.

Между тем граф Е. В. Путятин из порта Гамбург пошел в Печилийский залив, 24-го июля достиг реки Пей-хо, вошел здесь в сношение с китайскими властями, которые после различных отговорок и уклонений 12-го августа приняли от графа Е. В. Путятина пакет, с условием доставить ответ на оный в Печили. После этого пароходокозвет «Америка» отправился в Шангай за бумагами, ожидавшимися из России, и оттуда снова прибыл в Печили, где 4-го сентября Е. В. Путятин получил подобный же первому неудовлетворительный ответ от китайского правительства. В продолжение этого времени из Пекина был послан лист нашему Сенату, в котором китайцы жаловались, что граф Е. В. Путятин, несмотря на дружеские их отношения к России, решился противно трактатам, проникнуть в порт Печили, закрытый для европейцев. В листе говорилось, что, несмотря на то, что для переговоров России с Китаем есть Кяхта, китайцы выслали своих чиновников в Печили, но граф, передавая свои требования, ушел в Шангай за ответом. Рассматривая вопрос об Амуре в Шангае, по мнению китайцев, было неудобно, ибо для этого у них есть на Амуре уполномоченный, главнокомандующий во всей Манчжурии (Дзян-Зюн), к которому и следует обращаться для переговоров по этому предмету, а потому китайское правительство и просит отозвать графа Путятина из Шангай. Лист этот с донесением от графа Путятина о неудавшейся его попытке проникнуть в Пекин через Печили и об открытии переговоров в Шангае, были получены в С.-Петербурге в конце 1857 года, во время приезда туда из Иркутска Н. Н. Муравьева.

Вследствие упомянутых донесений графа Путятина и листа от китайского правительства, было решено: предоставить графу Путятину, не касаясь вопроса о реке Амуре, помогать от

китайцев только тех преимуществ для России, какие получают другие нации, подкрепив его для этого эскадрой из семи винтовых судов, назначенных на службу в сибирскую флотилию. Это распоряжение было послано к графу Путятину через Суец в Шангай с особым курьером — адъютантом генерал-губернатора Н. Н. Муравьева — подполковником Мартыновым. Переговоры же о границе нашей с Китаем на Востоке решено было возложить на генерал-губернатора Муравьева; о чем и было уведомлено китайское правительство. По этому случаю был послан лист пекинскому трибуналу внешних сношений, в котором упоминалось, что *все действия русских на реке Амуре производятся*¹, и что сам генерал-губернатор был вызван в Петербург государем императором и получил лично от него приказание. Поэтому, если китайское правительство желает кончить дело на Амуре, то может обращаться к генерал-губернатору Восточной Сибири Муравьеву, как к уполномоченному.

Китайское правительство, усматривая, что мы основанием наших постов в низовьях реки Амуре и по прибрежью Приамурского края считали, наконец, права наши на Приамурский край и видя, что, начиная основывать военные поселения по берегам реки, мы принимаем уже решительные меры к прочному водворению в этом крае и не желаем делать ни уступок, ни замедлений², прислало сказать, что *«из возникших недоразумений не приходится ему разрывать с нами двухсотлетнюю дружбу»*. Другого ответа, конечно, нельзя было и ожидать, потому что, с одной стороны, Николай Николаевич Муравьев формировал в Забайкальской области пеший казачий полк с артиллерией, а с другой — адмирал граф Путятин поджидал прибытия из Кронштадта семи военных судов³. Китай не такое государство, с которым можно ограничиться дипломатической перепиской, — ему нужно было показать могущество, силу России, и как только он проведал об этом, сейчас же переменял тон. Генерал-губернатор, по возвращении своем из С.-Петербурга в исходе февраля 1858 года в Иркутск, послал в Ургу кяхтинского пограничного комиссара для подробнейшего объяснения с китайскими властями в духе упомянутого

¹ Удивительный переворот: дипломатия наша начала теперь опираться на мои именно действия, произведенные вне повеления и чуть ли не с угрозой мне за это разжалованием.

² Войско и артиллерия эта сформированы Н. Н. Муравьевым из крестьян, бывших из горнозаводского ведомства, ввиду именно того, что мы могли подкрепить наши действия в Приамурском крае, в случае каких-либо со стороны Китая усложнений для возвращения Приамурского края России. Это-то обстоятельство и составляет главную и важнейшую заслугу генерала Н. Н. Муравьева, весьма хорошо понимавшего, что всякие переговоры с Китаем дипломатическим путем без силы останутся бесследными, на что указывал еще, как мы выше видели, Брюс и другие, хорошо знакомые с китайцами на месте, — но до этого времени наша с.-петербургская дипломатия полагала, что ее декларации имеют будто бы и на Китай магическую силу и что всякая физическая сила противна ее теории, всегда весьма ошибочной с китайцами и даже всегда вредной.

³ Эта посылка была совершена при ревностном участии в амурском деле августейшего генерал-адмирала Константина Николаевича.

листа Сената, и просил послать к нему одного из чиновников нашей миссии. В отношении же заселений на левом берегу Амура, Николай Николаевич велел предупредить ургинских правителей, что этот берег, а равно и берега Уссури будут заселяться в наступающее лето¹, но что эти действия ничего враждебного в себе относительно Китая не заключают, а напротив, они клонятся к общей пользе обоих государств.

В то же время генерал-губернатор отправил на устье Зеи из Иркутска чиновника Кочетова, поручил ему, между прочим, когда будет в Айгуне, на вопрос ему амбана (губернатора) о том, где Муравьев, отвечать, что Н. Н. Муравьев будет на реке Амуре тотчас же по открытии навигации, но что не может долго останавливаться в нашем посту на устье Зеи, ибо должен спешить в Николаевск, и что если они желают с ним переговорить, то это удобнее сделать на его возвратном пути из Николаевска. Предупреждение это Н. Н. Муравьев счел необходимым сделать: во-первых, в надежде получить в Николаевске известие от графа Путятина, а во-вторых, чтобы показать китайцам, что с его стороны нет особенного стремления к ведению с ними переговоров, ибо он и сам очень хорошо понимал, где должна идти наша граница, и обставлял ее уже постами. Одним словом, Муравьев решил действовать в духе амурской экспедиции.

Николай Николаевич, проехав в апреле месяце, еще по льду, озеро Байкал, продолжал дальнейший путь до Стретенска на колесах. Оттуда, в сопровождении преосвященного архиепископа Иннокентия, 26-го апреля, он во время ледохода поплыл по реке Амуру на особых баржах с двумя вооруженными катерами. Не доходя устья реки Зеи, в станице Бибикова, Н. Н. Муравьев был встречен чиновником из Айгуна, который просил его подождать некоторое время приезда цицикарского главнокомандующего (Дзян-Зюня), назначенного уполномоченным при переговорах о разграничении. 5-го мая генерал Муравьев прибыл в Усть-Зейскую станицу, где на другой день к нему приехал айгунский амбань (губернатор) Дзираминга; он сообщил, что цицикарский главнокомандующий и уполномоченный уже прибыл из Цицикара в Айгун и просит генерала, хотя на несколько дней, отсрочить свое дальнейшее плавание, чтобы иметь возможность переговорить с ним о разграничении, так как дело это крайне заботит их правительство и пограничные люди их находятся в тревоге и оторваны от сельских занятий. При этом амбань намекнул генерал-губернатору, что он во всем успеет и все сделает; спросил, есть ли у него дети, и, узнав, что нет, сожалел, говоря, что после великого дела хорошо бы было оставить славу в потомстве. В заключение амбань просил назначить местом для переговоров город Айгун и звал туда Николая Николаевича к себе обедать. Генерал-губернатор согласился как на то, так и на другое, тем более, что амбань посещал его уже два раза.

¹ Факт о заселении берегов реки Уссури весьма знаменателен тем, что высшее правительство и генерал-губернатор Муравьев сознали, наконец, всю важность и необходимость для России Приуссурийского края, т. е. признали всю основательность моих постоянных об этом представлений и постоянных, как мы видели, отчаянных и ревностных стремлений и действий амурской экспедиции, которой одной, можно сказать, Россия и обязана приобретением этого края.

Глава XXXI

Основание города Благовещенска.— Первое свидание генерал-губернатора в Айгуне с китайскими уполномоченными.— Предложение генерал-губернатора.— Проект договора.— Ультиматум.— Айгунский трактат 16-го мая 1858 года.— Основание Софийска.— Плавание по реке Сунгари.— Айгунский амбань посещает генерал-губернатора в Благовещенске.— Тяньцзинский трактат.— Путешествие Мартынова из Тяньцзина в Петербург.— Награды.— Краткое обозрение деятельности морских офицеров в Приамурском крае.

Усть-Зейской станице 9-го мая 1858 года заложен был архиепископом Иннокентием храм, во имя Благовещения, а сама станица переименована в город Благовещенск. На другой день генерал-губернатор на своем катере, в сопровождении двух вооруженных катеров, отправился в Айгун, на обед к амбаню. Маньчжуры еще заранее просили позволения принять Н. Н. Муравьева с подобающими высокому сановнику почестями и салютом, на что он изъявил свое согласие. Поэтому, при вступлении генерала на берег показался в стороне дым и послышался слабый треск; пушек, как видно, у них не было, но, судя по звуку, можно предполагать, что это были маленькие мортирки, подобно как в Маймачине. Наши вооруженные катера отвечали им выстрелами из своих орудий, громкий звук которых озадачил и, как впоследствии оказалось, не понравился маньчжурам. Генерал-губернатора посадили вместе со статским советником Перовским в парадную одноколку амбана, свите же предложили приготовленных на берегу верховых лошадей, и таким порядком все в парадной форме следовали через город и крепость, при большом стечении народа. Амбань встретил генерал-губернатора, как почетного гостя, у одних из наружных ворот, ведущих во внутренние дворы его дома. Введя в комнату, он указал на сидевшего там Дзян-Зюна, главнокомандующего амурскими силами, князя И-Шана, родственника царствующего богдыхана. Генерал-губернатора посадили в той же комнате, вместе с дипломатическим чиновником Перовским, обер-квартирмейстером полковником Будоговским, переводчиком маньчжурского языка Шишмаревым и заведовавшим путевой канцелярией генерал-губернатора Карповым, с ними помести-

лись Дзян-Зюн И-Шан и амбань Дзираминга. Секретарь манчжуров, ротный командир Айжиндай стоял за столом. Остальные члены свиты генерал-губернатора¹ поместились в другой комнате, служившей сенями для двух половин дома, и были угощаемы сидевшими вместе с ними манчжурскими штаб-офицерами, с синими прозрачными шариками на шапках.

Началось угощение, состоявшее из чая и разных сухих сластей, поставленных на столе в нескольких блюдечках; потом подавали жаренную баранину и жаренного поросенка, нарезанных мелкими кусочками, которые пришлось класть в рот по-манчжурски — двумя палочками, и в заключение подали жидкость, наподобие супа, с клещевинным маслом. Во время обеда неоднократно подавали теплую рисовую водку (мангалу) в крошечных фарфоровых чашечках, а генералу в серебряной, с соблюдением строгого чинопочитания, т. е. начиная всегда с генерала, потом подносили г-ну Перовскому и тем, которые или по своей тучности, или по своей презентабельности казались им старше других. Обед прошел весьма весело: говорили любезности, общались друг другу новости, но о главном деле ни слова. После обеда князь И-Шан предложил Н. Н. Муравьеву переговорить о деле, но Муравьев отклонил это, говоря, что сегодня будем пировать, а все дела отложим до завтра. Этим генерал, между прочим, хотел показать манчжурам, что он не слишком дорожит и вовсе не торопится переговорами с ними. Обед кончился в 7-м часу вечера, после чего генерал-губернатор и его свита отправились на катере и вместе с вооруженными катерами перешли к противоположному берегу, где стали на якорь у песчаного острова.

На другой день, 11-го мая, генерал-губернатор со своим штабом, в парадной форме, перешел на катере к противоположному берегу. Там же одноколка и верховые лошади ожидали их в Айгуне, но на этот раз Н. Н. Муравьев отправился верхом со своей свитой в дом амбана, где И-Шан ожидал его к 10-ти часам утра. Предвари-

тельно условлено было, чтобы при переговорах присутствовали с обеих сторон только необходимые лица: с китайской стороны князь И-Шан, амбань и Айжиндай; с нашей: генерал-губернатор, Перовский и переводчик Шишмарев. Но в первое же заседание потребовали с картами Будоговского. Все эти лица поместились в той же комнате, в которой накануне обедали, таким образом, что налево от входа на широких нарах сидели по обоим сторонам стола И-Шан и направо от него амбань, а направо от входа, на таких же нарах, сидел за столом генерал-губернатор, справа от него Перовский, а слева Будоговский (когда его потребовали). Переводчик Шишмарев и секретарь Айжиндай стояли по бокам, каждый у стола своей стороны. Сначала генерал-губернатор изложил с исторической последовательностью наши действия на Амуре, причины и цель этих действий, клонящихся к пользе обоих государств, потом высказал, что для пользы обоих государств необходимо определить границу между ними по рекам Амуру и Уссури, так как она представляет удобнейшую естественную черту между обоими государствами.

По окончании всего изложенного, Н. Н. Муравьев представил китайскому уполномоченному князю И-Шану заблаговременно написанный на бумаге проект пограничной черты по Амуру, Ассури (с верхними притоками ее) и по реке Тюмень-Ула, до моря². Чтобы лучше объяснить манчжурам направление этой черты, он и потребовал из другой комнаты Будоговского с картой.

Затем генерал-губернатор предъявил свое полномочие, написанное на русском и манчжурском языках, в котором объяснялось, что ему, генерал-губернатору Восточной Сибири, поручалось от русского правительства вести переговоры с Китаем как о разграничении, так равно и о всех делах, которые, по его мнению, могут клониться к взаимным пользам обоих государств.

Генерал-губернатор предложил обсудить все его предложения о границах, обещал прислать на бумаге проект договора и сказал, что, вероят-

¹ Свиту эту составляли: пристав духовной нашей миссии в Пекине П. Н. Перовский, Генерального штаба подполковник К. Ф. Будоговский, секретарь по дипломатической части Е. К. Бюцов, переводчик манчжурского языка Я. П. Шишмарев, чиновники особых поручений генерал-губернатора Восточной Сибири: коллежский асессор Д. Н. Гурьев, коллежский асессор П. В. Корчевский, коллежский секретарь Карпов и адъютант, артиллерии поручик М. И. Котлубацкий.

² Нельзя не высказать здесь, что под влиянием укоренившегося неправильного мнения, что реки должны составлять пограничные черты, сделали здесь величайшую ошибку, упуская из вида следующие весьма важные для края обстоятельства: по праву Нерчинского трактата, граница наша в Приуссурийском крае, о чем я, как мы видели, неоднократно представлял и объяснял, должна идти по Хингану, перебрасывающемуся через реки Амур и Сунгари и отделяющему весь бассейн реки Уссури в наши владения. Положить границу этих хребтов для нас было бы весьма важно, во-первых, потому, что река Сунгари, при слиянии с рекой Амуром, составляет огромную низменную болотистую долину, изрезанную протоками, и только у упомянутых гор, входя в свои берега, представляет для нас самый важный стратегически пункт; во-вторых, потому, что правые значительные притоки реки Уссури образуют превосходные долины для поселений и местности, по которым идут ближайшие береговые пути в Манджурии, т. е. местности, представляющие для нас важные стратегические пункты; в-третьих, потому, что, владея всем бассейном реки Уссури и отклоняя границу к хребту, мы избежали бы различных неприятных по реке Уссури береговых столкновений и стеснении. Можно сказать с уверенностью, что со стороны китайцев не было бы при этом затруднения, ибо они жалели только лишь о части Даурии, т. е. левом берегу Амура и Хингана.

но, Дзян-Зюн утомлен продолжительным прением (ибо было уже 3 часа после полудня) и, может быть, привык в это время обедать. Потом он просил посетить его и назначил 4 часа пополудни.

Так кончилось первое заседание 11-го мая. Все переговоры велись на маньчжурском языке, но, несмотря на то, что Дзян-Зюн был истый маньчжур и родственник богдыхана, он по-видимому, лучше знал придворный китайский язык, нежели свой родной маньчжурский. Речь генерал-губернатора к Дзян-Зюну Шишмарев переводил амбаню по-маньчжурски, а тот передавал ее Дзян-Зюну по-китайски. Когда же генерал-губернатор адресовался к амбаню, то слова Шишмарева на маньчжурском языке передавались амбаню особым переводчиком, по-китайски.

Около 4 часов стали подвигаться к катеру генерал-губернатора две огромные джонки, назначавшиеся, по словам маньчжурских чиновников, для переезда Дзян-Зюна. Их поставили по сторонам катера, но Николай Николаевич послал Шишмарева просить Дзян-Зюна приехать к нему на вельботе. Ровно в 4 часа показалось огромное шествие Дзян-Зюна из города с огромной свитой, предшествуемое двумя оруженосцами впереди. На катер генерал-губернатора были приглашены Дзян-Зюн, амбань, Айжиндай, личный секретарь Дзян-Зюна, его прислужник с трубкой и два оруженосца. Угощение состояло из чая, сладостей, мадеры, шампанского и, наконец, ликера. Хор трубачей иркутского конного полка играл на берегу на близком расстоянии от катера. Музыка, по-видимому, очень нравилась Дзян-Зюну, особенно веселые мотивы русских плясовых песен, которые, по его желанию, повторялись несколько раз. Таким образом, время шло незаметно, между веселым разговором и обильным угощением.

На другой день, 12-го мая, отправили с г-ми Перовским и Шишмаревым проект договора, состоявший из пяти пунктов.

В первом определялась точная граница между Россией и Маньчжурией, именно: от слияния рек Шилки и Аргуни по реке Амуру до устья реки Уссури, потом вверх по этой реке и по верхним ее притокам до водораздельного хребта; отсюда на верхние притоки реки Тюмень-Улы и по сей последней до моря.

Во втором назначалось свободное плавание по всем рекам, составляющим границу.

В третьем дозволялось свободное переселение жителей обоих государств с земель, отошедших во владение другого государства, в течение одного года.

В четвертом утверждалась взаимная торговля по рекам Амуру и Уссури для жителей берегов этих рек.

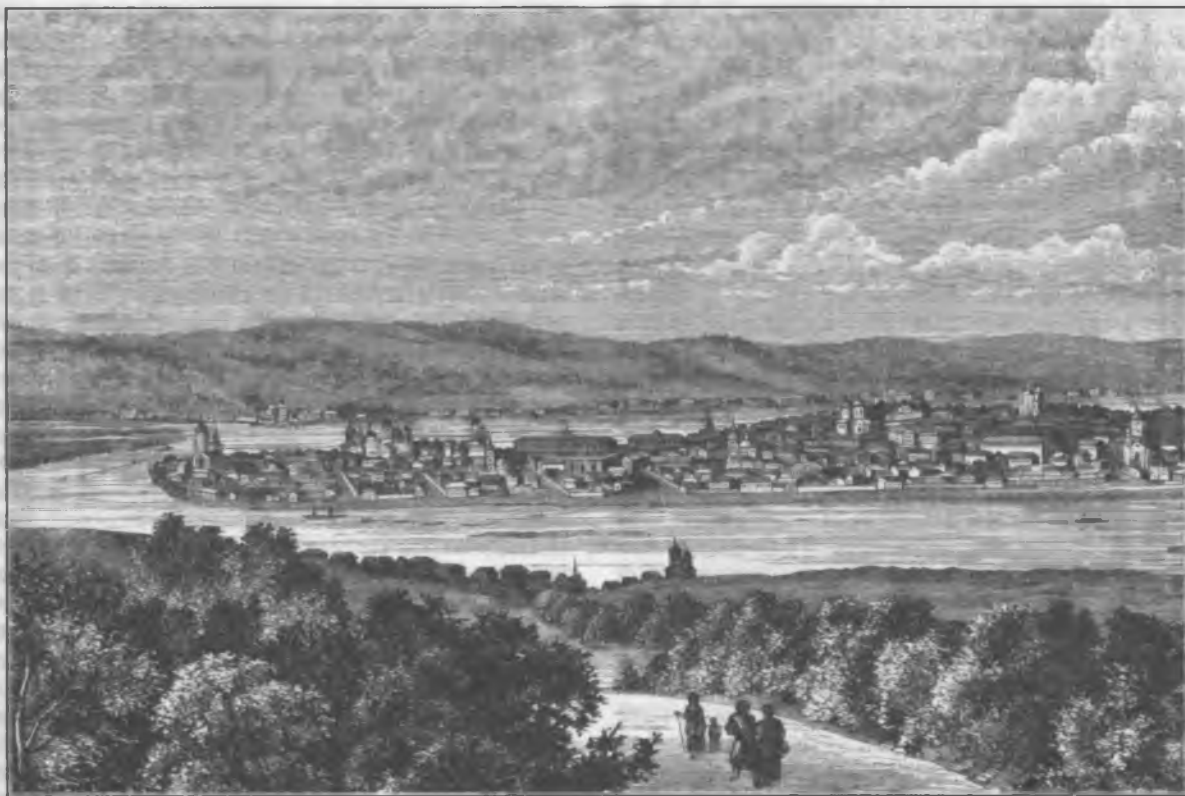
В пятом начался пересмотр прежних трактатов относительно торговых сношений и сообщений с Пекином, отправление миссии, послов, курьеров и прочего, могущих доставить пользу и славу обоим дружественным государствам.

По представлении Перовским этого проекта договора, маньчжуры по обыкновению возобновили свои односторонние доводы и опровержения, а о последнем пункте решительно отказались и рассуждать, говоря, что по этим предметам Дзян-Зюн не имеет полномочий и что ему поручено только переговариваться о делах на Амуре, и если мы желаем касаться нашей торговли с Китаем, то должны будем начать отдельные переговоры, совершенно особо от настоящих. Слово «граница» маньчжуры просили исключить, представляя, что граница с Китаем утверждена будто бы прежними трактатами. Айжиндай указал и на слова: «*ради бóльшей славы и пользы обоих государств*», объясняя, что ненадобно упоминать эти слова, ибо зачем тут упоминать о славе, когда наше государство и без того так славно, что бóльшей славы ему желать нельзя. По его желанию, это выражение было заменено: «*ради бóльшей, вечной взаимной дружбы обоих государств*». Таким образом, это заседание кончилось без всяких результатов.

Вечером в этот же день приехал Айжиндай для подробнейших объяснений с г-м Шишмаревым и привез свой проект договора, утверждая, что Дзян-Зюн и амбань никак не согласятся изменить его, так что если генерал Н. Н. Муравьев не согласен изменить своего проекта, то они должны будут разойтись.

Все эти рассуждения с Айжиндаем производились на этот раз с Перовским и Шишмаревым в каюте баржи. В другой каюте, отделенной от первой тонкой перегородкой, находился генерал-губернатор Н. Н. Муравьев, следивший за ходом переговоров, и когда нужно было, то и принимавший в них участие или посредством записок, передаваемых Перовскому, или посредством громкого разговора, заставляя Будоковского говорить громко как бы в разговоре с ним, ту мысль, или то выражение, которое нужно было, чтобы слышали в другой каюте г-да Перовский и Шишмарев.

13-го мая, утром, г-н Шишмарев отправился в Айгун и предложил измененный проект договора (т. е. с выпуском только 5-го пункта и с заменой слова *славы* — *дружбой*, как выше объяснено) на рассмотрение Дзян-Зюна и амбаня. Прежние споры маньчжуров снова возобновились; однако г-н Шишмарев успел согласить амбаня на обоюдную торговлю; изменили 1-й пункт проекта. После этого прибыл на баржу Айжиндай с новым проектом договора, который был составлен согласно условиям с Шишмаревым; показав его

Иркутск.
Гравюра XIX в.

Шишмареву, он увез его обратно в Айгун. Вечером Айжиндай снова прибыл на баржу к Шишмареву и с отчаянием уверял, что он не досмотрел 1-ю статью договора о землях от реки Уссури до моря и, по прочтении, не вник будто бы в смысл этой статьи; только уже по приезде в Айгун, вместе с амбанем, он рассмотрел ее. При этом Айжиндай со слезами умолял Шишмарева изменить эту статью, уверяя, что его ожидает тяжкое наказание за этот недосмотр, так что если не согласятся изменить этой статьи, то он сейчас же в виду нашем утопится в Амуре. Господин Шишмарев дал ему заметить, что подобные разговоры неуместны; на это Айжиндай отвечал Шишмареву: «Хорошо вам так рассуждать, когда вы хотите, чтобы наш Дзян-Зюн вам уступал, и если бы наш Дзян-Зюн хотел бы что-нибудь вам уступить, то он при переговорах рассуждал бы иначе». Господин Шишмарев повел Айжиндая к генерал-губернатору, перед которым он повторил свою просьбу об исключении из договора 1-й статьи, оставляя только свободное плавание и торговлю по Амуру; генерал-губернатор сказал Айжиндаю, что об этом не с ним, а с Дзян-Зюном он сам будет рассуждать, а потому ему хлопотать нечего.

Генерал-губернатор, усматривая безуспешность переговоров, что маньчжуры только тянут время и что обыкновенным путем никакого толка от них добиться невозможно, решился изменить характер переговоров, дав им настоящий и твердый оборот. В этих видах он 14-го мая с Шишмаревым и Будоговским прибыл в Айгун и предложил в виде ультиматума окончательный договор. Маньчжуры начали приводить доказательства на право владения Приамурским и Приуссурийским краями и говорили, что они собирают будто бы ясак с жителей этих стран, как владельцы оных, что в этой стране и на ее бережьях у них всегда были караулы, свидетельствующие право их владения оной, что страна от реки Уссури до моря, и вообще Уссурийский бассейн, составляет родину царствующей в Китае династии, а потому уступать его России было бы равносильно измене. На эти объяснения маньчжуров генерал-губернатор возражал: «Ни по реке Амуру от Хингана до моря, ни по реке Уссури, ни по бережьям страны никогда китайских караулов не было. Иностранцы, обитающие в Приамурском и Приуссурийском краях, никогда ясака китайскому правительству не платили.

После завоевания русскими, в исходе XVII века, этой страны, Россия имеет полное право на онаю. По всему левому берегу реки Амура, начиная от Усть-Стрелки до Хингана, никаких китайских постов не существовало; по смыслу же 1-го пункта Нерчинского трактата, вся страна от Хингана к востоку, до моря, должна принадлежать России, а в это пространство входит весь бассейн реки Уссури и устья реки Сунгари, как то доказано положительными исследованиями, произведенными нами в 1850—1853 годах, и что поэтому, назначая границу по реке Уссури, и так уже делается огромная уступка Китаю в уважение постоянной дружбы России с Китаем. Постановлением наших военных постов, начиная с 1850 года в низовьях Приамурского края и наблюдением за устьем реки Амура и побережьями края, мы защитили его от явных покушений на оные иностранцев. Мы делали это потому, что инородцы, там обитающие, никогда власти Китая над собой не признавали и потому, что край этот Россия всегда считала своим. Последняя блокада побережья этой страны англо-французами ясно доказывает, что эти нации, бывшие в дружбе с Китаем, а с нами в войне, признавали этот край не китайским, а русским. В 1854 и 1855 годах для защиты его от них мы сосредоточили надлежащую военную силу, между тем как китайское правительство не принимало в этом ни малейшего участия и тем ясно сознавало, что этот край принадлежит не Китаю, а России. Родина царствующей в Китае династии находится не в Уссурийском бассейне, а в бассейне реки Нан-гуты, впадающей в реку Сунгари, близ города Нан-гуты, — местности, до которой мы далеко не касаемся, и наконец, если в Приуссурийском крае и находятся китайцы (манзы), то это беглые преступники, скрывшиеся сюда, как бы в другое государство, для избегания наказания, определенного им по китайским законам. По всему этому упомянутые Приамурский и Приуссурийский края мы вовсе не захватываем от Китая, как края, составляющие по всем правилам принадлежность России, но желаем только ныне положительно утвердить здесь границу, до сих пор еще неопределенную, между российскими и китайскими владениями, ввиду обоюдной пользы обоих дружественных государств».

Дзян-Зюн и его товарищ амбань не представляли ничего в опровержение этих справедливых доводов генерал-губернатора и сказали только лишь, что они не сомневаются в высокой цели русского правительства, но, в случае, если бы для подобной цели пришли китайцы в Нерчинский край, то позволило ли бы им российское правительство перейти через реку Аргунь и прогнать варваров? Генерал-губернатор на это

заметил, что подобные объяснения совершенно неуместны и не относятся к делу, о котором трактуют, и что подобными отклонениями теряется только напрасно время; между тем, как при начале еще переговоров, он предупреждал, что времени у него нет и он спешит в Николаевск. Затем генерал-губернатор, усматривая, что все его убеждения склонить Дзян-Зюна на согласие остаются тщетными, встал из-за стола, взял за руки Дзян-Зюна и амбани и, обращаясь с сердитым видом к переводчику Шишмареву, приказал передать им, что лично с ними остается друзьями, но что он убедился, что мирным путем вести переговоры с ними нельзя; что он им сказал все, что от него зависит, и теперь их дело обсудить и согласиться на его решительные и неизменные предложения, для чего дается им срока только до завтра. Не дождавшись перевода этих слов, генерал-губернатор быстро вышел из комнаты, у ворот сел на коня и в сопровождении г-д Бодоговского и Шишмарева поехал к пристани, гневно посматривая на собравшиеся толпы народа и тем показывая, что мирным дипломатическим путем с их властями ничего не сделаешь. Вскоре догнал генерала Айжиндай и, подъехав к Шишмареву, спрашивал его, куда генерал спешит? «Теперь, — говорил он, — поднялся такой сильный ветер и на реке волнение, что князь И-Шан говорит, что лучше бы немного обождать». Шишмарев, не отвечая на это, следовал за генерал-губернатором, который, подъехав к берегу, быстро соскочил с коня, бросил в сторону нагайку, сел в катер, где его ожидала уже вся свита и, под парусами, при низовом ветре, пошел к противоположному берегу. Толпы собравшихся на берегу маньчжуров выпучили глаза от удивления: привыкшие видеть генерала всегда приветливо посматривавшим на толпившийся по улицам Айгуна народ, они вдруг увидели его нахмуренным и рассерженным. Отойдя от Айгуна около семи верст, Н. Н. Муравьев пристал к маньчжурской деревне левого берега и здесь отобедал со своей свитой, а к вечеру возвратился к вооруженным катерам, стоявшим против Айгуна, у противоположного берега реки. Вскоре прибыл сюда чиновник от князя И-Шана узнать о здоровье генерала и о причине его гнева, и вместе с этим просил извинить их, утверждая, что впредь они будут вести себя так, чтобы генерал не сердился.

Такова была сущность представления генерал-губернатора и возражение на эти представления китайского уполномоченного, князя И-Шана.

Эти обстоятельства показали, что инструкции с-петербургских дипломатов для ведения переговоров с китайцами, — инструкции, которым эти дипломаты придают огромное значение и ставят себе в заслугу, здесь не имеют места.

и что только решительными действиями, противоположными этим инструкциям, и возможно достигнуть надлежащей цели. Пример амурской экспедиции, действовавшей, как мы видели, радикально противоположно повелениям из с.-петербургских канцелярий, убедил уже генерал-губернатора в необходимости, что прежде чем разговаривать с китайцами, надобно раскинуть военные поселения (станции) по берегам реки Амура и Уссури, и тем, как представлял и я, фактически указать Китаю, что эту страну Россия всегда считала своей. Только такие действия, т. е. военные поселения и передвижения батальонов и вооруженных катеров (вроде канонерок) и привели к надлежащему результату.

Маньчжуры, усматривая, что все справедливые доводы наши на обладание Приамурским и Приуссурийским краями мы имеем возможность подтвердить и нашими совершенными уже действиями, и силой, решили прийти к соглашению, согласно ультиматуму Н. Н. Муравьева. Но так как они хорошо не знали положения Приуссурийского края, то боялись, чтобы в наши владения не вошли местности, откуда происходит их царствующая династия, почему и желали при настоящем договоре сохранить более или менее неопределенное положение в Приуссурийском крае, прося генерал-губернатора не употреблять здесь слова «граница», а предоставляя означить ее точно в Пекине, на основании предложения, сделанного генерал-губернатором, т. е. провести ее так, как сказано в 1-м пункте.

Вследствие этого, на другой день, т. е. 15-го мая, прибыли на баржу к генерал-губернатору батальонный командир с Айжиндаем для окончательного соглашения по всем договорным статьям проекта, представленного в виде ультиматума генерал-губернатором, и с убедительной просьбой от князя И-Шана, чтобы слово «граница» в Уссурийском крае было вычеркнуто, т. е. чтобы в землях от верховья реки Уссури до моря предоставлено было, согласно проекту генерала, утвердить границу в Пекине, а потому эти земли впредь до ратификации в Пекине оставить без разграничения. Генерал-губернатор согласился на изменение редакции первой статьи, почему она и выражена так: *От Усть-Стрелки, т. е. слияния рек Шилки и Аргуни, левый берег реки Амура и далее от устья реки Уссури до моря оба берега реки Амура и вся страна до моря*

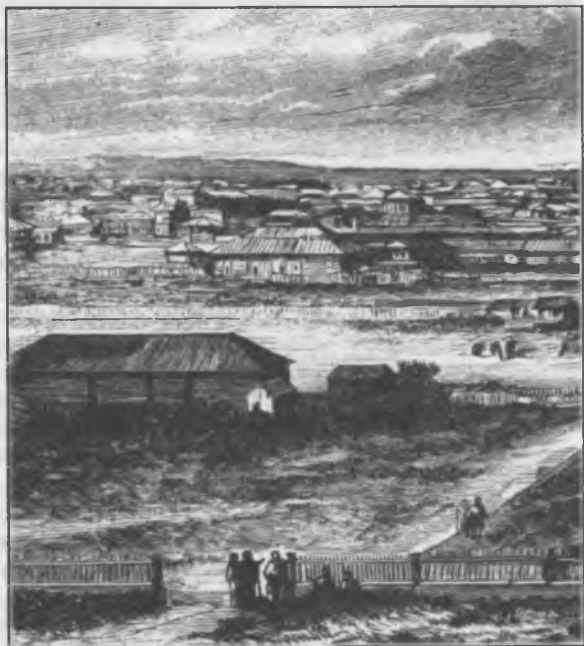
да будет владение Российского государства. Правый берег реки Амура до устья реки Уссури — владение Китайского государства. Земли, лежащие от реки Уссури и от верховьев ее до моря, оставить между обоими государствами неограниченными до усмотрения российского императора и китайского богдыхана. К этому, по настоянию Айжиндая, относительно земель от верховьев реки Уссури, прибавлено «как и ныне»¹; на все это и последовало соглашение генерал-губернатора, ибо это обстоятельство несколько не изменило существа представленного им выше-сказанного проекта. Право свободного плавания по пограничным рекам Амуру и Уссури, о котором говорится во второй статье, в маньчжурском тексте вышло по рекам *Сахалин-Ула, Сунгари-Ула и Уссури-Ула*². Айжиндай заметил, что, стало быть, на основании этого пункта трактата, русские могут плавать по реке Сунгари и внутрь Маньчжурии и торговать в лежащих по берегам этой реки городах? Ему отвечали на это утвердительно и доказывали все пользу от этого как для самих маньчжуров, так и для всей страны. Он охотно согласился с этим, почему в трактате, во 2-м пункте, и было выговорено: *плавать по реке Сунгарги и производить торговлю по берегам этой реки.*

В заключение генерал-губернатор выразил, что так как теперь они согласились окончательно по всем статьям, то он намерен подойти с вооруженными катерами ближе к Айгуну и салютовать в честь заключенного трактата. Айжиндай предложил на это подойти к их берегу, если генералу угодно, но просил только не стрелять, прибавив при этом: «Мы чиновники, да и наши военные не любят выстрелов». Это желание было исполнено и затем, ни в этот день, ни в следующие за ним дни никакого салюта произведено не было. Для окончания различных мелочных недоразумений Шишмареву приходилось еще два раза ездить к амбаню.

Наконец наступил достопамятный день 16-го мая. Трактат назначено было подписать в 12 часов, но за перепиской беловых экземпляров на русском и маньчжурском языках, время протянулось до вечера. В 6 часов генерал-губернатор со своей свитой, в полной парадной форме, вышел на берег в Айгуне и пешком отправился к Дзян-Зюну, где тотчас же начали потчевать его чаем и сластями. После краткого приветствия, генерал Н. Н. Муравьев сказал князю И-Шану, что он очень

¹ Это выражение «как и ныне», предложенное маньчжурами, весьма замечательно, ибо оно объясняет их понятие об истоке реки Уссури из южной части Хинганского хребта, что оказывалось и по всем сведениям и исследованиям добытым амурской экспедицией и о чем я, как мы видели, при возбуждении мной в 1852 году пограничного вопроса, представлял правительству.

² По нашему понятию течение реки Амура составляет все пространство от слияния Шилки с Аргунью (Усть-Стрелки) до лимана. Между тем, по понятиям маньчжуров и китайцев, под рекой Амур (*Маму* по-тунгусски, а *Сахалин-Ула* по-маньчжурски и китайски) разумеется только течение от Усть-Стрелки до устья Сунгари, а далее до моря река называется Сунгари-Ула; т. е. маньчжуры и китайцы принимают, что не Сунгари впадает в Амур, а напротив, Амур в Сунгари, что и правильнее.

Благовещенск-на-Амуре.

Гравюра XIX в.

рад, что они согласились во всех пунктах и кончили дело, продолжавшееся более полутора лет и заботившее их правительства. Затем приступлено было к чтению и проверке текста на маньчжурском языке и началось подписывание трактата на русском и маньчжурском языках. Подписали: генерал-губернатор, Дзян-Зюн, князь И-Шан, Перовский, амбань, Шишмарев и Айжиндай¹. После подписи генерал-губернатор и Дзян-Зюн, князь И-Шан, взяли каждый в одну руку по два подписанных экземпляра на русском и маньчжурском языках, в одно время обменялись ими и передали друг другу с взаимным поздравлением.

Окончив весь церемониал по заключении трактата, Н. Н. Муравьев вскоре оставил Дзян-Зюна, поцеловавшись с ним на прощание, и отправился из Айгуна в Благовещенск. По прибытии на баржу, спутники генерал-губернатора, по русскому обычаю, с шампанским в руках, поздравили его с совершившимся великим событием, доставившим России более полумиллиона квадратных верст, хотя и пустынной, но богатой территории, открывшей Сибири водный путь

к океану и, наконец, давшей России на отдаленном ее Востоке твердое политическое значение.

Н. Н. Муравьев, от того же числа, 16-го мая 1858 года, почтил меня следующим письмом:

«Любезный Геннадий Иванович! Сегодня подписан трактат в Айгуне. Приамурский край утвержден за Россией. Спешу уведомить Вас об этом знаменательном событии. Отечество никогда Вас не забудет, как первого деятеля, создавшего основание, на котором воздвигнуто настоящее здание. Целую ручки Екатерины Ивановны, разделявшей наравне с Вами и со всеми Вашими достойными сотрудниками труды, лишения и опасности и поддерживавшей Вас в этом славном и трудном подвиге. Искренно обнимаю Вас, благодарю и еще поздравляю»².

17-го мая, ночью, Н. Н. Муравьев возвратился в Благовещенск, где, на другой день, в воскресенье, было совершено преосвященным Иннокентием благодарственное Господу Богу молебствие о радостном и великом событии, и затем все чины, бывшие в Благовещенске, обедали у Николая Николаевича. В тот же день, на церковном параде, генерал-губернатор отдал следующий лаконический приказ:

«Товарищи! Поздравляю вас! Не тщетно трудились мы! Амур сделался достоянием России! Святая православная церковь молит за вас! Россия благодарит. Да здравствует император Александр II и процветает под кровом его вновь приобретенная страна! Ура!»

20-го мая генерал-губернатор отправил подлинный трактат при своем донесении к государю императору, с секретарем по дипломатической части Бюцовым. Таким образом, первое известие, посланное в С.-Петербург из вновь основанного за 10 дней перед сим города Благовещенска, была *благая весть* о присоединении Приамурского и Приуссурийского краев к русским владениям.

21-го числа генерал-губернатор, вместе со своим штабом, отплыл в дальнейший путь, к устью Амура. Во время этого плаванья обер-квартирмейстер Будоговский избирал места для поселения амурского пешего батальона, который своими станицами в этом же году занял весь остальной левый берег Амура от Малого Хингана до устья реки Уссури; при устье же этой реки было основано поселение 13-го линейного батальона, названное Хабаровским. От этого пункта дальнейший путь свой генерал-губернатор продолжал на ожидавшем его здесь пароходе «Аргунь»

¹ Перо, которым Н. Н. Муравьев подписывал этот трактат, обер-квартирмейстер Будоговский взял к себе на сохранение.

² Это письмо я получил 8-го августа 1858 г., в деревне родного дяди жены моей Николая Матвеевича Ельчанинова, селе Поповке, Смоленской губернии, Бельского уезда, где я с семейством проводил тогда лето. Мы с женой, окруженные близкими родственниками, благодарили Господа Бога за его милость. Труды, лишения и опасности, нами перенесенные, послужили к славе и пользе отечества.

в сопровождении прибывшего сюда навстречу военному губернатору Приморской области г-на Козакевича. Прибыв 8-го июня в Мариинский пост, генерал посвятил этот день обзору казарм, церкви и других зданий, выстроенных здесь в течение двух лет после его отсутствия, и 10-го июня прибыл в Николаевск, где был встречен салютом с береговых батарей.

Николаевск после 1855 года, когда генерал-губернатор был в нем последний раз, из нескольких существовавших тогда домиков, протянулся до 1 $\frac{1}{2}$ версты по берегу Амура, и в нем одних частных домов считалось тогда уже до 200 номеров. Генерал остался здесь на несколько дней в ожидании прихода судов эскадры графа Путятина, с известием от него о ходе переговоров в Китае.

15-го июня в гостеприимной церкви Николаевска было совершенно преосвященным Иннокентием благодарственное Господу Богу молебствие о заключении договора; после молебствия было провозглашено многолетие государю императору и всему царствующему дому, вечная память императору Николаю I, многолетие генерал-губернатору Николаю Николаевичу, вечная память всем положившим живот свой в Приамурском крае и многолетие всем, подвизавшимся и подвизающимся в здешнем крае деятелям.

Отправившись из Николаевска на пароходе «Амур» в обратный путь вверх по Амуру 19-го июня, генерал-губернатор 21-го прибыл в Мариинский пост, где на другой день, в воскресенье 22-го июня, в его присутствии был освящен преосвященным Иннокентием первый на берегах Амура православный храм. Остальные церкви, строившиеся в Николаевске и в селении Михайловском, еще не были окончены. Выйдя 21-го числа из Мариинска, в сопровождении парохода «Шилки», генерал остановился у мыса Джай (в 35 верстах выше Мариинска, на главном фарватере реки, откуда этот фарватер отклоняется к левому берегу), где в присутствии его, на избранном пункте для поселения, преосвященный Иннокентий заложил храм во имя св. Софии (Премудрости Божией) и тем положил основание будущему городу Софийску. Отсюда архиепископ Иннокентий с военным губернатором Козакевичем на пароходе «Шилка» отправились обратно в Николаевск, а генерал-губернатор продолжал плавание далее на пароходе «Амур», 28-го июня он прибыл в Хабаровское, а 2-го июля подошел к устью реки Сунгари. Взяв здесь в провожатые маньчжуров, он вошел с пароходом в устье этой реки и поднимался по ней до 20 верст. Таким образом, пароход «Амур» был первый, конечно, от сотворения мира пароход, который показался на реке Сунгари и положил первое начало русскому судоходству и пароходству по этой реке, на ос-

новании предоставленного Айгунским трактатом права. Обозрев пройденную часть реки и ее низменные берега и приведя в изумление туземцев (гольды) двух деревень, виденных на берегу, пароход вернулся обратно в реку Амур, открыв при устье реки Сунгари (или правильнее Амура) бар с наименьшей глубиной 15 футов.

Продолжая путь далее вверх по реке Амуру, генерал-губернатор 8-го июля прибыл в Айгун. Начиная с устья реки Уссури пароход ежедневно встречал целые десятки барж и плотов, спускавшихся вниз по реке Амуру с провиантом, переселенцами, различными тяжестями, с рогатым скотом, лошадьми и прочим, так что река, несмотря на свои пустынные берега, представляла в то время довольно оживленное зрелище. В Айгуне генерал отправился со своей свитой в дом амбана, находившийся в крепости, где хозяин принял его с распростертыми объятиями у наружных дверей. После кратких приветствий и расспросов о здоровье, амбань, по приглашению генерала, отправился пешком вместе с ним на пароход, на котором его прокатили с музыкой вверх и вниз по реке.

По прибытии генерал-губернатора 9-го июля в Благовещенск, 12-го числа туда прибыл на трех больших джонках амбань с огромной свитой. Его джонка с каютой наверху подошла к самой пристани; для встречи его были посланы на нижнюю площадку пристани некоторые лица из штаба генерал-губернатора и, при его выходе, музыка, стоявшая у балкона дома, сыграла марш. Шествие открывали по лестнице пристани шесть пионов (офицеров) с белыми шариками и павлиньими перьями на шапках (за храбрость), за ними следовал церемониймейстер с голубым шариком на шапке, а сзади него — амбань; остальная свита шла в беспорядке. Поднявшись по лестнице на верх берега и подойдя к балкону, передние ряды расступились, стали по обеим сторонам дороги и пропустили вперед церемониймейстера и амбана. Генерал-губернатор встретил его на пороге балкона. В гостиную амбана усадили на диване, за столом; слева от него поместился Н. Н. Муравьев, справа генерал М. С. Корсаков, сбоку стола, в креслах, — комендант Айгуна и два гусайда (штаб-офицера) с голубыми шариками на шапках. Прочая свита амбана стояла в комнате, а секретарь его вместе с г-м Шишмаревым поместились у стола. Подали угощение, состоявшее из чая, варенья, разных сластей, орехов, шампанского, наливки, папирос и сигар. Маньчжуры вообще не церемонились и не заставляли себя долго просить. Амбань горстями раздавал своим приближенным белые сухари и хлеб, поданные к чаю, свита его горстями же забирала поданные сигары и папиросы и прятала по карманам. Цель приезда амбана со-

стояла в представлении генерал-губернатору составленного Дзян-Зюном объяснения статей трактата, в котором между прочим заключались правила для обоюдной между русскими и манчжурами торговли на Амуре. Это объяснение состояло из 14 пунктов, заключавших в себе большей частью мелочные и стеснительные обряды трусливой китайской администрации, относительно жителей левого берега и вообще торговли по Амуре. В них упоминалось о необходимости назначения особых сборных пунктов для взаимной торговли под тем предлогом, что торговля должна быть под надзором особых чиновников, которые будут следить за правильностью ее и устанавливать обоюдные цены. Генерал не принял этих правил, доказывая манчжурам, что торговля тогда только может развиваться и быть выгодной для обеих сторон, когда она производится свободно, без всяких стеснений и без надзора: «Зачем чиновников утруждать частными делами», — сказал он. На это манчжуры, желая каким бы то ни было доводом настоять на своем, отвечали, что это не составит препятствия, потому что у них *столько чиновников, что они не знают, что с ними делать*. Все их доводы и убеждения явно клонились к тому, чтобы поставить торговлю в зависимость от чиновников и чтобы, таким образом, дать последним возможность пользоваться на счет местных жителей, производящих торговлю.

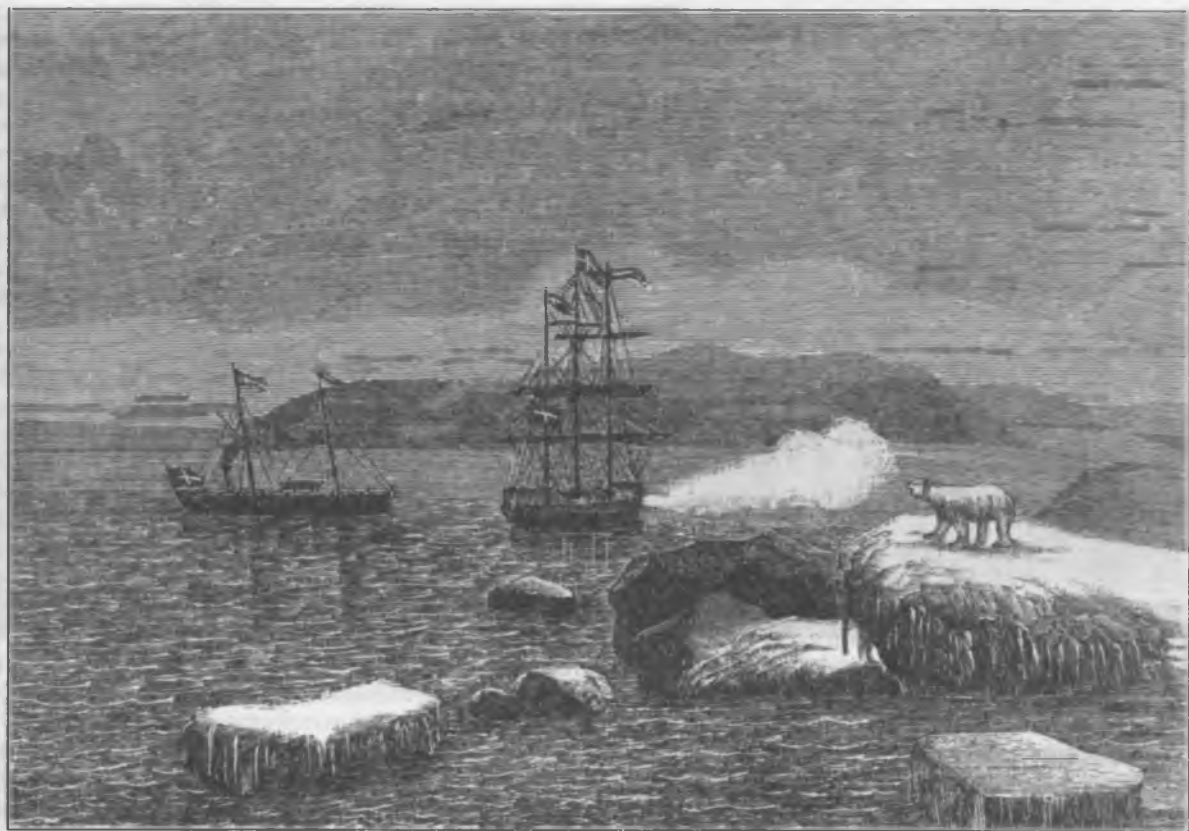
Генерал-губернатор вместе с этим не соглашался на предложение манчжуров, чтобы на всем протяжении Амура был назначен только один пункт для торговли, а требовал, чтобы жители обоих берегов производили свободно взаимную торговлю, где пожелают, без всяких стеснений и надзора чиновников. Наконец, после долгих прений, постановили, что *на первое только лишь время*, через каждые 8 дней будет открываться семидневная ярмарка по очереди в Благовещенске и Айгуне, а жители обоих берегов могут производить свободно торговлю на всем протяжении реки Амура. На остальные пункты объяснения Дзян-Зюна генерал-губернатор обещал прислать свой ответ в Айгун; после чего амбань со свитой, получив богатые подарки и отдарив со своей стороны кусками простой шерстяной с шелком материи, грубыми веерами, трубками, связками простого табаку (вроде махорки), китайскими сухими сладостями и прочим, тем же порядком вернулся со своей свитой обратно на джонках в Айгун.

На другой день был послан ответ генерал-губернатора на статьи Дзян-Зюна; в нем было сказано: «Так как некоторые из этих статей противоречат смыслу трактата, то объяснения на них

пришлются из Иркутска». Через несколько дней приехал комендант из Айгуна просить, чтобы это объяснение было прислано теперь же для отправления к Дзян-Зюну, но так как генерала не было дома, то он оставил к нему письмо на красной бумаге и прибыл за ответом на другой день. В этот раз он со своими спутниками был принят генералом, который в продолжительной беседе с ним развивал выгоды, которые произойдут для них от более тесного сближения с русскими, толковал о нашей долгой дружбе с Китаем и пользе сохранения ее для Китая, о своем расположении в Дзян-Зюну и прочее. Получив от генерала письмо к Дзян-Зюну, в котором он обещал прислать объяснение на предложенные им пункты из Иркутска, комендант отправился обратно в Айгун. Вместе с тем, генерал-губернатор отправил 20-го июля пароход «Амур» обратно в Николаевск, сам же, на пришедшем из Усть-Стрелки пароходе «Лена»¹ отправился в дальнейший путь вверх по реке Амуре.

Между тем граф Путятин, соединившись с английским, французским и американским уполномоченными, вместе с их эскадрами прибыл в Печилийский залив; союзники взяли форты при устье реки Пейхо, ведущей к Пекину, и заняли город Тзянь-Цзинь. Устрашенный пекинский двор послал туда своих уполномоченных для переговоров с иностранцами, и граф Е. В. Путятин успел первый заключить с ними трактат ¹/₁₃ июня. Несколько дней после этого китайцы заключили трактаты с американским уполномоченным ¹⁴/₂₆ июня, с английским и французским ¹⁵/₂₇ июня. Сущность трактата, заключенного графом Е. В. Путятиным, состояла в следующем: об отправлении посланников, о производстве торговли, кроме сухого пути в портах: Шангай Инибо, Фучжоу-Фу, Ся-Мын, Гуандун, Тайван-Фу, на острове Формозе Ценчжоу, на острове Хайнане и во всех других открытых местах для иностранцев. Во всех этих местах Россия по трактату имеет право назначать своих консулов. Торговля как сухопутная, так и морская, не должна подвергаться никаким стеснениям. Китайцы обязаны подавать помощь при крушениях русских судов у берегов Китая; не должны преследовать распространения православного вероисповедания и заботиться о сохранении порядка и назначении наших духовных миссий. Наконец, трактатом этим устанавливалось ежемесячное почтовое сообщение с Кяхтой. Граф Е. В. Путятин, имея в виду сведения, добытые амурской экспедицией о положении пограничного хребта, назначенного Нерчинским трактатом и результаты действий амурской экспедиции, о границе на-

¹ Этот пароход зимовал в Стретенске в особо устроенной там гавани.

«Вега» и «Лена» у мыса Челюскина.

Гравюра XIX в.

шей с Китаем на востоке, в 9-й статье договора, между прочим, объяснил: «По назначению границ сделаны будут подробные описания и карты смежных пространств, которые и послужат обоим правительствам на будущее время бесспорными документами о границах». Это обстоятельство весьма важно, потому что, как мы видели, устье реки Сунгари и весь Уссурийский бассейн по этим исследованиям оказались бы принадлежащими России. Китайцы, имея в виду это обстоятельство, хотя и получили от Дзян-Зюна цичикарского, князя И-Шана, известие о заключенном им с генерал-губернатором 16-го мая Айгунском трактате, но до подписания трактата графом Путятиным не сообщали ему об этом, а уведомили его спустя несколько дней после заключения им трактата, именно когда уже богдыхан ратифицировал Айгунский трактат, заключенный генерал-губернатором, и при этом утвердил, согласно представлению Н. Н. Муравьева, границу нашу с Китаем по реке Уссури до реки Тюмень-Ула и далее по течению оной до моря, т. е. назначил ее определенной чертой и, вследствие этого, упоминаемая статья трактата, заключенно-

го графом Путятиным, была исполнена, и таким образом то, чего избегали маньчжуры при переговорах с генерал-губернатором в Айгуне, т. е. слова — граница, теперь было утверждено самим богдыханом. Богдыхан определил границу между Россией и Китаем по реке Уссури до морского берега и тем самым окончательно признал принадлежность Приуссурийского края за Россией.

Подлинный договор, заключенный в Тянь-Цзине, граф Путятин отправил в С.-Петербург 7-го июня с капитан-лейтенантом Чихачевым через Суэц и Триэст, а через восемь дней после того, именно 15-го июня, отсылая прибывшего к нему из С.-Петербурга через Суэц курьером адъютанта Н. Н. Муравьева, подполковника Мартынова, обратно в Иркутск, через Калган, Гобийскую степь, Ургу и Кяхту, граф Путятин послал с ним письмо к Н. Н. Муравьеву и при нем копию с заключенного им в Тянь-Цзине договора. Господин Мартынов через 25 дней прибыл в Иркутск, где, за отсутствием Н. Н. Муравьева, сдал бумаги председательствовавшему в главном управлении Восточной Сибири иркутскому губернатору генерал-лейтенанту Венцелю, кото-

Иркутск.
Гравюра XIX в.

рый, узнав от Мартынова, что курьер, отправленный графом Путятиным с подлинным договором, капитан-лейтенант Чихачев, уехал прежде заключения французами и англичанами с Китаем договора, нужным счел отправить с этим известием в С.-Петербург очевидца этого события, г-на Мартынова, поручив ему доставить туда и копию с заключенного графом Путятиным договора. Господин Мартынов прибыл в С.-Петербург и в тот же день имел счастье представиться к государю императору, вследствие чего, в тот же день, по высочайшему повелению были посланы телеграммы в Лондон, Париж и другие европейские столицы о заключенных французами и англичанами договорах с Китаем; таким образом, Европа в первый раз, через Сибирь, узнала об этом событии гораздо ранее, чем от своих уполномоченных.

Генерал-лейтенант Венцель, отправляя Мартынова в С.-Петербург, в то же время, 11-го июля, послал к Н. Н. Муравьеву на Амур другого курьера с письмом от графа Путятина, с копией заключенного им договора и с известием о ратификации богдыханом, согласно его проекту, о границе в Приуссурийском крае, заключенного им Айгунского трактата 16-го мая 1858 года. Этот курьер встретил генерал-губернатора, следовавшего вверх по реке Амуру на пароходе «Лена» 22-го июля, немного выше Албазина. Получив радостное известие, Н. Н. Муравьев вызвал

всех наверх и, помолившись Господу Богу, объявил его офицерам и команде. 12-го августа пароход «Лена» пришел в Стретенск, где и остался на зимовку. Оттуда генерал-губернатор отправился в Иркутск; во всех селах по этому пути встречали его с колокольным звоном толпы народа; везде провожали его с криками ура; в городах являлись депутации и делали денежные пособия в пользу нового края. Все хотели принять какое-либо участие в этой общей радости всей Сибири. По прибытии в Иркутск в 1-м часу пополудни, 20-го августа, генерал-губернатор проехал прямо в Благовещенский кафедральный собор, где был встречен преосвященным Евсеем, епископом Иркутским и Нерчинским, совершавшем соборне, в присутствии всех начальствующих лиц в губернии, благодарственное Господу Богу молебствие за окончание великого дела, которое в русской истории навсегда останется соединенным с управлением Восточной Сибири Николаем Николаевичем Муравьевым. По окончании молебствия, преосвященный Евсей благословил Николая Николаевича образом Спасителя и сказал ему несколько слов, приличных событию.

По получении донесения от Н. Н. Муравьева о заключенном им Айгунском трактате и о ратификации одного богдыханом, государь император, указом Правительствующему сенату, данным 26-го августа 1858 года, возвел Николая Николаевича Муравьева с нисходящим от него потомст-

вом в графы Российской империи, с присовокуплением к его имени *Амурского*. Засим, в ноябре того же 1858 года, по случаю этого события, были высочайше награждены:

а) *Следующими по очереди орденами и пенсиями в 2 000 рублей.*

Генерал-лейтенант, председатель главного правления Российско-американской компании, Политковский; генерал-майор Михаил Семенович Корсаков, контр-адмирал Петр Васильевич Козакевич и я¹.

б) *Пенсионам в 1 500 рублей.*

Генерал-майор Николай Васильевич Буссе.

в) *Владимирам 4-й степени и пенсиями в 350 рублей.*

Лейтенант Николай Константинович Бошняк и штабс-капитан корпуса штурманов Дмитрий Иванович Орлов.

г) *Владимира 4-й степени и Анны 3-й степени.*

Лейтенанты: Ал. Ив. Петров и Разградский, поручик корпуса штурманов Воронин, лейтенант Купреянов и доктор Орлов.

Так как я и Д. И. Орлов были семейные, то дарованные пенсии, по нашу смерть, высочайше повелено распространить на наших жен и детей.

Таковы были окончательные результаты открытий, совершенных на маленьком транспорте «Байкал» в 1849 году, и затем деятельности наших морских офицеров, составлявших амурскую экспедицию с 1850 по исход 1855 года! Нельзя не признать, что вышеизложенные неоспоримые документы и факты показывают, что *разрешение амурского вопроса, обуславливавшего политическое и экономическое значение России на отдаленном ее Востоке, было совершено в главных основаниях единственно нашими морскими офицерами, которыми судьба определила там действовать с 1849 по исход 1855 года.* Они, возбудив погребенный, казалось, на века амурский вопрос, представили вместе с этим и практическую возможность, без особых затрат казны, к его разрешению, т. е. к объяснению — доступно или недоступно устье реки Амура и ее лиман к плаванию мореходным судам².

Они, не получив еще высочайшего соизволения, не теряя ни минуты времени, решились идти из Петропавловска к устью реки Амура и в ее лиман, к местам, считавшимся тогда нашим правительством и всем образованным миром — ки-

тайскими, и несмотря на ничтожнейшие средства, с преодолением величайших затруднений и опасностей, *положительно доказали*, что считавшиеся недоступными устье реки Амура и ее лиман — вполне доступны и что Сахалин не полуостров, а остров³.

Они, при ничтожестве средств, с каковыми была снаряжена на побережья Охотского моря торговая частная экспедиция в 1850 году, несмотря на *тяжкую ответственность, единственно по своему усмотрению, решились дать этой ничтожной торговой экспедиции важное государственное направление*; заняли военным постом устье реки Амура и от имени российского правительства объявили туземцам, манчжурам и иностранным судам, бывшим тогда близ лимана реки Амура, что *этот край Россия всегда признавала своей принадлежностью* и тем, отстранив всякое на устье реки Амура постороннее покушение, сделали *первый, твердый и бесповоротный шаг к признанию Приамурского края русским*⁴.

Они, при несоответствии данных инструкций, несмотря на тяжкую ответственность, опасности и лишения, *единственно по своему усмотрению, решились исследовать направление Хинганского хребта от верховьев реки Уди и восточной части реки Амура, и этим положительно доказали* неправильность понятия о направлении нашей границы с Китаем в этих местах, и обнаружили, что Приамурский и Приуссурийский края должны составлять принадлежность не Китая, а России⁵.

Они, несмотря на ничтожество средств, опасности и лишения, исследовали в главных частях остров Сахалин, открыли на нем неисчерпаемые богатства каменного угля и, собрав положительные факты, доказывающие право обладания этим островом России (что он составлял неотъемлемое дополнение Амурского бассейна), *единственно по своему усмотрению, не имея еще на то повеления, решились занять военным постом этот остров и тем положить твердое основание к присоединению его к империи*⁶.

Они, несмотря на ничтожество средств, с перенесением неимоверных лишений, трудов и опасностей, возбудили и разрешили важнейший там *морской вопрос*, обуславливавший важное значение для России этого края. Они исследовали побережья Татарского залива до 49°

¹ Следовавший по очереди мне орден — Св. Анны 1-й степени; Св. Станислава я получил в 1850 году.

² Смори переговоры мои с князем Меншиковым, письмо генерал-губернатору Муравьеву от 10-го февраля 1848 года и, наконец, принятые мной меры к скорейшему изготовлению транспорта и приходу его в Петропавловский порт.

³ См. карты № I, II, III.

⁴ Смори инструкции мои г-дам Воронину и Бошняку в 1852 году и действия этих офицеров.

⁵ Смори инструкцию, данную мне в феврале 1851 года, и действия мои в навигацию того же года.

⁶ Смори инструкции и донесения мои 1851 и 1852 годов и результаты экспедиции г-д офицеров Орлова, Чихачева, Бошняка и Петрова.

северной широты, открыли по близости к реке Амуру залив де-Кастри (Нан-гмар), представляющий ближайший рейд с юга к Амурскому лиману; открыли в 49° северной широты превосходнейшую гавань Императора Николая I (Хаджи), составляющую центральную гавань между корейской границей и Амурским лиманом; исследовали пути, ведущие, как из этой последней гавани, так и из залива де-Кастри на реку Амур; собрали положительные данные о существовании почти круглый год открытых мест для навигации по побережью Татарского залива, близ корейской границы и на реке Уссури. Всем этим они положительно доказали, что обладание одним левым берегом реки Амура без Уссурийского бассейна с его побережьями не представляет возможности утверждения надлежащего политического значения за Россией на отдаленном ее Востоке и, ввиду проявившегося уже тогда иностранного покушения на эти побережья, *единственно по своему усмотрению, под личной тяжкой ответственностью, решились* занять постами на реке Амуре селение Кизи, залив де-Кастри и Императорскую гавань, и *от имени русского правительства объявлять* всем *появившимся у этих берегов иностранным судам, что побережья Татарского залива до корейской границы с островом Сахалином составляют российские владения*¹

Они справедливым и глубоким вниманием к коренным обычаям инородцев, изучением их образа жизни, потребностей и отношений, устранением различных столкновений между туземцами, несмотря на ничтожную численность по сравнению с окружающим их со всех сторон диким и миллионным населением соседних маньчжуров, распространили в этом крае русское влияние в такой степени, что генерал-губернатор нашел страну эту как бы давно принадлежавшей России².

Они, утвердившись в главных пунктах Амурского бассейна, приобрели в нем господствующее влияние и приготовили надежный и безопасный приют нашим судам и их экипажам в самую критическую для них минуту и, понудив неприятеля блокировать побережья края, заставили его этим *заявить перед Европой, что Приамурский и Приуссурийский бассейны принадлежат не Китаю, а России*³.

Наконец, они, всеми упомянутыми действиями своими, *совершенными вне данных им повелений, единственно по своему усмотрению* и под своей ответственностью, фактически доказали правительству, *что только в Приамурском и Приуссурийском бассейнах с омывающими их морем и возможно создать надлежащее политическое значение России на отдаленном ее Востоке и школу для образования экипажей нашего флота.*

Вот почему деятельность наших морских офицеров, составлявших экипаж транспорта «Байкал» в 1849 году и затем амурскую экспедицию с 1850 по исход 1855 года, преисполненная гражданской доблести, отваги и мужества, представляет незыблемое основание к окончательному присоединению к России в 1856 году Приамурского и Приуссурийского краев и одну из видных страниц истории нашего флота и истории отдаленного Востока. Я имел счастье начальствовать этой экспедицией и потому счел своей священной обязанностью изложить эти события с фактической точностью в последовательном порядке.

¹ Смотри инструкции, данные мной г-м офицерам Бошняку, Чихачеву, Орлову, Петрову, Разградскому и прапорщику Березину в исходе 1852 и начале 1858 годов, и результаты деятельности, вследствие этих инструкций, упомянутых офицеров.

² Смотри донесение генерал-губернатора в июле 1854 года.

³ Это показывает сосредоточение наших судов на устье Амура в 1854 и 1855 годах и блокада англо-французов в 1855 году берегов Татарского залива, как берегов неприятельских, т. е. наших, ибо только мы и были тогда их неприятелями.

Е. В. Тарле

Освобождение Ионических островов

Адмирал Ушаков на Средиземном море

Перед экспедицией в Средиземное море

одобно Суворову, Кутузову, Сенинину, Нахимову, Федор Федорович Ушаков родился в небогатой дворянской семье и вступил в жизнь без денег и без покровителей.

Когда шестнадцатилетним юношей Ушаков поступил в 1761 году кадетом в Морской корпус в Петербурге, русский флот был в упадке. Но уже готовилось его возрождение. Очень скоро после вступления на престол Екатерина II взялась энергично за дело. Для нее вопрос о флоте связывался прежде всего с вопросом борьбы за Азовское и Черное моря. Врагом на этих морях являлась Турция, располагавшая значительными морскими силами. Ослабленная на море в борьбе с Англией, Франция своего флота посылать сюда не собиралась.

Дипломатические же отношения с Англией в первые полтора десятка лет царствования Екатерины были более чем удовлетворительны. Политика Вильяма Питта Старшего торжествовала еще очень долго после ухода его от непосредственного участия в правительстве. Использовать Россию в упорной борьбе против Франции — вот что являлось тогда движущей силой британской внешней политики. Могла быть (и стала в конце концов) довольно опасной Швеция, но еще не пришло время для авантюры Густава III.

Для успешной борьбы с Турцией прежде всего необходимо было подумать о создании флота на Азовском и Черном морях. Строительство этого флота на старых петровских воронежских и донских верфях было поручено вице-адмиралу Алексею Наумовичу Сенинину. Под его энергичным руководством с ранней весны 1769 года было приступлено к созданию военно-морской базы в Таганроге, постройке на Дону первых боевых кораблей и формированию для них экипажей из моряков, которые довольно крупными партиями прибывали сюда из Балтийского флота.

В числе офицеров, командированных в распоряжение А. Н. Сенинина, прибыл на Дон и мичман Ф. Ф. Ушаков, который уже 30 июля 1769 года был произведен в лейтенанты. Свои способности, знания и усердие к службе Ушаков вполне доказал в годы Русско-турецкой войны, но развернуть его дарования за это время было совершенно невозможно. Как ни энергично создавался флот на Дону, однако в первые годы войны его сил едва хватало для защиты Азовского моря и его берегов от покушений турецкого флота, более сильного и располагавшего базами в Еникале, Кери, Анапе и Суджук-Кале.

Все же к весне 1773 года молодой флот, обеспечив владение Азовским морем, перенес свои действия в воды Черного моря, успешно прикрывая берега Крыма от неприятельских десантов, и, нанеся противнику ряд чувствительных ударов на море, в значительной степени облегчил положение русской армии в Крыму.

Однако в ходе борьбы А. Н. Сенявину и его соратникам приходилось считаться с недостаточностью морских сил России на Черном море и частенько, по выражению П. А. Румянцева, возмещать нехватку материальных ресурсов силой духа и «иногда отвагой награждать свою слабость»¹.

На четвертом году войны Ушаков получил в командование посыльный бот «Курьер», а затем и более крупное судно — 16-пушечный корабль «Модон». К концу войны мы видим Ушакова в Балаклаве участником обороны этой первой русской базы на побережье Крыма.

В 1775 году Ушаков был переведен в Балтийский флот.

Одним из пунктов Кючук-Кайнарджийского мира было признание Турцией права свободно плавать русских торговых судов из Черного моря в Средиземное и обратно. Основываясь на этом, Екатерина II в целях усиления флота на Черном море предприняла попытку провести в него под видом торговых судов несколько фрегатов из состава Балтийского флота. Корабли эти, нагруженные разными товарами, под торговым флагом и с убранными в трюм пушками, должны были после некоторого пребывания в Средиземном море проследовать в Константинополь, в расчете, что турки пропустят этот «коммерческий» караван через проливы. Экспедиция эта была отправлена в 1776 году, и Ушакову, уже в чине капитан-лейтенанта, пришлось участвовать в ней в качестве командира фрегата «Св. Павел». Почти три года эта небольшая эскадра плавала по Средиземному морю, но в Черное море не попала, потому что Турция, недовольная Кючук-Кайнарджийским миром, под влиянием прежде всего Франции уже начинала готовиться к новой войне против России и подозревала русское коварство в посылке многочисленных «торговых» судов.

С 1783 года Ушаков служил в новых портах Черноморья: сначала в Херсоне (1783—1785 годы), а потом (с 28 августа 1785 года) — в Севастополе.

Эти населенные пункты громко именовались городами, хотя Херсону, когда Ушаков прибыл в этот поселок, было от роду пять лет, а Севастополю еще и того не было. В Херсоне служба бы-

ла тяжелая. Ушаков много потрудился, участвуя в ликвидации чумы, которая разразилась там как раз в первый же год его службы. К этому времени уже успела выявиться яркая черта Ушакова, сближающая его с позднейшими нашими замечательными флотоводцами: Лазаревым, Нахимовым, Макаровым. Мы имеем в виду заботу о матросе, о его здоровье, о гигиене на корабле, об общем благосостоянии команды, его неустанную борьбу против разворовывания казенных денег, ассигнуемых на пищу и одежду личного состава флота.

Ушаков выселил всех своих моряков далеко за город на все время, пока не утихла эпидемия. Все работы на несколько месяцев были прерваны.

Когда началась Русско-турецкая война 1787—1791 годов, Ушаков еще на подчиненных ролях проявил себя талантливым боевым руководителем. Борьба предстояла нелегкая. Ведь эта война ничуть не походила на Русско-турецкую войну 1768—1774 годов, которая тоже была трудна. Турки начали готовиться к реваншу тотчас же после Кючук-Кайнарджийского мира. Султан только тем успокоил свое духовенство (улемов), возбуждавшее недовольство в народе, что мир с русскими — это не мир, а лишь перемирие, передышка; и когда после нескольких лет мира Россия в 1783 году присоединила Крым, то улемы уже совсем открыто и без препятствий со стороны властей предвещали войну с проклятыми гяурами и несомненное торжество правоверных. Усиленно строили корабли, укрепляли изо всех сил Измаил и другие крепости, набирали и обучали матросов. Да и внешняя дипломатическая обстановка складывалась для Османской Порты благоприятно: к старому другу — Франции — прибавились новые друзья Полумесяца — Англия, Пруссия, Швеция, так что хотя австрийский император Иосиф II и стал на сторону Екатерины, но все-таки настроение в Константинополе было самое воинственное. А на море, где Австрия ни малейшей помощи русским оказать не могла, и подавно позволительным казалось рассчитывать на полный успех турецкого флота над еще только что созданным слабым русским флотом.

Не сразу засияла над Черным морем звезда Ушакова. Первый выход Ушакова в море в августе 1787 года в эскадре графа Марка Войновича, где он, командуя в чине бригадира кораблем «Св. Павел», был начальником авангарда, окончился неудачей. В поисках турецкого флота эскадра была застигнута у Румелийских берегов страшным продолжительным штормом. Один корабль погиб, другой без мачт в полузатонувшем

¹ Письмо гр. П. А. Румянцева гр. И. Г. Чернышеву от 21 июля 1771 года. — Материалы для истории русского флота, ч. VII. СПб., 1877, стр. 736.

состоянии был занесен в Босфор и здесь захвачен турками; остальные в сильно потрепанном виде вернулись в Севастополь и требовали продолжительного ремонта. В борьбе со стихией Ушаков проявил себя смелым и знающим моряком и, занесенный к кавказским берегам, все же благополучно довел свой корабль до базы.

3 июля 1788 года на Черном море произошла первая «генеральная баталия» между обоими флотами, где Ушаков в той же должности начальника авангарда блестяще проявил свое тактическое искусство. Встреча противников произошла у острова Фидониси. Против семнадцати линейных кораблей (в том числе пять 80-пушечных) и восьми фрегатов турецкого капудана-паши Эски-Гасана русский флот имел два линейных корабля (оба 66-пушечные) и десять фрегатов. По силе артиллерии и количеству выбрасываемого в залпе металла турки были сильнее почти в три раза.

Но после ожесточенного трехчасового боя противник во избежание совершенного поражения вынужден был отступить и скрыться в беспорядке.

Искусные действия авангарда под руководством Ушакова не дали противнику осуществить его план окружения слабейшего русского флота и использовать свое превосходство в силах. Разгадав намерения врага, Ушаков блестяще отразил нападение его авангарда, связал боем самого Эски-Гасана и тем лишил последнего возможности руководить задуманной атакой.

В стремлении приписать победу своему руководству завистливый и малоспособный Войнович в донесениях о бое затушевывал роль Ушакова и подвиги его кораблей. Ушакову пришлось отстаивать себя и заслуги своих храбрых подчиненных, и происшедший на этой почве конфликт с Войновичем неизбежно должен был рано или поздно привести к устранению Ушакова с боевого поприща. Однако вмешательство Потемкина, по заслугам оценившего Ушакова и увидевшего в нем многообещающего флагмана, в корне изменило обстановку. Войнович, проявивший себя и в дальнейшем бесталанным и трусливым начальником, был смещен, а на его место весной 1790 года был назначен Ушаков.

Не прошло и четырех месяцев, как разгром турецкого флота в Керченском проливе позволил Потемкину с удовлетворением написать своему избраннику: «Отдавая полное уважение победе, одержанной Вами над флотом непри-

ятельским... приписую оную благоразумию вашего превосходительства и неустрашимой храбрости вверенных вам сил...»¹, а полтора месяца спустя Ушаков и флот ответили новой победой под Хаджибеем.

«Знаменитая победа, одержанная черноморскими силами под предводительством контр-адмирала Ушакова... над флотом турецким, который совершенно разбит и рассыпан с потерей главного своего адмиральского корабля... служит к особой чести и славе флота Черноморского. Да впишется сие достопамятное происшествие... ко всегдашнему воспоминанию храбрых флота Черноморского подвигов», — отмечал в приказе Потемкин².

Годы боевого руководства Черноморским флотом под начальством Потемкина, может быть, были счастливейшими или, во всяком случае, спокойнейшими с точки зрения личной удовлетворенности в жизни Ушакова.

Потемкин был как раз таким начальником, который, нуждаясь в активном помощнике в деле строительства флота, его подготовки и боевого руководства операциями, видел в Ушакове человека, ясно понимающего роль и значение флота в текущей войне, владевшего искусством побеждать на море и способного организатора. И Потемкин, который, нуждаясь в боевом руководителе для флота, вынужден был в течение войны последовательно избавляться от бездеятельного бюрократа Мордвинова, неспособного и трусоватого Войновича, без колебаний остановил свой выбор на Ушакове.

Вызвав к себе в Яссы Ушакова, Потемкин, хорошо разбиравшийся в людях, увидел в нем человека, которому можно доверить судьбу флота и борьбы на море. Ушаков жаждал активной деятельности на море, он не любил берега и связанной с ним канцелярщины. Вернувшись как-то после трехнедельного поиска у неприятельских берегов, Ушаков выразил это в одном из служебных писем: «просил я позволения... вторично идти с флотом в поход... я только весело время проводил в походе, а возвратясь сюда, принужден опять заняться скучными письменными делами»³.

Потемкин понял его и освободил от этих «дел». Уведомляя Ушакова о назначении его командующим флотом, Потемкин писал: «Не обременив вас правлением адмиралтейства, поручаю вам начальство флота по военному употреблению»⁴.

¹ Материалы для истории русского флота, ч. XV. СПб., 1895, стр. 316.

² Там же, стр. 332.

³ Там же, стр. 307.

⁴ Там же, стр. 288.

Адмирал Ф. Ф. Ушаков

У Потемкина к Ушакову было и полное доверие, и теплое чувство, которого никогда у него не было и в помине относительно Суворова. Не любил Григорий Александрович, чтоб его очень уж затмевали и отодвигали на второй план, а оставаться на первом плане, на той самой арене, на которой разворачиваются блистательные подвиги легендарного героя Суворова, было мудрено. Да и характер у Александра Васильевича был вовсе не такой, чтобы при личных

сношениях и служебных столкновениях стирать углы и смягчать обиды. Конечно, Потемкин знал твердо, что без Суворова не обойтись, что, например, если Суворов не возьмет Измаила, то и никто этой крепости не возьмет. Это-то князь Григорий Александрович знал очень хорошо, но и сам Суворов знал это тоже вполне отчетливо и давал чувствовать... С Ушаковым было совсем другое. Потемкин никогда во флотоводцы себя не прочил, так же, как Екатерина II его не

прочила, и тут с каждой морской победой Ушакова росла не только слава Ушакова, но и слава Потемкина — создателя Черноморского флота, начальника, сумевшего оценить и возвысить Ушакова.

Пока был жив Потемкин, Ушаков мог твердо рассчитывать на поддержку могущественного человека, верховного и бесконтрольного главы всех вооруженных сил на юге России и на Черном море.

Военные действия на море возобновились в 1790 году. В апреле 1790 года Потемкин вызвал адмирала Ушакова к себе в Яссы, чтобы дать ему инструкции на предстоящие летние месяцы. Положение было нелегкое для России: враги вставали со всех сторон. Можно было ждать появления англичан в проливах и дальше проливов... Уже в мае Ушаков с эскадрой начал кампанию нападения на Анатолийское побережье, где его крейсерство привело к нескольким частным успехам. Побывал он уже в самом конце мая и близ Анапы, где бомбардировал суда и крепость.

Этот поход Ушакова имел предупредительный, «превентивный» характер: бомбардировка Синопа 22 мая, сожжение нескольких турецких судов в Синопской бухте (где суждено было 18 ноября 1853 года Нахимову нанести сокрушительный удар туркам), бомбардировка Анапы, полная растерянность турецких военачальников, убежавших при приближении русских, — все это говорило о том, что несмотря на количественное и материальное превосходство турецкого флота на Черном море, ему не выдержать решительной встречи с Ушаковым.

Активное действие Ушакова у Анатолийских берегов, помимо военного ущерба, привело к полному прекращению подвоза снабжения в Константинополь. Легкие крейсерские суда ушаковской эскадры, рассредоточившись вдоль побережья, топили и захватывали застигнутые в море суда, шедшие в столицу с грузами продовольствия и снабжения. Обеспокоенное турецкое правительство спешно готовило флот к выходу, усиливая его новыми кораблями. Новому капудану-паше Гуссейну было приказано разбить русский флот и высадить десант в Крыму. Порта рассчитывала на восстание татар и лелеяла мысль о захвате и уничтожении Севастополя.

Результатом всех этих приготовлений было появление в конце июня в крымских водах турецкого флота из десяти линейных кораблей, шести фрегатов и трех с половиной десятков более мелких военных судов. Русская эскадра встретила с неприятелем 8 июля 1790 года «против устья Еникальского пролива и реки Кубани», как обозначает Ушаков место разыгравшегося тут морского боя. Пять часов длился бой,

кончившийся бегством неприятеля, которому, однако, удалось увести с собой свои поврежденные суда. У русских кораблей тоже были повреждения, но все они очень быстро были исправлены.

Победа в «Еникальском» проливе ликвидировала угрозу высадки турок в Крыму и нападения с моря и с суши на Севастополь.

Турецкий флот, отойдя к своим берегам, спешно приводил себя после боя в порядок. Не осмеливаясь вернуться в Константинополь без сообщения о том, что дерзкий «Ушак-паша» наказан за свои набеги на Синоп и Анапу, в то же время не решаясь на новую встречу с русским флотом, Гуссейн решил занять выжидательное положение. Его наступательный порыв прошел, но тот факт, что в недавнем бою турецкий флот не был количественно ослаблен и продолжал значительно превосходить русский, подал мысль вновь попытаться счастья.

Турки знали, что в Херсоне достраиается несколько кораблей, предназначенных для усиления севастопольской эскадры. В расчете перехватить эти корабли после их выхода из Лимана Гуссейн решил перейти в район Очакова и здесь у Хаджибея выждать их выхода. Возможно, были намерения уничтожить и гребной флот, базировавшийся на Лимане и имевший задание в ближайшее время перейти на Дунай для совместных действий с армией.

Во всяком случае, Гуссейн не уходил из Черного моря после первой, неудачной для него, но все-таки не решающей, несмотря на серьезные потери в людях, боевой встречи с Ушаковым. Турецкий флот уже стоял близ Хаджибея, когда Ушаков 25 августа вышел искать его.

Сражение, разыгравшееся между Хаджибеем и Тендрой, не было непрерывным боем, продолжавшимся два дня, как об этом писали в Европе. Это был ряд столкновений, происходивших с промежутками 28 и 29 августа 1790 года. Турки были разбиты и, понеся тяжкие потери, обратились в беспорядочное бегство. У адмирала Ушакова в этих боях было десять линейных кораблей, шесть фрегатов, два бомбардирских судна, семнадцать легких судов (крейсерских). У турок — четырнадцать линейных кораблей, восемь фрегатов и двадцать три мелких судна. Флот у турок был больше и лучше русского, и то, что Ушаков говорит о турецких более мелких судах, что они были «хорошей постройкой», можно было бы, судя по отзывам иностранных наблюдателей, применить и к большим турецким кораблям и фрегатам. Но русских моряков у них не было, не было у них и Ушакова.

При первом же появлении русской эскадры на горизонте турки стали спешно сниматься с яко-

рей и в беспорядке вступать под паруса. Не перестраивая своей эскадры из походного порядка (она шла тремя колоннами) в боевой, Ушаков устремился на аррьергард турецкого флота, стремясь отрезать его от главных сил.

Это заставило капудана-пашу, выстроив передние корабли в боевую линию, повернуть на обратный курс, чтобы прикрыть отставшую часть своего флота. Сражение сделалось общим и продолжалось до темноты, причем к вечеру турецкая линия была сбита и противник обратился в беспорядочное бегство. Особенно пострадали корабли турецких флагманов. С наступлением темноты погоня была прекращена, и Ушаков, ввиду признаков наступления штормовой погоды, приказал стать на ночь на якорь.

Как и в предыдущем сражении, тактика Ушакова сводилась к бою на самой ближней дистанции (чтобы иметь возможность ввести в дело всю артиллерию, до самого мелкого калибра) и нанесению сосредоточенного удара по турецким флагманам с целью лишить их возможности руководить боем. Для этого Ушаков выделял из нескольких быстроходных судов особый резерв, который в решительный момент по сигналу адмирала устремлялся или для поддержки той или иной части своего флота, или для усиления атаки на флагманов. С рассветом 29 августа турецкий флот оказался также стоящим на якоре в беспорядке вблизи русских кораблей, и Ушаков приказал возобновить бой. Обрубая канаты, турецкие корабли в панике стремились оторваться от противника. Во время погони был застигнут, зажжен и вынужден к сдаче адмиральский корабль «Капитание». Едва с него были сняты адмирал со штабом и часть матросов, как обжатый пламенем корабль взлетел на воздух. В дальнейшем русские захватили еще один линейный корабль «Мелекибахри» и три мелких судна. Разбитый противник в беспорядке бежал в Константинополь, потеряв в пути потонувшими от боевых повреждений один линейный корабль и несколько мелких.

Победа была полная. Море было полностью очищено от противника.

Наградою за победу Ушакову была Георгиевская звезда, то есть орден Георгия 2-й степени, который в свое время был дан С. К. Грейгу за уничтожение турецкого флота при Чесме.

В еще большей мере проявилось флотоводческое искусство Ушакова в сражении у мыса Калиакрия 31 июля 1791 года.

Обнаружив стоящий у берега под прикрытием батарей турецкий флот в составе восемнадцати

линейных кораблей, семнадцати фрегатов и сорока трех мелких судов, Ушаков с целью выиграть ветер (он дул с берега) прошел с флотом между берегом и противником и обрушился на не ожидавших подобного маневра турок всеми силами.

Был праздник Рамазан, и часть турецких экипажей беспечно веселилась на берегу. Атакованный противник, рубя канаты, в беспорядке и панике стремился вступить под паруса и выйти из-под удара в море.

Сталкиваясь друг с другом, ломая себе рей и бугшприты, турецкие корабли беспорядочно бежали в море. Все попытки капудана-паши построить флот в боевой порядок были безрезультатны. Подняв сигнал «нести все возможные паруса», Ушаков гнал турецкий флот, сосредоточив атаку на флагманских кораблях неприятеля. К темноте противник был совершенно разбит и думал только о спасении. Ночь прекратила преследование, и более легкие на ходу турецкие суда устремились к Босфору¹.

Некоторые корабли, с трудом добравшись до пролива, в полузатонувшем состоянии от пробоин, требовали для спасения помощи с берега и всем своим видом с полной очевидностью свидетельствовали о результатах новой встречи с флотом «Ушак-паши».

Турецкий флот, разбитый у Калиакрии, был последней ставкой оттоманского правительства на море. В его состав входили не только основные морские силы Турции, но и эскадры ее вассалов — Алжирская и Тунисская. Вторым после капудана-паши флагманом являлся алжирский паша Саид-Али, славившийся своим боевым опытом и храбростью. Он уже наперед похвалялся, что разгромит русский флот и привезет «Ушак-пашу» в Константинополь в железной клетке. Но действительность ниспровергла эти мечтания: Ушаков разгромил турок так страшно, что Саид-Али едва унес ноги, а боевая ценность турецкого флота со всеми входившими в его состав Алжирскими и Тунисскими эскадрами оказалась после встречи у Калиакрии равной нулю.

Стратегическое и политическое значение этой победы было огромно. Хотя к концу лета 1791 года уже выяснилось, что бряцавшая оружием Англия не выступит против России и поражение Вильяма Питта Младшего в парламенте по вопросу о войне с ней было уже совершившимся фактом, но эта победа Ушакова делала всякие разговоры об английском выступлении совершенно праздными.

¹ Мы не останавливаемся на анализе тактических приемов Ушакова в этом сражении и отдельных фазах сражения. Интересующимся рекомендуем статью вице-адмирала Ю. Ф. Ралля: Наступательная тактика адмирала Ф. Ф. Ушакова — Морской сборник 1945, № 7.

Турецкое правительство, уже перед тем начавшее переговоры о перемирии, но тянувшее их в расчете на английскую помощь, теперь спешно послало курьера в ставку визиря с приказом султана немедленно заключить перемирие; второй курьер вручил Потемкину просьбу о прекращении военных действий на море. Население Константинополя было в паническом настроении, и султанское правительство ждало прямого нападения Ушакова на Босфор и столицу.

Потемкин был в восторге. «Одержанная победа,— писал он Ушакову,— служит к особой славе вашей», а Екатерина II, посылая контр-адмиралу орден Александра Невского вместе с благодарностью Черноморскому флоту за его боевые подвиги, указывала в грамоте, что эта «знаменитая победа... служит новым доказательством особого мужества и искусства вашего»¹.

Таким образом, победа у Калиакрии окончательно сломила волю Порты к затягиванию войны. Были возобновлены прерванные было переговоры, длительные, но уже более не прерывавшиеся. Война фактически закончилась. Оправиться от Измаила и Калиакрии турки не могли.

После заключения в декабре 1791 года Ясско-го мира Ушаков продолжал командовать корабельным Черноморским флотом и состоять главным начальником Севастопольского порта. Но еще до заключения мира, в октябре 1791 года, его постигла беда: скончался Потемкин, высокоодаренный человек, умевший понимать и ценить чужой талант. Он неизменно поддерживал Ушакова во всех его начинаниях, давал простор его инициативе. Порывы, капризы и некоторая взбалмошность князя Григория Александровича не вредили и не подрывали ряда полезных для флота дел, задуманных и осуществлявшихся неутомимым адмиралом.

Потемкин видел стремления недоброжелателей Ушакова унизить и очернить достоинства его как боевого руководителя. Это особенно ярко проявлялось у старших морских начальников, какими были Мордвинов и Войнович, которые, видя в Ушакове опасного соперника, не могли простить Ушакову ни расположения к нему Потемкина, ни его военных дарований, ни вводимых им новшеств в деле боевой подготовки флота и в тактике, ни, наконец, его боевых успехов. Примеру старших подражали и некоторые более молодые, даже из числа непосредственно подчиненных Ушакову офицеров, и это временами создавало для него весьма тягостную обстановку.

Не раз приходилось Ушакову обращаться за помощью к Потемкину, который немедленно шел навстречу. «Из письма вашего,— писал по одному из таких случаев Потемкин,— примечаю я вашу заботу в рассуждении недоброхотов ваших. Вы беспокоитесь о сем напрасно... Никто у меня, конечно, ни белого очернить, ни черного обелить не в состоянии, и приобретение всякого от меня добра и уважения зависит единственно от прямых заслуг. Служите с усердием и ревностью и будьте в прочем спокойны»².

Но со смертью Потемкина обстановка резко изменилась. Удаленные Потемкиным от управления и боевого руководства флотом, Мордвинов, Войнович³ и их сторонники снова принялись за сведение счетов. К тому же убранный из Черного моря Мордвинов, теперь произведенный в вице-адмиралы, в качестве ставленника Платона Зубова, снова вернулся на пост главного начальника Черноморского флота.

Человек поверхностного ума, бездеятельный и формалист, Мордвинов, обладая фактическим всевластием по должности первого члена Черноморского адмиралтейского правления, причинил немало вреда флоту в первые годы войны до своего вынужденного ухода. Потемкин скоро расценил Мордвинова как законченного бюрократа и высказывал ему это. Вот что писал он в октябре 1788 года, выведенный из терпения бюрократизмом Мордвинова: «Я вам откровенно скажу, что во всех деяниях правления больше формы, нежели дела... Есть два образа производить дела: один, где все возможное обращается в пользу и придумываются разные способы к поправлению недостатков... другой, где метода (т. е. шаблонная, бюрократическая форма — Е. Т.) наблюдается больше пользы — она везде бременит и усердию ставит препоны».

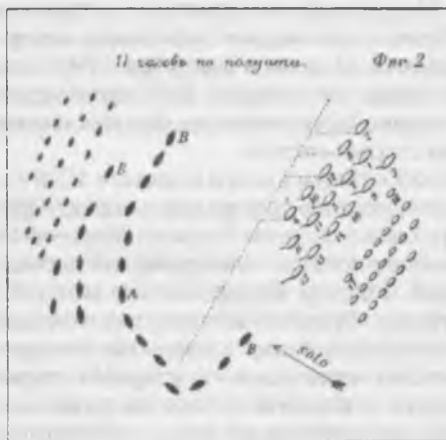
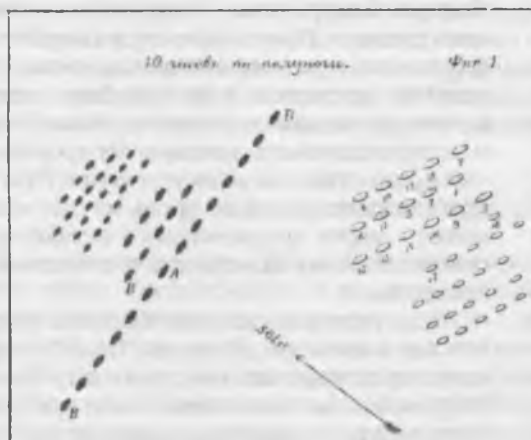
Было у Потемкина столкновение с Мордвиновым и из-за Ушакова, который был вызван князем в Херсон для деловых переговоров, но ввиду того, что свидание задержалось, был отправлен Мордвиновым обратно в Севастополь. По-видимому, Потемкин намечал назначить Ушакова руководить боевыми действиями флота в Лимане, чего Мордвинов не желал. За самовольную отставку Ушакова в Севастополь Мордвинов получил от Потемкина строгий выговор и, конечно, помнил это.

Став снова непосредственным начальником Ушакова, Мордвинов, явно завидовавший громкой его славе, мелочными придирками теснил Федора Федоровича, раздражая его и по мере сил

¹ Грамота Екатерины II Ушакову от 14 октября 1791 года. — Материалы для истории русского флота, ч. XV, стр. 580.

² Там же, стр. 576.

³ Мордвинов был уволен Потемкиным в декабре 1788 года, а Войнович — в марте 1790 года.

Русскія суда.

- 1) 84 пушеч. Рождество Христово.
- 2) 66 " Марія Магдалина.
- 3) " " Св. Павелъ.
- 4) " " Преображеніе Господне.
- 5) " " Св. Владимиръ.
- 6) 50 " Св. Андрей Первозванный.
- 7) " " Св. Александръ Невскій.
- 8) " " Св. Георгій.
- 9) " " Св. Петръ Апостолъ.
- 10) " " Св. Іоаннъ Богословъ.
- 11) " " Св. Іеронимъ.
- 12) " " Покровъ Св. Богородицы.
- 13) " " Кириллъ Бѣлозерскій.
- 14) " " Св. Несторъ Преподобный.
- 15) " " Амвросій Медиоланскій.
- 16) " " Іоаннъ Воинственникъ.

Примѣч. Во время сраженія судамъ этимъ назначено было составлять главную линію; фрегаты же: Покровъ Св. Богородицы, Іоаннъ Воинственникъ и Іеронимъ, должны были составлять резервъ для подкрѣпленія авангарда.

А. Корабль Капуданъ Паша.
В. Корабли турецкихъ контръ-адмираловъ.

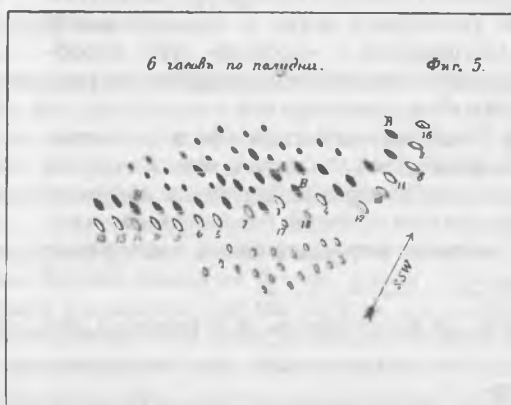
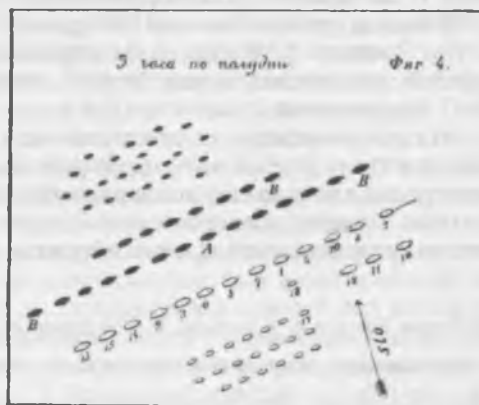
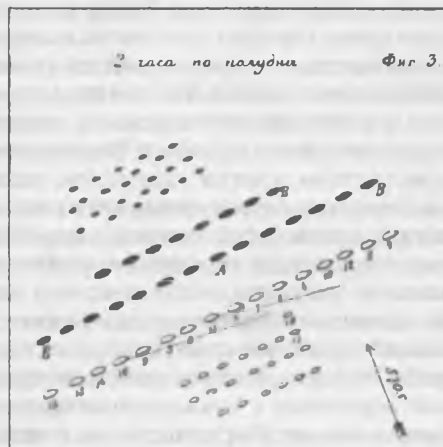

Схема сраженія между Гаджибеемъ и Тендрой

мешая ему. Мордвинов подчеркнуто не признавал ни его боевого опыта, ни служебного и морского авторитета. И хотя в сентябре 1793 года Ушаков, наконец, «по линии» был произведен в вице-адмиралы, Мордвинов не упускал случая для сведения старых счетов.

Особенно обострилась ссора именно в 1798 году, за несколько месяцев до того, как началась Средиземноморская эскадрилья Ушакова. Мордвинов посылал Ушакову приказы о вооружении двенадцати кораблей, а Федор Федорович не мог уловить в путаных бумагах начальства точный смысл: «Я все предписания вашего высокопревосходительства желательно и усердно стараюсь выполнять и во всей точности, разве что определено нерешительно или в неполном и двойном смысле, чего собой без спросу вновь исполнить невозможно или сомневаюсь», — ядовито писал Ушаков Н. С. Мордвинову 22 марта 1798 года¹.

Отношения между ними еще более ухудшились, когда во время «пробы» двух вновь выстроенных на херсонских верфях кораблей (в мае 1798 года) Мордвинов нашел, что эти суда, строившиеся под его личным наблюдением, вполне мореходны, остойчивы и прочее, а Ушаков публично, в присутствии многих капитанов, находившихся в Севастополе, высказался, что испытания эти проведены искусственно, нарочно организованы при тихой погоде и корабли не имели должной нагрузки, — словом, что эта «проба» фальшива и поэтому никуда не годится. Раздраженный Мордвинов грубо оскорбил Ушакова. Вне себя от гнева, Ушаков тотчас вслед за этой сценой обратился с письменным протестом не только к самому Мордвинову, но и непосредственно к императору Павлу. Он описал императору, что предпочитает смерть, если не обратят внимание на его жалобу. Он просил разрешения прибыть лично в Петербург, чтобы обстоятельно рассказать царю о сомнительной проделке Мордвинова с «пробой» этих кораблей. Павел велел Адмиралтейств-коллегии рассмотреть жалобу и доложить ему.

Жалоба Ушакова написана была в самых сильных выражениях. Адмирал жаловался на злобные и оскорбительные придиры Мордвинова и приписывал «тяжкий гнев главнокомандующего» именно отрицательной экспертизе

Федора Федоровича относительно осмотренных судов: «...При самом отправлении моем с флотом на море вместо благословения и доброго желания претерпел я неподобную жестокость и напрасные наичувствительнейшие нарекания и несправедливость, какую беспрерывно замечаю в единственное меня утешение. При таковой крайности не слезы, но кровь из глаз моих стремится. Смерть предпочитаю я легчайшей несоответственному поведению и служению моему бесчестью»².

Но за результат жалобы Ушакова Мордвинов мог быть спокоен. В глазах Павла I Ушаков являлся креатурой ненавистного ему Потемкина, Мордвинов же был лицом, в свое время пострадавшим от своевластного «фаворита» Екатерины. Можно было ожидать, что Адмиралтейств-коллегия учтет это и не встанет на защиту Ушакова. Так оно и случилось. Коллегия нашла, что имеющихся в ее распоряжении материалов для вынесения решения недостаточно, затребовала от обеих сторон дополнительные объяснения... Словом, началась обычная канцелярская волокита. Но все же было признано, что Ушаков был прав, указывая на неясность приказов Мордвинова.

У нас есть еще ряд документов, относящихся к этой жесточайшей ссоре двух адмиралов: а) донесение вице-адмирала Г. Г. Кушелева в Адмиралтейств-коллегию о повелении императора дать единое заключение о годности кораблей 19 июня 1798 года; б) от того же числа всеподданнейший доклад конторы Черноморских флотов Адмиралтейств-коллегий; в) всеподданнейший доклад конторы главного правления Черноморских флотов о самовольных действиях Ф. Ф. Ушакова 21 июня 1798 года; г) выписка из протокола Адмиралтейств-коллегии о взаимоотношениях между вице-адмиралом Ф. Ф. Ушаковым и адмиралом Н. С. Мордвиновым 15 июля 1798 года; д) рапорт Ушакова Адмиралтейств-коллегии 5 августа 1798 года; е) Из журналов Адмиралтейств-коллегии о жалобе Ф. Ф. Ушакова на Н. С. Мордвинова, 25 августа 1798 года³.

Эта документация не относится непосредственно к точной теме настоящей работы, но она интересна для характеристики прямой, честной натуры Ушакова, его принципиальной стойкой готовности бороться против интриг и клеветы

¹ ЦГАВМФ, ф. 119. Канцелярия адм. Ф. Ф. Ушакова, д. 6925, л. 96. Копия. Письмо Ф. Ф. Ушакова Н. С. Мордвинову, 22 марта 1798 года.

² Там же, д. 6, л. 33—35. Протокольная запись. Всеподданнейшее прошение вице-адмирала Ф. Ф. Ушакова императору Павлу I 5 мая 1798 года.

³ Документы «а», «б» и «в» напечатаны во II томе Архива графов Мордвиновых. СПб., 1901, стр. 352—353 и 353—355. Документ «г» (рукопись) находится в ЦГАВМФ, ф. Сборный, д. № 964/2, л. 137—139 (копия). Документ «д» (рукопись) находится в ЦГАВМФ, ф. 119. Канцелярия Ф. Ф. Ушакова, д. 6926, л. 67—69 (копия). Документ «е» напечатан в Материалах для истории русского флота. ч. XVI, стр. 324—326.

злых, завистливых и могущественных врагов. Интересны эти документы для изучающих Черноморский флот как характеристика порядков в морском ведомстве в частности.

Но вот в разгар конфликта двух адмиралов внезапно и круто все изменилось: снова наступил исторический момент, когда России понадобилась не серая бездарность, вроде Мордвинова, а боевой руководитель и славный своими подвигами на море Ушаков.

Начало экспедиции в Средиземное море

Еще в самом начале 1798 года русскому правительству стало известно, что во французских портах Средиземного моря идет спешная подготовка к какой-то крупной морской операции. В Тулоне, Марселе и ряде других портов велось усиленное вооружение боевых кораблей, оборудование большого числа транспортов и сосредоточение значительного количества войск. Это шли приготовления к задуманной Бонапартом и принятой Директорией Египетской экспедиции. Но для отвлечения внимания от истинной цели экспедиции распространялись ложные слухи о намечаемом вторжении в Англию, десанте на Балканский полуостров, вероятном союзе между Директорией и Оттоманской Портой и вторжении французского флота через открытые Турцией проливы в Черное море.

Обеспокоенный полученными сведениями, Павел I уже в начале февраля приказал Черноморскому флоту под начальством Ушакова спешно готовиться к началу кампании, а до его готовности организовать с помощью крейсеров наблюдение у берегов Крыма, в районе Керченского пролива и от Аккермана до Тендры.

В указах Павла Мордвинову и Ушакову высказывалось опасение о возможности вовлечения Турции в союз с Францией и предлагалось, усилив бдительность на море, надежно прикрыть берега от покушений противника. Ушаков деятельно готовил флот в составе 12 линейных кораблей и больших фрегатов, выслал легкие крейсера в море для действий между Севастополем и Одессой.

Распространяемые агентами Бонапарта слухи сеяли тревогу и вызывали усиление военных мероприятий. В начале апреля были получены сведения, что французы уже вводят свой флот в Мраморное море, и Ушакову было приказано выйти в море для отражения покушений противника. 23 апреля последовал новый рескрипт Павла I на имя Ушакова:

«Вследствие данного уже от нас вам повеления о выходе с эскадрой линейного флота в море и занятии позиции между Севастополем и Одессой, старайтесь наблюдать все движения как со стороны Порты, так и французов, буде бы они покусились войти в Черное море или склонить Порту к каковому-либо покушению».

Таким образом, еще весной 1798 года в Петербурге не знали, с кем придется воевать Черноморскому флоту: с французами или с турками? Или с теми и другими?

И чем более распространялись слухи о загадочных военных приготовлениях в Тулоне, тем более в Петербурге крепла мысль, что удар вернее всего будет направлен против русских Черноморских берегов.

13 мая 1798 года последовал новый рескрипт Павла:

«Господин вице-адмирал Ушаков!

Коль скоро получите известия, что французская военная эскадра покусится войти в Черное море, то, немедленно сыскав оную, дать решительное сражение, и мы надеемся на Ваше мужество, храбрость и искусство, что честь нашего флота соблюдена будет, разве бы оная (эскадра) была гораздо превосходнее нашей, в таком случае делать Вам все то, чего требует долг и обязанность, дабы всеми случаями мы могли воспользоваться к нанесению вреда неприятелям нашим»¹.

Таким образом, одним из толчков, предопределивших в дальнейшем выступление Павла против Франции, был взволновавший всю Европу выход из Тулона флота с 36-тысячной экспедиционной армией под начальством Бонапарта. Как мы видели, когда сначала готовилась, а затем отправилась в свой загадочный путь эта экспедиция, в Петербурге уже было решено принять немедленно меры предосторожности. Куда направляется Бонапарт? В Ирландию (как сам он нарочно распускал слухи)? В Константинополь? В Египет?

¹ ЦГАВМФ, ф. Сборный. 1798 год, д. 7, л. 88—89. Копия.

План сражения в Дарданельском проливе

Что Бонапарт высадился в конце июля 1798 года в Александрии и что не успевший помешать этому Нельсон все же разгромил французский флот 1 августа при Абукире, в России узнали очень не скоро. Но одновременно с известиями об этом пришло сообщение и о захвате французами Мальты. Считая себя великим магистром Мальтийского ордена, Павел принял это как вызов. И хотя высадка французов в Египте рассеивала пока опасения за Черное море, но опасность дальнейшей агрессии на Ближнем Востоке побудила Павла предложить Турции союз для совместных действий «против зловредных намерений Франции».

Беспокойство в России внушало именно последнее. Дипломаты, генералы и адмиралы, выросшие в традициях и воззрениях Екатерининских времен, знали, что при старом французском режиме неизменным принципом французской политики была всемерная под-

держка Турции в ее борьбе против России и что упорное стремление упрочить свои торговые интересы на востоке Средиземного моря, а если повезет счастье, то и на Черном и Азовском морях, долгими десятилетиями руководило всей дипломатической деятельностью версальского двора. Революция в этом отношении мало что изменила, и, например, марсельская буржуазия с таким же искренним сочувствием приветствовала политику Директории в Леванте, с каким встречала, всегда враждебная России, планы и действия на Востоке министра Людовика XV — герцога Шуазеля или министра Людовика XVI — графа Верженна. Но гремевшая уже по всему свету слава молодого завоевателя Италии Бонапарта придавала всем слухам и предположениям о новом его предприятии особенно тревожный характер. Было ясно, что если Бонапарт направится на Константинополь, то, добровольно или по принуждению, Турция

непременно вступит с ним в союз, и соединенная франко-турецкая эскадра, и десантный флот войдут в Черное море.

Султан Селим III и его диван боялись французов именно потому, что на этот раз «союз» с Францией крайне легко мог превратиться в завоевание французами части турецких владений. При этих условиях предложение Россией союза для совместной борьбы против грозящего нашествия было встречено Портой вполне сочувственно, тем более, что, кроме России, в этом общем антифранцузском наступлении должны были принять участие Австрия и Англия.

Еще до того, как этот внезапный «союз» с Турцией был заключен, последовал высочайший указ адмиралу Ушакову от 25 июля 1798 года. Ему приказывалось «немедленно отправиться в крейсерство около Дарданелл, послав предварительно авизу из легких судов» к русскому посланнику в Константинополе Томаре. Дальше Ушакову предлагалось ждать извещения от Томары о том, что Порта просит русской помощи против французов, и как «буде Порта потребует помощи», Ушаков должен был войти в Босфор и действовать совместно «с турецким флотом противу французов, хотя бы и далее Константинополя случилось»¹.

Удивляться, что обратились именно к Ушакову, не приходится. Герой, одержавший несколько замечательных морских побед на Черном море, знаменитый на всем Востоке непобедимый «Ушак-паша» не имел в тот момент соперников между русскими адмиралами. Ушаков получил высочайший указ 4 августа 1798 года в Севастополе. Немедленно он начал сборы — и уже 13 августа вышел в море с эскадрой в составе шести линейных кораблей, семи фрегатов и трех посыльных судов. Общее число артиллерийских орудий было 794, общее число морской пехоты и команды («служителей») — 7411 человек². По утверждению летописца и участника похода лейтенанта Е. П. Метаксы, корабли были будто бы лучшие в Черноморском флоте, командный состав и матросы — отборные. Среди капитанов — в большинстве ученики и соратники Ушакова по войне 1787—1791 годов: Д. Н. Сенявин (командир корабля «Св. Петр»), И. А. Шостак, И. А. Селивачев, Г. Г. Белли (в документах называемый иногда Белле), А. П. Алексиано, Е. Сарандинаки, И. О. Салтанов и другие, уже имевшие во флоте весьма почетную репутацию.

В Константинополе уже велись переговоры о заключении союза с Россией, и когда 23 августа Ушаков с эскадрой прибыл к Босфору, или, как его тогда курьезно называли, к «Дарданеллам Константинопольского пролива», в отличие от просто Дарданелл, соединяющих Мраморное море с Эгейским, он тотчас послал в Константинополь уведомление о том русскому посланнику В. С. Томаре и уже 24 августа получил ответ, приглашавший его немедленно войти в Босфор.

Ушаков в Константинополе

24 августа Ушаков со своей эскадрой вошел в пролив, а 25 августа утром русская эскадра расположилась перед Буюкдере. На следующий день султан прислал к Ушакову драгоценна адмиралтейства с разными «многими учтивостями» и бриллиантовой табакеркой. А 28 августа состоялась первая конференция Ушакова с представителями Порты.

Турция согласилась выделить под верховное командование Ушакова четыре линейных корабля, десять фрегатов и корветов и до тридцати малых судов. Маршрут для Ушакова намечался такой: Архипелаг к берегам Мореи, «к Корону, Модону и Наварину (sic!)», а оттуда прямо к Ионическим островам. Здесь и должна была произойти боевая встреча Ушакова с французскими оккупационными силами.

«По всем ведомостям Блистательная Порта и весь народ Константинополя, — доносил Ушаков 29 августа, — прибытием вспомогательной эскадры бесподобно обрадованы: учтивость, ласковость и доброжелательство во всех случаях совершенны»³.

¹ Высочайший указ вице-адмиралу Ушакову 1798 года, июля 25.-- Материалы для истории русского флота, ч. XVI, стр. 250.

² Е. Метакса. Записки флота капитан-лейтенанта Егора Метаксы. Пг., 1915, стр. 5. Это — единственное полное издание ценнейших «Записок» с предисл. и прим. В. Ильинского. По другим данным, было 7 линейных кораблей, 5 фрегатов и 4 авизо. В общем, и по тем и по другим данным, 16 судов (у Скаловского «Жизнь адмирала Федора Федоровича Ушакова» на стр. 219 явная ошибка: «17»).

³ ЦГАВМФ, ф. 119. Канцелярия адм. Ф. Ф. Ушакова, д. 6, л. 49—51 Протокольная запись. Рапорт вице-адмирала Ф. Ф. Ушакова императору Павлу I о прибытии в Константинопольский пролив etc. 29 августа 1798 года.

Согласно директиве, полученной из Петербурга, пределы действий эскадры ограничивались районом Египта, Кандии (Крита), Мореи и Венецианского залива, «смотря по нужде в обстоятельствах». В зависимости от последних предлагалось также оказывать содействие находящейся в Средиземном море английской эскадре.

Переговоры с Портой, в которых принял участие и Ушаков, закончились соглашением, по которому соединенные русская и турецкая эскадры под общим начальством Ушакова должны были следовать в Средиземное море для освобождения захваченных французами Ионических островов.

В биографии Ушакова и в боевой истории России открылась новая славная страница.

Почему именно ему поручили огромной важности военную и дипломатическую функцию, — это, принимая во внимание уже заслуженную им репутацию, понятно само собой.

А почему такое большое политическое предприятие было начато, как оно протекало, как оно окончилось и как Ушаков увенчал себя новыми лаврами уже не только российской, но в всевропейской славы, — об этом нам говорят те документы, к анализу и изложению которых мы теперь и обратимся.

Вторая половина XVIII века была временем, когда сплошь и рядом военному вождю приходилось обращаться в дипломата и принимать на месте, не дожидаясь указаний из далекого Петербурга, крайне ответственные решения. Петербургская «обратная почта» приносила ответы Коллегии иностранных дел на запросы иногда через месяц, иногда через полтора после отправления этих запросов с берегов Черного моря или Дуная, а иногда и через три месяца, если запрос отправлялся, например, с Ионических островов. Обстановка вынуждала действовать самостоятельно, случались промахи... И не все полководцы чувствовали в себе призвание к дипломатическим переговорам. Суворов терпеть их не мог и очень раздражался, когда ему обстоятельства навязывали дипломатические функции.

В противоположность Суворову, Румянцев и Кутузов (в особенности Кутузов) обнаружили замечательные дипломатические способности. Первый навсегда связал свое имя не только с Ларгой и Кагулом, но и с Кючук-Кайнарджийским миром, а второй прославился не только Бородинским боем, но и Бухарестским трактатом, по которому, к полному изумлению всей Европы, Россия получила Бессарабию.

Ушаков в этом отношении должен быть причислен к военным вождям типа Румянцева и Кутузова, хотя по своей стратегии и тактике он уже давно заслужил прозвище «морского Суворова».

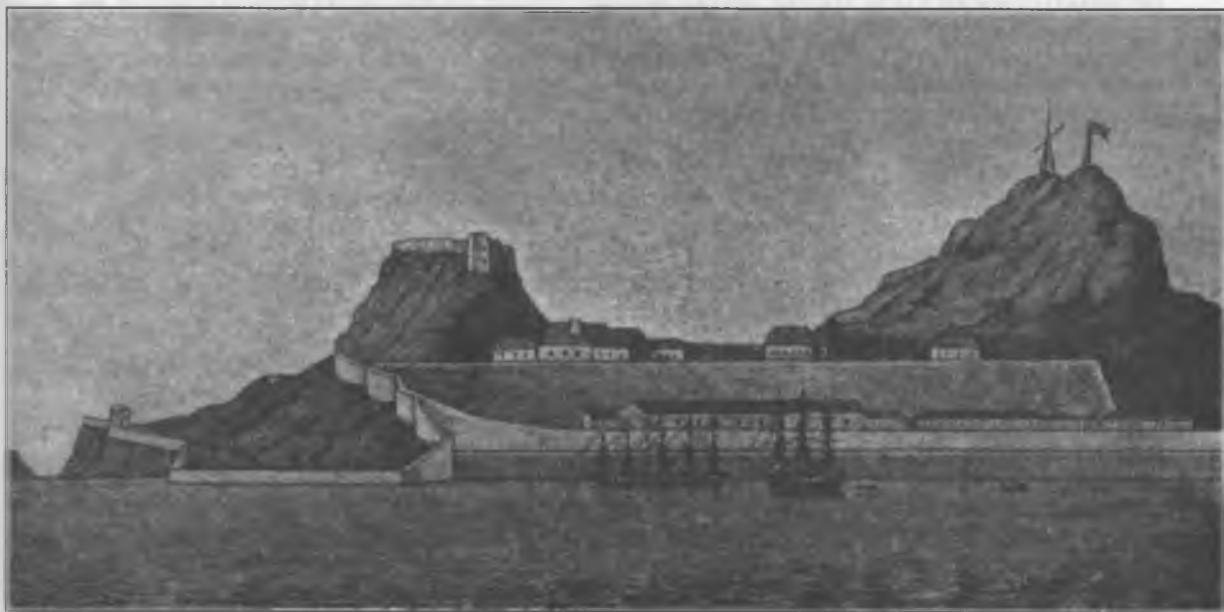
Его проницательность, тонкость ума, понимание окружающих, искусно скрытая, но несомненная недоверчивость не только к врагам, но и к союзникам, и даже главным образом к союзникам, — все это позволило ему совершенно, по существу, самостоятельно вести русскую политику и делать большое русское дело на Средиземном море в течение двух тревожных и критических лет европейской политики одновременно с Суворовым. Многие дипломатические трудности, с которыми они оба сталкивались, происходили от аналогичных причин. Замечу, кстати, что Суворов необыкновенно высоко ставил всегда Ушакова.

Суворов терпеть не мог осторожных и увертливых карьеристов-немцев, любивших, на всякий случай, прибавлять чуть ли не к каждому своему высказыванию, что они не знают «наверное» — «nicht bestimmt». И именно поэтому великий полководец ценил твердость и точность Ушакова. Вот что читаем у Бантыш-Каменского: «Суворов, не любивший рассыпать похвалы там, где не следовало, особенно уважал Федора Федоровича и любил отдавать справедливость его заслугам. В бытность Суворова на севере Италии к нему приехал от Ушакова офицер с бумагами. немец по происхождению. “А что, здоров ли мой друг, Федор Федорович?” — спросил Суворов. Посланный отвечал: “А, господин адмирал фон Ушаков?” — “Убирайся ты с твоим фон! — воскликнул Суворов. — Этот титул ты можешь придавать такому-то и такому-то, потому что они нихтбештимтзагеры, немогузнайки, а человек которого я уважаю, который своими победами сделался грозой для турков, потряс Константинополь и Дарданеллы и который, наконец, начал теперь великое дело освобождения Италии, отняв у французов крепость Корфу, еще никогда не уступавшую открытой силе, этого человека называй всегда просто Федор Федорович!”»¹

Ушаков проявил себя как умнейший, тонкий и осторожный дипломат и вместе с тем как человек широкого государственного кругозора.

Случилось, что уже к концу его блестящей деятельности обстоятельства поставили его во главе соединенных морских сил России и Турции сперва для изгнания французов с Ионических островов, чрезвычайно важных в стратегическом отношении для всего хода борьбы на Средиземноморском театре, а затем для опера-

¹ Д. Бантыш-Каменский. Словарь достопамятных людей русской земли, ч. 5. М., 1836, стр. 198—199. Эти строки взяты Бантыш-Каменским из недописанного документа, имеющегося в делах ЦГАВМФ в Петербурге.

Вид крепости Корфу в 1798 году

ций у берега Италии с целью содействия Суворову в деле очищения последней от войск французской Директории.

Обстановка на Средиземноморском театре оказалась чрезвычайно сложная. Генерал Бонапарт, отправившись в мае из Тулона на завоевание Египта, как уже было сказано, захватил по пути остров Мальту и затем, сбив с толку гонявшегося за ним по всему морю Нельсона, благополучно высадил свою армию в Александрии и победоносно двинулся вперед к Каиру, сокрушая сопротивление противника на суше. Но опоздавший Нельсон все же нашел сопровождавший экспедицию Бонапарта французский флот и одержал большую морскую победу при Абукире 21 июля (1 августа) 1798 года.

Вторжение французов в Египет затрагивало не только английские и турецкие интересы, но и русские, хотя, конечно, в меньшей степени. Укрепление французов на Средиземном море, в восточной его части, грозило полным превращением Турции во французского вассала, появление французского флота на Черном море — уничтожением всего того, что было достигнуто Россией в результате как Кючук-Кайнарджийского мира 1774 года, так и Ясского мира 1791 года. Египетская экспедиция с этой точки зрения являлась прямым продолжением и как бы дополнением предшествующих событий: захвата Бонапартом Венеции в 1797 году, занятия числившихся за Венецией, хоть и не всегда реально ей подвластных, Ионических островов,

утверждения французов в Адриатическом море. Нечего и говорить, что завоевание Бонапартом почти всего Апеннинского полуострова и утверждение французов в Неаполе и в королевстве обеих Сицилий делали более осуществимыми все дальнейшие планы и предначертания Директории, связанные со странами Леванта.

Но не только эти причины толкали Павла к войне против Франции. Для него Директория была той же ненавистной революционной «гидрой», как и Конвент, и он считал своей священной обязанностью бороться против этой «гидры». Как и во всем, он решил не следовать примеру матери. Екатерина II, может быть, громче всех в Европе кричала о необходимости сокрушить силой «парижских чудовищ», которых она, конечно, и в самом деле яростно ненавидела и опасалась, — но за все свое царствование не послала против Франции ни одного русского солдата, предпочитая, чтобы другие взяли на себя эту нелегкую борьбу. А Павел именно и желал явиться паладином монархического принципа, спасителем «тронов и алтарей» и т. д. Он и оказался фактически еще до начала XIX столетия царем, установившим мрачной памяти традицию «европейского жандарма», роль которого так долго играл после Павла русский царизм при Александре I и Николае I.

Когда все эти разнообразные мотивы обусловили участие России во второй коалиции, оказалось, что два других главнейших партнера в затевавшейся тяжелой борьбе — Австрия и Англия —

не только относятся неискренне, но уже наперед держат против нее камень за пазухой. Австрийский император Франц и его министр граф Тугут умоляли Павла прислать на помощь Австрии в Северную Италию Суворова с русской армией. Английский кабинет во главе с Вильямом Питтом Младшим, конечно, жаждал, чтобы на помощь англичанам как можно скорее пришли русские эскадры в Средиземное и Северное моря. Но и австрийцы, и англичане боялись русских, не доверяли им, завидовали их успехам, хотя, по существу, эти успехи шли на пользу общему делу. А главное — эти союзники мечтали уже наперед не только о победе над французами при помощи русских, но и о том, чтобы сами-то русские не очень задерживались на тех местах, где эти победы произойдут. Это почувствовал на севере Италии и в Швейцарии Суворов. Сразу это понял и действовавший на Ионических островах и на юге Италии Федор Федорович Ушаков, и он вовремя сумел приготовиться к скрытым ударам и парировать их.

В Петербурге еще долгое время не очень ясно и в некоторых отношениях совсем неправильно представляли себе, как обстоят дела на Средиземном море, куда шла эскадра Ушакова. В столице царил совсем неосновательный оптимизм: «Вы знаете, что экспедиция Бонапарта исчезла, как дым», — с удовольствием сообщает канцлер князь Безбородко С. Р. Воронцову 6 октября 1798 года, то есть именно тогда, когда Бонапарт победоносно шел с армией по Египту, сметая прочь всякое сопротивление турок и мамелюков.

Из-за ложной информации канцлер Безбородко делал совершенно неправильные выводы о предстоящих задачах Ушакова в Средиземном море. Выходило, что о Египте беспокоиться уже незачем. Нельсон будет «блокировать Тулон и прочее», а Ушаков сможет «овладеть островами венецианскими (т. е. Ионическими)», согласовав свои действия с действиями Нельсона и «охраняя берега итальянские, способствовать блокаде Мальты»¹. Захват Мальты особенно раздражал «гроссмейстера» Павла.

А на самом деле Нельсону пришлось блокировать не Тулон и берега Италии, а прежде всего египетские порты и Мальту, и Ушакову необходимо было считаться с требованиями Нельсона о помощи.

По данным Коллегии иностранных дел, как явствует из того же письма Безбородко С. Р. Воронцову, Ушаков имел под своей командой к моменту выхода из Дарданелл 9 линейных кораблей, 5 больших фрегатов и несколько мелких судов. А у турецкого вице-адмирала, шедшего вместе с Ушаковым к Ионическим островам, было 6 линейных кораблей, 10 фрегатов и 30 легких судов. Эти сведения были слишком преувеличены. Русская эскадра имела в этот момент всего 6 кораблей, 5 фрегатов и 3 малых судна с 7 400 человеками экипажа (из них солдат 1 700). Турецкая же эскадра состояла из 4 кораблей, 8 фрегатов и корветов и 4 малых судов.

Старые скатерининские вельможи просто не могли опомниться и поверить ушам и глазам своим: русские в союзе с турками. Но чего не сделает французская революция! «Надобно же вырасти таким уродам, как французы, чтобы произвести вещь, какой я не только в своем министерстве, но и на веку своем видеть не чаял, то есть: союз наш с Портой и переход флота нашего через канал. Последнему я рад, считая, что наша эскадра пособит общему делу в Средиземном море и сильное даст Англии облегчение управиться с Бонапартом и его причетом», — писал Александр Андреевич Безбородко русскому послу в Англии С. Р. Воронцову², сообщая некоторые подробности об экспедиции Ушакова.

Настойчиво указывалось Ушакову на необходимость всячески оказывать полное внимание и почтение туркам, чтобы искоренить их застарелое недоверие. «Впрочем, поручаю вам стараться избегать и не требовать лишнего от Порты и не терять из виду, что, помогая ей, не должны мы становиться в крайнюю тягость. Я полагаюсь относительно сего на ваше благоразумие, быв уверен, что вы будете тащись о выгодах ваших подчиненных, притом и о сохранении наилучшего от нас впечатления как в самом султани и министерстве его, так и в простом народе», — писал Павел в рескрипте на имя Ушакова 25 сентября 1798 года³.

¹ Сб. РИО, т. 29. СПб., 1881, стр. 407—408. Безбородко — Воронцову, 6 октября 1798 г.

² Сб. РИО, т. XXIII. СПб., 1881, стр. 406.

³ ЦГАВМФ, ф. Сборный, д. 97, л. 11—12. Копия Рескрипта Павла I вице-адмиралу Ф. Ф. Ушакову, сентября 28, 1798 года, г. Гатчина.

Переговоры с турками

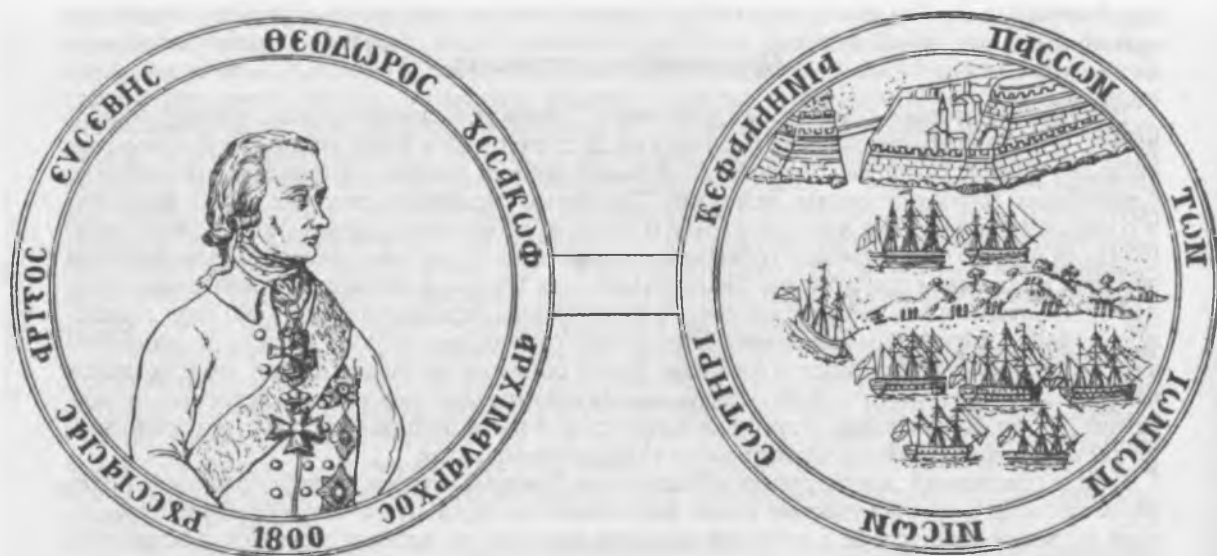
Начав переговоры о совместных действиях, Турция тем самым вступала во вторую коалицию — если не формально, то фактически. Встреченный в Константинополе самым ласковым образом султаном Селимом III, Ушаков принял деятельное участие в разработке ближайших планов военных действий. Турецкому правительству уже было известно и о высадке Бонапарта в Александрии, и о его походе из Александрии к югу, в глубь страны (хотя ничего более точного обо всем этом не знали), и об истреблении французской эскадры Нельсоном при Абукире. Но опасность для Турции и, поскольку с ней связана была Россия, также и для русских интересов не миновала. Французы еще в 1797 году, согласно условиям мира в Кампоформио, захватили Ионические острова и часть Балканского западного побережья в Эпире и Албании. Таким образом, не только Египет, но и западная часть Балканского полуострова отхватывалась французами уже непосредственно от владений Порты. Ионические острова являлись самой важной французской стратегической базой на востоке и в центральной части Средиземного моря.

В ряде совещаний, кроме русских (Ушакова и Томары) и турок (великого визиря, рейс-эффенди и др.), принял участие также английский представитель Спенсер Смит. Ушаков, судя по всему, ставил себе в этих совещаниях две цели: во-первых, получить в возможно лучшем виде вспомогательную турецкую эскадру; во-вторых, все же не брать на себя точных обязательств, а в случае успешного изгнания французов присоединить Ионические острова к владениям султана, которому они вовсе не принадлежали, но который очень хотел их получить. И то и другое Ушакову удалось. Он получил под верховное свое командование турецкую эскадру, а насчет Ионических островов ничем определенным не обязался. Турция получала лишь совместный с Россией протекторат над островами, да и то временный.

Чтобы покончить с вопросом о дипломатической стороне совокупных русско-турецких действий, прибавим, что когда Ушакова уже давно не было в Константинополе, турецкие дипломаты и русский посланник Томара продолжали совещаться, и 13 (24) ноября, зная уже о сдаче французами Ионических островов (кроме Корфу) Ушакову, Томара считал необходимым поставить Ушакова в курс вырабатываемых решений. Крайне любопытное письмо Ушакову «о целях и задачах» внешней политики России по отношению к Турции направил посланник Томара из Константинополя 13 (24) ноября 1798 года «секретно»¹. Подчеркивание секретности весьма понятно...

Оказывается, что «высочайший двор» очень мало полагается на своих турецких импровизированных «союзников», которые в течение ста лет были союзниками Франции против России. А посему нужно очень прочно, надолго рассорить турок с французами. Прежде всего пусть Ушаков, соблюдая корректно все требования международного права, принятые между цивилизованными нациями, не мешает Кадыр-паше и туркам делать на Ионических островах с французами все, что им заблагорассудится, даже нарушать подписанные французами условия капитуляции: «...Намерение высочайшего двора стараться как можно более раздражить взаимно Порту и Францию, следственно, соблюдая с вашей стороны, в рассуждении французов, правила войны вообще принятые, не должно понуждать к наблюдению (соблюдению — *Е. Т.*) их турков. Пущай они что хотят делают с французами, и турецкий начальник, хотя в самом деле вам подчинен, но в наружности товарищ, может поступать с ними как хочет,— нарушение же капитуляции вам приписано быть не может», тем более что французы попадут в руки турок (якобы для увоза их в Константинополь), «а вам обременяться пленными не следует и невозможно». Как увидим, Ушаков и тут оказался человеком несравненно более высоких понятий о гуманности и о русской национальной чести и достоинстве, чем Павел I, которого лживая монархическая легенда и историография так упорно старались всегда представить в образе благородного рыцаря и великодушного Дон Кихота. Его «донкихотство» не имело ровно ничего общего с великодушием. Как увидим, Ушаков и не подумал даже пытаться осуществить эти жестокие макиавеллистические инструкции. Не довольствуясь этими планами, Тома-

¹ ЦГАДА. Госархив, XX разр., д. 372, л. 185—186. Отношение В. С. Томары Ф. Ф. Ушакову о целях и задачах внешней политики etc. 13 (24) ноября 1798 года.

Медаль, поднесенная Ушакову населением острова Кефалония

ра советует Ушакову еще высадить именно турецкий десант в Северной Италии, в Анконе, близ границ Цизальпинской республики. Чем больше турки будут там безобразничать и грабить, тем более непримиримо рассорятся Турция и Франция и тем больше «охоты» получат турки к войне, потому что во имя одной лишь «отвлеченной» борьбы против революции турки воевать долго не станут. Вот если дать им пограбить, это дело иное: «Возвращаясь к сказанному вначале сего письма касательно заведения чем можно большей вражды меж Директорией и Портой, не заблагорассудите ли, ваше превосходительство, убедить Кадыр-бея и Али-пашу к сделанию десанта близь Анконы в границах Цизальпинской республики?» Так как русские не могут и не должны грабить частных жителей, а «турки одни могут воспользоваться добычей» пленного населения, то пусть турки и десант одни делают, «разве только под прикрытием нашим». А этот турецкий грабеж «превеликий ропот и волнение произведет во всей Цизальпине и нацию турецкую заохотит к войне, чего, по несчастью, искать должно, ибо на действие в черни турецкой нынешних отвлеченных войной причин долго полагаться не можно». Ничего не поделаешь! «Возвышение», «отвлеченные причины», «спасении тронов и алтарей» — все это на «турецкую чернь» действует меньше, чем перспектива вволю пограбить. Но и этим предложением Ушаков не подумал воспользоваться и сурово и бдительно воспрещал туркам даже малейшие попытки к грабежу.

Довольно знакомства с этим официальным письмом Томары к Ушакову, чтобы понять, до какой степени все гуманные, благородные поступки Ушакова и его офицеров и на Ионических островах, и в Италии обуславливались тем, что Ушаков действовал диаметрально противоположно тому, что ему рекомендовалось Павлом I и его непосредственными дипломатическими представителями. Ушаков своим стойким неповиновением спасал честь России, которую царь без колебаний своими преступными и гнусными «предначертаниями» пытался втоптать в грязь.

Конечно, уже самое изгнание французов с этих островов создавало безопасность и для Архипелага, и для проливов. Но Селиму III приятнее было бы видеть Ионические острова в своей власти, а не во власти своих неожиданных, совсем для Турции новых, русских друзей. Вопрос об островах уточнен не был.

Ушаков добился не только предоставления ему турецкой эскадры, но и обязательства турок снабжать русский флот продовольствием и в случае надобности материалами (натурой, а не деньгами) для ремонта судов. Затем Ушаков со своими офицерами осмотрел турецкие корабли. С чисто технической стороны эти суда произвели превосходное впечатление: «Все корабли обшиты медью, и отделка их едва ли уступает нашим в легкости... Артиллерия вся медная и в изрядной исправности», но «ни соразмерности, ни чистоты» в вооружении и в оснастке русские не нашли: «паруса бумажные и к мореплаванию весьма неспособные. Экипаж турецкий

был очень плох, набирались люди из невольников и просто с улицы, часто насильственным путем, и по окончании похода снова выгонялись на улицу. Дезертирством спасалось от службы около половины команды в течение каждого похода. Нет ни малейшей выучки у офицеров, нет карт, нет приборов, даже компас бывает лишь на одном адмиральском корабле. Медицинского обслуживания нет вовсе: какой-то беглый солдат Кондратий сделался из коновала главным штаб-лекарем на турецком флоте»¹.

Появление Ушакова возбуждало в течение его пребывания в турецкой столице живейшее любопытство всюду, где он появлялся, отношение к нему было самое предупредительное, и сам он вел себя с большим тактом, сознавая, конечно, что его «союзнические» и дружественные отношения с турками кажутся константинопольскому населению, не искушенному в тонкостях и превратностях дипломатии, несколько парадоксальными. Он спешил начать действия, но турки проявили обычную медлительность.

На «конференции в Бебеке», на которой присутствовали турецкий министр иностранных дел (рейс-эффенди) Измет-бей, английский посланник Сидней Смит, русский посланник Томара и адмирал Ушаков, было решено отделить от соединенных эскадр русской и турецкой четыре фрегата (по два от каждой) и десять канонерских лодок к острову Родос. Затем отправить один посыльный корабль в Александрию, чтобы там осведомиться у английского командора, блокирующего Александрийский порт, нужны ли ему эти десять канонерских лодок. Если он скажет, что нужны, то идти от Родоса в Александрию, сопровождая эти десять канонерок помянутыми четырьмя фрегатами. Вместе с тем, английский представитель Сидней Смит и непосредственно адмирал Ушаков снесутся с адмиралом Нельсоном и узнают о его пожеланиях.

Только 11 сентября Ушаков, уже пришедший в Галлиполи, принял Кадир-бея (в документах иногда «Кадыр-бей») и познакомился со вспомогательной турецкой эскадрой. Кадир-паша, ставший в подчинение по отношению к Ушакову, имел под своим начальством шесть линейных кораблей, восемь фрегатов и четырнадцать канонерских лодок. Таким образом, численностью турецкой эскадры превосходила русскую, но боеспособностью неизмеримо уступала ей. Не все корабли турецкой эскадры пошли непосредственно вместе с Ушаковым, а только четыре двухдечных корабля, шесть фрегатов и четыре корвета, а остальные пока остались в Дарданеллах для охраны пролива.

Ионические острова под владычеством французов

Группа Ионических островов называлась также с давних пор «Семь островов». Под этим названием понимались острова: Корфу, Кефалония, Св. Мавра, Итака, Занте, Цериги, Паксо. Ряд других островов, тоже входящих в этот архипелаг (Фано, Каламо, Меганисси, Касперо, Цериготто, Антипаксо, группа мелких островков Строфады, или Стривали), примыкает к перечисленным семи островам и очень редко упоминается в документах. Климат островов мягкий, как в средней Италии, но летом большая жара. Почва для земледелия, садоводства, виноградарства и огородничества очень благоприятная. Маслины произрастают в изобилии. Есть соляные варницы; всегда существовала обильная охота за дичью, и охотничий промысел с давних пор был очень развит так же, как и рыболовство. Кое-где (на островах Корфу, Занте и Кефалония) существовала в те времена уже довольно развитая ремесленная деятельность (ткачество, ювелирное и кожевенное дело, прядение шелка и др.).

В самом конце XVIII век на Ионических островах существовала немногочисленная аристократия, которая, однако, уже не пользовалась былыми феодальными правами над личностью землевладельца, а мелкое крестьянское землевладение было очень развито, и крестьяне, жившие недалеко от городов, старались без участия торговых посредников, сами, сбывать в города сельскохозяйственные продукты. Более крупные землевладельцы сдавали нередко свои земли в аренду. При этом крупные поместья принадлежали не только дворянам-аристократам, но часто и лицам недворянского происхождения. При младенческом состоянии тогдашней статистики в этих местах авторы, писавшие об Ионических

¹ Е. Метакса. Цит. соч., стр. 19.

островах, избегали давать какие-либо точные указания о классовом составе населения всех этих островов. Есть французское, но лишь общее, показание, по которому все население Ионических островов составляло в 1799 году 242 543 человека. Казалось бы, что если «аристократы» могли не любить французов, приносивших лозунги первых лет революции о равенстве и свободе, то уже крестьяне-то во всяком случае должны были быть на их стороне. Но французский офицер, капитан Беллэр, наблюдатель и участник событий на Ионических островах, передает, что именно крестьяне сразу же стали на сторону русских, как только Ушаков подошел к Ионическим островам. Вот, например, что случилось (еще до высадки русских) на о. Занте: «более восьми тысяч вооруженных крестьян, сбегавшихся со всех концов острова ночью, собрались вблизи города под русским знаменем. Эти бунтовщики решили помешать французам препятствовать высадке неприятеля.

Наконец, казалось бы, что среди городского населения можно было бы ждать проявления сочувствия французам, «сыновьям великой революции», по тогдашнему ходячему выражению. Но и здесь не было сколько-нибудь прочной симпатии к французским завоевателям. Одной только агитацией дворян нельзя, конечно, объяснить ни массовых антифранцузских выступлений крестьян, ни такого сильного брожения среди буржуазии («les bourgeois de Corfou»), что французскому командованию пришлось и разоружать горожан, и усмирять артиллерией мятежников, и приказывать сжечь целое предместье, и все это еще до прибытия русской эскадры¹. Явно недоумевая сам по поводу такого «всесословного» отрицательного отношения к французам, капитан Беллэр предлагает читателю явно неудовлетворительное идеалистическое объяснение: греки и русские одной и той же православной церкви.

Мы дальше еще увидим, что есть и другое, гораздо более реальное объяснение: французы очень мало церемонились с собственностью и крестьян, и горожан.

У нас есть одно очень ценное показание беспристрастного свидетеля, посетившего Ионические острова в 1806 году. Описывая царившие там условия, он утверждает, что французы, захватив в 1797 году острова, не только не стали на сторону крестьян-арендаторов, но, напротив, своей политикой помогали помещикам угнетать крестьян, стараясь тем самым утвердить свое господство: «Дворянство отдает земли свои на откуп и беспрестанно ропщет на леность и нерадение мужиков, будучи не в силах принудить их к трудолюбию, ибо мужики до срока условий остаются полными хозяевами и не платят своих повинностей; посему помещики издавна почитаются у них врагами. Французы, обнадежив дворянство привести в послушание народ, были приняты (дворянами) в Корфу с радостью, но ничего не сделали, кроме того, что некоторым, кои более им помогали, дали лучшие земли, отнимая оные по праву завоевателя у тех, которые им не казались (не нравились)»². Мудрено ли, что крестьянство ненавидело французских захватчиков.

Таким образом, обстоятельства складывались для Ушакова благоприятно. Мог ли рассчитывать на какую-нибудь поддержку со стороны греческого населения французский главнокомандующий генерал Шабо, о котором рассказывает Беллэр, всецело ему сочувствующий, его подчиненный и очевидец усмирения взбунтовавшихся горожан Корфу, которые укрепились в Мандухио, — предместье города Корфу? «Генерал, видя упорное сопротивление греков и желая щадить свои войска, велел бомбардировать Мандухио артиллерией с Нового форта, с двух полугалер и бомбардирского судна «Фример». Огонь этой артиллерии принудил бунтовщиков покинуть дома, которые они занимали. Чтобы отнять у них надежду на возвращение туда и чтобы особенно наказать жителей, генерал приказал сжечь предместье. Вследствие этого гренадеры 79-й полубригады вошли туда. Одни из них сражались с греками, тогда как другие, снабженные факелами и горючими веществами, рассеялись по домам и поджигали их... После семи часов сражения бунтовщики были вытеснены с их позиций и большинство домов в Мандухио было сожжено»³.

После этих предварительных замечаний о том, что творили французские захватчики на островах еще до прибытия Ушакова, для нас многое станет понятным в его успехах, к последовательному рассказу о которых и переходим.

¹ Bellaire. Précis des opérations générales de la division française du Levant. P., an XIII (1805), p. 449.

² Там же, стр. 285—287.

³ В. Броневский. Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина от 1805 по 1810 год, ч. II. СПб., 1836, стр. 100—101.

⁴ Bellaire. Цит. соч., стр. 286—287.

А. Блинков. Сражение у острова Тендра 28–29 августа. 1790 г. Фрагмент

И. К. Айвазовский.
Бриг «Меркурий» ведет бой с двумя турецкими кораблями. 1892 г.

Южная сторона Севастополя,
 бульвар и памятник Казарскому.

Освобождение островов Цериги и Занте

28 сентября (9 октября) 1798 года Ушаков подошел к о. Цериги (Чериги). В тот же день с фрегатов «Григорий Великия Армении» и «Счастливый» на остров был высажен десант, который занял крепость Св. Николая. Французы укрылись в крепости Капсала. 1 (12) октября эта крепость подверглась комбинированной атаке со стороны десанта, трех русских фрегатов и одного авизо. Французы сопротивлялись упорно, но не очень долго. Подавленный мощью артиллерийского огня и стремительностью атаки, французский гарнизон уже через несколько часов принужден был вывесить белые флаги. Ушаков поставил мягкие условия: французов отпускали «на честное слово» (не сражаться в эту войну против России), и им позволено было выехать в Анкону, занятую тогда французским гарнизоном, или в Марсель.

Здесь Ушаков впервые начал осуществлять план, который он, по-видимому, наметил еще до открытия военных действий. Население (греки по преимуществу) встретило русских с необычайным радушием, и Ушаков своим первым же распоряжением еще усилил эти благожелательные чувства: он объявил, что поручает управление о. Цериги, попавшим в его власть, лицам «из выборных обществом дворян и из лучших обывателей и граждан, общими голосами признанных способными к управлению народом»¹. Острову давалось местное самоуправление, причем выборы на первых порах ограничивались двумя классами: дворян и торгового люда (купцов, судовладельцев, домовладельцев). Конечно, это самоуправление было подчинено верховной власти адмирала Ушакова, но, по обстоятельствам времени и места, самоуправление с правом поддерживать порядок своими силами, с правом иметь собственную полицию, с охраной личности и собственности от возможного в военную пору произвола, привело в восхищение островитян.

Чтобы вполне объяснить восторженный прием, которым так обрадован был адмирал Ушаков, нужно вспомнить историческую обстановку, в которой совершалось освобождение Ионических островов от французов русскими моряками.

В самой Франции это были годы крутой крупнобуржуазной реакции, время жестокого гонения на якобинцев. К 1798—1799 годам уже миновало то время, когда французов с надеждой встречала как освободителей часть (и значительная часть) населения стран, куда они входили победителями. Крутая эволюция, превратившая «войны освобождения» первых светлых времен революции в войны завоевания и ограбления, — эволюция, уже очень заметная в 1796 году, при первом вторжении Бонапарта в Италию, продолжалась все ускоряющимся темпом в течение 1797—1799 годов. Греки и славяне Ионических островов, итальянское крестьянство обеих Сицилий и Церковной области, египетские феллахи на берегах Нила жестоко чувствовали суровый военный деспотизм победителей, полнейшее свое бесправие перед французами и ощущали французское завоевание как грабительский захват, потому что в большей или меньшей степени грабеж населения в этих южных странах, занятых французами, практиковался невообразимо. Пресловутый лозунг, брошенный генералом Бонапартом, — «Война должна кормить себя сама», — приносил свои плоды². Даже та часть населения, которая в других местах больше всего поддерживала французов, то есть буржуазия, здесь, на Ионических островах, не оказала им ни малейшей помощи: ведь эти «Венецианские», как их называли, острова, так долго состоявшие в тесной связи с Венецией — богатой торговой республикой, почти никогда не знали угнетения буржуазного класса феодальным дворянством, а от военных постоев, от произвола и грабежа французов именно торговцы в городах страдали в первую очередь. В Калабрии, Апулии, Неаполе положение было иное: если часть крестьянства и городской неимущий класс остались в общем врагами французов, то часть буржуазии («образованный класс») стала на сторону Французской республики. Но несмотря на кратковременность пребывания французов в Королевстве обеих Сицилий, к концу этого пребывания даже и в среде буржуазии успели обнаружиться симптомы недовольства: стали замечать, что французское

¹ ЦГАВМФ, ф. 119. Канцелярия адм. Ф. Ф. Ушакова, д. 6926, л. 147—148. Копия. Ср. также цит. соч. Е. Метаксы, стр. 37.

² Любопытно, что генерал Бонапарт поспешил послать на Ионические острова ученого Арно и неотступно требовал от него, чтобы тот поскорее собрал и отправил в Париж все картины, статуи, драгоценные рукописи, какие только найдет. Арно не успел: русские помешали.

завоевание имеет в виду интересы не столько итальянской, сколько французской крупной буржуазии. Все это было уже задолго до установления военной диктатуры и полного самодержавия Бонапарта 18 брюмера 1799 года.

Такова была та солидная почва, которая подготовила благоприятное для русских настроение среди части населения сначала на Ионических островах, а потом в Южной Италии. Если же на Ионических островах это благожелательное настроение населения выразилось в столь бурновосторженных формах, то не следует забывать, под каким террором жило христианское (греческое по преимуществу) население островов. Ведь Ушаков явился тогда, когда могущество Али-паши Янинского на западе Балкан находилось в зените. А о том, что между французами и Али-пашой уже велись переговоры, на островах были осведомлены.

Наибольшую ненависть населения Ионических островов французские захватчики возбудили к себе именно своей временной дружбой с Али-пашой, который, почувствовав эту поддержку и опираясь на нее, подверг страшному опустошению ряд селений, истреблял там (в Нивице-Бубе, в селе св. Василия, в городе Превезе, в других местах) христианское (греческое и славянское) население. Около шести тысяч человек было перерезано. Вешали для забавы семьями по четырнадцать человек на одном дереве, сжигали живьем, подвергали перед убийством страшнейшим пыткам. Изверг Юсуф, командующий войсками Али-паши, предавался всем этим зверствам именно в последние месяцы перед появлением Ушакова. «Можно представить себе без труда, какое впечатление эта мрачная драма произвела на Ионических островах. Популярность французов не могла противостоять подобным испытаниям», — пишет гречанка Дора д'Истрия, не желающая показать из любезности к своим французским читателям, что, помимо губительной для греков политики «дружбы» французов с Али-пашой, французская популярность была подорвана уже очень скоро после 27 июня 1797 года, когда генерал Бонапарт, уничтожив самостоятельность Венецианской республики, послал одного из своих генералов (Жангильи) занять Ионические острова¹. Грабежи и поборы всякого рода и полное уничтожение даже того очень скромного самоуправления, которым пользовалось население при венецианском владычестве, водворение полнейшей военной диктатуры — все это еще до разбойничьих подвигов Али-па-

ши на албанском берегу сделало французских захватчиков ненавистными большинству обитателей Ионических островов, особенно крестьянам. Это сильно облегчило Ушакову освобождение Ионического архипелага.

13 (24) октября 1798 года Ушаков от о. Цериго перешел со своим флотом к о. Занте. Положение он застал здесь такое: французский гарнизон засел в крепости на крутой горе и, кроме того, выстроил несколько батарей на берегу. Ушаков приказал капитан-лейтенанту Шостаку разгромить батареи и высадить десант. Для этой операции были выделены два фрегата и гребные суда. После оживленной перестрелки Шостак сбил батареи и начал высадку десанта. Жители острова толпами стали сбегаться к берегу, восторженно приветствуя русские войска. Произошло, правда, некоторое замешательство, когда вместе с русскими стали высаживаться и турки, потому что греки ненавидели и боялись турок еще больше, чем французов. Но уже очень скоро они сообразили, что главой предприятия является Ушаков, и успокоились.

Наступал вечер, а оставалось еще самое трудное дело — взять крепость. Орудия, палившие с русских кораблей по крепости, ничего поделывать не могли, так как ядра не долетали. Капитан-лейтенант Шостак послал в крепость к французскому коменданту, полковнику Люкасу, парламентаря с требованием немедленной сдачи. Люкас отказал. Тогда Ушаков приказал десанту штурмовать высоту, на которой располагалась крепость. Солдаты и моряки, окруженные толпами жителей, освещавших путь фонариками, двинулись к крепости под предводительством капитан-лейтенанта Шостака. Но тут из крепости вышел комендант Люкас, изъявивший желание договориться с русским командованием о сдаче. Боясь, что население растерзает его, если он появится во французском мундире, Люкас явился переодетым в штатское.

Шел уже одиннадцатый час ночи, когда Люкас встретился с Шостаком в доме одного из старшин города, грека Макри. Шостак обещал в 8 часов утра выпустить из крепости с воинскими почестями французский гарнизон, который сдастся в плен и сдаст все свое оружие. Имущество у французов было обещано не отнимать, но они должны были возвратить все награбленное у населения. Русские обязались не преследовать тех, кто стал в свое время на сторону французов.

14 (25) октября состоялась сдача гарнизона и над крепостью был поднят русский флаг. Кс-

¹ Istria D. Les Iles Ioniennes. — Revue des deux mondes, t. XVI. P., 1858, p. 398. Дора д'Истрия допускает небольшую неточность: командировка Жангильи состоялась 12 июня (24 прерияля) 1797 года, а 27 июня (9 мессидора) французы уже высадились на о. Корфу.

Медаль для награждения за успехи в науках, выбитая во время русского владычества на островах.

Выдавалась русским уполномоченным в Республике Семи Островов

мендант, 444 солдата и 46 офицеров с очень большим трудом были отправлены к Ушакову на корабли, — разъяренный народ хотел отбить их и растерзать. Нужно сказать, что, помимо ограбления жителей и произвола военных властей, греки островов (особенно Занте, Кефалонии и Корфу) страдали еще от полного прекращения, с появлением у них французов, какой бы то ни было морской торговли. Англичане еще до появления ушаковской эскадры пресекли всякое сообщение между Ионическими островами, Мореей и Италией. Обнищание населения быстро прогрессировало именно на тех островах, где торговля прежде кормила большую массу жителей.

На русских кораблях с пленными французами обращались прекрасно; тем же из них, кто попал на суда Кадыр-бей, довелось вынести все муки галерных невольников. В конце концов пленные были отправлены в Константинополь, а восемнадцать семейным офицерам Ушаков разрешил выехать с семьями в Анкону, занятую тогда французами.

15 (26) октября Ушаков при звоне церковных колоколов, встреченный криками и приветствиями громадной толпы, высадился на берег. Во время шествия русских им из окон бросали цветы. Солдат и моряков угощали вином и сладостями, на домах вывешены были ковры, шелковые материи, флаги. «Матери, имея слезы радости, выносили детей своих и заставляли целовать руки наших офицеров и герб российский на солдатских сумках. Из деревень скопилось до 5 000 вооружен-

ных поселян: они толпами ходили по городу,нося на шестах белый флаг с Андреевским крестом. Все это ликование совсем не нравилось туркам, которые неохотно взирали на сию чистосердечную и взаимную привязанность двух единоверных народов», — пишет очевидец Метакса¹. Но дальше чувства населения Занте выразились еще более недвусмысленно.

Ушаков собрал немедленно «главнейших граждан» к себе на совещание и сразу же заявил, что предлагает приступить «к учреждению временного правления, по примеру острова Церигго». Во время этого совещания громадная толпа народа собралась на большой площади, ожидая результатов. «Но когда зантиоты услышали, что они остаются независимыми под управлением избранных между собой граждан, то все взволновались и начали громогласно кричать, что они не хотят быть ни вольными, ни под управлением островских начальников, а упорно требовали быть взятыми в вечное подданство России, и чтобы определен был начальником или губернатором острова их российский чиновник, без чего они ни на что согласия своего не дадут»².

Дело было совершенно ясно для всех: островитяне смертельно боялись и ненавидели турок и были убеждены, что какое бы самоуправление Ушаков им ни дал, турки, как только он со своей эскадрой уйдет, под каким-либо предлогом (или вовсе без всякого предлога) завладеют островом, что будет еще безмерно хуже, чем француз-

¹ Е. Метакса. Цит. соч., стр. 50—51.

² Там же, стр. 51.

ское управление. Единственно, чему они верили, было покровительство России. Ушаков смутился. «Такое неожиданное сопротивление, сколь ни доказывало народную приверженность к России, крайне было оскорбительно для наших союзников и поставляло адмирала Ушакова в весьма затруднительное положение»¹. Ему пришлось объясняться с народом, и это объяснение, записанное в отчете Метаксы (не русского, а грека по происхождению) влетает новый лавр в исторический венец славы Ушакова. «Он (адмирал Ушаков — Е. Т.) с лаской доказывал им (народу — Е. Т.) пользу вольного, независимого правления и объяснял, что великодушные намерения российского императора могли бы быть худо истолкованы, ежели бы, отторгнув греков от ига французов, войска его вступать стали в Ионические острова не яко освободители, но яко завоеватели, что русские пришли не владычествовать, но охранять, что греки найдут в них токмо защитников, друзей и братьев, а не повелителей, что преданность их к русскому престолу, конечно, приятна будет императору, но что он для оной договоров своих с союзниками и с прочими европейскими державами порушать никогда не согласится». Жители долго спорили и не соглашались, и «много стоило труда адмиралу Ушакову отклонить сие общее великодушное усердие зантиотов»².

На первых порах Ушаков назначил «трех первейших архонтов», а уж те должны были кооптировать других членов совета. Полицию («городскую стражу») должны были избирать сами граждане.

За дарованием самоуправления последовала судебная реформа, заменившая военные суды времен французской оккупации.

Уже через четыре дня, 19 (30) октября 1798 года, Ушаков предоставил «дворянам и мещанам» острова Занте и других Ионических островов «избрать по равному числу судей, сколько заблагорассудится, для рассмотрения дел политических и гражданских, сходно обыкновенным правилам и заповедям Божиим. Буде ваши судьи в рассматривании дел преступят путь правосудия и добродетели, имеете право на их место избрать других. Вы можете также общим советом давать паспорта вашим единоземцам за печатью вашего острова»³.

Очень характерно для Ушакова изданное им в первые же дни освобождения Ионических островов распоряжение: выплатить жителям островов те долги, которые остались за французами. Погашать эти долги предлагалось с таким расчетом, чтобы всем хоть частично хватило: «Которые бедные люди и французы им должны, следовательно, зарплату (sic! — Е. Т.) должно делать всякому не полным числом, сколько они показывают, а частью должно оттого уменьшить, чтоб и другие не были обидны»⁴.

Это было нечто совсем уже неслыханное ни в те, ни в другие времена. Конечно, немудрено, что молва о том, с какой внимательностью и участием русский адмирал относится к населению, широко распространялась по островам восточной части Средиземного моря и на о. Мальта.

Оставив на Занте небольшой гарнизон, Ушаков отправился дальше к о. Корфу.

Но еще до ухода от берегов Занте адмирал получил известие, что отправленный им для овладения о. Кефалония капитан 2-го ранга И. С. Поскочин успешно выполнил 17 (28) октября 1798 года свое поручение.

Освобождение островов Кефалония и Итака

Любопытно отметить, что еще до прибытия Поскочина к о. Кефалония жители этого острова восстали против французов, и те, очистив берега, бросили батареи и бежали в крепость. Но им не удалось укрыться. Посланный Поскочиним отряд перехватил французов и взял их в плен. Нужно сказать, что здесь, на Кефалонии, по-видимому, все же были кое-какие приверженцы французов — если не среди крестьян, то среди городского населения. По крайней мере на нечто подобное намекают следующие строки записок Метаксы: «Народ наполнял воздух радостными восклицаниями и клялся истребить всех фран-

¹ Е. Метакса. Цит. соч., стр. 51.

² Там же, стр. 51—52.

³ ЦГАВМФ, ф. 119. Канцелярия адм. Ф. Ф. Ушакова по командованию эскадрой в Средиземном море, д. 6925, л. 316. Обращение Ф. Ф. Ушакова к жителям о. Занте об организации местного самоуправления 19 октября 1798 года.

⁴ Там же, л. 313. Копия. Ордер Ф. Ф. Ушакова майору Дандри о выплате частным лицам французских долгов 20 октября 1798 года.

цузов и приверженцев их... Чернь, устремясь на один дом, начала оный грабить, называя хозяина якобинцем», но русский мичман «бросился в толпу, захватил зачинщиков и растолковал им, что дело это не касается до них, что должно оное оставить на рассмотрение самого адмирала...» Что этот случай не был единичным, доказывают следующие слова того же Метаксы: «Все благонамеренные граждане изъявили страх свой и подтвердили, что оба города (Ликсури и Артостоли — *Е. Т.*) окружены множеством вооруженных деревенских жителей, которые намереваются ворваться в оные и их ограбить под предлогом злобы своей противу якобинцев»¹. Поскочин немедленно принял меры, выставив заряженные пушки перед пикетами. А Ушаков приказал трем фрегатам приблизиться на картечный выстрел к обоим городам Кефалонии и в случае грабежей и буйств и невозможности остановить народ «лаской» стрелять сперва холостыми зарядами, а затем картечью. Таким образом, русская картечь чуть-чуть не была пущена в ход, но только не против «якобинцев», а в защиту «якобинцев»! Но толпа присмирела, и никто не пострадал.

23 октября (3 ноября) о. Кефалония посетил Ушаков. Население встретило адмирала с таким же ликованием, как и на других островах. К нему привели взятого в плен вместе со всем гарнизоном французского коменданта Кефалонии Ройе. Француз «изъявил главнокомандующему чувствительнейшую свою благодарность за вежливое и человеколюбивое обхождение капитана Поскочина, которого он назвал избавителем, защитившим как его самого, так и всех француззов от мщения кефалонитов (кефалонитов — *Е. Т.*)». Ройе утверждал, что греки грубо с ним обошлись еще до прибытия эскадры: «Ежели бы не усилия великодушного сего офицера (Поскочина — *Е. Т.*), подвергнулись бы мы, конечно, неминуемой и поносной смерти...» Ушаков отвечал: «Вы все называете себя образованными людьми, но деяния ваши не таковы... Вы сами виновники ваших бед...» Ушаков намекал на постоянные грабежи и безобразные насилия французских оккупантов над жителями островов, возбудившие такую ненависть к французам. Очень характерно, что Ушаков укорял Ройе не за то, что тот служит «безбожной республике», а за то, что он очень плохо ей служит. «Я вел себя, как следует исправному французскому офицеру», — сказал Ройе. «А я вам докажу, что нет, — возразил Ушаков. —

Вы поздно взялись укреплять вверенный вам остров, вы не сделали нам никакого сопротивления, не выстрелили ни из одного орудия, не заклепали ни одной пушки»².

Невольно приходит на память слепая, беспощадная ярость Нельсона по отношению к пленным «бунтовщикам», откровенно им признаваемая ненависть к французам «за то, что они французы», его безобразное поведение в Неаполе летом 1799 года, гнусная казнь пленного республиканского адмирала Караччиоло. Благородная укоризна Ушакова французскому офицеру за то, что тот плохо исполнил свой долг перед Французской республикой, необычайно характерна для русского флотоводца.

Общее настроение Ушакова выяснилось вполне после его прибытия в Кефалонию. Организовав сразу и здесь нечто вроде самоуправления, то есть немедленно избрав несколько постоянных жителей острова (причем адмирал привлекал также и крестьян), которым поручалось на первых порах поддерживать порядок и подготовить организацию выборов в местный совет, Ушаков незамедлительно должен был разрешить очень важный вопрос. На Кефалонии и на Итаке французская оккупация оставила больше следов, чем на островах Цериги и Занте. Дворянство здесь было полно жажды мести против тех горожан, которых подозревали или даже очень доказательно уличали в сочувствии «якобинцам». Разъяренные враги этих оказавшихся в совсем отчаянном положении местных «якобинцев» жаждали немедленной расправы, жаждали крови. «Именитое» купечество острова, раздраженное прекращением морской торговли во время французской оккупации, этих несчастных «якобинцев» не только не защищало, напротив, старалось расправиться с ними. Кто были эти «якобинцы»? Трудно сказать в точности, — по-видимому, представители довольно немногочисленной кефалонийской интеллигенции³, может быть, также представители мелкой буржуазии, как это было в соседней Морее. Так или иначе, Ушакову на другой же день после его появления на Кефалонии были представлены все нужные документы для ареста и осуждения ряда лиц, заседавших в устроенном французами «муниципалитете» (вроде того «муниципалитета», который французы устроили в 1812 году в Москве) или подписавших прокламации во

¹ Е. Метакса. Цит. соч., стр. 70—71.

² Там же, стр. 73—74.

³ Ее наличие констатируют наши источники.

французском духе и т. д. Доносители имели все основания ждать, что Ушаков поступит так, как в подобных случаях поступали все без исключения австрийские и английские военачальники, то есть предаст обвиняемых «якобинцев» аресту, следствию, суду, казни. Но русский адмирал поступил иначе: «Адмирал Ушаков, входя в положение сих несчастных граждан, покорствовавших силе и действовавших, вероятно, более от страха, нежели из вредных намерений, не обратил никакого внимания на донос сей и избавил мудрым сим поведением обвиненных не токмо от неминуемых гонений, но и от бесполезных нареканий»¹.

Благородная натура Ушакова больше всего сказалась при освобождении Ионических островов именно в настойчивом стремлении оградить «якобинцев», то есть жителей островов, которые были дружественно настроены по отношению к французам, от всяких обид и притеснений со стороны их соотечественников. «Как мы всех бывших в погрешностях по таковым делам (в сочувствии к французам — Е. Т.) простили и всех островских жителей между собою примирили, потому и имения от них или от родственников их отбирать не надлежит», — читаем в повелении Ушакова от 26 ноября 1798 года. Если же кто провинился «в весьма тяжких преступлениях», то его надлежит судить судом выборных от населения судей «обще с комиссией нашей», назначенной от адмирала. А вот и инструкция этому суду, даже над «весьма важными» преступниками: «Но за всем тем полагаю лучше все, что можно, простить, нежели наказать, а особо, чтобы в числе виновных безвинные родственники их не страдали». И еще и еще настаивает Ушаков: «обо всех таковых решение делать справедливое и всевозможно стараться избегать напрасной обиды и притеснений, о чем наистрожайше делать рассмотрение, дабы какой-либо несправедливостью не подвергнуть себя суду всевышнего»². Нужно припомнить все зверства дворянско-феодальной и клерикальной реакции всюду, где она в эти годы торжествовала, чтобы оценить всю исключительность поведения Ушакова на Ионических островах.

Даровав, как и во всех прочих местах, попадавших в его власть, политическую амнистию «якобинцам», Ушаков 28 октября (8 ноября) покинул Кефалонию.

Освобождение острова Святой Мавры

Перед отбытием Ушаков «по общему желанию здешних обывателей», как он считает нужным прибавить, оставил на о. Кефалония небольшой отряд. Он сделал распоряжение о подавлении силой беспорядков, если таковые произойдут, но прибавил: «Однако по доброму ко мне расположению и благоприятству всех здешних жителей такового неприятного дела случиться и не ожидаю. Уверен, что всякий, восчувствовав наши благодеяния, приятство и истинное желание всем жителям совершенных благ и спокойя, будут стараться исполнять все то, что сим предложением моим назначено»³. Никаких «ослушаний» на Кефалонии не произошло.

Да и вообще, судя по всем данным, случаев «ослушания» на островах произошло очень мало. Когда в самом конце декабря 1798 года Ушаков получил донесение от жителей о. Цериги об одиннадцати гражданах, которые «не слушают никого», «самовольствуют» и «пригласили себе сообщников», то Ушаков и тут ограничился лишь распоряжением отрешить этих людей от всех должностей. А если окажутся люди, ведущие политику в пользу французов, то «таковых предписываем прислать к нам на эскадру или по крайней мере из острова Цериги выгнать». Однако и тут дело должно быть в руках местных судей: «офицеры от нас оставленные, по постановлению судей островских жителей, в судебные общественные дела мешаться не должны». Но в делах высшей политики, «где долг и польза» союзных держав (России и Турции) этого требуют, конечно, органы местного суда и самоуправления должны повиноваться распоряжениям оккупационных властей. Больше ничего об «ослушниках» на о. Цериги документы не упоминают.

¹ Е. Метакса. Цит. соч., стр. 76.

² ЦГАВМФ, ф. 119. Канцелярия адм. Ф. Ф. Ушакова, д. 6926, л. 240. Копия. Ордер Ф. Ф. Ушакова комиссии и выборным судьям etc. 26 ноября 1798 года.

³ Там же, д. 6927, л. 2 об. — 3 об. Копия. Обращение Ф. Ф. Ушакова и Кадыр-бея к жителям и старшинам о. Цериги etc. 2 января 1799 года.

Отойдя от Кефалонии, Ушаков направился к о. Корфу, но уже в пути получил известие, которое заставило его внезапно изменить маршрут и двинуться не к Корфу, а к о. Св. Мавры, как его называют русские источники (итальянцы, греки в англичане называют этот остров Санга-Маура). Известие пришло от капитана 1-го ранга Дмитрия Николаевича Сенявина, которого Ушаков отправил к о. Св. Мавры, еще находясь на о. Занте. Сенявину было поручено овладеть островом, но теперь Сенявин извещал адмирала о встретившихся серьезных трудностях. Отрядив часть своих сил к о. Корфу для подкрепления блокады острова (уже начатой), Ушаков с четырьмя русскими судами (2 линейных корабля и 2 фрегата) и тремя турецкими (2 линейных корабля и фрегат) пошел к о. Св. Мавры.

Сенявин немедленно ввел его в курс дела. В-первых, оказалось, что французский гарнизон намерен серьезно сопротивляться, имеет сильную артиллерию и засел в крепости, очень хорошо защищенной со всех сторон большими водными преградами. Во-вторых, внезапно возникло очень неприятное осложнение: Али-паша Янинский — юридически представитель и чиновник Порты, а фактически самостоятельный властитель части Эпира и части Албании — вошел в тайные сношения с французским комендантом о. Св. Мавры, полковником Миолеттом, обещая последнему за сдачу 30 000 червонцев и немедленное отправление всего французского гарнизона в Анкону или любой другой порт, находящийся во власти Франции. Одновременно Али-паша подослал лазутчиков к влиятельным жителям острова, обещая им полную безопасность и всякие блага.

Конечно, Али-паша хотел захватить остров (отделенный совсем узеньким проливом — в «пятьсот шагов» ширины — от Албанского берега, принадлежавшего уже Янинскому паше) лично для себя. Но поскольку этот паша «числился» все-таки на турецкой службе и в подчинении у султана, он делал вид, будто старается в пользу союзников, которые поэтому должны ему помогать, а не мешать.

Ушаков решил во что бы то ни стало как можно скорее овладеть о. Св. Мавры. Еще до прибытия Ушакова Сенявин энергично обстреливал крепость с ближайшей горы и с Албанского берега, где он устроил батарею. Следует заметить, что узкий пролив, отделяющий о. Св. Мавры от Албанского берега, очень мелок, и местами его можно было переходить вброд.

Все это заставляло Ушакова очень серьезно обдумать обстановку, создавшуюся в связи с происками Али-паши.

Медаль, поднесенная Ушакову населением острова Итака

Положение французского гарнизона, поскольку выручки ниоткуда не предвиделось, становилось безвыходным. Оно было таким, собственно, с первого момента появления Ушакова в этих водах; если до высадки Сенявина еще возможно было рассчитывать уйти с острова на судах, которые обещал дать Али-паша, то теперь, когда русские уже высадились и бомбардировали крепость, о реальной помощи со стороны Янинского паши нечего было и думать.

Французы дали знать, что они согласны сдать, если Ушаков их отправит в Анкону на своих судах. Но адмирал категорически отказал. Осада продолжалась. К Сенявину явились «старшины» острова, заявившие, что они собрали 8 000 вооруженных добровольцев и просят позволения принять участие в готовящемся штурме крепости. Однако до штурма дело не дошло. 1 (12) ноября над французской цитаделью был поднят белый флаг. Все условия русского командования были приняты. Гарнизон в составе 46 офицеров и 466 солдат был объявлен военнопленным. В крепости было взято 2 знамени, 59 пушек, много боевых запасов и на месяц провизии.

Но раньше, чем продолжать свое победоносное продвижение, Ушакову необходимо было принять к серьезному соображению подозрительные махинации и прямые угрозы безопасности Ионических островов, исходившие с западного побережья Балканского полуострова от самого могучего из тамошних турецких сатрапов — Али-паши Янинского.

Али-паша Янинский

Али-паша принадлежал к тому типу свирепых восточных атаманов, игрою случая попавших в положение почти самостоятельных государей, наиболее ярким представителем которых является, например, современный ему персидский изверг Ага-Магомет-хан, опустошивший Грузию в 1795 году. Сфера действий у Али-паши была, конечно, несравненно более узкая, сил было гораздо меньше, но психологически они похожи друг на друга, как родные братья. Располагая хорошо вооруженной группой подчинившихся ему феодальных властителей, Али-паша, во-первых, держал в рабском повиновении население той части Албании, которой ему удалось овладеть, а во-вторых, с давних пор приучил это подвластное население смотреть на постоянные набеги и вторжения в земли соседей, как на главную, если не единственную доходную и надежную статью бюджета государства и частных лиц.

В какой зависимости находился Али-паша от султана Селима III? С чисто юридической стороны никаких сомнений быть не может: он числился верноподданным рабом повелителя правоверных, калифа константинопольского. Но ведь и египетский хедив и властители Туниса и Алжира тоже числились в таком сане, — от этого константинопольскому султану было не легче. Али-паша иногда посылал дань султану или бакшиши сановникам Дивана (в особенности, если перед этим удавалось удачно ограбить турецких купцов), порой же ровно ничего не посылал и, напротив, обирал до нитки владения султана. Али-паша держал в страхе в особенности подчиненные туркам балканские народы западного побережья полуострова — греков, сербов. Только черногорцы мало боялись отрядов Али-паши и иногда внезапным налетом облегчали возвращавшихся из лихой экспедиции яинцев от обременявшей их добычи. Неимоверная жестокость Али-паши Янинского особенно близко роднила его с персидским Ага-Магомет-ханом. Али-паша часто предавал пленников перед казнью самым утонченным жестоким пыткам, он гордился сложенными в горы отрубленными головами, украшавшими его сады и дворцы.

Что зависимость Али-паши от Константинополя фиктивна, это Ушаков понял вполне. «Оной господин Али-паша весьма сумнителен в верности Порте Оттоманской», — писал адмирал 18 декабря 1798 года Томаре и прибавлял, что Али-паша боится только русских: «опасается только бытности моей здесь с российской эскадрою и сил наших соединенных. Под ласковым видом старается мне льстить и обманывать»¹.

Али-паша Янинский владел не только Яниной. В большей или меньшей степени власть его, то расширяясь, то суживаясь территориально, распространялась и на Эпир, и на некоторые области Фессалии, и на Албанию, и иногда на запад Македонии. Писалось в фир-

¹ ЦГАДА, ф. КП. Переписка посланника Томары с адмиралом Ушаковым, д. 45, л. 148—150. Письмо Ф. Ф. Ушакова В. С. Томаре 18 декабря 1798 года.

манах, что Али-паша — турецкий подданный и как бы наместник султана. Это до такой степени считалось бесспорным государственно правовым фактом, что султаны неоднократно, но тщетно обнаруживали желание срубить ему голову. «Палачи в одежде придворных чиновников, имевшие повеление отрубить ему (Али-паше — Е. Т.) голову, лишались обыкновенно собственной своей, как скоро вступали только в его владения»¹.

Умный, ловкий, зоркий, очень решительный предводитель, зверски жестокий по нраву и проявлявший жестокость даже тогда, когда она не вызывалась никакой необходимостью, Али-паша начал свою карьеру очень скромно: рядовым разбойником в шайке своего отца Вели, грабившего путешественников на юге Албании, но кончившего жизнь в качестве провинциального турецкого сановника в сане «аги» (правителя) города Тепеленги.

Умертвив после смерти отца всех своих братьев и прочих претендентов на наследство, Али быстро возвысился внезапными нападениями на соседей и постоянными удачными походами на больших феодалов Фессалии, Македонии, Эстира, кончавшимися нередко аннексией их владений. Турецкий султан боялся его. «Порта, видя все покушения свои противу его жизни тщетными и опасаясь сильного перевеса на всем восточном берегу Адриатического моря, ежели Али-паша объявит себя явно независимым, прибегала... к разным робким и бессильным мерам, страхом ей внушаемым. Видя твердость, решимость и силу Али, султан принужденным нашелся, наконец, не оспаривать у него обладания отторгнутых у него лучших европейских его провинций». Так говорит Метакса, которому пришлось лично побывать у Али-паши после прибытия эскадры Ушакова в Средиземное море.

Таков был могущественный фактический властитель нескольких пашалыков Адриатического побережья Балканского полуострова. Ушакову пришлось иметь дело с этим опаснейшим человеком. Али-паша именно в это время внезапно напал на город Превезу (на юге Эпира), перебил часть французского гарнизона, вырезал значительное число жителей и дочиста ограбил город.

Но как только Али-паша узнал о появлении Ушакова, он снова поспешил вступить в сношения с французами. Через посланных в город Корфу и другие места эмиссаров Али-паша предложил французскому командованию союз и дружбу против русских. От Превезы Али-паша

направился к городу Парга. Паргиоты решили города не сдавать и защищаться до последней капли крови. Они немедленно послали к Ушакову на эскадру, стоявшую у о. Занте, депутацию, умоляя о помощи и принятии их в русское подданство. Ушаков ответил, что «он ни мало не уполномочен приобретать для России новые земли или подданных, почему, к сожалению своему, требование жителей Парги удовлетворить не может и не в праве». Выслушав это, депутаты пришли в «величайшее отчаяние; они пали к ногам адмирала Ушакова», рыдали и заявили, что если Ушаков не позволит им поднять русский флаг и откажет в покровительстве, то они пережут всех своих жен и детей и пойдут с кинжалами на Али-пашу... «Пусть же истребится весь несчастный род наш», — кричали депутаты. Взмолвленные русские офицеры «стояли в безмолвном исступлении». Ушаков просто не знал, что ему делать. Он «прошел раза два по каюте и, подумав несколько, объявил депутатам, что уважая горестное положение паргиотов и желая положить пределы дерзости Али-паши... соглашается принять их под защиту соединенных эскадр на таковом же основании, как и освобожденные уже русскими Ионические острова, что, впрочем, зная великодушие своего государя, он ответственность всякую берет охотно на себя»².

Неописуемый восторг овладел депутатами Парги, они целовали руки и ноги русского адмирала.

Смелым был поступок Ушакова. Прежде всего, адмирала мог постигнуть гнев Павла, потому что Константинополю вовсе не нравилось такое самочинное покровительство русских городу, числившемуся турецким владением. Затем приходилось раздроблять и без того малые русские силы между материком и островами, между Али-пашой и французами.хлопот было много.

Ушаков решил сделать попытку спасая Паргу, в то же время обеспечить мирные отношения с Али-пашей. И тут он проявил себя замечательным дипломатом. Письмо Ушакова к Али-паше — в своем роде образчик дипломатического искусства. Приходилось объяснять такие недвусмысленные поступки, как посылку отряда с офицерами, с несколькими орудиями, с военным кораблем на помощь паргиотам. Ушаков в этом письме делает вид, будто паргиоты — отныне друзья и союзники не только Ушакова, но также Али-паши и султана турецкого, словом, всех, кто борется против французов, и что город Парга вполне дружелюбен и даже покорен Али-паше (заметим, что войти туда Али-паше и его

¹ Е. Метакса. Цит. соч., стр. 115.

² Там же, стр. 129—130.

войскам так и не пришлось). Это письмо, помещенное 25 октября (5 ноября) 1798 года, в дружеских тонах уведомляло Али-пашу, как истинного «союзника», об успехах русской эскадры на островах Цериги, Занте, Кефалония, а «между прочим», и «о новых союзниках» — паргиотах. И выдерживая эту роль союзника, Ушаков даже поздравляет Янинского пашу «со знаменитой победой» (над городом Превезой), о чем Али-паша ему сообщил. Вот выдержки из этого любопытного документа, написанного Ушаковым в изысканно любезном стиле:

«Высококородный и превосходительный паша и губернатор провинции Янины, командующий турецкими войсками.

Милостивый государь мой!

Почтеннейшее письмо ваше через нарочно присланного с наиприятнейшим удовольствием я имел честь получить. За благоприятство и дружбу, мне оказанные, и за уведомление о знаменитой победе вашей покорнейше благодарю и вас с тем дружелюбно и с почтением моим поздравляю; притом, имею честь уверить о совершеннейшей дружбе и тесном союзе наших государей-императоров, которых повеления мы с глубочайшим благоговением и дружелюбно выполняем. Рекомендую себя в дружбу и благоприятство вашего превосходительства и уверяю честным словом, что всегда стараться буду вспомоществовать вам во всех действиях, к общей пользе против наших неприятелей французов. Об острове же Св. Мавры уведомляю, что я во все острова, прежде бывшие Венецианские, весьма благовременно общие приветствия наши и приглашения с командующим турецкою эскадрою Кадыр-беем послал. Острова Цериги, Занте и Кефалонию от французов мы освободили и, взяв их (французов — Е. Т.) пленными, отослали на матерой берег полуострова Мореи, а некоторых отпустили на договоры. Из острова Св. Мавры двоекратно ко мне присланы прошения островских жителей; весь народ одного острова с покорностью отдается в общее наше покровительство и просит, чтобы мы приняли их на тех же правах, на каких устанавливаем обще с Кадыр-беем все прочие острова, оставляя их необходимыми до высочайшей конфирмации обеих дружественных держав наших. А за сим два дни прежде вашего письма получил я также от жителей острова Св. Мавры уведомление, что они, отдавшись совсем в нашу волю и покровительство, и флаг на оном подняли российский.

Я вас, милостивый государь, поздравляю с тем, что мы на крепостях всегда поднимаем обще два флага: Российский и Турецкий. Послал я от себя два корабля к острову Св. Мавры, также и от турец-

кой эскадры два же корабля посланы, и приказал я командующему отдельной от меня эскадрой, флота капитана 1-го ранга и кавалеру Сенявину, сей остров, крепость и обывателей принять в общее наше покровительство и учреждение; флаги поднять на крепости оба вместе, Российский и Турецкий, которые означают совершенную между нациями нашими дружбу. Надеюсь, что ваше превосходительство с таковыми благоприятными нашими распоряжениями также согласны. Военные наши действия и распоряжения производим мы по настоящим обстоятельствам политическими правилами сходно с обнародованными от Блистательной Порты Оттоманской извещениями; со всеми островскими и береговыми жителями обращаемся весьма дружелюбно, привлекая их ласковостию и добрыми нашими с ними поступками, покоряем даже сердце и чувствования их в нашу волю и распоряжения. Обсылками моими во все острова, прежде бывшие Венецианские, успел я дотоль приятной цели достигнуть, что и из Корфу неоднократно уже получаю уведомления, что жители одного острова нетерпеливо ожидают нашего прибытия и с сердечным признанием своей покорности, с распростертыми руками вас примут и общими силами стараться будут с нами вместе истреблять французов. Город, крепость и весь народ отдаются в наше покровительство и распоряжение на тех же правах, какие мы утверждаем.

При таковых благоприятных обстоятельствах надеюсь и вашему превосходительству можем мы делать помоществование и всех береговых жителей, против которых войска ваши находятся, покорить без кровопролития, об чем из многих уже мест ко мне писали и просят. И особливо из Парги, чтобы мы приняли их в нашу волю и распоряжение, и что они ожидают только наших повелений и во всем покорны.

Я и Кадыр-бей дали им письма, и я в письме своем советовал им, чтобы они явились к вашему превосходительству, объявили бы оное и на таковых условиях вам отдались с покорностью. Чрез таковые благоприятные наши с ними поступки весь этот край даже сам себя защищать может против общих наших неприятелей. а жители островские и береговые будут нам вернейшие и искренние друзья и надежнейшие исполнители воли нашей во всех наших предприятиях. Вся важность будет состоять во взятии крепостей острова Корфу, но и тут, я надеюсь, что таковыми поступками нашими и благоприятством к жителям мы можем ваять крепости в непродолжительном времени.

Если благоугодно вашему превосходительству береговых жителей принять в таковое же по-

Карта Средней и Южной Италии

кровительство ваше и оказать им ваше благоприятство, то они будут ободрены и во всех случаях станут делать нам всякие вспоможения. В случае же надобности, в рассуждении острова Корфу, если потребуется ваше нам воспомоществование, буду писать и просить о том ваше превосходительство и надеюсь, что вы к тому готовы»¹.

Осложнения в отношениях Ушакова с Али-пашой

Это письмо вполне ясно по основному мотиву. Ушаков вовсе не имел в виду отдавать под разбойничью власть Али-паши освобождаемые острова. Он решил оставить их в своем распоряжении. Поэтому он усвоил себе по отношению к янинскому властителю особую тактику. Он делал вид, будто всерьез считает Али-пашу верноподданным и послушным чиновником турецкого султана, а поэтому может требовать с его стороны всяческой помощи в осуществлении предначертанной в Константинополе цели. С другой стороны, Ушаков после первых же серьезных успехов и занятия четырех островов дал понять Али-паше, что островов-то он ему не даст ни в коем случае и что острова будут «свободны», пока их участь не будет решена союзными правительствами. Но «береговые жители», против которых Али-паша воюет, не входят в сферу влияния Ушакова, и с ними Али-паша может ведаться, конечно, не рассчитывая на русскую помощь. Это звучало тонкой насмешкой. Янинскому паше удалось, правда, взять Превезу, но город Парга отбил все атаки войск Али-паши и продолжал сопротивление.

Письмо Ушакова от 25 октября (5 ноября) 1798 года было переслано Али-паше с тем же нарочным, который привез Ушакову письмо от Али-паши. Но не успел Ушаков отправить это послание, как он узнал о новом наглом насилии со стороны Али-паши, который схватил русского консула в Превезе Ламброса, заковал его в кандалы и отправил на галеру. Колесаться не приходилось. Ушаков немедленно написал 29 октября (9 ноября) новое письмо янинскому деспоту, но уже совсем в ином тоне. Приводимый ниже текст этого письма мы находим в «Записках» Метаксы, которого Ушаков отправил к Али-паше.

«Жители города Парги прислали ко мне своих депутатов, прося от союзных эскадр помощи и защиты противу покушений ваших их поработить. Ваше превосходительство угрожает им теми же бедствиями, которые нанесли войска ваши несчастным жителям Превезы.

Я обязанным себя нахожу защищать их, потому что они, подняв на стенах своих флаги соединенных эскадр, объявили себя тем под защитою Союзных Империй. Я, с общего согласия турецкого адмирала Кадыр-бея, товарища моего, посылаю к ним отряд морских солдат с частью турецких войск, несколько орудий и военное судно.

Узнал я также, к крайнему моему негодованию, что, при штурмовании войсками вашего превосходительства города Превезы, вы заплотили пребывавшего там российского консула майора Ламброса, которого содержите на галере вашей скованного в железах. Я требую от вас настоятельно, чтобы вы чиновника сего освободили немедленно и передали его посылаемому от меня к вашему превосходительству лейтенанту Метаксе, в противном же случае я отправлю нарочного курьера в Константинополь и извещу его султанское величество о неприязненных ваших поступках и доведу оные также до сведения его императорского величества все милостивейшего моего государя»².

Прибыв в Превезу, Метакса почти тотчас был принят Али-пашой. Идя на эту аудиенцию, русский офицер по дороге едва не упал в обморок от нестерпимого смрада: по обе стороны большой лестницы резиденции Янинского паши «поставлены были пирамидально, наподобие ядер пред арсеналами, человеческие головы, служившие трофеями жестокому победителю злополучной Превезы»³.

Ознакомившись с письмами Ушакова, Али-паша заявил Метаксе:

«Адмирал ваш худо знает Али-пашу и вмешивается не в свои дела. Я имею фирман от Порты, коим предписывается мне завладеть Превезою, Паргою, Воницою и Бутринтом. Земли сии составляют часть матерого берега, мне подвластного. Он адмирал, и ему предо-

¹ ЦГАВМФ, ф. Сборный, д. 97, л. 13—15. См. также Р. Скаловский. Жизнь адмирала Федора Федоровича Ушакова. СПб., 1856, стр. 373—376.

² Е. Метакса. Цит. соч., стр. 131—132.

³ Там же, стр. 134.

ставлено завоевание одних островов... Какое ему дело до матерого берега? Я сам визирь султана Селима и владею несколькими его областями... Я мог, да и хотел было, занять остров Св. Мавры, отстоящий от меня на ружейный выстрел, но, увидя приближения союзных флотов, я отступил, — а ваш адмирал не допускает меня овладеть Паргою!.. Что он думает?!¹

Консула Ламброса Али-паша, однако, в конце концов согласился освободить. От взятия Парги он отказался, примирившись с пребыванием там посланного Ушаковым русского гарнизона.

Метакса вернулся благополучно, с полным, так сказать, «личным успехом». А ведь почти одновременно произошел случай, о котором сам Али-паша с восхищением вспоминал, как о ловкой военной хитрости. Притворившись другом и союзником французов, высадившихся на берег Эпира, Али-паша получил от Директории осыпанный драгоценными камнями кинжал в знак нерушимого союза и дружбы Янинского паши с Францией. И сейчас же после этого, выторговав у султана кое-какие уступки, Али-паша заманил к себе под предлогом чествования своего нового друга и союзника французского генерала Роза, задержал его, заковал в кандалы и после пыток отправил в Константинополь, где султан Селим III заключил генерала в Семибашенный замок. Оттуда Роз уже не вышел.

По другой версии, расходящейся с показанием Али-паши, генерал Роз женился на дочери одного из янинских вассалов Али-паши в Парге и был просто взят в плен при занятии и разграблении Парги войсками Али-паши. Он был отправлен в качестве пленника в Константинополь, где и умер. Вместе с ним Али-паша послал султану в знак верноподданнической любезности 296 отрубленных голов французов, взятых в Парге и других местах. Необычайно характерно, что, не зная уже как выбрать Али-пашу за это варварство, француз де Бютэ, бывший в Константинополе в 1797—1799 годах, пишет в своих воспоминаниях об этой посылке 296 отрубленных голов: «...этот трофей... достойный Робеспьера...» Для француза-реакционера времен Директории, да еще француза дворянского происхождения, эта выходка очень характерна².

Метакса был спасен страхом Али-паши перед Ушаковым. Али-паша осведомился у Метаксы, не тот ли это Ушаков, который разбил «славного мореходца Саид-Али» (Саид-Али был разбит при Калиакрии в 1791 году). Импонировала янинско-

му варвару не только громкая на всем Леванте слава «Ушак-паши» и его эскадры, но и его успехи в борьбе против французов. Али-паша не посмел ни отказать Ушакову, ни задержать Метаксу.

Ушаков совсем не ждал столь полного успеха своей политики. Уже не только население острова, но и народы западной части Балканского полуострова («матерый берег») волновались и громко требовали «остаться под Россией». Это ставило Ушакова в щекотливое положение: ведь тут уже затрагивались не интересы Али-паши, а права и суверенная власть Оттоманской Порты. Вот что писал Ушаков вице-президенту Адмиралтейств-коллегии графу Кушелеву 10 (21) ноября 1798 года, еще до овладения о. Корфу:

«Благодарение всевышнему богу, мы с соединенными эскадрами, кроме Корфу, все прежде бывшие Венецианские острова от рук зловерных французов освободили. Греческие жители островов и матерого берега, бывшего венецианского же владения, столь великую приверженность имеют к государю императору нашему, что никак не можно описать оную. Едва я только успокаиваю их; не хотят ничего общего иметь с турками: все вообще в присутствии турок кричат, что никакого правления и правителей не хотят, кроме русских, и беспрестанно-восклицают: “Государь наш император Павел Петрович!” Политические обстоятельства понудили меня уговаривать их всячески, что государи наши императоры послали нас единственно освободить их от зловерных французов и сделать вольными на прежних правах, до воследования высочайшей конфирмации. Сим успокаиваются они только потому, что надеются на будущее время непременно остаться под Россиею. Хотя я знаю, что политические обстоятельства сего не дозволит, но как эти бедные люди после останутся и на каких правах, неизвестно: мы узаконяем их теперь и доставляем спокойствие»³.

В самом деле, с первого же момента появления своего у Ионических островов Ушаков, его моряки и солдаты вели себя по отношению к местному (греческому, по преимуществу, а также славянскому) населению так благожелательно, с таким непритворным русским добродушием и до такой степени водворили атмосферу спокойствия и полной личной безопасности, что местные жители, привыкшие к совсем другому обхождению со стороны французских оккупантов, просто не могли в себя прийти от удивления и восхищения. А тут еще был и близкий ма-

¹ Е. Метакса. Цит. соч., стр. 140—141.

² Эти воспоминания Butet до сих пор не изданы. Их цитирует Пизани в своей небольшой статье: *L'expédition russo-turque aux Iles Ioniennes*. — *Revue d'histoire diplomatique*, 1888, № 2, p. 211.

³ ЦГАВМФ, ф. Сборный, д. 97, л. 18. Копия. См. также: Скаловский Р. Цит. соч., стр. 379—380.

териал для сравнения. Али-паша именно в это время напал на торговый город Превезу. Взяв Превезу, он, как уже сказано, варварски перерезал значительную часть мужского населения, угнал женщин, захватил все имущество горожан. Немногие спасшиеся бежали на занятые Ушаковым острова, моля о защите.

Все это и произвело вполне естественный эффект. Можно смело сказать, что не было у России в 1798—1800 годах более преданных друзей, чем население Ионических островов, которое трепетало от ужаса при одной мысли об уходе русской эскадры. Нельзя без чувства законной гордости за русского моряка читать сохранившуюся в нашем Военно-морском архиве рукопись донесения Ушакова Павлу, в котором дано простое, но тем более волнующее описание создавшейся после первых побед Ушакова обстановки. Читатель увидит, что Ушаков жалеет об отсутствии «историографа» при его эскадре. Но он сам оказался прекрасным историографом деяний своих воинов и в то же время гнусных злодейств Али-паши. Донесение Ушакова помечено 10 (21) ноября 1798 годом. В нем Ушаков как бы резюмирует свои достижения на Ионических островах. Этот документ так важен и так ничем не заменим, что его должно привести тут полностью. Всякое изложение может лишь ослабить впечатление от него. Вот что адмирал писал Павлу:

«Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу: прежде бывшие Венецианские острова, большие и малые, все нашими соединенными эскадрами от французов освобождены, кроме острова Корфу, который содержится эскадрами нашими в блокаде. Берега от полуострова Мореи, простирающиеся к Венецианскому заливу, также от французов освобождены, обыватели всех оных мест столь привержены и преданы вашему императорскому величеству, я не в состоянии описать той великой приверженности, какая действительно от душевного рвения их явственна, а особо когда пришли мы с эскадрами к острову Занте, встречены жителями оно-го острова так, как во всеподданнейшем рапорте моем от 26 минувшего октября (ст. ст.— Е. Т.) объяснено, редкое гребное судно и лодка показали, на которых не было бы российского белого флага с Андреевым крестом, когда по надобности я сходил на берег и был в монастырях и в церквях, от стеснившегося народа по улицам и от устранившегося на обе стороны нельзя было пройти от чрезвычайного крику, беспрестанно возглашающего имя вашего императорского величества “виват Павел Петрович, виват государь наш, Павел Петрович!” Генерально почти во всех домах и из окошек оных выстав-

лены висящие флаги первого адмирала, несколько тысяч таковых было видно по всем улицам на белых платках и на холстине нарисованные Андреевым крестом, также из окошек развешано было множество одеял, платков и разных бумажных и шелковых материев. Женщины из окошек, а особо старые, простирая руки, многие крестясь плачут, показывая видимость душевных действий, какие в них от удовольствия происходят, малолетних детей выносят, заставляют целовать руки у офицеров, даже и у служителей наших, словом, во всех островах замечено мною в рассуждении обывателей чрезвычайная приверженность к вашему императорскому величеству, таковой вид наносит товарищам моим (туркам — Е. Т.) неприятность, но я всеми способами — учтивостью и лаской стараюсь их успокоить всех, знатных первейших жителей, приходящих ко мне, всегда посылаю к Кадыр-бею, командующему турецкою эскадрою, для оказания такового и ему почтения, и с просьбами, с какими ко мне приходят, к нему также посылаю, и все дела касающиеся решаем вместе общим нашим согласием».

Ушаков явно хочет возбудить в Павле сочувствие и желание помочь населению «матерого берега», страдающего от разбойничьих подвигов Али-паши: «Одно только сумнительство со мною встретилось, когда Али-паша, командующий на берегу турецкими войсками, разбил в Превезе французов и покусившихся быть вместе с французами несколько жителей, по побеждении их в Превезе, перерезаны все, кто только ни попали в руки, старые и малые и многие женщины, а достальных, которые взяты женщины и ребята продаются торгом подобно скотине и отдаются в подарки, прочие же разбежались в разные острова и наполнили оные стоном и плачем, которые же после осмелились возвратиться в Превезу и с теми же поступлено жестоко и многие лишились жизни, достальные не смеют возвратиться. По убедительным просьбам от таковых людей писали и я и Кадыр-бей учтивые наши письма к Али-паше и для успокоения жителей просили его всех оставшихся жителей города Превезы, равно и взятых пленными жителей же из разных островов великодушно простить и освободить, но не заметно, действуют ли наши просьбы».

Все прочих мест береговые жители, прежде бывшие в венецианском владении, видя чрезвычайные жестокости, пришли в отчаянность и озлобление, а особо обыватели города Парга, хотя неоднократно пашой принуждаемы были несколькими людьми подписать договоры, какие он им приказал сделать, но все общество не принимает их и слышать не хочет; в город и крепость

его и войска, от него посылаемые, не впускают, подняли сами собою российский флаг на крепости и из рук его не выпускают, неотступно просят от эскадр наших покровительства. Я писал об них Али-паше и к ним писал, чтобы они явились к Али-паше и просили бы его принять их в защиту и покровительство на тех же правилах, какие учреждаем мы на островах. Депутаты явились к нему с покорностью, но насильным жестоким образом принуждены написать от себя такие договоры, какие он желал, и когда они возвратились с ними, то общество и слышать не хотело, к нашему флагу на крепости подняли еще турецкий флаг и явились ко мне, обливаясь слезами, от ног моих не отходят, чтобы мы соединенными эскадрами приняли их в защиту, покровительство и распоряжение союзных держав сходно на тех же правилах, как острова от нас учреждены».

Но Ушаков предвидит, что царь усомнится, можно ли, не нарушая «священных» монархических прав султана, помочь несчастным жителям Парги: «Я послал их, чтоб просили о том сотоварища моего Кадыр-бея, он весьма довольно их со своей стороны уговаривал, чтобы отдались Али-паше, но в отчаянности их напоследок лично Кадыр-бею, командующему эскадрой, при моем офицере и при драгомане от Порты, ко мне определенным, решительно отозвались, что буде мы не примем их в наше покровительство, которого они от нас просят в крайней своей отчаянности, последнее употребят средство — порежут всех своих жен и детей. Против Али-паши и войск его, когда будут они их атаковать, в городе их и крепости станут драться до того, пока умрут все до одного человека, российского и турецкого флагов, которые они имеют, сами собою добровольно никак не оставят.

При таковых крайностях имели мы между собою в общем собрании в присутствии моем, Кадыр-бея, присланного от Порты к нему министра Махмут ефендия, драгомана от Порты, при мне находящегося, и присланного секретаря от Али-паши советовались и полагали, чтобы Паргу оставить на время под нашим покровительством на основании островских жителей до высочайшей только конфирмации, как об ней поведено будет. Примет ли Али-паша сей наш совет или нет, остаюсь я теперь еще в безызвестности, но жители Парги не отходят и не освобождают меня никакими отговорами, неотступно настоят и просят слезно, чтобы непременно приняли мы их в наше покровительство и чтобы я дал им хотя одного офицера с тремя или четырьмя солдатами и позволил бы иметь флаг наш на крепости, иначе они решаются лучше умереть, нежели отдаться Али-паше».

Адмирал хочет соблазнить Павла перспективой укрепления русского влияния на этом бере-

гу: «Всемилоостивейший государь, таковые чувствительные обстоятельства повергают меня в великое сумнение, я замечаю, Блистательная Порта, конечно, старается и намерена весь тот берег удержать в своем подданстве, потому опасаясь я, чтобы сей случай не нанес какого-либо безвинного на меня подозрения и негодования, тем паче предосторожность в рассуждении моей опасности понуждает меня сомневаться, что никакого предписания о установлении островов и всего прежде бывшего венецианского владения, как они должны остаться, я не имею кроме того, что, в конференции будучи, полагалось со всеми обывателями сих мест поступать со всякой благосклонностью, приятством и дружеством, и по совету с нашим министром и по публикациям, какие выданы от Порты манифестами от патриарха, сходно с оными поступаем мы и острова узакониваем, на таковом точно основании, делая их вольными и на прежних правах до высочайшей конфирмации. Но Паргу, на матером берегу состоящую, по означенным обстоятельствам не смеем мы сами собою с Кадыр-беем приступить и узаконить и чтобы дать им от нас для охранения их офицеров и служителей, и теперь в таком я еще состоянии, ежели Али-паша не последует нашему совету, дать ли нам от себя в Паргу сколько-нибудь людей на том основании или оставить ее вольною Али-паше. Жители оного места от меня не отходят и не решаются ни на что другое, кроме просимого ими удовлетворения. Откровенно осмеливаюсь всеподданнейше донести вашему императорскому величеству генерально все жители здешнего края, прежде бывшие в венецианском владении, бесподобную приверженность имеют к России и к вашему императорскому величеству; сими только средствами мы малым числом десантных наших войск побеждаем и берем крепости, которых великими турецкими войсками и без наших, по мнению моему, никак бы взять было невозможно, ибо жители островские все бы противу их вооружились и были бы преданы французам и с ними вместе дрались бы до последней крайности, словом, по сие время действия наши простираются по учтивым я благоприятным нашим обращениям с островскими жителями, которых стараюсь я привлечь и уговорить с ними действовать обще против французов. Жестокие поступки Али-паши на берегу поколебали было сумнением и всех островских жителей, но как беспрерывно стараюсь я их успокаивать, то они с великой доверенностью ко мне идут вооружаться и действуют со мною. Теперь прибыл я с эскадрой в Корфу, и жители с восхищением и с распростертыми руками нас принимают».

Ушаков не смеет просить прямо о присылке небольшого подкрепления, но намек вполне ясен: «Всемилоостивейший государь, если бы я имел с собою один только полк российский сухопутного войска для десанта, неприменно надеялся бы я Корфу взять совокупно вместе с жителями, которые одной только милости просят, чтобы ничьих других войск, кроме наших, к тому не употреблять, жители будут служить нам по всей возможности и всеми силами, обстоятельства только мои не допускают увериться, могу ли без десантных войск с людьми одними, в эскадре нашей имеющимися, ее взять, тем паче провиант на эскадре почти весь в расходе, остается на малое количество только дней, дров также почти нет, от Кадыр-бея посланы суда в Морею за провиантом и за дровами, которой мы ожидаем, но таковое доставление провианта будет весьма медлительно и не может составить количества столько, чтобы путь наш был далеко от Корфу. Министр вашего императорского величества, в Константинополе находящийся, писал ко мне и установил, как должно будет провиант заготовлять и доставлять ко мне, но это будет для будущего времени, за всем тем, блокируя Корфу, стараться буду надзирать, чтобы французы в здешнем крае нигде десант не высадили, действия наши буду располагать по известиям, какие от стороны Анконы и из других мест получать буду. Всепоодданнейше осмеливаюсь просить вашего императорского величества при столь важных и многотрудных делах, какие случаются по всем сим обстоятельствам, не имею я хороших с достаточными сведениями письмоводцев, историографа, также нет живописца, которые могли бы все то описывать и делать, что по уставу вашего императорского величества полагается, дела же многие, какие случаются, весьма нужно бы вести исторически подробнее, нежели я, будучи занят множеством разных дел, то исправлять могу, и, необходимо надобны к сему отлично способные люди, о которых всепоодданнейше прошу, есть ли возможно откудова, надлежит всемилоостивейше повелеть ко мне доставить. Потому можно бы иметь лучших переводчиков иностранных языков, при мне хотя и есть офицеры, знающие иностранные языки, но в письма и в переводе недостаточны, сколько бы желалось и надобно. В острове Корфу, по осведомлениям моим, состоят в крепостях и на острове Видо французского гарнизона с присовокуплением к ним разных людей до 3-х тысяч человек, на кораблях, под крепостью находящихся, на французском корабле 84-пушечном при весьма отличной сильной своей артиллерии экипажу людей считая до осьми сот человек, на взятом от англичан в плен 60-пушечном считают не полной комплект, на одном фрегате, на двух бомбардирских и на нескольких еще судах, сказывают, людей недостаточно, а сколько числом, еще неизвестно. Я сего числа с эскадрою подхожу в близость к крепости к острову Видо, намерен его атаковать и стараться десантом соединенных эскадр овладеть, а после действовать по обстоятельствам, что как способнее окажется»¹.

Начало блокады острова Корфу

9 (20) ноября 1798 года эскадра Ушакова прибыла к о. Корфу и стала на якорь в бухте Мисанги.

Предстояло самое трудное дело. Город Корфу был расположен между двумя крепостями: старой — венецианской — на крайней оконечности узкого гористого мыса, далеко вдающегося в море, и новой — чрезвычайно укрепленной силами французов земляными валами, искусственными водными преградами и стенами. Эта новая крепость состояла из трех отдельных мощных укреплений, соединенных подземными переходами с заложенными минами. Перед о. Корфу находится небольшой остров Видо, горные возвышенности которого господствуют над городом и крепостью Корфу. Ушаков, окинув глазами местоположение и указывая на Видо, сказал: «Вот ключ Корфы».

Ушаков установил тесную блокаду Корфу. Русская и турецкая эскадры расположились полукругом по внешнюю сторону о. Видо, причем русские корабли заняли фланги этой линии и находились против старой и новой крепостей. Но что было делать дальше? Сил для штурма могучих укреплений у Ушакова было совершенно недостаточно. Правда, в Константинополе его заверили, что всем пашам и правителям Мореи, Албании, Эпира посланы строгие приказы оказывать Ушакову всякую помощь и военными силами, и про-

¹ ЦГАВМФ, ф. 119. Канцелярия адм. Ф. Ф. Ушакова, д. 6, л. 72—76. Протокольная запись.

довольствием, какую только он потребует. Ушаков требовал, но ровно ничего не получал. Провиант присылали часто негодный, а людей долго и вовсе не присылали.

Ушаков отрядил часть эскадры к порту Гуино (или Гуви), находившемуся в нескольких километрах от крепости, и здесь произвел первую высадку на о. Корфу. Французы уже старались от крепости не удаляться, и высадка совершилась благополучно. В городе Гуино и в окрестностях местное население приняло русских не менее радушно, чем на Цериги, Занте, о. Св. Мавры и Кефалонии. Самый город был разрушен французами довольно основательно перед их уходом оттуда в крепость, но все же русские моряки проводили здесь в течение своей долгой стоянки время довольно хорошо. Греки и итальянцы быстро сошлись с русскими.

«...Пустыня с развалинами преобразилась в веселое обиталище; все оживотворилось... и никто не помышлял о недостатках, им претерпеваемых. Надобно признаться, что одним только русским предоставлено творить подобные чудеса: щедрость их, гибкость в обхождении, расположение к удовольствиям всякого рода и легкость, с коею научаются они чужезанным языкам, сближают их весьма скоро со всеми народами»¹.

Дело сильно затягивалось. Правда, флот Ушакова значительно пополнился за время невольного зимнего бездействия. 9 (20) декабря к Ушакову явился от берегов Египта капитан 2-го ранга Сорокин с двумя фрегатами. Он был отправлен Ушаковым к Александрии в свое время еще из Дарданелл и после трехмесячного стояния там, не получая ни от турок, ни от англичан никакого провианта для своей команды, отбыл к о. Корфу. Сорокин за время своего участия в блокаде Александрии перехватил несколько судов, на которых французы пытались проскользнуть. У 18 французских офицеров, захваченных таким образом, оказалось в наличности 30 тысяч червонцев. Ушаков немедленно отпустил французов на честное слово во Францию, причем их деньги полностью были им возвращены после простого их заявления, что эти червонцы принадлежат лично им, а не французской казне.

«Собственность обездуренных неприятелей была свято уважаема... (что крайне изумило французов — Е. Т.) в сию добычами преисполненную войну». А 30 декабря 1798 года (10 января 1799 года), после трудного плавания и задержек из-за противных ветров, к Ушакову явился и контр-адмирал Павел Васильевич Пустошкин, дельный и храбрый моряк, учившийся с Ушаковым еще в Морском корпусе и отличившийся

в 1791 году в битве при Калиакрии. Теперь ему снова предстояло воевать под начальством своего прославленного школьного товарища. Пустошкин привел с собою два 70-пушечных корабля.

Подкрепление эскадры Ушакова кораблями Сорокина и Пустошкина было тем более необходимо, что на турецких «союзников» надежда была плоха. Французскому кораблю «Le Genereux» (именуемому в наших документах иногда «Женере», а иногда «Женероз») удалось после нескольких неудачных попыток в темную ночь проскользнуть мимо турецких судов, стороживших французские корабли, и уйти в море. Когда Ушаков забил тревогу и послал своего офицера к турецкому контр-адмиралу, то оказалось, что контр-адмирал Фетих-бей был погружен в глубокий сон. Но даже в бодрственном виде турок оказался совершенно бесполезен. В момент, когда каждая секунда была дорога для организации погони, Фетих-бей вдруг открыл дискуссию: он заявил, что не надеется «угovorить свою команду» выйти в море, что его команда жалованья давно не получает, провианта тоже не получает, скучает по своим семействам и вообще стала такой сердитой, что нужно даже скрыть от нее требование Ушакова. А если француз и убежал, так, дескать, тем лучше, меньше их тут останется. В заключение турок заявил: «Француз бежит... чем гнаться за ним, дуйте ему лучше в паруса...»

По-видимому, эта неудача так раздражила и взволновала Ушакова, что он решился на шаг, который прямо диктовался сложившейся обстановкой. Приходилось опасаться, что решительно никто из пашей западного берега Балканского полуострова и не хочет, и не может подать достаточную помощь войсками и провиантом, несмотря ни на какие фирманы, и главное — сделать это в срок. Феодалы — «паши» и не думали повиноваться приказам Порты и никакой подмоги Ушакову не прислали. Адмирал волновался и раздражался.

«Я многократно просил ваше превосходительство и обнадежен был вашими требованиями от пашей с Румелийской стороны присылки войск к облажению крепкой осадой Корфу. Вы имеете от Блистательной Порты Оттоманской повеление, от кого именно требовать вам войск для таковых надобностей, потому и повторяю письменно просьбу мою вашему превосходительству, чтобы вы ни малейше не медля потребовали от пашей войска... долгое время пропущено понапрасну и в великий вред, в сие время французы беспрестанно разоряют деревни, грабят иобирают из их крепости провизию и всякие богатства, и крепости укрепляют бесподобно.

¹ Е. Метакса. Цит. соч., стр. 159.

Ежели еще несколько времени будет пропущено, то очевидная опасность настит, что крепости Корфу взять будет невозможно», — писал Ушаков горемычному «союзнику» Кадыр-бею¹. Но все настояния были тщетны. Единственным властителем, который мог, если бы захотел, оказать реальную поддержку, был Али-паша.

Ушаков решил обратиться к Али-паше.

Ускорить взятие Корфу представлялось неотложным еще и потому, что неприятельский гарнизон очень осмелел.

В момент прибытия русских к о. Корфу французских вооруженных сил на острове числилось около 3 000 человек. Вооружение у французов было достаточное, провианта же было запасаемо на продолжительный срок. Командовавший французским гарнизоном генерал Шабо был человеком храбрым и решительным. Его офицеры и солдаты сражались на Корфу мужественно.

Учитывая все это, Ушаков не предпринимал рискованных попыток случайным налетом овладеть французскими укреплениями, а решил ждать обещанных подкреплений с берегов Морей и Албании. Но жители Корфу, которым не терпелось покончить с французами, решили рискнуть. Инженер Маркати (грек) сформировал добровольческий отряд численностью 1 500 человек, и Ушаков помог этому отряду, дав ему три орудия и прислав некоторое количество солдат. Первые действия отряда были довольно удачны; орудия причинили известный ущерб той части крепости, где французы не ожидали появления новой батареи. Однако спустя несколько дней французы произвели очень крупную вылазку, и местный отряд ударился в бегство. Русские не бежали, но были окружены и все погибли, кроме 17 человек, попавших в плен. Был взят в плен и Маркати, которого французы немедленно расстреляли так же, как и нескольких жителей Корфу, попавших с ним в плен. Русские же пленные были обменены на соответствующее число французов. Произошло все это 20 ноября (1 декабря) 1798 года. После этого успеха французы осмелели, их вылазки участились.

Ушаков принял меры к тому, чтобы сделать осаду более тесной, и это привело к прекращению вылазок, предпринимавшихся французами. Одновременно он усилил и строгость морской блокады острова.

До нас дошел суровый окрик и выговор Ушакова капитану 2-го ранга Селивачеву, который писал, что «не надеется» эффективно защищать проходы южного пролива Корфу «по малости с ним судов». Федор Федорович послал грозный ответ:

«С вами находится большой российский фрегат, два турецких корабля и (турецкий — Е. Т.) фрегат же. Как при таком количестве судов можете вы писать неприличное, чтобы вы не могли защищать и не пропускать судов? Я рекомендую вашему высокоблагородию иметь старание и бдительное смотрение французских кораблей и никаких судов не пропускать, а ловить их, бить, топить или брать в плен и во всем прочем поступать по силе закона». Ушаков ни за что не хотел допустить повторения случая бегства корабля блокированной при Корфу французской эскадры. «Из кораблей французских, здесь стоящих, приготавливаются отсель бежать, будьте осторожны, должны вы быть больше под парусами, а не на якорях, крейсируйте ближе к крепости, чтобы лучше вы могли осмотреться, ежели покусаятся они бежать»².

Ушаков опасался не только бегства блокированных французских кораблей, но и прорыва подкреплений, которые могла послать Директория для спасения осажденных в Корфу французов.

Селивачев должен был охранять южный пролив, а адмирал Пустошкин — крейсировать в Венецианском заливе (в Адриатическом море), чтобы не допустить французскую подмогу с севера. Все это поясняет Ушаков в письме к русскому полномочному министру в Неаполе Мусину-Пушкину 11 января 1799 года³.

Это были напряженные, трудные дни для Ушакова. «Десантных войск со мной нет, а одних морских служителей к штурмованию крепости недостаточно, да и остров Видо, весьма укрепленный и снабженный достаточным числом французских войск, нами еще не штурмован...»

О том, чтобы заставить Ушакова снять осаду, французы, конечно, и думать не могли, но осада крепости затягивалась, так как для штурма ее не хватало десантных войск. Поэтому-то Ушакову и пришлось пойти на трудный и неприятный шаг — обратиться за помощью к Али-паше.

Трудность заключалась вовсе не в том, что янинский владыка мог отказать. Ушаков прекрасно понимал, что паша с величайшей готовностью выполнит просьбу. Деликатность предприятия состояла в том, чтобы, получив эту помощь от Али-паши, не отяготить себя никакими обязательствами перед ним, а самое главное — не дать ему ни одного вершка территории Ионических островов.

Федор Федорович призвал снова Метаксу и, снабдив его точными инструкциями, отправил к Али-паше с письмом и с богатым подарком — осыпанной бриллиантами и изумрудами табакеркой, оцененной в две тысячи золотых червонцев.

¹ ЦГАВМФ, ф. 119. Канцелярия адм. Ф. Ф. Ушакова, д. 6926, я. 225. Копия. Письмо Ф. Ф. Ушакова Кадыр-бею, 2 декабря 1798 года.

² Там же, д. 6925, л. 443. Копия. Ордер Ф. Ф. Ушакова капитану 2-го ранга Селивачеву, 21 декабря 1798 года.

³ ЦГАДА, ф. КП. Переписка посланника Томары с адмиралом Ушаковым, д. 46, л. 36—37. Копия. Письмо вице-адмирала Ф. Ф. Ушакова полномочному министру в Неаполе В. В. Мусину-Пушкину-Брюсу, 11 января 1799 года.

Начались переговоры. Положение русского импровизированного «дипломата» было не легкое. Ведь чем, собственно, Метакса мог заинтересовать Али-пашу, кроме драгоценной табакерки? Ровно ничем, по крайней мере из того, о чем мечтал Али-паша.

Сначала переговоры шли, по-видимому, не очень гладко. Али-паша, отчаявшись в возможности утвердиться на каком-либо из Ионических островов, требовал, чтобы Ушаков после взятия Корфу выдал ему в награду за помощь половину французской артиллерии и все мелкие французские суда, стоявшие на рейде (крупных там не было).

«Много стоило мне труда дать ему уразуметь, — пишет Метакса, — что такового обещания не в силах дать ни сам султан Селим, потому что союзники почитают все Ионические острова не покоренною добычею, но землями, исторгнутыми токмо от владений французов, и в коих все до последней пушки должно оставаться неприкосновенным. Я Али-паше представил, что бескорыстное содействие даст ему случай обезоружить врагов своих при Порте Оттоманской, а особенно Низед-пашу, бывшего тогда верховным визирем, и утвердить самого султана в хорошем об нем мнении, чем влияние его по всему матерому берегу еще более увеличится, что и высочайший российский двор не оставит, конечно, при случае оказать ему своего благоволения и наградит его щедрыми подарками»¹.

Долго не соглашался Али-паша «променять» пушки и галеры, в которых ему отказывали, на довольно неопределенные обещания будущих турецких и российских милостей. Помогло делу то, что очень уж к тому времени испортились отношения между этим опасным и сомнительным «губернатором» Эпира и константинопольским правительством.

«Он (Али-паша — Е. Т.), — пишет Метакса, — казался мне весьма озлобленным на Порту, может быть, и притворно». «Я здесь силен, — говорил Али-паша Метаксе. — Скорее султан будет меня бояться в Стамбуле, нежели я его в Янине. Алчность к моим сокровищам заставит его, может быть, воевать со мною, но все они в заблуждении: я не так богат, как они думают».

Все-таки Али-паша как раз в то время стал сильно побаиваться султана. Он даже пожаловался Метаксе, что алчные константинопольские министры берут у него большие взятки, а никакого толку от этого нет, — так уж часто этим министрам рубят головы в столице. «Едва сделаешь себе подпорку и приятеля, он уже без головы, а ты без денег», — так горько жаловался Али-паша, очевидно считая подобный беспорядок прямо издевательством над своей личностью.

Али-паша в конце концов согласился оказать помощь Ушакову, сообразив, что это согласие, может быть, в самом деле рассеет темную тучу, собиравшуюся против него в Константинополе. Но на одном условии Али-паша настаивал. «Скажи мне свое мнение откровенно, — внезапно спросил он Метаксу, — думаешь ли ты, что независимость, которую ваш адмирал провозглашает здесь, будет распространена и на греков матерого берега?» «Конечно, нет, — отвечал Метакса, у которого был готов ответ на этот неизбежный вопрос, — прочие греки не под игом французов, как ионийцы, а подданные султана»². Тем самым Превеза оставалась в руках Али-паши, и он избавлялся от дальнейших беспокойств в своих владениях «на матером берегу».

Но неудобный это был «союзник» для Ушакова, принужденного к нему обратиться. Греки жестоко обеспокоились и боялись, что Али-паша, раз допущенный на остров Корфу, уже не уйдет оттуда.

Быстрые успехи Ушакова на островах Занте, Цериги, Кефалония, Св. Мавры были учтены французским командованием на о. Корфу довольно правильно. Французы поняли, что если греческое население островов всячески помогает русским и их поддерживает, то это происходит прежде всего от очень бесцеремонной завоевательно-грабительской практики французского поведения на всех этих островах, царившей вплоть до прихода русской эскадры. Поэтому в этом оставшемся еще и наиболее сильном оплоте французской власти, то есть на о. Корфу, французское командование решило повести усиленную агитацию, рассылало воззвания и обращалось к населению как к «союзникам» в общей борьбе. «Французы... укрепясь в крепостях и на острове, бесподобно употребляют теперь все проницательности обратить островских жителей к себе и уверяют их о их заблуждении, объясняют, что мы их совсем обманули, всеми возможностями стараются уверить их, что они обмануты, каковые об оном выдают и рассылают по всему острову в великом количестве печатные листы и публикации», — сообщает Ушаков посланнику Томаре.

¹ Е. Метакса. Цит. соч., стр. 191—194.

² Там же, стр. 194.

Атака и взятие острова Видо, капитуляция острова Корфу

Адмирал в самом деле был в трудном положении. Он хорошо понимал, что если среди населения острова Корфу стали проявляться «замешательство и развраты», то происходит это не «только от красноречия французских «печатных листов», сколько потому, что греки смущены и раздражены участием Али-паши и его головорезов в готовящемся штурме обеих крепостей острова Корфу. «Необходимость одна понудила нас противу упорного желания здешних островских обывателей взять малое количество войск от Али-паши, и сие привело жителей в такую расстройку, что бесподобно (беспримерно — *Е. Т.*). Я стараюсь всеми возможностями успокаивать и уверять их, что все таковые войска находятся под собственным моим начальством, что я стараться буду не допускать их ни до чего, что бы могло жителей беспокоивать, но единственно с ними общими силами вместе блокировать и взять крепости, а что потом обыватели островские останутся на таковых же правах, как и прочие острова, — хотя таковое старание мое и оказываемые всегдашние благоприятства успокаивают их несколько, но за всем тем многие колеблются и большей частью от нас уже отстают...»¹

Али-паша обещал прислать в помощь Ушакову 3 000 албанцев и отпустил Метаксу с подарками. Спустя несколько дней, 2 (13) февраля, Али-паша, в богатейшей одежде и окруженный великолепной свитой, явился с визитом к Ушакову на адмиральский корабль. А начиная с вечера 10 (21) февраля на судах стали прибывать выделенные Али-пашой войска. Всего прибыло около 2 500 албанцев вместо 3 000 обещанных. Не обмануть гяура хоть немножко Али-паша никак не мог.

11 (22) февраля посланный им отряд высадился в порту Гуино на о. Корфу. Как увидим дальше, особого толку от этого запоздавшего подкрепления не получилось, и албанцы (во всяком случае — отдельные части их) вызвали своим поведением такой гнев и такое презрение со стороны Ушакова, что он воспретил даже пускать их в город Корфу после окончательной своей победы.

Нужно снова напомнить, что войска Али-паши называются тут, как назывались и тогда, «албанцами» лишь для краткости: настоящих албанских жителей там было меньше, чем турок.

Неожиданно двое других пашей прислали Ушакову еще 4 750 человек, так что в общем этих «албанцев» оказалось 4250 человек. Но и такая подмога была мизерна сравнительно с теми силами, какие были обещаны султаном (12 000 чел.).

Много хлопот было с отрядом Али-паши, а польза оказалась совсем ничтожная. Не желая сражаться, турки, однако, во время своего пребывания на Корфу обнаруживали большую энергию в грабежах, буйствах, нападениях на церкви с целью их ограбления и т. д. Штурм неприступных укреплений Корфу был произведен русскими. Все сделали русские и только русские, помощи они фактически ни от кого не получили.

Ни от хитрого, помощи не стеснявшегося Али-паши, ни от «регулярных» турецких сил Кадыр-бея Ушаков реальной подмоги не имел. «...Дела сколько здесь не счесть, вся блокада и во всех рассылках и во всех местах, и все успехи производимые деланы все одними моими только судами, а из турецкой эскадры кого ни посылаю, пройдет только час-другой — и тотчас назад идет. Когда велю где крейсировать и не приходить назад к нам, то отошед останутся и дремлют все время без осмотрительностей... Я измучил уже бесценно всех моих людей в разных местах... Прилежнейшие наши служители (матросы), от ревности и рвения своего желая на батареях в работу и во всех бдительностях в дождь, в мокроту и в сыкость, обмаранных в грязи, все терпеливо сносили», — так описывал Ушаков положение вещей во время борьбы за Корфу². При этом эскадра была очень плохо снабжена боезапасом: «Недостатки (скудость) наши, бывшие при осаде Корфу, во всем были беспредельны, даже выстрелы пушечные, а особо наших корабельных единорогов необходимо должно было беречь на сильнейшие и на генеральные всего производства (всей операции — *Е. Т.*) дела. Со мной комплект только снарядов к орудиям, тотчас можно было бы их

¹ ЦГАДА, ф. КП. Переписка посланника Томары с адмиралом Ушаковым, д. 45, л. 148—150. Письмо Ф. Ф. Ушакова В. С. Томаре etc. 8 декабря 1798. Корабль «Св. Павел».

² Там же, д. 46, л. 100—103. Подлинник Письмо Ф. Ф. Ушакова В. С. Томаре, 5 марта 1799 года. Корабль «Св. Павел».

расстрелять и расстреляли бы мы их понапрасну, весьма с малым вредом неприятелю...» Поэтому Ушаков медлил со штурмом, пока не подошли все его суда и не стало возможным укрепиться на более выгодных позициях.

С прибытием присланного Али-пашой албанского отряда, а также небольших отрядов других пашей, Ушаков ускорил приготовления к штурму. Усилилась бомбардировка крепостных укреплений. Адмирал решил начать действия против о. Видо, в то же время не прекращая и обстрела обеих крепостей о Корфу.

Совершенно внезапно большинство албанского отряда отказалось участвовать в готовившемся общем штурме. Началось с того, что отряд Али-паши не пожелал участвовать в штурме Видо. Только ли тут действовало отсутствие дисциплины, свойственное воинству Али-паши и проявлявшееся особенно часто в тех случаях, когда сам предводитель отсутствовал, или же коварный янинский паша дал понять командному составу посланного им отряда, что незачем особенно усердствовать, но результат оказался плачевным. «Для убеждения их адмирал ездил сам на берег и обнадеживал их в успехе, видя же, что ничто не помогло албанцев убедить соединиться с нашими войсками, он хотел было понудить их строгостью к повиновению, но тогда они почти все разбежались, оставя начальников своих одних». Но эти начальники оказались вполне достойными своих подчиненных. «Адмирал, услыша от сих последних, что он предпринимает дело невозможное, усмехнулся и сказал им: «Ступайте же и соберитесь все на гору при северной нашей батарее, и оттуда, сложа руки, смотрите, как я в глазах ваших возьму остров Видо и все его грозные батареи»¹. Только немногие из отряда Али-паши пошли за Ушаковым.

Действия против о. Видо были предприняты 18 февраля (1 марта) в семь часов. Атака была начата кораблями флота, быстро занявшими по сигналу адмирала свои места по диспозиции. Против каждой из пяти батарей противника действовала заранее определенная группа кораблей, которые должны были сломить сопротивление батарей и тем обеспечить высадку десанта. Французы энергично и упорно сопротивлялись. Пользуясь близостью русских кораблей, подошедших к берегу на дистанцию картечного выстрела (2—2,5 кабельтова), противник попытался стрелять калеными ядрами, с целью

вызывать на них пожары, однако мгновенно засыпанные картечью и ядрами батареи вынуждены были отказаться от этого сравнительно медленного способа стрельбы и перейти на обыкновенные ядра и картечь².

Адмирал флота И. С. Исаков в своем труде «Приморские крепости»³, высоко оценивая план атаки о. Видо, указывает: «Артиллерийский огонь фрегатов, а затем и линейных кораблей благодаря исключительно высокой выучке русских командиров, хорошему маневрированию капитанов и решительной дистанции, выбранной для боя (дистанция картечного выстрела), уже через четыре часа непрерывного действия сломил боеспособность батарей и гарнизона... Правильно оценив критический момент боя, Ушаков в 11 часов утра приказал начать высадку, не прекращая огня кораблей».

Руководя атакой на наиболее ответственном участке, Ушаков на флагманском корабле «Св. Павел», показывая пример бесстрашия, сперва направился к батарее № 1 и на ходу обрушил на нее несколько залпов всем бортом. Затем, пройдя близко вдоль берега к батарее № 2 и засыпав ее ядрами и картечью, подошел к батарее № 3 и встал здесь на шпринг на ближнем картечном выстреле так, чтобы обоими бортами громить обе батареи.

Занятая адмиралом позиция позволяла ему видеть результаты артиллерийской атаки и своевременно определить момент своза десанта на предназначенные планом береговые участки.

В этот самый решительный момент войска, присланные Али-пашой, просто-напросто отказались участвовать в бою: «...турки и албанцы за работу ни один человек никогда не принялись, даже и орудия все втащены на гору и поставлены на места нашими служителями». Что касается турок, то в документах, где Ушаков мог быть вполне искренен, он оценивал турецкую «помощь» весьма невысоко. А там, где нужно было вести тонкую политику, Федор Федорович лукавил и похваливал: «...словом, вообще, взятие крепостей Корфу целый свет может отдать справедливость вверенной мне эскадре и нашему действию; но, чтобы утвердить более и более дружбу нашу с Блистательной Портой Оттоманскою, в реляции пишу я все вообще и их похвалю, и отношу им признательность». Правда, турки, поскольку зависело от их прямого начальства, «помогают по их возможности». Но беда в том, что их «возможности» были слишком

¹ Е. Метакса. Цит. соч., стр. 215.

² Для успешного действия каленые ядра требовали длительного накаливания до вишневого цвета в особых печах и более сложного процесса заряжания, что сильно снижало скорость стрельбы.

³ И. С. Исаков. Приморские крепости. Примеры морских атак Корфу.— Морской сборник, 1945, № 5—6, стр. 33.

уж скромны: «кораблей турецких в атаке острова не поставил я с нашими», причем Ушаков руководился целью убрать подальше турецкие корабли «в их собственное сбережение», ибо «они не могут скоро лечь шпрингом, как скорость надобности требует, и в это время были бы они против батарей кормами, их с батареей могли бы расстрелять, а они могли бы нам помешать деятельностью...»

Решительно все сделала русская эскадра, и Ушаков со справедливой гордостью пишет посланнику Томаре: в эскадре к моменту боя было восемь кораблей и семь линейных фрегатов всего-навсего, а «действие мое против крепостей кораблями российскими, которые деятельностью своею, когда они к тому употребляются, стоят больше, нежели тридцать или пятьдесят тысяч сухопутного войска»¹.

«Беспрерывная, страшная стрельба и гром больших орудий,— писал очевидец и участник дела Метакса,— приводили в трепет все окрестности... Видо, можно сказать, был весь взорван картечами и не только окопы... не осталось дерева, которое бы не было повреждено сим ужасным железным градом... В одиннадцать часов пушки с батарей французских были сбиты: все люди, их защищавшие, погибли, прочие же, приведенные в страх, кидались из куста в куст, не зная, куда укрыться...»²

По новому сигналу начать высадку назначенные в десант части поспешно бросились на приготовленные у борта кораблей баркасы, катера, лодки и мгновенно устремились к трем наметанным для высадки небольшим бухточкам и «с невероятной скоростью вышли на берег».

Всего было высажено 2 159 человек. Выбивая противника из складок местности, десантные части пробивались к центральному редуту и здесь, после трехчасового боя, окончательно сломили сопротивление гарнизона.

Потрясенные боем французы, видя безнадежность дальнейшего сопротивления, стали сдаваться, но бывшие в составе десанта турки, не слушая криков о пощаде, стали безжалостно резать неприятеля. Стараясь спасти пленных, русские моряки и солдаты окружили их стеной; было приказано стрелять по туркам, если они будут пытаться уничтожать сдающихся французов. «Сия решительная мера спасла жизнь всех, может быть, французов,— турки не пощадили бы, конечно, ни одного»³. Пленных во главе

с комендантом о. Видо генералом Пивроном благополучно доставили к Ушакову, пытавшиеся же уйти с Видо на лодках были потоплены выстрелами с русских кораблей.

В 2 часа дня на Видо замолкли последние выстрелы и взвились союзные флаги.

В этот момент никого, кроме русских, около крепости не было: Ушаков не подпустил ни албанцев, ни турок, очень надевавшихся на добычу.

На позднейшие жалобы Али-паши до тому поводу, что его отряд не был подпущен к взятым уже обоим крепостям о. Корфу и к городу, Ушаков отвечал: «Ежели бы албанские войска и турецкие вместе с нашими вошли в город и крепости, то и основания оных не могло бы остаться: все было бы истреблено, кровопролитие, плач (sic! — *E. T.*) и вопль последовали бы, междоусобия и войны были бы с островскими жителями. Я предвидел все это и крепости Корфу принял одними нашими войсками, высадив их со стороны моря на шпинаду (эспланаду — *E. T.*)»⁴.

Около половины французского гарнизона, оборонявшего остров, погибло. По данным Метаксы, из 800 рядовых французского гарнизона было взято в плен 422 человека, остальные пали в бою: из 21 офицера в плен попало 15. Русские потери были значительно меньше (около 125 человек убитыми и ранеными). Турок было убито и ранено 78 человек, албанцев убито 23, ранено 82 человека.

Оставалось решить очень серьезную задачу — овладеть еще двумя крепостями на самом острове Корфу — Старой и Новой — с их мощными долговременными укреплениями.

Выраженные заблаговременно сухопутные войска уже были готовы к штурму укреплений Новой крепости — Св. Авраама, Св. Рока и Св. Сальвадора. В штурме должны были принять участие и отряды местных жителей, но, сомневаясь в успехе, они совсем не явились. Корфиоты полагали, что выделенных войск недостаточно для захвата столь сильных укреплений, и считали штурм обреченным на неудачу. Албанцы же, кроме незначительного числа охотников, вообще отказались участвовать в штурме.

Но это не изменило хода событий. В назначенное время русские войска, усиленные десантом с кораблей, решительно атаковали укрепление Св. Рока и, преодолев рвы, при помощи штурмовых лестниц ворвались внутрь. Увидя невозможность противодействовать стреми-

¹ ЦГАДА. ф. КП. Переписка посланника Томары с адмиралом Ушаковым, д. 46, л. 71—74. Подлинник. Письмо Ф. Ф. Ушакова В. С. Томаре, 5 марта 1799 года. Корабль «Св. Павел».

² Е. Метакса. Цит. соч., стр. 212.

³ Там же. стр. 213—216.

⁴ ЦГАДА. ф. КП. Переписка посланника Томары с адмиралом Ушаковым, д. 46, л. 71—74. Подлинник. Письмо Ф. Ф. Ушакова В. С. Томаре, 5 марта 1799 года. Корабль «Св. Павел».

тельной атаке, французы, заклепав пушки и взорвав погреба, отступили в укрепление Св. Сальвадора, где намеревались организовать упорную защиту. Однако ворвавшиеся на их плечах солдаты и матросы быстро сломили сопротивление, и через полчаса в результате ожесточенной рукопашной схватки французы в беспорядке бежали и отсюда. Та же участь постигла и укрепление Св. Авраама. Через полтора часа после начала штурма все передовые укрепления Новой крепости были в руках русских.

Падение о. Видо и передовых укреплений Новой крепости резко снизило моральное состояние французского гарнизона. С занятием острова русская артиллерия получила полную возможность беспрепятственно и почти безопасно для себя обстреливать Старую крепость о. Корфу, а быстрое занятие внешних укреплений Новой крепости показало французам, что развязка наступит гораздо раньше, чем они рассчитывали.

Главный комиссар Директории Дюбуа и дивизионный генерал Шабо, комендант о. Корфу, прислали 19 февраля (2 марта) к Ушакову трех офицеров с предложением принять их сдачу и начать переговоры. Ушаков ответил, что он прекращает на 24 часа военные действия.

В своем письме Дюбуа и дивизионный генерал Шабо сообщали Ушакову:

«Господин адмирал!

Мы думаем, что бесполезно жертвовать жизнью многих храбрых воинов российских, турецких и французских для овладения Корфой. Вследствие сего мы предлагаем вам перемирие на сколько времени вы рассудите для постановления условий о сдаче сей крепости. Мы приглашаем вас к сообщению нам по сему намерений ваших для прекращения кровопролития. Если вы сего желаете, то мы составим намереваемые нами предложения, буде вы не предпочтете сами сообщить нам о предложениях ваших». Письмо было доставлено 19 февраля Ушакову.

Ответное письмо Ф. Ф. Ушакова 19 февраля 1799 г. Дюбуа и генералу гласило¹:

«По почтеннейшему письму вашему о договорах, до сдачи крепостей Корфу касающихся, сей же час переговора с командующим турецкою эскадрою, и за сим же ответ доставлю, дабы не проливать напрасно кровь людей, я всегда на приятные договоры согласен и между тем пошлю во все места, чтобы от сего времени на 24 часа военные действия прекратить. Впрочем с почтением имею честь быть» и пр.

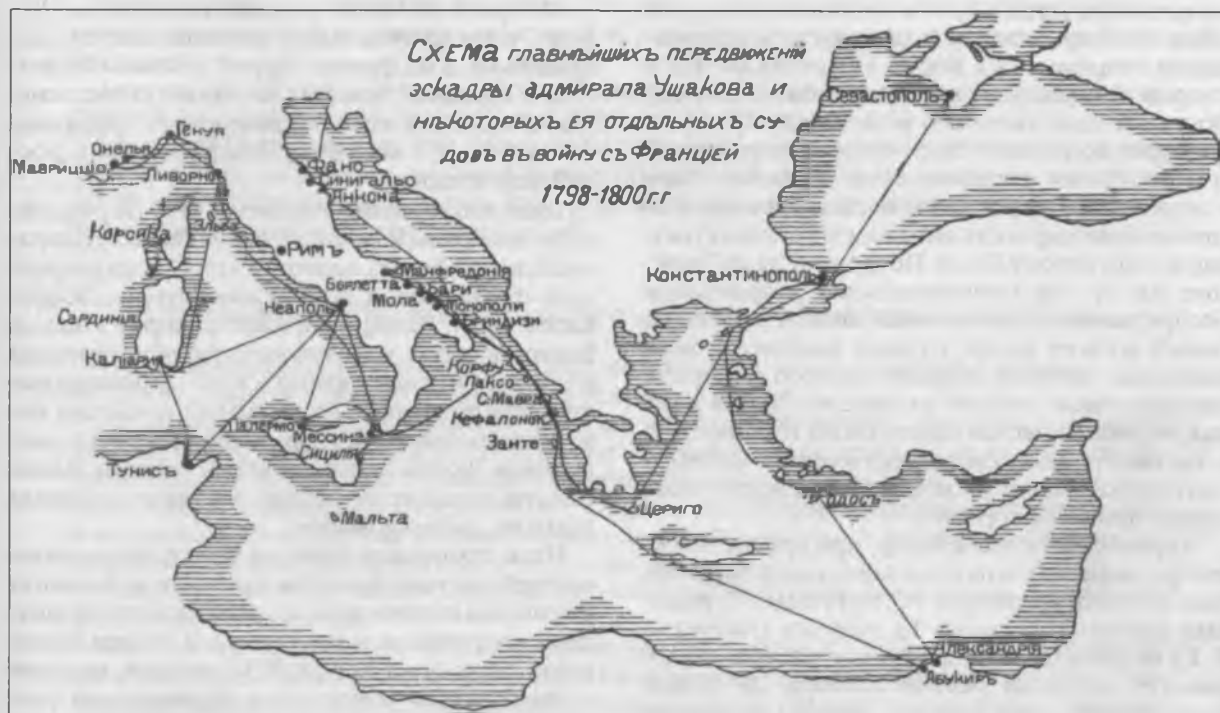
Характерные детали сдачи Корфу русской эскадре зафиксированы в корабельном журнале

корабля «Захарий и Елизавета», команда которого принимала участие в приеме пленных французов и военного имущества (даты в документе по старому стилю).

«Февраля 19 числа приезжал на корабль «Павел» из крепости Корфу на французской лодке под нашим и французским флагами адъютант французского генерала, командовавшего в крепости гарнизоном, и с ним два офицера армейских, привезя письмо к главнокомандующему от одного генерала Шабо и генерал-комиссара Дюбуа, в коем просили остановить военные действия и пролитие крови храбрых войск с обеих сторон и положить срок о договорах до сдачи крепостей Корфу касающихся. Главнокомандующий, согласясь с командующим турецкой эскадрой, спустя малое время отправил одного адъютанта в крепость с ответом, дав срок учинить договоры в 24 часа, приказывая на такое время прекратить военные действия во всех местах; в 5 часов пополудни главнокомандующий отправил в крепость Корфу флота лейтенанта Балабина, отправляющего должность при нем адъютанта, с договорами, по коим главнокомандующий обеих эскадр требовал сдачи крепостей, которой в 9 часа пополудни возвратился обратно на эскадру».

«Февраля 20 числа приехали на корабль «Павел» под нашим и французским военными флагами из крепости Корфу на лодке французские комиссары для утверждения и размены договоров; тогда приехал на оной же корабль командующий турецкой эскадры адмирал Кадыр-бей и с ним определенный от Дивана во флот министр Махмуд Ефендий, которые заседали обще с адмиралом Ушаковым и французскими чиновниками при заключении капитуляции о сдаче Корфу. По заключении оной отправил обратно в крепость с майором нашей эскадры Боаселем для подписания сих договоров начальствующим в крепости генералитетом, и оной майор Боасель с подписанной капитуляцией вскорости возвратился, в которой заключалось: крепости Корфу с артиллерией, амуничными запасами, съестными припасами, материалами и всеми казенными вещами, которые ныне состоят в арсенале и магазинах, также все вещи казенные как состоящие в городском ведомстве, так и принадлежащие гарнизону, в том числе корабль «Леандр» («Leander» — Е. Т.), фрегат «Бруна» («La Brune» — Е. Т.) и все другие суда республики французской, сданы быть имеют во всей целости по описи определенным от российской и турецкой эскадр комиссарам; гар-

¹ ЦГАВМФ, ф. 119. Канцелярия адм. Ф. Ф. Ушакова по командованию эскадрой в Средиземном море, д. 6927, л. 89 об. Копия.

**Схема главных передвижений эскадры адмирала Ушакова
в войну с Францией 1798—1800 годов**

низон французский через один день от подписания капитуляции при военных почестях выйдет из всех крепостей и ворот, которые он ныне занимает, и, будучи поставлен в строй, положит оружие и знамена свои, исключая генералов и всех офицеров и прочих чиновников, которые останутся при своем оружии.

После сего оный гарнизон с собственным его экипажем перевезен будет в Тулон на судах наймом и содержанием российской и турецкой эскадр под прикрытием военных судов, и дивизионному генералу Шабо со всем его штатом, разными чиновниками позволено отправиться в Тулон, или в Анкону, из оных мест, куда он пожелает коштом договаривающихся держав; генералитет и весь французский гарнизон обязывается честным словом в течение 18 месяцев отнюдь не принять оружие против Империи всероссийской и Порты Оттоманской и их союзников.

Французы, попавшиеся в плен во время осады Корфу, на тех же правах отправлены будут вместе с французским гарнизоном в Тулон с обязательством на честное слово не принимать оружие противу помянутых империй и союзников их во все течение настоящей войны, пока размена их с обоими империями российскою и турецкою учинена не будет. Больные ж, остающи-

еся здесь из французского гарнизона по невозможности следовать за оным, будут содержаны наравне с больными российскими и турецкими на коште договаривающихся держав, а по излечении отправлены будут в Тулон...»

«Февраля 22 числа по возвещении утренней зоры сигналом велено обоим эскадрам сняться с якоря и идти между крепостями Корфу и острова Видо, куда подошли и стали линиею по всему рейду на якоря, окружая все крепости оною, и легли на шпринг противу оных крепостей для предосторожности...

Пополудни того же числа французский гарнизон, выходя из крепости в надлежащем устройстве, положил пред фронт наших войск свои ружья и знамя сходно с капитуляцией). Войска наши, приняв оные и всю амуницию, немедленно заняли все укрепленные места нашим караулом, в сие же время французские флаги с крепостей спущены и подняты на оных наши; то ж на корабле «Леандре», фрегате «Бруна» и прочих судах флаги союзных держав, и со оных крепостей салютовано адмиральскому флагу из 7 пушек, которым ответствовано равным числом; в то ж время главнокомандующему привезены на корабле «Св. Павел» французские флаги с крепостей и с судов, знамя гарнизона, то ж и ключи

от всех крепостей, ворот и от магазинов, которой обще с генералитетом и протчими командующими отправились в Корфу в церковь св. чудотворца Спиридона для принесения Господу Богу благодарственного молебствия. По сходе на берег встречены были множеством народа и первейшими жителями обще с духовенством с величайшей почестью и восклицаниями, возглашая благодарность всемилостивейшему государю императору Павлу Петровичу за избавление их от ига неприятельского, производя непрерывный колокольный звон и ружейную пальбу во всех домах, из окон вывешены были шелковые материи и флаги первого адмирала, которые также многие из жителей, держа в руках, теснились, желая видеть своих избавителей, а по выслушании благодарственного молебствия главнокомандующие эскадрами и протчими возвратились на корабли.

В крепостях острова Корфу при приеме по осмотру определенных оказалось мортир медных разных калибров 92, чугунных 9-пудовых каменнострельных 13, голубиц (гаубиц — Е. Т.) медных 21, пушек медных разных калибров 323, чугунных разного калибра 187, ружей годных 5 495, бомб разного калибра чиненных 545, нечиненных 36 849, гранат чиненных 2 116, нечиненных 209, древаглов 1 482, ядер чугуновых разных калибров 137 тысяч, кнепелей (sic! — Е. Т.) 12 708, дул свинцовых ружейных 132 тысячи, пороху разных сортов 3 060 пудов, пшеницы немолотой в разных магазинах до 2500 четвертей и... морского и сухопутного провианта по числу французского гарнизона месяца на полтора, также оказалось во многих магазинах по разным должностям припасов и материалов немалое количество. Судов при Корфу находящихся: корабль 54-пушечной, обшитый медью «Леандр», фрегат 32-пушечной «Бруна», поляка «Экспедицией» о 8 пушках медных, одно бомбардирское судно, галер 2, полугалер годных 4, негодных 3, бригантин негодных 4 и 3 купеческих судна, и оные купеческие судна надлежит казне или хозяевам; велено комиссии об них сделать рассмотрение; в порте Гуви один 66-пушечный корабль ветхой, также один корабль, 2 фрегата ветхие, затопшие; при крепости же Корфу и в порте Гуви нашлось немалое количество дубовых и сосновых лесов, годных ко исправлению кораблей и в перемену рангоута...»

«Февраля 23 числа послано на корабль «Леандр» пристойное число жителей для его исправления, а на фрегат «Бруна» посланы служители с турецкой эскадры, которой по согласию главнокомандующих соединенными эскадрами взят турками, а корабль «Леандр» достался российской эскадре»¹.

Текст капитуляции кончается так: «На российском адмиральском корабле „Св. Павел“, февраля 20 дня 1799 года, вантоза 13 дня 7 года республики французской, подписали: Грувель, Дюфур, Карез, Брит, Кадыр-бей, вице-адмирал Ушаков. Вышеписанная капитуляция ратифицирована и принята именем французского правления нижеподписавшимися: Генеральный комиссар Исполнительной Директории французской республики Дюбуа и дивизионный генерал Шабо. Печати приложены: Кадыр-бей, вице-адмирала Ушакова, Дюбуа и Шабо»².

Итак, произошла сдача на капитуляцию сильнейшей по тому времени крепости с большим и храбрым гарнизоном, со значительными запасами вооружения и провианта. В общем французов сдалось на Корфу 2931 человек, во главе с генеральным комиссаром Французской республики и тремя генералами. Из указанного числа сдавшихся пехоты было 2030 человек, артиллеристов 387, моряков 379, инженерного корпуса 56, гражданских чиновников 52.

Документальные данные о сдаче Корфу следует дополнить рассказом летописца и участника экспедиции Метаксы.

Торжественное шествие Ушакова по улицам города было встречено неопишмым энтузиазмом населения, богато украсившего свои дома.

«Радость греков была неописанна и неприятна. Русские зашли как будто в свою родину. Все казались братьями, многие дети, влекомые матерями навстречу войск наших, целовали руки наших солдат, как бы отцовские. Сии, не зная греческого языка, довольствовались кланяться на все стороны и повторяли: „Здравствуйте, православные!“, на что греки отвечали громкими „ура“»³.

Русские захватили 54-пушечный корабль «Leander» и фрегат «La Brune» (называвшийся в наших источниках «Бруна», «Брюно», «Ла Брюнь») и, сверх того, несколько мелких судов. Трофеи, найденные в крепости, как мы видели, были очень значительны.

¹ ЦГАВМФ, ф. Сборный, д. 1064, л. 36—41.

² ЦГАВМФ, ф. 119. Канцелярия адм. Ф. Ф. Ушакова по командованию в Средиземном море, д. 15, л. 36—38. Копия. Капитуляция крепости Корфу 20 февраля 1799 г.

³ Е. Метакса. Цит. соч., стр. 220.

⁴ «Leander» был английским кораблем; в составе эскадры Нельсон участвовал в Абукирском сражении и после него был отправлен с донесениями о победе и трофеями в Англию, но в пути захвачен французами. Павел I велел вернуть его англичанам, которые все же заплатили за него 8 тысяч фунтов стерлингов. Фрегат «La Brune» был отдан туркам.

Взятие Корфу завершало полную победу Ушакова — овладение русскими всей группой Ионических островов. В Европе не могли прийти в себя от удивления: флот взял сильнейшую крепость!

Едва ли не лучшей оценкой действий Ушакова и его моряков были облетевшие весь флот слова поздравления, посланного Суворовым Ушакову:

«Великий Петр наш жив. Что он, по разбитии в 1714 году шведского флота при Аландских островах, произнес, а именно: природа произвела Россию только одну: она соперницы не имеет, то и теперь мы видим. Ура! Русскому флоту!.. Я теперь говорю самому себе: за чем не был я при Корфу, хотя мичманом!»

Организация Ушаковым самоуправления Ионических островов

Пленные французские генералы, стойко выдержавшие осаду и конечный штурм, — Шабо, Дюбуа, Ливрон и Верьер — прибыли к Ушакову на корабль.

«Французские генералы, выхваляя благоразумные распоряжения адмирала и храбрость русских войск, признавались, что никогда не воображали себе, чтобы мы с одними кораблями могли приступить к страшным батареям Корфы и острова Видо, что таковая смелость едва ли была когда-нибудь видана... Они еще были более поражены великодушием и человеколюбием русских воинов, что им одним обязаны сотни французов сохранением своей жизни, исторгнутой силой от рук мусульман»¹.

Дополним этот рассказ о свидании французов с Ушаковым показанием, идущим от французского пленника:

«Русский адмирал принял нас в кают-компани (на корабле “Св. Павел”). Он оказал очень ласковый прием всем нашим начальникам... После обычных приветствий вице-адмирал Ушаков велел подать нам кофе... Ушакову около пятидесяти лет. Он кажется суровым и сдержанным. Он говорит только по-русски...», — пишет капитан Беллэр, который был очень тронут воинскими почестями, оказанными с русской стороны убитому французскому офицеру Тиссо, и вообще любезным отношением к французам со стороны победителей. Беллэр дает в своих записках несколько наблюдений над русскими и их эскадрой: «Адмиральский корабль “Св. Павел” хорошо построен и вооружен бронзовыми пушками так же, как и прочие суда... Это судно содержится очень чисто и в хорошем порядке». Русская морская артиллерия очень хороша. «Лучший порох на свете — это русский... Мы имели случай убедиться в превосходстве этого пороха над всеми известными сортами во время осады Корфу, когда русские бросали на значительное расстояние бомбы в 25 килограммов веса». «Русская пехота одна из лучших в Европе», русский солдат «не боится смерти». Он скорее даст себя убить, чем сдастся. Но он «не способен что-либо сделать без специального приказа своего офицера»².

Это было напечатано в Париже в 1805 г. Через семь лет русские солдаты (и партизаны) доказали Беллэру, что он несколько поспешил со своими выводами.

Горячую симпатию греческого народа к русским отмечает и другой французский наблюдатель, храбрый офицер анконского гарнизона Мангури. Он подчеркивает, что в данном случае действовали и недавние исторические воспоминания о Чесме, «об Орлове, о бессмертной Екатерине». И он тоже говорил о корректном и культурном поведении русских офицеров, о дисциплинированности и хорошем поведении (*la tenue*) их солдат. Очевидно, уж не зная, как лучше похвалить русских за их поведение, Мангури великодушно сулит им в будущем самую высокую честь и самую сладостную награду: «Русские офицеры большей частью подражали нашим манерам и гордились знанием нашего языка. Они могли бы со временем, пожалуй, назваться французами Балтийского моря и Архипелага»³. Это так неподражаемо забавно, что невольно вспоминается классический разговор француза капитана Рамбала с Пьером Безуховым, которого Рамбаль хочет в награду за спасение своей жизни непременно произвести во французы.

Всюду, где французы встречались с отрядами из эскадры Ушакова, они настойчиво подчеркивали варварское поведение турок и благородство русских. «Московский флаг на ко-

¹ Е. Меракса. Цит. соч., стр. 222.

² Bellaire. Précis des opérations générales de la division fran&3231aise du Levant. P, an XIII (1805), p. 353—355.

³ Mangourit A. B. Défense d'Ancone, т. I. P, an X (1802).

Вид Неаполя с моря

рабле начальника напоминал о враге, которого должно опасаться, но который знает законы войны. Не то было с флагом оттоманским», — говорит Мангури, вспоминая о позднейшем событии, о котором у нас будет речь дальше, о прибытии флотилии Войновича к Анконе¹.

Награды, ордена, богатые дары, лестные грамоты посыпались на Ушакова, но не столько от Павла, сколько от султана Селима III. Депутации от населения не только о. Корфу, но и от ранее освобожденных Ушаковым островов Цериго, Занте, Св. Мавры и Кефалония, одна за другой выражали свою горячую благодарность и восторженные поздравления. Они подчеркивали, что русский адмирал даровал им самоуправление, свободу, водворил спокойствие и тишину, «утвердил между всеми сословиями дружбу и согласие». Это был явный намек на то, что Ушаков не позволил обижать и притеснять решительно никого из лиц, подозреваемых в «якобинстве» и в приверженности

к французам. Ушаков разработал основы временной «конституции». Он создал на островах орган, избранный не только от дворян, купцов и вообще зажиточного населения (по-видимому, владельцев домов, виноградников, усадеб), но и от крестьян. В качестве верховного органа намечался «Сенат семи соединенных островов» из делегатов от органов самоуправления, собирающийся на о. Корфу и решающий дела, затрагивающие общие интересы островов. Этим органам самоуправления поручалась организация администрации и суда. У нас нет точных данных о том, как именно в это время происходили выборы, как функционировали органы самоуправления, каковы фактически были действия сената на Корфу и т. п. Да и слишком короток был срок существования этого самоуправления². Однако очень показательным, что население Ионических островов смотрело с величайшей радостью на то упорядоченное, безопасное, спокойное существование, которое да-

¹ Mangourit A. B. Défense d'Ancone, т. I. P., an X (1802), стр. 126.

² В 1807 г., согласно условиям Тильзитского мира, острова, к величайшему прискорбию их населения, попали снова в руки французов.

ли им и поддерживали у них в течение всего своего пребывания Ушаков и его моряки. Когда летом 1800 года Ушаков окончательно покидал Средиземное море, сенат Ионических островов, снова и снова благодаря Ушакову за «столькие благодеяния», объявил торжественно, что народ Ионических островов «единогласно возглашает Ушакова отцом своим».

Подобные же горячие приветствия и изъявления бесконечной благодарности получены были русским адмиралом от каждого из освобожденных им островов. Население о. Корфу поднесло Ушакову великолепно украшенный алмазами меч, остров Занте — серебряный щит и золотой меч, остров Кефалония — золотую медаль, на которой были выбиты портрет адмирала и надпись «За спасение Ионического острова Кефалонии» и т. д.

Обозленный тем, что Ушаков совершенно отстранил его и ждавшие удобного случая грабежа его войска от участия в дележе добычи, Али-паша поспешил, предупредив официальное донесение русского адмирала Томаре, известить турецкое правительство в Константинополе о своей горькой обиде: он со своими героями взял обе крепости Видо и Сан-Сальватор на о. Корфу, а его не подпустили к городу и к добыче, и русский адмирал все забрал себе! Все эти дрязги и жалобы разочарованного в своих упованиях янинского бандита очень раздражали Ушакова, неоднократно вынужденного разъяснять Томаре истинную историю взятия Корфу и всю неосновательность и наглость претензий Али-паши. В конце концов Ушаков даже написал опровержение всех этих жалоб Али-паши уже непосредственно верховному визирю Оттоманской Порты Юсуф-Зыю-паше.

«Войска его (Али-паши), в весьма малом количестве здесь находившиеся, не только брать остров Видо, но и помогать нам отказались и с нами не пошли», — писал между прочим Ушаков¹.

В сущности Ушаков создал впредь до окончательного решения союзных правительств почти совсем самостоятельную республику под временным протекторатом России и Турции. Фактически никаких вмешательств русской военной власти во внутренние дела Ионических островов не было.

Очень характерно, что данное Ушаковым государственное устройство показалось кое-кому из заправил среди населения Ионических островов слишком уж «демократическим» и либе-

ральным. Когда он отправился из Корфу в Сицилию, какие-то самозванные делегаты с о. Корфу съездили в Константинополь и «упросили министерство Порты и русского посланника Томару изменить конституцию и одному дворянству предоставить всю власть», тогда как Ушаков устроил «Сенат островов» именно так, что «Сенат и все присутствия составлены были из депутатов той и другой стороны поровну» с целью «примирения двух партий на островах, сильно враждовавших: дворян и поселян»². Конечно, дворянам удалось у посланника Павла I и у султана Селима III добиться всего, чего они хотели: ушаковская конституция была «исправлена». В 1800 году Ушаков короткое время побывал на о. Корфу и энергично отстаивал дело справедливости, «предвидя пагубные последствия и междоусобную войну» от этих дворянских происков. Но затем он уже навсегда покинул острова. Ушаков имел тогда случай убедиться, что дворян поддерживают тайно и англичане и австрийцы. В особенности Австрия была недовольна «нравственным влиянием на островах этих», которое внес Ушаков своими славными победами и своим слишком, на австрийский взгляд, демократическим законодательством.

Тут будет кстати упомянуть об одном эпизоде, относящемся к весне 1799 года.

У Ф. Ф. Ушакова имелось повеление царя «избрать из находящихся под его (Ушакова — Е. Т.) командой штаб-офицера и отправить на Черную гору к тамошнему митрополиту для изъявления ему и всему народу черногорскому о мирном его императорского величества к ним расположении и благоволении». Ушаков командировал с этим поручением в Черногорию капитан-лейтенанта Клопакиса 2 марта 1799 года³. Клопакис это поручение выполнил, причем по пути испытал немало затруднений со стороны австрийских властей. Оказалось, не к весьма, конечно, приятному «удивлению» Клопакиса, что австрийцам давным-давно было известно о его путешествии. На Черную гору его не пустили (под предлогом карантина, вследствие «заразы», якобы там свирепствующей), но все-таки дали знать митрополиту. Он приехал и виделся с русским капитан-лейтенантом в монастыре, назначенном «политичным образом» для этого свидания. «Вообще же, — пишет Клопакис о командовавшем в Рагузе командире, — генерал принял меня ласково, ни дать, ни взять как русская пословица говорит:

¹ ЦГАВМФ, ф. Сборный, д. 97, л. 56 об., № 80. Копия без подписи. Письмо вице-адмирала Ф. Ф. Ушакова верховному визирю Юсуф-Зыю-паше, 27 марта 1799 года, при Корфу.

² Р. Скаловский. Цит. соч., стр. 340—341.

³ ЦГАВМФ, ф. 119. Канцелярия адм. Ф. Ф. Ушакова по командованию эскадрой в Средиземном море, д. 6927, л. 116 об. Копия. Ордер Ф. Ф. Ушакова капитан-лейтенанту Клопакису о передаче черногорскому митрополиту мирного расположения русского императора ко всему черногорскому народу, 2 марта 1799 года.

мягко стлать, а жестко спать». При свидании Клопакиса с митрополитом были соглядатаи, которые «политично (его — Е. Т.) караулили», но был момент, когда удалось побыть с глазу на глаз¹. Впрочем, никакой миссии, кроме указанного довольно невинного поручения, Клопакис и не имел к черногорскому владыке. Но тут характерна подозрительность австрийских властей ко всякой попытке сношений России с балканским славянством.

Высоко вознес Ушаков честь русского знамени в этом краю. Слава его военных успехов и лестные, даже часто восторженные слухи о его великодушии разносились среди греческого и славянского населения южнобалканских и островных владений Турции.

Конечно, трудно было бы ожидать, чтобы с момента освобождения русскими Ионических островов там воцарилась безмятежная идиллия, и, вероятно, случаев нарушения добрых отношений между эскадрой и населением островов, а особенно дразг и несогласий между отдельными классами населения, было достаточно. Но документов об этих случаях почти вовсе не сохранилось. Есть очень скудные свидетельства о жалобах и кляузах личного характера, восходивших до Ушакова. Однако есть единичные указания и на нечто, гораздо более серьезное. Например, мы нашли коротенькое и очень грозное (вовсе не в его обычном стиле) письмо Ушакова «Правлению» острова Кефалония в ответ на какую-то не дошедшую до нас жалобу жителей острова на свое выборное правление: «Если просьба сия справедлива, что вы и товарищи ваши ослушны исполнять наши повеления, знайте, что я по получении от вас ответа, если вы не оправдаетесь в вашей ослушности, тот же час пошлю в Кефалонию эскадру или сам с эскадрой буду, и всех ослушающихся нашему повелению без изъятия и первейшие от вас особы арестовав, пошлю в Константинополь пленными или еще гораздо далече, откуда и ворон костей ваших не занесет. Мы одолели крепкую крепость Корфу, а Кефалония против войск наших не может стоять долго... Довольно уж вашей ослушности, когда повеление наше по сие время не исполнено, и приказывалось вам всех тех, которые противятся нашим повелениям, от должности отрешить или арестовать и прислать ко мне»².

В чем было дело — неясно ни из этого документа, ни из двух других, сюда относящихся. Ясно одно: на о. Кефалония возникло движение,

направленное против состава правления и апеллировавшее к Ушакову. Ясно и то, что враждующие группы старались очернить друг друга в глазах Ушакова и обвинить в крамольных замыслах против русской эскадры и ее начальника. Но Ушаков разобрался, очевидно, в неосновательности подобного рода обвинений. Никого он не арестовал на Кефалонии и никого не высылал туда, где «ворон» и «костей» сосланных не соберет. А волнения народа, направленные по-прежнему против правления, продолжались, и еще 20 апреля 1799 года Ушаков писал на беспокойный остров: «Известно мне, что правление в острове Кефалонии и по сие время еще не учреждено. Народ негодует на депутации и просит скорейшего учреждения, а между тем чернь дошла до дерзости и ослушания, собираются во множестве людей и почти бунт заводят». Ушаков убеждает «соблюдать тишину и порядок и ожидать окончательного решения терпеливо». А «окончательное решение» Ушаков обещает вскоре: «Послали мы повеление во все острова прислать в Корфу к соединенным эскадрам депутатов для составления правления наилучшим образом, как должно быть в республике. Мы начали уже учреждение сие приводить в порядки. Ожидаем только скорейшей присылки депутатов и вместе со всеми ими тотчас оное правление и весь порядок установим единообразно на всех островах, каковое учреждение и на остров Кефалонию немедленно прислано будет; я всевозможно стараться буду скорее оное установить. Желаю от всей искренности моей доставить всем островам совершенное спокойствие и предписываю всем обывателям острова Кефалонии восстановить между собой приятство и дружелюбие». Ушаков тут же извещает беспокойных кефалонийцев об успехах союзников в Италии и о ложности слухов, «передаваемых от французов»³. А временно, до выработки общего положения, он приказывает выбрать баллотировкой, или, как он выражается, «балантирацией», новое правление «из первейших особ из дворянства и прочих граждан и обывателей»⁴. Больше о волнениях на острове Кефалония в документах, которыми мы располагаем, нет упоминаний.

Другой случай если не волнений (их и в Кефалонии в точном смысле не было), то брожения умов был на о. Занте. 24 марта 1799 года Ушакову была представлена петиция за подписью 259 жи-

¹ ЦГАВМФ, ф. 119. Канцелярия адм. Ф. Ф. Ушакова по командованию эскадрой в Средиземном море, д. 5921, л. 97—99. Копия. Рапорт капитан-лейтенанта Клопакиса Ф. Ф. Ушакову о его свидании с митрополитом в Будуваре 17 марта 1799 года.

² Там же, д. 6927, л. 96 об. Копия. Письмо Ф. Ф. Ушакова правлению острова Кефалония 23 февраля 1799 года.

³ Там же, л. 215—217. Копия.

⁴ Предложение Ф. Ф. Ушакова депутации острова Кефалония 20 апреля 1799 года.

телей города Занте. После восторженных поздравлений адмирала с победой на о. Корфу и с окончательным освобождением Ионических островов петиционеры просили расширения права выбирать судей не только «от одного первой степени сословия», то есть не только из «бывших дворян», которых на острове всего триста семейств, но также из «лекарей, стряпчих, законоисполнителей» (*sic!*—*E. T.*), нотариусов, купцов, а также промышленников, заводчиков, мастеровых, художников», а всех этих людей считается несколько тысяч в городе Занте. Речь идет о распространении избирательных прав на купцов и разночинцев. И необычайно характерно, что, поскольку можно понять из безобразнейшего, безграмотного, местами лишенного грамматического смысла перевода на русский язык этой греческой бумаги (подлинника в делах нет), петиционеры настаивают, чтобы Ушаков вернул новым предписанием те права населению, которые он дал острову, как только прибыл, и которые узурпировали с тех пор дворяне: «преимуществом, дарованным вам Богом, поставляли и поучали вы нас в первый день вашего прибытия на остров Занте, тот же дух да благоволите превратить настоящее правление в островах именным вашим подписанием»¹.

Резолюция Ушакова неизвестна. Но, судя по другому документу, имеющемуся в делах, брожение в городе Занте продолжалось еще некоторое время, и в начале мая ходили «слухи по городу неприятные», а именно, что если выбирать депутатов (в сенат всех островов, созываемый в Корфу) будут дворяне, «то хотят броситься на дворянские дома, зажечь и разграбить». Мутят (по словам донесения) и тайные приверженцы французов, «которые от вас (Ушакова — *E. T.*) прощены милосердно»². Но и в городе Занте в конце концов все обошлось без взрыва. А обнаруженная вскоре ушаковская «конституция» произвела успокаивающее действие.

12 апреля 1799 года Ушаков предложил избрать делегатов от всех Ионических островов и прислать их в город Корфу. Здесь эти делегаты вместе с делегатами от Корфу и составили ядро «сената», который и начал выработку проекта государственного устройства островов под русским и (фиктивным) турецким объединенным владычеством.

К концу мая 1799 года был уже готов и утвержден Ушаковым «План об учреждении правления на освобожденных от французов бывших Венецианских островах и об установлении в оных порядка».

«План» отдавал высшую административную власть в руки выборного сената, собирающегося в Корфу и состоящего из делегатов от островов, причем эти делегаты выбираются как от дворян, так и от жителей, имеющих определенный годовой доход (фиксированный особо для каждого острова). Сенат имеет верховный надзор как за судом, так и за органами местного самоуправления (так называемыми «малыми советами», или «конклавами»). Самоуправлению дана большая компетенция, обеспечивающая фактическую власть за дворянством и зажиточным торгово-ремесленным классом. Конечно, верховные права сюзерена и покровителя, то есть фактически представителя России, остаются не ограниченными ни сенатом, ни местными учреждениями. Но вместе с тем, нигде не говорится о том, в чем именно заключается вмешательство верховной власти в обычное течение дел в суде и администрации³.

Когда в середине июня 1799 года в Константинополь и Петербург отправлялись делегации, избранные населением Ионических островов и имевшие целью испросить конфирмацию нового государственного устройства Ионических («Эгейских») островов,— то тяготение к России продолжало оставаться очень сильным, и именно в простолудинах, в «нижнем народе», хотя Ушаков уже категорически заявил о нежелании Павла принять острова в русское государственное подданство: «...особо все вообще искать будут вашей протекции, они и все общество всех островов одно только счастье почитают, ежели не лишатся протекции России, а нижний весь народ слышать не хотят иного ничего, как только желают быть в совершенном подданстве России. Не безызвестно мне, что этого быть не может и что государь император не пожелает и не предпримет, дабы Порты не почувствовала, а пожелает всегда сохранить дружбу, но народ здешних островов и по сие время в уповании о том же...» Силу этих стремлений Ушаков, вообще чуждый преувеличений в слог, выражает так: «Как видно, дойдут до всякого бешенства, теперь они только дышат той надеждой, что протекции России не лишатся, это только мнение оживляет их надежду, впрочем все депутаты надежду имеют на вашу только протекцию и покровительство, и искать будут оных и во всем будут вам послушны, так как и мне, неограниченно».

¹ ЦГАВМФ, ф. 119. Канцелярия адм. Ф. Ф. Ушакова, д. 6920, л. 66—67. Копия письма 259 жителей города Занте Ф. Ф. Ушакову 24 марта 1799 г., о. Занте.

² Там же, д. 6921, л. 107—108. Копия. Рапорт капитан-лейтенанта Телесницкого Ф. Ф. Ушакову 4 мая 1799 года.

³ ЦГАДА, ф. Госархив, XX разр., д. 379. Приложение к донесению Ушакова Павлу I от 21 мая 1799 года.

План города Неаполя

Так писал 14 июня 1799 года Ушаков В. С. Томаре в Константинополь об отправляющихся в Петербург депутатах¹.

Итак, вслед за полным овладением Ионическим архипелагом воспоследовало дарование населению своего рода «хартии» самоуправления, которая при всей своей неясности, половинчатости, при всем дворянско-цензитарном характере постановлений о выборах (очень притом путано сформулированных) казалась тогда на востоке Средиземного моря весьма либеральной. Таковой ее, по крайней мере, находили австрийцы.

На островах при русских обеспечивались благосостояние населения и права личности больше, чем при турках или французских оккупантах.

Слава Ушакова гремела во всей Европе.

Но среди триумфов адмирал Ушаков не переставал помнить, что его миссия еще далеко не кончена и что большая тягота предстоит в ближайшем будущем. Он мог предвидеть, что начинается новая страница его средиземноморской эпопеи и что опять ему придется считаться не только с неприятелем, но и с «союзниками»,

происки и тайные интриги которых представят большую трудность, чем борьба с примитивными восточными хитростями умного и удачливого хищника и счастливого военного предводителя Али-паши Янинского или противодействие обманным махинациям повелителя правоверных Селима III, да «сюрпризам» со стороны турецких адмиралов вроде Фетих-бея, отказавшегося идти в погоню за бежавшим неприятельским кораблем на том основании, что команда может «рассердиться», если ей предложить выйти в море.

Раздражало и беспокоило Ушакова также очень плохое снабжение его эскадры продовольствием и всем необходимым.

Снабжение эскадры Ушакова зависело от двух ведомств снабжения: русского и турецкого. Можно себе без труда представить, как худо кормили ушаковских моряков турки. Но и из России все запаздывало.

Вот что писал, например, Ушаков «верховному визирю Юсуф-Зыю-паше» 30 марта (10 апреля) 1799 года:

¹ ЦГАДА, ф. Госархив, XX разр., д. 379. Письмо Ф. Ф. Ушакова В. С. Томаре, 14 июня 1799 года. Корабль «Св. Павел».

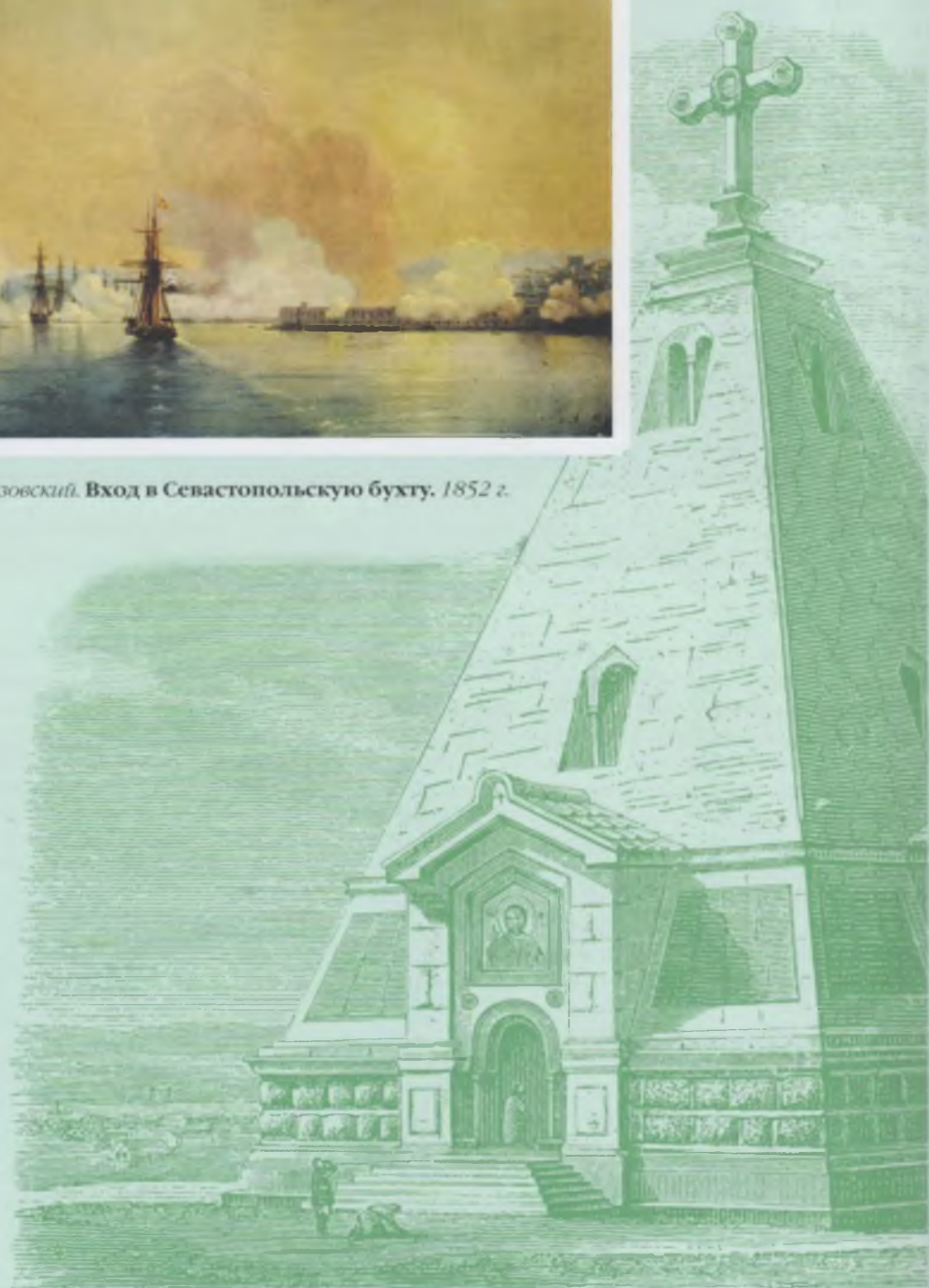

Вид на Севастополь.
Из альбома «Восточная война», 1856 г.

И. К. Айвазовский. Вход в Севастопольскую бухту. 1852 г.

«Непременным долгом поставляю донести вашей светлости, что для продовольствия служителей вверенной мне эскадры морской провиант из Константинополя и из Морей привозят на судах совсем негодный; сухари из нечистого разного хлеба, смешанного с мякиной и кострикой, весьма худы и притом много гнилых; вместо гороха, бобы совсем негодные, и доставляют не суп, а одну черную воду, почему служители есть их не могут; вместо гречневых и ячневых круп, худой нечистый булгур, смешанный с ячменем и овсом, и в которых множество целых зерен ячменных и овсяных, так что сколько его ни разваривают, зерна сии и мякину проглотить весьма трудно; вино красное привозят сборное из разных мест Морей, малыми количествами, огорклое, с гарпиусом, окислое и к употреблению негодное; мяса соленого в привозе к нам и по сие время еще нет; малыми количествами и весьма дорогой ценой покупаю я его здесь, но и денег на покупку теперь у меня в наличии не имеется. От худой провизии служители, мне вверенные, начали во многом числе заболеть и умирать, и старший доктор с медицинскими чинами, освидетельствовавший нашу провизию, нашли, что люди больными делаются единственно от нее и представляют, чтобы такую худую провизию в пишу людям не производить. Посему всепокорнейше прошу вашу светлость повелеть как наискорее к нам провизию доставить лучшего качества, а худую повелеть выбросить в море или сложить куда-нибудь в магазины»¹.

Но визирь сам воровал гораздо больше всех тех, на кого Ушаков мог приносить непосредственную жалобу. У кого же просить помощи? Ушаков и к русским властям обращался, но толку также не получалось. Отпускаемые казной деньги застревали по дороге.

Организация снабжения была поставлена и в русском, и в турецком адмиралтействах из рук вон плохо. Одни суда с провиантом, отправленные из Константинополя, «в зимнее время разбились», другие пришли с опозданием на четыре месяца.

Таким образом, поддержки «тыла» Ушаков в эту многотрудную весну 1799 года почти никакой не имел, и это его угнетало и раздражало. «Из всей древней истории не знаю и не нахожу я примеров,— писал Ушаков 31 марта (11 апреля) 1799 года русскому посланнику в Константинополе Томаре,— чтобы когда какой флот мог находиться в отдаленности без всяких снабже-

ний, и в такой крайности, в какой мы теперь находимся. Мы не желаем никакого награждения, лишь бы только по крайней мере довольствовались нас провиантом, порциями и жалованьем, как следует, и служители наши, столь верно и ревностно служащие, не были бы больны и не умирали с голоду, и чтобы притом корабли наши было чем исправить и мы не могли бы иметь уныния от напрасной стоянки и невозможности действовать»².

Кстати заметим, что и с наградами не очень расщедрились при дворе Павла Петровича. Павел наградил Ушакова бриллиантовыми знаками к имевшемуся у него ордену Александра Невского. Кроме того, за взятие Корфу Ушакова произвели в адмиралы. Прав был адмирал, когда писал впоследствии 14(25) августа 1799 года русскому посланнику в Константинополе Томаре: «За все мои старания и столь многие неуспешные труды из Петербурга не замечаю соответствия. Вижу, что, конечно, я кем-нибудь или какими-нибудь облыжностями расстроен; но могу чистосердечно уверить, что другой на моем месте, может быть, и третьей части не исполнил того, что я делаю. Душой и всем моим состоянием предан службе, и ни о чем более не думаю, как об одной пользе государевой. Зависть, быть может, против меня действует за Корфу; я и слова благоприятного никакого не получил»³. Впрочем, сам Томара был невиновен в интригах против Ушакова. Вскоре после того как Томара узнал о взятии Корфу, он писал Павлу, что «многие из министров турецких в последнее время открыто говорили, что крепость без надлежащей осады и обыкновенно употребляемых при атаке средств взята быть не может»⁴.

Вчитываясь в письма Ушакова с о. Корфу, мы чувствуем, что, кроме безобразно организованного снабжения его эскадры, кроме вечной лжи со стороны турок и продажного турецкого правительства, кроме предательских козней Алипаши, адмирала раздражало еще нечто, о чем он почти вовсе не упоминает, если не считать редких, как бы невольно прорывающихся слов. Ушакова заливали лестью, восторженными приветствиями, осыпали восточными дифирамбами за взятие Корфу, завершившее так блестяще всю Ионическую эпопею русского флота, ему рукоплескали в Константинополе, его венчали лаврами освобожденные им греческие островитяне, но «иглы тайные сурово язвили славное чело...»

Раздражали и беспокоили Ушакова вежливые, но настойчивые требования Нельсона, давно

¹ Р. Скаловский. Цит. соч., стр. 433—434.

² Там же, стр. 435.

³ Там же, стр. 349.

⁴ Там же, стр. 350.

уже звавшего его прочь от Ионических островов, ждавшего его там, где у России не было никаких интересов, но где англичанам нужна была русская помощь.

31 декабря 1798 года (11 января 1799 года) русский посол Томара послал из Константинополя Ушакову важное извещение: к союзному договору России с Турцией примкнула Великобритания.

«Приятным долгом поставляю сообщить вашему превосходительству копию союзного оборонительного трактата высочайшего договора с Портой Оттоманской и секретных артикулов, на которых государственные ратификации 27 декабря разменены были мной у Порты с верховным визирем. Английский оборонительный трактат, в виде приступления к нашему, был подписан 25, сего же течения, с уполномоченными Порты, коммодором Сидней Смитом и братом его, резидующим здесь министром английским, уполномоченным к тому от его величества короля Великобританского. Коммодор Сидней Смит командует в водах Порты морскими силами своей нации. Он прибыл сюда на 80-пушечном корабле “Тигре”, на котором вскоре отправляется в Александрию, и объявлял мне желание учредить с эскадрой вашего превосходительства сообщение морем и план свой о том перед отъездом отсюда поручить мне имеет для доставления вам»¹.

Но вместе с тем, вдогонку за этим извещением о союзе с Великобританией посланник Томара посылает Ушакову и другое письмо (в тот же день), очевидно, убедившись из разговора с Сиднеем Смитом, что тот теперь поспешит потребовать от русского союзника действий очень трудных, очень опасных и абсолютно ненужных России, а нужных только Англии. Он решительно советует Ушакову не поддаваться советам Сиднея Смита и Нельсона и, «в удовлетворение требования лорда Нельсона отправя к Анконе по расчислению вашему (Ушакова — Е. Т.) довольно сильный отряд, самого вам главного пункта предприятий ваших, покорения крепости в острове Корфу, из виду терять не следует». Это Ушаков и без советов Томары знал. Разница между ними была лишь та, что Томара считал возможным в самый критический момент осады Корфу отделить «довольно сильный отряд» в Италию, а Ушаков твердо решил, что пока он не овладел Корфу, ничего и куда он отделять от своих сил не станет, сколько бы и с какой бы настойчивостью английский адмирал этого ни требовал.

¹ ЦГАДА, ф. Госархив, XX разр., д. 379, л. 190. Копия. Отношение В. С. Томары Ф. Ф. Ушакову, 31 декабря 1798 года.

Действия эскадры Ушакова у берегов Италии

Ушаков и Нельсон

астала теперь пора коснуться вопроса об отношениях Ушакова с Нельсоном. Эта тема является вполне естественным и необходимым заключением первой части эпопеи ушаковского флота в Средиземном море и как бы прямым предисловием ко второй части: от действий русской эскадры на Ионических островах — к действиям у южноитальянских берегов, в Калабрии, Апулии, Неаполе, Риме.

Непохож был великий русский флотоводец Ушаков на английского адмирала Нельсона. Ушаков, идя абсолютным самостоятельным путем, явился творцом новой наступательной тактики. Он не только поломал все догмы застывшей линейной тактики, господствовавшей в западноевропейских флотах того времени, но разработал и практически осу-

ществил новые маневренные формы боя. Нельсон же, особенно сначала, был счастливым последователем и продолжателем своего соотечественника Клерка, талантливым реализатором его идей. Ушаков проявил себя как блестящий новатор морского боя и одержал замечательные морские победы, еще не имея никакого понятия о Нельсоне, задолго до того, как Нельсон получил сколько-нибудь самостоятельное положение в британском флоте, что случилось лишь в 1797 году, когда он отличился в сражении близ мыса Св. Винцента.

Западноевропейская историография отчасти по неведению, отчасти умышленно замалчивала Ушакова. В то же время она обстоятельно изучала и превозносила Нельсона. Да и у нас в России потомство долго было к Ушакову так же неблагодарно и несправедливо, как Александр I и тогдашние вельможи из русского морского ведомства.

В силу всего этого посмертная слава Нельсона оказалась быстро утвердившейся, в то время как заслуги Ушакова не были достаточно оценены и высокий талант его не получил вплоть до нашего времени справедливого и своевременного признания.

Но главное и основное несходство между двумя флотоводцами было в свойствах морального порядка. «Дурной памятник дурному человеку», — так выразился о колонне Нельсона на Трафальгарской площади в Лондоне Герцен, любивший и уважавший Англию и английский народный характер и ставивший английскую честность в частной жизни, английское чувство независимости, свободолюбие очень высоко.

Приговор Герцена звучит сурово, но заслуженно. Нельсон был, правда, храбрым военачальником, преданным родине патриотом. Человек, потерявший в боях руку, глаз и, нако-

нец, в завершающий момент своей последней победы, не колеблясь, подставивший под неприятельский огонь в опасном месте свое давно искалеченное тело, прославлялся в английской литературе на все лады. Но если сравнивать моральные качества Ушакова и Нельсона, то становится очевидным, что последнему было совершенно незнакомо великодушные к поверженному врагу, рыцарское отношение к противнику, уважение к ценности человеческой жизни, которые так ярко проявлялись в Ушакове. Наш герой в этом смысле был — не колеблясь говорим — бесконечно выше Нельсона. В тот период, о котором у нас идет речь, Нельсон показал себя, в самом деле, бессердечным человеком. Объяснять чудовищные злодеяния, без малейшего протеста допущенные Нельсоном в Неаполе и других местах, тем, что он очень уже ненавидел «якобинцев», извинять позорное, коварное нарушение подписанной капитуляции и повешение капитулировавших (например, адмирала Караччиоло), оправдывать эти отвратительные поступки прискорбным влиянием «порочной сирены» (a wicked siren) — любовницы адмирала, жестокой садистки Эммы Гамильтон — трудно, и все такие ухищрения некоторых биографов Нельсона, конечно, не могут заставить забыть об этих черных делах его. Ушаков тоже не был «якобинцем», но он, посылая, согласно заданию, своих моряков и солдат изгонять французов из Неаполитанского королевства, боролся только с вооруженным врагом и не позволял бросать в огонь, жарить на кострах, пытать мужчин и женщин за то, что они считались республиканцами. Наоборот, моряки и солдаты Ушакова спасали несчастных людей, которых монархические банды королевы Каролины и кардинала Руффо, ничуть не сдерживавшиеся всемогущим в тот момент в Неаполе адмиралом Нельсоном, гнали, как диких зверей, предавали неслыханным истязаниям. «Evviva il ammirale!» («Да здравствует адмирал Нельсон!») восторженно вопили озверелые «защитники трона и алтаря», заливая кровью беззащитных жертв улицы Неаполя. И было счастьем, если этим жертвам удавалось вовремя укрыться под защиту высаженных ушаковской эскадрой русских моряков.

Еще до упомянутых кровавых происшествий Ушакову пришлось считаться с тайным недоброжелательством Нельсона. Проявляя внешнюю любезность, он терпеть не мог русских и их начальника. Нельсон опасался успехов русских в Средиземном море, в то же время нуждаясь в их помощи.

Разногласия между Ушаковым и Нельсоном

Жизненные пути двух замечательных флотоводцев в 1798—1799 годах скрестились. «Официально» они явились со своими эскадрами в Средиземное море делать одно и то же дело: изгнать французов с Ионических островов, с Мальты, из Южной Италии и прочно блокировать французскую армию в Египте. А «неофициально» Нельсон с подозрительностью, с тревогой и ревностью и, может быть, даже с еще более сильными чувствами следил за каждым движением Ушакова. «Я ненавижу русских» (I hate the Russians), — не скрывая от окружающих, говорил он.

В течение всей второй половины XVIII века в британской внешней политике боролись две тенденции, русофильская и русофобская. Самым ярким представителем первой был Вильям Питт Старший (лорд Чатам), самым решительным представителем второй был впоследствии, уже в самом конце XVIII века, сын его Вильям Питт Младший. Питт Старший был убежден, как и подавляющее большинство руководящих английских политиков его поколения (середины XVIII столетия), что главным, поистине смертельным врагом Англии была, есть и останется на веки веков Франция — гегемон могучего союза «Бурбонских дворов» (Франции, Испании и Королевства обеих Сицилий) — и что с этой точки зрения следует всецело идти по той линии, по которой и без того ведут Англию ее серьезные экономические интересы, т. е. по прямому пути к заключению союза с Россией. Открыто враждебная по отношению к России политика руководителя французской дипломатии герцога Шуазеля была на руку Вильяму Питту Старшему и дальнейшим последователям его политики, потому что, по мнению англичан, это могло втянуть Екатерину в вооруженную борьбу против Франции. Это настроение англичан дало русским возможность при решительной поддержке Англии, игнорируя все угрозы Шуазеля, прийти в 1770 году в Архипелаг, потопить при Чесме турецкий флот, четыре года владеть почти всеми островами Архипелага и спокойно вернуться на родину. Но еще при жизни лорда Чатама (уже давно

не бывшего у власти) международное положение стало сильно меняться. Кючук-Кайнарджийский мир, присоединение Крыма к России, новая русско-турецкая война, взятие Очакова, казавшийся прочным союз России с Австрией — все это стало сильно менять настроение новых английских кабинетов. Провозглашение Екатериной «вооруженного нейтралитета» разрушило окончательно мечты о союзе Англии с Россией, и английский посол Гаррис (впоследствии лорд Мемсбери) был отозван из Петербурга, так и не сумев разгадать все «лукавства» Екатерины II, которую он раздражительно сравнивал с петербургской летней ночью: сколько ни смотришь, никак не поймешь — светло или темно.

Бразды правления в Англии с декабря 1783 года попали фактически в руки (тогда 24-летнего) Вильяма Питта Младшего. Сообразно с изменившимися условиями, особенно с 1789 года, когда Франция, главный враг Англии, временно выбыла из строя, Питт Младший повел решительную борьбу против России, и в 1790—1791 годах обстановка неоднократно казалась близкой к объявлению войны. Начавшееся постепенное превращение оборонительной войны французов в экспансионистскую и поразительные военные успехи последних, гнетущая необходимость русской помощи — все это вынудило Питта Младшего снова обратиться к русскому союзу, о котором так долго и тщетно мечтал его отец, граф Чатам.

Теперь, при Павле, английские дела, казалось бы, должны были пойти на лад. Питт Младший уже не боялся нареканий, что русские только дурачат его обещаниями оказать военную помощь против французов. Павел заключил союз с Австрией, Англией, с Королевством обеих Сицилий, послал войска, послал корабли. Суворов оказался в Северной Италии, Ушаков действовал в Средиземном море. Но как Вильям Питт Младший не верил Павлу, так и Нельсон не верил Ушакову. Правда, Ушаков тоже несколько не верил «союзникам» и гораздо быстрее, чем царь в Петербурге, проник во все извилины их политики, насколько это было возможно при сравнительно ограниченной сфере его непосредственных наблюдений и действий.

Дело обстояло так. Человек поколения Вильяма Питта Младшего, Нельсон с первого момента появления Ушакова в Средиземном море не доверял русским планам и старался их парировать, насколько это было возможно при внешне «союзнических» отношениях. Он вырос, приобрел политические воззрения, симпатии и антипатии именно в те годы, когда Питт Младший круто повернул против России руль британской политики. И не мог Нельсон никак перемениться

в столь короткий срок, как несколько месяцев, предшествовавших созданию второй коалиции, хотя Питт Младший и принужден был обстоятельствами вдруг разыгрывать роль «друга» России. Камень за пазухой, который Нельсон всегда держал против русских, был явственным — Ушаков его сейчас же заметил. Нельсон был очень хорошим адмиралом, но посредственным дипломатом, и в этом отношении тягаться с Федором Федоровичем ему было нелегко.

Адмиралы прежде всего не могли не столкнуться на решении вопроса о направлении ближайших ударов по их общему врагу. Англичанин желал, чтобы Ушаков взял на себя большой труд по блокаде Александрии и вообще египетских берегов, чтобы не выпустить большую французскую армию, с помощью которой генерал Бонапарт завоевал Египет. Потом русские должны были помочь своими морскими и сухопутными силами освобождению Южной Италии от французов. Вот и все. А затем — лучше всего, чтобы русские убрались без особых промедлений туда, откуда пришли, то есть в Черное море. Главное — воспрепятствовать русским обосноваться самим в качестве освободителей от французского завоевания на Ионических островах и на Мальте, если они возьмут Мальту.

Опасность с точки зрения английских интересов Нельсон усматривал двойную. Для Ионических островов (и прежде всего для Корфу) вследствие того, что если русские выбьют оттуда французов, то уж их-то самих никто и никак не изгонит и, следовательно, колоссальной важности средиземноморская позиция попадет в прочное обладание России. Между тем как же воспрепятствовать русским отвоевывать Ионические острова у французов, когда именно за этим русско-турецкая эскадра и прибыла? Опасность для Мальты казалась Нельсону еще более очевидной: русский император являлся гроссмейстером ордена Мальтийских рыцарей, и если русские утвердятся на Мальте, перебив или забрав в плен французов, то уже давно ни за что оттуда не уйдут, а заявят, что с помощью Божьей вернули русскому царю, мальтийскому гроссмейстеру, его достоинство.

Таковы были цели и таковы были опасения Нельсона в первое время после появления Ушакова в Средиземном море.

Что касается Ушакова, то его пути были предначертаны не только официальной инструкцией, но и ясным пониманием русских интересов, поскольку их возможно было учесть и оградить в той сложной внешней и дипломатической обстановке, в которой адмирал оказался.

Постараемся восстановить документальную картину отношений Ушакова с Нельсоном с самого начала экспедиции.

Прибыв в Константинополь, Ушаков 31 августа (11 сентября) 1798 года написал Нельсону о том, что у него есть 6 кораблей, 6 фрегатов, один «репетичный» фрегат и 3 авизо. Он поздравил Нельсона с победой при Абукире («при реке Ниле») и заявил, что заочно рекомендует себя «в благоприятство и дружбу». Ушаков сообщил, что Порты обещает ему выделить в помощь эскадру из 6 кораблей, 10 фрегатов и 30 мелких судов, причем дает задания охранить берега Турецкой империи, Архипелага, Морею и изгнать, «если возможно», французов с Ионических («Венецианских») островов. «А оттоль, ежели окажется в них надобность», отрядить суда для осады Александрии.

«Важность сего плана для Порты ясно доказывается положением этих островов и вернейшими известиями о намерении французов, сильно в них укрепясь, напасть на империю Оттоманскую со стороны Албании и Мореи, но и засим, ежели бы потребно наше подкрепление в случае важной сей надобности, то к вспомоществованию мы готовы, в соответствии сего прошу ваше превосходительство сообщить мне известия, какие вы имеете о действиях и намерениях неприятеля, также и о расположениях ваших против оного; и в состоянии ли вы после славной победы вашей продолжать блокаду Александрии, закрывать сторону Средиземного моря меж Сицилией и Африкой...»¹

Вообще из этого письма видно, что Ушаков хотел бы предоставить Нельсону действовать у берегов Египта и в центральной части Средиземного моря по возможности без русской помощи. Все же он обещал, если окажется надобность, дать Нельсону из своей и турецкой эскадры для блокады Александрии 4 фрегата и 10 канонерских лодок. Не получая ответа, Ушаков вторично написал о том же Нельсону 12 (23) сентября². Ушаков обратился через него к начальнику английского отряда судов, блокирующих Александрию, с просьбой уведомить, нужна ли тому русско-турецкая помощь. Ответ он просил направить командующему эскадрой из 4 фрегатов и 10 канонерских лодок (которая посылается им к о. Родос и будет там ждать уведомления). Только 6 (17) ноября 1798 года Нельсон впервые написал Ушакову письмо, содержащее привет-

ствие, но ни одним словом не касавшееся вопросов Ушакова. Ушаков также отозвался коротеньким любезным приветствием, где упомянул о писанных ранее Нельсону письмах, но не повторил уже своих вопросов³. Это весьма понятно. Ушаков обязан был предложить помощь, но желать ослабления своей эскадры, желать траты людей и судов под Александрией он не мог. Настаивать на посылке русских судов ему не приходилось.

Ушаков знал, что Ионические острова — ключ к Адриатике и к Архипелагу, и он твердо решил не уходить оттуда, пока этот ключ не окажется полностью в руках России.

1 (12) декабря Нельсон написал Ушакову из Неаполя:

«Сэр, я был польщен любезным и лестным письмом вашим... и я буду горд вашей добротой и ценной дружбой... Я еще не слышал о соединении перед Александрией турецкой и русской эскадры с моим уважаемым другом капитаном Гудом, которого я оставил начальствовать блокадой». Дальше Нельсон с ударением пишет, что надеется скоро овладеть Мальтой, «где развевается неаполитанский флаг, под сенью которого сражаются храбрые мальтийцы».

Не довольствуясь этим, спустя два дня, уже 3 (14) декабря, Нельсон еще приписывает в постскрипуме следующий упрек Ушакову:

«Только что прибыл из Александрии английский фрегат, и я вижу с истинным сожалением, что еще 26 ноября (нов. ст. — Е. Т.) не прибыла никакая эскадра, чтобы помочь капитану Гуду, который давно нуждался в продовольствии и подкреплении. Прибыли всего лишь один или два фрегата и десять канонерок, тогда как, конечно, должно было послать не меньше, чем три линейных корабля и четыре фрегата с канонерками и мортирными судами. Египет — первая цель, Корфу — второстепенная»⁴.

Другими словами: русские должны знать, что Мальты им ни в коем случае не видать, а будет она отдана его сицилийскому величеству, тупоумному, трусливому и жестокому неаполитанскому тирану Фердинанду. Это — во-первых. А во-вторых, русским надлежит проливать свою кровь у берегов Египта, чтобы дать Египет англичанам. Такова, поучает Нельсон Ушакова, должна быть первая цель русских (Egypt is the first object). Во имя столь заманчивой для русских цели они должны поменьше заботиться

¹ ЦГАВМФ, ф. 119. Канцелярия адм. Ф. Ф. Ушакова по командованию эскадрой в Средиземном море, д. 6926, л. 113 об. Копия. Письмо Ф. Ф. Ушакова Нельсону 31 августа 1798 года.

² Там же, л. 131 об. — 132. Копия. Письмо Ф. Ф. Ушакова Нельсону 12 сентября 1798 года.

³ Скаловский Р. Цит. соч., стр. 381 — 383.

⁴ The dispatches and letters of vice-admiral lord viscount Nelson, vol. III. London, 1845, p. 197.

о своем утверждении на Ионических островах, и в частности на Корфу, то есть там, где у России в самом деле был шанс укрепиться и где, как Нельсон знал, население всецело сочувствовало русским.

Но Ушаков, по-видимому, с самого начала сношений с Нельсоном хорошо понял, чего хочется англичанину, и самым ласковым образом отклонял все эти добрые советы и неуклонно вел свою линию.

Со своей стороны, зная, что Ушаков ни за что не бросит Корфу и другие Ионические острова, Нельсон принялся за обходные дипломатические маневры. 6 (17) декабря он написал Кадыр-бею — турецкому адмиралу, стоявшему рядом с Ушаковым перед Корфу: «Я надеялся, сэр, что часть соединений турецкой и русской эскадр пойдет к Египту, первой цели войны для оттоманов (the first object of Ottoman arms), а Корфу — это второстепенное соображение».

Мы видим, что здесь он внушает турку, будто не только для англичан, но и для турок Египет гораздо важнее Ионических островов. Нельсон обращает внимание Кадыр-бея на то, что англичане имеют право рассчитывать на помощь. «Я блокирую Тулон и Мальту, кроме того, защищаю итальянский берег, — и я был уверен, что о всех странах, лежащих к востоку от острова Кандии, позаботится соединенная эскадра оттоманов и русских»¹.

Но плохая была надежда на Кадыр-бея, который все свое спасение (и личное, и своей эскадры) чаял только в поддержке и руководстве «Ушак-паши». Поэтому Нельсон, воспользовавшись прибытием к нему в Неаполь уполномоченного великого визиря Келим-эффенди, попытался возбудить подозрительность турок против Ушакова и вообще против русских планов и намерений. «Я имел долгую и дружную беседу с Келим-эффенди о поведении, которого, по-видимому (likely), придерживается русский двор по отношению к ничему, я боюсь, не подозревающим и прямодушным (upright) туркам», — писал он 6 (17) декабря английскому резиденту в Константинополе Спенсеру Смиту. А вот доказательство, которым рассчитывал Нельсон убедить «прямодушного» турка: «Нужно было бы послать к Египту сильную эскадру, чтобы помочь моему дорогому другу капитану Гуду, но России показалось более подходящим Корфу». Сообщая обо всем этом Спенсеру Смиту, Нельсон тут же откровенно излагает причину своих поступков: «Конечно, дорогой сэр, я был вправе ждать, что соединенные флоты турок

Горацио Нельсон

и русских возьмут на себя заботу о делах восточнее Кандии. Я никогда не желал видеть русских к западу от Кандии. Все эти острова уже давно были бы нашими (All those islands would have been ours long ago)»².

Вот исчерпывающе ясное, точное и правдивое, вполне искренне на этот раз высказанное объяснение тревоги и досады Нельсона: Ушаков перехватил у него Ионические острова! И самое раздражающее Нельсона обстоятельство заключается именно в том, что, опоздай Ушаков хоть немного, — все пошло бы на лад и острова остались бы за Англией. Но Ушаков не опоздал. «Капитан Траубридж был уже совсем готов к отплытию (absolutely under sail), когда я с горестью услышал, что русские уже находятся там», — жалуется Нельсон на свою неудачу Спенсеру Смиту.

Но вот Нельсону доносят, что Ушаков завоевал уже Ионические острова, собирается покончить с крепостями Видо и Сан-Сальватор на Корфу, устраивает там какие-то новые, либеральные порядки, дарует грекам самоуправление, а главное — вовсе не собирается отдавать острова туркам, что было бы, правда, не так идеально хорошо, как если бы отдать их англичанам, но все-таки гораздо приемлемее, чем если острова останутся в русских руках. Не нравится все это, сильно не нравится лорду Нельсону! «Поведение

¹ The dispatches and letters of vice-admiral lord viscount Nelson, vol. III. London, 1845, стр. 203—204.

² Там же, стр. 204.

русских не лучше, чем я всегда ожидал, и я считаю возможным, что они своим поведением принудят турок заключить мир с французами, вследствие еще большего страха перед русскими», — писал Нельсон 27 декабря 1798 года (7 января 1799 года) Спенсеру Смиты¹.

Время шло, и нетерпение англичанина возрастало. Чем яснее Нельсон видел, что русский адмирал вовсе не намерен следовать его «дружеским приглашениям», а ведет свою собственную линию, тем больше разгоралась его вражда к Ушакову. Он уже там, где мог (т. е. за глаза), совсем перестал стесняться в выражениях. «Нам тут донесли, что русский корабль нанес вам визит, привезя прокламации, обращенные к острову (Мальте — *Е. Т.*)», — пишет Нельсон 10 (21) января 1799 года капитану Боллу, блокировавшему Мальту. — Я ненавижу русских, и если этот корабль пришел от их адмирала с о. Корфу, то адмирал — негодяй (*he is blackguard*)»².

Почему же так сердито? Исключительно потому, что Ушаков, опираясь на мальтийское гроссмейстерство Павла, а главное — обещая мальтийскому населению полное самоуправление, может, пожалуй, соблазнить местных жителей и отвлечь их от уготованной им Нельсоном участи стать верноподданными его британского величества. А ведь Нельсон уже знал, что Ушакову, даровавшему самоуправление Ионическому Архипелагу, есть чем похвастать в своих воззваниях к жителям других средиземноморских островов, освобождаемых русским флотом от захватчиков или ожидающих такого освобождения. Вот это-то и могло показаться адмиралу Нельсону особенно нежелательным и опасным!

Тревога Нельсона все усиливалась. Он уже не столько боялся французов, владевших пока Мальтой, сколько русских союзников, которые собираются помогать в блокаде острова, но которые (как он опасался) пожелают поднять на Мальте русский флаг. Он уже наперед боялся создания русской «партии» на острове. Нельсон усиленно выдвигал в этот момент в качестве «законного» владельца Мальты (то есть, точнее, в качестве английской марионетки) неаполитанского короля Фердинанда, не имевшего и тени каких-либо прав на остров, так как с 1530 года и вплоть до завоевания Наполеоном в 1798 году Мальтой владел орден иоаннитов («мальтийские рыцари»). Беспokoясь по поводу возможных в будущем успехов Ушакова и русских воззваний среди населения Мальты, Нельсон пустился на

такое ухищрение: пусть блокирующий Мальту английский капитан Болл даст знать мальтийцам, что «неаполитанский король — их законный государь» и что поэтому должен развеяться над островом неаполитанский флаг, а британская эскадра будет его «поддерживать». «Если же какая-нибудь партия водрузит русский флаг или какой-либо иной, то я не разрешу вывоза хлеба с о. Сицилии или откуда бы то ни было», — говорил Нельсон в письме Боллу 24 января (4 февраля) 1799 года, зная, что осажденная Мальта голодает и что жители умоляют прислать им из Сицилии хлеба. Мало того, Нельсон решил немедленно повести контрпропаганду против России. «С вашим обычным тактом вы передадите депутатам (от населения Мальты — *Е. Т.*) мое мнение о поведении русских. И если какие-нибудь русские корабли или их адмирал придут на Мальту, вы убедите адмирала в очень некрасивой манере обращения (*the very unhandsome manner of treating*) с законным государем Мальты, если бы они захотели водрузить русский флаг на Мальте, и поведения относительно меня, командующего вооруженными силами державы, находящейся в таком тесном союзе с русским императором»³. Нельсон подчеркивает свои особые права: он блокирует и атакует Мальту уже почти шесть месяцев.

Английский адмирал теперь хотел уже, чтобы русские поскорее шли в Италию, но ни в коем случае не к Мальте.

4 (15) февраля 1799 года Нельсон написал Ушакову письмо с настоятельной просьбой «во имя общего дела» отправить к Мессине как можно больше кораблей и войск. Мотивировал он эту просьбу тем, что ряд его крупных судов блокируют египетские гавани и Мальту⁴.

Томара со своей стороны в эти горячие дни докучал Ушакову ненужными письмами и нелепейшими советами. Например, он предлагал Ушакову из албанцев Али-паши составить... морской отряд корсаров для «произведения поисков на берегах Италии, принадлежащих французам» и сообщая разные вздорные фантазии. Коммодор Смит, побуждаемый Нельсоном, старался через Томару заставить Ушакова «отделить в Египет два корабля и два фрегата российских и столько же от турецкой эскадры». Томара не понимал всей абсурдности такого требования с точки зрения русской выгоды: Ушаков нуждался во всех своих силах в эти критические дни подготовки штурма обеих крепостей о. Корфу

¹ The dispatches and letters of vice-admiral lord viscount Nelson, vol. III. London, 1845, стр. 224.

² Там же.

³ Там же, стр. 255—256.

⁴ Там же, стр. 266.

(письмо Томары писано 29 января (9 февраля) 1799 года.)¹.

Ушаков отлично проник в игру Нельсона и стойко парировал и обезвреживал все ухищрения своего неискреннего, лукавого «союзника». Приводим весьма интересный документ — письмо Ушакова русскому посланнику при Оттоманской Порте В. С. Томаре из Корфу 5 марта 1799 года, то есть через две недели после сдачи этой крепости:

«Милостивый государь Василий Степанович! Требования английских начальников морскими силами в напрасные развлечения нашей эскадры я почитаю за не иное, что как они малую дружбу к нам показывают, желая нас от всех настоящих дел отштетить (то есть отстранить — *Е. Т.*), и, просто сказать, заставить ловить мух, а чтобы они вместо того вступили на те места, от которых нас отделить вступаются.

Корфу всегда им была приятна; себя они к ней прочили, а нас разными и напрасными видами без нужд хотели отделить или разделением нас привести в несостояние.

Однако и Бог, помоществуя нам, все делает по своему — и Корфу нами взята, и теперь помощь наша крайне нужна Италии и берегам Блистательной Порты в защиту от французов, усиливающихся в Неапольском владении.

Прошу уведомить меня, какая эскадра есть и приготавливается в Тулоне. Англичане разными описаниями друг против друга себе противоречат и пишут разное и разные требования.

В Тулоне или один или два больших корабля есть да разве еще два или три фрегата — и то сомнительно: теперь вся сила их (французов — *Е. Т.*), сколько есть, большей частью в Анконе, да и та ничего не значит. Сир (*sic!* — *Е. Т.*) Сидней Смит без нашей эскадры силен довольно с английским отрядом при Александрии. Не имея и не зная нигде себе неприятеля, требования делают напрасные и сами по себе намерение их противу нас обличают. После взятия Корфу зависть их к нам еще умножится, потому и должно предоставить все деятельности мне производить самому по открывающимся случаям и надобностям. К господину Сир Сиднею Смит у писал, что теперь не имею на эскадре провианта и многие суда требуют починки и исправления, да и встретившиеся теперь обстоятельства и необходимые надобности к выполнению эс-

кадрами отделить теперь корабли и фрегаты от меня никак не дозволяют; также объясняю, что в Тулоне эскадры французской нет или не более вышеозначенного количества, да и те, уповаю, блокированы будут господином Нельсоном.

Ежели осмелюсь оказать — в учениках Сир Сиднея Смита я не буду, а ему от меня что-либо занять не стыдно. Ежели я узнаю, что будет надобно, и того я не упущу»².

Но ни расплывать своих сил, ни быть «в учениках» у англичан Ушаков не собирался. Смит писал Ушакову 4 марта 1799 года:

«Господин вице-адмирал!

За долг почитаю вас уведомить о весьма неприятном известии, которое я получил из Сант-Ельмы д'Акра. Французы вошли в Сирию и завладели Газом. Войска Деззар-паши не оборонялись более, как неаполитанцы в Италии. Паша просил послать к нему помощь, чего я и сделал; сие оставляет Александрию при менее защиты и до прибытия вашей части, которую я вас прошу споспешествовать, чтоб защитить сию сторону с той области нашего общего союзника.

Имею честь быть господин вице-адмирал вашего высокопревосходительства покорный слуга.

Подписано Шмит (Смит — *Е. Т.*)»³.

Ушаков отвечал на подобные письма Смита так: «Письмо ваше по новому штилю от 4 марта я получил с отправленного от меня к вашему высочородию от 5 числа сего месяца письма моего через Константинополь, при сем прилагаю точную копию, в котором все обстоятельства нашей эскадры и здешнего края, требование его величества короля Неаполитанского и господина контр-адмирала Нельсона от нас вспоможения Италии и бытностей нашей в Мессину объяснены, из чего усмотреть соизволите, что теперь кораблей отделить из эскадры нашей никак невозможно, да и провизии, с чем бы было можно выйти, совсем не имеем, а притом, как из письма вашего видно, вам потребны войска для высадки на берег, но со мной войск, кроме комплектных корабельных солдат и матросов, несколько излишних нет, а уповаю, что они должны быть присланы ко мне или в другие места, куда они назначаются. Засим свидетельствую истинное мое почтение и преданность, с которыми навсегда имею честь быть»⁴.

12 (23) марта 1799 года Нельсон обратился с письмом к Ушакову:

¹ ЦГАДА, ф. КП. Переписка посланника Томары с адмиралом Ушаковым, д. 46, л. 546—549. Канцелярский отпуск-черновик. Письмо В. С. Томары Ф. Ф. Ушакову, 29 января (9 февраля) 1799 года.

² Там же, л. 94—97.

³ ЦГАВМФ, ф. 119. Канцелярия адм. Ф. Ф. Ушакова по командованию эскадрой в Средиземном море, д. 6920, л. 70. Копия. Пер. с французского.

⁴ Там же, д. 6927, л. 167 об.— 168. Копия. Письмо Ушакова сэру Сиднею Смит у («Сир Сидни Шмит») 16 марта 1799 года.

«Сэр! Самым сердечным образом я поздравляю ваше превосходительство со взятием Корфу и могу вас уверить, что слава оружия верного союзника одинаково дорога мне, как слава оружия моего государя. У меня есть величайшая надежда, что Мальта скоро сдастся... Флаг его сицилийского величества вместе с великобританским флагом развеивается на всех частях острова, кроме города Валетта, жители которого с согласия его сицилийского величества поставили себя под покровительство Великобритании. Эскадра завтра выходит для блокады Неаполя, которая будет продолжаться с величайшей силой, вплоть до прибытия вашего превосходительства с войсками вашего царственного повелителя, которые, я не сомневаюсь, восстановят его сицилийское величество на его троне»¹.

Степень «сердечности» этого поздравления нам вполне ясна. На Мальту русским незачем идти, там уже развеиваются два флага — неаполитанский и английский, а вот нужно поскорее успокоить «его сицилийское величество», люто трусившее в этот момент и молившее о русской помощи.

Письмо лорда Нельсона Ф. Ф. Ушакову о просьбе сицилийского короля прислать часть флота Ф. Ф. Ушакова в Мессину для защиты его государства тоже очень характерно.

Это было уже второе письмо о Мессине. Первое Нельсон направил Ушакову 5 марта 1799 года:

«Его сицилийское величество посылает к вам письма и доверенную особу, дабы говорить лично с в. п. и турецким адмиралом о нынешнем состоянии дел сей области, и с прошением, чтобы вы назначили часть вашего флота в Мессину для защиты сего государства, не допуская оное пасть в руки французов, и как, в. п., получите письмо о сем вашем предмете от вашего министра, то я осмеливаюсь только объявить в. п., сколь великую услугу вы окажете общей пользе и особо его сицилианскому величеству, отправя сколько можно кораблей и войска в Мессину. В Египте ныне находятся следующие корабли, именно: «Кулодени» 74, «Зилос» 74, «Лайон» 64, «Тайгер» 80, «Тезеус» 74, «Свивтшюр» 74, «Си-Горс» 38, «Етна» и «Везувиус» — бомбардирские; Мальту блокируют и 4 линейных корабля, 4 фрегата и корвет, и надеюсь в краткое время видеть его сицилийского величества флаг поднятым в городе Лавалетта»².

Вот уже май наступил, а все еще ничего в Неаполе поделывать с французами не могли, и все еще приходилось глядеть на восток и ждать, не покажутся ли, наконец, паруса Ушакова. «Мы не слышим вестей о движении русских войск от Зары. Если бы они (русские — Е. Т.) прибыли, то дело с Неаполем было бы окончено в несколько часов», — писал Нельсон адмиралу лорду Джервису (графу Сент-Винценту) 28 апреля (9 мая) 1799 г.³

Но тревога Нельсона скоро улеглась. Наступило лето 1799 года, и корабли Ушакова показались у берегов Италии. В средиземноморской эпопее ушаковской эскадры начиналась новая страница.

Действия отряда Сорокина у Адриатического побережья Южной Италии

Освобождением Ионических островов закончился первый этап операций Ушакова на Средиземном море. И немедленно должен был начаться другой: действия против французов на юге и на севере Апеннинского полуострова. На юге речь шла об изгнании французов из Королевства обеих Сицилий и из Рима, на севере — о всемерной помощи с моря действиям Суворова в Ломбардии и Пьемонте, т. е. у Анконы и у Генуи.

Рассмотрим операции русского флота в хронологической последовательности: сначала на юге Италии, потом на севере.

Для того чтобы обрисовать положение, в какое попали русские вооруженные силы летом и осенью 1799 года, необходимо напомнить обстановку, сложившуюся в Королевстве обеих Сицилий к весне 1799 года, когда Нельсон стал так настойчиво вызывать к итальянским берегам адмирала Ушакова с его флотом.

¹ The dispatches and letters of vice-admiral lord viscount Nelson, vol. III, p. 304—305.

² ЦГАВМФ, ф. 119. Канцелярия адм. Ф. Ф. Ушакова по командованию эскадрой в Средиземном море, д. 15, л. 39 об.— 40. Копия. Это письмо в русском переводе. Английского подлинника его в «Dispatches» я не нашел.

³ The dispatches and letters of vice-admiral lord viscount Nelson, vol. III, p. 350.

Николас Покок.

Корабли адмирала Нельсона

Со времени захвата французами папского Рима в феврале 1798 года и Мальты в июне того же года Королевство обеих Сицилий чувствовало себя в прямой опасности. Но когда Бонапарт со своей отборной армией углубился в пустыни Египта и Сирии, а Нельсон 21 июля (1 августа) 1789 года истребил у Абукира французский флот, неаполитанское правительство сильно приободрилось. А вскоре прибыли и достоверные известия о том, что против Франции образовалась могущественная коалиция, возглавляемая Англией, Австрией и Россией, и что турки порвали свои дружественные отношения с французами, заключив союз с Россией. Проход русского флота через Босфор и Дарданеллы и появление Ушакова в Средиземном море явились решительным подтверждением этих слухов.

Фактическая правительница Неаполя и всего Королевства обеих Сицилий королева Каролина воспрянула духом. Бешено ненавидя французов, «неаполитанская фурия», как ее тогда называли, считала себя призванной мстить за свою родную сестру — французскую королеву Марию-Антуанетту, гильотинированную в 1793 году. Она счи-

тала, кроме того, делом личного спасения и безопасности своей династии скорейшее изгнание французских войск из Южной Италии, где те уже начали захватывать пограничные местности.

Что касается короля Фердинанда, то этот человек, не очень уступая в жестокости своей супруге, был от природы необычайно труслив. Когда однажды (уже во время волнений в Неаполе в 1820 году) английский представитель, пробуя успокоить перепуганного короля, сказал ему: «Чего же вы боитесь, ваше величество? Ведь ваши неаполитанцы — трусы», Фердинанд со слезами ответил: «Но ведь я тоже неаполитанец и тоже трус!» Таким он был и смолоду, и в среднем возрасте, и в старости, — каков в колыбельку, таков и в могилку.

Если бы это от Фердинанда зависело, он, конечно, ни за что не взял бы на себя инициативу войны против французов. Но от короля зависело очень мало. Решающую роль здесь (как и во всех прочих вопросах, возникавших в Неаполе) сыграла королева Каролина, у которой оказалась могущественная поддержка в лице адмирала Нельсона.

11 (22) сентября 1798 года Нельсон с частью своего флота впервые подошел к неаполитанским берегам. Победителя в Абукирском бою Неаполь встретил такими овациями, каких он до той поры нигде еще не удостоивался. И тут-то, при триумфальном появлении Нельсона в Неаполе, произошла первая встреча адмирала с женщиной, сыгравшей столь роковую для него роль в ближайшие месяцы. Первая встреча сразу решила все в отношениях между Нельсоном и женой британского посла в Неаполе, леди Эммой Гамильтон. Их отношения интересуют нас здесь, конечно, лишь постольку, поскольку леди Гамильтон взяла на себя посредническую роль между Нельсоном и королевой Каролиной, интимнейшей подругой которой сделалась пронзырливая английская авантюристка. С этой-то поры в правительственных кругах Англии и начались высказывавшиеся по адресу Нельсона сначала намеками, а потом и более откровенно, обвинения в том, что он подчиняет интересы британской политики на Средиземном море заботам о благе неаполитанской королевской семьи и безопасности Неаполя. Впоследствии говорили, например, что под влиянием королевы Каролины и леди Гамильтон он без нужды ускорил начало войны Неаполя с Францией. Следует заметить, что сам Нельсон, яро ненавидя французов и будучи полон самоуверенности после Абукирской победы, нисколько не нуждался ни в чьих влияниях, чтобы торопить наступление войны. Если влияние Эммы Гамильтон и королевы Каролины сказалось, то несколько позднее (не в 1798, а в 1799 году), и выразилось оно в позорящем память знаменитого английского адмирала попустительстве свирепому белому террору и даже в некотором прямом участии в безобразных эксцессах того времени.

Во всяком случае, если Фердинанд из трусости некоторое время еще противился жене, то прибытие адмирала Нельсона решило дело. Нельсон прямо заявил Фердинанду, что ему, королю, остается «либо идти вперед, доверившись Богу и Божьему благословию правого дела, и умереть со шпагой в руке, либо быть вышвырнутым (kicked out) из своих владений».

Началось наступление 30-тысячной неаполитанской армии против примерно 15 тысяч французов, имевшихся налицо в Тиме и между Римом и неаполитанской границей. При первых же встречах с французами неаполитанцы ударились в позорнейшее, беспорядочное бегство в разные стороны. Через пять недель от этой «армии» ровно ничего не осталось. Возглавлял бегство король Фердинанд, далеко опередивший своих солдат в смысле быстроты движения и величины покрытой дистанции. Король ни за что не желал

оставаться со своей семьей в Неаполе и был перевезен Нельсоном в декабре 1798 года на Сицилию, в Палермо. Спустя месяц, в январе 1799 года, французы, занявшие Неаполь, провозгласили образование «Партенопейской республики».

Нельсон оказался в крайне незавидном положении. О том, что именно он подбивал Фердинанда к войне, знали все. Это создавало еще более благоприятную почву для разговоров о зловредном влиянии на Нельсона его любовницы леди Гамильтон и о чрезмерной заботе адмирала об интересах семьи неаполитанских Бурбонов.

Неладно для Нельсона было и то, что осада Мальты, длившаяся уже много месяцев, не приводила решительно ни к каким результатам. Это обстоятельство бросало невыгодный свет на боеспособность британского флота, особенно при сопоставлении: безрезультатности осады Мальты с блестящими успехами Ушакова на Ионических островах. Почему Ушаков преодолел все укрепления на Ионических островах, почему он взял сильную крепость Корфу с большим французским гарнизоном, а знаменитый Нельсон ничего не может поделаться с французским гарнизоном, высаженным Бонапартом на Мальте в июне 1798 года, продолжавшим благополучно там оставаться? И почему сам Нельсон не руководит непосредственно действиями под Мальтой, а предпочитает общество «двух развратных женщин» в Палермо? Так непочтительно выражались в Европе о королеве Каролине и ее (а в то же время и адмирала Нельсона) интимнейшей подруге Эмме Гамильтон.

Между тем французы заняли не только столицу, но и все другие важные центры в бывшем Королевстве обеих Сицилий. Нельсону необходимо было поскорее найти какой-нибудь выход. А выход был один: обратиться за помощью к Ушакову, так как без русских на суше ровно ничего путного как-то не выходило.

Неприятно обращаться к русскому адмиралу, которого только что обзывал за глаза бранным словом, стыдно признаваться, что зависишь от русских, которых «ненавидишь», но... сила солому ломит. Если Ушаков пришлет своих моряков и солдат, можно будет выбить французов, а если не пришлет, то и будут они сидеть в Неаполе столь же упорно, как сидят на Мальте.

И Нельсон пишет в Петербург английскому послу Уитворту: «Мы ждем с нетерпением прибытия русских войск. Если девять или десять тысяч к нам придут, то Неаполь спустя одну неделю будет отвоеван, и его императорское величество будет иметь славу восстановления доброго короля и благостной королевы на их троне». Так почтительно и с таким чувством Нельсон

именовал тупого и трусливого злодея Фердинанда и его «неистовую фурию», восседавших на престоле Королевства обеих Сицилий.

К Ушакову отправляются письма Нельсона. К Ушакову на о. Корфу едет с мольбой о помощи специальный уполномоченный от короля Фердинанда министр Мишеру.

Высадка десанта Белли в Манфредонии

Ввиду таких просьб и настояний Ушаков решил, еще не уводя всю свою эскадру от Ионических островов, выслать к южным берегам Королевства обеих Сицилий небольшой отряд из четырех фрегатов с десантом под командованием капитана 2-го ранга А. А. Сорокина. 22 апреля (3 мая) отряд Сорокина неожиданно появился у крепости Бриндизи. Французский гарнизон во главе с комендантом крепости в панике бежал. Вот что писал Ф. Ф. Ушаков русскому посланнику в Константинополе В. С. Томаре о взятии Бриндизи («Бриндичи»):

«Милостивый государь Василий Степанович! С удовольствием имею честь уведомить ваше превосходительство, что неаполитанского владения город Бриндичи и крепость при оном отрядами нашими от французов освобожден. С всеподданнейшего рапорта его императорскому величеству и с письма губернатора города Летчи к неаполитанскому консулу писанного, прилагаю копии, из которых усмотреть изволите, в какой робости находятся теперь французы. Коль скоро увидели они приближающуюся нашу эскадру к Бриндичи, из-за обеда без памяти бежали на суда и ушли; оставили даже весь прибор свой на столе, собранные в контрибуцию деньги и серебро, ничего из того взять не успели. С таким добрым предзнаменованием, ваше превосходительство, поздравить честь имею»¹.

От Бриндизи отряд Сорокина пошел вдоль берега Италии до города Манфредония, где 9 (20) мая был высажен десант в составе около 600 человек. Десант возглавил командир фрегата «Счастливый» капитан 2-го ранга Белли.

Григорий Григорьевич Белли был в числе лучших офицеров ушаковской эскадры. В сражениях при Фидониси 3 (14) июля 1788 года, в Керченском проливе 8 (19) июля 1790 года, у Тендры 28—29 августа (8—9 сентября) 1790 года, у Калиакрии 31 июля (11 августа) 1791 года он показал себя первоклассным морским офицером. В Средиземном море Белли отличился и при Церито (Чериго), и при Занте, и под Корфу.

Высадившись в Манфредонии, Белли начал свой победоносный поход к Неаполю. С чисто военной стороны поход был настолько блестящим для русского оружия, что Павел, давая за него Белли очень высокую награду — орден Анны I степени, воскликнул: «Белли думал меня удивить; так и я удивлю его». В течение примерно трех недель небольшой русский отряд не только взял Неаполь, но и освободил от французов две трети Неаполитанского королевства.

Неаполитанский министр Мишеру, сопровождавший отряд Белли, писал Ушакову 13 (24) июня из Неаполя: «Я написал вашему превосходительству несколько писем, чтобы уведомить вас о наших успехах. Они были чудесными и быстрыми до такой степени, что в промежуток 20 дней небольшой русский отряд возвратил моему государю две трети королевства. Это еще не все, [русские] войска заставили все население обожать их. Не было ни одного солдата, а тем более ни одного офицера, который оказался бы виновным в малейшем насилии или инсубординации, или грабеже. Вы могли бы их видеть осыпаемыми ласками и благословениями посреди тысяч жителей, которые называли их своими благодетелями и братьями. До сих пор они показали себя самыми дисциплинированными солдатами: а в Портичи они обнаружили всю свою доблесть. Колонна в тысячу патриотов (французов и неаполитанских республиканцев — Е. Т.) приближалась к Портичи от Торре дель-Аннунциата; против них было выслано лишь 120 русских солдат, и русские бросились в штыки на превосходившего их в десять раз неприятеля. Триста французов было перебито, 60 взято в плен, остальные разбежались и были истреблены окрестными крестьянами. Русские забрали при этом пять пушек и два знамени. Я не могу не заметить, до какой степени это дело покрыло ваших русских славой. С этого момента

¹ ЦГАВМФ, ф. Сборный, д. 97, л. 59. Копия без подписи.

весь народ (неаполитанский — Е. Т.) возложил все свои надежды и упования на присутствие таких храбрых людей». Мишеру выражает надежду вскоре увидеть в Неаполе самого Ушакова и передать ему «маленькую русскую армию, которой мы (неаполитанцы — Е. Т.) обязаны спасением королевства»¹.

Выживший из ума старик посол Гамильтон, в руках которого побывала копия этого письма Мишеру Ушакову, снабдил письмо злобными и тупыми замечаниями — клеветническими выпадами против русских, имевшими целью смягчить болезненное для самолюбия Нельсона впечатление от восторженных похвал неаполитанского министра по адресу русских матросов и солдат. Ясно, что и другие чужие письма перехватывались британским посольством и уже оттуда направлялись к Нельсону.

Письмо Мишеру вполне согласуется с рядом других аналогичных свидетельств, показывающих, что русские, и только русские, оказались способными справиться с французскими оккупантами, далеко превосходившими их своей численностью.

При этом заметим, что в другом документе, исходящем от Мишеру, он подтверждает драгоценные для нас показания о благородной защите «якобинцев» русскими моряками. Вот что читаем в письме Мишеру неаполитанскому посланнику в С.-Петербурге, Люку де Серра-Каприола. Письмо это сохранилось в нашем архиве не в подлиннике, а в русском переводе. Оно относится к русской победе под Портичи.

«...Но 14-го числа [май] войска российские увенчались беспримерной славой: узнав, что около тысячи мятежников напали при Портичи на малый отряд наших войск, послали мы туда 125 человек всегда победоносного войска с двумя полевыми орудиями, кои прибыли на место сражения в самое то время, когда превосходство сил злодеев принудило было войска королевские к отступлению. После нескольких пушечных выстрелов герои ударили в штыки и в одно мгновение одержали победу; бунтовщики потеряли 300 человек убитыми и 60 пленными, 5 пушек, 25 лошадей и одно знамя; остатки их рассеяны совершенно. У нас убито только три человека и несколько раненых, которые, однако, теперь уже все здоровы.

Вам должно быть известно, что несколько дней у нас продолжалось беспокойство в народе: над якобинцами истинными и мнимыми жестокие производились истязания, грабежи и не-

истовства, как от народа, так и от легких войск; но русские во все сие время занимались лишь укрощением предававшихся ярости и восставлением тишины; целые восемь дней ими лишь одними хранилось общее спокойствие, и они единодушно всеми жителями провозглашены спасителями города. При осаде Сант-Яго отправляли они должности пионеров, артиллеристов и простых солдат и много способствовали к завоеванию сего города...»².

Русские спасли город от грабежа монархических шаек и разбойничьих подвигов «руффиянцев».

Кроме традиционной храбрости русских моряков и солдат, нужно отметить, как одну из причин их молниеносных успехов, еще одно обстоятельство — враждебное отношение населения Королевства обеих Сицилий к французам, как к захватчикам.

Не углубляясь в подробный анализ социально-политической обстановки в Королевстве обеих Сицилий и не повторяя того, что сказано о причинах непопулярности французов среди населения Ионических островов, укажем лишь, что приход французов в Южную Италию не был воспринят большинством крестьянского населения как освобождение от феодальных уз. Во-первых, французы, следуя по сельским местностям Апулии и Калабрии, вели себя не как освободители, а как завоеватели, требуя провианта и отбирая перевозочные средства сплошь и рядом путем грабежа и насилий. Во-вторых, добравшись до Неаполя и провозгласив там «Партенопейскую республику», французское командование фактически не провело никаких социальных реформ, которые могли бы вызвать в самом деле симпатии к французам населения королевства или многочисленной в Неаполе городской бедноты. Даже та часть образованного общества, которая приняла французов с сочувствием, очень в них разочаровалась.

«Партенопейская республика» с первого момента своего существования оказалась фактически просто эксплуатируемой колонией новой, послереволюционной крупной французской буржуазии. Диктатура французских завоевателей в Неаполе с января 1799 года, когда в столице была установлена «Партенопейская республика», до середины июня того же года, когда она погибла, держалась почти исключительно на штыках. Но с весны количество этих штыков стало быстро убывать. Директория должна была спешно перебрасывать свои войска с юга Ита-

¹ Publications of the Navy Records Society, vol. XXV. London, 1903, p. 199—201.

² Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина (ГПБ). Материалы для Российской-турецкой кампании 1798, 1799 и 1800 годов, ч. 2, л. 100—101. Из бумаг А. В. Висковатова.

лии на север, в Ломбардию, где суворовские победы грозили смести с лица земли французское владычество.

Если все-таки Фердинанд так долго ничего не мог поделать с французами, то это объясняется позорной трусостью как самого короля, так и его армии, спасовавшей перед организованными и храбро сражавшимися французскими войсками, а также отсутствием серьезного военного руководства, хаотичностью всей государственной организации королевства, бесхозяйственностью и многоначалием.

Таковы были обстоятельства, при которых действовал русский десант, высаженный кораблями отряда Сорокина в заливе Манфредония. Прибытие русских все изменило. Отряд Белли пошел в авангарде. Нестройные, недисциплинированные, но очень многочисленные толпы крестьян и отчасти горожан, собравшихся под командой кардинала Руффо, следовали за русскими.

Следует принять во внимание еще одно существенное обстоятельство. Французы знали, что при сдаче в плен непосредственно русским их жизнь будет в полной безопасности. Вести о том, как благородно относительно пленных ушаковские моряки вели себя при завоевании Ионических островов (а подобный образ действий был тогда явлением невиданным), успели широко распространиться в Южной Италии, и это отчасти смягчало прежнюю ярость сопротивления французов.

*Поход Белли на Неаполь и его взятие,
варварство неаполитанской династии
и поддержка зверств реакции Нельсоном.
Отношение к этому Ушакова и русских моряков*

Русский отряд, при котором находился кардинал Руффо со своими вооруженными силами, шел к Неаполю, ломая сопротивление неприятеля. Считалось, что командует Руффо, стоявший во главе «королевской армии», как пышно назывались вооруженные и недисциплинированные толпы, которые около него собрались. Но все делали, конечно, русские, а вовсе не кардинал Руффо. Русские разбили французов под Портичи, взяли форт Виллему, они же взяли Мадалену и Мадаленский мост. Русские военные достижения сознательно замалчивались англичанами. Капитан Фут, весьма старавшийся принизить роль русских, в своем официальном донесении Нельсону принужден был сделать это в такой курьезнейшей форме: «Вечером 13 июня (нов. ст. — *Е. Т.*) кардинал, или, скорее, русские, взял форт Виллему и Мадаленский мост»¹. Это «или, скорее, русские (or rather Russians)» прямо бесценно в своей наивной откровенности: не упомянуть о главных виновниках победы нельзя было никак.

Руководящая роль русских обязывала кардинала Руффо очень и очень считаться с волей их начальника — капитана 2-го ранга Белли.

Здесь мы подходим к тому моменту, когда русская воинская честь была поддержана не только на поле брани и когда русские воины, которых зигзаги тогдашней внешней политики царского правительства привели к борьбе на юге, как и на севере Апеннинского полуострова за чуждое и ненужное России вредное дело, показали, что они, являясь бесприкословно повинующимися и храбро выполняющими боевой приказ солдатами, быть палачами побежденных ни в коем случае не желают.

Изучая документы эпохи, можно часто встретиться с многочисленными замечаниями и упоминаниями, указывающими на то, что русские, высадившиеся летом 1799 года на юге Италии, стремились как можно скорее покончить с кровопролитием и способствовать заключению такого перемирия, которое позволило бы французам и ставшим на их сторону неаполитанским «якобинцам» с безопасностью для жизни покинуть пределы Королевства обеих Сицилий и отправиться в Тулон, ближайший французский порт.

В этой обстановке, по настоянию русских, кардинал Руффо принужден был заключить то знаменитое перемирие, вопиющее нарушение которого англичанами вызвало крова-

¹ The dispatches and letters of vice-admiral lord viscount Nelson, vol. III, p. 478.

Орден Ушакова II степени

вые последствия и легло навсегда таким черным пятном на историческое имя Нельсона.

Сначала капитулировала крепость Кастелла-маре, потом два замка — Кастель д'Уово и Кастель Нуово (del'Uovo e Nuovo), где находились французы и наиболее скомпрометированные республиканцы Неаполя. По условиям этих «капитуляций» кардинал Руффо обязывался разрешить французским гарнизонам укреплений выйти из замков с военными почестями, с оружием и военным имуществом, с развернутыми знаменами, с двумя заряженными пушками. Все итальянские республиканцы, укрывшиеся в замках: как мужчины, так и женщины, точно так же получали гарантию личной безопасности, и им предоставлялся свободный выбор: либо вместе с французским войском перейти на корабли, которые их доставят в Тулон, либо остаться в Неаполе, причем им гарантировалось, что ни они, ни их семьи не подвергнутся никакому утеснению (*sans être inquiétés ni eux, ni leurs familles*). Этот документ был подписан французами 10 (21) июня, кардиналом Руффо и представителями Ушакова и Кадыр-бея 11 (22) июня 1799 года, а 12 (23) июня он был подписан представителем Нельсона — капитаном Футом.

Узнав об этой капитуляции, проведенной русскими моряками и спасавшей побежденных, Нельсон, жаждавший уничтожения французов и республиканцев, впал в состояние, если можно так выразиться, холодного и длительного бешенства. Он считал, что условия капитуляции слишком почетны для французов и для ненавистных ему неаполитанских «якобинцев» и что именно это лишает его, Нельсона, лавров победы. И зачем Фут согласился подписать документ о капитуляции? Почему кардинал Руффо, беспощадный истребитель «якобинцев», вдруг стал таким мягкосердечным, что тоже согласился выпустить из рук врага, которому ни малейшего спасения ниоткуда невозможно было ждать? Нельсон с бешенством задавал эти вопросы.

Нельсон немедленно послал суровейший выговор своему представителю, капитану Футу, и вот какое объяснение он получил от своего подчиненного.

Фут доложил, что «русские провели договор» и что кардинал Руффо, «который очень нуждался в помощи русских, не хотел дать им никакого повода к жалобам»¹. Мало того, оказывается, уже 8 (19) июня был готов и подписан «русским начальником» и кардиналом Руффо проект этих условий капитуляции, а 11 (22) июня капитану Футу была представлена и сама капитуляция, формально подписанная русскими и кардиналом Руффо.

В данном случае снова было проявлено то благородство со стороны ушаковских моряков по отношению к «якобинцам», которое мы констатировали, говоря о действиях Ушакова на Ионических островах. Но здесь заслуга русских была несравненно большей, потому что безмерно сильнее были препятствия. «Неаполитанская фурия» Каролина и леди Гамильтон, фактически управлявшие королевством и руководившие действиями Нельсона, ненасытно жаждавшие пыток, истязаний и публичных казней, знавшие, что во всех этих варварских неистовствах им обеспечена полнейшая поддержка неаполитанской черни, духовенства и грабительских орд, шедших за Руффо, ни за что не хотели мириться с тем, что русские вырвали из их когтей побежденных «якобинцев». И они немедленно приняли свои меры.

Теперь мы должны перейти к тому событию, которое по честному признанию английской правдивой наблюдательницы мисс Эллен Уильямс, вызвало такой отклик всех любящих и уважающих Англию и честь Англии людей: «Мы были бы менее удивлены, если бы услышали, что

¹ «The cardinal told the officer whom I sent that he knew nothing of what going on, that he stood in great need of the aid of the Russians, that he would not give them the least ground for complaint and that it was the Russians who conducted the treaty». — Publications of the Navy Record Society, vol. XXV. Cambridge, 1903, p. 246.

янычары рассуждают о правах человека и правах народов в представительных собраниях в Константинополе, чем мы были удивлены, видя как английские офицеры сделались исполнителями произвольных и кровожадных приказов итальянского государя, направленных против свободных людей, нарушив договор, подписанный офицером английской нации вместе с представителями других держав»¹.

13 (24) июня 1799 года Нельсон прибыл в Неаполь со своей эскадрой. С ним была, конечно, леди Гамильтон. Королевская семья пока оставалась в Палермо, потому что король Фердинанд продолжал бояться, хотя Неаполь уже был в руках кардинала Руффо, а укрепленные замки капитулировали.

Немедленно Нельсон объявил, что он не признает подписанной русскими и его же представителем Футом капитуляции. Даже кардинал Руффо, сам жесточайший усмиритель, был возмущен этим актом и объявил, что ни он, ни его войско не будут участвовать во враждебных действиях против французов.

Понадеявшиеся на честное выполнение условий капитуляции французы и несчастные республиканцы вышли из укрепленных замков. Кое-кто из них успел даже пересечь на транспорты, которые отходили в Тулон. Но транспорты были остановлены по приказу Нельсона, и все были арестованы. Часть французов и республиканцев была посажена на особые суда, где арестованных настолько сбили в кучу, что они не могли ни сесть, ни лечь; другую часть перевезли в неаполитанские тюрьмы.

И современные Нельсону, и писавшие о нем впоследствии критики его действий немало положили сил, чтобы отчасти иезуитскими, отчасти юридически-судяжническими «логическими» доводами оправдать поступки Нельсона, возмущившие даже кардинала Руффо. Сам же английский флотоводец крайне мало заботился о своих оправданиях. Он без малейшего смущения объяснял дело так: капитуляция была подписана, когда еще британский флот не подошел к Неаполю, а вот теперь он подошел, поэтому никакая капитуляция признана быть не может. Впоследствии супруги Гамильтон подсказали Нельсону, что нужно больше всего напирать на то, будто Руффо не имел права без согласия короля подписывать капитуляцию, а также на то, что Нельсон имел от короля Фердинанда неограниченные полномочия.

В последовавшей гнусной оргии неаполитанская чернь рвала на части несчастных людей, сжигала их на площадях, а учрежденные королевским правительством судилища соперничали в неистовой жестокости приговоров. Пытки и всякого рода казни производились долгие дни и недели подряд.

Нельсон и непосредственный его помощник капитан Траубридж также лично проявили полную беспощадность и бессовестность в расправе с капитулировавшими республиканцами Неаполя.

Нельсон решил повесить адмирала Караччиоло, командовавшего флотом республиканцев. Он наскоро организовал военный суд и, побуждаемый своей любовницей леди Гамильтон, которая, собираясь уезжать, хотела обязательно присутствовать при повешении, приказал немедленно же исполнить приговор. Караччиоло был повешен в самый день суда 18 (29) июня 1799 года на борту линейного корабля «*Minerva*». Тело Караччиоло весь день продолжало висеть на корабле. «Необходим пример», — пояснял английский посол Гамильтон, вполне стоивший своей супруги².

Черным пятном легла эта эпопея коварства и зверства на память Нельсона. Королю Фердинанду, королеве Каролине, супругам Гамильтон в смысле репутации терять было нечего. Но живший до этого момента и после него, как храбрец, и умерший, как храбрец, британский флотоводец Нельсон не пощадил в 1799 году своего имени.

Зато честь и репутация русских моряков остались совершенно незапятнанными. По единодушным показаниям современников, русские спасали несчастных республиканцев, за которыми охотилась, как за дикими зверями, роялистская чернь.

Следует еще отметить, что начальник русско-го отряда капитан 2-го ранга Белли, вопреки вероломству Нельсона, старался твердо выполнять условия капитуляции. Согласно показанию Ричарди, одного из неаполитанских республиканцев, вышедших из замков Капель д'Уово и Капель Нуово, русские войска «выпустили со всеми военными почестями всех людей гарнизона со стороны морского арсенала, где этот гарнизон сложил оружие и был посажен на суда, чтобы быть отвезенным в Тулон»³. Сели на суда и неаполитанские «якобинцы», уже считавшие себя спасенными. Но суда, как было сказано, англичане остановили в море и возвратили в Неаполь. Жертвам, которых русские пытались спасти, не удалось, таким образом, уйти от палачей.

¹ Williams H.M. *Aperçu de l'état, des mœurs et des opinions dans la république française*, t. I. P., 1801, p. 176.

² Publications of the Navy Records Society, vol. XXV, p. 251.

³ Там же, стр. 323.

Павел, ничего не знавший о действиях Белли относительно «якобинцев» и его истинном отношении к ним, и в частности о том, что Белли выпустил всех из замков и, желая спасти им жизнь, позволил поскорее сесть на транспорт, писал Суворову:

«Сделанное Белли в Неаполе доказывает, что русские на войне всех прочих бить будут, да и тех, кто с ними, тому же научат».

Царь имел в виду лишь победу русских над французами. Не поздоровилось бы, вероятно, Белли, если бы Павел знал все подробности... Неаполитанский дипломат Мишеру писал о военных действиях ушаковских моряков и солдат:

«Конечно, не было другого примера подобного события: одни лишь русские войска могли совершить такое чудо. Какая храбрость! Какая дисциплина! Какие кроткие, любезные нравы! Здесь боготворят их, и память о русских останется в нашем отечестве на вечные времена».

Блокада отрядом Пустошкина Анконы

Другой из двух главных «союзников» и «сотоварищей» России во второй коалиции — австрийский двор — был, по существу, еще более недоброжелательно настроен по отношению к России, чем британский кабинет. Австрийцы еще больше опасались русских войск и их внедрения в итальянские владения Габсбургов, чем Нельсон боялся упрочения русского владычества на Ионических островах. Много тяжелых минут доставила эта зложелательная, тайно интригующая и подкапывающаяся политика венского правительства великому Суворову. Его в ярость приводили «подлые невежества» председателя придворного военного совета австрийского министра Тутута, «председателя гофкригсрата», фактически заправлявшего всеми делами. Суворов жаловался, что «беспрестанные от интриг неудовольствия отчаяли» его, и Александр Васильевич, называвший Тутута не иначе, как «совой», ставил (даже в официальной переписке) такой альтернативный вопрос, недоумевая, какой из двух ответов дать о Тутуте: «Сия сова не с ума ли сошла? Или никогда его не имела?»

Тутут вредил в это же самое время не только Суворову, но и Ушакову, подрывая по мере сил успехи русских своих «союзников» и на суше, и на море. Однако дипломатический стиль Ушакова был совсем не такой, как у Суворова, да и положение его было иное.

Столкнуться с австрийским «ножом за пазухой» Ушакову пришлось в трудное время, осенью 1799 года, когда уже русская помощь была не так нужна австрийскому правительству и когда, следовательно, можно было разрешить себе усиление наглости по отношению к русским.

В то время как моряки под командованием капитана 2-го ранга Белли отличились на суше, кораблям флота пришлось действовать под Анконой. Австрийское правительство через русского посла в Вене Разумовского очень просило Ушакова отрядить часть своих кораблей в Адриатическое море, чтобы, во-первых, помочь взять Анкону, где засел двухтысячный французский гарнизон, и, во-вторых, оградить крайне важные для Австрии торговые перевозки в Адриатике. Сам Суворов был вынужден торопить Ушакова и предлагать ему помочь австрийцам взять Анкону. Вот что писал, еще находясь в Вене, великий фельдмаршал Ушакову 5 мая 1799 года.

«Милостивый государь мой Федор Федорович!

Здесьшний чрезвычайный и полномочный посол пишет ко мне письмо, из которого ваше превосходительство изволите ясно усмотреть необходимость крейсирования отряда флота команды вашей на высоте Анконы; как сие для общего блага, то о сем ваше превосходительство извещаю, отдаю вашему суждению по собрании правил, вам данных, и пребуду с совершенным почтением.

Милостивый государь вашего превосходительства покорнейший слуга
гр. А. Суворов-Рымникский».

1 (12) мая 1799 года Ушаков отправил два русских корабля и два фрегата, а также турецкие корабль, два фрегата и корвет и во главе этой эскадры поставил контр-адмирала Павла Васильевича Пустошкина (произведенного 9 (20) мая того же года в вице-адмиралы).

7 (18) мая 1799 года Пустошкин появился под Анконой. Войск у Пустошкина почти вовсе не было, но за короткое время ему удалось сделать очень много.

Эскадра Пустошкина уничтожила или изгнала с моря итальянских и французских корсаров, невозбранно грабивших торговые суда любой национальности. Русские моряки

освободили от французских захватчиков Сенигалью и ряд других населенных пунктов северо-восточного итальянского побережья. Австрийцы в этом труднейшем деле никакой помощи русским морякам не оказали. Очистив море, Пустошкин успешно начал подготовку к взятию Анконы. Но тут Ушаков, по настоянию Нельсона, вынужден был внезапно отозвать эскадру Пустошкина к Корфу, так как распространились тревожные слухи о вступлении в Средиземное море сильного франко-испанского флота.

Одновременно к Корфу был отозван и отряд капитана 2-го ранга Сорокина.

Ушаков принял меры на случай встречи с вражеским флотом. Он собрал в Корфу всю свою эскадру, снабдил ее провиантом и 25 июля (5 августа) отправился к берегам Сицилии на соединение с адмиралом Нельсоном, просившим Ушакова выступить совместно с английским флотом. 3 (14) августа эскадра Ушакова пришла в Мессину.

К этому времени выяснилось, что опасность со стороны франко-испанского флота преувеличена. По просьбе Суворова, готовившегося начать наступление к берегу Генуэзского залива, Ушаков 19 (30) августа отправил к Генуе под командованием вице-адмирала Пустошкина три корабля и два малых судна, чтобы пресечь подвоз морем запасов неприятельским войскам. В тот же день к Неаполю в помощь отряду Белли был послан капитан 2-го ранга Сорокин с тремя фрегатами и одной шхуной. Сам же Ушаков с остальными кораблями пошел в Палермо, чтобы, «условясь в подробностях с желанием его неаполитанского величества и с лордом Нельсоном», пройти к Неаполю, а оттуда в Геную «или в те места, где польза и надобность больше требовать будут»¹. Еще до прихода Ушакова в Палермо, 3 (14) августа 1799 года туда прибыл из Англии вице-адмирал Карцов с тремя линейными кораблями и фрегатом. Карцов поступил немедленно под команду Ушакова. Экипаж у Карцова оказался страдающим «цинготной болезнью», и Ушаков с целью излечения цинготных направил всю эскадру Карцова к Неаполю. Нас не должно удивлять, что экипаж русской эскадры, прошедшей от Англии до Южной Италии и крейсировавшей по Средиземному морю, так страдал от цинги, как если бы эскадра стояла, затертая льдами, где-нибудь за Полярным кругом: ни англичане, ни турки, ни неаполитанцы не были озабочены доставлением доброкачественной провизии русским союзникам.

Когда Ушаков 22 августа (2 сентября) пришел со своими кораблями в Палермо, то оказалось, что и Нельсон, и король Фердинанд непременно желают оставить русскую эскадру у неаполитанских берегов. Нельсон желал этого для того, чтобы не пускать русских к Мальте, король же — из непреодолимого страха перед французами и вследствие полной уверенности, что без русских порядок в его столице еще не скоро будет установлен. Вот что мы читаем в выписке из «Исторического журнала» о совместных совещаниях адмирала Ф. Ф. Ушакова с лордом Нельсоном.

«Между тем адмирал с господином вице-адмиралом Карцовым и командующим турецкой эскадры неоднократно еще виделись с лордом Нельсоном и с первым его сицилийского королевского величества министром Актоном имели между собой военный совет о общих действиях.

Главкомандующий желал иметь действия общими силами противу Мальты, дабы как наивозможно скорее принудить ее к сдаче, но господин лорд Нельсон остался в прежнем положении о своей эскадре, что она должна идти непременно частью в порт Магон, а прочие в Гибралтар, также и объявлено, что и португальская эскадра непременно пойдет в Португалию.

При оных же обстоятельствах главнокомандующий получил вторичное письмо от его королевского величества, в котором объяснено формальное требование в рассуждении союза и верной дружбы его королевского величества с государем императором Всероссийским, чтобы адмирал с обеими союзными эскадрами отправился в Неаполь для восстановления и утверждения в оном спокойствия, тишины и порядка и прочих обстоятельств, в письме его величества объясненных...»²

Когда военные действия против французов в Неаполе и всем королевстве окончились, эскадра Ушакова все же не могла пойти к Мальте — не только потому, что Нельсон не хотел того допустить, но и по другим причинам. Во-первых, турецкая эскадра самовольно ушла к себе домой, в Константинополь, и ушаковский флот тем самым уменьшился в своем составе весьма значительно. Во-вторых, Рим, захваченный в свое время войсками Бонапарта, оставался во власти французов, грабивших город.

¹ ЦГАВМФ, ф. Сборный, д. 7.

² Там же, д. 1064, л. 58. Копия.

Поход русского десанта на Рим и его занятие

Следует сказать, что в Риме среди самых широких слоев народа французы снискали себе еще большую ненависть, чем в Неаполе. Но и тут без русской помощи «союзники», т. е. англичане, неаполитанцы и австрийцы, долго ничего поделать не могли.

Ушаков сделал все от него зависящее, чтобы, не отвлекаясь римскими делами, идти, наконец, к Мальте. Но что было делать с турками? Матросы Кадыр-бей взбунтовались и грозили выбросить за борт всех своих офицеров и самого Кадыр-бея. Они заявляли, что им надоело воевать так долго и так далеко от Турции. А тут еще прибавились события, очень ускорившие уход турецкой эскадры.

Жаловавшиеся на «скуку» турецкие матросы время от времени пробовали с ней бороться, грабя при случае жителей Палермо. Но тут коса нашла на камень: сицилийцы оказались весьма оперативными в самозащите; произошло большое побоище на берегу, причем турки были жесточайше поколочены: четырнадцать человек у них было убито, пятьдесят три ранено и сорок человек пропало без вести¹.

Это происшествие произвело на поколоченных турецких матросов настолько отрицательное впечатление, что они определенно заявили своему начальству о своем непреложном решении отправиться поскорее домой.

Перепуганный насмерть Кадыр-бей явился в Палермо к Ушакову и умолял его восстановить дисциплину. Ушаков отправился на турецкую эскадру и восстановил порядок, но длительных результатов добиться не мог. Дело в том, что и турецкие морские офицеры, не весьма далеко ушедшие от своих подчиненных в понимании дисциплины и воинского долга, тоже «соскучились» воевать под верховным командованием русского адмирала. Ни ограбить богатые Ионические острова Ушаков им не дал, ни перехватывать на море зазевавшихся «купцов» под нейтральным флагом не позволял, ни насильничать в Палермо не разрешал; никакой радости для них от этой экспедиции не было и впредь не предвиделось. А в Константинополе тоже сообразили, что если даже от освобождения Ионических островов никакой реальной пользы Турция не получила, то уж подавно ничего не получит от действий в Италии. Поэтому едва ли взбунтовавшиеся турецкие матросы могли очень бояться гнева своего правительства. Турецкая эскадра ушла «самовольно» к себе домой. Ушаков должен был, по настоятельной просьбе короля Фердинанда, идти с оставшимися у него кораблями из Палермо в Неаполь, где слишком уж бушевала (с самого конца июня) и грабила чернь, которая, разохотившись, следила уже не только на «якобинцев», а на всех, у кого можно было чем-либо поживиться.

Вот что доносил русский представитель при неаполитанском дворе Италинский А. В. Суворову 1 (12) сентября 1799 года:

«Сиятельныйший граф, милостивый государь.

Господин адмирал Ушаков, по прибытии своем сюда (в Палермо — *Е. Т.*) с российской и оттоманской эскадрой... имел намерение идти в Мальту, стараться принудить неприятеля к сдаче тамошней крепости. Опасное положение, в котором находится Неаполь по причине не утвердившегося еще в народе повиновения законам, заставило господина адмирала, исполняя волю и желание его неапольского (*sic!* — *Е. Т.*) величества, следовать к оному столичному городу. Завтра вся эскадра российская, состоящая из семи линейных кораблей, снимается с якоря, турецкая сего дня поутру пошла к Дарданеллам. Служащие на ней матросы давно ропщут, что их задержали в экспедиции гораздо более того, сколько они обыкновенно бывают в море; наконец, будучи здесь, совершенно взбунтовались, отрешили от команды адмиралов и прочих начальников и, презирая все уведомления, поплыли в отечество. Господин адмирал Ушаков, по восстановлении спокойствия в Неаполе, желает выгнать французов из Рима и надеется иметь в том благополучный успех»².

8 (19) сентября 1799 года Ушаков со своей эскадрой пришел в Неаполь. Здесь все еще продолжались зверства монархических банд. Ушаков сделал попытку облегчить участь

¹ ЦГАДА, ф. КП. Переписка посланника Томары с адмиралом Ушаковым, д. 46, л. 510 и 511. Рапорт Ф. Ф. Ушакова Павлу I о неповиновении матросов турецкой команды. Сентябрь 1799. Корабль «Св. Павел».

² ЦГАВМФ, ф. Сборный, д. 7, л. 706—707. Копии без подписи.

неаполитанских республиканцев, непосредственно обратившись к министру неаполитанского правительства Актону, который все беспокоился, достаточно ли бдительно сторожат пленников. Ушаков писал Актону 7 (18) октября 1799 года:

«Во оном столичном городе спокойно, замечается только сие, что казнь виновных сначала народу весьма желательна, но непрерывное продолжение оной начало приводить многих в содрогательство и в сожаление, которое час от часу умножается. Более, по всей видимости, худых последствий теперь ожидать ни от кого нельзя, кроме разве от родственников тех, которые содержатся в тюрьмах и ожидают таковой же злосчастной участи, и, конечно, ежели бы не прилежное смотрение караулами, могло бы от отважных людей случиться что-либо для освобождения родственников своих и приятелей... Но, ваше высокопревосходительство, почитаю к отвращению таковых могущих быть дерзких замыслов должно взять надежнейшие меры и самые лучшие могли бы быть высочайшим милосердием его королевского величества и общим прощением впадших в погрешности (кроме только самоважнейших преступников, о которых должно сделать рассмотрение). Не благоугодно ли будет употребить об оном ходатайство ваше его величеству, яко любящему отцу свое отечество и своих подданных, таковое благодеяние восстановит усердие, ревность и повиновение законам и наилучшему исполнению повелений...»¹

Благодаря вмешательству Ушакова было спасено много неаполитанских «якобинцев».

Каролина и ее супруг не смели отказывать Ушакову, ибо на очереди стоял вопрос о походе на Рим, где еще находился французский гарнизон в 2 500 человек. Без русских справиться было очень мудрено. Неаполитанские властители были крайне храбры по отношению к безоружным и беззащитным, но очень скромны там, где приходилось иметь дело с вооруженным и боеспособным неприятелем.

Рим был занят французами в связи с общим завоеванием Северной и Средней Италии Бонапартом в 1796—1797 годах. Как и в Неаполе, в Риме была налицо не очень многочисленная республиканская партия, стоявшая на стороне французов, но народная масса либо была совсем равнодушна, либо определенно враждебно относилась к завоевателям и смотрела на них, как на жадных захватчиков.

Когда Неаполь вернулся в конце июня 1799 года под власть Фердинанда, то одним из первых предприятий, затеянных им под прямым давле-

А. В. Суворов

нием англичан, и был поход против французского гарнизона в Риме. Дело казалось вполне верным, так как с севера, из Тосканы, на Рим шел австрийский отряд генерала Фрелиха, который уже приблизился к Чивита-Кастеллано.

Начальство над французским гарнизоном принадлежало генералу Гарнье, человеку очень энергичному. Он вышел из Рима и бросился навстречу неаполитанцам, отбросил их и разбил. Сейчас же после этого Гарнье круто повернул по направлению к Чивита-Кастеллано против австрийцев, уже совсем подошедших к городу. 1 (12) сентября произошло сражение, в котором австрийцы были разбиты наголову и отступили или, точнее, отбежали на несколько миль.

Так обстояли дела перед тем, как Ушаков прибыл в Неаполь и высадил 800 человек морской пехоты и матросов под командой полковника Скипора и лейтенанта Петра Ивановича Балабина для похода на Рим. Прослышав о приближении к Риму отряда Скипора и Балабина, Гарнье, несмотря на свои победы как над неапо-

¹ ЦГАВМФ, ф. Сборный, д. 7, л. 789—790. Копия.

литанцами, так и над австрийцами, согласился начать переговоры о капитуляции гарнизона. 16 (27) сентября капитуляция была подписана командующим неаполитанской армией маршалом Буркардом и капитаном Траубриджем — командиром британского линейного корабля, пришедшего в Чивита-Веккию. Австрийский генерал Фрелих не согласился с условиями капитуляции, но когда Гарнье снова на него напал и снова разбил его наголову, то Фрелих счел себя удовлетворенным и согласился.

По условиям капитуляции французы получали право свободно выйти из города не только с оружием, но и со всеми награбленными ими вещами и богатствами. Ушаков узнал, что Буркард, действуя явно с согласия кардинала Руффо, просто решил выпустить французов с оружием и обязался даже переправить их, куда они захотят. Это давало французам полную возможность немедленно отправиться в Северную Италию воевать против суворовской армии. Самим же неаполитанцам ничего не нужно было, кроме возможности войти в Рим и в усиленных темпах продолжать (но уже в свою пользу) производившееся так долго французами систематическое ограбление римского населения.

Уже 15 (26) сентября 1799 года, накануне формально подписанной капитуляции Рима, Ушаков с возмущением укорял Траубриджа за дозволение французам спокойно, со всем вооружением уйти из Рима, Чивита-Веккии, из Газеты, и, не зная еще о совершившихся фактах, Ушаков требовал, чтобы Траубридж продолжал с моря блокировать Чивита-Веккию, потому что иначе освобожденные французы — «сикурс (помощь — *Е. Т.*) непосредственный и немаловажный» для французской армии, сражающейся на севере против Суворова¹.

Но этот протест не помог. В руки Ушакова попал документ, показавший ему, что еще за пять дней до его укоризненного письма Траубридж уже уведомил неаполитанского главнокомандующего генерала Буркарда о «великодушных договорах» и «кондициях», которые он своей властью решил предоставить французскому генералу Гарнье. Конечно, Гарнье поспешил принять «великодушные» предложения Траубриджа². Англичанин очень подчеркивает свое «великодушие», избавившее его от дальнейших хлопот и проволочек. Во что его «великодушие» обойдется суворовским солдатам, которые вскоре увидят перед со-

бой новые французские подкрепления, это Траубриджа интересовало меньше всего на свете.

Буркард и кардинал Руффо, конечно, очень рады были, что предводимая ими банда грабительской монархической гольфы, военная ценность которой была равна нулю, не должна будет дальше сражаться с французами, и Буркард со своей стороны вполне одобрил решение Траубриджа³.

Ушаков написал 24 сентября (5 октября) гневное письмо кардиналу Руффо, причем указывал на «самовольно и неприлично» проявленную Буркардом инициативу. На самом деле Буркард явился лишь козлом отпущения: он действовал с согласия Руффо, и русский адмирал явно дал почувствовать кардиналу Руффо, что вполне понимает его ложь и увертки.

«Ответствую: по всем общественным законам никто не имеет права брать на себя освобождать общих неприятелей из мест блокированных, не производя противу их никаких военных действий и не взяв их пленными, — писал Ушаков кардиналу Руффо, — ...Господин маршал Буркард не должен приступить к капитуляции и освобождать французов из Рима, тем паче со всяким оружием и со всеми награбленными ими вещами и богатствами».

Но все было напрасно. Англичане не только освободили французские войска, но и стали с полной готовностью перевозить их на Корсику, откуда уже рукой подать было до суворовских позиций в Северной Италии...⁴ Стучилось, следовательно, именно то, чего опасался и на что негодовал Ушаков.

Скипор и Балабин получили от Ушакова приказ возвратиться в Неаполь, не продолжая похода к Риму. Кардинал Руффо немедленно написал адмиралу Ушакову письмо, умоляя его не возвращать русский отряд в Неаполь, во-первых, потому, что французы согласились уйти только под влиянием известий о приближении русских, а во-вторых, потому, что если русские не войдут в Рим, то «невозможно будет спасти Рим от грабежа и установить в нем добрый порядок». Мало того, кардинал Руффо решил уж пойти на полную откровенность и признался, что «без российских войск королевские (неаполитанские — *Е. Т.*) подвержены будут великой опасности и, возможно, отступят назад».

Вот что читаем в переведенном на русский язык с итальянского в канцелярии Ушакова

¹ ЦГАВМФ, ф. 119. Канцелярия адм. Ф. Ф. Ушакова, д. 15, л. 100 и об. Письмо Ф. Ф. Ушакова английскому командиру Трубричу (sic!). 15 (26) сентября 1799 года.

² Там же. Письмо английского командира Трубрича (sic!) командующему неаполитанскими войсками Буркарду, 21 сентября 1799 года.

³ Там же, письмо Буркарда — Трубричу (sic!), 22 сентября 1799 года.

⁴ ЦГАВМФ, ф. Сборный, д. 7, л. 791—795. Репорт начальника десантных войск полковника Скипора адмиралу Ф. Ф. Ушакову о вступлении войск в Рим 1 (12) октября 1799 года.

письме кардинала Руффо от 1 октября 1799 года к адмиралу (подлинника в делах нет):

«Если французский генерал Гарнье подписал капитуляцию о сдаче (sic! — *E. T.*) Рима и крепости Сант-Анжела, то, конечно, не решился он к тому по единому явлению маршала Буркарди в 1 000 человек неапольских войск в окрестностях (sic! — *E. T.*) одного столичного города, но что он узнал о прибытии российской эскадры в сию гавань; да и не сомневался о высаждении десантных войск, опасаясь, что те войска вместе с королевскими употреблены быть могут противу Рима, опасаясь также и приближения австрийцев; все сии резоны заставили его предпочесть капитуляцию, нежели подвергнуть себя опасностям, ему угрожающим; ежели российские войска (sic! — *E. T.*) продолжать не будут марш свой к Риму, то, ваше превосходительство, увидите, что маршал Буркарди не может принять и проводить неприятеля к Чивита-Веккию, да и вступление его в Рим не может быть в безопасности. Известно, что число состоящих там французов простирается более 1 500 человек и, может быть, больше число приумножится римлянами, которые, подражая своим приятелям, хотят следовать во Францию. Занятие Рима будет опасно, ибо, как известно, начальники многочисленной республиканской толпы думают: дабы по выступлении оттуда французов занять город и крепость и оных защищать. По таковым обстоятельствам нужно будет иметь повеление вашего превосходительства, чтобы войска эскадры вашей продолжали марш свой и потому, что иначе невозможно будет спасти Рим от грабежа и установить во оном доброй порядок. Без российских войск королевские подвержены будут великой опасности, и, может быть, что оные отступят назад, оставляя Рим гораздо в худшем состоянии, нежели оно было прежде заключения капитуляции. Так как Анкона не может быть оставлена при немногих российских войсках, ее блокирующих (sic! — *E. T.*), то эти новые войска (sic! — *E. T.*) могут идти вперед для других предприятий. Господин Итальянский, министр его величества императора Всероссийского, вашему превосходительству словесно сообщит другие резоны, которых не могу я показать на бумаге»¹.

Ушаков снова приказал Скипору и Балабину идти в Рим. 30 сентября (11 октября) 1799 года в первый раз за историю Рима русские войска всту-

пили в «вечный город». Вот что доносил об этом событии лейтенант Балабин адмиралу Ушакову:

«Вчерашнего числа с малым нашим корпусом вошли мы в город Рим. Восторг, с каким нас встретили жители, делает величайшую честь и славу россиянам. От самых ворот св. Иоанна до солдатских квартир обе стороны улиц были усеяны обывателями обоего пола. Даже с трудом могли проходить наши войска. “Виват Павло примо! Виват москвито!” — было провозглашаемо повсюду с рукоплесканиями. “Вот,— говорили жители,— вот те, кои бьют французов и коих они боятся! Вот наши избавители! Недаром французы спешили отсюда удалиться!” Вообразите себе, ваше высокопревосходительство, какое мнение имеет о нас большая и самая важная часть римлян и сколь много радости произвела в них столь малая наша команда! Я приметил, что на всех лицах было написано искреннее удовольствие»².

Этого донесения Балабина, цитируемого Висковатовым в 1828 году, нет в документах, бывших в моих руках. Но есть у меня донесение Скипора, почти буквально повторяющее слова Балабина: «...Спешил я походом с войсками, мне вверенными, к Риму для освобождения его и Чивита-Веккии от неприятелей. Худость дороги препятствовала скорости, а особо провозу тяжелой артиллерии, и вчерашний день прибыл к оному благополучно, служители (матросы — *E. T.*) здоровы. По приходе в Рим застал я его уже освобожденным по капитуляции, предложенной командором Трубричем (sic! — *E. T.*) и подписанной маршалом Буркардом... Был я встречаем премножеством собравшегося народа под стенами римскими и, вступая в город с музыкой неаполитанской, во всех улицах восклицали с радостью: вива императоре Павло примо, вива Москвитин!»³.

Ликование римского населения объясняется весьма простой причиной: в городе уже начали хозяйничать монархистско-бандитские шайки кардинала Руффо, снискавшие себе такую специфическую славу, что именно с этой поры в английский язык вошло новое слово «руффианец», the ruffian, для обозначения грабителя и громилы. Приход безукоризненно державших себя, дисциплинированных русских войск спас Рим от грозивших ему ужасов. «В Риме сил никаких важных не остается, кроме не одетых и нерегулярных войск... а только составляют важность наши войска под командой моей, состоящие в Риме», — доносил Скипор Ушакову.

¹ ЦГАВМФ, ф. 119. Канцелярия адм. Ф. Ф. Ушакова по командованию эскадрой в Средиземном море, д. 15, л. 101 об.— 102. Копия. Письмо неаполитанского наместника кардинала Руффо Ф. Ф. Ушакову 1 октября 1799 г.

² Висковатов А. Военные происшествия в Неаполитанском королевстве 1798 и 1799 гг. — Славянин, 1828, ч. V, стр. 360—361.

³ ЦГАВМФ, ф. Сборный, д. 7, л. 791—795. Рапорт начальника российских десантных войск полковника Скипора адмиралу Ф. Ф. Ушакову; Рим, 1 (12) октября 1799 г.

В Риме могло повториться в меньших размерах то, что произошло в Неаполе: неаполитанский сброд, очень трусливый в бою, был неукротим в насилиях и грабежах. Но здесь все эти эксцессы монархической неаполитанской черни были прекращены с самого начала, и пока русский отряд был в городе, римские республиканцы и все вообще подозреваемые в «якобинстве» могли быть спокойны.

Отряд Скипора и Балабина, пробыв некоторое время в Риме, вернулся к эскадре Ушакова в Неаполь.

Так закончились военные действия Ушакова и его моряков в неаполитанских водах и на суше. Но политическое действие трактата о помощи России Королевству обеих Сицилий продолжалось. Этот договор был подписан еще 29 ноября (10 декабря) 1798 года в Петербурге. Со стороны короля неаполитанского договор подписал посол маркиз де Серра-Каприола, со стороны Павла I — Безбородко, Кочубей и Раstopчин. Ссылаясь на этот договор, Фердинанд выпросил у Ушакова в самом конце 1799 года при уходе русской эскадры, чтобы тот еще на некоторое время оставил в Неаполе Белли с его отрядом.

Возобновление действий русских под Анконой и конфликт Ушакова с австрийцами

Частям эскадры Ушакова было суждено еще принять боевое участие в действиях против неприятеля в тех северных рукавах Средиземного моря, которые носят названия моря Адриатического и моря Лигурийского, другими словами — воевать под Анконой и под Генуей.

В нерадостной общей политической обстановке приходилось действовать теперь Ушакову. Австрийский император и двор, взывавшие ранее к Павлу о спасении и пресмыкавшиеся перед Суворовым, когда он появился с русскими войсками по молитве австрийцев, осенью 1799 года круто изменили фронт и переменили тон. Теперь, после того как Суворов, одержав ряд блестящих побед, изгнал французов из Северной Италии и, совершив героический переход через Альпы, ушел в Швейцарию, можно было от тайных интриг перейти к довольно откровенной неприязни. Правда, русские еще нужны были, чтобы завершить дело Суворова и отнять у французов два порта, оставшиеся в стороне от стремительного победоносного движения Суворова: Анкону — на Адриатическом море и Геную — в глубине Генуэзского залива. Но австрийцы надеялись, что Павел так или иначе из коалиции не выйдет, а поэтому ни с кем из русских начальников и представителей особенно церемониться не считали уже нужным. Страшный Бонапарт, отнявший у австрийцев Италию, пропадает где-то далеко в египетских песках, а Суворов, освободивший от французов Северную Италию, ушел. Словом, все обстояло как будто благополучно. Не могли же в Вене предвидеть, что Бонапарт неожиданно вернется из Египта, вторично разгромит австрийцев под Маренго 14 июня 1800 года и снова завоюет Италию. Не могли австрийцы предвидеть и того, что слишком уж большая бесцеремонность австрийских генералов и английских адмиралов по отношению к России может способствовать такому совсем неожиданному крутому дипломатическому перевороту, как решительное сближение между Павлом и Бонапартом.

Попутно укажем, что адмирал Ушаков уже весной 1799 года имел вполне надежную документацию по вопросу о степени искренности и сердечности австрийских чувств касательно России вообще и его самого в частности. В мае 1799 года Ушакову доставили письмо, писанное австрийским комендантом («губернатором») района Бокко-ди-Каттаро (Bosca di Cattara) Брадесом и адресованное австрийскому консулу на о. Занте. В этом письме, заблудившемся по дороге, перехваченном и попавшем в руки Ушакова, австриец интриговал против введенной Ушаковым «конституции», слишком «демократичной», очевидно, с австрийской точки зрения. Ушаков в точности узнал об австрийских попытках внести «развратность и помешательство в наших учреждениях островов» и о том, что австрийцы стараются склонить жителей Ионических островов «на сторону австрийской нации».

То, что произошло сначала под Анконой, а потом под Генуей, оправдало самые пессимистические предчувствия Ушакова, которые могли у него возникнуть при чтении этого перехваченного письма.

По настоятельной просьбе Австрии Ушакову еще в июне 1799 года пришлось отделить от своего и находившегося в его распоряжении турецкого флота особую эскадру под командованием капитана 2-го ранга графа Войновича и послать ее к Анконе.

Римский коллизей в XIX веке

Началась блокада Анконы.

Вот что писал Войнович в письме полковнику Скипору 5 октября 1799 года:

«Батареи наши со всех сторон построены на картечных выстрелах, канонада производится непрестанно со всех сторон, и с моря отчасти фрегатами и по большей части вооруженными мной требокулами и лодками, на которых поставлены большого калибра пушки. Неприятель неоднократно покушался делать великие вылазки, но прогоняем был с немалым уроном».

Блокада Анконы, установленная Войновичем, была очень реальна. В Анконе начался голод, усиливалось дезертирство из полуторатысячного французского гарнизона, запертого в городе и крепости¹.

Так обстояло дело, когда в сентябре под Анкону прибыл австрийский отряд генерала Фрелиха.

Между Фрелихом, недружелюбно и в высшей степени нагло относившимся к русским, и графом Войновичем произошла ссора. Неприятности начались почти непосредственно после

прибытия восьмитысячного австрийского корпуса под Анкону. Войнович полагал, что австрийцы желают под Анконой поправить свою военную репутацию, сильно пострадавшую в Риме, который они никак не могли взять без русских: «Австрийцы, сожалея, что не могли иметь чести в Риме, всеми мерами и происками стараются получить верх при взятии Анконы», — зло иронизирует Войнович в донесении Ушакову от 17 октября 1799 года. Русский командир явно усмотрел в этих происках австрийцев вполне реальную цель: «Они крайне стараются и желают отдалить нас от сей экспедиции и захватить все себе. Я известился партикулярно под Триестом, что они хотят, если удастся, заключить капитуляцию тайно. Но я уверен, что в сем им успеть не удастся».

Стремление Фрелиха было заставить русских убрать свой десант с берега и вообще уйти от Анконы. А Войнович, не желая отказываться от чести победы, предлагал Фрелиху покончить дело штурмом². Но Фрелих, конечно, отказался.

¹ ЦГФАВМФ, ф. 119. Канцелярия адм. Ф. Ф. Ушакова, д. 6921, л. 45. Письмо Н. Д. Войновича полковнику Скипору 5 октября 1799 года.

² Там же, д. 6920, л. 79—80. Письмо графа Н. Д. Войновича Ф. Ф. Ушакову 17 октября 1799 года.

Проведав о том, что Фрелих завел с французами переговоры о капитуляции, Войнович немедленно дал знать об этом Ушакову, который командировал в качестве русских представителей двух офицеров. Фрелих их не принял. Тогда Войнович написал австрийцу резко протестующее письмо: «Я не могу быть равнодушным к сей новой обиде... и я должен еще раз учинить представление против такого поступка, столь противного честности, долженствующей существовать между начальниками союзных войск, и которые разрушают взаимное согласие»¹.

Протест не возымел действия. Фрелих выпустил неприятеля из Анконы, и Войнович решил довести обо всем происходящем до сведения Ушакова:

«Австрийский господин генерал Фрелих тайным образом, не уведомляя меня, учинил с французским генералом Монье о сдаче Анконы сего ноября 2 дня капитуляцию и через 24 часа 4 ноября (*sic!* — *Е. Т.*) выпустил французский гарнизон из крепости.

...Я в то же время ему объявил, что на такую капитуляцию не согласен, но он, введя тайно в крепость в числе 3 000 человек гарнизон, писал мне, что нашим и турецким войскам назначает квартиру в Фано и Сенигалии».

Французы, уходя, обобрали жителей Анконы, «оставив их без ничего», как выражается неискушенный в стиле капитан Войнович².

Ссора жестоко обострилась, и Войнович резко объяснялся с австрийцем.

Фрелих пожаловался Ушакову и немедленно получил от русского адмирала ответ, представляющий собой интереснейший документ, который совсем по-новому и очень ярко освещает все дело.

Прежде всего Ушаков настаивал на том, что капитан 2-го ранга Войнович имеет полное право на начальствование в освобожденных русскими силами местах.

Что именно успели сделать русские, — об этом Ушаков напоминает австрийцу весьма внушительно.

Во-первых, русская эскадра очистила Адриатическое море «от множества корсаров французских», бравших в плен «всякие суда», вследствие чего «коммерция австрийских судов и прочих союзных держав в бедственном состоянии находилась». Все это русскими судами прекращено, «и коммерция открыта безопасная».

Во-вторых, на берегах Италии высадившиеся русские войска истребили и частью изгнали неприятеля «боем» из Фано, Сенигальи и других

мест. Ушаков напомнил забывчивому австрийскому генералу, что от русского флота был отделен и послан к Анконе отряд судов под командованием Пустошкина с прямым приказом отнять у французов Анкону, «и была уже верная надежда» добиться этого успеха, когда появление в Средиземном море французского и испанского флотов заставило Ушакова отозвать Пустошкина для соединения русских сил с английскими, требовавшими этой помощи. Но вскоре же после отозвания Пустошкина Ушаков послал к Анконе капитана 2-го ранга графа Войновича. Что же застал Войнович, прибыв на место? Оказалось, что с уходом отряда Пустошкина австрийцы не смогли удержать ни Сенигалью, ни Фано; французы их выгнали оттуда и снова водворились в этих местах, которые, таким образом, находились «вторично в бедственном состоянии от французов». Мало того, французы укрепились там еще лучше прежнего. Пришлось снова спасать австрийцев. «Граф Войнович употребил наиприлежное старание неприятеля десантными войсками в разных местах разбить, а в Фано неприятельский гарнизон, сверх убитых 653 человек, взят им военнопленным». Все это Войновичу удалось также с помощью присоединившейся тотчас к русским части населения — «нерегулярных войск из обывателей к нему присоединившихся». Укрепившись на суше, Войнович «обложил сильной осадой Анкону, устроил около нее батареи к ближней дистанции даже на картечный выстрел, поставя на них большие корабельные орудия». Держа Анкону в течение двух месяцев в «тесной осаде» и с суши и с моря и бомбардируя ее из больших орудий, Войнович привел неприятеля «в немалое ослабление». Было все это, иронически напоминает Ушаков генералу Фрелиху, еще «прежде прибытия вашего превосходительства с войсками». Когда Фрелих прибыл, то дело казалось выигранным: «Войнович уповал, что вы по существующей дружбе императорских дворов... согласитесь с ним общими силами в самой скорости и нимало не медля настоящими действиями принудить Анкону к сдаче». Но ничего подобного не случилось. «С крайним сожалением узнал я, что ваше превосходительство по приходе к Анконе не сделали императорским (русским — *Е. Т.*) войскам, столь долго осаждающим оную, ни малейшего уважения и требовали одни, сами собой, от французов сдачи Анконы на капитуляцию». Не довольствуясь этим, Фрелих стал распоряжаться в тех городах на берегу, ко-

¹ ЦГАВМФ, ф. Сборный, д. 52, л. 11. Письмо капитана 2-го ранга Войновича генералу Фрелиху 2 ноября 1799 года.

² Там же, л. 18 и 19. Войнович — Ушакову, 4 ноября 1799 года.

торые были дважды, как уже сказано, завоеваны русскими (после того как французы выгнали австрийцев). Фрелих «показал виды и желание отдалить войска наши с сухого пути». С этой целью австриец пустился на все. «Вы употребили некоторые предлоги под видом разных жалоб обывателей и делаете заметное промедление в надежде, когда настанут крепкие ветры и бурливая погода, тогда десантные войска наши неминуемо должны будут возвратиться на суда, о чем и господин граф Войнович упоминает». Ушаков напрямик показал Фрелиху, что понимает все его хитрости. «Я крайне о таковых происшествиях сожалею, они совершенно противны общей пользе союзных держав»¹.

Но курс, взятый Фрелихом, как и всеми другими австрийскими генералами, диктовался из Вены, и курс этот был твердый. Русские освободили своей кровью от французских захватчиков Северную Италию, и Суворов уже стал не нужен. Русские очистили Адриатическое море, могущественно способствовали падению Анконы, и Ушаков со своими моряками тоже оказался не нужен. Значит, можно было распоясаться окончательно и уже никак и ничем себя не стеснять.

Фрелих, не потрудившись даже уведомить Войновича, принял сдачу Анконы и отказался допустить русских в гавань после сдачи. «Я предвижу, — доносил Войнович Ушакову, — что они (австрийцы — *Е. Т.*) хотят всем завладеть сами, но сие никаким образом допустить не могу, чтобы дать обесчестить флаг его императорского величества, разве что, возможно, он по своей многочисленности учинит то силой»².

Ушаков всецело одобрил образ действия Войновича. Русский адмирал был возмущен тем, что Фрелих, не уведомляя Войновича, приступил к переговорам с французами о капитуляции Анконы. «Таковой поступок, — писал Ушаков Войновичу 7 (18) ноября 1799 года, — противен есть общественным правам законов, ибо всегда тот начальствовать должен, «кто имеет крепость в осаде, а не тот, который пришел уже после»³.

7 (18) ноября 1799 года Ушаков написал Фрелиху решительное письмо, в котором категорически требовал, чтобы капитуляция Анконы была принята и австрийцами и русскими сообща. С письмом в Анкону был послан лейтенант Балабин, которому поручалось на месте «обо всем осведомиться». Извещая об этом Фрелиха, Ушаков угрожал австрийцу в случае «неприятных происшествий» довести дело до императора Павла.

«Между прочим, — писал Ушаков Фрелиху, — в письме вашего превосходительства упомянуто о графе Войновиче весьма оскорбительно. Я столь верного службе его императорского величества и исправного офицера отнюдь ни в чем не подозреваю и посылаю с сим и с прочими к вам письмами нарочно правящего при мне должность адъютанта флота лейтенанта Балабина и приказал ему обо всем осведомиться. Долгом поставляю еще напомнить вашему превосходительству, ежели на письма мои в рассуждении капитуляции и всех принадлежностей не получу удовлетворение, непременно обо всем со всякой подробностью всеподданнейше донесу его императорскому величеству, но надеюсь, что по существующей между дворами совершенной дружбе таковых неприятных происшествий до разбирательства высочайших дворов вы не допустите...»⁴

На другой день, 8 (19) ноября 1799 года, Ушаков получил точное извещение о сдаче Анконы, состоявшейся 2 (13) ноября. Ушаков немедленно написал обо всем Павлу I:

«После всеподданнейшего донесения моего Вашему Императорскому Величеству сего ноября 7-го дня о переписке австрийского генерал-лейтенанта Фрелиха и флота капитана и кавалера графа Войновича, осаждающих с войсками Анкону, 8-го числа получил я рапорт и письма графа Войновича и приложенную при оных капитуляцию о сдаче Анконы, присланную к нему от генерал-лейтенанта Фрелиха. Граф Войнович в письме своем объясняет, что господин Фрелих тайным образом, не уведомляя его, учинил с французским генералом Монье о сдаче Анконы сего ноября 2 дня капитуляцию и через 24 часа французский гарнизон выступил из крепости. Сия капитуляция прислана к Войновичу для одного только сведения, и войска вашего императорского величества вместе с войсками Блистательной Порты Оттоманской, с давнего времени осаждающие Анкону и приведшие оную до последней уже крайности, при всех надлежащих законных правах победителем от капитуляции и от договоров с французами отдалены, даже о травах, им надлежащих, в капитуляции не упомянуто, кроме что в прелиминарном пункте, опробованном генерал-лейтенантом Фрелихом, сказано: французы для того с командующим союзных войск не хотят сделать капитуляцию, будто бы не выполнена им капитуляция, сделанная о сдаче Фано, но ясно заметно, что сие учи-

¹ ЦГАВМФ, ф. Сборный, д. 52, л. 13—15.

² Там же, д. л. 17—18. Копия.

³ Там же, д. 15—16.

⁴ Там же, л. 16—17. Копия с перевода письма, писанного на итальянском языке.

нено несправедливо и для единственной пользы французов и генерал-лейтенанта Фрелиха: первые не имели надежды по данному от меня предписанию графу Войновичу получить от него столь величайшие выгоды, каковы даны им оною капитуляцией, а генерал-лейтенант Фрелих воспользовался отдалением войск союзных от всех почестей им надлежащих. Вошед в Анкону с войсками, старается все взятое в плен и в призы завладеть и удержать за собой, даже в письме к графу Войновичу объяснил назначение квартир союзным войскам в Фано и Сенигалии. По таковым последствиям граф Войнович послал флотилию в Анконскую гавань и приказал поднять флаг Вашего Императорского Величества на моле и на всех пленных кораблях и прочих судах, которые после ночного времени при рассвете и подняты (прежде нежели были какие другие) по праву блокирования эскадрой оную гавань и удержания их от вывода из оной, также приказал командующему десантными войсками войти в крепость и поднять флаг Вашего Императорского Величества вместе с флагами австрийскими, а сие также исполнено. Вторым письмом граф Войнович доносит, что дал он повеление флота капитану Мессеру и лейтенанту и кавалеру Ратманову с назначенными к ним офицерами сего ноября 4-го дня описать все состоящие в Анконе суда и гавань, но генерал-лейтенант Фрелих к тому оных не допускает; флаги российские на всех судах и в гавани подняты и караулы поставлены, но он требовал, чтобы везде спустить поднятые везде флаги, и уведомляет, что послал к своему двору эстафет и до получения на оной ответа ни к чему допустить не намерен. О чем с глубочайшим благоговением Вашему Императорскому Величеству донося, рапорт флота капитана графа Войновича и приложенную капитуляцию, тож два письма означенных последствиях, ко мне доставленное в оригинале, всеподданнейше доношу и ожидаю об Анконе, о пленных в оной кораблях и прочих судах, о магазинах и о разных припасах и материалах, принадлежащих французам, высочайшей конфирмации Вашего Императорского Величества, а затем, когда посланный от меня флота лейтенант Балабин из Анконы возвратится и какие еще обстоятельные сведения мною получены будут, старание иметь буду за сим же всеподданнейше представить¹.

Павел одобрил действия Ушакова и приказал Коллегии иностранных дел обратиться с протестом к австрийскому двору. В Вене, очевидно, нашли, что Фрелих слишком уж торопится и что русские еще, пожалуй, могут понадобиться. Ретивый генерал был смещен и даже отдан под суд, ничем дурным для него, впрочем, не окончившийся.

Русские под Генуей

Как уже было сказано, Ушакову пришлось послать часть своих сил к Генуе в помощь австрийцам, долго и совершенно безуспешно ее осаждавшим.

Австрийский гофкригсрат так же точно не хотел пускать Суворова к Генуе, как на юге Нельсон не хотел пускать Ушакова к Мальте. И так же, как англичане бесконечно долго осаждали Мальту, так и австрийцы бесконечно долго осаждали Геную. Но поддержка со стороны русских эскадрой и небольшим десантом могла казаться гофкригсрату, с одной стороны, очень желательной, а с другой — вполне, так сказать, безопасной в смысле возможности захвата русским союзником этого богатого и крайне важного пункта.

Генуя захвачена была французами еще при первом завоевании Северной Италии генералом Бонапартом. Взять Геную можно было не с моря и не флотом, а с суши силами пехоты. На суше же австрийцы не имели русской помощи, и поэтому ничего путного у них не выходило. Шел месяц за месяцем, а Генуя держалась.

Руководил осадой (к моменту прибытия Пустошкина) австрийский генерал Кленау — один из множества австрийских военачальников, которых, по известному выражению Суворова, относившемуся к австрийцам, отличала «привычка битыми быть». Генерал Кленау тоже никак не мог избавиться от этой вредной привычки.

Прибыв под Геную со своей эскадрой, вице-адмирал Пустошкин «был обнадежен, что Генуя в скорости взята будет». На самом же деле Генуя была занята только 24 мая (4 июня) 1800 года, когда у генерала Массена, оборонявшего город, истощились все припасы, при-

¹ ЦГАВМФ, ф. Сборный, д. 52, л. 24—26. Копия.

Император Павел I, генерал-адмирал

чем уже через полторы недели после этого Бонапарт разгромил австрийцев при Маренго и Генуя тотчас же была возвращена французам. До всех этих событий было еще очень далеко летом и осенью 1799 года, когда генерал Кленау убеждал Пустошкина в близости австрийской победы. Кленау просил о высадке русского десанта в помощь австрийской сухопутной армии. Пустошкин войск не имел и мог высадить лишь батальон в 200 человек. У австрийцев было несколько тысяч человек. Предпринятый штурм французы отбили. Австрийцы были жестоко разбиты, они потеряли, как донес Ушаков царю, «до трех тысяч человек, в том числе более взятых в плен, чем убитых»¹. Очень характерна одна деталь: разбежавшаяся австрийская армия бросила маленький русский отряд на произвол судьбы. У русских оказалось выбывшими из строя 75 человек, в том числе убитыми 38, ранеными 18 и взятыми в плен 19. Пустошкин донес, что русский отряд «оказал отличное мужество и храбрость». Весьма показательно, что при позорнейшем поведении австрийцев весь русский отряд не был перебит или взят в плен.

Сражались русские превосходно. «При местечке Сестрин (sic! — Е. Т.) на гребных судах наш десант перевез на корабль и еще цесарцев вышеписанных 48 человек не без трудности, и могу доложить по справедливости в сем случае весьма доволен исправностью и усердием к службе его величества» своих моряков, благополучно спасавших заодно также и разбитых австрийцев («цесарцев»). «Сие случилось в ночное и мрачное с мокротою время, а притом со стороны открытого моря», — добавляет Пустошкин в своем рапорте Ушакову².

Пустошкин вернулся со своей эскадрой в Мессинский пролив лишь весной 1800 года, когда Павел вышел из второй коалиции и, к большому, вероятно, удовольствию Пустошкина, повелел «впредь никакого содействия с австрийскими войсками не иметь»³. В связи с этим Пустошкин отбыл к Ушакову, уже снова стоявшему со своей эскадрой у Ионических островов.

Донесения Ушакова об из ряда вон выходящем по наглости поведении австрийцев под Анконой и об их позорной трусости под Генуей поступили в царский кабинет как раз тогда, когда стала выявляться истинная суть предательских действий Австрии относительно русских в течение всего похода Суворова вообще, а в частности после великой его победы под Нови. Все это

складывалось в довольно законченную общую картину. Выход России из второй коалиции постепенно назревал. Психологически и политически он становился неизбежным еще до того, как в Петербург пришли известия о внезапном возвращении Бонапарта из Египта, о последовавшем спустя три недели после этого события низвержении Директории (переворот 18 брюмера 1799 года) и об установлении во Франции суровой военной диктатуры первого консула. Все эти новые впечатления вскоре заставили Павла и его советчика Ф. В. Ростопчина думать о новой ориентации русской внешней политики. До «дружбы» между парижским и петербургским самодержцами было пока еще далеко, но разрыв союза с Австрией, а спустя некоторое время и с Англией, был предрешен, как было предрешено и отозвание в Россию Суворова и Ушакова.

Впрочем, Ушаков не сразу получил приказ о возвращении в Черное море. Адмиралу велено было сначала покинуть Италию и возвратиться к Ионическим островам, где с ним Пустошкин и соединился.

Любопытно отметить разительное сходство поведения англичан касательно русских в отношении Мальты с поведением австрийцев при действиях под Генуей. Австрийцы не хотели, чтобы Суворов шел под Геную, и старались его «спустить с гор» в Швейцарию; вместе с тем они взывали все время к тем же русским о помощи. Так же точно поступали и англичане. Мы видели, как Нельсон противился походу эскадры Ушакова к острову Мальта. Но когда наступила уже поздняя осень 1799 года, когда Ушаков к концу декабря ушел совсем из Италии к Ионическим островам, а Мальта все не сдавалась, Нельсон круто переменял фронт и стал просить русских о помощи.

«Дорогой мой сэр! Мальта — всегда в моих мыслях и во сне и на яву!» — скорбел он перед русским представителем в Палермо Итальянским. Нельсон напоминал русскому представителю, «как дорога Мальта и ее орден русскому государю». Русская помощь была так нужна, что Нельсон пустился на явную хитрость: лишь бы русские пришли и взяли Мальту, а ведь потом можно, признав «дорогой сердцу русского царя» Мальтийский орден под царским гротесмейстерством, фактически Мальту прибрать к британским рукам⁴. Прося помощи от начальника сухопутных сил на Минорке, Нельсон писал генералу Эрскину: «Дорогой сэр Джеймс! Я в отча-

¹ ЦГАВМФ, ф. Сборный, д. 1064, л. 175.

² Там же, ф. 119. Канцелярия адм. Ф. Ф. Ушакова, д. 6921 л. 83—84. Рапорт Ф. Ф. Ушакову, 11 декабря 1799.

³ Там же, ф. Сборный, д. 1064, л. 175.

⁴ Mahan A. T. The life of Nelson, vol. II. London, 1897, p. 11.

янии относительно Мальты... Двух полков в течение двух месяцев при русской помощи будет достаточно, чтобы дать нам Мальту, освободить нас от врага, стоящего у наших дверей, удовлетворить русского императора, защитить нашу торговлю на Леванте...»¹ Не зная, как лучше подольститься к Павлу, Нельсон дослал царю, «как гроссмейстеру Мальтийского ордена», детальный рапорт об осаде Мальты и в самых льстивых, смиренных тонах просил царя пожаловать за великие заслуги орденские отличия капитану Боллу (руководителю осады Мальты) и... Эмме Гамильтон!

Но все эти ухищрения не помогли. Нельсону следовало спохватиться раньше. Раздраженный Павел уже отвернулся от союзников.

Возвращение на Ионические острова.

Конец Средиземноморской экспедиции адмирала Ушакова

7 (19) января 1800 года Ушаков, покинув Италию, пришел со своей эскадрой к острову Корфу. Военные действия русского флота в Средиземном море окончились.

Нелегко было на душе у адмирала. Он увидел, что заслуги его моряков и его собственные не оценены по достоинству. Не только в недостаточности наград, в небрежности и скупости правительства было дело. Изменчивая политика неуравновешенного, действовавшего порывами Павла I направлялась в 1800 году уже по совсем иному руслу. Вчерашние друзья и союзники становились противниками, вчерашний враг понемногу превращался в союзника, и подвиги Суворова на суше и успехи Ушакова на Средиземном море постепенно утрачивали свое значение в глазах двора и правительственных сановников.

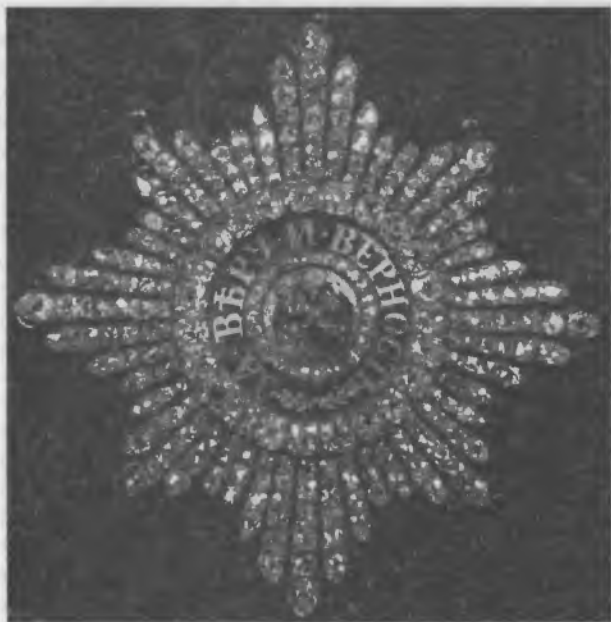
Если Павел оказался крайне скуп на награды для Ушакова, то он обнаружил большую щедрость по отношению к кардиналу Руффо, который со своей шайкой монархических бандитов, преданных святой единоспасающей католической церкви и династии Бурбонов, прославился неслыханными гнусностями, жестокостью и грабежом по отношению ко всем бывшим республиканцам. По-видимому, царь учуял что-то неладное в письме Ушакова, где в осторожных выражениях все-таки рекомендовалось прекратить, наконец, белый террор в Неаполе и где адмирал окольными путями давал почувствовать, что хорошо бы самому Павлу Петровичу написать об этом Фердинанду. А уж зато кардинал Руффо был в глазах царя выше всяких подозрений в мирволении к бунтовщикам. Поэтому, как бы в укор и в назидание Ушакову, царь пожаловал кардиналу Руффо и восторженный «всемилодивейший» рескрипт, восхвалявший его «подвиги», и орден Александра Невского, и звезду Андрея Первозванного, награду, выше которой не знала Российская империя. Вот только Нельсон, не постеснявшийся письменно выпрашивать у Павла высокой русской награды для Эммы Гамильтон, несколько опоздал со своим домогательством, так как царь очень уж стал сердиться на англичан. Иначе и Эмма тоже оказалась бы награжденной выше Ушакова за свои капитальные заслуги перед Российской империей, которые за ней, несомненно, открыли бы без малейшего труда, по первому мановению свыше, окружавшие царя Кутайсовы. То ли еще случалось при дворе Павла Петровича!..

Ушаков видел, что он и его экспедиция уже мало кого интересуют в Петербурге, и это его явно волновало и обижало.

Раздражали Федора Федоровича и турки своей вороватостью, полной бессовестностью в служебных отношениях, своими попользованиями приписать себе несуществующие заслуги. Возмущением и гневом проникнуто следующее письмо его к В. С. Томаре, откуда приводим характерные выдержки:

«...Турки ни в каких работах нам не помогали, а на всех батареях, сколько их ни было в самое жестокое, худое, дождливое и грязное время, все работы проводили одни наши служители, великим числом находясь при оных непрерывно. Они всякой день переделявали и починивали станки, леса доставали весьма в отдаленных местах, рубили и переносили их на себе, словом сказать, служители наши замучены были в непрерывных работах, а турки были только зрителями: ни один из них ни за топор, ни за кирку, ни за лопатку не принял. Служители мои все были ободраны: обувь и платье, все, так сказать, на них

¹ Mahan A. T. The life of Nelson, vol. II. London, 1897, стр. 12—13.

Звезда ордена Св. Андрея Первозванного

исчезло, на часть полученных денег купил я им капоты и обувь и тем сохранил их в здоровье и они через то удержали батареи. Не низость ли начальников турецких вступаться и злословить нас таковыми неприличностями?

Кто взял Корфу кроме меня? Я честь им только делал и делаю для сохранения дружбы! Я с моим кораблем, не говоря уже о прочих, при взятии острова Видо подошел к оному вплоть к самому берегу и стал фертоинг против двух самых важных батарей, имеющих в печках множество приготовленных каленых ядер, на малый картечный выстрел от оных, и с помощью моих же нескольких фрегатов, около меня ставших, оныя сбил; защитил фрегат их, который один только и был близко батарей, и, не успев лечь фертоинг, оборотился кормой к батареям; прочие корабли мои фрегаты сбили другие батареи, турецкие же корабли и фрегаты все были позади нас и не близко к острову; ежели они и стреляли на оный, то через нас и два ядра в бок моего корабля посадили с противной стороны острова. Я не описал этого в реляции для чести Блистательной Порты, для сохранения и утверждения более и более между нами дружбы. Ежели Капудан-паша или другой турецкий начальник таким образом возьмут боем подобную крепость, как Корфу, что бы они с нее не взяли? Ежели бы они не интересовались, и тогда ничего я бы им не оказал, кроме похвалы их дела, и более еще имел бы с ними дружбы, но вместо этих денег, ко-

торые я употребил на покупку людям капотов и обуви. В острове Корфу на берегу, близко деревни Апотомо, у пристани соленых озер, были два превеликих бурта соли, покрытые черепицей, и одна магазина (sic! — Е. Т.) полнонасыпанная; турки расположились около них, сделали торг по приказанию начальников и всю соль распродали, я оставил им все это на их волю, в замену вышеозначенных денег; сия продажа соли более стоит, нежели те деньги, какие мне доставлены; словом, я не интересовался нигде ни одной полушкой и не имел надобности. Всемиловитейший государь мой император и его султанское величество снабдили меня достаточно на малые мои издержки. Я не живу роскошно, потому и не имею ни в чем нужды с моей стороны, и еще уделю на расходы бедным и к приветствию разных людей, которые помогают нам усердием своим в военных делах; не имею этой низости, — как злословит меня Капудан-паша, потворствуя, можно сказать, человеку, действительно по справедливости должествующему быть наказану наижесточайше».

Матросов и солдат Ушакова даже кормить сколько-нибудь сносно забывали. Еще перепало кое-что тем его кораблям, которые были с ним с самого начала в экспедиции, вновь же пришедшие эскадры — Карцова и Пустошкина — не принимались во внимание. Ни припасов не присылали, ни денег, которые были необходимы для закупки провианта. «Союзники» тоже либо не выполняли в этом отношении своих обязательств, либо всячески норовили сократить поставки. Жизненной правдой дышит тот рапорт-жалоба, с которым Ушаков обратился к императору Павлу 27 апреля (9 мая) 1800 года. Никакие повествования не дадут читателю такой яркой и ясной картины, как этот документ. Вчитавшись в него, мы понимаем, почему Ушаков решился на такой шаг, который по тогдашним обстоятельствам таил в себе немало опасностей.

«Вашему Императорскому Величеству всеподданнейше доношу. В рассуждении провианта надеялся я, что Блистательная Порта все эскадры будет довольствовать своим провиантом; но полученным мной ныне письмом из Константинополя полномочный министр кавалер Томара уведомляет, что Порта одну только эскадру, которая под моим начальством прошла через Константинопольский пролив, довольствует, а эскадры вице-адмиралов Пустошкина и Карцова, полагает, должно быть, продовольствием не на ее содержании и отпуску ко мне провианта на них не полагается. По сие время же находящиеся в отдалении от меня эскадры довольствовались провиантом, состоявшимся на них при отправлении из Корфу, а затем, по недоставлении к ним, докупали на эскадры: вице-ад-

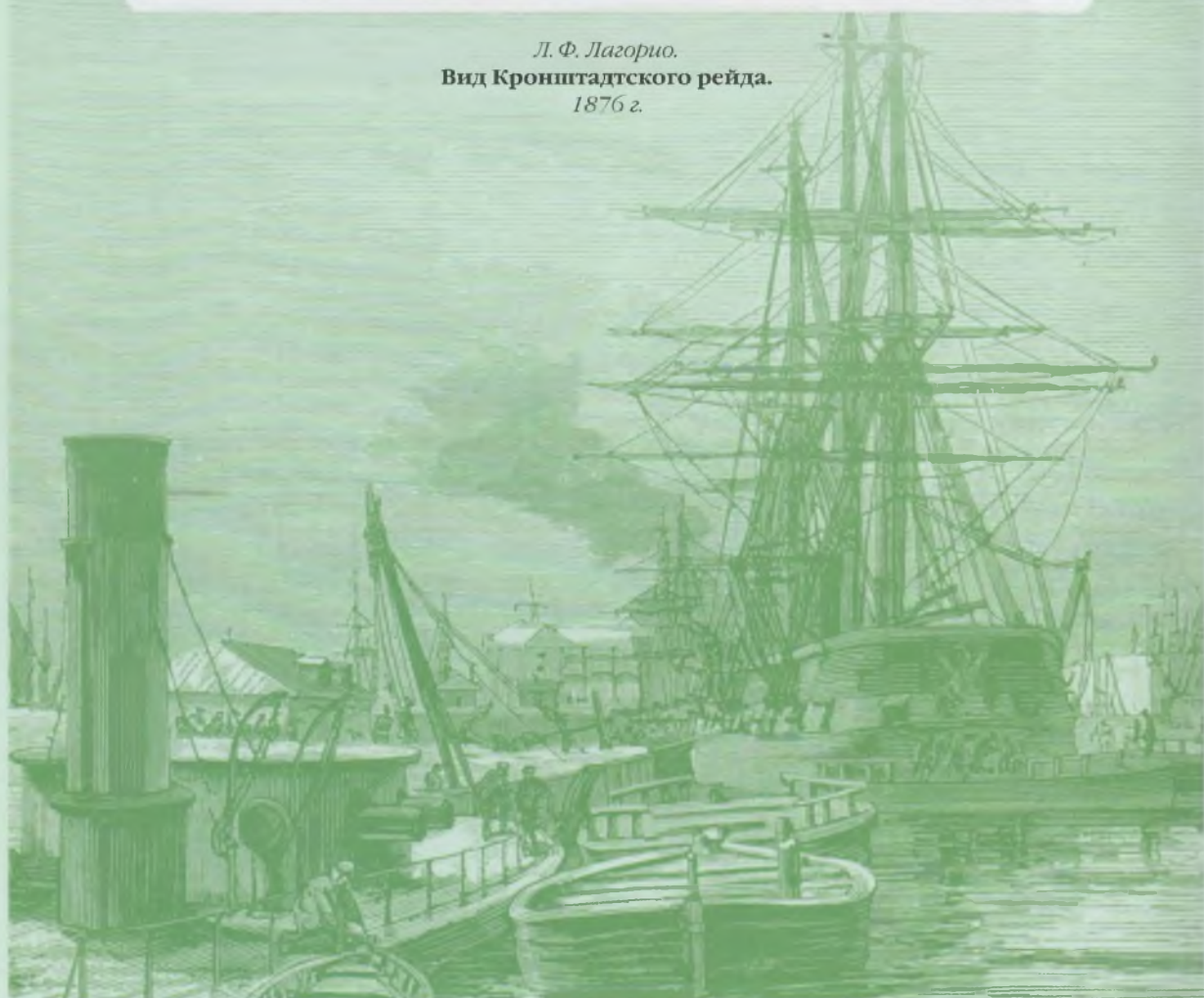

К. П. Беггров по рисунку К. Ф. Сабата и С. П. Шифлира.
Адмиралтейская верфь в Петербурге. 1820-е гг.

Л. Ф. Лагорио.
Вид Кронштадтского рейда.
1876 г.

мирала Пустошкина, в Ливорно, на фрегаты, при Анконе находящиеся в Триесте, на фрегаты же, при Неаполе состоящие, получают из Неаполя, да и я в бытность мою с эскадрами — в Мессинии и в Неаполе, как и прежде всеподданнейшим рапортом от меня донесено, не-большое количество провианта получил от неаполитанского правительства и на их ли счет оной или должны будем мы заплатить, как положено будет, мне неизвестно. Ныне же провиантом довольствуются эскадры, от меня снабжаемы, тем только, которой я получаю от Блистательной Порты обще с тем, который в прошлом году прислан был из черноморских шортов. Сего весьма было бы не достаточно, но как от Порты неполное число ко мне провианта доставлялось и долго привозу его не было, потому оставалось некоторое количество в заслуге служителям и на деньщиков штаб- и обер-офицеров, ибо они натурою провианта не получают, сие количество частью и способствовало к продовольствию других эскадр, но через то служителей заслуженной ими провиант и офицеров за деньщиков по окончании кампании довольно будет удовлетворять деньгами по расчету сколько им следовать будет».

Хуже всего было то, что эскадру оставили буквально на произвол судьбы, то есть расхитили отпущенные на нее средства и истребили, заметая следы воровства, всякие документы, по которым можно было бы доискаться до истины: «Ныне же, ежели эскадры возвращением к своим портам замедлятся и долго пробудут в здешнем краю, провиант на них к продовольствию откудова получать предписание не имею, равно и три гренадерских батальона, под командой князя Волконского третьего состоящие, довольствуются провиантом: выдачей им сухарей и крупы от меня же из получаемого от Порты, и об них на продовольствие провиант откудова получать повеления не имею и впредь чем довольствовать провианта у меня будет не достаточно, также и деньги на покупку оного в отпуск ко мне не положено; деньги на покупку провиантов и на исправление кораблей задерживаются из сумм, какие у меня случаются по кредитивам из Константинополя, переводимые из получаемых полномочным министром Томарою от Блистательной Порты и частью из переводимых же на жалованье служителям, через что, не имея потребного количества наличных денег, выдачи служителям жалованья за многое уже время не было.

Надлежащих же верных отчетов по отдаленности от меня эскадр до соединения их со мной по разным обстоятельствам сделать невозможно, и все счета о издержках сделаны будут по соединении со мной.

А между тем денег в немалом количестве на разные потребности будет весьма недостаточно. Заимствуюсь я из разных мест по тем же кредитивам, но и по оным из отдаленных мест получать средств не имею. Осмеливаюсь всеподданнейше просить Ваше Императорское Величество о высочайшем повелении, откудова провиант получать должно на эскадры вице-адмиралов Пустошкина и Карцова и на батальоны гренадерские, под командою князя Волконского третьего состоящие, и о денежной казне на экстраординарную сумму на исправление и снабжение эскадр многими потребностями, которые по необходимости в разных местах частью покупаются. Такелаж и прочие припасы и материалы ожидают-ся в доставление из черноморских портов»¹.

Таково было снабжение ушаковских моряков в их долгом боевом походе...

Если бы не островитяне Корфу, Занте, Цериго, Кефалонии, восторженно встретившие вернувшуюся к ним из Италии русскую эскадру, то продовольственное положение русских моряков и солдат было бы критическим.

С 7(19) января до 6(18) июля 1800 года Ушаков пробыл на Корфу. Эти месяцы были периодом сплошного триумфа. «Спасителю всех Ионийских островов» — значилось на медали с портретом Ушакова, которую выбили на острове Кефалония. В многочисленных грамотах (от острова Занте и других) восхвалялись дела русского флотоводца, выражалась ему благодарность за великодушие и за избавление населения от иноземных завоевателей.

Таким же триумфальным было возвращение Ушакова через Константинополь в Черное море. Султан лично благодарил Ушакова. Английский представитель и другие посланники явились к адмиралу на корабль с визитом.

Довольно долго пробыв в Константинополе, Ушаков в конце октября 1800 года, т. е. через четыре с половиной месяца после выхода с острова Корфу, привел эскадру в Севастополь.

¹ ЦГАВМФ, ф. Сборный, д. 1064, л. 179. Копия.

Последние годы службы, отставка и смерть адмирала Ушакова

На этом и окончился в сущности славный боевой путь Ушакова.

Хотя Мордвинов уже не был во главе Черноморского флота к моменту возвращения Ушакова из Средиземноморской экспедиции, но от этого ни Черноморскому флоту, ни Ушакову легче не стало.

Главным командиром Черноморского флота (или, как тогда говорили, «Черноморских флотов» — корабельного и гребного) вместо Мордвинова был назначен адмирал Виллим Фондезин. Этих Фондезинов было двое, и известны они были во всем флоте по крылатому слову хорошо разбиравшейся в людях Екатерины II: «Тот виноват перед отечеством, кто обоих Фондезинов в адмиралы ввел»¹. Фондезин ненавидел Ушакова почти так же, как Мордвинов, и по той же причине: по обычной вражде завистливой бездарности к таланту.

С прибытием в Черное море Ушаков по существу оказался не у дел. Мы уже не видим его ни командующим флотом, ни старшим членом Черноморского адмиралтейского правления. Единственным его занятием является сдача хозяйственных и денежных отчетов и дел по экспедиции и тягостные канцелярские сношения с тыловыми органами флота. На этой работе его застает смерть Павла.

С началом нового царствования во главе морского управления снова оказались враги Ушакова. Мордвинов, назначенный в 1802 году сперва вице-президентом Адмиралтейств-коллегии, а затем и морским министром, поспешил выжить Ушакова с Черноморского флота. В том же году Ушаков был переведен на береговой, не имевший военного значения пост главного командира гребного флота и начальника флотских команд в Петербурге.

Талантливые деятели стали не нужны, высшие посты в руководстве и управлении флотом оказались в руках Мордвиновых, Фондезинов, Траверсе и им подобных бюрократов и царедворцев.

Но хуже всего было то, что как раз в это время, в первые годы царствования Александра, в русских правящих сферах одерживает верх мнение о малой полезности флота для России вообще. Традиция заветов Петра Великого, поддержанных с таким блеском во второй половине XVIII столетия Спиридовым, Грейгом, героями Чесменской экспедиции, блестящими подвигами Ушакова сначала в Черном море, а потом в Средиземном, — эта традиция, на которую не посягал даже взбалмошный, неуравновешенный Павел, начинается при Александре тускнеть и забываться. Многое этому способствовало. Из развертывавшихся в Европе грандиозных событий в Петербурге делались такие скороспелые выводы: у Англии первоклассный флот, а что она сделала? Ничего она не может поделать против Бонапарта, у которого флот плох, но зато сухопутная армия превосходна. Россия — не морская держава, — и не флот, а армия спасет ее от опасности и т. д.

Император Александр, которого льстецы считали компетентным в руководстве и организации сухопутной армии единственно по той причине, что он абсолютно ничего не понимал в морском деле, создал в 1802 году особый Комитет по образованию флота, и уже в самом названии этого учреждения и в наказе ему заключалась вопиющая, несправедливая, презрительная мысль, якобы флота у России вовсе нет: наказ повелевал Комитету принять меры «к извлечению флота из настоящего мнимого его существования к приведению оного в подлинное бытие». Председатель Комитета, дилетант в морском деле, Александр Романович Воронцов полагал, что России вовсе не нужно быть сильной морской державой: «В том ни надобности, ни пользы не предвидится». Тот же Воронцов весьма авторитетно заявлял Александру: «Посылка наших эскадр в Средиземное море и другие дальние экспедиции стоили государству много, делали несколько блеску и пользу никакой».

Опровергнуть эту явную ложь Ушакову ничего бы не стоило. Освобождением и управлением Ионических островов (вплоть до 1807 года, когда в Тильзите Александр I уступил Наполеону эти острова) Россия приобрела опорный пункт на Средиземном море, очень повысила свой престиж среди всех прибрежных держав, а также среди греков и славян Балканского полуострова, и снискала себе не «несколько блеску», а большую славу, которая держалась долго и была тем «невесомым», но реальным приобретением, теми мораль-

¹ Дневник А. В. Храповицкого (1782—1793). СПб., 1874.

ными «imponderabilia», «невесомостями», которыми самые трезвые, самые реальные дипломаты вроде Наполеона I, вроде Бисмарка, вроде А. М. Горчакова, всегда очень и очень дорожили. Ложью было и утверждение о том, что экспедиция в Средиземном море «дорого стоила»: Ушаков мог бы ответить Комитету, что он не потерял во время этой экспедиции ни одного корабля, ни от врагов, ни от бурь, а еще добыл трофеи: шестнадцать судов и галер противника (среди которых были один линейный корабль и один фрегат). Людские потери, считая с ранеными (составлявшими подавляющее большинство), были равны 400 чел. За это время на Ионических островах и в Южной Италии, а также близ Анконы — двенадцать крупных и мелких укреплений, считая тут и первоклассную крепость (точнее две крепости) на острове Корфу, были взяты штурмом и осадой. Если Александр Павлович пожалел, повинувшись своему чувствительному сердцу, 400 человек, выбывших из строя у адмирала Ушакова, то почему же он ни в малейшей степени не пожалел, например, двадцати тысяч русских солдат, убитых и раненых в один только день 8 февраля 1807 года на кровавом поле побоища под Прейсиш-Эйлау во время долгой войны, затеянной во имя спасения прусского короля Фридриха-Вильгельма III, который, спустя пять лет, в качестве верного союзника Наполеона посылал своих пруссаков грабить Россию?

Но ни в 1802 году, ни в 1807 году, ни позже Ушаков этих вопросов не задал и не мог задать царю по той простой причине, что в высшие сферы он не был вхож, и, например, в Комитет А. Р. Воронцова приглашен вовсе не был. Но зато в этот Комитет были приглашены Мордвинов, Виллим Фондезин и тому подобные лица. Еще получше других из членов этого Комитета, пожалуй, был П. В. Чичагов, позднейший злополучный (и в самом деле приводивший много аргументов в свое оправдание) виновник, или один из виновников удачи Березинской переправы Наполеона, герой знаменитой крыловской басни «Щука и кот».

Все эти члены Комитета, которым уже никак не привелось самим снискать для России «несколько блеску», не сочли нужным пригласить в свою среду знаменитого адмирала, оваянного славой многих блестящих подвигов.

Нужно ли удивляться, что как только Н. С. Мордвинов стал министром «морских сил», карьера Ушакова немедленно окончилась. Его выжили сейчас же: он, великий флотоводец, «морской Суворов», создатель новой тактики корабельного флота, был назначен начальствовать гребным флотом, уже заканчивавшим свое существование, и береговыми командами в Петербурге, а на принадлежавшее

ему по праву место командующего Черноморским флотом был назначен французский эмигрант, один из тех ничтожных трусов, попрошайек и авантюристов, которых прикармливал русский двор с первых же лет французской революции, — маркиз де Траверсе. Именно этот тип и был впоследствии многократно изображен Салтыковым-Щедриным в образе французского эмигранта маркиза Сакрекокэн-соломенные ножи и т. п.

Сначала этот пошлый и абсолютно бездарный проходимец, бывший по щекам старых инвалидов, разорял Черноморский («ушаковский») флот, а впоследствии Александр I, на которого почему-то маркиз де Траверсе производил самое отрадное впечатление, дал ему возможность, в качестве министра, разорять уже и весь русский флот в полном составе.

Глубоко обиженный и болезненно затронутый пренебрежением к флоту вообще и явным забвением его заслуг в частности, Ушаков еще четыре года оставался на службе.

На глазах Ушакова шел процесс разложения и упадка флота, обреченного на бездействие. Началось все возрастающее в ущерб морской службы увлечение солдатской строевой муштрой, плавание почти прекратилось, постройка новых кораблей замерла. С материальным упадком флота началось и его моральное разложение.

Бессильный помешать этому, Ушаков в конце 1806 г. подал в отставку, написав в своем прошении о ней не только о «телесной», но и «душевной» болезни.

Документация, касающаяся отставки Ушакова, так по-своему интересна, что мы считаем уместным познакомить с ней читателя.

19(31) декабря 1806 года Ушаков подал в отставку, и спустя две недели, 2(14) января 1807 года, Александру был представлен следующий доклад товарища морского министра П. В. Чичагова:

«Балтийского флота адмирал Ушаков в поданной на Высочайшее Вашего Императорского Величества имя просьбе объясняет, что, находясь в службе 44 года, продолжал оную беспорочно, сделал на море более 40 кампаний, две войны командовал Черноморским линейным флотом против неприятеля и был во многих сражениях с пользой; ныне же при старости лет своих отягощен душевной и телесной болезнью и опасается по слабости здоровья быть в тягость службе, посему и просит увольнения от оной, присовокупляя к тому, что он не просит награды, знатных имений, высокославными предками вашими за службу ему обещанных, но останется доволен тем, что от высочайшей милости и щедроты определено будет на кратковремен-

ную его жизнь к пропитанию. В службе состоит оной Ушаков с 1763 года, в нынешнем чине с 1799 года, жалованья получает в год по 3 600 рублей и по стольку же столовых»¹.

Александр не то смутился, не то просто заинтересовался этим прошением знаменитого флотоводца, проникнутым такой горечью и явной обидой, и велел морскому начальству узнать у Ушакова, как сообщил последнему Чичагов, «в чем заключается душевная его болезнь, дабы его величество мог сделать что-либо к его облегчению»².

Ушаков 12 (24) января ответил Чичагову:

«Вследствие милостивого благоволения его императорского величества, в письме вашего превосходительства мне объявленном, о узнании подробнее о душевной болезни моей, во всеподданнейшем прошении об увольнении меня при старости лет за болезнью моей от службы упомянутой, всеподданнейшее свое донесение его императорскому величеству при сем представить честь имею, всепокорнейше прошу ваше превосходительство представить его всемилостивейшему государю императору и не оставить вашим благоприятством по моему прошению, от 19 декабря (ст. ст. — Е. Т.) минувшего 1806 года писанному, в каковой надежде, имею честь быть с совершенным почтением и преданностью»³.

При этом препроводительном письме Ушаков направил императору Александру следующий ответ:

«Всемилоостивейший Государь! В письме товарища министра морских дел объявлено мне: Вашему Императорскому Величеству в знак милостивого благоволения благоугодно узнать подробнее о душевной болезни моей, во всеподданнейшем прошении об увольнении меня при старости лет за болезнью моей от службы упомянутой.

Всепоподданнейше доношу, долговременную службу мою продолжал я от юных лет моих всегда непрерывно с ревностью, усердием и отличной и неусыпной бдительностью. Справедливости сего свидетельствуют многократно получаемые мной знаки отличий, ныне же по окончании знаменитой кампании, бывшей на Средиземном море, частью прославившей флот ваш, замечая в сравнении противу прочих лишенным себя высокомонарших милостей и милостивого воззрения. Душевные чувства и скорбь моя, истощившие крепость сил, здоровья, Богу известны — да будет воля Его святая. Все случившееся со мной приемлю с глубочай-

шим благоговением. Молю о милосердии и щедроте, повторяя всеподданнейшее прошение свое от 19 декабря минувшего 1806 года»⁴.

Александр этим удовольствовался, и 17 (29) января 1807 года последовало «высочайшее повеление» императора Александра I «об увольнении от службы адмирала Ф. Ф. Ушакова»:

«Балтийского флота адмирал Ушаков по прошению за болезнью увольняется от службы с ношением мундира и с полным жалованьем»⁵.

Так окончилась долгая и многотрудная служба родине знаменитого русского адмирала. У императора Александра Павловича проявилось в данном случае в идеальной полноте то качество, которое впоследствии поэт Гейне приписывал монархам вообще, иронически называя его «истинно царственной неблагодарностью». Позднее так же безобразно обошелся царь и с Д. Н. Сеньяновым.

Ушакову суждено было прожить еще десять лет после отставки. Доживал он свой славный век в тиши деревенского уединения, забытый двором и великосветским обществом. Только на флоте еще вспоминали о человеке, который, возвеличив русский морской флаг, где-то там, в глубине России, никнет «в тишине главою лавровой», как говорил о подобных ему героях Пушкин. Смерть пришла в 1817 году.

Своими подвигами на Черном море Ушаков закрепил преобладание там юного русского флота. Ему же суждено было провести русский флот через Дарданеллы и Босфор и спустя 28 лет после Чесмы проникнуть в Средиземное море, покрыв и здесь славой русский морской флаг. Это второе появление русского флота в Средиземном море было с чисто военной точки зрения не менее славным, чем первое.

Боевые подвиги Ушакова, его моряков и солдат, освободивших Ионические острова от французских захватчиков, принесли населению этих островов совсем неслыханное для тех времен самоуправление. В Южной Италии Ушаков и его подчиненные вели себя далеко не так, как это было бы по нраву императору Павлу, имевшему уже в 1798—1799 годах все типичные черты «жандарма Европы». Ушаков и его моряки и солдаты воевали с блестящим успехом против французских военных захватчиков, которые

¹ ЦГАВМФ, ф. Высочайшие повеления, рескрипты, указы, д. 132.

² Там же.

³ ЦГАВМФ, ф. Сборный, д. 602, л. 98. Копия.

⁴ Там же.

⁵ Там же, ф. Высочайшие повеления, рескрипты, указы, д. 99 л. 22. Подлинник.

смотрели и на Ионические острова, и на Италию исключительно как на богатую колонию для французской крупной торгово-промышленной буржуазии, потому что во внешней политике Директории на Апеннинском полуострове к тому времени уже ничего революционного не оставалось: эра захватнических войн Бонапарта началась в 1796—1797 годах, а в 1799 году Наполеон уже стал полным диктатором Франции и продолжал в грандиозных масштабах свои агрессии. Южноитальянское крестьянство смотрело на французов не как на освободителей, но как на грабителей. Это не значит, конечно, что правление неаполитанских Бурбонов не было еще гораздо хуже и реакционнее, чем верховенство французской Директории и ее военных агентов.

Воевать с неаполитанскими либералами, помогать палачам Фердинанда, королевы Каролины и Эммы Гамильтон, вешать неаполитанских «якобинцев» ни Ушаков, ни его подчиненные, в полную противоположность обнаружившему такую жестокость Нельсону, не пожелали. Наоборот, они делали, что только было в их силах, чтобы спасти этих несчастных, как это было ими гораздо более успешно проделано уже раньше в отношении греческих «якобинцев» на Ионических островах. Но была огромная разница в положении: на Ионических островах хозяином был Ушаков, а в Неаполе — Нельсон...

В морской истории России обе экспедиции — и первая (1769—1774 годов), окончившаяся славными победами в Архипелаге, и вторая, ушаковская (1798—1800 годов), ознаменованная столь большими военными успехами на Ионических островах, — имеют огромное значение.

Моряки внушительно продемонстрировали перед лицом всего мира, что русский народ ничуть не считает Средиземное море ни французским, ни неаполитанским, ни испанским, ни турецким, ни английским озером.

Ушакова, несмотря на его вспыльчивый нрав, несмотря на требовательность в делах службы и строгую дисциплину, очень любили и офицеры и матросы. Он зорко охранял интересы матросов от высших, средних и малых «комиссионеров», заведовавших доставлением продовольствия, и вообще от разнообразных хищников, наживавшихся на матросских пайках. Ушаков очень заботился также о морских госпиталях и о подаче медицинской помощи экипажам. Его моряки знали хорошо, как он за них воюет с сильными мира сего, какие бумаги он им пишет, как он ни перед какой грозящей неприятностью, ни перед каким риском порчи важных отношений не останавливается, если дело идет о том, чтобы его матросы не болели на Средиземном море полярной цингой только потому, что кто-то в Севастополе или Константинополе крадет деньги, отпущенные на продовольствие. Сквозь маску сдержанного, хотя изредка и вспыльчивого, требовательного к себе и к другим начальника и матросы, и офицеры сумели разглядеть благородного, справедливого и прежде всего великодушного человека, умеющего взыскивать, но умеющего и прощать. Свои великие таланты и заслуги перед родиной он скорее недооценивал, чем преувеличивал, но его болезненно оскорбляло то «презренных душ презрение к заслугам», от которого ему приходилось так долго страдать в обстановке морской бюрократии того времени.

Ушакова оценили в России по достоинству только в нынешнее время, когда его именем назван один из высших орденов страны. Его боевые подвиги, его флотоводческое искусство, в котором он опередил Нельсона, его заслуги перед родиной занимают одно из виднейших мест в военной истории нашего государства, которую мы бережно храним и тщательно изучаем.

Приказ Ф. Ф. Ушакова по флоту с изложением плана атаки острова Видо

17 февраля 1799 года

ри первом удобном ветре от севера или северо-запада, не упуская ни одного часа, по согласному положению намерен я всем флотом атаковать остров Видо; расположение кораблей и фрегатов, кому где при оной атаке находиться должно, означено на планах, данных г-м командирам. По учинении сигналов приуготовиться идти атаковать остров Видо, и сняться с якоря надлежит, чтобы все на гребных судах было уже готово, корабли и фрегаты во всем были бы к бою готовы по сигналу идти атаковать остров. Напервое следовать фрегату «Казанской Богородице» к первой батарее и, проходя, стараться ее сбить, а потом стать на назначенном месте на якорь шпрингом, а не худо иметь и верп с кормы, буде понадобится. За ним, не отставая нимало, следовать турецкому фрегату «Харим-капитану» и также стать на свое место. За ним в близком же расстоянии фрегат «Николай», которому также проходить первую батарею и сбивать, ежели осталась от первых еще не сбита, а притом, проходя оную батарею, стрелять по двум стоящим в бухте между первой и второй батареями французским судам и стараться выстрелами их потопить или людей с них согнать на берег. чтобы их оставили; между тем на берег во все места, где есть закрытые французы за маленькими канавками и за маленькими же брустверами, для ружей сделанных, ежели где есть между ними поставленные пушки, то и оные идучи сбить непременно, и потом каждому стать на свои назначенные места, и тотчас лечь шпрингом, оборотя борты к батареям так, чтобы одного борт был против первой батареи, а другого — против судов, стоящих в бухте, а третьего — против третьей батареи, и все встречающееся на виду сбивать пушками. За первыми двумя фрегатами идти шхуне № 1 и, идучи носовыми пушками, стрелять по батарее и по судам, стоящим в бухте; а потом остановиться в середине бухты, и пушками очистить все берега, и когда со всех мест из траншей французы выгнаны будут вон, тогда оной шхуне стараться очищать берега, приуготовляя их для к сходу десанта; ему помогать фрегатам «Николаю» и «Харим-капитану», а также и от эскадры послана будет к нему помощь на вооруженных баркасах. За фрегатом «Николаем» в близкой же дистанции следовать фрегату «Григорий Великий Армении»; ему, проходя первую и вторую батареи, стрелять во все места, где надобность потребует, потом проходить третью батарею и, обходя мыс с маленьким каменным рифом, как можно сбивать третью батарею, и между оною и 4-й бата-

реями стать на якорь и шпрингом, сбивать батареи и очищать сильной канонадой берег, за ним близко же следовать турецкому фрегату «Мехмет-бея», ему проходить той же дорогой за фрегатом «Григорий Великий Армении», стрелять по батареям и на берег в потребные места, а потом стать на якорь шпрингом в своем месте. «Панагии Апотоменгане» идти за ними, чинить то же исполнение и стать в определенном месте на якорь шпрингом, и ей же стараться очистить потребные места на берегах для десанта, оттаскивая набросанные деревья прочь, вспоможение им сделано будет баркасами от разных судов.

За сими судами весь флот пойдет к острову, каждый в назначенное свое место, и становажся шпрингом на якорь; подходя к острову во время своего прохода до настоящих мест, каждому стрелять по батареям и при берегах по всем закрытым местам, то ж с половиною горы и на гору, где заметны будут укрывающиеся французы, и, став на якорь шпрингом, докончить очистку места пальбой. Как же скоро мной замечено будет, что французы все со здешней стороны острова уйдут и на виду их не будет, тогда прикажу я вести десанты во все удобные места острова, где ссаживать оной способно; гребным судам, везомым десант, промеж собой не тесниться, для того и посылать их не все вдрут, а один за другим, передовые из оных должны очистить дорогу на берегах закиданную, рытвины тотчас забросать землею или чем только возможно, а где неудобно сходить на берега и переходить места закрытия, там набрасывать лестницы с каждого корабля и фрегата, с собой взятые, и сверх лестниц бросать доски, по оным и пушки переводить на берег. Где передовыми таковые мосты набросаны будут, оставить их на месте для последующих за ними, для переправы, а прочие лестницы и доски нести с собой для всяких могущих встретиться препятствий, от которых они способствовать будут. Говорят, будто местами есть несколько перекопов канавками, лестницы и доски служить будут через оные мостами; также сказывают, хотя и невероятно, будто есть на острове в которых-то местах набросанные колючки, засыпаны землей и понакиданы травой, так что без осторожности можно на оные попортить ноги; господам десантным штаб-, обер- и унтер-офицерам, кто будет наперед и иметь осмотрительность, ежели это справедливо, то в таких местах для проходу бросать лестницы и сверх оных доски, оне и могут служить мостом безопасным; а потом господам батальонным командирам, командующим десантными войсками, искать неприятеля, разбить или побрать в плен, и остров от оного стараться освободить; вместо знамен иметь с собой флаги, коих иметь до 10, все батареи, которые овладены будут, поднимать на них флаги, кои означать будут нашу победу, флаги поднимать во всех местах, где только войска наши случатся, а куда потребен будет сикурс, для показания оного даны будут особые сигналы; требующим сикурсу друг другу помогать.

Когда войска наши взойдут на верх горы, иметь осмотрительность, и где потребно будет, и там укрепляться пушками, и закрывать себя поспешно легоньким окопом, идя турами, но это в самой только важной надобности делать надлежит, а инако, не теряя времени, стараться овладеть всем островом, и отнюдь не замедливать, а я буду иметь смотрение и беспрестанно сикурсом подкреплять буду. Господам командующим пушки, снаряды, лестницы, доски, топоры, лопатки, веревки и все потребности иметь в готовности, положенные на гребные суда, также и десантные служители, чтобы все были в исправной готовности. Как скоро благополучный ветер настанет, тотчас я снимусь с якорей и со всем флотом буду спешить исполнить, как означено. Десантными командирами определяю: в авангардии, под начальством господина контр-адмирала Пустошкина состоящей, — батальонного командира полковника Скипора, а средней и задней частей, под моим ведомством находящейся, — майора Боаселя; в середине ж между оными, ежели понадобится отделение, посылать от передовой части майора Гамена, и всем оным чинить исполнение со всякой осторожной осмотрительностью и с добрым порядком; по оказавшимся случаям и обстоятельствам поступать с храбростью благоразумно, сообразно с законами. Прошу благословение Всевышнего и надеюсь на ревность и усердие господ командующих.

Экспедиция адмирала Сенявина в Средиземное море (1805—1807)

окрывшая новой славой русский флаг экспедиция Д. Н. Сенявина в Средиземном море была прежде всего вызвана очень обдуманном и правильном стремлением России обеспечить надежную оборону черноморских берегов от явно угрожающего им в более или менее близком будущем нападения французских военно-морских сил. Руководимая Наполеоном внешняя политика французской крупной буржуазии устремлялась к установлению французского экономического и политического верховенства в Константинополе и к постепенному захвату турецких левантских владений. После того как под давлением англичан Наполеону пришлось отказаться от упрочения своей власти в почти уже завоеванном им Египте, французская империя рассматривала занятые ею Ионические острова

и южноитальянские владения как главную базу будущих военных предприятий против Турции, которую предполагалось заставить войти в союз, т. е. в полное подчинение Франции, и тем самым открыть Наполеону доступ в Черное море и Южную Россию.

Таким образом, Д. Н. Сенявину в 1806 году поручалась высокая и крайне важная миссия, имевшая по существу чисто оборонительную цель.

Д. Н. Сенявин достиг этой цели. Турки потерпели ряд поражений на море, французы потерпели в свою очередь поражения на западном берегу Балканского полуострова, причем русские победы показали славянам, действовавшим в союзе с русскими, что они и в будущем могут рассчитывать на дружбу и помощь России. Но извлечь всю пользу из подвигов Сенявина, его моряков и солдат не удалось, потому что в это самое время на севере совершенно независимо от войны на Средиземном море велась ожесточенная война русских войск против главных сил Наполеона, и кровопролитные бои — при Пултуске, при Прейсиш-Эйлау, при Гейльсберге, при Фридланде — следовали один за другим. Александр I принужден был заключить Тильзитский мирный договор, по которому все, что удалось сделать Сенявину и его доблестному воинству, пришлось уступить французам.

О том, что творится в Пруссии, и о самом подписании Тильзитского мира Сенявин узнал лишь после того, как все было окончено. А после Тильзитского мира ему предписывалось уже смотреть на французов как на союзников, а на англичан как на врагов.

На основании неизданных и даже никем не использованных документов современного Архива внешней политики России мы в конце своего исследования рассказываем, как Сенявину, оказавше-

муся не только замечательным флотоводцем, но и недюжинным дипломатом, удалось спасти свою эскадру от потопления ее англичанами.

Как и Ушаков, Сенявин тоже не дождался полного признания своих великих патриотических заслуг от царского правительства. Но во все времена память обоих знаменитых адмиралов высоко чтится нашим народом, впервые приобщившимся к основательному знакомству с русской историей.

Для русских моряков имена этих морских героев являются особенно почитаемыми и любимыми.

Экспедиция Д. Н. Сенявина — третье победоносное появление русских вооруженных сил в Средиземном море. Поход Орлова — Спиридова, окончившийся уничтожением турецкого флота под Чесмой и четырехлетним господством русского флага на Архипелаге, не менее победоносный поход Ушакова, освободившего Ионические острова и прославившего русский флот штурмом и взятием Корфу, наконец, поход Сенявина с его сухопутными и морскими победами — все эти исторические деяния, которые старались сначала извратить, а потом просто замолчать английская, французская, итальянская, германская историография, — имели своим результатом зарождение и укрепление дружеских чувств не только среди балканских славян, но и среди греков к далекому от них географически, но близкому им по их симпатиям русскому народу. Кроме того, эти экспедиции успели создать в военно-морских и дипломатических кругах определенную традицию, пробудили в России интерес к экономическим и культурным связям со странами Леванта.

Все три экспедиции имеют большое значение и для морской, и для дипломатической истории России. Д. Н. Сенявин участвовал и во второй, и в третьей. В качестве главнокомандующего он вступил на историческое поприще в самостоятельной роли в третьей экспедиции, истории которой специально и посвящена эта работа.

Совершенно неправильно было бы, конечно, думать, будто у Сенявина на Средиземном и Адриатическом морях была какая-то своя политика, отличная от политики Александра. Цель основная была одна: противиться установлению наполеоновского засилья на турецком Леванте, уже фактически укрепившемуся влиянию Франции в Константинополе, захватнической политике наполеоновской империи (маршал Мармон) и уже всецело поработанной Наполеоном Италии (вице-король Италии Евгений Богарне); противиться установлению французского господства на Адриатическом море и на западном берегу Балканского полуострова — в Боко-ди-

Каттаро, в Рагузе (Дубровнике), в Черногории, — помогая славянам отстаивать свою независимость от французского завоевателя и усиливая, таким образом, русское влияние среди балканских народов.

Но в ходе борьбы за эту основную цель были моменты, когда в общей политике русской дипломатии, ведшей трудную и опасную борьбу с Наполеоном, обнаруживались (и не могли не обнаруживаться) колебания, нерешительность, — и тогда Сенявин, ведший борьбу против французов и турок на далеком от главной арены войны участке, борьбу, в которой он имел блестящие успехи и на море и на суше, старался по мере своих сил и возможностей отдалять те шаги русской дипломатии, которые, по его мнению, и предпринимались слишком поспешно, и влекли за собой последствия слишком уж тяжелые для внешнеполитической позиции России.

Так, когда, еще не изжив последствий аустерлицкого сражения, Александр, видя летом 1806 г. лукавую, тайно враждебную России, виляющую политику Австрии, очень нехотя согласился отправить во Францию своего представителя Убри и тот заключил с Талейраном (в виде предварительного проекта) мирные условия, по которым сводились к нулю все успехи русского флота и русского отряда, а Наполеон фактически оказывался владыкой Адриатического моря и западной части Балканского полуострова, — Сенявин имел достаточно проницательности, чтобы усомниться в том, захочет ли Александр, несмотря на свои опасения и упадок духа, ратифицировать подобный договор, вместе с тем русский адмирал имел и достаточно мужества всячески задерживать исполнение казавшихся ему вредными условий (именно с точки зрения основной цели, о которой сказано выше). И ему был сужден блестящий успех: Александр действительно отказался ратифицировать договор Убри и начал новую войну с Наполеоном, на этот раз в союзе с Пруссией.

Второй случай. В возобновившейся войне после страшных побоищ при Прейсиш-Эйлау и Фридланде 25 июня (7 июля нов. ст.) 1807 года. Александр вынужден был заключить невыгодный Тильзитский мир. Одним из условий этого мира являлась уступка Наполеону всех Ионических островов и всего, что он требовал на Адриатическом море и на Балканах. Наполеон становится союзником царя, и Александр требует, чтобы Сенявин выполнял отныне все приказы французского императора. Сенявин должен, конечно, повиноваться, но при этом он находит возможность избежать напрасного пролития русской крови и не дать англичанам случай пустить ко дну русскую эскадру. Конечно, Наполеон

недоволен Сенявиным, но и Сенявин и его офицеры прекрасно понимали, что русскому-то царю сердиться особенно нечего за неповиновение Наполеону. Таков был характер мнимого «конфликта» между царем и Сенявиным. Никакого «конфликта» в сущности тут не было.

Чем руководился Сенявин в своих поступках еще до получения известий об отказе Александра ратифицировать договор Убри? Да тем самым чувством, в котором в это самое время откровенно признался и русский посол в Лондоне граф Строганов: «Я боюсь выйти из границ, для меня обязательных, но я не могу удержать моего негодования, когда, чувствуя в моих жилах настоящую русскую кровь, я нахожусь вынужденным разделять стыд, падающий на каждого соотечественника. Ведь вы знаете, барон (письмо направлено Будбергу, в министерство иностранных дел 17 (29) июля 1806 года — *Е. Т.*), что у нас, что бы ни говорили несведущие иностранцы, существует общественное мнение, и мы очень щепетильны во всем, что касается национальной чести».

Строганов признавался, что ему отвратительно заниматься делами после того, как он узнал о «договоре Убри»¹. То же оскорбленное чувство русского патриота руководило и Сенявиным в его поведении относительно выполнения договора Убри. Но ведь и сам царь не пожелал ратифицировать договор, уже подписанный Убри.

Чтобы еще лучше разобраться в «конфликте» между Сенявиным и царем, необходимо поглубже вдуматься в общую политическую обстановку, в которой развивались описываемые события. Война Наполеона с Россией отнюдь не окончилась после Аустерлица и немедленно последовавшего за этой катастрофой крушения третьей коалиции. Россия продолжала трудную борьбу. Единственной великой державой, не принимавшей пока участия в военных действиях против Наполеона и имевшей нетронутую сухопутную армию, оказывалась Пруссия. И когда наступило лето 1806 года, русской дипломатии пришлось считаться с угрозой полной изоляции. С одной стороны, Наполеон всеми способами стремился принудить Пруссию к союзу с Францией, маня ее обманными посулами и обещаниями отдать ей Ганновер, с другой стороны, британское правительство уполномочило лорда Ярмута вести, пока еще неофициально, переговоры с Наполеоном об условиях, на которых можно было бы надеяться заключить мир.

Если бы все эти французские планы удались, перед Россией была перспектива продолжать войну в несравненно худших условиях, чем в 1805 году. Таковы были обстоятельства, заста-

вившие Александра предпринять попытку заключения мира.

Оттягивая выполнение невыгодных для русской политики условий этого мирного договора, Сенявин делал именно то, что если не формально, то реально соответствовало желаниям царя, отказавшегося в конце концов ратифицировать договор, заключенный Убри.

Приведем теперь и другой пример того, как надо понимать поведение Сенявина после заключения Тильзитского договора. Нам хорошо известно, какой взгляд на Тильзитский договор установился в России непосредственно после его опубликования и в широких кругах дворянства, и в купечестве, ведем экспортную торговлю, и среди офицерства русской армии. Тильзитский мир считался не только невыгодным и разорительным по своим последствиям, но и постыдным. Считалось, что Наполеон насилем принудил Александра к подписанию, или, как выразился Пушкин, Наполеон «с миром и с позором перед юношей царем в Тильзите предсто́ял». Как мог славный флотоводец, прямой продолжатель великого Ушакова, отнестись к тем статьям Тильзитского договора, которые отдавали Наполеону все Ионические острова и сводили к нулю все плоды русских побед на Средиземном море и Адриатическом побережье? Конечно, приходилось подчиняться и уходить. Но когда вдобавок еще оказывалось, что, согласно царскому повелению, Сенявин со своей эскадрой отныне обязан будет беспрекословно повиноваться повелениям императора Наполеона, который внезапно стал другом и союзником русского царя, то вполне естественно, что Сенявин сделал все от него зависящее, чтобы, насколько возможно, уклониться от выполнения этого возложенного на него тяжелого обязательства.

Разумеется, если бы Сенявин сколько-нибудь явственно, сколько-нибудь демонстративно осмелился обнаружить свое нежелание подчиняться требованиям Тильзитского трактата, то он этим не только поставил бы Александра в очень трудное и прямо опасное положение перед лицом французского императора, но и лично рисковал бы за такое дерзкое незаконное неповиновение «монаршей воле» пойти под военный суд. Но тут-то в труднейших условиях Сенявин и проявил всю тонкость своего ума. На бумаге он заявил о полной своей готовности согласно приказу царя подчиняться всем повелениям Наполеона. Этим он избавлял Александра от опасных нареканий и претензий «союзника». А на деле он повел себя так, что спас от гибели и экипаж, и эскадру, взяв всю от-

¹ Ф. Мартенс. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами, т. XI, стр. 128, № 409.

Адмирал Д. М. Сенявин

ветственность на себя и, таким образом, не поссорив обоих императоров.

Таковы необходимые предварительные общие замечания, объясняющие истинную природу видимых «разногласий» между Александром и Сенявиным.

Материалами для настоящей работы послужили: документы Центрального государственного архива Военно-морского флота в Ленинграде (ЦГАВМФ) и Архива внешней политики России в Москве (АВПР), воспоминания и письма непосредственных участников экспедиции, прежде

всего записки близко стоявшего к адмиралу Броневского, затем Панафидина и Свиньина.

Записки В. Броневского занимают совсем особое место: Сенявин давал ему возможность читать и использовать ряд документов, которые либо не были отданы в адмиралтейство по той или иной причине, либо затерялись. Броневский описывает военные действия не только с согласия, но и с одобрения адмирала. Он уверенно говорит о планах и соображениях адмирала, которые Сенявин не хотел почему-либо изложить в официальных рапортах. Записки Броневского восполняют некоторые не дошедшие до нас официальные документы.

Иностранные материалы ничтожны и количественно, и качественно. Конечно, Correspondance Наполеона, воспоминания и письма маршала Мармона (герцога Рагузского) не могли быть обойдены, по читатель в своем месте удостоверится, как мало можно доверять, например, пристрастным и просто лживым, сознательно извращающим очевидные факты, показаниям хотя бы того же Мармона.

Что касается русской литературы, то она дает общий очерк жизни и деятельности Сенявина, а экспедиции 1805—1807 годов посвящена лишь небольшая часть работ. Все работы, как общие, так и (очень немногие) посвященные специально Средиземноморской экспедиции, излагают прежде всего военно-морскую сторону дела.

Автора же предлагаемой работы интересовал не только Сенявин-адмирал, но также и Сенявин-дипломат. Мы видим его не только в вооруженной борьбе с турками и французами, но и в борьбе дипломатической с турками, французами, австрийцами, англичанами. А наблюдавшие его подчиненные справедливо утверждали, что обстоятельства этой борьбы были неслыханно трудными и сложными, такими, при которых даже профессиональный дипломат мог растеряться и запутаться. Эта сторона деятельности Сенявина очень недостаточно освещена в небольшой имеющейся о нем русской литературе.

Что же касается иностранной литературы о сенявинском походе, то там, где о русском адмирале мельком заходит речь, мы встречаемся либо с абсолютным невежеством, либо с самой бесцеремонной ложью. В дальнейшем мы приводим, в качестве типичного образчика, относящегося к Сенявину курьезное по лживости место из двадцатитомной тьеровской «Истории Консульства и Империи».

Но Тьер, враждебный Сенявину и извращающий его образ, говорит все-таки о нем. Другие французские и английские историки игнорируют даже его имя и всю эту одиссею подвигов сенявинских моряков и солдат. Тут, безусловно, играет роль не одно только невежество, но и сознательное замалчивание, та самая характерная черта западноевропейской историографии, которую мы уже имели случай отметить в другом месте, в работе, посвященной действиям Ушакова в 1798—1800 годах.

Наряду со свидетельствами официальных архивных документов мы даем много места русской мемуарной неизданной, а также и изданной документации. Французская, английская, немецкая документации игнорируют действия Сенявина. Приведем хотя бы один новейший пример. Курьезная, типично фальсификаторская, истинно дилетантская статья Л. де Войнович в журнале «La Revolution francaise» (1937, № 11) претенциозно названа: «Французская революция, рассматриваемая с Адриатического моря». В ней периоду 1797—1808 годов отведено ровно две страницы, на коих даже не упоминается имя Сенявина, и ни единого звука вообще нет о русской экспедиции 1805—1807 годов. Но зато «оказывается», что и Рагуза, и Далмация стали свободны и тогда, и всегда, и в 1808 году только благодаря французам и Франции... Больше на литературе, подобной этому образчику, не стоит и останавливаться.

На отечественной историографии лежит долг попытаться восполнить этот пробел и ознакомить читателя с замечательной страницей в истории русских вооруженных сил, действовавших на Средиземном море, и с личностью высокоталантливого моряка, достойного представителя героической плеяды, начинающейся с соратников Петра I, продолжающейся Спиридовым и Ушаковым и далее Корниловым, Нахимовым и Макаровым.

Первые годы жизни и службы

Дмитрий Николаевич Сенявин происходит из старой русской морской семьи. Морская служба Сенявиных начинается почти одновременно с появлением русского регулярного военного флота. Уже в 1697 году Петр I сообщает князю Ромадановскому, что на голландском корабле ходит русский человек Иван Акимович Сенявин. При Петре он служил в чине боцмана, а к концу жизни стал контр-адмиралом. С честью служил тогда же во флоте, создаваемом Петром, и брат его, капитан Наум Акимович. Командуя отрядом кораблей, он 24 мая 1719 года разбил шведскую флотилию близ острова Эзель, причем взял в плен один линейный корабль (52 пушки), один фрегат (34 пушки) и одну бригантину (12 пушек) с экипажем в 376 нижних чинов и 11 офицеров. Кончил он жизнь вице-адмиралом. С большим блеском и постоянными успехами служил и сын его Алексей Наумович, ставший к концу жизни полным адмиралом.

Дмитрий Николаевич родился в 1763 году, и, конечно, никаких не могло быть сомнений относительно его будущей карьеры. Как это Сенявин будет не во флоте?

Едва исполнилось Дмитрию десять лет, как случилось, по его словам, следующее: «Батюшка сам, — пишет он, — отвез меня в Морской корпус, прямо к майору Г-ву; они скоро познакомились и скоро подгуляли. Тогда было время такое, без хмельного ничего не делалось. Распрощавшись меж собою, батюшка сел в сани, я поцеловал его руку; он перекрестил меня и сказал: «Прости, Митюха! Спущен корабль на воду, отдан Богу на руки: Пошел!» — и вмиг с глаз скрылся».

Сначала мальчик учился плохо, шалил, ровно ничего не делал, подвергался жестоким наказаниям, очень мало на него действовавшим. Но вот его дядя, капитан 1-го ранга Сенявин, узнал о его «подвигах» и, как выражается Дмитрий Николаевич, принял в нем участие: пригласил к себе, «кликнул людей с розгами, положил меня на скамейку и высек препорядочно, прямо как родной, право, и теперь-то помню, вечная ему память и вечная ему благодарность». Но после этого он разъяснил мальчику, какое поприще пред ним откроется, если он с успехом окончит курс в Морском корпусе, «обласкал» его, но и пригрозил дальнейшим своим «участием». А тут еще скоро прибыл из похода старший брат и стал «часто рассказывать красоты корабля и все прелести морской службы». Все это вместе повлияло на Дмитрия, он стал усерднее учиться и уже в 1777 году, четырнадцать лет, сдал экзамены и был выпущен гардемаринном, а в мае 1780 года после двух кампаний и блестяще выдержанного экзамена на офицерский чин, был произведен в мичманы. Вскоре Сенявин был назначен в далекое плавание — в Лиссабон, куда Екатерина II отправила в 1780—1781 годах несколько кораблей для поддержки своего «вооруженного нейтралитета», иными словами, для борьбы против английских корсаров, нападавших на русские суда.

Необычайно интересны те тридцать три с половиной страницы собственноручных записок Сенявина, которые были опубликованы в № 7 «Морского сборника» за 1913 год (стр. 5—39) и переизданы в приложении к книге В. Гончарова «Адмирал Сенявин» (Военмориздат, 1945). К сожалению, рукопись обрывается на событиях 1788 г. и, следовательно, не даст ничего для истории экспедиции 1805—1807 годов. Зато она необыкновенно живо рисует обстановку, в которой протекали молодость и первые годы службы Сенявина.

По окончании корпуса он дважды плавал гардемаринном по Балтийскому морю и вел обычную жизнь моряков в те времена: нелегкая мор-

ская служба, а в свободное время — веселье, молодечество, товарищеские затеи и шалости. Выносливость у Сенявина была большая, и самые рискованные штуки сходили ему с рук без вреда для здоровья. Даже в баню ходили «не столько мыться, сколько резвиться»; «...несколько человек выбежим из бани, ляжем в снег, и кто долее всех пробудет в снегу, тот выиграл с каждого по бутылке... Я был крепкого здоровья и часто, иногда с горем пополам, оставался победителем товарищей...» — вспоминал Сенявин.

Сенявин всем сердцем привязался к флоту и гордился его силой. «Можно сказать, флот был тогда славный. Шведы и турки везде и всегда были побеждены и истреблены, кажется, и сами англичане не осмеливались согрubitъ ее величеству и, стиснувши зубы, старались больше угодить», — это он вспоминает о «вооруженном нейтралитете» России 1780 года, так встревожившем англичан, о славных победах Ушакова в 1788—1791 годах на Черном море...

Моряк той поры, когда еще аракчеевщина не сделалась руководящим принципом службы ни в армии, ни, подавно, во флоте, Сенявин склонен, явно очень сильно идеализируя, с большой теплотой вспоминать первую половину своей морской карьеры и считать, что матросам жилось якобы не так худо. «...Люди жили и жили, как говорится, припеваючи. Больных было весьма мало, а о повальных болезнях никогда и слышно не было. Не теснота делает болезни, а угнетение человека в духе».

Сравнивая эти доаракчеевские времена с позднейшими, Сенявин, конечно, приукрашивая, пишет: «В то время люди были веселы, румяны и пахло от них свежестью и здоровьем, — нонче же посмотрите прилежно на фрунт, — что увидите — бледность, желчь, унылость на глазах и один шаг до госпиталя и на кладбище. Без духа ни пища, ни чистота, ни опрятство не делают человеку здоровья. Ему надобно дух, дух и дух».

Смолodu Сенявин готовил себя к боевой деятельности, а не к парадом и «высочайшим» смотрам: «Пока будут делать все для глаза, пока будут обманывать людей, разумеется, вместе с тем и себя, до тех пор не ожидай в существе ни добра, ничего хорошего и полезного».

В 1782 году Дмитрий Николаевич был назначен в Азовский флот, на корвет «Хотин», стоявший в Керчи.

Служба Сенявина пошла очень успешно. Это был человек быстро схватывающего ума, очень толковый, зря вперед не совавший, но и от самых трудных поручений никогда не отказывавшийся.

В 1783 году к России был присоединен Крым. 15 августа того же года Екатерина назначила князя Григория Потемкина генерал-губернатором

Керчь.

Гравюра XIX в.

Новороссийского края и главным начальником Херсонского адмиралтейства. Началось большое государственное дело — создание Черноморского флота.

Сенявин был ближайшим помощником контр-адмирала Мекензи в те годы, когда пустынный Ахтиар превратился в Севастополь — военноморскую базу России на Черном море и когда шла постройка судов Черноморского флота. Потемкин, имевший бесспорный дар распознавать людей в тех случаях, когда бывал сильно заинтересован какой-либо поставленной перед собой целью, чуть ли не с первого знакомства понял, по-видимому, как полезен будет Сенявин в деле создания военного порта и флота.

Много лет Сенявин прослужил на Азовском и Черном морях, плавал между Таганрогом, Феодосией, Херсоном, Севастополем, проходя службу под начальством адмиралов Мекензи, Войновича, а потом Ушакова. Он сблизился с матросами, которых любил и которые его любили и даже позволяли себе при нем безобидные шутки, зная, что Сенявин не взъимет, потому что дорожит бодрым настроением команды. Вот характерное место из его записок: «В наше время, или, можно

сказать, в старину, в командах бывали один-два и более, назывались весельчаки, которые в свободное от работ время забавляли людей разными сказками, прибаутками, песенками и прочее. Вот и у нас на корабле был такого рода забавник — слесарь корабельный; мастерски играл на дудке с припевами, плясал чудесно, шутил забавно, а иногда очень умно. Люди звали его «кот-бахарь». И вот сцена с натуры, происшедшая во время страшного трехдневного шторма 9—11 сентября 1787 года, в самом начале войны с турками. Все мачты сенявинского корабля были сломаны, смерть грозила неминуемая. «Когда течь под конец шторма прибавлялась чрезвычайно и угрожала гибелью, я сошел со шканец на палубу, чтобы покуражить людей, которые из сил почти выбивались от беспрестанной трехдневной работы, и вижу, слесарь сидит покойно на пушке, обрезает кость солонины и кушает равнодушно. Я закричал на него: «Скотина, то ли теперь время наедаться? Брось все и работай!» Мой бахарь соскочил с пушки, вытянулся и говорит: «Я думал, ваше высокоблагородие, теперь-то и поесть соленья! Может, доведется, пить много будем!»» Это он острил насчет того, что

корабль сейчас пойдет ко дну. Сенявину эта острота очень понравилась, и он замечает: «Теперь, как вы думаете, что случилось от людей, которые слышали ответ слесаря? Все захохотали, крикнули: ура, бахарь, ура! Все оживились, и работа сделалась в два раза успешнее».

Сенявин с обычной для него скромностью забыл рассказать о собственном своем поведении во время шторма. Об этом поведал спустя шесть лет после смерти адмирала Д. Бантыш-Каменский со слов П. Свинына. В самый разгар шторма, когда корабль «Крым», шедший вместе с «Преображением», на котором находился Сенявин, уже потонул со всем экипажем, матросы «ждали конца и неизбежной смерти», махнули рукой на все и «не хотели ничего делать». Они уже надевали белые рубахи, готовясь к близкому и неизбежному концу. «Сенявин, видя, что его уже не слушают, сам взял топор, влез наверх и обрубил ванты, которые держали упавшие мачты и этим увеличивали опасность гибели корабля. Пример его неустрашимости сильно подействовал на других, луч надежды блеснул в сердцах, все принялись за работу. Тогда Сенявин спустился в трюм, который был наполнен водой, и хотя насосы не могли действовать и отливать воду, он умолял, однако же, матросов не унывать и надеяться на помощь Божию, собрал вместе с ними кадки, ушаты и всякого рода посуду, которой можно было черпать; трудился неутомимо три часа; исправил несколько насосов и привел воду в такое положение, что она начала убавляться: корабль был спасен»¹.

Сенявин показал себя и отважным моряком, и прекрасным командиром, и воспитателем команды. Потемкин очень скоро заметил его и стал отличать. Как и Суворов, Потемкин не очень полагался на иностранцев и норовил по мере возможности замещать командные посты в армии и во флоте природными русскими людьми.

Сенявин и Ушаков

Настала новая турецкая война, и мы видим Сенявина под начальством контр-адмирала графа Войновича. Войновичу велено было напасть на большой турецкий флот, крейсировавший близ Очакова в Днепровском лимане. Подойдя к острову Тендра, Войнович убедился в очень большом, определенно опасном для русской эскадры численном превосходстве турок. Да и турецкий капитан-паша вполне был в этом факте уверен, так что он и начал бой первым.

Первостепенную роль в разыгравшемся 3 июля 1788 года сражении у острова Фидониси сыграл капитан бригадирского ранга Ф. Ф. Ушаков. Капитан-лейтенант Д. Н. Сенявин показал себя тогда неустрашимым и расторопным офицером.

Победа осталась за русской эскадрой, но турецкий флот не был уничтожен и уже спустя месяц, оправившись и усилившись, вновь появился под Очаковом. Это было очень трудное время сильно затянувшейся осады Очакова. Потемкин, уже знавший о действиях Сенявина, решил поручить ему крайне опасное и ответственное дело: идти с небольшой эскадрой прямо к берегам Анатолии и здесь беспокоить турок, чтобы не дать им возможности и дальше усиливать свой флот, стоящий в Днепровском лимане и мешающий осаде Очакова. Сенявин вышел в море из Севастополя 16 сентября (1788 года) всего с пятью судами. Экспедиция длилась три недели и была очень успешна: Сенявин навел такой страх на турок, понятия не имевших о слабых силах, участвовавших в этом русском крейсерском набеге, что Потемкин в самых лестных выражениях донес о нем императрице: Сенявин «исполнил с успехом возложенное на него дело — разнести страх по берегам азиатскому, сделав довольно поражение неприятелю, истребив многие суда его и возвратившись с пленными и богатой добычей».

Щедро наградив Сенявина, Потемкин дал ему ряд ответственных поручений, быстро упрочивших почетную репутацию Дмитрия Николаевича.

С 1790 года назначенный командиром одного из лучших кораблей Черноморского флота — «Навархии», Сенявин поступает под начальство Ушакова, и 31 июля 1791 года мы видим его участником самой замечательной морской битвы всей этой войны — битвы под Калиакрией, где Ушаков совершенно разгромил большой военный флот турок.

¹ Д. Бантыш-Каменский. Сенявин. — Библиотека для чтения, 1888, т. 31, стр. 159. У Бантыш-Каменского описки или опечатка, описываемое событие было в 1787 году, а не в 1788 году.

В битве под Очаковым, у Фидониси, в крейсировании у берегов Анатолии Сенявин обратил на себя всеобщее внимание во флоте своими умелыми и отважными действиями. Потемкин всячески выдвигал и отмечал его, и после внезапной смерти Мекензи, при новом начальнике Войновиче, Сенявин сделался фактически главным распорядителем дел в Севастополе. Блестящее исполнение ряда боевых заданий во время войны доставило Сенявину очень почетное положение и в Петербурге, куда он был отправлен Потемкиным к Екатерине с донесением о победе, одержанной над турками в июле 1788 года у Фидониси. В 1791 году он отличился в сражении при Калиакрии, кончившемся новой победой Ушакова.

Но именно после Калиакрии произошли первые недоразумения. В приказе от 7 апреля 1791 года Ушаков, ставший уже командующим корабельной эскадрой, укорял Сенявина в невыполнении им его приказаний об откомандировании на вновь построенные корабли в Херсон и Таганрог вполне здоровых матросов. Сенявин вместо этого настойчиво стремился «сбывать» со своего корабля больных матросов. Произошла резкая ссора между знаменитым адмиралом и Сенявиным. Неприятности назревали уже давно. У обоих характер был вспыльчивый. Но благородство, доброта, бескорыстный патриотизм, львиная храбрость были свойственны им обоим, и ссора между ними не могла быть (и не была) сколько-нибудь серьезной.

В данном случае формально кругом был виноват резкий на язык Дмитрий Николаевич. Он наговорил дерзостей Ушакову, а тот в сильнейшем раздражении повел дело официальным путем, подав жалобу князю Потемкину. Потемкин любил и жаловал их обоих. Но он понимал, что совершенно непозволительное поведение Сенявина, если сколько-нибудь ему мирволить, может нанести тяжкий удар дисциплине. Сенявин страшно распалился гневом на незаслуженное, по его мнению, порицание его действий в приказе от 7 апреля и, в свою очередь, жаловался, будто из приказа Ушакова явствует, что Ушаков считает его «ослушником, неисполнителем и упрямым и причиняющим прискорбие неохотным повиновением».

Ссора между двумя благороднейшими людьми, высокоталантливыми и героически храбрыми военачальниками не могла быть продолжительной. Сенявин извинился перед Ушаковым, и наступило полное примирение. «Ушаков, строгий, взыскательный, до крайности вспыльчивый,

но столько же добрый и незлопамятный, приветливо встретил Сенявина, со слезами на глазах обнял, поцеловал его и от чистого сердца простил ему все прошедшее»¹.

Внезапная смерть пятидесятидвухлетнего Потемкина явилась большим ударом не только для Ушакова, но и для Сенявина. Мелкая душа и бюрократический, совсем неспособный к широким взглядам ум Н. С. Мордвинова, который командовал Черноморским флотом после Потемкина, не мирились с явным, подавляющим превосходством Ушакова. Мордвинов явно завидовал герою Калиакрии, его громкой славе в Черноморском флоте. Сенявин был совсем в другом положении, он еще находился в слишком скромном служебном ранге, и не так громка еще была его репутация, чтобы Мордвинов мог видеть в нем конкурента. Его непосредственным начальником оставался в эти годы вице-адмирал Ушаков, который все более и более высоко ценил ум, энергию, оперативность своего подчиненного, «...он отличный офицер и во всех обстоятельствах может с честью быть моим преемником в предводительствовании флотом», — говорил о Сенявине Ушаков².

Когда в 1798 году Ушаков был назначен командующим эскадрой, отряженной в Средиземное море для действий против французов, то он не преминул включить в состав ее и Сенявина, тогда уже капитана 1-го ранга, причем тот в течение всей экспедиции оставался командиром семидесятичетырехпушечного корабля «Св. Петр», незадолго до того спущенного на воду. Сенявин, кстати, принимал в свое время прямое участие в постройке этого корабля.

Подойдя к Ионическим островам и обстоятельно ознакомившись с условиями предстоящей борьбы, Ушаков нашел, что, если не считать о. Корфу, завоевание которого должно было быть финалом, самым трудным делом являлось занятие острова Св. Мавры³. Именно поэтому он приказал Сенявину, на которого полагался больше, чем на кого-либо другого, взять под свою команду, кроме линейного корабля «Св. Петр», еще русский фрегат «Навархия» и два турецких судна (один линейный корабль и один фрегат). 18 октября 1798 года Сенявин произвел высадку на остров Св. Мавры. Русские начали обстрел крепости, продолжавшийся с перерывами около двух недель. 1 ноября крепость капитулировала. В плен был взят французский гарнизон численностью в 512 человек со всей артиллерией (4 большие мортиры, 55 пушек) и боеприпасами. Ушаков,

¹ Морской сборник, 1855, т. XV, № 4, стр. 162.

² Там же, стр. 161—162.

³ Об этом см. в моей работе «Адмирал Ушаков на Средиземном море».

прибывший к острову как раз в день его сдачи, был очень доволен действиями Сенявина. В донесении императору Ушаков писал: «Во всех случаях, принуждая боем оную (крепость) к сдаче, употребил он все возможные способы и распоряжения, как надлежит усердному, расторопному и исправному офицеру, с отличным искусством и неустрашимой храбростью».

До конца экспедиции Ушакова Сенявин выполнял самые ответственные поручения. В конце декабря 1799 года он, перевозя войско из Корфу в Мессину, чуть не погиб во время шторма. В часы смертельной опасности он проявил изумительную распорядительность, искусство и силу духа при совсем, казалось бы, безнадежном положении.

Экспедиция Ушакова закончилась в 1800 году. Отличившийся Сенявин был назначен начальником Херсонского порта. Состоя в этой должности, Сенявин получил (в 1803 году) чин контр-адмирала и 27 сентября 1804 года был назначен начальником флота в Ревеле.

Начало Средиземноморской экспедиции

Цели русской восточной политики, как они определились к концу XVIII и к началу XIX столетия, диктовались такими условиями, которые не тогда начались и не тогда окончились. Основная экономическая и политико-стратегическая цель после всех побед над турками достигнута не была: русская внешняя торговля на юге оставалась в полной зависимости от намерений и расчетов Порты, в державном обладании которой находились Босфор и Дарданеллы. Безопасность русского Причерноморья находилась под постоянной угрозой и в прямой зависимости от всех колебаний политики Турции и ее возможных союзников — Англии и Франции.

Материальные интересы русских помещиков и купцов-экспортеров были затронуты в первую очередь.

Таким образом, прямое требование охраны этой южной границы, хуже всего защищенной из всех русских границ, диктовало политику особой зоркости по отношению к Турции. К этому следует еще прибавить и то, что турецкие правители весьма мало скрывали свои «реваншистские» устремления. Мусульманское духовенство воспитывало целые поколения в ненависти к «наследственному врагу», под которым понималась Россия. «Высокая Порта» и ее дипломаты неоднократно, если не официальными путями, то все же достаточно недвусмысленно, давали понять — и в Париже, и в Лондоне, и в Вене, — что они вовсе не отказываются от надежды вернуть Крым, Очаков, бывшие владения на Кавказе, изгнать русский флот с Черного моря. У русского правительства, таким образом, было более чем достаточно серьезных мотивов постоянно возвращаться мыслью к вопросу об охране своих экономических и политических интересов на Черном море, и русская дипломатия долгие годы не могла забыть внезапной турецкой агрессии 1787 года и затеянной тогда турками долгой и жестокой войны.

С 1798 года традиционная расстановка сил вокруг того, что уже тогда стало называться «восточным вопросом», начала сильно меняться. Уже в 1797 году разгромив Италию, Бонапарт поспешил захватить Ионические острова, которые он считал более драгоценным и важным приобретением, чем всю завоеванную часть Италии. Последовавший затем поход Бонапарта в Египет и приготовления к покорению Сирии и Палестины показали Турции, что дело этим не ограничится и что речь идет о возможном в будущем уже прямом нападении на Константинополь и о конце Оттоманской державы. Войны революционные окончательно отошли в прошлое еще при Директории. Наступала эра захватнических войн Наполеона в интересах крупной французской буржуазии, которой он служил.

Роль главного, непосредственно опасного врага Турции неожиданно выпадала на долю Франции, а «защитницей» Турции оказывалась Англия. Место России в предстоящей борьбе предугадывалось ее прямыми интересами: позволить французам утвердиться в Константинополе, захватить господство над проливами, ввести свой флот в Черное море значило свести к нулю все, что было достигнуто условиями победоносного Кючук-Кайнарджийского мира, а также Ясскими соглашениями 1791 года.

Взаимный интерес привел к союзу России с Турцией, к которому примкнули Англия и Неаполитанское королевство.

Великий русский флотоводец Ушаков отобрал у французов Ионические острова и освободил их греческое население, несмотря на коварное и даже не особенно искусно скрываемое противодействие англичан.

Эта война «второй коалиции» против Бонапарта, успевшего уже в ноябре 1799 года захватить верховную власть над Францией, окончилась распадом коалиции после выхода из нее России в 1800 году.

Мир между Францией и Россией был заключен еще за несколько месяцев до смерти Павла и подтвержден в 1801 году его преемником. Но восточные дела продолжали беспокоить русскую дипломатию. А вскоре еще больше тревоги стала внушать неслыханная агрессивность и необузданная захватническая политика французского победителя. Каждая новая агрессия Наполеона в Италии и германских странах в эти годы (1801—1805) увеличивала опасность для России. Вместе с тем, непрерывные успехи захватнической политики первого консула (а с 1804 года императора французов) в Южной и Центральной Европе грозили превратить устрешенную Турцию в покорного вассала и в форпост французской империи в случае прямого нападения Наполеона на Россию.

В 1804 году последовал давно уже готовившийся поворот русской политики в отношении Наполеона. В 1801—1803 годах эта политика носила выжидательный характер. Конечно, о союзе с Францией, о чем так усердно говорили в последние месяцы жизни Павла, не могло быть и речи, но не усматривалось до поры до времени и причин к обострению отношений. Однако и в те времена государствам было очень нелегко долго оставаться нейтральными. Нужно было выбирать между основными группировками воюющих стран. Иногда та или иная группировка при случае прибегала даже к угрозам, чтобы привлечь на свою сторону новых союзников. Австрия после тяжких поражений принуждена была просить у Наполеона мира, Пруссия временно спаслась полной покорностью французам; итальянские государства в большинстве своем тоже покорялись воле Бонапарта; германские государства обнаруживали полную покорность, и французский властелин распоряжался в Германии, как у себя дома. Такое резкое нарушение политического равновесия казалось русскому двору определенно опасным. Вильям Питт Младший, направлявший внешнюю политику Англии, сулил России помощь и флотом, и щедрыми субсидиями, если она выступит против Франции.

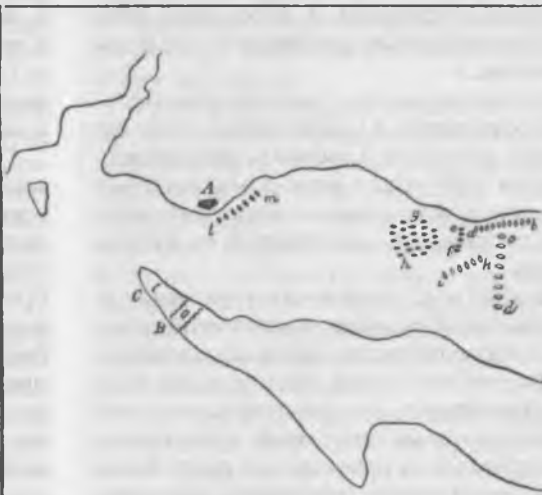
Арест французскими жандармами члена династии Бурбонов герцога Энгийенского на баденской территории, увоз его в Париж и казнь

по приговору военно-полевого суда — все это создавало при европейских монархических дворах настроение, ускорившее создание давно ими замысленной третьей коалиции. Но, еще формально не вступая в коалицию, русская дипломатия решила готовиться к борьбе против планов Наполеона, стремясь побудить Турцию отойти от союза с Францией и войти в союзные отношения с Россией, предоставив ей возможность укрепиться в восточной части Средиземного моря. Прежде всего решено было использовать Ионические острова, находившиеся в фактическом обладании России в результате победоносной экспедиции Ушакова в 1798—1800 годах. Александр I в инструкции генералу Анрепу, которого он решил отправить на Ионические острова со вспомогательным корпусом, объясняет свои намерения весьма обстоятельно и (что характерно для того момента) начинает с указания на «заслуги» Бонапарта в подавлении революции во Франции.

«Бонапарт предупредил прекратить все междоусобные раздоры, кровопролития и безначалие, что и побудило европейские державы восстановить дружественные сношения с Францией, в надеянии, что правитель ее, движим будучи собственностью своего пользой для лучшего и прочного укоренения могущества и власти своей и для блага вообще всех жителей, не отойдет от принятых им правил умеренности, но с недавнего времени поведение его внутри и вне республики день от дня обнаруживать стало властолюбивые его замыслы, и, наконец, последнее происшествие, когда по повелению его отряд французских войск, вступив во владения курфюрства Баденского, вооруженною рукою похитил Дюка д'Ангиена, равномерно возрастающая более и более кичливость его начинает заставлять думать, что трудно сохранить дружеское сношение с Францией, коей правление преступает все права народные и ничего священным не признает. А как притом знатные приготовления, чинимые в разных пунктах Италии, и готовность флота Тулонского к отплытию с немалым корпусом десантных войск, утверждают доходящие до нас сведения, о видах первого консула на Ионические острова и области турецкие со стороны Адриатического и Белого морей, и поелику в политической системе России признано необходимым препятствовать всеми силами разрушению Оттоманской империи по многим соображениям, а наипаче по бессилию, в коем ныне она находится, и которое содействует ее соседом, для России безопасным, а потому наилучшим, то и принята здесь решимость тому соответственная, вследствие коей назначены к отправлению на Ионические острова в подкрепление находяще-

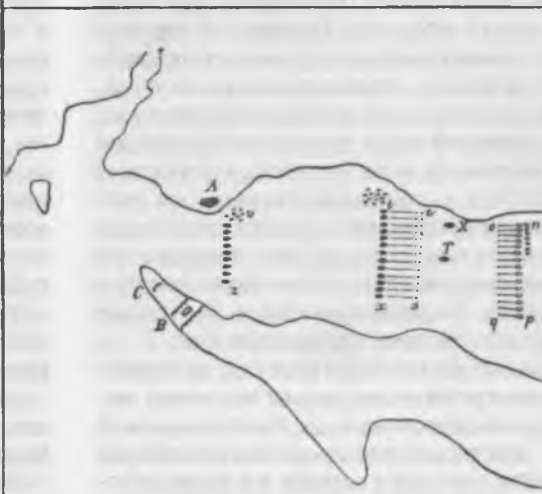
7-го июня.

- ab*—Русская гребная эскадра, прикрывающая правый флангъ (с) парусной эскадры; гребная эскадра *ab* состояла въ 4 батареи, 4 дуббеля шлюпокъ, 6 галеръ и 5 барказовъ.
- cd*—Русская парусная эскадра въ составѣ 2 кораблей, 5 фрегатовъ и 1 бота; въ промежуткахъ между судами стояли остальные гребные суда: 2 галеры, 3 дуббеля шлюпки, 1 бомбарда и 3 батареи.
- ef*—Турецкій гребной отрядъ въ числѣ 5 галеръ, открывшій нападеніе на нашу эскадру *ab*.
- gh*—Турецкая гребная эскадра въ числѣ 36 судовъ, идущая на поддержку своего отряда *ef* и для нападенія на наши эскадры.
- ik*—Наши остальные гребные суда, собравшись къ лѣвому флангу (d) парусной эскадры *cd*, выстроились въ боевую линію, сдѣлали захождевіе, напали во флангъ турецкой линіи и тѣмъ рѣшили бой въ нашу пользу.
- lm*—Турецкая парусная эскадра.

17-го июня.

- np*—Положеніе русскаго флота въ ночь на 17-е июня; на лѣвомъ флангѣ парусная эскадра, на правомъ—гребная.
- oq*—Положеніе русскаго флота въ 4 часа утра 17-го июня.
- rs*—Положеніе русскаго флота послѣ сраженія.
- tx*—Положеніе турецкаго флота въ 2 часа ночи 17-го; на лѣвомъ флангѣ 44 гребныхъ судна.
- vz*—Положеніе турецкаго флота во время сраженія.
- T*—Взорванный турецкій корабль.
- X*—Взятый и сожженный турецкій корабль.

18-го июня.

- DE*—Турецкая гребная эскадра, оставшаяся подъ Очаковымъ.
- FG*—Турецкая парусная эскадра, направившаяся въ море.
- HI*—Русская парусная эскадра, преслѣдующая турецкую парусную эскадру.
- KL*—Русская гребная эскадра, преслѣдующая турецкія гребные суда подъ Очаковымъ и Кинбурномъ.
- Русскія суда. ●—Турецкія суда.
- A*—Крѣпость Очаковъ, *B*—Крѣпость Кинбурнъ, *C*—50-пушечная батарея.

Планы сраженій под Очаковым 7, 17 и 18 июня 1788 г.

гося там малого корпуса войск наших для внутреннего токмо устройства и охранения, еще двенадцать батальонов пехоты и две роты артиллерийские...»¹

Кроме сухопутных войск, русское правительство решило отправить в Средиземное море эскадру боевых кораблей. Сенявин, произведенный 16 августа 1805 года в вице-адмиралы, был назначен главнокомандующим морскими и сухопутными силами, находившимися на Средиземном море.

31 августа 1805 года последовал секретный рескрипт царя на имя Сенявина, начинавшийся так: «Секретно. Господину вице-адмиралу Сенявину.

Приняв Республику семи соединенных островов под особенное покровительство мое и желая изъяснить новый опыт моего к ней благопризнания, почел и за нужное при настоящем положении дел Европы усугубить средства к обеспечению ее пределов. Поелику же республика сия по приморскому местоположению своему не может надежнее ограждаема быть как единственно, так сказать, под щитом морских сил и военных действий оных, то по сему уважению повелел я отправить туда дивизию, состоящую из пяти кораблей и одного фрегата, и тем усилить ныне там пребывающее морское ополчение наше. Веряя все сии военные, как морские, так и сухопутные силы, вашему главному начальству для руководства вашего, признал я за нужное снабдить вас следующими предписаниями:

Снявшись с якоря и следуя по пути, вам предлагающему, употребите все меры, морским искусством преподаваемые и от благоразумной и опытной предусмотрительности зависящие, к безопасности плавания вашего и к поспешному достижению в Корфу»².

10 сентября Сенявин вышел в плавание. У него были один 84-пушечный корабль «Уриил», три 74-пушечных («Ярослав», «Св. Петр» и «Москва») и один 32-пушечный фрегат «Кильдюин». На эскадре находилось 3 007 рядовых, 259 нестроевых, 22 штаб-офицера, 97 обер-офицеров и 50 гардемаринов. Плавание шло благополучно, но довольно медленно. Только 5 октября эскадра вступила в Северное море, а 9-го корабли бросили якорь на Спитхэдском рейде в Портсмуте.

16 ноября эскадра Сенявина вышла при попутном ветре из Портсмута. Счастливо ускользнув от встречи со специально посланной против Сенявина французской эскадрой, русские корабли 14 декабря благополучно достигли Гиб-

ралтара и 19 числа того же месяца подошли к британскому флоту, которым командовал в этот момент лорд Коллингвуд.

Побывав в Кальяри, а затем в Мессине, Сенявин привел свою эскадру 18 января 1806 года к острову Корфу.

Плавание было нелегкое. Прежде всего выбор якорных стоянок на этом долгом пути вокруг всей Европы был ограничен. Достаточно прочесть тот же рескрипт Сенявину от 31 августа, чтобы понять, до какой степени трепетали прибрежные державы перед Наполеоном, который мог разгневаться на гостеприимство, оказанное русским судам. В Швецию не заходить: «Швеция пребывает в дружбе с нами, но уповательно, что вы не встретите надобности заходить в порты ее». В Пруссию не заходить: «С Пруссией мы до сих пор в дружбе, но порты ее, будучи неудобны для вмещения кораблей, не могут и входить в число тех, в которые зайти представлялась бы вам надобность». В Гамбурге «для некоторого исправления, необходимо нужного, укрыться могли бы», но все-таки «и сего избегать можно всеми возможными способами по удаленности его от пути вашего и неудобствам для укрытия больших судов». О Голландии нечего и думать, она «состоит ныне под полным влиянием французского правительства». Словом, только Англия и Дания могут дать пристанище в случае нужды³.

Русские войска генерала Анрепа, давно ждавшие Сенявина, поступили в полное его распоряжение.

Вот что говорит очевидец и соучастник о силах, которыми в момент прибытия на остров Корфу располагал Сенявин:

«На восходе солнца гром пушек возвестил пришествие нового главнокомандующего. Эскадры Грейга и Сорокина отдали паруса, а старший командорский корабль «Ретвизан» приветствовал вице-адмирала 9 выстрелами, республиканская крепость салютировала ему 15, а разных наций купеческие суда 3, 5 и 7 выстрелами. Все военные суда в знак вступления под начальство Сенявина спустили белый и подняли красный флаг. Между тем, как к «Ярослав» отвечал на сии поздравления, генерал-майор Анреп с генералитетом, командор Грейг с капитанами на шлюпках под флагами плыли со всех сторон к адмиральскому кораблю, на котором как во время прибытия, так и по отшествии сих посетителей, играла музыка, сопровождаемая громом литавр и барабанов. Число сухопутных войск, посту-

¹ ЦГАВМФ, ф. Сборный, д. 65, л. 17—18. Список с проекта инструкции генерал-майору Анрепу. На подлинном написано рукой Александра: «Быть по сему. Мая 19-го дня 1804 года».

² АВПР, ф. Канцелярия МИД, 1805, л. 1190, л. 8—10.

³ Там же.

пивших под команду вице-адмирала Сенявина, простиралось до 13 тысяч, состоящих из следующих полков: мушкетерских Куринского, Козловского, Колыванского и Витебского; из 13 и 14 егерских полков и легкопехотного Албанского легиона, сформированного из эпиротов. Сибирский гренадерский полк, с генерал-аншефом Ласси, прежним главнокомандующим, и генерал-майором Анрепом, вскоре отправился в Россию. Морскую силу, кроме 5 кораблей, фрегата и 2-х бригов, пришедших из Кронштадта, составляли следующие корабли:

1. "Ретвизан" о 64 пушках, капитан командор Грейг. 2. "Елена" о 74, капитан Иван Быченский. 3. "Параскевия" о 74, командор Сорокин и капитан Салтанов. 4. "Азия" о 74, капитан Белли. 5. "Михаил" без пушек для перевозу войск, капитан Лелли. Фрегаты: 1. "Венус" о 50 пушках, капитан Развозов. 2. "Михаил" о 44, капитан Снаксарев. 3. "Автроиль" о 32, капитан Бакман.

4. "Армения" под госпиталем. Корветы: 1. "Диомид" о 24, капитан Палеолого. 2. "Херсон" о 24, капитан Чаплин. 3. "Алциное" о 18, лейтенант Гитов. 4. "Днепр" о 18, лейтенант Бальзам.

5. "Григорий" большого размера военный транспорт о 24. 6. "Павел" о 18 пушках. Бриги: "Орел", "Александр", "Бонапарте", "Летун", "Богоявленск", шхуна "Экспедицион", каждый о 16 пушках. Весь флот состоял из 10 линейных кораблей, 5 фрегатов, 6 корветов, 6 бригов и 12 канонерских лодок. На всех сих судах 7908 матросов, морских солдат и артиллеристов и 1154 пушки. Сверх оных, взято от французов: шебеки "Азард" и "Забияка" о 16 пушках, да из призовых судов переделаны корветы: "Дерзкой" о 28 пушках, капитан Салти, "Версона" о 22, лейтенант Кричевский¹.

В Корфу Сенявина, через некоторое время после его прибытия, ждал неожиданный сюрприз, не первый и далеко не последний из тех, какие ему суждено было пережить в эту долгую экспедицию. Пока он скитался по океану и трем морям между Кронштадтом, откуда он снялся с рейда 10 сентября 1805 года, и островом Корфу, где он бросил якорь 18 января 1806 года, в Европе произошли грандиозные события, которых никто не мог предвидеть. Началась и окончилась война третьей коалиции против Наполеона, разразилась страшная Аустерлицкая битва 2 декабря 1805 года, австрийский император Франц сразу же после поражения явился в палатку к Наполеону просить мира, а император Александр, не желая признать волю победителя, ушел, не мирясь, вместе с войсками в Россию. По-видимому, в пер-

вый момент царю казалось все до такой степени потерянным в этой несчастной войне, что он уже 14 декабря 1805 года отправил Сенявину следующее повеление:

«По переменившимся ныне обстоятельствам пребывание на Средиземном море состоящей под начальством вашим эскадры соделалось ненужным, и для того соизволяю, чтобы вы при первом удобном случае отправились к Черноморским портам нашим со всеми военными и транспортными судами, отдаленными как от Балтийского, так и Черноморского флота, и по прибытии к оным, явясь к главному там командиру адмиралу маркизу де-Траверсе, состояли под его начальством...»²

Это повеление весьма характерно отражает настроение царя после Аустерлица.

14 декабря 1805 года по условиям Пресбургского мира Австрия уступила французам в числе прочих отошедших от нее в пользу Наполеона земель также и Далмацию, которую тот же Наполеон, уничтожая Венецианскую республику в 1797 году, отдал австрийцам. Немедленно после ратификации Пресбургского мира дивизионный генерал Лористон по повелению императора занял Дубровник («Рагузскую республику») и потребовал от австрийцев сдачи города Боко-ди-Каттаро. Но тут французы сразу же натолкнулись на упорное противодействие со стороны славянского городского населения, которое решило ни в коем случае не впускать французов. Однако у Лористона силы были значительные: семь тысяч человек с 16 орудиями. Не могло быть и речи о том, чтобы городское население предприняло борьбу без посторонней поддержки.

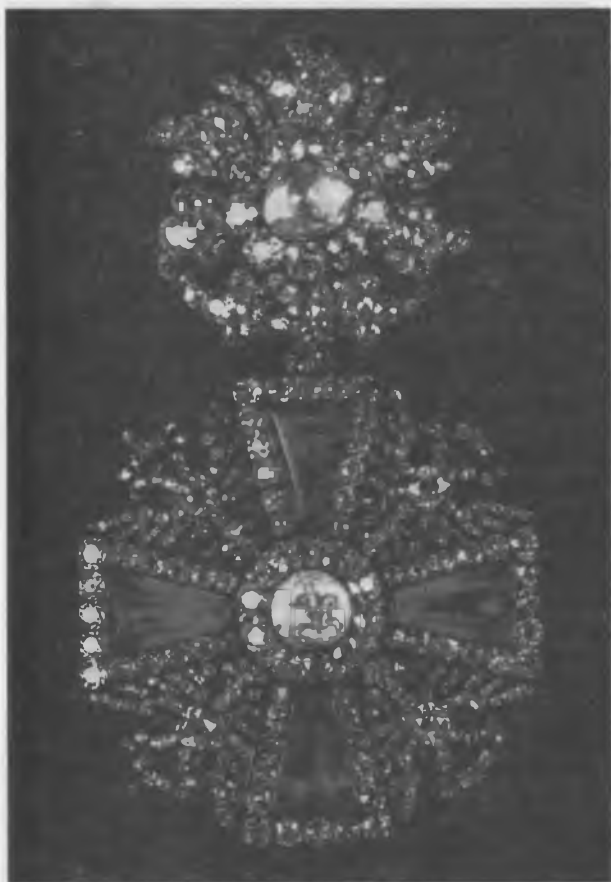
Помчались гонцы в Цетинье. Экономические и политические интересы, культурные связи и симпатии давно связывали черногорцев со славянством побережья и с великолепной торговой Каттарской бухтой.

В Цетинье немедленно решено было начать действовать. Верховный правитель и глава церкви Черногории Петр Негош уже 27 февраля 1806 года созвал скупщину. На этом собрании черногорцы решили отправить Петра с отрядом в виде тысячи человек в помощь Боко-ди-Каттаро. Русский комиссар в Цетинье Санковский объявил населению, что он безотлагательно даст знать адмиралу Сенявину, стоящему с русской эскадрой в Корфу, обо всем, что происходит.

Сенявин не терял ни минуты времени, и уже 28 февраля капитан Белли высадил на берег

¹ Броневский В. Записки морского офицера в продолжение кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина от 1806 по 1810 год, ч. I. СПб., 1836, стр. 112—114.

² ЦГАВМФ, ф. Сборный, д. 65, л. 73.

Крест ордена Св. Александра Невского

вблизи Боко-ди-Каттаро отряд русской морской пехоты¹. Владыка Петр явился туда со своим двухтысячным воинством. Торжественное соединение русского и черногорского отрядов произошло под самыми стенами города. Черногорский вождь произнес при этом следующую речь: «Самые горячие пожелания исполнились! Наши русские братья соединяются с нами в братской общности. Пусть никогда эта великая минута не исчезнет из вашей памяти! Раньше, чем я освящу эти знамена, клянитесь защищать их до последней капли крови!»²

Австрийцы, еще бывшие в городе, сдали его немедленно, даже и для вида не подумав сопротивляться. Петр и Белли тут же заняли все форты.

Этот владыка, Петр Негош, играл в то время роль как главы церкви, так и верховного вождя и правителя своего небольшого, но необычайно воинственного народа. Очень хитрый, тонкий политик и храбрый воин, Петр поставил своей твердой целью сохранение полной самостоятельности своего народа. Он вовсе не желал отдачи Черногории в чье-либо подданство, но был вполне убежден, что опасность в этом отношении грозит Черногории от Турции, от Австрии, от Наполеона, а Россия может явиться прежде всего как желанная союзница в борьбе против всех этих врагов. Русская дипломатия, со своей стороны, всегда смотрела на Черногорию как на дружественную силу, на которую можно и должно опереться на далеких берегах Адриатики.

Еще 1 мая 1798 года Павел пожаловал митрополиту Петру Негошу орден Александра Невского, а в разгар военных действий Ф. Ф. Ушакова на Ионических островах рескриптом от 11 января 1799 года царь повелел выдавать Петру Негошу из русской казны по тысяче червонцев в год начиная с 1 января 1799 года. При этом обещана была Черногории и помощь от ушаковского флота:

«Впрочем, тем менее можете вы теперь подвержены быть какой-либо опасности и потому еще, что флот наш, обретающийся ныне в Средиземном море для действия против народа, покушающегося везде истреблять законные правления и, что еще больше, идущего вредить вере христианской, не оставит в нужде всякую дать вам помощь»³.

Положение было таково. Французы занимали часть Далмации и готовились занять город Рагузу (Дубровник). Сенявин сосредоточил свои усилия на том, чтобы овладеть важнейшим торговым портом Далматинского побережья — Боко-ди-Каттаро. Этот порт был тесно связан и в политическом, и в экономическом отношении с Черногорией. Заняв этот город и всю Бокезскую область и опираясь на море на Ионические острова и на суше на Черногорию, Сенявин мог рассчитывать, что французам очень нелегко будет его оттуда выбить, несмотря на их превосходство в силах.

Коснемся теперь некоторых деталей описанных событий. Необычайно интересно и исторически важно подробное описание тех настроений населения Боко-ди-Каттаро, с которыми

¹ Спиридон Гопцевич дает неверную дату — 29 февраля; в 1806 г. в феврале было лишь 28 дней. Gopcevic. Geschichte van Montenegro und Albanien. Gotha, 1914, S. 304.

² Там же, стр. 304—305.

³ Россия и Черногория. СПб., 1889, стр. 41. Автор очерка Н. Ширияев (его имени нет на титульном листе) перепечатал рескрипт из книги Милорада Медаковича «Повестница Чернегоре», изданной в 1850 году в Землине. Но Ширияев допустил ошибку, утверждая, будто Петр Негош ездил в Петербург к Павлу I; ничего подобного не было.

сразу же столкнулись высадившиеся на берег русские. Помимо симпатий, вызывавшихся общностью принадлежности к славянам и к одному и тому же вероисповеданию, действовали также существеннейшие соображения непосредственно политического характера. Переход из рук в руки, бокезцы, надолго подчинившись Венецианской республике, фактически пользовались широкой автономией. Уничтожив в 1797 году самостоятельность Венеции и отдав ее Австрии (в обмен на громадные уступки Австрии в пользу французов), Бонапарт тем самым отдал австрийцам также Боко-ди-Каттаро. В декабре 1805 года, по условиям Пресбургского мира, и Венеция, и, следовательно, Боко-ди-Каттаро отходили к Наполеону. А если бокезским славянам ненавистно было и кратковременное (1797—1805 годов) австрийское владычество, то, пожалуй, еще более пугал их новый владыка, «король Италии», он же император французов, Наполеон I. Тут уж ни о каких правах и муниципальных вольностях не могло быть и речи, а, кроме того, становясь подданными Наполеона, бокезские купцы, судовладельцы, да и вся (огромная) часть населения, кормившаяся от работы в порту и на море, начиная от негоциантов и капитанов и кончая лоцманами и грузчиками, должны были готовиться к суровым испытаниям, к разорению, нужде и вечной опасности от англичан. Англия становилась врагом, который круго оборвал бы все морские связи Боко-ди-Каттаро с остальным миром.

«Когда в Корфу подтвердился слух, что император Римский заключил в Пресбурге мир с Бонапарте и уступил Франции Венецию и Далмацию; когда известно стало, что французское правительство имеет сношения с Али-пашой, дабы сего непокорного подданного султана преклонить к принятию его войска, то достоверность сего известия привела вице-адмирала в затруднительное положение, и оно же подало ему счастливую мысль воспользоваться следующим обстоятельством: в прежнее служение свое на Средиземном море ему известна была преданность славянских народов, особенно катарцев и черногорцев, из коих последние находились под покровительством России; и потому, приняв главное начальство, хотя не имел никаких наставлений и уведомлений, в каком отношении, по возвращении наших войск из Австрии в свои границы, находились мы с французским правительством, основываясь на неприязненных поступках, которые со стороны оного продолжались, решился занятием Катаро утвердить

за собой господствование на Адриатическом море, сим отклонить близкое соседство французов от Корфу и воспрепятствовать им склонить на свою сторону греков, всегда с жадностью ищущих случая сложить с себя турецкое иго». Здесь в рассказе о том, как Сеньявин старался исправить промахи царского правительства, свидетельство Броневского решительно ничем не заменимо: «Главногокомандующий, утвердившись на сей мере, дабы не потерять удобного случая и не упустить время, положил приступить к немедленному исполнению, но встретил новое важнейшее препятствие. Бывший главноначальствующий генерал-аншеф Ласси имел повеление оставить для защиты Ионической республики только нужные гарнизоны в крепостях, а с остальными войсками возвратиться в порты Черного моря. Сеньявин отнесся к нему с просьбой, старался убедить его, сколь полезно и важно для отечества не допустить французов утвердиться в Далмации и Албании и сколь затруднительно будет тогда удержать Ионическую республику противу превосходных сил, а более от коварств предприимчивого завоевателя; и по сему случаю имел с ним продолжительную переписку. Наконец, по настоятельному домогательству, Ласси согласился оставить большую часть войск и отправился в Россию с одним Сибирским гренадерским полком.

9 февраля капитан 1-го ранга Белли с кораблем, 2 фрегатами и шхуной получил повеление показаться на высоте Катарского залива, снести с г-м Санковским, доверенной особой при Черногории, подать кагарцам надежду в нашем покровительстве и пособии, потом, учредя блокаду в канале Каламоша и между островами Меледо и Агастой, не допускать французов в Катаро; за сим ожидать следствий, я если народ пожелает освободиться от неприятеля, то принять деятельные меры для занятия их области. Капитан Белли заслуживал такое важное поручение прежним своим служением»¹.

Крейсирование Белли с данной ему частью сеньявинской эскадры в середине февраля 1806 года окончилось занятием Боко-ди-Каттаро. Вот как описывает это событие Броневский:

«20 февраля, когда ветер стих, курьер Козен на присланной от консула лодке уехал в Рагузу; через четыре часа Козен возвратился, и капитан, распечатав пакет, приказал поставить все паруса и идти на юг. Слабый ветер не соответствовал нашему нетерпению. Неверная карта и незнающий лоцман, вместо Катаро, привели нас к Антивари; почему принуждены будучи возвратить-

¹ В. Броневский. Цит. соч., ч. I, стр. 137—139.

ся к северу, уже к вечеру увидели мы покрытые сумрачными облаками высокие горы, закрывавшие от нас залив Боко-ди-Каттаро. Несмотря на противный, с порывами дувший ветер, во всю ночь в глубокой темноте под рифленными марселями лавировали мы в устье залива между крутых скал, мелких островов и подводных камней при входе рассыпанных. 21 февраля, еще до рассвета, в густом тумане, при утихшем ветре, положили на якорь на рейде Кастель-Нуово. Тут нашли мы корабль “Азию”, фрегат “Михаил”, шхуну “Экспедицион” и шебеку “Азард”. Последняя взята от французов следующим образом. 16 февраля капитан Белли, прибыв в Катаро, нашел свою шебеку стоящей под крепостью. Несмотря на покровительство австрийцев, народ принудил ее удалиться от крепости. Лейтенант Сытин с пятью гребными судами, под прикрытием шхуны “Экспедицион”, ночью во время проливного дождя взял ее абордажем и столь нечаянно, что французы не успели сделать и одного выстрела. Она была вооружена 16 пушками разного калибра и имела 60 человек экипажа.

...Тайна нашего прихода сюда открылась, и мы с радостью узнали, что предприятие адмирала увенчалось счастливейшим успехом. Для лучшего объяснения происшествий сего дня надобно обратить внимание на связь политических событий¹.

Приход русских круто изменил всю ситуацию: бокезцы избавлялись не только от австрийцев, но и от несравненно более грозной и, казалось, уже совсем неминуемой опасности — от французских захватчиков, водворение которых грозило городу неисчислимыми экономическими бедами и полным разорением. Вступление в город русских моряков сопровождалось яркими, трогательными сценами.

«Бокезцы, узнав, что ныне... они уступлены Франции, которой владычество лишает их торговли, свободы и благосостояния, погружены были в мрачное уныние. Австрийское правительство по одному сомнению в приверженности к России, притесняло знатнейших граждан. Один из них решился возвысить голос и в воскресный день сказал народу: “Пробудитесь от бездействия, уныние не прилично вам, братья мои! Мы стоим на краю гибели; бездна под ногами нашими! Отечество в опасности, одна стезя остается нам к свободе, меч и храбрость ваша покажут вам ее”. Все бывшие в церкви, с отчаянием в сердце, с чувством жаркой любви к отчизне, поклялись умереть или избавиться от власти французов. Клики: “Кто

есть витязь! К оружию, братья!” мгновенно ободрили упавший дух. В несколько часов, подобно быстротекущему пламени, все вооружились, даже в самой крепости Катаро в присутствии австрийского губернатора ударили в набат и объявили ему, что весь народ единодушно готов защищать вольность свою до последней капли крови. Не одна преданность к России, но польза общая и частная были причиной сего удивительного единодушия; нужно было только показаться российскому флагу, и весь народ вооружился, не было ни одного, который бы остался покойным или был противного мнения, и никто не сомневался в покровительстве российского императора. Многие бокезцы, служившие в нашей службе, более других желали сей перемены. Начальники же коммунитатов Ризанского и Кастель-Нуовского граф Савва Ивелич и граф Георгий Войнович наиболее оказали усердия и готовности к освобождению своего отечества. Отставной генерал-лейтенант граф Марко Ивелич, уроженец Ризанский, живший в доме своем как частный человек, по прежним поручениям в звании доверенной особы при Черногории, имея уважение и не действуя лично, вероятно, мог также принимать участие в столь смелом предприятии своих сограждан².

Таким образом, энтузиазм населения при высадке сенявинских моряков был бесспорен.

Казалось бы, все обстоит очень хорошо. Мало того. Прибытие эскадры к далматинскому побережью благотворно подействовало и на турок, даже на неукротимого Али-пашу: «Известный вам визирь Али-паша, который даже своего государя мало уважает, гордость свою весьма понизил», и вообще «соседственные турецкие начальники тотчас переменили со мной обхождение»³.

И вдруг, как гром среди ясного неба, падает удар: вернувшись из Боко-ди-Каттаро на остров Корфу, Сенявин получает там 27 марта повеление Александра бросить все и уходить со всеми военными и транспортными судами в Россию, к Черноморским портам!

Повеление Александра подписано было еще 14 декабря 1805 года, а до Сенявина добралось через три с половиной месяца, 27 марта 1806 года! В наш век телеграфа и радио необходимо уже некоторое усилие воображения, чтобы представить себе тогдашние темпы. Подписал это повеление царь несколько дней спустя после Аустерлица, удрученный и обеспокоенный поражением, когда им временно владела лишь одна мысль: поскорее подтянуть поближе к России

¹ В. Броневский. Цит. соч., ч. I, 136—137.

² Там же, стр. 140—142.

³ Там же.

все сухопутные и морские силы, находившиеся вдали от родины. А получил это повеление Сеньявин уже тогда, когда на театре военных действий, в Адриатике, шансы русских намного увеличились и сводить на нет ни с того ни с сего свои успехи не имело никакого смысла.

К счастью, от Адама Чарторыйского, бывшего тогда министром иностранных дел, прибыло более позднее распоряжение (от 8 февраля), которое дало повод несколько замедлить дело, и Сеньявин решил не уходить вообще, пока не получит вторичного повеления о возвращении эскадры в Черное море. Другими словами, Дмитрий Николаевич положил «высочайшее» повеление под сукно. Это с ним бывало не в первый и не в последний раз. Он даже никому и не сказал ничего, «дабы не встревожить напрасно жителей здешних островов, особливо же провинции Боко-ди-Каттаро».

Вот как объяснял Сеньявин русскому послу в Вене графу Разумовскому положение вещей, вызвавшее в нем сначала глубокое разочарование, а потом решимость свести к нулю и оставить без выполнения царскую волю:

«В продолжение письма моего от 3 (15) марта относительно провинции Боко-ди-Каттаро имею честь сообщить вашему сиятельству, что на прошедших днях я сам был там и лично удостоверился о искренней приверженности тех народов к России и что она провинция как по сей причине, так и по самому положению ее может в случае нужды служить для содержания турок с той стороны в страхе и для обороны противу них, и я обо всем том ныне доношу высочайшему двору. Залив Боко-ди-Каттаро есть наилучший в свете, граница, окружающая провинцию, почти неприступна, так что при помощи черногорцев и малого числа наших войск безопасна от нападения многочисленнейшего неприятельского войска. Жители той провинции имеют до четырехсот судов, которые почти все сильно вооружены артиллерией и тем обеспечены от всякого нападения корсаров, и до пяти тысяч славных матросов. Оруженосцев же в одной провинции Боко-ди-Каттаро имеется до 12 000, и храбрость их довольно известна. Приверженность всех жителей вообще к государю императору нашему столь велика, что готовы жертвовать не токмо собственностью, но и жизнью, и верить им можно в том несомненно. Я счел обязанностью для безопасного мореплавания преусердного сего к России народа учредить конвой как по Адриатике, так и по Черному морю. Положение и прочие выгоды

сей провинции возбудили внимание также и других правительств, и желание оную приобрести и склонить черногорцев на свою сторону. Мне известно, что на сей конец была в Рагузе доверенная от английского правления особа. Употреблено было много труда, а еще более золота, и, может быть, успели бы англичане, если бы не воспрепятствовал им в том пребывающий в Каттаро агент наш господин Санковский, который, я могу уверить ваше сиятельство, есть человек предостойный и преусердный к службе государя императора.

Узнав о приверженности к нам Далмации, где находится до 6 000 французского войска, я намеревался и тот народ освободить от ига французского, и положил уже тому начальное основание, приказав капитану Белли с тремя кораблями, двумя фрегатами и четырьмя бригами отправиться к островам, лежащим против Далмации, на коих, мне известно, находится по несколько французских войск, и овладеть ими. Между тем сам отправился сюда, чтобы взять 2 или 3 батальона егерей и, соединившись с капитаном Белли, следовать к Далмации; потом же, снесясь с жителями, приступить к делу. Для высадки тамо я намерен был употребить еще и до 300 черногорцев и надеялся верно со своими силами, совоюкну с далматами, выгнать тех 6 000 французов.

По возвращении же моем 27 числа марта в Корфу получил я в тот же день именное его императорского величества повеление от 14 минувшего декабря; чтобы со всеми военными и транспортными судами, состоящими под моим начальством, при первом удобном случае отправиться к Черноморским портам нашим. Ваше сиятельство легко вообразить себе можете, с каким прискорбием я должен был видеть, что все мои вновь предположения, о возможном и успешном приведении коих в действие почти нельзя было сомневаться, вдруг соделались тщетными...»¹

Сеньявин успел (еще до всей этой передраги с внезапным приказом царя о возвращении) сделать много для того, чтобы привязать к русским население города, кормившееся морской торговлей. Он уже собирался сделать окончательно Боко-ди-Каттаро своей новой базой для дальнейшей борьбы с французами в Далмации и приступил даже к подготовительным действиям для борьбы за Рагузу, но путаница, порожденная поздним получением устаревшего по существу приказа Александра, сильно помешала осуществлению мероприятий адмирала. Только новые бумаги, полученные на острове Корфу, и особенно перемена в настроениях царя, убившегося в чисто захватнических намерениях

¹ АВПР, ф. Канцелярия МИД, 1806, л. 1250, л. 27.

План бухты Боко-ди-Каттаро

Наполеона и вице-короля Италии Евгения относительно Далмации, позволили Дмитрию Николаевичу подумать, уже опираясь на прямо выраженное ему «благоволение» Александра за взятие Боко-ди-Каттаро, о более энергичных действиях в Далмации.

Вот как переживались все эти превратности дипломатических судеб на эскадре Сенявина и среди горожан Боко-ди-Каттаро:

«Адмирал, лично удостоверясь в искренней преданности жителей, освободил их от всякой повинности, обеспечил сообщение с Герцеговиной, а для покровительства торговли учредил конвой до Триеста и Константинополя. К тако-

вым милостям и попечениям бокезцы не остались неблагодарными. Старейшины от лица народа поднесли адмиралу благодарственный лист и предложили жизнь и имущество в полное его распоряжение. В несколько дней снаряжено на собственной счет (местных) жителей и вышло в море для поисков 30 судов, вооруженных от 8 до 20 пушек, что, по малоимению малых военных судов при флоте, было великой помощью. Распоряжение это принесло более пользы, нежели могли бы доставить налоги. Милосердие и кротость нашего правления были в совершенной противоположности с правлением соседа нашего Наполеона».

И снова мы узнаем от Броневского то, что стараются скрыть официальные документы: упорную и ловкую борьбу Сенявина, исправляющего ошибки и опротестившие решения царя.

«Адмирал, узнав о приверженности к нам жителей Далмации, занятой 6 000 французских войск, предпринял и сей народ освободить от угнетавшего vs. ига. Капитан Белли, с 3 кораблями, 2 фрегатами и 4 бригами, получил повеление овладеть островами, противу Далмации лежащими. Митрополит вместо просимой тысячи обещал собрать 6 000 воинов, и вызвался сам ими предводительствовать, почему адмирал 25 марта отправился в Корфу, дабы и там сделать нужные распоряжения на случай замыслов неприятеля, взять с собой 3 батальона егерей и, соединившись с Белли, совокупно с далматами, выгнать французов; но, прибыв в Корфу, получил именное повеление от 14 декабря прошедшего 1805 года со всеми морскими и сухопутными силами возвратиться в Черное море, отчего предприятие сие, в успехе которого нельзя было сомневаться, соделалось тщетным. Главнокомандующий начал делать приготовление к отплытию, а повеление скрыл в тайне, дабы преждевременным объявлением не встревожить напрасно жителей. Когда граф Моцениго уведомил его, что по его депешам генерал Ласси командовать должен морскими и сухопутными силами, то адмирал, чтоб развязать свое недоумение, решился вскрыть бумаги, на имя генерала Ласси надписанные, где к удовольствию своему нашел, что все силы должны остаться в Средиземном море. Адмирал послал бриг возвратить войска с генералом Ласси, но его уже не застали в Константинополе, а сам 19 апреля с 2 кораблями и фрегатом, посадив на оный 6 рот егерей, прибыл в Каттаро, где узнал, что число французских войск в Далмации уже гораздо умножилось, а как к тому же не получено никаких повелений от государя, то и решился поступать токмо оборонительно и защитить Боко-ди-Каттаро и взятый остров Курцало. Наконец, от 15 мая государь император изъявил монаршее благоволение адмиралу за все новые распоряжения по занятии Каттаро, равно и за решимость открыть предписания на имя генерала Ласси, с таковым повелением, что он утверждает во власти главнокомандующего, и может действовать по своему благоусмотрению, соображаясь с прежними наставлениями столько, сколько положение дел и настоящие обстоятельства дозволят»¹. Александр благодарил Сенявина за невыполнение царского указа об уходе в Черное море.

Освобождение русскими Боко-ди-Каттаро и далматинских славян от французского ига

Обстоятельства сложились так, что к началу лета 1806 года и Наполеон и Александр стали смотреть на восточную часть Средиземного моря и на Адриатику и адриатическое побережье как на арену серьезной борьбы.

Наполеон, сокрушив третью коалицию под Аустерлицем, добился по Пресбургскому миру от Австрии уступки всех земель по западному побережью Балканского полуострова и, заняв Триест, потребовал от австрийцев немедленной передачи в его руки как Боко-ди-Каттаро, так и Рагузы. Черногорией он рассчитывал так или иначе завладеть либо прямым военным нападением, либо дипломатическими переговорами с владыкой Петром Негошем, митрополитом и главой черногорского народа. В планах Наполеона утверждение французского владычества на Балканском полуострове, начавшись на западе, постепенно должно было сказаться и в Албании, и в Морее и привести к той комбинации, о которой он мечтал, когда в 1798 году отправлялся завоевывать Египет: к фактическому отнятию у турок их владений при сохранении в то же время «дружбы» и «союза» с Портой. Приманкой для султана должна была служить надежда на помощь Франции в случае угрозы Турции со стороны России. Тогда эта комбинация не удалась: пока он воевал в Египте, состоялось военное соглашение между Россией и Турцией, и Ушаков завоевал Ионические острова, изгнав оттуда французов. Теперь, весной 1806 года, для французского императора явилась, благодаря победе над Австрией, возможность прочно утвердиться на западе Балканского полуострова и обещать Турции, в случае ее войны с Россией, оказать непосредственную военную помощь, пройдя к Дунаю. Но для этого необходимо было поско-

¹ В. Броневский. Цит. соч., ч. I, стр. 175—177.

рее фактически заполучить от австрийцев приобретенные от них по Пресбургскому миру владения, и, прежде всего, Боко-ди-Каттаро и Рагузу (Дубровник).

Что касается русской дипломатии, то ее образ действий, естественно, диктовался необходимостью противиться всеми силами этим наполеоновским замыслам. Вот почему царь, поняв, хоть и с опозданием, свою грубую и опасную ошибку, спохватился и не только взял назад свой приказ Сенявину (от 14 декабря 1805 года) об уходе с Адриатического моря и о возвращении в Россию, но вполне одобрил поведение адмирала, занявшего Боко-ди-Каттаро. Но тут было одно дипломатическое осложнение, которое ни Александр, ни прямой начальник Сенявина, товарищ министра морских сил Чичагов, ни Адам Чарторыйский, управляющий тогда министерством иностранных дел, разрешить не могли и не хотели, а предоставили это очень затруднительное дело решать Сенявину. В самом деле: у Австрии с Наполеоном — мир, нарушить который только что разгромленные австрийцы страшатся; Наполеон требует отдачи ему Боко-ди-Каттаро, и австрийцы заявляют о своем полном повиновении. Но тут оказывается, что город и вся «бокезская республика» заняты моряками и солдатами Сенявина, и русский адмирал не желает уходить. Австрийцы делают представление в Петербург о том, что они в невозможном положении перед Наполеоном, и царь вовсе не хочет, чтобы Наполеон снова нагрянул на Австрию и прикончил ее, когда Россия не может еще подать ей прямой и большой помощи. Значит, должно уступить и приказать Сенявину уйти? Нет, царь этого тоже не хочет. В результате составляется «высочайший» рескрипт Сенявину, написанный так хитро и осторожно, что ему предоставится уйти из Боко-ди-Каттаро или не уходить оттуда, начинать военные действия против французов или не начинать, — и вообще делать, что ему самому покажется наиболее целесообразным, беря на себя лично при этом всю ответственность.

Этот документ так характерен и для переживавшейся исторической минуты, и для выяснения намерений русской дипломатии накануне грозившего разрыва с Портой, и для отношений России с Австрией, что его необходимо тут привести:

«Господину вице-адмиралу Сенявину.

Из донесений ваших под № 1-м и до 7-го я с удовольствием усмотрел принятые вами меры к воспрепятствованию, поколику возможно, распространению французов в краях, от Австрии им уступленных. Вследствие сего, равно и во уважение других сообщений, о коих подробно сообщит вам товарищ министра морских сил

вице-адмирал Чичагов, я побуждаюсь отменить повеление мое от 14 декабря минувшего года о возвращении вашем со вверенными управлению вашему судами к Черноморским портам, предписывая сим остаться в Средиземном море и в Адриатике. Корабли «Азию» и «Параскевию», кои по усмотрению вашему найдены не в состоянии долее оставаться при эскадре, вам вверенной, можете, буде удобное для прохода в Черное море время еще не ушло, отправить к оным. Вместо сих убылых у вас кораблей повелел я отправить из Балтики другие.

Главный предмет, который поручен особой попечительности вашей, есть обеспечение Ионической республики, Мореи и всей Греции от всякого неприятельского нападения. Для достижения каковой цели вы руководствоваться должны данными как генерал-майору Анрепу, так и вам инструкциями, коим вы имеете следовать и на случай, если бы каковы-либо неприязненные виды Порты, обнаружившись, довели нас и до разрыва с оной, равномерно если бы французы вступили в какую-либо область Турецкой империи или делали каковые покушения высадки на берега их или острова, к ним прилежащие: морские силы, вам вверенные, конечно, достаточны на очищение всего Ионического и Адриатического морей от всех могущих оказываться на оных французских вооруженных судов; и потому я надеюсь, что вы употребите все меры как для сего важного предмета, так и вообще для всего того, что касается до исполнения прочих видов наших в тех странах, обращая, однако, все внимание ваше главнейше на охранение и обезопасение Республики Семи соединенных островов.

Относительно происшедшего в Бока-ди-Каттаро, как из доставленных ко мне донесений ваших видно, что занятие оного места нашими войсками последовало до прибытия французов от австрийцев и до капитуляции, что и подало повод к сильным жалобам французского правительства у Венского двора, который, страшась последствий оных, неотступно меня просит о позволении возвратить Каттаро. Желая отвратить новые опасности, могущие сделаться весьма бедственными для Австрии, которая в настоящем положении уже отнюдь не в силах противоборствовать Франции, я поручил послу нашему Разумовскому вступить по сему предмету в непосредственное сношение с французским послом, в Вене пребывающим. Смотри по расположениям, каковы обнаружит Франция, быть может, что возвращение Бока-ди-Каттаро признано будет необходимым. В таком случае граф Разумовский отнесется уже к вам прямо, и вам надлежать

будет совершенно сообразовать дальнейшие действия ваши с его сообщениями. До получения же оных поручаю вам употребить достаточную часть вверенных вам сил наших как морских, так и сухопутных на удержание Бока-ди-Каттаро и на воспрепятствование французам овладеть сим постом.

Буде бы обстоятельства приняли вид, по коему удержание за нами Бока-ди-Каттаро сделалось более вероятным, нежели отступление от оного, в таком случае вы можете обратить внимание ваше на те местные способы, кои к успеху действий ваших представиться могут. Один из главнейших был бы тогда употребление на службу тамошних мореходцев на судах вооруженных, коих число по донесению вашему до 400 простираться может и кои как для стеснения торговли, прибрежного крейсирования, так для сообщения и для достижения других содержащихся в данных вам наставлениях намерений наших, весьма много способствовать вам могли бы. Требуемые для них патенты будут здесь к своему времени изготовлены, до получения же оных в приведенном в начале сего пункта случае дозволяю вам давать за подписью вашей и печатью виды, кои бы достаточны были для беспрепятственного плавания их при встречах с нашими и английскими вооруженными судами.

Суммы, которые вы на содержание морских и сухопутных войск испрашиваете, отправлены для доставления к вам и адмиралу маркизу де Траверзе, которые если еще не получили, то уповательно вскоре получить должны будете.

Нужным нахожу приметить, что все донесения ваши ко мне и отношения по делам части, управлению вашему вверенной, должны вы были и впредь должны будете доставлять к товарищу министра морских военных сил, как непосредственному начальнику вашему. По причине отдаленности и затруднения в сообщении я, обращая вас к данным при отправлении вашем наставлениям, ограничивай теперь означенных важнейших токмо предметов, коих приведение в действо ныне вам поручается. Впрочем, предоставляя все подробные и по обстоятельствам могущие востребоваться распоряжения опытности и усердию вашему к службе, я уверен, что вы не оставите принять приличнейшие меры для наилучшего исполнения моих намерений. Александр»¹.

Этот рескрипт совершенно развязывал руки Сенявину, хотя другому командующему он, на-

против, мог бы скорее связать руки. Ответственность всецело возлагалась на Сенявина. Еще раньше, чем на Корфу, был получен рескрипт (он был получен 11 июля), 23 мая в Петербурге последовало распоряжение министра иностранных дел князя Адама Чарторыйского, подтверждавшее, что царь «с особливым благоволением» узнал 5 мая о занятии Боко-ди-Каттаро, но при этом министр уведомлял Сенявина, чтобы впредь во всех действиях он «руководствовался в полной мере наставлениями посла нашего в Вене, которому даны препоручения трактовать с австрийским министерством и с находящимися в Вене французскими агентами обо всем относительно занятия войсками нашими Боко-ди-Каттаро»².

Таким образом, Сенявину навязывался новый начальник, русский посол Разумовский, сидевший в Вене и имевший инструкции не перечить австрийскому правительству ни в чем во имя исполнения Австрией своих обязательств перед Наполеоном. А Наполеон, разумеется, в первую очередь должен был потребовать, чтобы Австрия заставила русских уйти из Бока-ди-Каттаро и удалиться из Триеста, куда невозбранно заходила эскадра Сенявина при своих операциях на Адриатическом море.

Таким образом, Александр не только представлял Сенявину выпутываться из сложнейшего положения, как знает, но и создавал еще особое «средостение» между собой и адмиралом, подчиняя Сенявина Разумовскому и уж совсем умывая руки.

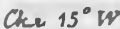
Последствия не заставили себя ждать. Началось с Триеста. Часть эскадры Сенявина с самим флагманом находилась в Триесте, когда в середине мая 1806 года военный комендант Триеста австрийский фельдмаршал Цах прислал Сенявину повеление австрийского императора о закрытии австрийских портов для русских и английских судов. Это повеление состоялось под прямой угрозой Наполеона. Во исполнение этого приказа Цах предлагал сенявинской эскадре немедленно покинуть Триест. Сенявин «утром 21 мая отвечал на оное в сих кратких словах: «Объявление ваше получил и оставлю порт как только исправлю некоторые повреждения моих кораблей»»³.

Фельдмаршал Цах этим не удовлетворился. Он опять послал к Сенявину сказать, что французы категорически требуют от Австрии немедленно удаления Сенявина, угрожая в противном случае занять город своими войсками. «Положение ваше затруднительно... — отвечал Сенявин, — а мое не оставляет мне ни малейшего повода ко-

¹ ЦГАВМФ, ф. Сборный, д. 65, л. 80—83.

² Там же, л. 78—79.

³ В. Броневский. Цит. соч., ч. I, стр. 313.

План города и залива Рагуза

лебаться в выборе. Поступок ваш, мне как генералу, а не политику, кажется, не соответствует дружеству и союзу, в которых вы меня уверяете. С долгом моим и с силой, какую вы здесь видите не сообразно допустить вас унижать флаг, за что ответственность моя слишком велика, ибо сие касается чести и должного уважения к моему Отечеству». Во время этих очень неприятных переговоров на рейд экстренно прибыл фрегат русской эскадры с известием, что французы заняли Рагузу и собираются напасть на Бокс-ди-Каттаро. Сенявин решил идти к угрожаемому месту. Но так как под давлением французов комендант Триеста Цах задержал некоторые суда русской эскадры (желая этим напугать Сенявина и ускорить его уход из порта), то русский адмирал категорически потребовал прежде всего их освобождения. «Теперь нет времени продолжать бесполезные переговоры. Вам должно избрать одно из двух: или действовать по внушению французских генералов, или держаться точного смысла прав

нейтралитета. Мой выбор сделан, и вот последнее мое требование: если час спустя не возвращены будут суда, вами задержанные, то силой возьму не только свои, но и все ваши сколько их есть в гавани и в море. Уверяю вас, что 20 000 французов не защитят Триеста. Надеюсь, однако ж, что через час мы будем друзьями, я только и прошу, чтобы не было ни малейшего вида, к оскорблению чести российского флага клонящегося, и, собственно, для вашей же пользы, чтобы не осталось и следов неудовольствия. Скажите генералу Цаху, что теперь от него зависит сохранить дружбу августейших наших монархов, которая столько раз была вам полезна, и впредь пригодиться может. Уверьте его, что через час я начну военные действия», — заявил Сенявин офицерам, посланным от Цаха. Австрийский комендант немедленно освободил русские суда, тем более что эскадра Сенявина уже начала строиться к бою. Русская эскадра 27 мая (1806 года) покинула Триест и пошла к Бокко-ди-Каттаро.

Сенявин имел все причины спешить из Триеста к восточному берегу Адриатического моря: известие о Рагузе, которое он получил в Триесте как раз во время пререканий с Цахом, было очень серьезно.

Рагузская республика (славянский Дубровник) номинально числилась в тот момент «под покровительством Оттоманской Порты», но Наполеон твердо решил занять эту территорию, зная, что фактически эта славянская республика, «права» на которую были уступлены французам их «союзниками» турками, пользовалась с давних пор почти полной независимостью, а теперь, после появления Сенявина в Боко-ди-Каттаро, готова отдаться под русское владычество. Как и бокезцы, очень многие жители Рагузы, купцы и все, кто кормился около морской торговли, боялись больше всего перехода во французское подданство: Англия блокировала все порты на Средиземном, Адриатическом и других морях, едва только попадали, хотя бы временно, под власть Наполеона.

Во главе Рагузской республики стоял сенат, являвшийся прежде всего представительством крупного купечества. Едва только в Рагузе узнали о том, что Сенявин занял Боко-ди-Каттаро, сенат немедленно послал сенатора Владислава Сорго просить русского адмирала о покровительстве. Овладение русскими островом Курцало очень подняло в Рагузе и без того большой авторитет Сенявина, и когда 6 мая (1806 года), уже возвращаясь с Курцало в Боко-ди-Каттаро, адмирал по приглашению сената посетил город Рагузу, его приняли «с великими почестями и торжеством». Адмирал распоряжался в Рагузе несколько дней (в первой половине мая), и его эскадра, войдя в порт, взяла в плен или истребила несколько французских корсарских судов. Но по ряду признаков становилось ясно, что французы непременно нападут на Рагузу в самом недалеком будущем. Сенявин вступил тогда в военное соглашение с сенатом Рагузы. Решено было, что при первой же вести о приближении французов, рагузанцы впустят русские войска в крепость, и город, и горожане, вооружившись, будут помогать русским в борьбе против общего неприятеля. Но французская атака последовала несколько раньше, чем ожидали: Сенявин 13 мая отправился с эскадрой в Триест, а 14-го французский генерал Лористон двинулся на Новую Рагузу и 15 мая занял ее без сопротивления.

Броневский приписывает этот поворот событий измене и проискам некоторых членов сената Рагузы.

Лористон, заняв город и крепость, объявил, что Рагуза отныне вошла в состав владений французского императора.

Это внезапное известие Сенявин получил, когда покидал Триестинский рейд.

Сенявин поставил перед собой две задачи: во-первых, не допустить французов в Боко-ди-Каттаро и, во-вторых, выбить их из Рагузы. Сенявин установил тесную блокаду Новой Рагузы.

В завязавшейся борьбе, когда у русского адмирала не было прочной уверенности в соответствии его действий намерениям петербургского двора, Сенявина могло выручить только быстрое и успешное ведение военных действий.

Против него были французы, располагавшие гораздо большими силами; на его стороне были, во-первых, население Боко-ди-Каттаро («бокезцы») и, во-вторых, черногорцы. На всех этих славян Сенявин рассчитывал с самого начала, и они не обманули его ожиданий. Замечу, что экономические причины, заставлявшие население этого побережья Адриатики решительно помогать русским в борьбе против французов, влияли не только на славян, но и на итальянскую часть населения всего побережья. Сошлемся на документ, подтверждающий этот факт.

Община Кастельнуово, население которой было больше итальянским, чем славянским, подало на итальянском языке русскому представителю Санковскому протест против передачи этого места австрийцам или французам, что было одно и то же, так как община знала, что по условиям Пресбургского мирного договора австрийцы обязаны были передать его Франции. Община желала, чтобы временная русская оккупация оказалась постоянной. Жители Кастельнуово объявили, что во всяком ином случае «будут защищать свою свободу с оружием в руках»¹.

¹ АВПР, ф. Канцелярия МИД, д. 1247, л. 32.

Установление боевого содружества русских и черногорцев

В самом начале блокады Рагузы русскими командир французского отряда генерал Лористон прислал Сенявину письмо, в котором жаловался на «жестокость» русских солдат, а также предлагал ему, чтобы он приказал черногорцам и «приморцам» удалиться в свои границы. Сенявин ответил на это письмом, которое (как и некоторые другие, столь же интересные) мы нашли не в архиве, а в записках Броневского. По поводу упрека в жестокости русский адмирал пишет, давая разом и заслуженную отповедь и разоблачая французского начальника: «Вы так ошибаетесь, г-н генерал, что я почитаю совершенно излишним опровергать сказанное вами, а сделаю одно только замечание, как содержится у нас и у вас пленные. Ваши офицеры и солдаты могут засвидетельствовать, с каким человеколюбием обходимся мы с ними; напротив того, у наших, которые иногда по несчастью делаются вашими пленными, отнимают платье, даже сапоги». Сенявин правильно догадывается, что жалоба Лористона относится не к русским, а к черногорцам, и он поясняет Лористону: «О черногорцах и приморцах считаю нужным дать вам некоторое понятие. Сии воинственные народы очень мало еще просвещены; однако же никогда не нападают на дружественные и нейтральные земли, особенно бессильные. Но когда увидели они, что неприятель приближался к их границам с намерением внести огонь и меч в их доселе мирные хижины, то их справедливое негодование, их ожесточение простерлось до такой степени, что ни моя власть, ни внушения самого митрополита не в состоянии были удержать их от азиатского обычая: не просить и не давать пощады, резать головы взятым ими пленникам. По их воинским правилам оставляют они жизнь только тем, кои, не вступая в бой, отдаются добровольно в плен, что многие из ваших солдат, взятых ими, могут засвидетельствовать. Впрочем и рагузцы, служащие под вашими знаменами, поступают точно так же, как и черногорцы.

Признаюсь, г-н генерал, я не вижу конца несчастьям, которые нанесли вы области Рагузской, и тем еще более, что вы, принуждая жителей сражаться против нас, подвергаете их двойному бедствию... одно средство прекратить сии несчастья — оставьте крепость, освободите народ, который до вашего прибытия пользовался нейтралитетом и наслаждался спокойствием, и тогда только можете вы предложить, чтобы черногорцы возвратились в дома»¹.

Заметим, кстати, что аналогичный (в главном) ответ о причинах ожесточения против французов русских крестьян тот же Лористон получил от Кутузова в Тарутине в октябре 1812 года. В обоих случаях ожесточенность народа объяснялась законным возмущением против агрессора.

Броневский, записки которого так же ценны и незаменимы для истории экспедиции Сенявина, как записки Метаксы для истории экспедиции Ушакова, был настолько близок к адмиралу и пользовался таким его доверием, что ему сообщались некоторые документы, которые потом по разным причинам не попали в архив. Большое расположение, истинно дружеские чувства Сенявина к славянам вполне разделялись Броневским. Стратегические соображения Сенявина явно отражаются в записках Броневского полнее и откровеннее, чем в исходящих от адмирала официальных заявлениях. Вот как характеризует Броневский положение, сложившееся летом 1806 года:

«Катарская область вместе с Черногорией, будучи сопредельна со славянскими народами, преданными России, отделяясь от Далмации независимой Рагузинской республикой и через Герцеговину примыкая к Сербии, составляла для войск наших превосходную военную позицию и, по тогдашним политическим отношениям, учинилась важным приобретением...

...Сенявин, умножив силу свою 12 000 храбрых приморских и черногорских оруженосцев, перенес театр войны от Корфу к Далмации, тесной блокадой отрезал сообщение ее морем с Италией и принудил доставлять войска и съестные припасы чрез австрийские владения, по непроходимым горам, где нет дорог, что при недоброжелательстве жителей поставило французских генералов в затруднительное положение, и Наполеон, поспешивший объявить притязания свои на некоторые города Албании², принадлежащие Венеци-

¹ В. Броневский. Цит. соч., ч. II, стр. 243—245.

² Бутринто, Парга, Санти-Кваранги, Антивари, из коих первые три находятся противу Корфу.

И. К. Айвазовский. Большой рейд в Кронштадте. 1836 г.

И. К. Айвазовский.
Ледяные горы.
1870 г.

анской республике, увидел замыслы свои, устремленные на Грецию, особенно на Корфу, уничтоженными при самом начале. Честолюбивый и вместе корыстолюбивый Али-паша, узнав о занятии Каттаро и о мерах, принятых для удержания его в пределах нейтралитета, после некоторых опытов нерасположения своего к нам, сам стал искать знакомства Сенявина, а узнав его, скоро сделался добрым соседом и приятелем, чем Бонапарте лишился последней надежды испровергнуть Турецкую империю... По сим причинам занятие Каттаро наделало много шуму. Сближение Франции с Портой Оттоманской отклонено, привлечение на свою сторону греков и славян уничтожено, и сей первый подвиг, первый шаг начальствования Сенявина оправдал мудрый выбор монарха. Все меры и распоряжения, служащие к наивысшему защищению провинции, были одобрены, и адмирал удостоился монаршего благоволения, изъявленного ему в лестном рескрипте¹. Что «мудрый монарх» своими противоречивыми и уклончивыми повелениями мог только сбить Сенявина с толку и повредить успеху русского дела в этих славянских землях, Броневский говорить в своих, предназначенных к печати записках, конечно, не мог, если бы и хотел.

Сенявин командировал Броневского в Черногорию. Этот маленький народ, столетиями отстаивавший (и отстаивавший!) себя от могущественной Турецкой империи, «народ воинов», пленил Броневского с первого же знакомства. Как и его начальник, Броневский проникнут был убеждением, что в западных славянах вообще, а в черногорцах особенно, Россия имеет преданных надежных друзей. Некоторые впечатления его от визита на Черную Гору кажутся порой преувеличенными.

Другой офицер сенявинской эскадры, Павел Свинын, дополняет показания Броневского некоторыми интересными замечаниями. По его наблюдениям, черногорцы были неукротимо храбрым народом, но нуждались в некотором повышении таких качеств, которые облегчили бы общие, согласованные их действия с регулярной русской армией. «Сенявин занялся введением исподволь порядка и воинского устройства между черногорцами, что, судя по их чрезвычайно вольному и необузданному нраву, могло считаться большим предприятием и для начатия коего и успеха надобно было иметь столь великое влияние, какое имел Сенявин на сии народы, пользоваться подобно ему неограниченной доверенностью и любовью», — пишет наблюдавший все это Свинын².

Храбрый воин и хитрый дипломат, Петр Негош всецело стал на сторону Сенявина против французов, явно поставивших себе целью полное покорение Черногории. Петр Негош навсегда остался другом России, и ни разу ни он, ни его народ не покорились французскому завоевателю.

Несколько приукрашенная впоследствии беседа митрополита Петра с генералом Мармоном, правителем Далмации, после ухода русских в 1807 году, все-таки отражает, хотя и в приукрашенном и риторическом стиле, настроение черногорцев в это трудное для них время между Тильзитом и 1812 годом, когда они остались лицом к лицу с грозным соседом, с наместником всемогущего в тот момент французского императора. «Какое дело вам до русских, этого непросвещенного и грубого народа, который и вам — неприятель и желает привести вас всех в рабство?» — спросил Мармон. А владыка Петр ответил на это так: «Прошу, генерал, не трогайте моей святыни и знаменитой славы величайшего народа, которого и я тоже верный сын: русские не враги наши, но единоверные и единоплеменные нам братья, которые имеют к нам такую же горячую любовь, как и мы к ним. Из одного только малодушия вы ненавидите и черните русских, а другие славянские племена ласкаете для того, чтобы ваш император мог легче и лучше достичь своей цели, но мы, славяне, полагаем нашу надежду и славу только на единоплеменных братьев — русских, ибо падут без них и все остальные славяне, а кто против русских, тот также против всех славян». Таких суждений держались в Черногории в то время очень многие.

Итак, опираясь на бокезцев, на черногорцев и на славянское население Рагузы, разбросанное по берегу («приморцев»), Сенявин решил открыть военные действия и по возможности оттеснить французов к Рагузе от тех мест, которые они уже начали постепенно занимать, двигаясь от рагузских укреплений.

5 июня 1806 года произошло сражение, ход и результат которого нам известны из двух документов: из описания, сделанного участником битвы Броневским, и из донесения Сенявина царю. Оба эти свидетельства, ничем не заменимые, остались вовсе вне поля зрения исторической литературы. Приводим их в наиболее существенных частях.

В своих ценнейших записках Владимир Броневский оставил нам очень живой рассказ об этом памятном первом сражении против французов:

¹ В. Броневский. Цит. соч., ч. I, стр. 145—146.

² П. Свинын. Воспоминания на флоте, ч. I. СПб., 1818, стр. 206.

«Неприятель расположился на неприступных каменистых высотах Рагузских, устроил там батареи на выгоднейших местах и готов был к принятию атаки. Он занимал линию от моря до турецкой границы, не весьма просторную, и тем она была крепче. Природа и искусство обеспечивали его совершенно. Правое крыло его прикрито было морем и крутым берегом; левое — турецкой границей, где не надлежало быть сражению. Перед фронтом его — отвесные высокие скалы; занимаемые им четыре важнейших пункта были один за другим сомкнуты и соединены так, что каждый из них мог защищать один другого. Число неприятеля простиралось до 3 000 регулярных и 4 000 рагузцев, исправных и хорошо вооруженных стрелков. наших регулярных войск было 1 200 человек, да черногорцев и приморцев до 3 500. С таким числом весьма трудно было атаковать неприятельский фронт, ибо известно, как французы умеют укреплять места и как искусно выбирают выгодное положение для батарей; несмотря на все сии с нашей стороны невыгоды, главнокомандующий положил сделать нападение... Черногорцы бросились храбро, и перед самым важным пунктом, на самокрутейшей горе, тотчас взяли один передовой пост и, ободрясь сей удачей, напали на другой с запальчивостью. Князь Вяземский, заметив, что неприятель предпринимает заманить черногорцев, отрядил для подкрепления их три роты егерей под командой капитана Бабичева, который с чрезвычайной поспешностью взошел на гору, сколь ни препятствовала ему крутизна ее. Неприятель, усилясь, прогнал, было, черногорцев, но прибытие Бабичева удержало его стремление...

В сие время князь Вяземский, имея в виду повеление главнокомандующего непременно овладеть высотами, обще с митрополитом приступил к исполнению оного. И тем более поспешил начать атаку, что в ту минуту турецкий паша уведомил, что неприятельское подкрепление приближается. Митрополит с нерегулярными войсками тотчас взошел на занятую высоту. Изумленный неприятель, не ожидая атаки с сей стороны и считая сие невозможностью, весьма отчаянно защищал сию позицию, и, усилившись, устремился на отряд капитана Бабичева; но три его роты и черногорцы, ободренные личным присутствием митрополита, не уступили ни шагу отчаянному неприятелю. Между тем как митрополит сражался на краю пропасти противу превосходных сил, на него устремленных, князь Вяземский, разделив

малый отряд свой на две колонны и выслал перед оными охотников под командой храбрых офицеров Красовского, Клички, Рененкампа и Мишо, пошел на неприступную высоту, укрепленную батареями, с решительностью, свойственной герою и возможной только для русского воина. Лористон, заметив общее движение, всей силой теснил охотников наших и ударил на митрополита, которого особа была в крайней опасности; колонны восходили на крутизну и были уже близ вершины. В сем положении отступление было уже невозможно: шаг назад, и все потеряно. Мы, смотря с кораблей, с которых место сражения было видно, не смели спустить глаз и в мучительном беспокойстве ожидали, чем кончится. Наконец, на вершине горы показались наши знамена, эхо повторило громкое «ура!» и войско наше, подвинувшись вперед, скрылось в ущельях.

Неприятель, будучи вытеснен из-за камней, остановился между своих батарей. Обе наши колонны, соединившись с митрополитскими войсками, после малой перестрелки, пошли на штыки; французы защищались упорно, но принуждены были отступить. Митрополит и князь Вяземский, не давая опомниться неприятелю, теснили его беспрестанными нападениями. Офицеры наши, будучи всегда впереди, оказали себя достойными сподвижниками Суворова¹. Необычайно интересен рассказ Броневского о конце сражения:

«Черногорцы соревновали нашим солдатам и с таким жаром бросились штурмовать первое укрепление, что редут с 10 пушками был немедленно взят открытой силой. Таким образом, преоборая укрепления, природой устроенные, и несмотря на картечи, коими искусственно хотели отразить хитрые храбрых, французы уступали одну за другой три свои линии и батареи, оные защищавшие; тут генералы их старались показать свое искусство, обходили наши фланги; но ничто им не помогло, они везде были предупреждены. Русский штык и дерзость черногорцев повсюду торжествовали... Одержана достославная победа над неприятелем превосходным, предводимым искусным генералом Лористоном, и укрепленная неприступная гора Баргат над Рагузою занята².

В своем официальном донесении в Петербург Сенявин вполне подтверждает показания Броневского:

«По прибытии моем к старой Рагузе французы находились на горах, кои они почитали неприступными, и сильно на них укрепились.

¹ 15-я дивизия, находившаяся в Средиземном море, служила под предводительством Суворова в Турции, Польше и Италии (прим. Броневского).

² В. Броневский Цит. соч., ч II, стр 18—22.

Но сражение, бывшее 5-го числа июня, о котором я в донесении моем Вашему Императорскому Величеству, с сим же курьером посылаю, в подробности доношу, доказало французам, с коими противу нас сражались и рагузинцы, что для храбрых войск Вашего Императорского Величества нет мест неприступных, ибо они везде разбили неприятеля и, отняв у него бывшие на батареях на горе 13 штук пушек, прогнали его вовсе в новую Рагузу, где он должен был запереться. Урон неприятельский, сколько известно, состоял почти из 450 человек убитыми и ранеными, в числе первых один из генералов, именем Дельгог...»

Главные усилия в достижении этой победы пали на долю неустрашимых русских войск.

Дипломатическая борьба Сенявина с французами и австрийцами из-за Боко-ди-Каттаро

Военная победа, одержанная Сенявиным 5 июня 1806 года над французами, оказалась на первых порах лишенной какой бы то ни было дипломатической поддержки. В июне и начале июля 1806 года в Вене, Петербурге, Париже и Лондоне происходили события, о которых Сенявин не имел (и не мог иметь) ни малейшего представления, пока на него не обрушился неожиданный удар.

Дело в том, что угрозы Наполеона, направленные против Австрии, приобрели, наконец, почти ультимативный характер. Императору Францу оставалось либо самым категорическим образом требовать от Александра удаления русских войск из Боко-ди-Каттаро и отдачи этого города австрийцам для немедленной дальнейшей передачи его французам, либо быть готовым к новой, совершенно безнадежной войне с Наполеоном. Русский посол в Вене Разумовский подвергался сильному нажиму со стороны австрийского правительства. Александр не хотел допустить нового разгрома Австрии, на которую он, несмотря на Аустерлиц и Пресбургский мир, все же рассчитывал как на некоторую опору в будущей борьбе против Наполеона. Вместе с тем из Лондона приходили тревожные слухи о том, что министерство после смерти Вильяма Питта желает круто повернуть руль британской политики и идти на мир с Наполеоном, для чего и послало в Париж лорда Ярмута, который уже и вступил в переговоры с французским министром иностранных дел князем Талейраном. Пруссия еще не освоилась с мыслью, что Наполеон ее кругом обманул и что не видать ей обещанного Ганновера. Фридрих-Вильгельм III еще льстил себя надеждой на пожизну от навязанного ему насильно «союза» с Францией. Прусского министра Гаугвица считали всецело преданным Наполеону. В такой сложной обстановке царь решился на то, чего не пожелал сделать после Аустерлица: тоже вступить в переговоры с Наполеоном, который больше всего домогался заключения мира с Россией. Советнику посольства Убри было дано звание русского уполномоченного по ведению этих переговоров, и он был командирован в Париж. 8 июня 1806 года в Париже русский уполномоченный Убри и французский уполномоченный генерал Кларк подписали мирный договор между Францией и Россией.

Совершилось то, что еще накануне считалось немыслимым. Незадолго до этого Сенявину еще писали из морского министерства, инструктируя его о русской политике: «Берлинский кабинет, который находится ныне под управлением графа Гаугвица, министра, совершенно преданного Франции, не подает ни малейшей надежды, чтобы в настоящих обстоятельствах можно было обратить решимость одного на всеобщую Европы пользу. Почему и остается нам только тщательнейше наблюдать за поведением Пруссии, дабы она по связям своим с Францией не обнаружила со временем излишнюю на внушения сей державы податливость, которая могла бы для России соделаться вредной». Казалось бы, ясно, почему «его величество готов объяснить о средствах восстановить всеобщий мир, если Франция со своей стороны обнаружит приличную к тому податливость». Но тут же было прибавлено нечто такое, что давало Сенявину надежду, хотя еще очень неясную и смутную: «На случай, однако же, если Бонапарте под каким бы то ни было предлогом восхотел обратить оружие свое противу Пруссии, то государь император, движим будучи единственно желанием спасти Европу от неизбежной уже гибели, не откажется поспешить ей на помощь всеми силами, в его распоряжении находящимися».

В пересланной Сенявину для сведения, руководства и исполнения выписке из документа, подписанного 8 июля 1806 года русским уполномоченным Убри и французским гене-

ралом Кларком, значилось, что русские должны отдать Наполеону Боко-ди-Каттаро так же, как области Рагузу, Черногорию и Далмацию, причем Наполеон обещает республике Рагузинской «независимость ее, дабы она пользовалась оною, как и прежде под поручительством Порты Оттоманской». При этом Наполеон обещает, что французы эвакуируют «турецкую область Черногорию, если по обстоятельствам войны они туда вступили»¹. А они туда вовсе не вступали!

Сенявин получил этот документ лишь в августе, когда обстоятельства сложились так, что адмирал мог его не исполнить.

Но еще до того, как он получил эту выписку из трактата Убри — Кларка, Сенявину пришлось выдержать большой натиск со стороны австрийцев, которым вовсе не нужно было ждать подписания договора Убри, чтобы, опираясь на прямое приказание Александра, потребовать от Сенявина ухода из Боко-ди-Каттаро. Но Сенявин медлил и вел свою линию. Ведь он и сражение 5 июня начал, уже зная, что царь велел ему передать Боко-ди-Каттаро австрийцам, то есть фактически — через австрийцев — французам. Мы знаем из документов, что уже 4 июня, значит, накануне боя, статский советник Санковский известил адмирала о решении царя. Получив его извещение от Санковского, Сенявин решил скрыть его от населения и продолжал военные действия. «...До того времени, пока можно было сие обстоятельство содержать в тайне, войска черногорские и приморские весьма дружно и храбро содействовали с нашими регулярными против французов, что весьма много способствовало и одержанной над неприятелем июня 5-го славной победе», — доносил впоследствии Сенявин. Но долго нельзя было, конечно, делать политику, решительно несогласную с волей царя: «...Когда господин Санковский начал готовить народ к принятию с повиновением решения Вашего Императорского Величества, то оное уже тогда не могло быть тайной, и с тех пор войска черногорские и приморские, пребывая в совершенном унынии, не оказали уже толикой храбрости. Воображение, что они принуждены сделаться австрийскими подданными, а потом к вящему своему несчастью поработены будут и французами, крайне угнетало их дух, и они от сего потеряли всю свою бодрость против французов», — доносил впоследствии Сенявин царю².

От Адама Чарторийского и возглавляемого им министерства иностранных дел Сенявин в эти критические июньские дни 1806 года отделился уже испытанным им простым способом: царь велел ему запрашивать обо всем, в чем он будет иметь необходимость, министерство иностранных дел через русского посла в Вене Разумовского, а Сенявин ни к Разумовскому, ни к его начальнику Адаму Чарторийскому ни за какими инструкциями не обращался. И когда пришла 8 июня привезенная поручиком Феншем бумага от Чарторийского, то Сенявин вместо какой-либо просьбы об инструкциях известил Чарторийского в самой почтительной и ласковой форме, что он не совсем понимает, чего, собственно, князь Адам Адамович от него хочет. «Благоволите, милостивый государь, также принять нелицеприятную мою благодарность за лестный ваш обо мне отзыв и доброжелательство и при сем же случае позвольте мне испросить вашего наставления, в каких именно случаях и по каким предметам имею относиться к вашему сиятельству, ибо, находясь в недоумении касательно нового распоряжения (подчеркнуто Сенявиным — Е. Т.), о коем вы изволите упоминать в депеше вашей, я опасаясь, с одной стороны, сделать какое упущение или же, с другой, — угрождать ваше сиятельство неуместными донесениями и письмами»³. Этот вопрос о недоумении по поводу запросов месяца на 2 ¹/₂—3 избавлял Сенявина от забот и докуки со стороны Адама Адамовича и министерства иностранных дел. Но что было делать со статским советником Санковским, бывшим тут же, в Боко-ди-Каттаро? Он определенно желал приступить к выполнению царского приказа. Смятение в Боко-ди-Каттаро воцарилось неопишное. Сенявин на своем флагманском «Селафаиле» пошел в Боко-ди-Каттаро.

Едва 25 июня «Селафаил» стал на якорь в Кастельнуово, как к нему явилась депутация от восьми коммунитатов город и бокезской области и вручила следующее, напечатанное Владимиром Броневским в русском переводе прошение: «Ваше высокопревосходительство!

Наш препочтенный начальник и покровитель! Услыша, что государю императору угодно область нашу отдать французам, мы именем всего народа объявляем: не желая противиться воле монарха нашего, единодушно согласились, предав все огню, оставить отечество и следовать повсюду за твоим флотом. Пусть одна пустыня, покрытая пеплом, насытит жадность Бонапарта,

¹ ЦГАВМФ, ф. Сборный, д. 65, л. 90—91. Выписка из мирного трактата, подписанного между Францией и Россией 8 (20) июля 1806 года в Париже.

² АВПР, ф. Канцелярия МИД, 1806, д. 1247, л. 60, № 895.

³ Там же, д. 1248, л. 3.

пусть он узнает, что храброму славянину легче не иметь отечества и скитаться по свету, нежели быть его рабом. Тебе известна любовь и преданность наша к монарху нашему, ты видел, что мы не щадили ни жизни, ни имущества для славы России; к тебе же, благодушный великий амирانت наш (так обыкновенно называли адмирала), именем старцев, жен и чад наших прибегаем и просим, представствуй у престола монарха милосердного и сердобольного, склони его к молениям нашим, да не отринет он народа, ему верного, народа, жертвующего достоянием и отечеством, любезным каждому гражданину, для малого уголка земли в обширной его империи. Там под его державой в мирном и безопасном убежище уверены, что святотатственная рука грабителей Европы не коснется праха костей наших, и там, посвятив себя службе нового, но родного нам отечества, мы утешимся, позабудем потери наши и вовеки благословлять будем имя его. Если же, противно ожиданию и надежде, мы должны повиноваться злейшим нашим врагам, врагам веры и человечества, если ты не можешь позволить нам следовать за тобой, то останься спокойным зрителем нашей гибели. Мы решились с оружием в руках защищать свою независимость и готовы все до единого положить головы свои за отечество. Обороняя его, пусть кровь наша течет рекой, пусть могильные кресты свидетельствуют позднейшему потомству, что мы славную смерть предпочли постыдному рабству и не хотели другого подданства, кроме российского»¹.

Сенявин, выслушав все это, принял решение: несмотря на повеление царя, Боко-ди-Каттаро австрийцам не отдавать и военных действий против Рагузы не прекращать. Статский советник Санковский отступил перед этой решимостью. Славянское население сразу же воспрянуло духом после смелого решения Сенявина.

«Все дороги впереди наших пастов заняли отборные отряды приморцев и черногорцев, партии их снова появились под стенами Рагузы. Благодарность и усердие бокезцев были беспримерны: вся область представляла военный лагерь и везде раздавалось: Да здравствует Сенявин! Где бы он ни показался, многочисленные толпы с почтением сопровождали его.

Наполеон и его маршалы.

С литографии А. Морэна

Дмитрий Николаевич, в душе кроткий, уклонялся от почестей и от всех изъявлений любви и благодарности к нему народной. Подчиненные его, на опыте познав личное его мужество, беспристрастную справедливость, не могли удивляться благородной его решимости, и, смею сказать, сия эпоха в жизни адмирала представляла истинное торжество гражданских и военных его добродетелей»².

Но дело этим, разумеется, не могло окончиться. Логика военного положения требовала от Сенявина, чтобы он, отказываясь сдать Боко-ди-Каттаро, предпринял те или иные шаги против генерала Лористона, с французским отрядом засевшего в Рагузе. Однако штурмовать укрепленную Рагузу, защищаемую многочисленным и прекрасно вооруженным французским гарнизоном, Сенявин не решился, тем более, что вно-

¹ В. Броневский. Цит. соч., ч. II, стр. 45—46.

² Там же, стр. 49.

симая шаткостью и неопределенностью царской политики смута в умах продолжалась, и бжезцы уже не так помогали, как прежде, а в Рагузе жители, не зная своего ближайшего будущего, боясь, что завтра же русские уйдут, начали переходить на сторону французов. Сенявину верили, но в намерениях царя разобраться не могли. Итак, для такого трудного и рискованного дела, как штурм Рагузы, адмирал мог рассчитывать только на свои регулярные войска, бывшие под рукой, т. е. на 2 300 человек. Пришлось приступить к осаде или, точнее, к блокаде Рагузы, причем необходимо было охранять очень растянутую линию. Флот Сенявина оказывал большую услугу военным действиям на суше. Он хватал французских корсаров, не допускал подвоза провианта с моря. Четыре роты «морских полков», свезенные с кораблей, подавали пехоте пример выносливости и неустрашимости. «Здесь надобно отдать справедливость неутомимым войскам В. И. В., которые, быв всегда на открытом воздухе, ибо палаток иметь ни место, ни обстоятельства не позволяли, могли держаться столько времени в совершенном бдении», — доносил впоследствии Сенявин царю. Могли бы помочь черногорцы, но их нельзя было в тот момент полностью использовать, так как черногорцы сторожили, наблюдая, как бы турки не пропустили французов через Албанию. «Черногорцы, сей храбрый народ, но не привыкший к повиновению, за всеми мерами, употребляемыми митрополитом их, по склонности своей занимался более добычами, чем вспомоществовал в подкреплениях. За всем тем осталось только одно опасение, чтобы турки не пропустили неприятеля через свои земли, откуда можно поставить войска наши между двух огней. Но они уверяли, что без кровопролития никак не пропустят»¹, — писал Сенявин царю.

С тем же курьером адмирал отправил царю и новое донесение о вторичной присылке депутатов Бокко-ди-Каттаро, умоляющих русского главнокомандующего не отдавать город австрийцам. Сенявин рассчитывал этим смягчить возможное царское неудовольствие, вызванное прямым послушанием адмирала. Вот что сообщал Сенявин Александру:

«Жители Бокко-ди-Каттаро, будучи от г-на статского советника Санковского извещены о решении Вашего Императорского Величества отдать их провинцию императору Римскому, присылали ко мне на сих днях депутатов с просьбами и протестами их. Депутаты сии, заливаясь слезами и рыдая, еще изустно меня просили быть заступником

их перед Вами, Всемилостивейший Государь. Имей многократные опыты неограниченного и беспримерного их усердия и приверженности к Вашему Императорскому Величеству, держаю и я всеподданнейше поднести к подножию престола Вашего благоговейное мое прошение о всемилостивейшем покровительствовании вернейшей сей провинции...»²

Но вот 2 (14) июля³ к Сенявину в качестве неожиданных гостей явились австрийский генерал граф Беллегард и с ним полковник граф Лепин, полномочные австрийские комиссары, и передали адмиралу непосредственное повеление Александра: «Во уважение дружбы к австрийскому императору» царь повелевал Сенявину «сдать Каттаро» австрийцам для передачи французам. Сенявин, по-прежнему решивший Бокко-ди-Каттаро не отдавать, заявил австрийским полномочным комиссарам: «Пока Рагуза не оставлена будет французскими войсками и независимость республики не будет обеспечена верным поручительством, до тех пор Каттаро не будет сдан австрийцам».

Натолкнувшись на такое сопротивление, граф Лепин отправился в Рагузу и стал убеждать генерала Лористона оставить Рагузу. Ничего из этого не вышло. 19 июля (31 июля) австрийцы снова явились к Сенявину. Граф Лепин на этот раз указал на то, что Наполеон угрожает Австрии не только дальнейшим удержанием крепости Браунау в своих руках, но и занятием других австрийских городов — Триеста и Фиуме, если австрийцы не добьются от Сенявина ухода русских войск из Бокко-ди-Каттаро. Лепин предложил такой выход: австрийцы займут Новую Рагузу и, таким образом, отделят французов, стоящих в Старой Рагузе, от русских и этим дадут возможность русским войскам спокойно покинуть Бокко-ди-Каттаро. Очевидно, австрийский полковник хотел этим успокоить русского адмирала. Но так как Сенявин и не думал беспокоиться, то он решил отвергнуть эту комбинацию, хотя, «дабы выиграть время и зная, что и оное предложение не могло быть исполнено, согласился для одного вида». Ведь он всякое свое решение обуславливал получением согласия от царя, то есть обеспечивал себе проволочку в 2—3 месяца.

И вдруг, в разгаре этих труднейших переговоров с австрийцами, на русского адмирала обрушился новый удар: из Анконы прибыл к Сенявину французский капитан Текхтерман, привезший официальное письмо от русского представителя в Париже, статского советника Убри. Послед-

¹ АВПР, ф. Канцелярия МИД, 1806, д. 1247, л. 60.

² Там же, л. 30.

³ У Броневского ошибочно «4 июля».

ний уведомлял Сенявина о том, что 8 июля он от имени Российской империи подписал мирный договор с Французской империей. К этому письму была приложена приведенная выше выписка из мирного трактата, в которой говорилось о согласии России отдать Наполеону как Рагузу, так и Боко-ди-Каттаро и очистить Далмацию. Казалось бы, тут уж ровно ничего не поделаешь...

Но Сенявин нашел способ и на этот раз оттянуть время и все-таки не уходить из Боко-ди-Каттаро. Он воспользовался следующими обстоятельствами. Во-первых, кто такой капитан Техтерман, привезший письмо от Убри? Почему у него нет специального паспорта («вида») от Убри? Французского паспорта и письма от Убри адмиралу показалось мало для удостоверения личности Техтермана. Во-вторых, почему Техтерман «необыкновенным образом спешил возвратиться в Анкону, а бывши отпущен и воспользовавшись штилем, на своей требаке вошел в Рагузу».

Это поведение капитана Техтермана уничижало, в глазах Сенявина, значение привезенной им выписки из мирного трактата: «Сей поступок внушил адмиралу подозрение касательно достоверности бумаг, им привезенных, и понудил ответить графу Лепину, что до получения новых повелений государя Каттаро не может быть сдана». Австрийцы, понимая, конечно, что Сенявин только прикидывается, будто он считает Техтермана самозванцем, очень раздражились и прямо заявили, что считают новое промедление эвакуации Боко-ди-Каттаро «умышленным», выразили неудовольствие, что их корабль как бы взят под надзор, «огорчались, что наши гребные суда ходят дозором около австрийского брига, и перешли уже к прямым угрозам». Они прислали со своего брига Сенявину формальную «ноту», в которой заявляли, что «имеют повеление силой взять Каттаро...» и заключили свою ноту тем, что «не вступят ни в какие дальнейшие рассуждения».

Но Сенявин, которого не пугали и наполеоновские генералы, был решительно не способен испугаться двух австрийских графов с их бригам и несколькими судами, с которыми они пришли из Триеста. Дмитрий Николаевич принадлежал к тому поколению русских людей, молодость и зрелый возраст которых были овеяны впечатлениями и воспоминаниями суворовских, румянцевских, ушаковских побед на море и на суше. Ему была хорошо известна та «привычка битым быть», в приверженности к которой Суворов так язвительно упрекал австрий-

цев. А ведь после смерти Суворова сколько раз еще Сенявин имел случай убедиться, насколько закоренелой является эта «привычка»: Маренго, Гогенлинден, Ульм...

Во всяком случае, «по причине сих угроз» Сенявин приказал капитану Белли воспрепятствовать вооруженной силой австрийцам, если они попробуют высадиться на берегу, и отныне установить за австрийскими судами наблюдение, как за неприятельскими. Кроме того, Сенявин решил потребовать у Беллегарда возвращения нескольких судов, принадлежавших жителям Боко-ди-Каттаро, на которых австрийцы привезли свой отряд. Словом, «генерал Беллегард совершенно лишен был способов приступить к насилию»².

На этом дело остановиться не могло. 27 июля на эскадру Сенявина прибыл из Франции русский штабс-капитан Магденко; он привез документы, вполне, конечно, подтверждавшие доставленные Техтерманом известия. На этот раз Убри прислал Сенявину полный дубликат мирного договора России с Францией. С Магденко приехал и французский капитан, который передал адмиралу письмо от принца Евгения Богарне, пасынка Наполеона и вице-короля Италии. Магденко передал Сенявину также «изустное подтверждение от Убри поспешить сдачей Каттаро». По-видимому, французы уже сообразили, что Сенявин будет чинить всякого рода препятствия и придирки, лишь бы не отдавать Боко-ди-Каттаро, потому что на другой день после Магденко к адмиралу прибыл от вице-короля Евгения Богарне новый курьер — полковник Сорбье, который привез Сенявину новое письмо от Евгения и «третью депешу г-на Убри, подтверждающую мир».

Но если Наполеон и вице-король, а также австрийские полномочные комиссары думали, что уж на этот раз Сенявину придется подчиниться, то они жестоко ошиблись. Он объявил, что согласен прекратить военные действия, если французы сделают то же самое, но что, хотя он уже более не сомневается в подлинности документов, присланных ему от Убри, Боко-ди-Каттаро он все-таки не отдаст ни австрийцам, ни французам. Австрийцам он не отдаст города, ибо «оная сдача по сему миру остановлена» (в самом деле, в мирном договоре ничего об австрийцах не говорится, и речь идет о сдаче Боко-ди-Каттаро французам). А французам он тоже не отдаст города потому, что хотя он, Сенявин, уже не сомневается в подлинности договора, подписанного Убри, но, «не зная полно-

¹ «...не имел никакого виду от господина Убрила», — доносил позднее Сенявин царю, ф. Канцелярия МИД, 1806, д. 1247, л. 80.

² В. Броневский. Цит. соч., ч. II, стр. 58.

Схема главнейших передвижений русского флота в эпоху Наполеоновских войн с 1798 по 1814 годы

мочий, какие были даны сему министру», еще подождет, как этот договор будет принят царем.

В подлинном донесении Сенявина, посланном царю значительно позже (18 августа 1806 года), есть одна подробность, которой мы не находим в детальном изложении Броневского. Оказывается, в ночь с 30 на 31 июля Беллегард и Лепин «торжественно протестовали против непосредственной сдачи Бокки-ди-Каттаро французам, а затем Сенявин доехал к Лористону и заявил, что, по его мнению, австрийцы имеют, несомненно, право протестовать»¹.

Другими словами, Сенявин очень искусно противопоставлял австрийцев французам, твер-

до решив не отдавать города ни тем, ни другим. С австрийцами же он вообще не пожелал больше разговаривать: когда они, «...встревоженные сим, требовали объяснений», Сенявин «поручил отвечать» Санковскому, «но г-н Санковский сказался больным и не хотел вступать ни в какие переговоры». Санковскому, впрочем, ничего и не оставалось делать, как только заболеть: ведь Сенявин еще в самом начале этих споров с австрийскими комиссарами прямо заявил им, что он «не счел нужным сообщить ноту Беллегарда Санковскому, пока французы не очистят Рагузу»².

Французы были раздражены неожиданным для них образом действий Сенявина. «Несмотря на мир с русскими, подписанный г-м Убри 20 июля, они не предпринимали никаких мер для передачи нам Каттаро. Адмирал Сенявин отвечал на мои сообщения неясным и уклончивым образом. Кроме того, он должен был ожидать приказов своего двора, чтобы выполнить договор, который еще не был ратифицирован», — пишет в своих «Воспоминаниях» маршал Мармон. Он чуял недоброе: «Между тем распространился слух о том, что война продолжается, русский адмирал получал ежедневно подкрепления, сухопутные войска прибывали с о. Корфу под начальством генерала Попандопуло. Эти распоряжения вовсе не казались миролюбивыми... стали подозре-

вать намерения адмирала Сенявина. У него предполагали вражду против нас, боялись, чтобы он не выдал Каттаро англичанам, подобно тому как австрийцы выдали этот город ему самому. С минуты на минуту англичане могли прибыть и войти в форты: все представлялось неверным и темным»³.

30 июля к Сенявину явился из Рагузы генерал Лористон от имени нового французского главнокомандующего генерала Мармона. Сенявин, как уже сказано, заявил, что он не отказывается выполнить договор Убри-Кларка, а только ждет утверждения его государем. Поэтому Лористон просил его заблаговременно успокоить бокезский народ и «верить, что Наполеон обещает за-

¹ АВПР. ф. Канцелярия МИД, 1806, л. 1247, л. 80.

² АВПР. ф. Канцелярия МИД, 1806, л. 1247, л. 54.

³ Mémoires du maréchal duc de Raguse, t. III. P., 1857, p. 5—6.

быть все прошедшее». «Лучший способ успокоить жителей был бы тот,— отвечал Сенявин,— чтобы торжественно обнадежить их, что они не будут обременены налогами, контрибуциями, деланием дорог...» На вопрос, когда же он сдаст Боко-ди-Каттаро, Сенявин отвечал: 15 августа. Австрийцы настаивали все-таки, чтобы город был уступлен сначала им. Они были на сей раз очень любезны и ласковы, «прежние угрозы сменили на ласковые убеждения» и признались откровенно, что причина их прежней настойчивости заключалась в том, что Мармон и Лористон их уверили, будто Сенявин хочет сдать Боко-ди-Каттаро англичанам. Для общей политической ситуации эти сведения необычайно характерны. Ясно, что, во-первых, Мармон, зная о близившихся уже к положительному для французов результату переговоров Убри с Кларком, не верил ни Александру, ни — еще меньше — Сенявину и считал, что адмирал может на прощанье удружить им сдачей Боко-ди-Каттаро англичанам. А, во-вторых, интересно и то, что, даже предполагая такую серьезную опасность, генерал Мармон, впоследствии маршал и герцог Рагузский, один из способнейших генералов Наполеона, месяцами не решался идти на открытый бой и штурм Боко-ди-Каттаро, чтобы вырвать город из рук Сенявина.

Нажим со стороны французов усиливался с каждым днем, и Сенявин хватался за первый попавшийся предлог, чтобы все-таки не отдавать Боко-ди-Каттаро. Вот что писал генерал Лористон Мармону 11 августа: «Я только что говорил с адмиралом Сенявиным, мой дорогой Мармон, и я с ним условился о том, каким образом произойдет передача города и фортов Боко-ди-Каттаро. Я не мог назначить день, потому что г-н адмирал не может ничего решить без статского советника Санковского, которому поручена вся гражданская часть. Господин Санковский нездоров и находится в Каттаро. Я дал понять адмиралу, что эта болезнь не должна несколько задержать выполнение мирного договора...»¹

Очень уж торопился Лористон! Он не знал, что Сенявин вовсе не зависел от Санковского и что Санковский находился в полном здравии, а «болезнь» его понадобилась Сенявину лишь как предлог для проволочки.

Бесплодные переговоры продолжались, и в конце концов Сенявин объявил Лористону, что он «и не думает» приступать к эвакуации занятой им территории. Об этом «и не думано». И вот почему не думано: «еще нет примеров в истории, чтобы выполнение мирных статей когда-либо могло иметь место прежде размена ратификаций».

Тут уж открывались для французов перспективы похуже всех прежних проволочек и откладываний. Они понимали, что значит ждать ратификации договора обоими императорами, а потом ждать, чтобы Сенявину прислали копию ратифицированного текста, а потом еще может случиться, что адмиралу опять покажется не в полном порядке паспорт курьера и т. д. По показанию Броневского, «Лористон, удивленный такой переменой, прекратил переговоры и, свидетельствуя личное свое уважение адмиралу, сожалея о потерянном времени и прощаясь по обычаю французских дипломатиков, сказал, «что он от сей остановки опасается весьма бедственных для Европы следствий и что адмирал сим отлагательством навлечет государю своему и отечеству большие неприятности». Это уж была прямая угроза Сенявину. Лористон отбыл к себе в Рагузу. Но появились снова австрийцы. Они решили сделать, так сказать, радостное лицо и истолковать конец переговоров Сенявина с французами в том смысле, что адмирал проявил к ним, австрийцам, «участие в их трудном положении» и, наконец, решил сдать Боко-ди-Каттаро им, а не французам. Они даже поспешили «поблагодарить» адмирала за это «участие». А тут еще кстати для них прибыл 13 августа курьер от венского посла Разумовского. Граф переслал Сенявину депешу министра морских сил, «в коей содержалось подтверждение воли государя относительно сдачи Боко-ди-Каттаро австрийцам». И все-таки ровно ничего хорошего для австрийцев не вышло. Сенявин отвечал, что он желает подождать еще и новых повелений императора Александра, «и прежде получения оных Каттаро не будет сдана ни французам, ни австрийцам». Австрийцы снова обозлились до крайности. «По отъезде Лористона австрийские уполномоченные снова подали несколько нот, просили, убеждали, настоятельно требовали, снова потеряли границы умеренности и позволили себе неприличные выражения; адмирал нашел благоразумным не входить с ними ни в какие дальнейшие пояснения». А с австрийскими нотами поступил так же, как с французскими.

На что надеялся Сенявин, совершая свои, с формальной, служебной точки зрения, неслыханные, поистине рискованные поступки, совершенно открыто и упорно нарушая категорически, в служебном порядке, через прямое начальство объявленную ему волю императора Александра и возобновляя своим поведением войну России с Наполеоном, только что прекращенную мирным договором 8 (20) июля 1806 года?

¹ Mémoires du maréchal duc de Raguse, t. III. P., 1857, стр. 77.

Но фактически он нарушал «волю» не царя, а неудачного дипломата Убри, кругом обманутого Талейраном.

Сказать, что он надеялся на чудо, — нельзя. Дмитрий Николаевич никогда склонности к особому мистицизму не проявлял. Спасло его от почти неминуемого военного суда, от ответственности за эти действия не чудо, а очередное крутое изменение дипломатической позиции Российской империи в конце лета 1806 года. И Александр тотчас же признал вполне разумными действия «непослушного» адмирала.

Явно разорительные и для русского дворянства, и для купечества, и для устойчивости русской валюты последствия мирного договора с французами сказались уже в 1806 году, до Тильзита, потому что одни только слухи о мире Александра с Наполеоном сделали для русских торговых судов опасными встречи на море с англичанами.

Возобновление Сеньявиным военных действий против французов

Александр, вопреки ожиданиям многих дипломатов Европы и прежде всего вопреки ожиданиям Наполеона, отказался ратифицировать договор, заключенный Убри, и велел своему представителю прекратить дальнейшие действия впредь до нового распоряжения. Александр очень благодарил Сеньявина.

Дело в том, что на далекой от Сеньявина центральной европейской политической арене быстро развевались исторические события громадного значения, и обстановка менялась так часто, что, и близко стоя ко всему происходившему, за ней трудно было уследить.

В начале июля 1806 года, когда Убри подписывал свой договор, было одно, а 31 июля, когда Александру представлен был этот документ для ратификации, — наступило совсем другое.

Во-первых, окончательно обнаружилось, что Англия на мир с Наполеоном не пойдет, что надежды, возлагавшиеся в Париже на переход власти к Фоксу после смерти Питта, тщетны и что из переговоров лорда Ярмута ничего не выйдет. Во-вторых, в Пруссии с каждым днем возрастали страх, вражда и жестокое раздражение против Наполеона, создавшего Рейнский союз летом 1806 года, подчинившего себе половину германских государств и не давшего Пруссии обещанного Ганновера. Отношения двора Фридриха-Вильгельма с Наполеоном становились все более напряженными, и серьезно поговаривали об очень близкой войне.

В России и царские сановники, и аристократия, и широкие дворянские круги не только не сочувствовали Наполеону, но желали ему поражения и не прощали Аустерлица. Поэтому представлялось необходимым поддержать Пруссию против страшного неприятеля: победа Наполеона могла лишь приблизить его к русской западной границе. Всех этих обстоятельств и соображений было вполне достаточно для царя, чтобы воздержаться от ратификации мира, подписанного Убри, даже если отвлечься от слишком иногда преувеличиваемых некоторыми историками чисто персональных мотивов: аустерлицкая травма еще оказывала болезнетворное действие, а все уступки, на которые пошел Убри, представлялись именно как последствия Аустерлица, потому что этот договор являлся формальным окончанием (очень запоздалым) проигранной в предшествующем году кампании на моравских полях. Вырисовывался неожиданный случай снова выступить на поле брани и загладить Аустерлиц.

Все это вместе заставило царя отказаться в августе от ратификации договора, подписанного 8 июля 1806 года.

26 августа (ст. ст.) Сеньявин узнал о своем неожиданном и полном торжестве; на эскадру прибыл русский фельдъегерь, привезший повеление Александра от 31 июля (ст. ст.), решительно отменявшее все прежние распоряжения, которые посылались, пока царь еще не остановился на решении отказать в ратификации договора Убри.

Итак, война России против Наполеона, прерванная переговорами Убри, возобновилась. На главном театре военных действий, то есть в Восточной Пруссии, она началась фактически лишь в ноябре (1806 года), а Сеньявин начал ее уже очень скоро после получения радостного для него известия в сентябре 1806 года.

Его дерзкое неповиновение царской воле было вполне оправдано; русские военные позиции не были уступлены, и генералам Мармону и Лористону предстояла нелегкая и очень долгая борьба.

Мармон узнал раньше, чем Сенявин, что Александр не пожелал ратифицировать русско-французский проект мирного договора, подписанный Убри 8 июля 1806 года, и он всячески торопился вынудить Сенявина к сдаче Боко-ди-Каттаро. Но 7 (19) сентября Сенявин получил уже и официальный документ: повеление Александра от 12 (24) августа о возобновлении военных действий против французов. Уже 14 (26) сентября черногорцы под предводительством владыки Петра Негоша подошли к французскому лагерю и, поддержанные вылазкой из Боко-ди-Каттаро и русским флотом, обстрелявшим с моря Пунта д'Остро, обратили французов в бегство, остановить которое Мармону не удалось. Мало того, на другой день, 15 (27) сентября, наступление возобновилось, и Мармон был еще дальше отогнан от города.

Трудная была эта затянувшаяся борьба с крупным отрядом, находившимся в распоряжении Мармона. И все-таки очень долго французы равно ничего не могли поделать. Черногорцы с момента прихода сенявинской эскадры сражались с утроенной энергией и уверенностью. Наполеон раздражался и рекомендовал своему маршалу покончить с «разбойниками» и «варварами» черногорцами. Но, сидя в Париже, легко было давать эти советы. Мармон, при всей своей самоуверенности, так часто переходившей у него в необузданное хвастовство, все же стал в конце концов понимать, что справиться с «разбойничьим гнездом» на Черной Горе — дело необычайно трудное.

Вообще широкие планы Наполеона, клонившиеся к завоеванию Далмации и Черногории, были сведены русским сопротивлением в 1806 году к нулю. Завоевателю пришлось ждать середины 1807 года, когда он получил по договору в Тильзите то, что ему не захотел отдать и не отдал Сенявин. А программа относительно Черногории у Наполеона была вполне определенная.

Вице-король Италии принц Евгений сообщил генералу Мармону еще 2 августа 1806 года приказ Наполеона, в котором говорилось следующее: «После того как пройдут большие (летние) жары, пусть генерал Мармон соберет все свои силы и, имея двенадцать тысяч человек, нагрянет на черногорцев, чтобы отплатить им за все содеянные ими варварские поступки. Пока эти разбойники не получают хороший урок, они всегда будут готовы выступить против нас». Но Наполеон рекомендует осторожность в войне против черногорцев. Он приказывает Мармону «хитрить (*dissimuler*) с черногорским эпи-

скопом, а около 15 или 20 сентября, когда наступит прохлада и он примет все предосторожности и усыпит своих врагов, он соберет двенадцать или пятнадцать тысяч человек, способных воевать в горах, с несколькими пушками, и раздавит черногорцев»¹.

Мармон укрепился в Рагузе и старался создать себе там прочную базу ввиду предстоящей борьбы с Сенявиным, которую он стал считать неизбежной. «Я бесконечно много раз требовал от адмирала, чтобы он выдал мне Боко-ди-Каттаро, но его ответы, всегда рассчитанные на откладывание, показывали его недобросовестность, и я должен был не доверять и наперед готовить средства, чтобы бороться с этим», — писал он. Придвигаясь все ближе к Боко-ди-Каттаро, Мармон занял в двух милях от этого города небольшой порт Молонту и высадил артиллерию на мыс Пунта д'Остро — к западу от залива, в глубине которого находится Боко-ди-Каттаро. Русские начали обстреливать французов, строивших батарею в этом пункте. «Адмирал не переменял своего тона и, напротив, объявил, что у него есть приказ охранять Боко-ди-Каттаро: это означало продолжение войны», — пишет Мармон. Он недолго оставался в недоумении: «Эти мои операции были в разгаре, когда я получил одновременно известие, что русский император отказался ратифицировать договор, подписанный Убри, и приказ войти в Далмацию и занять наблюдательную позицию перед австрийцами, озаботившись предварительно защитой Рагузы». А так как Сенявин продолжал обстреливать Пунта д'Остро, то даже убрать оттуда только что выстроенную французами батарею было трудно. «Я не мог убрать мою материальную часть иначе, как только с согласия адмирала», — признается маршал Мармон. «Я послал на его корабль заявление, что батарея была предназначена исключительно для защиты устьев (Каттаро), на передачу которых я имел основание рассчитывать, но так как обстоятельства изменились, то я соглашаюсь увезти мою артиллерию с Пунта д'Остро при условии, что он не будет чинить никаких препятствий; он обязался — и (мы) взяли за работу». Тут Мармон «стилизует» рассказ. Ничего Сенявин не «обязался» делать, а просто маршал хочет скрыть полный провал своего предприятия на Пунта д'Остро, свалив все на мнимое вероломство русского адмирала: «Когда батареи были уже оголены и пушки погружены на барки, Сенявин переменял свое мнение... Я приказал тогда бросить пушки в море, а порох, ядра и все то, что можно

¹ Mémoires du maréchal duc de Raguse, t. III. P., 1857, стр. 75—76.

было унести легко, — перенести сухим путем, остальное было уничтожено. Это начало кампании никуда не годилось», — справедливо замечает Мармон¹. Но он надеялся взять реванш в будущем.

Раздражали и беспокоили французов и отважные действия Сенявинской эскадры на Адриатическом море, где русский флот буквально установил полное господство.

В течение всей осени 1806 года Сенявин посылал свои корабли перехватывать на Адриатическом море французские и итальянские торговые суда и наносил большой урон неприятельской торговле и снабжению портов, находившихся во власти Наполеона. «...Сенявин употребил все свое внимание на деятельнейшее нанесение вреда неприятелю помощью флота, недопуская никаких пособий к нему через море и истреблением его торговли. Наши корабли ежегодно приводили призы. К концу октября осуждено было оных трибуналом кастельновским более чем на два миллиона рублей. В плену у нас находились 1 генерал, 2 полковника, 150 штаб-и обер-офицеров и до 3 000 солдат. Но важнейшее приобретение состояло в перехватывании 370 инженерных офицеров с ротой саперов, коих Наполеон, заключив мир с Россией, послал в Боснию и в Константинополь для делания укреплений по снабженным от него же планам, кои также достались нам в руки»². С каждым месяцем эти действия флота становились все более значительными.

Сенявинский флот вредил прежде всего итальянской торговле, и немудрено, что вице-король с тревогой следил за действиями русского адмирала на суше и на море.

8 сентября 1806 года принц Евгений, вице-король Италии, получив известие, что царь отказался ратифицировать мирный договор с Францией, спешит уведомить об этом Мармона. Тогда же он сообщил Мармону и слух, будто бы Россия объявила войну Турции. Но слух этот был преждевременным. А пока Евгений не скрывает своего беспокойства. Что делать? Сенявин оказался и хитрее и сильнее, чем французы думали, и с этим приходилось считаться. «Так как я предполагаю, господин генерал Мармон, что вы еще не могли овладеть Каттаро, то я спешу вас предупредить, что теперь уже прошло время это сделать», — пишет принц Евгений Мармону 24 сентября 1806 года. Предвидится выступление Пруссии против Наполеона, а «враг усилится и подкрепит-

ся всеми способами». Следует, укрепив Рагузу и оставив там генерала Лористона с отрядом, самому Мармону уйти в город Зару (в Далмации) и там с большей частью войск укрепиться. Вице-король полагает, что «в этой области война должна уже стать только оборонительной»³. Вообще же Мармону рекомендуется «потихоньку» (*tout doucement*) отступать к Далмации, то есть подальше от Сенявина с его бокезцами и черногорцами.

А между тем, как надеялся вице-король еще в июле и августе, что Сенявин сдаст свои позиции! «Напрасно наемные журналисты старались всех уверить, что Каттаро взята, о чем в Венеции в театре при барабанном бое объявили, напротив того, скоро везде узнали, что Сенявин, не дав обмануть себя переговорами, разбил славных генералов и остался спокойным обладателем провинции Каттарской», — пишет В. Броневский⁴.

Военные действия Сенявин возобновил немедленно. Французы, как уже сказано, стояли на мысе Пунта д'Остро, который находится у входа в Бокезский залив из Адриатического моря. Сюда Мармон имел неосторожность привезти несколько орудий большого калибра. Когда получено было известие об отказе Александра ратифицировать договор Убри, Сенявин «на другой же день посадил на гребные суда отряд из 1 000 человек», напал на Пунта д'Остро, отрезав французам пути отступления к Рагузе, и «почти без сопротивления взял их батареи и отряд французов, на них бывший»⁵.

Начиная военные действия против французов, Сенявин отдавал себе полный отчет в их важности и трудности. 14 сентября он изложил свои соображения по этому поводу в докладе Павлу Васильевичу Чичагову, управлявшему тогда морским ведомством.

Необходимость занятия русскими Боко-ди-Каттаро Сенявин прежде всего объяснял с политико-стратегической точки зрения, имея в виду борьбу с Турцией и Наполеоном.

Хотя бокезцы всецело желали упрочения России в их городе и области, русским нельзя было положиться только на помощь этих славянских народов, храбрых в бою, но не привыкших к регулярной войне и неохотно отдалявшихся от своих домов и семейств. Поэтому без серьезных русских регулярных воинских сил не обойтись, если придется длительно отстаивать эту землю от такого сильного врага, как французы.

¹ *Mémoires du maréchal duc de Raguse*, t. III, p. 1857, стр. 9—10.

² П. Свиньин. Цит. соч., ч. I, стр. 205.

³ *Mémoires du maréchal duc de Raguse*, t. III, p. 82—83.

⁴ Броневский В. Цит. соч., ч. II, стр. 64—65.

⁵ ГПБ, Рукописный отдел, д. 824, л. 68—70. Из журнала генерал-адъютанта Красовского.

Ввиду этого Сенявин настойчиво указывал Чичагову (очевидно, для непосредственного доклада царю), что необходимо значительно увеличить отряд, находившийся в его распоряжении, а для того, чтобы успешно бороться с французами, нужно эту значительную армию регулярно снабжать всем необходимым. Сделать же это было возможно, пока сохранялся мир с турками, через Босфор и Дарданеллы: Херсон, Одесса и Николаев явились бы в таком случае базами снабжения для русской армии, воюющей в Далмации и борющейся за Боко-ди-Каттаро и Рагузу. «Но если запрут нам Константинопольский пролив, — писал Сенявин, — то войска и эскадра останутся здесь в самом затруднительном и бедственном положении».

Другое условие успешной борьбы с французами заключалось в том, чтобы французские силы были заняты войной на севере. Иначе они, владея Италией и находясь в Далмации, могут подвезти очень большие силы, переведя их сюда также из армии, которая находилась у них в германских землях, а также «из самой Франции». Для обороны у русских пока «способов» мало, всего около трех тысяч регулярных войск. Но если французы «принуждены будут обратить главную свою силу в другую сторону и невозможным им делается посылать сикурсы, то мы, получив некоторое подкрепление сухопутных войск, вместе со здешними народами можем не только побудить французов к оставлению рагузинской области, но и в состоянии будем далее распространить наши подвиги, и до самой Истрии».

Другими словами, Сенявин очень надеялся на предстоящую войну Наполеона против Пруссии, что позволило бы удержать Боко-ди-Каттаро в русских руках. Иначе «мы можем лишиться всего нашего влияния у бокезов, черногорцев и других славянских народов»¹.

Одно желание Сенявина исполнилось. Наполеон оказался надолго занят «на севере» войной сначала против Пруссии (с конца сентября 1806 года), а потом (с ноября 1806 года до середины июня 1807 года) против Пруссии и России и послать большую армию на далматинское побережье не считал возможным. Но второе условие, требовавшееся, по мнению Сенявина, для прочности русской позиции на Адриатическом море, не осуществилось: между Турцией и Россией, как увидим дальше, вспыхнула война, закрывшая для русских судов Босфор и Дарданеллы.

Успешные боевые действия русских и черногорцев против наполеоновских войск и окончательное утверждение Сенявина в Боко-ди-Каттаро

В конце сентября 1806 года между силами Сенявина, которому помогали бокезцы и черногорцы, и войсками Мармона произошло несколько боевых столкновений. Об этих столкновениях у нас есть три непосредственных свидетельства: во-первых, донесение Сенявина царю², во-вторых, описание дела у Броневского³ и, в-третьих, показание генерала (впоследствии маршала) Мармона⁴.

Действия происходили близ Кастельнуово и Спаньоло и начались по инициативе Сенявина. Командовавший первым выступившим русским отрядом генерал-майор Попандопуло принудил французов к отступлению и 14 сентября захватил брошенную неприятелем артиллерию. 15 сентября митрополит Черногорский Петр Негош валял так называемый Дебелый брег⁵. Французы вернулись в Старую Рагузу, но было ясно, что дело едва только начинается. Сенявин после совещания с Негошем и графом Невlichem, который командовал «приморцами» (т. е. славянами как бокезской, так и пограничной части рагузинской области, жившими в селениях по морскому побережью), решил атаковать неприятеля 19 или 20 сентября с двух сторон: 1) с суши, где у адмирала было в общей сложности более 2 000 регулярных войск и столько же иррегулярных, и 2) с моря, где были наготове три корабля и один фрегат. А до той поры черногорцы тревожили неприятеля

¹ АВПР, ф. Канцелярия МИД, д. 1250, л. 39.

² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3179, л. 6—7 об.

³ В. Броневский. Цит. соч., ч. II, стр. 71—76.

⁴ Mémoires du maréchal duc de Raguse, t. III, c. 19.

⁵ Дебелый брег — урочище провинции Боко-ди-Каттаро.

ля у самого французского лагеря. 18 сентября генерал Попандопуло с целью ближней разведки подошел к французским позициям. Французы отогнали в этот день черногорцев, а затем вышли из своего расположения сильной колонной и принудили генерала Попандопуло, опасавшегося обхода, отступить с Дебелого берега к границе бокезской области. Тут на его новую позицию прибыло вызванное Сенявиным с о. Корфу подкрепление: два батальона и четыре роты. 19 сентября 1806 года французы пошли в общую атаку с нескольких пунктов. Несмотря на помощь, немедленно оказанную генералом Попандопуло, черногорцы и бокезцы были сбиты атакой и отброшены в горы к селению Мокрино, где и удерживали неприятеля. В это время сражение разгорелось по всей линии. К французам непрерывно подходили новые и новые подкрепления, и вскоре у неприятеля оказалось до 12 тысяч регулярных войск, до 3 тысяч рагузинцев, завербованных Мармоном после занятия Рагузы, и еще так назы-

ваемый «восточный легион» из греков и разных горных народов» (как пишет Сенявин в донесении царю).

Генерал Попандопуло под давлением сил, далеко превосходящих его собственные, стал медленно отступать, оказывая самое упорное сопротивление.

Русские войска дошли до берега и здесь получили существенную поддержку с моря: канонерские лодки своей артиллерией остановили неприятеля. Таким образом, три тысячи человек, которые в течение семи часов вели бой против неприятеля, «превосходящего их почти в четыре раза», обнаружили «удивительную храбрость, неустрашимость и рвение». Русские потеряли в этот день 245 человек, черногорцы и приморцы — 22 человека убитыми и 26 ранеными.

На другой день, 20 сентября, французы двинулись в атаку двумя отрядами. Их целью было нападение на укрепления, вынесенные перед крепостью. Отбросив первый отряд неприятеля,

Район действий русского флота в войну с Францией в Адриатике

русские, приблизившись к линии, занятой черногорцами, перешли в контратаку. После пятичасового ожесточенного сражения французы начали отходить к своему главному лагерю.

Наступило 21 сентября (3 октября) 1806 года. И тут только обнаружилось, что и французы также считают дело, бывшее накануне, проигранным: генерал Мармон приказал своим силам отступить и возвратиться в Старую Рагузу. Петр Негош со своими черногорцами яростно преследовал отступавшего неприятеля. Мстя за сожжение своих домов, черногорцы выжгли рагузинские селения, принявшие французское подданство и подчинившиеся Мармону.

Немедленно восстановилось положение, бывшее до начала этих трехдневных боевых столкновений. Русские и черногорцы опять оказались на рагузинской территории, а со стороны моря рагузинскую республику защищали, приблизившись к самому берегу, три корабля, два брига и один фрегат Сеньявинской эскадры.

Сражение показало, что если у русских нет достаточных сил, чтобы взять Рагузу, то и у Мармона нет достаточных сил (хотя его армия была вчетверо больше русской), чтобы взять Боко-ди-Каттаро. А господство на море французы тут даже и думать не смели оспаривать у Сеньявина.

Подробное донесение Сеньявина Александру подтверждается во всех существенных частях показанием Броневского. Но он считает, что в итоге трехдневных боев (19, 20 и 21 сентября) русские потеряли до 800 человек, а неприятель 1 300 рядовых и 47 штаб- и обер-офицеров только пленными, а в общей сложности убитыми и пленными до 3 000 человек и 50 пушек. Эти сведения были собраны позднее.

Кровопролитие не окончилось 21 сентября. Броневский сообщает, что 22 и 23 сентября (4 и 5 октября) «большие партии черногорцев, пройдя мимо крепостей, вокруг Старой и даже Новой Рагузы, предали все огню и мечу и с добычей, без малейшего помешательства от французов, возвратились в дома».

После отступления французов 21 сентября обнаружилось, что они побросали все снаряжение и семь пушек, — так поспешно возвращались они в Рагузу. Сеньявин был восхищен храбростью своих победоносных войск, велел в знак победы устроить всей армии хороший обед с выдачей вина, а особенно отличившихся наградил.

Сеньявин непременно хотел придать этому устроенному им банкету характер чествования простого русского солдата, одержавшего победу

в таких труднейших условиях. Так это и поняли присутствовавшие:

«Здоровье егеря Ефимова объявлено из первых, причем сделано было пять выстрелов, а товарищи его при восклицаниях „ура!“ качали его на руках. Таким образом все приглашенные удостоены были особенной почести питья за их здоровье. Участники сего празднества не могли без умиления об оном рассказывать; все солдаты столь живо чувствовали сию необыкновенную честь, что усердные, искренние приветствия: „Дай, Боже, здравствовать отцу нашему начальнику!“ — произносились с восторгом непрерывно. По окончании уже стола игумен монастыря Савино, восьмидесятилетний старец, вошел в палатку, приветствовал адмирала истинным, верным изображением всеобщих к нему чувствований любви и признательности. Последние слова его речи были: „Да здравствует Сеньявин!“ — и слова сии повторились войском и собравшимся во множестве народом сильнее грома пушек. Адмирал отклонил от себя все особенные ему предложенные почести. Знать совершенно цену добрым начальникам и уметь быть к ним благодарным за все их попечения и внимание всегда было и будет коренной добродетелью русского солдата.

Вот средства и причины, которыми Сеньявин приобрел неограниченную доверенность от всех вообще своих подчиненных, как офицеров, так и солдат. Каждый уверен был в его внимании и с радостью искал опасностей в сражении. Сеньявин, скромный и кроткий нравом, строгий и взыскательный по службе, был любим как отец, уважаем как справедливый и праводушный начальник. Он знал совершенно важное искусство приобретать к себе любовь и употреблять оную единственно для общей пользы. После сего удивительно ли, что в продолжение его начальства солдаты и матросы не бегали и не случалось таких преступлений, которые заслуживали бы особенного наказания. Комиссия военного суда не имела почти дела; в госпиталях скоро выздоравливали»¹. Сеньявин, который так близко принимал к сердцу успехи боевого содружества западных славян с русскими, 24 сентября обратился со следующим воззванием к черногорцам и бокезцам: «В продолжение военных действий я имел удовольствие видеть опыты усердия народа, оказанные в содействии с войском, мне порученным...» — так начиналось это воззвание. «Дерзость врага, осмелившегося ступить на землю вашу, наказана. Неприятель удивлен вашей твердостью и столько потерял людей, что нескоро может собрать новую силу и опять выступить. Поздравляя

¹ В. Броневский. Цит. соч., ч. II, стр. 247—248.

вас с победой, благодарю за хорошее обхождение с пленными и всячески желаю, чтобы человечество и впредь не было оскорбляемо».

Имея документальные данные о ходе этого сражения, курьезно читать сознательно лживое изложение дела в мемуарах маршала Мармона, изображающего свое тяжкое поражение как победу, которую не удалось довершить лишь потому, что 18-й полк опоздал на десять минут. Вообще же «я достиг своей цели и показал этим варварским народам мое превосходство над русскими». И если brave маршал все-таки после всех этих неимоверных «подвигов» отступил, то отступил с достоинством, днем, а не ночью. «Я отступил 3-го (октября), среди бела дня, на виду у неприятеля. Когда я возвратился в Старую Рагузу, то мои войска снова заняли тот лагерь, который они покинули пять дней тому назад». Французы совершенно основательно в своем лагере серьезно опасались, что на них немедленно нападут черногорцы, местные крестьяне и русские, только что прогнавшие их обратно в Рагузу. Они были радешеньки, что их оставили в покое. Мармон излагает это так: «Страх неприятеля был так велик, что ни один крестьянин не осмелился меня преследовать»¹.

Словом, битва под Кастельнуово описана маршалом Мармоном в той классической, традиционной манере, в какой французы частенько описывают и свои удачи, а еще гораздо изящнее свои неудачи. Вспомним ныне еще здравствующего Луи Мадлена, горько укоряющего Кутузова за то, что тот «имел бесстыдство» не признать своего поражения под Бородином; вспомним и лаконичную, в своем роде бессмертную строку в одном из первых изданий малого энциклопедического словаря Ларуса: «Александр Суворов (1730—1800). Русский генерал, разбитый генералом Массена». И точка. Так что удивляться живописанию маршала Мармона о его «победе» над русскими и черногорцами не приходится. Во французской «патриотической» историографии репутация Мармона очернена завещанием Наполеона, который называет его изменником. Фальшивки Мармона необычайно наглы и полны не только грубейших извращений, но и брани против противников. Но все хвастовство Мармона там, где он говорит о французских подвигах и уничижительно отзываясь о русских, приемлется многими французами с полным почтением и детской доверчивостью. Генерал Мармон умалчивает также о безобразном поведении своих войск, которые учинили 19—20

сентября варварский разгром беззащитных жилищ «приморцев», то есть славян, числившихся номинально турецкими подданными: «Французы самым бесчеловечным образом губили людей, разграбили и сожгли все дома обывательские на границе и то же самое учинили с жилищами подданных турецких, обитающих на полосе земли турецкой между Рагузинской и Катарской областями, и делали сие именно за то, что сии турецкие подданные не хотели поднять противу нас оружия», — с негодованием сообщал Сенявин через несколько дней после сражения русскому послу в Вене графу Разумовскому².

Итак, Бок-ди-Каттаро осталось в руках Сенявина. Мармон, не рассчитывая больше на успех, уже не решался предпринять что-либо для овладения городом и бухтой.

Сношения между французами, засевшими в Рагузе, и русскими, владевшими городом Бок-ди-Каттаро и бокезской областью, были очень редкими и выражались лишь в случайной деловой переписке, например, по делам о военнопленных. Нам не удалось найти в архивах известий о переписке, которая, однако, была в руках Броневского. Может быть, она отыщется и появится в свет при полном издании документов, касающихся Сенявина.

Вот что читаем у Броневского:

«Когда, при малых пособиях, содержание немалого числа французских пленнх становилось затруднительным, то адмирал предложил генералу Мармону сделать размен; и как наших солдат находилось у него в плену гораздо менее, нежели у нас французских, то адмирал соглашался отпустить остальных на росписку с тем, чтобы таковое же число, чин за чин, было отпущено из имеющихся во Франции наших пленнх. Предложение принято, но не исполнено: многие из наших пленнх, по принуждению, записаны были во французские полки, находившиеся в Далмации. Мармон, уклоняясь возвратить их по требованию Сенявина, назвал сих русских пленнх поляками, добровольно вступившими во французскую службу, и в заключение своего письма распространился о просвещении французской нации. Вот ответ на это письмо:

«Господин генерал Мармон.

Объяснения в ответе вашем ко мне от 7 декабря, относительно просвещения французской нации, совершенно для меня не нужны. Дело идет у нас не о просвещении соотечественников ваших, а о том, как вы, г-н генерал, обходитесь с русскими пленными. Последний поступок ваш

¹ Mémoires du marechal due de Raguse, t. III, стр. 17—19.

² АВПР, ф. Канцелярия МИД, д. 1250, л. 49.

с начальником корвета, который послан был от меня в Спалатро под переговорным флагом, может служить доказательством, что следствия просвещения и образованности бывают иногда совершенно противны тем, каких по настоящему ожидать от них должно. Скажу только вам, г-н генерал, что из тридцати солдат, названных вами поляками, четверо явились ко мне и были природные русские. Пусть Бонапарт наполняет свои легионы; я ничего другого от вас не требую, как возвращения моих солдат, и если вы сего не исполните, то я найду себя принужденным прервать с вами все сношения, существующие между просвещенными воюющими нациями.

Д. Сенявин.

Вице-адмирал Красного флага,

Главкомандующий морскими

и сухопутными силами в Средиземном море.

10 декабря 1806 года¹.

Не имея возможности отнять у Сенявина занятую им область силой, Мармон обнаружил намерение вновь подойти к делу окольным, дипломатическим путем, через австрийцев.

Поздней осенью 1806 года дела в Европе сложились так, что австрийцы были вынуждены сделать то, чего они избегали почти год, то есть обещать французам активную помощь в борьбе против Сенявина за обладание Боко-ди-Каттаро. Страшный, молниеносный разгром и завоевание Пруссии Наполеоном в октябре и ноябре 1806 года принудили Австрию к демонстрациям «дружбы» по отношению к Франции и особенно к точному выполнению условий Пресбургского мира. Поэтому австрийские представители явились в начале ноября 1806 года в Рагузу для совещаний о совместном нападении французов и австрийцев на Боко-ди-Каттаро, причем, согласно конвенции, подписанной в Вене австрийским министром Стадионом и французским послом Ларошфуко, обе договаривающиеся стороны обязывались выставить одинаковое количество вооруженных сил. Лористон считал эти действия необходимыми ввиду «уклончивых (evasive)» ответов русских агентов².

Со стороны австрийцев это, конечно, была лишь пустая угроза с целью воздействия на Сенявина. Разумовский все-таки писал об этом из Вены адмиралу. Ссориться с Австрией, воюя в Польше с Наполеоном, не приходилось.

Сенявин ответил, напомнив Разумовскому историю этого вопроса (хотя Разумовский его о том и не просил), но Боко-ди-Каттаро отдать не пожелал.

Еще, мол, 21 июля 1806 года товарищ морского министра послал Сенявину высочайший приказ отдать австрийцам Рагузскую республику вместе с городом и бухтой Боко-ди-Каттаро. Австрийцы же, на основании Пресбургского договора, обязаны были немедленно передать республику Наполеону. «Было приказано, — докладывает Сенявин (в ноябре!) А. К. Разумовскому, — чтобы я с французским в Рагузе начальником согласился об оставлении им той республики и о признании им нейтралитета и независимости ее, и когда затруднение, происшедшее от занятия ее, таким образом, удалится, то, чтобы приступить мне к отдаче Бокки-де-Каттаро австрийским начальникам, разве бы они в требованиях своих на тот конец употребили меры неумеренности». Вот за эти «меры неумеренности» и ухватились Дмитрий Николаевич, чтобы не исполнить царское повеление: «А как австрийские комиссары в двух нотах, действительно, изъяснились весьма неприличным образом, употребляя даже угрозы... мы поставили себе тогда долгом препроводить те их ноты к высочайшему двору и ожидать решения, за неполучением же оного мы должныствовали просить графов Беллегарда и Лепина еще немного повременить». Австрийские графы, «повременив» до 5 октября 1806 года, снова явились к Сенявину, настойчиво требуя отдачи республики и города³. И снова адмирал посоветовал им вооружиться терпением. И в конце ноября и дальше дело все еще оставалось без движения.

Это запоздалое выступление австрийцев против русской оккупации Боко-ди-Каттаро оказалось таким же покушением с негодными средствами, как и все предыдущие. Сенявин ни города, ни области не отдал.

А в самом конце года сенявинская эскадра одержала на море победу настолько важную, что она обеспокоила самого Наполеона. Вот в каком виде дошло это неприятное известие до французского императора:

«9 декабря 1806 года (нов. ст. — *Е. Т.*), — пишет Мармон, — Сенявин неожиданно появился перед островом Корзола (Курцоло — *Е. Т.*) со всей эскадрой и некоторым отрядом войск для высадки. 10-го числа он произвел высадку и потребовал сдачи. 11-го он сделал приступ и был на редут отбит, усеяв мертвыми телами своих поле боя. 11-го вечером командир батальона Орфанго, начальствовавший на острове, снял свои войска с редута и 12-го, находясь на борту адмиральского корабля, подписал конвенцию, которая отдала адмиралу остров и обуславливала перевезе-

¹ В. Броневский. Цит. соч., ч. II, стр. 245—246.

² Mémoires du marechal due de Raguse, t. III, p. 85.

³ АВПР, ф. Канцелярия МИД, д. 1250, л. 21.

Андреа Антиани.
Дивизионный генерал Мармон

ние гарнизона в Италию». Так повествует Мармон. Тут все верно, кроме того, что ни приступа не было, ни посему и отбития не могло быть, и никакими трупами Сенявин поле боя не усеивал, так как и боя не было. А была просто сдача на капитуляцию. Все это очередная фальсификация со стороны французского маршала.

«Я получил известие о появлении русских, — пишет он дальше, — в 9 часов вечера 12-го (декабря — Е. Т.) в Спалато. В полночь я уже двинулся туда с войсками, которые были у меня под рукой, и на следующий день я узнал о сдаче в Макарьско. Орфанго пользовался хорошей репутацией, ему было обещано повышение, поэтому я имел все основания на него рассчитывать. Я велел его арестовать и предать военному суду, который его присудил к четырем годам тюрьмы»¹.

Ясно, что Орфанго сдался лишь вследствие полной невозможности сопротивления.

Все попытки французов уже в конце 1806 года бороться против усиления русской позиции на Адриатическом море окончились полной неудачей. Им удалось было высадить десант и на короткое время снова утвердиться на отнятом

у них о. Курцало. Но 11 декабря 1806 года Сенявин с небольшой частью эскадры подошел к острову, и на другой день, после канонады с русских судов и попыток отвечать на нее, французы сдались всем гарнизоном с комендантом во главе. В гарнизоне оказалось к моменту сдачи 403 человека офицеров и солдат. Убито было у французов 156 человек, потери русских были менее значительны (24 убитых и 75 раненых).

Известное значение имело также окончательное овладение островом Браццо, где держался маленький французский гарнизон. Для характеристики боевого духа Сенявинской эскадры характерно памятное в летописи русского флота и много раз отмечаемое морскими историками столкновение небольшого русского сторожевого брига «Александр», стоявшего около о. Браццо, с несколькими французскими канонерскими лодками, посланными по приказу главнокомандующего Мармона, чтобы отбить островок у русских. Мармон знал, что русская эскадра уйдет в Эгейское море, но он слишком поспешил и не учел мужества и боевого духа русских моряков. Бриг «Александр» потопил две канонерки (из пяти одновременно атаковавших его) и отогнал неприятеля далеко от Браццо. У французов погибло 217 человек, а бриг «Александр» потерял убитыми и ранеными всего 12 человек. Любопытнее всего, что канонерки ударились в бегство, а русский почти весь изрешеченный одинокий бриг еще долго их преследовал!

Больше уже никаких попыток отбить эти острова французы не предпринимали. Значительные боевые запасы и продовольственные склады, которые русские нашли и на Курцало, и на Браццо, тоже свидетельствовали о том, какое значение придавал Мармон этим двум морским базам на Адриатическом море. Во всяком случае Сенявин видел, что нельзя удовлетворяться сухопутными войсками, охранявшими Боккоди-Каттаро, а нужно оставить на Адриатике хоть небольшую флотилию. Это диктовалось также тревожными призывами и слухами, исходившими от населения Корфу и других Ионических островов: там ждали набега Али-паши Янинского.

Для Сенявина это был старый знакомец, он знал, сколько усилий потребовалось от Ушакова, чтобы сдерживать грабительские и завоевательные помыслы этого опаснейшего и коварнейшего властителя Албании и окрестных территорий. Адмирал решил, уходя в Эгейское море, оставить в Адриатическом несколько судов под начальством капитан-командора Баратынского, которому приказано было крейсировать вдоль всего

¹ Mémoires du maréchal duc de Raguse, t. III, p. 30—31.

балканского берега. Перед самым уходом Сенявин припутнул Али-пашу таким грозным письмом, что тот мигом объявил себя «нейтральным» и постарался изобразить полное миролюбие. И в самом деле, он не посмел напасть на Корфу.

Эта победа, одержанная русской эскадрой, особенно радовала сердце моряка. Она к тому же имела очень важные стратегические результаты. Остров Курцало (или Корзола) явился связующим звеном между основной русской военно-морской базой на Ионических островах и занятой Сенявиным территорией бокезской области, городом Боко-ди-Каттаро и портом Кастельнуово.

Отныне русские могли себя чувствовать в Боко-ди-Каттаро вполне прочно. Господство русского флота на Адриатике было бесспорным. Флот прочно закрепил то, что было завоевано армией.

С такой славой моряки и солдаты Сенявина закончили этот многотрудный для них 1806 год.

Наступали новые, чреватые опасностями события. На горизонте появился призрак войны с Турцией, вырисовывались контуры большой морской войны. Сенявинскую эскадру ждали новые опасности, новые трудности и новые лавры.

Восстание в Далмации против французов

Баратынскому было оставлено три корабля и два фрегата. Далеко не легкое поручение дал ему Сенявин. В Далмации в мае 1807 года население восстало против французов. Баратынский, для которого это восстание явилось неожиданностью, сделал, понятно, все, что было в его силах, чтобы помочь восставшим. Но, конечно, при подавляющем превосходстве сил, бывших в распоряжении Мармона, не могло быть и речи об окончательной победе восставших. Ввиду «патриотических» фальсификаций и выдумок французской историографии о «привязанности» славянского населения Далмации к войскам наполеоновской Франции, ввиду полного замалчивания ею истинного положения вещей и роли русских, наконец, принимая во внимание, что в литературе почти ровно ничего не говорится о восстании 1807 года, мы считаем уместным привести здесь полностью показание очевидца Владимира Броневского, дающее яркую картину событий:

«Пребывание французов в Далмации останется навсегда памятным для несчастного народа. Тягостные налоги, конскрипция, остановка торговли и невероятные притеснения за малейшее подозрение в преданности к русским не могли всеми ужасами военного самовластия унизить дух храброго народа, мера терпения его исполнилась, и славяне поклялись погибнуть или свергнуть тягостное для них иго. Жители, от Спалатры до Наренто, условились в одно время напасть на французов и послали доверенных особ в Курцало просить помощи, уверяя в искреннем и общем желании всего народа соединиться, наконец, с матерью своего отечества Россией. Командор Баратынский, не имея возможности отделить из Каттаро и 1 000 человек, не смел обещать много; однако ж для соображения мер на месте, посадив на корабль и два транспорта шесть рот егерей, 12 мая отправился из Каттаро в Курцало. На третий день по прибытии командора в Курцало иеромонах Спиридоний, бывший в Далмации для нужных сношений с жителями, уведомил, что бунт уже начался. Приготовления делались с такой тайностью, что французы ничего не подозревали; но один случай возжег пламя бунта прежде положенного срока. Курьер, посланный из Зары в Спалатро, был убит. Французы расстреляли несколько крестьян и зажгли деревню, где совершено было убийство; пожар был сигналом общего восстания, ударили в набат, во-первых, в княжестве Полице, и в три дня знамя возмущения появилось во всех местах от Полице до Наренто. Патриоты с бешенством напали, и малые рассеянные отряды французов были истреблены наголову. Славяне, решившись умереть, никому не давали пощады; но как некоторые округа не были готовы, другие не согласились еще в мерах, то деятельный генерал Мармон успел собрать войска в большие крепости, потом выступил из оных с мечом мщения, расстреливая попавшихся в плен и предавая селения огню. Патриоты нападали день и ночь, не думали хранить жизнь и имущество; ни гибель многих из них, ни тактика, ни ожесточение французов не приводили их в уныние. Пожары и кровопролитие были ужасны. Капитан-командор Баратынский, получив о сем известие, удержан был в Курцало противными ветрами. Народные толпы, не имевшие главного началь-

ника, могущего предводить их к определенной цели, начали уменьшаться, другие были рассеяны, и французы заняли по-прежнему весь морской берег».

Русские моряки вовремя подоспели, чтобы спасти от смерти хотя бы часть восставших против французов славян. «22 мая командор Баратынский с десантными войсками прибыл в Брацо, откуда, взяв с собой фрегат «Автроил», корвет «Дерзкий», катер «Стрелу», бриги «Александр» и «Летун», перешел к местечку Полице, в нескольких милях от Спалатры лежащей. Старшины сего места тотчас прибыли на корабль командора, умоляли способствовать им против неприятеля. Командор, не имея достаточного при себе войска, просил их взять терпение: но как уже не от их воли зависело прекратить возмущение, то и обещал им возможную помощь и покровительство государя императора. При появлении российских кораблей патриоты ободрились, собрались и 25 мая с мужеством напали на французов. Как сражение происходило у морского берега, то эскадра снялась с якоря, приблизилась к оному и сильным картечным огнем принудила неприятеля отступить и заключиться в крепость. 26-го недалеко от Спалатры высажено было на берег 5 рот солдат и несколько матросов. Французы скоро явились на высотах в таком превосходном числе с двух сторон, что войска наши вместе с 1 500 далматцев возвратились на суда. Хотя неприятель, рассыпавшись в каменьях, вознамерился препятствовать возвращению, но поражаемый ядрами и картечью с близ поставленных судов и вооруженных баркасов, скоро отступил с видимой потерей»¹.

Мы приводим показание Броневского, ничего в нем не меняя. Конечно, ручаться за настрояние «всего народа», во всех социальных классах он не мог.

Начало кампании Сеньявина против турок.

Поражение англичан в Проливах.

Неожиданный уход английской эскадры в Египет

и отказ англичан поддержать Сеньявина

В первые же месяцы после Аустерлица и после смерти Питта Младшего стала происходить в довольно ускоренном порядке эволюция политики Порты, превратившая Наполеона из опасного врага, от которого Россия и Англия были призваны защищать турецкую независимость, в желанного могущественного союзника султанского правительства. Следовательно, борьба, которую далматинские славяне и черногорцы при активнейшей помощи русских вооруженных сил вели в течение всего 1806 года против наполеоновского наместника маршала Мармона на западном побережье Адриатического моря, направлялась прямо — против французов, а косвенно — против турок, и в Константинополе боялись русских успехов.

В конце 1806 года уже мало было сомнений, что наполеоновскому послу Себастиани удастся довести дело до объявления Турцией войны как России, так и Англии.

Война разразилась весной 1807 года, но вся тяжесть ее обрушилась не на Англию, а на Россию, то есть на ее представителя на Средиземном и Адриатическом морях — адмирала Сеньявина, его моряков и солдат.

Вся осень и зима с 1806 на 1807 год прошли для французов в ожидании и тревоге. Они защищались, охраняли Рагузу, но о штурме или хотя бы даже осаде Боко-ди-Каттаро или о нападении на Черногорию не могло быть и речи. Ходили беспокоившие Мармона слухи о десяти тысячном русском корпусе, который готовится отплыть из русских Черноморских портов на помощь Сеньявину. Да и без этой подмоги эскадра Сеньявина, уже сама по себе, владея морем, делала положение французов крайне шатким: «Операция (речь идет о проектах действий против Боко-ди-Каттаро — *Е. Т.*), впрочем, была очень трудна, так как русские имели такие морские силы, что нельзя было даже и думать оспаривать у них господство на море»², — признает Мармон.

Но вот произошло событие, внесшее новые изменения в положение Сеньявина: Турция, побуждаемая не только заманчивыми обещаниями, но и прямыми угрозами Наполеона,

¹ В. Броневский. Цит. соч., ч. III. СПб., 1837, стр. 245—248.

² Mémoires du maréchal duc de Raguse, t. III, p. 25.

объявила России войну. Турки страшились также и возможности нападения на их восточные вилаеты со стороны дружественного Наполеону Ирана. Все это и привело диван к решению порвать с Россией и Англией, союз которых всегда рассматривался в Константинополе как возможное «начало конца» Турции.

29 декабря 1806 года русское посольство в полном составе выехало из Константинополя, а на другой день, 30 декабря, Турция формально объявила войну России.

Война была перенесена из Адриатического моря в Архипелаг.

В России ничуть не обманывали себя касательно трудностей, опасностей и невыгод союзных с Англией действий в Средиземном море. Опыт «совместных», «союзнических» действий Нельсона с Ушаковым в 1798—1799 годах еще был свеж в памяти.

Еще 22 сентября 1805 года, а затем 5 июля 1806 года и, наконец, в большом докладе, поданном Александру 18 декабря 1806 года, морской министр Чичагов неоднократно возвращался к вопросу об английских «союзниках». В первой из этих докладных записок Чичагов опасается, что англичане будут не столько помогать русским действовать в Средиземном море, сколько стараться прибрать к рукам Египет: «...нет ни малейшего сомнения, чтобы Сент-Жемский кабинет, коего намерения обыкновенно на одну собственную пользу устремляются, не употребил всех средств к занятию Египта, можно сказать, из-под ног наших»¹.

Чичагов считал, что для достижения этой цели англичане употребят все усилия, чтобы прочно утвердиться на Мальте, которая сама по себе «столь убыточна» для них. Но русский морской министр был убежден, что Мальта нужна англичанам вовсе не только как база для овладения Египтом, но и для утверждения своего господства на всем Средиземном море, над греками, над «всеми окрестными владениями», то есть, другими словами, над всеми берегами Балканского полуострова, а потом и над русским Черноморьем, причем средствами подобной экспансии явятся торговля и британский флот. «Не ясно ли представляется, что, утвердись в Мальте, постараются они (англичане — *Е. Т.*) утвердить себя на Средиземном море и потом сочтут себя вправе распространить влияние свое и на все окрестные владения? Первая цель их будет взята под защиту свою Египет, а тем усугубить влияние свое на турок, потом на греков и на весь тот

край. Отсюда пойдут они далее обеспечивать себя в завладении восточной торговли... Чувствуя, что по мере распространения своего нужно им увеличить способы свои, помышляют они непрестанно о приобретении оных. Они намеревались даже утвердиться, под именем колоний, на черноморских берегах наших... Они знают, что край сей со всеобщей торговлей представляет несчетные способы к содержанию обширного флота. Конечно, имеют англичане сие в виду и хотят у нас из рук вырвать сии выгоды. Сие предполагать должно по правилам обыкновенной английской политики, которая, не щадя никого, кроме себя, ослепляет других деньгами, сберегает драгоценнейшее свое сокровище — людей, проливает кровь союзников, шествует всегда скорыми шагами к источникам обогащения и пополняет оными временные свои издержки»².

Так предостерегал Чичагов царя еще в первой своей записке от 22 сентября 1805 года, когда Сенявин уже отплыл в Средиземноморскую экспедицию.

В своей записке от 5 июля 1806 года он предлагал в случае войны с турками отправить немедленно из Балтийского моря в Средиземное еще 7 кораблей и «столько же меньших судов». Тогда, по расчетам Чичагова, у Сенявина окажется эскадра из 16 кораблей, 8 фрегатов и 11 «меньших судов», не считая транспортов. Этих сил, по мнению министра, может хватить для успешной борьбы против турок даже без помощи со стороны англичан. Следует заметить, что Чичагов, во-первых, не принял во внимание ветхости некоторых кораблей Сенявина, а во-вторых, прислал Сенявину к о. Корфу не семь кораблей, а пять. И случилось это только в декабре 1806 года.

В своей третьей докладной записке царю Чичагов обнаруживает негодование и раздражение по тому поводу, что «англичане самовластно взяли на себя главное распоряжение войной, если бы она между нами и турками возникнуть могла». Он полагал, что русская победа над турками, безусловно, обеспечена и что англичане «похищают у нас тот единственный случай, в котором мы могли бы с преимуществом действовать и от успехов ожидать для себя пользы и славы... Случай сей можно сказать, был бы первый, в котором мы не служили бы орудием к чуждой токмо пользе, но собственно себе ожидать могли выгод...» Самое важное — не дать англичанам перехватить у русских славу и выгоду от победы над турками: «Если мы допустим англичан пер-

¹ АВПР, ф. Канцелярия МИД, 1806, д. 7891, л. 212.

² Там же, л. 213—214.

воедействовать, то, не говоря уже о бесславии, через сие в глазах всего света произойти для нас должествующем, не говоря об убийственном вреде, который произойдет для воительного духа российских мореходцев, неразлучны будут с тем весьма многие превеликой для нас важности потери, а для них пользы и приобретения»¹.

К англичанам «все польется» из сокровищ Египта, Греции и Архипелага, а затем в их руки попадут «лучшие порты, лучшие леса» и весь турецкий флот.

План Чичагова заключался в том, чтобы русская Черноморская эскадра приблизилась к Босфору и удерживала этим часть турецкого флота, а Сенявин мог бы из своих «15 кораблей, 6 фрегатов и 7 меньших военных судов» отрядить «достаточное число» к Дарданеллам, а также к Египту и оставить «сколько потребно будет» в Адриатическом море.

Но эти планы, составлявшиеся в кабинетах адмиралтейства, вдалеке от театра военных действий, не могли быть реализованы. Сенявин и не думал разбрасывать по морям свою эскадру, а собрал почти все свои силы воедино и, как увидим, нанес туркам тяжкое поражение. Если в чем министр Чичагов оказался прав, так это в том, что англичане явились в Архипелаг именно затем, чтобы «перехватить» победу над турками у Сенявина, а когда это им не удалось, они поспешили уйти к берегам Египта.

10 февраля 1807 года Сенявин отправился на Корфу с 8 кораблями, одним фрегатом и шлюпом. На эскадре находилось два батальона Козловского мушкетерского полка, артиллеристы гарнизона Корфу и 270 албанских легких стрелков. Подойдя к острову Имбро, Сенявин сразу же получил большую подмогу со стороны греческого населения острова. Греки «по своей приверженности к России» охотно предоставили в распоряжение Сенявина до пятнадцати судов, в том числе несколько больших трехмачтовых с вооружением по 20 пушек на каждом.

Но, подойдя к Тенедосу, Сенявин узнал, что напрасны были его расчеты на английскую помощь, на эскадру адмирала Дакуорта, которая должна была его ждать тут, чтобы вместе идти в Дарданеллы.

Положение Сенявина ухудшилось. Не говоря уже о том, что приходилось ждать на суше опаснейшего нападения Али-паши Янинского из Албании, усиления армии Мармона и ряда других

осложнений и опасностей, — крушение надежд на помощь от английской эскадры Дакуорта, крейсировавшей в Архипелаге, было ударом неожиданным. Ведь Англия объявила войну Турции еще в конце января 1807 года, и английский посол Эрбатнот экстренно покинул Константинополь, забрав с собой всех английских купцов и пообещав на прощание через пятнадцать дней разрушить Константинополь². Грозная опасность, казалось, нависла над турецкой столицей. Уже 20 февраля 1807 года авангард Дакуорта в количестве девяти линейных судов прошел через Дарданеллы, и французский посол генерал Себастиани не скрыл от Мармона, что ждет к вечеру 20 февраля неожиданных английских гостей в Константинополе. Но тут адмирал Дакуорт, не обладавший ни малейшими дипломатическими талантами, начал бесполезнейшие переговоры с султаном, требуя немедленного разрыва с Францией. Руководимый ловким генералом Себастиани, султан делал вид, что готов уступить, а Дакуорт, явно боясь, как бы Сенявин тоже не подошел к Константинополю, очень желал поверить уступчивости турок и прекратить англо-турецкую войну мирным путем. Из всей этой хитроумной комбинации, однако, ничего хорошего для англичан не вышло, потому что французские инженеры во время этой проволоочки успели прекрасно укрепить Дарданеллы, и Дакуорт оказался в ловушке.

«Мы развлекали англичан переговорами в течение всего того времени, которое было необходимо, чтобы привести эту столицу в оборонительное положение, но как только работы были окончены, Порты уведомила адмирала Дукворта, что она не может согласиться ни на одно из его требований и что она не боится увидеть его суда перед Константинополем. В то время как тут работали, посылали также войска на Галлипольский полуостров, и г-н Путильо (французский инженер — Е. Т.) был туда отправлен, чтобы воздвигнуть батареи, способные сделать очень опасным возвращение Дукворта»³, — писал Себастиани Мармону 4 марта 1807 года⁴.

Адмирал Дакуорт был жестоко одурочен: «Если бы английский адмирал на другой или на третий день после своего появления попытался войти в порт, мы не могли бы оказать ему никакого сопротивления, и его успех был бы полным. Мы бы получили квартиры в Семибашенном замке (тюрьма в Константинополе). Эта

¹ АВПР, ф. Канцелярия МИД, 1806, д. 7891, л. 218.

² *Mémoires du maréchal duc de Raguse*, t. III, p. 95.

³ Произносить эту фамилию по-русски следует: Дакуорт. Но все русские документы пишут согласно начертанию английских букв «Дукворт». Цитируя документы, мы оставляем это «Дукворт» без изменения.

⁴ *Mémoires du maréchal duc de Raguse*, t. III, p. 97.

перспектива нас не испугала, и наша твердость увенчалась успехом». Так ликовал Себастиани, наполеоновский посол, вскоре после того получивший маршальский жезл.

Остановимся несколько подробнее на этом эпизоде с английской эскадрой. Вице-адмирал Дакуорт 7 февраля 1807 года вошел в Дарданеллы, не пожелав дожидаться Сеньявина. Он льстил себя надеждой взять Константинополь без русской помощи. Первые действия были удачны. Англичане разгромили небольшую турецкую эскадру, и уже 9 февраля их флот стоял у Константинополя. Но здесь Дакуорт совершил убийственную ошибку, понадеявшись достигнуть капитуляции столицы путем переговоров. Потеряв десять дней попусту, Дакуорт дал туркам возможность свезти на побережье до двухсот орудий и подтянуть в Босфор военные суда. У англичан было всего семь кораблей, два фрегата и два бомбардирских судна. Видя нарастающую опасность, Дакуорт решил отказаться от дальнейших действий и уйти. Но и это оказалось не так просто: за десять дней турки, руководимые французами, укрепили Дарданеллы, и их береговая артиллерия очень потрепала уходящих англичан. Сильно повреждены были три корабля, два фрегата были выведены из строя и нуждались в срочном ремонте, потеря в людях достигала 600 человек, хотя Дакуорт признавал потерю лишь в 400 человек. Этим несчастьем английской эскадры не ограничились: уже после выхода из Дарданелл сгорел дотла корабль «Аякс».

Следует заметить, что сенявинские офицеры не без иронии отнеслись к плачевно окончившемуся английскому предприятию, затеянному так поспешно с прямой целью присвоить себе в случае удачи всю славу, не делясь ею с русскими. Русских моряков раздражало и оскорбляло предпочтение, которое высшее петербургское морское начальство всегда отдавало англичанам и английской выучке. Вот характерный отзыв одного из сенявинских храбрецов, Панафидина:

«Офицеры, бывшие в английской службе волонтерами, возвратились многие с мнением искусных офицеров, и министр Чичагов, сам бывший в английском флоте волонтером, получивший с тем и пристрастие не только к службе, но и к целой нации, отдавал им явное преимущество перед офицерами достойными, но не бывшими в Англии. Это мнение отчасти и было справедливо, оттого что выбор офицеров, посланных на английский флот, был сделан с разбором в способностях и в отличном поведении; они бы, оставшись на русском флоте, были бы

Адмирал В. А. Чичагов

всегда из лучших офицеров. И если бы волонтеры несли службу, как служит английский лейтенант, то неоспоримо они бы возвращались с опытностью моряка; а неся должность по своей воле, не имея никакой ответственности ни в чем, могут ли они приобрести те сведения, которые во флоте привыкли им отдавать, по какому-то ложному предубеждению, что они искуснее других своих товарищей, служивших в своем флоте. Опыты доказали, что на многих кораблях, бывших в Средиземном море, (команды — Е. Т.) не уступали в порядке, проворстве и в искусстве управления кораблем английским кораблям, хотя на оных кораблях и не было волонтеров¹.

Сильно пострадавшая английская эскадра, вырвавшись, наконец, из Дарданелл, где она могла погибнуть, оказалась в Архипелаге, и Дакуорт предстал перед Сеньявиным. Совещаний двух флотоводцев дало самые неожиданные результаты.

Сеньявин, «недоумевавший» сначала, что побудило Дакуорта, не дождавшись русских, идти в Босфор, предложил английскому адмиралу соединить обе эскадры и вместе атаковать Константинополь. Но Дакуорт отказался наотрез. Мучило ли его уязвленное самолюбие или он не

¹ П. И. Панафидин. Письма морского офицера.

желал на этот раз слишком явственно уступить славу возможной победы Сениявину — неизвестно. По крайней мере, даже лучшие из английских офицеров не могли его понять: «Славный Сидней Смит и храбрые английские капитаны, называемые у них огнеедцами (fire-eaters), соглашались, чтобы еще раз испытать; но Дукворт решительно и письменно от сего отказался».

Ничего с ним поделывать было нельзя. «Сениявин двое суток упрашивал его всевозможно»¹. Однако это было лишь началом. Английский адмирал приберегал для русских союзников сюрприз похуже: 1 марта он объявил Сениявину, что не только не пойдет с ним в Константинополь, но и вообще не намерен вести сообща с русскими войну против турок в Архипелаге и уходит немедленно в Египет, так как получил другое назначение. Больше от него ничего нельзя было добиться. Сениявин просил оставить ему «для подкрепления нашего флота» хоть два корабля и два бомбардировочных судна, но и тут получил отказ. Англичане снялись с якоря и ушли из Архипелага.

В России на неожиданный уход Дакуорта со всей английской эскадрой в Египет посмотрели как на нечто, весьма похожее на дезертирство. «Ничто безусловно не могло бы быть в большей степени противоположным истинным интересам С.-Петербургского и Лондонского Дворов в их нынешних отношениях к Османской Порте, чем уход британских сил по направлению к Египту», — писал по повелению Александра барон Будберг полковнику Поццо-ди-Борго по поводу действий Дакуорта. «Уменьшение наших сил вследствие очень малоизвинительного поведения наших союзников» (как выражается Будберг) ставило Сениявина в нелегкое положение².

Александр в трудный период войны в Восточной Пруссии между Эйлау и Фридландом получил одно за другим ряд крайне тревожных известий из Архипелага. Во-первых, рушились надежды на миссию полковника Поццо-ди-Борго, посланного царем, чтобы попытаться склонить турок к миру. Во-вторых, оказалось, что англичане потерпели поражение в проливах и отступили от Дарданелл. В-третьих, Дакуорт совсем неожиданно ушел с эскадрой в Египет, бросив Сениявина на произвол судьбы.

26 апреля (8 мая) 1807 года Александр отправил из Бартенштейна, где он находился, следующий важный для истории тогдашней русской дипломатии рескрипт:

«При отправлении к вам последних наставлений с полковником Поццо-ди-Борго, положение политических дел в отношении к Порте совершенно разнилось от настоящего. Хотя знали мы тогда, что английский посол Арбутнот оставил уже Константинополь, однако ж по тому предположению, что Порта не состояла еще в открытой войне с Англией, мы могли надеяться на посредство английского посла при переговорах, которые должен был начать с Турецким правительством полковник Поццо-ди-Борго, мною к тому уполномоченный и снабженный нужными по сему случаю наставлениями. Но как теперь, по дошедшим к нам известиям, Османская Порта находится уже в явной войне с Англией, после неудачного предприятия английского флота под командой адмирала Дукворта, который потом направил путь свой к берегам Египта, оставя вас одного в Архипелаге, то оборот сей требует некоторых объяснений в дополнение данных вам вышеозначенных наставлений, почему и почитаю нужным предписать вам для руководства вашего следующее.

Неудача адмирала Дукворта в предпринятой им противу Константинополя экспедиции довольно доказывает неудобства и опасности подобных сему покушений; почему и предписываю вам наистрожайше воздерживаться от оных, разве бы по непредвидимым каким-либо обстоятельствам можно было надеяться на верный и решительный успех. Но как почти невозможно ласкать себя таковой надеждой, то и повторяю вам предписания, от 12-го минувшего марта вам данные, дабы вы ограничились наистрожайшей блокадой устья Дарданелл таким образом, чтобы никакое судно, под каким бы то флагом и предложом ни было, не могло пробраться в Константинополь. Само собой разумеется, что если бы турецкий флот покусился выйти в Белое (Эгейское — *Е. Т.*) море, то вам должно будет отражать оный со свойственной вам и всему российскому воинству храбростью и искусством. На случай же если бы впоследствии времени присоединился опять с вами адмирал Дукворт или какая-либо другая английская эскадра, то вам надлежать будет действовать с оной в совершенном согласии; ибо, невзирая на случившееся ныне, мы состоим в наитеснейших связях с его величеством королем Великобританским по всем предметам, до настоящей войны касающимся.

Полковник Поццо-ди-Борго не оставит способствовать вам во всех случаях, где содействие

¹ В. Броневский. Цит. соч., ч. III, стр. 17.

² АВР, ф. Канцелярия МИД, 1807, д. 1901—1902, л. 45.

его будет для вас нужным, и я уверен, что вы с особенной пользой употребить его можете, наипаче если вам придется действовать купно с английской эскадрой.

Господину Поццо-ди-Борго поручено сообщить вам данные ему наставления, из коих вы усмотрите, что предполагаемые с Портой переговоры клонятся единственно к тому, чтобы восстановить мир между нами и империей Оттоманской, на основании трактатов, до последнего разрыва существовавших; следовательно, всякое предприятие, имеющее в виду какое-либо завоевание на счет Порты, было бы совершенно противно умеренным и бескорыстным моим правилам и намерениям.

Засим, приняв в уважение, что по отдаленности, в коей вы находитесь, и по крайним затруднениям в коммуникации невозможно нам будет снабжать вас на каждый непредвидимый случай особыми наставлениями и разрешениями, уполномочиваю вас, не ожидая оных, действовать всегда по собственному вашему благоусмотрению, руководствуясь инструкциями, поныне вам данными, не теряя, впрочем, из виду цели, нами предположенной, и наблюдая во всех ваших движениях и операциях всю осторожность и предусмотрительность, кои в нынешних обстоятельствах необходимо нужны.

Я буду ожидать донесений ваших об успехе подвигов ваших противу Порты, не сомневаясь ни мало, что благоразумные предприятия ваши увенчаны будут совершенным успехом и что тем подадите мне новый случай изъявить вам признательность мою, каковую приятно мне во всякое время оказывать вам по тем расположениям, с каковыми пребываю»¹.

Какова оказалась эта царская «признательность», мы увидим в конце настоящей работы. Но что Сенявину оставалось действовать исключительно «по собственному благоусмотрению», это была правда.

И Сенявин не ждал царских указаний, чтобы начать действовать.

Победа русского флота у Афонской горы

Неожиданно и коварно покинутый английским союзником, Сенявин немедленно созвал на совещание командиров кораблей.

Решено было овладеть островом Тенедос и, не предпринимая рискованной атаки проливов и столицы, «содержать Константинополь в тесной осаде», препятствуя снабжению столицы, которая, как и во времена Чесмы, питалась подвозом с моря, а не с суши.

Сенявин приказал контр-адмиралу Грейгу немедленно идти с двумя кораблями и одним фрегатом к Тенедосу, а сам с остальным флотом направился к Дарданеллам.

3 марта Грейг, подойдя к острову, предложил командовавшему паше сдать крепость. Паша отказался.

Не располагая достаточными силами для овладения островом, Грейг обратился за помощью к Сенявину. Оставив у входа в Дарданеллы лишь два корабля, Сенявин подошел почти со всей своей эскадрой к Тенедосу.

8 марта Сенявин начал обстрел крепости и побережья и под прикрытием сильного артиллерийского огня высадил на берег три отряда: сначала 160 албанцев, затем 900 и 600 солдат морской пехоты. Десантом командовал сам Сенявин. Турки отступили. Русские штурмовали ретраншемент перед крепостью, откуда штыковым ударом выбили турок. Затем пала «малая крепостца» — укрепление, прикрывавшее ретраншемент. Турки засели в «большой» крепости, которую русские и принялись обстреливать из нескольких батарей. 10 марта крепость сдалась, и русские, согласно условиям капитуляции, перевезли оставшийся гарнизон (1 200 человек) и укрывшихся в крепости 400 женщин на анатолийский берег, где и отпустили их тотчас же всех на свободу.

Часть города выгорела, но провианта было найдено в крепости довольно много, и Сенявин велел раздать его жителям острова. Потери русских были ничтожны.

Итак, у русских оказалась в руках морская крепость и существенная база в четырнадцать приблизительно миль от входа в Дарданеллы. Тесная блокада Константинополя с моря становилась очень реальной.

¹ ЦГАВМФ, ф. департамента Морского министерства по эскадре Сенявина, д. 577, л. 1—3.

Схема к действиям флота в Архипелагской экспедиции

Сочувствие к России со стороны греческого населения Архипелага очень помогало Сеньявину, и офицеры его эскадры не могли нахвалиться греками. Они отмечали и тактическое поведение Сеньявина.

«Прибытие Российского флота в Архипелаг скоро сделалось известным. Начальники островов Идро, Специи и других ближайших с восторгом и редкой готовностью предложили свои услуги. По взятии Тенедоса, со всех прочих островов, независимые Майноты, Сулиоты, а потом жители Мореи и древней Аттики, предложили собрать корпус войск, словом, вся Греция воспрянула и готова была при нашей помощи освободиться от ига неволи; но адмирал, действуя осторожно, отклонил сие усердие до времени, и даже турок, поселившихся в Архипелаге, которые малым числом своим не могли вредить грекам, оставил покойными и сим избавил христиан от ужасного мщения их жестоких властителей. В прокламации, изданной в Идро, жители Архипелага объявлены принятыми под особое покровительство всероссийского императора, а порты на матером берегу, равно и острова Кан-

дия, Негропонт, Метелин, Хио, Лемнос, Родос и Кипр, занятые турецкими гарнизонами, признаны неприятельскими; для отличения же христианских судов от турецких, определено выдать оным новые патенты на Иерусалимский флаг, под которым, по соглашению с Английским правительством, могли они пользоваться торговлей с союзными державами. Затем греки освобождены были от всякой повинности, кроме того, что они, по собственному их вызову и на их содержании с 20 прекрасно вооруженными (купеческими) судами от 10 до 26 пушек, присоединились ко флоту и отправляли военную службу с усердием и ревностью. Таким образом, при появлении флота Архипелаг сделался достоянием России, и флаг наш не с кровопролитием и смертью, но с радостью и благословением от жителей встречен был. Множество корсеров вышли под ним для крейсерства, и не только в Архипелаге, но и на всем пространстве от Египта до Венеции развевался российский флаг. Варварийцы (тунисты, алжирцы, марокканцы — *Е. Т.*), узнав о столь грозном вооружении, отказались от союза с Турцией, и наш купеческий флаг на Средиземном море без постыдной подати был ими уважаем»¹.

¹ В. Броневский. Цит. соч., ч. III, стр. 10—12.

Успехи Сенявина отразились на северном участке русско-турецкой войны, и Турция оказалась в серьезной опасности. «Взятие острова Тенедос русскими и движения сербов, которые, кажется, намерены присоединиться к армии Михельсона, внушают Порте живейшее беспокойство. Я только что отправил курьера к князю Бенеventскому (Талейрану — *Е. Т.*), чтобы уведомить его о настоящем положении этой империи и необходимости немедленно ей помочь», — так писал французский посол Мармону 31 марта 1807 года¹.

Неудача Дакуорта и его уход очень суживали задачу Сенявина: взять Константинополь стало совсем невозможно, потому что турки были в полной боевой готовности. Значит, следовало заблокировать вход в Дарданеллы.

В сущности уже с 10 марта, то есть с овладения Тенедосом, Сенявин не только наносил жестокий ущерб морскому подвозу провианта в столицу, но и владел фактически всей северной частью Архипелага. Его эскадра контролировала вход в Дарданеллы и одновременно стесняла значительнейший экспортный хлебный рынок, кормивший Константинополь, то есть Смирну и прилегающую часть сирийского побережья, куда отряжен был Грейг с тремя кораблями и одним фрегатом. Постепенно, в течение второй половины марта и всего апреля, владычество Сенявина распространилось и на южные острова Архипелага. Как и во времена Чесмы, снабжение Константинополя даже в мирные годы зависело больше всего от морского подвоза со стороны Смирны, Митилены, Архипелага и Египта, а уж подавно в такие периоды, когда с Дуная и с севера Балканского полуострова грозили русские войска и импорт оттуда почти вовсе прекращался. Сенявин мог безошибочно предугадать, что турки не удовольствуются попытками отбить у русских о. Тенедос. Эти попытки неизменно терпели полную неудачу, и остров оставался в руках русских. Сенявин был уверен, что турки истолкуют его отказ от прямого нападения на их столицу как признак слабости, и поэтому новый капудан-паша Сеид-Али непременно выведет линейный флот из Босфора и Дарданелл в Архипелаг. Уже 7 мая предвидение его оправдалось: турецкий флот больше чем в семьдесят вымпелов (из них 8 линейных кораблей и 8 фрегатом) вышел из Дарданелл и почти тотчас же направился к Тенедосу. Сенявин, крейсировавший два дня между Тенедосом и Имбросом, 10 мая решил атаковать противника, хотя был слабее его по числу судов и пушек.

Сеид-Али стал поспешно уводить свои суда под прикрытие дарданелльской артиллерии. Сенявин уже настиг их вблизи Дарданелл, и отдельные корабли вступили в бой с противником, но углубляться далее в пролив не нашел возможным, потому что пришлось бы попасть под огонь береговых батарей (которые уже и начали обстрел), и вернулся к Тенедосу. Хотя турки потеряли только три судна в бою и имели еще вполне достаточно сил, они не рискнули преследовать корабли Сенявина, и русская эскадра возвратилась совершенно спокойно, получив лишь самые ничтожные повреждения. Потери русских составляли 27 человек убитыми и 54 ранеными. Число убитых и раненых турок было, по ряду позднейших показаний, несравненно больше. Некоторыми старыми историками приводилась даже цифра в 2 000 человек.

Какое значение имел опыт этого Дарданелльского боя для Сенявина, показывает следующее место из приказа адмирала перед сражением у Афонской горы: «Прошедшее сражение 10 мая показало, чем ближе к нему (неприятелю — *Е. Т.*), тем от него менее вреда, следовательно, если бы кому случилось и свалиться на abordаж, то и тогда можно ожидать вящего успеха».

Эта победа явно показала неизмеримое превосходство личного состава русской эскадры перед турками. В тактическом отношении русский флот превосходил даже английский. Поражение адмирала Дакуорта в Дарданеллах служит достаточным тому доказательством. Русские имели богатый опыт недавних побед Ушакова. То, что Сенявин сделал в Дарданелльском бою, он спустя сорок дней в гораздо более широком масштабе и с еще более значительными и победоносными результатами повторил в сражении у Афонской горы. Сенявин давал командирам кораблей конкретные задания; было приказано сблизиться с противником и, открыв картечный огонь, взять его на abordаж. Флотоводческое искусство Сенявина в соединении со всячески поощряемой и развиваемой адмиралом инициативой его подчиненных командиров кораблей приводило к тому, что атакующие в обстановке морского боя не терялись, принимали быстрые решения, а в критический момент получали поддержку соседних кораблей. Сенявина несправедливо было бы считать только учеником и подражателем Ушакова. Творческий талант не топчется на месте, а использует, углубляет по своему и оплодотворяет идеи, унаследованные от гениальных предшественников. Быстрота маневра, начинавшегося, едва только покажется

¹ Mémoires du maréchal duc de Raguse, t. III, p. 100.

неприятель, внезапность удара, как следствие стремительного перехода от сближения с противником к прямой атаке, угроза абордажным боем — таковы были характерные черты сенявинской тактики.

Корабли эскадры Сенявина были в общем старше и хуже тех, которые были у Ушакова, завоевавшего за восемь лет перед тем Ионические острова. Сенявинские офицеры называли некоторые из них «гнилыми». Корабли были построены и оснащены хуже некоторых судов Сеид-Али. Зато и сравнения ни малейшего не могло быть между флотоводческими талантами Сенявина и турецкого адмирала, между боевыми достоинствами офицеров и матросов русской и турецкой эскадр. Сенявин прошел ушаковскую школу, а его офицеры и многие матросы прошли и ушаковскую, и сенявинскую долгую выучку.

17 мая 1807 года произошел, наконец, давно подготавливавшийся и многими в Турции и Европе ожидавшийся переворот: низвержение султана Селима III и вступление на престол нового султана — Мустафы IV. Начался период фактического всевластия янычар в Константинополе. Дела турок на Дунае против русских сухопутных сил шли, как и на море, из рук вон плохо. Но необходимость отбросить флот Сенявина от Дарданелл была настолько ясна, нехватка продовольствия, вызываемая морской блокадой, была чревата такими грозными последствиями, что новый султан не колебался. Капудан-паша Сиди-Али (Сеид-Али) получил повеление идти в море и отнять у Сенявина Тенедос, то есть повторить попытку, которая так неудачно была сделана за восемь дней до низвержения Селима III. На этот раз новый султан приказал действовать со всей энергией.

Сенявин знал обо всем этом и готовился к встрече. Вот приказ, который он сообщил своим капитанам:

«Обстоятельства обязывают нас дать решительное сражение, но покуда флагманы неприятельские не будут разбиты сильно, до тех пор ожидать должно сражения весьма упорного, по сему сделать нападение следующим образом: по числу неприятельских адмиралов, чтобы каждого атаковать двумя нашими, назначают корабли: «Рафаил» с «Сильным», «Селафаил» с «Урилом» и «Мощный» с «Ярославом». По сигналу № 3 при французском гюйсе немедленно спускаться сим кораблям на флагманов неприятельских и атаковать их со всевозможной решительностью, как можно ближе, отнюдь не боясь, чтобы неприятель пожелал зажечь себя. Прошедшее сражение 10 мая показало, чем бли-

же к нему, тем от него менее вреда, следовательно, если бы кому случилось и свалиться на абордаж, то и тогда можно ожидать вящего успеха. Пришед на картечный выстрел, начинать стрелять. Если неприятель под парусами, то бить по мачтам, если же на якоре, то по корпусу. Нападать двум с одной стороны, но не с обоих бортов, если случится дать место другому кораблю, то ни в каком случае не отходить далее картечного выстрела. С кем начато сражение, с тем и кончить или потоплением, или покорением неприятельского корабля.

Как по множеству непредвидимых случаев невозможно сделать на каждый положительных наставлений, я не распространю оных более; надеюсь, что каждый сын отечества почтится выполнить долг свой славным образом.

Корабль «Твердый».
Дмитрий Сенявин»¹.

Сенявин, найдя флот Сеид-паши на якоре, недалеко от Тенедоса, стремился завязать сражение, но турки стали уходить, и боевая встреча, покрывшая новой славой русский флот и Сенявина, произошла лишь 19 июня (1 июля). У Сеид-паши было десять линейных кораблей, шесть фрегатов, два корвета и два брига. Этот флот располагал 1196 пушками. А у русских было лишь десять кораблей и 754 орудия.

Следует сказать, что старая русская литература (такие ее представители, как В. Гончаров, Н. Д. Каллистов, О. Щербачев и др.) укоряла Сенявина в том, что он слишком связал себя заботой сначала об овладении, а потом об удержании за собой о-ва Тенедос. Эта литература, как и почти вся зарубежная историография, посвященная морской истории, находилась под прямым влиянием пресловутой школы американского дилетанта-историка Мэхэна и его американских и английских последователей. С точки зрения этих теорий Сенявин должен бы был, бросив Тенедос, полностью направить все свои силы против турецкого флота и искать «полной победы на море». Отечественная историография решительно отказалась от этих ложных американско-английских воззрений вообще и от несправедливых укоров по адресу Сенявина в частности.

Сенявин решил пойти навстречу неприятелю, не ожидая его подхода.

Выйдя с Тенедоса, Сенявин встретил турок 19 июня на рассвете недалеко от Афонской горы. Эскадра Сеид-Али паши (он же Сиди-Али) шла от Лемноса. У турок было в момент встречи до девятнадцати судов, из них 9 кораблей, 5 фрегатов,

¹ В. Броневский. Цит. соч., ч. III, стр. 87—88.

3 шлюпа и 2 брига. Турецкая артиллерия превосходила русскую: 1 131 пушка против 754 русских; орудий было, таким образом, на 377 больше, экипаж был гораздо многочисленнее. Броневский утверждает, что турок было «почти вдвое» больше.

Сражение началось в 8 часов утра по сигналу с Сеньявинского корабля.

Вот как описывает этот славный для русского флота морской бой Панафидин, находившийся весь этот день в центре сражения, рядом с командиром «Рафаила», героем Луниным, пользовавшимся громадной популярностью во всем флоте:

«В 8 часов взвился сигнал на “Твердом” — начать сражение. Наш корабль первый спустился на турецкий флот. Все неприятельские выстрелы устремлены были на нас. Не успели еще подойти на дистанцию, как у нас уже перебиты все марсареи ядрами огромной артиллерии 100-пушечного корабля и убито много марсовых матросов. Выдержав с величайшим хладнокровием, не выстреля ни из одной пушки, пока не подошли на пистолетный выстрел, — первый залп на такую близкую дистанцию, — и заряженные пушки в два ядра заставили замолчать капитан-пашинский корабль, и потом непрерывный огонь принудил его уклониться из линии. Корабль наш, обитый парусами, все марсели лежали на езельгофте, брасы перебиты, и он, не останавливаемый ничем, прорезал неприятельскую линию под кормой у турецкого адмирала. Если бы “Сильный” также решительно поддержал нас, то он не позволил бы капитан-пашинскому кораблю войти в прежнюю линию и положить свой бушприт на наш ют. Мы были совершенно окружены: справа адмиральский турецкий корабль, почти обезоруженный, все реи у него сбиты, но он продолжал драться; за кормой — 100-пушечный турецкий корабль, приготавливавшийся нас абординовать; весь бак наполнен был людьми, они махали ятаганами и, кажется, хотели броситься на наш корабль; слева — два фрегата и даже бриг взяли дерзость стрелять против нас. Капитан прокомандовал: “Абордажных!” Лейтенант Ефимьев и я собрались со своими людьми, чтобы абординовать капитан-пашинский корабль; но коронады с юта и 2 пушки, перевезенные в констапельскую, и ружейный огонь морских солдат привели по-прежнему в должное почтение, — и корабль турецкого главнокомандующего по-прежнему уклонился из линии. Фрегаты и бриги после нескольких удачных выстрелов с другого борта побежали. Один адмиральский корабль в невольном был положении, без парусов, оставался, как мишень,

в которую палил наш корабль с живостью. Наше положение сделалось гораздо лучше: в исходе 10-го часа капитан позвал меня и велел, чтобы поднять кормовой флаг, который казался сбитым; он стоял на лестнице для восхода на вахты и в половину открытый; брат Захар, его адъютант, был также послан. Исполнив приказание, я шел отдать ему отчет, но он уже лежал распростертым на левой стороне шканец: в мое отсутствие ядро разорвало его пополам и кровью облило брата и барабанщика. Благодаря Богу, брат не был ранен. Кортик, перешибленный пополам, лежал подле него; я взял оружие, принадлежавшее храбрейшему офицеру, и сохранил, как залог моего к нему уважения. Тело его перенесли в собственную его каюту, капитан-лейтенант Быченский, вызванный братом из нижней палубы, не знал положения корабля. Мы с братом и лейтенант Макаров, бывший во все время наверху, объявили ему, что мы отрезаны турецким флотом. Он решил поворотить через фордевинд и снова, в другом месте, прорезать неприятельскую линию. Корабль без парусов и при страшном от стрельбы ветре не исполнил намерения капитана, и мы должны были поневоле остаться в прежнем положении. В половине 12 часа увидели вице-адмиральский флаг: “Твердый” и “Скорый” так сильно атаковали авангард турецкий, что он побежал и тем самым освободил нас от сомнительного положения; 3 $\frac{1}{2}$ часа мы не видели своего флота и почти все время дрались на оба борта и даже с кормы. Следствием этого сражения был взят кораблем “Селафаилом” адмиральский турецкий корабль “Сетель-Бахр” о 74 пушках; отрезаны: корабль и 2 фрегата, которые побежали в залив Афонской горы и сами себя взорвали на воздух. Сами турки сожгли у острова Тассо один фрегат и свой разбитый кораблем “Мощным” адмиральский корабль. В Лемноском сражении турки потеряли 3 корабля и 3 фрегата. На нашем корабле убитых было, кроме капитана (Лукина — Е. Т.), 16 человек и 50 раненых и большая часть из оных — смертельно»¹.

Боеспособность русской эскадры оказалась на большой высоте. Не только «Рафаил», но и «Скорый» и «Твердый» в этом бою подходили к неприятелю на «пистолетный выстрел» и прорезали его линию. Кораблям был дан приказ: попарно идти и попарно атаковать вражеские корабли и в первую очередь флагманские. Но в пылу боя были моменты, когда, например, корабль «Скорый» вел бой одновременно против трех кораблей и одного фрегата, и турки уже приготовились взять его на абордаж. Однако метким и частым огнем «Ско-

¹ П. И. Панафидин. Цит. соч., стр. 63—65.

рый» перебил у неприятеля столько людей, что абордаж не состоялся.

Турки не смогли вывести из боя ни «Скорого», ни «Мощного».

Уже через полтора часа турецкая линия была нарушена, и противник стал явно уклоняться от продолжения боя. К 12 часам дня турецкие корабли настолько удалились, что при наступившем полном штиле Сенявину оставалось либо, переждав штиль, все-таки пуститься в погоню за уходившими турками, либо отказаться от дальнейшей погони и идти к Тенедосу на выручку осажденного в крепости русского гарнизона. Адмирал предпочел второе. Русским кораблям (особенно «Твердому», «Скорому», «Рафаилу» и «Мощному») победа далась дорого, они были сильно повреждены.

Офицеры и матросы русской эскадры сражались отважно. Под огнем неприятеля они исправляли повреждения, ни на минуту не прекращая боя.

Один из участников боя так рассказывал о храбрости русских моряков: «Трудно перечислить, в особенности в кратком очерке, подвиги молодечества в этой битве наших храбрых русских моряков. Здесь капитан Рожнов (командир «Селафаила» — Е. Т.) переменяет под градом ядер, сыплющихся да него с неприятельских судов, перебитый рей, там наши матросы спасают на шлюпках турок, бросившихся толпою с совершенно разбитого корабля, тогда как другое неприятельское судно продолжает громить наш корабль, к которому принадлежат спасители... В конце сражения турецкий флот представлял собой общую горящую массу, из которой по временам раздавались страшные взрывы, и затем исчезало и самое судно и все бывшее на нем»¹.

Когда уцелевшие в этом бою турецкие суда вошли в Босфор, Константинополь был объят смятением. Турецкому флотоводцу грозила смерть.

Капудан-паша Сеид-Али решил принять экстренные меры для спасения своей жизни. Что ему придется очень круто после такого тяжелого поражения, это он понимал очень хорошо. Недолго думая, он приказал умертвить без всякого суда, простым личным распоряжением, и своего непосредственного помощника Шеремэт-бея, и еще четырех командиров кораблей своей эскадры. Султан утвердил приговор. Это было вполне в стиле и в практике турецкого флота.

Злосчастный Сеид-Али до такой степени поддался паническому страху за свою жизнь, что

написал Сенявину курьезное письмо («странный запрос», как выразился адмирал, донося об этом Александру). Капудан-паша вздумал с большим опозданием укорять Сенявина в том, что русский адмирал обманул его, дав фальшивый «сигнал к прекращению боя». О полной вздорности этой диковинной претензии говорить не приходится. Сеид-Али желал объяснить свое поражение «коварством» победителя.

Сенявин к концу боя послал контр-адмирала Грейга преследовать бежавших. У Грейга было четыре корабля, и он успел нагнать турецкий корабль и два фрегата уже у самого берега Мореи. Здесь турки посадили свои суда на мель и подожгли их, сами спаслись на лодках и вброд. На другой день у острова Тассо турки взорвали еще один свой корабль, один фрегат и корвет, которые нельзя было спасти от пленения².

Блестящая победа русских произвела удручающее впечатление в уцелевшей части турецкого флота. Выигранное Сенявиным сражение у Афонской горы имело те же непосредственные последствия, как победа Спиридова под Чесмой в 1770 году: турецкий флот, загнанный в Дарданеллы, фактически вышел из войны, и Сенявин мог очистить от турок все острова Архипелага, если бы захотел это сделать и если бы общие политические условия момента это позволили или потребовали.

Если бы Сенявин продолжал преследование разбитого турецкого флота, то он его и прикончил бы. Таково было мнение части офицерства. Другие же полагали, что Сенявин, зная отчаянное положение русского гарнизона в Тенедосской крепости, создавшееся вскоре после ухода его эскадры от Тенедоса, предпочел, не теряя времени, идти к острову спасать крепость.

В дневнике Панафидина находит отражение эта борьба двух мнений по вопросу о том, как следовало лучше поступить Сенявину.

«Одними сутками прежде турок пришли мы к Тенедосу, а они в пролив: мы с пленным адмиралом, а они — с остатками своего флота. Верно, причина поступка адмирала, не преследовавшего разбитый турецкий флот, была важна, ибо храбрость Сенявина безукоризненна, что показали оба сражения, и мы особенно ему были обязаны своим спасением; следовательно, желание спасти храбрый гарнизон, выдержавший с горстью людей ужасное нападение, было причина, что мы не преследовали турецкий флот. Турки в отсутствие флота даже так ободрились,

¹ «Кронштадтская старина». Плавание эскадры под начальством вице-адмирала Сенявина в Средиземном море и возвращение ее команд в Россию. Из номеров Кронштадтского вестника, стр. 20. (Оттиск. Кронштадт, 25 августа 1885 года). Автор (Тихменев) не указан в оттиске.

² П. Свинын. Цит. соч., ч. II, стр. 148—149.

Корабль «Селафаил» ведет на буксире взятый им турецкий адмиральский корабль «Сед-эль-Бахр»

видя слабость гарнизона, что хотели штурмовать крепость. Если эти причины были в соображении, то поступок Сенявина возвышает его еще более. Он решился лучше потерять один лавр из своего венка, чем привести в отчаянное положение гарнизон. Сенявин, по опытности своей, лучше всех знал, что турецкие корабли по одиночке были бы догоняемы и взяты; сему уже способствовало взятие в плен второго начальника, ранга капитан-паши, и потом страх, посеянный в турецком флоте потерей трети флота». Тут Панафидин явно полемизирует с теми, кто порицал Сенявина: «По последствиям гораздо легче судить. Мы пришли почти в одно время с турками к своим местам; расстояние только было в 15 верстах, что уже совершенно незначительно. Преследуя флот, мы его бы истребили, и немного бы ушло в Дарданеллы, чтобы извести о своем поражении, отрядя часть флота, более поврежденного, для усиления блокады около острова и для подания помощи гарнизону и его ободрения, а с остальными пуститься преследовать. Многие корабли так мало были повреждены, что могли вступить снова в сражение.

Наш корабль, потерявший более всего в снاستях, через несколько часов уже мог опять вступить в дело. Тогда бы сражение было решительное. Между тем гарнизон все еще бы держался, что доказывается тем (что), когда мы пришли к Тенедосу, он оборонялся с храбростью и мог prolongировать несколько дней свою оборону. Положим даже, что от преследования и взятия кораблей неприятельских нас удержали бы долее и крепость бы сдалась. Турецкие войска сами бы были отрезаны от своих пособий, они бы должны сдаться непременно»¹.

Последующие события показали, что следовало поступить именно так, как поступил Сенявин, то есть спасти тенедосский гарнизон. Остатки недобитого турецкого флота оставались в бездействии вплоть до ухода русской эскадры из Архипелага. Терять времени действительно было нельзя: Тенедосская крепость была накануне падения. Потеря этого опорного пункта очень сильно подорвала бы эффективность блокады Дарданелл. Это, помимо соображений гуманности, повелительно требовало от Сенявина спешить на выручку осажденного гарнизона.

¹ П. И. Панафидин. Цит. соч., стр. 68—69.

Дело в том, что положение русского десанта было опасным уже с первого дня пребывания его на острове. Но с середины июня оно катастрофически ухудшилось.

Едва Сенявин с эскадрой отошел 15 июня от Тенедоса, как турецкая эскадра, очевидно, следившая за его передвижениями, немедленно снялась с якоря и пошла от о. Имбро, где она стояла, к Тенедосу и, подойдя к острову, начала жестокую бомбардировку крепости и одновременно высадила на острове сильный десант (по русским источникам — в шесть тысяч человек). Русские, успешно отбиваясь от неприятеля, стянулись к ретраншементу, прикрытому «малой» крепостью; их было всего до одной тысячи человек. К вечеру 17 числа вошли в «большую» крепость. Началась непрерывная бомбардировка «большой» крепости. Положение русских было трудное: ни погребов, ни казематов в крепости не было, укрыться людям было негде. «Несмотря на то, чем более россияне чувствовали притеснения от неприятеля, чем опаснее становилось положение их, тем с большей деятельностью и твердостью работали на батареях, тем охотнее и отважнее заступали они место убитых и раненых при пушках, оканчивая всегда тем, что принудят неприятеля прекратить пальбу, и все то, что удалось ему разрушить днем, ночью было исправно починяемо». Так продолжалось до возвращения эскадры Сенявина к Тенедосу, то есть до 26 июня (8 июля), восемь суток подряд (по свидетельству Броневского, 12 дней). Приход Сенявина произвел на турок, осаждавших крепость, деморализующее действие: когда Сенявин предложил им сесть на суда и убраться с острова, они беспрекословно согласились, хотя еще имели уцелевших от боев 4 600 человек. Их потери составляли до 800 человек. Русские потеряли 185 нижних чинов и несколько офицеров ранеными и 32 солдата и 6 офицеров убитыми¹.

Показание Броневского дает яркую иллюстрацию краткой, но памятной истории этого замечательного «тенедосского сидения» русского гарнизона, мужественно бившегося с многочисленным и прекрасно вооруженным неприятелем.

«18 июня, поутру рано, наша эскадра, состоявшая из 10 кораблей, пустилась искать неприятеля. „Венус“, „Шпицберген“, 2 корсера оставлены были на помощь крепости, и неприятель с сего числа по 27-е, по день возвращения эскадры, производил по нас день и ночь с малыми пере-

межками жестокою пальбу. Положение крепости, стоящей на самом невыгодном месте между трех близких гор, ее окружающих, коим она вся открыта и притом не имеющей ни казематов, ни погребов и никакого удобного места для защиты людей; словом, все пространство ее представляло как бы западню, где ядра, картечи и пули выбирали любую жертву. Бруствер был так низок, что не закрывал людей и в половину; но когда стали бросать 9-пудовые бомбы, разрушившие все остальное строение, то уже не было никакого места, где бы можно было укрыться от огня. К тому же турки с первого дня отрезали воду, и чрезвычайный в оной недостаток, при палящем зное, делая нужду в оной тем чувствительнее, что вопль женщин и детей и беспрестанное служение священников напоминал опасность, и положение наше делал отчаянным; но все сие не могло поколебать твердости солдат, сказавших себя истинными героями; албанцы и жители тенедосские им соревновали; видя растерзанные члены детей и жен своих, видя дома свои, объятые пламенем, они обрели себя на смерть, с редким мужеством искали ее на валах и не хотели слышать о сдаче, которую турки два раза предлагали». Этот рассказ Броневского ничем не заменим по своей выразительности. «Чем более мы чувствовали притеснения от неприятеля,— пишет он,— чем ближе стояли к гибели, тем с большей деятельностью и твердостью, 12 дней сряду, в непрерывном огне и бессменно, работали на батареях, тем охотнее и отважнее заступали места убитых и раненых, и все, что неприятелю удалось разрушить днем, ночью исправно было починяемо.

Старые солдаты признавались, что во всю их службу, даже под начальством Суворова, который любил опасности, не случалось им быть в столь бедственном состоянии. Если бы флот не скоро возвратился, то комендант, по общему желанию офицеров, солдат и жителей, предполагил выйти с легкой артиллерией из крепости и искать смерти в поле; ибо и турки, особенно стрелки их, засевшие в домах предместья, которое обратилось в кучу развалин, имели весьма значительную потерю и притом терпели крайний недостаток в съестных припасах, и, осаждая нас, сами находились в осаде. Между тем, как продолжали сражаться с крайним ожесточением, участь тех и других зависела от того, чем кончится морское сражение; и когда бедствие наше дошло до последней степени, 26 июня к неизъяснимой радости гарнизона показался корабль „Скорый“, а за ним и весь флот наш.

¹ АВПР, ф. Канцелярия МИД, 1807, л. 7. «Известие о сделанной турками высадке на остров Тенедос 16 июня 1807 года».

Громкое «ура!» и сильная пальба дали знать туркам, что флот их разбит, а в доказательство корабль турецкого адмирала приведен на рейд»¹.

Последствия Тильзитского договора для Сенявинской экспедиции

Вторая часть сенявинского похода закончилась с таким же блеском и привела к такому же торжеству, как и первая: 1806 год ознаменовался прочным утверждением русского владычества в Боко-ди-Каттаро и на значительном протяжении далматинского берега, тесным содружеством и укреплением связей с Черногорией, упрочением влияния русской морской силы на Адриатике, завоеванием новой базы, острова Курцало, очень дополнявшей старую русскую морскую базу на Корфу и базы на других Ионических островах. А 1807 год уже в первые месяцы принес овладение островом Тенедос, большую морскую победу у Афонской горы, распространение русского влияния на ряд островов Архипелага, установление морской блокады Дарданелл.

Но не в Архипелаге решалась судьба этой войны. В те дни, когда Сенявин ушел от Тенедоса, чтобы искать встречи с турецкой эскадрой, князь Лобанов-Ростовский уже успел побывать у Наполеона после несчастной для русской армии битвы под Фридриандом, Александр уже успел условиться о перемирии и о встрече с Наполеоном на Неманском плоту. 19 июня, когда Сенявин разгромил турецкий флот у Афонской горы, уже был, пока на словах (а 7 июля 1807 года и формально), заключен не только мир, но и союз между обоими императорами.

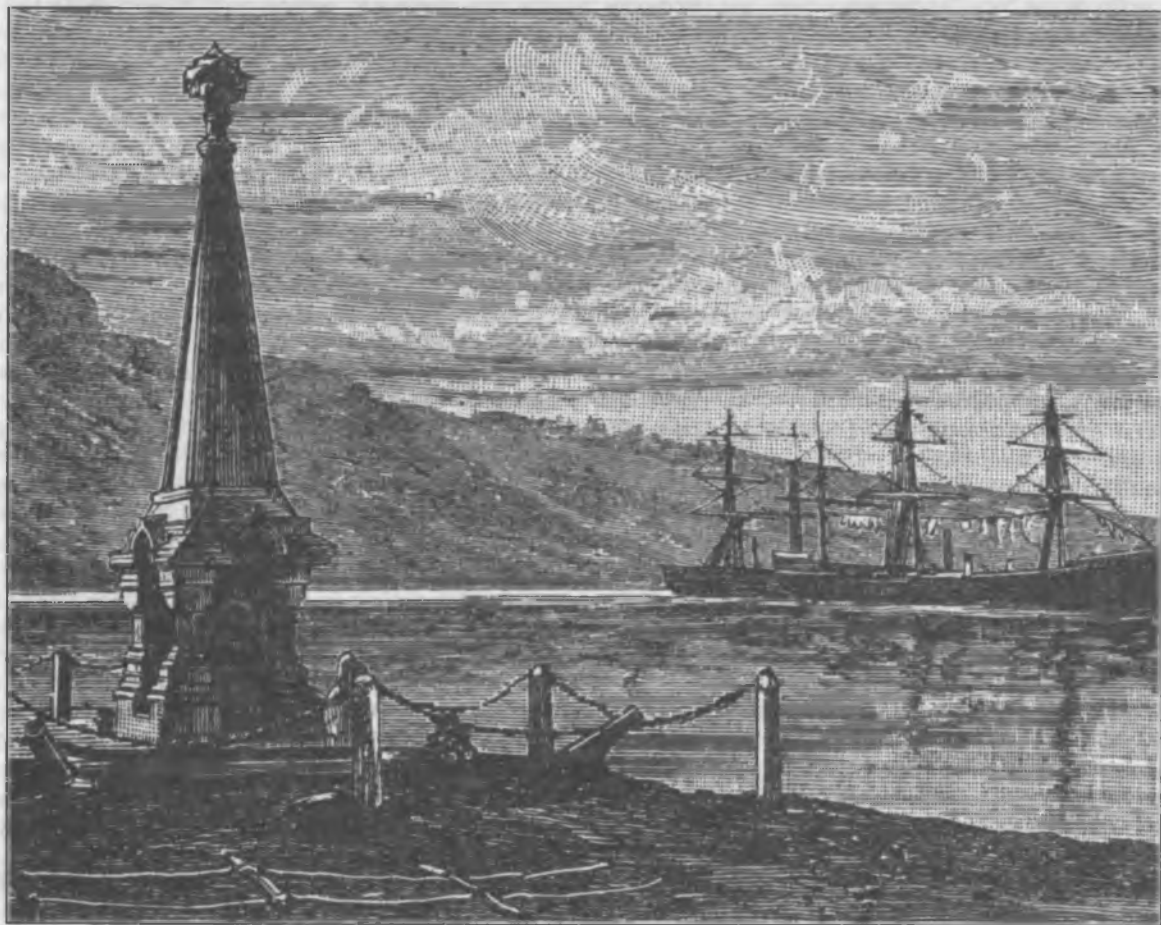
Сенявину давно уже было нелегко разбираться во всех этих хитросплетениях и зигзагах европейской политики, проявлявшихся притом за тридевять земель от Адриатического и Средиземного морей. Казалось бы, окончательно взята твердая установка на новую большую войну России с Наполеоном, и можно совсем забыть о колебаниях, вызвавших летом 1806 года сначала подписание мирного договора Убри, а затем отказ Александра ратифицировать этот договор. Уже чего бы верней и определенной: идут грозные битвы Наполеона с русской армией, прогремели Пултуск, Прейсиш-Эйлау, и больше сорока тысяч убитых и раненых с обеих сторон покрывают кровавое эйлауское поле. И вдруг Сенявину присылают из русской главной квартиры и притом без всяких пояснений нижеследующую переписку двух государей по поводу того, что царь прибыл к своей действующей против французов армии. «Я отправил генерала Савиньи к Вашему Императорскому Величеству,— писал Наполеон,— чтобы поздравить Вас с прибытием в армию, поручаю ему изъяснить Вашему Императорскому Величеству совершенное мое почтение и желание найти случай, который мог бы удовлетворить вас, сколь лестно для меня приобрести вашу дружбу. Примите оные, Ваше Величество, с той благостью, которой Вы отличаетесь, и почтите меня одним из тех, которые более всего желают быть угодными. Затем прошу Бога, да сохранит Он Ваше Императорское Величество под своим покровом. Наполеон».

А царь отвечает на это пущей любезностью: «Главе французского народа. Я получил с особой признательностью письмо, которое генерал Савиньи вручил мне, и поспешаю изъяснить вам совершенную мою благодарность. Я не имею другого желания, как видеть мир Европы, восстановленный на честных и справедливых правилах. Притом желаю иметь случай быть вам лично угодным. Примите в том уверение, равномерно как и в отличном моем к вам уважении. Александр».

Что же Сенявину должно делать? Ведь этот обмен такими очаровательными любезностями сообщается ему неспроста. И что произошло за те месяцы, пока ему на корабль доставили эти два загадочных для него документа? А вдруг поссорившиеся два царя нашли «случай быть угодными» друг другу и внезапно помирились? Ведь и зимой, в начале 1807 года, могло случиться то, что на самом деле случилось в июне того же 1807 года на неманском плоту у Тильзита.

Сенявин решил поступить так точно, как он поступил в августе 1806 года при получении известий о договоре, подписанном Убри: не обращая ни на что внимания, продолжать на свой страх и риск военные действия. Загадочная присылка ему любезнейшей пе-

¹ В. Броневский. Цит. соч., ч. III, стр. 101—103.

**Крейсеры «Африка» и «Вестник» при открытии памятника
в честь победы над англичанами и французами**

реписки двух императоров ничуть на него не повлияла тогда, в начале 1807 года.

На этот раз дело шло бесповоротно. Уже 15 июня царь приказал из Таурогена (Тавроги) послать Сенявину копию акта о перемирии с Наполеоном, а 28 июня 1807 года немедленно передал «выписку» из проекта трактата, непосредственно относящегося к действиям Сенявина.

К тексту Тильзитского договора 25 июня (7 июля) 1807 года были приложены «Отдельные и секретные статьи», особо, но в тот же день подписанные теми же лицами, которые подписали целиком и весь трактат: князем Александром Куракиным, князем Дмитрием Лобановым-Ростовским и князем Шарлем-Морисом Талейраном. Вот что гласят две первые роковые статьи этих «Отдельных и секретных» приложений: «Статья первая. Российские войска сдадут французским войскам землю, известную под именем Каттаро.

Статья вторая. Семь островов (Ионических — Е. Т.) поступят в полную собственность и обладание его величества императора Наполеона».

Период героической борьбы Ушакова и Сенявина с их моряками и солдатами, начатый первым из них в 1798 году и продолженный вторым в 1805—1807 годах, был завершен. Плоды замечательных побед на Средиземном и Адриатическом морях и берегах были ликвидированы на Немане не по вине доблестных русских моряков и солдат.

Грекам Ионических островов приходилось сразу же отказаться от дарованного им русскими самоуправления, от установленного Ушаковым и поддержанного его преемниками режима полного уважения к их национальной самобытности и перейти под железный скипетр всеевропейского диктатора, ни о каких самоуправлениях своих верноподданных никогда даже и не помышлявшего. А все свои экономические ин-

тересы его новые подданные должны были отныне подчиняться интересам французских купцов и промышленников. Что касается славян Адриатического побережья, сражавшихся под знаменами Сеньявина, то им приходилось довольствоваться обещанием Наполеона, сформулированным третьей из этих «Отдельных и секретных статей»: «Его Величество император французов, король италийский соглашается ни прямо, ни косвенно не подвергать взысканиям и не преследовать никого из подданных Блистательной Порты, и в особенности черногорцев, за какое бы то ни было участие во враждебных действиях против французских войск, лишь бы отныне они жили мирно»¹.

Царь повелевал Сеньявину вывести из Бокоти-Каттаро русские войска, так как отныне этот город и область переходят во власть Наполеона. Под его же власть переходят все Ионические острова. Затем царь писал адмиралу: «Наконец, в той статье помянутого трактата... вы усмотрите, что и самое пребывание в Архипелаге эскадры, начальству вашему вверенной, соделяется ненужным, французское правительство, приняв на себя попечение о восстановлении доброго согласия нашего с Портой, первые старания свои обратит к тому, чтоб истребовать согласия Порты на свободное возвращение черноморской нашей эскадры, ныне в Дарданеллах находящейся, опять в Черное море»². А пока не будет получено уведомление от французского посла Себастиани из Константинополя, что Porta разрешает проход русских судов из Архипелага в Черное море, Сеньявину предписывалось ждать у о. Корфу. Но, во всяком случае, туда должно отправить лишь часть эскадры. А самому Сеньявину повелевается с «остальной» эскадрой возвращаться в Балтийское море.

Тильзитский мир ставил Сеньявина в безвыходное положение. В этом рескрипте 28 июня 1807 года, в котором Александр извещает адмирала о крутом политическом перевороте, происшедшем в какие-нибудь несколько дней в Тильзите, царь не дает в сущности никаких точных инструкций: а что же делать с русской эскадрой, которая должна уйти из всех своих средиземноморских баз, которые она так доблестно удерживала целые годы, и должна отныне считаться с возможностью внезапного нападения на нее со стороны всемогущего на Средиземном море британского флота, потому что

англичане внезапно превратились из «друзей» и союзников в неприятелей. Ведь в Лондоне очень хорошо знали первую фразу, которую услышал Наполеон от Александра при встрече с ним на знаменитом неманском плоту у Тильзита: «Я ненавижу англичан так же, как вы, государь, и буду вашим секундантом в борьбе против них». Александр знал, что англичане могут быстро учесть новую, сложившуюся так внезапно, обстановку. «По неизвестности еще о распоряжениях лондонского двора при настоящей перемене обстоятельств, нахожу нужным поручить особенному вниманию вашему, чтобы на сем возвратном пути наблюдать надлежащую осторожность, дабы не подвергнуться какой-либо опасности со стороны английских морских сил»³. Так что же Сеньявину делать? А что хочет, то пусть и делает. Выпутываться из беды Александр Павлович предоставляет уже личной догадливости адмирала, не желая дальше возиться с этими неприятностями: «Не находя возможный снабдить вас теперь по сему предмету точными и обстоятельными наставлениями, я уверен совершенно, что во всех случаях будете вы руководствоваться теми же правилами благоразумия и мужества, коих вы уже дали столько опытов»⁴.

Тильзитский договор открывал перед Сеньявиным перспективу внезапного нападения со стороны англичан, при этом рассчитывать на помощь со стороны новоявленного французского союзника не приходилось. Всемогущий на континенте Европы, Наполеон был очень слаб на морях. «Ограничусь только уведомить вас, — писал Александр Сеньявину, — что ежели бы усмотрели вы надобность войти в какой-либо порт, для починки ли кораблей, или для снабжения эскадры свежими припасами, то как в Кадиксе, Тулоне и Бресте, так и в других гишпанских портах, найдете вы всякое пособие, какое мы ныне ожидать можем от правительств французского и гишпанского»⁵.

Плоха была надежда добраться благополучно в эти блокируемые англичанами порты. Еще есть надежда, но совсем уж слабая, на добрые дружеские услуги французского посла в Константинополе, генерала Себастиани, который хлопочет о «восстановлении» добрососедских отношений между Россией и Портой и о пропуске русских судов через Дарданеллы и Босфор в Черное море...

Тотчас после получения известий о подготовке мира в Тильзите британское адмиралтейство

¹ Ф. Мартенс. Собрание трактатов и конвенций, т. XIII. СПб., 1902, № 493, стр. 319—321.

² АВПР, ф. Канцелярия МИД, 1807, д. 1907, л. 14—15 об.

³ Там же, л. 16 об.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

отправило в Архипелаг эскадру из четырех мощных кораблей, двух фрегатов и брига. Этот поступок англичан был вполне понятен: пока против турок боролась эскадра Сенявина, представлялось лишним тратить английские средства и людей, и поэтому Дакуорту приказано было уйти из Архипелага после его неудачи в проливах, но раз теперь, в июле, русские неожиданно заключили мир с Наполеоном, и, очевидно, воевать с турками не будут, остается сменить их уже собственными морскими силами.

В крайне деликатном, а точнее, в довольно опасном положении оказался русский адмирал, когда 29 июня к острову Тенедос явился лорд Коллингвуд. Как быть с англичанином? Конечно, 28 июня на Мраморном море еще никто не мог знать (и не знал) о том, что за двое суток до того, 26 июня, в Тильзите был подписан договор не только о мире, но и о тесном военном союзе между императорами Александром и Наполеоном. Но о победе под Фридрихсландом 2 июня уже знали, о первом свидании императоров на неманском плоту тоже уже знали... Слухи о крутой перемене курса политики уже несколько дней ползли по Европе, и в Константинополе султан и диван были этим очень взволнованы.

Вот в это-то время и произошла встреча Сенявина с Коллингвудом.

В течение всего июля оба адмирала делали друг перед другом вид, будто все осталось по-прежнему и будто они не знают о первой фразе Александра, сказанной на неманском плоту. Коллингвуд предложил Сенявину произвести совместную разведку состояния турецкой эскадры после Афонского боя. Сенявин согласился. Но до выполнения этого решения дело не дошло, 12 августа Сенявин получил уже официально высочайшее повеление прекратить немедленно все враждебные действия против турок.

В сущности это было уже второе по счету повеление Александра. Еще когда шли предварительные переговоры в Тильзите, царь уведомлял Сенявина, что между Россией и Францией уже «положено, чтобы на первый случай пресечь военные действия против турок впредь до сближения между нами и Портой». Потому, писал царь Сенявину, «предписываю вам с получением сего рескрипта воздержаться от всяких наступательных действий против турецких областей и их флота, сохраняя, однако же, позицию, ныне вами занимаемую»¹.

Этот рескрипт был послан Сенявину из Тильзита 16 июня, но получил он его с запозданием, уже после того, как разбил турок у Афонской го-

ры. С этим документом он ознакомился почти тогда же, когда получил уже и формальное известие о заключении мирного договора между двумя императорами.

Итак, Сенявину оставалось лишь заключить формально перемирие с турками и уходить из Архипелага, предоставив пришедшим англичанам продолжать войну. Но оказалось, что все это сложнее и труднее. На эскадре Сенявина находился давно уже прибывший полковник Поццоди-Борго, на которого была еще задолго до Тильзита возложена миссия заключения мира с Турцией, но диван тянул дело и не отвечал ему. Поэтому Сенявин и подавно ничего тут поделать не мог, о чем он и уведомил царя. Покидая Тенедос, адмирал решил предварительно разрушить все его укрепления именно потому, что формально перемирия не было. С 12 июля по 24 июля тысяча человек были заняты этим делом.

25 июля 1807 года Сенявин получил царское повеление сдать провинцию и город Боко-ди-Каттаро французам. Эвакуация русских сил, как сухопутных, так и морских, из Боко-ди-Каттаро была закончена к 14 августа. Они направились в Венецию, а затем часть их — в Триест. Только Тильзитский мир дал Наполеону эту территорию, которую Сенявин удерживал в своих руках больше года и которую французы после нанесенного им осенью 1806 года поражения уже и не пытались отнять у русских силой.

Черногория осталась свободной, и французское правительство, признав черногорцев «российскими подданными», обязалось не препятствовать полной свободе торговых сношений черногорцев с Боко-ди-Каттаро.

Жители Ионических островов, и в частности острова Корфу, с большой тревогой отнеслись к внезапной передаче их Наполеону. Русских провожали, по единодушным отзывам, с большим горем. Французы быстро свели к нулю дарованное еще Ф. Ф. Ушаковым самоуправление, которое даже в таких совсем «умеренных» дозах было несовместимо с режимом первой империи, а кроме того, морская торговля становилась почти немыслимой из-за английских нападений на новых невольных подданных Наполеона. Вот документ, рисующий последние дни пребывания русских на Корфу:

«Лиссабон. 1807 года, ноября 6-го. Моги ли ты представить, откуда получишь мое письмо? Мы в столице Португалии, а не в России, куда все наше желание стремилось... Буря заставляла сюда укрыться, и мы здесь простоим довольно долго. Ты знал, что мы еще были в Корфу, занятом уже

¹ АВПР, ф. Канцелярия МИД, 1807, д. 5028, л. 82.

французами, с которыми жили не поприятельски: почти 3 года у нас была война с ними, — трудно скоро себя переломить. Несчастливая кампания в Пруссии возвысила французов, но храбрость наших войск заставила их нас уважать. Несносное хвастовство французских офицеров, не бывших в Пруссии и оставшихся в Италии, который составляют теперь здешний гарнизон, до того довело, что были беспрерывные дуэли, и съехать на берег почти всегда влекло к какой-нибудь неприятной истории. То желание было общее — скорее оставить Корфу. Шесть пехотных полков, находившихся в Далмации и на Ионических островах, на купеческих судах перевезены в Венецию. Наш Архипелагский отряд отправился в Россию, и всем кораблям Балтийского флота также велено идти в Россию. 19 сентября оставили навсегда Корфу и с большим сожалением»¹.

Через сорок без малого лет после пребывания Сенявина на Ионических островах местное население поминало его с самой теплой благодарностью. Вот что рассказывает в своих «Воспоминаниях русского моряка» Сушков, посетивший остров Занте в 1841 году: «О ком говорили с заметным оживлением и всех расспрашивали приезжавшие толпы? Кого благословляют здешние народы, рассказывая детям о его временах, о их благоденствии... под управлением адмирала Сенявина. Здесь все знают, помнят и глубоко уважают Дмитрия Николаевича. Любопытный разговор наших гостей был о нем; они не говорили о его воинской славе или морской известности, нет, они рассказывали о нем самом, как о человеке без блеска и титула. Говорили, как он был строг и вместе с тем входил в малейшие нужды жителей, всякого сам утешал, каждому помогал, и его любили больше, нежели боялись. В какой дисциплине держал он своих и чужих, — но любил, чтобы все, его окружающие, были им довольны и всегда веселы, сам изобретал удовольствия, давал пиры, и все уважали его не на словах, а действительно, как отца-командира». И, конечно, у населения навсегда осталось в памяти, с каким неподдельным горем, с какой растерянностью принято было известие (абсолютно неожиданное) о Тильзитском договоре, отдавшем Ионические острова в руки Наполеона. Сам русский адмирал должен был успокаивать («усмирять») взволнованных его отъездом жителей: «Как это неожиданное известие всех поразило! Не хотели этому верить, но адмирал Сенявин усмирил их, и весь народ со слезами провожал его. И теперь, при этом рассказе, у некоторых навертывались слезы. Зантионцы желали знать все подробности об адмирале: когда он умер? Где похоронен? Какой сделан памятник? Остались ли у него дети? Необыкновенно отрадно было нам слышать искреннее участие и уважение иностранцев к человеку, уже давно успокоившемуся от неправильного волнения света, но славой которого всегда будет украшаться наш флот, а имя Сенявина долго будет заставлять биться от восторга сердца русских моряков»².

Центральный военно-исторический архив сохранил очень любопытный документ, хорошо показывающий, какую память о себе оставил в греческом народе славный русский адмирал. В разгаре героического освободительного движения против турок в мае 1821 года в Петербург прибыл греческий гетерист Булгари. Будучи в Петербурге, он получил письмо «за подписанием многих греков, в коем просили они адмирала Сенявина для командования их флотом». Булгари отвез это письмо графу Милорадовичу³. Милорадович никакого дальнейшего хода коллективной просьбе греческих повстанцев тогда не дал, конечно, и дать не мог. Интересно отметить, что и албанцы, которые в год прибытия Ушакова на Ионические острова относились к русским враждебно, теперь, при расставании с эскадрой Сенявина, обнаружили очень дружелюбные чувства. «Не могу умолчать, чтоб не упомянуть о благородном поступке храбрых суллиотов и албанцев, бывших на нашей службе. По занятии французами Корфу они не хотели иначе согласиться на лестные предложения Бертье вступить на службу Наполеона, как по uznанию, что они более нам не нужны, и на условии, чтобы не быть никогда употребленным против русских», — вспоминает очевидец Павел Свиныйн⁴.

¹ П. И. Панафидин. Цит. соч., стр. 75—76.

² Морской сборник, т. XIX, № 12, стр. 266—267. Ан. Арцимович. Материалы для истории русского флота. Адмирал Д. Н. Сенявин.

³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 873, л. 41.

⁴ П. Свиныйн. Цит. соч., ч. II, стр. 238.

*Соппротивление Сенявина требованиям Наполеона.
Дипломатическая борьба Сенявина
с Жюно — герцогом д'Абрантесом в Лиссабоне.
Появление англичан на рейде*

Страшная буря, чуть не потопившая в океане часть эскадры Сенявина, пригнала ее к португальским берегам.

Но, спасшись от бури морской, наш адмирал попал в жестокую бурю политическую. Завоевание Пиренейского полуострова было решено Наполеоном уже вскоре после Тильзита. Но начаться дело должно было с Португалии. Сохраняя пока мирные отношения с мадридским двором, Наполеон послал войско через испанские владения прямо на Лиссабон, под предлогом необходимости прервать немедленно торговлю Португалии с Англией. Уже 4 сентября 1807 года русский представитель в Лиссабоне Дубачевский уведомил русского министра иностранных дел Будберга, что принц-регент «с твердостью» противится требованию Наполеона о допущении французов в Лиссабон, что жители португальской столицы «в отчаянии», так как ждут не только наполеоновских солдат с суши, но и англичан с моря и боятся, что англичане разрушат Лиссабон, как они незадолго до того разрушили часть Копенгагена, когда Дания передалась на сторону Наполеона¹.

Таково было положение, когда гонимая штормом эскадра Сенявина 3 ноября вошла в устье Тахо, а 11 ноября продвинулась к Лиссабону, чтобы укрыться от продолжавшихся штормов.

Редко какому русскому адмиралу приходилось оказываться в таком сложном, затруднительном и опасном положении, как Сенявину в наступившие для него времена лиссабонского сидения. Спустя две недели после его прибытия, 17 ноября, ему пришлось разом узнать две новости. Во-первых, португальская эскадра ушла из Лиссабона, увозя в Бразилию (тогда португальскую колонию) португальского принца-регента, королевскую семью и правительство, которые бежали от французского генерала Жюно, шедшего на Лиссабон. Во-вторых, оказалось, что если французы приближались к Лиссабону с суши, то англичане подходили к нему с моря и даже дали о том знать Сенявину самым недвусмысленным и неприятным способом: они не пропустили в Лиссабон шедший на присоединение к Сенявину русский шлюп «Шпицберген». Англичане блокировали Лиссабон с моря с момента бегства королевской семьи.

К концу ноября 1807 года Португалия уже была оккупирована французами, и генерал Жюно, получивший титул герцога д'Абрантеса, вошел в Лиссабон и поднял французские флаги 1 декабря 1807 года в городе и в порту. Сенявин оказался меж двух огней. Англичане, имевшие в своем распоряжении десять больших линейных кораблей и несколько судов поменьше, могли расстрелять русскую эскадру без особых усилий и потерь, если бы Сенявин обнаружил какие-либо враждебные против британских судов намерения. Генерал Жюно также мог с еще меньшими усилиями расстрелять сенявинские суда с суши, так как в его распоряжении была большая армия, обильно снабженная артиллерией, если бы Сенявин обнаружил слишком явное желание оставаться в мирных отношениях с блокировавшим Лиссабон британским адмиралом Коттоном. Да и как противиться воле царя, категорически приказавшего Сенявину сообразоваться во всем с волею нового «союзника» России, императора Наполеона I? Как не считаться с октябрьской декларацией Александра о разрыве сношений между Россией и Англией? Сенявин вполне учитывал чудовищную трудность положения, в которое поставила его зигзагообразная дипломатия переживаемого момента. Нужно было или спасти русскую эскадру от неминуемой гибели, нарушить прямую волю двух союзных императоров и идти за это под военный суд, или беспрекословно подчиниться царскому приказу и превратиться в покорное, нерассуждающее орудие интересов и соображений французского императора и его наместника генерала Жюно.

В этом, казалось, безвыходном положении Сенявин обнаружил столько ума, осторожности, дипломатической тонкости, что вполне сумел добиться успеха, и жестокая альтер-

¹ АВПР, ф. Канцелярия МИД, 1807, л. 38.

А.Д. Кившенко.

Наполеон и Александр I на свидании в Тильзите

натива — либо погубить эскадру, либо погубить себя самого — была обойдена.

Сенявин понял, что прежде всего именно французский главнокомандующий генерал Жюно, занявший Лиссабон, будет всячески стараться, выполняя волю Наполеона, окончательно рассорить Россию с Англией и для этого пожелает втравить Сенявина в англо-французскую войну. Дело в том, что, несмотря на «разрыв» с англичанами, Александр вовсе не желал после Тильзита фактически воевать с англичанами, а Наполеон именно поэтому делал все от него зависящее, чтобы положить конец этой раздражавшей его двусмысленности. Сенявин все это отлично понял и после первого же свидания с Жюно доносил царю: «Из некоторых слов, сказанных им (Жюно — Е. Т.) на сем свидании, могя, однако ж, приметить, что французское правительство стараться будет не упустить случая, который представляет пребывание здесь эскадры

Вашего Императорского Величества, для умножения сомнений английского правительства насчет намерений Вашего Императорского Величества, и многие из находящихся здесь французских морских офицеров явно отзываются, что будут определены на эскадре, мне вверенной, на место состоящих на оной офицеров из природных англичан». Сенявин, естественно, был «в некотором затруднении касательно поведения» в этом труднейшем случае¹. Он испрашивал у царя инструкций, которых так и не дождался. Но тут тоже, как и всегда, он нашел выход сам.

Прежде всего русскому адмиралу приходилось считаться с опаснейшим противником — Наполеоном.

Впервые Наполеон упоминает имя Сенявина в письме к своему временно командированному в Петербург представителю генералу Савари 8 октября 1807 года.

¹ ЦГАВМФ, ф. департамента Морского министерства по эскадре Сенявина, д. 579, л. 15—19.

Под свежим еще впечатлением тильзитских событий Наполеон отдал приказ о том, чтобы «припасы, деньги, жалованье», — словом, все, что нужно, было бы «в изобилии» доставлено русским войскам, находящимся в Боко-ди-Каттаро. «Я приказал, чтобы в Кадисе, в Тулоне, в Голландии русские эскадры, туда приходящие, были снабжены всем». И он ждет известий о приходе Сенявина в Кадис¹.

Во второй раз упоминает Наполеон имя Сенявина в письме к своему брату, королю неаполитанскому Иосифу Бонапарту, и упоминает с неудовольствием: «Брат мой, я получил письма, помеченные 20 сентября, от генерала Сэзара Бержье. Его корреспонденция неудовлетворительна. О русской эскадре он мне говорит только по поводу поведения адмирала Сенявина, которое дает ему повод к жалобам. Но он не говорит ни о числе кораблей и фрегатов, ни о количестве войск, которые у русских на Корфу»².

Не очень был доволен император и тем, что Сенявин не хотел покидать Ионические острова.

Французы начали понимать, что именно Сенявин и никто другой противился участию русской эскадры в военных действиях против англичан еще раньше, чем было получено в Париже донесение от Жюно.

Наполеон далеко не сразу учуял в Сенявине противника и тайного недоброжелателя франко-русского союза. Он хотел, чтобы русский адмирал отныне получал приказы не из Петербурга, а из Парижа, от русского посла в Париже графа Толстого, который просто пересылал бы Сенявину приказы французского императора. «Эскадра адмирала Сенявина прибыла в Лиссабон, — сообщает Наполеон Александру 7 декабря 1807 года. — К счастью, мои войска уже должны там теперь находиться. Было бы хорошо, если бы Ваше Величество уполномочили графа Толстого иметь власть над этой эскадрой и над ее войсками, чтобы в случае необходимости можно было бы пустить их в ход, не ожидая прямых указаний из Петербурга. Я думаю также, что эта непосредственная власть посла Вашего Величества имела бы хорошее воздействие в том отношении, что положила бы конец недоверию, которое иногда проявляют командиры к чувствам Франции»³.

Борьба против Жюно за спасение русской эскадры от вынужденного боя с англичанами ста-

новила для Сенявина все труднее. Что он мог поделать против такой, например, инструкции, обязательной для всех русских военнослужащих, которую получил к сведению и исполнению в начале 1808 года. Дубачевский, русский представитель в Лиссабоне: «В отношении правительства, которое в Португалии существовать будет, нужно, чтобы поступки ваши во всем соответствовали тому дружескому расположению, в каком ныне пребывает Россия с Францией»⁴.

Наконец, 1 марта 1808 г. последовал царский указ трем командующим русскими Морскими силами, находившимися в чужих краях, в том числе и Сенявину: «Признавая полезным для благоуспешности общего дела и для нанесения явщего вреда неприятелю предоставить находящиеся вне России морские силы наши распоряжению его величества императора французов, я повелеваю вам согласно сему учредить все действия и движения вверенной начальству вашему эскадры, чиня неукоснительно точнейшие исполнения по всем предписаниям, какие от его величества императора Наполеона посылаемы вам будут»⁵.

Одновременно этот указ Александра был пропущен Коленкуру, наполеоновскому послу в Петербурге⁶. Таким образом, как Сенявин, так и Жюно были разными путями, но почти одновременно извещены в Лиссабоне о том, что отныне Сенявин обязан беспрекословно выполнять волю французского императора, сообщаемую ему через португальского генерал-губернатора генерала Жюно. И притом требовалось особым предписанием канцлера Н. П. Румянцева «дружественное с доверенностью обхождение российских императорских послов, министров и других в чужих краях агентов с французскими такого же качества особами...»⁷.

Лично генерал Жюно, герцог д'Абрантес, был, как выражались русские морские офицеры, человек «добродушный и пышный». Наполеон относился к нему благосклонно, как к товарищу по военной школе, верил в его преданность, но не весьма ценил его воинские таланты. Поручение относительно оккупации Португалии Жюно выполнил с успехом, страна была «оккупирована» в том же примерно роде, как следует понимать это слово вообще, когда мы говорим о «завоевании» Наполеоном Пиренейского полуострова. Города в Испании покорялись, хоть далеко и не все, некоторые оказывали самое яростное со-

¹ Correspondance de Napoléon, t. XVI. P., 1864, p. 75.

² Там же, стр. 78.

³ Там же, стр. 186—187.

⁴ АВГР, ф. Канцелярия МИД, 1808, д. 6660, л. 2.

⁵ ЦГАВМФ, ф. департамента Морского министерства по эскадре Сенявина, д. 579, л. 52—53.

⁶ Там же, л. 50 об.

⁷ АВГР, ф. Канцелярия МИД, д. 6658, л. 32.

противление. Но в деревнях французов не было видно. В Португалии дело пошло сначала легче и проще, чем потом в Испании. Внезапность французского наступления, лживые посулы Наполеона, спокойствие в Испании (которую до поры до времени, вплоть до весны 1808 года, еще не трогал завоеватель) — все это как-то сбilo с толку португальское население, и оно покорилося в конце 1807 года, не оказав сопротивления. Но прошло несколько месяцев, и положение изменилось. Начавшаяся народная война испанцев против владычества Наполеона резко ухудшила положение генерала Жюно и его армии в Португалии. Ухудшило положение оккупантов и активное выступление англичан, усмотревших в Лиссабоне и в Португалии вообще долгожданный плацдарм для высадки больших десантов на Пиренейском полуострове. Справиться со всеми этими трудностями круто изменившейся политической и стратегической обстановки «пышный» герцог д'Абрантес был не в состоянии.

Отношения Сенявина с французами стали очень напряженными. Миновали времена, когда можно было отделяться любезностями и символическими дружественными жестами, когда Жюно со всей свитой обедал на корабле у Сенявина, а Сенявин со свитой бывал у Жюно, когда за этими обедами при громе оркестра провозглашались тосты за здоровье Александра и Наполеона, когда в день именин Наполеона гремели приветственные залпы со всех русских кораблей и т. п. Приближались дни, когда нужно было ждать прямого нападения непрерывно высаживавшихся английских морских и сухопутных сил на французов в Лиссабоне и во всей Португалии. Жюно хотел во что бы то ни стало втянуть в борьбу русских, заставить Сенявина принять активное участие в англо-французской войне.

Весьма понятно, зачем этого так хотелось и Наполеону, и его наместнику. Ведь 1808 год был годом Эрфуртского свидания обоих императоров, годом, когда Наполеону во что бы то ни стало нужно было демонстрировать перед всей Европой необычайную будто бы прочность и искренность франко-русского союза, заключенного в Тильзите. Народная война против Наполеона в соседней Испании принимала все более острые формы. Из Вены шпионы доносили французскому императору о деятельности вооружениях в Австрии. При этих условиях Наполеон никак не мог дать герцогу д'Абрантесу достаточно сил, чтобы удержать Португалию в своей власти. Для Наполеона не так важна была помощь нескольких тысяч русских в Лисса-

боне, как первое после Тильзита совместное военное выступление русских и французов против Англии на главах всей Европы. Прямое участие Сенявина в борьбе против английского десанта и английских морских сил в Португалии могло бы стать многозначительным предостережением для австрийцев, которые, готовясь к новой войне против Наполеона, были убеждены, что русские против них ни за что не выступят и что франко-русский союз — дело платоническое, а не реальное.

Вот почему нажим на Сенявина со стороны герцога д'Абрантеса усиливался со дня на день. Но тут коса нашла на камень. Погубить свою эскадру для того, чтобы произвести угодную Наполеону политическую демонстрацию, русский адмирал не пожелал. Не для того он и его моряки и солдаты упорно сражались в 1806—1807 годах, вплоть до Тильзитского мира, чтобы вдруг, ни с того ни с сего, отдать свои корабли и свою жизнь для поддержки этих же французских захватчиков в Португалии.

В течение всей зимы, весны и лета Наполеону приходилось с раздражением констатировать, что русское сопротивление, прекратившееся, казалось бы, в Тильзите, продолжается хоть и в пассивной форме, но упорно в двух местах: непосредственно — в Лиссабоне со стороны адмирала Сенявина и косвенно — в тех местах, где перед этим тот же Сенявин воевал против него, именно со стороны Черной Горы.

«Господин генерал Мармон, я получил ваше донесение с отчетом о положении. Как это случается, что вы мне никогда не говорите о черногорцах? Не следует (по отношению к ним) проявлять резкий характер. Следует послать к ним агентов и склонить на вашу сторону вождей этой страны», — писал Наполеон 9 февраля 1808 года¹.

Немудрено, что Мармон ничего не говорил императору о черногорцах. А что ему было говорить о них? Черногорцы не желали покоряться Наполеону, владыка Петр определенно заявлял, что он, повинувшись желанию скупщины, может отвечать на все предложения дружбы и покровительства со стороны императора французов, только узнав мнение Петербурга. Владыка мотивировал свое решение тем, что Черногории лучше иметь далекого патрона и покровителя — Россию, чем слишком близкого и могущественного — Наполеона, короля Италии и восточного Далмации и Боко-ди-Каттаро. «Император в это время (1808 год) придавал большую ценность тому, чтобы добиться

¹ Mémoires du maréchal duc de Raguse, t. III, p. 160.

Бой брига «Александр» с пятью канонерскими лодками 17 декабря 1806 г. у острова Браццо

подчинения черногорцев. Мы были с ними в мире и в хороших отношениях, но они не отказались от своей независимости. Император, правда, не требовал, чтобы они стали его подданными, как далматинцы, но он хотел получить от них акт, в котором они бы просили о его покровительстве», — вспоминает Мармон. И подарки богатые были заготовлены для владыки, и ласково с ним говорили, — но ровно ничего не вышло. Черногорцы не верили Наполеону, и хотя он был в это время в союзе с Россией, на Балканском полуострове мало кто верил в прочность и искренность этого союза. Зато черногорцы предлагали Наполеону хоть сейчас помощь, если он будет воевать с турками. А как он мог воевать с турками, если сам в это время тайно подстрекал их всеми мерами продолжать бесконечно затянувшуюся войну против русских? Ни подарки, ни угрозы, ни увещания — ничто не помогло. Черногорцы остались верными друзьями России, несмотря на все домогательства страшного соседа.

Но если русские союзники черногорцы обнаруживали упорство, то уж на повиновение русского адмирала Наполеон считал себя вправе вполне рассчитывать. И действительно могло

казаться, что Сенявин в точности выполнит прямое повеление Александра и будет беспрекословно повиноваться французскому императору. Сенявин даже служебный рапорт послал в Париж. В рапорте, правда, он только доносил о неполной боевой ценности своих кораблей.

В эти первые месяцы тильзитского союза Наполеон охотно распространял самые преувеличенные слухи о том, будто русские вооруженные силы, по соглашению с Александром, состоят в распоряжении французов.

Получив рапорт Сенявина от 21 апреля 1808 года, посланный в Париж согласно приказу Александра, Наполеон дал Сенявину несколько распоряжений, из коих ни одно не было исполнено. Он приказывал Сенявину быть всегда в полной готовности выйти в море и поэтому «держат экипаж настороже». Затем, усмотрев из рапорта Сенявина, что корабль «Св. Рафаил» не вполне укомплектован, Наполеон, совсем уже по-хозяйски, приказывал Сенявину, снесясь для этого с Жюно, получить для нужного комплекта находившихся в Лиссабоне шведских, гамбургских и других иностранных матросов. Император полагал, что Сенявин имеет должное количество ядер и пороха,

а также всего, что нужно для плавания. Если нет, то пусть запасется всем нужным в Лиссабоне¹.

Обо всем этом Наполеон написал Сенявину 10 мая 1808 года из Байонны. В тот же день он сообщил Жюно о полученном от Сенявина докладе. «Эта эскадра поставлена под мою власть русским императором», — напоминает он и рекомендует произвести кое-какой обмен судов между русской и французской эскадрами и даже намечает уже два судна из эскадры Сенявина².

Это распоряжение точно так же не имело последствий. Совсем не так все складывалось в Лиссабоне, как это казалось. Наполеону из Байонны, где он именно в это время арестовал испанскую королевскую семью, посадил на испанский престол своего брата Иосифа, переведя его с престола неаполитанского, и где ему казалось, что невозможных вещей для него уже не существует.

До конца мая 1808 года Наполеон не перестает создавать себе иллюзии об использовании сенявинской эскадры против англичан. «Адмирал Сенявин нуждается в двух фрегатах; я мог бы дать ему один или два и мог бы дать ему еще малые суда, а в обмен взять у него другие малые суда, которые у него есть в Венеции, и даже турецкий корабль «Соул-эль-Бахр» в 80 пушек. Доложите мне об этом судне, может ли оно нам пригодиться для чего-нибудь».

И дальше император предлагает морскому министру направить этот корабль и русский фрегат «Легкий» в Анкону и требует от Жюно прислать точные сведения «о каждом корабле отдельно», о русском флоте, находящемся в Адриатическом море, либо в Триесте, либо в Венеции. «Напишите русским, чтобы они не дали англичанам заблокировать (их эскадру) фрегатами и чтобы они, держа свои суда в готовности к снятию с якоря, заставили англичан удерживать свои суда на рейде»³.

31 мая 1808 года Наполеон написал и в Лиссабон генералу Жюно. В этом письме император предлагал, чтобы два русских корабля, находившихся в Адриатическом море, также пришли в Лиссабон для пополнения экипажей Сенявина. «Я соглашаюсь, чтобы вы заключили конвенцию с адмиралом Сенявиным: вы ему уступите хороший португальский фрегат в сорок пушек и один бриг, а он мне уступит в обмен хороший фрегат и хороший бриг своей эскадры из тех, которые находятся в Триесте или в Венеции»⁴.

Но Сенявин отклонил и эту сделку и предложение о присоединении к его эскадре французского корабля (бывшего турецкого «Соул-эль-Бахр»). Он не хотел связываться и обязываться. Наполеон этого не понял. «Я ничего не имею против того, что русский адмирал не захотел моего корабля. Может быть, он предпочтет фрегат. Тогда у него будет достаточно команды, чтобы вооружить его, не ослабляя своих экипажей». Сенявин, желая отвязаться от этого предложения, потребовал два корабля, рассчитывая на отказ. Наполеон, однако, согласился и даже предложил три фрегата⁵.

Сенявин не взял ни трех, ни двух, ни одного фрегата.

16 июня (1808 года) герцог д'Абрантес — он же генерал Жюно — посетил Сенявина и сообщил, «будто узнал он достоверно, что англичане предположили непременно истребить русскую эскадру, в Лиссабоне пребывающую, но, сберегая свои морские силы, намерены сделать десант на южный берег реки Таго», соединиться там с непокорившимися португальцами, подождать испанцев и, «выстроив в удобных местах сильные укрепления, огнестрельными снарядами сжечь эскадру». А поэтому Жюно предложил Сенявину высадить на берег русских солдат и присоединить их к французам.

Но Жюно был едва ли не самым посредственным дипломатом среди французских генералов, а Дмитрий Николаевич был, после Ушакова, талантливейшим дипломатом среди русских адмиралов, и не таков он был, чтобы поддаться на простодушные хитрости «дюка» (герцога) д'Абрантеса. Сенявин уже успел запастись нужными сведениями. «Перед сим посещением дюка за несколько дней имел я верное сведение, что Гишпания сделалась явным неприятелем Франции, и оружие гишпанское имело уже верх в нескольких случаях, между тем северные провинции Португалии начали уклоняться от власти французов... и самое настоятельное требование дюка, чтобы усилить его солдатами, удостоверяли меня в слабом положении войск французских в Португалии. Я, будучи в таком затруднительном положении, рассуждал: если принять мне сторону французов и тем оказать себя явно участвовавшим в неприязненных мерах противу португальцев, англичан и гишпанцев, не останется для меня никакого средства спасти эскадру Вашего Императорского Величества от власти

¹ Correspondance de Napoléon, t. XVII. P., 1865, p. 83—84.

² Там же.

³ Там же, стр. 245.

⁴ Там же, стр. 245—246.

⁵ Там же, стр. 262.

сих союзных народов...» Так объясняет Сенявин в донесении царю свой образ действий. Что было делать? Бушевавший пожар испанской народной войны против Наполеона не давал Сенявину никакой надежды добраться вовремя со своими донесениями до Мадрида, где находился русский посол Строганов, или до Парижа, где был граф Толстой, и получить четкую инструкцию от министерства иностранных дел. Приходилось ни на кого не надеясь, не ожидая приказов свыше, действовать на собственный страх и риск и принимать ответственные решения. Адмирал Сенявин крайне неприязненно относился к Тильзитскому миру и внезапной «дружбе» России с Наполеоном. Будущий партизан Денис Давыдов в своих воспоминаниях говорил, что уже в Тильзите между русскими и французами стоял призрак двенадцатого года «со штыком по дуло в крови», и он был далеко не одинок в этих своих настроениях. Сенявин не хуже Дениса Давыдова чувствовал всю фальшь и опасность положения, всю шаткость, ненадежность, искусственность создавшейся политической ситуации. Полезно ли для России, чтобы Наполеон окончательно сломил испанскую и португальскую народную войну? Сенявин был убежден, что союз Наполеона с Александром является непрочным, и отказал Жюно в помощи.

Это решение, помимо всего, спасало русскую эскадру от опасности немедленного английского нападения. Целых три часа герцог д'Абрантес старался уломать Сенявина, который ласково, но непреклонно отказывал «союзнику» в вооруженной помощи. В 9 часов утра началось свидание, а «пополудни дюк прекратил разговор и, откланиваясь, предлагал мне денег для надобности по эскадре, хотя об оных никогда я речи не имел...» Но и этот «аргумент» не подействовал.

Жюно, герцог д'Абрантес, не нуждался в императорских приказах. Он уже неоднократно делал в разговорах с Сенявиным настоячивые напоминания о необходимости русского выступления против английского флота, блокирующего Лиссабон. Но Дмитрий Николаевич не соглашался или отмалчивался. Тогда Жюно стал уже на путь формальных требований. 3 июля 1808 года Сенявин получил большое официальное письмо. «Господин адмирал,— писал Жюно,— в трудных обстоятельствах, в которых я нахожусь и которые проистекают, в частности, из необходимости защищать эскадру его величества русского императора, я думаю, что наш взаимный долг, как и интерес наших государей, заключается в том, чтобы согласиться о возмож-

ных средствах взаимной помощи». И французский генерал внушительно напоминает о своих устных предложениях. Пусть Сенявин высадит на левом берегу реки Тахо десант для охраны от англичан. «Колоссальный эффект, который произвела бы эта мера, был бы неисчислимым (incalculable)»,— подчеркивает Жюно. Это-то Сенявин и без него знал: конечно, фактическая война России против Англии была бы этим действием Сенявина начата. Но именно этого-то и не хотел русский адмирал, несколько не желавший отождествлять, несмотря на Тильзит, интересы Наполеона с интересами России.

Дальше Жюно с обезоруживающей откровенностью поясняет, почему требуется, чтобы Сенявин произвел действие, «достойное его талантов и храбрости его экипажа», и напал на блокирующую Лиссабон британскую эскадру. Дело в том, что сейчас эта эскадра слаба, потому что от нее отделилось много кораблей для прикрытия высаживаемых англичанами десантов в разных пунктах португальского побережья. Так вот, если Сенявин нападет на оставшуюся у Лиссабона английскую эскадру, то англичане сейчас же призовут к себе обратно все отделенные ими корабли, и французам легче будет бороться с высаживаемыми десантами.

А что произойдет с русскими кораблями, когда английская эскадра снова усилится,— это генерала Жюно, конечно, не особенно интересовало. «Вы понимаете, господин адмирал, как важно, с точки зрения интересов наших обоих могущественных государей, чтобы мы действовали согласно и чтобы мы вполне точно условились о направлении вверенных нам сил»,— с чувством пишет Жюно в конце своего письма¹.

Сенявин ответил немедленно, как о том настойчиво просил Жюно. Адмирал прежде всего спешит уверить француза, что он прекрасно понимает свой долг, повелевающий ему беспрекословно повиноваться императору Наполеону, в полное распоряжение которого император Александр представил русскую эскадру. Но, к прискорбию, он никак не может выполнить просьбы Жюно. Во-первых, если он высадит десант на левом берегу Тахо, то ведь ему придется сражаться не только против англичан, но и против португальских бунтовщиков (восставших против Наполеона — Е. Т.), а между тем он уполномочен сражаться исключительно против англичан, но не воротив лиц другой национальности. Во-вторых, он считает, что выгоднее для интересов обоих союзных монархов не нападать на английскую эскадру, а стоять на месте.

¹ АВПР. ф. Канцелярия МИД, 1808, д. 5191, л. 30—31.

Вообще же он, Сенявин, очень ценит любезность и доброту его превосходительства, но: «мой долг делать все возможные усилия собственными средствами, которые имеют целью сохранение эскадры, интерес и славу моего августейшего государя и моего отечества»¹.

Жюно обозлился. Писать немедленно снова не имело смысла. Но положение французов становилось все более и более критическим, англичане высадили армию и усилили блокирующую эскадру. 26 июля Жюно явился самолично на корабль «Твердый», на котором был флаг Сенявина, и снова убеждал его выступить против англичан. Адмирал остался непоколебим.

Спустя два дня, 28 июля, Сенявин получил от герцога д'Абрантеса новое письмо: «Господин адмирал,— писал Жюно,— так как положение, в котором я нахожусь, делается день ото дня все затруднительнее, то я считаю своим долгом и делом своей чести узнать положительно (positivement) ваши намерения, и могу ли я надеяться получить от вас какую-либо помощь. Это — мой долг, так как император, мой повелитель, считает, что значительная эскадра, которую русский император предоставил в его распоряжение, непременно обязана в таких критических обстоятельствах всеми средствами помогать его сухопутной армии так же, как сухопутная армия должна помогать эскадре... И это дело моей чести, так как если исход сражения не будет для меня благоприятен, то к моим силам прибавятся, естественно, те, которые предложит союзная эскадра, имеющая девять кораблей...»

Это Жюно говорил о предстоящем своем сражении с высадившимися в Португалии английскими сухопутными войсками. Он уже наперед не ждал от этого столкновения ничего для себя хорошего.

Далее Жюно переходит к угрозам: он знает, что Сенявин должен считаться с тем, как его поведение отразится на общей политике, на послетильзитской франко-русской дружбе. «Нужно, чтобы мой повелитель и ваш знали, что русская эскадра не пожелала оказать мне ни малейшей помощи. Нужно, чтобы военные люди, которые будут обсуждать мое положение, знали, что не только я был окружен со всех сторон врагами, но что эскадра, союзная с Францией, состоящая в войне против Англии, объявила себя нейтральной в самый решительный момент перед лицом вражеской эскадры и в момент значительной высадки английских войск, и что это ее поведение было для меня гораздо вреднее,

чем если бы она была против меня». И вреднее твоего «эффект, производимый доведением этой эскадры на общественное мнение».

Это-то последнее соображение и раздражало больше всего французов: в Испании идет уже яростная народная война против Наполеона, в Португалии — англичане, в Европе ходят определенные слухи, что Австрия тайно вооружается. Тут-то и продемонстрировать бы перед Европой, что тильзитский союз — не пустой звук, что Сенявин плечом к плечу сражается вместе с Жюно против англичан! И все губит упорство русского адмирала. Жюно так раздражен, что начинает объясняться в третьем лице: «Если господин адмирал Сенявин в самом деле находится в состоянии войны с англичанами, то как может он хотя бы один момент думать, что его флот не попадет в их власть, как только они завладеют Лиссабоном? Если господин адмирал Сенявин вступил в какие-то соглашения с английским адмиралом, если каким-то способом он получил гарантию для своего флота, то позволит ли ему честь покинуть союзника без предупреждения?» — грозно вопрошает Жюно и распространяется о чести Сенявина и т. д. «Вот господин адмирал, что я в последний раз имею честь вам предложить», и Жюно снова требует, чтобы Сенявин не только произвел высадку, но чтобы русские заняли весь порт и все форты Лиссабона, так как, поясняет герцог: «...принужденный противостоять неприятельской армии, гораздо более значительной, я, вероятно, буду принужден эвакуировать форты, защищающие порт»². Другими словами, Жюно предлагает Сенявину отдать на полное уничтожение уже не только русскую эскадру, но и всех своих матросов и солдат.

Сенявин ответил на это раздраженное послание в тот же день. Снова подчеркнув полную свою покорность воле Наполеона, адмирал укачивает, что у него прежде всего слишком мало сил для выполнения возлагаемой на него герцогом д'Абрантесом задачи. Соглашение с англичанами он категорически отрицает. Высаживать же русские силы на берег он считает бесполезным не только потому, что мог бы посадить не больше одной тысячи человек, но еще и потому, что русские не понимают по-португальски. Как же им объясняться с населением?³

Словом, ровно ничего Сенявин герцогу не может обещать ни в настоящем, ни в будущем.

События развивались быстро. 4 августа Жюно вывел из Лиссабона почти все войска и отправился в Торрес-Ведрас. А 9 августа 1808 года про-

¹ АВПР, ф. Канцелярия МИД, 1808, д. 5191, л. 25.

² Там же, л. 28—29.

³ Там же, л. 30—31.

изошел решительный бой его с англичанами у местечка Вемизейро, причем французы потерпели полное поражение. Жюно после сражения, в котором он потерял больше четырех тысяч человек, возвратился в Лиссабон, а 12 августа к Сенявину явился от Жюно дивизионный генерал Келлерман, который уведомил адмирала о намеченном перемирии между Жюно и главнокомандующим английскими силами. Но из переговоров о перемирии ничего не вышло, и 13 августа Сенявин получил письмо от Жюно, в котором французский генерал снова предлагал присоединить весь экипаж эскадры к французскому войску и воспрепятствовать англичанам занять Лиссабон и форты. Если же Сенявин опять откажется, то пусть знает, что его эскадре грозит опасность гибели от англичан¹.

В тот же день последовал ответ русского адмирала, конечно, отрицательный. При этом Сенявин с большим ударением подчеркнул снова, что воевать ему пришлось бы не только с англичанами, но и с примкнувшими к англичанам испанцами и португальцами, а на это он своим правительством не уполномочен². Наконец, 16 августа Сенявин получил последнее письмо Жюно, в котором тот предоставлял русскому адмиралу непосредственно улаживаться с англичанами об участии русской эскадры³.

Согласно заключенной с англичанами конвенции, герцог д'Абрантес со своим войском был вывезен на английских транспортах во французские порты, и англичане заняли Лиссабон. Жюно не пожелал даже проститься лично с Сенявиным и вообще, как писал Сенявин царю, «соделался ко мне весьма чужд». Он не мог простить русскому адмиралу его упорства и даже не сообщил ему перед своим отъездом всех условий конвенции, заключенной им с англичанами.

Русский адмирал предвидел, конечно, что Жюно пожалуется на него Наполеону и что могут выйти большие неприятности.

Сенявин понимал, что Наполеон не может не быть очень раздражен его поведением в Лиссабоне. И вместе с тем Дмитрий Николаевич, входя в положение Александра перед лицом подозрительного союзника, счел необходимым взять вину всецело на себя. 29 октября 1808 года Сенявин посылает Наполеону крайне почтительное письмо, в котором объясняет свои упорные отказы генералу Жюно недостаточностью русских сил, которые он мог бы предоставить в помощь Жюно. Сенявин крайне сожалеет, что эти мотивы «лишили его счастья вести в Португалии войну совместно с войсками его императорского и королевского величества». Русские войска и экипаж, снятый с кораблей, были бы бесполезны для французов, а между тем обезоруженная русская эскадра погибла бы. И вообще вся беда якобы была в том, что Сенявин не получил вовремя приказаний Наполеона: «Не смея предугадывать высокие предназначения вашего императорского и королевского величества, я обязан был своим долгом ничего не предпринимать без точных ваших повелений, государь, выполнение которых было бы для меня священным». Письмо кончается выражением «живейшего сожаления» Сенявина, что он мог «лишь столь короткое время пользоваться счастьем состоять под непосредственной властью его величества»⁴.

Переговоры Сенявина с англичанами.

Русско-английская конвенция 4 сентября 1808 года

В августе 1808 года французы ушли из Лиссабона на английских транспортах, и англичане заняли Лиссабон.

Сцена осталась та же: Лиссабон и устье реки Тахо. Но действующие лица долгой драмы сенявинского возвращения на родину переменились. Вместо герцога д'Абрантеса с его войском перед Сенявиным был английский адмирал Коттон со своим флотом.

Нужно сказать, что уже во второй половине июля 1808 года по инициативе англичан начались сношения между Сенявиным и английской блокирующей эскадрой.

Англичане проводили о происходящем между генералом Жюно и Сенявиным конфликте и решили ковать железо, пока горячо, и, побудив Сенявина перейти на их сторону, нанести тяжкий удар франко-русскому союзу. Даже если бы царь впоследствии дезавуировал

¹ АВПР, ф. Канцелярия МИД, 1808, д. 5191, л. 33.

² Там же, л. 34.

³ Там же.

⁴ Там же, л. 51.

Сенявина, все равно на Пиренейском полуострове утвердилось бы мнение, что русские — враги, а не друзья Наполеона. Адмирал Коттон, начальник блокировавший устье Тахо английской эскадры, решил попробовать: не попадется ли Сенявин в сети?

16 июля русский адмирал получил «через некоего португальца» письмо от Коттона с предложением прислать своих представителей для переговоров.

18 июля ездившие от Сенявина к адмиралу Коллингвуду его представители — коллежский советник Засс и флаг-офицер Макаров — вернулись на свою эскадру и доложили следующее.

Адмирал Коттон уведомлял Сенявина о том, что, во-первых, его начальник, лорд Коллингвуд, извещает об уже начавшихся со стороны французов неприязненных действиях против России и о задержании во французских портах всех русских судов, туда зашедших, и, во-вторых, что русский император, завладев Шведской Финляндией, приостановил военные действия против Швеции и ведет мирные переговоры как со Швецией, так и с Англией. Для пущего подтверждения своих слов Коттон прочел вслух письмо, якобы полученное им от лорда Коллингвуда. При этом Коттон «утвердительно говорил, что в теперешнее время непременно последовал уже мир между Англией и Россией». Но хитроумная затея не удалась: Дмитрий Николаевич так же мало поддавался англичанину, как он перед тем мало поддавался французам. Выслушав рассказ Макарова и Засса об их свидании с Коттоном, Сенявин остался непоколебим: «Я не следовал никогда таковым и подобным извещением, а всегда, не переменяя поведения моего, руководствовался только высочайшими вашими, августейший монарх, инструкциями, а потому оставил английского адмирала без ответа»¹.

Конечно, «августейший монарх» был очень рад, что Сенявину, а не ему, пришлось решать этот труднейший и опаснейший вопрос: спасти эскадру от англичан и вместе с тем не разрушить еще очень нужный тильзитский союз, упорно отказывая Жюно в его настойчивых, повторных, раздраженных требованиях. Одно дело — отказы русского адмирала французскому генералу, совсем другое — отказ русского императора французскому императору.

Во всяком случае Сенявин не лгал, когда писал потом Жюно, что никакого соглашения с англичанами у него не было.

После ухода французов приходилось думать о том, как бы английские власти не объявили эскадру своей военной добычей, а русского ад-

Маршал Жюно

мирала со всеми экипажами судов — военнопленными, так как Англия считала себя в тот момент формально находящейся в состоянии войны с Россией.

Позиция Сенявина в этот критический момент переговоров с англичанами очень усиливалась аргументом, которым он так предусмотрительно запасся, борясь против домогательств Жюно: «Мое поведение в течение десяти месяцев пребывания в Лиссабоне, мои постоянные отказы принимать хотя бы малейшее участие в предлагавшихся мне враждебных мерах (против англичан — *E. T.*), и именно 12 августа, когда генерал Келлерман явился на мой корабль от имени главнокомандующего генерала Жюно, чтобы обязать меня совместно с французскими войсками занять форты и защищать Лиссабон, — все эти мотивы поддерживают меня в твердом убеждении, что ваше превосходительство примет во внимание вышеуказанные обстоятельства и что законное нейтральное положение будет соблюдено относительно моей эскадры, пока она будет находиться в р. Тахо», — так писал Сенявин английскому адмиралу².

Сенявин заявил далее Коттону, что после ухода французских оккупантов Лиссабон возвра-

¹ АВПР, ф. Канцелярия МИД, 1808, л. 5191, л. 2—23.

² Там же, л. 45.

щается в законное португальское владение, а так как Россия не находится с Португалией в состоянии войны, то он считает себя и свою эскадру находящимися в нейтральном порту¹.

Этот ход Сенявина был очень искусным. Ведь англичане явились в Португалию, торжественно провозгласив перед всем миром, что их цель — освобождение Португалии от наполеоновского захвата и возвращение ее законному правительству, бежавшему от Наполеона в Бразилию. Юридически позиция Сенявина была, таким образом, непререкаемо правильной и обязательной для англичан.

После некоторой проволочки командующий английской эскадрой Коттон ответил, что он велел вывесить на фортах британские флаги и что он не считает Лиссабон нейтральным портом. Это несколько позже категорически, в письменной форме подтвердил прибывший на флагманский корабль Сенявина «Твердый» по поручению адмирала Коттона контр-адмирал Чарлз Тайлер².

Между тем сухопутные войска англичан подходили и подходили к городу, а их эскадра приближалась к русской. Об этом критическом моменте Сенявин доносил потом царю: «Таким образом, будучи стесняем со всех сторон несоизмеримо превосходящими неприятельскими силами и удобствами для них и, был уверен, что при малейшем со стороны моей упорствовании эскадра, высочайше мне вверенная, должна непременно истребиться или достаться во власть неприятеля, не сделав никакой чести и пользы для службы вашей, всеавгустейший монарх, с другой стороны, находил выгоду купно с честью поддаться на предложения неприятельские»³.

Англичане могли бы истребить эскадру Сенявина. Но именно сознание, что он ни за что не согласится на безусловную сдачу и что предстоит кровавый бой, заставило Коттона пойти на переговоры и после довольно упорных споров признать необходимость подписать с русским адмиралом особую конвенцию. Четвертого сентября она была подписана Коттоном.

Основное требование Сенявина было принято адмиралом Коттоном: русская эскадра не считается взятой в плен, она отправится в Англию и будет там находиться до заключения мира между Англией и Россией, после чего и возвратится в Россию с тем же экипажем и со всем тем корабельным имуществом, которые на ней будут в момент подписания конвенции.

Что заставило адмирала Коттона пойти на условия Сенявина? То соображение, что с Россией, несмотря ни на что, следует очень считаться, потому что еще весьма возможен новый поворот в пользу Англии, а поэтому лучше не раздражать русских таким актом, как потопление эскадры. Повлияло и искусное дипломатическое лавирование Сенявина, позволившее ему не соглашаться, несмотря ни на какие угрозы, с требованиями Жоно о выступлении против англичан. Это и дало возможность Коттону впоследствии утверждать, что он не мог рассматривать Сенявина как врага, фактически воевавшего против Англии. Слова Сенявина во время устных переговоров, что он «под стенами Лиссабона, без пользы для англичан и к разорению того города, которого государь (состоит) в миролюбивом положении с российским императором, взорвет свои корабли и не сдаст ни одного корабля», сильно повлияли на Коттона⁴.

Все условия подготавливавшейся конвенции были оговорены при личном свидании Сенявина с представителем Коттона 21 августа 1808 года.

В сопроводительном письме, написанном в тот же день, Сенявин снова внушительно напоминает англичанину, что в тот момент, когда жестокая буря в океане загнала русскую эскадру в устье Тахо, Португалией еще управлял принц-регент, который и гарантировал гостеприимный прием. Потом, когда французы, занявшие Лиссабон, требовали участия Сенявина в военных действиях против англичан, русский адмирал отказал. Теперь англичане владеют Лиссабоном, следовательно, они должны бы обращаться с русской эскадрой дружелюбно⁵.

Представляя Сенявину текст конвенции, адмирал Коттон писал, что эта конвенция составлена так, чтобы все было сделано «самым деликатным образом (the mode of so doing subjects of a most delicate nature)» и именно так, прибавлял Коттон, «чтобы менее всего могли бы быть оскорблены чувства вашего превосходительства (in the manner least likely to wound your Excellence's feelings)»⁶.

Эти детали уже сами по себе являлись исключительным доказательством, до какой степени Сенявину удалось в самых критических, самых опасных условиях оградить не только свою эскадру, но и честь и достоинство русского флага.

Сенявин настоял, чтобы в «конвенцию 4 сентября» (нов. ст.) был включен пункт, по которо-

¹ АВПР, ф. Канцелярия МИД, 1808, д. 5191.

² Там же, л. 49.

³ Там же, л. 2—23.

⁴ П. И. Панафидин. Цит. соч., стр. 92.

⁵ АВПР, ф. Канцелярия МИД, 1808, д. 5191, л. 47.

⁶ Там же.

му сам он и все его офицеры, матросы и солдаты (морской пехоты) могут возвратиться немедленно в Россию без всяких условий, то есть имеют право, вернувшись, хоть сейчас принять участие в военных действиях против Англии. Много потом нареканий пало на Коттона в Англии за то, что он уступил Сенявину в этом вопросе.

Во французской историографии о судьбе Сенявинской эскадры с давних пор повторяется старая фальсификация Тьера, который излагает события так: «Они (англичане — Е. Т.) отказались обойтись с адмиралом Сенявиным так хорошо, как этого требовал Жюно, больше во имя щепетильной чести (par un scrupule d'honneur), чем по велению долга, так как этот адмирал, который мог бы спасти общее дело, помогая французам, погубил его, отказавшись это сделать, и не заслуживал нисколько, чтобы из-за него были затруднены переговоры. Тем не менее Жюно потребовал, чтобы русский адмирал получил свободу удалиться в северные моря со своим флотом, и Жюно грозил предать все огню и крови и отдать Лиссабон наполовину разрушенным, если (англичане) не уступят в том, чего он требовал».

Здесь все лживо от начала до конца: 1) Жюно и не думал предъявлять подобных «требований» о Сенявине, а потому англичанам не пришлось и «отказывать». 2) Вовсе не Жюно грозил борьбой, от которой мог бы пострадать Лиссабон, а Сенявин, и никто больше. Все это нагромождение лжи опровергается, впрочем, немедленно самим Тьером, который вдруг добавляет, что Сенявин «к счастью афишировал (afficha) свое желание вести переговоры за свой счет, очевидно, не желая ни в чем одолжаться перед французской армией, от которой он ничего не заслужил. Жюно поспешил согласиться, и тогда, когда главная трудность была устранена, быстро пришли к соглашению».

Так изображает Тьер переговоры, начатые Жюно с англичанами и приведшие к спасению русской эскадры после того, как Жюно, и пальцем не двинувший, чтобы спасти русских, и даже не уведомивший Сенявина, сел со своим войском на английские суда и отбыл, согласно договоренности с англичанами, в полном составе и со всеми боеприпасами во Францию, где их всех благополучно и высадили¹.

Так писалась на Западе история Сенявинской экспедиции! «Правдивость» Тьера в европейской историографии, там, где речь идет о России, особенно о русской военной истории, явление не индивидуальное, а общее. Если они не лгут, то стараются совершенно обойти молчанием «неудобные» факты.

Офицеры, участники Сенявинской экспедиции, всецело одобряли образ действий своего адмирала. У русских было 7 кораблей и один фрегат. А у англичан было тут же 15 превосходно вооруженных кораблей и 10 фрегатов, да еще и артиллерия фортов, уже занятых англичанами и мимо которых пришлось бы русской эскадре пройти. Из английских кораблей 3 было 100-пушечных, остальные 70-пушечные. «Наше положение было критическое, нам предстояла славная и бесполезная для отечества смерть. Сенявин своим решительным отзывом, что он погибнет под стенами Лиссабона, убедил баронета Коттона заключить конвенцию», — пишет Панафидин, гордящийся тем, что «все войска на кораблях должны возвратиться в Россию без всякого условия насчет нашей службы, сохраняя все почести и с флагами... Итак, мы оставляем Лиссабон, идем вместе с английскими кораблями в Англию под своими флагами, точно как в мирное время. Не хвала ли Сенявину, умевшему вывести нас с такой славой из бедственного нашего положения?»²

Эскадра Сенявина в Англии. Нарушение англичанами подписанной ими конвенции. Возвращение в Россию

31 августа (12 сентября) 1808 года Сенявин со своей эскадрой, состоявшей из семи кораблей и одного фрегата, отбыл из Лиссабона. Корабли «Рафаил» и «Ярослав» оказались с такими повреждениями, что их пришлось оставить в Лиссабоне для ремонта. Англичане обещали послать эти два корабля к Сенявину в Портсмут. Сенявин не знал тогда, что англичане не выполняют своего обещания. 27 сентября (нов. ст.) 1808 года русская эскадра прибыла на Портсмутский рейд.

¹ Thiers A. Histoire de Consulat et de l'Empire. Leipzig, 1850, p. 186—187.

² П. И. Панафидин. Цит. соч., стр. 93.

Сражение тендера «Опыт» с английским фрегатом «Сальсет» 11 июня 1808 года

В течение всего плавания двух эскадр от Лисабона до Портсмута русский флаг развевался на всех кораблях эскадры Сенявина. Мало того, желая выразить свое почтение к русскому флотоводцу, Коттон заявил, что так как Сенявин выше его чином, то «соединенная эскадра» (англо-русская) идет под верховным командованием Сенявина.

Все это не понравилось в Лондоне, когда там узнали о деталях конвенции и обстановке плавания в Портсмут.

Прибыв в Портсмут 27 сентября, Сенявин поднял на русских кораблях флаги, которые и развевались целый день, несмотря на протест британского адмиралтейства, заявившего, что «неприятельский флаг» должен быть спущен. Сенявин получил вместе с тем предложение съехать на берег вместе со всеми офицерами. Он согласился спустить флаг «в обыкновенное время по захождении солнца, с должными почестями» и прибавил в бумаге, посланной им командиру порта адмиралу Монтегю: «Если же ваше превосходительство имеете право мне угро-

жать, то, нарушая сим святость договора, вынуждаете меня сказать вам, что я здесь еще не пленник, никому не сдавался, не сдамся и теперь, флаг мой не спущу днем, и не отдам оный, как только вместе с жизнью моей». Монтегю не настаивал. На предложение съехать на берег Сенявин дал категорически отрицательный ответ за себя и за своих офицеров. Что касается истории с флагами, то, конечно, Сенявин и не мог рассчитывать, что при формально признанном состоянии войны между Англией и Россией ему позволят стоять в английском порту с развевающимися русскими флагами. Эта однодневная демонстрация была нужна Сенявину для того, чтобы лишний раз подчеркнуть, что он не считает себя и свою эскадру сдавшимися в плен¹.

С самого начала этого «портсмутского стояния» русской эскадры Сенявину пришлось считаться с упорным стремлением британского адмиралтейства исправить то, что оно считало ошибкой Коттона, другими словами, нарушить конвенцию 4 сентября и как-нибудь незаметно перевести русских на положение военноплен-

¹ В. Бронеvский. Цит. соч., ч. IV. СПб., 1837, стр. 298—299.

ных. «Англичане так были огорчены видеть наш флот в первом их порту под своими (русскими — *Е. Т.*) флагами, что сказали насчет этого, «что ежели флот русский будет иметь свою историю, то в заглавии поместить: Лиссабонская конвенция. И мог ли адмирал Коттон выиграть переговорами с известным в сем деле вице-адмиралом Сенявиным, который сумел своими переговорами сохранить Боко-ди-Каттарскую провинцию от французов и австрийцев?»¹

С русским сподвижником Сенявина Панафидиным, считавшим, что «искусное соображение нашего славного вице-адмирала вывело честь флага из такого стесненного положения с такой пользой для государства», оказался согласен и лондонский лорд-мэр, заявивший, что «конвенция, заключенная в Лиссабоне, не приносит чести Англии»².

Нарекания против Коттона все же не привели к обвинению Коттона военным судом: «Коттон в свое оправдание сказал, что он мог бы истребить слабый русский флот, но что он уважал русских и их достойного начальника и не хотел допустить до отчаянного поступка, объявленного ему Сенявиным, и всегда останется в тех мыслях, что русские давнишние друзья англичан, которых обстоятельства заставили на время перемениться»³.

Английские власти делали все от себя зависящее, чтобы уклониться от точного исполнения этой очень раздражавшей их конвенции, подписанной Коттоном и Сенявиным 4 сентября 1808 года. Мэкензи, назначенный для выполнения конвенции, заявил Сенявину, что переправить русские экипажи в Россию никак невозможно, потому что корабли Швеции, находящейся в войне с Россией, будут останавливать в море суда и требовать выдачи русских моряков и солдат.

В ответ на повторные жалобы Сенявина Мэкензи сообщил ему 14 марта 1809 года, что лорды адмиралтейства решили отправить всех русских офицеров со всем прочим экипажем в Архангельск, «как только время года позволит это». Сенявин просил сообщить, что же именно теперь препятствует точному исполнению конвенции и почему нужно русских отправлять в Архангельск, а не в балтийские порты? Сенявин знал, до какой степени это видоизменение в «пункте прибытия» вредно: оно фактически на долгое время выводило его эскадру из состава действующих сил русского флота, что очень устраивало британские морские власти ввиду очень сомнитель-

ных и критических русско-английских отношений в тот момент. Но что было делать?

Сенявин просил, по крайней мере, сообщить ему о причинах такого грубого нарушения конвенции, заключенной в Синтре, просил, кстати, и о том, чтобы ему выдали квитанции на отобранные у него в Портсмуте порох, пушки и паруса. Просил также квитанций и на все, забранное в Лиссабоне с пришедших туда двух отставших судов эскадры — «Рафаила» и «Ярослава»⁴. Англичане не торопились с ответом: ведь Сенявин был вполне в их руках. Переписка продолжалась в марте, апреле, мае... Сенявин настаивал на своем праве требовать честного и точного выполнения конвенции, а англичане, отвечая с большими паузами, уклонялись от прямого ответа. Сенявин раздражался все более и более этой явной недобросовестностью. 19 июня он написал лорду Малгрэву новое большое письмо, в котором решительно жаловался на «пустые предлоги» и отговорки, которые пускались в ход с английской стороны, когда речь шла о том, чтобы отпустить эскадру, и прежде всего экипажи судов, в Россию и, пока они находились в Портсмуте, хотя кормить их сколько-нибудь сносно. Сенявин написал милорду, что он просто не видит конца и выхода из трудного положения, в котором очутился. 16 июня он получил от британского адмиралтейства бумагу «по поводу бесцельного продления своего пребывания в Англии». «Я ничего в этой бумаге не усматриваю, кроме путаницы (*l'embrouillement*) и пустых предлогов, приводимых с целью не исполнять священных обязательств. Опыт показал мне, что невзирая на все устные и письменные обещания, подданные его императорского величества, которые по случайным обстоятельствам (*casuellement*) тут находятся, должны зависеть от произвола власти и оказываются настолько в угнетенном положении, что нет тому примера даже между нациями, непримиримо враждебными, а еще менее между такими, которые могут претендовать на взаимное уважение». Писал он и о других незаконных нарушениях конвенции.

Надеясь, наконец, на прямое обещание, уже данное британским адмиралтейством, что в апреле 1809 года их всех отправят в Россию, Сенявин израсходовал запасы, которые у него были, а английские власти почти перестали что-либо выдавать. Сенявину и его офицерам, вопреки условиям конвенции, выдавали такой же паек, как и матросам, да и то неаккуратно. «Британское

¹ П. И. Панафидин. Цит. соч., стр. 98.

² Там же, стр. 98—99.

³ Там же, стр. 99.

⁴ АВГР, ф. Канцелярия МИД, 1808, д. 5191, л. 80.

правительство, истолковывая конвенцию 4 сентября прошлого года таким способом, который противоположен ее истинному смыслу, отказалось даже выполнять ее в том виде, как ее понимал английский адмирал (Коттон — *E. T.*), который, казалось бы, может понимать ее смысл больше, чем кто-либо другой».

С русскими так обходятся, их так «хорошо» кормят (беззаконно удлиняя время их пребывания в Портсмуте), что «число русских людей, умерших здесь, настолько велико, что его нельзя и сравнить с числом умерших за все время нынешних моих кампаний», — подчеркивает Сенявин¹. Характерно, что он пишет о кампаниях в множественном числе (*mes campagnes actuelles*), понимая все время от начала плавания эскадры в 1805 году.

Адмиралтейство ответило 22 июля 1809 года на укоризны и обвинения со стороны Сенявина простым голословным отрицанием своей вины, так как якобы и жалобы Сенявина голословны. «Вообще же у его величества короля английского были налицо бесспорные основания (*the unquestionable grounds*) отвергнуть и не утвердить некоторые части конвенции, подписанной Коттоном»².

Это заявление адмиралтейства касалось в особенности двух русских кораблей — «Рафаила» и «Ярослава», которые пришли в Лиссабон уже в поврежденном виде и поэтому не могли отправиться в Англию с остальной эскадрой. Коттон согласился, что с этими судами должно обходиться, как с остальной эскадрой, о которой идет речь в конвенции, но адмиралтейство, не обращая внимания на это условие, фактически просто захватило оба опоздавших судна и не пожелало даже дать квитанции касательно всего, что было найдено на борту обоих судов.

Никакие протесты Сенявина не помогали, суда оставались в Лиссабоне, хотя еще в октябре 1808 года адмирал просил британское адмиралтейство приказать Коттону позаботиться о необходимом ремонте и исправлениях, которые позволили бы обоим судам последовать за всей русской эскадрой в Англию³. Ничего этого сделано не было ни в 1808, ни в 1809 году.

Долго не выходило ничего и с отправлением экипажей в Россию.

Не желая отпустить немедленно (как следовало бы согласно конвенции Коттона — Сенявина) русских офицеров, матросов и солдат в Россию, британское адмиралтейство сначала

целые месяцы тянуло дело, пока не наступила зима 1808/1809 годов и русские порты сделались недоступными до открытия весенней навигации. Затем адмиралтейство стало беспокоиться, не снимут ли шведы, бывшие в войне с Россией, русских военнослужащих с британских транспортов. Сенявин отвечал, что если транспорты будут служить военные суда, то шведы никого с них не снимут. Адмиралтейство настаивало, чтобы высадка была в Архангельске. Сенявин стоял на том, чтобы она состоялась в одном из балтийских портов⁴.

Сенявин жалуется на то, что его люди скучены на небольшом пространстве, болеют, особенно в наступающие теплые дни, наполняют госпитали. Не позволят ли лорды адмиралтейства, чтобы русские вернулись домой на своих же собственных судах? Это очень ускорило бы дело⁵.

Но нет! Лорды не желают. Они хотят воспользоваться той статьей конвенции, которая дает им право задерживать русские суда (в «депозите») вплоть до заключения мира с Россией. Матросам жилось на Портсмутском рейде не только очень тесно, очень нездорово, очень скучно (на берег отпускали редко), но и голодно.

Кормили англичане русские экипажи Сенявинской эскадры очень плохо, мясо не выдавалось вовсе. Даже сухарей получали треть нормальной порции. Не хватало и риса, которым приходилось восполнять недостаток в сухарях. Очень плохо было и то, что экипажи русской эскадры скупо и небрежно снабжались даже питьевой водой. Когда, наконец, окончательно решено было отпустить, согласно конвенции, русские экипажи в Россию (оставляя суда в Портсмуте, так как мир между Англией и Россией не был еще заключен), то и здесь не обошлось без больших задержек.

Двенадцатого июня были окончены все «описи» кораблей и их имущества, предпринятые английским адмиралтейством, и уже началась посадка русских экипажей на транспортные суда, которые должны были перевезти их в Россию, как вдруг совершенно неожиданно английские власти прекратили посадку под совершенно вздорным предлогом. Задержка в действительности объяснялась тем, что экстренно понадобились транспортные суда для готовившейся как раз в эти дни в строжайшей тайне английской высадки в Голландии. Эта высадка имела целью создать диверсию, которая отвлекла бы

¹ АВПР, ф. Канцелярия МИД, 1808, д. 5191, л. 124.

² Там же, л. 127.

³ Там же, л. 140.

⁴ Там же.

⁵ Там же, л. 143.

часть французских сил из Австрии, подвергшейся нашествию Наполеона: дело было накануне катастрофического для австрийцев Ваграмского боя. «Последствие дела сего ясно изобличает, что предлог сей есть напрасный, и весьма вероятно, что приостановлены мы были для промедления летнего времени или по надобности, случившейся в транспорта для голландской экспедиции», — так Сенявин донес об этом царю уже по прибытии в Петербург.

Эти придирки и задержки очень огорчали и раздражали русских офицеров. Они даже злорадствовали по тому поводу, что экспедиция в Голландию, из-за которой было задержано отправление русских на родину, окончилась для англичан тяжелой неудачей.

«...Англичане очень странно поступали со всеми своими союзниками: везде видна была цель собственной выгоды, — но, к счастью, нигде им не удалось. Во время войны нашей в Пруссии они могли бы сделать десант в Восточную Пруссию, еще прежде — в Ганновер, и, может быть, не допустили бы Аустерлицкого сражения; но они пустились в Южную Америку, потом, когда им надобно было действовать вместе с нами у Дарданелл, они пустились в Египет, где их, подобно как в Флиссингене, отпотчевали преисправно. В политике нет дружбы и ненависти, как сказал Ришелье. Англичане говорили нам, что мы друзья, что они явятся там и там, но вышло, что они являлись туда, где их были выгоды, но происшествия доказали, что все дела оканчивались дурно, где только был эгоизм. Несчастная экспедиция отомстила им за предосудительный поступок с нами», — так писал Панафидин¹.

Но вот, наконец, транспортные суда были готовы. Семь русских кораблей и один фрегат, то есть вся материальная часть эскадры, были сданы в английский арсенал в Портсмуте 3 августа 1809 года под квитанции.

31 июля 1809 года русские команды были, наконец, переведены на 21 транспортное английское судно и 5 августа отчалили от Портсмута, а 9 сентября 1809 года прибыли в Ригу и вышли на русский берег.

«Сим кончилась сия достопамятная для российского флота кампания, — пишет ее деятельный участник Владимир Броневский. — В продолжение четырехлетних трудов не одним бурям океана противоборствуя, не одним опасностям военным подверженные, но паще стечением политических обстоятельств неблагоприятствуемые, российские плователи наконец благополучно возвратились в свои гавани. Сохранение столь значительного числа храбрых, опытных матросов во всяком случае для России весьма важно. Сенявин исхитил, так сказать, вверенные ему морские силы из среды неприятелей тайных и явных и с честью и славой возвратил их... отечеству»².

Так 9 сентября 1809 года кончилось долгое, многотрудное плавание Сенявинской эскадры, начавшееся в 1805 году. Расставаясь со своим адмиралом, офицеры поднесли ему серебряную вазу и сопроводили свой подарок очень тепло написанным адресом: «Вы в продолжение четырехлетнего главного начальства над нами, во всех случаях показали нам доброе свое управление. Как искусный воин, будучи неоднократно в сражениях с неприятелями, заставляли нас, как сотрудников своих, всегда торжествовать победу. Как добрый отец семейства, вы имели об нас попечение, и мы не знали нужды, а заботы и труд почитали забавой... Вы своим примером и наставлением, одобряя за добро и умеренно наказуя за преступления, исправили наши нравы и отогнали пороки, сопряженные с молодостью; в том порукой наше поведение», — так начинался этот адрес. «Будучи в утесненных по несчастью обстоятельствах, Вы отвратили от нас всякий недостаток, даже доставили случаи пользоваться удовольствиями». Офицеры особенно отмечают в этом адресе, что самые не привыкшие к дисциплине народы охотно повиновались Сенявину, потому что любили его (намек на черногорцев и других славян Адриатического побережья)³.

Любили Сенявина не только офицеры, но, что гораздо показательнее для характеристики его как человека, и матросы. Он и сам никогда не злоупотреблял своей полной властью над подчиненными и другим не позволял это делать. У нас есть документальные данные, показывающие это.

¹ П. И. Панафидин. Цит. соч. стр. 107.

² В. Броневский. Цит. соч., ч. IV, стр. 313.

³ ЦГАВМФ, ф. Сборный, д. 65, л. 200—201. «Общий глас офицеров к своему начальнику, господину вице-адмиралу и кавалеру Дмитрию Николаевичу Сенявину».

Сенявин в царской немилости и подозрении в неблагонадежности.

Разговор с министром внутренних дел.

Декабристы и Сенявин

Люди, проделавшие с Сенявиным это трудное почти четырехлетнее плавание в чужих краях, делившие с ним труды и опасности, ценили его по достоинству. Позднейшие поколения могли оценить его заслуги перед Россией, его значение в создании и укреплении традиций связи России с юго-западным славянством, большое место, которое он занял своими морскими подвигами в истории русского флота. Но ни Александр I, ни ближайшее бюрократическое начальство не поняли и не оценили этого прямого преемника Ушакова, как они не поняли и не оценили и самого Ушакова.

Александр так же мало понимал и признавал заслуги Сенявина, как перед этим заслуги Ушакова. Русские морские герои симпатией царя пользовались так же мало, как и герои армии — Кутузов, Багратион. Французский карьерист и проходимец, маркиз де Траверсе, которому Александр неизвестно почему вручил участь русского флота, меньше всех на свете мог объяснить царю всю несправедливость пренебрежительного отношения и неблагодарности к Ушакову и Сенявину. Невольное негодование вызывает это игнорирование русских героев.

Наступил грозный 1812 год, и Сенявин, всем сердцем любивший свою родину, подает царю просьбу об определении вновь на службу, чтобы посильно помочь делу обороны отечества. Александр не нашел ничего благопристойнее, чем написать на прошении: «Где? в каком роде службы? и каким образом?» Адмирал был, по-видимому, особенно обижен этим последним вопросом: «и каким образом?» «Буду служить таким точно образом, как служил я всегда и как обыкновенно служат верные и приверженные русские офицеры», — отвечал Сенявин в бумаге, которую отправил маркизу де Траверсе в ответ на странный вопрос царя. Но «благословенный» не любил получать подобные ответы. Сенявин не только не был принят в ополчение, куда он стремился, но 21 апреля 1813 года его уволили («по прошению») с половинной пенсией.

Александр не только не наградил Сенявина и его офицеров и матросов, но «решительным отказом» ответил на представление об утверждении следовавших по закону адмиралу и его подчиненным призовых сумм за взятые во время экспедиции суда. Особенно потрясен был Сенявин возмутительно несправедливой, злобной резолюцией царя: «Когда и самая эскадра судов, приобретающая сии призы, оставлена им, наконец, в неприятельских руках, то и нельзя предполагать для нее установленной для призов награды». В этой резолюции было столько прямой клеветы и лжи, что Сенявин написал царю обширное письмо, которое осталось без ответа¹.

Сенявин, не имевший личного имущества, должен был долгие годы прозябать на своей ничтожной пенсии. Поведение царя и придворного прихлебателя, французского проходимца эмигранта маркиза де Траверсе, управляющего морским министерством, было тем возмутительнее, что Сенявин доставил казне несколько сот тысяч рублей призовых сумм, причем лично ему принадлежавшая сумма из этих денег (за взятые торговые суда противника) не была ему выдана. Безобразно несправедливый упрек Александра, что Сенявин «оставил» свою эскадру у неприятеля (как будто он мог ее не оставить!), сводится, по существу, к нулю тем, что при заключении мира между Россией и Англией в 1812 году англичане не только вернули все вооружение эскадры, оставленной в 1809 году в Портсмуте согласно Лиссабонской конвенции, но и заплатили полностью русской казне стоимость всех кораблей, оставшихся у них. Объясняется этот довольно диковинный факт совсем не свойственной британскому правительству «щедрости» тем, что от русской победы зависело в тот момент — быть или не быть разорявшей английскую торговлю континентальной блокадой. Спустя одиннадцать лет после возвращения Сенявина, призовые деньги, причитающиеся по закону ему и его офицерам, были, наконец, выданы. Прибавим, что лучшие из оставленных Сенявиным кораблей («Сильный» и «Мощный») пришли в 1813 году в Крон-

¹ ГТБ, рукописи, отд. Адмирал Сенявин — императору Александру I, 31 марта 1814 года.

штадт, а остальные пять кораблей и фрегат, бывшие в очень плохом состоянии еще когда после бури попали в 1807 году в Лиссабон и, конечно, не ставшие лучше после дальнейших приключений, были оплачены англичанами как новые, по высокой оценке. Да не удивится читатель такому внезапному и ненатуральному английскому «великодушию»: в 1812 и 1813 годах за Россией очень и очень приходилось ухаживать! Ведь Наполеона без России одолеть решительно никто не мог, — и в Лондоне это знали очень хорошо. Вся правящая Англия разделяла в 1812 году жестокую тревогу британского представителя в ставке Кутузова, генерала Вильсона, боявшегося, что русские, изгнав Наполеона, остановятся на Немане. Правящий класс Англии затем в 1813 году и весной 1814 года, вплоть до отречения французского императора, покорно подчинился русской дипломатии, как подчинялась ей тогда и вся остальная Европа, восставшая против наполеоновского владычества. Тут уж не до того было, чтобы спорить о выдаче находившихся с 1809 года в депозите в Портсмуте судов Сенявинской эскадры или торговаться об их цене! Довольно было, что русской кровью Англия была спасена от Наполеона.

Безобразное поведение царя в отношении Сенявина, постепенное падение русского флота при фаворите Александра маркизе Траверсе — все это раздражало и удручало стареющего адмирала. На язык Дмитрий Николаевич всегда был резок, особу Александра Павловича, конечно, не терпел, и немудрено, что в настроенных оппозиционно кругах конца александровского царствования, например среди будущих декабристов, об отставном адмирале сложилось мнение, что он мог бы сыграть известную роль в случае антиправительственного движения.

С декабристами у Сенявина прямой связи не было. По крайней мере ни в документах, ни в научной литературе, в том числе новейшей русской, о декабристах таких фактов не приведено. Но что некоторые декабристы считали Сенявина оппозиционно настроенным человеком, — это может считаться более чем вероятным. И такого рода указания у нас имеются. Есть и весьма убедительные свидетельства, что правительство также не вполне доверяло отставному адмиралу и, уж конечно, не считало его выше подозрений.

Во всяком случае, уже в 1820 году, за пять лет до восстания декабристов, Сенявину пришлось иметь некоторое «деликатное» объяснение с властями. «8 ноября 1820 года, в понедельник, в начале десятого часу, вице-адмирал Сенявин, приехав в дом управляющего министерством внутренних дел графа Кочубея, требовал через

Схема расположения русских морских сил

дежурного быть к нему допущенным», — читаем в любопытном документе, впервые опубликованном в 1875 году. «Вице-адмирал Сенявин, быв принят, сказал графу Кочубею, что он долго своим счел обратиться тотчас к нему, как к министру полиции, а потом и к здешнему военному генерал-губернатору, по одному обстоятельству, о котором он вчера уведомился и которое поразило его самым чувствительным образом: что ему было сказано, будто существует здесь какое-то общество, имеющее вредные замыслы против правительства, и что почитают его, Сенявина, начальником или головою этого общества; что всякому легко понять можно, сколько подобное заключение должно ему быть оскорбительно; что, служив всегда с честью, приобрел и чины и почести, имея большое семейство и от роду 60 лет, он с прискорбием ви-

дит себя подобным образом очерненным, тогда как он вышел в отставку, живет почти в уединении и мало куда ездит»¹.

Кочубей ответил, что он, Кочубей, «не скроет от адмирала», что он тоже «слышал» о таком обществе, но не обвиняет Сенявина, которого «имеет в первый раз честь... у себя видеть». И сейчас же министр стал доказывать своему утреннему посетителю, что не может благомыслящий человек думать о «преобразовании правительства российского», потому что плодом такого дела было бы «расстройство государства, разрушение всех связей, ныне целост и благоденствие его ограждающих, безурядица, отторжение разных областей, презрение чужезмцев, варварство, какое существовало во времена татарского владычества, и множество других неисчислимых бедствий; что он, граф Кочубей, так сильно в этом заключении убежден, что никак себе представить не может, чтобы подобное глупое, подлое, гнусное предприятие могло вмениться в голову русского дворянина» и т. д.

Много еще говорил в том же стиле граф Кочубей, упомянул о «ветренных молодых людях, которые прельщаются новостями» о Наполеоне и Испании, о том, что, «благодарение Богу, правительство наше слишком сильно и твердо, слишком деятельно», а посему «благовременно... обратит виновных в прах». И вдруг заключил свою назидательную лекцию неожиданным вопросом: «Но ваше превосходительство, конечно, об обществах вредных слышали так же, как и я?» — «Никогда, вчера только в первый раз об этом я услышал, когда было сказано мне, что я принадлежу к какому-то обществу и есть оно начальник». — «Кто вашему превосходительству это сказал?» — полюбопытствовал Кочубей. «Позвольте, ваше сиятельство, чтобы я этого до времени, по крайней мере, не открывал. Честь моя требует не компрометировать приятеля. Об обществе, каком бы то ни было, я ничего не слыхал». И снова заявив о своем уединенном образе жизни и своей полной непричастности к каким-либо заговорам, Сенявин сообщил, что и государю напишет об этом. Кочубей на это сказал, «что если он, Сенявин, уверен в невинности своей, как и он, граф Кочубей, полагает, то намерение его оправдаться перед государем не может не быть одобрено, и это, конечно, будет соответствовать и имени его, и степени, до которой он в службе достигнул». А о том, когда именно приличнее ему писать к государю, «то это сам он, и по побуждениям своим и по объяснению с военным генерал-губернатором, наилучше сооб-

разить может». Этим дело и кончилось. Лукавый министр внутренних дел и полиции и тут, как и всегда, отстранился от какой бы то ни было попытки хоть единым словом рассеять беспокойство Сенявина, которого, более чем вероятно, он же сам и взбудоражил через подосланных лиц. Этот прием был в большом ходу в таких случаях.

О Кочубее, получившем при Николае уже княжеский титул взамен графского, очень точно глаголет позднейший пушкинский проект эпитафии:

*Под камнем сим лежит граф Виктор Кочубей.
Что в жизни доброго он сделал для людей,
Не знаю, черт меня убей!*

Дальнейших последствий этого собеседования Сенявина с Кочубеем мы не знаем. Но прошло пять лет, — и во время следствия по делу декабристов снова мимолетно всплыло имя знаменитого адмирала.

Вот скучные, отрывочные документы, характерные для мнения декабристов о Сенявине:

«Из одного показания открывается еще, что некоторые члены Южного общества упоминали о вице-адмирале Сенявине, и потому только, что, слышав об его отставке, считали его в числе недовольных правительством», — читаем в «Приложении к докладу следственной комиссии о тайных обществах, открытых в 1825 году.» Здесь имеется в виду, очевидно, показание Николая Бестужева: «Я часто спрашивал Рылеева, есть ли у нас в обществе люди значительные и имеющие какую-либо силу, на что он отвечал всегда, что есть, но что они не хотят быть объявлены обществу, а в свое время не откажутся от участия. На мои же вопросы: кто они, он всегда уклонялся от ответов; следовательно, мои заключения по сему предмету были только гадательные; так, например, я думал, нет ли какого намерения общества на адмирала Сенявина, который ныне осенью просился у государя в службу? Но это было собственное мое заключение»².

Но из показаний Пестеля явствует, что мысль о Сенявине вовсе не была индивидуальным достоянием Бестужева.

Подтверждение этого находим и в показаниях Сергея Муравьева-Апостола.

Приведем подлинный текст показаний декабристов, в которых упоминается имя Сенявина.

Показание капитан-лейтенанта Николая Александровича Бестужева приведено уже выше.

Допрос Пестеля:

«Некоторым членам Общества вы рассказывали, что многие из лиц, ближайших к государю,

¹ Разговор вице-адмирала Д. Н. Сенявина с министром внутренних дел графом Кочубеем. — Русский архив, 1875, кн. 3, с. 431—433.

² Центральный архив. Восстание декабристов. Материалы, т. II. М.—Л., 1926, стр. 74—75.

думают и желают другого образования в государстве, хотя они и не члены общества; а Василию Давыдову говорили, что петербургское общество намерено назначить членами временного правления адмиралов Мордвинова и Сенявина, и что третьим членом хотя и предполагаем был генерал Раевский, но отринут.

Здесь поясните:

1) Кто именно из лиц, близких к государю, думал и желал другого образования в государстве и каким образом сделался вам известным образ мыслей их?

2) Кто сообщал вам о намерении общества назначить Мордвинова и Сенявина членами временного правления и на чем именно сие предположение общества основывалось?»¹

Показание Пестеля:

«Я не знаю никого из лиц, близких к государю, и ничей образ мыслей мне не известен. Я никогда никого из них и не называл. А рассуждал не я один, но многие и почти все, что когда Революция возьмет свой ход, тогда, верно, много окажется людей, которые присоединятся к Революции, особенно при хорошем успехе, а может быть и из вышних чиновников. Сие было одно только гадательное предположение, при коем никого не называли и никого не имели в виду. Бестужев-Рюмин, видевшись в Киеве с кн. Трубецким и полковником Брыгиным, приезжал потом ко мне в Линцы и сказывал мне, что он от Трубецкого и Брыгина известился о намерении Северного общества назначить адмиралов Мордвинова и Сенявина членами временного правления и что прежде хотели назначить и Раевского, но потом его оттринули, а производителем дел при них долженствовал быть Николай Тургенев»².

Допрос Сергея Муравьева-Апостола:

«...Говорил некоторым членам и полковник Пестель, не именуя лиц, по словам его хотя не бывших в обществе, но принимавших в его деле участие; в отношении же временного правления рассказывал, что петербургские члены назначают в оное адмиралов Мордвинова и Сенявина».

«Поясните: кого именно из знатнейших лиц и почему разумели вы согласившимися на введение Конституции и точно ли Северное общество намеревалось назначить Мордвинова и Сенявина во временное правление и на чем основывалась сего последняя мысль?»³

Показания С. Муравьева-Апостола:

«Что же касается до назначения адмиралов Мордвинова и Сенявина во временное правление Северным обществом, то я знаю утвердительно, что кн. С. Трубецкой был того мнения, но разделялось ли оно всем Северным обществом, не знаю, и также на чем особенно оно основывалось»⁴.

Давыдов (л. 10): «При свидании с Пестелем в декабре 1825 года он сказывал, что Петербургское общество намерено назначить членами временного правления в России Н. С. Мордвинова и адмирала Сенявина»⁵.

Дмитрия Николаевича не тронули, но сына его пытались привлечь к делу. Вот что читаем в делах следственной комиссии:

«Сенявин, Николай Дмитриевич, капитан л.-г. Финляндского полка.

Был арестован по показанию Перетца. При допросе он решительно отозвался, что к тайному обществу не принадлежал и не знал о существовании оного. Перетц часто заводил речь о тайных обществах вообще, но никогда не сказывал ему, что таковые существуют в России, и не предлагал ему вступить в оное. Напротив сего, Перетц показал, что он принял его с разрешения Глинки, что однажды Сенявин, проговорившись корнету Ронову об Обществе, был под следствием по доносу его. Показание сие подтвердилось и словами Ронова. Но Глинка отвечал, что Сенявина не знает и разрешения на принятие его не давал; на очных ставках Сенявина с Перетцем и Роновым он равно остался при своем показании. Спрошенные о нем главные члены Общества все показали, что не знали его членом Общества и даже знакомы с ним не были. Содержался в Главном штабе с 11 марта»⁶.

По докладу комиссии, 15-го июня высочайше повелено немедленно освободить, «вменяя арест в наказание».

¹ Центральный архив. Восстание декабристов. Материалы, т. IV. М.— Л., 1927, стр. 148—149.

² Там же, стр. 167—168.

³ Там же, стр. 345.

⁴ Там же, стр. 355.

⁵ Там же, стр. 208.

⁶ Там же, т. VIII. Л., 1925, стр. 176.

Последние годы жизни

Уже в самые последние годы жизни, снова поступив на службу и получив приказ стать во главе эскадры, отправлявшейся в Архипелаг, Сенявин в одном замечательном приказе, данном его подчиненному, графу Гейдену, выразил благородное, гуманное, характерное для него свое отношение к матросам. Вот что, между прочим, мы читаем в этом приказе¹.

«Дальний переход, предстоящий вашему сиятельству, от Англии до Архипелага, представляет вам средства довести эскадру, высочайше вам вверенную, состоящую по большей части из людей неопытных, до должного совершенства, по всем частям морской службы, экзерцициями и строгой военной дисциплиной.

Весьма важным считаю обратить особенное внимание вашего сиятельства па обхождение гг. командиров и офицеров с нижними чинами и служителями. Сделанные мной замечания на сей предмет показывают мне, что гг. офицеры имеют ложные правила, в рассуждении соблюдения дисциплины в своих подчиненных.

Нет сомнения, что строгость необходима в службе, но прежде всего должно научить людей, что им делать, а потом взыскивать на них и наказывать за упущения.

Надлежит различать упущения невольные от умышленного или пренебрегательного: 1-е требует иногда снисхождения, 2-е немедленного взыскания без послабления.

Никакие общие непослушания или беспорядки не могут произойти, если офицеры будут заниматься каждый своей командой.

По сему должно требовать с гг. офицеров, чтоб они чаще обращались со своими подчиненными: знали бы каждого из них, и знали бы, что служба их не состоит только в том, чтобы командовать людьми во время работ, но что они должны входить и в частную жизнь их.

Сим средством приобретут они к себе их любовь и даже доверенность, будут известны о их нуждах и отвлекут от них всякий ропот, донося о их надобностях капитану.

Начальники и офицеры должны уметь возбудить соревнование к усердной службе в своих подчиненных ободрением отличнейших.

Они должны знать дух русского матроса, которому иногда спасибо дороже всего.

Непристойные ругательства во время работ не должны выходить из уст офицера, а не исправность и проступки матросов наказуются по установленной военной дисциплине.

Так как может случиться, что ваша эскадра будет употреблена на военные действия, то тем паче должны гг. командиры и офицеры приобрести к себе искреннюю любовь подчиненных, дабы с лучшей пользой употреблять их в нужное время...

...Предлагаю вашему сиятельству всякий раз, когда представится удобность, посещать корабли и фрегаты, в команде вашей состоящие, осматривать во всех частях исправность оных, содержание людей, больных и испытывать знание матросов в экзерцициях.

Сверх того, слабые познания матросов, особенно в обращении с артиллерией, поставляют вас в непереносную необходимость, как возможно чаще обучать их пушечной экзерциции и довести их до надлежащих успехов по сей части, ибо артиллерия решает победы»².

Это было в год Наварина, в 1827 год.

Сенявина снова потребовали и в следующем году, когда началась война с Турцией. Николай пожелал узнать его мнение, и адмирал подал 22 апреля 1828 года следующую записку:

«...Частое обращение с народами, составляющими Турецкую империю, и в особенности с горными жителями, показало мне пользу, которую можно извлечь для России из тех племен, кои не суть собственно турки.

Находясь в Боко-ди-Каттаро, я имел несколько сшибок с французскими войсками, довольно сильными противу малого числа войск, находившихся в моем распоряжении, но, с помощью черногорцев и бокезцев, имел постоянные успехи противу превосходного и искусного неприятеля, сберегая сими народами регулярное свое войско.

Кампания, предстоящая нашей армии под победоносными знаменами Вашего Императорского Величества, будет, по большей части, войной горной. Всегдашние победы рос-

¹ Этот приказ не единственный. Есть и другой, от 29 июня 1827 г., в котором он строго воспрещает офицерам ругательства и битье людей. ЦГАВМФ, ф. Сборный, 1827, д. 568, л. 12—13.

² Там же, л. 14—17.

сийского оружия под Портой достаточно показали ей невозможность противостоять нам в поле. Защита турок начинается по ту сторону Дуная. Хребты Балканских гор суть единственная их надежда. Сбережение наших регулярных войск против искусных стрелков, созданных таковыми от детства, и вместе с сим неустрашимых, будет, конечно, входить в соображения наших военных действий. Жители гор Балканских, протяженных от Адриатики до Черного моря, управляются почти тем же духом, как черногорцы, далматинцы и герцеговляне, и можно сказать, что они так же связаны между собой, как и цепи их гор,— я осмеливаюсь предложить Вашему Императорскому Величеству о сформировании, на первый случай, нескольких сотен горных воинских народов, на ежедневное употребление их в аванпостах, для надзирания и прояснения дефилеев и вместе с сим для ограждения наших регулярных войск от бесполезной и чувствительной потери»¹.

Сохранилась и другая записка Сенявина, служащая дополнением к первой. В ней он особенно настаивает на искренней приверженности к России черногорцев². Эта вторая записка была подана Сенявиным по прямому предложению Николая, что явствует из письма к адмиралу, подписанного военным министром графом Чернышевым. Мысль Сенявина об образовании особого отряда из горных жителей балканских славян, видимо, заинтересовала правительство.

Таков последний, непосредственно от Сенявина исходящий документ, в котором он пытался высказать то, что, по его мнению, могло пригодиться в предстоящей войне России на Балканах.

Этот документ — краткая записка, а вовсе не доклад и не деловой мемуар, и, конечно, историк не вправе присочинять «от себя» те сведения и мысли Сенявина, от изложения которых сам достоправный адмирал воздержался.

Последние два года жизни Сенявина были несколько скрашены: он понадобился. Его мнение захотели выслушать по ставшему актуальным вопросу об отношении балканских славян, особенно горных племен, к России. Существование, которое Сенявин влачил, всеми забытый, в самых стесненных условиях, стало светлее, но уже ненадолго. Ему не удалось увидеть вновь Архипелаг, он только проводил до Портсмута отправлявшуюся туда русскую эскадру и вернулся в Кронштадт. Дни его были сочтены.

В 1830 году он тяжело заболел водянкой и в 1831 году скончался.

Как и других морских героев и славных деятелей русского флота — Ушакова, Нахимова, Макарова,— оценили Сенявина по заслугам и по достоинству в сущности лишь в XX веке, когда все эти имена впервые перестали быть достоянием только сравнительно узкого круга моряков и военно-морских историков и сделались известными широкой народной массе.

И русская военно-морская история, и летопись ранних сношений и дружбы между Россией и балканскими народами навсегда сохранит имя адмирала Дмитрия Сенявина.

¹ Бумаги А. С. Норова. ГПБ, Рукописн. отдел.

² Там же.

СОДЕРЖАНИЕ

М. А. Лялина

ПОДВИГИ РУССКИХ АДМИРАЛОВ

Колыбель русского флота <i>Адмирал Петр Михайлов</i>	6
Чесменский бой 1770 года <i>Адмирал Спиридов</i>	14
Наваринская битва <i>Адмиралы граф Гейден и Лазарев</i>	25
<i>Бой брига «Меркурий»</i>	34
Синопский бой и оборона Севастополя <i>Адмиралы Нахимов и Корнилов</i>	37

АРКТИЧЕСКИЕ И КРУГОСВЕТНЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ

Введение	74
----------------	----

Мореплаватели арктические

Две морские экспедиции капитан-командора Беринга к восточным берегам Сибири <i>Первая камчатская экспедиция</i> Соединяется ли Азия с Америкой?	76
<i>Вторая камчатская экспедиция</i> Плавание к американским берегам. Крушение судна. Смерть Беринга	79
Путешествие капитана флота Сарычева по северо-восточной части Сибири, Ледовитому и Восточному океанам в продолжение восьми лет под начальством капитана флота Биллингса в 1785—1793 годах	
Глава I. <i>Путь Сарычева в Охотск. Сибирские тунгусы</i>	85
Глава II. <i>Спуск судов «Ясачна» и «Паллас». Вступление в Ледовитый океан</i>	89
Глава III. <i>Прибытие в Охотск. Постройка судов. Гибель судна «Доброе намерение».</i> <i>Плавание на Камчатку</i>	94
Глава IV. <i>Русское селение на острове Кадык. Американский берег.</i> <i>Сношения с туземцами</i>	99
Глава V. <i>Остров Уналашка. Алеуты. Бобровая охота. Окончание экспедиции.</i>	104
Путешествие по северным берегам Сибири и Ледовитому морю, совершенное Фердинандом фон Врангелем в 1820—1824 годах <i>Биографический очерк</i>	110
Глава I. <i>От Петербурга до Нижнеколымска. Якуты.</i> <i>Зашиверск. Отец Михаил</i>	112

Глава II. Нижнеколымский округ и его жители. Промыслы. Флора и фауна	119
Глава III. Первое путешествие по льду. Шелагский мыс.	125
Глава IV. Чукотская ярмарка. Нравы и обычаи чукчей	129
Глава V. Второе путешествие по льду. Встреча с медведями. Пасха на льду	133
Глава VI. Путешествие Матюшкина и Кибера на берега Анюев. Медвежья охота	138
Глава VII. Третье путешествие по льду. Встреча с Анжу.	142
Глава VIII. Поездка по каменной тундре. Стадо оленей в сопровождении волка и медведя.	144
Глава IX. Четвертое путешествие по льду. Неожиданная встреча с чукчами	146
Глава X. На волосок от смерти. Остров Колочин. Окончание экспедиции	149
Четырехкратное путешествие графа Федора Петровича Литке к Новой Земле Биографический очерк.	154
Первое путешествие Литке к Новой Земле	156
Второе путешествие брига «Новая Земля». 1822 год.	160
Третье плавание брига «Новая Земля». 1823 год.	166
Четвертое путешествие брига «Новая Земля». 1824 год.	169
Двукратное путешествие поручика Пахтусова к Новой Земле	173
Путешествие барона Адольфа Эрика Норденшельда Глава I. Отплытие из Норвегии. Остров Вайгач. Мыс Челюскин	180
Глава II. Новосибирские острова. Шелагский мыс. Льды прекращают путь «Веги»	184
Глава III. Зимовка у Колочина. Общение с чукчами	189
Глава IV. Препровождение времени на «Веге». Рождественская елка. Отъезд. Возвращение в Стокгольм. Торжественная встреча.	192

Кругосветные путешествия

Первое плавание русских вокруг света под начальством И. Ф. Крузенштерна в 1803—1806 годах	
Глава I. Биографический очерк. Отплытие из Кронштадта. Прибытие на Нукагиву	196
Глава II. Нукагива. Ее природа и жители	200
Глава III. Сандвичевы острова	206
Глава IV. Пребывание в Японии и на острове Иеддо	209
Глава V. Остров Сахалин. Прибытие в Китай. Обратное плавание на родину	213
Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света капитан-лейтенанта Беллинсгаузена	
Глава I. Краткий биографический очерк. Отплытие из Кронштадта. Южный Ледовитый океан	218
Глава II. Австралия. Новая Зеландия. Остров Опаро	224
Глава III Остров Отаити. Его природа и жители.	230
Глава IV. Южный Ледовитый океан	236
Глава V. Открытие нескольких островов. Возвращение на Родину.	240

Г. И. Невельской

ПОДВИГИ РУССКИХ МОРСКИХ ОФИЦЕРОВ

Глава I	246
Глава II	252
Глава III	260
Глава IV	266
Глава V	272
Глава VI	278
Глава VII	282
Глава VIII	288
Глава IX	294
Глава X	302

Глава XI	309
Глава XII	316
Глава XIII	330
Глава XIV	336
Глава XV	342
Глава XVI	348
Глава XVII	354
Глава XVIII	360
Глава XIX	368
Глава XX	374
Глава XXI	382
Глава XXII	389
Глава XXIII	393
Глава XXIV	404
Глава XXV	414
Глава XXVI	426
Глава XXVII	436
Глава XXVIII	446
Глава XXIX	454
Глава XXX	470
Глава XXXI	480

Е. В. Тарле

ОСВОБОЖДЕНИЕ ИОНИЧЕСКИХ ОСТРОВОВ

Адмирал Ушаков на Средиземном море	
<i>Перед экспедицией в Средиземное море</i>	494
<i>Начало экспедиции в Средиземное море</i>	503
<i>Ушаков в Константинополе</i>	505
<i>Переговоры с турками</i>	509
<i>Ионические острова под владычеством французов</i>	511
<i>Освобождение островов Цериги и Занте</i>	513
<i>Освобождение островов Кефалония и Итака</i>	516
<i>Освобождение острова Святой Мавры</i>	518
<i>Али-паша Янинский</i>	520
<i>Осложнения в отношениях Ушакова с Али-пашой</i>	524
<i>Начало блокады острова Корфу</i>	528
<i>Атака и взятие острова Видо, капитуляция острова Корфу</i>	533
<i>Организация Ушаковым самоуправления Ионических островов</i>	539
Действия эскадры Ушакова у берегов Италии	
<i>Ушаков и Нельсон</i>	547
<i>Разногласия между Ушаковым и Нельсоном</i>	548
<i>Действия отряда Сорокина у Адриатического побережья Южной Италии</i>	554
<i>Высадка десанта Белли в Манфредонии</i>	557
<i>Поход Белли на Неаполь и его взятие, варварство неаполитанской династии и поддержка зверств реакции Нельсоном.</i>	559
<i>Отношение к этому Ушакова и русских моряков</i>	562
<i>Блокада отрядом Пустошкина Анконы</i>	564
<i>Поход русского десанта на Рим и его занятие</i>	564
<i>Возобновление действий русских под Анконой и конфликт Ушакова с австрийцами</i>	568
<i>Русские под Генуей</i>	572
<i>Возвращение на Ионические острова.</i>	
<i>Конец Средиземноморской экспедиции адмирала Ушакова</i>	575
<i>Последние годы службы, отставка и смерть адмирала Ушакова</i>	578

Приказ Ф. Ф. Ушакова по флоту с изложением плана атаки острова Видо 17 февраля 1799 года.	582
Экспедиция адмирала Сенявина в Средиземное море (1805—1807)	584
<i>Первые годы жизни и службы</i>	588
<i>Сенявин и Ушаков</i>	591
<i>Начало Средиземноморской экспедиции</i>	593
<i>Освобождение русскими Боко-ди-Каттаро и далматинских славян от французского ига</i>	603
<i>Установление боевого содружества русских и черногорцев</i>	608
<i>Дипломатическая борьба Сенявина с французами и австрийцами из-за Боко-ди-Каттаро</i>	611
<i>Возобновление Сенявиным военных действий против французов</i>	618
<i>Успешные боевые действия русских и черногорцев против наполеоновских войск и окончательное утверждение Сенявина в Боко-ди-Каттаро</i>	621
<i>Восстание в Далмации против французов</i>	627
<i>Начало кампании Сенявина против турок. Поражение англичан в Проливах. Неожиданный уход английской эскадры в Египет и отказ англичан поддержать Сенявина</i>	628
<i>Победа русского флота у Афонской горы</i>	633
<i>Последствия Тильзитского договора для Сенявинской экспедиции</i>	641
<i>Сопrotивление Сенявина требованиям Наполеона. Дипломатическая борьба Сенявина с Жюно — герцогом д'Абрантесом в Лиссабоне. Появление англичан на рейде</i>	646
<i>Переговоры Сенявина с англичанами.</i>	
<i>Русско-английская конвенция 4 сентября 1808 года.</i>	654
<i>Эскадра Сенявина в Англии. Нарушение англичанами подписанной ими конвенции.</i>	
<i>Возвращение в Россию</i>	657
<i>Сенявин в царской немилости и подозрении в неблагонадежности.</i>	
<i>Разговор с министром внутренних дел. Декабристы и Сенявин</i>	662
<i>Последние годы жизни</i>	666

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО МОРЕПЛАВАНИЯ

Ответственный редактор *Н. Дубенюк*

Художественный редактор *М. Панова*

Компьютерная верстка *С. Шаповалова*

Корректоры *И. Коновалова, С. Никулин*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо», 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в ООО «Дип покет»**
E-mail: foreignseller@eksmo-sale.ru

International Sales: International wholesale customers should contact «Deep Pocket» Pvt. Ltd.
for their orders. foreignseller@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформ-
лении, обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118 E-mail: vrzakaz@eksmo.ru**

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5 Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный)
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
■ Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е. Тел. (812) 365-46-03/04
■ Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.
■ Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46
■ Ростов-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 220-19-34.
■ Самара: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.
■ Екатеринбург: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24А. Тел. (343) 378-49-45.
■ Киев: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс (044) 501-91-19.
■ Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс (032) 245-00-19.
■ Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153. Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.
■ Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а. Тел./факс (727) 251-59-90/91,
gm.eksmo_almaty@ama.kz

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и канцтоварами «Канц-Эксмо»:
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 780-58-34

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:
■ Москва в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Суваревская пл., 12. Тел. 937-85-81.
Волгоградский пр-т, д. 78. тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12. Тел. 346-99-85.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.
■ Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Подписано в печать 19.08.2008.
Формат 84x108 1/16. Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л. 70,56 + вкл.
Тираж 5 000 экз. Заказ 2960

Отпечатано с электронных носителей издательства
ОАО «Тверской полиграфический комбинат» 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34. Телефон/факс: (4822) 44-42-15
Home page - www.tverprk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverprk.ru

Андреевский флаг, овеянный пороховым дымом морских сражений и соленым ветром дальних плаваний, более трех столетий символизирует отвагу, самоотверженность, честь и благородство.

В средиземноморской жаре и арктическом холоде крепла слава российского флота, обогащая всемирную историю ратными победами и географическими открытиями.

Среди авторов этой книги блистательный адмирал Геннадий Невельской, прославившийся великими географическими открытиями и «молодецким» присоединением к России всего Приамурского края; выдающийся отечественный историк академик Евгений Тарле; знаменитый популяризатор родной истории Мария Лялина, чьи работы уже более столетия служат «образцами далекому потомству».

В книге воспроизводятся панорамы Чесменского, Наваринского, Синопского сражений; отражен ход экспедиции Беринга, кругосветных плаваний Крузенштерна и Беллинсгаузена; представлена портретная галерея

выдающихся адмиралов и мореплавателей, таких как Спиридов, Ушаков, Сенявин, Лазарев, Нахимов, Корнилов, Сарычев, Головин, Врангель, Пахтусов, Литке.

Эта книга — «приглашение в путешествие» под Андреевским флагом, позволяющее пополнить собственный багаж исторических знаний, помогающее воспитанию чувств и характера.

ISBN 978-5-699-29619-4

